

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 1
Древний мир

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В шести томах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик	А. О. ЧУБАРЬЯН (главный редактор)
член-корреспондент РАН	В. И. ВАСИЛЬЕВ (заместитель главного редактора)
член-корреспондент РАН	П. Ю. УВАРОВ (заместитель главного редактора)
кандидат исторических наук	М. А. ЛИПКИН (ответственный секретарь)
член-корреспондент РАН	Х. А. АМИРХАНОВ
академик	Б. В. АНАНЬИЧ
академик	А. И. ГРИГОРЬЕВ
доктор исторических наук	А. Б. ДАВИДСОН
академик	А. П. ДЕРЕВЯНКО
член-корреспондент РАН	С. П. КАРПОВ
академик	А. А. КОКОШИН
академик	В. С. МЯСНИКОВ
доктор исторических наук	В. В. НАУМКИН
академик	А. Д. НЕКИПЕЛОВ
доктор исторических наук	К. В. НИКИФОРОВ
академик	Ю. С. ПИВОВАРОВ
член-корреспондент РАН	Е. И. ПИВОВАР
доктор исторических наук	Л. П. РЕПИНА
академик	В. А. ТИШКОВ
академик	А. В. ТОРКУНОВ
академик	И. Х. УРИЛОВ

МОСКВА НАУКА 2011

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 1

Древний мир

Ответственные редакторы тома:
кандидат исторических наук В.А. ГОЛОВИНА
доктор исторических наук В.И. УКОЛОВА

МОСКВА НАУКА 2011

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
В84

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 10-01-16051д*

Редколлегия первого тома:

член-корреспондент РАН *А.И. Иванчик*,
член-корреспондент РАН *Х.А. Амирханов*,
доктор исторических наук *Г.А. Кошеленко*,
доктор исторических наук *О.В. Сидорович*

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.А. Бокщанин*,
доктор исторических наук *П.П. Шкаренков*

Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука. – 2011. – ISBN 978-5-02-036725-8.

Т. 1 : Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. – 2011. – 822 с. – ISBN 978-5-02-036726-5 (в пер.).

Новое шеститомное издание “Всемирная история” подводит итоги работы историков за последние десятилетия. В настоящем томе освещена история возникновения человека и общества, становления первых цивилизаций. Предлагается комплексное рассмотрение цивилизаций Древнего Востока, античного мира и периферии, их типологической общности и специфики с особым вниманием к культурно-историческим аспектам. Главная идея, лежащая в основе концепции данного тома, – всеобщность тенденций развития древнего мира при многообразии конкретно-исторических форм их проявления.

Для историков и широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-036725-8
ISBN 978-5-02-036726-5 (т. 1)

© Институт всеобщей истории РАН, 2011
© Чубарьян А.О., предисловие, 2011
© Коллектив авторов, 2011
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2011

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Российскому читателю предлагается новое шеститомное издание «Всемирной истории». Прежнее 13-томное издание вышло в свет в 60-е годы XX в. В нем был представлен большой фактический материал, но вся концепция издания, исторические оценки, естественно, отражали идеологические постулаты того времени. Идея развития и смены общественно-экономических формаций пронизывала все тома (от древности до новейшего времени). С тех пор в исторической науке России, да и всего мира, произошли огромные принципиальные изменения. С отказом российских историков от формационной парадигмы как универсального и единственного критерия для раскрытия и понимания истории человечества перед российской историографией открылась возможность плюралистического взгляда на ход мировой истории. Публикация в России сочинений виднейших представителей мирового философского и исторического знания – Макса Вебера и Арнольда Тойнби, Фернана Броделя и Карла Ясперса – позволила историкам познакомиться с альтернативными объяснениями мировой истории.

В современном обществе значительно возрос интерес к истории. В России и во многих других странах ведутся острые дискуссии вокруг оценок многих исторических событий, особенно применительно к XX столетию. Острота полемики вызывается и тем обстоятельством, что в ряде стран обострилась тенденция к пересмотру сложившихся оценок истории России и других стран, проблем международных отношений и социальных конфликтов. По мнению ряда историков и политологов, общественных деятелей и журналистов, в разных странах явно прослеживаются «политизация» и «национализация» истории, которые затрудняют поиски и распространение исторических знаний и правды о реальных событиях отечественной и мировой истории.

Все это повышает общественный статус и значение исторической науки; одновременно возрастает и критика профессиональных историков со стороны различных кругов населения. Причем эти явления характерны и для России, и для других стран. На этой основе усиливается интерес и к осмыслению исторического опыта, к пониманию его роли в современной жизни. Историческая наука приобретает все большее значение и как источник знаний о прошлом, о национальных и интернациональных традициях, и как аккумулятор исторической памяти и исторического пути, пройденного человечеством.

В этом плане история выступает важным, если не самым главным, инструментом формирования личности и воспитания молодого поколения, утверждения у молодых людей ценностных ориентаций, в которых современная

жизнь органически соединяется с историческим опытом и наследием прошлого. Благодаря ей поддерживается генетическая связь с прежними поколениями, на которую накладываются знания и информация, получаемые в школах, в высших учебных заведениях и через средства массовой информации.

За последние годы во многих государствах были опубликованы тысячи фундаментальных трудов, раскрывающих мировую, региональную и национальную истории. Переиздание всемирно известных изданий, типа Кембриджской истории, постоянно стимулирует исследование теоретических проблем всемирной истории.

В течение 15–20 лет в этой области обозначились новые направления научных разработок и исследований. Прежде всего, речь идет о так называемой «глобальной истории». Этот термин появился в исторической науке как следствие интереса во всем мире к проблемам глобализации и к всемирности исторического процесса. Распространение тематики «глобальной истории» привело к изданию значительного числа трудов по этой проблематике; была создана специальная Ассоциация по глобальной истории, во многих странах начали издаваться научные журналы, тема глобальной истории была включена в программу Международного конгресса исторических наук.

Главное состоит в том, что «глобальная история» стала неким новым подтверждением «всемирности» исторического процесса, его целостности и в какой-то мере универсальности, получив тем самым новый стимул и легитимность в изучении его проблематики. В то же время прошедшие годы показали, что понятие и сам термин «глобальная история» отнюдь не являются универсальным и тем более единственным критерием для познания и раскрытия исторического развития. Понятие «глобальной истории» лишь указывает на взаимосвязь континентов, регионов и государств в разные исторические эпохи, на общие процессы и схожие фазы развития.

В мировой истории глобализм и всемирность, универсализм и макроистория всегда привлекали значительное внимание исторического сообщества. В этом контексте такие темы, как формирование и крах империй, интеграционные процессы в истории, взаимосвязь континентов, компаративистские исследования, экономический аспект интернационализации, активно изучаются специалистами в разных странах.

Но наряду с этим явно нарастает интерес к истории региональной и локальной, к частной жизни и к истории повседневности. Острые дискуссии развернулись в 90-е годы XX столетия вокруг проблем не только макро-, но и микроистории. Отказ от теории формаций вызвал в российской историографии большой интерес к исследованиям отдельных вопросов, к повседневной жизни, объединяемых понятием «микроистории». В большей мере такая тенденция стала следствием отказа большинства российских историков от стремления объяснить все многообразие исторического процесса одной концепцией общественно-экономических формаций. После длительных дискуссий историки пришли к выводу, что макро- и микроисторический подход необходим, но исторический синтез остается важнейшим критерием и способом объяснить поступательное движение человечества. В контексте этих явлений можно найти объяснение соотношения исторического факта, конкретного события и общих линий развития, синтеза и нарратива.

Еще одной особенностью современного этапа исторической науки стало раскрытие взаимосвязи всемирности со спецификой региональной и национальной. Регионоведение стало важной составной частью исторического и политологического знания.

В связи с новыми подходами к изучению всемирной истории следует сказать о проблеме асимметрии в истории. В течение многих лет в России и в других странах обсуждается тезис об историческом отставании России от других стран Европы в XIV–XVII вв. вследствие набегов кочевников и поглощения России Золотой Ордой. Можно говорить и о том, что многие народы Африки и Азии проходили через различные исторические фазы со своей спецификой в иные сроки и времена, чем европейские государства. Асимметрия в истории – это не повод для дискриминации, не отклонение от общих процессов истории человечества.

Признавая такие общие исторические процессы, как Просвещение или Возрождение, не говоря уже о стадии феодальных отношений или о формировании сословно-представительных учреждений, мы можем констатировать, что разные страны и общества проходили их в различные исторические периоды и эта асимметрия является очевидной и неотъемлемой частью всемирно-исторического процесса.

В комплексе методологических изменений последних 20 лет существенное место занимает историческая и культурная антропология. Именно она фактически стала одной из приоритетных в системе исторических дисциплин. В российской историографии она получила общее название «Человек в истории». Во всем мире весьма популярными стали такие проблемы, как «представление людей в разные исторические эпохи о жизни и смерти», болезни, голод и преступления в истории, исследуемые в комплексном плане от древности до современности. Многие сотни книг и конференций были посвящены гендерной истории, которая также привлекла большое внимание исследователей в разных странах. К ним примыкают и работы, связанные с анализом социальной и личностной психологии.

Говоря о развитии исторической науки, несомненно, необходимо упомянуть и так называемые когнитивные исследования, механизмы и технологии. Являясь по своей сути междисциплинарными, они позволили проследить связь гуманитарного знания (лингвистика, психология, философия, политология, искусствоведение) с биологией и медициной. Когнитивные методы и механизмы позволяют существенно расширить представления о человеческой деятельности, соединяя теоретические и прикладные исследования.

За последние 20–25 лет существенные и принципиальные изменения претерпели традиционные направления исторической науки.

Прежде всего отметим, что прошедшее двадцатилетие существенно изменило наши представления о происхождении человека. Археологические находки в российском Алтае и на африканском континенте породили различные теории о времени возникновения первого *Homo sapiens* и о месте его появления.

Вообще роль археологии в познании ранней истории человечества постоянно возрастает. Особенно перспективным представляется усиливающееся взаимодействие чисто археологических приемов с биологическими, химиче-

скими и антропологическими методами. Мировая история как бы расширяет свои горизонты – и географические, и временные.

Столь популярная во все времена социальная история, которая была в значительной мере идеологизирована и политизирована, стала совершенно иной, поставив в центр проблему «человека в окружающем его мире». Соответственно во многом изменилось содержание современной социальной истории и методы ее познания. Трудовые и личностные характеристики, анализ социальных групп, обществ и объединений, взаимоотношений между людьми, раскрытие роли общественных движений в истории, их происхождение и влияние на исторический процесс – эти и многие другие факторы находятся в поле зрения современной социальной истории.

Новые тенденции и подходы повсеместно прослеживаются в сфере политической истории. Она также включает многие ранее мало популярные или искаженно трактуемые факторы и проблемы. Пожалуй, именно в области политической истории влияние идеологических и политических факторов в России было особенно заметным. Правящие элиты зачастую объявлялись реакционными, противопоставлялись «прогрессивным» народным массам. За прошедшие годы в российской историографии вышли многие сотни трудов, объективно раскрывающих политику российских императоров и представителей российской аристократии, выявляя их многочисленные реформаторские проекты в XVIII и особенно в XIX веках.

В этом контексте по-иному ставится вся проблема соотношения революций и реформ в историческом развитии России и всего мира. Идея революций как «локомотивов истории» была отброшена исследователями уже в начале 1990-х годов. И с тех пор сделаны важные шаги в исследовании опыта мировых и отечественных реформ. Но одновременно наметилась недооценка и даже игнорирование революционных, освободительных и народных движений в России в XVII–XIX веках. Существует очевидная необходимость дать современные оценки российским движениям и бунтам XVII–XVIII веков, восстанию декабристов, движениям народников и иным организациям середины и второй половины XIX столетия.

В равной мере это относится и к европейским революциям XVII–XIX веков, их роли и месту в истории, исследования которых в России явно пошли на убыль.

В этом же контексте следует упомянуть и освободительные, прежде всего антиколониальные, движения в странах Азии и Африки в XX столетии, которые в свое время были весьма распространенной темой исследований и которые в наши дни мало популярны в отечественной, да и во всей мировой историографии.

Политическая история сегодня – это и анализ принятия политических решений, исследование которых предполагает соединение методов исторической науки и политологии.

Столь же разительны перемены в подходе к изучению экономической истории. Теперь это и история бизнеса и предпринимательства, которые в прежние годы в России также были или идеологизированы, или сведены до минимума. Между тем история бизнеса, его структура и место в обществе – это не только предмет для экономической науки, но и составная часть мировой истории.

Помимо новой социальной и новой политической истории вошла в обиход новая интеллектуальная история, которая также существенно и принципиально изменила свой смысл, предмет исследования и значение для раскрытия духовного мира человека и интеллектуальной картины истории человечества.

В сфере международных отношений помимо чисто традиционной дипломатической и внешнеполитической проблематики появилась и новая международная история, которая включает в свой предмет международную проблематику в самом широком смысле слова – международный аспект в противовес региональному и локальному, системный международный подход, включает в число анализируемых источников прессу, кино, радио и т.д.

Принципиально новые подходы российских историков к мировой истории были обусловлены в значительной мере крушением советской модели и распадом Советского Союза. До этого времени мировая история представляла в советской, а еще шире – в марксистско-ленинской историографии, как постоянное противоборство и классовая борьба прогрессивных и реакционных сил, причем к прогрессивным относились социалистические и коммунистические идеи, классовые интересы пролетариата и беднейших слоев. В центре внимания многих исследований было рабочее движение, крестьянские войны и т.п.

Новое видение мировой истории предполагает отказ от классовой борьбы как движущей силы развития и многофакторный подход к анализу исторических явлений. За последние годы в России и в других бывших странах советского блока историческая проблематика кардинально изменилась – появились серьезные исследования либерализма и консерватизма, содержащие объективные высокие оценки различных конституционных идей и проектов, пацифизма и миротворчества, ранее находившихся под запретом.

В итоге можно говорить о том, что мировая история предстает в международной и в российской историографии как сложный и противоречивый процесс, как взаимодействие центростремительных и центробежных сил, интернационализма, интеграционных тенденций и национальных идей и интересов, объективных явлений и человеческого фактора.

Анализ истории человечества невозможен без глубокого понимания роли культуры, трактуемой в самом широком смысле, в контексте социума и социальной истории, как основы политики и политической культуры, как одной из основных характеристик духовной жизни и духовной и идейной истории человечества. Именно в культуре синтезируются разнообразные стороны и факторы истории.

Одновременно в последние годы в исторической науке выделяются проблемы, которые находятся в сфере особого общественного внимания и которые неизбежно связываются с политическими процессами, в том числе и современными, и которые поэтому естественно включают историю в контекст острых дискуссий сегодняшнего дня. Среди них – общество и власть в истории, история формирования и эволюция гражданского общества, политика, этика и мораль, взаимосвязь национальной идентичности и поликультурности, проблема ответственности историка и свободы его творческого выбора и многое другое.

История, несмотря на все заверения, остается наукой, тесно связанной с политикой и идеологией. В последние годы эта взаимосвязь становится иногда столь острой, что и со стороны политиков и тем более со стороны профессионального исторического сообщества настойчиво проводится мысль о необходимости освободить историческую науку от излишней политизации, от того, чтобы политика служила заложницей истории и, наоборот, чтобы история не становилась заложницей политики.

Особое место в системе исторического знания занимает в последнее время и тема повышения уровня и качества исторического образования и соответственно проблема учебников и базовой справочной литературы по истории. Этот аспект затрагивает не просто образовательную тему, но в более широком плане проблему интерпретации истории, общественной роли истории, ее воздействия на воспитание и формирование ценностных ориентаций молодого поколения, на популяризацию исторических знаний.

Хочется верить, что новое шеститомное издание «Всемирной истории» поможет сформировать современное понимание исторических событий и явлений разных эпох и континентов в контексте перспектив XXI в.

От имени всех участников этого масштабного проекта хочется поблагодарить Правительство Российской Федерации и Российский гуманитарный научный фонд за поддержку идеи, помощь в подготовке и издании данной публикации.

Академик А.О. Чубарьян

ВВЕДЕНИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

Информационная и экономическая интеграция и глобализация мира, столь ярко проявившиеся в начале XXI века, свидетельствуют о фундаментальном единстве истории человечества при всем разнообразии ее форм и кажущейся разобщенности на разных исторических этапах. Сама возможность выживания и развития человечества в условиях глобальных природных и социальных вызовов апеллирует к необходимости опереться на всемирный исторический опыт и еще раз обратиться к его современному анализу.

Это побудило коллектив Института всеобщей истории РАН сделать попытку создания «Всемирной истории», опираясь на накопленный за последние годы потенциал исторической науки и отвечая на вопросы современности. В то же время важно было не замкнуться в узкопрофессиональных рамках, а найти пути выхода к широкой общественной аудитории, популяризировать исторические знания, вступить на их базе в общественный диалог, что определило особенность подачи материала и его литературного оформления.

Новое шеститомное издание «Всемирной истории» открывает том, посвященный истории первобытности и древнего мира. В этих областях исторической науки в XX и начале XXI в. накоплено немало достижений, порой принципиально изменивших наши представления о реалиях тех далеких времен и не только вызвавших научные дискуссии, но и стимулировавших рост общественного интереса к истокам человечества, к истории древности. Перед авторами этого тома стояла сложная задача: дать компактное научное освещение истории древнего мира и ответить на запросы широких кругов читателей, интересующихся, но профессионально ею не занимающихся.

Осуществить сколько-нибудь исчерпывающее изложение древней истории в столь ограниченном объеме оказалось невозможным; насыщение тома исторической конкретикой в итоге свелось бы к перечню имен, дат и событий. Авторы пошли по другому пути. Этот труд носит концептуальный характер, но концептуальность служит лишь средством общения, а не методом подачи материала. Концептуальные подходы организуют историческое повествование, воссоздающее на основе пространственно-временной сетки достаточно мозаичную картину истории древнего мира, отражающую не только его структуры, но и человеческие аспекты и живые реалии. Читатель не

увидит в томе привычного академического инструментария в виде справочного аппарата и обильных сносок. Более того, опираясь на обширную источниковую базу и историографию, авторы не репрезентируют их в конкретных обращениях, ограничиваясь лишь самыми важными в определенном контексте их элементами или ключевыми позициями научных дискуссий.

В этом труде не преследовалась цель единообразного, жестко согласованного освещения истории древнего мира. Здесь представлены разные ракурсы подачи исторического материала, воспроизводимые с достаточной степенью интерпретационной свободы. Авторы стремились не только подводить итоги, но и раздвигать новые горизонты обсуждения.

Прежде всего это относится к самой хронологии первобытности и древнего мира. В томе обосновывается современная периодизация первобытности. Нижняя граница истории древнего мира относится к периоду начала процесса образования древнейших цивилизаций в Шумере и Древнем Египте – это примерно IV–III тысячелетия до н.э.

Более дискуссионен вопрос об условной границе завершения истории древнего мира. Это связано прежде всего с употреблением термина «средние века» как обозначения периода, последовавшего за древностью. Термин этот долгое время соотносился преимущественно с историей Европы и был по содержанию связан с понятием феодализма. Востоковеды до настоящего времени оспаривают возможность адекватного применения обоих этих понятий к истории Востока, более того, «расставание с древностью» в разных цивилизациях Востока имеет свои хронологические точки отсчета. Не считая в данном случае целесообразным вступать в дискуссии о хронологии начала восточного средневековья, в этом труде было принято решение завершить повествование условным рубежом – падением Западной Римской империи, т.е. концом V в., что является общепринятым в контексте истории Европы, и предоставить специалистам-востоковедам решать вопрос о конечных границах древности для тех или иных цивилизаций Востока. Так, например, для Китая – это распад древней Ханьской империи (III в. н.э.), а для иранского региона – падение аршакидской Парфии и возникновение державы Сасанидов.

Том открывается разделом, посвященным первобытности, в котором исследуются появление и развитие человека как вида и мира «человека разумного», а также первичных социокультурных основ человеческой истории.

В истории древнего мира выделены периоды Ранней и Поздней древности. Древний Восток представлен историей «ведущих цивилизаций» в их эволюции и взаимодействии между собой и с варварской периферией. Обращено внимание на многовариантность процессов исторического развития на Древнем Востоке при выявлении их

общности и доминирующей направленности. Особенностью является то, что Ранняя и Поздняя древности реконструированы как масштабные исторические целостности со специфическими характеристиками и общими тенденциями развития. Не случайно, например, эгейская цивилизация рассматривается наряду с цивилизациями Востока в контексте единого мира Ранней древности, а не в отрыве от него в качестве первоначального этапа истории Древней Греции.

При изложении истории древнего мира важное значение придается не только вертикальным хронологическим векторам, но и горизонтальным хронологическим сопоставлениям. Тем самым вносится элемент синхронизации, столь актуальный для современных исторических исследований и комплексного, объемного видения истории.

В разделе «Поздняя древность» прослежены интеграционные процессы на Древнем Востоке, отразившиеся прежде всего в возникновении и функционировании мощных империй.

В первые века н.э. на огромном пространстве от Тихого до Атлантического океана возникла единая цепь цивилизаций, появление которой как бы подводит итог универсалистским тенденциям в истории древнего мира. В данном издании получили освещение и судьбы народов, живших за пределами мира цивилизаций, но взаимодействовавших с ними.

Изложение истории отдельных цивилизаций строится по проблемному принципу. Делается акцент на политической и социальной истории, на формировании и эволюции обществ, доминирующих социальных структур, сфер власти и собственности, положении человека и его самоидентификации. Культурные процессы органично включены в общецивилизационный дискурс. Бытие древнего мира во многом определялось морфологическими воззрениями и религиозными системами. В древнем мире произошло рождение мировых религий – буддизма и христианства. В этом труде нашли отражение религиозные аспекты существования древних обществ и трансформации религий.

При освещении истории античного мира перед авторами стояла важная задача показать ее как единый процесс при многообразии конкретно-исторических форм его существования. Авторы старались уйти от прямолинейного разделения античности на историю Древней Греции и Древнего Рима, хотя, естественно, учитывали их культурно-историческую специфику. Так, например, становление античности показано в виде единого по своей глубинной сущности процесса формирования полиса в его различных вариантах, выявлена типологическая общность полисного мира как первоосновы будущего европейского, «западного», пути исторического развития. Освещение исторических событий пропускалось через призму «ценностной системы» античности, в которой особое значение имели идеи свободы, демократии, гражданского общества, права и закона, человека-деятеля. Это не значит, что упускались специфические характеристики тех

или иных явлений, самого античного человека и общества в целом, отличающие их от других обществ и исторических эпох, – они в той или иной мере наличествуют. Но в русле основной своей направленности издание «Всемирная история» – это история для современности, поэтому при отборе материала и его интерпретации были сделаны соответствующие акценты.

Важной проблемой, связующей историю древнего мира в предлагаемом томе, является формирование дихотомии «Восток–Запад». Отметим, что понятия эти для древнего мира весьма условны и в какой-то мере являются экстраполяцией современного видения истории. Тем не менее проблема эта в наши дни активно обсуждается в исторических науках, культурологии, политологии и социологии. Естественно, ее нельзя было обойти вниманием. Авторы попытались отнестись к ее интерпретации предельно корректно, не выходя за пределы исторических реалий.

Итак, в настоящем томе предпринята попытка приблизить древний мир к современному читателю, помочь понять древность и ее культуру как фундаментальное основание всей человеческой истории.

ПРЕИСТОРИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

История первобытности и ее специфика. История первобытности – преистория – prehistory (англ.), préhistoire (фр.), Urgeschichte (нем.) – обладает выраженной спецификой в сравнении с другими разделами исторической науки. Отпечаток своеобразия несут ее источниковая база, методология и исследовательские методы. Преистория не оперирует готовыми историческими фактами. Для того чтобы осуществить стройное и последовательное описание прошлого, она должна сконструировать эти факты из других исходных данных. Особенность используемых ею археологических, этнографических и палеоантропологических данных также состоит в том, что они являются большей частью реконструированными, но в относительно строгих рамках более частных научных направлений. Поэтому естественно, что применительно к первобытности научный анализ исторического процесса всегда более упрощен в сравнении с действительностью. Он охватывает преимущественно оптимальные тенденции развития, которые и систематизируются в историко-социологические понятия эпох, стадий, культурных фаций. При таких обобщениях зачастую остаются в стороне проявления исторического опыта тех обществ, у которых процесс развития реализовывался в экстремальных формах, не повторяющих однолинейное, непрерывное и поступательное на всех этапах движение. Если для конкретных исторических наук основным методическим инструментом является анализ, то для преистории в качестве такового выступает синтез. Это ориентирует на рассмотрение преимущественно масштабных феноменов прошлого и их взаимосвязи, но ограничивает возможности глубокого, всестороннего проникновения в суть и внутреннюю взаимообусловленность отдельных событий и фактов.

Чем более отдаленный отрезок прошлого мы исследуем, тем более статичным он предстает перед нами. Историк зачастую не в состоянии проследить развертывание событий и вынужден удовлетворяться описанием самого явления и фиксацией его качественных преобразований на той стадии, когда эти изменения уже материализовались. Данная особенность связана, с одной стороны, с неполнотой источников, которая, очевидно, будет ощущаться всегда, а с другой – с замедленностью хода исторического времени в первобытности. Но иногда это ограничение является лишь кажущимся. Отсутствие значительной динамики и наполненности событиями первобытной истории представляет собой реальность, а не только отражение субъективного опыта исследователя. Первобытная история лишена или почти лишена таких привычных для собственно истории значительных разделов, как

политика, общественная мысль, наука, право, государство. Поэтому синтетический и реконструктивный методы в достаточной мере удовлетворяют изучению ее основных сфер – истории формирования человека и общества, развития техники, технологий и материальной культуры, исторического анализа социальных отношений и становления духовной культуры.

Периодизация. Каждая из трех основных наук, составляющих основу преистории, – археология, этнология и антропология – располагает собственными периодизационными схемами. Они отражают то специфическое, что составляет суть этих наук в отдельности. **Этнологическая периодизация** первобытности, по существу, является социологической. Она подразделяет древнейшую историю на отдельные этапы по признаку развитости общественной организации людей. В настоящее время наиболее распространенной у этнологов является схема, которая делит первобытность на эпохи *праобщины*, *раннеродовой общины*, *позднеродовой общины* и этап *протоцивилизации*.

В основу **антропологической периодизации** положен принцип вычленения отдельных этапов антропогенеза. Традиционно в ней выделяли *периоды архантропов*, *палеоантропов* и *неоантропов*. Обе указанные периодизации являются более частными по отношению к периодизации археологической. Они опираются чаще всего на археологические датировки и во многом базируются на источниках, добытых археологией.

Принцип **археологической периодизации** состоит в выделении крупных отрезков относительной и абсолютной хронологии, которые отражают последовательное освоение человеком природных материалов, имевших решающее значение для того или иного этапа древнего производства. Выглядит эта периодизация следующим образом: *каменный век*, *энеолит* (или *медно-каменный век*), *бронзовый век*, *железный век* (таблица 1).

Ввиду чрезвычайной продолжительности и большого количества вмещаемых им качественных рубежей в эволюции человека и его материальной культуры каменный век подразделяется внутри себя на периоды. В основу этого деления кладется уже степень развитости первобытной техники и технологии. По данному принципу выделяются следующие эпохи: *палеолит* (*древне-каменный век*), *мезолит* (*среднекаменный век*) и *неолит* (*новокаменный век*). Палеолитическая эпоха является значительно более продолжительной, чем все остальные вместе взятые, и она не столь однообразна по своему историческому содержанию. Внутри нее выделяются периоды: *нижний палеолит*, *средний палеолит*, *верхний палеолит*. В пределах последних при необходимости вычленяют отдельные стадии и этапы. Эта периодизация с необходимыми иерархическими подразделениями является наиболее четкой и наиболее дробной среди других существующих периодизаций первобытной эпохи.

АНТРОПОГЕНЕЗ

Примерно два с половиной миллиона лет назад на планете Земля появился новый биологический вид, отличавшийся от всех своих предшественников тем, что обладал свойствами выживать, опираясь в большей степени на интеллект, чем просто на физические способности организма. Человек вышел из природного царства «без фанфар и барабанного боя», но событие это

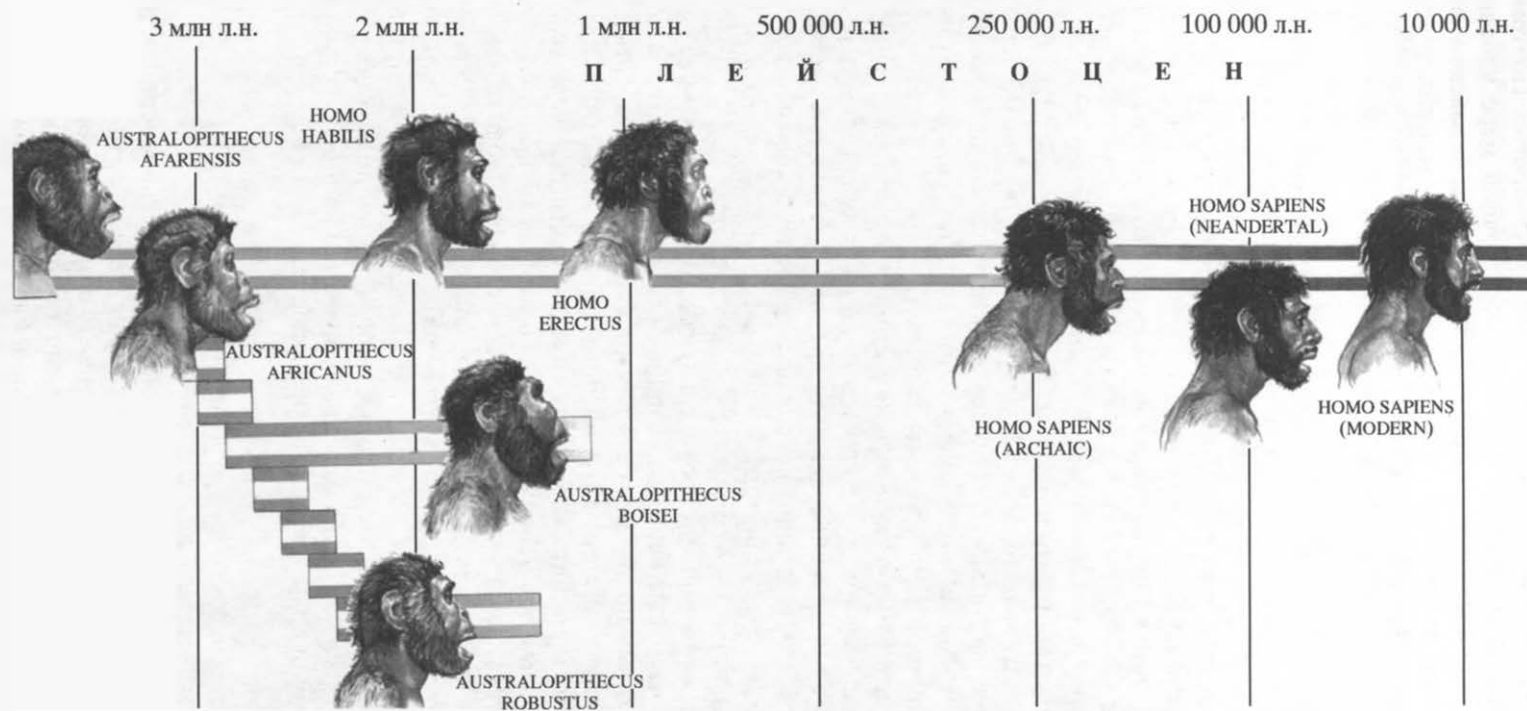

Схема магистральной линии антропогенеза согласно наиболее распространенной научной версии

стало настолько значимым для самой планеты, что, осмысливая глобальную историю Земли, ученые начали вести с этого момента отсчет продолжающейся и поныне новой геологической эпохи, названной *антропогеном*.

Проблема происхождения человека в подлинно научном виде впервые была сформулирована в рамках эволюционного учения Ч. Дарвина. В двух его работах: «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871) возникновение человеческого рода было представлено в качестве органической части общей биологической эволюции. Принципиальные заключения сводились к тому, что человек имеет единого с современными антропоморфными обезьянами предка, становление человека происходило, скорее всего, на африканском континенте и в основе трансформации животного предка в человека решающую роль играли механизмы, ориентированные на индивидуальный и популяционный отбор, обеспечивающий наибольший успех в выживании вида.

Современные микробиологические исследования подтвердили выводы об африканской прародине человека и о филогенетическом родстве современного человека с высшими приматами. Из четырех современных видов антропоморфных обезьян – гориллы, гиббона, орангутана и шимпанзе – по генетическим характеристикам к человеку ближе всего оказалась одна из разновидностей шимпанзе. Поскольку шимпанзе, как и горилла, обитает только на африканском континенте, то ясно, что его общий с человеком далекий предок тоже должен был иметь местные корни.

Что же послужило причиной, пусковым механизмом для трансформации в общем-то благополучного сообщества человекообразных обезьян в семейство гоминид? На логичное объяснение этого процесса претендует гипотеза экологической катастрофы. Согласно ей примерно 5–6 млн лет назад резкие геологические, геоморфологические и климатические изменения привели к существенной перестройке ландшафтов в Африке. В восточной части континента произошло сильное сокращение или даже исчезновение лесного покрова, сопровождавшееся возникновением естественных барьеров по линии геологических разломов, отмеченных в настоящее время цепочкой Великих восточноафриканских озер. Обитавшие здесь человекообразные обезьяны постепенно лишались привычной среды обитания. Часть их могла мигрировать, другая, возможно, вымерла, а какая-то под давлением указанных факторов оказалась способной к усвоению новых поведенческих стереотипов. В западной же части Африки, которой не коснулась происшедшая деградация лесов, они продолжали и продолжают свое существование до наших дней.

Согласно приведенным обобщениям, с указанного выше хронологического рубежа активизируются следующие факторы эволюции: чисто биологические (половой отбор), приспособительные (прямохождение, потеря специализации, смена пищевого состава, орудийная деятельность) и поведенческие (изменение системы иерархии и структурирования сообщества). В дальнейшем уже только количественного развития этих взаимообусловленных факторов оказалось достаточно для того, чтобы сформировался новый социально-биологический феномен природы – человек. Археологически его появление фиксируется, по современным данным, по крайней мере около 2,5 млн лет назад. Бесспорно, с этого времени (а скорее всего, еще раньше) начинается история человека и его культуры.

Спустя почти полтора века после появления дарвиновской теории в постановке конкретных вопросов, связанных с возникновением человека, естественно, произошли изменения. В настоящее время теория антропогенеза предстает как результат синтеза комплексных данных, предоставляемых археологией, палеоантропологией, культурологией, этологией, молекулярной биологией. Новейшие исследования в данной области опираются на солидную базу полноценных источников и обеспечиваются возможностями современных методико-методологических подходов различных научных дисциплин. Изучение рассматриваемой проблемы в наши дни основывается на учете трех взаимосвязанных аспектов: археологического, антропологического и философского. Археологический аспект призван раскрыть вопросы времени и места возникновения человека. Антропологический служит реконструкции морфологического развития при переходе от прегоминид к гоминидам и объяснению биологической основы этого процесса. Философский аспект проблемы состоит в формулировании наиболее адекватного определения человека как существа не только биологического, но и социального.

Критерии. Кажущийся очевидным на современном бытовом уровне вопрос об отличии человека от животного не так прост, когда исследователь оказывается перед проблемой определения эволюционного статуса древнейших представителей человеческого рода. Попытки установить один, два или даже комплекс чисто антропологических универсальных критериев человека («гоминидная триада»), например, таких как определенный объем мозга, прямохождение, развитость кисти руки, не оказались результативными. Зачастую с основывающимися на этих показателях определениями входили в противоречие археологические данные, характеризующие уровень материальной культуры, которая сопутствовала тем или иным палеоантропологическим находкам.

Археологические и антропологические данные составляют основу для установления философского критерия человека применительно к начальным этапам антропогенеза. Определяется этот критерий как способность к труду. Инстинктивные, животноеобразные формы орудийной деятельности свойственны и для животных. Но труд человека, как сознательная, систематическая, целенаправленная и разнообразная деятельность, направленная на выживание и воспроизводство, имеет свою специфику. Последняя заключается в существовании такого процесса производства, который включает в качестве обязательного компонента средства производства, какими бы примитивными они ни были. Для каменного века таковыми являются, например, изделия, представляющие собой промежуточные средства для изготовления законченных орудий.

Исходя из приведенного определения и основываясь на археологических находках, возникновение человека относят ко времени не позднее 1,8 млн лет назад. Именно так датируется *Homo habilis* («человек умелый») – первый представитель рода *Номо*, костные остатки которого были обнаружены при раскопках древнепалеолитических стоянок Восточной Африки (стоянки ущелья Олдувай в Танзании). Но в действительности человек, по-видимому, возник существенно раньше. Об этом свидетельствует возраст первых орудий труда (не менее 2,4 млн лет назад), происходящих из памятников на территории Кении (стоянка Кооби-Фора) и Эфиопии (стоянка Гона). Неопровер-

жимых данных для заключений о том, кто был изготовителем этих орудий, пока не имеется. С известной долей вероятности их изготовителем можно считать более раннюю форму хабилиса, например *Homo rudolfensis*. Некоторые исследователи не исключают и того, что их изготавливали австралопитеки, но доказательств этому не находится. Поскольку австралопитеки возникают задолго до появления первых достоверных каменных орудий и морфологически сильно отличаются от *Homo habilis*, то их не относят к человеку, а выделяют в отдельный род, объединяемый вместе с родом Номо в семейство гоминид. Говоря о вероятной древности человека, некоторые антропологи обосновывают гипотезу о расхождении человека и австралопитеков на пути их эволюции от общего предка ранее 5 млн лет назад.

Таким образом, в традиционной биологической систематике, основанной на морфологических (но не генетических) критериях, современный человек предстает как вид *Homo sapiens* рода Номо семейства Hominidae. Путь от прегоминид к человеку занял несколько миллионов лет.

Наиболее близкими предшественниками человека в морфологическом и хронологическом отношениях являлись представители рода австралопитековых (*Australopithecus*). Интерес к австралопитековым всегда был высоким, главным образом, благодаря тому, что их изучение имеет отношение к проблеме антропогенеза. Некоторые из видов австралопитеков впоследствии являлись и современниками раннего человека. Род *Australopithecus* включает около десятка видов. Территория их возникновения и распространения – Восточная, Южная и Центральная Африка.

Исследователи подразделяют австралопитековых на ранних (7? – 4 млн лет назад), грацильных (4? – 2,5 млн лет назад) и массивных (2,5 млн лет назад). С точки зрения проблемы антропогенеза наиболее интересной считается группа грацильных. Признаков, свойственных человеку, в скелетных остатках этой разновидности выявляют больше, чем у других их собратьев. С другой стороны, находки костей грацильных австралопитеков обнаруживают практически только там, где выявлены и наиболее ранние стоянки с орудиями труда – в Эфиопии, Кении, Танзании, Южной Африке, т.е. в долинах, расположенных с севера на юг почти вдоль всего великого восточноафриканского рифта. Из пяти видов грацильных австралопитеков – *Australopithecus afarensis*, *Australopithecus africanus*, *Australopithecus garhi*, *Kenyanthropus platyops*, *Australopithecus bahrelghazali* – только последний обнаружен за пределами очерченной территории, хотя и близко к ней (Республика Чад, район Коро-Торо).

Для всех разновидностей грацильных австралопитеков было свойственно прямохождение, хотя строение конечностей сохраняло признаки приспособленности к лазанию по деревьям и походку их, строго говоря, нельзя назвать подлинно человеческой. Прямыми свидетельствами прямохождения являются, в частности, данные археологического изучения цепочки застывших в вулканическом пепле следов ног на местонахождении Летоли в Танзании. Эти следы были оставлены 2,6 млн лет назад. Они сохранились до наших дней, благодаря тому что, после того как здесь прошел гоминид, дождь превратил слой пепла с отпечатавшимися на нем следами ног в прочный туф. Рост представителей описываемого рода гоминид достигал полутора метров. Зубная система была ближе к человеческой U-образной, в отличие от

обезьянней V-образной. По объему мозга (400–500 см³) австралопитеки практически не отличались от человекообразных обезьян. Максимальный размер черепной коробки, зафиксированный для австралопитековых гоминид, составляет 513 см³. Считается, что на ранних этапах истории гоминид прогресс в увеличении головного мозга был незначительным, если он вообще имел место. То, что на протяжении нескольких миллионов лет у австралопитеков не происходит заметных сдвигов в увеличении (а значит, и в развитии) головного мозга, с очевидностью свидетельствует о том, что они не обладали таким сугубо человеческим свойством, как систематическая трудовая деятельность. Следовательно, не приходится ожидать и открытия когда-либо в будущем археологических памятников со сколько-нибудь выразительным набором орудий, изготовленных австралопитеком.

Согласно палеоантропологическим обобщениям, которых придерживается большинство современных исследователей, в процессе развития человеческого рода на исторической арене последовательно выступали четыре главных действующих вида: *Homo habilis*, *Homo erectus*, *Homo heidelbergensis* и *Homo sapiens*.

Homo habilis – первый представитель собственно человеческой линии биологической эволюции. Принадлежащие ему костные остатки были обнаружены сначала на территории Танзании (Олдувайское ущелье, 1959 г.), затем в Кении (озеро Туркана) и Южной Африке (пещеры Стеркфонтейн и Сварткрэнс). Нетрудно заметить, что география находок совпадает с распределением находок грацильных австралопитеков. Время существования описываемого вида охватывает рамки примерно от 2,4 млн лет назад до примерно 1,7 млн лет назад. В течение указанного времени *Homo habilis* на занятой им территории в течение различных отрезков времени сосуществует по крайней мере с тремя видами австралопитеков.

В морфологическом отношении рассматриваемая группа гоминид обнаруживает внутри себя заметную таксономическую вариабельность. Из-за малочисленности конкретных данных эти расхождения не находят однозначного объяснения, которое бы формулировалось как хронологические отличия или, например, как внутривидовой половой диморфизм. У антропологов существуют разногласия по вопросу о том, признавать ли этот вид единственным представителем рода *Номо* для всего хронологического отрезка, занимаемого *habilis*, или же выделять для этого времени две или даже три разные родственные формы.

Те исследователи, которые склонны оценивать различия в хабилисах как очень существенные, уверенно говорят о необходимости выделения как минимум двух видов данной разновидности гоминид – *Homo rudolfensis* и *Homo habilis*. Сторонники этой точки зрения считают правильным вести главную линию эволюции скорее от более ранней и более продвинутой в развитии формы *Homo rudolfensis*, чем от собственно *Homo habilis*.

Разногласия по таксономическим оценкам различий в палеоантропологических материалах, относящихся к *Homo habilis*, более или менее примиряет позиция, согласно которой говорить о хабилисе можно в широком и узком смыслах. В узком смысле данный вид предстает таким, как он был описан для первой олдувайской находки. В широком же смысле в него в качестве отдельной формы входит более ранняя по возрасту находка на оз. Туркана.

Эта находка получила название *Homo rudolfensis*. Как бы то ни было, если судить по современным данным, то кроме *Homo habilis* в широком смысле или какой-то его конкретной формы не остается больше никого, кто мог бы претендовать на роль прямого предка следующего, более развитого вида раннего человека.

Анатомически *Homo habilis* резко отличается от австралопитеков, хотя рост его не слишком превышал размеры австралопитека и посткраниальный скелет во многом оставался сходным со скелетом предшественника, объем мозга при этом был значительно больше – 640 см³. Здесь четко фиксируется показатель направленной эволюции в сторону усложнения мозга через увеличение его общего объема – черта, которая у австралопитеков не отмечается. Изменился не только объем черепа, но и его строение. Отмечается развитие тех фрагментов черепной коробки, которые связаны с местом расположения речевого центра мозга. Округляется затылок, утончаются сами черепные кости. Зубы уменьшаются в размерах, как и вытянутость вперед лицевой части. Рука и кисть с противопоставленным большим пальцем приобретают почти современный вид.

Homo erectus занимает центральное место в решении проблемы ранних предков современного человека. Этот таксон объединяет все разновидности гоминид, фигурировавшие раньше под названиями *питекантроп*, *синантроп*, *телантроп*, *атлантроп*. Возможность обнаружения ископаемых остатков описываемого вида и более или менее верное с сегодняшней точки зрения определение его места в систематике гоминид были спрогнозированы в XIX в. в рамках идей эволюционизма. Первыми по времени обнаружения остатками эректусов стала знаменитая находка в 1890 г. Эженом Дюбуа питекантропа на Яве. В Африке аналогичные находки были связаны с открытием в 1949 г. в пещере Сварткранс в Южной Африке ископаемых костей телантропа капского. В конце 20-х годов XX в. в Китае были открыты и диагностированы выразительные остатки синантропа.

Последние и наиболее впечатляющие находки *Homo erectus* были сделаны в 80-х годах прошлого века в Восточной Африке. Самой известной из них является обнаружение полного скелета на стоянке Нариокотоме III на западном берегу оз. Туркана (Рудольф). Кости принадлежали мальчику в возрасте 12 лет. Датируется скелет возрастом $1,64 \pm 0,03$ млн лет назад. Рост мальчика должен был равняться 168 см; во взрослом состоянии – не менее 170 см. Рядом со скелетом не обнаружено ни одной археологической находки. По общему облику мальчик из Нариокотоме не очень сильно отличался от современного человека. Походка его была уверенно двуногой при полностью выпрямленном туловище. Пропорции тела, соотношения длины конечностей выглядели уже вполне человеческими. Тем не менее череп имел признаки, характерные именно для вида *Homo erectus*, – массивные надбровные дуги, покатый лоб, небольшой объем мозга (880 см³), отсутствие подбородочного выступа.

Очень ранние по датировкам (около 1,8 млн лет) остатки эректусов обнаружены и на восточном берегу оз. Туркана. По возрасту к ним близки находки из Эфиопии. В археологическом контексте с культурой олдувайского типа кости скелета *Homo erectus* найдены на стоянке Чесованья (Кения). На этом

памятнике, который датируют временем около 1,4 млн лет назад, обнаружены, в частности, следы использования огня.

Одними из самых ранних (1,7–1,8 млн лет назад) являются находки *Homo erectus* и на стоянке Дманиси в Грузии. Они интересны как показатель распространения описываемого вида гоминид за пределы Африки и достаточно далеко в столь раннее время. Не менее важно то, что *Homo erectus* являлся здесь носителем культуры самого архаичного – олдувайского, а не ашельского типа (см. с. 35). Высказывалось мнение о необходимости отнесения палеоантропологических находок из Дманиси к особой разновидности (*Homo georgicus*) с рассмотрением последнего как звена, промежуточного между габилисом и эректусом. На европейском континенте (Испания, Италия) наиболее ранние из известных находок эректусов относятся ко времени около 0,8 млн лет назад.

Хронологическая широта и территориальная распространенность *Homo erectus* не могли не привести к обсуждению проблемы таксономической однородности форм, объединяемых в этот вид. В результате была предпринята попытка разделить эректусов на два вида – африканский и азиатский. В ходе этих дискуссий в середине 70-х годов XX в. из общего ствола *Homo erectus* в качестве особого таксона был выделен *Homo ergaster* (в пер. с греч.: «человек работающий» – по смыслу эквивалент *Homo habilis*).

Сторонники теории замещения исходили из того, что *Homo ergaster* является общим предком как африканского, так и азиатского эректуса. Предполагалось, что второй впоследствии сформировался в особый вид. Такое разделение не всеми признавалось обоснованным. Сомнения в его правомерности усилились после обнаружения в Боури (Эфиопия) черепа *Homo erectus* возрастом 1 млн лет. Сходство морфологических признаков этой находки с черепами азиатского *Homo erectus* поставили под сомнение правомерность выделения *Homo ergaster*. С учетом этих и других данных большинство исследователей рассматривают обе названные разновидности в рамках единого таксона *Homo erectus*, который понимается в широком смысле вместе с *Homo ergaster* или в узком – без последнего. Это объясняется тем, что появление новых материалов на европейском и азиатском материках приводит часть палеоантропологов к заключению о представленности здесь не одной только, а обеих рассматриваемых разновидностей эректусов. Это, в частности, лишает основательности и высказывавшуюся идею об обратной миграции из Азии в Африку раннего человека в виде азиатского *Homo erectus*.

В качестве одного из ранних видов гоминид Европы рассматриваются палеоантропологические находки из Испании. В геологических отложениях в местности Гран Долина в Атапуерке, которые датируют временем около 800 тыс. лет назад, было найдено около сотни костей, относящихся к черепу, зубной системе, а также к посткраниальному скелету человека. Этим находкам был присвоен статус нового вида и дано название *Homo antecessor* («человек-предок»). Другие антропологи относят эти кости к эректусу, морфологически трудно отличимому от *Homo ergaster*. Существует мнение также о необходимости отнесения данных находок, равно как и палеоантропологических материалов из итальянской стоянки Чепрано, с индустрией доашельского облика к виду *Homo heidelbergensis* в начальной стадии его формирования.

Homo heidelbergensis как особый вид ископаемого человека был определен по находкам близ г. Гейдельберг в Германии в начале XX в. Специфика скелетных останков (особенно зубной системы этой древнейшей для Европы находки) заметно отличала их от уже известного к тому времени *Homo erectus*. Но говорить что-нибудь определеннее констатации большей продвинутой гейдельбергского человека в сторону современного человека в течение многих десятилетий оставалось затруднительным. В 30-х и 40-х годах XX в. остатки архаичных черепов различной сохранности были открыты в местностях Сванскомб в Англии, Штейнгейм в Германии и Фонтешвад во Франции. На всех них отмечалось такое же, как и на челюсти из Мауэра близ Гейдельберга, сочетание признаков питекантропа (как тогда называли эректусов) с современным человеком. Эта особенность явилась основанием для возникновения *концепции пресапиенса*.

Сторонники названной концепции обосновывали возможность существования прямой эволюционной линии от питекантропа к современному человеку через промежуточную форму пресапиенса, минуя неандертальцев. К пресапиенсам было отнесено несколько новых в то время европейских палеоантропологических находок, в том числе выразительные скелетные остатки из стоянок Кон де л'Араго во Франции, пещеры Петралона в Греции, Вертешселлош в Венгрии, Бильцигслебен в Германии, Кастель ди Гвидо и Скарио в Италии. Сюда же относили и одну кавказскую находку – фрагмент челюсти человека из пещеры Азых в Нагорном Карабахе.

Все пункты, с которыми связаны рассматриваемые палеоантропологические материалы, имеют более или менее единую археологическую характеристику как в стадильном, так и в культурном отношении. В преобладающем большинстве случаев эти памятники относятся к раннему или среднему ашелью с датировками в диапазоне примерно 700–400 тыс. лет назад. Однако известны и более поздние находки описываемого таксона, относящиеся к позднему ашелью и определенные как поздний вариант *Homo heidelbergensis* с датировками около 150 тыс. лет назад (грот Лазаре и навес Абри Сюар во Франции).

Таким образом, в эпоху раннего ашеля на европейском Средиземноморье и в Средней Европе, а возможно, и на Кавказе, был широко расселен вид раннего человека *Homo heidelbergensis*, сочетавший в себе морфологические черты эректуса и сапиенса. К чертам, сближающим его с современным человеком, относятся слабая выраженность скуловых костей лицевого отдела, высокий свод черепа, округлая форма затылка, отсутствие черепного гребня, заметный прогиб основания черепа, что связывается с выраженностью речевой функции.

Обобщая данные, касающиеся места *Homo erectus* и *Homo heidelbergensis* в филогенезе человека, можно указать на два устоявшихся подхода. Согласно теории *полицентризма* (мультирегионализма, многолинейного филогенеза), *Homo ergaster* расщепляется на два вида – *Homo antecessor* в Европе и Африке и *Homo erectus* в Азии. *Homo antecessor*, представленный гейдельбергским человеком в Европе и *Homo rodesiens* в Африке, эволюционировал соответственно в неандертальца (в Европе) и в сапиенса (в Африке). Что же касается Азии, то эректусы здесь доживают до времени появления неандертальцев в Европе и сапиенсов в Африке; в дальнейшем они эволюциониру-

ют в *Homo daliensis* (континентальный юго-восток Азии) и *Homo soloensis* (Меланезия).

Большинство ученых, однако, придерживается в настоящее время идеи *однолинейной эволюции*, или *теории замещения*. *Homo ergaster* (африканский *Homo erectus*) признается сторонниками этой концепции единым предком всех плейстоценовых гоминид. Позже на европейском и африканском континентах *Homo ergaster/Homo erectus* эволюционировал в *Homo heidelbergensis*. Европейская ветвь гейдельбержцев привела к *Homo neanderthalensis*, а африканская – к *Homo sapiens*. В дальнейшем сапиенс *заместил* собой в Европе неандертальцев, а в Азии – гейдельбержцев и/или поздних эректусов.

Homo sapiens – современный вид человека – результат предшествовавшей эволюции рода *Номо*, которая длилась не менее двух миллионов лет. Согласно данным генетики, все современное человечество ведет начало от одной небольшой популяции, которая сформировалась на африканском континенте около 200 тыс. лет назад. Из приведенных выше данных видно, что эта предковая общность сложилась в недрах предшествующего вида *Homo erectus*. Спустя 50–100 тыс. лет после своего появления новый вид анатомически современного человека населяет новые обширные территории за пределами африканского континента. Примерно 40–50 тыс. лет назад сапиенс заселяет практически весь Старый свет.

Преобладающее большинство современных палеоантропологов полагает, что биологическая история *Homo sapiens* началась на африканском континенте примерно 250 тыс. лет назад. Иногда выделяют два этапа в становлении данного вида – стадии раннего и позднего архаичного сапиенса. К ранним относятся материалы известных местонахождений Омо 2 в Эфиопии с возрастом около 130 тыс. лет назад, Элие-Спрингс (дата в диапазоне от 100 до 200 тыс. лет назад) на оз. Туркана (Кения), Флорисбад в Южной Африке (возраст – 259 тыс. лет назад) и др. Все эти находки по времени следуют за самыми поздними остатками африканской ветви представителей *Homo heidelbergensis*. Сохраняя тесное морфологическое сходство с последними, они обнаруживают в то же время качественный прогресс в направлении к сапиенсу. Это дает основания для вывода о прямой филогенетической линии, ведущей от тропической разновидности гейдельбергского человека к сапиенсу.

Развитая стадия архаичного сапиенса лучше всего иллюстрируется палеоантропологическими материалами, происходящими с Ближнего Востока. Наиболее известными в этом отношении являются скелетные остатки из пещер Схул и Кафзех. В отложениях с мустьерской культурой в пещере Мугаррет эс-Схул (гора Кармел в Израиле) были обнаружены костные остатки десяти индивидов разного возраста и пола. Датировки слоев с указанными находками противоречивые. Сейчас их возраст оценивается ориентировочно в 100–80 тыс. лет назад. Если судить по наиболее репрезентативному скелету, то человек из пещеры Схул предстает высоким, с пропорциями тела современного человека, большим объемом мозга (1518 см³), низким широким лицом с небольшой высотой орбит, выраженным подбородочным выступом и округлым затылком. При этом сохраняются архаические признаки в виде заметно выступающих надбровных дуг и наклоненного назад лба.

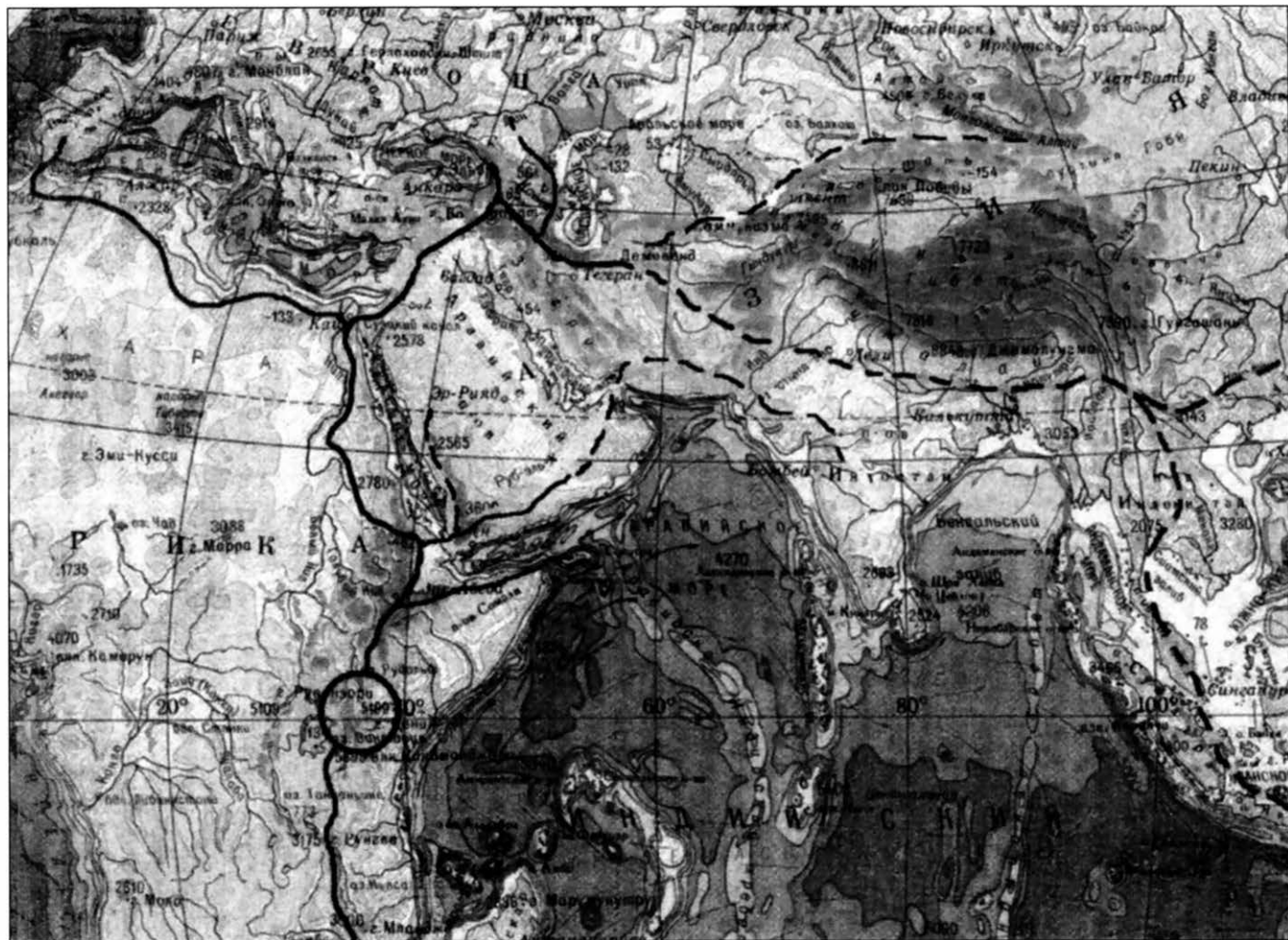
Как показывают археологические данные, сапиенсы Ближнего Востока сосуществовали во времени с представителями вида *Homo neanderthalensis*. Многочисленные костные остатки последних выявлены вместе с выразительными археологическими материалами в слоях пещер Кебара, Амуд (Израиль), Шанидар (Иракский Курдистан). Наличие неандертальских признаков у сапиенсов Леванта иногда объясняют возможностью метисации двух указанных видов. Предполагают, что одним из следствий этого могло стать дальнейшее ускорение на обширной территории выработки всего набора морфологических признаков, свойственных для современного *Homo sapiens*.

Вопрос о том, когда и как сформировавшийся *Homo sapiens* освоил различные регионы Европы и Азии, остается до конца не выясненным. Очевидно, что неандертальцы обитали на обоих континентах примерно до 30–35 тыс. лет. На территории современной Западной Европы к этому времени на местном субстрате начинает складываться культура, характерная для новой, следующей за мустьерской, культуры (верхний палеолит). Создавала эту культуру (культура Шательперрон, Франция) популяция местной, европейской разновидности неандертальцев. Но несколько раньше, около 40 тыс. лет назад, в Южной Европе появляется новая – ориньякская культура, которая по своему облику уже не является мустьерской. Вскоре она распространяется от Атлантики до Урала и даже шире, включая часть Северной Евразии.

В вопросе об ориньякской культуре в данном случае наиболее интересно то, что ее носителем определенно был *Homo sapiens*. Следовательно, если на всем европейском континенте культура эпохи мустье в определенный момент довольно стремительно сменяется верхнепалеолитической – ориньякской, то возникает вопрос о том, не сменился ли и антропологический тип самого человека? Конкретные палеоантропологические материалы отвечают на этот вопрос положительно. Смена мустьерской культуры верхнепалеолитической в антропологическом свете предстает как вытеснение вида *Homo neanderthalensis* видом *Homo sapiens*. Процесс этот не был кратким, одномоментным. Популяции неандертальцев на некоторых территориях (например, Крым, Кавказ) существовали еще по крайней мере 10 тыс. лет, после того как первые ориньякцы появились в Европе.

Приведенное выше описание относится к сценарию, называемому *теорией моноцентризма*, или *теорией замещения*. Как говорилось выше, этого взгляда придерживается большинство современных палеоантропологов и археологов. Но существует и другой вариант объяснения данного процесса. Согласно второй теории – *мультирегионализма* – процесс накопления у ранних гоминид анатомически современных черт (сапиетизация) в разных регионах протекал самостоятельно. В этой связи одной из самых дискуссионных остается проблема места *Homo soloensis* в систематике поздних представителей человеческого рода. Отношение к этой проблеме очерчивает линию деления между сторонниками теорий моноцентризма и полицентризма.

Первые находки *Homo soloensis* были сделаны в 1930 г. на Яве в местности Нгандонг. В отложениях одной из террас реки Соло среди тысяч фаунистических остатков оказалось 12 фрагментов скелета человека. Индивид, которому принадлежали эти кости, обладал объемом мозга гораздо большим,

Направление первоначального расселения человека на территориях Африки и Азии

чем яванский питекантроп. Соотношение это составляло 1200 к 883 см³. Однако по другим существенным морфологическим признакам (например, массивные надбровные дуги, значительная толщина костей черепа) человек из Соло оказывался ближе к *Homo erectus*. Принимая во внимание это, а также учитывая время его существования (200–25 тыс. лет назад), *Homo soloensis* рассматривается как хронологический эквивалент европейских неандертальцев. По существу же, ему отводится место представителя одной из позднейших популяций и яванского питекантропа. Он синхронен с *Homo sapiens*, но отличен от него в видовом отношении.

На основании сравнения находок из Нгандонга с палеоантропологическими материалами с озера Вилланда в Австралии (датировка – 15 тыс. лет назад) сторонники полицентрической теории считают *Homo soloensis* промежуточным звеном, связывающим позднейшего *Homo erectus* с анатомически современным человеком австралийского аборигенного типа.

Для Индокитая (находки на континентальном юго-востоке Китая) вопрос о появлении анатомически современного вида человека «мультирегионалисты» решают по той же модели, которая описана выше для Меланезии и Австралии. Место *Homo soloensis* здесь занимает другая постэректоидная форма, определяемая как вид *Homo daliensis*.

СОЦИОГЕНЕЗ: ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Представления об общественном устройстве первых человеческих коллективов стали складываться во второй половине XIX в. В это время не имелось даже приблизительных данных о степени древности человечества, о характере и сущности начальных этапов культуры и физическом облике древнейших людей. Отправным пунктом для суждений служили знания об этологии животных и, естественно, наблюдения из современной жизни человека. Суть этих представлений сводилась к довольно простым заключениям: а) современный человек и высшие приматы являются двумя крайними точками процесса антропогенеза, между которыми должна располагаться неизвестная науке промежуточная форма, обладающая качествами как обезьяны, так и человека; б) общественная организация представителей «промежуточного звена» не слишком отличалась от высших форм самоорганизации сообществ животных (например, стадо). В результате, наряду с понятием «первобытное человеческое стадо» стали использовать и понятие «праобщина», но традиционный смысл первого термина практически не изменился. Устоявшиеся представления о «первобытном человеческом стаде» отрицают существование таких регуляторов общественной жизни, как семья, родственные отношения, упорядоченность сексуальных связей.

Наиболее существенным достижением современной науки, с точки зрения данной проблематики, является неизмеримо возросший по сравнению с XIX в. уровень знаний о культуре каменного века. Значительно более глубокими и полными стали наблюдения над поведением высших приматов. Появились конкретные сведения о физико-географических условиях территорий, на которых протекали начальные этапы антропогенеза. Все это на-

талкивало ученых, в особенности археологов, на пересмотр устоявшихся представлений о ходе процесса становления человеческого общества, или *социогенеза*. Пересмотр этот, еще далеко не завершившийся, идет в направлении признания значительно большей сложности социальной организации людей эпохи нижнего и среднего палеолита, чем это допускалось ранее. Следует отметить, что новые представления не всегда строго доказуемы и проверяемы. При этом наиболее трудными для реконструкций и наиболее дискуссионными остаются вопросы о времени и сущности качественного перехода от состояния объединений животных (стадо, стая) к первоначальным собственно человеческим коллективам.

Бесспорно, что у непосредственных предков гоминид уже имелись биологические инстинкты, которые могли служить естественными предпосылками для социогенеза. К таковым относятся прежде всего «общественное» сосуществование, забота о потомстве, совместное отражение агрессии извне, наличие потенциальной способности к переходу на новую пищевую основу, инстинктивное «домостроительство», обеспечение выживаемости в стае слабых особей, вариабельность поведения отдельных особей стаи, допускающая выход за пределы инстинктивных ограничений (проявления «интеллекта»), инстинктивная и спорадическая (а иногда и «творческая») орудийная деятельность. Достаточно только в приведенном перечислении признаков убрать из кавычек некоторые понятия, и мы получим описательное определение, свойственное для качественно нового состояния, вполне сопоставимого с человеческим коллективом. А достижение такого состояния возможно теоретически в том случае, если каждый из этих признаков присущ для каждого члена сообщества и все они вместе проявляются не эпизодически, а регулярно. Такой подход к проблеме отрицает распространенный взгляд о чрезвычайно длительном и постепенном накоплении основных «человеческих» признаков на пути к становлению первых человеческих коллективов. Он предполагает, что необходимо было давление каких-то значительных стимулов для запуска потенциально уже имеющегося механизма, способного привести к указанному качественному сдвигу. Этот стимул, как уже отмечалось выше, был связан с комплексом природно-климатических изменений и воздействовал параллельно и на сам антропогенез, и на социогенез.

С момента начала вынужденной адаптации стай обезьян к новым для них условиям открытых пространств саванн начинается относительно непродолжительный период трансформации чисто биологических форм «общественной» жизни в присущее человеку социальное устройство. Наиболее важным фактором этого процесса на первоначальном этапе явился переход к охоте, как основе жизнеобеспечения. Выработка новой стратегии снабжения пищевыми продуктами, вызванная ограничением потребления растительной пищи, способствовала изменению прежних стереотипов поведения, складыванию новых элементов в организации стада, направленных в сторону большей структуризации и акцентированности совместных действий. Кроме того, обстоятельства выживания в непривычной среде требовали большей мобильности и гибкости поведения от отдельных членов стада. Переход к потреблению преимущественно мясной пищи вызывал и прогрессивные приспособительные мутации организма. Наиболее важным морфологиче-

ским изменением, связанным не с самим потреблением, а со способом добы-
вания пищи, явилось прямохождение. Последнее должно было быть прису-
ще этому, еще дочеловеческому этапу эволюции.

Обезьяны не унаследовали от природы специфических инстинктов хищ-
ника-охотника. Поэтому возникновение новых качеств, компенсирующих
этот существенный дефицит природных данных, по-видимому, нельзя рас-
сматривать лишь как утверждение новых инстинктов. Новшества в рассмат-
риваемой сфере коснулись системы доминирования и подчинения, комп-
лекса качеств, определяющих иерархию особей в стаде, акцентированности
ролевых функций его членов, некоторых, прежде всего пищевых, самоогра-
ничений в пользу ювенильных и слабосильных особей и тому подобное.
Приспособление к динамичным и разнообразным условиям практики, кото-
рое выражалось в становлении новых форм общественного поведения, тре-
бовало усвоения вновь приобретенного «общественного» поведенческого
опыта каждым поколением и каждой особью заново. А это предполагает су-
ществование, пусть в зачаточном виде, какого-то объема интеллектуальной
информации – «опыта поколений», от следования которому зависит сама вы-
живаемость сообщества и который существует не в силу врожденности, а
благодаря усвоению его в практических жизненных ситуациях. В наиболь-
шей мере сказанное относится к орудийной деятельности предлюдей. Воз-
можность вариативности поведения при эффективности конечного резуль-
тата здесь практически не ограничена.

На каком-то, не зафиксированном пока точно и окончательно, рубеже про-
исходит наиболее фундаментальный для антропогенеза переход от простого
использования природных орудий к регулярному изготовлению последних.
С данного момента возникает качественно новое явление – производство, яв-
ляющееся, по сути, началом сознательного преобразования природы. С того
же времени начинается труд – свойственная только человеку интеллектуаль-
ная форма жизнеобеспечения.

Трудно оспаривать, что с началом изготовления орудий труда биологиче-
ские инстинкты перестают служить решающей основой выживания. Предок
человека идет на охоту, движимый чувством голода и вооруженный лишь
тем, чем снабдила его природа. А уже ранний человек распределяет время
между изготовлением орудий охоты и самой охотой, он планирует время на
ближайшие и последующие сутки. Изменяется и восприятие пространства.
Отношение к окружающему становится менее индифферентным и обуслав-
ливается не только голодом или сытостью. Связь с местом обитания приоб-
ретает более прочный характер. Осуществляется сознательный выбор места
долговременного обитания, обустраиваются фиксированные жилые площад-
ки. Это еще не жилища в полном смысле слова, но и далеко уже не гнез-
да обезьян, которые бывают только индивидуальными, предназначенными
лишь для ночевки, и нерегулярными.

Таким образом, уже для первой археологической эпохи, *олдована* (см.
с. 35), можно говорить о существовании сплоченных охотничьих коллек-
тивов, живущих небольшими группами, которые ощущают свою прочную
связь с территорией обитания, осознают свое отличие от животных и родо-
вую близость к другим таким же группам, с которыми они устанавливают
эпизодические контакты.

С момента начала изготовления орудий труда в действие вступает и такой мощный фактор социогенеза, как технология первобытной производственной деятельности. Проявления этого фактора уже в самом начале должны были носить взрывной характер, и воздействие его касалось не только интеллектуального прогресса, но и самого физического облика людей. Даже первый орудийный набор человека далек от кажущейся примитивности. Изготовление орудий предполагало осуществление целого ряда последовательных операций: обнаружение и выбор сырья, подбор подходящего обломка камня, подготовка его для последующего скалывания с него заготовки желательной формы и веса, обработка последней до ее оформления в законченное орудие. В инвентаре периода олдована фиксируется наличие всей этой технологической цепочки. Сами формы каменных орудий разнотипны и вариабельны. Каждая из них допускает и даже предполагает возможность дальнейшего совершенствования. Таким образом, уже в момент своего возникновения технология выступает двигателем общественного прогресса.

Разумеется, специфические характеристики первоначального устройства человеческих коллективов не поддаются сколько-нибудь полному раскрытию. К их пониманию приходится пробираться почти вслепую. Показательна в этом отношении проблема семьи применительно к начальным этапам человеческой истории. Существование семьи для времени, о котором идет речь, часто отрицается. Говорится о неурегулированности сексуальных связей и промискуитете — стадных, беспорядочных половых отношениях. Менее умозрительным является другой, культурологический подход, основывающийся на археологических данных. С точки зрения этого подхода, считается вполне возможным существование семьи для самых древних этапов каменного века.

Продолжительность детского периода у человека значительно больше, чем у любого представителя животного мира. Это делает родственную связь «мать—дитя» долговременной, а следовательно, прочной. При том что рождаемость в первобытности была регулярной и ограниченной лишь одной природной периодичностью, на попечении каждой матери находились одновременно по два—три ребенка разного возраста. Это усложняло родственные отношения, не только придавая им двусторонний характер по прямой вертикальной линии от матери к ребенку, но включая и горизонтальные связи между выросшими совместно братьями и сестрами. Труднее судить об отношениях между отцом и детьми (прочность этих отношений для раннепалеолитического времени довольно проблематична) и о долговечности связей между сексуальными партнерами. При всей возможной непрочности последних, нельзя отрицать, что в каждый конкретный период мужчина проживал в определенной семье и ощущал максимально тесные общественные связи с членами именно этой семьи, выполняя фактически роль кормильца. Сложению родственных отношений должно сопутствовать и оформление определенных сексуальных ограничений, прежде всего между ближайшими родственниками по прямой линии, а также между братьями и сестрами. Сложно представить себе, в каких именно формах это реализовывалось в жизни. Однако само возникновение их не вызывает серьезных сомнений, ибо даже в животном мире существуют некоторые инстинктивные элементы подобного рода ограничителей.

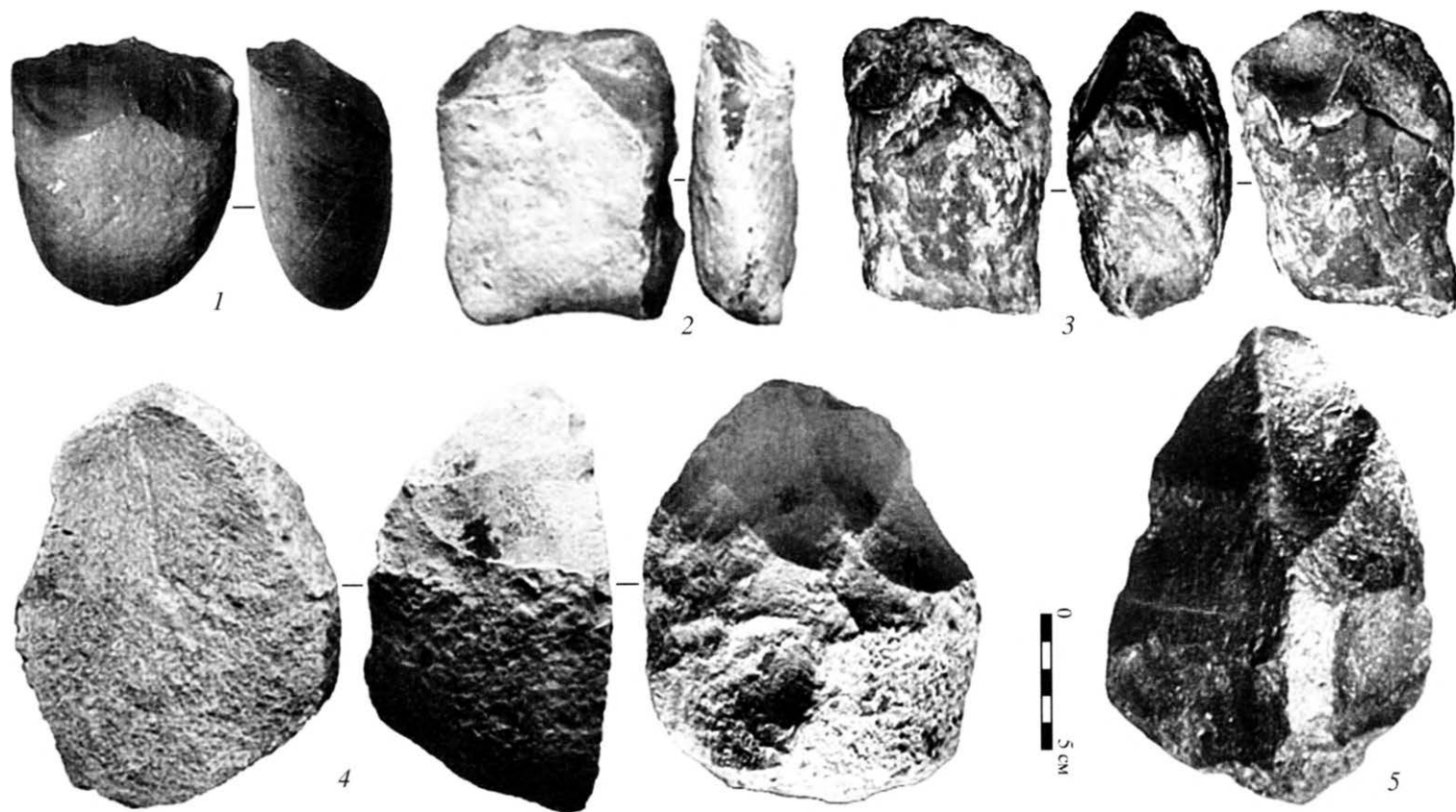
Одним из первых проявлений социогенеза, видимо, следует считать и половозрастное разделение труда. Занятая выхаживанием детей и находящаяся часто в состоянии беременности женщина, а также дети могли выполнять лишь посильную для них работу, такую как сбор съедобных растений, корней и птичьих яиц, изготовление орудий труда, сбор материала для костра и т.п. Основную тяжесть промысла пищевых припасов, конечно, несли на себе молодые мужчины.

Таким образом, если обобщить сказанное о характере социальных отношений самого первого этапа формирования человеческого общества – олована, то вырисовывается следующая, во многом гипотетичная, картина. Человек жил относительно небольшими коллективами, членов которого объединяла производственная потребность друг в друге, сексуальное партнерство и родственные отношения. Такое определение дает достаточно оснований для того, чтобы назвать данные коллективы начальной формой общины, или *протообщины*. Малочисленность археологических данных для самых ранних этапов палеолита не позволяет говорить о конкретном характере этой формы общественного объединения, но основные признаки ее должны были быть близки тем, какими характеризуется община и на более развитых этапах каменного века. Невозможно обосновать, например, существенные отличия в социальном устройстве мустьерского и верхнепалеолитического обществ. На фоне таких археологических данных не более чем данью столетней традиции считаются встречающиеся еще и сейчас определения общественных отношений человека нижнего палеолита как «первобытное человеческое стадо» или «дородовое общество». Смена парадигм в отношении социального устройства людей нижнего палеолита является делом недалекого будущего.

КУЛЬТУРА РАННЕЙ ПЕРВОБЫТНОСТИ

Пытаясь сопоставить основные этапы периодизации первобытности, казалось бы, можно ожидать совпадения главных вех развития культуры с последовательностью этапов эволюции гоминид. В действительности ретроспективный анализ не выявляет прямой систематической связи между ними. Показательны в этом отношении данные с европейского континента. Складывание культурного комплекса собственно ашельского типа около 600 тыс. лет назад не сопровождается здесь сменой физического типа человека, обладающей такой же значимостью. Для времени смены ашеля эпохой мустье не имеется достоверных данных о синхронной смене гейдельбергского человека неандертальцем. Более того, не совпадает время ухода с исторической арены гейдельбергского человека на европейском и африканском континентах. При этом осуществить методически корректное сравнение свершавшихся там и тут культурных изменений по признаку «развитости» не представляется возможным. С наступлением верхнего палеолита не происходит повсеместной смены неандертальцев сапиенсами. При этом по принципиальным показателям культура поздних неандертальцев весьма близка культуре начальной стадии верхнего палеолита.

Каждая из археологических эпох имеет свои специфические характеристики составляющей их материальной культуры. Для выражения этих

Типичные каменные орудия эпох олдован (1–4) и ашель (5). Чопперы: 1 – местонахождение Вади Хажря (о-в Сокотра); 2 – стоянка Гегалашур-2 (Дагестан); 3 – пещерная стоянка Аль-Гуза (Йемен); 4 – местонахождение Гегалашур-1 (Дагестан); 5 – рубило: местонахождение Джоль Урум 1 (Йемен)

особенностей пользуются понятием «технокомплекс». Это понятие определяет наиболее существенные для той или иной эпохи достижения в технологии и морфологии каменных орудий труда. Так, для олдована характерен технокомплекс чоппера, для ашеля – технокомплекс ручного рубила, для среднего палеолита – технокомплекс скребла и острокопечника, для верхнего палеолита – технокомплекс скребка–резца–острия. Разумеется, культурные характеристики эпох не ограничиваются только указанными изделиями.

Эпоха *олдован* (ок. 2,5 – ок. 1,4 млн лет назад) названа по Олдувайскому ущелью в Танзании, где в 50–60-х годах XX в. были сделаны принципиально важные археологические открытия, относящиеся к началу человеческой истории. Наиболее ранние находки, происходящие отсюда, датируются временем около 1,8 млн лет назад. Самым характерным орудием олдована является чоппер – галька с искусственно заостренным краем. Это изделие использовалось для разрубания и дробления. Наряду с чопперами в олдоване изготавливались и употреблялись скребла, отщепы с острыми краями, отбойники и другие орудия. Наиболее ранние орудия олдована обнаружены в местности Хадар на севере современной Эфиопии. Они относятся ко времени примерно 2,5 млн лет назад. Близкие по возрасту предметы происходят и из района нижнего течения р. Омо на крайнем юге Эфиопии. И первые, и вторые состоят преимущественно из одних отщепов, что дало основания некоторым исследователям говорить о существовании доолдованской стадии развития каменного века. Однако этот материал еще слишком малочислен, чтобы на его основе делать широкие обобщения.

В олдоване человек уже осознавал свое отличие от животного мира. Одним из подтверждений этому является применение им в эту эпоху огня. Наиболее ранние следы систематического пользования огнем зафиксированы на археологической стоянке Чесованье в Кении (1,4 млн лет назад).

Ашель (ок. 1,4 млн – ок. 100 тыс. лет назад) – эпоха, получившая название по городку Сент-Ашель во Франции, в окрестностях которого еще в XIX в. были сделаны многочисленные находки палеолитических материалов. Среди последних наиболее выразительными были так называемые ручные рубила. Изделия этого типа и являются диагностичными для ашельской эпохи. Ручное рубило представляет собой удлиненное, овальное, подтреугольное или копьевидное двояковыпуклое каменное изделие, форма которого получена сплошной или частичной оббивкой исходной заготовки. Очень часто эти орудия имеют совершенную обработку поверхности и выдержанные во всех деталях пропорции, что придает им завершенность очертаний и даже красоту. Предполагается, что ручные рубила использовались для разрубания, как это следует из их названия, а также для разделки крупных туш животных. Кроме рубил ашельские памятники содержат обычно скребла, ножи, наконечники копий и другой производственный инвентарь. В очень редких случаях, как, например, на стоянке Торральба в Испании, обнаруживают и остатки деревянных основ копий.

Примитивное обустройство жилого пространства на стоянке открытого типа или приспособление под жилище естественного скального навеса известно уже в эпоху олдована. В ашельское время «навыки домостроительства» совершенствуются.

Следующую археологическую эпоху применительно к европейским материалам называют **мустье**. Исследователи, занимающиеся Азией и Северной Африкой, предпочитают употреблять более общее понятие «средний палеолит» (ок. 100 — ок. 35 тыс. лет назад). В материалах памятников этой эпохи различают несколько десятков типов изделий. В среднем палеолите находит завершение вся история культуры времени, предшествующего возникновению человека современного анатомического облика. Для рассматриваемой эпохи известно уже довольно развитое домостроительство, появляется традиция погребения умерших, возникают начатки искусства.

Мустьерские, или среднепалеолитические памятники распространены значительно шире, чем ашельские. Они известны во всей Евразии (за исключением полярной зоны) и в Африке.

* * *

Памятники охарактеризованных выше ранних этапов человеческой культуры представлены далеко не везде и распространены неравномерно. Относительно олдована можно говорить уверенно о продвижении культуры этой эпохи за пределы африканского континента и достижении ее носителями по крайней мере Северного Кавказа и границ Юго-Восточной Европы не позднее 1,5 млн лет назад. На этом пути имеются памятники с материалами олдувайского типологического облика и с датировками, соответствующими рассматриваемой эпохе. Таковы стоянки: Дманиси в Грузии (ок. 1,8 млн лет), Айникаб 1 в Дагестане (ранее 1,2 млн лет) и Убейдия в Израиле (ок. 1,4 млн лет назад). Наиболее ранние археологические находки (древнее 1,2 млн лет), имеющие геологический контекст и сопровождающиеся фаунистическими остатками на европейском континенте, происходят с местонахождения Барранко Леон 5 на юге Испании.

Аравийский путь первоначального расселения человечества документируют материалы многослойной пещеры Аль-Гуза (Йемен) с выразительной олдувайской индустрией. Если оставить в стороне дискуссионные пункты, то наиболее ранними для территории Китая являются памятники возрастом около 1,2 млн лет назад (стоянки Дунгуту, Сяочанлян). Близкие по времени находки обнаружены в геологических отложениях раннего плейстоцена в Южном Прикаспии (Иран). Таким образом, имеются все основания для включения в ареал олдована помимо Африки определенно Ближнего Востока и Кавказа, а возможно, и крайних южных районов азиатского континента и Европы.

В следующую, ашельскую, эпоху люди расселились уже не только на всем африканском континенте, но практически по всей Евразии. Вне пределов Африки этот процесс фиксируют такие выразительные памятники, как Латамна и Гешер Бенот Яаков в Леванте, Азых и Кударо в Закавказье, Дарвагчай-1 и Треугольная пещера на Северном Кавказе, Бильцигслебен и Королево в Центральной Европе, Торральба и Амброн в Испании, Терра-Амата и Тутавель во Франции, Изерния ла Пинета в Италии и Чжоукоутянь в Китае.

Изучение материалов ашельской культуры приводит исследователей к мысли, что ее распространение, так же как и олдована, шло скорее всего из одного региона. На части Индостанского полуострова ашельская куль-

тура накладывается на культуру *соан* доашельского облика и какое-то время развивается параллельно с последней. В Европе доашельская культура по основным характеристикам продолжает существовать по крайней мере до 600 тыс. лет назад и только затем, в эпоху межледникового миндель-рисс, здесь широко распространяется культура собственно ашельская. А в некоторых регионах Юго-Восточной и Северной Азии влияние ашельской культуры не ощущается и в более позднее время. И только применительно к Африке и Ближнему Востоку можно говорить об утверждении здесь ашельских традиций примерно 1,2 млн лет назад, при том что истоки последних уходят (особенно в Африке) в гораздо большую древность. Аналогичные примеры межрегиональных культурных диффузий известны и для среднего палеолита. Эти факты свидетельствуют о том, что расселение нижнепалеолитического человека в Африке и Евразии отличалось многоэтапностью и формирование древнейшего населения этих территорий не было единообразным как в культурно-историческом плане, так, возможно, и в физико-антропологическом смысле.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ – ЭПОХА РАЗВИТОЙ РОДОВОЙ ОБЩИНЫ

Появление человека современного вида (*Homo sapiens sapiens*) на большей части палеолитической ойкумены связано с археологической эпохой, определяемой как *верхний (поздний) палеолит*. Наиболее ранние проявления этой эпохи фиксируются для времени около 40 тыс. лет назад. Важно отметить, что если сама эта дата примерно одна и та же для различных регионов, то тенденции и содержание процесса становления верхнего палеолита в разных регионах континента не одинаковы. В Западной и Центральной Европе, на Ближнем Востоке и на севере Африки известны местные своеобразные культуры, маркирующие утверждение новой эпохи (Шательперрон, Улуццо, Богунисьен, Селет, Атлитьен, Хауа-Фтеах).

Помимо указанных локальных маркеров существует *ориньяк* – культурное явление, которое также фиксирует смену эпохи неандертальца временем современного *Homo sapiens* и которое с разной степенью выраженности охватывает всю Европу целиком, а также Ближний Восток и, возможно, часть Сибири. Судя по разновременности возникновения ориньяка на различных территориях, для большей части своего ареала эту культуру приходится рассматривать как следствие миграций или иного вида распространения далеких культурных импульсов.

Если говорить о европейском континенте, где верхний палеолит был выражен наиболее ярко, то для его начальной поры здесь отмечаются два крайних по масштабам своего распространения типа культурных явлений. Одно из них для разных районов имеет локальное проявление, а второе носит надрегиональный характер. Если сузить территорию рассмотрения Центральной и Восточной Европой, то мы обнаружим явление и третьего типа, объединяющее эти две обширные области в единый ареал с характерным только для них ранневерхнепалеолитическим культурным комплексом, известным под названием *селет*.

С точки зрения истории материальной культуры, верхний палеолит является эпохой качественных сдвигов в уровне производства в целом и основных составляющих последнего, техники и технологии, в частности. Верхнепалеолитический человек имел потенциально неограниченные возможности интеллектуальной творческой деятельности, направленной не только на материальное производство, но и на духовную сферу жизни. С позиций социальной истории, верхний палеолит – это время, когда завершилось сложение специфически человеческих норм общественного устройства, время расцвета родовой общины и ускорения самого исторического процесса.

Для верхнего палеолита в отличие от прежних эпох характерны межрегиональные культурные контакты, активные взаимовлияния, формирование обширных культурных единств. Обзор культуры уже начальной стадии этой эпохи показывает, что с тех пор факторами культурного прогресса стали уже степень и масштабы взаимодействия отдельных человеческих общностей. Все предшествующее биологическое развитие человека, протекавшее параллельно с развитием социальным, подготовило к верхнему палеолиту такой уровень культуры, который был способен обеспечивать самостоятельно дальнейший прогресс и далее оказывать обратное воздействие на биологическую основу человека. Если со времени верхнего палеолита до наших дней человек в чем-то и изменился биологически, то в определяющей мере под воздействием различных проявлений его же собственной культуры.

Принимаемый здесь подход к проблеме социального и биологического в эволюции человека устраняет логическую несуразность таких понятий, как «готовый человек», «готовое общество», используемых теми исследователями, которые считают возможным проводить четкую границу начала человеческой истории и соотносят ее с наступлением эпохи верхнего палеолита. В зависимости от того, какой вкладывать смысл в эти понятия, можно с равной степенью убедительности утверждать, что человек «готов» уже в момент своего первоначального возникновения и еще не «готов» и по сегодняшний день.

В верхнем палеолите и мезолите человек осваивает практически все экологические зоны, занятые им в настоящее время. В начале верхнего палеолита заселяется Австралия, а в конце этой же эпохи – Америка. Таким образом, ареал человека распространяется на все пять населенных ныне континентов. В рассматриваемую эпоху у людей раскрываются в полной мере все необходимые приспособительные элементы культуры. Одежда, разнообразные жилища, адаптированные к конкретным природно-географическим условиям, специализированное охотничье снаряжение, способность выбора наиболее оптимальной для данной ситуации стратегии охоты – все это вместе с достаточно высоким уровнем социальной организации позволяло людям вести успешное существование и в приледниковой зоне, и в высокогорье, и в пустынях, и во влажных тропиках.

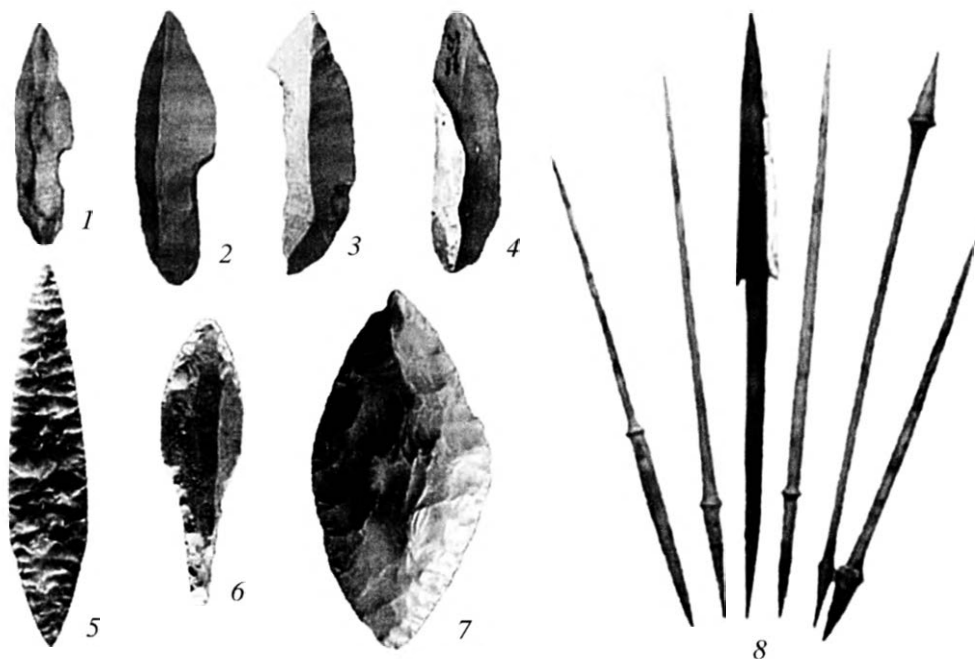
К верхнему палеолиту относится изобретение лука и стрел. В мезолите это выдающееся изобретение распространяется почти повсеместно. К наиболее значительным достижениям верхнепалеолитической технологии относятся и совершенствование способов получения заготовок для орудий – узких и тонких удлиненных пластин, скалываемых с каменной основы-ядрища. Изобретаются и новые орудия для раскалывания камня – различные посредники между отбойником и самим ядрищем. Существенно расширяется и

сам ассортимент инструментов, служащих для изготовления других орудий. В верхнем палеолите был освоен и способ получения пластин не ударом, а силовым отжимом. Значительно большей, чем в предшествующее время, становится стандартизованность каменных орудий. Они делаются более специализированными. Появляется несколько разновидностей составных, сложных орудий. Некоторые из них изготавливались с комбинацией различных материалов, например камня и кости (наконечники копий с одним или двумя рядами вставных кремневых пластин, каменные ножи с муфтообразной костяной рукоятью и др.). В верхнем палеолите использование кости в качестве сырья для производства орудий несравненно расширяется. В связи с этим появляются и специализированные каменные орудия (резцы) для обработки кости.

Для этого времени достоверно зафиксирован и такой мощный ускоритель прогресса, как обмен. Можно считать установленным, что объектом обмена являлись экзотические (следовательно, престижные) предметы (например, редкие раковины), качественное сырье для производства орудий и, возможно, предметы украшений. Определенно можно говорить о том, что обменные связи распространялись на несколько сотен километров. Есть данные, указывающие и на значительно большие расстояния движения предметов обмена.

Стремление к украшательству – тоже свойство верхнепалеолитической эпохи. Человеку этого времени известно чувство красоты и гармонии. Он искусственно воспроизводит в виде красок несколько природных цветов и активно использует их в деятельности, имеющей, по крайней мере внешне, чисто художественную направленность. Украшаются не только предметы, изготовленные именно в этих целях (бусы, подвески, браслеты и т.д.), но и утилитарные изделия, используемые в быту и производстве («ложки» с нарезным орнаментом и скульптурным навершием, «наковальни», раскрашенные минеральной краской, орнаментированные проколки, игольники и др.). И даже если говорить об обычных каменных орудиях, то, рассматривая некоторые из них, невозможно не заметить, что они обладают часто совершенством, явно излишним для утилитарной цели, которой служило данное изделие, и объяснимым лишь способностью древнего мастера ощущать и воплощать чувство красоты. Наиболее выразительным подтверждением этому являются верхнепалеолитическая живопись и скульптура малых форм.

С точки зрения археологической типологии, верхний палеолит и последующий мезолит характеризуются технокомплексом скребка–резца–острия. Все эти три типа изделий в таком единстве и каждый в морфологически завершенном, т.е. стандартном, виде свойственны именно указанным эпохам. Всего для верхнего палеолита выделяют около полутора сотен каменных и около двух десятков типов костяных орудий. Все это кажущееся многообразие подразделяется на достаточно ограниченное количество групп или категорий, различающихся по функциональному назначению. Эти орудия предназначались для резания и резьбы по кости (ножи, резцы), копания (мотыги), строгания (массивные скобели), разрубания, сверления (сверла), перфорации (проколки, провертки), шитья (иглы). Большая группа изделий предназначалась для охоты (наконечники стрел, копий и дротиков), рыболовства (разнообразные гарпуны), переработки растительных продуктов (терочники), а также для изготовления самих орудий (наковальни, отбойники, ядрища,

Орудия верхнего палеолита (1–7) и мезолита (8). 1–3, 5–7 – кремневые наконечники дротиков (из коллекции памятников Русской равнины); 4 – нож (Зарайская стоянка, Подмосковье); 5 – наконечник дротика со стоянки Депо дю Волгу (Франция); 6 – наконечник дротика со стоянки Ле Вашон (Франция); 7 – наконечник дротика из пещерной стоянки Хайденштайн-хоhle (юг Германии); 8–13 – костяные наконечники стрел с мезолитической стоянки Веретье (север Русской равнины)

ретушеры, посредники и др.) и растирания минеральных красок. Из предметов бытового использования кроме иголок археологи часто обнаруживают жировые светильники, так называемые «ложки», предметы украшения.

Разумеется, не на каждом верхнепалеолитическом или мезолитическом памятнике содержится весь перечисленный выше набор инструментария. Неодинаковость состава и типологическая разнородность инвентаря отражают не только специфику конкретных памятников. Они связаны с существованием локальных особенностей в развитии культур различных регионов. Археология палеолита не может оперировать в своих исторических реконструкциях названиями древних народов. Но, опираясь именно на эти локальные различия в материальной культуре, она в состоянии вычленять географически и хронологически очерченные массивы археологических культур, которые реально отражают жизнь конкретных, более или менее обособленных человеческих общностей.

Археологические материалы показывают, что в верхнем палеолите имела место ситуация достаточно стабильного, равнозначного и относительно самостоятельного сосуществования различных локальных культур и, следовательно, человеческих коллективов, которые были их создателями и носителями. Для территории классического развития верхнего палеолита и ме-

золита описано около трех десятков таких культур. Наиболее яркими из них являются в Западной Европе *граветт*, *солютре* и *мадлен*, на востоке континента – *костенковская* и *мезинская*. В мезолитическое время на территории Европы сформировался ряд новых выразительных культур: *тарденуазская*, *аренбургская*, *федермессер*, *лингби*, *бутовская*, *ценовская* и др.

Некоторые из археологических культур сосуществовали во времени и не были изолированы друг от друга. Из-за недостатка данных трудно судить о размерах территорий, приходившихся на те или иные узкие культурные единства. Можно сказать лишь, что территории эти не были равными и зависели от нескольких факторов, включая и природно-географический. Для регионов оптимального развития палеолитических культур (например, евразийские равнины) черты культурного сходства (но не единообразия) отмечаются для памятников, отстоящих иногда друг от друга на тысячи километров. Ареалы же культур в регионах с экстремальными природно-географическими условиями (высокогорье, пустыни, влажные тропики, приполярные области) бывают, как правило, значительно уже. В одних условиях культуры обладают широкими приспособительными возможностями и способностью к активной пространственной мобильности, вызываемой сменой обстоятельств. В других же случаях адаптационные возможности ограничены, и тогда резкие природно-географические перемены приводят или к трансформации культур, или к их исчезновению. Имели место и ситуации столь выраженной стабильности природных условий, что у живущих относительно изолированно обитателей таких регионов просто не возникало внешних импульсов к выработке новых стратегий жизнеобеспечения.

Закономерности, подобные указанным выше, прослеживаются и в отношении динамики культур во времени. Тут можно, в частности, наблюдать явно выраженную неравномерность развития культур, т.е. неодинаковость скорости совершенствования существующих и накопления новых элементов в технологической, производственной и бытовой сферах жизни. Неравномерность развития проявляется иногда настолько отчетливо, что это привело даже к возникновению концепций, согласно которым в эволюции палеолитической культуры отдельных областей Земли имеет место выпадение целых археологических эпох. Богатый материал по данной проблематике дает и современная этнография (аборигены Австралии, бушмены, обитатели тропических лесов).

Наличие существенных локальных вариантов, неодинаковая скорость и не всегда однонаправленный характер (например, только в сторону прогресса) культурных изменений свидетельствуют в пользу теории «кустящейся эволюции» мировой культуры в первобытности. Это заключение, однако, не отрицает и концепции «однолинейной эволюции», если воспринимать эти явления, не абсолютизируя их. При всех различиях между культурами, общая результирующая их во временном протяжении будет все же однонаправленной.

Все разнообразие культур при их обобщенном рассмотрении уместается в одном широком пути развития, в пределах которого некоторые из них имеют свои особые дороги с различной скоростью движения и иногда с крутыми зигзагами. Единство этого разнообразия и делает возможной выработку общих оснований для культурно-хронологических классификаций и установления унифицированной археологической периодизации первобытности.

Уже отмечалось, что основой хозяйственной жизни людей на более ранних этапах каменного века была охота. В верхнем палеолите роль охоты, естественно, продолжала оставаться столь же важной. Верхнепалеолитический человек унаследовал от предшествующего времени основные приемы и способы охоты – загон, скрадывание, выслеживание, засада. Принципиальные новшества коснулись самого охотничьего снаряжения, включая изобретение носителями некоторых культур лука и стрел, что сделало охоту более интенсивной и способствовало индивидуализации охотничьего промысла, персонификации добычи и, наконец, выработке новых признаков социального престижа и ранжирования.

Рыболовство до начала верхнего палеолита мало чем отличалось от собственно охоты. Тогда же не существовало специализированных орудий рыболовства, хотя «забой» и «отлов» рыбы отмечается по крайней мере в эпоху неандертальца. В верхнем палеолите и мезолите для некоторых приморских и озерных культур рыболовство и промысел морского зверя становятся основной формой хозяйства. Как уже говорилось, изобретаются разнообразные гарпуны и даже костяные рыболовные крючки.

Археологические данные свидетельствуют об усилении значения собирательства в верхнем палеолите. На основании довольно частых находок терочников в инвентаре верхнепалеолитических стоянок в свое время была выдвинута гипотеза об «усложненном собирательстве» в рассматриваемую эпоху. Наиболее существенным изменением, произошедшим в этой области, было, по-видимому, то, что растительные продукты шли не только в непосредственное использование, но и подвергались предварительной переработке, а также, возможно, предназначались для хранения впрок.

Вопрос о характере семьи и социальном устройстве общества в верхнем палеолите может быть прояснен с несколько большей определенностью, чем для более ранних эпох каменного века. Исследователи говорят в этой связи о существовании в рассматриваемое время групповой (реже парной) формы брака и родовой общины. Однако нужно помнить, что даже такие, не слишком конкретные палеосоциологические реконструкции не опираются на прямые данные. В качестве последних многие склонны рассматривать археологические материалы, не учитывая того, что их интерпретация может быть не столь однозначной. Например, археологическим доказательством существования матриархата в позднем палеолите считали характерную распространенность для этой эпохи женских статуэток с выраженными признаками пола – так называемых «палеолитических венер». Однако в настоящее время для верхнего палеолита известны и мужские статуэтки. А женские статуэтки, как показывает их сравнительный анализ, отнюдь не всегда изображались с выраженной грудью и отвислым животом, что рассматривается часто как отражение образа «матери-прародительницы». Кроме того, в мелкой скульптуре последующих эпох, для которых считается доминирующим уже патриархат, преобладание женских статуэток над мужскими ничуть не меньше, чем в верхнем палеолите. Примерно так же обстоит дело и с некоторыми другими археологическими реалиями, привлекаемыми традиционно для обоснования существующих концепций о социальном устройстве в периоды верхнего палеолита и мезолита.

Не являются прямыми и этнографические источники по бушменам Калахари, аборигенам Австралии, огнеземельцам и т.д., которые используются обычно для реконструкций общественных отношений верхнего палеолита и мезолита по методу аналогий и актуализации. Трудно признать полностью обоснованным взгляд на соответствие современных социальных и экономических установлений этих народов аналогичным проявлениям эпохи мезолита. Это сомнительно прежде всего потому, что сама мезолитическая эпоха в культурном выражении была далеко неодинаковой географически. К тому же комплекс признаков, характеризующих названные выше общества, при сравнительном рассмотрении оказывается не совсем одинаковым для всех них. Отсюда возникают сомнения в правомерности простого подбора данных из различных областей жизни разных современных народов для создания одной-единственной модели, характеризующей все общество древнего каменного века. Культура современных народов, отставших в своем историческом пути, есть результат специфического развития, характерного для экстремальных природно-географических районов. По крайней мере, в материальном выражении она выглядела специфичной и окраинной по отношению к магистральному пути развития во времена каменного века в такой же степени, как и в наши дни. Поэтому, с методической точки зрения, небыстречны основывающиеся на этой базе реконструкции главной линии исторического прогресса человечества.

Состояние источников, естественно, порождает разнообразие взглядов и по конкретным вопросам. Предметом дискуссий являются такие аспекты, как форма брака в верхнем палеолите и мезолите, единовременность или разновременность возникновения брака и семьи, характер и форма рода, соотношение рода и общины. С точки зрения предлагаемого нами подхода, изложенного в разделе, посвященном нижнему палеолиту, такая постановка вопросов более уместна для времени, предшествующего верхнему палеолиту. Традиционная постановка их применительно ко времени только с начала верхнего палеолита обусловлена отрицанием или существенным принижением социальных факторов в жизнедеятельности человека раннепалеолитической и мустьерской эпох. Но если говорить об указанных институтах даже безотносительно к конкретному периоду, то представляется логически более обоснованным допущение неразрывности брака и семьи (разумеется, не отрицая их развития), а также рода и общины. Во всяком случае, для верхнего палеолита это допущение кажется вполне справедливым, если иметь в виду наивысшие достижения культурного прогресса данной эпохи. Археологическим свидетельством существования в верхнем палеолите малых семей (муж-жена-дети) и их совместного обособленного проживания на поселении является структура стоянок, состоящая из малых и примерно равновеликих жилищ, не способных вмещать большое количество обитателей. Если брать за отправную точку такое жилище, то поселение можно представить в виде группы взаимозависимых семей, объединенных родством, совместной производственной деятельностью и взаимопомощью. По-видимому, именно такие родовые общины и их объединения, основывавшиеся на брачных союзах и производственных регламентациях (взаимопомощь, разграничение экономического пространства – охотничьих угодий и т.п.), являлись основными общественными единицами эпохи верхнего палеолита и мезолита.

Эти союзы характеризовались элементами языкового, культурного и производственного единства. Трудно представить, насколько устойчивыми и изолированными друг от друга они были. Примеры культурных диффузий, взаимовлияний и контактов для рассматриваемой эпохи выявляются достаточно четко. Из изучения материальной культуры складывается картина плавных переходов от одних локальных культурных образований к другим в рамках единых экологических зон. Нужно, правда, отметить, что и полной нивелировки соседствующих археологических культур при этом не происходит. Конкретная история первобытности была историей именно таких, к сожалению, безымянных для нас социально-этнических образований.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕКА В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Духовный мир древнейшего человека относится к числу самых сложных в исследованиях по преистории. Источники, способные пролить свет на эту сторону жизни древнейшего общества, скудны, а имеющиеся еще и фрагментарны. Ограниченность данных оставляет широкий простор для всякого рода умозрительных построений. К таковым, в частности, можно отнести заключения об отсутствии всяческой духовной культуры у человека в период, предшествующий верхнему палеолиту, о существовании безрелигиозного этапа и независимом формировании начатков положительных знаний и религиозных представлений и т.п. Эти и другие положения не выдерживают критики и просто исходя из логики их обоснований, и особенно при обращении к фактам, составляющим источниковую базу. К разряду последних относятся прежде всего палеолитические погребения и свидетельства изобразительной деятельности.

До относительно недавнего времени в науке господствовала точка зрения о появлении традиции погребения умерших не ранее верхнего палеолита. Погребениям древнекаменного века уделялось огромное значение, в частности потому, что их появление расценивалось как показатель перехода людей на качественно новый уровень социального и интеллектуального развития. Со времени открытия первого мустьерского погребения прошло более ста лет, однако допущение о существовании у неандертальцев погребальной обрядности многими исследователями принимается со скептицизмом. Причиной этому является традиционная примитивизация нашими современниками человека и культуры нижнего и среднего палеолита. В науке такой взгляд постепенно преодолевается, и в настоящее время вопрос стоит не о признании возраста древнейших погребений, а о расшифровке их смысла и исторического содержания.

На всей территории Евразии к настоящему времени открыто около 50 погребений среднепалеолитического (мустьерского) времени. Учитывая, что некоторые из них были двойными и даже коллективными, вместе они содержат немногим более 60 погребенных. Одно погребение приходится на многие десятки и сотни известных памятников и один погребенный на многие тысячи человек. При общем взгляде это количество погребений на всю мустьерскую эпоху мизерно – одно на тысячелетие! Однако обширность географии

погребений говорит о всеобщем характере этого феномена. Основная масса таких погребений приходится на Ближний Восток и Западную Европу.

Сам факт существования в мустьерское время погребений позволяет ставить вопрос о том, что для неандертальца были характерны значительно более сложные, чем это обычно допускается, социальные отношения и уже оформившиеся религиозные представления. Проявление заботы об умершем сородиче путем его захоронения свидетельствует о начале складывания устойчивой памяти об ушедшем поколении (то, что для более поздних этапов называется исторической памятью) и формировании исторического мышления, предполагавшего осознание нематериальной связи между живыми и умершими. Конечно, реально такое осознание вряд ли уходило глубже одного – максимум двух поколений. Но принципиальным здесь является само наличие раздвоенного восприятия жизни человека и, возможно, мира в целом. Позднее это раздвоение оформилось в виде противопоставления мира реального потустороннему. Какими бы элементарными не были первоначальные представления, связанные с подобным восприятием, существование их предполагает возникновение религиозного сознания и формирования мифологического объяснения космоса.

Сложен вопрос о времени возникновения религиозных представлений. Для ашельской эпохи не выявлено пока погребений или каких-либо других источников, которые позволяли бы хоть приблизительно описать духовную культуру человека той эпохи. Но отсутствие таковых вполне может объясняться и состоянием изученности ашельских древностей. Источники по ашелю в количественном отношении значительно уступают данным по эпохе мустье. Нельзя сбрасывать со счетов и такую возможность, что проявления духовной жизни различны во временном и пространственном отношениях и далеко не все они способны воплощаться в материальные остатки, пригодные для археологической фиксации. Поэтому возможность возникновения духовной сферы жизни человека в более раннее время, чем эпоха мустье, не должна исключаться.

Переходя к вопросу о соотношении «религиозного» и «безрелигиозного» периодов первобытной культуры, следует отметить, что не существует никаких данных, позволяющих не только рассуждать о предшествовании одного другому, но и производить такое разделение. Представляется достаточно обоснованной точка зрения, согласно которой мышление древнейшего человека характеризовалось синкретичностью или, говоря иначе, сложным нерасчлененным переплетением рационального и иррационального начал.

Характер и сущность ранних форм религии устанавливаются на основании логических реконструкций и этнографических источников. Наиболее распространены в первобытности были такие религиозные верования, как анимализм, тотемизм, фетишизм, магия, анимизм, культ предков. Некоторые из них (скажем, магия) являлись всеобщими, т.е. характерными для всех регионов и во все первобытные периоды, а другие – более или менее локальными или бытовавшими на протяжении некоторых отрезков первобытности (культ предков, к примеру).

Специфика первобытных верований состояла в их взаимной совместимости у одних и тех же обществ. Нормой является сосуществование элементов магии, фетишизма, анимизма и т.д. Первобытная религия, как и со-

временная, характеризуется верой в сверхъестественное. Но ранние формы религии не являются целостными системами с устоявшимся и единообразно понимаемым единством таких составляющих развитых религий, как догмат, культ и обряд.

Выше отмечалось, что применительно к мустьерскому времени уже можно говорить о возникновении религиозных представлений. Трудно судить с определенностью об их конкретных формах, но можно допустить, что определяющую роль играли в них анималистические верования. «Тайники» в пещерных нишах со сложенными в них черепами медведей, характерные для некоторых памятников мустьерского возраста, говорят о каких-то обрядовых действиях, связанных с особым, неутилитарным отношением к избранному животному. Достаточно уверенно можно предположить, что эти ритуалы имели в своей основе придание сверхъестественных свойств конкретному животному, что и составляет суть *анимализма* как одной из ранних форм религии.

Усложнение религиозного отношения к животному или объекту нематериального мира приводит к возникновению *тотемизма* – верования, основанного на представлении о сверхъестественной родственной связи конкретной группы людей (род, фратрия) с определенным видом животного, растения или иного объекта либо явления природы. Тотемизм можно назвать одной из характернейших родовых религий.

Анимизм – другое распространенное религиозное верование. Суть его состоит в одушевлении окружающих человека предметов. Развитие анимизма, по-видимому, привело впоследствии к появлению веры в духов – добрых и злых, вредоносных и доброжелательных. На этой разновидности верований основывается характерная для поздней первобытности и довольно развитая форма первобытной религии – культ предков.

Фетишизм – наделение сверхъестественными свойствами неодушевленных предметов. Фетиш является и предметом поклонения, и помощником в ритуальных действиях, производимых с конкретной прагматической целью.

Магия – универсальная форма ранних религиозных верований. Она предполагает веру в возможность сверхъестественного воздействия на людей и объекты окружающего мира посредством различных манипуляций и заклинаний. Исследователи подразделяют магию на вредоносную, любовную, промысловую, предохранительную, военную, метеорологическую. Магические верования настолько стойкие, что ими пронизана обрядность даже современных мировых религий.

Становление и развитие религии не являлось процессом, изолированным от других сфер духовной жизни. Параллельно и вместе с религией происходило и накопление положительных знаний человека о себе самом и об окружающем мире. Уже первые шаги людей были отмечены началом познания. К одним открытиям человек шел в течение сотен тысяч лет, а другие возникали спонтанно и синхронно. Основным побудительным мотивом накопления позитивных знаний выступала изначальная и вечная для людей потребность в удовлетворении повседневных потребностей – как материальных, так и духовных. Познание мира первобытным человеком осуществлялось через его практическое освоение и использование в своих насущных интересах. Успешная деятельность в этом направлении предполагает наличие

такого уровня мышления, который допускает способность оперирования отвлеченными понятиями, и прежде всего понятиями качества. Уже древнейшие люди различали породы камня и относились избирательно к используемому в своем производстве сырью. По крайней мере 1,5 млн лет назад люди начинают использовать полезные качества огня. Устройство жилищ, возникших в то же время, предполагало оперирование пространственными понятиями. Во всех этих и других видах деятельности человек сам выступал в качестве меры и оценки мира.

Окружающие предметы и явления были интересны для человека в той мере, в какой они оказывались для него полезны или вредны. В центре мыслительной организации пространства находился он сам. Понятия «вперед–назад», «левое–правое», «близко–далеко» и многие другие вырабатывались и понимались только относительно самого человека. Строение тела служило основой для возникновения представления о симметрии и асимметрии, а также для вертикальных пространственных обозначений «верх–низ». Видимо, изначальной антропоцентричностью исходных пространственных понятий объясняется наличие в них чисто человеческой оценочной нагрузки: верх – возвышенное, низ – низменное, правое – правильное, левое – неверное, передняя сторона – светлое, задняя – темное и тому подобных. Выразительным примером этого же ряда является возникновение пятиричной, десятиричной и двадцатиричной систем счета. Нетрудно угадать происхождение и развитие этих систем с числом пальцев на руках и ногах.

В течение нижнего и среднего палеолита накопление позитивных знаний должно было происходить достаточно медленно, поскольку оно ограничивалось узостью практики экстенсивной охоты и примитивного собирательства. Основная сфера накопления знаний в эти эпохи включала поведение животных, свойства и распространение растений, технологию изготовления орудий труда.

Резкое ускорение темпов познания мира наступает в верхнем палеолите. В это время расширяется количество материалов, вовлекаемых человеком в производство, коренным образом совершенствуется технология обработки камня и кости, становится разнообразной и значительно более эффективной стратегия охоты, изобретаются, как уже сказано, лук и стрелы. Продукты охоты рассчитаны не только на немедленное потребление, но и на хранение. Собирательство растительных продуктов усложняется. Реализуется идея их переработки. Отмечается прогресс в овладении техникой использования огня, который применяется не только в жизнеобеспечивающих, но и в технических целях (обожжение глины, получение минеральной краски, раскалывание камня).

Неолит является следующим принципиальным рубежом в формировании и организации положительных знаний. Возникновение земледелия и скотоводства приводит к выработке традиционных навыков зоотехники и агрономии. Там, где практикуется поливное земледелие, складывается целая система агро- и гидротехники и утверждаются начатки математики. Расширение обмена, возникновение торговли, увеличение производства приводит к усложнению счета, возникновению числовых разрядов, а также к закреплению географических представлений и знаний о соседних народах. Потребности земледелия требуют более упорядоченного и фиксированного

отсчета времени. Поэтому возникает календарь, имеющий прямую привязку к сельскохозяйственным годичным циклам. Это достигается систематизацией наблюдений за небесными светилами и исчислением времени по видимой скорости их движения и фазам свечения. Наивысшее достижение первобытности в этой области – изобретение лунного календаря – можно отнести к неолитическому времени.

Все тенденции накопления положительных знаний, возникшие в неолите, находят свое продолжение и качественное развитие на этапе разложения первобытнообщинного строя. К этому времени человечество владело начатками знаний в таких отраслях, как география, строительство, транспорт, металлургия, механика и медицина. На стадии классовообразования происходит разделение умственного и физического труда.

Одним из самых ярких проявлений духовной культуры человека каменного века является изобразительное искусство. Теории его происхождения условно можно разделить на религиозную, биологическую, производственно-эстетическую и игровую.

Суть теории религиозного происхождения искусства заключается в признании искусства как божьего дара, призванного удовлетворять религиозные чувства и оформлять религиозную обрядность древнейших людей.

Согласно «игровой» теории, движущей силой как общественного развития, так и происхождения и развития искусства являются игра и ритм, радость творчества, нецеленаправленные ритмические игровые движения, в процессе которых появляются и утварь, и украшения, и орудия производства. Эта теория провозглашает девиз: «игра старше труда, а искусство старше производства полезных предметов» (К. Бюхер).

Сторонники биологической точки зрения обращаются к фактам «украшательства» у животных и декларируют изначальный и биологически обусловленный характер эстетического чувства человека. В этой связи часто ссылаются на следующие примеры из трудов Ч. Дарвина (хотя он не утверждал биологической обусловленности происхождения искусства): «Самцы некоторых птиц намеренно распускают свои перья и щеголяют яркими красками... самки любят красоту самцов... нежные песни самцов в пору любви, несомненно, нравятся самкам... Одни и те же цвета и звуки нравятся нам и низшим животным».

Производственно-эстетическая теория, как представляется, в наибольшей мере отвечает конкретным фактам и наиболее строга логически. Суть ее состоит в том, что искусство возникает на основе эстетического чувства, которое, в свою очередь, формируется и развивается в процессе общественной и производственной практики человека. Такой взгляд на генезис искусства предполагает понимание его как долговременного процесса, развивающегося в прямой зависимости от всех других сторон человеческого бытия.

Исходя из рассматриваемой производственно-эстетической теории возникновения искусства, уже первые люди должны были обладать способностью к ощущению красоты, правда, неотчленяемой еще от утилитарности. Понятия симметрии, ритма и формы имеются у древнейших изготовителей каменных орудий. Чем лучше орудие приспособлено для выполнения своей функции, тем оно «красивее» с точки зрения изготовителя. Действительно, и современный человек способен восхититься изяществом некоторых форм

орудий даже времени «питекантропа» – явно излишним для функционального предназначения этих орудий. Однако каких-либо свидетельств изобразительной деятельности человека для времени ранее эпохи мустье пока неизвестно.

К таким базовым первоэлементам искусства, как ритм и форма, в мустьерское время прибавляется цвет. Человек этого времени научился распознавать и использовать природную минеральную краску – охру. В культурных слоях мустьерских слоев памятников Франции, Германии и Италии обнаружены комочки охры (Ля Ферраси, Комб-Капель, Ле Мустье и др.), камни с выбитыми на них углублениями в виде лунок (Ля Ферраси, Таволи), кости животных с насечками и узорными линиями (Ле Мустье), каменные плитки с участками, окрашенными красной краской (Ля Ферраси). Таким образом, в период мустье были созданы и в некоторой степени использованы все необходимые предпосылки для формирования «технических» искусств или художественной деятельности, предполагающей использование специальных естественных и искусственных средств при создании какого-либо произведения. Что касается «мусических» искусств (пение, танцы), то их возникновение, по-видимому, можно отнести к более раннему времени, чем искусств «технических».

Расцвет первобытного изобразительного искусства приходится на верхний палеолит. Некоторые достижения искусства этого времени (например, наскальная живопись) остались непревзойденными во все последующие стадии первобытной эпохи.

Верхнепалеолитическое искусство появляется в нескольких формах: наскальная живопись, гравировка, рисунок, скульптура, барельеф. В рамках этой эпохи происходили эволюция и обогащение форм и стилей изобразительности. Данная эволюция рассматривается обычно на материалах Западной Европы, которая является основным очагом палеолитического изобразительного искусства. Имеются претендующие на универсальность базовые классификационные системы А. Брейля и А. Леруа-Гурана. Применительно к Восточной Европе перекликающаяся с указанными общая схема разработана Я. Козловским. Исходным для концептуальных систем французских исследователей служило положение об однолинейном поступательном и эволюционном развитии палеолитического искусства. Согласно схеме А. Брейля, выделяется два последовательных цикла в развитии наскальной живописи Европы – ориньякско-перигордийский и солютрейско-мадленский. В сформулированных позднее (к середине 60-х годов XX в.) и основанных на структурном анализе изображений обобщениях А. Леруа-Гурана совокупность произведений изобразительного искусства палеолита Западной Европы подразделяется на более дробные составляющие. Выделяется четыре стиля, которые последовательно сменяют друг друга. Характеристики их, естественно, описываются с опорой, главным образом, на наскальное искусство, которое для Западной Европы гораздо более показательно и богаче, нежели скульптура. Однако принципы выделения этих стилей в основном применимы и к произведениям искусства малых форм.

Стиль 1 («первый примитивный») по А. Леруа-Гурану соответствует ориньяку и началу граветта (35–28 тыс. лет назад). Главной особенностью этого стиля является нечеткая обрисовка контуров животных и незаконченность

Наскальная живопись из верхнепалеолитической пещеры Нио (Франция)

фигур. В тематике явно выделяется знаковое изображение женских признаков пола.

Стиль 2 («второй примитивный») связан с граветтом – началом солютре (28–20 тыс. лет назад). Изображение животных оформляется «синусоидной» линией, которая обрисовывает шею и спину. Рога показываются в профиль или в фас в искаженной перспективе. Ноги часто отсутствуют или только обозначены. В некоторых случаях ноги не редуцированы и оформлены на всю длину. Это период женских скульптурных изображений, называемых «палеолитическими венерами».

Стиль 3 («архаический») относится к концу солютре и началу мадлена (19–16 тыс. лет назад). Изображения животных этого периода характеризуются объемностью тела. Часто передняя часть тела преувеличена, а ноги укорочены.

Стиль 4 («классический») соотносится со средним и поздним мадленом (15–12 тыс. лет назад). В начале периода пропорции фигур животных становятся реалистичными, но в изображениях сохраняется скованность; фигуры как бы висят в воздухе. Этот стиль подразделяется на две стадии – раннюю

и позднюю. Уже на ранней стадии отмечается исключительная согласованность деталей изображаемого объекта и большее соответствие изображений морфологическим соотношениям реального животного. Грива всегда передается штриховкой, показывается волосяной покров на различных участках тела. К концу периода реализм в передаче экстерьера усиливается.

С концом верхнепалеолитической культуры происходит и закат искусства древнекаменного века. В классическом районе верхнепалеолитического искусства в период мезолита мы находим главным образом раскрашенные гальки (Мас д'Азиль). Традиция наскальной живописи перемещается в Восточную Испанию и переживает здесь расцвет между VIII–V тысячелетиями до н.э.

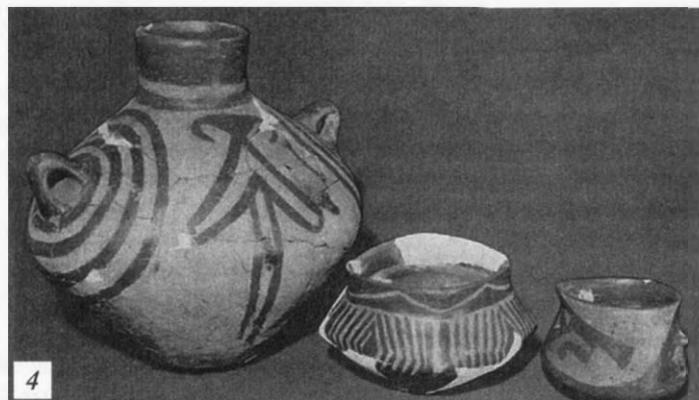
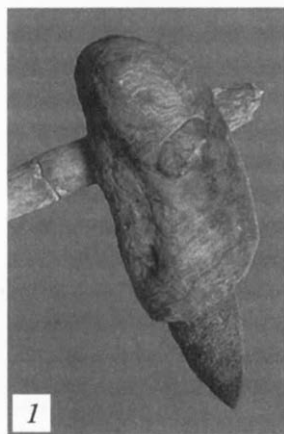
Неолитическое искусство земледельцев Европы приобретает декоративно-прикладной, с современной точки зрения, характер. В эту эпоху широко входят в практику роспись керамических сосудов и мелкая скульптура. В Северной Европе распространяется традиция петроглифов (резные, гравированные, выбитые наскальные изображения).

Основной объект искусства каменного века – животное. Живописью, скульптурой, гравировкой передаются образы животных, служивших охотничьей добычей человека. Сам человек меньше интересует первобытного художника. Если человек и изображается (в основном в виде «палеолитических венер»), то условно и при полном отсутствии стремления к воссозданию портретного сходства. Достаточно много в палеолитическом искусстве орнаментальных и знаковых изображений. Они, как правило, сопровождают реалистические фигуры. Ученые уделяют много внимания расшифровке семантики и содержания схематических изображений, но говорить о крупных достижениях в этой сложнейшей области не приходится. Достоверной можно считать разгадку большой группы стилизованных изображений как женских знаков пола – мотив весьма распространенный в первобытном искусстве.

Дискуссионной является проблема функции первобытного искусства. Если подходить к этому вопросу с точки зрения современного исследователя, то можно установить целый ряд ролей, выполнявшихся комплексом ранних искусств: идеологической, образовательной, социальной, познавательной, магической. Иными словами, первобытное искусство выполняло, в принципе, те же функции, что и современное. С этой точки зрения споры на данную тему представляются искусственными. Можно рассуждать о восприятии этих функций самим палеолитическим человеком. При таком подходе, вероятно, должны быть выделены эстетическая, религиозная и социальная функции. Они могли проявляться как порознь, так и неразрывно друг от друга.

НЕОЛИТ И НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Неолит – эпоха, охватывающая в областях динамического развития древних культур примерно три тысячелетия (VII–V тыс. лет до н.э.) и знаменующая начало принципиально нового этапа эволюции человеческой культуры. Изменения, произошедшие в эту эпоху в материальной культуре, хозяйстве, быту, этносоциальной и демографической сферах, были столь значительны, что получили в науке название «неолитическая революция». В это время уже окончательно утверждается оседлость. Происходят решающие перемены

Орудия и утварь эпохи неолита: 1 – каменный топор в деревянной муфте (стоянка Воймежное, Русская равнина); 2 – зернотерка (Телль Гихейю, Южная Аравия); 3 – каменные сосуды и песты (Телль Гихейю, Южная Аравия); 4 – расписные сосуды (поселение Хаджилар, Юго-Западная Анатолия).

во всей стратегии жизнеобеспечения, связанные с переходом от простого присвоения природных пищевых ресурсов к их активному «искусственному» воспроизводству. Возникшая производящая экономика положила начало культурно-хозяйственной дивергенции земледельческого и скотоводческого направлений развития. Новые возможности стабильного самообеспечения, основывавшиеся на земледелии и скотоводстве, вызывали ускорение темпов роста народонаселения. Производящая экономика и связанная с нею оседлость и хозяйственная дивергенция приводили к формированию этнокультурных общностей, имеющих значительно большую пространственную стабильность, чем в предшествующие эпохи. На характер этой стабильности стал оказывать влияние не только природный, как прежде, но и демографический фактор, значение которого с наступлением неолита неизмеримо возросло. Коренные изменения в хозяйственной деятельности стали во многом определять социальные отношения во всех основных сферах жизни общин – в системе брака и семьи, в родственных, экономических и общественных регламентациях. Утвердившийся в неолите хозяйственный механизм, по существу, уже предопределял возникновение частной собственности, имущественного расслоения, разрушение социального эгалитаризма и появление государства. Таковы наиболее показательные характеристики неолита, если рассматривать эту эпоху максимально обобщенно – как этап в усредненной схеме эволюции человеческой культуры. Конкретные проявления эпохи, разумеется, многообразны и порой даже трудно сопоставимы при рассмотрении различных территорий.

Приведенные выше общесоциологические признаки базируются на конкретном археологическом и палеоэкономическом содержании неолита. С собственно археологической точки зрения, эта эпоха характеризуется появлением новых технологий: регулируемого обжига глины, шлифовки каменных орудий, ткачества. Принципиально важным является первое из этих достижений. Благодаря ему в быт широко внедрилась керамическая посуда – кухонная, столовая, тарная. Использование шлифовки было вызвано необходимостью изготовления крупных утилитарных каменных орудий (топоры, тесла, наконечники булав и др.) и престижных изделий (жезлы и т.п.), потребность в которых именно в это время возрастает. Указанные предметы не могли быть изготовлены в требуемом совершенстве при использовании только существовавших прежде способов и приемов обработки камня. Некоторые из этих орудий требовались для разнообразных работ по дереву (строительные работы, изготовление деревянной утвари, саней-волокуш, лыж и т.д.). Общий набор орудий в рассматриваемое время дополнился прежде всего еще довольно простым земледельческим инструментарием (специализированные мотыги, серпы).

В неолите получили дальнейшее развитие и бытовавшие ранее технологии. Археологически неолит остается все-таки эпохой камня. Обработка камня традиционными способами достигает в нем полного расцвета, а состав сложных и комбинированных орудий становится максимально разнообразным. Наконечники стрел, копий и дротиков настолько совершенны, что в последующем эти же изделия из металла только повторяли форму и размеры существовавших ранее каменных. В неолитическую эпоху подверглись одомашниванию животные и окультуривались растения.

Выдающийся вклад в решение проблемы происхождения культурных растений был сделан академиком Н.И. Вавиловым после более сотни экспедиций, охвативших десятки стран мира и практически все регионы СССР. Первый вариант схемы центров культивирования растений был опубликован Н.И. Вавиловым в 1926 г. Наибольшую стройность эта схема получила в последней работе ученого в 1940 г. В этом, четвертом, варианте она содержит семь основных географических центров происхождения культурных растений. Наиболее значительным среди них является юго-западноазиатский центр, включающий Анатолию, Кавказ, Иран, Афганистан, Среднюю Азию и Северо-Западную Индию. В пределах этого центра выделены три очага, имеющие самостоятельное значение: кавказский, переднеазиатский (с территориями внутренней Сирии, Анатолии, Палестины, Иордании, Ирана, Северного Афганистана и Средней Азии) и северо-западноиндийский (охватывает Пенджаб, Северную Индию, Белуджистан, Южный Афганистан и Кашмир).

Работы Н.И. Вавилова, основывавшиеся на сформулированном им «дифференциальном ботанико-географическом» методе, во многом гениально предвосхитили последующие открытия археологов. В частности, именно в пределах юго-западноазиатского центра были открыты памятники, содержащие наиболее ранние находки культурных злаков (пшеница, ячмень, просо). Подтвердились и предположения о самостоятельности в рамках этого центра кавказского и других очагов. Н.И. Вавилов, по существу, положил основу для нового – палеоэтноботанического подхода к изучению древности. В частности, он писал по этому поводу: «Невольно исследователь растительных культур подходит вплотную к проблеме автономии и взаимоотношения человеческих культур. Мы не сомневаемся в том, что, детально изучив очаги формообразования важнейших культурных растений, ботаники в состоянии внести существенные поправки в представления историков и археологов. Автономные очаги генов культурных растений являются и вероятными автономными очагами человеческой культуры» (Избр. труды. М., 1965. Т. 5. С. 119).

Раннеземледельческое неолитическое население вело, как правило, комплексное хозяйство. Первые следы domestikации животных (овцы, козы) отмечаются в материалах переднеазиатских памятников, относимых к VIII тысячелетию до н.э. Этот процесс зависел от биологических ресурсов конкретных территорий, этологии животных и прежде всего их способности поддаваться одомашниванию, а также от уровня культуры, исторического и социального опыта человеческих коллективов. Так, овцы и козы были одомашнены в Передней Азии и на Кавказе, так как именно там располагался естественный ареал того единственного вида дикого барана (переднеазиатский муфлон), который оказался оптимальным для этих целей. Значительно позже подошло к domestikации животных население пустынных районов Юго-Западной Азии (например, Аравийского полуострова). Здесь, по всей видимости, был одомашнен верблюд, но уже много тысячелетий спустя после овец, коз и начала разведения коров на территории соседнего Восточного Средиземноморья. Еще более масштабны различия механизмов этого процесса, если сопоставлять его проявления на различных континентах. Однако при всех различиях того, какие виды животных приручались и когда это происходило, последствия перехода к скотоводству, так же как и к земледелию, везде были однонаправленными.

Масштабы последствий при переходе к производящему хозяйству на различных территориях оказывались различными. В плодородных долинах

крупных рек этот процесс потенциально приводил к созданию раннегородских цивилизаций, развившихся уже в посленеолитическое время. А в районах с экстремальными природными условиями он не получал своего полного завершения. Но и здесь последствия перехода к производящему хозяйству имели принципиальное значение для будущей социальной эволюции тех или иных обществ. Наиболее существенным здесь явилось то, что новая форма хозяйства позволяла получать избыточный продукт.

Труд при оседлом земледельческом хозяйстве индивидуализировался в несравненно большей степени, чем прежде. Соответственно персонифицировались и результаты труда. Иным становилось отношение к экономической территории, эксплуатируемой общинами. Подготовка разрозненных участков земли к посеву, долгий уход за ними, включавший иногда и искусственное орошение, неизбежно приводили к закреплению конкретных участков земли за минимальными социальными ячейками – семьями. Земли, не требовавшие приложения дополнительных усилий по их использованию, оставались одинаково доступными для всех членов коллектива, но и они находились во владении определенной общины или рода. Таким образом, прежняя достаточно аморфная система племенных территориальных приоритетов в неолитическое время постепенно конкретизировалась в понятиях дифференцированной собственности племени, общины, рода и семьи.

В областях своего интенсивного развития земледелие приводило к разрушению племенной структуры и замене ее на относительно небольшие союзы общин, объединенных экономическими интересами и не предполагающих жестких регламентаций. Экономический фактор приобретал все большее значение и во внутриобщинной жизни. При этом родовые связи не утрачивали своей роли. Трудовая кооперация, различные виды взаимопомощи, семейно-брачные отношения – все это находило свое выражение, прежде всего в сфере родовых структур. Однако по мере утверждения отношений собственности и появления новых ценностей социального престижа и тут происходили определенные трансформации. Они особенно проявлялись в сегментации родов и сосредоточении норм родовых отношений в большей мере на круге лиц, объединенных относительно узким родством (большая семья, братская семья, патронимия и т.п.).

В ходе указанных перемен укреплялась социальная и экономическая роль семьи. Появление избыточного продукта и возможность его наследования приносили в семейно-брачные отношения фактор прямой экономической зависимости членов семьи друг от друга, главным образом, жены от мужа и детей от отца. Усложнились брачные обряды и церемонии. Они стали сопровождаться различными формами выкупа в виде дарений родителям невесты. Дарение стало практиковаться и в других сферах внутриобщинной и межобщинной жизни. Смысл его состоял в утверждении отдельными членами общины своего социального статуса и налаживании дружеских отношений между соседними общинами.

Появление элементов частной собственности и разрушение эгалитарного общества не могло не сказаться на формах общественной регламентации и организации власти. Регламентации расширялись за счет экономической

сферы, особенно в отношениях землепользования и взаимных экономических обязательств как между членами общины, так и между общинами в целом. Решения по важным вопросам жизни, вероятно, принимались по-прежнему еще собранием всех взрослых членов. Однако вес голосов участников собраний не был одинаковым. Традиционно признавалось первенство мнений авторитетных представителей родов, знахарей и колдунов. С появлением имущественных различий этот круг пополнялся лицами, владевшими относительно большой собственностью, которая использовалась хозяином частично на нужды рода и общины. Потомки таких лиц имели больше возможностей играть впоследствии важную роль в жизни общины, так как вместе с имуществом отца они наследовали и атрибуты социального престижа.

Наследственной власти в эпоху позднеродовой общины еще не существовало. Но уже появились элементы представительской власти, которые передавали право решения межобщинного или племенного уровня конкретным лицам, представляющим отдельные общины и роды.

Происшедшие в неолитическую эпоху изменения в хозяйстве и образе жизни людей привели к значительным переменам в мировоззрении, религиозных представлениях, культах и обрядах. Более эффективным стало накопление позитивных знаний, прежде всего в областях, имеющих практическое значение – в селекции животных и растений, в агро- и зоотехнике. Более детализованным стал счет времени. С утверждением земледельческих производственных циклов вырабатывался земледельческий календарь, с которым увязывались новые общинные праздники и обряды. Видоизменилась иерархия культов. Появилась тенденция к персонификации природных явлений и зародились умиловительные обряды. Отражением наметившихся перемен в социальной сфере жизни явилось усиление культа предков, служившего, в частности, освящению общинных и родовых норм обычного права. Изменились характер и акценты религиозного отношения к животным. Объектом почитания наряду с дикими становятся и домашние животные, и их место в верованиях определяется реальным местом, занимаемым ими в хозяйственной жизни людей. Одной из основных мировоззренческих идей становится идея единства всех природных стихий, цикличности происходящих в мире перемен, круговорота жизни и смерти в виде умирания и воскрешения.

* * *

Как уже отмечалось выше, развитие неолитических производств имело окончательным результатом возникновение городской цивилизации и становление государств. Это произошло, например, в долинах крупных рек – Нила, Тигра, Евфрата. Сложившееся поливное земледелие, водообеспеченность и наличие пригодных для возделывания земельных ресурсов делали возможным здесь непрерывный и поступательный характер исторического процесса.

Иначе обстояло дело на обширных пространствах степей и гор Евразии, в пустынных областях Африки и Азии. В середине IV тысячелетия до н.э. в этих регионах происходят грандиозные по масштабам культурные катаклизмы. Начавшееся в это время резкое изменение климата в сторону иссушения привело к подвижкам целых культурных массивов, их перемещениям и внут-

ренним трансформациям на огромной территории от окраин Центральной Азии до Карпат и Балкан.

Цветущие оседло-земледельческие культуры Средней Азии и Ирана, Кавказа, Причерноморья и Балкано-Карпатского региона прекращают свое существование. Дальнейшие судьбы некоторых из них, олицетворявших в свое время высшие достижения тех или иных регионов, зачастую даже не фиксируются археологически.

На историческую арену выходят новые динамичные культуры, приведенные в движение теми же климатическими изменениями, которые захватывают небывало широкие пространства. Так, например, ареал древнейшей культуры охватывает территорию между Волгой и Дунаем, а куро-аракская культура распространяется от Северного Кавказа до Сирии и Палестины. Масштаб миграций и культурных трансформаций этого периода столь велик, что определяет собой перелом эпох. На смену неолиту–энеолиту приходит эра металла.

Указанные перемены не коснулись территорий экстенсивного развития неолит-энеолитических культур. Конечно, климатические изменения IV тысячелетия до н.э. коснулись также пустынных и лесных культур, развивавшихся более или менее изолированно от внешнего мира. Но здесь перемены ограничились сужением их ареалов соответственно изменению границ лесного пояса или скоплением населения в природных убежищах в виде водообеспеченных долин и оазисов Евразии. В этих своеобразных культурных «рефугиумах» развитие культур, как правило, происходило без кардинальных сдвигов или даже перемен.

РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВОГО СТРОЯ – КОНЕЦ «ДЕТСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Конец IV – начало III тысячелетия до н.э. ознаменовался внедрением металла в жизнь населения обширных регионов. К середине III тысячелетия изделия из бронзы вошли в широкий обиход людей, населявших Переднюю Азию и Южную Европу, а на рубеже II–I тысячелетий до н.э. активное использование металла отмечается уже практически во всей Евразии и Северной Африке. Металл стал использоваться раньше всего в тех сферах жизни, в которых во все эпохи древней истории находили применение любые значительные открытия, а именно в вооружении и для изготовления украшений и культовых предметов, и только во вторую очередь – в обычной хозяйственной деятельности.

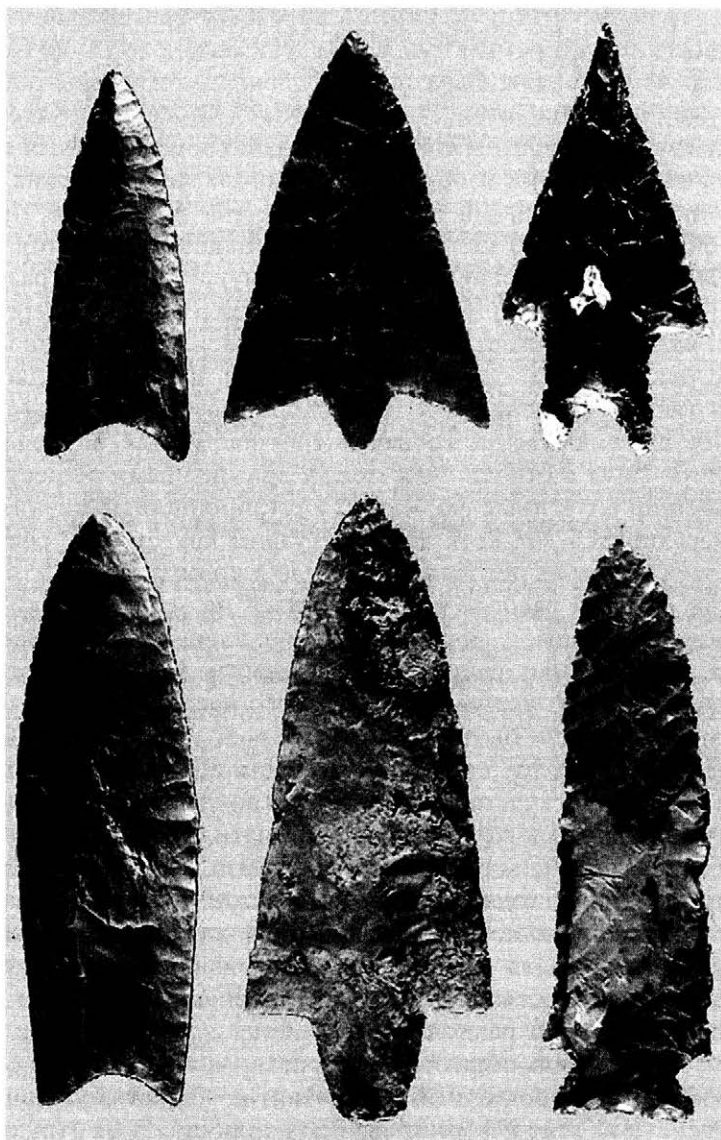
К изобретению технологии добычи металла и его обработки носители передовых для того времени культур были уже готовы. Освоение начатков горного дела относится к неолиту: именно тогда появились первые шахты по добыче сырья для каменных изделий. Высокая степень избирательности неолитических людей к исходному сырью говорит и о знакомстве их с основными свойствами минералов. Еще верхнепалеолитические люди приносили на свои стоянки осколки метеоритного железа и желваки самородных металлов. Иногда для получения минеральных красок использовали различные породы с концентрированным содержанием железа и других металлов. Но если в предшествующие эпохи выплавка металла была невозможна чисто техниче-

ски, то успехи в области пиротехники неолитических людей, в принципе, делали это достижимым. Тем не менее в эпоху неолита эта возможность еще не была реализована. Она оказалась востребованной лишь в итоге тех сложных социально-экономических процессов, начало которых связано с переходом к производящему хозяйству. Логика развития экономики, в которой имелось место для образования избыточного продукта, объективно вела к максимально эффективному использованию производительных сил. Одним из решающих средств их активизации и обновления в эпоху бронзы послужило освоение металла и специализация производств.

В это время значительно возрастает производительность труда. Земледелие становится уже пашенным. Благодаря этому одна семья способна обрабатывать достаточно крупный участок земли и получать большой урожай. Искусственное орошение в местах, где оно практиковалось, позволяло делать этот урожай регулярным и гарантированным. Увеличение общего производства и расширение хозяйственно-бытовой сферы подталкивало к специализации ремесла. Кузнец, гончар и ткач оказываются способными своим ремеслом обеспечить себя и свою семью. Одновременно возникает активный обмен, сначала прямой, а затем с использованием различных меновых эквивалентов. Обменные связи приобретают широкий территориальный охват. В него включаются не только соседние общины, но и поселения, отстоящие друг от друга на многие сотни километров. Возникает прослойка людей, специализирующихся на торговле, образуются торговые пути, которые стимулируют взаимовлияние культур и распространение технических достижений.

Земледельческое население эпохи бронзы обитало обычно в крупных поселениях, состоящих из нескольких десятков домов. Жизнь людей в этих поселках скрепляли экономические отношения в не меньшей степени, чем родственные. Социальные отношения в целом стали приобретать усложненный характер. Начавшие складываться еще в неолите механизмы выделения общинных и родовых лидеров дополнились теперь экономическими претензиями формирующейся знати на социальное главенство. Утверждение семьи как самостоятельной экономической единицы продолжило ослабление родового начала в регламентации общественной жизни. Новые установления, призванные приспособить социальные отношения к изменившимся экономическим условиям, действовали в направлении сужения роли чисто родовых отношений. Социальные регламентации стали облекаться в фиксированные нормы обычного права, действующего по территориальному принципу и распространяющегося в одинаковой степени на каждого члена общины независимо от его родового происхождения. В обычном праве получила отражение и наметившаяся дифференциация в экономической и общественной сферах жизни.

Начавшаяся в неолите дивергенция земледельческого и скотоводческого направлений культур в эпоху бронзы приобретает более контрастный характер и воплощается в новых сложных реальностях. Земледельческие общества развиваются более динамично. У них накапливаются богатства как следствие продуктивности их хозяйства. Появляются крупные поселения и даже большие города. Что же касается племен, хозяйственный уклад которых базировался на кочевом скотоводстве, то их экономическое благосостояние не

Кремневые наконечники метательного вооружения в культурах каменного века Северной Америки

могло быть таким же стабильным и с тенденцией к постоянному возрастанию, как у земледельцев. На протяжении того времени, когда экономический достаток этих двух культурных миров находился примерно на одинаковом уровне, их взаимоотношения носили дружественный характер. Но с утверждением у них экономики, ориентированной на накопление богатств, и появлением между ними различий в обладании этими богатствами возникла экономическая основа для военных столкновений. В эпоху бронзы с земледельческой цивилизацией почти повсеместно соседствует кочевническая

(«варварская») периферия, и первая подвергается систематическим грабительским набегам со стороны второй. Уже в IV тысячелетии до н.э. крупные земледельческие поселения Евразии, как правило, окружены оборонительными сооружениями. Грабительские войны этой эпохи становятся одним из существенных факторов, стимулирующих возникновение новых социально-экономических отношений и образование ранних политических объединений. Успешные набеги давали богатую добычу и пленников. При разделе трофеев в более выгодном положении оказывались военные предводители и вожди. Это способствовало увеличению имущественного разрыва между знатью и обычными членами общины, закреплению авторитета вождей. В общинах, являвшихся жертвами набегов, происходило образование определенных структур, предполагавших выделение военных предводителей и дружины, а также упрочение власти вождя. Угроза военных столкновений и постоянное противостояние косвенно способствовали не только утверждению фактора силы в отношениях между враждебными обществами, но и распространению его в иных формах во внутриобщинной жизни. Принятие решений, касающихся дел всей общины, узким кругом лиц, состоящим из знати, при этих условиях неизбежно входило в норму.

При ослаблении и распаде родовых связей на экономический достаток каждого общинника влияли личные интеллектуальные и физические качества человека, состав семьи, расположение, размеры и урожайность возделываемого участка земли, величина полученного наследства и т.п. Естественно, эти условия не могли быть равными для всех. Сохраняя личную свободу и имея формально голос на собраниях, часть общинников могла реально попадать в экономическую зависимость от своих сородичей или соседей. В то же время продолжалось формирование знати, в руках которой все больше сосредоточивались власть, богатства, рабы и возможность сохранения своего благополучия благодаря поддержке дружины. Образование этого полюса власти поначалу не носило конфликтного характера, так как оно объективно было выгодно для всей общины. Возникающая форма управления удовлетворяла потребностям безопасности от внешней угрозы и сохраняла определенное социальное равновесие в общине.

В целом, этот уровень общественной организации завершал собой предполитический, догосударственный этап развития общества. Дальнейшее развитие такой системы вело к формированию надличностных структур власти, освященных начатками права, государственной идеологией и подкрепленных авторитетом силы.

Возникновение государственности характеризовалось институализацией власти, ее иерархичностью и наследуемостью. Переход к государству в различных регионах происходил в разное время и неодинаково. Типичным был путь, когда власть начинал олицетворять наиболее знатный военачальник, реальная сила которого обеспечивалась опорой на дружину. Часто верховная власть сосредоточивалась в руках одного из племенных вождей, обладавшего наивысшим авторитетом. В тех обществах, где традиционно велика была роль религии, высшая власть переходила к жрецам. Наконец, на всех континентах остались многочисленные народы (племена), не прошедшие государственной стадии развития.

Обобщая данные, касающиеся механизма разложения первобытнообщинного уклада и замены его государством, можно заключить, что в основе этого процесса лежит возникновение экономики, ориентированной на накопление богатств через производство и присвоение прибавочного продукта. Там, где данному процессу благоприятствовали природные и историко-культурные обстоятельства, общественные отношения, базирующиеся на экономической свободе одних и зависимости других, трансформировались в отношения господства и подчинения. Первобытные грабительские войны являлись внешним стимулом, ускоряющим естественный ход социальной стратификации и политической самоорганизации общества. Сами по себе грабительские войны не приводили к сложению государства.

При наличии благоприятных природно-географических условий действие факторов, формирующих государство, находило масштабные проявления в виде мощных политических образований и даже ранних империй. Именно такое завершение рассматриваемого процесса имело место в начале III тысячелетия до н.э. в долине Нила, в Восточном Средиземноморье и Месопотамии, в долине Инда и несколько позже в бассейне Ганга, а также в Индокитае.

В возникших здесь государствах власть аппарата управления была узаконена, а верховный правитель часто обожествлялся, хотя воспринимался при этом не сошедшим богом или представителем бога, а, наоборот, представителем народа и страны перед богами. Вместе с генезисом государственности появляется письменность, литература, великолепная монументальная архитектура, развитые религиозные системы. С возникновением первых государств закончилось «детство человечества» – самый большой отрезок истории, длившийся около двух миллионов лет.

РАННЯЯ ДРЕВНОСТЬ

III–II тысячелетия до н.э.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ФОРМИРОВАНИЕ РАННИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Непрекращавшееся на протяжении многих тысячелетий взаимодействие древних культур и этносов Ближнего Востока привело к созданию своеобразных цивилизаций, оказавших заметное влияние на развитие культурно-исторических процессов в Древней Европе и Азии.

Территории Передней Азии были предположительно древнейшим ареалом распространения носителей афразийских диалектов, образовывавших в XI–X тысячелетиях до н.э. праафразийскую (старое название – семито-хамитская) этноязыковую общность, из которой впоследствии выделились семитские языки, древнеегипетский, берберские и ряд африканских языковых семей. Культурная лексика, восстанавливаемая для праафразийского периода и соотносимая с данными раннего земледелия, скотоводства, разнообразных типов жилища и природных условий, дает основания относить эту общность ко времени перехода от присваивающего хозяйства к производящему. К общеафразийскому периоду восходят термины, связанные с примитивной обработкой земли («мотыга», «обрабатывать землю»), названия ячменя, зерна, бобовых, слова, обозначающие время сбора урожая, названия домашней собаки и др. Согласно одной из гипотез последних десятилетий, очагом зарождения афразийской семьи была мезолитическая/ранненеолитическая *натуфийская* культура, точнее ее поздняя стадия (10 800–9500 гг. до н.э.), памятники которой обнаруживаются в сиро-палестинском регионе: южнее – до Египта, а на севере – до Евфрата. В конце этого периода происходит разделение праафразийского языка на северную и южную группы. После распада праафразийского его диалекты еще долго продолжают оставаться в Передней Азии (включая Аравийский п-ов: И.М. Дьяконов, А.Ю. Милитарев), а затем все они, кроме прасемитского, в разное время попадают на африканский материк в ходе миграций неолитических племен. Причиной этих миграций могло быть окончание неолитического климатического оптимума VIII–VII тысячелетий до н.э. и наступление первого этапа аридизации Аравийского п-ова и Восточной Сахары.

Одним из первых от североафразийской группы диалектов отделяется праегипетский (предположительно – IX–VIII тысячелетия). Его носители, которые были, как полагают, европеоидами, продвигаются в южную часть

долины Нила лишь в V – первой половине IV тысячелетия до н.э. Хотя миграции афразийских племен Ближнего Востока иногда связывают уже с древнейшей неолитической *тасийской* культурой Среднего Египта (VI – начало V тысячелетия до н.э.), активные контакты с Передней Азией обнаруживаются в пришедшей ей на смену энеолитической *бадарийской* культуре Верхнего Египта (середина V – последняя четверть IV тысячелетия до н.э.), созданной смешанным населением Западной Сахары с преобладанием негроидных элементов. Видимо, ареал распространения праегипетского населения в IV тысячелетии до н.э. можно соотнести с культурой *Накада*, для первого периода которой (*амратского* – 3800–3600 гг. до н.э.) характерны социальное расслоение и появление додинастического города, а для второго (*герзейского* – 3600–3200 гг. до н.э.) – переход к производящему хозяйству, развитие земледелия, искусственного орошения, эксперименты с медью. На основе этой культуры в конце IV тысячелетия до н.э. возникает древнеегипетское государство.

Что касается общесемитского праязыка или, скорее, диалектов другой группы афразийских племен, игравшей в дальнейшем на протяжении тысячелетий выдающуюся роль в древневосточной политической и этнокультурной истории, то его отделение от праафразийского произошло значительно позже праегипетского. Гипотетически прародина семитоязычного населения локализуется в районе Междуречья Тигра и Евфрата (V тысячелетие до н.э.). К этому же времени относится самое раннее разделение семитского праязыка условно на южную и северную ветви. Последняя в IV тысячелетии распадается на (северо)восточную (аккадский – с середины III тысячелетия) и (северо)западную, к которой восходит большинство известных семитских языков.

Процесс разделения праафразийского единства был связан с расселением и миграцией носителей соответствующих диалектов и проходил в конкретном географическом пространстве, которое в то или иное время было заполнено племенами, относящимися к неродственным этнокультурным общностям. Однако для столь раннего периода надежно идентифицировать следы межэтнических контактов довольно затруднительно.

Месопотамия. В VIII–VII тысячелетиях до н.э. Верхняя Месопотамия уже была заселена различными земледельческо-скотоводческими племенами, пришедшими в большинстве своем из горных районов – Загроса и Армянского нагорья. Среди первых, зона расселения которых тяготела к р. Тигр, выделяются культура *Джармо* (неолит, VII тысячелетие), характеризующаяся переходом к производящему хозяйству, *хассунская* (неолит–энеолит, VII–VI тысячелетия) – земледельческая культура с племенной организацией общества, и более поздняя *самаррская* (энеолит, VI–V тысячелетия до н.э.) – оседлое общество с развитой социальной организацией. Именно эта культура иногда связывается с носителями так называемых «прототигридных», или «банановых» языков (см. ниже), генетическая принадлежность которых не установлена. Среди вторых, тяготевших к долине Евфрата, наиболее заметна энеолитическая халафская культура (VI тысячелетие), у которой отмечается сходство с Западной Анатолией (Хаджилар, Чатал-Хеюк), обнаруживаемое в культовой символике, ритуальных изображениях, в частности матери-богини. Западноанатолийские параллели представляют особый интерес, поскольку Чатал-Хеюк связывается с древнейшим слоем индоевропейского этноса.

В VI тысячелетии до н.э. часть носителей самаррской культуры продвигается в Нижнюю Месопотамию и заселяет ее вплоть до Персидского залива. Зарождаются протогорода, развивается металлургия меди. Пришельцы с севера (известные как субареи) создали энеолитическую *убейдскую* культуру (VI–IV тысячелетия). Они распространились к Средиземному морю через Верхнюю Месопотамию и Сирию, разрушив поселения *халафской* культуры (конец V тысячелетия), а также в Северо-Восточную Аравию. Вся эта огромная территория была относительно однородна в этнокультурном отношении.

В начале IV тысячелетия до н.э. в Нижней Месопотамии появляется новый народ – шумеры. Вопрос об их прародине до сих пор вызывает споры. Существует шумерский миф о происхождении человечества с о-ва Дильмун (совр. Бахрейн), но не ясно, отражает ли он исторические воспоминания шумеров об их перемещении в Месопотамию. В любом случае, шумерская идеограмма со значением «страна», представляющая собой вершины трех гор, явно свидетельствует о том, что шумеры не были автохтонами в равнинной Нижней Месопотамии.

С приходом шумеров культура Убейд сменилась урукской (IV тысячелетие до н.э.). Шумеры смешивались с местным населением и ассимилировали его, перенимая у него материальную культуру вместе с соответствующими обозначениями. На это указывает нешумерская лексика, например слова, по структуре сходные с *banana*: *zababa*, *hubaba* (теонимы) и тому подобные, которые относят к уже упоминавшемуся «банановому» субстрату. Шумерское общество эпохи Урук – это племенной союз с центром в Ниппуре. Вторая половина IV тысячелетия до н.э. характеризуется внешней экспансией шумеров, созданием колоний (они перестают функционировать в конце IV тысячелетия, в эпоху Джемдет-Наср) и, что особенно важно, возникновением пиктографического письма, которое со временем развивается в словесно-слоговое. Раннединастический период шумерской истории завершается в начале III тысячелетия до н.э. разрушительным наводнением – прообразом всемирного потопа, а уже во второй четверти III тысячелетия рядом с шумерами обнаруживаются семитские этносы (восточные семиты – аккадцы). Восточные семиты, которые, как полагают, осели в Междуречье (по крайней мере, в Верхней Месопотамии и на севере Нижней Месопотамии) уже в эпоху неолита, усвоили более высокую шумерскую культуру, и к середине III тысячелетия население Нижней Месопотамии было, вероятно, двуязычным. Его самоназвание – *SAĜ.ĜI.GA* (букв. «черноголовые»), а этническая идентификация основывалась, как принято считать, на ритуально-языковых признаках (принадлежности к общине шумеро-аккадских божеств) (см. также с. 74).

Очевидно, что в формировании месопотамской цивилизации на ранней стадии принимали участие различные этносы, из которых наиболее значительными были шумеры и восточные семиты (аккадцы). В III тысячелетии семитское (или шумеро-семитское) население занимало всю долину Евфрата вплоть до Сирии. Однако среди личных имен в архивах Эблы (торгового города-государства середины III тысячелетия в Сирии, совр. Телль-Мардих) выявлены не-семитские («протоевфратские») имена.

Вклад шумеров в материальную и духовную культуру огромен. Ими были изобретены сложные ирригационные системы, сельскохозяйственные орудия, гончарный круг, в области науки заложены основы астрономии, разработаны система метрологии и счетные таблицы, в религии впервые создан структурированный пантеон. К шумерам восходят первые литературные произведения (например, эпос о Гильгамеше), новые архитектурные формы и многое другое. Шумеро-аккадское культурное наследие, которое развивалось и обогащалось в последующие столетия, оказывало разностороннее влияние на цивилизационные процессы древней Анатолии и сопредельных регионов.

Среди менее значимых этнических групп, проникавших в Междуречье к концу III тысячелетия до н.э., были кутии (племена, населявшие западную область Иранского нагорья и захватившие немалую часть Месопотамии в XXII в. до н.э.; предположительно – родственный тохарам индоевропейский этнос: Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов), луллубеи, обитавшие в горах Загроса, а также различные кочевые и полукочевые западносемитские племена, однако их воздействие на месопотамскую культуру минимально.

Иначе обстояло дело с западносемитскими амореями, продвижение которых в Месопотамию с запада в конце III тысячелетия до н.э. носило массовый характер. В это время в Нижней Месопотамии происходила этническая трансформация, завершившаяся в старовавилонский период (первые века II тысячелетия до н.э.): шумеры были ассимилированы аккадцами, а шумерский язык стал языком ученых и использовался в ограниченных сферах (в частности в культе). С приходом амореев в городах появляются аморейские династии, из которых самая известная – 1-я вавилонская и ее шестой царь – Хаммурапи (первая половина XVIII в. до н.э.); Южная Месопотамия объединяется в единое государство – Вавилонию. Интересно, что амореи, оказавшись в более высокой по уровню культуры городской среде Месопотамии, сумели сохранить свою этническую идентичность и не были полностью аккадизированы.

Именно через амореев в начале II тысячелетия восточносредиземноморские культурные традиции передавались в Месопотамию. Прослеживается влияние западносемитских правовых норм на месопотамское законодательство: например, упоминавшийся в Библии «талион» до амореев не встречается в правовой практике Междуречья. В целом правление родственных аморейских династий в Восточном Средиземноморье и в Месопотамии в первой половине II тысячелетия до н.э. сблизило эти территории в культурном и экономическом отношениях, включив Восточное Средиземноморье в общий цивилизационный процесс на древнем Ближнем Востоке.

В середине II тысячелетия в Вавилонию с северо-востока вторгаются касситы (горные племена Загроса), хотя отдельные их группы проникают туда уже в конце старовавилонского периода. После похода хеттского царя Мурсилы I, в первой половине XVI в. до н.э. захватившего и разграбившего Вавилон, к власти в этой части Междуречья на последующие несколько столетий приходят касситские правители. Касситы, в этноязыковом отношении не родственные ни индоевропейцам, ни семитам или каким-либо другим из окрестных народов (насколько можно судить по их языку, от которого сохранились отдельные личные имена, теонимы, технические термины), были

изначально враждебны амореям (во второй половине II тысячелетия до н.э. окончательно вытесненным из Месопотамии). В то же время они приняли язык, культуру и религию вавилонян, часто отдавая предпочтение более консервативным формам; так, царские надписи касситского времени архаизированы под конец III тысячелетия до н.э.

В цивилизационных процессах в древней Передней Азии немаловажную роль играли народы, распространившиеся в Сирии и Северной Месопотамии из Закавказья. Это носители энеолитической куро-аракской культуры (V – начало III тысячелетия до н.э.), в создании которой принимали участие различные этносы: предки хурритов и урартов (родственных северо-восточнокавказским народностям), южнокавказские этносы, индоевропейцы. Присутствие последних прослеживается, в частности, в погребальных обрядах, специфике использования колесного транспорта и его средств. О раннем пребывании индоевропейцев в указанном ареале свидетельствуют также древние индоевропейско-египетские, индоевропейско-шумерские и индоевропейско-картвельские лексические связи.

Анатолия. С древнейших времен этот регион отличался крайней пестротой и сложностью этнокультурной истории. Это связано как с благоприятными природными условиями, богатством полезными ископаемыми, так и с географическими особенностями – сложностью рельефа, создававшего большое количество относительно обособленных областей. В VI–V тысячелетиях к востоку, на Армянском нагорье, были расселены носители языков, родственных северо-восточнокавказским, а от Центральной Анатолии к северу – племена, близкие к северо-западнокавказской этноязыковой общности. В III тысячелетии, начиная с его середины, этническая картина выглядит более определенно. Бассейн р. Галис (совр. р. Кызыл-Ирмак) был населен хаттами – народом с северо-западнокавказскими этногенетическими связями, оказавшим существенное влияние на формирование хеттской цивилизации раннего периода в сфере государственных институтов, материальной и духовной культуры (в мифологии, ритуальной практике), следы которого (например, некоторые эпические формулы) обнаруживаются в гомеровском эпосе. Хотя хаттский язык начал выходить из употребления задолго до середины II тысячелетия до н.э., тем не менее население этих областей в древнехеттский период еще включало определенный хаттский компонент.

Однако решающая роль в формировании древнеанатолийской цивилизации принадлежала хетто-лувийским (индоевропейским) племенам, проникавшим в Малую Азию в течение III тысячелетия до н.э., а возможно, и раньше. Вопрос о путях их продвижения в Анатолию (с востока или запада?) по-прежнему дискутируется, но очевидно, что индоевропейские миграции имели вид последовательных волн различной направленности, и следы их в виде особенностей погребального обряда, материальной культуры, характерной лексики, в частности в клинописных (так называемых «каппадокийских») табличках ассирийской торговой колонии начала II тысячелетия до н.э., свидетельствуют о довольно длительном совместном проживании индоевропейских и неиндоевропейских этнических групп в Древней Анатолии. Проблема взаимодействия этнически разнородных групп между собой была всегда актуальна и в Анатолии, и в Месопотамии, и в обоих случаях она решалась в зависимости от конкретных условий. Как отмечает Н.В. Козырева

применительно к Месопотамии (а это во многом действительно и для Анатолии хеттского времени), в периоды политической стабильности пришельцы (=этнические меньшинства) привлекались для участия в государственных институтах, в военной (можно добавить, и в религиозной) сфере, при ослаблении же государственности политическая власть могла полностью переходить в их руки.

Так, во второй половине III тысячелетия до н.э. на юге Армянского нагорья (куро-аракский ареал) обособляются этнические группы, из которых наиболее значительная – хурриты (чей язык близко родственен северо-восточнокавказским), занимавшие горные области между озерами Ван и Урмия и р. Тигр. На рубеже III–II тысячелетий хурриты расселяются в Верхней Месопотамии, Сирии и Юго-Восточной Малой Азии, создав к середине II тысячелетия свою государственность и став проводником шумеро-аккадских культурных традиций в Анатолию и, возможно, дальше на запад. Собственно хурритское влияние в Древней Анатолии, где на протяжении II тысячелетия до н.э. преобладали индоевропейские этнокультурные общности, особенно ярко выражено в хеттской мифологии и религии второй половины II тысячелетия. Открытость и одновременно внутренняя устойчивость хеттской культуры позволяли ей впитывать чужеземные, в том числе и хурритские, элементы, не утрачивая при этом своей идентичности даже в периоды преобладания последних на государственном уровне, как это было при новохеттских правителях.

Реконструируемая картина этнокультурных контактов Древней Анатолии включает и активные западные связи – с Балканами и Эгейским миром, насчитывающие не одно тысячелетие. Балканское присутствие в Северо-Западной Малой Азии отмечается уже в эпоху энеолита. Однако, исходя из более ранней по сравнению с Европой хронологии всех исторических процессов в Передней Азии, о реально ощущаемом культурном влиянии с запада можно говорить начиная с конца первой половины I тысячелетия до н.э. Но еще в начале этого тысячелетия месопотамские и восточносредиземноморские культурные достижения проникали в Анатолию через позднихеттские царства Северной Сирии и Верхнего Евфрата и далее распространялись на запад (например, финикийский алфавит). В целом древнеанатолийская цивилизация представляет собой синтез всевозможных элементов – собственно индоевропейских, хаттских, хурритских, месопотамских, восточно-средиземноморских и ряда других, что, учитывая ее пограничное положение между Востоком и Западом, делает ее ценным источником для исследования этнокультурных процессов и взаимодействий в древности.

ЦИВИЛИЗАЦИИ ДОЛИН ВЕЛИКИХ РЕК: ОТ ПРОТОГОСУДАРСТВА К ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ ЦАРСТВУ

МЕСОПОТАМИЯ

Месопотамия (Междуречье) – равнина в бассейне Тигра и Евфрата, протянувшаяся на северо-запад от Персидского залива до Верхнего Евфрата. Сейчас она в основном входит в состав Ирака. Весь этот обширный регион делится на две части: Нижнюю Месопотамию, лежащую в нижнем течении Тигра и Евфрата, где русла этих рек сближались (сейчас они даже сливаются в единую реку Шатт-эль-Араб; в древности они впадали в залив самостоятельными руслами) и Верхнюю (Северную) Месопотамию, где Евфрат и Тигр далеко отстоят друг от друга. Нижнюю Месопотамию в древности называли Шумером (в наиболее широком смысле этого слова) и, в свою очередь, делили на южную и северную части. Юг Нижней Месопотамии именовался Приморьем, или Шумером «в узком смысле слова», а север первоначально носил название Ки-Ури, а позднее – Аккад (по названию располагавшегося здесь города Аккаде, месопотамской столицы конца III тысячелетия до н.э.). Отсюда и название Нижней Месопотамии в целом, закрепившееся с исхода III тысячелетия до н.э. – «Шумер и Аккад». Еще позже Нижнюю Месопотамию стали называть Вавилонией, по ее новому главному центру – Вавилону.

Нижняя Месопотамия была наиболее изобильным регионом всего Плодородного Полумесяца, но скудна минеральными ресурсами и деревом. Верхняя Месопотамия представляла собой холмистую степь. В ее восточной части была расположена Ассирия (греч. термин, принятый в науке для обозначения области с центром в городе Ашшур на Среднем Тигре).

Одна из главных особенностей геополитической карты Месопотамии – наличие двух ее постоянных «фронтов»: на севере–северо-востоке–востоке от нее (где равнинные жители Междуречья почти всегда враждовали с горцами) и на западе и юго-западе, на границе с Аравийским плато (откуда в регион волна за волной вторгались кочевники). Бедность Месопотамии металлом и деревом с ранних пор стимулировала развитие внешнеторговой и военной экспансии ее жителей. Месопотамцы вывозили в иные страны ткани, зерно и ремесленные изделия, а сами отправляли торговые и военные экспедиции за лесом, металлами и рабами.

Периодизация. История Древней Месопотамии обнимает несколько тысячелетий и традиционно делится в науке на ряд эпох – доисторических: Убейд (VI–IV тысячелетия до н.э.); Урук (IV тысячелетие до н.э.); Джемдет-Наср (рубеж IV–III тысячелетий до н.э.); и исторических: Раннединастический период с тремя подпериодами (XXX–XXIV вв. до н.э.);

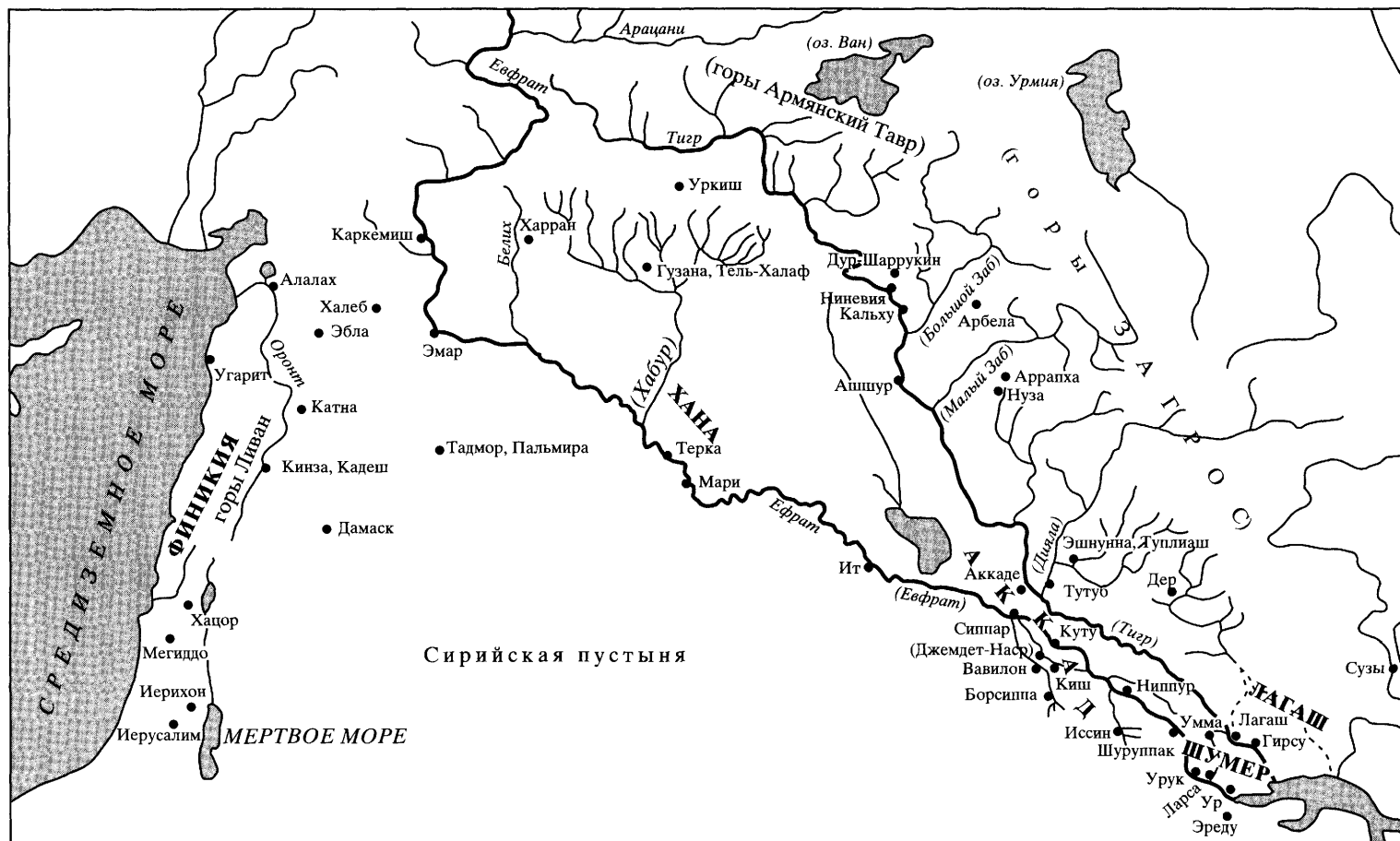
эпоха первых деспотий – Аккадской и Урской (XXIV–XXI вв. до н.э.); Старовавилонский–Староассирийский (XX–XVI вв. до н.э.), Средневавилонский–Среднеассирийский (XVI/XV–XII/XI вв. до н.э.) и Новоассирийский (X–VII вв. до н.э.) – Нововавилонский (XII–VI вв. до н.э.) периоды, с некоторыми несовпадениями в периодизации Вавилонии и Ассирии; наконец, Младовавилонский период (VI/V в. до н.э. – рубеж эр), когда Месопотамия входила в состав иноземных империй. Ниже эти периоды подразделяются на три больших этапа: *доистория* (до начала Раннединастического периода), *ранняя древность* (от Раннединастического до начала Новоассирийского периода, III–II тысячелетия до н.э.) и *поздняя древность* (Новоассирийский период и далее, I тысячелетие до н.э.).

Время от первого заселения Нижней Месопотамии и до начала IV тысячелетия до н.э. выделяется сейчас как время становления и развития так называемой *убейдской* археологической культуры (названной по поселению эль-Убейд в Ираке). Ее носители вплотную подошли к созданию цивилизации: они строили города и храмы, но так и не открыли письменности. Убейдская культура охватывала всю Месопотамию и ее восточную окраину. Вопрос об этносе убейдцев не решен до конца.

Большая часть IV тысячелетия до н.э. образует эпоху так называемой культуры *Урук* (характерные для нее памятники обнаружены в городище Урук), отличающейся от убейдской культуры и керамикой, и погребениями. Кроме того, для культуры Урук характерны первые памятники месопотамской письменности – это глиняные хозяйственные документы, представляющие наиболее раннюю, пиктографическую (рисуночную) стадию письма на шумерском языке. Архив этих документов найден на самом городище Урук. Таким образом, носители культуры Урук были шумерами.

Но кем были носители предшествующей, убейдской культуры? Многие авторы считают и их шумерами. Однако перемена керамических стилей и особенно характера погребений обычно связана с приходом нового этноса, а в шумерском языке обнаружены заимствования из какого-то более древнего языка – это термины ремесла и некоторые имена (в том числе имена богов, например Алалу, Кубаба, Забаба и др.). Такие имена были распространены у людей, живших к северу от Шумера, в стране, именовавшейся «Субар» (где тоже была распространена убейдская культура), а сами шумеры считали, что их история некогда началась с двух общин – «Эреду» (город, который шумеры полагали своим древнейшим поселением) и «Субар». Из всего этого, по-видимому, следует, что убейдская культура принадлежала особому дошумерскому народу, к языку которого относились упомянутые имена и термины. Шумеры же появились здесь лишь в начале IV тысячелетия до н.э., смешались с местным населением и ассимилировали его. В результате в Нижней Месопотамии началась эпоха Урук – первая эпоха шумерской истории, а к северу от нее продолжали существовать племена того же дошумерского этнического ареала. Шумеры называли их северный край «Субар», а население – «людьми субар»; а поскольку шумеры сохранили какую-то память о том, что их история в Месопотамии началась со смешения с тем же народом, они и рисовали эту историю как плод симбиоза собственно шумерского Эреду и «Субара», представлявшего аборигенов.

На исходе IV тысячелетия до н.э. или несколько позже в Месопотамию переселилась из Северной Аравии особая ветвь семитов – восточные семиты, получившие в науке название «аккадцев». Часть восточных семитов расселилась в северной половине территории, занятой шумерами (в результа-

Месопотамия и сопредельные страны в III тысячелетии до н.э.

те этот регион получил особое шумерское название Ки-Ури), а часть – вне нее, на Среднем Тигре. От первой группы восточных семитов, смешавшейся с шумерами и в конце концов ассимилировавшей их всех, происходит народ вавилонян, а от второй – народ ассирийцев. Вавилонский и ассирийский языки – это разные диалекты восточносемитского (аккадского) языка, которые на рубеже III–II тысячелетий до н.э. обособились друг от друга.

После эпохи Урук археологи выделяют эпоху *Джемдет-Наср* (конец IV тысячелетия до н.э.), названную по имени еще одного городища, где обнаружен более поздний архив, демонстрирующий дальнейшее развитие рисуночной письменности. Иногда эпохи Урук и Джемдет-Наср объединяют в «Протописьменный период». С переходом от пиктографии к полноценной системе словесно-слоговой письменности и рядом других перемен в материальной культуре и социальной жизни начинается следующий, *Раннединастический период* истории Месопотамии (конец IV тысячелетия – XXIV в. до н.э.). Это было время существования шумерских городов-государств. Именно в Раннединастический период вторым компонентом населения Нижней Месопотамии оказались живущие в симбиозе с шумерами восточные семиты – аккадцы. По археологическим критериям Раннединастический период подразделяется на три этапа (начало III тысячелетия, вторая четверть и середина – третья четверть III тысячелетия до н.э.). Грань первого и второго из них образует грандиозное наводнение, навсегда оставшееся в памяти месопотамцев, – так называемый «великий потоп» (ок. 2950 г. до н.э.).

В конце XXIV в. до н.э. вся Нижняя Месопотамия впервые объединяется в централизованную империю с неограниченной властью царя, созданную династией Аккада (XXIV–XXII вв.) и восстановленную так называемой III династией Ура (конец XX–XXI в.). Державу Ура сокрушило ок. 2003 г. до н.э. нашествие новых семитских кочевников – амореев. Ее государственность пыталась продолжить I династия Иссина (2017–1794), однако большая часть страны вскоре вышла из-под ее контроля, и Месопотамия распалась на множество царств. Времена правления «имперских» династий Аккада и Ура объединяют в период первых централизованных деспотий в Двуречье (ок. 2316–2003 гг. до н.э.).

Новое объединение Месопотамии осуществил лишь к середине XVIII в. до н.э. знаменитый вавилонский царь Хаммурапи, сам из аморейской династии. Время правления этой династии в Вавилоне рассматривается как особый *Старовавилонский период* в истории Месопотамии (1895–1595 гг. до н.э.). После нее власть над Вавилонией перешла к династии из пришлого народа горцев-касситов, ее правление образует следующий, *Средневавилонский период* (ок. 1595–1150 гг. до н.э.). Касситскую династию низвергло нашествие других горцев – эламитов, жителей Юго-Западного Ирана, и дальнейшее течение событий с конца II тысячелетия до н.э. до персидской аннексии Вавилонии в 539 г. ученые рассматривают как *Нововавилонский период*. Стоит отметить, что крайний юг Нижней Месопотамии, заселенный потомками аккадизированных шумеров, нередко обособлялся от правителей в Вавилоне (в частности при так называемой династии Приморья – 1722 – ок. 1460 гг. до н.э.).

Еще во время правления в Вавилоне касситов, в XIV в. до н.э., город-государство Ашшур, лежавшее на крайней северной периферии шумеро-аккадского ареала, подчинило обширные окрестные территории и превратилось в

могущественную Ассирийскую державу. Дальнейшую историю этого царства, вплоть до его уничтожения Вавилоном и его союзниками в конце VII в. до н.э., делят на *Среднеассирийский* и *Новоассирийский периоды*, гранью которых служит нашествие на Месопотамию очередной волны семитских кочевников – арамеев на рубеже XI–X вв. до н.э. При этом Среднеассирийский период условно ведут с рубежа XVI–XV вв., а предыдущие времена истории Ашшура не менее условно объединяются в *Староассирийский период* (XX–XVI вв. до н.э.).

ОТ ОБЩИН К ДЕСПОТИЯМ: МЕСОПОТАМИЯ ДО КОНЦА IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

В низовья Тигра и Евфрата человек проник довольно поздно – в эпоху развитого неолита (VI тысячелетие до н.э.). Первыми насельниками Южного Двуречья были, как мы уже видели, субареи – выходцы с северо-востока, от предгорьев Загросского хребта. К концу VI тысячелетия до н.э. они освоили болотистый край вплоть до «Горького моря» и построили здесь древнейшие известные нам огороженные поселения Месопотамии – протогорода. Нижнемесопотамские субареи создали особую, *убейдскую* археологическую культуру (V – начало IV тысячелетия до н.э., или «убейдское тысячелетие»). Вскоре ее носители-субареи овладели знаниями выплавки меди (соответствующие термины были позднее переняты от убейдцев шумерами) и расселились на обширных пространствах от Центрального Загроса через Верхнюю Месопотамию и Сирию к Средиземному морю, а также в Северо-Восточной Аравии, включая Бахрейн. Вся эта огромная территория вместе с Нижней Месопотамией составила относительно однородную этнокультурную ойкумену субареев – носителей убейдской культуры (см. с. 70).

В начале IV тысячелетия до н.э. в Нижней Месопотамии расселяется новая народность – шумеры, с приходом которых археологическая культура Убейд сменяется в этом регионе культурой *Урук*. Судя по позднейшим воспоминаниям шумеров, первоначальным центром их поселения был город Эреду, т.е. район в самом низовье Евфрата. Приход шумеров в основном носил мирный характер подселения в уже существующие протогорода. Шумеры, как уже упоминалось, смешались с нижнемесопотамскими убейдцами и ассимилировали их, переняв от них ремесленные навыки, некоторые культы богов и т.д.

Вопрос о прародине шумеров не разрешен до сих пор, так как их язык пока не удалось надежно связать ни с одной из известных ныне языковых групп, хотя кандидатур на такое родство предлагалось множество, включая тибето-бирманские и полинезийские языки (при всей кажущейся фантастичности последней версии она подкреплена лингвистическим материалом). С нашей точки зрения, вероятнее всего, шумеры пришли с востока, через Иран. Согласно шумерским текстам III тысячелетия до н.э., повествующим о контактах этого народа с далекой центральноиранской страной Аратта (в районе совр. Йезда), в Аратте почитают шумерских богов и носят шумерские имена; возможно, здесь мы видим след миграции шумеров в Месопотамию с востока.

Формирование шумерской общности на территории Нижней Месопотамии ограничило субарейскую ойкумену полосой земель вдоль Верхнего

Тигра, Северного и Центрального Загроса. Все это обширное пространство именовалось впоследствии «страной Субар» (акк. «Субарту», «Шубарту»). После бурных политических и военных потрясений на рубеже III–II тысячелетий до н.э. местных субареев ассимилировали их северо-восточные соседи горцы-хурриты; на них с тех пор и перешло в месопотамских источниках название «с/шубареи».

Шумеры эпохи Урук, по-видимому, объединялись в большой общинно-племенной союз, охватывавший почти всю Нижнюю Месопотамию, с центром в Ниппуре (совр. дер. Ниффер в Ираке), где поддерживался культ верховного общешумерского бога Энлиля (шум. «Владыка Воздуха» или «Дыхания»). Каждая отдельная община или группа общин занимала небольшой участок бассейна Южного Двуречья с центром в относительно крупном городском поселении, к которому тяготели ближайшие мелкие пункты; их жители входили в одно общинное образование с обитателями центрального поселения. Такие территориально-политические объединения принято называть *номами* (греч. «область», «административно-территориальная единица»). В центральном поселении располагалось и основное «учреждение» всего нома – храм его главного бога-покровителя, являвшийся и культовым, и хозяйственным центром.

О единстве и могуществе шумерского союза можно судить по своему рода «колониальной экспансии» шумеров в эпоху Урук. В середине – второй половине IV тысячелетия до н.э. однотипные шумерские колонии появляются на землях чужеземных племен в долине Верхнего и Среднего Евфрата и в Юго-Западном Иране (в Сузах), на огромных по тому времени пространствах. Там они служат центрами военного и торгового доминирования пришельцев-шумеров. В колониях обнаружены шумерские пиктографические документы. Создание и защита этих колоний требовали известного всешумерского политического единства и существования могущественной властной верхушки, отделившейся от рядовых общинников. И действительно, судя по погребениям, в эпоху Урук у шумеров уже выделилась богатая и властная элита. Появились и рабы (прежде всего захваченные на войне). Однако внутренней эксплуатации в шумерских общинах практически не было. Общинные руководители – главный судья, верховный жрец-прорицатель и другие – наделялись куда более обширными участками земли, чем рядовые общинники, и освобождались от физического труда. Верховный жрец (шумер. *эн*, «господин») считался главой всего нома и возглавлял совет старейшин. С течением времени «эны» стали наследственными правителями.

РАННЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

«*Номовые*» царства. В конце IV тысячелетия до н.э. шумерские колонии внезапно перестают функционировать; шумеры теряют свои внешние владения, наступает новая археологическая фаза – *Джемдет-Наср*. На ее исходе шумеры овладели производством бронзы и перешли от пиктографии к полноценной словесно-слоговой письменности. С этого времени отсчитывают Раннединастический период, первый этап которого около 2900 г. завершился гигантским наводнением (его следы прослеживаются археологически).

Месопотамцы навсегда запомнили его как важнейшую веку своей древнейшей истории – «великий потоп» – и выделяли две фазы истории страны: до потопа и после него. «Допотопная эпоха» отвечает первому этапу Раннединастического периода, а послепотопная – следующим. Обе они были эпохами раздробленности. Первые же доступные нам «послепотопные» письменные источники (вторая четверть III тысячелетия до н.э.) выявляют широкое присутствие бок о бок с шумерами нового, восточноемитакого (аккадского) этноса. Причем никакого противопоставления между ними как между пришлым и аборигенным народами источники не отражают – очевидно, приход аккадцев в страну состоялся намного ранее, и следы подобного противопоставления успели стереться.

Сводя все сказанное воедино, можно думать, что былой общинный союз шумеров эпохи Урук утратил свои внешние владения, а потом и вовсе распался под напором расселения восточных семитов-аккадцев из Сирийской степи (на поселениях фазы Джемдет-Наср действительно встречаются следы разрушений). Наступившая стадия раздробленности соответствует первому этапу Раннединастического периода – «допотопному времени», самой древней эпохе, удержавшейся в исторической памяти шумеров; тогда-то и начал осуществляться шумеро-аккадский симбиоз. Восточные семиты усвоили шумерскую культуру, включая письменность, и к середине III тысячелетия до н.э. образовали с шумерами двуединый и двуязычный суперэтнос с единой культурой. Люди этого суперэтноса на обоих своих языках, шумерском и аккадском, определяли себя как «черноголовые» (см. с. 64). Этот суперэтнос современные ученые и называют «древними месопотамцами». Общность «черноголовых» была этнокультурной по характеру: члены общин и родов, поддерживавших культ шумеро-аккадских божеств и считавших своим главным общинным покровителем одно из них (что подразумевало в качестве своего неотъемлемого атрибута освоение и использование одного и того же культурного ядра, в том числе ритуалов на обоих языках и шумеро-аккадской письменности) относились к «черноголовым», остальные – нет. При этом почти все цари месопотамских городов-государств III тысячелетия до н.э. принадлежали к этнически шумерским династиям, а значительные и официальные тексты составлялись именно на шумерском языке.

В начале III тысячелетия до н.э. месопотамцы перешли от пиктографии к полноценной словесно-слоговой письменности. Ее называют клинописью, поскольку в Месопотамии писали на сырой глине тростниковым пером с треугольным сечением, оставляющим клинообразные оттиски. С середины III тысячелетия шумерское письмо стали все чаще применять для аккадоязычных текстов. В начале II тысячелетия до н.э. потомки шумеров полностью перешли на аккадский язык, но образованные люди продолжали учиться шумерскому языку до конца месопотамской истории, прежде всего как «высокому» языку ритуала (некая аналогия – роль латинского языка в средневековье). Письмо насчитывало в каждый период около 400 различных знаков. При желании можно было обойтись и 70–80, а такое количество знаков мог выучить почти каждый. Поэтому грамотность получила распространение среди месопотамцев очень широко; возможно, в эпохи процветания страны большинство взрослых свободных месопотамцев были в какой-то мере грамотны, хотя писали с ошибками, да и прочитать могли далеко не

всякий текст. Грамотность была окружена во всех слоях населения Месопотамии большим почетом.

В Раннединастический период территория Шумера представляла собой конгломерат множества «номов», которые уже к середине III тысячелетия до н.э. превратились в ярко выраженные классовые общества с установившейся государственностью. Разумеется, община сохраняла важнейшее значение, но над ней выросла независимая от нее властная иерархия (т.е. собственно государство), которая своей властью налагала на общину повинности и выводила на войну ее ополчение. Общественная верхушка состояла прежде всего из носителей высших должностей и их сородичей; к числу этих носителей относились верховный правитель и участники совета при нем (в том числе представители общинной знати). Члены правящей элиты по должности осуществляли государственную эксплуатацию, а благодаря своему богатству и влиянию имели наибольшие возможности и в сфере эксплуатации частной (прежде всего путем втягивания в долговую кабалу). Храмовое хозяйство, хозяйство правителя и владения высших должностных лиц располагали наибольшим количеством земельных угодий, которые обрабатывали рабы и зависимые люди.

В общем, в номах выделялись три основные социальные группы: господствующий класс (прежде всего правящая верхушка, в гораздо меньшей степени частные лица, добившиеся богатства и влияния, но не причастные к высоким должностям), рядовые общинники и, наконец, рабы и зависимые люди (этот слой комплектовался из военнопленных, а также изгоев и обедневших общинников, оторвавшихся от своей земли и втянутых в зависимость от власти имущих и состоятельных людей). Эксплуатация проявлялась в двух основных формах. В крупных хозяйствах, принадлежавших храму, правителю, членам правящей верхушки и богатым частным лицам, трудились работники рабского и нерабского статусов, они не имели обычно своего хозяйства, а работали группами за пайки и отдавали все произведенное владельцу. Рабы и большинство нерабов, трудившихся таким образом, свободно покидать хозяйство не могли. Именно эта форма эксплуатации обеспечивала господствующий класс большей частью его богатств. Поэтому шумерское общество нередко определялось как рабовладельческое (ибо подневольный работник, получающий за свою работу пайек, по своему месту в производстве оказывается подобен классическому античному рабу, к какому бы сословию он ни принадлежал). Второй главной формой эксплуатации являлась выдача государством или частными лицами части своего земельного фонда в виде отдельных наделов мелким производителям – от зависимых и закабаленных людей или рабов до свободных арендаторов; такие производители вели свое хозяйство на выданных им наделах и долю полученного продукта отдавали владельцу земли.

Высших функционеров общины изначально наделяли намного большими наделами, чем прочих; особый обширный земельный фонд выделялся храму как учреждению. Семьи могли покупать и продавать свою землю в пределах общины, что создавало благоприятные возможности для концентрации земель богатыми и знатными людьми.

Организационным центром государства первоначально выступал храм бога-покровителя соответствующей общины, а во главе государства стоял

наследственный правитель – верховный жрец этого храма с титулом «эн» («господин»). При нем существовал небольшой административный аппарат и постоянная вооруженная сила (то и другое из храмового персонала и личных слуг) – зачатки служилой знати и регулярной армии. Власть «эна» была существенно ограничена советом, а в меньшей степени народным собранием свободных общинников, быстро теряющим в силе. К середине III тысячелетия до н.э. титул «эн» выходит из употребления, заменяясь шумерскими титулами «энси» («жрец-строитель», «градоправитель») и «лугаль» (досл. «большой человек», «царь», аккад. эквивалент – «шарру»). Появление последнего титула отражало новый этап развития государственности – утрату общиной всякого контроля над правителем. Правители нарекали себя «лугальями» как военные предводители, с некоторого времени командовавшие войсками помимо общинного контроля (порой этот титул присваивался военному вождю на сходке самих воинов); так же титуловали себя владельцы, сумевшие добиться формального признания своей гегемонии со стороны других номов. Во всех случаях титул «лугаль» передавал единоличную власть правителя, основанную на прямой командной иерархии помимо общинных структур, над кем бы такая власть ни осуществлялась – над своими войсками или над соседними номами. В конце III тысячелетия этот титул, с созданием централизованных деспотий, означал такую власть уже применительно ко всему населению страны и в этом качестве употребляется на протяжении всей месопотамской истории в значении «царь, автократ». (Аналогичным было происхождение европейского титулования «император».) Лугальство («царственность») стало нормативным статусом шумерского номового правителя уже в середине Раннединастического периода, хотя некоторые из них по-прежнему ограничивались титулом «энси».

Социально-политическая история Раннединастического периода заключалась во все обостряющейся борьбе между отдельными номовыми государствами за гегемонию, а также в нарастании социального противостояния между правящей верхушкой, приобретающей устойчиво наследственный, аристократический характер, и основной массой общинников, подвергавшейся все более тяжелой повинностной и податной эксплуатации со стороны государства в целом и в то же время жившей – из-за военного разорения, долгов и т.д. – под угрозой утраты собственной земли и превращения в зависимых работников (как правило, от членов той же правящей верхушки). Переплетение этих двух процессов привело в конце концов к крушению «номового» аристократического строя в Шумере и к формированию централизованной общемесопотамской деспотии, опиравшейся на военно-служилую прослойку, внутри которой вопросы происхождения особой роли не играли. Для межноровой борьбы были характерны почти полное отсутствие попыток аннексировать другие номы (война шла лишь за гегемонию) и своего рода «борьба за инвеституру», иными словами, склонность царей добиваться официального признания за ними верховной гегемонии и титула «лугаль Страны» от Ниппурского храма Энлиля. Как видно, владыки Шумера еще сохраняли какое-то представление о всешумерском, причем именно политическом, авторитете Ниппурского храма, а представление о том, что Шумер предназначен представлять собой некое единство, было живо на протяжении всего III тысячелетия до н.э.

Ни один центр не мог удерживать гегемонии надолго. После «потопа» в Шумере существовало более десятка значительных городов-государств: Эреду, Ур, Урук, Лагаш, Умма, Ниппур, Киш и др. В первые века после «потопа» (примерно совпадающие со вторым этапом Раннединастического периода) гегемонию удерживал северный центр Киш. Возможно, его правители первыми приняли титул лугалей. Об одном из них, Этане (XXVIII в. до н.э.), сложилось предание, повествующее, как он на божественном орле успешно поднялся на небеса к богам, чтобы добыть себе «траву рождения» и обзавестись наследником. Один из его преемников, Эн-Менбарагеси, стал первым правителем, о котором мы знаем по его собственным памятникам. Он не только контролировал Шумер, но и совершал походы в край горцев-эламитов Юго-Западного Ирана.

Однако при его сыне Агге гегемонии Киша настал конец (ок. 2600 г. до н.э.). Как сообщает шумерский былинный эпос, Агга двинулся приводить к покорности южношумерский город Урук, где недавно получил власть непокорный ему эн Гильгамеш, сын эна Лугальбанды. Совет старейшин Урука готов был покориться, но народное собрание провозгласило Гильгамеша своим лугалем, т.е. признало над собой его личную власть помимо традиционных общинных институтов, и Урук оказал сопротивление. В итоге Агга попал в плен к Гильгамешу; тот пощадил соперника, но гегемония перешла от Киша к Уруку. Эта гегемония известна не только по эпосу, но и по документам архива из Шуруппака (время правления преемников Гильгамеша – XXVI в. до н.э.). Как явствует из них, урукские цари призывали на службу контингенты из одних зависимых от них царств и размещали их по другим зависимым царствам, по системе перекрестного контроля.

Сам Гильгамеш стал героем множества преданий. Согласно одному из них, он восходил на высокие Кедровые горы к востоку от Месопотамии и убил там демона кедров Хумбабу, врага людей (через несколько веков, в ходе развития традиции, место действия этого предания было перенесено в более знаменитые кедровые горы Ливана). По другим легендам, Гильгамеш открыто шел наперекор великим богам, добиваясь успеха, и даже овладел «травой бессмертия», желая сравняться с богами (по твердому представлению месопотамцев, бессмертие принадлежало только богам, а не людям, исключая пережившего Потоп Зиусудру – да и тот получил бессмертие лишь милостью бога, а не добыл сам). Однако на обратном пути «траву бессмертия» случайно съела змея, и Гильгамеш остался смертен. Общим мотивом для всех этих преданий является представление о том, что Гильгамеш желал и мог уподобляться богам. В первый же век по его смерти шумеры сочли, что он, как и его отец Лугальбанда, умерев, стал богом, и включили их обоих в список шумерских богов. Происхождение Гильгамеша тоже сочли божественным: его считали то сыном демона-инкуба и жрицы, то сыном Лугальбанды и богини Нинсун, заявляя, что он был «на две трети бог, на одну человек», более великий, чем все люди.

Ок. 2550 г. гегемонию у Урука перехватила династия Ура. Наиболее известным царем-гегемоном из Ура был Месанепада. В то время для Ура были характерны шахтные гробницы царей и уникальное погребение верховной жрицы-правительницы Пуаби; вместе с ней были похоронены десятки людей и животных, умерщвленных без всякого насилия; по-видимому, они были усыплены каким-то ядом и приняли его «добровольно-принудительно», сми-

раясь со своей судьбой и рассчитывая служить своей госпоже в загробном мире. Погребение Пуаби, как и уверенность в посмертной божественности Гильгамеша, показывают, что шумеры Раннединастического периода отделяли посмертную участь своих правителей (точнее, наиболее замечательных из них) от участи всех прочих людей: первые могли после смерти приобрести к богам, вторые – нет.

Ур вскоре утратил преобладание над Шумером, однако позднее потомки Месанепады аннексировали Урук и перенесли туда свою столицу. Уро-Урукское царство (XXV–XXIV вв. до н.э.) было, пожалуй, самым богатым месопотамским государственным образованием своего времени, хотя гегемонии в Шумере добивалось лишь однажды и на короткий момент (в конце XXV в. до н.э.).

Шумеро-аккадская цивилизация Нижней Месопотамии была вплетена сетью контактов с другими цивилизационными очагами в огромную ойкумену, простиравшуюся от Кипра и Сирии до Амударьи и долины Инда – первую цивилизованную ойкумену в истории. По-видимому, в любом крупном центре этой ойкумены складывалось достаточно адекватное представление о ней целиком, и уже в середине III тысячелетия до н.э. шумеро-аккадцы устойчиво подразделяли окружающий мир на обширные этнополитические регионы: «Горы Эанны» к югу от устья Евфрата (скорее всего, ареал бывших поселений местных убейдцев), Сутиум (край западносемитских племен сутиев в Сирийской степи), Марту (шумер.; акк. «Амурру»; оба эти слова обозначали одну из географических сторон света – северо-запад) в Южно-Центральной Сирии и смежных районах (важнейшими центрами этого региона были Эбла и нагорье Джебель-Бишри), Субар – названный по субареям край от гор Амана в Северной Сирии до Центрального Загроста, Кутиум (край горных племен кутиев) в Центральном Загросте, Элам в Юго-Западном Иране и «Гора Кедр» (небольшой анклав между Шумером и Эламом). К востоку от кутиев, субареев и шумеро-аккадцев – от Загроста до Гималаев – простирался огромный ареал расселения племен и народов, родственных дравидам – нынешним жителям Южной Индии.

Собственно предки дравидов обитали тогда на северо-западе Индии в бассейне р. Инд и являлись творцами первой цивилизации на территории Индийского субконтинента – Индской (Хараппской) цивилизации, известной месопотамцам под названием «Мелухха, Мелахха»; судя по тому, что столетия спустя индоарийские пришельцы именовали аборигенов Индии «млеччхами», это слово отражало самоназвание индских прадравидов-хараппцев.

Юго-Западный Иран занимало несколько племенных княжеств, чью совокупность месопотамцы именовали «Элам» (акк. досл. «Высокая (горная) страна»). Важную роль играли также Аратта в Центральном Иране, известная своими контактами с Шумером; особая этнокультурная общность на севере Ирана, занимавшая Сиалк и Гиссар и создавшая здесь обширные протогорода с развитой металлургией, царство Варахше с центром в совр. Кермане, контролировавшее территории между Эламом и зоной Индской цивилизации, и, наконец, золотоносная страна Харали на северо-восточных рубежах Ирана (видимо, ареал с центрами в Анау и Намазга-тепе на территории совр. Туркмении). О развитых контактах Месопотамии с этими регио-

нами свидетельствуют упомянутые выше погребения Ура: найденные там золото и сердоликовые бусы происходят из Индии, лазурит – из копий Бадахшана у истоков Амударьи. По Персидскому заливу и Аравийскому морю шла морская торговля Месопотамии с Мелуххой. Одним из важных центров на этом пути был очаг цивилизации на островах Дильмун (совр. Бахрейн). Еще более плотные контакты связали Месопотамию по Евфрату, через зону власти сирийской Эблы, с берегами Средиземного моря, к которым выходили кедровые хребты Аманус и Ливан.

С развитием внешних контактов, укреплением царской власти и ростом номовых богатств войны за гегемонию в Шумере лишь усилились, а сами гегемонии утверждались и рушились с невиданной быстротой. В середине III тысячелетия до н.э. контроль над Шумером впервые начали захватывать, хоть и на короткое время, правители чужеземных городов, например загросские и эламские. В свою очередь, и шумерские номы стали порождать недолговечных «завоевателей мира». Так, царь незначительного шумерского городка Адаба Лугальаннемунду (ок. 2400 г. до н.э.), добился на время гегемонии в Шумере и, по-видимому, совершил успешные походы в окружающие регионы от Элама до Сирии, но его могущество рухнуло так же неожиданно, как возникло, еще при жизни самого завоевателя. Военные потрясения обостряли социальный кризис: победы обогащали прежде всего номовую верхушку, поражения ставили рядовых жителей на грань выживания, и они вынуждены были в еще больших масштабах обрекать себя на кабалу.

В Лагаше, одном из наиболее экономически развитых номов, дело дошло до переворота: тамошний правитель сосредоточил в своих руках практически полную собственность на половину всей земли Лагаша, начал массовое перераспределение должностей в пользу своих личных слуг, увеличил поборы и с зависимых людей, и с общинников, и при этом апогея достигло долговое закабаление общинников со стороны знати. В результате дом этого правителя оказался низложен массовым восстанием (впрочем, ему самому оставили жизнь и права гражданина), а на его место народное собрание выдвинуло некоего Уруинимгину, наделив его титулом «лугалья» (конец XXIV в. до н. э.). Тот упразднил чрезмерные поборы с населения, вновь отделил храмовое хозяйство от личного хозяйства правителя, отменил ряд долговых сделок. Такие реформы иногда проводились и в других номовых государствах Месопотамии.

В конце XXIV в. до н.э. набирает силу новый завоеватель – царь Уммы Лугальзагеси, начавший систематически устранять и истреблять правителей соседних номов и соединять последние под своей властью. Однако делал он это не за счет слияния этих номов в единую державу, а на основе личной унии, сохраняя традиционные структуры власти в каждом номе и возглавляя каждую из них. Лугальзагеси разгромил Уруинимгину Лагашского, аннексировал Уро-Урукское царство и перенес свою столицу в Урук. На севере он разбил Киш (царь Киша погиб) и совершил поход к Сирии, раздвинув свои владения от Средиземного моря до Персидского залива (шумер. «от Верхнего до Нижнего моря»).

ПЕРВЫЕ ДЕСПОТИИ МЕСОПОТАМИИ: АККАД И УР

У убитого в ходе завоеваний Лугальзагеси царя Киша служил мелкий придворный, по происхождению аккадец-простолюдин. По позднейшему преданию он был подкидышем: мать пустила его новорожденным по Евфрату в тростниковой корзинке, его подобрали и воспитали при кишском дворе. После разгрома Киша войсками Лугальзагеси он возглавил часть жителей и обосновался в принадлежавшем Кишу незначительном городке Аккаде. Здесь он объявил себя царем под именем Шаррум-кен (акк. «Истинный царь», в современной передаче – Саргон). Саргон (ок. 2316–2261) властвовал вне рамок каких-либо традиционных институтов, как харизматический сильный вожак, опираясь на всех, кто готов был ему служить, и неограниченно повелевая ими. К нему во множестве стекались рядовые жители Шумера, увидев перспективу быстрого возвышения, в которой им отказывало традиционное аристократическое общество. Саргон создал массовую легковооруженную и мобильную «народную» армию, превосходившую немногочисленные и неповоротливые тяжелые дружины шумерских правителей. Властная верхушка царства Саргона была построена по принципу военно-служилой пирамиды под неограниченной властью правителя.

Опираясь на многочисленные войска, Саргон и совершил свои завоевания. Сперва он захватил Верхнюю Месопотамию, потом разгромил и казнил Лугальзагеси и после легендарных «34 битв» завоевал весь Шумер. Затем его экспансия достигла Малой Азии, Кипра, Сирии, Элама и даже еще более отдаленных стран Южного Ирана, где он боролся с царством Варахше. Империя Саргона (так называемая Аккадская держава, по названию столицы) с зависимыми владениями простерлась от оз. Туз и гор Тавра в Малой Азии до Белуджистана, поддерживая прямые контакты с Южной Анатолией на западе и Мелуххой (долиной Инда) на востоке.

В отличие от прежних завоевателей Саргон просто аннексировал шумеро-аккадские номы, создав первую в истории Междуречья централизованную державу. Храмовые и государственные хозяйства находились в полном распоряжении царя; номы были лишены каких бы то ни было традиционных автономий, и их правители (титulóвавшие отныне только «энси» – единственным лугалем теперь являлся Саргон) превратились фактически в чиновников царя. Советы старейшин и народные собрания перестали существовать в качестве органов управления (хотя сходки воинов, своих приверженцев, Саргон собирал и с ними совещался). Преемники Саргона даже скупали в «добровольно-принудительном» порядке землю у общин по сниженным ценам, расширяя тем самым государственное хозяйство. Государственным языком династии Саргона служил не только шумерский, но и аккадский. Население в целом (кроме тех, кто успел попасть в военно-служилую прослойку) мало что выиграло от победы Саргона из-за повинностно-податной эксплуатации со стороны государства.

Уже в последние годы правления Саргона начались восстания знати, подержанные народом (по преданию, сам Саргон вынужден был прятаться от бунтовщиков в сточной канаве). Преемники Саргона подавляли восстания как в самом Шумере, вырезая целые города и предавая казни тысячи сдав-

шихся, так и в дальних зависимых странах. Внук Саргона Нарам-Суэн (2236–2200) поначалу столкнулся с массовым восстанием по всей империи. Подавив его и совершив новые завоевания, он отказался от старых, традиционных титулов (и тем самым от подтверждения их жрецами) и назвал себя «царем четырех сторон света» (т.е. всего мира), а потом и просто провозгласил себя при жизни главным богом-покровителем собственной империи. Тем самым он вступил в конфронтацию с храмами, особенно с храмом Энлиля в Ниппуре. Вскоре на Аккад с севера обрушились неизвестные до того северные варвары (возможно, полукочевые индоевропейцы из-за Кавказа), известные впоследствии в месопотамской традиции под названием «умман-манда» («воинство манда»), вслед за этим последовали нападения горцев-кутиев. Внешние владения Аккада оказались утрачены. Нарам-Суэн и его преемник Шаркалишарри вели с кутиями борьбу, окончившуюся катастрофой: под их ударами аккадская держава распалась, а племенной союз кутиев установил верховную власть над номами Нижней Месопотамии (ок. 2175 г. до н.э.).

Победная стела Нарам-Суэна, посвященная его походу на горцев-луллубеев. Конец XXIII в. до н.э. Париж, Лувр

Страна была разорена: к гнету местных элит прибавилось иго иноземцев-кутиев, которым местные правители Шумера отправляли дань. Лишь владельцы Лагаша (особенно Гудеа, 2137–2117 гг. до н.э.) сделали ставку на кутиев, пользовались их поддержкой и осуществляли от их имени контроль над прочими номами. Этим Лагаш вызвал к себе в Нижней Месопотамии такую ненависть, что при освобождении от господства кутиев подвергся жестокому разгрому, а лагашских царей вычеркнули из составленного позднее сводного списка шумерских правителей.

Господство кутиев рухнуло под ударами народного восстания, поднятого рыбаком Утухенгалем, в 2109 г. до н.э. Повстанцы смели и местных правителей, восстановив централизованную державу под названием «Царство

Шумера-и-Аккада»; государственным языком в нем считался лишь шумерский. Начиная с преемника Утухенгаля, Ур-Намму, столицей стал Ур, а созданная им династия получила известность как III династия Ура. Ур-Намму (2106–2094) и особенно его сын Шульги (2093–2046) превратили свою державу в нечто невиданное в Месопотамии: большая часть земли перешла к государству, и на ней образовались огромные централизованные хозяйства, подавляющая часть населения была обращена в подневольников рабского типа (*гурушей*, досл. «молодцев», и *нгеме*, досл. «рабынь»), прикрепленных к этим хозяйствам и работавших там за пайки бригадами. Значительная часть всей этой рабочей силы жила в нечеловеческих даже по тому времени условиях в лагерных поселениях. Квалифицированные ремесленники, служащие и воины получали большие пайки. Представители чиновничества имели за службу надель. Цари Ура обожествляли себя и опирались на огромный бюрократический аппарат, необходимый для управления небывалым государственным хозяйством.

Шульги создал новую идеологию, закрепленную в «Шумерском царском списке», сведенном при нем воедино; здесь царь сознательно фальсифицировал всю историю Шумера, представив его как неизменно единое государство под управлением череды последовательных династий, венчаемых его собственной. Централизацию и огосударствление права осуществляли судебники Ур-Намму и Шульги, последний ввел также царский суд с огромными полномочиями. Шульги вел упорные завоевательные войны, прежде всего в горах на Востоке. Боеспособность урских полчищ была, однако, низкой, и победы Шульги одерживал главным образом на словах: по несколько раз подряд официально возвещали о полном разгроме такого-то горного города, который и после этого продолжал сопротивление. Даже над теми, кто признал власть Ура, она была не очень прочна, и ее приходилось подкреплять подарками, встречами «на высшем уровне», династическими браками и т.п.

Конец III династии Ура наступил внезапно. Западносемитские племена *сутиев* (к этому времени месопотамцы перенесли на них наименование «*марту/амурру*», так что в науке они известны как *сутии-амореи* или просто *амореи*) Сирийской степи, Среднего Евфрата и Верхней Месопотамии, и раньше иногда вступавшие в конфликт с правителями державы, двинулись на ее центральные районы ок. 2025 г. до н.э. Тем временем последний царь Ура Ибби-Суэн бесконечными походами пытался привести к покорности Элам; амореев рассчитывали сдержать укреплениями, но безуспешно. Управление разваливалось, персонал государственных латифундий разбегался и делил землю на участки, амореи окружали города, отрезая их от внешнего мира.

Чиновник Ишби-Эрра объявил себя в Иссине царем (2017). Начался хаос: Ишби-Эрра, Ибби-Суэн, эламцы с союзными им восточными «людьми су» и, наконец, амореи сталкивались друг с другом в борьбе за Нижнюю Месопотамию. К 2000 г. до н.э. все было кончено: амореи расселились на пространстве вплоть до Персидского залива, признав номинальную власть Ишби-Эрры, эламцы и «люди су» пленили Ибби-Суэна и разгромили Юг Месопотамии с Уром, но не стали закрепляться здесь. Ишби-Эрра объединил Нижнюю Месопотамию и пытался продолжать традицию III династии Ура в идейно-политическом отношении, сохранив концепцию царской власти и название «Царство Шумера-и-Аккада». Но в общественном строе произо-

шел переворот: крупные централизованные хозяйства, эксплуатировавшие бригадный подневольный труд, исчезли навсегда. Сектор царской и храмовой земли остался велик, но теперь он был поделен на мелкие участки, на которых сидели отдельные малые семьи, несущие соответствующие обязательства перед государством. Отныне в Месопотамии эксплуатируются почти исключительно мелкие пользователи и владельцы земли, ведущие свое хозяйство.

БАВИЛОНИЯ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э. СТАРОВАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД

Как упоминалось, цари Иссина продолжали считать себя продолжателями Урской империи: как и цари Ура, они обожествляли себя, сохраняли именование своего государства «Шумером-и-Аккадом», а падение Ура считали великой трагедией (при них даже составляются пространные «Плачи о гибели Ура») и составляли вслед владыкам Ура официальные тексты на шумерском, хотя именно при них шумеры оказались полностью ассимилированы аккадцами и шумерский язык стал мертвым языком учености – школ, храмовых писцов и канцелярий. Однако если для столичного населения и административного аппарата Урской империи ее падение явилось трагедией, то для огромной массы ее рядовых работников – скорее избавлением. Теперь большинство из них стали мелкими пользователями государственных наделов, ведя самостоятельное хозяйство, а на многих землях восстановились самоуправляющиеся общины лично свободных людей. Ремесленные и торговые фонды, при III династии Ура принадлежавшие государству, тоже оказались в основном прибраны к рукам частными лицами, обычно под большим или меньшим государственным контролем: они обязаны были отдавать государству определенную часть прибыли, а остальное использовали сами.

Бок о бок с коренными жителями Месопотамии на ее территории жили полукочевые племена скотоводов-пришельцев – сутиев (амореев); их вождей в Месопотамии прозвали «живущими в шатрах». Рядовые амореи практически не селились в городах, а занимали пригодные для выпаса скота земли неподалеку от них. Нашествие амореев, конечно, сопровождалось массовым разграблением страны, но раз поселившись в ней, аморейские племена номинально признали себя подданными иссинских царей и существовали во взаимовыгодном симбиозе с местными жителями, поставляя им продукты скотоводства в обмен на зерно. Каждое аморейское племя имело собственную автономную территорию. Постепенно вожди таких племен делали центрами своей власти близлежащие города и добивались фактического контроля над различными месопотамскими областями. Как правило, они выбирали для этого мелкие городки, ранее ничем не примечательные: в старых крупных центрах оставалась слишком сильна собственная традиционная, коренная элита. В результате в Месопотамии появились новые центры, где правили амореи: южномесопотамский город Ларса стал столицей племенного союза ямутбала, считавшегося старейшим из аморейских племен; Мари на Среднем Евфрате – столицей племенного союза ханеев, а Вавилон (акк. «Баб-или», «Ворота Богов»), незначительный город на Евфрате, – столицей

племени амнану; это племя выделилось из аморейской общности бини-ями-на («Сыны Юга»), большая часть которой составила столетия спустя древнееврейское «колено»-племя Вениамин, упоминающееся в Ветхом Завете. Жившие на шумеро-аккадской территории аморейские племена почитали местных богов и стали рассматриваться как часть народа «черноголовых», который мыслился теперь как совокупность «аккадцев и амореев».

При крупнейших иссинских царях Иддин-Дагане (1974–1954 гг. до н.э.) и Ишме-Дагане (1953–1935 гг. до н.э.), которым подчинялась вся Нижняя Месопотамия, династия Иссина в самом деле могла претендовать на продолжение государственности Ура. Однако жизнь страны совершенно изменилась. Огромные площади были заняты старыми и новообразованными общинными коллективами; их земля не считалась царской, и они пользовались самоуправлением (администрация общины выбиралась ею самой, а не назначалась свыше, общинники были вольны покидать свою землю, большинство их дел решал выборный же общинный суд), хотя и несли повинности по отношению к государству. На аналогичных правах существовали аморейские племена. Царские и храмовые зависимые люди вели свои мелкие хозяйства на наделах, выделенных им из царской и храмовой земли. Изменилось и понимание божественности царя. Как и во времена III династии Ура, основанием для обожествления правителя считалось его участие в обряде «священного брака» (ритуальное соитие царя со жрицей, воплощавшей женское божество), но в отличие от царей Ура иссинские владыки, как и все последующие цари Месопотамии, не имели ни храмов, ни культов – главных атрибутов подлинной божественности.

Аморейские царства. При Липит-Иштаре (1934–1924 гг. до н.э.), известном своими законами, в чем-то предвосхитившими позднейшие Законы Хаммурапи, династия Иссина начинает стремительно утрачивать власть над большей частью Двуречья. В конце XX – начале XIX в. до н.э. аморейские вожди один за другим объявляют себя царями реально контролируемых ими областей, уже и формально независимыми от Иссины. В этом им подражают и удачливые выходцы из коренного населения. В результате в начале XIX в. до н.э. Месопотамия распадается на более чем десяток независимых княжеств. В 1895 г. такое царство с центром в Вавилоне основал Сумуабум, вождь племени амнану. Время правления его династии в Вавилоне (1895–1595 гг. до н.э.) выделяется в так называемый Старовавилонский период истории Месопотамии. Между образовавшимися государствами идут непрерывные войны; союзы и отношения зависимости возникают и распадаются в самых причудливых конфигурациях.

В результате к 1800 г. до н.э. Месопотамия приобрела следующий вид. Юг страны контролировало царство Ларса. В 1794 г. до н.э. она уничтожила и аннексировала Иссин; царь Ларсы обожествил себя по образцу ниспровергнутой им иссинской династии. Племя ямутбала, контролировавшее Ларсу, находилось в симбиозе с соседними племенами горцев-эламитов. В центре Месопотамии доминировали Вавилон и Эшнунна, а всю Верхнюю Месопотамию, включая бывшее царство Мари и ассирийское государство, занимала огромная держава ханейского вождя Шамши-Адада (ок. 1815–1775 гг. до н.э.): он захватил в конце XIX в. до н.э. и Мари, и Ашшур, и посадил править ими своих сыновей. Сам он управлял из Шубат-Эллиля в Верхней Месопота-

мии. Держава Шамши-Адада, именовавшаяся старинным термином «Субарту», была разбита на военные округа, наместники которых присматривали за племенами и княжествами, входившими в соответствующий округ.

Множество мелких политических образований – царств, племен и племенных союзов – находилось в зависимости от перечисленных выше крупных государств. «Никто не силен сам по себе, – говорит один из царей этого времени, – за каждым сильным государем идет 10–15 зависимых». Отдаленным идеалом всех этих царей представлялось царство III династии Ура, и они охотно принимали громкую титулатуру его правителей. Однако большинство из них не посягало на обожествление. Оно коренилось, видимо, в собственно шумерских концепциях, в то время как семиты, в том числе амореи, были склонны проводить резкую непреодолимую грань между богами и людьми, не исключая царя.

Как обычно, распад государства привел к резкому росту частной собственности, торговли и частной эксплуатации. Даже храмовые должности завещали и продавали как личную собственность. Бурно развивались ростовщичество (под весьма высокий процент!) и долговая зависимость вплоть до рабства. В уплату долга должник часто отдавал во временное долговое рабство членов своей семьи или становился кабальным рабом сам. Утверждается свободная купля-продажа общинных наделов их пользователями, ведущая к земельной концентрации у одних и обезземеливанию других.

Переживает расцвет частная торговля, прежде всего международная: корабли месопотамских купцов и собственников ремесленных мастерских вновь доходят до Дильмуна (Бахрейна), где возник главный перевалочный пункт для торговли со странами Аравии, Южного Ирана и долины Инда – старая ойкумена цивилизаций от Средиземного моря до Инда все еще существовала.

Рост ростовщичества и долгового рабства, разорение части трудового населения некоторое время развивались почти беспрепятственно, но в конце XIX в. до н.э. начали встречать резкое сопротивление со стороны властей крупнейших месопотамских царств. Некоторые правители издавали каждые пять–семь лет так называемые эдикты *мишарум* (дословно «выравнивания» или «справедливости»), аннулировавшие кабальные соглашения из-за долгов, т.е. освобождавшие долговых рабов и возвращавшие находящиеся в залоге у кредиторов земли их владельцам. В Эшнунне и особенно в Ларсе были проведены реформы, резко ограничившие частнособственническую деятельность и куплю-продажу; в частности, государство устанавливало твердые тарифы на наем и различные услуги и даже твердые цены на зерно и другие основные товары. В результате в Ларсе, например, частную торговлю и ростовщичество постиг резкий упадок. В еще более масштабных формах такую политику осуществлял позднее знаменитый царь Хаммурапи.

В старовавилонской Месопотамии различались три сословия: свободные общинники *авилумы* («люди»), «царские люди» *мушкенумы* («склоняющиеся под чье-то покровительство») и рабы по сословию *вардумы*. Авилумы пользовались общинным самоуправлением, хотя и платили подати царю. Мушкенумы не входили в общины. Они отдавали себя под покровительство царя, чтобы получить от него земельный надел, и сидели отдельными мелкими хозяйствами на царской земле – на них и лежало основное бремя

Бог Солнца Шамаш вручает царю Хаммурапи законы.
Рельеф на базальтовом столбе с Законами Хаммурапи.
Ок. 1750 г. до н.э. Лувр

податей; кроме того, особые группы мушкенумов несли воинскую повинность как военные колонисты или находились на иной царской службе. Их жизнь регламентировалась государством. Мушкенумы, в отличие от авилумов, в большинстве своем не могли уйти с земли, на которой они сидели, без разрешения государства. Люди, сидящие на государственной земле под условием выплаты части урожая (источники знают их под именем *наши бильтим* – «плательщики дохода»; в подавляющем своем большинстве это были мушкенумы), являлись главным источником государственных доходов. Вардумы были частными рабами, их покупали и продавали. Сословия были неравны перед законом: за убийство авилума карали смертью, виновному в убийстве раба достаточно было возместить хозяину ущерб и т.д. Однако жестких границ, в том числе психологических, между сословиями не существовало: в Месопотамии всегда считали, что люди, при всем различии в их положении, по природе своей мало чем отличаются друг от друга. Раб мог иметь собственное имущество и семью, господин обычно распоряжался лишь его временем и трудом. В Законы Хаммурапи даже пришлось включать специальную статью, угрожавшую свободному суровыми наказаниями за помощь беглому рабу.

Держава Хаммурапи. Первая половина XVIII в. неожиданно привела к новой территориальной интеграции Месопотамии. Осуществил ее знаменитый вавилонский царь Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.). После первых попыток экспансии, немедленно отбитых, он до времени отказался от нее, подчинился верховной власти сильнейшего из соседних царей Шамши-Адада и два с лишним десятилетия копил силы, обустроив армию и реформировал страну. Суть новых порядков заключалась в том, что государство прочно контролировало всю хозяйственную жизнь в стране и не позволяло «сильным притеснять слабых».

Около 1780 г. до н.э. бесспорное первенство в Двуречье принадлежало державе Шамши-Адада. Зависимость от него признавали и Хаммурапи, и Катна в Южной Сирии, и жители горных областей Северо-Западного Ирана. Однако со смертью Шамши-Адада его держава мгновенно распалась на части. В Мари к власти пришел Зимрилим, представитель местной династии, изгнанной некогда Шамши-Ададом. Ситуацией воспользовались эламиты и к 1765 г. поставили под свой контроль большинство князьков Месопотамии и даже делали вылазки в Сирию–Палестину. Хаммурапи перешел из подчинения Шамши-Ададу в подчинение правителю Элама. В Ветхом Завете (Кн. Бытия. 14) сохранился рассказ о том, как эламский предводитель «Кедорлаомер» (элам. «Кутир-Лагамар») совершил поход в Заиорданье во главе коалиции месопотамских царей, включавшей, среди прочих, «Амрафела» из Сеннаара (так древние евреи именовали Вавилонию), т.е. Хаммурапи. Предание об этом древние евреи, создатели Ветхого Завета, могли унаследовать разве что от своих отдаленных аморейских предков старовавилонского периода.

Но господство Элама оказалось эфемерным: в 1764 г. до н.э. Хаммурапи Вавилонский в союзе с Зимрилимом из Мари сверг господство эламитов и открыл десятилетие войн, в ходе которых Хаммурапи одолел и Элам, и прочие месопотамские царства, включая Ларсу, и остаток Субарту – царство Ишме-Дагана, сына Шамши-Адада, а затем, наконец, и своего собственного недавнего союзника Зимрилима. В 1763 г. до н.э. пала Ларса, в 1761 г. – Мари (Зимрилим при этом погиб, а двумя годами позже, в 1759 г., Хаммурапи разрушил сам город Мари, пощадив, однако, его население), около 1757 г. – Ашшур, в 1756 г. – Эшнунна, а около 1755 г. до н.э. Хаммурапи оккупировал Сузиану. Образовалась единая, строго централизованная месопотамская империя. Сам Хаммурапи делил ее на две части: коренная территория (аккадоязычные номы, поклоняющиеся шумеро-аккадским богам) и чужеродная периферия – эламитская Сузиана, хуррито-аморейские земли Верхней Месопотамии, входившие ранее во владения Мари и Субарту, а с падением последних доставшиеся Хаммурапи. Во вступлении к своим знаменитым Законам (ок. 1755 г. до н.э.) Хаммурапи прокламирует себя лишь как благодетеля областей первой части державы и вовсе не упоминает остальные свои владения. В отличие от многих других Хаммурапи не собирался подражать царям III династии Ура и избегал даже намека на самообожествление, хотя пышно величал себя в переносном смысле «богом для местных царей» (своим положением царя над царями он очень гордился). Никогда не претендовали на обожествление и другие правители его династии.

Свою концепцию правления Хаммурапи изложил во введении к своим Законам: он, «заботливый правитель, боящийся богов», по их благоволению взшел на престол, чтобы «ублажить плоть люда страны» (!), «чтобы справедливость воссияла в стране, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого... чтобы с сиротой и вдовой обходились по справедливости, чтобы притесненному оказать справедливость». Здесь же он хвалится не столько завоеваниями, сколько украшением храмов, проведением каналов, милосердием к бывшим врагам. В заключении к Законам Хаммурапи подытоживает свои дела и заслуги так: «Врагов на севере и на юге я истребил, уничтожил раздоры, ублажил плоть страны... Пусть обиженный, который обретет в суде решение своего дела, успокоит свое сердце и с силой скажет: “Хаммурапи-владыка для людей, словно родной отец, он склонился перед велением бога Мардука, своего владыки, и одержал победы Мардука на севере и на юге, он устроил людям удовольствие навеки, а страну управил по справедливости!”».

Это не были пустые слова: Хаммурапи действительно явился ответственным и справедливым правителем, стремившимся защитить людей от насилий и разорения. Известна его обширная переписка с чиновниками: царь вникал во множество дел, в том числе в проблемы рядовых людей, стремясь разрешать их по справедливости и здравому смыслу. Отвращение к преступному насилию присутствовало у него искренне и принципиально: когда один из династов другого царства, убив своего родича-правителя, захватил престол и отправил к Хаммурапи посольство с выгодными предложениями, а заодно и с просьбой прислать танцовщиц, Хаммурапи закричал: «Танцовщиц ему не хватает! Он пролил родную кровь, его самого надо бы убить!» – и отказался от контактов с узурпатором, несмотря на все выгоды, которые они сулили.

Держава Хаммурапи являлась централизованной бюрократической империей, все нити управления ее сходились в руках царя. Храмовые хозяйства оказались слиты с государственным. Законы были приведены к единообразию по всей территории страны, и первостепенное значение приобрел царский суд. Внутриполитические мероприятия Хаммурапи действительно отвечали заявленным им целям: «чтобы сильный не притеснял слабого» и «ублажена была плоть люда». Купцы (акк. *тамкары*) были поверстаны в государственную службу и стали правительственными торговыми агентами – через них государство вело внешнюю торговлю и устанавливало твердые, приемлемые для населения цены на внутреннем рынке. Характерная месопотамская пословица говорит: «уехал из города тамкар, и цены снова стали свободными» (смысл тот же, что у пословицы «без kota мышам раздолье»). Запрещена была и купля-продажа надельной земли. Существовало государственное кредитование частных лиц с твердой процентной ставкой, избавлявшее людей от необходимости обращаться к частным ростовщикам. Дворцово-храмовое хозяйство осуществляло даже выдачи неимущим или предоставляло им наделы государственной земли под условием несения различных обязанностей. Ростовщикам запрещалось взимать слишком высокий процент, а долговому рабству устанавливался предельный срок в три года. В покрытие долга запрещалось отбирать не только землю, но и урожай; вводилось право на отсрочку уплаты долга при определенных обстоятельствах. Вдобавок каждые десять–пятнадцать лет Хаммурапи и его преемники изда-

вали так называемые «указы справедливости» (напомним, что по ним аннулировались долговые обязательства, существовавшие на тот момент, и люди, очутившиеся из-за них в кабале, освобождались от нее, а недвижимость, уступленная ими за долги или под залог, возвращалась к ним).

Некоторые законы сходной направленности, призванные ограничивать частную эксплуатацию, проводили и другие цари, однако Хаммурапи имел силу и волю провести их в жизнь как никто другой, да еще и распространить их на всю Месопотамию. Доминантой его законодательства являются ограничение и регламентирование частной эксплуатации и частнособственнических отношений вообще, утверждение за государством контроля над всей хозяйственной жизнью. Законы твердо регулируют цены и тарифы, в том числе условия найма и аренды, правила земле- и водопользования и возмещения долга.

В основе проведенной в Законах системы наказаний лежит древнее представление о справедливости как о воздаянии равным за равное по принципу «талиона»: «око за око, зуб за зуб». В Законах даже есть статьи прямо на эту тему: за повреждение чужого глаза виновный должен был лишиться собственного, выбивший чужой зуб должен был утратить свой. Тот же принцип применялся при наказании за лживый донос: за необоснованное обвинение назначалась та самая кара, которая полагалась бы за преступление, ложно приписанное доносителем оклеветанному. По сравнению с былыми временами в Законах Хаммурапи почти исчезли наказания денежными штрафами, широко применявшиеся при III династии Ура; Хаммурапи и его подданные считали, что это несправедливо, так как дает богачам возможность откупаться от наказания.

Держава Хаммурапи в полном объеме просуществовала недолго: уже при его преемнике Самсуилуне (1749–1712 гг. до н.э.) ее постигло тяжелое потрясение. В 1742 г. до н.э. на Месопотамию с северо-востока обрушились неведомые ей ранее неиндоевропейские племена касситов под предводительством Гандаша. По-видимому, это были аборигены Северо-Центрального Ирана, сдвинутые с мест обитания под ударами цепного переселения народов, которое как раз в то время проходило на территории Ирана и было вызвано миграцией сюда индоиранцев из-за Кавказского хребта. Это переселение послужило одним из факторов крушения трансиранской цивилизованной ойкумены: многие ее центры погибли, другие, включая знаменитую Индскую цивилизацию, деградировали и оказались заброшены. Восточной границей цивилизованного мира для Месопотамии на тысячу с лишним лет стали горы Загроса.

Касситы рассекли надвое державу Хаммурапи и обосновались на Среднем Евфрате, где вступили в симбиоз с местными аморейскими племенами ханеев, создав независимое кассито-аморейское государство Хана со столицей в г. Терка. Эту группу касситов и возглавлял Гандаш. Другая часть касситов осела в горах восточнее Диялы, при верховьях рек Керхе–Карун (совр. Лурестан). Отрезанная этим движением от Вавилона Верхняя Месопотамия, включая Ашшур, отпала и вновь, как до Шамши-Адада, превратилась в конгломерат мелких политий.

Вскоре после этого, в 1739 г. до н.э. против Вавилона восстал былой шумерский юг Нижней Месопотамии; Самсуилуна подверг его страшному раз-

грому, но в 1722 г. до н.э. и он все же отпал от Вавилонии, образовав особое царство Приморья, владельцы которого принимали искусственные шумерские имена, хотя на живом шумерском уже давно не говорили ни они сами, ни их подданные. Как видно, некоторое противостояние между бывшим шумерским югом и аккадским севером Нижней Месопотамии продолжало существовать и осознаваться даже после того, как все жители юга перешли на аккадский язык. Приморье периодически вело с Вавилонией войны за пограничные земли, и в XVII в. до н.э. заняло священный Ниппур.

Активизировались и народы горной периферии. В конце XVIII в. до н.э. эламиты вернули себе Сузы и сами совершили опустошительный набег на Вавилонию. Затем на исходе XVIII и в начале XVII в. до н.э. большая часть Верхней Месопотамии (до того преимущественно аморейской) оказалась занята продвигавшимися с ее северной и северо-восточной окраины хурритами. Хурриты образовали здесь, в частности, обширное государство Ханигальбат, ядро которого составили территории, отнятые хурритами у амореев-ханеев (само название «Ханигальбат» означает по-аккадски, видимо, «надел ханеев» или «отрезок от ханеев»). С воцарением в XVI в. до н.э. в этом государстве новой династии, оно получило дополнительное официальное наименование «Митанни».

Цари-потомки Хаммурапи сосредоточились на том, чтобы поддерживать введенные им порядки, по-прежнему издавая указы «справедливости» (примерно раз в 10 лет), и по временам без особого успеха воевали с касситами или Приморьем.

Городским богом-покровителем Вавилона издавна являлся Мардук. Когда Вавилон объединил вокруг себя Месопотамию, Мардук, сохраняя свое положение главного бога города, выдвигается на первое место в общем пантеоне, постепенно оттесняя бога Эллиля.

К концу XVII в. до н.э. Вавилония стала постепенно восстанавливать свое могущество и около 1630 г. до н.э. аннексировала кассито-аморейское Ханейское царство, распространив тем самым свою власть на долину Среднего Евфрата. Однако в 1595 г. до н.э. неожиданный поход хеттского царя Мурсилы I из Анатолии покончил с домом Хаммурапи. Двинувшись вдоль Евфрата и пройдя через Хану, Мурсилис захватил и разграбил Вавилон. При этом погиб последний его царь из династии Хаммурапи – Самсудитана (1625–1595 гг. до н.э.). Хетты не предприняли попыток закрепиться в Месопотамии, а сразу повернули назад, вывозя с собой огромную добычу, прежде всего драгоценные статуи бога Мардука и его супруги, богини Царпанит из храма Мардука в Вавилоне – главные государственные реликвии страны (без них, по мнению вавилонян, было невозможно поддерживать нормальную связь с богами и добиваться их покровительства).

После ухода хеттов за контроль над оставшейся без власти страной вступили в борьбу сразу две силы: царь Приморья Гулькишар и обосновавшиеся к тому времени в самой Вавилонии племенные группы касситов, выходцев из кассито-аморейской Ханы, недавно обращенных в вавилонское подданство. Их возглавлял князь из рода Гандаша. Сама Хана одновременно восстановилась как независимое аморейское царство, не связанное с этими касситами, а к концу XVI в. до н.э. уже вошла в состав хурритского Ханигальбата-Митанни.

Гулькишар на некоторое время занял Вавилон и, вероятно, перенес туда свою столицу, но вскоре был вытеснен из города касситским предводителем, который объявил себя новым царем Вавилонии. Начался так называемый Среднеавилонский период – время правления касситской династии в Вавилоне.

СРЕДНЕАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД (XVI–XII вв. до н.э.)

Официальным самоназванием государства вавилонских касситов было «Кардуниаш». Пришельцы-касситы, опиравшиеся на боевые отряды своих кланов, восприняли вавилонскую культуру, отождествляли касситских богов с вавилонскими и покровительствовали традиционным культам и храмам, но не собирались поддерживать то огосударствление социально-экономической жизни, которое проводила династия Хаммурапи. Большинство населения составляло категорию «царских людей», сидящих на земле государства и его ведомств (в том числе храмов); они платили подати и несли повинности. При этом государственной стала почти вся земля в стране, а общинный сектор свелся к нескольким крупным автономным городам, включая столицу.

За это количественное сокращение общинного сектора касситы заплатили его качественным развитием: автономные города – Вавилон, Ниппур, Сиппар – получили небывалую степень самостоятельности (в частности, они были полностью освобождены от налогов и повинностей, имели свои собственные воинские контингенты, а их храмы – а это были ведущие храмы страны – из государственных учреждений превратились в городские), государственная эксплуатация и регулирование были для них упразднены, и в результате там началось бурное развитие экономики, с одной стороны, и частно-эксплуатационных отношений – с другой. В этих городах вновь расцвело ростовщичество и долговая кабала, теперь уже никем не ограничиваемые; долговое рабство становится пожизненным. Торговля также была разгосударствлена. Так, в новом общинном секторе – автономных городах – стали быстро выделяться частные магнаты.

Кроме того, касситские цари охотно жаловали различным лицам, прежде всего вельможам, земли в пожизненное, а потом и в наследственное, «вотчинное» владение, часто с одновременным освобождением от налогов и повинностей. Акт такого

Голова вавилонянина. Касситский период

пожалования и межевой камень, на котором его копировали, именовался «кудурру». Таким образом, магнатские владения образовывались «сверху», благодаря царским пожалованиям, не имея отношения к общинным структурам. Целые селения жаловались и храмам. Особую роль играли кланы касситов, в том числе обитавшие в предгорье на северо-восточных рубежах Вавилонии; эти кланы давали государству значительную часть вельмож и часто получали в постоянное «кормление» (или в собственность по актам «кудурру») целые округа, которые превращались тем самым в наследные автономные княжества соответствующих родов.

На условиях «кудурру» царь жаловал и небольшие наделы лицам, которым предстояло самим хозяйствовать на ней; собственники таких наделов часто объединялись в ассоциации. Имущество общинников-горожан и бывшие государственные земли, пожалованные царями частным лицам, составляли фонд частного имущества, которое далее переходило из рук в руки без всяких ограничений.

Больших централизованных имений, как правило, не существовало во все – и у царя, и у храмов, и у крупных землевладельцев практически вся земля была разделена на наделы, на которых вели мелкие хозяйства зависимые землепользователи, от крепостных до арендаторов. Получившаяся общественная модель – сочетание госсектора, охватывающего сельскую округу и большинство городов, и частно-общинного сектора, включающего крупнейшие города и вотчины вельмож, где социальные отношения основывались на частном распоряжении имуществом (общинники Вавилонии были связаны и соподчинены административно, но своим имуществом распоряжались в частном порядке), – просуществовала в Вавилонии до самого конца ее истории, с незначительными видоизменениями.

Касситские цари почитали наряду с вавилонскими и своих племенных богов – Шумалию и Шукамуну и считали себя потомками Шукамуны. Многие касситские цари обожествляли себя, считая, что получают божественность в дар от этих богов. Однако это была далеко не та божественность, что у коренных месопотамских царей-богов: речь шла всего лишь о том, что боги даровали царю почетный ранг «бога», ни в чем не меняя его человеческой природы. Такие цари не получали собственного культа, и даже имена их и в частных документах их подданных, и в их собственных официальных документах пишутся бессистемно – то со знаком божественности, то без него. Эта своего рода «почетная божественность» была порождена собственно касситскими, немесопотамскими представлениями и не оказала влияния на политическую культуру Двуречья.

У Касситской Вавилонии сложилась в современной литературе репутация второстепенной и слабой державы. Однако это плод впечатления от нескольких нехарактерных, хотя и ярких эпизодов касситской истории, известных по междучарской переписке. В действительности внешняя политика касситов отличалась большим размахом. Около 1560 г. до н.э. касситский царь Агум II по прозвищу «Меч милости» добился от чужеземных стран возвращения величайших вавилонских святынь – статуй Мардука и Царпанит, которые вывезли к себе при разгроме Вавилона хетты. Это явилось подлинным триумфом новой династии: вывоз статуй из Вавилонии воспринимался как знак гнева бога-покровителя и разрыв связи с ним; теперь же получа-

лось, что Агум смог добиться возвращения стране милости богов, утраченной недавно домом Хаммурапи. Похваляясь своим свершением, Агум заявляет в своей надписи, что едва он потребовал от «дальней страны Хани» (т.е. верхнемесопотамского хурритского Ханигальбата, куда к тому времени попали от хеттов статуи Мардука и Царпанит) вернуть святыни, как та немедленно исполнила требуемое. Кроме того, уже при Агуме Касситская Вавилония распространяла свою власть к востоку, на обширное пространство гор Загроса, включая так называемую «страну Кашшу» – совр. Лурестан, где обитала другая группа касситов.

Вскоре, в середине XV в. до н.э. Вавилония была окончательно (и навсегда) интегрирована территориально: последний царь Приморья Эгамиль отвлекся на войны с Эламом, и касситский правитель Каштилиаш III направил на Приморье своего брата Улам-Буриаша; тот победил и убил Эгамиля и принял титул «царя Приморья» в качестве фактического «вице-короля» своего брата на этой территории. Со смертью Улам-Буриаша земли Приморья были полностью слиты с Вавилонией; приморцы было восстали, но новый царь Вавилона Агум III (сын Каштилиаша и племянник Улам-Буриаша) разгромил их и разрушил храм Эа, бога-покровителя Приморья. В те же десятилетия касситы захватили долину Среднего Евфрата, отобрав ее у Ханигальбата-Митанни (Митанни в это время увязло в войнах с египетским фараоном Тутмосом III, и касситы этим воспользовались). Характерно, что после касситской аннексии Приморья его жители еще до конца II тысячелетия до н.э. рассматривались как особый субэтнос «приморцев», отличный от собственно вавилонян – «аккадцев», но уже никогда не пытались отделиться от Вавилонии. Таким образом, страна, которую в древности называли «Вавилонией», окончательно сформировалась как единое целое именно при касситах, и это хорошо понимали сами древние (ассирийцы и пятьсот лет спустя после падения касситской династии продолжали именовать Вавилонию ее официальным названием при касситах – «Кардуниаш»).

Кроме того, касситские цари владели «страной Кашшу» (территорией, непосредственно заселенной касситскими племенами в горах Южноцентрального Загроса), некоторыми областями Кутиума (страны кутиев) в Североцентральном Загросе и даже районом совр. Хамадана за Загросом, на Иранском плато (здесь ими была построена крепость, известная еще сотни лет спустя под названиями «Пристанище касситов» и «Крепость вавилонян»). В конце XV в. до н.э. касситский царь Караиндаш выступил, видимо, против Египта, воевавшего тогда с Митанни, вынудил этим египетского фараона Тутмоса IV пойти на мир с митаннийцами и явился одним из учредителей так называемой «Амарнской» международной системы (система постоянных мирных и дружественных дипломатических связей между царями Митанни, Египта и Вавилонии, действовавшая до середины XIV в. до н.э.). Начиная с правления Караиндаша, между Египтом и Вавилонией установились стабильные дружественные отношения, заключались и возобновлялись договоренности о «дружбе» и «братстве»; касситские цари выдавали своих дочерей за египетских фараонов и получали в ответ богатые золотые дары.

Около 1400 г. до н.э. вспыхнул ожесточенный конфликт между касситским царем Кадашман-Харбе и все еще обитавшими в Вавилонии аморей-

скими племенами – они подняли мятеж и разгромили ряд храмовых центров. Одновременно против царя восстал сам столичный Вавилон. Кадашман-Харбе подавил восстание, залил город кровью, а затем изгнал из Вавилонии на запад за Евфрат «многочисленных сутиев (амореев) от восхода до заката солнца и привел их воинскую силу к небытию». Больше того, преследуя отступающих амореев, Кадашман-Харбе пересек Сирийскую степь и подчинил вавилонской власти ее обширные пространства с центром в Тадморе, установив общую границу с египетскими владениями в Южной Сирии и Заиорданье. Оттесненные касситами через всю Сирийскую степь на ее крайний запад, к оазису Дамаска, сутии-амореи составили ядро древнееврейской этнической общности. А обширные земельные угодья, занимавшиеся ранее в Вавилонии скотоводами-амореями, теперь достались земледельцам и были частично вовлечены в куплю-продажу. Это послужило одним из источников экономического взлета и резкого роста внутренней торговли, которые, как явствует из обилия деловой документации, имели место в Вавилонии к середине XIV в. до н.э. В первой половине того же века вавилонским вассалом успел побывать (хотя и недолго) также Ашшур.

Куригальзу I (ок. 1380 гг. до н.э.) положил начало традиции, распространенной позднее среди великих владык Месопотамии: тяготясь необходимостью жить на территории автономного города Вавилона, не чуждавшегося волнений и бунтов, он выстроил себе новую, военно-служилую столицу – Дур-Куригальзу, где чувствовал себя полновластным хозяином. Вавилон остался священной столицей, располагавшей самоуправлением, а обычным местопребыванием вавилонских царей, средоточием царской администрации стал Дур-Куригальзу. На востоке Куригальзу громил эламитов, и однажды взял и разграбил их столицу Сузы. На западе он прочно владел положением в Сирийской степи и на рубежах Сирии и был так могуществен, что к нему чуть не отложился египетский Ханаан. В письме более позднего вавилонского царя Бурна-Буриаша II в Египет об этом сказано так: «При Куригальзу, моем пращуре, ханаанеи, стакнувшись меж собой, написали ему: “На границу Египта мы пойдем с мятежом, и с тобой заключим союз”. Мой пращур написал им следующее: “Не ищите союза со мной! Если вы поведете вражду с царем Египта, моим братом, и захотите присоединиться к кому-либо другому, не приду ли я и не разорю вас, ибо он в союзе со мной?” Мой пращур ради твоего отца их не послушал!»

Правда, его преемник Кадашман-Эллиль I (ок. 1370 г. до н.э.) обеспечил своей стране скверную славу среди современных ученых тем, что занял довольно жалкую позицию в переписке со своим египетским партнером фараоном Аменхотепом III.

Письма Кадашман-Эллиля в Египет полны унылых попреков по поводу недостаточного уважения, оказываемого ему египтянами, вперемешку с униженными просьбами, обращенными к ним же, прежде всего о подарках. Дошло до того, что вавилонянин попросил дочь фараона в жены, и, получив отказ на том основании, что «издревле дочь египетского царя не отдадут замуж чужеземцам», не успокоился, а предложил новую мысль: прислать ему любую египтянку, которую он мог бы выдать за египетскую царевну перед своими подданными! «Есть же другие прекрасные женщины, – писал он. – Пришли любую прекрасную женщину по своему сердцу! Кто мне тогда скажет: “Она-де не дочь царя?”» Получив

отказ и в этом, он вновь многословно жаловался: «Ты отказал просто для того, чтобы отказать. Почему брат мой и одной женщины не прислал? Может, и я, как ты, откажу тебе в жене? Нет! Вот мои дочери, я не откажу тебе ни в одной!» — правда, тут же выяснялось, что дочь он готов отдать только в том случае, если фараон срочно пришлет ему золота; если же он промедлит, то... «воистину, и 3 тысячи талантов золота я тогда не приму, а отошлю к тебе назад, и я не дам тебе в жены моей дочери!»

Однако уже его преемник Бурна-Буриаш II (ок. 1366–1340 гг. до н.э.) взял в обращении с фараонами совсем иной тон, твердо ограждая свое достоинство от какого-либо неравенства. Правда, ему не удалось вернуть контроль над Ашшуром, который до того признал ненадолго вавилонский сюзеренитет, но потом отложился и в качестве независимого государства отправил послов в Египет. Бурна-Буриаш с негодованием писал по этому поводу египетскому фараону: «Теперь, вот, ашшурцы — мои вассалы, разве я не сообщал тебе, чего они хотят? Почему они пришли в твою страну? Если ты любишь меня, пусть они не сделают никакого дела. Отправь их назад с пустыми руками!»

Фараон не исполнил этой просьбы. Тем не менее правление Бурна-Буриаша явилось апогеем касситского могущества. Воспользовавшись поражениями Митанни в борьбе с хеттами, он захватил зависевшую до того от Митанни Аррапху, важную область в бассейне Среднего Тигра; установил союз с хеттским Суппилулиумасом, за которого выдал дочь, ставшую великой царицей Хатти; позднее он примирился с Ашшуром, чей царь Ашшурубаллит выдал за него замуж свою дочь; и, наконец, с относительным успехом отразил первое нашествие арамейско-ахламейских племен — новой волны семитских кочевников, пришедшей на этот раз из Северо-Восточной Аравии и обрушившейся на Средний Евфрат. Сирийская степь при этом оказалась все же занята ахламеями и потеряна для вавилонян. В течение следующих трех столетий ахламеи Сирийской степи являлись постоянной угрозой для караванов, двигавшихся вдоль Евфрата. Арамеи же обосновались в Южной Сирии (арамеи и ахламеи были близкородственными ветвями одной кочевой этнолингвистической общности, которую древние называли то в целом «арамейской», то в целом «ахламейской»; современная наука называет язык этой общности и ее саму «арамейскими» в широком смысле этого слова).

Ассиро-вавилонские войны и падение касситской династии. При Бурна-Буриаше II город-государство Ашшур захватывает обширные окрестные земли и превращается в великую державу Ассирию (см. с. 281–288).

Как упоминалось, Бурна-Буриаш и сам вынужден был признать это, женившись на дочери основателя этого ассирийского великодержавия Ашшурубаллита I. Впервые за всю историю Месопотамии в ней появились две соседящие друг с другом великие державы, где говорили на одном и том же языке, поклонялись богам одного и того же пантеона и осуществляли одни и те же ритуалы. Борьба между ними была неизбежна. После смерти Бурна-Буриаша начинается череда войн Вавилона с усилившейся Ассирией, растянувшаяся в общей сложности на полтора столетия. Проходя в целом с переменным успехом и постепенно возрастая в размахе как побед, так и поражений, эти войны иногда оборачивались катастрофами для вавилонян. Однако характер-

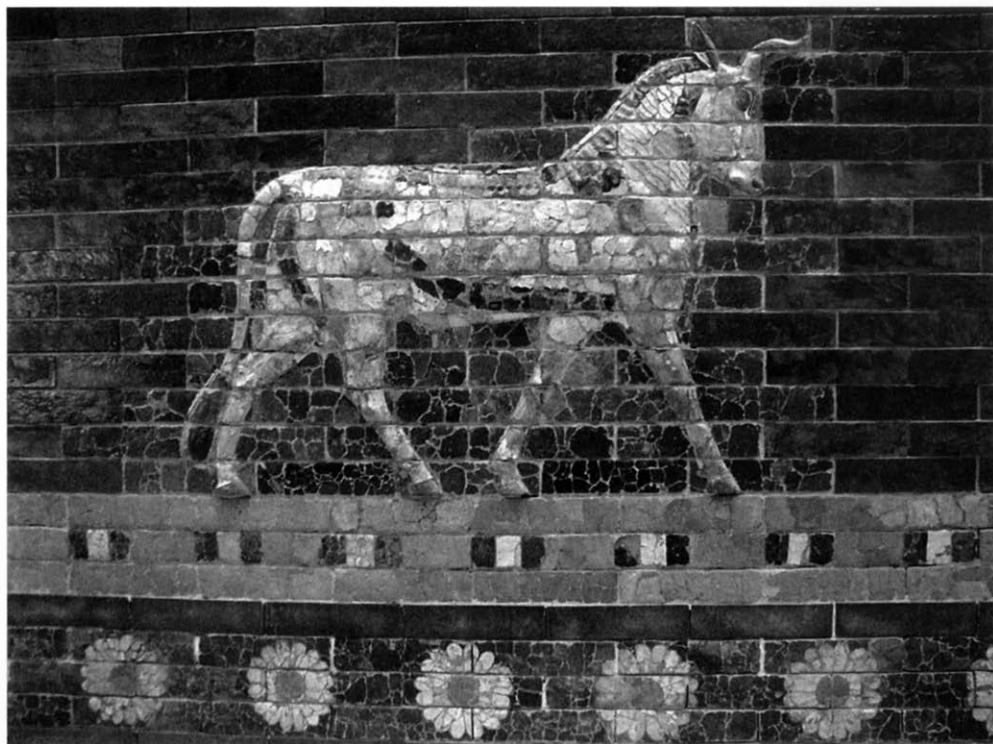
но, что на протяжении всего этого времени ассирийцы не получали прочного перевеса, несмотря на постоянный рост масштабов их экспансии.

Начал эти войны Ашшурубаллит, воспользовавшись переворотом в Вавилонии: после смерти Бурна-Буриаша его преемник, внук Ашшурубаллита по женской линии, был свергнут войсками и народом. Под лозунгом мести за внука Ашшурубаллит вторгся в Вавилонию и посадил на ее престол другого сына Бурна-Буриаша – Куригальзу II. Однако тот вскоре стал вполне самостоятельным царем и крупным завоевателем. Подчинив эламского царя Хурбатилу, Куригальзу титуловал себя в Эламе «покровителем Суз и Элама», и, более того, двинулся дальше на восток, разгромив могущественную страну Варахше, охватывавшую современные Керман и западный Белуджистан. Рост вавилонского могущества привел Куригальзу к столкновению с новым ассирийским царем; обе стороны потом хвалились победой в кровопролитном сражении при Сугагу (на деле, как видно, она свелась к ничьей). В этих и последующих конфликтах конца XIV – начала XIII в. до н.э., протекавших с некоторым перевесом ассирийцев, стороны оспаривали друг у друга только незначительные пограничные территории в Аррапхе.

Вследствие этих событий при Кадашман-Тургу во второй четверти XIII в. до н.э. был установлен устойчивый союз Вавилонии с Хеттским царством в Малой Азии – ему тоже угрожали ассирийцы. Первоначально союз пошел на пользу обеим сторонам. Резкие дипломатические демарши Кадашман-Тургу, с которыми он выступил в пользу Хаттусилиса, воевавшего тогда с фараоном Рамсесом II (касситский царь изъявил готовность вступить в войну на хеттской стороне) явились одним из важнейших факторов, побудивших Рамсеса заключить свой знаменитый мирный договор с Хаттусилисом. Впоследствии Кадашман-Тургу в отместку за обиду, понесенную Хаттусилисом от Рамсеса, разорвал с Египтом дипломатические связи. В обоих случаях Вавилония сыграла роль своего рода покровителя хеттов. Правда, союз с хеттами иногда становился в тягость касситам: «Ты пишешь нам не как брат, а командуешь нами, как своими рабами», – писали позднее из Вавилона хеттскому царю Хаттусилису III, основателю союза.

Но затем встревоженные хетто-вавилонским союзом ассирийцы (при царе Адад-нерари I) отобрали у Вавилонии долину Среднего Евфрата, отрезав тем самым Хеттское царство от Вавилонии. Подстрекая касситского царя Кадашман-Эллиля II провести войну реванша против Ассирии, Хаттусилис писал ему: «Я слышал, что мой брат возмужал и ходит на охоту – в мужчину вырос отпрыск моего брата Кадашман-Тургу! Так иди, разграбь враждебную страну (Ассирию) так, чтобы слава об этом достигла меня! Брату моему я скажу, что о нем говорят: он, мол, царь, который оружие изготовил к бою, а сам и сел сиднем. Разве не так о тебе говорят? И разве это не так на самом деле?» Через некоторое время вавилоняне действительно провели успешную войну против ассирийцев и вернули себе долину Среднего Евфрата, вновь установив прямой территориальный контакт с хеттами; к вавилонянам от Ассирии перешли также Аррапха и области Загроса.

Однако новый ассирийский царь Тукульти-Нинурта I (1233–1197 гг. до н.э.) наголову разгромил и пленил очередного касситского царя Каштилиаша IV (ок. 1229/1225 г. до н.э.). Угнав его в железных цепях в Ассирию, победитель

Бык Адад. Декор Врат богини Иштар в Вавилоне. Изразцы. VI в. до н.э.

взял Вавилон, вывез оттуда статую Мардука, возвратил Ассирии недавние территориальные утраты, а всю оставшуюся Вавилонию аннексировал.

Это было неслыханным успехом, но через семь лет в Вавилонии вспыхнуло антиассирийское восстание, возглавляемое представителями касситской династии. Восставшим пришлось бороться на два фронта против ассирийцев и набегов стремительно набирающего могущество Элама. В итоге ассирийцы еще при жизни Тукульти-Нинурты были изгнаны из Вавилонии, и в начале XII в. до н.э. при касситском царе Вавилона Ададшумуцуре происходит кратковременное возрождение вавилонского могущества. Под влияние Вавилона подпадает и сама Ассирия, на престол которой, воспользовавшись ассирийской династической смутой, Ададшумуцур смог посадить своего ставленника из числа ассирийских царевичей.

Итак, масштабы ассирийского натиска на Касситский Вавилон в XIV–XIII вв. до н.э. непрерывно возрастали, однако никаких прочных приобретений на этом «фронте» ассирийцы сделать не могли, и «последнее слово» всякий раз оставалось (и осталось в конце концов) за касситами. Положение дел изменилось – и то не сразу – только после внезапной гибели Кардуниаша от рук эламских царей. Во второй четверти XII в. до н. э. они совершили несколько опустошительных походов на Месопотамию и ок. 1150 г. полностью оккупировали Вавилонию. Ее города и храмы подверглись разграблению, а последнего касситского царя вместе с его знатью победители угнали в плен в Элам. История Касситского царства завершилась эламским завоеванием.

Однако центр сопротивления эламитах вскоре образовался в городе Иссине, где некий Мардуккабитаххешу объявил себя новым царем. Следующим правителем его династии (так называемая II династия Иссина, середина XII в. – ок. 1025 г. до н.э.) удалось изгнать эламитов из Вавилонии, а Навуходоносор I (акк. Набукудурруцур, ок. 1125–1104 гг. до н.э.) смог наголову разгромить Элам. В надписи о своей войне с эламитами Навуходоносор откровенно рассказывает: «Я сам себе говорил в страхе, тревоге и отчаянии: не хочу я разделить участь моего предшественника, угнанного в Элам, лучше мне умереть... Я устрасился смерти и не отважился на битву, я повернул обратно... Я сидел, как оглушенный; эламит пришел, и я бежал из города. Я лежал на ложе стонов и вздохов и, рыдая, молил богов». Но в итоге Навуходоносор перешел в контрнаступление, разбил и убил эламского царя у его столицы на р. Улай и «отомстил за Аккад» (Вавилонию), разорив Элам так, что тот в начале XI в. до н.э. распался и на три с лишним века исчез из месопотамских источников. После этого Навуходоносор вернул столицу из Иссина в Вавилон и принял новый титул «царь Вавилонии, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света», который носили и последующие цари Вавилонии. Вторгнулся он и в Ассирию.

Однако новый цикл вавилоно-ассирийских войн, достигший пика в начале XI в. до н.э. при ассирийском царе Тиглатпаласаре I (когда Вавилон был на некоторое время захвачен ассирийцами, но потом возвращен вавилонянами), а также династические смуты ослабили Вавилонию, и в середине XI в. до н.э. она пала жертвой нашествий кочевых племен арамеев и особой ветви последних – халдеев. Многие центры страны были разграблены, а халдеи осели на юге и юго-востоке Вавилонии, образовали там племенные княжества, признали в итоге власть вавилонских царей и составили важную часть населения страны. Новая династия, основанная неким Шимбар-Шиху, «витязем из Приморья» (ок. 1025–1008 гг. до н.э.) смогла стабилизировать положение, однако государственность Вавилонии резко ослабела. Слабость царской власти на фоне могущества автономных городов, вельмож и племенных князьков стала главной чертой политической жизни страны следующих веков; в итоге царь превратился скорее в верховного магистрата при автономной и играющей главную роль в стране гражданско-храмовой общине Вавилона.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

(IV–II тысячелетия до н.э.)

Географическое положение страны, которую мы (вслед за древними греками) называем *Египтом*, можно представлять по-разному: как род «транзитного коридора» между Африкой и Азией, как часть Средиземноморья, но прежде всего – как гигантский речной оазис, системообразующими факторами которого были Нил и пустыни. Нил в собственном смысле образуется после слияния у Хартума (столицы совр. Судана) Белого Нила (истоки которого в реках, питающих оз. Виктория в тропической Уганде) и Голубого Нила (быстрого, вытекающего из высокогорного оз. Тана в Эфиопии и дающего 80% общих вод). Приняв далее Атбару (ныне единственный из его притоков) и миновав шесть порогов между Хартумом и Асуаном (греч. Элефантина), Нил течет к Средиземному морю, севернее совр. Каира распадаясь на рукава. Ныне их два – Рашида (Розеттское, западное) и Думьет (восточное), в древности бывало до 5–7. Русла образуют гигантское веерообразное устье, которое древние греки называли Дельтой (за сходство с греч. буквой Δ – *дельта*) и сравнивали с «островом». Лишенные лесов и окруженные песками берега Нила вдоль последних 1300 км его течения – между I порогом и побережьем Средиземного моря – и образовывали, собственно, Древний Египет.

Ландшафтно-климатические особенности делят его на две контрастирующие части. От I порога примерно до апекса Нила тянется узкая долина (максимальная ширина до 20–25 км), ограниченная невысокими горами, с примыкающим на западном берегу оазисом вокруг оз. Фаюм (совр. Биркет-Карун). Это – Верхний Египет (др.-егип. *Та шема*), один из самых засушливых районов мира. Нижний Египет (др.-егип. *Та меху*) включал Дельту – широкую равнину (до 125 км), плоскую, с лугами, болотами и лагунами, составляющую более 60% обитаемой территории Египта. Палеоэкологические данные свидетельствуют, что Египет неоднократно переживал значительные изменения климата (следствие взаимодействия глобальных температур и количества осадков) и рельефа (в Дельте, в связи изменением русел), которые оказывали решающее влияние на его развитие.

В историческое время части взаимно дополнялись хозяйственно: долина Нила представляла собой основную область земледелия, Дельта – преимущественно скотоводства, садов, виноградников. «Географический дуализм» окрашивал всю политическую историю Египта, он вошел в государственную символику, в название его институтов, титулатуру царей и дал официальное имя самому государству – *Тауи* («Обе Земли»). Другим названием Египта было *Кемет* – «Черная», по цвету орошенной земли, в отличие от безжизненных пустынь – «красной» земли (*деширет*), что также несло в себе оттенок «дуалистического» восприятия мира.

В историческое время Египет делился примерно (число непостоянно) на четыре десятка *номов* (греч. «область»), по два десятка на севере и юге. В долине они располагались вдоль единого русла, «цепочкой», в Дельте – меж расходящихся рукавов, «кустом». Плотность населения выше всего была

в регионе между Асуаном–Фивами и Фаюмом–Мемфисом, реже в средней части страны (Асьют–Мемфис). Его численность во времена строительства «великих» пирамид составляла предположительно (К. Батцер) около 1,6 млн (для сравнения: в XIV в. около 7 млн, в конце XX в. 80 млн).

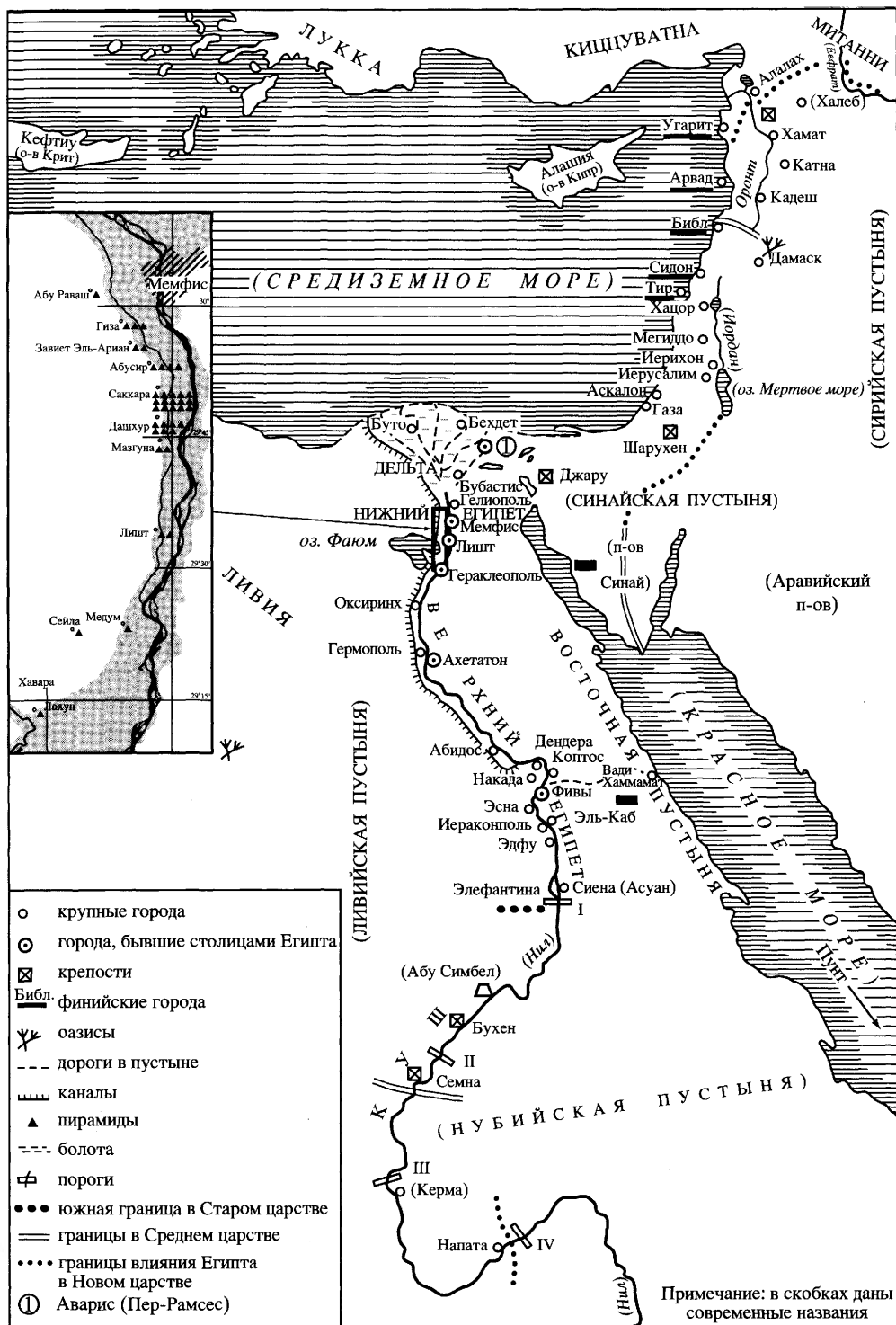
Ни одна другая цивилизация не зависела от реки в такой степени, как Египет от Нила. Ставшие хрестоматийными слова первого историка древности Геродота (V в. до н.э.) «Египет – дар реки» оказываются верными при сколь угодно широком их толковании. Нил не только кормил Египет: он был единственной транспортной артерией, объединяющей его. В отсутствие в стране (в силу особенности ее рельефа) колесного транспорта по реке перевозились на ладьях люди (войска, царские чиновники, рабочие отряды), грузы, подати, скот, передавалась информация. Нил определял границы и территорию, в пределах которой сложилось государство Египет и общность людей, которую именуют «древние египтяне», а также связывал его с тропической Африкой и Азией, делая одновременно страной африканской и средиземноморской. Не случайно Египет мыслился египтянами кораблем, а они сами – двумя его бортовыми командами.

Берега Нила были пригодны для жизни лишь благодаря природному феномену – разливам. Орошая каменистые берега (на расстоянии 1–2 км на юге страны и до 20–25 км на севере) и оставляя на них принесенный ил, они создали одну из плодороднейших в мире аллювиальных почв (и самую Дельту, нанесенную на месте морского залива). Разливы были регулярными (сер. июня – сер. ноября; пик на территории Египта – сер. августа у Асуана – сер. сентября у Каира), но различными по силе: при высоком подъеме воды (до 14 м на юге и 8–10 м на севере) страна, кроме поселений, возводимых на холмах, превращалась, как пишет греческий географ Страбон, в мелкое озеро, при низком – сокращалась площадь отвоеванной у песков пашни, и начинался голод и политический хаос.

Пустыни, неотъемлемая часть ландшафта, для египтян всегда оставались враждебными, населяемыми животными-монстрами. *Западная* (Ливийская) пустыня, периферия Сахары, – каменистая, лишенная природных ресурсов использовалась мало, за исключением оазисов. Пять главных (Харга, Дахла, Фарафра, Бахария, Сива) тянулись вдоль западного берега Нила на удалении до 200 км. Они были связаны караванными путями и представляли собой аванпосты в защите от полукочевых скотоводов–ливийцев.

Восточная (Аравийская) пустыня – гористая (с пиками до 2000 м), богатая полезными ископаемыми (золотом, медью, поделочными и полудрагоценными минералами, строительным камнем), с сухими руслами-дорогами (*вади*) между Нилом и Красным морем (кратчайшая – Вади Хаммамат), напротив, эксплуатировалась интенсивно. На ее северном продолжении – п-ове Синай египтяне добывали ценнейшее сырье – медную руду, а также малахит и бирюзу.

На юг от I порога простиралась *Нубийская* пустыня. Нубия (др.-егип. *Куш*), занимавшая территорию нынешнего Северного Судана, служила главным источником золота (др.-егип. *нуб*), на котором в значительной мере основывалось процветание Египта, и «воротами» в тропическую Африку с ее экзотическими товарами – черным деревом, слоновой костью, пигмеями, благовониями, шкурами редких животных. Негостеприимная, со скалами,

Древний Египет и его соседи в III–II тысячелетиях до н.э.

подходившими к самой реке, и бурными порогами, она, как и Синай, выполняла функцию одновременно «буферной» и контактной зоны.

Природные границы (непроходимые пустыни, болота, пороги) защищали и отчасти изолировали Египет от внешнего мира. Оставаясь агрикультурным и в целом самообеспечивающимся, Египет, тем не менее, нуждался в сырье (олове, серебре, железе, строевом лесе и др.) и предметах роскоши (в том числе ритуального назначения – ливанских кедрах для гробниц и саркофагов, благовониях), что стимулировало его военную и торговую экспансию, определявшую его внешнюю политику.

Согласно данным палеоантропологии, в неолите население долины Нила было европеоидным (средиземноморский антропологический тип), на крайнем юге отмечен негроидный тип (вопрос о том, связан ли он с происхождением оседлого населения или привнесен позднее, дискутируется). В историческое время обнаруживается наличие характеристик, связывающих население с районом Сирии–Палестины. Распространенная в прошлом теория вторжения в Египет из Передней Азии «расы завоевателей» («династической», Фл. Питри), принесшей достижения цивилизации, уступила место концепции длительной инфильтрации носителей переднеазиатского компонента. Ближайшими соседями египтян были племена светлокочих ливийцев (*темеху*), «азиатов»-ааму (обитавших за Синаем) и темнокожих курчавых нубийцев (*нехеси*).

Язык насельников долины Нила – *древнеегипетский* (ныне мертвый) – является ветвью афразийской языковой семьи. В его развитии выделяют пять этапов, которым соответствовали свои виды письма. После завоевания Египта арабами (641 г. до н.э.) он постепенно вытеснялся арабским. Его наследник *коптский* язык использовался (наряду с арабским) до XI в. (в некоторых районах вплоть до XVII в.) и ныне продолжает жить в богослужении коптской (египетской христианской) церкви. Древнеегипетский имел несколько диалектов; из одного древнеегипетского письма (ок. 1200 г. до н.э.) следует, что житель Дельты плохо понимал жителя юга. Древнеегипетский – самый долго и непрерывно использовавшийся язык в мире.

История Египта в самом общем виде делится на *доисторический период* (вплоть до рубежа IV/III тысячелетий до н.э.); *Древний Египет* (с подразделением на *царства* и *переходные* периоды – 3000–1069 гг. до н.э.); *Египет Позднего времени* (1069–332 гг. до н.э.). *Птолемеевский (эллинистический) Египет* (332–30 гг. до н.э.), завоеванный Римской империей и ставший ее провинцией, считается последним этапом древнеегипетской цивилизации.

«Династическое» членение древнеегипетской истории основано на труде Манефона, египетского историка и жреца из г. Себеннита (Дельта), современника Птолемея I (305–285 гг. до н.э.). В написанной по-гречески истории Египта (*Aegyptiaca*), сохранившейся в отрывках у позднейших авторов, Манефон сгруппировал царей Египта в 30 *династий* (правящих домов), связанных принадлежностью к одному городу (в основном, как месту столицы). Со значительными коррекциями система продолжает использоваться в историографии.

Более 90% времени эксплуатации человеком долины Нила приходится на эпоху первобытности, но до рубежа XIX–XX вв. она не была известна, и сама идея, что древнеегипетская цивилизация (о которой судили тогда лишь по пирамидам, мумиям и т.п.) могла иметь местные древние корни, не обсуждалась. Этот «другой Египет» открыли на рубеже веков раскопки Фл. Питри (1853–1942) в Накаде (Средний Египет), в которых опознал следы доисторической древности Ж. де Морган (1857–1924). С этих двух легендарных имен началось изучение египетской доистории, в основном неолита; палеолит стал объектом пристального интереса еще позже.

Археологически пребывание человека хорошо просматривается, начиная с позднего палеолита (XXV–XII тысячелетия до н.э.) в Верхнем Египте. В этот период гипераридности группы насельников саванн по обе стороны Нила мигрировали к его притокам. Судя по их многочисленным сезонным стоянкам (одна из ранних *Вади Куббания*, XIX–XVII тысячелетия до н.э.), они занимались собирательством, охотой и близким к ней рыболовством. С концом последнего оледенения и наступлением периода гипервлажности (с обильными осадками над пустыней и сверхвысоким разливами), зона саванн вновь была заселена. Очередная фаза аридности (VII–VI тысячелетия до н.э.), затронувшая Аравийский п-ов и Северную Африку, вызвала новые волны миграции из саванн (превращавшихся в пустыни и с V тысячелетия до н.э., видимо, обезлюдивших) к Нилу: сначала на его притоки, по мере их высыхания – на берега, топкие, сплошь заросшие высоким папирусом, из которого египтяне научились делать все – от лодок до «бумаги».

Древнейшие следы неолита (редкая керамика, шлифованные каменные орудия, признаки пастушества) обнаружены в Западной Сахаре в VIII – начале VII тысячелетия до н.э. В самой долине неолит приходится на *додинастический* (т.е. предшествовавший I исторической династии царей) период (ок. 5500–3000 гг. до н.э.). Для него характерны процессы нилотизации (адаптации к оседлой жизни на берегах реки) и неолитизации (переходу к производящему хозяйству). Причины «запоздания» последней (в соседней Палестине земледелие и скотоводство известны с IX–VIII тысячелетий до н.э.), как и локализация исходных для нее очагов доместикиции, продолжают историками обсуждаться.

Древнейшим развитым неолитическим поселением (до 16 (?) тыс. человек) на юге Дельты была *Меримда Бени-Салама* (60 км от Каира; 5000–4100 гг.). Его жители выращивали зерновые (эммер, ячмень), бобовые, лен, разводили овец, коз и свиней. Их погребения почти лишены инвентаря – особенность, характерная для всего Нижнего Египта. Для культурного комплекса *Маади* (р-н Каира; 4000–3200 гг. до н.э.), продвинувшегося далее в Дельту (*Миниат Абу Омар*, *Телль эль-Фараин (Буто)* и др.), кроме сельского хозяйства (земледелие, общинные (?) зернохранилища; скотоводство, одомашненный осел как средство переноски грузов), характерна развитая металлургия меди, а также общая «торговая» ориентированность экономики (связи с Передней Азией, Верхним Египтом). В целом, нижнеегипетские культуры, известные по периферии Дельты, предстают эгалитарными и изолированными, а с середины IV тысячелетия до н.э. обнаруживают нарастающее влияние верхнеегипетских культур, которые в конечном счете их ассимилировали.

Додинастический сосуд с ладьей. Период Накада II (Герзе). IV тысячелетие до н.э. Лондон, Музей Фл. Питри

Неолитические культуры Верхнего Египта обнаруживают большую преемственность. В самой ранней *Фаюм А* (ок. 5500/5000–4400 гг. до н.э.) скотоводство (козы, овцы, свиньи) и земледелие (ячмень, эммер, лен) уже являлись основой жизни. Культура *Бадари* (с 4500 г. до н.э.) известна по десяткам поселений и крупных некрополей (*Бадари, Таса, Мостагедда, Матмар* и др.), которые впервые обнаруживают «узнаваемые» элементы погребального культа. «Предметы роскоши» (медные бусины, гребни из слоновой кости, бирюза, раковины) говорят о расслоении общества, иной, чем в Дельте (статусной), ориентированности культа, а также о контактах культуры с «внешним» миром (Красным морем, Синаем, Югом). В начале IV тысячелетия до н.э. Бадари сменила ведущая верхнеегипетская культура *Накада*. Ее особенностью является

динамичная экспансия из начального центра в районе Фив. В фазе *Накада-I* (или Амра, ок. 4000–3500 гг. до н.э.) она достигает Абидоса и I порога; в *Накаде-II* (или Герзе, ок. 3500–3200 гг. до н.э.) Дельты и Нубии (II порога). Для герзейского периода характерны новые технологии в производстве керамики, обработке камня, металлургии меди; в росписи керамики, стен погребений обозначается ключевой (неоднозначный в интерпретации) «герзейский» мотив – многovesельные серповидные ладьи. Главное явление этого периода – возникновение в Верхнем Египте крупных локальных центров (неизвестных в Дельте). Концентрация и дифференциация их сельского населения, а также специализация и средоточение в них ремесел, обмена натуральных продуктов стали определяющей ступенью структурной эволюции общества. В отличие от Шумера они не развились в самоуправляющиеся города-государства, но сыграли важную роль в процессе государствообразования.

Главными центрами были крупнейший додинастический город Иераконполь (греч. «Соколоград»; др.-егип. *Нехен*); Тин (Тинис) (др.-егип. *Чени*, вероятно, совр. Гирга, близ Абидоса) и Накада (др.-егип. *Нубт*, «(Город) золота»). На их элитарных некрополях появляются погребения с «символами власти» – каменными навершиями булав, жезлами, резными пластинами (палетками) с мотивами войны, охоты и прочим, цилиндрическими печатями. Выражая «идеологический базис» власти, они свидетельствуют о появлении локальных правителей – царей, контролировавших ранние «номовые» царства. Их объединяют в условную «династию 0», предшествующую историческим династиям Манефона. Борьба этих ранних царств за прямой контроль над торговыми путями (к оазисам, к Вади Хаммамат, на юг в Кустул и др.), за источники сырья в Восточной пустыне, за гегемонию над плодородной доли-

ной с ее предельно ограниченной территорией (и, в конечном счете, ее объединение) была движущей силой и содержанием финальной (и плохо известной) фазы *Накада-III* (или *преддинастической*, ок. 3200–3000 гг. до н.э.).

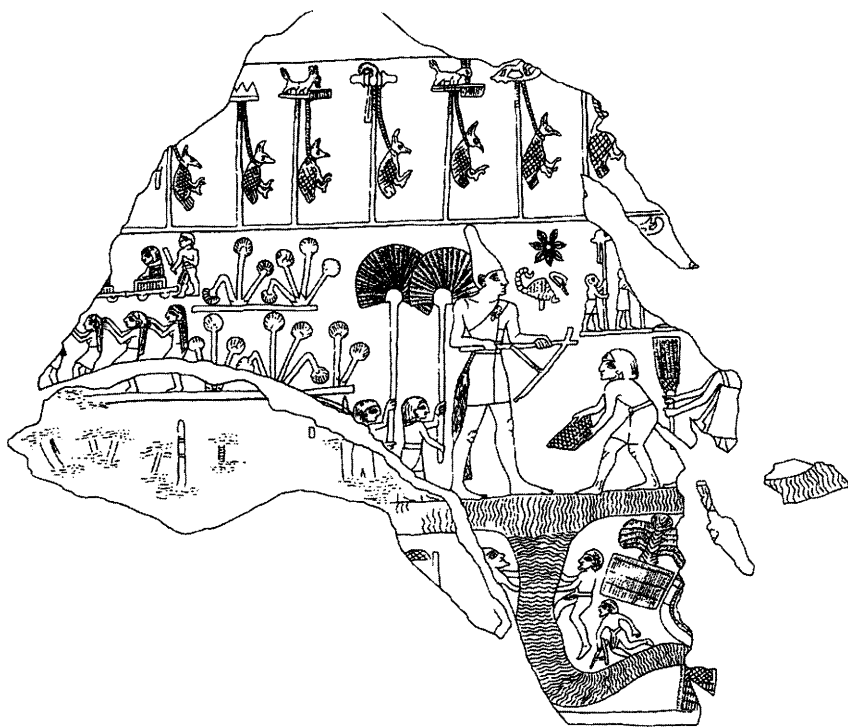
Процесс объединения Египта не очень ясен, хотя моделей существует несколько («ирригационная», военная, торговая, экологическая, идеологическая, «продовольственная» и др.). За исключением первой (факт централизованного регулирования ирригации в рамках страны не подтверждается), они все содержат рациональное зерно. Очевидно, что процесс был поэтапным, длительным, в течение несколько поколений (?), и немирным.

Некоторый свет на него проливают две группы вотивных артефактов, обнаруженных более ста лет назад в храме Иераконполя. Первая – две церемониальные булавы царя Иераконполя Скорпиона: на них он *первым* изображен в двух коронах (порознь) – плоской красной и конической белой (здесь принадлежащих соответственно Накаде и Иераконполю, в дальнейшем части общеегипетской короны). Предположительно это свидетельствует о покорении Накады Иераконполем, соперничество которых впоследствии отразилось в базовом царском мифе о борьбе Сета и Хора, их городских богов-близнецов. В таком случае, Скорпион – первый правитель Верхнего Египта и первая *историческая* (т.е. письменно зафиксированная) личность.

Вторая группа – булава и знаменитая двусторонняя палетка царя Нармера (букв. «Свирепый сом»). Изображение на ней, согласно наиболее распространенной интерпретации, увековечивает покорение Дельты Нармером, царем Тиниса. Палетка Нармера, следовательно, свидетельствует о заключительной фазе объединения страны, а сам он предстает первым *общеегипетским* царем. Позднейшая (египетская и античная) традиция именует первого общеегипетского царя *Мином* (Менесом): скорее всего, это личное имя того же царя (или, согласно другой версии, его преемника сына Аха), «хоровым» (тронным) именем которого было Нармер. Первым царем, согласно оттилкам найденных в Абидосе печатей, воспринимали Нармера и его современники.

Таким образом, между 3200–3000 гг. до н.э. в Египте в пределах гигантского речного бассейна сложилось древнейшее в мире государство, которое, согласно принятой типологии (И.М. Дьяконов, В.А. Якобсон), следует определить как *территориальное*. Особенность его «географической конфигурации» (последовательное, «по цепочке», расположение номов в долине) обеспечила его стабильность, исключительную длительность, а также в конечном счете обусловила выраженную деспотичность власти его царей сначала над отдельными «номами» Верхнего Египта, а позднее над страной в целом (И.М. Дьяконов).

Фундамент в основание государства заложила эпоха додинастики. Преддинастическая культура Верхнего Египта, распространившаяся на Дельту, сформировала его характерные особенности – политические, религиозные, художественные, которые будут определять его существование на протяжении последующих 3 тыс. лет. Преддинастические артефакты уже содержат узнаваемые черты царской иконографии: короны, типы одеяния; «бородку», отличающую царя от людей; символику власти (жезлы, сцены триумфа и ритуалов); «царские» божества (Хор и Хатхор); элементы канонического стиля в искусстве, а также начала письменности – главного изобретения и признака цивилизации.

Фрагмент булавы царя Скорпиона. Династия «0».
Ок. 3250 г. до н.э. Каир, Египетский музей

Древнейший образец древнеегипетской (возможно, ближневосточной в целом) письменности обнаружен на костяных «бирках» (с названиями поместий, поставляющих продуктовые жертвы), найденных в абидосской гробнице, которые датируются примерно 3150 г. до н.э. Они выполнены примитивными, но узнаваемыми знаками-иероглифами, несомненно, имеющими фонетическое значение. Этот ранний вид письма получил название *иероглифического* (от греч. «священные вырезанные знаки»). В XXVII в. до н.э. появился его графически упрощенный вид, *иератика* (греч. «жреческое (письмо)»), в VII в. до н.э. – скорописная *демотика* (греч. «народное (письмо)»). Дешифровка письменности началась с билингвы – найденного в 1799 г. в Египте *Розеттского камня* с текстом декрета царя Птолемея V (II в. до н. э.) на греческом и древнеегипетском языках (иероглифами и демотикой). Начало дешифровке, в которой принимало участие много выдающихся ученых, было положено в 1822 г. Ж.-Ф. Шампольоном (1790–1832).

РАННЕЕ ЦАРСТВО (ок. 3000–2686 гг. до н.э.)

Царства – условное название длительных эпох политического единства и централизованного управления Египтом, в отличие от *переходных* эпох, сравнительно кратких периодов его децентрализации, одновременного правления нескольких претендующих на власть династий.

Раннее царство – это период правления I (ок. 3000–2890 гг. до н.э.) и II (ок. 2890–2689 гг. до н.э.) общеегипетских *исторических* династий царей,

которые Манефон называл «тинитскими». Старый верхнеегипетский центр Тинис служил им столицей, а некрополь его преддинастических предков в близлежащем Абидосе, входящем в Тинитский округ, до поры был местом царских погребений. Одновременно важнейшим административным центром становился Мемфис – город в 400 км севернее Тиниса, построенный первыми правителями I династии. В него начинают перемещаться чиновники, знать, а потом (со II династии) и цари. Возможно, в Мемфисе имела уже новая резиденция, там же (в мемфисском районе, в Саккаре) возникает новый некрополь. История Раннего царства как бы «раздваивается» на два этих центра.

Хотя Египет этого времени жил в медно-каменном веке, его сельское хозяйство, основанное на плодородии земли и начальной ирригации, позволяло достичь относительно быстрого экономического прогресса.

В Египте применялась простейшая «бассейновая» (накопительная) ирригация, суть которой – удержание с помощью земляных насыпей паводковых вод, заливавших (самотеком, по причине уклона берегов к пустыне) пашни. Со временем она совершенствовалась созданием систем искусственных каналов, однако лишь в рамках отдельных областей. Система обеспечивала влажность пашни на весь вегетационный период, позволяя выращивать один урожай зерновых в год. Бассейновая ирригация, применяемая с IV тысячелетия до н.э., просуществовала до середины прошлого века, когда разливы Нила стали регулироваться плотинами. В отличие от Тигра и Евфрата, разливавшихся весной, перед *жатвой*, поздний летний разлив Нила предшествовал *севу*. Для «подъема» воды для полива с середины II тысячелетия до н.э. использовался *шадуф* (вид колодезного «журавля»), позднее (в Птолемеевском Египте) – архимедов винт.

Почти на весь период Раннего царства растянулся процесс окончательного формирования и упрочения единого государства и становления общеегипетского государственного аппарата. Надписи и оттиски печатей царских чиновников как в столицах, так и в нomaх содержат названия многих ведомств и должностей (не всегда нам понятных). Это, несомненно, связано с поисками оптимальных форм управления колоссальной страной. Представления о структуре государства (известной в основном по должностям чиновников) и общественных отношениях этого времени чрезвычайно скудны. Известно существование большого царского хозяйства, «дома царя» (с пашнями, виноградниками, пастбищами, ремесленными мастерскими), а также хозяйств вельмож и чиновников, которые, видимо, получали из него снабжение. Вместе с тем существовали огромные и роскошные погребения знати, не намного отличавшиеся от царских.

Раннее царство – время оформления идеологии царской власти. Прежде всего выстраивание царского имени-титула, который в Среднем царстве в законченном виде имел пять имен (одно, полученное при рождении, и четыре – при восхождении на трон) в определенном порядке. Каждое имя вводилось особым титулом, выражавшим стороны сакральной сущности царя, и отличало его от людей, так же, как его короны, трон, жезлы и прочие символы власти. Со времени III династии некоторые имена на письме окружаются *картушем* – кольцом (позднее овалом), символизирующим вечность. Все цари I династии (и большинство II) носили титул «хор», обозначающий

царя как воплощение этого божества. У царя Дена, самого значительного из I династии, впервые появляется двойной титул *нисут бити*, т.е. царь «Верхнего и Нижнего Египта» («двойной царь»); царь Джет впервые изображен в двойной красно-белой государственной короне, которая, как и титул «нисут бити», просуществует до конца Древнего Египта.

План, расположение, размеры, материал царских гробниц в Абидосе имели статусное и символическое значение. Сохранились только их подземные структуры, вмещающие погребальные камеры и кладовые. Каждая царская гробница окружена сопровождающими захоронениями, в одном случае (у царя Джера) – это несомненно массовые человеческие жертвоприношения (380 человек). Гробницы знати в Саккаре имели вид огромных *масаб* (араб. «скамейка») из кирпича-сырца, стены которых орнаментированы «нишами».

Исторические события этого периода известны плохо. Весь период Раннего царства практически был занят упрочением государства, и правление первых династий наполнено постоянными войнами с окружающим долину племенным миром (ливийцами, азиатами). Он также отмечен внутридинастическими распрями, обстоятельства которых, как правило, не вполне ясны.

Драматический конфликт приходится на конец II династии. В тронном имени царя Перибсена происходит замена бога Хора на Сета (его противника), увенчанного одной лишь белой («южной») короной. Последний царь той же династии, Хасехемуи (букв. «Воссиявший двумя жезлами»), сопровождал свое имя уже двойным изображением – *одновременно* Сета и Хора, носящих двойные короны. Оба этих царя были погребены вновь на старом некрополе Абидоса, что подтверждает их возвращение к старой «тинитской» традиции.

В надписи на цоколе двух статуй Хасехемуи, посвященных в Иераконпольский храм, сообщается о военных действиях в Нижнем Египте, в ходе которых было убито 47 209 человек, безжизненные тела которых изображены на памятнике. На его же каменных сосудах, также дарованных храму, имеется надпись о покорении «северного врага». Таким образом, речь идет о самой кровопролитной войне, известной на территории Египта, результатом которой стало фактически повторное объединение Верхнего Египта и Дельты.

После II династии роль царского некрополя окончательно переходит к Саккаре. Абидосу же предстояла судьба величайшего культового центра Египта: гробница царя Дена будет почитаться (вплоть до арабского завоевания!) как одна из святынь – как гробница самого бога Осириса. Правление последнего царя II династии Хасехемуи ознаменовало рубеж в древнеегипетской истории и культуре: после него начинается «эпоха пирамид». Предположительно, он был предшественником (отцом?) царя Нечерхета, более известного как Джосер, царь эпохи Старого царства и владелец первой «ступенчатой» каменной пирамиды.

СТАРОЕ ЦАРСТВО (2686–2160 гг. до н.э.)

С концом «тинитского» периода политический и административный центр Египта окончательно переместился в город-крепость на стыке «двух» Египтов – Мемфис (греч.; др.-егип. *Инеб-хедж* – «Белые стены»). К названию храма его городского бога Птаха (*Хут-ка-Пта* – «Усадьба двойника Птаха»)

и восходят, согласно традиции, греч. *Αἴγυπτος* и наше *Египет*. Началась более чем полутысячелетняя эпоха Старого царства, в течение которой правили «мемфисские династии» (в династическом «измерении» III–VI, династии, к которым примыкают VII–VIII).

В Египте, древнейшем централизованном государстве, впервые сложилась особая форма правления – древневосточная деспотическая монархия. Во главе ее стоял царь, которого часто в литературе называют *фараоном* – пришедшим от греков словом, восходящим к древнеегипетскому иносказательному обозначению царя (появившемуся лишь в середине II тысячелетия до н.э.) – *пер-а* (букв. «дом большой», «дворец»). Фактически страна уподоблялась огромному «дому царя», имуществом (землей, водой, скотом, сырьем) и людьми которого он распоряжался. Хотя кроме государственных и храмовых существовали и большие вельможные хозяйства, они образовывались за счет крупных царских дарений (иногда – целых селений) и были относительно самостоятельны. Владение вельможи («дом собственный») включало унаследованное и купленное имущество, которым он мог распоряжаться, и «служебное», которое могло быть отобрано вместе с должностью. Государство в Египте целиком поглотило сельскую общину (повсеместно на Древнем Востоке игравшую важнейшую роль). Сложилась государственная форма эксплуатации собственного населения, ставшего *подневольным*.

К древнейшим в мире относится и централизованный государственный аппарат. Он был громоздким, двухступенчатым (в столице и номах) и «двойным» (свой для Верхнего и Нижнего Египта); включал сокровищницу, «палаты» зерна, скота, рабочих рук и др., сложную иерархию чиновников, армию писцов – грамотных людей, которые составляли ее основу. Все высшие должности занимала знать – царские родственники, номархи и тому подобные.

Государственный аппарат известен главным образом по чиновничьим карьерам и их должностям, потому дает представление скорее о механизме управления, чем о системе. Его главной особенностью в Старом царстве являлась концентрация всего управления в столице, при дворе и родственная связь с царским домом. Причастность к бюрократическому аппарату предполагала определенную степень грамотности, и письменность была ключевым фактором в управлении государством.

Деятельность аппарата обнимала все сферы жизни от организации производства (продуктов, изделий ремесла, добыча сырья и др.), общественных

Статуя писца Каи из его гробницы в Саккаре. Старое царство. V династия. Середина III тысячелетия до н.э. Каир, Египетский музей

Царь Хафра (греч. Хефрен) с богом-соколом Хором. Старое царство. IV династия. XXVI в. до н.э. Каир, Египетский музей

работ (каналы, дороги, пирамиды и т.п.) и распределения (материалов, рабочих рук, а также пищи – нормированных «пайков» для работников и натурального жалованья).

Характерной чертой деспотии является обожествление царя. В Египте оно достигло грандиозных масштабов. Фараон был воплощением бога-сокола Хора, который позднее считался сыном и наследником Ра-Солнца – «младшим солнцем». Вокруг него (живого и мертвого) сложился культ поклонения: его высшее выражение – грандиозные каменные пирамиды.

Когда правящий царь, воплощение Хора-сокола, умирал, бог возрождался в следующем царе. Физически же пребывающий в своей гробнице-пирамиде усопший царь идентифицировался уже с Осирисом – богом возрождающейся природы и царем мертвых, божественным отцом Хора. Пирамида, таким образом, представляла собой храмовый комплекс Осириса–Хора, совмещенного с солнечным богом. Причастность к строительству и обслуживанию

царских усыпальниц увязывалась египтянами (на сложной мифологической основе) с надеждами на их собственное посмертное возрождение.

Старое царство именуют «эпохой пирамид». Пирамида не только узнаваемый символ эпохи и царская гробница. Каждая пирамида – это гигантское «государственное предприятие»: с огромным числом людей, земли, скота, материалов, продуктов сначала для строительства, а потом для поддержания и обслуживания пирамиды (припирамидного храма). Вместе с пирамидой основывались новые хозяйства, производимое в них стекалось в район расположения пирамиды и перераспределялось между «усопшими» царями (в виде жертвоприношений) и жрецами, а также между обслуживающим персоналом и рабочей силой.

Строительство совершенствовало систему организации, учета, контроля и управления этим механизмом, определяло размеры штата писцов, контролеров, с его централизацией, системой распределения и соподчинения и фактически выстраивало бюрократический аппарат и само государство. Иными словами, государство в Египте не только строило пирамиды, но и само «строилось» пирамидами. В эпоху Старого царства именно пирамиды выступали одной из движущих сил процесса государствообразования.

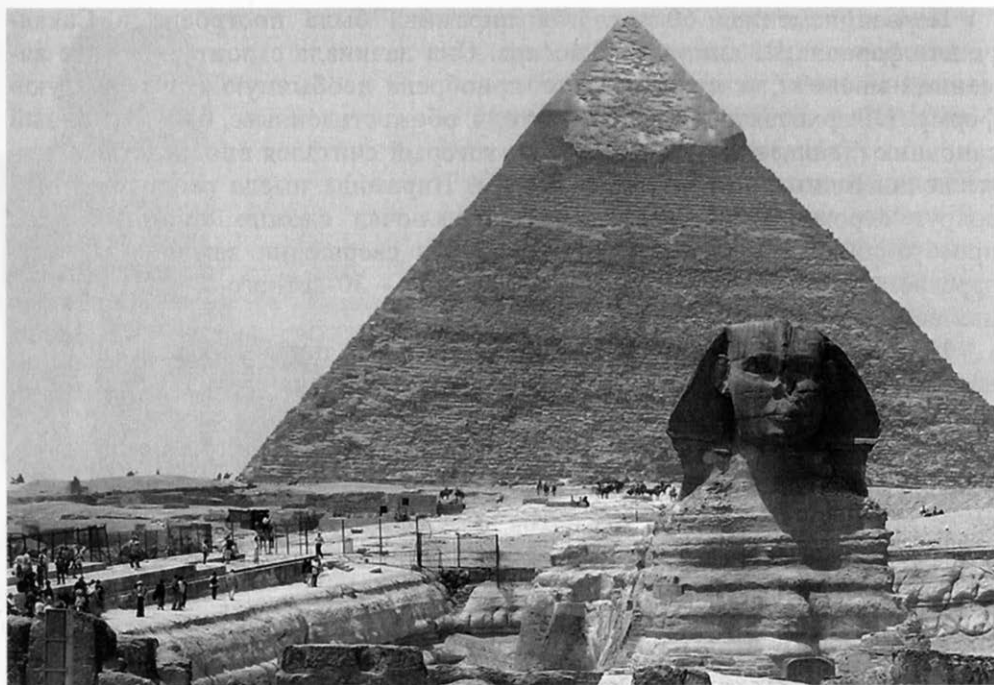
Первая каменная 60-метровая пирамида была построена в Саккаре для фараона III династии Джосера. Она начинала строиться в виде каменной мастабы, и лишь позднее приобрела необычную «ступенчатую» форму. Ее архитектором, впоследствии обожеествленным, был верховный сановник (*чати*, «визирь») Имхотеп, который считался впоследствии также величайшим врачом и магом. Пирамида имела расположенный вокруг огромный комплекс, который включал сложно организованное пространство со многими строениями для свершения важнейших государственных ритуалов, в том числе *хеб-седа* – 30-летнего юбилея правления царя.

Неподалеку, в Гизе возвышаются гигантские пирамиды царей IV династии (2613–2494 гг. до н.э.). Из них принадлежащая Хуфу (греч. Хеопс), самая высокая (146 м), сложена из 2 300 тыс. огромных каменных глыб. Рядом – пирамида его сына Хафра (греч. Хефрена), на три метра ниже. Им уступает по высоте (66 м) пирамида Менкаура (Микерина). Рядом с ними стоит вырубленный из скалы 20-метровый Большой Сфинкс (предположительно, с лицом Хафра). В конце правления IV династии положение в стране осложнилось; затраты на гигантское строительство, централизация власти обострили социальные противоречия. Геродот, ссылаясь на египетскую традицию, рассказывает о недовольстве населения, которое сохранило самую недобрую память об этих царях. Известное сказание о фараоне Хуфу и чародеях, сохранившееся в папирусе Весткар, рассказывает, что жена одного жреца зачала от самого Ра и родила трех сыновей, которые стали основателями новой «солнечной» династии. Возможно, произошла насильственная смена власти. О некогда могущественной IV династии ничего больше неизвестно.

Пирамиды более скромного размера продолжали строить цари V и VI династий. Приход V династии к трону сопровождался изменениями в концепции царской власти: она связывается с идеей прямого происхождения царя от верховного бога Ра, который становится его отцом. Имя Ра включается в тронное имя-титул фараона, который понимается как «младшее солнце». Начинают строиться так называемые «солнечные» храмы.

В V династии в царских пирамидах (начиная с царя Униса) появилось важное новшество – Тексты пирамид, представлявшие собой древнейший сборник магическо-ритуальных заклинаний.

Пирамиды (др.-егип. *мер*) возводились на западном берегу Нила, за горизонтом которого, где ежевечерне «умирало» Солнце, мыслился мир усопших. В них погребались не только сами цари, но их матери, супруги и дочери. Их возводили более 1000 лет (с III династии до II Переходного периода), в Новом царстве царские гробницы вырубались в скалах (в Долинах царей и цариц, в Западных Фивах). Всего известно (в том числе лишь по «именам») около 100 пирамид, в основном между Мемфисом и Фаюмом. С точки зрения архитектуры, они делятся на ступенчатые и «настоящие», четырехгранные; в Старом царстве материалом для них служил камень, в Среднем – по преимуществу недолговечный кирпич-сырец. Пирамиды различались высотой, углом наклона граней, внутренней структурой, строительными инновациями. Одной из них, предположительно, была система пандусов, «опоясывавших» пирамиду и использовавшихся для перемещения колоссальных строительных блоков. Вер-

Пирамида царя Хуфу (греч. Хеопс) и Большой сфинкс. Гиза. Старое царство. Середина III тысячелетия до н.э.

шины строительного мастерства – пирамиды в Гизе, из которых две «великие» Хеопса и Хефрена были причислены греками к Семи рукотворным чудесам света (единственные до нас дошедшие).

Последний значительный царь VI династии (и Старого царства) Пепи II (2287– 2178 гг. до н.э.) вззошел на трон шестилетним ребенком и занимал его почти столетие. Его правление оказалось самым долгим в египетской истории, а возраст в 110 лет стал для египтян символом желаемого долголетия. Но к концу жизни он правил фактически распадающимся государством. Его пирамида в Саккаре – последнее значительное сооружение Старого царства. После Пепи II на троне сменилась череда эфемерных «мемфисских» царей (VII–VIII династии). У Манефона они безымянны; его ремарка, что «70 царей VII династии правили 70 дней», заставляет считать первую фикцией (или родом «метафоры»). С последними фараонами VIII династии централизованное «мемфисское» Старое царство фактически распалась, при том, что сам Мемфис оставался величайшим городом Египта.

Среди причин крушения грандиозного Старого царства, которое выглядит быстрым и неожиданным, указываются непроизводительные затраты на строительные программы, неэффективность правления самого Пепи II и ряд других соображений. Но главная причина состояла в том, что перестало существовать централизованное управление, и преимущества, которые оно давало, были потеряны. Высшие государственные должности, за несколь-

ко поколений ставшие наследственными, доставили их носителям в центре и на местах полунезависимый статус. Обозначившееся уже с V династии возвышение провинциальных центров породило центробежные тенденции и разрыв хозяйственных связей между частями государства – центр политической, хозяйственной и культурной жизни перемещается в провинции. Об этом ярко свидетельствуют роскошные мастабы местных номархов.

Одной из предполагаемых причин крушения Старого царства могло быть также катастрофическое изменение климата (похолодание и, как следствие, аридизация), отметившего завершение к середине XXIV в. до н.э. периода климатического оптимума, которое затронуло Африку и Переднюю Азию. Одно из возможных свидетельств этого – известный литературный памятник «Пророчество Неферти»: вложенное в уста мудреца описание хаоса и анархии в Египте, в котором отразились воспоминания в том числе о конце Старого царства: «Пуста река Египта, переходят ее пешком. Будут искать воду для ладьи, чтобы плыла она, но ее дорогой станет берег... Будет ввергнута земля в несчастье из-за отсутствия еды».

I ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (ок. 2160–2055 гг. до н.э.)

I Переходный период обнимает собой смутное время после распада Старого царства. Египет оказался раздроблен на десятки областей, правители которых обрели известную самостоятельность, том числе военную. Их соперничество за власть проходило на общем фоне страшного голода (нередки упоминания о каннибализме) и разрухи, следствий продолжающейся аридизации, запустения ирригации и вооруженных конфликтов. Заявления номархов Верхнего Египта (Сиута, Гебелейна, Гермополя, Эдфу, Гераклеополя и др.) о том, что они спасали от голодной смерти свое население, «давая хлеб голодному и одежду нагому», «защищая сирот и вдов», становятся общим местом их гробничных «автобиографий» и приметой времени.

Попытка нового объединения Египта исходила из Гераклеополя (греч., др.-егип. *Хенен-нисут*, р-н Фаюма), который на полтора века стал важным политическим центром. Его правители (IX–X династии, ок. 2160–2025 гг. до н.э.) именовали свое царство «домом Хети» (по имени основателя Хети (=Ахтоя) I), связывая его с Мемфисской царской традицией. Гераклеополитам удалось подчинить Дельту, мемфисскую область и значительную часть Среднего Египта. В союзных с ними отношениях состояли правители Дендер, Гермополя и Сиута. Гераклеополиты начали утрачивать позиции с возвышением соперников – номархов небольшого южного ному со столицей в Фивах (греч.; др.-егип. *Уасет*, «Скипетр»), провинциальном тогда городке, богом-покровителем которого был воинственный Монту. Родоначальниками фиванской династии (XI) считались номархи Ментухотеп I (букв. «Монту умиротворен») и его сын Интеф I (ок. 2125–2112 гг. до н.э.). Интеф II (2112–2063 гг. до н.э.) уже облек себя частью царских титулов и был первым, начавшим открытую борьбу с гераклеополитами.

Между Гераклеопольским царством и Фиванским завязалась почти столетняя война, в которую оказались втянутыми многие номы. Памятником

этим событиям является знаменитое «Поучение царю Мерикара» (возможно, первый образец авторского царского политического сочинения), адресованное Ахтоем III (2063–2055 гг. до н.э.) сыну-наследнику Мерикара, последнему царю гераклеополитов. Автор описывает бедственное состояние страны («время болезни», по его выражению), мер, которые надлежит принять царю, рассуждает об его ответственности за порученный ему богами народ, рекомендуя «быть хорошим с Югом» (т.е. Фивами). Советы не пригодились: фиванский царь Ментухотеп II, сын Интефа III (2063–2005 гг. до н.э.), захватил Гераклеополь и установил контроль над всем Египтом. Это событие традиционно считается началом следующей эпохи – Среднего царства.

Время потрясений конца Старого царства – I Переходного периода оказало сильное влияние на культуру Египта. Литература отмечена появлением целого ряда блестящих по содержанию и стилю произведений, отмеченных духом пессимизма («Жалобы Хахеперрасенеба», «Песнь арфиста», которую часто сравнивают с «Позмой о Гильгамеше» и библейской книгой «Екклесиаста»). Их авторы размышляют о философских проблемах бытия – смысле и ценности человеческой жизни вообще и жизни «маленького» (*неджеса*, незнатного) человека в том числе, о посмертной участи, значении царской власти. В то же время провинциальное искусство, «отрезанное» от столицы и свободное от влияния мемфисской школы с ее детерминированным царским канонам, переживало известный расцвет. Оно неожиданно обнаружило стилевое различие местных школ, интерес к повседневной жизни обычных людей. Несмотря на примитивность и грубость этого периферийного искусства, оно оставляет впечатление необычной свежести и экспрессии.

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО (2055–1650 гг. до н.э.)

Среднее царство – 400-летний период истории воссозданного централизованного государства, в котором выделяются два периода – конец XI династии (правившей в Фивах) и XII–XIII (с новой столицей в Лиште, в Фаюме). Исключительные заслуги Ментухотепа II в восстановлении государства признавались современниками и потомками: при Рамесе II (через 700 лет!) его статуя изображалась в ряду предков между легендарным Мином и Яхмосом I (основателем Нового царства).

При нем была достигнута известная консолидация государства от первых порогов до Дельты. Ментухотеп II первым после крушения Старого царства смог снова возвести масштабное сооружение из камня – необычный «террасный» комплекс в Деир эль-Бахри (р-н Фив), совмещавший заупокойный храм и гробницу (где были также захоронены его жены), который оказал влияние на последующую храмовую архитектуру. Однако страна, пережившая свою «столетнюю войну», была беспокойна: в росписях гробниц часто изображаются батальные сцены (бои лучников, штурм городских крепостей), в захоронениях обычно встречается оружие; сам Ментухотеп II нередко изображается в сценах сражений.

Преемники его продержались у власти не более двух десятилетий. Трон был узурпирован неким Аменемхетом, «визирем» последнего царя XI династии. «Пророчество Неферти», в котором «задним числом» предрека-

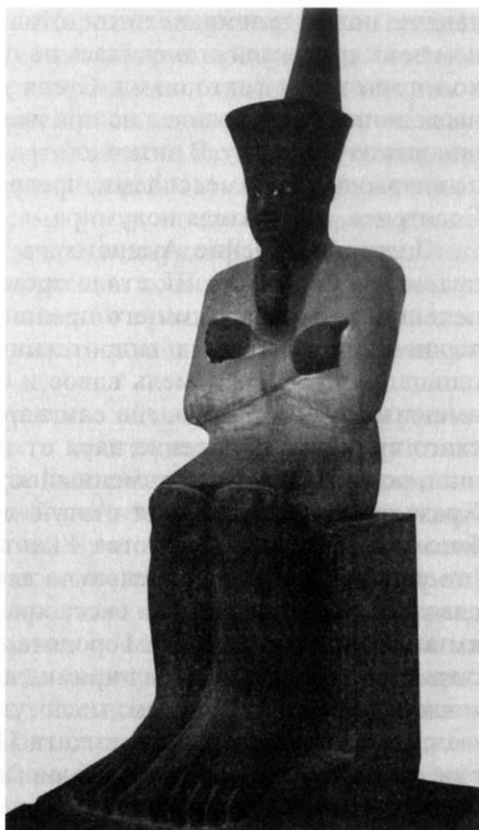
ется приход с юга царя-объединителя по имени «Амени» (сокращение от «Аменемхет»), несомненно, направлено на подтверждение законности его власти.

Аменемхет I (1850–1756 гг. до н.э.) стал основателем одной из самых сильных египетских династий – XII (1850–1756 гг. до н.э.). Ее главной задачей по-прежнему оставалось замирение страны, подавление сепаратистских настроений номовых правителей, продолжавших чувствовать себя независимыми со времен переходного периода. При Аменемхете I была укреплена северная граница, где возведены так называемые «Стены правителя». Столица была перенесена из южных Фив ближе к центру, в новый город-крепость с говорящим названием *Иттауи* «[Аменемхет]-охвативший-Обе-Земли» (совр. Лишт, р-н Фаюма), который сохранял значение последующие 300 лет. Для обеспечения мирного перехода царской власти (при многих потенциальных претендентах, учитывая наличие гаремов) Аменемхет I первым ввел особую практику – прижизненное назначение соправителя с царским титулом. Институт соправления в целом оправдал себя и в XII династии, и позднее, в Новом царстве, однако сам Аменемхет I, видимо, погиб в результате дворцового заговора; покушение пережил и его внук Аменемхет II.

О напряженной политической обстановке в стране свидетельствует литературный шедевр – «История Синухета»: рассказ знатного придворного, который случайно подслушав весть о неожиданной смерти царя и предвидя смуту, предпочел бежать через смертельно опасную пустыню на чужбину, в Сирию, где провел долгие годы.

При Аменемхете I (букв. «Амон впереди») начинается возвышение *Амона*, покровителя фиванской области и династии: в течение ближайших полутора столетий, оттеснив Монту, он возглавит политеистический пантеон, превратившись в главное общегосударственное божество.

Самые значительные завоевания эпохи осуществил Сенусерт III (1850–1831 гг. до н.э.). Его походы были направлены в основном в Куш с его неисчерпаемыми запасами золота и меди. Для облегчения прохода ладей через пороги он приказал пробить обходной канал, на новых границах в Нубии южнее II порога заложил на обоих берегах крепости (Семна и Кумма), отме-

«Осирическая» статуя царя Ментухотепа II. Среднее царство. XI династия. Конец XXI в. до н.э. Каир, Египетский музей

чавшие новые границы Египта, отодвинувшиеся к югу на 400 км. Со временем цепь крепостей становилась не только оборонительными сооружениями, но и торговыми факториями. Стела у II порога сохранила обращение царя к наследникам: он грозился не признавать своим сыном того, кто не будет защищать эту границу. В античной традиции образ Сенусерта III, смешавшись с полководцами-Рамессидами, превратился в легендарного египетского царя Сесотриса, покорителя полумира.

Долгое правление Аменемхета III (1831–1786 гг. до н.э.), сына и соправителя Сенусерта III, стало временем расцвета Среднего царства, обеспеченного завоеваниями его предшественников. С его именем связано завершение масштабных гидротехнических работ в Фаюме, увеличивших площадь посевных земель вдвое и способствовавших политическому возвышению этой области, где сам царь обожествлялся вплоть до греко-римского времени. Правление царя отмечено строительством храмов и святилищ, особо прославлен каменный заупокойный храм в Хаваре (р-н Фаюма). Храм предназначался для статуй множества местных и общеегипетских богов, как символа единства Египта. Греки называли его «лабиринтом» (по легендарному подземелью во дворце критского царя Миноса). Причислявшийся к Семи чудесам света храм известен по восторженным описаниям античных авторов: на Геродота, кстати, он произвел едва ли не более сильное впечатление, чем пирамиды. Образ Аменемхета III был увековечен множеством статуй, в том числе уникальных по стилю. Так называемые «косматые» сфинксы Аменемхета III, чрезвычайно популярные в древности, неоднократно «присваивались» последующими фараонами, которые писали на них свое имя.

XII династию завершило краткое правление Себекнеферу (1777–1773 гг. до н.э.), дочери Аменемхета III, интересное лишь тем, что она – первая царица-фараон. Поскольку царица на троне нарушала земной и «божественный» порядок (фараон – это всегда воплощение Хора, сына Ра), власти в отсутствие опыта пришлось искать нестандартные решения сложной идеологической проблеме: в надписях царицы варьировался грамматический род, применялась женская форма имени «Хор»; на одной из своих статуй царица имеет одеяние, сочетавшее женское платье с фараоновским килтом. Ее опыт в древнеегипетской истории окажется востребован по крайней мере еще раз.

Источники Среднего царства впервые позволили раскрыть статус непосредственных производителей материальных благ в Египте. Основу их составляла (как доказал О.Д. Берлев) категория населения *хемуу нисут* («царских хемуу»), которая охватывала практически все население страны. Они трудились в рамках профессии (сельскохозяйственной, ремесленной и др.), назначаемой им *государством*, и там, куда оно его распределяло (как правило, пожизненно и с учетом наследственности «занятия») по результатам «смотров», регулярно проводимых в областях Египта. Они могли быть направлены в войско, в государственные и храмовые хозяйства, приданы должности вельможи (становясь его челядью, *мерет*); могли быть временно (обычно на 3–4 месяца) посланы на тяжелые «царские работы» (расчистку песчаных заносов, рытье каналов, строительство, в том числе

«пирамидное», на флот гребцами и др.). «Царские хемуу» не имели средств производства; сажались на землю, получали за труд продуктовый «паек», который рассчитывался их «держателем» (храмом, владельцем имения и др.). Право распоряжения этой категорией населения оставалось за государством. Другой (сравнительно немногочисленной) категорией эксплуатируемых людей были *баку* (от *бак* – «заставлять работать») – рабы в точном (юридическом) смысле термина. Они сами (и их потомство) принадлежали частным лицам, не включались в государственную сферу распределения трудовой силы. Они бывали *домашними* рабами хозяев, не использовались на полевых работах, высоко ценились и могли продаваться. Предположительно, это были потомки египтян, захваченных в плен в ходе внутренних «номовых» войн.

С середины Среднего царства в результате завоевательных войн увеличивается число пленников-чужеземцев (в египетском понимании «помилованных убитых» – О.Д. Берлев), которыми распоряжалось государство. Позднее в Новом царстве их количество значительно возросло, пленные становились едва ли не главной добычей египетской армии. Ими также распоряжалось государство, которое в основном дарило их храмам (прежде всего Амона Фиванского), а также частным лицам, часто как награда отличившимся в сражениях. Тем не менее основными производителями и в Среднем царстве, и позднее, в Новом (выступая под другим названием – *семдет*, «профессии»), оставались массы собственного подневольного населения, положение которого (правовое и экономическое) определялось зависимостью от государства. Рабы в Египте (как и повсеместно на Древнем Востоке) не составляли большинства, хотя существование самого института рабства безусловно накладывало отпечаток на все стороны жизни общества.

Культура эпохи Среднего царства в исторической памяти египтян получила статус эталонной. На нее пришлось не только сложение классического древнеегипетского языка и создание выдающихся образцов древнеегипетской письменности, которые служили потомкам образцом для подражания (изучались в школах, копировались, переводились на новоегипетский язык), но и фактически литературы как таковой и оформления ее жанрового разнообразия. Наряду с религиозно-философской «Беседой человека с его душой-*ба*» и «Гимном Нилу», появилась, например, первая «приключенческая» «История потерпевшего кораблекрушение», литературно-«историческое» повествование о Синухете. Для официального изобразительного искусства этого времени характерен реализм, стремление к передаче не только физических особенностей натуры (возраста, этнических черт) и статуса модели, но и ее психологического состояния. Вершиной изобразительного искусства этого времени являются прославленные «психологические» скульптурные портреты Сенусерта III и Аменемхета III.

После XII династии Египет начал клониться к упадку. Цари следующей XIII династии (1773–1650(?) гг. до н.э.) продолжали править из Иттауи, но не задерживались долго на троне: за 150 лет их сменилось более полусотни. Неферхотеп I и Себекхотеп IV (вторая половина XVIII в. до н.э.) еще кон-

тролировали Египет: его южные границы охраняли в крепостях гарнизоны, корабли плавали на север, в Библ. Эйе (I) (1695–1685? гг. до н.э.) был уже последним, чьи памятники известны в обеих частях Египта. Контроль династии над Восточной Дельтой оказался утрачен, в Западной (в г. Ксоисе) обозначилась «параллельно» правившая (XVI) династия; влияние на юге ограничилось границами Фиванской области.

Важнейшее свидетельство этого времени – так называемое «Речение Ипувера» (известное в позднейшей копии, но созданное, несомненно, в конце Среднего царства). Оно рисует картину полного хаоса в стране, которая «повернулась, подобно гончарному кругу». Ипувер драматически описывает внутренние потрясения: не только «ожесточение сердец», грабежи, мор, но и смуту, разрушение столицы, осквернение некрополей и царской пирамиды, а также присутствие в стране «чужеземных лучников», «азиатов». Речь, несомненно, идет о вторжении в Египет племен так называемых *гиксосов*, правление которых составляет содержание II Переходного периода – одного из самых «темных» и тяжелых в истории Египта.

II ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (ок. 1650–1550 гг. до н.э.)

В середине XVII в. до н.э. Египет впервые оказался под властью чужеземцев. С востока через Синай вторглись завоеватели, входившие в племенной союз обитателей Южной Сирии и Северной Аравии, возможно, разнородный по составу. Чуть более ста лет они владычествовали над частью Египта, сделав своим центром г. Аварис (Восточная Дельта, совр. Тель эль-Даб'а).

Манефон именoval завоевателей (или только их правителей) *гиксосоми*, «царями–пастухами» (от др.-егип. *хека хасут* – «правители чужеземных стран»; вар. *хека шасу* – «правители (племени) шасу»). Сами египтяне называли их *ааму*, «азиатами», как и население Сирии–Палестины. Раскопки в Аварисе (М. Битак) показали, что мигранты-*ааму* селились там уже и раньше, притом многие состояли на службе у фараонов XII династии (в качестве воинов, матросов, торговцев, проводников военизированных караванов), а их культура (имена, семьи, погребальные обряды, быт) носили уже смешанный (азиатско-египетский) характер. Завоеванию Египта способствовал ряд причин: его внутренняя слабость, передовое переднеазиатское вооружение гиксосов (сложные дальнобойные луки, бронзовые серповидные мечи-*хепеш*, боевые колесницы), возможно, поддержка азиатского населения Дельты. Власть гиксосов (даже при самых сильных их царях Хиане и Апепи) простиралась лишь на Дельту и север Среднего Египта (вплоть до Кус), откуда они совершали набеги на юг страны.

Несмотря на понятную исключительно враждебную оценку гиксосов всеми египетскими источниками, возможно, они привнесли элемент стабильности в Дельту. На время сложилось политическое равновесие между городами Дельты (XIV династия) с разной степенью их лояльности к гиксосским фараонам (XV династия), обособившимся слабым фиванским царством (XVI династия), а также возвысившимся полуегиптинизированным царством

Куш со столицей в Керме (за III порогом). Египетские «царские списки» также признавали их царями (впрочем, не вполне «полноценными»: без картуша при именах). Гиксосы адаптировали египетскую культуру, в том числе политическую: правили как египетские фараоны, использовали их титулы, датировали события по годам своего правления, именовались «сынами Ра» (хотя поклонялись Сету, отождествлявшемуся с их азиатским богом Баалом), заимствовали египетскую письменность.

Борьба за освобождение Египта началась при двух последних фиванских правителях XVI династии. Секененра Таа (II) первым выступил (ок. 1560 г. до н.э.) против Апеи (Ааусерра) и, видимо, погиб в битве: его мумия сохранила следы ударов боевого топорика гиксосского типа. О начале их борьбы рассказывает сказание о «Соре Апеи и Секененра» (известное в позднейшей копии): в нем гиксосский царь (названный «царем, которому весь Египет платит дань»), разгневанный активностью египтян, шлет гонца к фиванскому, требуя изгнать «из фиванского водоема бегемотов», рев которых якобы не дает ему спать ни днем, ни ночью, достигая Авариса.

Борьбу продолжил его сын (?) Камос, по прозвищу «храбрый» (1555–1550 гг. до н.э.), который, обозначив свою независимость от верховной власти гиксосов, принял титул царя (XVII династия). Неожиданно он столкнулся с нежеланием знати (опасающейся сильной централизации власти) участвовать в войне. Согласно одному известному тексту, в ответ на слова, обращенные к совету сановников во дворце («Я хочу спасти Египет и поработить азиатов»), он получил от сановников уклончивый ответ («Мы спокойно владеем нашим Египтом... Вот (если) придет тот, ...кто нападет на нас, тогда мы будем действовать против него»).

Камос совершил поход на Аварис, опираясь на свое войско, однако не смог его взять, захватив лишь огромную добычу (300 ладей с полученной гиксосами данью). Позднее он также совершил поход в Куш, поставив под прямое управление Египта южные территории вплоть до II порога.

Изгнание гиксосов традиция связывает с младшим братом Камоса Яхмосом (I), при котором, видимо, значительную роль играла их мать, царица Яххотеп. Яхмос стал основателем следующей XVIII династии. Надпись в гробнице начальника гребцов (и тезки царя) Яхмоса рассказывает о штурме Авариса с речных каналов и суши, о взятии его, преследовании гиксосов и трехлетней осаде их последнего оплота – крепости Шарухен в Южной Палестине.

Тот же текст сообщает о последующем вынужденном броске египетской армии на юг в Куш, разгроме там восстания, наконец, о подавлении смут в самом Египте (в том числе «злоумышленников» во главе с неким Тетианом).

НОВОЕ ЦАРСТВО (1550–1069 гг. до н.э.)

СОЗДАНИЕ ИМПЕРИИ (1550–1352 гг. до н.э.)

С освобождением Египта и последующим его объединением Яхмосом I (1550–1525 гг. до н.э.) началось полутысячелетнее *Новое царство* (XVIII–XX династии), время наибольшей территориальной протяженности государства и единственного на Древнем Востоке «эксперимента» в области религии. Первую половину эпохи занимает правление блестящей XVIII династии (1550–1295 гг. до н.э.).

Полевые работы. Фрагмент росписей из гробницы Нахта. Фивы. Новое царство. XVIII династия

При Яхмосе I и его сыне Аменхотепе I (1525–1504 гг. до н.э.) началось возвращение к активной внешней политике, заложенной фараонами XII династии. Его начальный итог – восстановление влияния Египта в границах Среднего царства (от Синая до II порога на юге).

Успехи обеспечила реорганизация армии, начатая в ходе войны с гиксосами (и отчасти благодаря им). Армия получила передовое вооружение (заимствованное у гиксосов и других азиатских соседей) и стала постоянной. Ее составляли воины-профессионалы (с детства обучаемые в казармах, ядро армии), новобранцы («мóлодцы армии»), набираемые по повинности (каждый десятый), от которой освобождались лишь жрецы, и наемники (нубийцы, ливийцы и др.). Вдобавок к пехоте (лучникам и копейщикам) были созданы морской флот и мобильное колесничное войско, применявшееся впоследствии на равнинах Азии. Боевые колесницы, как и конские упряжки (с которыми, считается, египтян впервые познакомили гиксосы), стоили дорого, обслуживались массой слуг, и в колесничных войсках на них ездила знать. Со временем египтяне изготовили свой тип

легкой двухколесной колесницы. Были созданы вспомогательные службы (переводчиков, писцов, лекарей, погонщиков ослов). Фараоны и их наследники стали лично участвовать в военных действиях, многие начинали восхождение на трон благодаря военной карьере (например, Рамсес I и Хoremхем, см. ниже). Одна из лучших для своего времени армия превратила Египет в крупнейшую военную державу Переднего Востока. Школьные «поучения» рассказывают, сколь трудным было военное ремесло: «Мужчину забирают в воины, юношу – в новобранцы, мальчика же отдают на воспитание, отняв его у матери. Пока станет он взрослым – все кости его разбиты». В правление XVIII династии были заложены причины длительной борьбы между новой служилой знатью (в том числе военной), ставившейся опорой царской власти, и старой местной и столичной аристократией, имевшей огромное влияние и не желавшей его терять.

Фараон-царица Хатшепсут в виде сфинкса. Храм в Деир эль-Бахри. Новое царство. XVIII династия. Середина XV в. до н.э. Берлин, Государственные музеи

Начиная с правления XVIII династии все большее значение приобретали Фивы (часто просто *Ниут*, «Город», подобно Древнему Риму). Город стал политическим и религиозным центром Египта, а западный берег Нила напротив него – царским некрополем, местом скальных гробниц царских семей и высшей знати, а также заупокойных храмов, поселков их строителей. Начиная с Аменхотепа I, основателя некрополя, здесь, в Долине царей, были погребены все фараоны XVIII династии (кроме Аменхотепа IV, см. ниже). Большинство их мумий, запрятанных от грабителей в пещере-тайнике жрецами в конце Нового царства, обнаружено в конце XIX в. и ныне находится в Каирском музее. Тогда же Амон-Ра, главное божество Фив, начало обретать масштабы общегосударственного, имперского, а впоследствии *вселенского* божества. Центром его почитания стали два храма, соединенные аллеей бараноголовых сфинксов: *Инет-сут* (букв. «Избранное из мест», Карнак) и *Инет-ресут* («Южный покой», совр. Луксор). Этот самый большой в древнем мире храмовый комплекс достраивали правители Египта вплоть до римских императоров. Получая огромную долю в военной добыче (как «плату» его богам за победы), Карнак становился богатейшим храмом, его жречество – сильнейшим в Египте, что закладывало основу дальнейших конфликтов между царской и жреческой властью.

С Тутмосом I (греч., др.-егип. *Джхутимес*; 1504–1492 гг. до н.э.), главнокомандующим и зятем Аменхотепа I, открывшим «эру Тутмосидов», начался период интенсивных завоеваний. При нем египетское влияние впервые про-

двинулось на юге за III порог, на севере – достигло Евфрата, границ нового сильного соперника – царства Митанни (др.-егип. Нахарина).

Его сын Тутмос II (1492–1479 гг. до н.э.) продолжал истребительные набеги на Куш и Азию, активность которых к концу его правления замедлилась. Он назначил соправителя – малолетнего сына Тутмоса (будущего III) от одной из младших жен. После смерти царя его «главная вдова» Хатшепсут (дочь Тутмоса I) стала при нем регентшей (при поддержке части придворных и жречества), а затем короновавшись, соправительницей, практически «отодвинув» его от власти. Подобно Себекнеферу 500 лет назад, Хатшепсут (1473–1458 гг. до н.э.) правила как царица-фараон, обладая полной титулатурой. В надписи на стенах своего заупокойного храма в Деир эль-Бахри (одного из шедевров египетской архитектуры) она обосновывала законность своего пребывания на троне (якобы полученного от отца как его соправительница), а также символически изобразила акт собственного зачатия в виде сакрального союза бога Амона (в образе Тутмоса I) и ее матери, царицы Яхмос-Нефертари.

В правление Хатшепсут почти на два десятилетия прерываются войны, однако представление об исключительно мирном характере ее правления вряд ли справедливо. Военизированные экспедиции направлялись в Библ, Синай, а также («по повелению» ее отца Амона) в далекую страну Пунт (Сомали). Сколь бы «этнографическими» и «ботаническими» они не изображались на рельефах ее храма, они продолжали ту же внешнюю политику: Пунт (хотя и формально) стал новым владением Египта.

После смерти Хатшепсут Тутмос III (1479–1425 гг. до н.э.) последовательно истреблял ее изображения и имя, которое отсутствует также в официальных «царских списках». Официально занимая трон 54 года (и 22 из них – в соправлении, фактически отстраненный от власти и неупоминаемый в официальном контексте), он правил страной еще более трех десятилетий. В течение последующих 22 лет Тутмос III («египетский Наполеон», как его часто именуют) возглавил не менее 16 победоносных походов в Переднюю Азию каждую весну (время сбора урожая). Уже в первом году единоличного правления он выступил против коалиции 330 правителей во главе с царем Кадеша: захват после семимесячной осады важнейшей крепости Мегиддо, где они укрылись, стоивший «взятия 1000 городов», принес ему огромную добычу. В результате его завоеваний границы Египта отодвинулись на юге вплоть до IV порога, на севере – до Евфрата. Пределы этих территориальных завоеваний Египта остались непревзойденными. Правление Тутмоса III – высшая точка завоевательной политики Нового царства не только по территории, но и по масштабам контактов с чужеземцами и степени влияния на них, по богатствам, получаемым прямыми грабежами, данью, использованием торговых путей на севере и золотых копий на Юге.

Его сын Аменхотеп II (1427–1400 гг. до н.э.), крупный завоеватель, и внук Тутмос IV (1400–1390 гг. до н.э.) также всю жизнь провели в походах, подтверждая и развивая прежние завоевания и подавляя мятежи. Аменхотеп II совершил несколько кампаний в Азии. Его стелы сообщают об огромной добыче (золоте, меди, колесницах и др.), доставленной в Египет. Только после одного карательного похода было пригнано около 100 тыс. пленных, наи-

Тутмос III, поражающий врагов. Рельеф пилона храма Амона в Карнаке.
XVIII династия. XV в. до н.э.

большее число, известное из источников (не считая палетки Нармера). При Тутмосе IV урегулирование территориальных конфликтов между Египтом, Митанни и Вавилонией позволило на время решать проблемы с помощью компромиссов.

Создание огромной державы требовало управления завоеванными территориями: постепенно прямые грабежи заменялись системой эксплуатации. При Тутмосе III Египет включал земли от Куша до Нахарины, их чужеземное население стало подданным фараона, на которое тоже распространялась защита египетских царя и богов.

Территории управлялись наместниками (на юге – «царским сыном Куша», в Азии – «наместником северных стран») со штатом чиновников, главными задачами которых были эксплуатация природных ресурсов, сбор дани и ее

отправка в Египет. Наместники опирались на военную силу – гарнизоны, размещенные в крепостях на границах с Кушем, а также в городах Сирии–Палестины. На азиатских территориях сохранялась известная автономия «вассальных» малых княжеств, враждовавших между собой и лавировавших между несколькими силами (в основном Египтом и хеттами). Для Нового царства характерен также процесс аккультурации (усвоение элементов египетской идеологии и религии, языка и письменности и др. форм культурного влияния), результаты которой особенно показательны в Куше. Египет эпохи Нового царства с известным основанием можно назвать самой ранней из древневосточных *мировых империй*.

Характер и результаты внешней политики отразились на идеологии общества. Утверждаются идеи победоносности, героизации фараона, обусловленной его божественностью. В искусстве центральным становится образ царя – героя и воина, триумфатора, в литературе обозначаются новые жанры – военные анналы, «героизированные» описания походов – и новые темы – личная храбрость царя, его близость к армии и др. Особенно выделяются литературными достоинствами военные «анналы» Тутмоса III, автором которых являлся армейский писец Чанени. Сам Тутмос III, кстати, был не только великим полководцем, но и образованным человеком: его «визирь» сравнивал царя с Джехути, богом мудрости и знаний.

«Имперская» идеология сохранялась на протяжении всей XVIII династии, но эпоха победоносных войн в основном завершилась с Тутмосидами. Ее блестящим итогом стало правление сына Тутмоса IV Аменхотепа III (1390–1336 гг. до н.э.). Египет его времени входил в круг важнейших мировых держав наряду с Вавилонией, Митанни, Ассирией, Хатти и Арцовой (в Малой Азии), а также Эламом, Кефтиу (Микенским Критом) и Алашией (Кипром). Их «великие цари», называвшие друг друга «братьями», воспринимали прочих равными себе соперниками. Они (а в исключительных случаях и их главные царицы) обменивались посланиями, дарами, используя «дипломатические» браки своих дочерей (за исключением египтян) как инструмент внешней политики.

Об этом живо рассказывают письма из царской канцелярии («дома царских писаний») – около 400 глиняных табличек (в основном на аккадской версии вавилонского, *lingua franca* эпохи). Их содержание обнимает около трех десятилетий правления Аменхотепа III и его преемника.

В середине XIV в. до н.э. Египет был лидером ближневосточного мира. Военная добыча и дань текли в страну, богатство которой вошло в поговорку: «в Египте золота больше, чем песка», – писал царь Митанни. Роскошный двор превратился в «мировой» дипломатический центр. Его «космополитической» атмосфере способствовали браки фараонов с чужеземными царевнами, сам Аменхотеп III был женат на нескольких вавилонских и митаннийских царевнах. Египет стал более открыт культурным веяниям извне. Полагают, что вместе с армией, возвращавшейся из дальних походов, в Египет попадали и новые идеи. Произошел «переворот» в сознании египтян: царь виделся «солнцем» не только для Египта, но и для «чужеземных стран». Триумфом Аменхотепа III стали три его юбилея, которые пришлось на семь последних лет правления.

Правление Аменхотепа III отмечено грандиозным строительством – прежде всего своего дворца и заупокойного храма в Малкате (Зап. Фивы), от которого уцелели лишь сфинксы (ныне стоящие на набережной Невы) и две его тронные статуи – знаменитые Колоссы Мемнона (один – «поющий», издающий протяжный звук на рассвете при прохождении нагретого воздуха через трещины). Главный архитектор царя Аменхотеп, сын Хапу, удостоился беспрецедентной почести – заупокойного храма (преготивы царей) и позднее, подобно Имхотепу, был обожествлен.

К концу правления Аменхотепа III культы многих богов, как и его собственный, с одной стороны, подверглись значительной «соляризации», с другой – распространилось (возможно, в противовес официальному культу Амона-Ра и его жречеству) почитание Солнца под его старинным именем *Ра-Хорахти* («Ра-Хор-двух-горизонтов», т.е. восходящего и заходящего солнца), а также *Атона*, т.е. физически видимого на небе солнечного диска. Его дворцовый комплекс в Малкате носил название «сияющий Атон», сам царь имел эпитет «Сияющий Атон всех земель». В этих новшествах проступают корни грядущих перемен «амарнской эпохи».

ЭПОХА АМАРНЫ (1352–1336 гг. до н.э.)

Аменхотеп IV (1352–1336 гг. до н.э.), сын Аменхотепа III, почти на два десятилетия круто изменил жизнь Египта. Уже в начале правления он ввел новый общегосударственный культ Атона, не покушаясь, однако, ни на верховного Амона, ни на египетское многобожие в целом. Рядом с Карнаком (центром культа Амона) был возведен храм Гемпаатон (букв. «Найден Атон»), где новое божество изображалось в необычном виде – не в антропоморфной или зооморфной форме, но в виде солнечного диска с лучами-руками, «протягивающими» знак *анх* («жизнь»). Вскоре теофорное имя Аменхотеп (букв. «Амон доволен») царь изменил на *Эхнатон* – «Угодный Атону», его супруга царица Нефертити получила имя *Нефернефруатон* («Прекрасна красота Атона»). Сам Атон был наделен осбой «солнечной» титулатурой, заключаемой в царские картуши.

Царская семья и двор покинули Фивы, переселившись в новую столицу *Ахетатон* («Горизонт Атона», совр. Амарна), возведенную «по велению Атона» на берегу Нила на «ничейной» (т.е. ранее не принадлежавшей никаким богам) земле. В Ахетатоне оформляются принципы «атонистской» религии и культ самого фараона.

Имена Амона и прочих богов подверглись истреблению по всей стране. «Богоборчество» развернулось даже на уровне письменности: иероглифы, вызывающие ассоциации с ненавистным Амоном, заменялись; знак «множество» при слове *нечер* (др.-егип. «бог») запрещался; наконец, вместо слова «бог» стали писать «атон». Сколь далеко могли зайти нововведения, неизвестно: на 17-м году правления Эхнатон умер; имя Нефертити исчезло из источников еще раньше. Согласно тексту на «пограничных стелах» Ахетатона, царскую семью надлежало захоронить «в восточной горе Ахетатона». Цар-

Фараон Эхнатон, царица Нефертити и царевна Меритатон поклоняются Атону. Стела из Ахетатона. XVIII династия. XIV в. до н.э. Каир, Египетский музей

ская гробница, однако, пуста; одна из гипотез предполагает перезахоронение царя (возможно, и иных членов его семьи) в Долину царей. При ближайших преемниках начинается полная реставрация: уничтожаются имя (стало быть – память) о реформаторе, его божге, его столице.

Реформы изменили государственный культ и религию придворной элиты, пребывающей в изоляции в столице, но рядового населения, скорее всего, они мало коснулись. Реформа Эхнатона все в большей степени связывается с фигурой Аменхотепа III, достигшего прижизненного уподобления Солнцу и носившего эпитет «сияние Атона». Возможно, возвышая Атона, сын, в сущности, возвеличивал обожествленного отца, но в форме, не связанной с Амоном, т.е. «немифологической» (А.О. Большаков). Впрочем, мотивация реформ, как и сама личность Эхнатона, «первого... религиозного гения в истории» (Б.А. Тураев), все еще до конца не понятна. Реформа завершилась неудачей, но не исключено, что ее отдаленное

влияние (а именно наделение верховного божества царскими прерогативами) проявилось в истории конца Нового царства (см. ниже).

Реформа оставила след в современном изобразительном искусстве. Оно отмечено отходом от традиционных канонов, натурализмом, доведенным в ранних образцах (прежде всего в изображении самого Эхнатона) до крайности, позволяющей в новом художественном стиле одним видеть «гротеск», другим – «полемическую заостренность» (М.Э. Матье), третьим – род «натуралистического символизма» (выражающего тождественность царя богам плодородия с их андрогинностью). Художественный стиль Амарны, отражая, видимо, искания его создателей, претерпел разительные изменения: от крайне концептуально-догматической формы до реалистической. Пример последней являют скульптурные шедевры – прославленные изображения Нефертити и ее дочерей, найденные в так называемой мастерской скульптора Тутмоса в Ахетатоне.

История Египта двух «постэхнатоновских» десятилетий запутанна. В отсутствие у Эхнатона и Нефертити общих мужских потомков преемниками стали их зятья. Сначала Сменхкара (1338–1336 гг. до н.э.), супруг старшей царевны Меритатон (неясное происхождение которого породило много

гипотез), затем Тутанхатон (1336–1327 гг. до н.э.), супруг царевны Анхсенпаатон (согласно одной из гипотез – сын Эхнатона от младшей царицы, Кии, или его сестры Сатамон). При этом фараоне, занявшем трон 10-летним ребенком, регентом и фактическим правителем стал Эйе – главнокомандующий и верховный сановник, один из знатнейших и ближайших к Эхнатону вельмож.

Возвращение к старым порядкам началось почти сразу же. Ахетатон был покинут, двор перебрался в Мемфис. В Реставрационной стеле Тутанхамона сообщается, что из драгоценного электрона были отлиты статуи Амона, Птаха и других богов, их храмы «наполнены жрецами и слугами, жертвенники – приношениями». Теофорное окончание имен царя и царицы (-*атон*) подверглось замене на -*амон*, имя Атона повсеместно истреблялось. Фараон Тутанхамон снова стал любимым сыном бога Амона. Однако на девятом году правления, в возрасте 18 лет, он неожиданно умер и был погребен в скромной по размерам (предположительно не ему предназначавшейся) скальной гробнице в Долине царей, наполненной огромными ценностями, включая несколько золотых саркофагов и маску из литого золота, шедевры египетских ювелиров. Находка этой почти не потревоженной грабителями гробницы в 1922 г. Х. Картером стала мировой сенсацией.

Вдова Тутанхамона Анхсенпаамон, пытаясь удержать трон, пошла на беспрецедентный шаг – отправила письмо Суппилулиумасу I, царю враждебного Египту хеттского государства: «Мой муж умер, и у меня нет сына. Говорят, у тебя много сыновей. Пришли мне одного из твоих сыновей, чтобы он стал моим мужем. Я не хочу брать в мужья одного из своих слуг...». Не без колебаний посланный в Египет хеттский царевич Цаннанкас был, однако, убит по дороге, что обострило отношения Египта и хеттов. Анхсенпаамон стала супругой престарелого Эйе (возможно, ее деда по материнской линии), который благодаря браку занял трон (1327–1323 гг. до н.э.). Вскоре она умерла, навсегда исчезнув из истории.

После краткого правления Эйе трон захватил следующий военачальник – Хоремхеб (1323–1295 гг. до н.э.), карьера которого также началась при Эхнатоне и достигла высот при его амарнских преемниках. Тем не менее в своем коронационном указе он говорит о себе как о ревностном восстановителе старых порядков: «Истребил он неправду в Обеих Землях, правда стала пребывать [на ее месте]...Страна стала как при своем начальном состоянии». При Хоремхебе имя «отступника из Ахетатона» исчезло из официальных документов, атоновские храмы начали разбирать. Позднее к его «царским годам» было причислено правление амарнских царей (Эхнатона, Сменхкара, Тутанхамона и даже Эйе) как «незаконных», так что в «царских списках» Хоремхеб следует сразу за Аменхотепом III. Вместе с тем им были предприняты попытки по защите *немху* (досл. «сирот») – незнатных, служилого слоя, составлявшего социальную опору Эхнатона. Царский двор теперь почти постоянно находился на севере, и Нижний Египет вступал в период своего расцвета. Особое значение это получило с началом новой полосы военной активности следующей XIX династии.

РАМЕССИДЫ: ПРАВЛЕНИЕ «ГЕНЕРАЛОВ»
(1295–1069 гг. до н.э.)

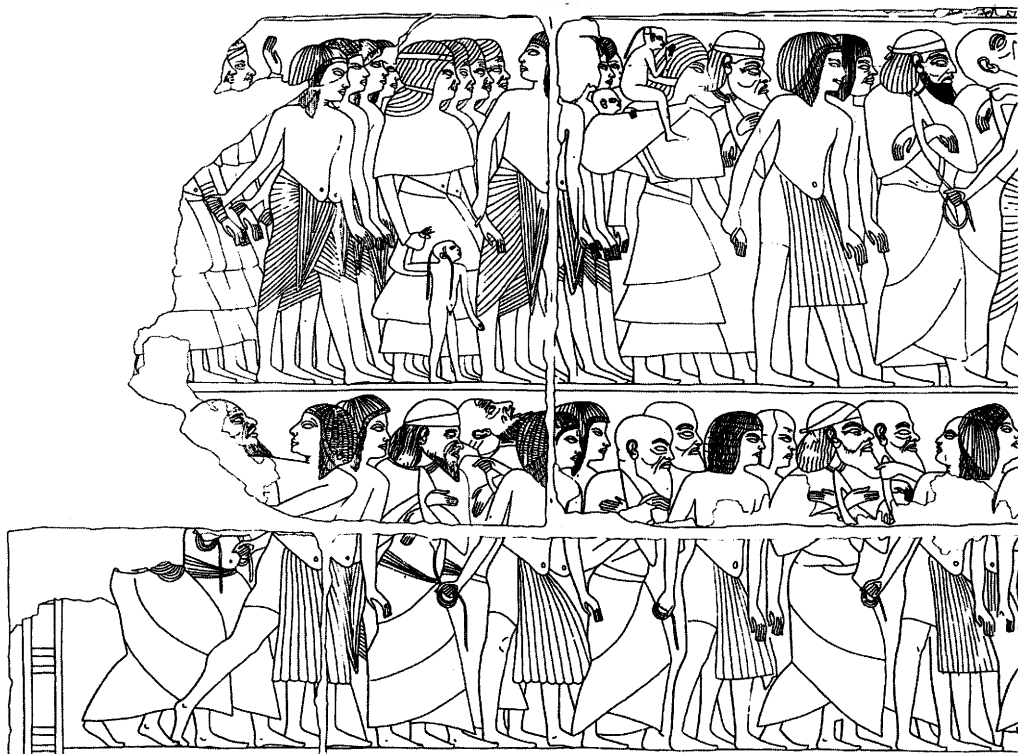
Рамсес I (1295–1294 гг. до н.э.), военачальник родом из Восточной Дельты, при прежнем царе Хoremхебе стал основателем новой XIX династии, которую вместе с XX именуют *Рамессидами*. На них легла задача восстановления влияния Египта в «постамарнском» мире, который претерпел сильные изменения. Огромное наследство Тутмоса III в Азии было почти утрачено. Поглощенный реформой Эхнатон отошел от активной внешней политики, мало реагировал на письма азиатских вассальных царей о растущей угрозе хеттов. Последние, между тем, разгромили Арцаву, разделили с Ассирией Митанни и претендовали на Сирию–Палестину. Столкновение с хеттами становилось неизбежным.

Азиатский поход Сети I (1294–1279 гг. до н.э.) был успешной пробой сил, но основная борьба легла на Рамсеса II (1279–1213 гг. до н.э.). На пятом году его правления противостояние с хеттами достигло кульминации в битве при Кадеше на Оронте (Сирия). Во главе хеттов стоял Муваталлис II, союзниками которого выступали почти два десятка анатолийских и сирийских князей. В битве участвовали самые большие армии, которые видел древний Ближний Восток: около 20 тыс. египтян (четыре соединения по 5 тыс. человек) с 2 тыс. колесниц против 37 тыс. (?) хеттов с союзниками при 2500 колесницах. Известна египетская версия сражения, представленного блестящей победой египтян, что, скорее всего, не соответствует истине. Кадеш не был взят, сам Рамсес II, проявивший исключительную храбрость, едва не погиб. Противостояние, видимо, закончилось своего рода перемирием. Тем не менее размежевание сил прошло по Оронту, иначе говоря, египтяне уступили часть завоеваний Тутмоса III хеттам.

В течение следующих полутора десятков лет Рамсес II продолжал воевать в Сирии, захватив Кадеш, Дapur и другие важные города. И лишь на 21-м году его правления по инициативе следующего царя хеттов Хаттусилиса III стороны заключили «превосходный договор мира и братства, дающий мир навечно». Договор, скрепленный браком Рамсеса II и хеттской царевны, оставался в силе при его преемнике Мернептахе: продолжая считать хеттов своими союзниками, тот снабжал их зерном во время голода.

Битва при Кадеше – первое в мировой истории сражение, в деталях описанное в прозе и поэзии и изображенное на стенах храмов в Абидосе, Карнаке, Луксоре, заупокойном храме Рамсеса II Рамессеуме, Абу Симбеле и др. «Кадешский договор» – древнейший дошедший до нас полный текст мирного договора, известного в версиях обеих сторон. Он представлен в двух вариантах. Иероглифическая копия сохранилась на стенах двух храмов (Карнака и Рамессеума). Одна из копий на глиняной табличке, выполненная вавилонской клинописью, хранится в Гос. Эрмитаже.

Рамсес II, правивший почти весь XIII век, преобразил Египет своей строительной деятельностью. В Восточной Дельте была воздвигнута столица *Пер-Рамсес* («Дом Рамсеса», совр. Кантур), город-порт на берегу судоходного тогда Пелусийского русла. Он стал центром торговли и военной ба-

Пригон пленных. Фрагмент рельефов из гробницы главнокомандующего Хоремхеба (будущего фараона). Саккара. Новое царство. XVIII династия. Ок. 1325 г. до н.э. Лейден, Музей Востока

зой. Однако перенос столицы далее на север, ослабив контроль центральной власти над страной, таил угрозу децентрализации, что и подтвердила дальнейшая история. Рамсес построил также множество храмов в Египте (самые известные – заупокойный храм Рамессеум, гипостильный зал в Карнаке с его «лесом» из 134 колонн в форме папируса) и в Нубии, для демонстрации мощи южным соседям. Среди них два прославленных пещерных храма в Абу Симбеле (за II порогом) с колоссальными статуями Рамсеса II и его супруги, царицы Нефертари, как проявления богини Хатхор. Впрочем, неоднократно замечалось, что храмы Рамсеса II и его бесчисленные гигантские статуи впечатляют в большей степени числом и размерами, чем совершенством форм.

Рамсес II умер на 67-м году царствования, длительностью которого уступал лишь Пепи II. Современник для нескольких поколений египтян, он при жизни и после смерти был легендой. От многочисленных жен фараон-долгожитель имел огромное потомство (около сотни сыновей и дочерей), пережив 12 царевичей-наследников. Его преемником стал тринадцатый сын, уже молодой Мернептах (1213–1203 гг. до н.э.). При нем Египту пришлось противостоять двойной угрозе извне. С моря и суши на Дельту хлынула волна так называемых «народов моря» – конгломерата средиземноморских племен из Малой Азии, Эгеиды и других регионов Средиземноморья. Их миграция,

Молодой фараон Рамсес II на троне. Базальт. Новое царство. XIX династия. XIII в. до н.э. Турин, Египетский музей

сес III (сын Сетнахта), занимавший трон более трех десятков лет (1184–1153 гг. до н.э.). На его царствование пришлась вторая, более страшная, чем 33 года назад, двойная волна нашествия чужеземцев. В 5-м и 11-м годах правления ему пришлось обороняться от массовой миграции (включавшей

возможно, отчасти спровоцировала нашествие в Дельту западных соседей египтян – ливийцев, обитавших в Северной Африке (в Киренаике). Волну нашествия героически отбило войско, возглавляемое фараоном: 6 тыс. захватчиков было убито, остальные пленены.

После Мернептаха Египет впал в полосу смут: одновременно с его сыном Сети II (1200–1194 гг. до н.э.) правил на юге некто Аменмессу, затем малолетний сын Сети II Саптах (1194–1188 гг. до н.э.). После смерти его регентша-мачеха царица Таусрет заняла трон (1188–1186 гг. до н.э.), став *третьей* (после Себекнеферу и Хатшепсут) и последней фараоном-царицей. Подобно Хатшепсут, она, как и полагается фараону, была погребена в Долине царей. Исключительное положение при ней занял вельможа Баи, сириец, носивший титул «визирь всей земли». Свет на события проливает текст так называемого «Большого папируса Харриса»: Египет и его жители, сообщает он, были «брошены на произвол судьбы», «не было у них начальников много лет», страна оказалась в руках «вельмож и правителей городов». Некий сириец «Ирсу» (букв. «сделавший себя», самозванец, намек на Баи?), захватив власть, стал «начальником, заставив всю страну приносить ему дань» до тех пор, пока бунтовщиков не истребил Сетнахт (1186–1184 гг. до н.э.), который был «избран богами» и стал основателем новой XX династии.

Последние полтора века Нового царства – время правления Рамессидов XX династии (1186–1069 гг. до н.э.). Из них сильнейшим был Рам-

женщин, детей, скот) ливийцев, которые, пользуясь внутренними проблемами Египта, проникали и оседали в Западной Дельте. Предположительно, миграция (как и в первый раз) была вызвана затяжным голодом. Но на грань существования Египет поставило второе нашествие «народов моря»: состав их частично изменился, и за их спиной уже лежали разгромленные держава хеттов, Угарит, Алалах, опустошенные побережья Малой Азии и Кипра. На восьмом году правления царя в серии кровопролитных морских и сухопутных сражений нашествие, изменившее облик всего Восточного Средиземноморья, в Египте, было отбито. Сцены сражения запечатлены на стенах одного из самых впечатляющих культовых сооружений Египта – заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу (Западные Фивы). В сопровождающем тексте перечислены названия племен, которые позволяют отчасти понять их этническую принадлежность: *пелесет* (филистимляне), *денен* (данайцы?), *шарданы* (жители Сардинии?), *лукка* (ликийцы Анатолии?), *шекелеш* (сикулы?) и др.

Последующие восемь царей XX династии, носившие то же имя и в большинстве своем бывшие потомками Рамсеса III, мало на него походили. Под их управлением из рук центральной власти ускользал контроль над чужеземными территориями и «собственным» Верхним Египтом.

Обострились конфликты между фиванским жречеством и центральной властью. Храмы владели огромным имуществом, к примеру, почти третью пахотной земли в Египте, большая часть которых принадлежала фиванскому храму Амона. Один только Рамсес III передал ему в течение своего 30-летнего правления 107 тыс. «голов» людей, 490 тыс. скота, 88 селений и др. Это нарушало баланс сил между храмами и государством, жречеством и фараоном, в конечном счете привело к экономическому и политическому кризису.

Уже в правление Рамсеса III произошла древнейшая в мире «забастовка», которую организовали некропольские работники из поселка Дер эль-Медина (Западные Фивы), не получавшие плату за работу. Прокатились волны грабежей некрополей, известны сообщения о голоде и бродячих «шайках» ливийцев. Соперничество между царским наместником в Нубии Панехси и верховным фиванским жрецом Аменхотепом переросло в открытую войну.

Последний царь Нового царства Рамсес XI (1099–1066 гг. до н.э.) занимал трон три десятка лет, однако на 19-м году его правления в Фивах был совершен переворот: было провозглашено начало «новой эры» (букв. др.-егип. «повторение рождения»), т.е. переход к новому порядку. Херихор, верховный жрец Амона, сконцентрировав в своих руках все высшие государственные должности («визиря», главнокомандующего, наместника Куша) стал фактическим правителем Фив и Юга. Он сам, а позднее и отдельные из его преемников «дублировали» царскую власть, на храмовых рельефах изображали себя с царскими регалиями и царской титулатурой. Суть перемен состояла в качественно новом понимании верховной власти: субъектом ее, *истинным* фараоном, утверждался Амон, а истолкователем его воли, выражаемой посредством оракула, становился (вместо фараона) верховный жрец Амона. Отношение «бог – царь» изменило содержание: царь потерял центральное значение в жизни подданных, божество, напротив, вобрало в себя все традиционные аспекты и функции царственности. При Рамсесе XI

было установлено деление власти на божью и царскую, а также их географическую «дихотомию» (Дельта и Фиваида), которая определила характер Египта на последующие три столетия.

* * *

Ярчайшую иллюстрацию упадка международного авторитета Египта в конце II тысячелетия до н.э. являет известнейшее литературное произведение – «Путешествие Унуамона в Библ», предположительно написанное «по мотивам» подлинного документа – отчета жреца Карнакского храма Амона. Оно красочно описывает злоключения героя, официально посланного в Финикию за кедром для ремонта священной барки Амона, который испытал множество унижений со стороны местных князьков, еще недавно трепетавших перед фараонами и угождавших их посланцам. «Путешествие» также наглядно демонстрирует внутреннее положение распадающегося Египта: в Фивах власть принадлежит Херихору, в Танисе (крупном городе в Дельте, через который лежал путь героя) – некоему могущественному «теновому» Несубанебджеду (впоследствии фараону). Власть же самого Рамсеса XI, правившего в Мемфисе и теоретически бывшего *единственным* легитимным правителем, оказывается практически «невидимой».

Смерть Рамсеса XI (1069 г. до н.э.), последнего Рамессиды, обозначила конец не только династии и собственно Нового царства, но и существования Египта как централизованного государства древних фараонов. Начиналась эпоха Позднего Египта.

ИНДИЯ: РАННЯЯ ДРЕВНОСТЬ

Современная Южная Азия – необычайно пестрый регион со всех точек зрения: с культурной, конфессиональной, этнолингвистической. Истоки такого редкостного разнообразия следует искать на заре индийской истории. Одна из причин кроется уже в ландшафтных и климатических условиях субконтинента. Территория Южной Азии очень велика и включает в себя совершенно разные природно-климатические зоны. Разнообразие природных условий обусловило пестроту экономических, политических и культурных укладов, существовавших у народов Индии в древности и сохраняющихся вплоть до наших дней.

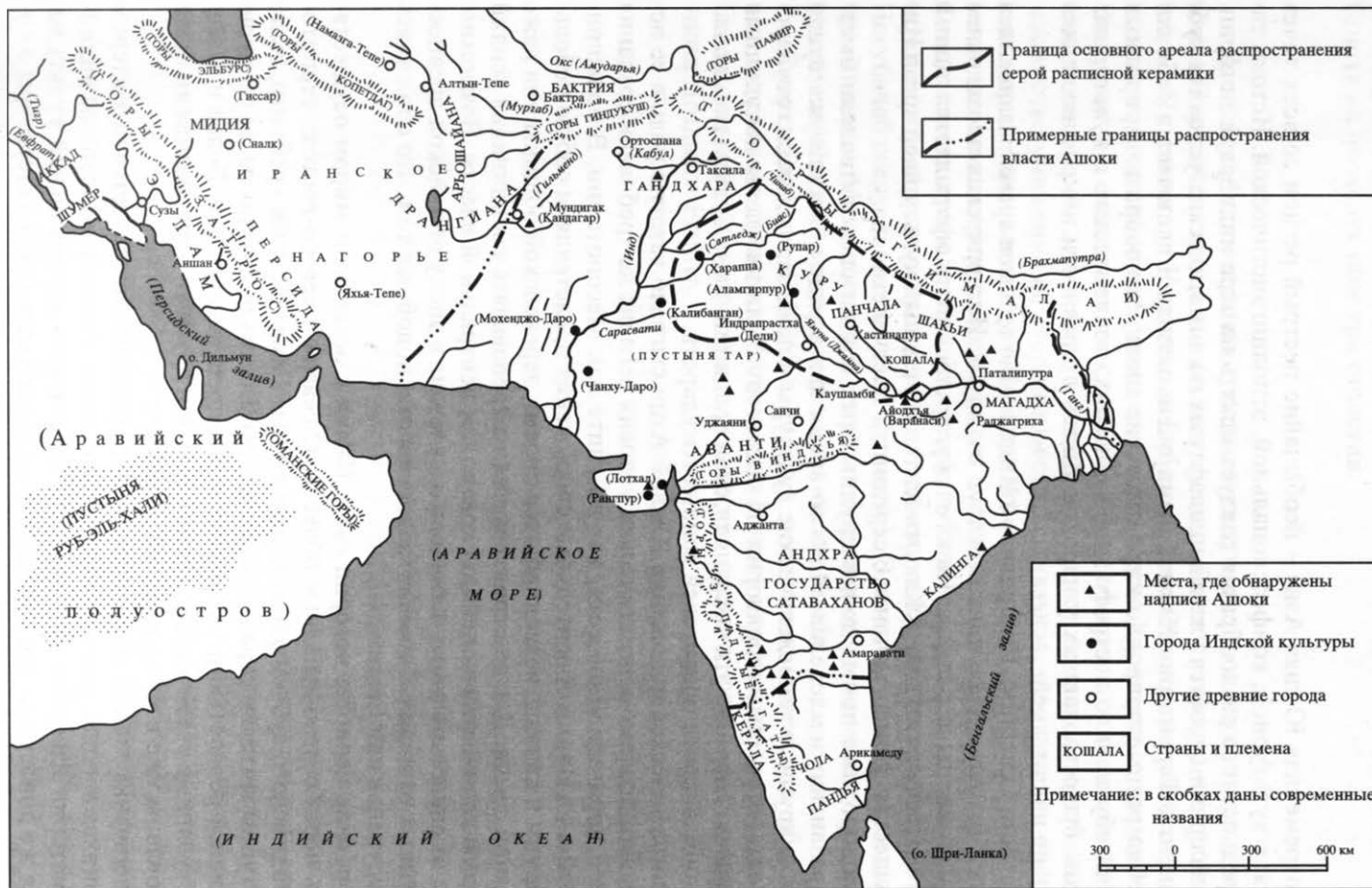
Области Северной, Центральной Индии и Юга долгое время развивались разными темпами и независимо друг от друга. Историческая эпоха ранее всего начинается для севера. На юге государственность оформляется лишь к концу I тысячелетия до н.э. Как относительно единый культурный ареал Индия существует лишь начиная с середины I тысячелетия н.э.

Плодородные почвы долин крупных рек Индии способствовали быстрому развитию земледелия. Но в то время как в ряде областей уже существовали крупные земледельческие культуры и даже зарождалась государственность, огромные территории по соседству были населены полудикими племенами. Племена эти сохраняли свои традиции, даже будучи номинальными подданными правителей ранних государств.

Географическое положение Южной Азии сыграло важную роль в ее истории. Ландшафтно-климатические условия региона не требовали создания крупной ирригационной сети, как в Египте или Месопотамии. В большинстве районов Индии оросительные сооружения представляли собою небольшие пруды и каналы, возводившиеся силами деревенской общины или даже отдельной семьи. Для их строительства не требовалась координация усилий большого количества людей под контролем центральной власти. Возможно, одним из следствий этого и явилось отсутствие в эпоху индийской древности крупных относительно единых государств, подобных тем, что сложились в Междуречье или Египте.

В ранние периоды истории связь Индии с остальным миром осуществлялась через северо-западные области. С севера и северо-востока территории Индийского субконтинента, отделенные Гималайскими хребтами, были недоступны жителям стран «классического Востока». Контакты же по морю отличались редкостью и потому не играли решающей роли. Более или менее регулярные связи между Южной Азией и другими цивилизациями были установлены уже в эпоху поздней древности.

Специфика знаний об истории любого региона определяется характером имеющихся в нашем распоряжении источников. Некоторые периоды индийской истории известны нам лишь по памятникам материальной культуры, другие же доносят до нас изобилие памятников культовой литературы в сочетании с минимальными археологическими данными. В последнем случае историк-индолог оказывается в странном положении: будучи прекрасно

осведомлен о духовном мире создателей этих памятников, он в слабой мере представляет визуальную сторону изучаемой культуры. Наконец, основной оказывается проблема интерпретации сложных для понимания текстов, которые в силу жанрового своеобразия крайне неинформативны для реконструкции последовательной цепи событий.

В Древней Индии не сложилось собственной исторической традиции. Условно историческими сочинениями можно назвать лишь буддийские хроники, появившиеся в начале н.э. на Ланке. Однако и они, главным образом, содержат легенды и предания, историческая достоверность которых неочевидна. Отсутствие исторической традиции создает ряд проблем для историков. Имеющиеся в нашем распоряжении памятники не предлагают точных дат или иных надежных хронологических ориентиров. Это не позволяет определить время конкретных явлений или событий индийской истории, а иногда и в принципе выявить эти события в тексте. Различия в политическом и культурном развитии разных областей региона сильно затрудняют установление единой четкой хронологии древней истории Южной Азии.

Наконец, древнеиндийская культура – это длительное время культура бесписьменная, культура устного слова. Собственная письменность, не считая коротких надписей древнейшего периода, появляется лишь во второй половине I тысячелетия до н.э. Этот факт не столько указывает на незрелость древнеиндийской традиции, сколько демонстрирует принципиально иной тип культуры, нежели в классических областях Древнего Востока и в западном мире.

Религиозная ситуация в Индии эпохи древности, как и сейчас, отличалась необыкновенным разнообразием. Но целый ряд черт, оформившихся к началу раннеисторической эпохи, в дальнейшем становится общим практически для всех вероучений Индии (представление о круге перерождений, доктрина *кармы* – воздаяния, идеи *ахимсы* – непричинения вреда живым существам и т.д.). На фоне общей религиозной пестроты это парадоксальным образом создавало эффект некоего идеологического единства.

Обыкновенно Индия ассоциируется с буддизмом, джайнизмом и индуизмом. Однако и первые две, как, скорее всего, и более древняя ведийская религия, никогда не являлись «религией большинства». Когда источники доносят до нас сведения о том, что правитель региона был ревностным буддистом, это вовсе не означает, что к буддистам принадлежали и все его подданные в селлах или племенах. Буддизм и джайнизм, пророческие религии с единой для всех их адептов моралью, просто не могли получить широкого хождения в индийском обществе, разобщенном варно-кастовыми перегородками. Индуизм же вообще вряд ли может рассматриваться как единое религиозное учение, ибо состоит из бесчисленного количества сект и направлений, не имеет единой догматики, единого пантеона и единой жреческой организации. Во все периоды истории преимущественную роль в Индии играли народные верования. Возможность составить представления о них дают не столько древние тексты, сколько поздние этнографические материалы.

История современной Южной Азии – это история регионов, огромного количества больших и малых народов, имеющих разные расовые признаки,

говорящих на разных языках и имеющих разные культурные традиции. Этнолингвистическая сторона древнеиндийской истории известна плохо. Источники почти не дают сведений о «неарийских народах» и о той пестроте среди индоевропейцев региона, которая, безусловно, имела место. Те же сведения, которыми историки владеют, отражают не столько реальное положение вещей, сколько негативное отношение носителей ведийской культуры к местным «варварам».

Древняя Южная Азия была населена племенами и народами, относящимися ко всем так называемым первичным расам. Многие из древних (и современных) народов Индии могут рассматриваться как результат смешения представителей разных рас в самых причудливых сочетаниях. С лингвистической точки зрения, Южная Азия выглядит столь же пестро. Предположительно аборигенное население Древней Индии говорило на языках–предках современных языков дравидийской и аустроазиатской (мунда и т.д.) семей. Со второй половины II тысячелетия до н.э. с северо-запада в направлении восточных территорий постепенно стали расселяться племена – носители индоарийских языков, на которых в настоящее время говорит значительное большинство населения индийского Севера.

ИНДСКАЯ (ХАРАППСКАЯ) ЭПОХА

Древнейший период носит название *Хараппский* (одна из деревень на р. Рави, место первой находки памятников), или *Индский*. Оба термина условны: Хараппа не единственное крупное поселение этой культуры, а ареал распространения выходит далеко за пределы бассейна Инда. Культуру называют также *Протоиндийской*, имея в виду и ее глубочайшую древность, и предполагаемое родство с позднейшей классической. Открытие Индской цивилизации переместило Индию из категории «цивилизаций молодых» в категорию «древнейших» (Египет, Месопотамия).

Типологически Хараппскую культуру (середина III – середина II тысячелетия до н.э.) относят к «речным цивилизациям», поскольку основой ее экономики служило ирригационное земледелие. Наиболее яркими признаками этой древнейшей культуры Индостана, кроме развитых земледельческих традиций, являлось наличие поселений городского типа, письменности, навыки обработки металла (бронзы). Индские города были включены в систему ранних цивилизаций Востока и более или менее регулярно поддерживали связи с Месопотамией, некоторыми областями Ирана и Туркменистана.

Хараппская цивилизация была обнаружена в середине XIX в., когда на территории совр. Пакистана было начато строительство железной дороги из Карачи в Лахор. В процессе строительства рабочие обнаружили ряд странных предметов: в частности, стеатитовые пластины с изображениями животных, людей, фантастических существ и непонятными знаками. Стиль изображений и характер знаков выглядели совершенно нетипичными для классической индийской культуры и не имели аналогов среди известных ранее памятников.

Истинную ценность находок и их древность никто не представлял. Истоки открытой культуры пытались связать с более изученным Междуречьем. Окончательный ответ на вопрос о происхождении древнейшей цивилизации Индостана дали археологические исследования второй половины XX в. Изучение неолитических поселений на территории Пакистана позволило установить последовательность слоев от докерамического неолита до бронзового века. Стратиграфический анализ продемонстрировал преемственность археологических культур и доказал, что культура хараппских городов не была принесена извне, а вызрела в результате естественной эволюции неолитических и энеолитических культур северо-запада Индии (на территории совр. Пакистана).

География и хронология. Ареал распространения культуры хараппских городов значительно превосходил территории, занимаемые древнейшими цивилизациями Египта и Месопотамии – ок. 1 100 км с севера на юг и ок. 1 600 км с запада на восток (т.е. ок. 800 тыс. кв. км). Вряд ли можно говорить об абсолютном единстве – политическом или же культурном – этой огромной области. Выявляемые различия между зонами распространения Хараппской цивилизации позволяют предполагать, что ее носители принадлежали к разным, хотя и близким в этническом отношении группам населения.

Создатели неолитических культур в районе совр. Белуджистана к IV тысячелетию до н.э. освоили обработку земли и возделывание ячменя и пшеницы. В III тысячелетии до н.э. в ряде областей региона уже существовали городские поселения. Вторая половина III тысячелетия до н.э. – эпоха «развитой Хараппы». Установление даты заключительного этапа существования индских городов особенно затруднительно. Упадок культуры прослеживается в основном в слоях самого начала II тысячелетия до н.э. Но и после гибели городских поселений в этом регионе продолжали существовать археологические культуры, родственные Хараппской.

Отличительной чертой Индской (Хараппской) цивилизации является существование сложившейся городской культуры. В науке используют современные топонимы для наименования хараппских городов, ибо оригинальные названия неизвестны. Наиболее известные городские поселения – это Хараппа (Панджаб), Мохенджо-Даро (район Синда), Калибанган, Суркотада и Лотхал (Гуджарат). Последний, судя по всему, играл роль порта, через который осуществлялась связь с Месопотамией. В целом число городских поселений в хараппскую эпоху было сравнительно невелико. По-настоящему крупных центров можно выделить чуть больше десятка. Тем не менее говорить о развитой городской культуре позволяет сам характер организации городской жизни, реконструируемый на материале археологических раскопок.

Каждый из крупных центров Индского периода имеет свои особенности, однако некоторые черты являются общими. Для ряда городов характерна специфическая двухчастная планировка, в которой одну часть именуют цитаделью, другую – нижним городом. Наименования условны, поскольку, в частности, цитадель располагалась не в центре, а по соседству с нижним городом и не являлась фортификационным укреплением, а чаще играла роль

прибежища в случае стихийных бедствий (к примеру, нередких в этом районе наводнений). Построенная на искусственном кирпичном возвышении, она отделялась стеной от нижнего города, превосходящего ее по площади. Внутри цитадели располагались крупные постройки религиозного, хозяйственного (зернохранилища) и административного назначения. Определить их роль точнее не представляется возможным из-за минимального объема сведений о характере политической и общественной организации хараппских поселений. Однако уже само наличие цитадели является важным свидетельством наличия государственной власти.

Нижний город состоял из жилых построек разного типа. В плане он представлял собой четырехугольник, пересеченный внутри широкими перпендикулярными улицами, ориентированными по сторонам света. Эти улицы делили нижний город на кварталы. Четкая планировка, возможно, имела чисто практическое назначение: взаимное расположение улиц обеспечивало естественную вентиляцию. Вдоль улиц шли крытые плитами канавы (древнейшая в истории канализация), по которым за пределы города выводились сточные воды. Внутри кварталов четкой планировки не существовало, а широкие улицы сменялись узкими кривыми переулками.

Жилые дома, лишенные какого-либо декора, демонстрируют высокую степень имущественной дифференциации общества: от крупных многокомнатных строений из обожженного кирпича до сооружений барачного типа малой площади с минимумом удобств. Их внешний облик вполне типичен и для современной Южной Азии: плоские крыши, глухие стены, земляной пол, покрытый илом и т.д. Судя по структуре домов, основной ячейкой хараппского общества являлась малая семья.

Экономическая история эпохи Хараппы представляется яснее, чем политическая. Базу экономики, как и в последующие века, составляло сельское хозяйство, служившее основным занятием и для городских, и для сельских жителей. Знакомые с плужным земледелием, жители хараппских поселений продолжали пользоваться и примитивными мотыгами. Выращивали ячмень, пшеницу, просо, горох и сезам. Разводили крупный рогатый скот – буйволов и горбатых быков, а также овец, коз и свиней. Коневодство жителям хараппских поселений было неизвестно. Ремесло представлено разнообразными специальностями: гончарное дело, ткачество, камнерезное, ювелирное дело и т.д. Даже в древнейший период истории Хараппы существовали связи с иными регионами. Археологические находки указывают на торговые контакты между Индией и городами Месопотамии (Аккад, Лагаш, Иссин), осуществляемые через Дильмун (совр. Бахрейн). Поддерживались связи с Северным Афганистаном, Южной Туркменией и Ираном.

Характер источников позволяет делать самые общие предположения относительно социальной структуры и политического устройства эпохи Хараппы. Анализ материальных памятников указывает на далеко зашедшую имущественную и социальную дифференциацию. Внешний облик и структура поселений говорят о наличии государственной власти. Характер же ее, как и степень централизации, нам не известны. Скорее всего, на столь обширной территории существовало не одно государство, а несколько некрупных государственных образований, родственных с этнокультурной точки зрения и поддерживающих отношения друг с другом.

Культура и религиозная ситуация. Искусство Хараппы известно по произведениям мелкой пластики. Едва ли крупные памятники не сохранились; скорее, их попросту не было. Мелкогабаритные скульптурки – от примитивных терракотовых фигурок до высокохудожественных изображений (стеатитовый поясной портрет мужчины – «правителя-жреца», миниатюрная бронзовая фигурка женщины – «танцовщицы»); стеатитовые печати с надписями и изображениями животных и растений; орнаменты на керамике – вот и весь материал. Однако и на его примере хорошо просматривается исключительная самобытность хараппского искусства, опровергающая предположения о каком-либо внешнем влиянии.

Представления о религиозных верованиях жителей хараппских городов строятся на анализе материальных источников и на аналогиях с более поздними культами Южной Азии. В настоящее время не представляется возможным говорить о существовании единой системы верований, единого пантеона, тем более единой жреческой организации. Однако некие общие черты, характерные для всего ареала распространения хараппской культуры, выделить можно.

Как и в большинстве древних обществ в обществе индских городов были широко распространены культы плодородия, о чем говорят многочисленные терракотовые фигурки с гипертрофированными половыми признаками. Есть основания предполагать существование культов растений (например, священного и для индуизма дерева *ашваттха*), культов животных (буйвола), возможно, традиций поклонения небесным светилам (в глиптике часто встречаются астральные символы).

Странные комбинированные зооморфные образы или антропоморфные создания с зооморфными чертами могут быть интерпретированы как боги или полубожественные персонажи. К ним можно отнести и рогатое существо, сидящее в йогической позе и окруженное с четырех сторон света животными (часто характеризуется как прото-Шива – прообраз одного из богов индуистского пантеона) или так называемую «богиню дерева» (женщина, помещенная в развилку дерева ашваттха). Многие существа из-за специфики материала и начертания практически не поддаются интерпретации.

Характер источников не позволяет уверенно говорить о существовании каких-либо традиций культовой архитектуры. Но некоторые исследователи склонны видеть в крупных строениях, располагавшихся в городских цитаделях, храмовые комплексы. Обнаруженный в цитадели Мохенджо-Даро бассейн по аналогии с индуистской традицией рассматривают как свидетельство существования практики культовых омовений.

Язык и письменность. Версии о языковой принадлежности носителей хараппской культуры строятся на анализе надписей на печатях. Работа по их дешифровке не завершена. Но даже окончательная дешифровка вряд ли приведет к ошеломляющим открытиям. Надписи лаконичны (10–20 знаков) и однотипны (предположительно, имя владельца печати и календарно-хронологические данные), среди них отсутствуют билингвы. Однако о ряде особенностей хараппского письма говорить можно. Очевидно, оно имело пиктографические истоки и являлось классическим вариантом иероглифики. Видимо, хараппская письменность автохтонна. Анализ надписей из разных областей дает основания предполагать существование единообразных орфо-

графических норм во всем ареале распространения письменности. Надписи выполнялись на стеатите при помощи резца. После гибели Индской цивилизации система письма была утрачена.

Анализ надписей дает возможность делать некоторые выводы и о хараппском языке. Позиционно-статистический анализ текстов позволяет видеть в хараппском языке предка современных дравидийских языков. В настоящее время работа по его реконструкции строится на сопоставлении с живыми языками дравидийской семьи.

Археологический материал демонстрирует с начала II тысячелетия до н.э. упадок Хараппской культуры. Нет оснований говорить о некоей внезапной катастрофе как в силу данных археологии, так и по причине обширности территории, охваченной кризисом. Общая варваризация культуры выразилась в постепенном упадке городов, утрате ремесленных навыков (выходит из употребления металл, огрубляется керамика), исчезновении письменности и памятников искусства.

По всей вероятности, к гибели Хараппскую культуру привела совокупность причин: природные катаклизмы (наводнения), изменения природно-климатических условий региона (вырубка лесов, превращение в пустыни некоторых областей Северо-Западной Индии; сильный тектонический толчок, приведший к повышению уровня воды в Инде). В силу этих причин некоторые области стали попросту непригодны для ведения поливного земледелия. Не исключено проникновение на территорию Индии варварских племен через северо-западные границы. Наконец, свою роль могли сыграть определенные события политической истории, которая остается неизвестной.

На первый взгляд, важнейшие черты Индской цивилизации (приемы градостроительства, развитая система письма, изобразительная традиция) были утрачены безвозвратно. И городская культура, и искусство, и письмо в последующие века сложились и развивались автономно от традиций Хараппы. Однако влияние последней все же обнаруживается, к примеру, в энеолитических культурах Центрального Индостана II тысячелетия до н.э. Наконец, можно предполагать во многих чертах позднего индуизма, равно как и в некоторых племенных верованиях современной Южной Азии наследие религии Индской цивилизации.

ИНДОАРИИ. ВЕДИЙСКАЯ ЭПОХА

Название *ведийской эпохи* (вторая половина II – середина I тысячелетия до н.э.) происходит от наименования древнейших памятников культовой литературы Индии – вед, основного источника по истории периода. Ведийская эпоха условно делится на две части: *ранневедийский период* (ок. XIII–X вв. до н.э.), в который происходит проникновение полукочевых племен ариев на территории Индостана и их продвижение главным образом в направлении востока, и *поздневедийский период* (ок. IX–VI вв. до н.э.), в который эти племена постепенно переходят к оседлому образу жизни, что создает предпосылки для зарождения государственности на индийском севере. Расселение племен индоариев сопровождалось постепенной арианизацией мес-

Индские каменные печати. Мохенджо-Даро. Середина III тысячелетия до н.э.

тного субстрата, возводя базу для формирования в будущем классической индийской культуры.

Индоарии. Во второй половине II тысячелетия до н.э. на территорию Индостана через северо-западные границы стали проникать племена, носители индоиранских языков индоевропейской языковой семьи. Эти процессы протекали в рамках крупных племенных миграций, существенно изменивших этническую карту и Азии, и Европы. Сами себя представители этих пришлых племен называли «арии». Близкородственные народности, прежде составлявшие с индоариями этноязыковую общность, чуть позже заняли территорию Ирана (название которого как раз и происходит от самоназвания пришельцев).

Процесс постепенного проникновения и расселения арийских племен по территории Индии, заняв не одно столетие, в корне изменил лингвистическую ситуацию на индийском Севере. С того времени индоевропейские языки становятся в этой области преобладающими. С точки зрения археологии сложно сказать об индоарийских племенах что-то определенное. Полукочевой образ жизни, которого они придерживались в начале своего пребывания в Индии, не позволяет досконально изучить материальную сторону их жизни, и даже с уверенностью связать с ними какую-либо археологическую культуру. Еще недавно в литературе индоарии ассоциировались с так называемой культурой серой расписной керамики (СРК). Эта версия опиралась, главным образом, на совпадения географические (район Харьяны, междуречья Ганга и Джамны, Восточный Пенджаб, Северо-Восточный Раджастан).

Кроме того, характерные черты, присущие памятникам культуры серой расписной керамики, считались типичными и для арийских племен. Это прежде всего особая роль скотоводства (в том числе и коневодства), сочетание его с умеренно развитым земледелием, широкое использование колесного транспорта (в том числе характерных легких боевых колесниц), знакомство с металлургией, развитые имущественные отношения, достаточно далеко зашедшая социальная дифференциация и т.д. Однако хронологически памятники СРК относятся ко времени после X в. до н.э., тогда как с индоариями следует соотносить такую культуру, которая датировалась бы последней третью II – началом I тысячелетия до н.э. Малочисленность и ненадежность археологических данных не позволяют рассматривать материальные памятники в качестве основного источника по истории рубежа II–I тысячелетий до н.э., что составляет разительный контраст с предшествующим периодом.

Веды. Основными источниками сведений о духовной и материальной культуре индоариев являются древние сборники культовой литературы – *веды* (слово, родственное русс. «ведать»). Всего насчитывается четыре веды (*самхиты*): *Ригведа* («Веда гимнов»), *Самаведа* («Веда напевов»), *Яджурведа* («Веда жертвенных формул») и *Атхарваведа* («Веда заклинаний»), включенная в комплекс священных текстов позже остальных и отражающая в значительной мере «низовые», народные верования. Уникальность этих текстов состоит в том, что все они, равно как и памятники поздневедийской литературы (брахманической прозы), были порождением бесписьменной культуры и потому на протяжении многих веков без малейших искажений передавались изустно. Традиция приписывает создание вед так называемым *риши* – пророкам, наделенным особым даром «слышания», восприятия божественных откровений. В качестве таких откровений индийская культура и рассматривает веды, относя их к традиции *шрути* (букв. «услышанное»). В индуизме тексты вед и по сей день почитаются как священные.

Особо значима и для изучения индийской истории, и для самой индийской культуры древнейшая из самхит – Ригведа, датируемая последними веками II тысячелетия до н.э. Именно она оказывается единственным источником для изучения ранневедийского периода. Она же является стержневым текстом для всей ведийской традиции.

Ригведа сформировалась уже после прихода ариев на территорию Индостана, о чем красноречиво свидетельствует как ряд появляющихся в тексте топонимов и гидронимов (в поздних частях памятника встречаются даже единичные упоминания Ганга и Ямуны), так и лексика не индоевропейского происхождения (из языков дравидийских и мунда). В то же время, в большей степени, чем остальные веды, она отражает характер верований своих создателей в период индоиранского единства. Поэтому в ней обнаруживается множество параллелей с ранними фрагментами иранской «Авесты» – в пантеоне, в культовой практике, в деталях быта и т.д. Даже язык Ригведы зачастую демонстрирует больше сходства с языком древнейшей части «Авесты» (Гаты), нежели с классическим санскритом.

Памятник состоит из гимнов разным богам арийского пантеона. Существенно позднее своего создания гимны эти были объединены в циклы (*мандалы*), каковых насчитывается десять. Включение гимнов в мандалу осуществлялось в зависимости от ряда факторов – времени создания, предполагаемого авторства (так называемые «фамильные мандалы», к примеру,

содержали тексты, приписываемые конкретным жреческим родам), содержания (девятая мандала содержит гимны, обращенные лишь к богу Соме) и т.д.

Форма гимнов крайне разнообразна. Преобладают гимны-монологи, содержащие восхваления богов и просьбы, обращенные к ним. Однако встречаются и диалоги. Кроме того, присутствуют заговоры, гимны-загадки, космогонические тексты. Возвышенный стиль и сложность языка делают памятник крайне сложным для толкования.

Ведийский пантеон. Гимны древнейшей самхиты дают представление об обширном пантеоне ведийских ариев, включавшем в себя множество богов и полубожественных существ, среди которых обнаруживаются параллели не только в родственной иранской культуре, но и в пантеонах других индоевропейских народов.

Ригведе неизвестна идея бога-творца: космогонические функции приписываются то одному, то другому божеству. Некое ядро пантеона можно выделить исходя из частоты упоминаний тех или иных богов, количества посвященных им гимнов и их полномочий. В это ядро, безусловно, входят Агни, Индра и Сомы. *Агни* – бог огня, главного элемента всех жертвоприношений, посредник между миром людей, царь на жертвенном пиру. Само его имя указывает на общеиндоевропейские корни образа. Громовержец *Индра* – бог-воин, бог-герой, с которым и в последующие периоды отождествлялись цари. Наконец, *Сомы* – божество священного напитка (родств. иранскому «хаома»), действия с которым составляли ядро ведийского ритуала. Кроме того, в пантеон ариев входило большое количество самых разных богов: *Митра* и *Варуна*, близнецы *Ашвины*, боги конкретных природных явлений (*Ушас* – заря, солярные боги *Сурья* и *Савитар*, воинство Индры – *маруты*, божества ветра), боги – персонифицированные абстракции (*Кама* – страсть, *Кала* – время, *Вач* – речь) и ряд других. Многие ведийские божества впоследствии были включены в пантеон классического индуизма.

Считается, что большая часть текстов Ригведы была приурочена к ритуалам, совершавшимся во время празднования Нового года, т.е. была связана по содержанию с темой начала нового календарного цикла, возрождением природы, всего космоса.

Взаимоотношения ведийских ариев со своими богами носили характер дарообмена: богам приносили обильные жертвы, их угощали пищей на жертвенном пиру, ожидая в ответ благосклонности, содействия и щедрости. Наиболее значимые церемонии были связаны со священным напитком *сомой*, который готовили из некоего растения по особой технологии и смешивали с молоком. Им совершались возлияния богам. Особая категория жрецов обладала правом пить этот напиток, обладавший галлюциногенными свойствами и дававший испившему сверхъестественные способности. Практиковались и иные формы жертвоприношений – пищи, животных и т.д. Угощение для богов бросалось в жертвенный костер, с дымом которого, как считалось, пищевое дар достигал жилища богов на небе.

Отличительной особенностью ведийской религии было полное отсутствие традиций сооружения храмов. Для жертвоприношений использовались особым образом организованные площадки, специально подготовленные для церемоний (очищенные от сорной травы и колючек, обмазанные

коровьим навозом и застеленные стеблями священной травы *куша*), на которых сооружались алтари и возжигался жертвенный огонь.

Ведийским ариям не была знакома и практика поклонения изображениям богов (что резко контрастирует с традициями классического индуизма). Скорее всего, культура этой эпохи не имела изобразительной традиции вовсе, о чем свидетельствует не только отсутствие соответствующих находок, но и характер упоминаний богов в текстах: многие из них либо совсем не имеют иконографического облика, либо он очень нечеток. Очевидно, что этот феномен никак не должен объясняться примитивностью общества, которое не создало собственной изобразительной традиции. Дело в другом: ведийская культура – это главным образом культура священного слова. Все остальные ее стороны существуют как дополнения к сакральным текстам.

Гимны Ригведы дают некое общее представление и о бытовом укладе, и о социальной стратификации ариев ранневедийской эпохи. Ко времени создания памятника их племена еще не перешли к прочной оседлости. Земледелие индоариям было известно, но все же основную роль в хозяйственной жизни играло скотоводство, прежде всего разведение крупного рогатого скота, что наложило определенный отпечаток и на мировоззрение ранневедийской эпохи. Большое количество гимнов содержит просьбы о приумножении и процветании стад. Именно скот рассматривается как мерило богатства, как эквивалент стоимости при заключении сделок, как объект завоеваний и т.д.

По той же причине нет никаких оснований искать в ранневедийский период признаки существования крупных поселений – городская культура этой эпохе неизвестна. Более того, анализ лексики Ригведы показывает, что и стационарное жилище еще не играет существенной роли в повседневной жизни индоариев, перемещавшихся на повозках в сопровождении стад по территории Северной Индии.

По мере продвижения племен на восток в их среде происходило все большее усложнение социально-экономических отношений. Более или менее полное представление о ведийском обществе мы получаем уже из памятников брахманической прозы и *веданг* – примыкающих к самхитам текстов по дисциплинам, необходимым для их изучения (грамматике, этимологии, ритуалу и т.д.).

Важнейшей ячейкой поздневедийского общества являлась большая семья, включавшая несколько поколений родственников по мужской линии с женами и детьми. Многочисленное потомство рассматривалось как признак благополучия семьи. Отсутствие же детей, особенно сыновей, на которых лежала в будущем забота о посмертном существовании предков, являлось поводом для того, чтобы взять вторую жену. Таким образом, в семье допускалась полигамия. Правда, при прочих достойных качествах первой жены, вторая могла быть включена в семью лишь с ее согласия. Между женами существовала определенная иерархия. Главная супруга, пользовалась особым уважением и участвовала в совершении домашних обрядов.

Глава семьи в текстах выступает как истинный патриархальный владыка, подобный римскому *pater familiae*, от него зависят все домочадцы. Полномочия его весьма широки: вплоть до продажи в рабство находящихся под его властью сородичей. Лишь под старость он мог перейти под власть сына и

наследника. В качестве наследников выступали лишь сыновья, так как дочери в перспективе должны были уйти в другую семью и потому в своей имущественных прав не имели. Лучшую долю наследства получал старший сын, ибо именно на нем отныне лежала обязанность отправления культа предков, что требовало немалых затрат. В семьях кроме родственников жили домашние слуги, наложницы и рабы, чье положение было сходным с положением младших родственников. Рабство носило домашний характер.

Большие семьи составляли экзогамные патрилинейные роды (*готры*), в которые включались все потомки одного предка по мужской линии. В жреческих родах такими предками выступали ведийские *риши*. Военная аристократия могла возводить свое происхождение к знаменитым эпическим героям. Эта традиция учитывалась и в более поздние периоды истории при составлении фиктивных генеалогий.

Главным образом тексты и в меньшей степени археологические данные позволяют проследить в общих чертах особенности поселений ведийской эпохи. Практически до середины I тысячелетия до н.э. нет никаких оснований говорить о существовании городов и тем более городской культуры. В текстах не встречается никакой городской терминологии. Основным противопоставлением деревне (*грама*) – средоточию цивилизации, в отличие от более позднего времени, является не город, а лес (*аранья*) – образ дикого, нечеловеческого, природного мира.

Итак, типичными поселениями поздневедийской эпохи являлись деревни, состоявшие из примитивных хижин. Центром жилищной конструкции служил деревянный столб-опора, на который сверху крепились балки, ориентированные по сторонам света, на них опиралась крыша из бамбука и тростника. Плетеные стены, натянутые между угловыми столбами, промазывались глиной. Земляной пол покрывался травой и циновками. Такой тип жилья облегчал при необходимости его разбор и перенос на новое место. Сам процесс строительства рассматривался как действие сакрального характера. Хижина ассоциировалась с неким женским божеством, покровительствовавшим постройке, и в то же время выступала как модель всей Вселенной.

Минимальный бытовой комфорт и некий «вещный аскетизм» ариев первоначально объяснялся их полукочевым образом жизни, но сохранился и впоследствии. Бедная материальная культура, известная по археологическим раскопкам, хорошо согласуется с теми сведениями, которые представлены в текстах ведийской эпохи (в отличие от величественных картин, рисуемых индийским эпосом). Интересно, что, несмотря на относительно рано фиксируемое имущественное расслоение, в традиционной для древней Индии социальной стратификации материальный фактор играл незначительную роль.

Варны. В поздневедийскую эпоху в своем классическом виде оформилась система четырех замкнутых сословий – *варн*, с одной стороны, уходящих корнями в период индоиранского единства, с другой – сыгравших заметную роль в формировании впоследствии индуистской кастовой идеологии (идеологии, а не каст!). Первое упоминание варн встречается в позднем гимне Ригведы «Пурушасукта» – о жертвоприношении гигантского че-

ловека Пуруши, из частей тела которого родились элементы и природного (солнце, луна, ветер и т.п.), и социального космоса.

Варны являлись замкнутыми эндогамными группами, принадлежность к которым определялась рождением, а статус строго регламентировал все внешние стороны жизни человека: от форм общения, рациона и аксессуаров в одежде до характера похоронных обрядов. Жесткие предписания относительно образа жизни, рода деятельности для каждой из варн присутствуют практически во всех текстах *дхармасутр* и *дхармашастр* (памятников дидактической литературы), излагающих нормы благочестивого поведения. Древнеиндийская традиция с большим пиететом относилась к незыблемости варнового порядка, а смешение варн считала признаком нарушения гармонии и стабильности в мире. Та же традиция рассматривала появившиеся в более поздний период касты как результат межварновых браков, а место каждой касты в общей иерархии оценивала исходя из варнового статуса ее «родителей».

Брахманы. Высшая из варн представляла собой крайне редкое для древнего Востока явление: кроме индийского лишь древнееврейскому обществу был знаком феномен замкнутого жреческого сословия – все остальные цивилизации допускали включение в среду священнослужителей людей «из мира». Основной функцией брахманов было отправление жертвенного ритуала, знание всех элементов которого (и вербальных, и кинетических) считалось доступным лишь им. С ритуальной точки зрения, именно брахманы обладали наивысшей чистотой, они же владели некими сверхъестественными способностями воздействия на мир, достигавшимися соблюдением всевозможных обетов. Брахманы выступали в роли *гуру* – учителей и наставников. Все это в совокупности объясняет уважительное отношение к ним, существующее с древнейших времен в индийской культуре. Проявлялось это и в том, что брахманы освобождались от уплаты податей, а также от любых форм физических наказаний за проступки. Дидактическая литература указывает, что провинившегося брахмана следует не казнить, а изгнать из страны. Однако реальность, скорее всего, несколько отличалась от картины, представленной *дхармашастрами*. Индийская традиция сохранила сюжеты о лишении жизни брахманов, в том числе и руками царей. Но в любом случае убийство служителя культа рассматривалось как тягчайший грех, искупить который было практически невозможно.

Услуги брахманов требовались и во время семейных церемоний, и во время общинных. Особая роль была у *пурохиты* – родового жреца царя, поскольку от его действий зависело благополучие царской семьи, самого царя, а, следовательно, и всего царства. За свои услуги плату брахманы не получали. Однако же им полагалось преподносить всевозможные дары (от еды и драгоценностей до домашнего скота и земельных участков). Дарения брахманам рассматривались как богоугодные деяния.

Кшатрии. Вторая варна представляла собой сословие племенной знати, военной аристократии, из среды которых происходили вожди, а впоследствии и цари. До определенного момента понятие «кшатрий» и «правитель» могли выступать в текстах синонимами, а образ царя-воина, завоевывающего царство, воплотился в ряде царских ритуалов (церемония *дигвиджая* – завоевание сторон света). Если неперенным качеством брахмана считалась

ритуальная чистота, то кшатрий ассоциировался с военной доблестью, физической мощью и мужеством. В текстах читается явная и постоянная связь образа царя и темы плодородия, обеспечиваемого им как правителем земли, мужем которой он выступает. Ритуал помазания царя, как, впрочем, и иные обряды царского круга, призван был прежде всего обеспечить урожайность и благоденствие. Столь же отчетливо проявляется связь темы царской власти и щедрости: богатство и власть выступают в тесной взаимосвязи, возможность проявлять себя щедрым дарителем обеспечивала правителю власть над одариваемыми.

Если в ранневедийской традиции *раджа* – это просто племенной вождь, то уже поздневедийские тексты позволяют говорить о постепенном процессе формирования государственной власти, сосредоточенной в руках царя. Стабильных государств вплоть до середины I тысячелетия до н.э. не существовало. Однако недолговечные государственные образования, находившиеся в бесконечной вражде друг с другом, появлялись и исчезали постоянно. Складывается и подобие «двора» – окружение правителя, «государственный аппарат». В его состав, кроме пурохиты, входили военачальник, которым, возможно, являлся царский брат, *сута* – возница и придворный сказитель, хранитель кшатрийских родословий и пр. Ряд титулов был связан с ролью «придворных» на царских пирах – «режущий мясо», «раздающий доли» и т.п. В придворную иерархию включались и царские ремесленники.

Вайшьи. Название третьей варны происходит от слова «виш» – «народ». В сущности, это была основная масса трудового населения. В дидактической литературе за вайшьями закреплены скотоводство, земледелие и торговля – ритуально чистые занятия. Из категории вайшьев происходили деревенские старейшины (*грамани*) – сельская администрация. В более поздний период эта сельская администрация часто превращалась в представителей центральной власти на местах.

Относящиеся к трем высшим варнам считались «дваждырожденными», так как в раннем возрасте проходили определенный инициационный обряд (*упанаяну*, букв. «приведение [к учителю]»), оканчивающийся надеванием через плечо священного шнура. Этот обряд символизировал второе рождение и превращал человека в полноправного члена общины, допускаемого к совершению обрядов и считавшегося ритуально безопасным для своих соплеменников.

Шудры. За пределами сообщества ариев стояли представители четвертой варны. Коротко оценить происхождение этой социальной группы весьма затруднительно в силу ее крайней пестроты – к шудрам причислялись низшие слои деревенского населения, зависимые работники, не входящие в общину чужаки и жители периферийных областей. В отличие от дваждырожденных шудры не были замкнутым сообществом, доступ в которое оказывался возможным только по рождению.

Нормативные тексты в качестве обязанности шудр называют услужение дваждырожденным. Но представители этой варны отнюдь не всегда являлись рабами. Шудры могли не только владеть собственным имуществом, но и быть весьма состоятельными людьми. Иными словами, статус шудры характеризовался не столько социально-экономическими критериями, сколько правовыми: главная черта шудры – его неполноправие, прежде всего в

ритуальном плане. Шудра не мог ни читать, ни слушать ведийские тексты, ему было не дозволено пить сому, он не имел права совершать жертвоприношения, появляться в ритуальном пространстве (на алтарной площадке, вблизи жертвенного огня, даже в непосредственной близости от брахмана, готовящегося к совершению обряда). Главной характеристикой шудр выступала их ритуальная нечистота, что позволяло им заниматься ремеслом, не дозволенным дваждырожденным. В более поздних текстах шудры выступают как основная часть податного населения.

Однако было бы упрощением полагать, что у шудр не существовало никакой связи с обрядовой стороной жизни ведийского общества. Ряд церемоний подразумевал участие шудр (к примеру, символический поединок шудры и ария, входивший в состав новогодних церемоний). В тексте «Махабхараты» (индийского героического эпоса) перечисляются те ритуалы, совершение которых предписывалось именно шудрам. Наконец, изменения в статусе шудр, в том числе и в ритуальной сфере, происходили по мере арианизации новых территорий. Населяющие их отсталые племена по статусу находились еще ниже шудр и составляли отдельную категорию – вневарновых. В дальнейшем при формировании кастовой идеологии отчетливо проявилось различие отношения к шудрам и нечистым вневарновым: касты, возводящие свое происхождение к четвертой варне, рассматриваются традицией как чистые.

В этот период оформилась традиция деления жизни дваждырожденного на определенные этапы – *ашрамы*. Для каждой ашрамы существовали свои жесткие предписания, регулирующие поведение человека. Первой считалась ашрама ученичества, в которую юноша вступал после обряда упанаяны, становясь учеником брахмана. В течение нескольких лет он жил в доме учителя, где получал необходимые знания в ведийской ритуалистике, изучал священные тексты, а также играл роль прислуги в семье брахмана. По окончании срока ученичества человек мог обзаводиться собственной семьей и вступал во вторую ашраму, становясь домохозяином. В этом качестве он получал возможность на практике применить знания, полученные в доме гуру, совершая домашние обряды. После рождения внуков домохозяину полагалось уходить в лес и становиться лесным отшельником. Наконец четвертой и последней ашрамой считалась та, в которой человек полностью порывал связь с миром и становился аскетом.

Сложно сказать, насколько обязательным было прохождение всех четырех ашрам. С полной уверенностью можно говорить лишь о непременном пребывании в первых двух. Уход же в лес и следующее за тем превращение в аскета были, скорее всего, делом добровольным. Важно то, что как варновым, так и ашрамным статус человека целиком и полностью определял стиль его жизни и характер поведения. Осмысление поведения вообще, и любого поступка, в частности, индийская традиция осуществляла лишь через призму варно-ашрамного состояния индивида. Вплоть до эпохи буддизма общечеловеческие этические установления, общая мораль остаются явлениями нетипичными для традиционной индийской культуры.

Окончание поздневедийского периода совпадает по времени с началом политической истории региона. Первые протогосударственные образования носили в большей степени племенной характер. По крайней мере, ряд

этнонимов в текстах начинают выступать одновременно и в качестве топонимов, указывая на области расселения крупных племен – Куру, Матсья и т.д. Данные эпоса и брахманической прозы позволяют говорить о том, что к середине I тысячелетия до н.э. государственность постепенно оформляется в разных областях Северной Индии – в том числе и в области Магадха (совр. штат Бихар). Именно эта область во второй половине тысячелетия становится доминирующей политической силой в регионе, центром первого крупного индийского государства.

В поздневедийскую эпоху происходит ряд существенных изменений в религиозной сфере. В исследовательской литературе религию, сформировавшуюся к середине I тысячелетия до н.э., называют *брахманизмом*. В ней видят прямого предшественника классического индуизма, уходящего корнями в верования ведийской эпохи, а с другой стороны, впитавшего в себя элементы «народной религии», магии.

Ядром всей ведийской культуры является жертвенный ритуал. Наиболее очевидным это становится именно в эпоху поздневедийской литературы – *брахман*, *араньяк* и особенно *упанишад*. Представление о жертвоприношении переходит из чисто практической плоскости в сферу умозрительную. Брахманическая проза символически толкует жертвенную церемонию, превращая ее в первопричину и основу всего мироздания. Жертвоприношения теперь рассматриваются не только как символические действия, тождественные космическим процессам, но и как некий стимул для их течения.

Оформляется идея *сансары* – круга перерождений, в который были вовлечены не только люди, но и все существа: от насекомых, птиц и животных – до богов. Формируется доктрина *кармы*, согласно которой каждое следующее рождение определяется деяниями человека в рождениях предыдущих. За дурное поведение можно родиться вневарновым, собакой, насекомым и т.п. Достойные поступки, соответствующие требованиям варны человека, обильные жертвоприношения и прочие благочестивые деяния способствовали накоплению религиозных заслуг и улучшению участи в следующем рождении.

Ряд значимых для ведийской эпохи богов отходит на второй план, на первый выдвигаются прежде второстепенные представители пантеона. Наконец, на поздневедийскую религию все большее влияние начинают оказывать автохтонные верования. Не в последнюю очередь это связано с постепенной арианизацией все больших территорий, с взаимным проникновением культуры пришлой и традиций и культов аборигенных.

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

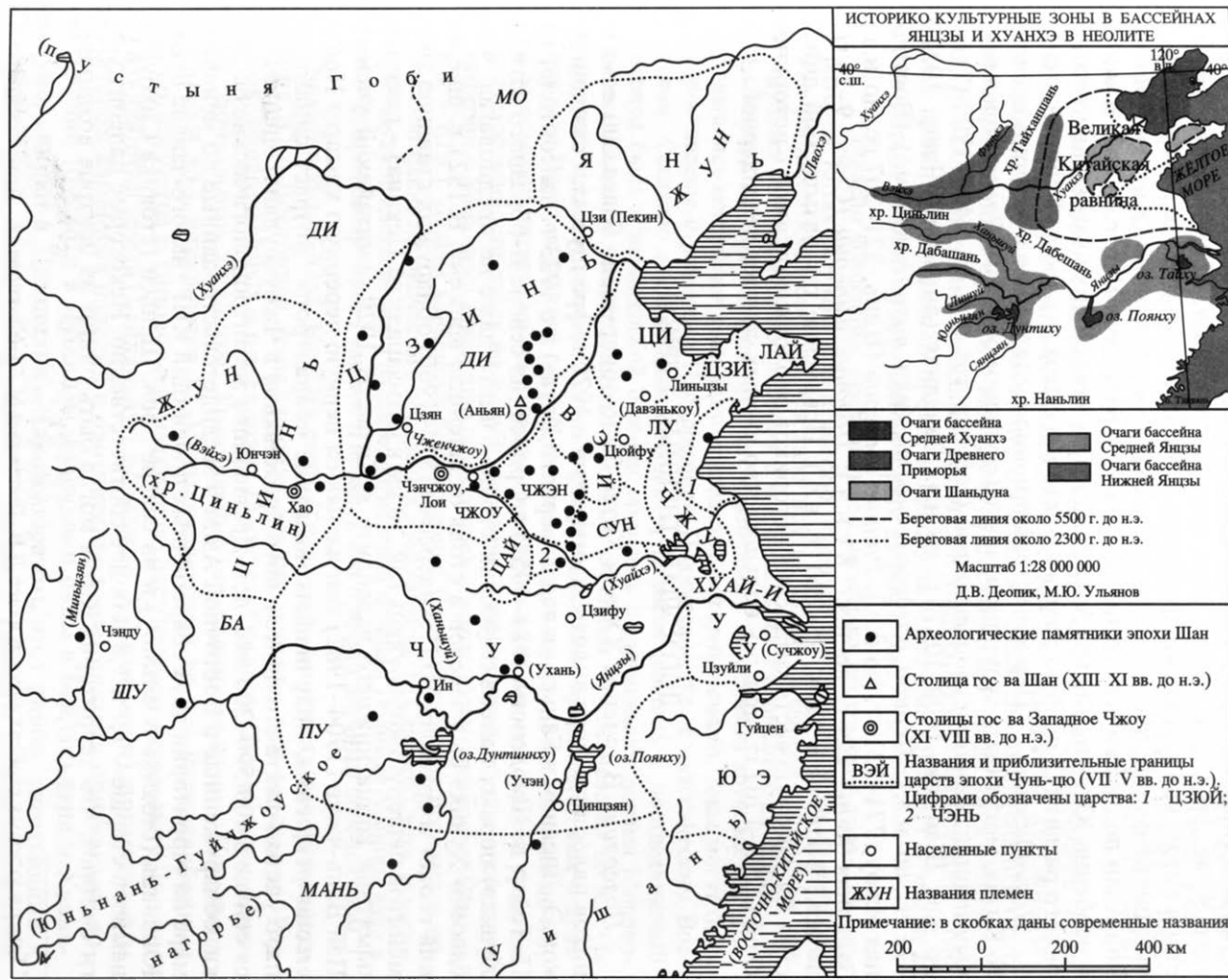
(III–II тысячелетия до н.э.)

Географическое положение и население. Ныне Китай – крупнейшее государство Восточной Азии, протянувшееся от Хэйлунцзяна (Амура) на севере до Чжуцзяна (Жемчужной реки) на юге и от Памира на западе до Тихого океана на востоке. В древности территория Китая была ограничена бассейнами среднего и нижнего течения двух великих рек: Хуанхэ (Желтой реки) и Чанцзян (Янцзы). Общую ландшафтную конфигурацию Китая можно представить следующим образом: высокие горы (Гималаи, Куньлунь, Тяньшань) на западе; постепенное понижение рельефа в центре; плодородные, в древности покрытые лесами, равнины (Великая; среднего и нижнего течения Янцзы и Северо-Восточная) на востоке вдоль морского побережья. Продвижение на запад и север затруднялось горами и пустынями, поэтому экспансия *хуася* (предков китайцев) в этих направлениях была редкой и началась сравнительно поздно. Можно отметить всего три крупных волны расселения за всю историю Китая: в древности при империи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), в средние века в эпоху Тан (618–907 гг.) и самая упорная – во время маньчжурской империи Цин (1644–1911 гг.). В то же время разнообразие (торговые, военные, культурные) контакты с Кореей, Японией и Вьетнамом привели к возникновению в Восточной Азии зоны распространения достижений китайской цивилизации, в которой китайская иероглифическая письменность, язык, литература и философия, политическая система и прочее стали общим достоянием.

Китай расположен в основном в двух климатических зонах: умеренной и субтропической, с мягким, теплым и влажным климатом. Район среднего течения Хуанхэ – это плодородные, легко возделываемые лессовые почвы и аллювиальные земли речных долин. Здесь просяные культуры давали один урожай в год. В более южных районах (в бассейне Янцзы), земледельцы могли собирать по два-три урожая заливного риса в год. Просо, а затем пшеница и ячмень на севере, рис – на юге, а также развитое животноводство (свиньи, буйволы, собаки, куры и др.) и богатая аквафауна обеспечивали население достаточным количеством пищи. Ценным строительным материалом являлся бамбук, молодые ростки которого употреблялись в еду. Крупные реки (особенно Хуанхэ) всегда оставались грозной опасностью, их гигантские разливы приносили неисчислимые бедствия. Божества-повелители войны и стихии всегда были среди главных объектов поклонения жителей.

Древнее население Китая, будучи единым в расовом отношении – монголоидным, этнически и лингвистически представляло собой сложный конгломерат. Палеолингвистические данные свидетельствуют, что создавшие восточноазиатскую цивилизацию народы говорили (и говорят) в центре – на сино-тибетских языках, на юге и востоке – на аустроазиатских, на западе – тибето-бирманских, на севере – алтайских, а на северо-востоке – на тунгусо-маньчжурских. Объединял эти этносы китайский язык (в его архаической и древней формах) и его иероглифическая письменность.

Судя по данным археологии и письменности процесс становления собственно китайского народа из разрозненных этнических групп начался

Китай к середине I тысячелетия до н.э.

в недрах неолитических культур Яншао и Луншань (V–III тысячелетия до н.э.), в III–I тысячелетиях до н.э. захватил племена *шан(инь)* и *чжоу* и завершился в эпоху Хань (III в. до н.э. – III в. н.э., см. ниже). Во второй половине I тысячелетия до н.э. самоназванием собственно китайцев (сино-тибетцев), возможно, было *ся* или *хуася* (их земли – *Чжунго*, Срединные владения), а затем (и по настоящее время) – *хань* (в сочетаниях *ханьжэнь* – китаец, китайцы, *ханьцзу* – китайцы). Название предшественницы Хань империи *Цинь* (III в. до н.э.), впервые подчинившей все земли в бассейне среднего течения Хуанхэ и Янцзы, легло в основу западноевропейских наименований Китая (лат. Sinae, фр. Chine, англ. China, нем. China, польск. Chiny). Хотя главный ствол китайской нации формировался в отдалении от других центров мировых цивилизаций, процесс этот происходил не в изоляции. Жители Восточной Азии поддерживали тесные контакты с районами Центральной, Южной и особенно Юго-Восточной Азии (одного из важнейших очагов цивилизационного развития); особую роль в их истории сыграли народы Великой степи.

*Периодизация**. Периоды, традиционно выделяемые в истории древнего Китая, могут быть сгруппированы следующим образом: *Догосударственный* период; *Раннегосударственный* (государства Мо, ок. 2400–1900 (?) гг. до н.э.; Шан, ок. 1600–1027 гг. до н.э.; Западная (династия) Чжоу, 1027–771 гг. до н.э.); *Период раздробленности* (или *полицентризма*) (Восточная Чжоу, 771–221 гг. до н.э.); *Ранние империи* (Цинь, 221–207 гг. до н.э.; Западная Хань, 221 г. до н.э. – 8 г.н.э.); *Поздние империи* (Синь, 9–23 гг. до н.э.; Восточная Хань, 25–220 гг. н.э.). Правление так называемой династии Ся, которую часть китайских историков продолжают считать исторической (2205–1767 гг. до н.э.), большинство ученых считает легендарной.]

ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

Палеолит. В течение XX в. в Китае было обнаружено более 200 памятников палеолита, хотя вплоть до открытия в 1920 г. французским священником Э. Лисаном в Ганьсу (запад Северного Китая) и в 1923 г. палеонтологом П. Тейяр де Шарденом (1881–1955) в Ордосе (на севере П-образного изгиба Хуанхэ) первых палеолитических стоянок никто даже не предполагал, что бассейн Хуанхэ был заселен в столь отдаленные времена. В 1921 г. шведский геолог и археолог Ю.Г. Андерсон (1874–1960) обнаружил ставшую знаменитой пещеру Чжоукоудянь (ок. 50 км к юго-западу от Пекина) – главный памятник конца нижнего палеолита в Китае. В 1929 г. китайский ученый Пэй Вэнь-чжун (1904–1982) там же нашел первую черепную крышку *Homo erectus pekinensis*, получившего название «синантроп». Возраст синантропа, с учетом факта его длительного проживания в Чжоукоудяне, оценивается сейчас в 600/500–200 тыс. лет. Древнейшие же антропологические останки, обнаруженные в Восточной Азии и засвидетельствованные по меньшей мере на территории двух современных провинций КНР: на юго-западе пров. Юньнань (стоянка Юаньмоу) и на севере пров. Шаньси (стоянка Сихоуду) намного старше – 1,7 и 1,8 млн лет соответственно. Некоторые палеонтологи считают, что территория Китая могла быть одним из центров возникно-

* Текст в угловых скобках здесь и далее Д.В. Деопика и М.Ю. Ульянова.

вения человека, что, впрочем, не совпадает с наиболее распространенным взглядом на эту проблему (см. раздел «Преистория»).

Неолит. Особые заслуги в открытии китайского неолита также принадлежат Ю.Г. Андерсону. В 1921 г. он обнаружил памятник с полихромной расписной керамикой в пров. Хэнань в деревне Яншао, по имени которой предложил дать название культуре. Позже вплоть до конца XX в. *Яншао* стали называть крупнейшую неолитическую культуру долины среднего течения Хуанхэ, внутри которой формировались условия для возникновения китайской цивилизации. Позднее У Цзин-дин (1901–1948) обнаружил вторую крупнейшую культуру неолита *Луншань*. На западе Китая (в пров. Ганьсу и Цинхае) Андерсон открыл также несколько поздненеолитических и энеолитических культур: *Мацзяяо*, *Цицзя* (производство бронзовых изделий), *Мачан* и др.

Археологические данные свидетельствуют о том, что в неолите люди заселяли всю территорию современного Китая: от побережья до Синьцзяна и Тибета, и от Северо-Восточного Китая до крайнего юга. Анализ этого материала позволяет прийти к выводу о существовании тогда двух основных культурных провинций: бассейна Хуанхэ и территории севернее него, где основу питания составляло просо, и бассейна Чанцзяна (Янцзы) и земли к югу от него, главной культурой которых являлся рис.

Г Согласно концепции, предложенной несколько десятилетий назад, на территории Китая развитие неолитических культур (а в последующем формирование ранних государств) происходило внутри шести *историко-культурных зон* (крупных географических районов с выраженными ландшафтными границами, см. карту). Внутри зон (как правило, связанных с бассейнами крупных рек) располагались центры интенсивного земледелия (*аграрные очаги*). Зоны могут быть сопоставлены с районами Плодородного Полумесяца, т.е. с классическим Востоком. Согласно исследованиям геологов, Великая равнина в постледниковый период была в значительной степени затоплена поднявшимися водами Мирового океана, начав «высвобождаться» лишь с середины VI тысячелетия до н.э. (за счет интенсивных наносов Хуанхэ и рек шаньдунского архипелага). Как отдельная зона Великая равнина сформировалась лишь к началу II тысячелетия до н.э., а ее освоение затянулось на столетия, определив возможности бурного развития государственности хуася во второй половине I тысячелетия до н.э. и создания империи с доминированием ханьского этноса в конце эпохи древности (III в. до н.э. – III в.). Данная концепция формирования Великой равнины предлагает новое понимание исторического процесса в восточной части Старого Света. В мировую науку представления о палеогеологической истории Великой равнины ввел в 1986 г. профессор Чжан Гуан-жи (Гарвард); она принята научным сообществом.]

Ранний неолит Юга. На Юге совр. Китая (т.е. на землях исторического региона Юго-Восточная Азия) неолит возник раньше, чем на севере. Ряд стоянок, обнаруженных в провинциях Гуанси и Гуандун (*Байляньдун*, *Цзэнпьянь*, *Баоцзытоу*, *Душицзы*, *Хуанъяньдун*, «раковинные кучи» *Наньнина*, *Цинтана* и др.), датируются XI–VI тысячелетиями до н.э. Радиоуглеродные даты согласуются с типологией материала: отсутствием керамики (Душицзы) и обработки земли (Байляньдун, возможно, Хуанъяньдун), примитивным характером каменных изделий и неотчетливо выраженными признаками доместикации (буйвола в Душицзы, буйвола и овцы в Байляньдуне и Хуанъяньдуне, свиньи в Цзэнпьяни). Таким образом, этот район, тяготеющий к Юго-Восточной Азии, обнаруживает признаки раннего (докерамического

Сосуды культуры Яншао. Неолит: Баньпо-1 (4400–3500), Мяодигоу-1 (3300–2800)

и доземледельческого) неолита. Неолитическая революция осуществлялась в нем посредством развития животноводства, в меньшей степени – земледелия, а также, вероятно, еще одним путем – через разведение аквафауны. Самые ранние земледельческие поселения известны на западе нижнего течения Янцзы (к югу от оз. Поянху – памятник *Сяньжэньдун*, 9000(?)–7000 гг. до н.э.) и на Средней Янцзы (на юго-западе от оз. Дунтинху – *Пэнтоушань*, 7200–6500 гг. до н.э.).

Бассейн Средней Хуанхэ. Насельники бассейна среднего течения Хуанхэ создали ряд неолитических культур, которые протянулись вдоль Хуанхэ от п-ова Шаньдун до Ганьсу: *Бэйсинь* (5400–3300 гг. до н.э.), *Пэйлиган* (Хэнань, 5500–4900 гг. до н.э.), *Цышань* (Хэбэй, 5400–5000 гг. до н.э.), *Лаогуньтай/Лицзяцунь* (Шэньси, 5200–4800 гг. до н.э.), *Дадивань* (Ганьсу, 5200–4500 гг. до н.э.). В развитии этих культур можно выделить общие черты. Их создатели жили в относительно больших поселениях (до 1–2 га) несколько сотен лет, судя по культурному слою толщиной до 1 м. Основным источником питания служило зерновое земледелие (просо, чумиза) и животноводство (разведение свиней, собак, кур, баранов). Носители этих культур ручную выделяли керамику невысокого качества, а также шлифованные каменные орудия.

Бассейн нижнего и среднего течения Янцзы. В пределах Юго-Восточного Китая (пров. Чжэцзян, Цзянсу) на южном берегу залива Ханчжоувань простирался ареал культуры *Хэмуду* (5100–3300 гг. до н.э.), а на северном – *Мацзябан* (4500–3400 гг. до н.э.). Их насельники были земледельцами, которые возделывали заливной рис, разводили свиней, собак и буйволов, выделяли ручную керамику разнообразных форм и орнамента. В Мацзябане ее обжигали при довольно низкой температуре, в Хэмуду умели уже

доводить пламя до 800-900 и даже 1000°C. Создатели обеих культур знали прядение и ткачество, обрабатывали нефрит. Возможно, именно в культуре Мацзябан находятся истоки будущего (начиная с Шан, II тысячелетие до н.э. и до современности) почитания изделий из этого минерала как символа власти, показателя положения в обществе, амулета и драгоценного камня. Хэмудусцы, в свою очередь, были прекрасными строителями и мастерами по дереву. На территории опорного поселения Хэмуду были построены ряды сегментированных больших домов на сваях (длиной до 23 м), что обеспечивало безопасность при наводнениях и защиту от диких зверей.

Культура Лянчжу. Непрерывность развития наблюдается и в бассейне нижнего течения Янцзы. На базе Мацзябана и, возможно, Хэмуду в районе нынешнего Шанхая и о. Тайху возникла новая неолитическая культура – *Сунцзэ* (3600–2700 гг. до н.э.), а несколько позже культура *Лянчжу* (3300–1900 гг. до н.э.), сыгравшая важную роль не только в истории данного района, но и в формировании китайской цивилизации. Основу хозяйства лянчжусцев составляло выращивание заливного риса, разведение шелкопряда и изготовление шелковых тканей. Китай позднее славился ими настолько, что слухи, да и сами изделия, начиная с рубежа эпох доходили до Западной Римской империи (отсюда *Seres* в качестве названия населения Китая). Славилась также их поделка из бамбука, особенно плетеные, – в том числе и циновки, которые древним и средневековым китайцам заменяли (а в деревнях и сейчас нередко заменяют) почти всю мебель.

Лянжусцы также производили целый ряд предметов, которые, проникнув на север Китая, не просто обогатили культуру последнего, но прочно вошли в его политическую, культурную и повседневную жизнь. Это прежде всего изделия из нефрита, часть которых превратилась в атрибуты и сим-

2

Символ власти нефритовый жезл-цун (1) со знаками письма (2). Культура Лянчжу. Ок. 2300 г. до н.э. Музей Гиме. Париж

волы власти, знаки высокого социального положения, а также характерные украшения аристократии, каковыми они оставались вплоть до конца имперского периода (1911 г.). Наконец, они начали применять графические знаки для передачи информации. Иначе говоря, возможно, что лянчжусцы приняли участие в изобретении письменности. Проживая на юге (север совр. пров. Чжэцзян и юг – Цзянсу), они поддерживали с северными соседями (носителями культур *Давэнькоу* и шаньдунского *Луншана*) контакты, которые прослеживаются на археологическом материале. Скорее всего, именно лянчжусцы стали мостом, соединившим культуры бассейнов нижнего течения Янцзы и среднего течения Хуанхэ, по которому на север попали рис, нефрит, бамбук и другие достижения юга. «Неолитические культуры известны и в бассейне среднего течения Янцзы (*Чэнбэйси*, 5500–5100 гг. до н.э. и др.). Здесь жили предки древнего австрического народа *хмонгов* (кит. *мяо*), а в нижнем течении Янцзы – аустроазиатов *вьетов* (кит. *юэ*).»

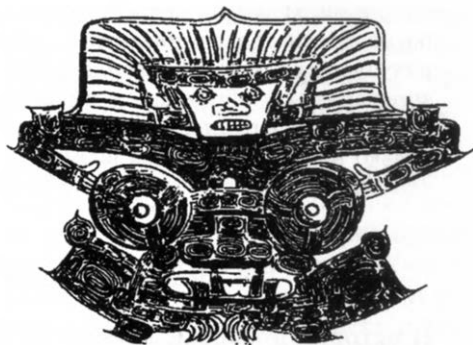
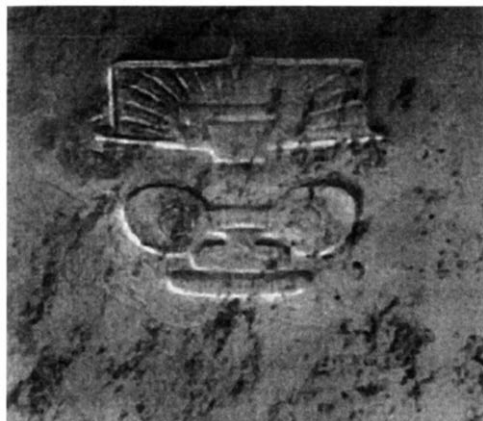
Таким образом, древнекитайская цивилизация, начавшая складываться около второй половины III тысячелетия до н.э., возникла на основе не только достижений жителей центральной части Хуанхэ (как долго считалось ранее), но вобрала в себя результаты развития разных районов современной КНР, прежде всего бассейнов нижнего и среднего течения Янцзы.

РАННИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

«Городская революция». Во второй половине III тысячелетия до н.э. в центре Северного Китая (совр. пров. Хэнань и Шаньдун) начали появляться отдельные крупные протогородские центры Города, имевшие форму относительно правильного квадрата (площадью 0,75 га – 3,2 кв. км), возводились по плану и обносились прочными стенами из слоев утрамбованной земли (до нескольких десятков метров толщиной у основания). Возникновение городов означало крупный сдвиг в жизни страны: в них концентрировались практически все виды активности жителей и результаты их творчества, формировалась сложная структура общества, элементы централизованной системы управления. Возникновению городов, несомненно, способствовало интенсивное развитие бронзолитейного производства; характерно при этом отсутствие в них следов письменности.

Вопрос о происхождении в Китае металлургии (как и письменности), пока не решен окончательно. Отдельные следы производства металла (меди), обнаруженные на востоке в пределах шаньдунского энеолита и на западе – в поздней *Мацзяо* (2600–2100 гг. до н.э.) и в ее продолжении, культуре *Цицзя* (2100–1600 гг. до н.э.; пров. Ганьсу и Цинхай), возможно, указывают на эти районы в качестве колыбели китайской металлургии.

Самой ранней культурой бронзы на территории Северного Китая считается *Эрлитоу* (ок. 2400–1500 гг. до н.э.). Эрлитоу позднего времени – крупное протогородское поселение площадью ок. 3 кв. км, в котором обнаружены по меньшей мере два дворцовых комплекса (размер большего 108 × 100 м), жилые сооружения, погребения, ремесленные мастерские и гончарные печи. Это был район изготовления бронзы с содержанием меди до 92% и олова 7%. Отливаемые в конце периода изделия (культовые сосуды, наконечники

Личина божества. Рельеф на нефритовом жезле и прорисовка. Царство Мо. Начало II тысячелетия до н.э. Справа – прорисовка.

стрел, ножи, колокольчики) свидетельствуют о высоком техническом и художественном уровне их ремесленников. Творцам культуры Эрлитоу вообще принадлежит заметное место в истории Китая.

В районе г. Чжэнчжоу (пров. Хэнань) обнаружен более поздний и развитый памятник *Эрлиган* площадью в 25 кв. км. В его центре располагался город, история которого началась ок. 1620 г. до н.э. Он был обнесен укреплённой стеной (толщина у основания до 32 м, сохранившаяся высота 5 м), окружающей пространство более 320 га. Это больше территории Древнего Рима (ок. 285 га) времен царя Сервия Туллия (VI в. до н.э.). Очевидно, что это был крупный многолюдный городской центр. В нем раскопаны дворец, жилые дома, колодцы, за его стенами – жилища простых людей, мастерские (бронзолитейные, гончарные, косторезные и т.д.), кладбища с могилами средних и небольших размеров. Жители умели изготавливать примитивный фарфор и белую керамику из каолина (обжиг первого проводился при температуре около 1200°C, а второй – при 1000°C), а также лаковые изделия, известные на юге и в соседнем Эрлитоу, но все еще являвшиеся редкостью.

Вместе с тем независимые центры раннебронзовой индустрии того же времени обнаружены также в бассейнах Янцзы и Сицзяна, а кроме того (относительно недавно) в Сычуани, т.е. на границе контактных культурных зон Восточной и Юго-Восточной Азии.

В II тысячелетии до н.э. в бассейне Хуанхэ формируется собственно древнекитайская цивилизация (в основе которой лежат достижения этноса хуася). Ее признаки – начало процесса государствообразования, масштабное строительство, металлургия бронзы, иероглифическая письменность, а также культ предков и практика гадания как государственный институт.

Г Согласно новым археологическим данным, древнейшая в Восточной Азии цивилизация возникла, предположительно, в энеолите (2500–1900 гг. до н.э.) в бассейне нижнего течения Янцзы (район о. Тайху) в рамках позднего периода культуры Лянчжу. Ее было предложено назвать *Мо* (сокр. от археологического памятника *Моцзяошань*). Так называемое «государство Мо» относится к ранним государственным образованиям. Раскопки выявили столичный центр с

дворцами, храмами, погребениями знати, в которых обнаружен целый комплекс разнообразных регалий власти – нефритовых изделий типа «ляньчжу» (дисков, ритуальных топоров, наверший жезлов и др.) с нанесенным на них стандартизированным изображением личин божества. Ныне уже не вызывает сомнения наличие здесь ранней неиероглифической письменности (расшифровка которой только началась). Весьма возможно, что импульсы государственности распространялись отсюда в соседние районы.]

ГОСУДАРСТВО ШАН (ок. 1600–1027 гг. до н.э.)

В истории древнекитайской государственности особое место принадлежит раннему государству Шан (Шан-Инь). Характерной чертой быта племен шанцев в догосударственный период являлись миграции. Ведя оседлый, земледельческий образ жизни, они, однако, в силу разных причин (войн, наводнений и т.п.) неоднократно перемещались в пределах трех современных провинций – Хэнань, Хэбэй и Шаньдун. В конце XIV в. до н.э. при правителе Пань-гэне шанцы осели в долине р. Хуаньшуй (район совр. Аньяна, пров. Хэнань), где ок. 1300 г. до н.э. основали (в районе совр. деревни Сяотунь) столичный и культовый центр «Да и Шан» – Великий город Шан (позднейшее название – Инь).

На территории города (известного ныне как Инь-схой – «Иньское городище», или «Иньские развалины»), обнаруженного лишь в начале XX в., с 1928 г. ведутся раскопки. На площади около 30 кв. км вдоль обоих берегов

р. Хуаньхэ выявлены остатки дворцов, храмов, жилых строений, бронзолитейных и других мастерских, а также многочисленные погребения – от огромных подземных гробниц правящей элиты (размером до $20 \times 15 \times 10$ м, нередко с четырьмя дромосами длиной 30 м, шириной 8 и общей площадью захоронения не менее 700 кв. м) до мелких ям бедняков; огромное количество сопогребенных людей; многочисленные предметы – керамика, бронза (церемониальная утварь, элементы повозок, орудия труда, оружие и т.д.), изделия из яшмы/нефрита, камня, слоновой кости и пр.

Территория собственно Шан-Инь ограничивалась районом, прилегающим к столице, и в этом отношении он имел сходство с ранними городами-государствами Шумера. Однако в отличие от последних правители Шан контролировали также весьма отдаленные земли, на-

Погребение шанского вана близ Аньяна.
XI в. до н.э.

селенные разными этносами. В середине XIII в. до н.э. они совершали походы в бассейны Хуанхэ, среднего течения Янцзы и Сычуани, целью которых, скорее всего, было обложение покоренных племен данью. При У-дине (1253–1195 гг. до н.э.) завершается формирование раннего государства Шан. О его богатстве и силе можно судить по целому ряду элитарных погребений, в том числе супруги вана Фу Хао. Именно правлением У-дина датируются самые ранние иероглифические гадательные надписи на костях животных и панцирях черепах (см. с. 161) – важнейший новый источник для воссоздания ранней истории Китая. При потомках У-дина (У-и, Тай-дине и Ди-и) вместе с интенсивным развитием государства и ростом населения, резко обострилось противостояние верховной власти и верховки родовой знати. Попытки последнего шанского вана Ди-синя (?1027 г.) стабилизировать ситуацию успеха не имели, и государство Шан-Инь, просуществовавшее 273 года, пало под ударами соседнего народа *чжоу* и его союзников (с. 163).

Шанскому социуму была присуща четко выраженная вертикальная стратификация. На вершине пирамиды находился *ван*, наделенный большой, но не абсолютной властью: при решении важных задач ему приходилось советоваться не только с оракулом, но и с приближенными и простыми общинниками. Ван объединял в своих руках высшие политические, религиозные, военные и хозяйственные функции. В сфере религиозно-культовой он опирался на поддержку Верховного божества (Шанди) и царственных предков (с которыми общался посредством церемоний гадания), в социальной – на элиту (родственников, знать, вождей дружественных подчиненных племен), наконец, на массу соплеменников. В обществе имелись также рабы (преступники и военнопленные), количество которых, видимо, было невелико. Пленных, приводимых в город Шан, в массовом порядке приносили в жертву, и заметной роли в его экономике они не играли. Показателем имущественного и социального неравенства в шанском обществе служат погребения, различавшиеся своими размерами, конструкцией, способом захоронения и погребальным инвентарем. В гробницах элиты находят сотни дорогих бронзовых сосудов, части колесниц, тысячи раковин каури (служивших деньгами), драгоценные нефритовые изделия, тогда как в бедных ямах – единичные керамические изделия и орудия труда из камня.

Основой жизни шанцев было сельское хозяйство, продолжавшее неолитические традиции. По-прежнему использовались орудия труда из камня, древесины и раковин: серпы и ножи, сошники, мотыги и двузубый деревянный заступ, новшеством было ограниченное применение бронзовых топоров, лопат и тесаков. Главной зерновой культурой служило просо (нескольких видов), важную роль играли занятия, связанные с виноделием и шелководством. Вино имело также культовое значение: ни одно значимое государственное мероприятие и любое жертвоприношение не обходилось без алкоголя. Важное место занимало скотоводство: шанцы разводили коров, овец, собак (в том числе для мяса) и лошадей, которые использовались в упряжке (верховой езды еще не знали). О наличии большого числа домашних животных свидетельствуют гадательные надписи, зафиксировавшие принесение в жертву десятков, а то и сотен голов крупного и мелкого рогатого скота.

Развитие получили разные виды ремесленного производства, особое значение придавалось металлургии. В эпоху Шан использовалось метео-

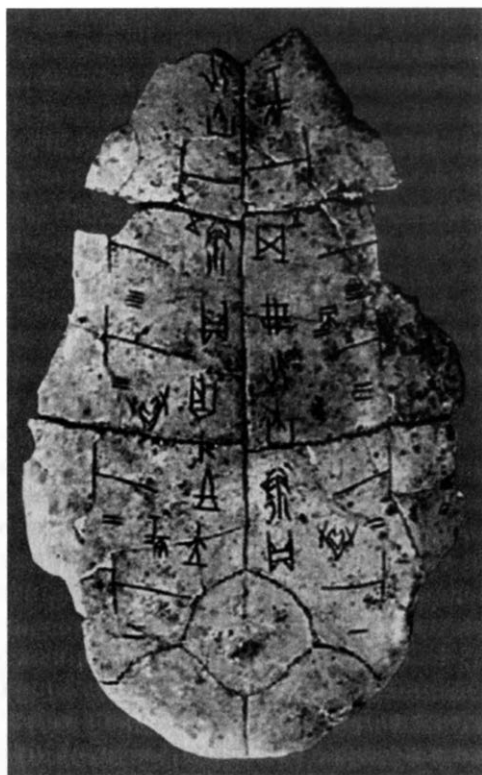
ритное железо (производство обычного началось лишь в VI–IV вв. до н.э.), золото и серебро, свинец и медь были уже известны ранее. Прогресс экономики особенно заметен в металлургии бронзы, которая использовалась, однако, в основном для изготовления оружия и предметов ритуала (прежде всего кубков). Значительно увеличилось их число, усложнилась технология, проявившаяся в умении отливать изделия больших размеров, весом более 100 кг. Самый крупный ныне известный квадратный сосуд (*дин*) на четырех ногах, имеет высоту 133 см и вес 875 кг, при этом покрыт искусным орнаментом. Шанцы научились также отдельно отливать части изделий (например объемные фигурки, не являвшиеся элементом барельефа) с последующим их соединением с основным изделием. Шанские сосуды отличаются огромным богатством и разнообразием орнамента (в виде человеческих лиц, фигурок животных и птиц, геометрических форм, абстрактных композиций и т.п.).

В конце эпохи Шан появляется новшество: внутри сосудов, чаще всего на дне, при отливе помещались отдельные иероглифические знаки или короткие тексты (имя владельца, обстоятельства изготовления и другие сведения). Некоторые из надписей, возможно, древнее гадательных, но принадлежат к той же системе письма. Очевидно, что здесь лежат истоки обычая, развившегося в эпоху Западной Чжоу (XII/XI–VIII вв. до н.э.) и приведшего к появлению инскрипций на бронзовых изделиях – второго (после гадательных надписей) этапа развития китайской письменности и ценного исторического источника, синхронного отраженным в нем событиям.

Переход на более высокий уровень сельскохозяйственного и ремесленного производства породил два новых явления: торговлю и протоденьги. Торговый обмен имел место в пределах значительной территории, выходящей за границы шанских владений. Его вели люди, для которых данное занятие стало профессией. Развитие торговли привело к появлению ранних аналогов денег. По-видимому, первоначально эту роль играли предметы обихода или куски драгоценных металлов, минералов, постепенно их заменили раковины каури («фарфоровые улитки»). Будучи небольшими, легкими, прочными и красивыми, легко скрепляющимися в связки и поэтому удобными в употреблении, к тому же привозимыми с южных морей, за многие сотни километров от Шан, они ценились очень высоко. В конце периода Шан эти раковины, а также их бронзовые реплики, стали применяться в качестве первых монет в истории Китая.

Письменность. Возникновение цивилизации кроме прогресса в области материальной культуры связано также с достижениями в интеллектуальной и духовной сферах. Для Шан важнейшим достижением, несомненно, была иероглифическая письменность. В 1899 г. в районе Сяотуни были обнаружены кости животных и щитки черепах, покрытые вырезанными на них неизвестными знаками. Выяснилось, что найденные кости и щитки использовались для гадания относительно государственных дел и представляют своего рода правительственный архив. Значки, которыми были покрыты гадательные кости, оказались древнейшей известной формой китайской иероглифической письменности. Ими записывались вопросы к оракулу, нередко – его ответ и даже пометки об осуществлении предсказания.

Обнаруженный материал охватывает приблизительно 50 тыс. опубликованных надписей, аутентичных, достоверных и синхронных отраженным в нем событиям и явлениям. Гадательные кости датируются серединой XIII–XII/XI вв. до н.э. К настоящему времени общее число найденных гадательных костей превышает 150 тыс., выделено свыше 5 тыс. графем, из них почти 2 тыс. дешифрованы (т.е. надежно отождествлены с современными иероглифами). Многие из оставшихся понятны из контекста, т.е. идентифицированы как топонимы, названия обряда жертвоприношения, имена собственные и др. Очевидно, что столь развитая система письма, сложная графически, со множеством аллографов и специальными грамматическими частицами, с немалым количеством абстрактных понятий и т.п., не могла возникнуть внезапно – ей должен был предшествовать долгий процесс постепенного формирования. Наличие отдельных знаков и текстов на сосудах ряда культур (Давэнькоу, Эрлитоу и др.) позволяет выдвинуть предположение, что последние могли иметь отношение к началу создания шанской письменности. Поскольку «цивилизация Шан» выросла на субстрате шаньдунского энеолита и культуры Эрлитоу (об этом говорит сходство ряда памятников материальной культуры), вполне допустима мысль, что и письменность была воспринята Шан от «материнских» культур.

Гадательная надпись иероглифическим письмом на панцире черепахи. Район Аньяна. Эпоха Шан

Первой страной, воспринявшей китайскую иероглифическую письменность, была Корея, куда в IV–VI вв. вместе с конфуцианством и буддизмом (см. ниже) проникли китайский язык и его иероглифика. В VII в. на ее основе ученый Сольчхон создал корейскую систему *иду*. Примерно в то же время непосредственно из Китая или через Корею иероглифическое письмо проникло в Японию. Это событие связано, в том числе, с именем Ван Жэня, ученого из корейского государства Пэкче: в IV (или III) в. он прибыл в Японию, привезя с собой конфуцианский трактат «Лунь юй» («Беседы и суждения») и учебник классического китайского языка. Став наставником сыновей правителя, он содействовал распространению в Японии китайской культуры. Весьма рано (еще в III–II вв. до н.э., в ходе завоеваний империй Цинь и Хань) с китайской письменностью познакомились вьеты, предки современных вьетнамцев. Вплоть до XIV в. вьетнамская литература записывалась китайскими иероглифами, на основе которых буддийскими монахами была создана вьетнамская письменность *ты ном*. На территориях Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии китайская письменность несомненно сыграла значительную, культуртрегерскую роль.

Институт гаданий. С письменностью связан еще один пласт культуры Древнего Китая – гадание, возникшее еще в период неолита. Самым распространенным видом гадания являлась *остеопластромантия* – гадание на костях животных и щитках черепах. В сложном варианте подготовка кости (и, в известной мере, пластрона черепахи) проходила несколько этапов: очистки от остатков мяса, распиливание на подходящие куски, обработки поверхности; сверления или выскабливания лунок на тыльной стороне, подогрева (обычно в виде точечного прижигания деревянными палочками). В итоге на лицевой стороне появлялись «вещие» трещины. По ним и гадали, в завершение нанося на кость или щиток запись об этом событии.

Практика гадания в Шан составляла важную часть не только культа и религии, но и политической и экономической жизни в целом. Проводил обряд и записывал его результат профессиональный гадатель, однако вопросы оракулу задавал сам ван. При этом вопросы касались не только самого вопрошавшего и его семьи, но и всех сторон жизни общества и страны (военных походов, строительства городов, урожая, погоды, учебы, жертвоприношений и пр.). Гадания, которые проводились в последний день каждой десятидневки, ограничивались единственным вопросом: «В течение [следующей] декады не будет беды?». Записи наносились на одну и ту же кость до полного заполнения ее свободного пространства, притом разрыв между первой и последней мог составлять более двух месяцев. Характер вопросов свидетельствует о том, что обычай гадания в период Шан стал важным государственным институтом.

Верования. В эпоху Шан-Инь появились довольно сложные религиозные представления и обряды. Своеобразная религия шанцев состояла из трех главных элементов. На самом верху размещался *Шанди* – Верховное божество, управлявшее жизнью людей и природой. Именно от него зависела судьба всего государства, успех военных походов и охоты, урожай и погода, строительство города и дворца, благоприятное разрешение от бремени супруги правителя, здоровье его самого и т.д. Ниже его пребывали многочисленные духи природы, причем духом-«опекуном» обладали не только лес, но и отдельные деревья и т.д., Восходящее солнце, Заходящее солнце, все, что окружало тогдашних людей. Ближе всего к человеку находились души его предков: у них спрашивали совета, их просили о помощи, им приносили жертвы, включая и человеческие – обычай, характерный практически только для Шан-Инь. Уже в следующую, чжоускую, эпоху они навсегда прекратились. О разнообразии жертвоприношений говорит тот факт, что на гадательных костях встречается более 130 знаков, обозначающих их названия. Сведения о них содержат многие гадательные надписи, например: «Принести ли вану жертву предку Земле, предку Носорогу, предку Реке и предку Холму?» или «Совершить ли жертвоприношения в малом храме предков?». Культ предков к этому времени уже обрел устойчивый характер, институционализировался и отправлялся в специальных помещениях.

Культ предков продолжал существовать и позднее. Ссылки на него постоянны и в западночжоуских надписях на бронзовых сосудах XII–VIII вв. до н.э. (например: «Изготовил драгоценный жертвенный сосуд в честь своего отца» или «Изготовил драгоценный жертвенный сосуд для храма предков?»). Завершающие элементы в культ предков были привнесены позднее

Конфуцием (см. ниже), который отождествил государство с семьей, а правителя с отцом, чем придал почитанию пращуров особую значимость. Когда конфуцианство со II в. до н.э. стало государственной идеологией, культ предков получил дополнительный стимул для длительного существования.

«Ши цзин» («Книга песен и гимнов»), древнейшее (XII/XI–VI вв. до н.э.) собрание китайской поэзии, включает несколько больших стихотворений, посвященных жертвоприношениям предкам. В одном из них говорится:

С почтением, с почтением достойным иду, наконец,
Для жертвы чистейших избрать и быков, и овец,
Я жертвы и в осень и в зиму свершу, что ни год
Кто шкуры сдирает, кто варит, а кто подает,
Кто мясо разложит, кто мясо подносит скорей.
Стоит прорицатель, чтоб духов встречать у дверей.
И жертва готова, и блеском наполнен мой храм,
И званые предки явились в величии к нам!
И духохранитель поел, исполняя обряд,
И я, из потомков почтительный, счастлив и рад.

(«Жертвоприношение предкам»,
пер. А.А. Штукина)

На племенном этапе и позже, в династийный период, шанъиньцы жили в окружении множества разных племен, о которых неизвестно ничего, кроме имен (*ту, ма, син, цзы, гу, лун, цзин, цзи, гуй, юй* и др., до 150). Некоторые из них подчинились Шан, другие, хотя бы временно, поддерживали мирные отношения, третьи постоянно конфликтовали. Все они были бесписьменными, значительно уступали иньцам по уровню развития и численности. Тем не менее одному из них – племени *чжоу*, расселившемуся к западу от Шан (на юге пров. Шэньси) в союзе с другими удалось в 1027 г. до н.э. разгромить Шан в так называемой «битве на полях Мuye», неподалеку от их столицы, и основать новую династию и государство – *Чжоу*. Завоевание чжоусцев инициировало процессы, определившие лицо страны на многие века.

ЗАПАДНАЯ ЧЖОУ (1027–771 гг. до н.э.)

Правление династии Чжоу традиционно разделяется на два периода: *Западная Чжоу* (1027–771 гг. до н.э.), две столицы которой (Фэн и Хао) располагались в западной части Китая, близь совр. г. Сиань) и *Восточная Чжоу* (770–221 гг. до н.э.) – эпоха полицентризма, со столицей чжоуского вана в г. Лои (совр. Лоян, пров. Хэнань).

В середине XII в. до н.э., видимо, из бассейна верхнего течения Хуанхэ, периферии тогдашнего китайского мира, в западную часть долины р. Вэйхэ переселились изначально земледельческие племена чжоу, во главе с вождем Гу-гун Дань-фу (? – ок. 1124 г. до н.э.). Процесс сложения их раннего государства (с административно-культовым центром у горы Цишань) ускорили взаимоотношения с шанъиньцами. Последние использовали воинственных чжоу в защите своих земель от набегов и при контактах с вождями соседних племен.

Успешные походы чжоуского правителя Цзи Ли (1124–1095 гг. до н.э.) против кочевников усилили его авторитет и влияние. Из древних «Бамбуковых анналов» известно, что шанцы с тревогой следили за усилением чжоу. Чжоуский правитель Вэнь-ван (ок. 1095–1037 гг. до н.э.) сумел захватить уже всю долину Вэйхэ, начав угрожать Шан. В конце жизни он перенес свою ставку в центральную часть долины – в город Фэн, чем был фактически завершен процесс формирования раннего чжоуского государства. Вэнь-вану удалось не только консолидировать чжоуское общество, но и привлечь на свою сторону часть шанской знати (видевшей в нем инструмент борьбы с усилением личной власти вана) и правителей соседних племен (пытавшихся освободиться от шанского контроля).

Финал борьбы с Шан пришелся на правление его сына У-вана (1037–1025 гг. до н.э.). Он возглавил мощную антишанскую коалицию, в которую вошли также правители тибето-бирманских народов Сычуани, *хмонгов* среднего течения Янцзы и других районов. Как говорилось выше, в 1027 г. до н.э. в битве при Муэ шанская столица Инь была захвачена, ее правитель Динсинь погиб. На престол был возведен его сын У-гэн, контроль над правлением которого стали осуществлять уже чжоусцы (братья У-вана). Фактически Западная Чжоу стала самостоятельным государством. В истории Китая началась новая эра, ключевая для дальнейшего становления культуры этой страны.

Чжоусцы создали новый механизм управления подвластными территориями. После победы У-ван награждал сородичей и вождей Чу, Ши и других союзников крупными наследственными земельными владениями, тем самым, однако, положив начало двум противоположным тенденциям – укреплению и ослабления верховной власти. Если первые поколения «удельных князей» безоговорочно подчинялись чжоускому вану, признавая его носителем высшей светской и сакральной власти, то со временем начался процесс обособления их личной власти на местах.

При жизни У-вана осуществлялась своего рода система компромиссов с чжоуской верхушкой, отчасти затрагивающая и поверженных шанцев. Однако вскоре она перестала устраивать часть чжоуской знати, которую возглавляли Гуань-шу и Цай-шу, младшие братья вана. После смерти У-вана в 1025 г. до н.э. его старший брат Чжоу-гун поддержал передачу власти малолетнему сыну У-вана (Чэн-вану, 1024–1005 гг. до н.э.) и до 1018 г. правил при нем в качестве регента, подавив мятеж Гуань-шу и шанцев. Уцелевшие представители шанского правящего рода, а также часть земледельцев были переселены, а в шанских землях созданы новые владения *Вэй* и *Сун*.

Чжоу-гун смог решить две важнейшие задачи: завершить уничтожение Шан и подчинить власти вана всех родственников, чем заложил фундамент для будущего развития западночжоуского государства. Ему же традиция приписывает формулирование ряда идеологических постулатов (прежде всего *Тянь мин* – «Небесного повеления», или «мандата Неба»), которые легли в основу древнекитайского представления о высшей власти (хотя ее основным создателем был, по-видимому, его отец Вэнь-ван).

Положительные тенденции развития государственности чжоу были реализованы в правление Кан-вана (1004–985 гг. до н.э.), Чжао-вана (984–966 гг. до н.э.) и особенно Му-вана (965–928 г. до н.э.), при котором власть

чжоуского вана достигла своего апогея. Но после его смерти начались борьба родовой знати за влияние на вана и одновременно – попытки ограничить его функции ритуальной сферой. С возрастанием угрозы со стороны центральноазиатских племен *цюаньжунов* на западе долины Вэйхэ было создано буферное владение *Цинь*, во главе которой стояла жунская знать. Через несколько веков именно царство Цинь захватит всю Восточную Азию и создаст первую империю.

Наиболее остро кризис в отношениях вана и знати проявился в правление Ли-вана (857–828 гг. до н.э.), которому пришлось бежать из столицы, его сына Сюань-вана (827–782 гг. до н.э.) и особенно Ю-вана, последнего западночжоуского правителя: под натиском *цюаньжунов* Западная династия пала, Ю-ван был убит, а его сыну и наследнику Пин-вану (770–720 гг. до н.э.) пришлось перенести столицу на восток, в Лои, где он правил небольшим царством, оставив основные земли *цюаньжунам*.]

Согласно исторической традиции к этому времени на территории Китая насчитывалось около 200 самостоятельных царств (*го*), во главе которых стояли независимые цари. Начиналась эпоха полицентризма – Восточная Чжоу.

Социальная структура общества. Создание У-ваном системы удельных владений привело к возникновению новой социальной группы – наследственных правителей (*чжухоу*, букв. «все хоу»), обладавших одним из пяти титулов знатности – *гун*, *хоу*, *бо*, *цзы* или *нань*. Создавая свои династии и высвобождаясь от подчинения чжоускому вану, они начинали играть все более значимую роль в дальнейшей истории Китая. Обладание титулом знатности и, позднее, чиновничьим рангом определяло положение человека в обществе.

В комментарии к хронике «Чунь-цю» («Цзо-чжуань», под 535 г. до н.э.) указывается также на существование в чжоуском обществе десяти социальных прослоек – *ваны*, *гуны*, *дафу*, *ши*, а также шести прослоек служилых людей и рабов. На верхушке этой социальной пирамиды находился чжоуский ван. Эпитет обожествляемого вана – «Сын Неба» (кит. *Тянь цзы*) – окончательно вошел в политический и летописный язык. Пространство, на которое распространялось его сакральное влияние, именовалось Поднебесной (*Тянься*). За ваном шла правящая элита, состоявшая из потомственных владельцев уделов – *чжухоу*. Среднюю часть пирамиды занимали главы влиятельных родовых групп – *дафу*, крупные землевладельцы, занимавшие высокие должности при дворе. Ниже располагались средние землевладельцы – главы семей и местные управленцы *ши*. Следующую за ними группу составлял простой народ: крестьяне, ремесленники и торговцы, а также многочисленная прислуга. Наконец, в самом низу находились не определявшие ни экономический, ни военный потенциал страны рабы, в которых обращали военнопленных и преступников.

Стратификация общества получает с этого времени четкое внешнее выражение. Принадлежность к рангу определяла весь образ жизни – размер полей, число слуг, форму головного убора, одежду, еду, размер повозок, оружие, жилье, обряд, в том числе погребальный и т.п. Разрешение или запрет на пользование ими строго определялись обычаем или законом.

В каноническом комментарии к хронике «Чунь-цю» под названием «Цзо-чжуань» («Хроника господина Цзо [Цю-мина]», 772 г. до н.э.) содержится один из примеров такой регламентации: «Сына Неба [окончательно] погребают на седьмой месяц; прибывают [для участия в похоронах] все, кто «имеет с ним одну колею» (т.е. все равные с ним по статусу правители царств). Чжухоу – на пятый месяц; прибывают все, кто состоит с ним в одном союзе. Дафу – на третий месяц; прибывают те, кто занимает с ним одно положение. Ши – через месяц; прибывают те, кто состоит с ним в свойстве»

Такая структура общества сохранялась на протяжении всего периода Западной Чжоу. Система уделов упорядочила структуру государства, но со временем позволила чжухоу присваивать высшую власть в своих владениях. Признавая власть вана как сакральной фигуры, «Сына Неба», они, однако, постоянно воевали, стремясь поглотить территории своих соседей. В результате на рубеже VIII–VII вв. до н.э. возникло множество фактически самостоятельных княжеств.

Главный источник богатства и власти – земля, формально принадлежала чжоускому вану. Но представители четырех высших социальных групп (ваны, гуны, дафу и ши) были фактическими, а позже и юридическими наследственными владельцами земли, которую они передавали крестьянам в пользование за отработочную ренту, сами же, за исключением вана, платили вышестоящим натуральную дань шелками, нефритом, шкурами животных, зерном и т.д. Видимо, на рубеже IX–VIII вв. до н.э. отработочная рента была заменена натуральной, первоначально равнявшейся одной десятой части урожая. Землю можно было наследовать, но нельзя было продавать и покупать. Это служило одной из предпосылок политики, направленной на то, чтобы люди из поколения в поколение занимались одним и тем же делом, достигая в нем лучших результатов. Как говорил известный мыслитель и административный деятель Гуань Чжун (ум. 645 г. до н.э.), только «когда амбары полны, люди знают правила благопристойности, а когда одежды и еды достаточно, люди знают, что такое слава и что такое позор».

Переселившись некогда ближе к землям шанъиньцев и к тому же смешиваясь с ними этнически, чжоусцы вплотную столкнулись с превосходящей культурой Шан-Инь и поднялись на новую ступень своего развития. Произошло то, что позже в Средиземноморье случилось с римлянами, завоевавшими Грецию и покоренными ее высокой цивилизацией. Правда, в отличие от греков шанъиньцы, отдав чжоусцам свои достижения, сами затем растворились в новом обществе и прекратили этническое существование.

Главными заимствованиями были структура управления, календарь, письменность, широкое применение колесного транспорта (колесниц и повозок), архитектуры и приемов строительства, изделий из нефрита, познания в математике (десятеричная система счета), медицине (акупунктура) и прочее. Особенно плодотворным оказалось заимствование технологий бронзолитейного дела, которое дало прекрасные образцы чжоуских сосудов. Чжоусцы (изначально, видимо, не знакомые с металлургией бронзы, по крайней мере, в значительных масштабах) развили шанскую традицию помещения внутри сосудов текстов (от нескольких знаков до пятисот), которые содержат массу ценнейших сведений исторического, экономического, юридического и иного характера, важных для изучения древнекитайского

Ритуальный сосуд. Бронза. Эпоха Западное Чжоу

языка, культа, палеографии, истории бронзолитейного дела, истории искусства и так далее.

Почти во всех надписях могут быть выделены три временных пласта: прошлое – в форме упоминания о заслугах предков и выражения почтения к ним; настоящее – информация о даре вана и действиях создателя сосуда; будущее – воззвание к последующим поколениям «детей и внуков», чтобы те своими поступками продолжили славные традиции рода. В этом отразился возникший, возможно, еще раньше историзм мышления древних (а позднее и средневековых) китайцев, возведенный Конфуцием (говорившим, что он «любит древность и доверяет ей») в ранг философского постулата. Этот образ мышления, проявлявшийся как на государственном уровне (уважение к прошлому народа и страны), так и на родовом (почтение к собственным предкам вплоть до основателя рода), явился одной из причин (возможно, главной) того, что китайцы никогда не поддавались воздействию культуры завоевателей, напротив, ассимилировали их в свою среду.

Важнейшим элементом верований чжоусцев стал культ Неба (*Тянь*), который сменил шаньиньский культ Верховного божества Шанди. Как и шаньиньцы, чжоусцы, включая вана, поклонялись своим родовым предкам.

Для них строились особые поминальные храмы (*цзунмяо*), где осуществлялись сложные церемонии. Такое религиозное явление присуще всей истории Китая – вплоть до современности.

Заимствование у шаньиньцев письменности привело к тому, что при дворах чжоуских ванов и местной знати начала развиваться литература – создавались гимны, оды, поэтические произведения, а также речи, которые вкладывались в уста «совершенномудрых» правителей прошлого. Позднее, в конце периода Чунь-цю на их основе началось составление двух важнейших памятников древнекитайской литературы – «Ши цзина» («Книга песен и гимнов») и «Шан шу» («Записи о прошлом»), которые, кроме их художественных достоинств, имеют непреходящее значение исторических памятников, без которых невозможно изучать древнюю историю Китая.

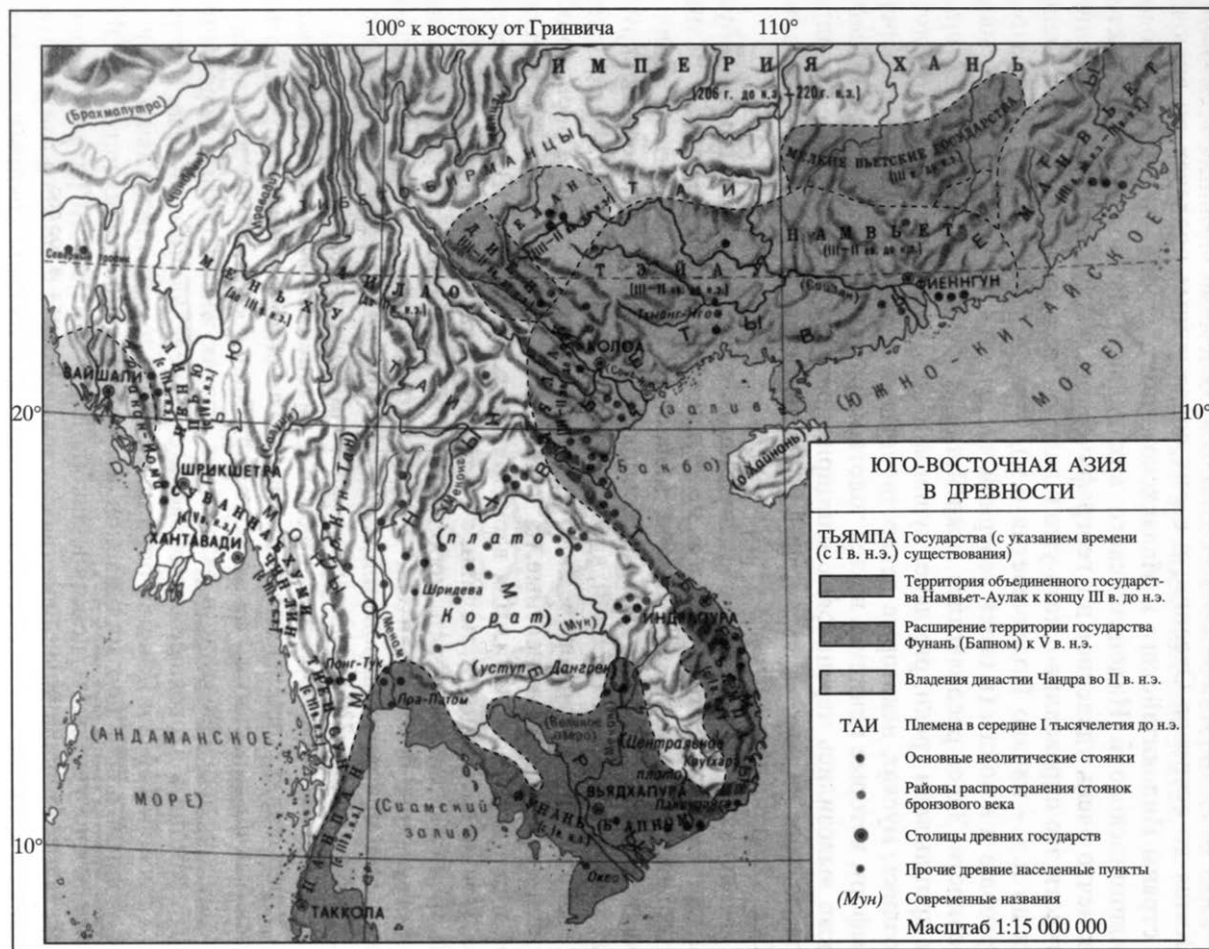
СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ (IV – первая половина I тысячелетия до н.э.)

Так сложилось в науке, что внимание отечественных историков сосредоточено в основном на западной части Старого Света. Но и его восточный ареал, бесспорно, заслуживает не меньшего внимания – и в особенности Юго-Восточная Азия (далее: ЮВА). Этот регион раскинулся от Индии и Китая до островов Океании: в своих современных пределах он включает страны Индокитайского и Малаккского полуостровов, а также островов Филиппинского и Индонезийского архипелагов. Регион воспринимается как нечто очень удаленное и в географическом, и в культурном отношении. Отчасти это справедливо, хотя уже в далекой древности (конец I тысячелетия до н.э. – начало I тысячелетия н.э.), будучи втянут в международную торговлю и в войны (в своей северной части), он стал частью общего мира древности. Здесь располагался важнейший источник пряностей, за которыми приплывали греки, римляне, кушаны и др. Только здесь производились гвоздика, мускат, некоторые лекарственные растения, отсюда везли перец, камфору, которые ценились на вес золота на рынках Старого Света. Отсюда также вывозились черепаховые панцири, драгоценные и цветные металлы (золото, серебро, олово, медь и др.). Сюда двигались не только торговцы, но и буддийские миссионеры.

Меньшее, по сравнению с Индией или Китаем, внимание к ЮВА обусловлено в том числе тем, что здесь не возникло ни мировой религии, ни значительных по размерам государств древности. Тем не менее здесь жили и живут десятки различных народов, говорящие на языках не менее пяти крупных мировых языковых семей, здесь распространены все мировые религии.

Закономерности исторического процесса в данном регионе нередко обретали формы, мало известные на классическом Востоке, а также в Южной или Восточной Азии. Для всех долинных регионов ЮВА характерны следующие особенности: поливное рисоводство как основополагающий хозяйственно-культурный тип; небольшая прочная община как база социальной структуры; более развитый, чем у других народов, культ духов предков в качестве основных верований; наличие *этнолингвистической* общности (все народы, кроме обосновавшихся здесь позднее тибето-бирманцев и тайцев, объединяет австронезийский праязык); наконец, *генетическая* общность.

У народов, которые обитали на границах с сино-тибетской народностью хуася (как и у них самих), также формировалась «религиозная дополнительность», т.е. использование в различных сферах жизни разных верований. Этот принцип в настоящее время является определяющим в Китае, Вьетнаме, а также в Корее и Японии; без знаний о нем трудно представить религиозную жизнь почти двух миллиардов человек. Для понимания истории ЮВА также важно учитывать действие закона неравномерности развития, который связывает эволюцию общества с условиями «вмещающего ландшафта». В данном регионе эту особенность определяли долины крупных рек, бас-

Юго-Восточная Азия
в древности (северная
и центральная части)

сейны средних и малых рек, морское побережье, предгорные и горные районы. Как и везде, насельники последних существенно отставали в технологическом и социальном развитии по сравнению с жителями долин больших и средних рек и морского побережья. И в наше время в долинах живут народы, создававшие экономически и социально сложные структуры, за пределами же таких долин сохраняется более архаический уклад жизни.

Исторические границы ЮВА на севере и западе с двумя другими мировыми регионами – Восточной и Южной Азией – на протяжении древности менялись. Так, вплоть до последних веков до нашей эры в состав исторического региона «прото-Юго-Восточная Азия» входили земли двух обширных областей: юга современной Восточной Азии (бассейны рек Хуайхэ и Янцзы), а также востока Южной Азии (северо-восточное побережье п-ова Индостан и районы к северо-востоку от него). Таким образом, история севера «прото-ЮВА» является частью истории и Восточной, и Юго-Восточной Азии. Современная граница ЮВА начала устанавливаться по мере продвижения государственности хуася (китайцев) на юг в рамках империй Цинь, а также Западная и Восточная Хань. Ее складывание можно отнести к I в. н.э., но окончательные очертания она обрела к началу X в. н.э., когда вьеты восстановили свою государственность.

Исконным населением собственно ЮВА (Индокитайского, Малаккского п-овов и островной части) считаются австрало-негроидные народы, которые не создали сложных форм социальной организации. В Индокитае и на Малаккском п-ове их еще в раннем и среднем неолите начали вытеснять южные монголоиды, аустроазиаты по языку (предки *монов*, *кхмеров*, *вьетов*). В долинах бассейна Янцзы и южнее был распространен, выделенный еще в 1906 г. Г. Шмидтом, «аустрический праязык», который, по данным лингвистов, распадается на отдельные группы в конце VII тысячелетия до н.э., т.е. в середине раннего неолита (9000–5500 гг. до н.э.). Основные группы: аустроазиатские языки (кхмеры, моны, вьеты и др.), аустронезийские (малайский, яванский, чамский и др.) и *хмонг-миен* (кит. *мяо-яо*). На среднем и верхнем течении р. Жемчужной жили *таи*. Позднее носители тибето-бирманских языков, став рисоводами, заселили долинную часть Верхней Янцзы (Сычуаньскую котловину) и вошли тем самым в число народов «прото-ЮВА».

Модель этнолингвистических перемещений предлагается в трудах Г.С. Старостина и его коллег. В северную часть изначально аустрического региона Восточной Азии внедрились носители сино-тибетских языков (предположительно, вышедших с северо-западного Кавказа ок. XII тысячелетия до н.э.). По мнению Г.С. Старостина, поскольку распад «сино-кавказского» праязыка датируется началом VII тысячелетия до н.э., то в Восточной Азии они могли появиться в VI тысячелетии до н.э. или несколько позже (т.е. в ранне-среднем неолите, 5500–4500 гг. до н.э.). Распад же сино-тибетского на китайский и тибето-бирманский языки датируется им серединой V тысячелетия до н.э. (т.е. началом среднего неолита). С этого времени на Средней Хуанхэ начался процесс формирования народа *хуася* (суходольных просоводов умеренного климата), предков ханьцев. Господствующим в Восточной Азии он стал в I тысячелетии до н.э., когда именно ему удалось в политическом и экономическом плане занять земли Великой равнины.

О перемещениях аустроазиатов (кхмеров, монов и вьетов) известно мало. Их развитые археологические культуры Нижней Янцзы продвигались вдоль

морского берега на юг до устья Жемчужной реки включительно. Все более южные культуры Индокитайского п-ова были им родственны. К настоящему времени (на основе данных лингвистики) сравнительно хорошо изучены направления миграций аустронезийских народов – жителей островной части ЮВА. Самые древние аустронезийские языки зафиксированы на Тайване, позднее они распространились на Филиппины, юго-восток Индокитая и в западную часть островной ЮВА. Но на Тайвань их носители приплыли извне. Можно предположить, что п-ов Шаньдун и южное побережье «Древнего Проплива» изначально были заселены аустронезийскими народами: на Шаньдуне уже в III–II тысячелетиях до н.э. сложился специфический этнос (позднее хуся называли их «*восточными и*») и своя государственность. Язык шаньдунцев не определен, известные надписи не дешифрованы. Возможно, с ними связана культура средней части долины р. Хуайхэ Хоуцзячжай-1 (V тысячелетие до н.э.), последующий этап развития которой зафиксирован на нижнем и среднем течении Янцзы в IV–II тысячелетиях до н.э.

Периодизация. В истории собственно прото-ЮВА традиционно выделяются два этапа: *Ранняя древность* (IV – первая половина I тысячелетия до н.э.) – история развития долинных обществ с интенсивным рисоводством, в рамках которых на севере прото-ЮВА (бассейн Янцзы и южнее) возникают ранние государственные образования; *Поздняя древность* (вторая половина I тысячелетия до н.э. – III в. н.э.) – история развитых государств на севере (в бассейне Янцзы), ставших частью Восточной Азии, а также формирующихся ранних государств в крупных долинах Индокитайского п-ова, на Малаккском п-ове, о-вах Суматра, Ява, Калимантан, активно воспринимавших южноиндийское влияние.

ИНДОКИТАЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И ОСТРОВНАЯ ЧАСТЬ ЮВА (НУСАНТАРА)

Юго-Восточная Азия давно привлекает внимание археологов, но до сих пор изучена неравномерно. Начиная с неолита (IX – первая половина III тысячелетия до н.э.) земледелие повсюду в исторической ЮВА (бассейн Янцзы и южнее) базировалось на разведении поливного риса, что создало ситуацию, нетипичную для земледельческих районов Восточной и Западной Азии – для разведения риса не требуется обширных площадей, и на небольших участках можно снимать два урожая в год. А поскольку технологии рисоводства не предполагают активных перемещений, в ЮВА достаточно много многослойных памятников по 4–5 м культурного слоя. Это говорит о культурной преемственности на протяжении тысяч лет.

Культурная общность Хоабинь (ок. 11–8 тыс. лет до н.э.). Данные о начале domestikации и культивировании риса в собственно ЮВА относятся уже к XI и X тысячелетиям до н.э. Но на соответствующих памятниках, как правило, отсутствуют важные признаки «полного» неолита: керамика, шлифованные орудия из камня, следы одомашнивания животных. Ранние неолитические памятники в Восточном Индокитае и в Нусантаре (островной части ЮВА) относятся к двум культурам (точнее культурным общностям) – раннему *Хоабиню* и более развитому и позднему *Бакшону*. О начале Хоабиня можно говорить примерно с 11 тыс. лет до н.э., а Бакшона начиная

с 8000 г. до н.э. В силу неравномерности развития носители этих культур, жившие в разных ландшафтных нишах, сосуществовали. Так, в отдельных горных районах Индокитая и на некоторых островах хоабиньские поселения сохранялись вплоть до начала III тысячелетия до н.э.

Памятники Хоабиня обнаружены в восточной части Индокитайского п-ова – на территории Вьетнама (Дафук, пров. Тханьхоа; Хунгмуой, пров. Хоабинь и др.); в центральной – на территории Таиланда (пещера Сайюк, пещера Духов и др.); в Камбодже (пещера Лангспеан) и Лаосе (пещеры Тамханг, Тампонг и др.). Хоабиньские поселения вскрывают на склонах холмов или гор, часто в пещерах или под скальными навесами вблизи источников воды. Основными занятиями их обитателей являлись собирательство, рыболовство и охота. Большую часть продуктов питания составляли пресноводные моллюски, рыба, мясо диких буйволов, птицы, черепаха.

Самые ранние следы разведения риса были обнаружены на памятнике *Сом Чай*, а в пещере Духов (Таиланд) найдены другие растительные продукты – бобы, горох, бахчевые, бетель, миндаль, перец и др. Основными орудиями труда служили *суматролиты* (крупные подпрямоугольные грубо оббитые орудия – топоры и, возможно, мотыги). Погребения хоабинцев (их отличает трупоположение, иногда с применением охры, погребальный инвентарь в виде орудий из камня) находят редко. Встречаются черепа, захороненные отдельно.

Комплекс культур «раковинных куч» распространяется вдоль береговой линии (иногда на заметном расстоянии от нее в 30 и более км) юга КНР, Индокитайского, Малаккского п-овов и о-вов ЮВА (стоянка Пасо на о-ве Сулавеси; Гуа-Кепахе на Малаккском п-ове). Средний диаметр таких куч составляет 30 м, высота до 4 м, образованы они раковинами моллюсков, составлявшими важнейшую часть рациона питания. Самые ранние «кучи» датируются примерно XIV тысячелетием до н.э., а поздние – ок. VII тысячелетия до н.э. (когда источником белка становится мясо одомашненных свиней). Иногда их относят к Хоабиню, иногда противопоставляют. В этих «кучах» находят порой предметы культур Хоабиня и Бакшона (п-к Дабут во Вьетнаме и др.). Встречаются, хотя и редко, орудия со следами шлифовки, имеются разнообразные по форме скребла и рубила, почти отсутствуют ножевидные пластины.

Большая часть ранненеолитического населения Малаккского п-ова принадлежала к австрало-негроидной расе, другая, меньшая, часть – к группе южных монголоидов-аустроазиатов (мон-кхмерам) и, видимо, в меньшей – к аустронезийцам. Памятники Хоабиня были обнаружены на Малаккском п-ове и Суматре, но здесь эта культура продолжается до VI–V тысячелетий до н.э. На памятниках Малаккского п-ова из орудий труда преобладают суматролиты, но также встречаются оббитые мелкими сколами и хорошо ретушированные орудия, а также шлифованные.

Орудия островной части ЮВА к востоку от Суматры, прежде всего на о-вах Сулавеси, Палаван (Филиппины), значительно отличаются от орудий Хоабиня, представляя собой иной культурный комплекс. На юго-западе Сулавеси выделяют *тоалскую* индустрию. Ее отличают отщепы с грубой ретушью, зазубренные треугольные наконечники с выемкой в основании. Такая же техника получила распространение на территории Австралии.

На Тайване (памятник Чжанбин) и о-ве Палаван (Филиппины) орудия относятся к *табонской* индустрии.

Их объединяет преобладание редких в остальной ЮВА сравнительно тщательно обработанных ретушью отщепов.

Культурная общность Бакшон. Большое число памятников этого времени по-прежнему локализовано в предгорьях и в долинах небольших рек. Они характеризуются переходом к «керамическому неолиту» (хотя уже в поздних слоях ряда хоабинских памятников присутствуют керамика и шлифованные орудия). Зафиксировано раннее земледелие, разведение бобовых и бахчевых культур, а также рисоводство.

На Индокитайском п-ове не позднее VII тысячелетия до н.э. массовыми становятся подшлифованные изделия, которые отличают крупные орудия Бакшона от суматролитов Хоабиня (плечиковые и трапецевидные топоры, тесла). Самые ранние керамические сосуды (Пещера Духов) обнаружены в слое 6800–5700 гг. до н.э. Началом IV тысячелетия датируется памятник *Лангсепан* (Камбоджа), где керамические сосуды изготовлены ручным способом: это горшки с шаровидным туловом, чаши с круглым или плоским дном, покрытые шнуровым орнаментом и оттисками плетенки. Известны многоцветные пещерные росписи (пещера Духов) с изображениями людей и копытных животных.

На островах ЮВА и на Тайване к V тысячелетию до н.э. относятся памятники *Фэньбитоу* и *Данэнкэн* (Тайвань), для которых характерна керамика со шнуровым орнаментом. Найденная на Малаккском п-ове ранняя керамика, как и везде в то время, изготовлена вручную. Это сосуды с простым венчиком, покрытые шнуровым орнаментом (Гуа-Кечил в Малайзии). В VI–IV тысячелетиях до н.э. появляются уже полностью шлифованные тесла (пещера Ниах на Калимантане), наряду с которыми известны квадратные оббитые топоры с подшлифованными лезвиями, обработанные с одной стороны орудия из галек и массивные каменные скребки. Погребальный обряд, как правило, представлял собой труположение на спине, встречаются случаи кремации и погребения обожженных тел. На Малаккском п-ове (Гол-Баит и Гуа-Кербау) погребения сильно или слабо скорченные. На Сулавеси (Тоала) обнаружен памятник изобразительного искусства – отпечаток кисти руки, обведенный красной краской.

Общество аустронезийцев по данным глоттохронологии. Недостаточная археологическая изученность островной части ЮВА отчасти может быть компенсирована результатами реконструкции и анализа лексики древних языков, проведенного методами *глоттохронологии*. В этом отношении наиболее изучены в наше время аустронезийские языки. По аустроазиатским языкам подробные исследования еще не проводились, однако их носители лучше изучены археологически.

В ранней этнической истории аустронезийцев можно выделить три периода. Из сопоставительного анализа их языков удалось установить, что распад аустронезийского праязыка начинается в конце раннего – начале среднего неолита (ок. V тысячелетия до н.э.), притом в древнеаустронезийском языке находят значительные следы взаимных заимствований с сино-тибетским, что подтверждает контакты их носителей.

Предполагается, что протоаустронезийцы уже жили на Тайване (где и сейчас они составляют коренное население) в середине V – середине IV тысячелетия до н.э. (период протоаустронезийского языка). Обособление тагальского языка жителей филиппинского о-ва Лусон относится уже к IV–III тысячелетиям до н.э. (период западноаустронезийского языка). Отсюда началось заселение островной части ЮВА и Океании: ранее предполагалось, что это заселение осуществлялось волной переселенцев на Японские острова, ныне высказываются мнения, что все же аустроазиатами. Не позднее III тысячелетия до н.э. аустронезийцы появляются на востоке и юго-востоке Индокитая. И наконец, во II – начале I тысячелетия до н.э. они расселились внутри островной части ЮВА и на Мадагаскаре (период западноиндонезийского языка).

Судя по лексике, уже в V–IV тысячелетиях до н.э. носители западноаустронезийских языков были и оседлыми земледельцами, и мореходами. Они разводили рис на заливных полях, которые разрыхляли палками, и специально выращивали рассаду; знали также и суходольное земледелие, возделывали рис, таро, ямс, употребляли в пищу банан, хлебное дерево, сахарный тростник, плоды кокосовой пальмы, добывали из пальмы саго, а также были знакомы с какой-то разновидностью проса. Кроме того, тамошние племена разводили буйволов, свиней, собак и кур, занимались также охотой и рыболовством, знали лук и стрелы, использовали сети. Они были хорошо знакомы с плотницким и гончарным делом, с ткачеством. В их обществе была распространена вера в духов, существовало представление о душе и миф о священном браке Неба и Земли. Жители устраивали празднества с игрой на музыкальных инструментах. Сельские общины имели четко очерченные территории, полноправные члены общин собирались на сход, а поскольку этот период был сопряжен с морскими плаваниями, то экипаж морского судна являлся эквивалентом понятия «община». Уже выделялись руководители надобщинных коллективов, которые совмещали светскую и духовную власть. Можно говорить о разделении населения на половозрастные группы: юношей-воинов, зрелых мужчин и стариков. Существовали брачные группы (фратрии). Имелись уже и зависимые люди – пленники, оставляемые в живых.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА

(вторая половина IV – первая половина III тысячелетия до н.э.)

К началу позднего неолита повсюду в северной части исторического ареала ЮВА, как и во всей остальной территории, может быть выделен ряд этнокультурных «маркеров» (предметов, характерных для отдельных народов). К их числу относятся плечиковый топор у аустроазиатов, трапецевидный в сечении топор у аустронезийцев, трапецевидный в плане для *хмонгов* и др. Для неолита аустронезийцев также характерны специфические изделия из камня – диски с несколькими фигурными выступами (*у чамов*). Такие диски встречаются на востоке Индокитая, на Тайване и далее к северу вплоть до Шаньдуна. Другим этнокультурным признаком аустронезийцев принято считать колотушки для изготовления тапы – материи из спрессованного луба деревьев семейства тутовых (шелковицы, хлебного дерева, фикусов и т.п.), которые были распространены до начала ткачества.

В позднем неолите разрушается связь аустроазиатов севера исторической ЮВА и собственно ЮВА. Именно тогда аустроазиаты (вьеты) Нижней Янцзы и хмонги Средней Янцзы начинают интенсивно социально развиваться, что приводит к возникновению у них государств. Аустро-незийцы же, оказавшиеся разделенными морским пространством, начинают отставать в своем социальном развитии (что не относится к населению на Шаньдунском п-ове). В зоне их расселения не имелось долин больших рек, поэтому у них не могло сложиться крупных районов с плотным населением.

Бассейн Жемчужной реки (Гуандун) и Индокитайский полуостров. Большая часть Индокитайского п-ова была заселена аустроазиатами – на юге жили моны, в центральной части кхмеры, на северо-востоке вьеты, только на юго-востоке обитали аустронезийцы-чамы.

В предгорьях на севере Таиланда в бассейне Среднего Меконга расположен многослойный памятник *Нон нок тха*. Его ранний слой относится к среднему неолиту. Для него характерны орудия труда: тонкие прямоугольные в сечении тесла без плечиков и уступов, горшки круглодонные со шнуровым орнаментом на плечиках, погребения – вытянутые на спине. В погребениях обнаружены кости одомашненных животных: собаки, свиньи, быков-зебу. К этому же периоду относится ранний слой памятника *Банчанг* (ок. с 2000 г. до н.э.), расположенного на Среднем Меконге. Керамика в нем лощеная, со шнуровым и прорезным орнаментами.

На северо-востоке полуострова в долине нижнего течения Красной реки выделяют культуру *Лунгхоа*. Керамика здесь уже изготавливалась на гончарном круге: чаши круглодонные с венчиком, на низких полых поддонах; горшки круглодонные; как и на многих памятниках бассейна Янцзы и Юго-Восточной Азии, присутствует специфический ритуальный сосуд-«рюмка». Встречается много каменных орудий: шлифованные прямоугольные тесла; трапециевидные, плечиковые, «башмаковидные» топоры, подтреугольные мотыги, резак, черешковые наконечники стрел и копий. Уже появилось боевое оружие – «клевец». Есть кольцевидные и квадратные с прорезью серьги, бусы, подвески. Взрослых погребали в ямах разной глубины, труположения вытянутые на спине, головой на северо-запад; детские погребения – в двух составленных устьями керамических горшках. Следов имущественного расслоения нет.

Островная часть ЮВА. По данным лингвистики в позднем неолите и энеолите в зоне с преобладанием западноаустронезийского языка во второй половине IV–III тысячелетии до н.э. общество региона продолжало развиваться. Появляются сложные культурные понятия: «наследование», «традиция» и т.п. Совершенствуются навыки орошаемого земледелия, система ирригации (появляются понятия «дамба» и «канал» для орошения); видно, что уголья распространялись на ранее необрабатываемые земли; появилось обозначение специального ножа для сбора риса, а также разных ремесел. Усложняется конструкция морских судов: у них появился киль, был усовершенствован балансир. Продолжающиеся раскопки позволили подтвердить сведения лингвистов об использовании металла ранее, нежели представлялось прежде. В этот период входят в употребление драгоценные металлы (золото, серебро), распространяются украшения (в частности кольца). Происходило ста-

новление круга понятий, связанных с торговлей: появляются слова «покупать», «платить», «оплата», «торговаться», «заклад», «долг», «взыскание долга». Если ранее было известно оружие для охоты (копье), то теперь появляется боевое оружие – кинжал.

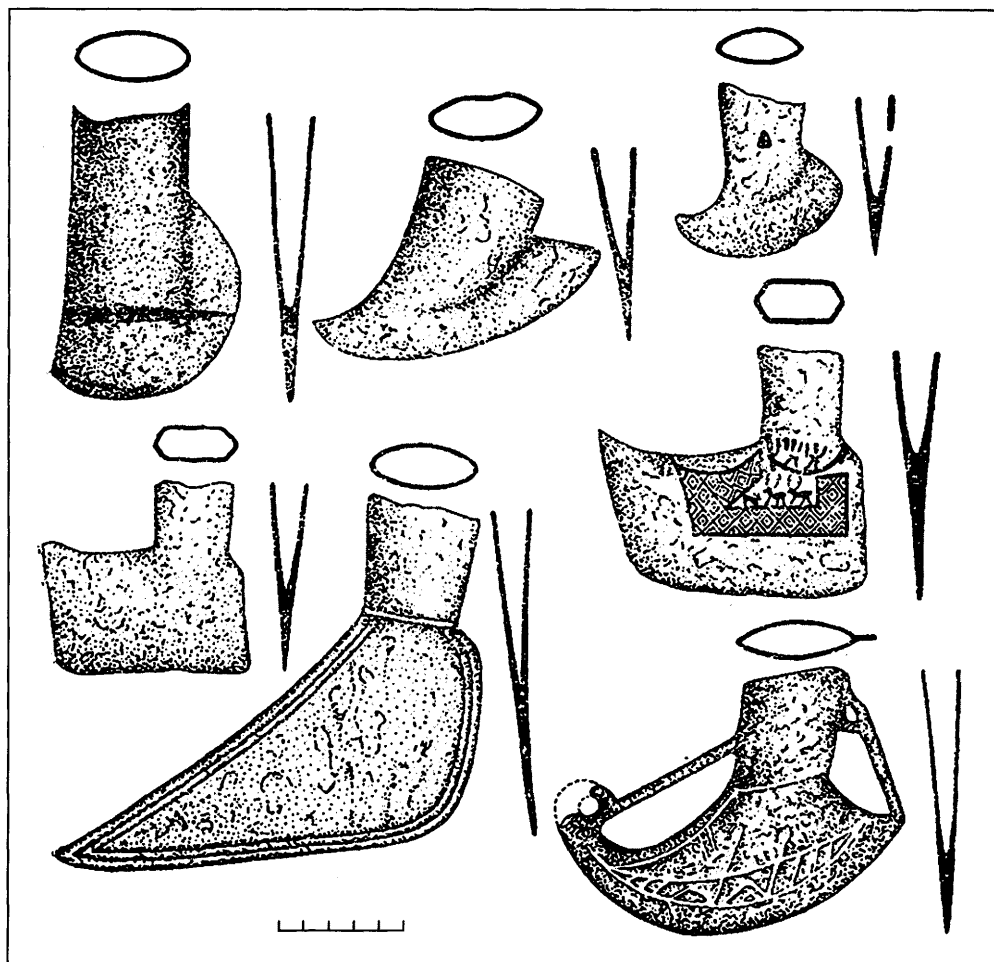
ЭНЕОЛИТ И РАННЯЯ БРОНЗА ДОЛИННЫХ ОБЩЕСТВ (вторая половина III – II тысячелетие до н.э.)

Датировка начала века металла в ЮВА является сложной научной проблемой. Предполагается, что ранее всего, в первой половине III тысячелетия до н.э., самостоятельный переход к использованию бронзы произошел в центральной части Индокитайского п-ова, где жили аустроазиатские народы мон-кхмерской языковой семьи. В это время они спустились из предгорий в долины крупных рек. Открыв технологию обработки меди, а затем способы изготовления бронзы, они уже во второй половине III тысячелетия до н.э. занялись массовым производством орудий труда из этих металлов. Поскольку олово и медь в этом регионе повсеместно залегают в большом количестве и доступны (во многих районах имеются выходы руды на поверхность), из металла делали не только оружие и украшения, но и орудия труда – топоры, мотыги, лемехи плуга (которые в Средиземноморье изготавливали только в железном веке и лишь в отдельных районах). Найдено много брошенных владельцами (сработанных или сломанных и не перелитых в новые) хозяйственных орудий, прежде всего мотыг и лемехов, а также мастерские литейщиков, шахты рудокопов и т.п.

В конце III – II тысячелетия до н.э. распространялась рисоводческая «цивилизация *кельтов*» (см. далее), которая охватила область за пределами исходной, где проживали предки собственно мон-кхмерских народов. Возник ряд аустроазиатских культур эпохи металла в северной части Вьетнама, в бассейнах рек Сицзяна и Янцзы; на севере кельт достиг Средней Хуанхэ, а на юге, заняв весь Индокитай, определенное влияние эта «цивилизация» оказала на аустронезийское население Малаккского п-ова, Индонезийского и Филиппинского архипелагов. Переход к бронзе в ЮВА был связан с долинами крупных рек и освоением их дельт, происходил неравномерно и в течение длительного времени. На большей части ЮВА, особенно в предгорных и горных районах Индокитая и в островной части, период позднего неолита растянулся вплоть до первой половины I тысячелетия до н.э. и дольше.

Индокитайский полуостров и бассейн Жемчужной реки. В настоящее время надежная реконструкция смены археологических культур на Индокитайском п-ове возможна пока лишь для северной части Вьетнама, благодаря раскопкам французских, а позднее и вьетнамских археологов. Поэтому, ведя речь об остальном Индокитае, мы будем говорить именно о памятниках или их группах, а не об археологических культурах.

Так, в центральном Таиланде, в долине среднего течения Тяо Прайи (в районе совр. г. Лопбури) хорошо изучена группа памятников в долине *Као Вонг Прачан*. Здесь находился один из крупнейших центров металлургического производства в Индокитае, близкий по времени к Нон Нок Тха и Банчангу. Прежде всего это памятник *Нон Па Вай*, площадью 5 га, на котором выделено несколько слоев, объединенных в два периода. Первый, по версии

Втульчатые топоры-кельты позднего («башмаковидного») типа.
Бронза. II тысячелетие до н.э.

археологов (С. Натапинта), приходится на 2500 г., а по версии «гиперскептиков» – на 1500–1000 гг. до н.э. Само поселение представляет собой «металлоплавильную мастерскую» эпохи энеолита. Для этого периода характерно использование чистой меди, производство которой отличалось простотой: руда размельчалась на небольшие кусочки, которые засыпались в керамические тигли, где осуществлялся процесс выплавки. Особо интересны четыре погребения древних металлургов: в одном обнаружены две керамические литейные формы для отливки втульчатого топора-кельта, во втором – такие же формы и медный рыболовный крючок, в третьем – медный втульчатый топор-кельт, в четвертом – кусочек меди, связка раковин и точильный камень. Находки доказывают местное изобретение технологии металлообработки меди (изготовление бронзы еще не было известно).

В Индокитае во второй половине III тысячелетия до н.э. был создан втульчатый топор-мотыга – «кельт». На его базе изготавливались топоры и мотыги,

без применения которых интенсивное земледелие в долинах тропических лесов невозможно. Кельт неизвестен в Западной и Южной Азии до второй половины II тысячелетия до н.э., где применялись только металлургические проушны топоры, на востоке распространявшиеся до Тибета и Цинхая (т.е. до долины Верхней Хуанхэ). Такие типы топоров распространились по Евразийской степи до ее восточного края, но многие века не проникали в «мир кельта» в бассейне Средней и Нижней Хуанхэ, на Шаньдуне и в «прото-ЮВА». И наоборот, «мир кельта» тысячелетиями соответствовал ареалу распространения австралонезских народов и их соседей сино-тибетцев – хуася. Топоры-кельты же из Индокитая дошли сначала до Нижней Янцзы, затем на север, на Хуанхэ, а оттуда, спустя тысячу лет после их изобретения, двинулись на Алтай, в Южную Сибирь, на Среднюю Волгу и позднее всего – в Восточную Европу, достигнув уже в железном веке Северной Европы.

Второй технологический период начинается в Индокитае ок. 1000 г. до н.э. с появлением бронзы. Рудокопы хорошо знали особенности руд и стремились использовать наиболее подходящие. Совершенствуется сам горн, температура плавления в котором доводится до 1250° – температуры получения сплава на основе меди. Металл разливался по формам или отливался в отдельные слитки конической формы. Нон Па Вай был крупным центром производства: на памятнике обнаружено огромное число (ок. 50 тыс.) обломков литейных керамических форм для слитков, которые, несомненно, развозились отсюда по другим областям ЮВА.

По-соседству с рассмотренным памятником, в 500 м, расположен *Нон Мак Ла* (крупное поселение и могильник) – вероятно, здесь жили люди, которые работали на производстве в Нон Па Вай (найлены такие же слитки). Они обменивались с жителями побережья (раковины тридакны и др.). Еще один памятник, *Нил Кхам Хаенг*, расположен в трех км от Нон Па Вай. Производство бронзовых изделий там развивалось с 1100 по 300 г. до н.э., т.е. и в железном веке. Более низкое качество руды потребовало усовершенствования очистки от фракций и литья. Здесь обнаружено много втульчатых плечиковых кельтов-мотыг разной формы. Таким предстает «сообщество металлургов», которые встречаются на ряде иных памятников бронзового века (в частности на Южном Урале).

Земледельческие памятники этого периода отличаются по ряду важных признаков. Крупный могильник *Бан Фу Ной* расположен на севере долины Кхао Вонг Прачам, для него характерно плотное размещение погребений, ориентированных на северо-восток. Могилы отличаются большими размерами с богатым инвентарем: десятками керамических сосудов, каменными теслами, панцирями черепах, браслетами из слоновой кости, бусами из оленьих рогов, рыболовными крючками из кости. В ногах, как правило, уложены передние конечности свиньи. Металл не обнаружен.

На Среднем Меконге к началу 2000-х годов до н.э. было открыто 49 памятников бронзового века. На самом севере плато Корат (долина Лам Маленг), напротив совр. г. Вьентьяна (Лаос), обнаружен памятник *Фу Лон* – комплекс медных рудников с выявленными шахтами. Наиболее активная разработка медной руды велась по данным радиоуглеродного анализа в 1750–1425 гг. до н.э., но продолжалась и позже. Рудокопы работали каменными молотками для дробления руды. Найдены горны той же формы

и предназначенные для тех же технологических операций, что и на более южных памятниках (Банчанг, Бан На Ди), а также каменные формы для отливки изделий из металла. На могильнике погребения расположены плотно, не «наезжая» друг на друга, а это говорит о том, что обряд был един и длительное время люди помнили места захоронения. Погребения – одиночные, на спине; с ориентацией на север. В качестве сопроводительного инвентаря часто помещались орудия труда, особенностью ритуала является укладка сосудов в головах.

Хорошо изучено также скопление памятников в верховьях р. Си, северного притока р. Мун (притока Меконга). В 120 км к югу от медных рудников памятника Фу Лон расположен знаменитый многослойный крупный памятник – поселение с могильником *Нон Нок Тха*. Раскопки Ч. Гормана 1965 г. привлекли к могильнику большое внимание: найденные здесь изделия из бронзы длительное время считались самыми ранними в Индокитае. Из бронзы изготавливали втульчатые топоры-кельты, браслеты, втульчатые алебарды, а также формы для отливки топоров-кельтов и браслеты.

Важнейшим памятником в верховьях западных притоков Меконга является могильник *Банчанг*. Самый ранний предмет из бронзы на нем датируется (по радиоуглеродным измерениям) 1950–1600 гг. до н.э. Здесь также обнаружены литейные формы; медные и оловянные болванки, готовые для начала производства изделий, топоры-кельты, втульчатые наконечники копий, бронзовые браслеты. Но отмечается, что в погребениях бронзовых изделий сравнительно мало. Есть расписная керамика (красная роспись по темно-желтому фону). Погребения ориентированы на север или северо-восток, причем семейные группы подзахоранивали друг к другу. Керамический комплекс представлен парадными богато расписанными чашами на высоком поддоне, триподами на конусовидных полых ножках. Имеются своеобразные горшки с увеличенным и заметно вытянутым конусовидным горлом. Многие из них лощенные, со штампованным орнаментом. Погребения в грунтовых ямах в вытянутом положении. Для ритуала характерно наличие трех сосудов в погребении.

Низовья Красной реки. В бассейне реки Красной (на выходе в большую долину) и в прилегающем районе основную роль в первой половине II тысячелетия до н.э. играли памятники культуры *Фунгнгуен*, а во второй половине тысячелетия – культуры *Донгдау*; в конце II тысячелетия до н.э. их сменила культура *Мун (Го Мун)*. Здесь в основе хозяйства лежало интенсивное равнинное орошаемое рисоводство (в предгорьях – суходольное), а также свиноводство, рыболовство, охота, сохраняется собирательство.

Культура *Фунгнгуен* относится уже к раннесреднему бронзовому веку (первая половина II тысячелетия до н.э.). Поселения расположены на равнине, порой с длительным периодом проживания (культурный слой до 8–9 м). Керамика отличается высоким качеством, изготовлена на гончарном круге. Ведущая кухонная форма – круглодонный горшок с отогнутым венчиком; столовые формы – чаши на поддоне или сосуды в форме опрокинутого усеченного конуса, тоже на поддоне. Орнаменты прорезные и штампованные, первые часто криволинейные, обычно имеющие основой двойную спираль. Много находят специфических ритуальных сосудов на скошенной ножке («рюмок»). Встречаются погребения в прямоугольных ямах, в вытянутом

положении, с инвентарем из шлифованных прямоугольных и плечиковых топоров, тесел, каменных сменных лезвий мотыг, наконечников дротиков и стрел. Популярны каменные браслеты. Металла почти не имеется.

Культура *Донгдау* сформировалась на основе культуры Фунгнгуен. Керамический комплекс их схож, но найдено уже гораздо больше изделий из бронзы: втульчатые мотыги и топоры, наконечники копий, стрел, рыболовные крючки, бронзовые плоские щетки даже с бронзовой же «щетинной». Культура *Мун* (конец II – начало I тысячелетия до н.э.) родственна *Донгдау* – это явный предшественник *Донгшона*. Для нее характерны круглодонные сфероконические горшки, чаши на высоких поддонах и миски. В орнаментах сохраняется мотив двойной спирали, но теперь резко преобладают геометрические прямолинейные формы, причем широко применялся штамп. Бронзовые орудия представлены всеми основными категориями крестьянских орудий: мотыгами, топорами (в том числе с асимметричным лезвием), долотами, теслами и шильями; также обнаружены наконечники копий, дротиков и стрел.

Впервые в мире среди втульчатых орудий появляется *проушное* оружие – клевец; возможно, применение проушин – следствие контактов с севером, так как сами каменные клевцы здесь известны уже с неолита. Есть сакральная бронзовая скульптурка, изображающая обнаженного человека с шиньоном (черта вьетских народов) и длинными мочками ушей. Похожие изображения сохраняются в *Донгшоне*, встречаются они и севернее, в верховьях рек *Сицзян* и *Сян*, где несколько позднее жили *байюэ* (*батьвьеты*). Продолжают использоваться каменные орудия: прямоугольные топоры, изредка плечиковые. Из украшений обнаружены кольца, браслеты, ушные подвески в виде несомкнутых колец, широко распространенные на северо-востоке *про-то-ЮВА* и в *Нусантаре* (а позднее и на юге *Индокитая*).

В предгорных районах *Индокитая* открытие и распространение бронзы происходит позднее, здесь долго сохраняется поздний неолит. Эти памятники часто относят к культурной общности *Банкао* (2300–1500 гг. до н.э.). Для них характерно земледелие как основной вид хозяйственной деятельности, а собирательство, рыбная ловля и охота – как ее подсобные виды. В монских землях на Нижнем Менаме раскопано очень крупное земледельческое (ок. 5 га) поселение *Кхок Пханом Ди* (2000–1500 гг. до н.э.). Определенное значение сохраняло рыболовство и собирательство. Керамика здесь более простых форм, чем севернее, но лощенная; преобладают плечиковые топоры небольших размеров (вкладыши) и таких же размеров денальные топоры. Обнаружен крупный могильник с одиночными погребениями в узких грунтовых ямах, трупоположение в них вытянутое на спине, с ориентацией на восток, реже на север.

На островах Юго-Восточной Азии еще продолжался неолит, бронзовый век наступает позже, хотя находки (в основном кельты) второй половины I тысячелетия до н.э. являются многочисленными и сложными. Здесь выращивали рис, таро и ямс, сахарный тростник и различные виды овощей и фруктов, разводили свиней и буйволов, одомашнили собаку. Население жило в прямоугольных домах на сваях, жилища и лодки украшали резьбой. Применялись каменные жатвенные ножи, а во время охоты пользовались стрелометательной трубкой. Бытовали триподы и чаши на поддоне со шну-

ровым, штампованным и нарезным орнаментом, кольца и диски из камня и раковин. Керамика изготавливалась на медленно вращающемся гончарном круге; было известно и ткачество.

Для Явы характерно наличие гладкостенной керамики со шнуровым орнаментом. На Малаккском п-ове были обнаружены красноглиняные чаши на высокой округлой ножке, круглодонные и плоскодонные сосуды. Орнамент шнуровой, реже – криволинейный резной узор, как на сосудах Индокитайского п-ова; триподы редки. Каменные орудия близки к индокитайским, но дольше, чем там, сохраняются крупные рубящие орудия типа суматролитов. Орудия в ряде мест оббиты мелкими сколами наряду со шлифованными; преобладают полированные топоры, тесла. Также найдены костяные наконечники стрел и браслеты из нефрита – подобные встречающимся в долинах рек Сицзян и Красной. Специфическим видом погребений являются в кувшинах, открытые на островах Сулавеси и Сумба, что роднит их с чамскими на востоке Индокитая и является одним из этнокультурных признаков аустронезийских народов.

Лингвистические данные позволяют утверждать, что у аустронезийцев во II – первой половине I тысячелетия до н.э. совершенствовались и усложнялись земледелие, а также системы ирригации. Появляются новые типы дамб, водостоки и т.п. Активно возделываются новые культуры – бобы, тыква. Появляется лексика, которая свидетельствует о знакомстве с обработкой металлов: «металл», «олово», «ковать», «провода». Строятся крупные суда, ряд мореходных терминов (*катамаран* и др.) был заимствован из дравидийских языков, с носителями которых поддерживались основные торговые контакты. Формируются понятия «иноземный торговец», «оптовая торговля», «пользующийся спросом», «требовать уплаты долга», «заклад» и другие. Развивается военное дело, возникают устойчивые понятия «война», «военный поход», «укрепление». У воинов имелись знаки отличия или принадлежности к подразделениям, оружие ближнего боя (мечи, панцири). Все это характерно для отдельных групп аустронезийцев, напомним, что по данным той же археологии, на больших территориях в это время еще господствовал неолит.

НАЧАЛО ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЮВА

(вторая половина III – первая половина I тысячелетия до н.э.)

В данный период начался процесс государствообразования на Нижней Янцзы. Возникли царство *вьетов* (кит. юэ), царство *Мо* и др. Позднее в том же регионе зафиксировано существование ряда более крупных государственных образований у носителей культур *Мацяо*, *Учэн* и других, на основе которых к концу II тысячелетия до н.э. сложились крупные царства *У* и *Юэ*. В V в. до н.э. именно два последних станут на несколько десятилетий гегемонами всей Восточной Азии. На север от этих вьетских земель (в различных частях Шаньдуна и на Нижней Хуайхэ) также начиная с III тысячелетия до н.э. формировались ранние государственные образования предков *восточных и*. С предками *хмонгов* (т.е. прото-чусцами, жившими в долинах) связывают ряд политических конца III тысячелетия до н.э. в долине Средней Янцзы, сложившихся в среде носителей культуры *Шицзяхэ* (ок. 2600–2000 гг. до н.э.). Для них также характерен набор сакральных изделий из нефрита (более скромный, чем на Нижней Янцзы).

На Средней Янцзы еще в середине III тысячелетия до н.э. на памятнике культуры Шицзяхэ впервые встречаются нанесенные на пряслица изображения двух «капель» черного и белого цветов – ранние формы сакрального символа будущей даосской схемы движения «инь-ян». Судя по этим находкам, именно здесь начал формироваться комплекс сложных верований, позднее получивших название «даосизм». В I тысячелетии до н.э. на его основе в царстве Чу и соседних территориях возникнет крупное направление общественной мысли с таким названием.

Неясна пока этнолингвистическая принадлежность раннего государства в Сычуаньской котловине на Верхней Янцзы, существование которого зафиксировано археологически с конца II тысячелетия до н.э. (культура *Саньсиндуй*). Скорее тибето-бирманским по языку можно считать население более поздних государств I тысячелетия до н.э. *Ба* и *Шу*.

В первой половине I тысячелетия до н.э. государственность аустрических народов в северной части исторического региона Юго-Восточной Азии развивались динамично, в условиях культурного взаимообмена и политического взаимодействия с государственностью хуася, формировавшейся на Средней Хуанхэ и Великой равнине. На Средней Янцзы уже в конце II тысячелетия до н.э. появился ряд государственных образований хмонгов, которые со временем вошли в состав Чу, сильнейшего из их царств. В 1027 г. до н.э. правитель царства Чу, поддерживая правителя царства Чжоу, участвовал в разгроме государства Шан, а позднее чусцы нанесли сокрушительное поражение войску западночжоуского монарха Чжао-вана.

МАЛАЯ АЗИЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: РАННИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ХЕТТЫ И ИХ СОВРЕМЕННИКИ НА ДРЕВНЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Хеттское царство (KUR.URU Hatti) было одной из великих держав эпохи поздней бронзы, а в XIV в. до н.э. успешно соперничало с двумя своими наиболее могущественными современниками – хурритским царством Митанни и Египтом. Из столицы Хаттусы в Центральной Анатолии цари страны Хатти контролировали целую сеть вассальных царств, которая в период максимального политического и военного могущества хеттского государства (XIV–XIII вв. до н.э.) охватывала огромную территорию от Эгейского побережья Малой Азии на западе через Северную Сирию до Дамаска на юге и до западной оконечности Месопотамии на востоке.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ АНАТОЛИИ

К середине III тысячелетия до н.э. (ранняя бронза II) в различных частях Анатолии уже существовали местные культурные центры: Троя и Полиохни на северо-западе, Бейджесулан на юго-западе, Тарсус на Киликийской равнине на юго-востоке Малой Азии. В Центральной Анатолии также обнаружен ряд процветавших поселений – от южной излучины Кызыл Ирмака (антич. Галис) на север к южному побережью Черного моря. Самое выдающееся из них – Аладжа Гююк (в 180 км к северо-востоку от Анкары, где найдено 13 царских гробниц 2300–2100 гг. до н.э.), предположительно отождествляется с Аринной – хеттским городом богини Солнца. Этот город, достигший своего расцвета в период ранней бронзы II, просуществовал до конца эпохи поздней бронзы. Другие важные поселения этого времени: Хаттус (впоследствии – Хаттуса, столица Хеттского царства), Анкува (совр. Алишар, в 80 км к юго-востоку от Хаттусы), Цальпа в Понтийской области и Канеш в долине Кайсери.

Этноязыковая ситуация в Анатолии эпохи ранней и средней бронзы. Со времени аккадской империи Саргона в Междуречье область центральноанатолийских городов была известна как страна Хатти. Ее жители – хатты (по языку родственные северо-западнокавказским народам) – населяли Центральную часть Малой Азии уже в раннебронзовый период. От них сохранились тексты на языке ḫattili («по-хаттски») из богазкейского архива, в основном таблички культового характера, изучение и интерпретация которых продолжаются и в настоящее время.

Что касается хеттов – народа, говорившего на одном из самых древних индоевропейских языков, то их распространение вместе с другими близко-

родственными группами (лувийцами, палайцами) в Анатолии происходило на протяжении последних веков III тысячелетия до н.э. в виде последовательных миграций. Оседая на территориях, занятых хаттами, хетты заимствовали у них часть пантеона, ряд обычаев, некоторую лексику и вообще называли себя «людьми страны Хатти», хотя иные исследователи (в частности К. Мелчерт) считают, что влияние хаттской культуры и институтов на хеттскую государственность несколько преувеличено.

Ассирийские торговые колонии в Центральной Анатолии. История Древней Анатолии реально начинается в первые века II тысячелетия до н.э. (в археологической терминологии – во время средней бронзы), когда в Малой Азии получает распространение искусство письма.

В начале II тысячелетия до н.э. ассирийцы, устанавливая интенсивные торговые отношения с Центральной Анатолией, создают там сеть поселений (*kārum*), административным центром которых был *карум* Канеш (упоминаемый уже в одном тексте из Эблы XXIV в. до н.э.). На этом месте найдено более 20 тыс. клинописных ассирийских табличек, которые не только раскрывают общие механизмы торговли и образ жизни купцов, но и, судя по ряду имен, свидетельствуют о раннем присутствии индоевропейского населения среди этнических групп этого региона. В связи с этим интересно отметить, что сам Канеш состоял из двух частей: местного анатолийского поселения с дворцом правителя (это 20-метровый холм диаметром 500 м, возвышающийся над долиной Кайсери) и ассирийской колонии со смешанным населением (в состав которого входили ассирийцы, хатты, хурриты и хетто-лувийцы) у подножья холма. Угасание деятельности ассирийских торговых колоний в Анатолии относится к концу XVIII в. до н.э. и связано с общим политическим и военным ослаблением Ассирии.

Начало хеттского периода анатолийской истории. В начале II тысячелетия до н.э. Анатолия состояла из ряда независимых городов-государств, самые значительные из которых (в частности Цальпа на севере и Хаттуса в центре полуострова) в ассирийских текстах обозначались детерминативом *mâtum* («страна»=шумер. KUR(.URU)).

События середины XVIII в. до н.э. описаны в самом раннем тексте на хеттском языке, составленном, вероятно, спустя несколько столетий, но содержащем древнехеттские языковые формы, – так называемой «Надписи Анитты». Победив своих врагов, царей Хатти и Цальпы, Анитта, правитель Куссара и впоследствии Несы (городов с преобладавшим индоевропейским населением), установил господство над большой территорией Северной Анатолии. Во время его завоевания страны Хатти город Хаттуса был полностью разрушен и проклят Аниттой, который запретил его реконструкцию. Благодаря своей завоевательной и объединительной деятельности Анитта может рассматриваться как предшественник древнехеттской государственности.

Периодизация хеттской истории. Традиционно история Хеттского царства делится на два периода: *древнехеттский* и *новохеттский*. За этим делением стоят как материально наблюдаемое смещение сферы интересов и разнонаправленные влияния от древнего хаттского (северно- и центральноанатолийского) к хурритскому (юго-восточному) ареалу, так и очевидные языковые различия письменных источников, легко определяемые соответственно как древне- или новохеттские. Выделение среднехеттского периода, на котором настаивают некоторые исследователи, оправдано в большей сте-

пени по языковым критериям; для его исторической идентификации документальной базы явно недостаточно.

В отличие от истории других стран, где разграничение исторических периодов (например, Древнего, Среднего и Нового царств в Египте) нередко связано с исчезновением одной династической линии и появлением другой, в хеттской истории выделение фаз не столь очевидно. На протяжении существования Хеттского царства оно все время находилось под властью царей–выходцев из одной небольшой группы тесно связанных между собой семейств; несмотря на дворцовые перевороты и неоднократные захваты трона те, кто воцарялся, обычно состояли в кровном родстве или были породнены через брак с предшествующим монархом. Поэтому даже новохеттские цари возводили свою родословную к самым ранним хеттским правителям.

Этнический состав населения Хеттского царства в историческое время. Неоднородность этнического состава была с древнейших времен присуща даже хеттской правящей элите. В результате брачных союзов, усыновлений и дворцовых переворотов в самых высших слоях хеттского общества обнаруживаются различные этнические элементы – хаттский, хетто-лувийский (индоевропейский), хурритский и др. Но при этом сохранялись и поддерживались старые традиции, одной из которых было использование царским двором в качестве официального средства общения хеттского языка (*nesili* – «по-несийски», от названия древнехетт. центра Несы, отождествляемого с Канешом). Этим же языком пользовались писцы и чиновники разных уровней в столице и областных центрах, как это видно по частным запискам (сопровождавшим официальные отправления), которыми обменивались чиновники из Хаттусы и их коллеги в Тапикке (Машат).

Сходная ситуация была, вероятно, характерна для страны в целом. В отдельных районах Северной Анатолии могли сохраняться реликты хаттского языка. Частью населения были и писцы, говорившие по-аккадски, и жрецы-хурриты, и конечно, тысячи военнопленных, что существенно меняло его этнический состав. Однако несмотря на различный уровень владения хеттским языком (о чем говорят встречающиеся ошибки в текстах), тем, что позволяло населению осознавать свою идентичность, было их самовосприятие в качестве «людей страны Хатти», и это отличало их, в частности, от подданных царя, проживавших на вассальных территориях.

ДРЕВНЕХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

Первый исторически засвидетельствованный хеттский царь Хаттусилис I в середине XVII в. до н.э. сделал столицей хеттского царства Хаттусу (совр. Богазкей) – тот самый город, который менее чем за столетие до этого был разрушен царем Аниттой. В эпоху древнего царства столица состояла из акрополя (совр. Бююккале), который служил резиденцией правителя, и нижнего города, занимавшего северный и северо-западный склоны (примерно 40 га). По всему периметру Хаттуса была окружена крепостной стеной, построенной, согласно традиции, царем Хантилисом в середине–конце XVI в. до н.э. Конструкция этой стены (толщиной в 8 м, с основанием из двух параллельных стен, связанных переходами, на которых из сырого кирпича воз-

Царские ворота. Хаттуса (Малая Азия)

водилась сама крепостная стена), как и жилых домов с крытым внутренним двориком следовала бытовавшим в древней Центральной Анатолии моделям с применением сходной техники исполнения.

Основные хеттские клинописные источники по раннему периоду – это «Анналы» Хаттусилиса I (описывающие шесть лет из его 30-летнего правления), его же «Завещание», а также «Указ» Телипинуса. В большинстве случаев существует параллельная аккадская версия. Хаттусилис I (1650–1620 гг. до н.э.) объединил под своей властью царство, которое занимало значительную часть Центральной и Восточной Анатолии. Во время своих многочисленных военных походов он одержал блестящие победы в Сирии, где разрушил г. Алалах, завоевал ряд городов и перешел Евфрат – последнее до него не удавалось ни одному анатолийскому правителю. В то же время внутренние проблемы расшатывали царство. Его политическая организация отличалась нестабильностью. Хотя правящая династия, к которой принадлежал Хаттусилис I, занимала прочное положение, у царя не имелось механизмов обеспечения лояльности своих подданных, даже членов его семьи. Частые военные кампании и отсутствие царя привели к тому, что в стране начались мятежи, в которых приняли участие и его дети. В итоге Хаттусилис объявил своим наследником малолетнего внука Мурсилиса.

Из «Указа» Телипинуса, который начинается с большого исторического экскурса, известно, что Мурсилис I (1620–1590 гг.) с годами продолжил завоевательную политику своего деда. В союзе с касситами хетты предприняли успешные военные действия в юго-восточном направлении, в результате которых были разрушены Алеппо и Вавилон. Однако военный триумф Мурсилиса не гарантировал ему безопасности в собственном царстве. Че-

рез несколько лет после завоеваний в Месопотамии он пал жертвой заговора, организованного мужем его сестры Хантилисом и придворным по имени Циданта. Период после правления Мурсилиса «Указ» называет временем «кровопролития»: из-за отсутствия четких правил престолонаследования хеттский трон переходил от одного незаконного захватчика к другому, хотя, как уже отмечалось, все они были тем или иным образом связаны с правившей прежде династией.

Конец этому был положен Телипинусом (1525–1500 гг.), «Указ» которого адресован собранию *tuliya*-. Он устанавливал правила наследования престола, которые более или менее последовательно соблюдались на всем протяжении хеттской истории. Согласно этим правилам, наследником первой степени считался сын главной жены царя; если у нее не было сыновей, трон переходил к наследнику второй степени – царскому сыну от *ešertu* (женщины ниже статусом, но свободнорожденной). Если у нее также не имелось сыновей, муж дочери старшей жены получал право на престол, становясь членом семьи своей жены (и, видимо, официально усыновлялся царем-отцом). Ответственность за соблюдение этой схемы возлагалась на собрание *panku*-, наделенное особыми полномочиями.

Институт *panku*-, известный во времена Хаттусилиса I, вновь появляется при Телипинусе. Из источников следует, что термином *panku*- (индоевропейского происхождения, < *bheng'h- – «весь, целый») у хеттов обозначалось собрание с юридическими и религиозными функциями, не имевшее постоянного состава: он менялся в зависимости от ситуации, которую предстояло разрешить, и мог включать самые разные слои населения. В период Древнего царства туда входили высшие сановники (родственники и свойственники царя) и воины (часть свободного населения страны Хатти). В новохеттское время *panku*- обнаруживается только в религиозных текстах, обозначая совокупность всех участников обряда, тогда как *tuliya*- фигурирует в древне-, средне- и новохеттских источниках в значении собрания людей или богов. В царствование Телипинуса с помощью *panku*- оказалось на какое-то время возможным обеспечить безопасность царя и его семьи и сохранить порядок престолонаследия

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Правление Телипинуса открывало новые перспективы в хеттской истории, с точки зрения не только стабилизации обстановки внутри страны, но и роста хеттского влияния за ее пределами. Однако после смерти Телипинуса четко разработанная им система преемственности власти действовала недолго. Муж дочери Телипинуса Аллувамнас, законно вступивший на престол при отсутствии прямого наследника по мужской линии, был вскоре смещен неким Тахурваилисом. Последний, судя по всему, не удержался на троне, и династическая последовательность была восстановлена, когда трон перешел к сыну Аллувамнаса(?) Хантилису II. Этот царь, как и два последующих (Цидантас II и Хуццияс II), продолжил политику своих предшественников. Смена правителей после Хантилиса II носила неясный характер, с

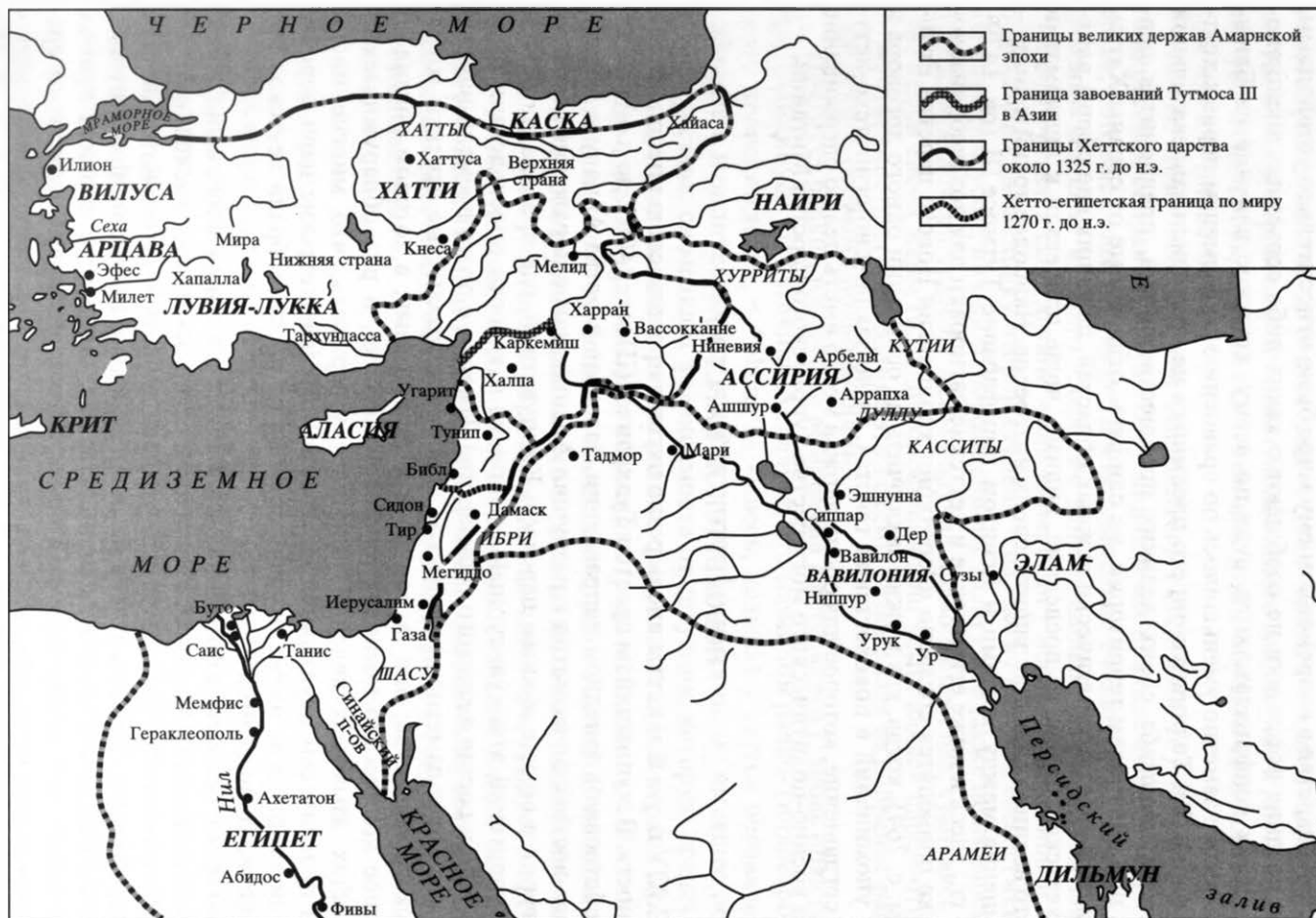
точки зрения их правомочности, вплоть до воцарения Муваталлиса I, который, в свою очередь, был устранен придворными.

В целом в период между Телипинусом и Муваталлисом I положение хеттского царства в современном ему мире было относительно устойчивым. Более поздние источники не сообщают о каких-либо серьезных внешнеполитических конфликтах, хотя, судя по всему, хеттское влияние на Ближнем Востоке заметно уменьшилось по сравнению со временем первых хеттских царей. Ни Телипинус, ни его преемники не проводили завоевательной политики масштаба своих великих предшественников, предпочитая держать под контролем территории, не слишком отдаленные от страны Хатти. Что же касается стратегически важных областей, лежащих вне сферы влияния хеттских царей, то последние, видимо, чаще прибегали к дипломатии вместо военной силы для защиты своих интересов. Наиболее яркий пример – отношения между хеттами и Египтом при фараоне Тутмосе III (ок. 1479–1425 гг.; здесь и ниже египетские и хеттские датировки для позднебронзового века приводятся согласно «короткой» хронологии Нового царства Египта, см. с. 764), когда, как можно заключить на основании одного договора и двух упоминаний в новохеттских текстах, было заключено египетско-хеттское соглашение, которое для обеих держав могло иметь целью сдерживание роста военно-политического могущества хурритского царства Митанни.

НОВОХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

С XIV в. до н.э. хетты вновь резко активизировали свою внешнюю деятельность. Вступивший на престол Тудхалияс I(II) (ок. 1400 г. до н.э.) успешно действовал в западном направлении, завоевав царства Арцаву и Ассуву, на юго-востоке он захватил и разрушил Алеппо, нанес поражение Митанни и вступил в союз с южным царством Киццуватной, где преобладал лувийско-хурритский этнокультурный компонент и которое впоследствии было включено в состав хеттского государства. Именно с этого времени начинается все более заметное хурритское влияние на различные аспекты жизни хеттского общества; оно затронуло и хеттский язык, в котором появилось большое количество южноанатолийской лексики, а ряд обнаруживаемых в текстах языковых явлений позволяет утверждать, что многие писцы были практически двуязычны. Интересно, что новохеттские цари нередко носили хурритские имена, и лишь вступив на престол, брали хеттское или лувийское тронное имя.

Во время правления преемника Тудхалияса и его приемного сына, Арнувандаса I, страна подверглась нападениям северных племен касков, которые вели полукочевой образ жизни. Им удалось добраться до столицы Хаттусы и разграбить ее. Позиция хеттов на западе также значительно пошатнулась: прежние вассалы обрели независимость; так, Арцава установила прямые дипломатические отношения с Египтом; появились новые царства, и среди них – Аххия (будущая Аххиява, имевшая, как полагают, тесные связи с микенской культурой). Сменивший Арнувандаса I его сын Тудхалияс III в новых условиях вынужден был покинуть Хаттусу и обосноваться в Самухе – важном культовом центре, локализуемом в верхнем течении Марассантии

Ближний Восток в третьей четверти II тысячелетия до н.э.

(по другой версии, на Евфрате). Лишь в последние годы своего царствования ему удалось с помощью сына от одной из своих жен Суппилулиумаса начать восстанавливать утраченные территории и влияние.

Суппилулиумас I (1344–1322 гг.) был одной из ярких политических фигур XIV в. до н.э. Сын Тудхалияса III, он начал свое правление с объединения страны Хатти и укрепления ее столицы Хаттусы. Возможно, именно тогда были построены мощные крепостные стены, охватывающие площадь более чем в 120 га. Успешные военные кампании на юго-востоке в сочетании со своевременными дипломатическими ходами (например, браком дочери Суппилулиумаса с правителем Вавилона) и бездействие Египта при фараоне Аменхотепе IV (Эхнатоне, ок. 1352–1336 гг.) позволили Суппилулиумасу создать в Северной Сирии сеть вассальных царств, во главе ряда которых были поставлены его родственники. Ему удалось полностью подчинить царство Митанни, которое стало своеобразной буферной зоной между хеттами и усиливающейся Ассирией. Во время своей последней кампании, когда Суппилулиумас стоял лагерем у Каркемиша, к нему прибыл посланник от египетской царицы (вдовы Тутанхамона или дочери Эхнатона?) с просьбой прислать ей одного из его сыновей в мужья. Хотя инцидент и не имел серьезного продолжения (сын Суппилулиумаса был убит, как только прибыл в Египет), он свидетельствует о росте престижа хеттских царей. Сам Суппилулиумас вскоре после этого умер, как полагают, от чумы, занесенной военнопленными в страну Хатти.

Суппилулиумас по праву считается одним из величайших хеттских царей. Благодаря его военным и дипломатическим успехам Хеттское царство, стоявшее на грани уничтожения, на какой-то период (пока ассирийская угроза еще не была реальной) стало самой значительной державой ближневосточного мира.

Царствование Мурсилиса II (1321–1295 гг. до н.э.) полнее многих других периодов документировано письменными источниками, среди которых – «Анналы» (в том числе и ежегодные, описывающие деяния царя на протяжении 10 лет), литературные произведения (например, «Молитвы во время чумы», авторство которых приписывается самому царю, рассказ об афазии, поразившей Мурсилиса), различные договоры и указы. Будучи младшим сыном Суппилулиумаса, Мурсилис II в юном возрасте занял трон после неожиданной смерти своего брата Арнувандаса II, царствовавшего около года. Несмотря на свою молодость, Мурсилис не только подавил мятежи на вассальных территориях к юго-западу и юго-востоку от страны Хатти, направил на север отряды для усмирения племен касков, но и со временем сумел разрешить серьезные внутренние проблемы, избежав кровопролития. Эти проблемы были связаны со второй женой Суппилулиумаса, вавилонской принцессой Тавананной, которая, имея титул царицы и соответствующие привилегии, вела чрезвычайно расточительный образ жизни, распространяла при дворе «иностранные обычаи» (видимо, имелась в виду вавилонская магия) и даже отравила любимую жену Мурсилиса. Тем не менее после долгих раздумий царь сохранил ей жизнь, не желая создавать очередной прецедент, убивая члена царской семьи, но изгнал ее из дворца.

Итоги царствования Мурсилиса II стали ответом критикам, которые считали его «ребенком», лишенным качеств своего выдающегося отца. Мурсилис

предстает перед нами не только храбрым воином и дальновидным политическим деятелем, но и человеком, наделенным обостренным чувством вины. «Грехи отца», о которых он говорит в «Молитве во время чумы» и которые старался искупить любой ценой, тяжким грузом легли на его плечи; чума продолжала свирепствовать в стране Хатти, унося жизни его подданных, и единственной причиной этого он считал гнев богов. Ощущая свою ответственность, Мурсилис старался поступать в согласии со своей совестью и с тем, что он считал божественной волей. Своему преемнику Муватталлису II (1295–1272 гг. до н.э.) он передал стабильное государство, надежно окруженное зависимыми областями.

Начало правления Муватталлиса II совпало с активизацией военной деятельности Египта при фараонах XIX династии, которые начали восстанавливать систему колониальной администрации в Ханаане и продвинулись в северо-восточном направлении, где их столкновение с хеттами казалось неизбежным. Это действительно произошло при Рамсесе II, когда хеттская и египетская армии встретились у Кадеша ок. 1275 г. до н.э. Известна лишь египетская версия описания сражения при Кадеше, которое представлено как полная победа египетского войска. Однако тот факт, что Муватталлис не только не был вытеснен из Сирии, но дошел до Дамаска, и хетты сохранили свое влияние на всех территориях к юго-востоку от Анатолии, говорит по меньшей мере о равновесии сил или о некотором превосходстве хеттов. Позднее, в 1270 г. до н.э. между двумя странами был заключен мир, и граница хеттского государства установилась по р. Оронт.

Правление последнего великого хеттского царя Хаттусилиса III (1267–1237 гг.) началось с периода относительного мира и процветания. Отношения между хеттами и Египтом стабильно улучшались, возможно, перед лицом растущей ассирийской угрозы, и в 1259 г. до н.э. между Рамсесом II и Хаттусилисом III был заключен «вечный договор». В дальнейшем союз двух стран был подкреплён браком между дочерью Хаттусилиса и фараоном. Среди хеттских клинописных текстов той эпохи – знаменитая «Апология» Хаттусилиса, в которой он оправдывается за захват трона и смещение законного наследника Урхи-Тешуба (сына неглавной жены Муватталлиса II и его собственного племянника), а также многочисленные договоры, корреспонденция и юридические документы.

Выдающейся личностью была жена Хаттусилиса Пудухепа, в прошлом жрица богини Иштар, женщина необычайно сильной воли, которая правила страной наряду с царем, решая различные внутренние и внешние проблемы. Она вела переписку с Египтом (известно 15 писем Рамсеса и членов его семьи, адресованных Пудухепе), с Угаритом и другими соседними царствами. Вместе с Хаттусилисом она принимала участие в возвращении Хаттуса столицы хеттского государства. Источники сохранили крайне положительный образ Пудухепы – царицы, которая практически не использовала огромную власть в своих личных целях и на протяжении долгих лет преданно поддерживала все начинания своего супруга. Брак Хаттусилиса и Пудухепы принадлежит к одним из самых длительных и удачных царственных союзов в истории древнего мира.

Географические и климатические факторы определили особенности сельскохозяйственного производства в Центральной Анатолии, которое

Процессия богов. Рельеф из Язылыкяя (Малая Азия)

было основой существования хеттского общества. Горный рельеф внутренних областей Малой Азии, маловодные реки, континентальный климат с холодными и снежными зимами и жарким летом, степные просторы, с одной стороны, не позволяли широко использовать ирригационные системы, с другой – служили хорошей базой для выращивания злаков, развития садоводства, виноградарства, скотоводства и ремесел. Среди последних выделялись гончарное дело и металлургия.

С древнейших времен добыча и обработка металлов (меди, железа, серебра, золота) играли важную роль в жизни населения Малой Азии, территория которой была богата полезными ископаемыми; особо следует отметить производство и применение железа, которое упоминается как в хозяйственных, так и в ритуальных текстах («небесное железо», т.е. метеоритное, «хорошее железо», «черное железо» и др.). По обработке «хорошего железа» (как полагают, стали) Центральная Анатолия занимала исключительное положение среди других стран Ближнего Востока того времени.

Социальная структура хеттского общества. Из источников и в первую очередь хеттских законов следует, что население страны Хатти состояло из свободных и несвободных людей. Первоначально «свободными» (хетт. *агава-*) считались лица, освобожденные от государственных повинностей, т.е. социально свободные, из которых образовались высшие слои общества. С новохеттского времени обозначение «свободный человек» относилось ко всем категориям социально свободных людей, от высших слоев до низших групп. В категорию «несвободных» попадали люди, лишенные социальной свободы, находившиеся в определенной зависимости. Это были как собственноручные рабы (объекты права, не входившие в гражданскую общину), так и «несвободные», имевшие определенные права (субъекты права, члены общины). Пленные (хетт. *аррант* – «захваченный») служили источниками пополнения обеих групп. В целом труд абсолютно зависимых людей не являлся определяющим в функционировании хеттского общества. Наиболее активно он применялся в периоды успешных завоевательных войн; в мирное же время сельская община приобретала прочное положение, основными

Царь Хаттусилис и его супруга Пудухепа. Рельеф из Фрактина (Малая Азия)

производителями материальных благ были социально свободные, хотя и экономически зависимые люди, тогда как рабство носило патриархальный характер, и его роль в экономике страны была невелика.

Хеттская религия ко времени Нового царства может быть описана как крайняя форма политеизма (Е. Akurgal). В начале истории в пантеоне хеттов преобладали хаттские боги, но в процессе политической и военной экспансии хеттского мира в его состав включались новые божества (лувийские, хурритские, северносирийские и др.), многие из которых выступали покровителями городов-государств и царств, завоеванных хеттами. Тот факт, что хетты перемещали статуи местных богов в свои храмы, физически подтверждал включение этих богов в пантеон завоевателей. Новым богам оказывалось должное почитание, и от них ожидалось покровительство, при этом они сохраняли свои прежние функции и имена, даже если они совпадали с уже существующими в хеттском пантеоне. Этим объясняется множество богов грозы, солнечных божеств, богинь Иштар (G. Beckman: в текстах богазкейского архива обнаружено около 25 местных разновидностей Иштар), которым поклонялись в хеттском царстве. Поэтому тот факт, что Хатти называлась «страной тысячи богов», едва ли можно считать сильным преувеличением.

Религиозные реформы новохеттского времени способствовали упорядочению пантеона, в частности посредством установления хетто-хурритских соответствий. Так, Великий бог грозы страны Хатти был формально отождествлен с хурритским *Тешубом*, а богиня солнца города Аринны, главное женское божество у хеттов, была приравнена к хурритской *Xenam* (исходно северносирийская богиня-мать). Дальнейшие усилия в этом направлении привели к структурированию хеттского пантеона: мужские и женские божества были сгруппированы в *kaluti* («круги»). Все это вело к усилению политического и культурного единства хеттского государства. В то же вре-

Хеттские музыканты. Рельеф из Фрактина (Малая Азия) Хаттуса

мая забота о местных культах и их централизованная поддержка вплоть до последних десятилетий существования хеттского царства свидетельствуют о сохранении у хеттов культурной и религиозной толерантности, которая в большей или меньшей степени была всегда им свойственна.

После смерти Хаттусилиса его сын Тудхалияс IV (1237–1228 гг. до н.э.), вероятно, под влиянием своей матери и соправительницы Пудухепы провел реформу хеттской государственной религии, в которой все большую роль стал играть хурритский компонент. Вероятно, именно в этот период в Язылыкая (около Богазкея–Хаттусы) были высечены наскальные рельефы, изображающие хурритский пантеон. Правление хеттских царей конца XIII в. до н.э., в частности Арнувандаса III (1209–1207 гг.) и Суппилулиумаса II (1207–?), документировано очень слабо. Известно, что Суппилулиумас предпринял успешную морскую экспедицию против Аласьи (Кипра); к этому же времени относятся самые ранние более или менее протяженные лувийские иероглифические надписи.

Конец ближневосточной эпохи поздней бронзы (рубеж XIII–XII вв. до н.э.) сопровождался природными и историческими катаклизмами – землетрясениями, засухой, нашествиями «народов моря». Исследователи нередко говорят о «коллапсе системы», поразившем главные позднебронзовые центры в Анатолии, Сирии и Микенской Греции. Вероятно, комплекс всех этих факторов сыграл решающую роль в хеттской истории.

Результаты археологических раскопок последних десятилетий свидетельствуют о том, что хеттская столица постепенно приходила в упадок, чему мог способствовать и растущий дефицит продовольствия; ее покинули члены царской семьи и дворцовая бюрократия, и после этого город подвергся разрушению. Большинство хеттских городов, однако, по заключению археологов, избежали разрушения, но были покинуты своими жителями. И если хеттская элита переместилась в Каркемиш, то основная масса насе-

ления рассеялась по Ближнему Востоку, Эгейскому миру, часть (исторические лувийцы) осела на южных окраинах Анатолии и в Северной Сирии, где в последующие века возник ряд так называемых позднететтских царств со смешанным лувийско-хурритским этническим компонентом.

* * *

Картина Ближнего Востока в эпоху поздней бронзы отражает постоянно меняющийся баланс власти между основными царствами региона, расширение и сужение сфер их влияния, здесь и там возникающие союзы, заключаемые правителями ради превосходства над соседями. В этом политическом контексте Теттское царство возникло, боролось за выживание, одерживало победы и пало, не избежав участи своих более слабых современников. Однако культурное наследие теттов намного пережило своих творцов. Теттская цивилизация столетиями впитывала традиции окружающего ближневосточного мира. Религия теттов включала верования и ритуалы индоевропейского, хаттского, хурритского и древнемесопотамского происхождения. То, что называют теттской «литературой», представляет собой собрание сказаний, легенд и мифов, в которых прослеживаются хаттские, шумерские, аккадские, вавилонские, хурритские и, конечно же, индоевропейские корни. Теттские законы продолжают юридическую линию, восходящую через кодекс Хаммурапи к законодательным прокламациям шумерских городов-государств раннебронзового века.

Теттская культура играла первостепенную роль и в передаче древневосточных традиций на запад. Так, античная дивинация во многом восходит к процедурам, детально описанным в вавилонских и теттских текстах. В греческой мифологии обнаруживаются не только сюжеты, имеющие ближневосточные (и теттские) параллели, но и явные языковые кальки, соотносимые с теттскими прототипами. Сохранение преемственности древних ближневосточных цивилизаций теттской культурой обусловило неиссякаемый интерес к ее материальным и духовным проявлениям.

СТРАНЫ ЛЕВАНТА

(ФИНИКИЯ, СИРИЯ, ПАЛЕСТИНА)

По традиционному, восходящему к грекам географическому делению, в регион Восточного Средиземноморья, простирающегося от предгорий Тавра и большой излучины Евфрата до Синая, входят географические регионы: Сирия (с горами Аманус на севере и Ливан и Антиливан на юге) и Палестина, а также полоса побережья, которая выделяется в область Финикию. Во II тысячелетии до н.э. Палестина и южные районы Сирии (с соответствующим отрезком Финикии) рассматривались как регион Ханаан («Кенаан, Кинаххи»), а прочая Сирия – как продолжение Западно-Центральной Верхней Месопотамии и Сирийской степи, объединенной с ней под общим наименованием («Амурру», «Хурри», «Нахарина»).

Развитие цивилизации в странах Леванта определялось рядом особенностей. Недостаток водных ресурсов (самые крупные реки – это Иордан в Палестине и Оронт в Сирии), отсутствие обширных зон плодородной земли, а также специфика рельефа (членение территории на множество несвязанных микрорегионов) препятствовали созданию крупных государств, для которых не имелось ни хозяйственной, ни геополитической базы. Степные и пустынные области на рубежах Аравии служили местом обитания скотоводческих племен, часто вторгавшихся в оазисы.

Сама Аравия делилась в древности на три региона, известных античным авторам как Аравия Каменистая (северо-западная), Аравия Пустынная (центральная и северная, куда включалась иногда Сирийская степь вплоть до границы Сирии–Палестины и течения Евфрата) и Аравия Счастливая (южная, где было возможно развитое земледелие). Периодические волны миграций с эпицентром в полупустынях и степях Аравии существенно тормозили развитие Леванта.

С другой стороны, прибрежное положение региона и большое количество удобных бухт поощряло мореплавание и привело к тому, что цивилизация здесь с достаточно ранних времен развивалась как *приморская*, ориентированная в значительной степени на морскую торговлю. Уже в начале II тысячелетия до н.э. сеть торговых контактов по морю охватила всю восточную половину Средиземноморья (Эгеиду с Критом, побережье Южной Анатолии, Кипр, Египет, Левант), а крупнейшими центрами этой сети являлись как раз замыкавшие ее на востоке береговые города Сирии–Палестины. В свою очередь, сухопутные пути выходили к ним с востока, из Месопотамии и смежных с ней регионов, так что эти города становились главными торгово-транзитными центрами уже для всего Ближнего Востока. С конца II тысячелетия до н.э. морская торговля прибрежных городов приобретает еще больший размах, охватывая все Средиземноморье и способствует выведению финикийских колоний на огромных по тому времени пространствах от Кипра до Северной Африки и Испании. Образовавшаяся финикийская торговая ойкумена (в большей своей части объединенная и политически, вокруг Тиро-Сидонского царства, см. с. 204, 271), была одним из самых своеобразных феноменов истории конца II – середины I тысячелетия до н.э.

Наконец, залежи медной и железной руды, обширные леса, в том числе знаменитые ливанские кедры, а впоследствии экономическое значение местных прибрежных торговых городов, – все это уже со второй половины III тысячелетия до н.э. систематически притягивало сюда взоры крупных соседних держав. В итоге значительную часть своей истории области региона оказывались объектами иноземных нашествий и господства, исходивших из Египта, Месопотамии и Анатолии.

В VIII–IV тысячелетия до н.э. большую часть населения Восточного Средиземноморья и Северной Аравии составляли потомки носителей местной мезолитической культуры – *натуфийской*. Уже в IX–VIII тысячелетиях до н.э. натуфийцы собирали дикорастущие злаки. В среде их потомков осуществлялся переход к земледелию, известный по культуре *Иерихона* (VII тысячелетие до н.э.). Население здесь обитало в небольших глинобитных поселениях. Некоторые из них, в частности сам Иерихон, окружали каменные стены – богатства, накопленные земледельческими общинами, требовали охраны от соседей. В Иерихоне она оказались недостаточной: протогород пал под ударами извне.

В VII–VI тысячелетиях до н.э. неолитическая революция охватывает весь регион. Аравию в VI–IV тысячелетиях до н.э. занимает семитская этнокультурная общность; семитские племена, по-видимому, переселились сюда из Восточной Сахары через Эфиопское нагорье и Баб-эль-Мандебский пролив (реконструкция И.М. Дьяконова, согласующаяся с распределением расовых типов). В IV тысячелетии внутри этой общности обособились несколько ареалов: к Среднему Евфрату выходили восточное семитские племена (предки аккадцев), впоследствии переселившиеся в Месопотамию; у рубежей Сирии обитали так называемые северные семиты (эблаиты); в Северо-Центральной Аравии обитали так называемые западные семиты (предки ханаанеев, амореев, древних евреев и пр.), далее на юг – предки исторических арабов и так называемые «южные арабы», создатели первой цивилизации на полуострове (с собственно арабами они слились только в I тысячелетии н.э.).

В конце IV – начале III тысячелетия до н.э. племенной семитский мир Северной Аравии приходит в движение. Аккадоязычные племена расселяются в Месопотамии, северные семиты – в Сирии и на севере Месопотамии. Раскалывается западносемитское единство: часть его племен отселяется в Сирию, а оттуда распространяется в Палестину, переходя к оседлому земледелию, в то время как другая часть остается в степях и занимается подвижным скотоводством. На основе первой группы племен, ушедшей на запад, сформировался этнос ханаанеев, на основе тех, что остались в степях, – этнос сутиев. Уже около 2400 г. до н.э. сутии были известны шумерам в качестве их южных соседей. К середине III тысячелетия до н.э. на территории Северо-Восточной Аравии обособилась еще одна ветвь западных семитов, известная впоследствии под названиями «арамеев» и «ахламеев».

С появлением ханаанеев в Сирии и Палестине связан резкий прогресс в ремесленном производстве, прежде всего в металлургии; с этого времени начинается так называемый *Раннебронзовый период* в истории Восточного Средиземноморья (III тысячелетие до н.э.). В это время на средиземноморском побережье возникают основные города будущей Финикии (финикий-

цами называли именно прибрежных ханаанцев) – собственно Библ (археологический Библ VI), Тир и другие (ок. XXIX–XXVIII вв. до н.э.).

По-видимому, одновременно в Северной Сирии аналогичный процесс происходит с северными семитами, или «эблаитами» (получившими имя по г. Эбла, их крупнейшему центру в Сирии). В Шумере их называли *марту* (возможно, по среднеевфратскому Мари, частично ими заселенному). Аккадским эквивалентом этого слова было *амурру* (т.е. амореи).

В прибрежных городах интенсивно развивалась социальная дифференциация и складывались классы, как видно из наличия крупных жилых строений, по размерам и богатству явно принадлежавших городской верхушке, и монументальных храмов на каменном фундаменте. В Библе в середине III тысячелетия до н.э. уже сложилось политическое образование – новое государство, подобное ранним номам Южной Месопотамии. Оно вскоре попало под политическое и культурное влияние Египта.

Аналогичные процессы формирования городских центров, превращающихся в города-государства, и складывания классового общества происходят и в глубине страны. Так, в северосирийском г. Алалахе уже в конце IV – первой трети III тысячелетия до н.э. имелся храм, возведенный на высокой платформе, а в XXVIII–XXIV вв. до н.э. рядом с ним появляется дворец с парадной колоннадой, постепенно заметно увеличивающийся в размерах, что свидетельствует о возрастании могущества алалахского царька.

В Северной Сирии уже в конце IV тысячелетия до н.э. северные семиты основали протогородское поселение Эблу. К середине III тысячелетия до н.э. оно превращается в крупный городской центр с населением в 20–30 тыс. человек. В XXV–XXIV вв. до н.э. Эбла была центром крупного государства, охватывавшего всю Сирию вместе с предгорьями малоазиатского Тавра и соперничавшего с Мари на Среднем Евфрате – столицей другого раннего государства, заселенного аккадцами и, видимо, другой ветвью северных семитов.

Найденный в Эбле клинописный архив дает науке исключительно важные сведения. В XXIII в. до н.э. Эбла становится объектом завоевания аккадских царей – Саргона, а затем Нарам-Суэна, разрушившего ее в отместку за бунт. Впоследствии, при III династии Ура Эбла возрождается как город, но ее могущество навсегда уходит в прошлое. В социальном плане Эбла представляла собой типичное номовое государство во главе с царем, при котором существовал административный аппарат. В хозяйствах, за счет которых жила верхушка общества, трудились подневольные работники и собственно рабы.

Небольшие городки Палестины в III тысячелетии до н.э. обносятся стенами, укрепленными овальными или прямоугольными башнями (Мегиддо, Иерусалим, Лахиш и др.). Наряду со святилищами в них уже появляются резиденции местных правителей. С середины III тысячелетия в эти земли уже начинают совершать первые походы египетские фараоны.

Захват северосемитских областей Сирии и Верхней Месопотамии аккадцами и последующее разрушение самой аккадской державы (первая треть XXII в. до н.э.) создали известный вакуум силы в упомянутых регионах и вызвали перемещение сюда населения из смежных областей: с северо-востока хурритов, с юга сутиев. В середине XXII в. до н.э. сутии заняли нагорье Джебель-Бишри близ Среднего Евфрата, а отсюда – центр Верхней Месопотамии и рубежи Сирии, ассимилировав местных северосемитов. Отныне

именно на сутиев переходит былое месопотамское обозначение северных семитов – «марту» или «амурру» (амореи), и в науке сутии известны, как правило, под этим последним наименованием.

Со своей стороны, хурриты, двигаясь на запад вдоль Верхнего Тигра и Евфрата, уже в XXI в. до н.э. заселяют Северную Сирию. Тогда же вся Сирия и часть более южного побережья с Библом входят в зону власти III династии Ура.

Восточное Средиземноморье во II тысячелетии до н.э. Во второй половине XXI в. до н.э. происходит великое расселение сутиев-амореев от Среднего Евфрата и Хабура: одни из них устремляются на Месопотамию, приводя к крушению державу Ура, другие огнем и мечом проходят по всей Сирии–Палестине и плотно заселяют Сирию и Заиорданье. С этого момента начинается так называемый *Среднебронзовый период* истории Восточного Средиземноморья (XX–XVI вв. до н.э.). Общества этого времени хорошо известны по среднеегипетским источникам («Повесть о Синухете», «Таблички проклятий» и др.), рисуящим данный регион как совокупность аморейских и ханаанейских племенных княжеств и городов-государств, отличающихся в целом невысоким уровнем развития и преобладанием кочевников. Исключение составляют города побережья, прежде всего Библ. Довольно скоро они, а вместе с ними и большая часть Палестины, подпадают под верховное владычество или влияние среднеегипетского государства. Библ даже формально включался в состав Египетской державы, и его правители считались наместниками фараона.

В конце XIX в. до н.э. одна из племенных групп сирийских амореев создала крупное государство, известное под названием Ямхад. Ямхад, с центром в Халпе (Алеппо, совр. Халеб), контролировал территорию Сирии от предгорий Тавра до рубежей своего злейшего врага, южносирийского номового государства Катны. В конце XVIII – начале XVII в. до н.э. через все Восточное Средиземноморье с севера на юг проходят племена хурритов, которые широко расселяются в это время по странам Плодородного Полумесяца. Особенно плотно хурриты (и следовавшие в их потоке отдельные индоарийские группы) заселили Сирию и Южную Палестину.

В ходе бурных потрясений, сопровождавших эти передвижения, на Синае и в Южной Палестине возникло так называемое гиксосское объединение, возглавляемое, возможно, семитскими племенами Синая – *шасу* (откуда, видимо, само слово «гиксосы», означающее, согласно древнеегипетскому автору Манефону, «цари-пастухи» [егип. *шасу*]), тождественными амалекитам Ветхого Завета.

У хурритов, живших рядом с этим объединением, а частично и вошедших в него, гиксосы заимствовали искусство колесничного боя. В XVII в. до н.э., опираясь на свое колесничное войско, они без труда завоевали Нижний Египет и утвердились в Восточной Дельте Нила. Главными центрами собственно гиксосской державы были Аварис в Дельте и Газа и Шарухен в Южной Палестине. Зависимость от гиксосских царей Авариса признавали, видимо, и другие гиксосские, египетские и кушитские княжества долины Нила (вплоть до III порога), а также, возможно, племена и области Сирии–Палестины и прилегающих районов Сирийской степи вплоть до Евфрата. На севере тем временем Ямхад (уже значительно «хурритизированный» по составу населения) около 1600 г. захватывают, после нескольких войн, хетты.

В середине XVI в. и гиксосская, и хеттская зоны власти в Восточном Средиземноморье сменили хозяев: Палестина и Южная Сирия с изгнанием гиксосов из Египта и падением Шарухена перешли под руку египетского фараона Яхмоса I. Гиксосское объединение немедленно распалось (его племенное ядро из амалекитов-шасу сохранялось на Синае вплоть до I тысячелетия до н.э.), а в Северной Сирии хеттская власть рушится вследствие набегов верхнемесопотамских хурритов и вскоре она попадает в зависимость от возглавившего этих хурритов государства Митанни.

Таким образом, к концу XVI в. до н.э. Восточное Средиземноморье оказалось поделено между Египтом и Митанни. Этот геополитический переворот, а также примерно одновременные перемены в металлургии и других ремеслах (в частности, открытие производства пурпурной краски финикийцами) позволяют выделять несколько последующих веков (конец XVI–XII вв. до н.э.) в *Позднебронзовый период* истории Сирии–Палестины.

Первое его столетие оказалось занято почти непрерывной борьбой между Египтом и Митанни за безраздельный контроль над Восточным Средиземноморьем. Однако несмотря на периодическую реализацию планов обеих сторон, оказалось, что ни египтяне не могли удержаться на Евфрате, ни митаннийцы – в Палестине. Осознав это, в конце XV в. воюющие стороны договорились о прочном разделе Восточного Средиземноморья на митаннийскую Северную Сирию и египетскую Южную Сирию – Палестину.

В то же время, с середины XV в. до н.э. самостоятельные попытки отобрать у митаннийцев сирийские владения предпринимают хетты. В итоге в третьей четверти XIV в. до н.э. хеттский царь Суппилулиумас разгромил и Митанни, и Египет и овладел практически всем Восточным Средиземноморьем. К этому времени египетское господство в Азии по большей части превратилось в фикцию из-за раздоров вассальных царьков и всеилия орд *хапиру* – своего рода «казаков» Сирии–Палестины, бежавших в горы Ливана от двойного гнета этих царьков и египетских фараонов. Часть хапиру под водительством удачливого вожака Абди-Аширты создала государство Амурру в Северном Ливане, а другая вторглась при Эхнатоне в Палестину и основательно razорила ее.

К этому времени существенные перемены произошли и в этническом составе населения региона. Еще около 1400 г. до н.э. из Вавилонии были изгнаны местные сутии-амореи, поселившиеся там шестью столетиями ранее. Изгнанники, преследуемые касситскими войсками, пересекли Сирийскую степь и обосновались у рубежей Южной Сирии, образовав новую общность, именовавшую себя *ибри* (откуда привычное «еврей», досл. «перешедшие из-за реки», т.е. Евфрата). К ним и восходят древнееврейские племена. Соответственно, ветхозаветная легендарная традиция заявляет, что евреи происходят от некоего вождя Авраама, переселившегося на запад, через Евфрат, из южной части Нижней Месопотамии; сохранились рудименты особенно древней легенды евреев о том, что он стал князем области Дамаска, а не передвинулся в Палестину (как в итоговом ветхозаветном предании). Таково представляющееся нам наиболее вероятным решение проблемы происхождения древних евреев – вопроса, по которому в науке выдвинуто множество гипотез – от той, что древние евреи – это обособившаяся по религиозным или социальным причинам от своего народа группа ханаанеев, задним числом

Сирийское божество. XIV–XIII вв. до н.э.
Париж, Лувр

вымыслившая себе происхождение из Месопотамии, до той, что это потомки «хапиру» или же группы амореев, пришедших в Палестину из Двуречья еще в начале II тысячелетия до н.э. Однако согласно сохранным в Библии ветхозаветным генеалогиям переселение евреев в Палестину состоялось за 13 поколений до царя Давида (ок. 1000 г. до н.э.), т.е. не ранее 1400 г., а египетские источники уже знают Израиль и родственные ему племенные союзы (Моав, Эдом) в Палестине в XIII в. до н.э., но еще не упоминают их в XV – середине XIV в. до н.э.

С другой стороны, в середине XIV в. до н.э. семитские кочевники-арамеи (ахламеи), жившие до того в Северо-Восточной Аравии, двинулись на северо-запад и заселили Сирийскую степь и долину Среднего Евфрата, оказавшись на рубежах Сирии. Примерно одновременно с этим передвижением, если не под его напором, племена ибри смещаются на юго-запад – в Палестину и Заиорданье. К 1300 г. до н.э. здесь уже сформировались их основные племенные союзы – Моав, Аммон, Эдом и Израиль (первые три – к востоку и

югу от Мертвого моря, последний – в Палестине). Израильская традиция сохранила глухие воспоминания о взаимодействии древнееврейских вождей с хеттами, в самом деле господствовавшими над Палестиной в последней трети XIV в. до н.э. Другие племена ибри продвинулись еще дальше на юг и широко расселились в Аравии вплоть до ее южного берега.

После новых хетто-египетских войн в первой трети XIII в. до н.э., враждующие стороны, как и полтора века ранее, вновь закрепили раздел Восточного Средиземноморья прочным миром. Большая часть Сирии, включая Кадеш и Амурру, досталась хеттам. Южная Финикия, Дамаск и Палестина – египтянам (впоследствии именно Египетская Азия этого времени воспринималась евреями как географическая «страна Ханаан»).

Типичным городом-государством этого времени является Угарит, ведущий обширную торговлю с Двуречьем, Египтом и Малой Азией, с Палестиной, а также с заморскими странами. В городе имелся особый квартал, населенный микенскими греками. Отсюда микенские изделия ввозились в глубь страны и

далее в Месопотамию. Товарные отношения в Угарите достигли такого масштаба, что цари собирали с сельских общин подати металлами – медью и серебром. Все свободное население страны делилось на три сословия: 1) «сыны страны Угарит» – земледельцы-общинники, роль которых постоянно уменьшалась; 2) «царские рабы» – приближенные царя, получавшие от него земельные наделы; многие из них сохраняли свои общинные наделы и формально не порывали связи с сельской общиной; 3) «рабы царских рабов» – лица, не имевшие своей земли и сидевшие на землях служилой знати. Это были разорившиеся земледельцы, утратившие свои земли и связь с общиной, и частично пришлые люди, чужеземцы-изгои (*хапиру*). На царской службе кроме крупных и средних землевладельцев находились также купцы и откупщики, называвшиеся, как и в Вавилонии, «тамкарами». Рабов в собственном смысле слова было мало. Политически Угарит подчинялся царям удельного хеттского царства со столицей в Каркемише, а через него – великим царям Хатти.

В начале XII в. до н.э. Восточное Средиземноморье подвергается нашествиям эгейско-анатолийских народов (так называемые «народы моря»). Их первые появления в регионе отмечены еще в конце XIII в. (набеги ахейцев на Кипр и Египет), а после «Троянской войны» часть победителей-ахейцев (*денены* – данайцы) и другие народы бассейнов Эгейского и Ионического морей (*теккер* – тевкры Троады, *пелесет* – пеласты (или пеласги) с южных Балкан, *шекелеш* – сикулы Южной Италии и Сицилии), пройдя Юго-Западную Малую Азию и Киликию, обрушились на Восточное Средиземноморье. Они разгромили Кипр, Каркемиш, флот Угарита – сам Угарит, возможно, в одно и то же время подвергся атаке пришельцев и пострадал от землетрясения, так что прекратил свое существование. «Народы моря» на своем пути уничтожили государство Амурру в Ливане, разорили Сидон и Тир и, наконец, напали на Египет (ок. 1190 г. до н.э.), но, отброшенные египтянами, осели на побережье Палестины. Здесь пришельцы понемногу слились в единую массу «филистимлян» (т.е. «пелесет»; впрочем, в течение столетия еще вели обособленное существование «теккер») и основали так называемую филистимскую конфедерацию. Вскоре они усвоили культуру и язык местного населения. От их имени происходит само название «Палестина».

Между тем Рамсес III восстановил египетское господство над побережьем Восточного Средиземноморья, а хеттская династия в Каркемише сумела пережить нашествие «народов моря» и объединила Сирию и Юго-Восток Малой Азии под своей властью (впрочем, к концу XII в. до н.э. это царство распалось на осколки, так называемые «позднешеттские» царства). Уже в XII в. до н.э. оправились и финикийские города. Отстроился Сидон, а группа высленцев из него заняла и обустроила Тир (после чего все финикийцы стали обобщенно именоваться «сидонянами»).

В Палестине тем временем утверждается Израильский племенной союз, переживший в конце XIII в. серьезные перемены. Его ядро в 1220 г. подверглось разгрому египетским фараоном Мернептахом, было вытеснено из Палестины и, возможно, распалось. Однако другая группа израильтян еще раньше, видимо, осела в Египте, а в конце XIII в. до н.э., когда его охватили смуты конца XIX династии, покинула страну и заняла часть территории шасу-амалекитов Синай, что отразилось в древнееврейском предании об Исходе из Египта. В смутные для Восточного Средиземноморья времена

рубежа XIII–XII вв. до н.э. израильские группы воссоединились (очевидно, при значительной культурной и организационной гегемонии выселенцев из Египта), а около 1170 г. вновь вторглись в Палестину из-за Иордана и захватили значительную ее часть. Впоследствии древнееврейская традиция связывала Исход и новое оформление Израильского союза племен с Моисеем, заключившим на Синае договор с Яхве, а вторжение в Палестину – с Иисусом Навином. Судя по тому, что среди областей «шасу» Синая египетские источники XIV в. знают «страну шасу-яхве», Яхве был местным синайским богом, почитавшимся в одной из областей амалекитов-шасу, и занявшие эту область при Моисее израильтяне избрали его в качестве своего нового племенного бога-покровителя. В XII в. до н.э. на основе смешения пришлых кочевых израильтян в качестве доминирующей силы и местных ханаанеев возникла древнееврейская общность. Причем смешение это достигло такого размаха, что итоговый язык израильтян, древнееврейский, они же сами звали «ханаанейским», и действительно, от его аморейских истоков в нем осталось не очень много.

Израиль окончательно сформировался на территории Палестины как союз двенадцати племен. Выборные вожди-«шофеты» («судьи») являлись верховными жрецами, командовали племенными ополчениями, а в мирное время разбирали тяжбы. Религия Израиля в это время, несомненно, носила обычный языческий характер (в том числе культ верховного племенного бога-покровителя Яхве).

К концу XII в. до н.э. власть Египта в Азии слабеет и исчезает, и в следующие десятилетия финикийцы, прежде всего из Тирского царства «сидонян», самостоятельно осуществляют так называемую Великую финикийскую колонизацию Западного Средиземноморья (в Восточное, исключая Кипр, финикийцев не пускали греческие пираты). Приблизительно к 1100 г. до н.э. молодежь Тира основала крупный город Утику в Северной Африке, примерно в то же время создается тирская колония в Испании Гадир (Гадес, совр. Кадис), а затем финикийцы появляются на западе Сицилии, на Сардинии, Мальте и Балеарских островах. Одновременно, на рубеже XII–XI вв. до н.э. ассирийский правитель Тиглатпаласар I на короткое время подчинил позднехеттские царства Сирии и Финикию, где ему покорился Сидон. Однако ассирийская власть здесь оказалась эфемерной: арамеи Южной Сирии во второй четверти – середине XI в. до н.э. двинулись на север и вышли к Евфрату, заняв значительную часть Северо-Центральной Сирии и потеснив «позднехеттских» князей (то было начало великого арамейского расселения, в X в. до н.э. чуть не погубившего саму Ассирию). В середине XI в. здесь образовались ранние арамейские царства. Примерно в тот же период Тир подчинил себе Сидон и другие города, объединив всю Южно-Центральную Финикию в «царство сидонян» (в общем значении «финикийцев»). В науке его называют Тиро-Сидонским царством.

В начале XI в. до н.э. в Палестине установилась военная гегемония филистимлян, лидировавших в металлургии железа, а значит, в производстве вооружения. Израильская племенная система продемонстрировала свою неспособность к сопротивлению им. В борьбе с филистимлянами выдвигаются удачливые военные предводители или просто разбойники, поставившие себя вне традиционных племенных рамок. Одним из них, Саула, израиль-

ские племена избрали первым царем Израиля, т.е. надплеменным наследственным правителем (конец XI в. до н.э.); как обычно, становление царской власти было энергично поддержано основной племенной массой вопреки сопротивлению аристократии. Однако Саул после первых успехов проиграл войну с филистимлянами, и, потерпев сокрушительное поражение от них при Гильбоа, покончил с собой. На исходе XI в. до н.э. царство было заново собрано выдвинувшимся из рядовых воинов еще при Сауле Давидом – человеком бурной судьбы, успевшим и послужить Саулу, и повоевать против него в ходе смут конца его правления, и оказаться на стороне филистимлян, и порвать с ними, и одолеть их.

Так в результате двухвековых потрясений сформировалась новая карта Восточного Средиземноморья: позднехеттские царства Северной Сирии, арамейские – в центре и на юге Сирии, Тиро-Сидонское царство на побережье, Израиль и Филистия в Палестине, а также основанные некогда другими группами «ибри» Аммон, Моав и Эдом в Заиорданье.

Главным культурным достижением жителей Леванта явилось создание алфавитного письма, к которому восходят все современные алфавиты мира. Во II тысячелетии до н.э. в небольших городах-государствах Восточного Средиземноморья шли интенсивные поиски наиболее рациональных систем письменности, подходящих для массового, однозначного и быстрого ведения коммерческих записей и тем самым более простых, чем системы письменности Месопотамии и Египта с их сотнями знаков, которые могли читаться по-разному. В Библие создается слоговое письмо упрощенного типа (так называемое протобиблиское), имевшее около 100 знаков. В XV–XII вв. до н.э. в Угарите употреблялся клинописный алфавит из тридцати знаков.

Наиболее совершенной системой оказался финикийский алфавит. Применение его (воспринятого впоследствии с некоторыми изменениями греками) сделало грамотность доступной любому гражданину, что имело огромное значение для развития торговли и мореплавания.

Для религиозных верований Восточного Средиземноморья характерна роль экстатических культов плодородия с умирающими и воскресающими божествами и сезонных празднеств, также обеспечивающих плодородие. Под влиянием хурритов в середине II тысячелетия до н.э. кристаллизовался западносемитский миф о смене царствований на небесах, по которому бог неба Баал-шамем («Господин Небес»), он же «Ил (Бог) отцовский» был сменен Илом (Богом – верховным божеством западных семитов до середины II тысячелетия), а тот – богом бури Баалом (Алийян-Баалом, реально выдвинувшимся на первое место в пантеоне во второй половине II тысячелетия до н.э.).

Угаритские тексты, реликты, удержанные в Ветхом Завете, и античные авторы дают представление о развитии ханаанейской (финикийской) мифологии. В каждом городе почитался прежде всего местный бог-покровитель, называвшийся обычно просто по прозвищу – *Баал* («владыка») или *Эл* («бог»), иногда *Мелек* («Царь», вариант – *Молох*), а в Тире – *Мелькарт* («царь города»). Чаще всего эти боги считались солнечными. Все это не мешало существованию особых общезападносемитских богов с именами *Эл* (Ил) и *Баал*. Супруга главного бога также порой именовалась просто *Баалат* («Владычица»), но чаще носила более конкретное имя *Астарты*, что соот-

ветствовало ассиро-вавилонской Иштар. *Астарт* ассоциировалась, в отличие от Иштар, с Луной, а не с Венерой.

Древнееврейская религия на первых порах не отличалась от прочих западносемитских религий, в том числе ханаанейской. Главным общеплеменным богом израильтян с исхода XIII в. считался *Яхве*, до того бывший местным божеством областей Сина и Южной Палестины, владыка грома и огня, посылающий на землю благодатный дождь. Иных богов в Израиле и Иудее не просто признавали, но и почитали – в том числе на государственном уровне – вплоть до VII в. до н.э.

Западным семитам была присуща концепция «берита» (завета, т.е. особого договора) народа с его богом-покровителем. Иными словами, в то время как у их соседей связь той или иной общины и ее бога-покровителя считалась изначальной и неразрывной, западные семиты рассматривали ее как результат сознательной сделки общины с богом, которую обе стороны могли и пересмотреть, если она не оправдывала надежд. Именно от этой концепции отталкивались ветхозаветные пророки Израиля и Иудеи VIII–VII вв. до н.э., пророческое движение которых привело в конце концов к формированию догматического монотеизма (см. с. 276–278). В центре его стоит Яхве, старый верховный бог евреев, а первыми вероучителями своего толка пророки объявляли величайших легендарных героев древних евреев: Авраама, родоначальника ибри, переселившегося некогда из-за Евфрата в Палестину, и Моисея, возглавившего переселение другой их части из Египта.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРОПЫ: МИНОЙСКИЙ КРИТ И АХЕЙСКАЯ (МИКЕНСКАЯ) ГРЕЦИЯ

НАЧАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

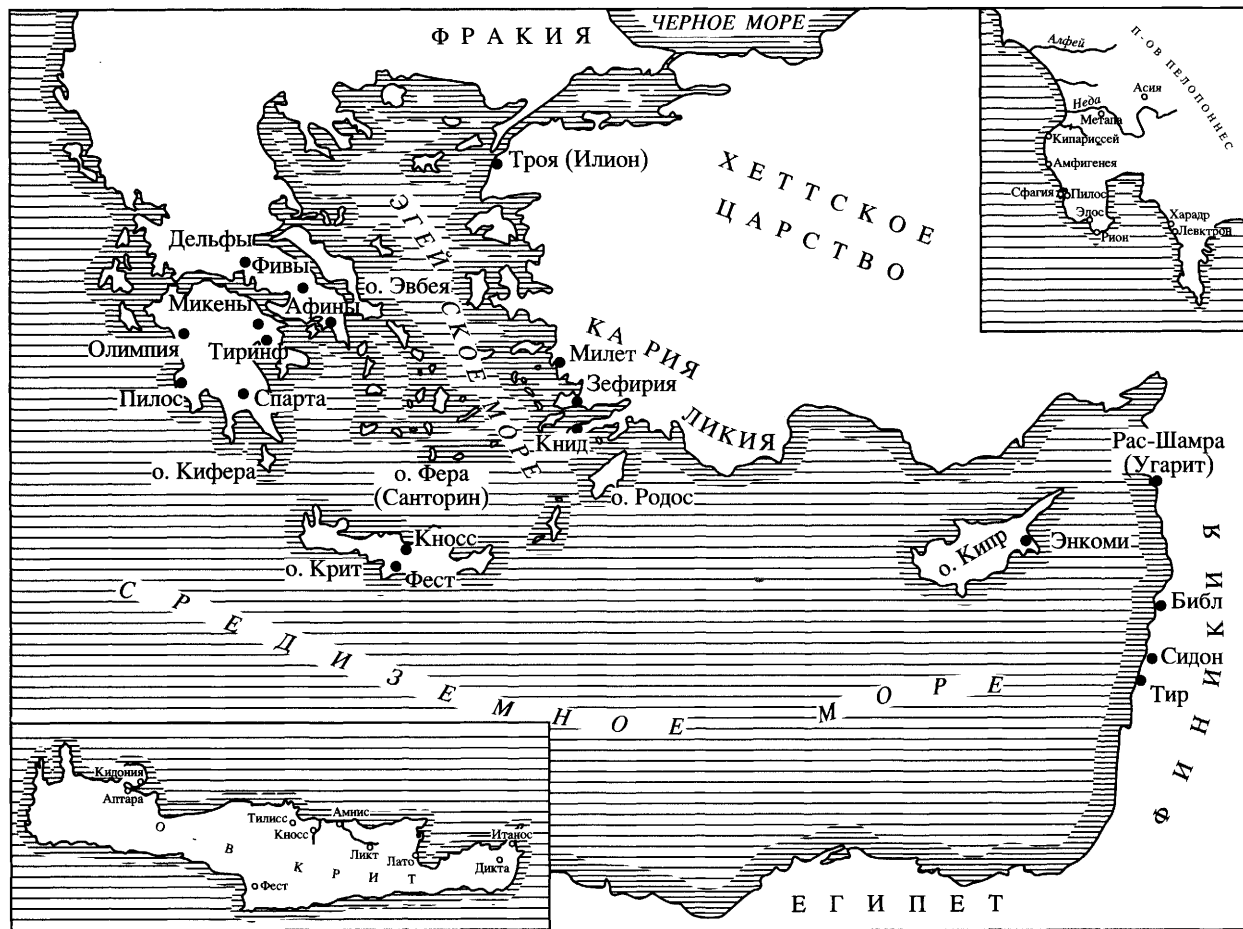
Юг Балканского полуострова вместе с прилегающими островами в бассейне Эгейского моря стал тем регионом, где возникли две первые на территории Европы, тесно связанные между собой цивилизации – *минойская* и *микенская*. Их открытие произошло довольно поздно – благодаря раскопкам, начатым в 70-е годы XIX в. неутомимым энтузиастом-дилетантом Г. Шлиманом и продолженным в разных местах Эгеиды целой плеядой археологов-профессионалов. При этом наибольшее значение имели находки, сделанные в Кноссе, Микенах, Пилосе и других древних городах, которые упоминаются в трудах эллинских историков и поэмах Гомера (сочиненных в IX в. до н.э. на основе эпических сказаний, уже многие столетия передававшихся из уст в уста).

Помимо монументальных руин дворцов и крепостей, царских гробниц и иных архитектурных сооружений, множества всевозможных предметов быта и произведений искусства ученые обнаружили многочисленные памятники письменности. Однако дешифровка последних затянулась до второй половины XX в. И только тогда, когда удалось прочесть и понять подавляющее большинство этих текстов, стало ясно, что создателями их были носители двух разных языков, совершенно не родственных между собой.

К настоящему времени объединенными усилиями нескольких поколений археологов, историков и лингвистов удалось в общем и целом восстановить достоверную картину расселения древних народов на юге Балкан и в остальной Эгеиде уже, как минимум, с эпохи ранней и средней бронзы (III и начало II тысячелетия до н.э.).

Практически всю территорию материковой Греции и многие острова, полностью или частично, занимали тогда протофракийские племена, известные античным авторам под названием «пеласгов». Их язык («пеласгийский») относится к числу индоевропейских. К той же языковой семье принадлежат анатолийские (хетто-лувийские) языки, на которых говорили пришлые племена, уже в конце III – начале II тысячелетия до н.э. активно расселявшиеся по Малой Азии вплоть до западного и юго-западного ее побережья, обращенного в сторону Кикладских островов и Крита. С ними сопоставляют часть реликтовой критской ономастики. О присутствии некогда анатолийцев, в частности карийцев, на островах Эгеиды вполне определенно говорит эллинская историческая традиция.

Но главным и постоянно превалирующим этническим компонентом на Крите, по крайней мере с начала III и до середины II тысячелетия до н.э., оставались «минойцы». Такое условное название дано учеными новейшего времени исконным обитателям крупнейшего острова Эгеиды по имени легендарного царя Миноса, повелителя могущественной морской

Восточное Средиземное море во II тысячелетии до н.э.

державы*. Судить же, сколь глубоки корни именно минойского этноса на Крите пока довольно затруднительно. Изучение древнейших топонимов острова (Кносс, Фест, Амнис, Тилисс и др.) заставляет думать об их бытовании как минимум с III тысячелетия до н.э., а то и много более раннего времени.

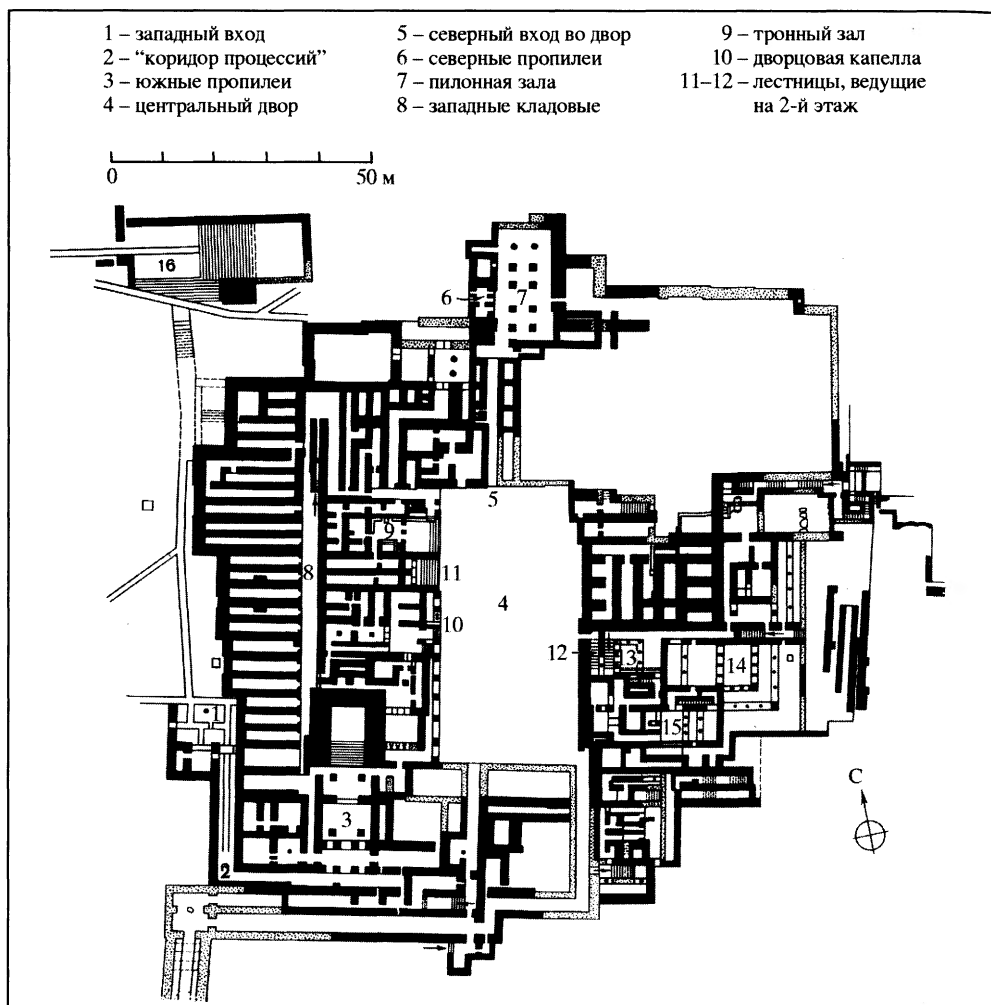
Это относится прежде всего к главному городу Крита, столице владыки морей Миноса. Греки в I тысячелетии до н.э. именовали его *Кносос* или *Кноссос*. В более раннее время он назывался по-минойски *Конос*- (конечный гласный неизвестен), что можно сопоставлять с догреческим культурным термином *конос* (от него происходит позднейшее латинское «конус», перешедшее и в русский язык), означающим «сосновая шишка, конус». Судя по археологическим данным, с раннего неолита в Кноссе непрерывно существовало поселение, которое вплоть до конца III тысячелетия до н.э. росло вверх за счет новых наслоений строительных остатков. В конце концов над изначальной природной возвышенностью образовался довольно высокий жилой холм наподобие переднеазиатских теллей. Ему весьма подходило название «Подобный сосновой шишке, конусовидный». Но облик Кносса кардинально изменился в начале II тысячелетия до н.э., когда при постройке дворцового комплекса была срезана макушка телля и проведена нивелировка примыкающей территории. Так исчез прежний конусовидный силуэт раннего минойского Кносса. А значит, само это название, отражающее былой, утраченный теперь безвозвратно внешний вид города, должно было родиться еще раньше – не позднее конца III тысячелетия до н.э.

Названия минойских городов Крита являются самыми древними из известных нам топонимов Европы. С точки зрения современной лингвистики наиболее вероятна генетическая связь минойского языка с доиндоевропейскими субстратными языками Малой Азии и родственными им.

Впервые человек появился на Крите в неолите. Народ мореплавателей пришел на необитаемый до того остров с северо-востока, с побережья п-ова Малой Азии. Позднее оттуда, по-видимому, еще не раз прибывали новые волны переселенцев. Лежащий на перепутье морских дорог, связывающих Европу, Азию и Африку, Крит уже в силу своего уникального географического положения не мог не стать центром коммуникаций Восточного Средиземноморья. Его горы характерных очертаний служили надежными ориентирами уже первобытным мореплавателям, направлявшим свои суда от острова к острову, чтобы, по возможности не теряя из вида суши, пересекать Эгейское море. По берегам восточной, северной и южной частей Крита, заселенных пришельцами в первую очередь, имелось множество песчаных отмелей, на которые древним мореходам было удобно вытаскивать свои весельные и парусно-весельные суда с поднятой кормой и еще более высоким носом (эти отмели в настоящее время не существуют: они исчезли после того, как в результате сильного землетрясения в VI в. н.э. западная часть острова поднялась на несколько метров над уровнем моря, а восточная – наоборот опустилась).

Крупные горные массивы с отдельными высокими вершинами, обрывистыми ущельями и многочисленными плоскогорьями занимают основную часть территории острова. С ними соседствуют плодородные долины. Пер-

* Отсюда происходит и ряд других научных терминов: «минойская культура», «минойский язык» (т.е. язык минойцев), «миноистика» (комплексная научная дисциплина, изучающая историю и язык, материальную и духовную культуру обитателей догреческого Крита) и т.п.

Новый дворец в Кноссе. XVII–XV вв. до н.э. *План*

воначально Крит был весь покрыт густыми лесами. Античные авторы даже называли его родиной кипариса. Ведь таких деревьев произрастало здесь великое множество. В течение многих столетий остров снабжал строительным лесом корабельные верфи всех прибрежных государств Восточного Средиземноморья. Постоянное развитие цивилизации и рост численности населения на острове сопровождалось интенсивным истреблением лесов. Но западная часть Крита еще довольно долго оставалась диким лесистым краем, слабо освоенным и заселенным.

Первые поселенцы, обосновавшись на Крите, сначала приспособили под жилье многочисленные природные пещеры. Затем кое-где (например, в неолитическом поселении на территории будущего Кносса) стали воздвигаться прямоугольные в плане дома из обожженного кирпича. Однако эта строительная техника, занесенная на остров извне, не удержалась надолго в

практике местных строителей. Ее сменило возведение стен зданий из сырцового (высушенного на солнце) кирпича, достаточно прочного в климатических условиях острова. Деревянные брусья-связи сообщали возводимым на каменных фундаментах стенам дополнительную устойчивость и прочность, столь необходимые при частых землетрясениях, которым подвержен Крит.

Среди орудий, использовавшихся критянами неолита, главное место занимали острые ножевидные пластинки из обсидиана, а также шлифованные каменные топоры и булавы. Керамическое производство достигло уже успехов: от этого периода дошли сосуды разных типов и глиняные статуэтки. В повседневном быту жителей острова встречались, кроме того, привозные изделия из Малой Азии и Египта.

На первые века III тысячелетия до н.э. приходится переход на Крите от каменного века к бронзовому. Подвижничеству знаменитого археолога Артура Эванса (1851–1941), который посвятил жизнь изучению критских древностей и более трех десятков лет, вплоть до начала 1930-х годов, вел раскопки огромного комплекса монументальных сооружений в Кноссе, мы обязаны и самим термином «минойская цивилизация». Выработанная им и в дальнейшем лишь несколько уточненная хронология минойской культуры эпохи бронзы делит этот важнейший этап истории острова на три больших периода. Они получили наименования: *раннеминойский* (около 3000–2200 гг. до н.э.), *среднеминойский* (около 2200–1600 гг. до н.э.) и *позднеминойский* (около 1600–1100 гг. до н.э.). Необходимо отметить, что минойская культура на протяжении всего своего существования имела ярко выраженный морской характер, ее становление было теснейшим образом связано с развитием мореплавания и международной торговли.

Важной чертой раннеминойского периода являлся быстрый рост населения. Условия для этого создавало успешное развитие сельского хозяйства, в котором основное место занимало выращивание злаковых культур, оливок и винограда («средиземноморская триада»). Возникает множество новых поселений, которые отчетливо группируются по трем территориально обособленным регионам, соответствующим наметившемуся еще в неолите выделению на острове трех областей с признаками локальных археологических культур – восточной, центральной и южной. Многие населенные пункты в это время тяготеют к побережью, что несомненно связано с имевшим место интенсивным развитием мореходства и рыболовства. Морские сюжеты, среди которых особый интерес представляют изображения кораблей, присутствуют на раннеминойских печатях. Для этого периода очень важными были контакты Крита с обитателями Кикладских островов, искусными мореходами, строителями крупных поселений с фортификациями, создателями оригинальных художественных произведений (из них наиболее характерны «идолы» из шлифованного мрамора).

Заметно совершенствуется по сравнению с предшествующей неолитической эпохой архитектура жилых зданий. Хотя основные принципы планировки раннеминойских домов и унаследованы от поздненеолитических построек, она становится в целом намного сложнее. Дома имеют теперь большое количество прямоугольных комнат, часть внутренних помещений в них освещалась с помощью световых колодцев. Некоторые здания были двух- и даже трехэтажными. Они ставились на прочные каменные основа-

ния. По-прежнему их стены, сложенные из сырцового кирпича, укреплялись дополнительно с помощью деревянных балок (что придавало конструкциям большую сейсмостойкость – обстоятельство, как уже отмечалось, крайне важное для Крита, всегда страдавшего от периодически случавшихся землетрясений), штукатурились и покрывались цветной обмазкой.

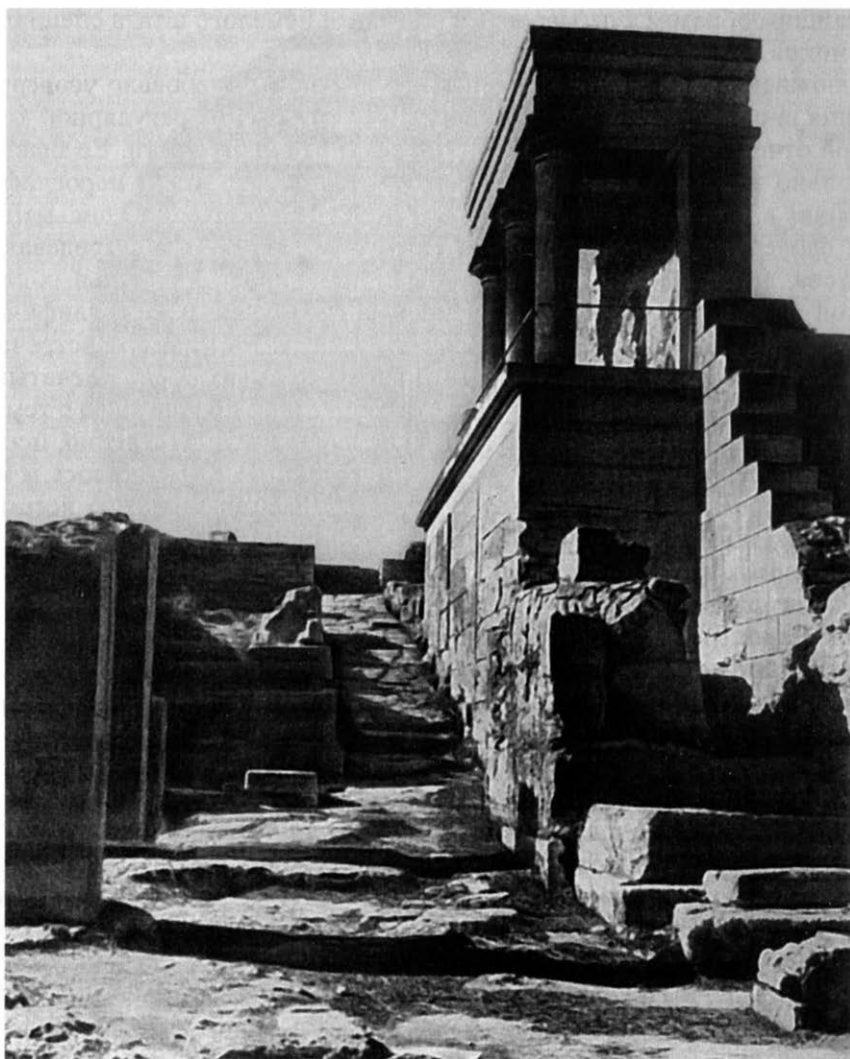
Родовые гробницы, в которых критяне хоронили своих покойников, по планировке имитировали небольшие неолитические жилища. Захоронения в них содержат обильный погребальный инвентарь, состоящий из металлических орудий и оружия (односторонних и двусторонних топоров, кинжалов треугольных и удлиненной форм), прекрасных сосудов из различных пород камня, керамики, золотых и прочих украшений. Часто встречаются в них и печати, искусство резьбы которых, возникнув в начале данного периода, достигает к концу его больших успехов.

ЭПОХА РАСЦВЕТА КРИТО-МИНОЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (первая половина II тысячелетия до н.э.)

С наступлением среднеминойского периода (ок. 2200–1600 гг. до н.э.) открывается новая глава в истории Крита – возникновение на острове первых в Европе государственных образований с рабовладельческим строем, развитой письменностью, достаточно высоким уровнем экономики и культуры. В крупнейших критских городах – Кноссе, Фесте и некоторых других – строятся монументальные дворцы (получившие у археологов название Старых дворцов) со множеством помещений – парадных, жилых и хозяйственных. Самый крупный из них, Кносский, занимал, например, площадь более чем в полтора га. Широкое распространение бронзовых инструментов резко продвинуло вперед технику обработки камня, а тем самым и каменное строительство. В это время, в частности, появляются отдельно стоящие колонны, игравшие роль как несущих конструкций, так и важных элементов архитектурно-художественного облика зданий.

Большое развитие получила монументальная живопись. Искусство фрески (росписи разведенными в воде минеральными красками по сырой штукатурке), родившееся на Крите именно в это время, успевает уже к концу среднеминойского периода дать несколько подлинных шедевров. Наблюдается небывалый расцвет керамического производства, который был обусловлен появлением на острове гончарного круга. Непревзойденные по красоте и изяществу расписные сосуды стиля «камарес» (условное название, данное по одному из мест их находок) самых разнообразных типов и форм выходят из дворцовых мастерских.

В конце среднеминойского периода, похоже, трижды в течение одного столетия (около 1700, 1660 и 1600 гг. до н.э.) Криту пришлось испытать разрушительные землетрясения. Но на развалинах Старых дворцов возникают еще более грандиозные и величественные Новые дворцы. Пережитые стихийные бедствия как будто не только не помешали, но даже по-своему способствовали – в результате вынужденной активной мобилизации всех сил и ресурсов страны для очередных восстановительных работ – дальнейшему

Новый Кносский дворец. *Реконструкция*

расцвету минойской культуры и становлению единого Критского государства с центром в Кноссе, которые последовали на первой стадии позднеминейского периода (отрезок времени, датируемый примерно 1580–1450 гг. до н.э.).

Именно тогда по всей заселенной территории острова распространяется густая сеть дорог, безопасность которых охраняли устроенные через определенные интервалы сторожевые посты. Централизация власти достигает в общем масштабе Крита своего максимума. В обширных кладовых Кносского дворца концентрируются колоссальные продовольственные запасы и огромное количество ремесленных изделий всевозможных видов, которые поступают сюда в виде собираемых с населения натуральных податей из разных уголков острова. Все поступления в царскую казну, по-видимому,

строжайшим образом учитывались с помощью немалого штата специальных чиновников.

Усложнение организации дворцового хозяйства требовало усовершенствования системы контроля. Насущные нужды ведения регулярной хозяйственной отчетности стимулировали появление письменности. Ее знаки первоначально имели рисуночный характер – такова «критская иероглифика», возникшая в XIX и просуществовавшая до XVII в. до н.э. Эта письменность имела словесно-слоговой характер. Некоторые иероглифы передавали целые слова, другие могли использоваться и для передачи отдельных слогов. Простой и удобной была система числовых обозначений. Иероглифические надписи наносились на самые разные предметы. Чаще всего встречаются оттиски нескольких иероглифов на глиняных ярлыках. Ведь опечатывание сосудов с сыпучими и жидкими веществами, всякой прочей тары с теми или иными припасами, поступавших в царские кладовые, естественно, постоянно практиковалось в большом дворцовом хозяйстве. Сохранилось и много подлинных печатей с иероглифическими надписями, зачастую весьма искусно вырезанными минойскими каллиграфами на призмах-бусинах из полудрагоценных камней. Критяне писали иероглифами и на глиняных табличках, где фиксировались инвентарные списки имущества, и на каменных алтарях. Вероятно, писчим материалом служили тогда также деревянные дощечки, пальмовые листья, выделанная кожа, ткань или род папируса. Однако иероглифические тексты, написанные на столь недолговечном материале до нас не дошли.

Писцами, владевшими критской иероглификой, для большего удобства в их работе очень скоро было выработано сильно упрощенное в графическом отношении «линейное письмо А». С XIX в. и вплоть до середины XV в. до н.э. оно использовалось преимущественно в деловой сфере. С его помощью составлялись документы хозяйственной отчетности, делались поясняющие пометки на таре, владельческие и иные надписи на всевозможных предметах.

Примерно к концу XVII в. до н.э. на смену иероглифике в качестве декоративного шрифта для фиксации особо важных текстов на Крите пришел «минойский иератический силлабарий» (наиболее значительные памятники этой разновидности критского слогового письма – текст на керамическом диске из Фестского дворца и гравированное посвящение божеству на бронзовой секире из пещерного святилища в Аркалахори).

В других крупных критских городах, сохранявших значение административных центров отдельных исторически сложившихся областей, дворцовые кладовые также были наполнены заготовленными впрок провиантом и произведениями ремесла. Причиной этому являлся общий небывалый подъем экономики Крита, и, в частности, успехи сельского хозяйства. Критяне успешно выращивали пшеницу, просо, ячмень, чечевицу и горох; широко возделывали виноград и оливки, некоторые технические культуры (главным образом пряности, лен и шафран, применявшийся для изготовления высококачественных красителей); активно занимались садоводством и огородничеством. Очень важную роль в экономике Крита играло и животноводство – разведение крупного рогатого скота, овец и коз (лошадь впервые появляется

Диск из Феста. Крит. Гераклеон. Музей

на острове, судя по всему, не ранее середины XV в. до н.э.). По-прежнему немалое значение имели и древнейшие виды промысла – рыболовство и охота, а также пчеловодство.

Минойская талассократия. Значительная часть накапливавшихся материальных ценностей поступала в кладовые критских дворцов, вероятно в качестве дани с подвластных заморских земель, в первую очередь с островов Эгейского моря. Как раз в это время, надо полагать, и устанавливается знаменитая «талассократия» (греч. «морское владычество») Миноса, память о которой потом многие столетия сохранялась у жителей Эгеиды. Она означала полное господство критского флота в Восточном Средиземноморье. И это ставило Крит в один ряд с другими великими державами древности. Недаром он на равных поддерживает с Египтом регулярные дипломатические отношения в период царствования фараона Тутмоса III (первая половина XV в. до н.э.).

Прямая колонизация являлась наиболее действенным способом закрепления критского влияния на вновь подчиненных территориях. Античные авторы сообщают об основании колоний критян во времена царствования легендарного Миноса на многих островах Эгейского моря, и прежде всего на Кикладах. Прежние их жители карийцы были изгнаны, а их земли заняли критские колонисты. Данные исторической традиции о заселении минойцами целого ряда островов (Фера, Карпатос, Родос, Кифера, Мелос, Кеос) и прибрежных материковых пунктов Эгеиды (например, Милета в Ма-

лой Азии) подкрепляются археологическими свидетельствами. Материалы раскопок подтверждают и достоверность сообщений античных авторов о военно-морских экспедициях Миноса в Сицилию и Южную Италию.

Во главе Кносской морской державы стоял наследственный монарх (по надписям на иероглифических печатях реконструируется родословная царя по имени «Ровесазеро» и еще шести членов той же династии, правившей на протяжении четырех поколений в XVIII – первой половине XVII в. до н.э.). Авторитет власти царя подкреплялся утверждениями о санкционировании ее свыше, божественном происхождении и самих царей, и вводимых ими государственных установлений. Считалось, что царь действовал как законодатель по внушению верховного божества, регулярно общаясь с ним.

Царские родичи играли важную роль в управлении государством. Они командовали войсками, возглавляли военно-морские экспедиции, становились наместниками в подчиненных Кносу областях Крита и в заморских колониях минойцев. Правители некоторых небольших прибрежных анатолийских и ахейских царств, попадавших в разное время под власть кносских владык, выплачивали им дань и отдавали в заложники своих детей. Порабощение побежденных иноземцев было, кажется, главным способом пополнения слоя несвободных лиц в минойском обществе.

Очистив воды прилегающих морей от пиратов, кносские владыки открыли своим купцам свободный путь на все стороны света. Торговые связи Крита простирались очень далеко. Великолепные изделия критских ремесленников проникали на восток до Месопотамии, на запад до Пиренейского полуострова. Они часто встречаются археологам при раскопках на севере Балкан и в Египте. Развитие товарно-денежных отношений в Кносской державе зашло уже настолько далеко, что в обращении появились первые примитивные деньги – медные слитки определенного веса в виде бычьей шкуры. Наивысшего расцвета достигают на Крите архитектура, изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Лучшие произведения критских мастеров, прежде всего керамика и ювелирные изделия, в соседних странах ценились очень высоко.

Кносская держава находилась на вершине своего могущества, когда стихийное бедствие нанесло минойской цивилизации очередной жестокий удар, который на этот раз был такой разрушительной силы, что оправиться полностью от него она уже не смогла, и вскоре остров оказался в руках иноплеменных захватчиков. Вот как представляется эта катастрофа с учетом данных археологии и геологии.

Взрыв вулкана на острове Фера (Санторин), лежащем в 110 км к северу от Крита, произошедший около 1450 г. до н.э., вызвал сильнейшее землетрясение. Затем до острова докатилась мощная взрывная волна, вызвавшая большие разрушения, и тут же следом за ней на северное побережье обрушились один за другим гигантские цунами, причем высота этих волн достигала, вероятно, нескольких десятков метров. И, наконец, остров накрыла вызванная извержением вулкана огромная туча пепла. В результате города и селения Крита были обращены в развалины, многочисленный флот (основа обороноспособности страны) уничтожен, а плодородные поля в самой обжитой части острова, на его востоке и по всей центральной части (от северного до южного берега), покрыты толстым слоем губительного для расти-

тельности вулканического пепла, и цветущая прежде земля на долгие годы оказалась превращенной в безжизненную пустыню. Массовый падеж скота, вызванный гибелью пастбищ и заражением уцелевшего травяного покрова ядовитым фтором, содержащимся в продуктах вулканических извержений, должен был довершить постигшую минойскую цивилизацию страшную катастрофу, воспоминания о которой, возможно, сохранились в хорошо известном предании о гибели Атлантиды.

Таким образом, экономике Крита и всему его прежнему могуществу был нанесен непоправимый урон. Совершенно лишенный теперь защиты от нападений с моря, остров вскоре стал легкой добычей греков-ахейцев, беспрепятственно переправившихся с материка и завладевших им. Единое Критское царство со столицей в Кноссе продолжало существовать, но господствующее положение в нем занимали уже не коренные жители – минойцы, а поселившиеся рядом с ними достаточно многочисленные пришельцы.

Новые кноссские правители, хотя и претендовали на родство с древним домом Миносидов, опираясь на официальную версию о давних династических связях с ними, были явно ахейского происхождения. Деловую документацию царские чиновники на Крите вели теперь уже не на минойском языке, как прежде, а на греческом. Крит, по крайней мере со второй половины XV в. до н.э., стал составной частью Ахейской Греции.

АХЕЙСКАЯ (МИКЕНСКАЯ) ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ГРЕЦИИ

(II тысячелетие до н.э.)

Начальный этап освоения юга Балканского полуострова первой волной пришедших со стороны Подунавья греческих племен (эпические сказания эллинов именуют их ахейцами) относится к рубежу III–II тысячелетий до н.э. Эта датировка, предложенная археологами, находит косвенное подтверждение в данных мифолого-исторической традиции. Так, наиболее сохранные и полные родословные ахейских владык – это выводимые от одного общего предка генеалогии царей Сикиона и Аргоса (городов на северо-востоке Пелопоннеса) – насчитывают 22 поколения до событий, случившихся во второй половине XIII в. до н.э. Сами древние греки полагали, что три людских поколения соответствуют столетию. По такому исчислению времени, основание первых ахейских царств на Пелопоннесе должно было состояться не позже XIX в. до н.э.

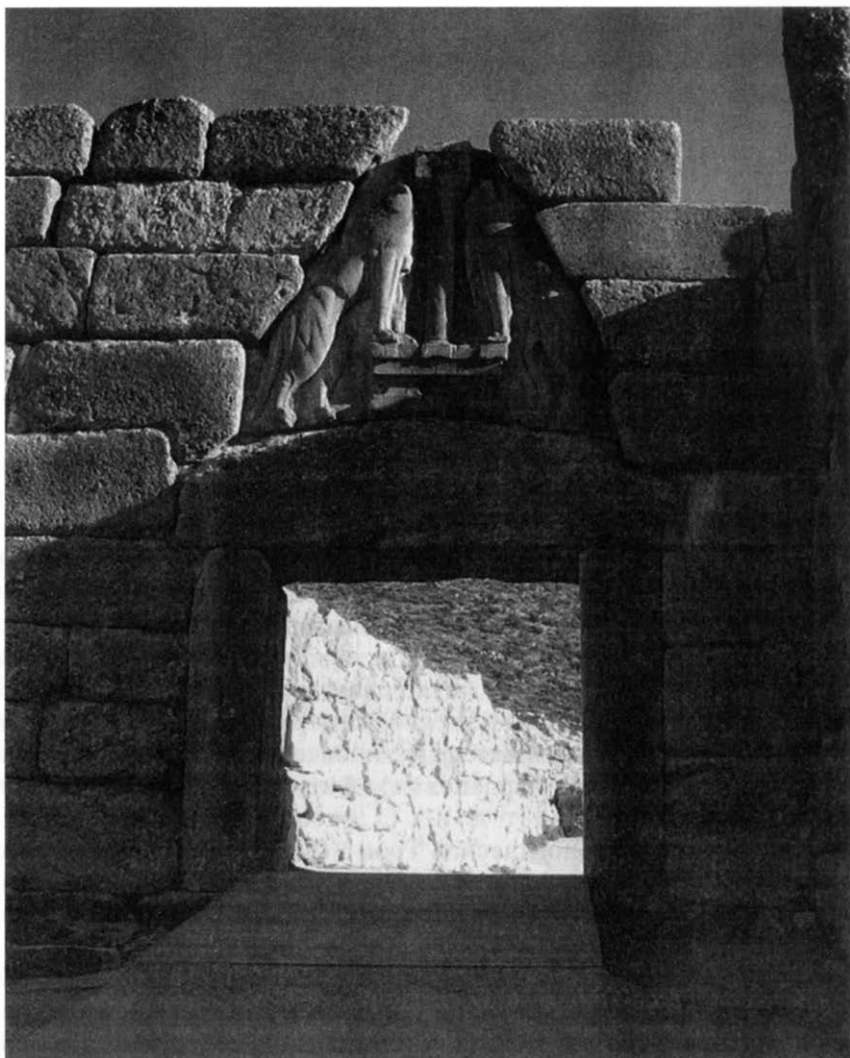
Заняв Грецию, ахейские племена ассимилировали значительную часть местного пеласгийского населения, обладавшего более высокой культурой и уже сделавшего первые шаги к созданию настоящей цивилизации (к югу от Аргоса, в цитадели пелопоннеской Лерны, погибшей от пожара около 2300 г. до н.э., археологи нашли более полутора сотен оттисков печатей на глиняных ярлыках, прикрепленных некогда к емкостям в общественных кладовых). От пеласгов в язык греков перешли многие культурные термины: *астю* – «город», *тургос* – «цитадель, крепость, башня», *асаминфос* – «бадя, ванна», а также названия растений – аканта, кипариса, нарцисса, гиацинта и других. Правящие дома различных ахейских царств II тысячелетия до н.э. числили среди своих предков древних пеласгийских династов.

На протяжении XX–XVII вв. до н.э. эволюция ахейского общества шла довольно медленными темпами. Но уже к концу этого периода повсеместно происходит формирование небольших по территории царств, центрами которых становились хорошо укрепленные поселения – постоянные резиденции глав аристократических родов. Наследственные племенные вожди превращались в локальных династов. Все они старались возводить свои родословные к верховному богу – Зевсу (Дивию, Дию). Отсюда происходит общее обозначение самих этих властителей и их потомков – «диогенеты» («рожденные Зевсом»). Обладатели высшей власти даже в самом крошечном ахейском царстве равным образом именовались «анактами» (ед. число – *анакс*; ранняя форма – *ванакс*, *ванака*). Тот же титул, со значением «повелитель, владыка, царь», применялся и по отношению к божеству.

Несмотря на формальное равенство в общем статусе ахейских анактов, те из них, кто приобретал особую силу, по возможности ставил более слабых в зависимость от себя. Самые сильные в военном отношении ахейские царства создавали подчас со своими союзниками и сателлитами мощные коалиции для совершения грабительских походов на сопредельные страны, сулившие в случае успеха захват богатейших трофеев. Нередко случались набеги и на земли ближайших соседей в пределах самой Греции. В междинастические распри, потрясавшие какое-либо из царств, подчас вовлекались воинские контингенты, предоставленные союзниками одной из враждующих сторон.

С XVI в. до н.э. в ахейском мире возвысилось царство со столицей в Микенах (область Арголида на северо-востоке Пелопоннеса). Раскопки монументальных царских усыпальниц (так называемых «шахтовых могил») выявили здесь несметные богатства: культовые атрибуты и украшения из драгоценных металлов, парадное оружие, другие великолепные произведения мастеров-ремесленников. Все эти предметы роскоши должны были сопровождать в загробный мир венценосных покойников. Данные находки подтвердили справедливость выражения «златообильные Микены», сохранившегося в эпических сказаниях греков-ахейцев. По имени этого города вся цивилизация поздней бронзы на территории Греции (XVI–XII вв.) получила теперь название *микенской*.

Помимо Микенского государства в Ахейской Греции существовали и другие сильные царства, правда, менее богатые и не столь агрессивные. Их столицами были Тиринф (в той же Арголиде), Пилос (на юго-западе Пелопоннеса), Афины (в Аттике), Орхомен и Фивы (в соседней Беотии), Иолк (в Фессалии, Северная Греция). В середине XV в. до н.э. к ним прибавился завоеванный тогда греками-ахейцами Крит. Именно там, судя по всему, появилось слоговое «линейное письмо Б», приспособленное для записи уже не минойских, а греческих текстов. Эту письменность стали применять для составления деловой документации, и прежде всего с целью ведения текущей отчетности, во многих крупных центрах Ахейской Греции. Так, в Пилосском дворце найден целый архив из глиняных табличек с бухгалтерскими записями, хранившийся в отдельном помещении. Эти и им подобные документы освещают многие стороны деятельности государственной администрации в лице разветвленного чиновничьего аппарата, раскрывают систему тотального контроля в централизованном дворцовом хозяйстве. Хозяйственные таблички «линейного письма Б» составляют большинство среди памят-

«Львиные ворота». Микены. Акрополь

ников письменности эгейского круга, обнаруженных археологами. Поэтому дешифровка текстов II тысячелетия до н.э. из материковой и островной Эллады началась именно с них.

Ключ к прочтению и последующей интерпретации этих табличек смог подобрать гениальный английский исследователь Майкл Вентрис (1922–1952). В сотрудничестве со своим соотечественником Джоном Чедвиком он развил идею о грекоязычности табличек «линейного Б», получивших дальнейшее подтверждение в трудах этих ученых и их многочисленных последователей. Тем самым были созданы реальные предпосылки для проникновения в смысл и всех других памятников письменности из ареалов распространения минойской и микенской цивилизаций.

Об интенсивных торговых связях ахейских царств говорят в равной степени и огромные кладовые дворцов, и записи на табличках. Так, в текстах «линейного письма Б» упоминаются рабыни, привезенные из городов и областей западного побережья Малой Азии: Книда, Милета, Зефирии (Галикарнасса), Асии (Лидии). Труд невольников, царских и храмовых, широко использовался в различных сферах экономики (например, многочисленные дворцовые рабыни мололи зерно, изготавливали ткани и шили из них одежду).

Ахейская Греция так и не превратилась в единое государство, оставаясь конгломератом разных по величине и силе царств. Между ними нередко возникали острые или затяжные конфликты. Например, греческие эпические сказания сохранили память о династических распрях в фиванском царском доме Кадмидов, которые дважды приводили к вторжению вражеского войска в Беотию. Второй из этих походов закончился взятием Фив. Археологические раскопки показали, что город был предан огню около 1230 г. до н.э.

Анакты Микен из династии Атридов претендовали на гегемонию в Ахейской Греции, опираясь на свое могущество и уверяя, что они владеют «скипетром Зевса». Однако самое большее, чего им удалось добиться, это руководство общеахейскими военными экспедициями к восточным берегам Эгейского моря, где объектами нападений становились области, зависимые от Хеттской державы. Наверное, самым длительным и кровопролитным (во всяком случае таким он запечатлелся в эпосе) оказался поход ахейцев под предводительством микенского царя Агамемнона, сына Атрея, на Трою (Илион), очень важный в стратегическом отношении город у входа в пролив Геллеспонт (ныне Дарданеллы). Античная традиция относит эту Троянскую войну к 1193–1184 гг. до н.э. (а археологи датируют соответствующее ей разрушение археологической Трои VIIa – Трои Приама – последними десятилетиями XIII – началом XII в. до н.э.). Захват Трои, достигнутый исключительно дорогой ценой, ознаменовал апогей ахейской экспансии в Средиземноморье.

В это время ахейцам принадлежали почти все острова Эгейского бассейна. Следы их пребывания отмечены в Сицилии и Италии. Ахейские поселения появились на Кипре и Сирийско-Финикийском побережье. Но неотвратимая, как оказалось, опасность уже грозила ахейской цивилизации с севера. Там накапливали силы для будущего наступления родственные ахейцам, но практически не затронутые их цивилизацией дорийские племена, а возможно и другие воинственные этнические группы Балкано-Дунайского региона. По преданию, греков-дорийцев вели в Пелопоннес Гераклиды, считавшие себя потомками и законными наследниками изгнанных с родины давних властителей Микен и Тиринфа. Попытки противостоять завоевателям (эти усилия отражены в текстах некоторых табличек «линейного письма Б» из Пилосского дворца, погибшего в огне, по мнению археологов, около 1200 г. до н.э.) оказались тщетными.

Дорийцы обошли самые надежные оборонительные рубежи противника, переправившись через Коринфский залив на его южный берег. Высадившись на Пелопоннесе, они завоевали его лучшие, наиболее плодородные области. Главные ахейские центры полуострова были разрушены. Местные династы и их родичи, потеряв все, искали спасения в бегстве. Похоже, только мно-

гочисленная семья анакта Пилоса, обладавшего солидным флотом, сумела вовремя эвакуироваться вместе со значительной частью своих богатств на кораблях по морю в оставшуюся незавоеванной дорийцами Аттику (где они и поселились, овладев вскоре царской властью теперь уже в Афинах). Практически вся материковая Греция и Эгейский архипелаг подверглись опустошительному нашествию. В результате там пресеклась та линия развития государственности, которая зародилась в недрах минойской цивилизации и была затем унаследована греками-ахейцами. Почти повсеместно рухнула политико-административная и хозяйственная система, базировавшаяся на организующей роли дворца как главного центра управления, производства и контроля.

В типологическом отношении именно эта система сближает обе описанные выше цивилизации Эгеиды бронзового века с цивилизациями Ближнего Востока, для специалистов она служит решающим аргументом в пользу объединения всех их вместе в общую группу историко-культурных явлений одного порядка. В полной мере уцелел лишь один нетронутый островок микенской цивилизации на далеком Кипре. Там продолжали существовать все те же ахейские государственные образования «дворцового типа» с прежними династиями, а этнокультурная преемственность выразилась, помимо всего прочего, в дальнейшем бытовании микенского диалекта и в применении (еще в течение целого тысячелетия!) греко-кипрской слоговой письменности, происходящей непосредственно от «линейного письма Б». В остальных частях греческого мира примерно с конца XII в. до н.э. (традиционная дата окончательного «возвращения Гераклидов» — 1104 г. до н.э.) наступает период так называемых «темных веков».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

К середине III тысячелетия до н.э. огромные пространства Ближнего и Среднего Востока были покрыты десятками прото- и раннегосударственных образований, прежде всего «номовыми государствами» – на большей части территории Ближнего Востока, а также *вождествами* или племенными союзами на периферии «цивилизованной» территории (особняком стояло крупное централизованное царство Египта).

Международные отношения III–II тысячелетий до н.э. определялись несколькими специфическими чертами. Натуральная в своей основе экономика обуславливала практически полную автаркию древневосточных политических образований; даже если те или иные отрасли ремесла нуждались в привозном сырье, а импортные товары особенно ценились в какой-либо сфере жизни, экономическое давление друг на друга, в том числе «торговые войны», политики древнего Востока осуществлять не могли.

Единственным средством прямого воздействия оставалась война, а главным дипломатическим средством – демонстрация той или иной степени дружественности (т.е. нежелания нападать, а то и готовности оказать военную помощь) или враждебности (т.е. готовности при случае напасть или угрожающего приближения к этой готовности). Демонстративно-символический характер носили межгосударственные дары, непременно сопровождавшие дружественные и даже просто не подчеркнуто неприязненные дипломатические отношения; любая полития могла бы свободно обходиться без этих подношений.

Тот факт, что главным инструментом дипломатии становилось обозначение степени враждебности (приближения к войне) или дружественности (твердости намерений не нападать), приводил к тому, что первенствующую роль в переговорах приоретал либо прямой силовой нажим, либо средства личного психологического воздействия. Отсюда, в частности, характерная «личностная» окраска междуцарской переписки на Древнем Востоке, которая зачастую напоминает по выражениям эмоциональное выяснение личных отношений между частными людьми, но в действительности таким способом реализует сугубо политические цели.

Военные и транспортные возможности III–II тысячелетий до н.э. не позволяли, иначе как в виде редчайших случаев, осуществлять дальние крупномасштабные походы за пределы собственного региона. Такие кампании, как поход хеттского Мурсилиса I из бассейна Галиса на Вавилон (1595 г.), оставались именно исключениями. Военная экспансия, помимо целей простого грабежа, первоначально могла преследовать только две цели: утверждение своей гегемонии над соседями и достижение контроля над торговыми путями. В первом случае победитель стремился установить некий сюзеренитет над побежденным, который обязывался присылать некую (часто нерегулярную) дань, выставлять по требованию сюзерена определенные воинские контингенты и, главное, подчинить ему свою внешнюю

политику – иными словами, не нападать на сюзерена, не вступать в дружбу с его врагами, а, напротив, оказывать им вражду. В очень редких случаях на подчиненных таким образом территориях выставлялись гарнизоны и размещались некие представители сюзерена (наподобие позднейших монгольских баскаков); гораздо чаще никакого присутствия (кроме появления послов) на территории вассала сюзерен не поддерживал, и покорность обеспечивалась лишь страхом вассала перед последствиями нелояльности. Иногда дальние экспедиции вдоль торговых путей предпринимались просто для того, чтобы на будущее обеспечить своим купцам более свободное передвижение по ним и собрать добычу с попадающихся на пути городов.

Сферы гегемонии обычно были непрочны и невелики по размеру, и, главное, не меняли самой геополитической структуры региона: одни и те же политии существовали по многу веков, то подчиняясь чей-то верховной воле, то обретая независимость или даже ставя под контроль соседей. Иногда в результате миграций или масштабных военных потрясений они гибли и на смену им приходили новые, с перекраиванием границ, но случаи аннексий и слияний таких политий в одно обширное царство были поначалу крайне редки. Крупные державы III–II тысячелетий до н.э. часто представляли собой фактическую федерацию традиционных политий под властью определенной династии, базирующейся на одной из них или на нескольких центрах сразу (как это имело место в Эламе).

До третьей четверти III тысячелетия единственным примером большого царства, созданного за счет прямого слияния многих исконных политий в одну, оставался Египет. Позднее к их числу добавились месопотамские державы династии Аккада (XXIV–XXIII вв. до н.э.), III династии Ура (XXI в.), Шамши-Адада (конец XIX – начало XVIII в. до н.э.), Вавилония (с XVIII в.), а также анатолийские царства Арцавы и Неситское (Хеттское) (с XVIII в. до н.э.) и, наконец, Митанни (с XVI в.) и Среднеассирийская держава (с XIV–XIII вв. до н.э.).

Все эти государства – так называемые «территориальные царства», принципиально превосходящие по масштабу и сложности «номовые политии», территорию которых они включили, – вели борьбу за контроль над расположенными между ними малыми политиями, в числе которых с XVI–XV вв. до н.э. находилось и немало укрупненных сравнительно с обычными «номами» новообразований, также сложившихся в результате интегративных процессов, только не таких масштабных. Такие образования время от времени появлялись еще с конца III тысячелетия – Уркешско-Наварское хурритское царство в Верхней Месопотамии в XXII–XXI вв. до н.э., Ямхад в Сирии в XIX–XVII вв., гиксосское Аварисско-Палестинское царство в XVI–XV вв., царство Ларсы в Нижней Месопотамии в конце XIX – начале XVIII в.; однако особенно много возникло их в позднебронзовом периоде, в их числе Киццувадна в Анатолии в XVI–XII вв., Алзи на Верхнем Тигре в ту же эпоху, Амурру в районе Ливана в XIV–XII вв., Аррапха за Тигром в XV–XIV вв., Каркемишское позднешеттское царство с XII в., Тиро-Финикийское царство с XI в. до н.э.

Вассальные отношения в середине – второй половине II тысячелетия до н.э. в Азии стандартно оформлялись неравноправными «союзными» договорами; Египет таких договоров не заключал. Для той же эпохи не такой ред-

костью становится размещение гарнизонов, колонистов и постоянных представителей сюзеренов в вассальных странах, хотя регулярную систему своего рода «генерал-губернаторств» или «протекторатов», охватывающих зависимые владения, наладило только Новоегипетское царство в Азии с конца XV в. до н.э.

Политическая карта древнего Ближнего Востока переживала несколько крупномасштабных смен, позволяющих выделить несколько этапов истории международных отношений в III–II тысячелетиях до н.э. Целесообразно охарактеризовать эти этапы перед тем, как изложить конкретную историю отдельных регионов.

В третьей четверти III тысячелетия до н.э. основными политическими «фигурантами» на Ближнем Востоке выступали Египет, несколько ранних номов приморских ханаанеев («финикийцев»), в том числе Тир и Библ, лувийские политии в Южной Анатолии, включая плато Конья, хаттские царства (прежде всего собственно Хатти) в Центрально-Восточной Анатолии, Эбла и многие другие «северосемитские» и субарейские номы Сирии и Верхней Месопотамии, номы Среднего Евфрата («Верхней страны»), в первую очередь Мари, многочисленные субарейские и шумеро-аккадские номы Нижней Месопотамии, Среднего Тигра и предгорий Загроса, а также номы и племенные союзы, объединенные конфедеративными связями в образование, известное нам как «Элам», и, наконец, эламо-дравидские политии Иранского нагорья и Северо-Западной Индии, образовывавшие непрерывное политическое пространство от Загроса до долин Инда и Амударьи. Большая часть Нижней Месопотамии периодически составляла сферу гегемонии того или иного шумерского центра; такое же господство от Тавра до Балиха устойчиво поддерживала Эбла в Сирии; соперником Эблы, пытающимся сдерживать ее экспансию, являлось Мари; гегемонию в Эламе осуществлял ном Аван. За пределы своих регионов экспансия осуществлялась редко; возможно, Лугальаннемунду из Адаба (ок. 2400 г. до н.э.), и во всяком случае Урукский правитель Лугальзагеси (ок. 2325 г. до н.э.) ходили походами из Нижней Месопотамии к Сирии. Египет весьма устойчиво контролировал Библ. Отличительной особенностью и этой, и последующих эпох вплоть до середины II тысячелетия было, однако, то, что месопотамско-сиро-анатолийская и египто-палестинская зона развивались, практически не взаимодействуя друг с другом (не считая контактов самих Сирии и Палестины).

Рубежом этапов стали образование и распад Аккадской «мировой» державы с центром в Нижней Месопотамии (XXIV–XXV вв. до н.э.): в составе нее были интегрированы все нижнемесопотамские номы, а в зависимость от нее попали огромные пространства от Тавра до Элама (включительно) и, возможно, более далеких стран иранского нагорья. Аккадская держава, в частности, сокрушила Эблу. Цикл миграций и движений периферийных племен Армянского нагорья и Загроса в XXIII–XII вв. до н.э., вызванных в том числе климатическими переменами (как и одновременный кризис в Египте), привел к крушению Аккадской державы (пало и Аванское царство в Эламе, попытавшееся было воспользоваться ослаблением Аккада); в результате этих миграций Верхняя Месопотамия оказалась занята сутиями-амореями и хурритами, хетты выдвинулись с востока в Малую Азию, а в Северо-Запад-

ноцентральной Иране образовалась племенная общность, именовавшаяся «страны Симашки/страны Забшали».

Воссоединение Нижней Месопотамии под эгидой III династии Ура (XXI в. до н.э.) и попытки ее держать под плотным контролем Северо-Восточную Месопотамию, Загрос и Элам (при этом применялись все средства от военных кампаний до династических браков) не привели к прочному успеху. Царство «Симашки» (крупнейшее из стран Симашки/Забшали) подчинило и соединило под своей властью Элам (после чего само стало рассматриваться как одна из его составных частей); экспансия Элама под его властью и одновременное расселение амореев на земли Верхней Месопотамии, Сирии–Палестины и державы III династии Ура привели к крушению последней и началу нового, среднебронзового этапа международной истории Ближнего Востока (XX–XVI вв. до н.э.).

Если в начале этого этапа Ближний Восток был раздроблен на множество мелких политий, в том числе аморейских (относительно крупными образованиями были лишь Иссинское нижнемесопотамское царство в XX в. до н.э. и Элам), то нарастающие интегративные процессы в отдельных регионах привели к тому, что в XVII в. до н.э. значительную часть Западной Анатолии контролировало царство Арцава, Восточно-Центральную Анатолию – Ниситское (Хеттское) царство (основано в середине XVIII в. до н.э.), почти вся Месопотамия оказалась поделена между тремя государствами – хурритской конфедерацией Ханигальбат на севере, Вавилонией дома Хаммурапи в центре и царством Приморья на крайнем юге.

В Восточном Средиземноморье также выделилось несколько крупных субрегиональных центров – «великое царство» Ямхад (Халпа) в Северной Сирии, Катна – в Южной, Хацор в Северной Палестине и так называемое гиксосское объединение в Южной Палестине, на Синае и в Восточной Дельте, захваченной им у египтян. Для среднебронзового периода характерны также активные контакты цивилизации Крита с Ближним Востоком, прежде всего с Египтом.

В XVIII–XVII вв. до н.э. Ближний Восток оказался затронут циклом миграций, главный поток которых направлялся через Иран к Индии. В ходе этих миграций пришельцами (вероятно, индоариями или родственными им племенами) была разрушена вся северная половина эламо-дравидской ойкумены Ирана и Средней Азии. Касситы из Центрального Ирана переселились на Загрос и в Верхнюю Месопотамию, на Армянское нагорье попали переднеазиатские арии, а хурриты (увлекая с собой часть этих ариев) широко расселились в Юго-Восточной Анатолии, Сирии и Палестине. Создалась обширная хурритская ойкумена от Аррапхи и приурмийского района до Тавра и Синая, сыгравшая значительную роль в истории Ближнего Востока следующих веков; именно тогда был создан хурритский Ханигальбат.

Время около 1590 г. стало апогеем могущества Хеттского и Гиксосского царств: хетты покорили Северную Сирию, сокрушив Ямхад, теснили хурритов Ханигальбата и в ходе короткого рейда разграбили Вавилон и низвергли династию Хаммурапи (1595 г.); гиксосские цари Авариса контролировали территории от нубийского царства Куш у III порога Нила до Южной Сирии.

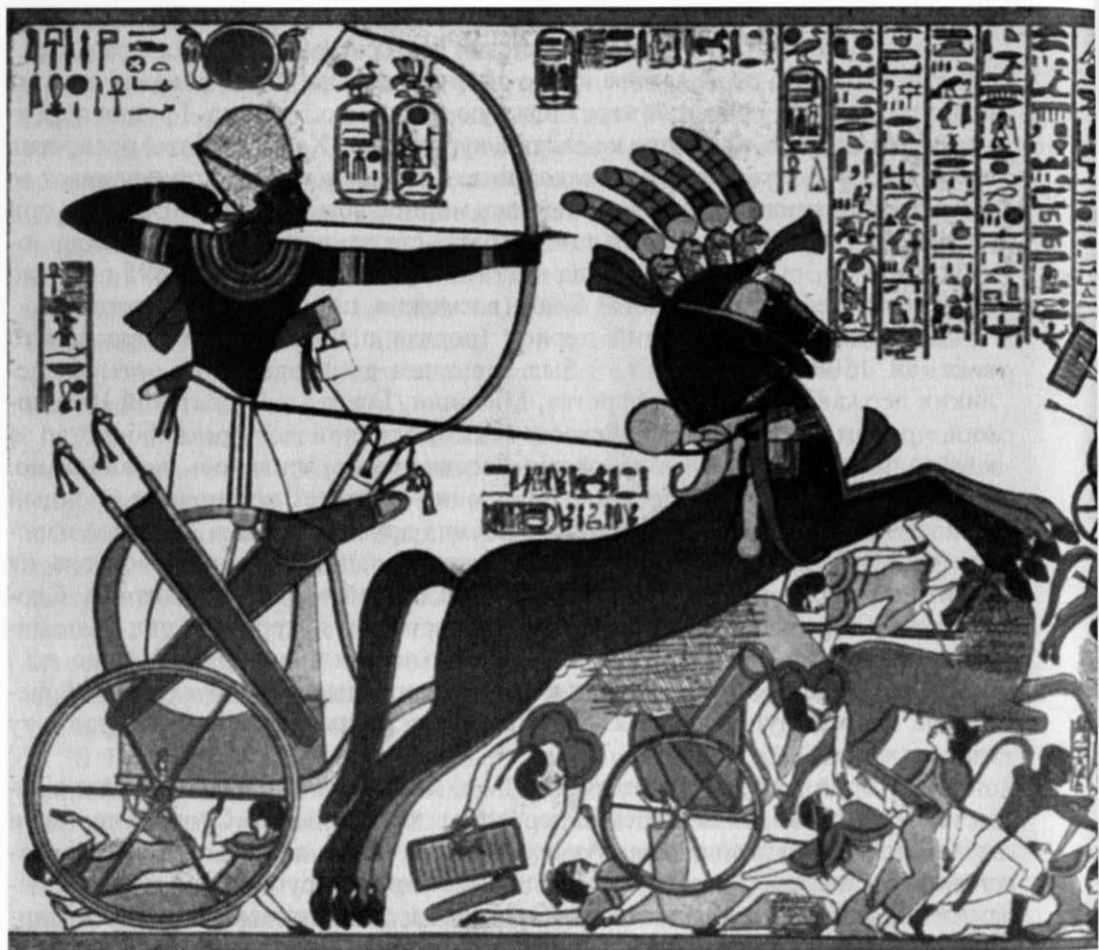
Новый большой перелом произошел в середине XVI в. до н.э. Под ударами хурритов хетты теряют Сирию, а в Юго-Восточной Анатолии образу-

ется хуррито-лувийское «великое царство» Киццувадна (тж. «Страна города Адания», Аданавана, Дануна). Фиванские цари сокращают Гиксосское царство и немедленно перехватывают его сферу влияния в Азии, доводя границы своих зависимых владений через Южную Сирию до Евфрата. Группа переднеазиатских ариев приходит к власти в хурритском Ханигальбате, превратив его в царство Митанни. Касситская династия Вавилонии восстанавливает ее могущество, ярким знаком чего явилось мирное возвращение в Вавилон при Агуме II из страны «Хани» (Ханигальбата) статуи верховного бога Вавилонии Мардука, вывезенной оттуда хеттами при ее разгроме в 1595 г. Около того же времени разваливается Элам (возможно, под ударами касситов).

В результате следующий период (первая половина позднебронзового века, ок. 1500–1350 гг. до н.э.) был временем взаимодействия четырех великих держав – Хеттского царства, Митанни, Египта и Касситской Вавилонии, причем египто-митаннийское и хетто-митаннийское противоборство за контроль над различными районами Леванта разворачивалось параллельно. В конце XV в. до н.э. Митанни, Вавилония и Египет установили прочный мир и известные дружественные отношения друг с другом, а Хеттское царство, получив тяжелейшие удары от Арцавы с запада и Митанни с востока, на некоторое время оказалось выведено из активной внешней политики. Сложившаяся в результате стабилизация, известная в литературе под названием «амарнского международного порядка» (первая половина XIV в. до н.э.) оказалась недолговечна. Именно в ее эпоху впервые фиксируется такой феномен, как международный язык дипломатии; роль такого языка играл в ту пору аккадский.

Во второй – третьей четвертях XIV в. до н.э. на Ближнем Востоке происходит новый геополитический переворот: хеттский царь Суппилулиумас и правитель Ашшурского нома Ашшурубаллит почти одновременно разворачивают экспансию (в том числе сталкиваясь друг с другом) на фоне внешнеполитического упадка Египта при Эхнатоне и династических смут в Митанни. В итоге хетты покорили почти всю Анатолию (включая Арцаву), отняли у Египта его азиатские владения и разгромили Митанни; значительная часть митаннийских владений и ряд других территорий подверглась аннексии Ассирией, превратившейся в крупную державу, а остаток Митанни (известный отныне под названием «Ханигальбат») оказался на весь следующий век «яблоком раздора» между хеттами и ассирийцами.

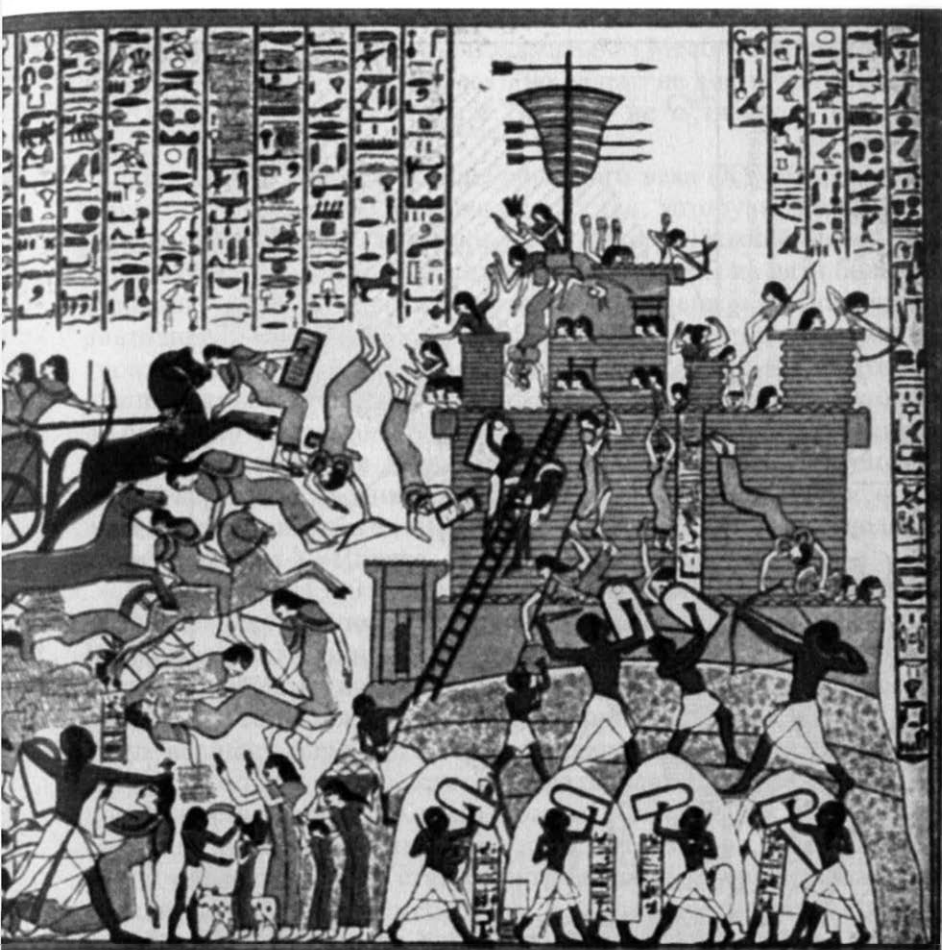
Вторая половина XIV – XIII в. до н.э. характеризуется сочетанием нескольких длившихся с перерывами военных конфликтов. Хетто-египетское противоборство за власть над Сирией–Палестиной окончилось мирным договором 1270 г. до н.э. между Хаттусилисом III и Рамсесом II: почти вся Сирия осталась за хеттами, Палестина, Дамаск и Южная Финикия – за Египтом; после этого Египет поддерживал с хеттским царством отношения устойчивой дружбы. Хетто-ассирийское противоборство за влияние в хурритском ареале Верхнего Тигра и Верхней Месопотамии, в ходе которого Ассирия ок. 1260 г. окончательно уничтожила Ханигальбат, завершилось компромиссным миром между Тудхалиасом IV и Салманасаром I ок. 1240 г., с тех пор практически не нарушавшимся. Нарастающее вавилонско-ассирийское противоборство, завершившись полной ассирийской аннексией Вавилонии при ассирийском царе Тукульти-Нинурте I (ок. 1225 г.) и столь же полным осво-

Взятие сирийской крепости Дапур Рамсесом II. Рельеф. Новое царство. Середина XIII в. до н.э.

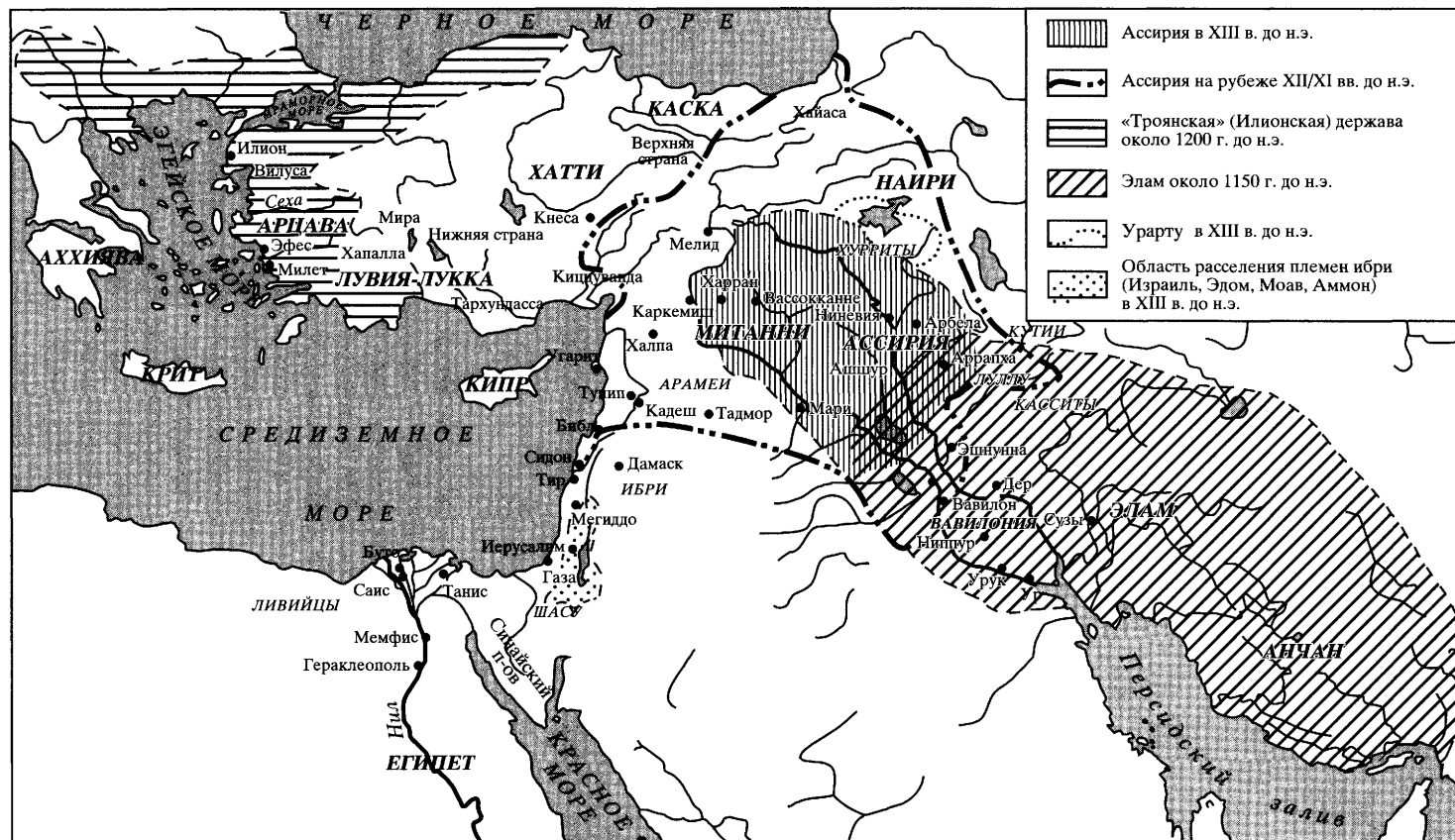
бождением Вавилонии от Ассирии к 1200 г. до н.э. Между тем, пользуясь ассиро-вавилонским противостоянием, в конце XIV – XIII в. до н.э. консолидируется и восстанавливает свое могущество Элам; его опустошительные набеги на Нижню Месопотамию, раздираемую борьбой ассирийцев и вавилонян, и даже временная эламская оккупация ее части имели место в конце XIII в. до н.э.

Первая половина XII в. до н.э. привела к новым коренным переменам на этнополитической карте: переселение балканско-эгейских народов (прежде всего так называемых «народов моря») на Восток (ок. 1200–1165 гг.), включавшее знаменитую «Троянскую войну» античной традиции (ее реальный прототип имел место в 90-х годах XII в. до н.э.), привело к крушению Арцавы и Хеттского царства, в то время как пришельцы расселились очагами до Палестины и Верхнего Евфрата; на Кипре власть захватили ахейские династы. Крупнейшими ареалами пришельцев стали территории мисийских и фригийских племен в западной части Анатолии, «восточномушкских»

протокаппадокийских племен в бассейне Галиса и «Обширная страна (восточных) мушков» на Верхнем Евфрате–Верхнем Тигре; ее обитатели стали предками армян. Осколки хеттского царства, где правили ветви великохеттской династии – Тархунтасса и Каркемишско-Мелидское царства – существовали еще некоторое время (XII–XI вв. до н.э.), но быстро раздробились сами, а совокупность их осколков именуется в литературе «позднехеттскими» царствами. Египет, отбив натиск «народов моря», в начале XII в. покорил было обширные приморские районы, входившие ранее в сферу власти хеттов, но очень быстро потерял сначала их, а к концу XII в. – и все свои азиатские владения вообще.

Между тем во второй четверти – середине XII в. до н.э. новый виток эламской экспансии привел к падению Касситской Вавилонии и резкому ослаблению Ассирии (на которую обрушивались также набеги верхнеевфратско-верхнетигрских восточных мушков). А в третьей четверти XII в. пал под ударами собственной племенной периферии микенский мир Эгеиды;

Ближний Восток в конце II тысячелетия до н.э.

тогда же Вавилония освободилась от недолгого эламского ига и вскоре сокрушительным ударом изгнала эламитов из Месопотамии (в течение следующих десятилетий Элам распался), но далеко не достигла прежнего могущества. Около 1115 г. на Ближнем Востоке не оставалось ни одной великой державы.

Для большей части позднебронзового века (XV–XIII вв. до н.э.) характерна особая концепция «великих царств», которую одинаково разделяли в Эгеиде, Египте, Анатолии, хурритском мире и Нижней Месопотамии (кроме ассирийцев). Согласно этой концепции, в каждом из пяти больших регионов «цивилизованного мира», известному этим державам (нильский, эгейский, анатолийский, верхнемесопотамско-сирийский и нижнемесопотамский регионы) самой природой вещей естественно предусмотрен только один «великоцарский» престол, которым располагает та династия, которая объединила большую часть этого региона под своей властью и аннексировала домен предыдущей такой же династии. Цари таких династий титуловались во взаимной переписке «великими царями» и даже «братьями» (если не враждовали и поддерживали хотя бы внешнюю дружественность), подобно европейским монархам XVIII века.

Около 1400–1300 гг. до н.э. «великими царствами» считались Аххиява (Микенская Греция), Хеттское царство, Митанни/Ханигальбат, Египет и Касситская Вавилония. Хотя Митанни с середины XIV в. до н.э. утратило бывшее могущество и было превзойдено новообразованной Ассирийской державой, а ассирийский царь Ададнерари I принял в начале XIII в. до н.э. титул великого царя, хетты окончательно признали за царем Ассирии этот титул только после того, как сын Ададнерари Салманасар ок. 1260 г. до н.э. полностью покончил с Ханигальбатом: Ассирия, как и Митанни/Ханигальбат, была державой верхнемесопотамского региона, и ее династия могла обрести «великоцарский» статус только с полным уничтожением предыдущей обладательницы верхнемесопотамской «великоцарственности», иными словами, государственности Ханигальбата.

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, РЕЛИГИЯ НА ПЕРЕДНЕМ ВОСТОКЕ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

Возникновение на рубеже IV/III тысячелетий до н.э. древнейших цивилизаций сопровождалось глубинными изменениями в духовной жизни обществ, в первую очередь религиозной. Разрозненные верования и культовая практика эпохи первобытности, тысячелетиями сохраняемые традицией (в форме обычаев, преданий, обрядов, поведенческих норм, искусства и т.д.), начали оформляться в подобие *систем*. Их ядром и признаком был *политеизм* (греч. «многобожие»), универсальная стадия, присущая развитию всех религий древности. Системы раннего политеизма основывались на поклонении множеству богов (и иных сверхъестественных сил), прежде всего природных, имевших бессчетные и безграничные формы проявления и не образующих единого пантеона и иерархической структуры. Эти системы суммировали, по преимуществу механистически, самые архаические представления о мире сверхъестественного («наследство» первобытности) и новые идеи и верования нарождавшиеся в процессе дальнейшего познания окружающего мира и усложнения структуры государства и общества.

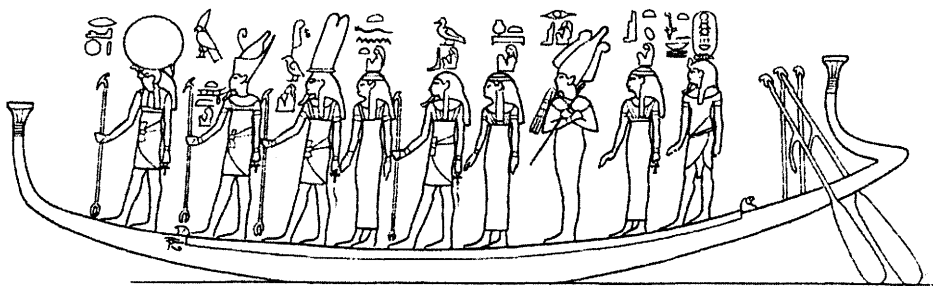
В отличие от позднейших мировых религий, которые начали формироваться лишь с середины I тысячелетия до н.э., ранние политеистические системы не представляли собой *учений*, не основывались на едином священном *Тексте* и не предполагали фигуры *основателя* (учителя, пророка и т.п.). Они также еще не содержали строгих религиозных *догм* (др.-греч. «постановление»), не утверждались в своей исключительности и превосходстве над иноэтническими.

Это объясняет в том числе «веротерпимость» и отсутствие в ранней древности религиозных войн. На «чужой» территории приносили жертвы «чужим» богам, во время войн их статуи победители увозили, лишая побежденных их защиты, и хранили с почетом. Наконец, *этические* требования еще не выступали в этих ранних системах на первый план и не совершили, как впоследствии в мировых религиях «спасения», переворота в сознании человека и общества. В представлении людей ранней древности сами боги бывали жестокими и капризными, с непредсказуемым поведением и амбиволентной «репутацией».

По мере своего развития системы раннего политеизма усложнялись, идеологизировались, в них начинала явственней проступать спекулятивная теологическая мысль, находили отражение начальные поиски личного благочестия, требования и нормы нравственности. Общее и специфическое в раннем политеизме наглядно демонстрирует сравнение религиозных систем Египта и Месопотамии – древнейших цивилизаций ближневосточного мира. Изобретенная в них (одновременно и независимо) письменность – ранее чем где бы то ни было, – зафиксировала эти явления и позволяет увидеть их глазами носителей культур.

РАННИЙ ПОЛИТЕИЗМ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Древнеегипетские источники упоминают примерно 1500 богов, но от большинства сохранились лишь имена. Этот огромный пантеон, включивший и додинастических божеств, сформировался уже в Старом царстве и впоследствии мало пополнялся. В середине II тысячелетия до н.э., со становлением Египта в качестве мировой державы он принял лишь нескольких богов попавших под его власть соседей (нубийских и азиатских). Имена древнейших богов египтян возводятся к афразийским корням, но этимология самого слова *нечер* (др.-егип. «бог») неясна. На письме оно могло передаваться несколькими разными иероглифами (в зависимости от контекста эпохи), из которых последний – «штандарт» – , знак присутствия божества, был наиболее общим.

Вариант «Великой девятки»: слева направо – Ра, Атум, Шу, Тefнут, Геб, Нут, Осирис, Исида и фараон Тутанхамон (как воплощение Хора). Рельеф из гробницы Тутанхамона. XVIII династия

Потребность иерархически упорядочить эту массу божеств (и таким образом «систематизировать» мир) возникла уже в Старом царстве. Жречество крупных религиозных центров пыталось сводить их в подобия «семей» (отец–мать–сын) и иные «нумерические» группы (*диады*, *тетрады*, *огдоады*, *эннеады* и пр.) вокруг местных богов. Последние при этом часто производились в *творцы мира*, а их «родной» город претендовал на особое положение.

Главная из соперничающих «теологий» сложилась в Гелиополе (важнейшем культовом центре) вокруг бога *Атума* (слившегося с Солнцем-Ра). Согласно ей, создав себя сам в акте самотворения, Атум-Ра поднял из вод Первобытного океана (*Нуна*) Первую землю (холм), а затем сотворил людей и прочих богов: выдохнул воздух-*Шу* и выплюнул влажность-*Тefнут*, которые породили небо-*Нут* и землю-*Геба*, давших жизнь четырем знаменитым богам-близнецам: *Усире* (греч. *Осирису*, богу плодородия, позднее загробного мира), *Сету* (богу пустынь и хаоса), богине *Исет* (*Исиде*, богине-матери и символу трона) и *Небетхут* (*Нефтиде*, ее помощнице). Эта *Великая Эннеада* (Девятка) богов играла центральную роль в религии Египта на протяжении почти всей его истории.

В центре другой важной системы находился *Птах* – главное божество Мемфиса, ремесленник-демиург. Он сотворил мир, людей и прочих богов «с помощью своего сердца и языка», иначе говоря, «ума» (вместилищем кото-

рого, согласно египетским представлениям, служило сердце), и «речи» (называя все создаваемое вслух). «Мемфисская теология» – самая интеллектуальная из возникших в древнем мире, часто сравнивается с ветхозаветной версией сотворения мира и позднейшими учениями о «логосе». Она известна по копии I тысячелетия до н.э. (так называемому «Камню Шабак»), но несомненно сформировалась много раньше (по крайней мере во II тысячелетии до н.э.).

Существовало много других «локальных» систем: творцами мира выступают, например, «огдоада» первобытных богов (лягушачьеголовых и змееголовых), в других бог-творец воссиял из лотоса, из божественного яйца и др. Различались и версии сотворения человечества: люди могли быть «наплаканы» Ра, вылеплены на гончарном круге бараноголовым богом плодородия Хнумом и др. Различные «сценарии» создания мира и человечества предполагали разные ответы на фундаментальные вопросы бытия, но сознание египтян не воспринимало их противоречивыми. Это отвечало природе мышления человека ранней древности, еще близкого к первобытному (как бы его ни определять – «дологическим» или «иным типом логического»). Оставаясь продуктом *мифологического* сознания, менталитет древнего человека применял присущий ему способ (множественность чувственно-наглядных ассоциаций) описания связей между объектами и явлениями.

Боги великие и малые. Наряду с великими творцами существовало множество других божеств: городов и областей; рек, порогов и пустынь; общественных явлений и профессиональных умений и так далее, а также тьма малых «сил». Понятие *нечер* вообще применялось расширительно, обнимая все, что египтянами воспринималось «необычным»: к примеру, «души» умерших (*аху*), «силы» богов (*бау*), чудищ, охранявших путь в мир инобытия, двух обожествленных мудрецов (Имхотепа и Аменхотепа – великих строителей, знатоков магии и лекарства), знаки-иероглифы (изобретение бога мудрости Джехути) и даже (в позднее время) утопленников (которых «принимал» к себе бог Хапи).

Главной особенностью египетской религии, поражавшей уже античных авторов, был выраженный полиморфизм богов: почти каждый мог проявлять себя в разных обликах – зооморфном, антропоморфном, символическом и «гибридном». Столь же характерна была их полифункциональность, т.е. нерасчлененность сфер божественной «деятельности». Разливами Нила, к примеру, по-своему управляли три бога – *Большой Хапи* (бог Нила-половодного), бог-крокодил *Себек* (повелитель топей и болот) и великий *Хнум* (хозяин «задвиги» от дверей, «открывавших» разлив). Но «чемпионом» был *Джехути* (греч. *Тот*) – одновременно бог мудрости, Луны (и потому времени), вестник и судья богов, изобретатель всех языков на свете и иероглифов, знаток магии и «книжник», покровитель писцов, жрецов и школяров, имевший облик птицы-ибиса, ибисоголового человека или павиана.

Наибольшим (около семи десятков) было число солнечных богов, включавшим местные формы и отдельные аспекты Сетилиа. В результате теологических «ассимиляций» солярные боги сливались друг с другом (и с иными богами), образуя сложные синтетические формы (Атум-Ра, Себек-Ра, Хнум-Ра, Атум-Хепри-Ра и др.), которые получали мифологическое обоснование. К примеру, три важнейших солнечных бога объявлялись разными про-

явлениями одного Солнца: Ра – его дневной формой, крылатый жук-скарабей *Хепер* – рассветной, антропоморфный Атум – закатной. Все это дает серьезное основание египтологам обсуждать проблему «единства и множественности» египетских богов (Я. Ассман и др.).

Вокруг богов Эннеады (Девятки) сложились два мифологических цикла и две базовые религиозные концепции – условно «солярная» и «осирическая». Центром первой был Ра-(Атум) – творец мира, первый царь египтян. Состарившись и рассорившись с неблагодарными людьми, он вознесся на спине божественной коровы, облик которой приняла Нут на небо, откуда и правил миром. В согласии с одной из версий мифа, днем он плывет по небу в окружении Великой Девятки в солнечной ладье, а на закате пересаживается на западной стороне неба в ночную ладью и оплывает царство мрака. Он освещает его и сражается с силами хаоса, воплощением которых служил его извечный враг гигантский змей Апоп.

Центром второй концепции выступал Осирис. Правнук-наследник Ра, он тоже мудро правил Египтом, но из зависти был убит своим братом-близнецом Сетом (Сетхом), бросившим саркофаг с его телом в Нил и захватившим престол. Тело Осириса, принесенное волнами к берегу Библа, было разыскано и погребено его верной женой-сестрой – великой богиней Исидой. Воскреснув, Осирис стал царем и главным судьей в загробном царстве мертвых. Впоследствии сын Осириса и Исиды *Хор-младший* в 80-летней тяжбе с Сетом вернул отцовский трон. Наиболее полную (гречизированную) версию этого мифа изложил Плутарх (46–119 гг.) в знаменитом трактате «Об Исиде и Осирисе».

Осирис стал символом возрождения не только природных сил, но также главной надеждой на посмертную жизнь, причем если в Старом царстве только царя, то с I Переходного периода (в ходе того, что иногда именуют «демократизацией заупокойного культа», а иногда «узурпацией» царских прерогатив) и каждого усопшего, который тоже начал отождествляться с воскресшим Осирисом. Эти две концепции составляли основу представлений о миропорядке, балансе сил в природе и космосе, жизни и посмертной участи человека, а также мифологическую базу для культа правящего и умершего

Богиня Исида с младенцем Хором.
Бронза

царя, а также заупокойного культа как такового. С конца Нового царства между концепциями наметилось сближение.

Боги и люди. Боги представлялись сверхъестественными, но вполне материальными силами. Сами по себе незримые, они о своем присутствии оповещали знаками – явлениями природы, благоуханием, о своей воле – «покачиванием» своей статуи (разумеется с помощью жрецов), явлением во сне. Боги имели «человеческие» потребности в еде (жертвах), доме (храме), слугах (жрецах), для удовлетворения которых они и создали людей. Боги проявляли вполне «человеческие» эмоции и проживали «человеческую» жизнь: бывали детьми (как Хор), болели, дряхлели (подобно Ра). Кажется, не отличались они от человека и бессмертием. Впрочем, смерть египтянами вообще не переживалась как конец жизни вообще: возможность ее «повторения» всегда оставалась.

Физически боги от людей отличались: согласно мифам, их кости были из серебра, плоть из золота, волосы подобны лазуриту (соответственно этому раскрашивались или инкрустировались их изображения). Божества обоего пола к тому же выделялись особыми головными уборами (коронами или знаками их занятий), а боги, и подобно им фараоны (даже когда бывали женщинами), еще и неперенными искусственными «бородками», признаком божественности и отличия от смертных.

Боги от людей были далеки, но в целом дружелюбны. Впрочем, согласно мифам, Ра вместе с дочерью-львицей Сехмет чуть не погубил род человеческий, а Хнум, обидившись на невнимание, погрузил Египет на семь лет в смертельный голод. Волю великих богов исполняли младшие «силы», добрые и злые. Последние, подобно «стрелам», несли болезни, пожары, смерть. От них египтяне спасались амулетами, магическими заклинаниями (написанными на клочках папируса и носимыми в ладанках на шее), наконец письмами с жалобами умершим родственникам на тот свет.

Култ царя – как правящего, так и усопшего, и в той или иной степени уподобляемого богам, – в религии египтян занимал центральное место: он сопровождал становление самого государства, составлял его идеологическую базу, являлся одновременно стимулом и формой организации верховной власти. Сама концепция божественности царя и его власти была чрезвычайно сложна и изменялась в течение долгой истории Египта. Еще с додинастического периода правитель воспринимался живым воплощением *Хора*, небесного и солярного божества – бога-сокола, владыки неба, чьими глазами были Солнце и Луна, пестрые перья на груди – звездами, а взмахи крыльев рождали ветер. Возможно, лик каждого царя воспринимался как «человеческое проявление» бога Хора (А.О. Большаков). С возвышением в правление IV династии Ра Хор (и соответственно царь) стал сыном-наследником Ра, позднее Амона-Ра – главного государственного божества Египта.

Царь в представлении египтян «воссиявал» подобно светилу, всходя на трон, и «заходил за горизонт», когда умирал. Плоть его была золотой, как у Солнца, и испускала невидимое сияние. При жизни он обладал магической силой, благодаря которой управлял страной и влиял на природу: перед разливом бросал в Нил дощечку с приказом разлиться, перед севом – проводил мотыгой первую борозду, «обеспечивая» урожай. Его главная задача – творить *маат*

Крылатая душа-ба усопшего (покидающая и возвращающаяся в гробницу) и его тень. Текст и виньетка из Книги мертвых. Роспись гробницы Иринефера. Новое царство. XIX династия. Ок. 1200 г. до н.э.

(букв. «правда») – «земной порядок», приводить его в соответствие с порядком космическим, установленным богами и нарушаемым силами хаоса.

После смерти царь, с одной стороны, соединялся с Солнцем и пребывал в его небесной ладье, с другой – воплощался в Осириса, владыку царства мертвых. Эта сложнейшая богословская концепция «держалась» на двоякости фигуры Хора (как одновременно сыне-наследнике вечно живущего Ра и усопшего и воскресшего Осириса). Таким способом объяснялась двойственная (божественная и человеческая) природа царя.

Хотя «посмертное возрождение» стояло в центре жизненных интересов египтян, взгляды на его достижение были путаными, притом изначально развивались применительно к царю, и лишь позднее – к простому человеку. Вообще о царстве мертвых (*Дуате*), месте, лишенном света, воздуха, воды и пищи, египтяне упоминали нечасто. Высказывается гипотеза (А.О. Большаков), что существовало много «дуатов», собственный в каждой гробнице.

Согласно египетским представлениям, человек состоял из нескольких проявлений (физических и метафизических): тела (*хет*), имени (*рен*), тени

(*шут*), а также *ба* (жизненной силы), *анх* (духа), *ка* (букв. «двойника»), вероятно, его изображения (О.Д. Берлев), значение которых все еще составляет предмет обсуждения. Они так или иначе имели важнейшее значение для его посмертных превращений. Тем не менее в любом случае посмертная участь прямо зависела и от ее *материального* обеспечения. Надеяться на «повторение» жизни мог лишь тот, чье тело было сохранено (мумифицировано), кто построил «дом для вечности» (гробницу), снабдил ее собственным изображением (двойником-*ка*) и обеспечил его постоянной едой-питьем (жертвоприношениями). Размер и ценность этой «подготовки» были различны, но в изначальном виде доступны лишь верхушке общества (прежде всего вельможам-чиновникам, состоявшим на царской службе), поэтому каковы были «посмертные ожидания» египтянина из низов (которого ждала яма в песке и плошка с едой) – не вполне ясно. Скорее всего, они свывывались с причастностью к посмертной жизни его «хозяина».

Другим обязательным условием являлось знание бесконечного числа магических формул, помогающих преодолевать опасный путь в загробном царстве Осириса (география которого отличалась чрезвычайной сложностью), а также миновать его многочисленных кровожадных стражей (которых необходимо было опознать и называть по именам). Именно ритуально-магические формулы составляли содержание трех главных собраний религиозной литературы: Текстов пирамид (Старое царство), Текстов саркофагов (Среднее) и Книги мертвых (Новое) – генетически связанных между собой и образующих самый большой в мире корпус заупокойной литературы. Эти тексты и соответствующие им изображения египтяне высекали на стенах гробниц, писали на папирусах и погребали с усопшим в саркофагах, полагая, что мертвец использует их по назначению.

Суд Осириса. В эпоху Среднего царства миф об Осирисе получил широчайшее распространение, а в Новом царстве окончательно сформировалась идея *посмертного суда*, как главного события, определяющего дальнейшую участь усопшего. Суд мыслился происходящим в загробном царстве Осириса, в Великой палате «двух истин» пред самим Осирисом, другими членами Великой Девятки и 42 свирепыми богами-судьями (по числу номов, а также проступков). Усопший защищал себя сам, повторяя перед каждым из богов клятву о несвершении им каждого из проступков. Суд сверял его «клятву-отрицание» с показаниями личных богов – свидетелей жизни человека (повитухи, кормилицы, бога судьбы Шай). В завершение его сердце (после мумификации всегда остающееся в теле человека) взвешивалось богами на Весах Истины. «Гирькой» при этом служило легчайшее перо страуса, символ богини-истины Маат. Неизвестно, было ли сердце лгуна легче или тяжелее пера. Но если умерший говорил правду, он попадал в египетский рай – *поля Иару*, где вновь обретал свой дом, родственников, слуг, если лгал – его сердце пожирала сидевшая рядом с весами *Аммут* (чудище с лапами крокодила и телом льва-гиппопотама). Тем самым он лишался возможности возрождения.

Однако идея возрождения как *воздаяния* за земную праведную жизнь, идея праведности как *пути* к достижению посмертного существования в Египте так не получила полного признания и оформления. Древние египтяне никогда не переставали верить в то, что с помощью магии они могут обвести богов и преодолеть испытания «последнего суда».

Текст «клятвы-отрицания» помещался в главе 125 Книги мертвых – главном сборнике магических «заупокойных» текстов Нового царства. Перечень 42 проступков, в несовершении которых клянется усопший перед богами, небезынтересен, так как позволяет понять, «что такое плохо» в представлении египтянина II тысячелетия до н.э.: «...Я не лгал людям. Я не разорял ближних. Я не принуждал работать больше нормы. Я не лишал сироту его имущества. Я не чинил людям зла. Я не заставлял их голодать и плакать. Я не убивал. Я не принуждал убивать. Я никому не причинял страданий... Я не забывал жертвовать мясо богам... Я не отводил воду с участка другого. Я не подпиливал гири... Я чист. Я чист. Я чист».

Кульτ животных. Геродот заметил, что в Египте «все животные, которые там есть, как домашние, так и дикие, считаются священными». Он не преувеличивал: египтяне действительно поклонялись множеству живых существ, веря, что в их облике проявляли себя боги. Более других почитались птицы (особенно соколы, связанные с солнцем и культом царя), коровы и быки (символы производящих сил природы), бараны (животные Амона), кошки (животные богини Бастет), змеи, львы (царские животные), жуки-скарабеи (символ восходящего солнца), крокодилы (воплощение силы), даже скорпионы (воплощение скорпиона-Селкет, богини – защитницы усопших). Редкими исключениями «нелюбимых» существ были, кажется, осел (за дикий нрав и голос, роднящие его с Сетом) и черепаха (за ее какие-то мифологические провинности перед Ра). Священные животные жили при храмах «своих» богов; после смерти мумифицировались, помещались в сакрофагцы и погребались с почестями. Огромный некрополь священного быка *Аписа* («душа» Птаха, воплощение мощи фараона) находился в Саккаре. *Зоолатрия* (греч. «поклонение животным»), восходившая к тотемистическим представлениям, широко распространенная на протяжении всей истории Египта, к ее концу даже усилилась. Поклонялись также священным растениям, мифологически связанным с богами и часто бывшими их символами: лотосу (связанному с солнцем), тамариску и иве (растениям Осириса), смоковнице (древу богини красоты Хатхор) и др.

Храм – священное пространство. Развитие религиозных идей и практики вело к усложнению искусственного культового пространства, главным выражением которого являлся храм. В Египте существовало два главных вида храмов, впоследствии сблизившихся, – заупокойные (где совершались ритуалы для усопшего царя) и храмы богов. Сохранились в основном храмы Нового царства, самые впечатляющие культовые сооружения, которые дошли до нас. Стандартный египетский храм – это цепь открытых дворов и гипостильных залов, ведущих от врат к главной точке – святилищу с культовой статуей главного бога. Храм служил «домом» бога, местом и средством прямой связи с ним и вместе с тем – «гигантской метафорой» мира в момент его создания богами. Потолок был небом-Нут, колонны – связками нильского папируса или лотоса, пол – водами первобытного Океана, святилище – Первохолмом. Гармония, царившая внутри храма, противостояла хаосу за его стенами. Эту идею выражала декоративная программа храма: на рельефах внутренних стен всегда изображались мирные сцены (ритуалы, подношения царями даров богам), на внешних – война, триумф царей над врагами и дикими зверями.

Однако египетский храм (как и другие в древности) не был местом, специально предназначенным для богомольцев. Моления приносились, как правило, вне его стен: перед колоссальными статуями у врат, у внешних стен (в том числе в часовнях с изображениями больших ушей – символом *услышанности* богом). Самые массовые из приношений богам – votивные статуэтки из разных материалов и различной ценности. Большинство простых египтян поклонялись богам в маленьких часовнях, а также дома, где в «нишах» стояли глиняные фигурки малых «домашних» богов – например, покровительницы материнства богини-гиппопотама *Таурет* или карлика *Бэса*, отпугивающего своим страшным видом злые силы и потому считавшегося защитником женщин и детей.

Городской храм представлял собой также средоточие учености, хранилище папирусных свитков и вообще центр жизни любого поселения. Крупные храмы главных богов были богатейшими хозяйствами, которым фараоны жертвовали огромные ценности – пахотную землю, рабов, значительную часть военной добычи. Представление о размерах подобных жертвований дает знаменитый папирус Харрис. К самым прославленным храмам принадлежали комплексы Луксор и Карнак (егип. «Ипет сут», букв. «Самое избранное из мест») с главными храмами Амона-Ра и других богов (Мут, Хонсу, Маат, Монту). Эти храмовые комплексы в Фивах (месте наибольшей концентрации храмов в мире) создавались несколько сотен лет усилиями многих фараонов (в Новом царстве прежде всего Аменхотепа III и Рамсеса II). Их архитектура и оформление воплощали собой сложные религиозные концепции, решающие в том числе идеологические задачи. Храмы становились оплотом или, напротив, главным оппонентом власти. С середины II тысячелетия до н.э. начинается непомерное возвышение Карнака и его жречества, которое к I тысячелетию до н.э. фактически управляло государством.

Вплоть до Нового царства (середина II тысячелетия до н.э.) храмовые обязанности выполняли обычные люди, совмещавшие их с прочими, не относящимися к храмам занятиями. Они служили по договору, «сменами», получая плату (в том числе натуральными жертвами, «несъеденными» богами), возвращаясь по окончании срока к своим обычным делам. Произнеся нужную формулу и облачившись в особый наряд (шкуру пантеры), совершить обряд приношения жертвы усопшему мог вообще любой египтянин.

В Новом царстве жречество превратилось уже в профессиональное, наследственное и замкнутое сословие, образовывавшее закрытую «корпорацию» со своей иерархией и дисциплиной. Жречество выступало хранителем не только религиозных, но и культурных традиций, в том числе положительных знаний своего времени. Именно с этой категорией связано изобретение, развитие и хранение письменности, астрономии и медицины.

Главным жрецом всех богов считался фараон, но фактически от его имени служили богам храмовые жрецы, которым царь «делегировал» свою функцию. Суть каждодневных храмовых ритуалов составляло обслуживание статуи бога, которая находилась в святилище. Статую божества умывали, одевали в чистые одежды, украшали, «кормили и поили»; «несъеденное» передавалось младшим богам, а потом распределялось между жрецами. Статуи (др.-егип. *тут*, букв. «образ») воспринимались «телами» богов, их «проявлениями». К статуям относились, как к живым, само изготовление статуи уподоб-

лялось акту творения. Во время религиозных праздников статуи выносились из храма на переносных священных ладьях. Статуя Амона плавала по Нилу «в гости» в близлежащий Луксор для свершения важных ритуалов. Для народа это была единственная возможность видеть богов, поэтому статуи встречали толпы людей. Жрецы и жрицы носили белые льняные одеяния и соблюдали чистоту – личную и ритуальную. Верховные жрецы являлись образованными людьми и пользовались в Египте огромным уважением и влиянием.

Политеистический мир египетских богов конструировался по образцу земного государства, при этом роль верховного владыки пантеона и «царя» богов в разные эпохи египетской истории принадлежала разным богам. Как правило, она «доставалась» местному божественному покровителю новой династии земных царей, утвердившихся на троне.

«Верховный» бог получал известные преимущества (новые храмы, включение своего имени в теофорные имена династов и прочее), однако остальные члены божественного пантеона тем самым не исключались и не затмевались (за исключением краткого «правления» Атона). Эта особая роль принадлежала в свое время Хору, Ра, Монту, Атону и другим. Начиная с середины II тысячелетия до н.э. особое положение стал занимать Амон. Изначально местное малое божество Фив, в правление XVIII–XIX династий он поднялся до положения общеимперского божества, чья власть простиралась не только на весь Египет «до пределов его», но и вообще на все, что «окружает солнечный диск» – весь известный тогда мир. Его власть защитника распространялась не только на всех египтян (как царей, так и простолюдинов), но также и на все сохраняющее ему верность покоренное чужеземное население. К концу Нового царства фиванским жречеством была разработана теологическая концепция, делавшая именно Амона (а не законно правящего династа) единственным *истинным фараоном* Египта, который правил без посредников (в том числе царя). Интересен, однако, не только масштаб проявления его власти, но ее суть. Следует

Вотивная фигурка Амона. Раскрашенное и позолоченное дерево, бронза. Новое царство. XIX/XX династия. Фивы (?). Хильдесхайм, Пелициус-музей

отметить неоднократно высказываемые идеи о возможной трансцендентности Амона (букв. значение имени «Сокрытый»), а также «всеохватности» его бытия, его «пантеистической» универсальности, что сближает его в гораздо большей степени, чем Атона, с позднейшими идеями монотеизма.

* * *

Древнеегипетская религия начала создаваться ранее египетского государства и просуществовала более 3 тыс. лет (дольше, чем какая-либо другая, и чем само государство), вместили предельно архаические верования с самыми изощренными «теологиями». В будущем некоторые ее идеи и иконографические образы (прежде всего связанные с Осирисом и Исидой) и идеи (например, посмертного суда) сыграли важную роль в более поздних религиях, в том числе христианства.

РЕЛИГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Одновременно с древнеегипетской формировалась другая великая ближневосточная цивилизация – в Междуречье Тигра и Евфрата. Месопотамская (т.е. шумеро-аккадско-вавилонно-ассирийская) религия, основы которой заложили шумеры, состоит из сложных напластований разных времен. Каждый народ приносил своих богов, которых в итоге оказалось не менее 3500: их по-разному называли, а их характер, деяния и отношения с людьми могли с веками пересматриваться.

В каждом городе Междуречья имелся свой главный бог-покровитель. Некоторые из них считались великими богами, управляющими миром в целом. Старейшими и самыми могущественными богами считались *Ан* (акк. *Ану*) – бог неба и *Энлиль* (акк. *Эллиль*) – повелитель воздуха. Оба имели титул «царей богов и людей», но старший Ан пребывал в небесных высях и на деле управлял миром Энлиль. Ему поклонялись в религиозном центре Шумера – Ниппуре. Позднее на престол «царей богов» выдвигались боги-покровители столиц новых месопотамских держав: *Мардук* (бог Вавилона) и *Ашшур* – (покровитель Ассирии и ее столицы).

Бог океана и пресных вод *Энки* (акк. *Эа*), хранитель божественной мудрости и полезных житейских навыков, считался самым благожелательным к людям. Большим почитанием пользовались бог Солнца *Уту* (акк. *Шамаш*) – хранитель справедливости, и бог Луны *Нанна* (акк. *Син*), бог писцового искусства и ученых знаний *Набу*, сын Мардука.

Воинственные ассирийские цари особенно почитали богов-воителей – бога грома и молний *Адада* и бога войны *Нинурту*. Бог *Нергал* и его супруга *Эрешкигаль* правили загробным миром, и их боялись не только смертные, но и боги. Богиня *Инанна* (акк. *Иштар*) была богиней плодородия, любви, раздоров и разрушений – иными словами, ведала всем круговоротом жизни и смерти. Среди месопотамских богов выделялись две большие группы: небесные *игиги*, а также подземные и земные *ануннаки*. В Вавилоне семью великими *игигами* считались Ану, Энлиль, Эа, Син, Шамаш, Мардук и Иштар.

Великие месопотамские боги, в отличие от египетских, обычно имели человеческий облик. Правда, Энки изображали с рыбьим хвостом, а Нергала – с головой петуха. Отличить же богов можно было сразу по рогатой ти-

аре, а также наводящему страх сиянию, которое так и называлось – «ужас блесков». Однако имелось много фантастических чудищ, а также малых (добрых и злых) демонов, которые выглядели полулюдьми-полуживотными. Самое известное чудище *Тиамат*, олицетворение первобытного хаоса, дракон со львиной мордой и птичьими ногами. Особой популярностью пользовались *ламассу* – крылатые быки с человеческими головами. Изображения чудищ в Месопотамии обычно охраняли разные святыни, городские и дворцовые ворота.

Боги и люди. Создание людей месопотамцы, как и египтяне, представляли по-разному. Шумерские мифы рассказывали, что люди, подобно траве, вырастают из-под земли, или что бог мудрости Энки и богиня-мать Нинмах вылепили их из глины *Абзу* (подземного мирового океана). В вавилонском мифе говорилось, что их слепил Мардук из глины и крови побежденного им быка.

Сходились же мифы в одном: великие боги сотворили людей лишь затем, чтобы те кормили их жертвами и избавили от тяжких забот по добыванию еды. Главным источником могущества богов считалась их способность предопределять судьбу любого существа и любой вещи. Это делалось каждый год на собрании богов или отдельным божеством.

Месопотамцы не считали своих великих богов добрыми, скорее, напротив, грубыми, опасными и своевольными. Их нужно было почитать потому что они были могущественны и мстительны, чтобы получить их покровительство и избежать гнева. Соблюдение всех предписаний богов обещало житейские блага в награду, а их нарушение – неминуемую кару. Бытовали и другие взгляды: боги столь далеки и капризны, что почитать их бессмысленно. В известном вавилонском «Диалоге Раба-рассудка и Господина-желания» утверждается: с богами дело иметь нечего, все равно их «не приучишь ходить за тобой, как собаку» никакими жертвами и молитвами.

С великими богами, однако, простой человек сам не общался, для этого существовал посредник – его личный бог-покровитель, обычно младшее божество. Он помогал человеку и его семье, был той силой, которая стояла за всеми его успехами.

Связь человека с его личным богом была сложной: человек ощущал себя и его рабом, и сыном. Личным богам писали письма, как близким, участливым родственникам. Так, один вавилонянин, попавший в беду, обращается к нему с упреком: «Что же ты мною пренебрегаешь? Кто тебе даст подобного мне?». Личный бог нес за своего «подопечного» ответственность: когда один правитель разрушил соседний город, его жители заявили: «Пусть ляжет это преступление на шею его личного бога!». Именно своего личного бога месопотамцы и почитали прежде всего. С потерей личного бога человек становился беззащитным перед своеволием высших богов. В каждом доме в маленьком святилище стояла глиняная фигурка личного бога, которой хозяин приносил ежедневные жертвы.

У месопотамцев, в отличие от египтян, имелись также герои. Они были смертны, но обладали силой и способностями, далеко превосходящими возможности обычных людей. Благодаря героям, приближенным к богам, отчасти сокращалась дистанция между миром земным и сверхъестественным. Самым популярным из них был *Гильгамеш*, легендарный царь города Урука, совершивший много величайших подвигов, но испытавший поражение в главном – попытке обрести бессмертие. Шумерские былины об этом герое впоследствии много раз переделывались и дополнялись.

Представления о загробном мире. Смерть месопотамцы представляли как крылатое чудовище *Нам-тар* («отрезающий судьбу»), и на загробный мир (шумер. *Кур*) смотрели мрачно. Для них он представлял «домом, откуда вошедший никогда не выходит», миром мрака и пыли, а его обитатели были, «как птицы, одеты одеждою крыльев», и «пища их – прах, и еда – глина». Судьба всего живущего была записана на глиняных табличках у богов, и судьбы подземного мира, аннунаки, выносят только смертные приговоры. В подземное царствие попадают все – цари, герои и простые люди, и судьба у всех одинаково безрадостна. Чуть лучше она у тех, кто оставил много детей, пал в бою и по кому был исполнен погребальный обряд и принесены жертвы, но и те устаиваются лишь покоя и чистой питьевой воды. Представлений о загробном суде, определяющем посмертную участь человека в зависимости от его поступков, у месопотамцев не сложилось. В их понятие «греха» входило нарушение принятых правил (например, ложь, кража, пролитие крови, притеснение слабых), однако от них можно было «очиститься» с помощью ритуалов и заклинаний. Поскольку за пределами земной жизни надеяться было не на что, смерть месопотамцы считали великим бедствием, а земное благополучие ценили превыше всего. Об этом говорят и месопотамские пословицы: «Ничто не дорого, кроме сладостной жизни»; «с хорошим имуществом, сынок, ничего не сравнится»; «небо далеко, а земля драгоценна».

Мифология богов. Еще в шумерскую эпоху сложились основные мифы о главных богах, которые впоследствии перерабатывались. Миф об Инанне (Иштар) и ее любви к богу-пастуху Думузи (Таммузу) напоминает египетский миф об Осирисе. Согласно мифу, богиня любви Иштар правит на небесах, а ее сестра Эрешкигаль, мрачная богиня смерти – в подземном царстве мертвых. Желая избавить мир от смерти и воскресить мертвых, Иштар отправилась в подземное царство. Но Эрешкигаль в своих владениях оказалась сильнее и пленила сестру. Она готова отпустить ее, если та найдет себе замену. Выкупом за Иштар стал ее возлюбленный, юный пастух Таммуз, а за него, в свою очередь, готова стать выкупом его сестра. Ценой этой жертвы Иштар возвращается на небо, Таммуз же на полгода опускается в подземный мир, т.е. умирает, а на другие полгода, пока его подменяет сестра, возвращается в наш мир. Предание об *умирающем и воскресающем боге* объясняло круговорот жизни и смерти и смену времен года – весны, поры рождения, и осени, времени умирания растительности.

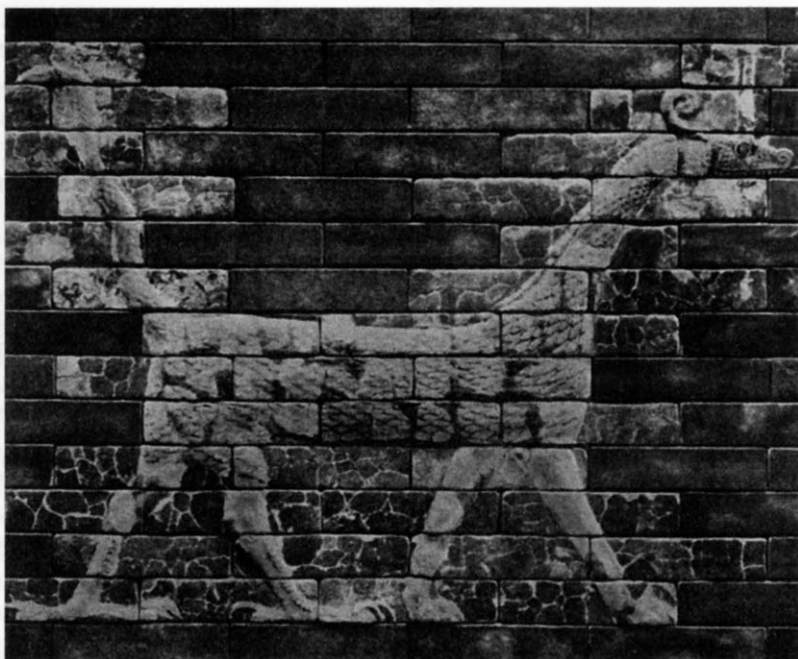
Миф о потопе повествует о том, как боги ради прихоти решили уничтожить всех людей, наслав на землю чудовищное *наводнение* – «великий потоп». Однако добрый бог Эа решил спасти хотя бы одного человека. Он избрал праведника Утнапиштима, открыл ему будущее, посоветовал построить ковчег и спастись на нем. Шестидневное наводнение уничтожило всех людей, кроме Утнапиштима – «все человечество стало глиной». Утнапиштим причалил к высокой горе и потом дал начало новому человечеству. В конце концов добрый Эа даровал Утнапиштиму, одному-единственному среди всех людей мира, еще и бессмертие. В предании о потопе отразились воспоминания о реальном событии – о затопившем всю Нижнюю Месопотамию гигантском наводнении, случившемся, как полагают, около 2950 г. до н.э. Позднее этот месопотамский миф лег в основу библейского предания о Всемирном потопе и праведнике Ное, спасшемся от него.

Миф о Мардуке излагает представления месопотамцев о возникновении неба, земли и человека. Вначале владыками мира были чудовища, которых возглавляла Тиамат. Она возненавидела младших богов и решила уничтожить их. Боги, устранившись, отказывались с ней биться, и лишь молодой Мардук согласился, поставив условие: все боги признают за ним верховную власть. В отчаянии боги соглашались на это условие. Взойдя на боевую колесницу, Мардук вступил в бой с Тиамат и ее воинством. Заткнув пасть чудовищу, чтобы то не могло проглотить его, Мардук прострелил сердце Тиамат. Ее тело он разрубил на две части: из одной создал небо, а из другой землю. Затем из крови старшего демона-быка, подручного Тиамат, Мардук сотворил людей, чтобы облегчить бремя богов, избавив их от необходимости добывать жилье и пропитание собственным трудом. Отныне богам не надо трудиться – их прокормят жертвами люди. Мардук распределяет обязанности богов, часть которых теперь идет в помощники богу Ану на небе (игиги), другая оставалась внизу (ануннаки). Семерых игигов, включая самого себя, Мардук наделяет титулом «Великий» и создает из них постоянное собрание «богов судеб». В «Энума элиш», главной космогонической поэме Месопотамии, повествующей обо всем этом, два содержательных слоя: первый – это миф о победе богов над хаосом, восходящий к древнейшим временам, а второй – вавилонская редакция этого мифа, которая, в угодном вавилонянам духе, выдвигает на первое место среди этих богов Мардука – бога-покровителя Вавилона. В некоторых ассирийских вариантах Мардук, в свою очередь, заменен на Ашшура.

Храмы и ритуалы. В истории Месопотамии исключительную роль играли храмы. Издревле они служили не только местами поклонения богам, но и хранилищами самого ценного в общине – запасов зерна и других продуктов. Именно амбары-святилища и стали теми центрами, вокруг которых образовывались древнейшие шумерские города-государства. Они выступали также центрами учености и библиотеками, хранившими тысячи глиняных табличек, а также вели торговые и банковские операции. Как правило, их не трогали даже завоеватели.

Обычный месопотамский храм – *зиккурат*, сложенный уступами из необожженных кирпичей, первыми начали строить шумеры. Самый известный из них – Этеменанки («Дом основания неба и земли») в Вавилоне, или прославленная «Вавилонская башня». В храмах стояли статуи богов, которые в Месопотамии инкрустировали драгоценными камнями и металлами. Они сами по себе представляли огромную ценность. Как и египтяне, простой народ статуи богов видел редко, обычно когда те покидали стены своих жилищ во время храмовых праздников. Однако месопотамцы придумали дарить храмам свои собственные статуи: они ставились в храм и могли постоянно «молиться» богам.

В Месопотамии насчитывалось множество жрецов разных категорий. Главной ежедневной обязанностью их являлось «кормление» статуй богов. Жрецы также участвовали в сложных ритуалах и храмовых праздниках, занимались астрономией и астрологией, а также гаданиями по внутренностям животных, полету птиц, по облакам и др. В древнем мире об их учености ходила слава: впоследствии всех ученых, обладающих тайными знаниями, даже стали называть халдеями (по названию одного из нижнемесопотамских племен).

Дракон бога Мардука. Фрагмент декора ворот Иштар в Вавилоне.
VI в. до н.э. Берлин, Государственный музей

Центральные культовые действия месопотамцев были связаны с празднованием Нового года, который приходился на день весеннего равноденствия. В этот день, считали они, начинался новый цикл жизни, а их великие боги определяют на год вперед судьбы всего живущего в стране. В вавилонское время перед статуей верховного бога Мардука жрецы зачитывали религиозные тексты, повествующие о сотворении мира. Праздник включал процессию выноса статуи бога, а также грандиозный пир для всего народа.

В Новый год, по представлениям месопотамцев, также должна была обновляться магическая сила царя и его связь с богами. Царь обязан был подтвердить свое право занимать царский трон. Для этого ему приходилось претерпеть различные испытания, которые ему устраивал бог, вплоть до пощечин и таскания за бороду. Обычно, на это время цари назначали себе «заместителей», которые и подвергались унижительной процедуре. Известна история, когда такой «подменный царь», служивший царским садовником, так и остался на троне, потому что настоящий владыка умер.

В Вавилоне считалось, что празднование Нового года и обновление сил царя невозможно без волшебной статуи бога Мардука. Вавилоняне так верили в это, что когда персидский царь уничтожил статую Мардука, они навсегда перестали бунтовать против персов.

Эпос о Гильгамеше. Со времен Шумера месопотамцы задумывались о человеческой судьбе, о страданиях и смысле жизни человека, о справедливости богов; на эту тему создавались произведения особого жанра — так называемой «литературы мудрости». В месопотамских представлениях можно, в общем, выделить три-четыре традиционных выбора «смысла жизни»,

т.е. наилучшего для человека жизненного пути. Все они так или иначе представлены в крупнейшем эпическом произведении Месопотамии – литературном Эпосе о Гильгамеше (древний царь Урука), сложившемся на рубеже III–II тысячелетий до н.э. и популярном до конца месопотамской истории.

Сюжет «Эпоса» таков: сначала Гильгамеш угнетал свой народ и кичился своей силой, затем, найдя в лице богатыря Энкиду друга по себе и узнав настоящую дружбу, он раскаялся и пожелал сражаться во имя блага людей, убивая демонов и чудовищ. При этом он не считается с гневом великих богов и упрекает их в несправедливости и вероломстве. Увидав позднее смерть Энкиду, Гильгамеш впервые задумывается о собственной кончине и мечтает освободиться от смертного страха, добыв вечную жизнь – свойство богов, недоступное людям. После множества приключений Гильгамеш овладел было травой бессмертия, но ее похитила и съела змея. В печали Гильгамеш возвращается домой, и все, что ему остается – это зрелище стен родного города, возведенных по его приказу; им суждено еще много веков защищать жителей Урука.

Согласно одному из месопотамских воззрений, человеку следует сосредоточиться на своих отношениях с богами: упорное и непрерывное исполнение их предписаний должно обеспечить «богобоязненному» человеку (акк. *налих-или*) всевозможные житейские блага как награду со стороны богов (напомним, что этического пафоса в подобное отношение к богам не вкладывается: их надо слушаться не потому, что они добры или являются источником нравственности, а потому, что они могучи и суровы к непокорным). Эта концепция представлена во многих произведениях «литературы мудрости», но в Эпосе о Гильгамеше последовательно отводится: Гильгамеш периодически оказывается в конфликте с богами и демонами, не боится их гнева и в итоге остается победителем. Здесь же подробно описывается, как боги погубили человечество всемирным потопом просто каприза ради: «богов великих потоп устроить склонило их сердце». На вознаграждение богов невозможно полагаться, а их гневу можно с успехом противостоять. Иной (и, пожалуй, основной) выбор месопотамца – это собственно гедонистический выбор, в рамках которого смыслом всякого индивидуального существования является достижение обычных личных житейских радостей

В наиболее яркой форме идею гедонистического выбора Эпос о Гильгамеше вкладывает в уста доброй демоницы Сидури, дающей герою следующий совет: «Гильгамеш! Куда ты стремишься? Вечной жизни, что ищешь, не найдешь ты! Боги, когда создавали человека, смерть они определили человеку, вечную жизнь в своих руках удержали. Ты ж, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью да будешь ты весел; праздник справляй ежедневно; днем и ночью играй и пляши ты! Светлы да будут твои одежды, волосы чисты, водой омывайся, гляди, как дитя твою руку держит, своими объятьями радуй подругу – только в этом дело человека!» Этот монолог можно считать кульминацией «Эпоса», все содержание которого подтверждает правоту Сидури (Гильгамеш пытается добыть бессмертие, но в итоге оно ему не достается).

При этом из двух противоположных вариантов гедонистического идеала – грубо-эгоцентрического (погоня за чисто материальными благами, без соблюдения этических норм) и социально-этизированного (где важными радостями признаются любовь, дружба, честь, правота и заслуги перед

окружающими, а этическим нормам отдается должное) «Эпос» делает решительный выбор в пользу второго, «товарищеского» гедонизма. Из тирана Гильгамеш преобразается в героя, познав любовь и дружбу, а построенные им стены Урука появляются в финале «Эпоса» как главная награда и утешение в жизни Гильгамеша и вместе с тем как символ благого наследства, которое одни люди могут получать от других. Согласно «Эпосу», человеку не стоит чересчур бояться богов и склоняться перед их властью; лучший удел – беречь и охранять свою и чужую жизнь; единственное доступное человеку благо заключено в собственных радостях и добрых делах, совершенных им для других людей.

Вавилонские «теодицеи». С начала II тысячелетия до н.э. в Месопотамии распространяется концепция, согласно которой боги попечительны и справедливы по отношению к людям (хотя и не вполне всемогущи). Но в таком случае вставал вопрос *теодицеи* («богооправдания»): если боги и могущественны, и благи, то почему же в мире происходит столько несправедливости и зла, и праведники зачастую бедствуют, а злодеи преуспевают? Чем можно оправдать богов, коль скоро они допускают подобное? Этому вопросу посвящен ряд вавилонских текстов II тысячелетия до н.э., прежде всего поэмы «Владыку мудрости хочу восславить...» и «Мудрый муж, постой, я хочу сказать тебе...» («Вавилонская теодицея»). Их главные герои – праведники, соблюдавшие все божеские и человеческие законы, но тем не менее бедствующие и упрекающие поэтому богов в несправедливости и непредсказуемости.

Хотел бы я знать – что богу приятно?!
Что хорошо человеку – преступленье пред богом,
Что ему отвратно – для его бога хорошо!
Кто волю богов в небесах узнает?

Дающийся ему ответ таков: боги благи, а видимая несправедливость либо будет непременно устранена богами, когда у них до нее «дойдут руки», либо является на самом деле карой за то, что человек все же нарушил требования богов, сам не заметив этого, либо, наконец, объясняется важными причинами, которые и сам человек счел бы уважительными, если б их знал; но знают их только боги. Большой популярности такие ответы не приобрели, и с середины II тысячелетия до н.э. в Месопотамии вновь преобладают старые представления о богах, согласно которым особой справедливости от них и не ждут. Эта точка зрения отражена и в «Диалоге господина и раба» – вершинном произведении «литературы мудрости», очень распространенном и бережно переписываемом в конце II – I тысячелетии до н.э.

«Диалог господина и раба» представляет собой цепочку коротких диалогов Господина и его Раба, разбитых на несколько перекликающихся по содержанию пар наподобие такой: «– Учиню-ка я преступление! – Учিনি, господин мой, учини! Коль не учинишь ты злодеяства, где возьмешь ты одежду, кто поможет тебе наполнить брюхо? – Нет, раб, не учиню я злодеяства! – Не учиняй, господин мой, не учиняй! Кто учиняет злодеяство, того убьют или сдерут с него живьем кожу, либо его ослепят, либо схватят и бросят в темницу... – Совершу-ка я благодеяние для своей страны! – Соверши, господин мой, соверши! Кто совершает благодеяние для своей страны, деянья того у

Шеду – крылатое божество. Дворец Саргона II в Дур-Шаррукине.
VIII в. до н.э. Париж, Лувр

Мардука в перстне. – Нет, раб, не совершу я благодеяния для своей страны! – Не совершай, господин мой, не совершай! Поднимись и пройди по древним развалинам, взгляни на черепа тех, кто жил раньше и позже – кто из них был злодей, кто благодетель?»

По тому же принципу перечисляются самые разные человеческие выборы, и получается, что есть одинаковые резоны совершить и не совершить любое действие, равно как и противоположное ему, боги непредсказуемы, а финал у всех жизненных путей одинаков и безнадежен – это смерть, стирающая человека и всякую память о нем, добрую или дурную. Заключительные строки гласят: «– Если так, в чем же тогда благо? – Шею мою и шею твою сломать бы, в реку бы тела зашвырнуть – вот что благо! Кто столь высок, чтоб достать до неба? Кто столь широк, чтоб объять всю землю? – Нет, раб, я тебя убью, отправлю первым! – А господин мой меня хоть на три дня переживет ли?»

До недавних пор этот финал трактовали как выражение крайнего пессимизма автора «Диалога»: коль скоро однозначно выигрышной жизненной

стратегии нет, лучше не жить вовсе! Недавно, однако, выяснилось, что персонажи «Диалога» – не две личности (глупый господин и умудренный раб), а аллегории разных составляющих одной и той же человеческой души – Воли, Желającego Я (Господин) и Рассудка (Раб). «Диалог господина и раба» оказывается внутренним диалогом, и приоритет в нем по праву имеет действительный «господин» – «Я». Самоубийством готов покончить отнюдь не сам человек, а лишь его слуга-разум. Сам же человек – господин, «Желажющее Я», этих самоубийственных призывов отнюдь не разделяет. Финал «Диалога» читается так: рассудок, доведенный до отчаяния неразрешимыми противоречиями жизни, советует покончить с собой, «Я» человека категорически не желает этого и уже готово уничтожить рассудок, чтобы тот не мешал ему своим отчаянием, но тут же выясняется, что без рассудка тоже не выживешь. Итак, «Диалог» говорит читателю попросту: «во mnogой мудрости впрямь много печали, головой весь мир не охватишь, но жить-то надо, а значит, надо жить с головой».

ПОЗДНЯЯ ДРЕВНОСТЬ

(I тысячелетие до н.э. – середина I тысячелетия н.э.)

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

«МИРОВЫЕ ИМПЕРИИ» ДРЕВНЕГО ВОСТОКА: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ

«Мировыми державами» («империями», «надрегиональными государствами») Древнего Востока в отечественной науке принято называть государства, которые на протяжении длительного времени устойчиво включали в свой состав помимо своего коренного региона – исконной территории этого государства – еще более обширные покоренные, этнокультурно чужеродные пространства. Такие «империи» вели систематическую упорную борьбу за захват подобных территорий в как можно больших масштабах, так что в итоге присоединенные земли чужих народов обычно намного превышали по площади коренную территорию. Большинство населения такой державы становились тем самым покоренные инородцы. Особенно яркий пример в этом отношении дала Ассирия: термин *асурайа* (досл. «ассириец») стал в итоге самоназванием западносемитов-арамеев, первоначально не имевших ничего общего с Ассирией, но покоренных ею и составивших в результате большую часть населения Ассирийской державы, включая армию и административный аппарат. Аналогичным образом и греки позднее называли «ассирийцами» (в более привычной нам редуцированной форме – «сирийцами») именно арамеев, не отличая их терминологически от аккадоязычных коренных ассирийцев прошлого.

Еще одним характерным признаком восточных «империй» I тысячелетия до н.э. было то, что подавляющую часть покоренных областей они не превращали в вассальные образования, как поступали великие державы былых времен, а полностью аннексировали, включая в свою «провинциальную» административную структуру, т.е. управляли ими через обычных наместников-областнаачальников, а не через вассальных царьков. Это не означало полного отказа от установления вассально-даннической зависимости; однако большая часть обсуждаемых «империй» состояла из прямо включенных в ее административную систему земель, и лишь на периферии мог образовываться пояс из вассальных и иных зависимых царств и племен. Земли прямого административного включения в державу облагались регулярными, фикс-

сированными налогами и повинностями, вассально-зависимые территории платили дань, часто нерегулярную, а иногда ограничивались необременительными дарами и были фактически обязаны лишь ненападением на сюзерена и выставлением по его требованию контингентов на его войны. В этом случае они оказывались скорее младшими союзниками, чем собственно вассалами соответствующих «империй».

До конца II тысячелетия до н.э. уровень развития военной техники и экономики был недостаточно высок, чтобы даже самые могучие цари могли создавать подобные надрегиональные империи. В самом начале такого пути находилась разве что египетская «империя» Нового царства, но и в ней присоединенные и подчиненные контролю наместников области (Сирия–Палестина и Нубия) намного уступали по численности населения коренной территории страны. Все прочие государства в III – середине II тысячелетия до н.э. (т.е. на протяжении подавляющей части бронзового века) либо почти не выходили за рамки своего этнокультурного региона (держава Хаммурапи), либо располагали за его границами почти исключительно вассальными владениями, не пытаясь аннексировать их (державы Аккада и Ура, Митанни и другие). Эта политическая реальность была в XV–XIII вв. до н.э. даже оформлена специальной концепцией «великих царств», утвердившейся на всем древнем Ближнем Востоке. Согласно ей на каждый из пяти крупных регионов Ближнего Востока и Эгеиды должно было приходиться одно «великое царство», и им оставалось конкурировать за сюзеренитет над разделяющими их мелкими царствами и областями.

Напротив, железный век на Древнем Востоке (XII–XI вв. до н.э. и далее) ознаменовался созданием целого ряда «мировых держав», интегрировавших в своем непосредственном подчинении самые разные регионы. Сменились и политические парадигмы – от полицентрического представления о естественном сосуществовании нескольких великих царств к моноцентристским имперским концепциям.

Первая из этих империй, Ассирия, возникла еще в конце бронзового века в XIV–XIII вв. до н.э. и продержалась, чередуя взлеты и падения, около семисот лет. На смену ей пришли так называемая Халдейская Вавилония (VII–VI вв. до н.э.) и, наконец, великие державы иранцев – Мидийская (VII–VI вв. до н.э.) и ее наследница Персидская (VI–IV вв. до н.э.). Продолжением последней стали, в свою очередь, империи македонян – Александра и Селевкидов (IV–II вв. до н.э.). Все они в геополитическом отношении преемствовали друг другу, объединяя в одних руках весь Плодородный Полумесяц, т.е. Месопотамию и Левант (Восточное Средиземноморье). Ассирия, самая древняя из этих держав, и по своему политическому устройству в наибольшей степени удерживала некоторые старые черты: ее «провинции» были обычно невелики по размеру и отвечали давно сложившемуся областному делению Передней Азии, и доля вассальных (в том числе лишь номинально или непрочно вассальных) владений в ее составе всегда оставалась довольно велика. Характерной чертой надлома Ассирийской империи в VII в. до н.э. оказалось именно то, что она с трудом удерживала (и то не всегда) завоеванные ранее «провинции», а если и подчиняла новые территории, то обычно на основаниях вассальной, причем все чаще лишь номинальной зависимости

(в частности, территории Египта подчинялись Ассирии именно как вассалы, а Лидия – как номинальный вассал).

Мидийская держава также включала весьма значительную долю своих владений (Бет-Тогарму/Армению, Персию, Элам и др.) на вассальных правах, что служило источником ее существенной слабости (и главной причиной падения мидийской династии, поскольку престол державы перехватила у нее именно династия ее вассального персидского образования – Ахемениды). Наиболее развитую «имперскую» структуру сформировали к концу VI в. до н.э. именно Ахемениды: подавляющая часть территории их огромной державы была разбита на наместничества, прямо подчиненные персидскому «царю царей», в то время как вассальные области оставались лишь в виде исключения, на отдельных участках имперской периферии. При этом ахеменидские наместничества-«сатрапии» отличались намного большими размерами, чем ассиро-вавилонские, а границы их сплошь и рядом намеренно проводились искусственно, с нарушением традиционного территориального деления Ближнего и Среднего Востока (таким образом Ахемениды пытались ослабить сепаратистский потенциал на территории своих наместничеств: население многих из них оказывалось при описанной системе разнородным).

В мировой и отечественной науке феномен ближневосточных «империй» I тысячелетия до н.э. привлекает в последние несколько десятилетий растущее внимание. И.М. Дьяконов и В.А. Якобсон обращали особое внимание на то, что макроэкономическая структура этих империй, как правило, держалась на соединении под одной властью равнинных земледельческих регионов с развитым зерновым хозяйством и нагорных областей, изобиловавших минеральным сырьем и рудами и характеризовавшихся особым развитием скотоводства. В результате империя получала, прежде всего в виде податей и дани, и те, и другие ресурсы, что давало ей куда больше возможностей, чем те, какими располагали прежние великие державы, почти не выходившие за пределы одного региона. Кроме того, тем самым налаживался фактический принудительный обмен между регионами с разными ресурсами и хозяйственной специализацией. Наконец, «имперский мир» создавал расширенные возможности для обычного, торгового обмена между ними.

«Империи» I тысячелетия до н.э. характеризуются, с одной стороны, возрастанием масштабов и дальности крупной торговли сравнительно с предыдущими временами, а с другой – стимулированием поиска и освоения новых, еще более далеких торговых путей «от противного»: подчиняя огромные пространства и облагая торговлю, ведущуюся на них и через них, достаточно высокими поборами, «империи» тем самым вызывали у купцов стремление к освоению новых маршрутов и рынков, лежащих за пределами имперского ареала. Все сказанное относится и к месопотамским, и к иранским «империям», однако если политические центры первых лежали именно в равнинных зерновых регионах, то политические центры вторых – в нагорных.

Существенно еще одно обстоятельство. При расширении размеров империй росла сила их правящей верушки, но это не сопровождалось соответствующим ростом интенсивности податной эксплуатации подданных. Натуральный в целом характер экономики, невозможность тактического управления армиями числом более нескольких десятков тысяч воинов, и нежелательность

создания нескольких крупнейших военных и городских центров в разных концах империи (это провоцировало возможность наместникам таких центров противостоять столичному двору), – все это приводило к тому, что при превышении общей массой податей с населения определенного порога, необходимого для исправного функционирования имперского и провинциальных центров и поддержания в них определенного уровня монументального строительства, эти подати просто некуда было бы тратить, так как ни неограниченный рост армий, ни сооружение многих новых центров были невозможны или не нужны. В результате, например, территория державы Ахеменидов намного превосходила ассирийскую, а подати в ней были (если верить приводимым Геродотом цифрам) более чем умеренные, да и те не расходовались целиком, а из поколения в поколение пополняли запас сокровищ: рост числа подданных позволял снизить налоговую нагрузку на каждого из них.

В ходе развития ближневосточных империй сформировалась еще одна существенная черта, а именно наличие особого «имперского» народа. Не отличаясь от прочих по подчинению имперской власти, он в то же время наделялся важными налоговыми привилегиями и большей степенью самоуправления. В Ассирии и Вавилонии такую роль частично играли общины привилегированных коренных городов империи (Ашшур, Сиппар, Вавилон и др.), в Ахеменидской державе – персидские племена. Стоит отметить полное безразличие этих империй к унификации этнокультурных, в том числе культовых и языковых традиций, столь чувствительной для позднейших империй: от разноплеменных подданных требовалась только лояльность, в остальном их местные традиции пользовались полной терпимостью. Нередко империя даже подчеркивала и прокламировала различие облика и традиций своих подданных как свою значимую (и явно не требующую преодоления) черту. Так, в ассирийской армии подразделения ряда провинций одевались и вооружались иначе, чем воины из коренной Ассирии, и это различие отражено на рельефах; точно так же рельефы Персеполя, священной столицы Персии, подчеркивают разноплеменность и различие подвластных Ахеменидам народов во всем, от типа лица и одежды до представляемой ими дани (т.е. до хозяйственных особенностей). Империя явно гордилась тем, что соединяет под своей властью столько культурно разнородных элементов и не собиралась преодолевать эту разнородность какими-либо специальными мерами.

Для политического устройства надрегиональных империй I тысячелетия до н.э. характерно то, что «имперский» государственный аппарат – царь, двор, наместники и их провинциальные «дворы» – оказывались дополнительной надстройкой над множеством мелких, но имеющих определенное самоуправление единиц – городских общин, «княжеств», племен и т.д. В идеологическом смысле для них типичны те или иные формы универсалистских «имперских» концепций мировладычества. В Ассирии действовала официальная доктрина своего рода священных завоевательных войн, согласно которой главный государственный бог Ассирии Ашшур повелевает ассирийским царям совершать все новые и новые походы, приводя как можно больше территорий под власть государства, непосредственно управляемого этим богом (согласно той же концепции, именно Ашшур являлся ассирийским «царем» в высшем смысле слова), и сами эти войны ведутся его боже-

ственной силой. Ахемениды официально воспринимали свои владения как «царство Персии и стран», т.е. мировое по потенциальному охвату государство, так как пределы этих «стран» не указывались и не ограничивались. Как минимум с конца VI в. до н.э. считалось, что подобная власть Ахеменидам дарована верховным благим мировым божеством – Ахура-Маздой.

В культурном аспекте для «мировых держав», как обычно, были характерны интегративные черты. Они являлись следствием не какой-либо сознательной установки империи на культурную интеграцию и унификацию (как упоминалось, таких установок просто не было), а естественных в рамках «имперского мира» активизации и расширения межкультурных контактов и влияний, а также эклектичного использования имперской верхушкой элементов самых разных культурных традиций, чем-то пришедшихся ей по вкусу. Так, в имперском ахеменидском искусстве осуществляется синтез египетских, греческих, иранских и месопотамских черт. Имперские божества получали почитание на присоединенных территориях и усваивались коренными народами; распространялись синкретические культы; определенный язык (вовсе не обязательного языка народа, создавшего империю!) становился административным *койнэ* или *лингва франка* на большей части территории империи. Так, арамейский язык играл первую из этих ролей в Ахеменидской империи и вторую – в Ассирийской державе последних веков ее существования.

ЕГИПЕТ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ (XI–IV века до н.э.)

На рубеже II–I тысячелетий до н.э. Египет вступил в новую эпоху. «Имперская» фаза его истории осталась в прошлом. Постраmessидский Египет – уже не великая держава, влияние которой простиралось на два континента (от Евфрата до Донголы): он вернулся в пределы своих естественных границ, фактически оказался разделен надвое, имел соперничавшие центры власти с тенденцией к ее дальнейшей фрагментации. Вместе с политическим влиянием на соседей Египет лишился сырьевой базы, дани, торговых связей. В нем нарастало присутствие чужеземцев, которые не просто «разбавляли» его прежде гомогенное население, но стали играть определяющую роль в его управлении. Египет оказался территорией соперничества нескольких этнополитических сил (разных по характеру и уровню развития – от постплеменного до имперского). Это эпоха постепенного ухода Египта как самостоятельного игрока с мировой сцены, в конечном счете – «поглощения» его более молодыми и агрессивными «великими империями» ассирийцев, персов, позднее (в IV в. до н.э.) – греко-македонян Александра Великого. В области государственной идеологии – это время дальнейшего упадка авторитета царской власти.

Однако парадокс состоит в том, что отсутствие государственной централизованной власти, которое не сопровождалось, как обычно в переходных периодах, разрушительными войнами и хаосом, оказало стимулирующее влияние на развитие Египта. В стране, вступившей в железный век позднее, чем многие из его соседей, в VII–VI вв. до н.э. уже отмечался значительный рост товарно-денежных отношений, развитие частного землевладения, долгового рабства, сопровождаемого обычными для него явлениями (практикой временного закабаления, самопродажи в рабство и др.).

III ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Четыре столетия, последовавшие за концом Нового царства, выделяются в *III Переходный период* (1069–664 гг. до н.э., XXI–XXV династии) – один из самых «темных», сложных для реконструкции этапов, но ключевой для понимания эволюции Египта в I тысячелетии до н.э. Со смертью последнего Рамессиды трон перешел к XXI династии (1069–945 гг. до н.э.), которая правила в новой (после Пер-Рамсеса) столице Танисе (др.-егип. *Джанет*, совр. Сан-эль-Хагар, Восточная Дельта). Ее основателем стал Несубанебджед (Смендес у Манефона, 1069–1043 гг. до н.э.), правитель Таниса, возможно, связанный (через супругу) с Рамессидами. Однако влияние этой династии, признаваемой законной (Манефон основывает на ней свою хронологию), ограничивалась районом Дельты–Фаюма.

Юг (Верхний и Средний Египет с центром в Фивах) находился под контролем верховного жреца Амона Фиванского, одновременно занимавшего должность высшего военачальника. Череди (фактически «династия») этих

жрецов-«генералов» осуществляла свои функции в рамках «теократической доктрины», утвердившейся с конца Нового царства. Инструментом их власти являлось толкование оракульных «волеизъявлений» Амона, который, напомним, считался *истинным* фараоном Египта («царем de jure»). «Волеизъявления» касались не только частных вопросов (например, судебных решений), но предопределяли жизнь страны, и фиванское жречество во главе с первым жрецом Амона, образуя род «теократического правительства», обладало огромной властью. В правление XXI–XXII династий несколько жрецов-«генералов» (подобно Херихору) имели картуши при именах, изображались с царскими регалиями, в обществе богов, иначе говоря, уподоблялись царям (впрочем, обычно в храмовом контексте). Египет начала I тысячелетия до н.э. — теократическое государство, номинальное единство которого сочеталось с двоецентрием, основанном на причудливом разделении власти: царской, сосредоточенной в Дельте, и амоновой — в Фивах.

Между Фивами и Танисом, новым культовым центром Дельты, установился сложный баланс сил. Север руководствовался «решениями» Амона, Юг — формально признавал танисских фараонов. Два главных храма Амона-Ра, фиванский и танисский, построенный при Псусеннесе I (1039–991 гг. до н.э.), поддерживали связь; танисские цари участвовали в строительстве в Карнаке, что, однако, не мешало жрецам-«кюжанам» возводить военные укрепления в Среднем Египте. Сближению двух «линий» правителей способствовали разветвленные родственные и брачные связи. К примеру, один сын жреца-«генерала» Пинуджема стал царем Псусеннесом I, другой — верховным жрецом Амона, так что фактически всем Египтом правила одна семья. Важную роль играли верховные жрицы Амона-Ра («супруги Амона» и его «почитательницы»). Должность «почитательницы», например, передавалась (в силу безбрачия ее носительницы) путем *удочерения* преемницы, которой становилась обычно дочь очередного царя. Таким образом танисские цари получали инструмент влияния на политику Фив. В I тысячелетии до н.э. должности высших жриц Амона-Ра стали средоточием не только религиозно-культового, но и экономического могущества их носительниц, становившихся ключевыми политическими фигурами.

Экономическое положение центров было различным. Танис, стоящий на судоходном тогда русле, имел важное стратегическое и торговое значение (вплоть до IV в. до н.э. — перевалочный пункт на пути в Азию). Танисские цари ориентировались на связь с Восточным Средиземноморьем, пытаясь развивать отношения (политические, торговые, военные) с Левантом. Дочь фараона XXI династии Сиамона (978–959 до н.э.), к примеру, была выдана замуж за царя Соломона (свидетельство одновременно дипломатического успеха и падения престижа Египта). Фивы же, отрезанные от моря и золотосной Нубии, видимо, испытывали экономические трудности. При XXI–XXII династиях в Фивах происходили народные волнения, известны также многочисленные факты грабежа гробниц царей и знати в Долине царей, драгоценные металлы которых переплавлялись. Из Таниса этого времени, напротив, дошли богатейшие царские погребения.

В 1939–1940 гг. французский археолог Пьер Монтэ обнаружил в некрополе Таниса погребения шести царей XXI–XXII династий. Эти царские гробницы (*единственные* нетронутые из ныне известных) содержали поразительные по ху-

дожественным и технологическим достоинствам погребальные объекты. Среди них выделяется 1,9-метровый сокологоловый саркофаг фараона Шешонка (II) из серебра (ценившегося выше золота). Однако «Танисские сокровища», не стали сенсацией, сравнимой с тутанхамоновой, оказавшись в тени разразившейся катастрофы – Второй мировой войны. Танисские шедевры, хранящиеся в Египетском музее в Каире, обретают широкую известность лишь теперь.

Имена трех царей XXI династии и последующих XXII–XXIV выдают особенность эпохи – *ливийское* происхождение их носителей. Оно связывает их с воинственными *либу*, *мешвеш*, *ма* и другими племенами, частью изгнанными, частью плененными во времена Меренптаха–Рамсеса III. Впоследствии в возраставшем количестве ливийцы «мирно» селились в Западных оазисах, Западной Дельте, р-не между Мемфисом и Гераклеополем. Большинство их служили наемниками, которые с конца Нового царства составляли значительную часть египетской армии.

Некогда полукочевой и бесписьменный народ, ливийцы в течение нескольких поколений были египтинизированы и инкорпорированы в египетское общество (степень того и другого дискутируется, как и формы их самоидентификации), их военная элита стала заметной силой, приближенной трону. Если в Новом царстве «этнографические» отличия (прическа с перьями, татуировки, пестротканная одежда и др.) ливийцев-врагов подчеркивались, то в III Переходном периоде ливийцы вычленимы, как правило, лишь по именам.

В середине X в. до н.э. влиятельная ливийская семья из Бубастиса (связанная родством с царской семьей и фиванскими жрецами) утвердилась

на троне, открыв «ливийский период» истории Египта. Правление царей-ливийцев по характеру не отличалось (насколько позволяют судить источники) от египетских, хотя политическое размежевание страны (Север–Юг), несомненно, имело «этнический» оттенок.

Основателем новой XXII ливийской династии (945–715 гг. до н.э.) стал «великий вождь мешвеш» – Шешонк I (945–924 гг. до н.э.), правитель Бубастиса, главнокомандующий при прежнем царе. Его правление считается вершиной III Переходного периода. На короткое время он «связал» страну, расставив своих сыновей и прочих родичей на ключевых позициях в нотах Дельты и Фивах (его сын Иупут, к примеру, стал военачальником и верховным жрецом Амона), что, впрочем, в дальнейшем лишь усилило децентрализацию. Он также «реанимировал» египетскую азиатскую политику. Впервые со

Золотая погребальная маска фараона Шешонка II. Танис. XXII династия. Каир, Египетский музей

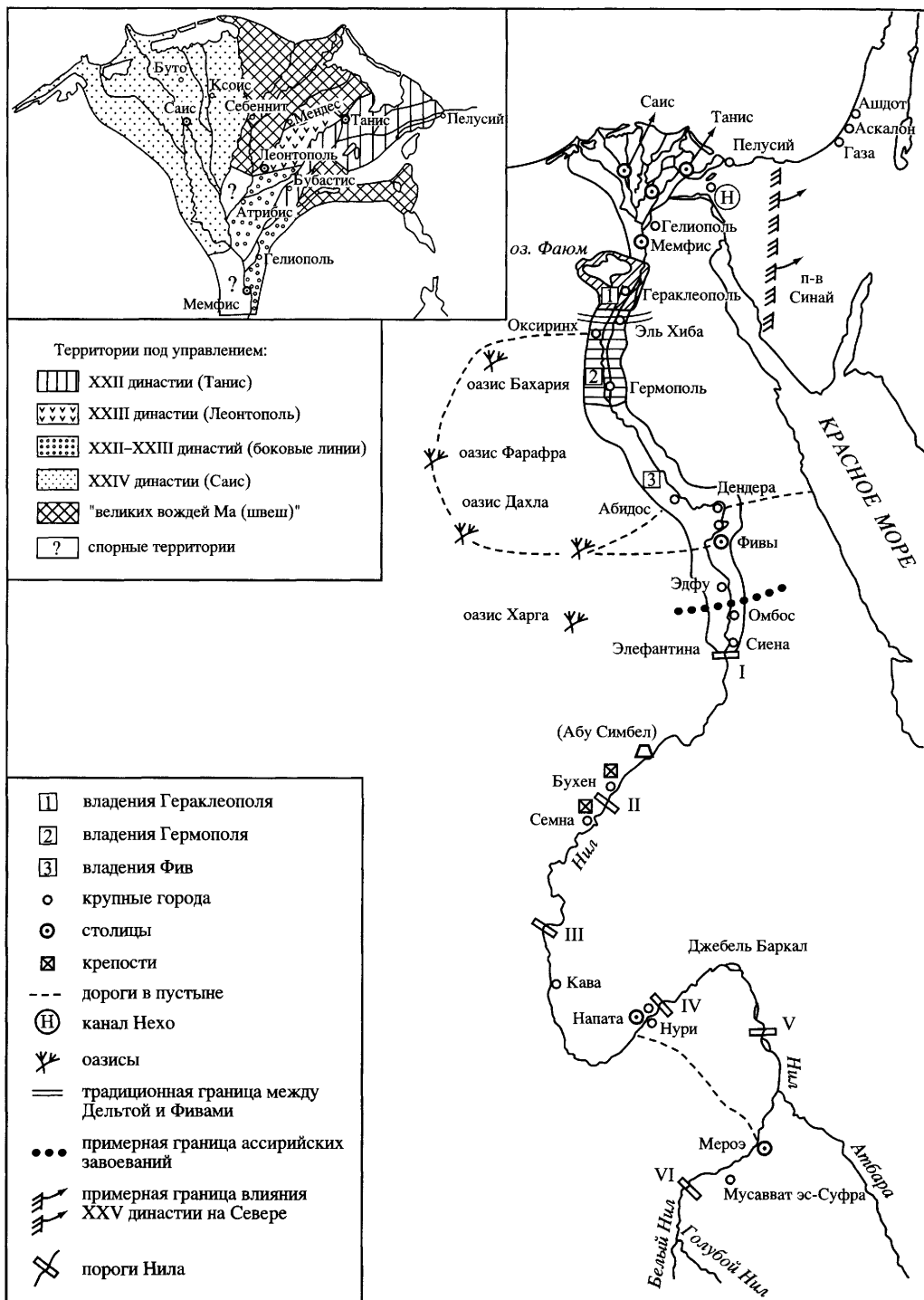
времен Нового царства фараон Египта совершил поход в Палестину (в 925 г. до н.э.) во главе ливийско-нубийского войска и с 1200 колесницами (как сообщает Ветхий Завет, который знает его как царя «Шишака»). Он вернулся с огромной данью от нескольких палестинских городов, включая сокровища разграбленного Иерусалима. Изображение своей кампании Шешонк I повелел вырезать на так называемом «Бубастисском портале» в Карнаке. Возможно, он также совершил поход в Нубию.

Однако попытки его сына Осоркона I (924–889 гг. до н.э.) продолжать политику отца кончились неудачей – поражением от царя Иудеи Асы. В правление последующих царей Такелота I (ок. 850–825 гг. до н.э.), Осоркона II и Шешонка III (825–773 гг. до н.э.) власть XXII династии начала ослабевать. В г. Леонтополе (Центральная Дельта) образовался новый центр «ливийской» власти – XXIII династия (ок. 818–715 гг. до н.э.), основателем которой стал некто Падибаст (I) (Петубастис, 818–793 гг. до н.э.). Эта династия правила, видимо, одновременно с XXII (согласно одной из гипотез, была от нее «отколота» для расширения ливийского доминирования).

Кроме сильных «линий» правителей существовали мелкие «боковые» (как ливийские, так и египетские), претендовавшие если не на царский статус, то на самостоятельность. Их идентификация, последовательность правления и взаимоотношения не всегда ясны. В стране нарастали процессы политической фрагментации, автономизации номов Нижнего и Среднего Египта, борьбы за власть и общей нестабильности.

В середине VIII в. до н.э. политическая карта Египта отличалась чрезвычайной пестротой. На Юге правил жречество Амона, в Среднем и Нижнем Египте – одновременно четверо значительных царей-ливийцев: Пефчауаубастет (в Гераклеополе), Намлот (в Гермополе), Осоркон IV (последний царь XXII династии, в Танисе–Бубастисе) и Уипут II (XXIII династии, в Леонтополе), а также «великие вожди *ма*», «великие князья» (номархи) и др. Правители, видимо, признавали друг друга и образовывали некоторую иерархию власти, тем не менее это время, как и сложившуюся политическую ситуацию, именуют обычно *ливийской анархией*.

Правление кушитской (XXV) династии. Важнейшие события происходили также на крайнем юге страны. В ходе децентрализации Египет постепенно утратил власть над Нубией (Кушем), где к VIII в. до н.э. сложилось государство со столицей в Напате – городе у IV порога, на караванном пути, прежнем административном и религиозном центре египетского влияния. Напатское общество было целиком ориентировано на египетскую культуру (письменность, искусство, образ жизни и др.), центром его религиозной жизни был храм Амона Напатского у так называемой «Чистой скалы» (Джебел Баркал), похожей на корону с уреем и почитавшейся священной. Из этого египтизированного общества произросла (взяв верх над прочими племенными вождями) династия кушитских царей, считавших себя (а не ливийцев, к которым относились с презрением) *законными* наследниками фараонов. К середине VIII в. до н.э. их влияние простиралось вплоть до I порога (южной границы Египта). Уже Кашта, первый известный по иероглифическим надписям царь кушитов, облакал себя титулами «царя Верхнего и Нижнего Египта» и «владыки Обеих Земель».

Египет Позднего времени

Кушитские цари сумели завоевать и до известной степени объединить Египет. Их влияние было сильнее на Юге, что объяснимо: кушиты, поклонявшиеся Амону (и еще более радикальные, чем сами фиванцы, во взгляде на приоритет жреческой власти над царской), были фиванцам ближе, чем их соперники цари-ливийцы. Предположительно, между храмами Амона Фиванского и Напатского поддерживались отношения.

Ок. 730 г. до н.э. следующий царь Пианхи (Пией) (747–716 гг. до н.э.) совершил первый поход на Египет. Главной целью его похода была Дельта, где сформировалась антикушитская коалиция правителей Нижнего и Среднего Египта под главенством энергичного ливийца Тefнахта, правителя Саиса (и «великого правителя Запада»). Она была разбита в нескольких сражениях на суше и на воде; особо ожесточенно сопротивлялись жители Мемфиса, взятого штурмом (728 г. до н.э.). Вступив в Дельту, Пианхи пленил последнего царя XXIII династии Осоркона III. Не допустив грабежа его храмов и почтив мемфисских богов, приняв клятву верности от побежденных правителей, Пианхи с огромной добычей (выкупом от побежденных правителей, дарами и др.) неожиданно и навсегда уплыл в Напату. Кампания выглядела бы просто грабительским набегом, если не предположить, что ей мог предшествовать род «соглашения» с фиванскими правителями. Важно, что в Фивах Пианхи официально закрепил свою власть: заставил «почтительницу Амона» Шепенупет I (дочь Осоркона III) удочерить свою сестру Аменирдис. С этого времени управление имуществом храма Амона Фиванского начинает ускользать из рук фиванских жрецов, переходя к царям Куша.

Свой поход Пианхи описал в одной из самых известных иероглифических надписей («Стеле победы»), выбитой на розовой гранитной стеле, помещенной в храме Амона в Напате. Она ценна не только уникальными сведениями о завоевании Египта. Ее безупречный классический египетский язык, фразеология и стиль сознательно подражают лучшим образцам победных реляций древнеегипетских фараонов. Она отражает особенности политики, культуры и ментальности XXV кушитской династии, а именно намеренную архаизацию, подчеркивание законности и преемственности кушитов на египетском троне.

Однако и после кампании Пианхи в Дельте продолжали править враждующие и независимые местные правители. Более того, побежденный Тefнахт провозгласил себя царем, став основателем новой (XXIV) ливийской династии (727–715 гг. до н.э.). Тefнахт и его преемник-сын Бакенренеф (греч. Бокхорис, 720–715 гг. до н.э.) контролировали уже значительную часть Западной Дельты и Мемфисскую область. Видя в этом угрозу кушитской власти, преемник Пианхи Шабака (Сабакон, как его знает Библия, 716–702 гг. до н.э.) фактически вновь завоевал Египет. Вторгнувшись в Дельту, он казнил (712 г. до н.э.) своего главного соперника Бокхориса (согласно Манефону, сжег его живьем). Бокхорис был последним царем короткой XXIV династии (которая, однако, через столетие возродилась в новой блестящей XXVI династии саисских правителей).

Египетская и античная традиция сохранила о фараоне Бокхорисе память как о мудром законодателе-реформаторе. Немного, что о нем известно, передано в основном греческим историком Диодором Сицилийским (I в. до н.э.) в его «Исторической библиотеке». По его сообщению, Бокхорис издал законы, по которым запрещалась продажа за долги свободных египтян, ограничивался ростов-

щический процент и др. Вокруг фигуры Бокхориса с его трагической судьбой со временем сложилось много легенд, в которых он неизменно выступает справедливым судьей и защитником бедных.

С установлением контроля кушитских царей над всем Египтом в истории обеих стран начался новый период. Шабака был фактическим основателем XXV кушитской (у Манефона эфиопской) династии ([747] 712–656 гг. до н.э.). Египет и Куш были объединены под общим главенством царя-кушита, теперь *единственного* носителя царской титулатуры и символа политического единства – двойного урея на головном уборе (короне или шапочке «кушитского» типа). Официальной столицей государства считалась Напата (с царскими дворцом и некрополем), однако коронация и правление, видимо, осуществлялись в Мемфисе – столице эпохи Старого царства, великим фараонами которого цари-кушиты себя уподобляли. Сын Шабаки стал верховным жрецом Амона в Фивах, дочь – очередной его «почитательницей».

С именем фараона Шабаки связан один из самых прославленных памятников египетской и мировой религиозной мысли – так называемая Мемфисская теология (см. выше), ставящая в основу мироздания Птаха, верховного бога Мемфиса – фактической столицы кушитов. Текст сочинения, вырезанный на так называемом Камне Шабаки, представлен как «улучшенная» по приказу Шабаки копия древнего папируса, пришедшего в негодность.

Завоевание Египта Ассирией. В начале VII в. до н.э. в историю Египта вмешалась новая внешнеполитическая сила. Цари-кушиты, считая себя наследниками египетских фараонов, претендовали также и на ранее под-

Фараон Тахарка. XXV (эфиопская) династия. VII в. до н.э. Гос. Эрмитаж

чинявшиеся тем азиатские территории. Это предсказуемо вело к конфликту с Ассирией, которая уже установила свое господство на всем Восточном Средиземноморье и начинала угрожать Египту. Конфликту, тем более неизбежному, что Египет имел сторонников среди правителей Сирии–Палестины, искавших у него защиты, помня о былом могуществе. Так, после нескольких десятилетий относительного спокойствия Египет снова стал ареной недолгой (ок. 15 лет), но жесткой борьбы между царями-кушитами и Ассирией.

Прямое столкновение Ассирии и Египта произошло на спорной территории в Южной Палестине: в сражении при Элтеке (701 г. до н.э.) египетско-кушитское войско фараона Шабатаки (702–690 гг. до н.э.) было разгромлено армией ассирийского царя Синаххериба. Завоевание самого Египта состоялось позднее, при его

сыне Асархаддоне. Оно пришлось на правление Тахарки (690–664 гг. до н.э.) – самого крупного из царей-кушитов, при котором Египет (судя по многочисленным возведенным в Египте и Нубии памятникам) переживал экономический подъем. Тем не менее «рыхлость» государственной структуры Египта, а также передовая армия и вооружение ассирийцев (уже применявших железо) сыграли свою роль.

Первая попытка ассирийцев (674 г. до н.э.) была неудачна (Тахарке удалось остановить их на подступах к Дельте), вторая (671 г. до н.э.) завершилась успехом. Племена бедуинов поставили ассирийцам верблюдов для перехода по пустыне к границам Египта. Асархаддон разгромил египетскую армию, взял Мемфис, Тахарка бежал, оставив в руках победителя семью. Позднее он вернул на время контроль над Египтом, но вновь был разбит (в 667 г. до н.э., уже следующим царем Ассирии Ашшурбанапалом). Завоевание ассирийцами Египта оказалось «многократным», растянувшимся на несколько лет (671–665 гг. до н.э.).

Асархаддон принял титул «царя царей (Нижнего) Египта, Верхнего Египта и Нубии» (отразившим структуру государства, состоящую из трех самостоятельных регионов). На известной стеле из Зинджирли (Малая Азия) он повелел изобразить себя победителем, держащим у своих ног на веревке, продетой сквозь губу, пленников: один из них – малолетний сын-наследник Тахарки в шапочке с уреем. На Египет была наложена дань, в номах поставлены ассирийские чиновники, в Мемфисе учрежден культ Ашшура, из египетских храмов 55 статуй богов вывезены в Ассирию. Огромное число статуй и предметов культа, несущих имя Тахарки, было обнаружено при раскопках дворцов в Нимруде и Ниневии.

Правители Дельты оказались под прямым контролем ассирийцев, которые заставили их принести клятву верности, оставив около двух десятков «вассалов» управлять Дельтой. Но после ухода ассирийцев часть их подняла мятеж и позднее была казнена ассирийцами. Из числа оставшихся верными, ассирийцы возвысили правителя Саиса и Мемфиса Нехо (I) и его сына Псамтека (будущего Псамметиха I), сыгравшего ключевую роль в освобождении Египта от ассирийского гнета.

Последнюю попытку вернуть Египет под власть кушитов предпринял преемник изгнанного Тахарки Танутамон (664–656 гг. до н.э.): приплыв с войском из Напаты в Мемфис, осадил его ассирийский гарнизон и, видимо,

Ментуемхет, могущественный правитель Фив при трех фараонах XXV–XXVI династий. Каир, Египетский Музей

убил Нехо. Ответом стала карательная экспедиция («второе» ассирийское завоевание), посланная Ашшурбанапалом (664 г. до н.э.). Ассирийская армия нанесла сокрушительный удар египтянам: Мемфис, а также (в ходе преследования Танутамона) Фивы и Карнак были разграблены, масса пленных депортирована в Ассирию. Падение Фив, которым некогда подчинялось почти все Восточное Средиземноморье, и Карнака, главного религиозного центра Египта на большей части его истории, потрясли тогдашний мир. Спустя столетие библейский пророк Наум с ужасом напоминал о судьбе Фив (библ. Но-Аммон). События долго хранились в памяти египтян, «окрашивая» собой интерпретацию последующих и предшествующих событий их истории (к примеру, гиксосского завоевания у Манефона).

На Танутамоне завершилась (в 664 г. до н.э.) XXV династия и вместе с ней политическая власть Куша над Египтом. Верхний Египет поддерживал власть бежавшего в Напату Танутамона вплоть до 656 г. до н.э., но потом признал власть новой династии (XXVI саисской, см. ниже). Куш в целом оказался отрезанным от Египта и средиземноморского мира. Однако в самом Куше царская власть по-прежнему выражала себя в «классических» древнеегипетских формах.

Куш представляет одну из интереснейших моделей образования периферийной «вторичной» цивилизации (с корнями, по древности не уступающими египетской). Сначала источник и «транзитный» коридор ценного сырья, а также военно-торговый форпост египтян, в Новом царстве Куш стал колонией Египетской империи, управляемой его администрацией. В Позднее время, завоевав Египет, он почти столетие определял его судьбу и в этом смысле участвовал в политической жизни Средиземноморья, был причастен к сфере мировой политики. Лишившись власти над Египтом, египтинизированный Куш оставался хранителем и продолжателем египетских культурных, религиозных и политических традиций. Их символ – кушитские пирамиды, представляющие собой уменьшенные копии древнеегипетских. В Напате они начали возводиться спустя 800 лет после того, как была построена последняя пирамида в Египте, и продолжали сооружаться в позднейшем государстве Мероэ (наследнике Напаты) вплоть до поздней античности (до 350 г.), по количеству почти вдвое превысив собственно древнеегипетские.

После победы Ассирии над кушитами (664 г. до н.э.) Египет формально стал «окраинной» частью ее империи. Однако сама Ассирия была занята смертельной борьбой с Вавилонией, и в Египте в состоянии «политического вакуума» сформировалась особая форма политической самоорганизации. Геродот называет ее *додекархией* (греч. «правление двенадцати»). Весь Египет, по его словам, египтяне поделили на двенадцать частей и «поставили» двенадцать царей (не без ехидства отметив, что египтяне без царей жить не могут), заключивших договор о том, «чтобы не свергать друг друга и не отнимать земли, но жить всегда в дружбе». По свидетельству Диодора этот порядок длился около 15 лет. Эти сведения, несомненно, отражают исторические реалии. Ассирия была не в состоянии выстраивать систему управления огромной страной. Ее устроила «стихийно» сложившаяся на месте система, обреченная на внутренние противоречия участников и потому потенциально для нее неопасная. Однако Ассирию ожидал удар: под руководством Псамметиха (I), которому ассирийцы фактически доверили управление страной, Египет сумел сбросить ярмо ассирийского гнета и возродить на краткое время его целостность.

Правление XXVI саисской династии. Правители Саиса уже с середины VIII в. до н.э. боролись за египетский трон, балансируя при этом между тремя силами – массой правителей Дельты и Среднего Египта, царями-кушитами и ассирийскими завоевателями. Через столетие эти потомки ливийца Тefнахта сумели добиться успеха. Возрождение связано с именем Псамметиха I (664–610 гг. до н.э.), предположительно, правнука Бокхориса, правителя Атрибиса и доверенного «вассала» Ассирии. Воспользовавшись ее внутренними проблемами (борьбой с Вавилонией), а также отдаленностью кушитов (которыми в Напате все еще продолжал править Танутамон), ему удалось на короткое время восстановить независимость Египта. В течение почти двух десятков лет Псамметих I постепенно подчинил правителей Дельты, все еще представлявших собой значительную силу, затем Фивы (с военной помощью Гераклеополя), где заставил прежнюю «почитательницу Амона», кушитскую царевну, удочерить его собственную дочь Нейтикерт как преемницу. Фактически это означало объединение Египта (656 г. до н.э.).

Против внешней опасности Псамметих I развернул строительство в стратегически важных пунктах укреплений, снабжая их гарнизонами из чужеземцев-наемников – жителей Палестины, Финикии, Малой Азии (Карии) и, особенно, Греции. Их поселения появлялись на всех границах Египта – в Элефантине, Марее (на западе), в Дафнах (на востоке), в Навкратисе, ставшим важнейшим торговым портом. Около 655 г. до н.э. Псамметих практически отложился от Ассирии. Он заключил военный союз с противником Ассирии – Гигесом, царем Лидии, государства в Малой Азии.

В дальнейшем саисские цари оказались втянуты в бурные события, связанные с противоборством Ассирии с ее главным врагом – Нововавилонским царством. Саисские фараоны Нехо II (610–595 гг. до н.э.), Псамметих II (595–589 гг. до н.э.) и Уахибр (греч. Априй, 589–570 гг. до н.э.) занимали и вновь теряли территории Восточного Средиземноморья, с которых их вытеснял вавилонский царь Навуходоносор II. После окончательного падения Ассирии (612 г. до н.э.) именно от него стала исходить главная угроза Египту. В результате вторжения Навуходоносора II в Египет, последний был ненадолго им покорен. Однако обе страны уже имели общего нового врага – Персидскую империю – и заключили (547 г. до н.э.) против нее союз. Однако было уже поздно: Вавилония пала первой в 568 г.

Предпоследний саисский фараон Яхмос II (греч. Амасис, 570–526 гг. до н.э.), насильственно сместивший Априя, был известен своей прогреческой ориентацией. Он последовательно выступал союзником греческих полисов в их борьбе с персидской угрозой. В 526 г. до н.э. он умер, и вскоре при его сыне-преемнике Псамметихе III Египет был завоеван (525 г. до н.э.) персидским царем Камбисом II. Это было концом саисской династии и независимости Древнего Египта, ставшего частью сильнейшей тогда древневосточной империи – Ахеменидской Персии.

Несмотря на драматический ход египетской истории, в области внешней политики саисское время – поворотный пункт в многотысячелетней истории Египта, обозначивший его важную геополитическую переориентацию. Развернув Египет в сторону античной Греции и в известной мере «оторвав» его

от африканских связей, саисские правители практически навсегда включили его в круг Средиземноморских держав. В области культуры саисское правление – это время целенаправленного возвращения к идеалам и формам классической эпохи древности, Старого царства. Этот процесс не столько архаизации, сколько «ассимиляции» своего прошлого для его нового ренессанса. При этом возрождение собственного древнего искусства, учености, литературы, копирование старых текстов, широкое распространение демотики как главного вида письменности сочетались с большей открытостью внешнему миру. Египет стал более «космополитичным», в нем «слышны» чужеземные языки – греческий, арамейский (на котором говорила Западная Азия), рос интерес к чужеземным знаниям, религиозным идеям и практикам. Вместе с тем – это период нового осмысления важнейших проблем внутренней жизни (ценности царской власти, личного благочестия, посмертного существования). Саисская эпоха – это «золотой век» Древнего Египта и его «предсмертный блеск», как замечательно определил ее выдающийся египтолог Б.А. Тураев, а также свидетельство поразительной жизнестойкости древнеегипетской цивилизации, продолжающей сохранять культурную идентичность и влиять на всех своих завоевателей.

ЕГИПЕТ В СОСТАВЕ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ

К концу жизни фараона Амасиса Египет был единственным государством Ближнего Востока, сохранившим независимость от персидской державы Ахеменидов. Однако уже вскоре после его смерти в 525 г. до н.э. персидский царь Камбис начинает войну против Египта. В решающем сражении при пограничной крепости Пелусий на востоке Дельты египтяне терпят сокрушительное поражение, причиной которого, помимо военного преимущества персов, была измена греческих наемников и, очевидно, части египетской знати. Из надписи на статуе командующего египетским флотом и жреца из египетской столицы Саиса Уджагорреснета известно, что он составил для Камбиса египетскую титулатуру как нового фараона – основателя XXVII династии. В историю Египта начался так называемый период *Первого персидского владычества* (525–404 гг. до н.э.).

Рассказ Геродота о святотатствах Камбиса, в том числе об убийстве им в Мемфисе после неудачного похода в Эфиопию священного быка Аписа, опровергается египетскими текстами (в частности, надписью на саркофаге, предоставленном для погребения умершего бога Аписа самим Камбисом). Недовольные персидским правлением были прежде всего сторонники Амасиса, которые, на первых порах во главе с его сыном, пытались выступить против персов в конце 20-х – начале 10-х годов VI в. до н.э.

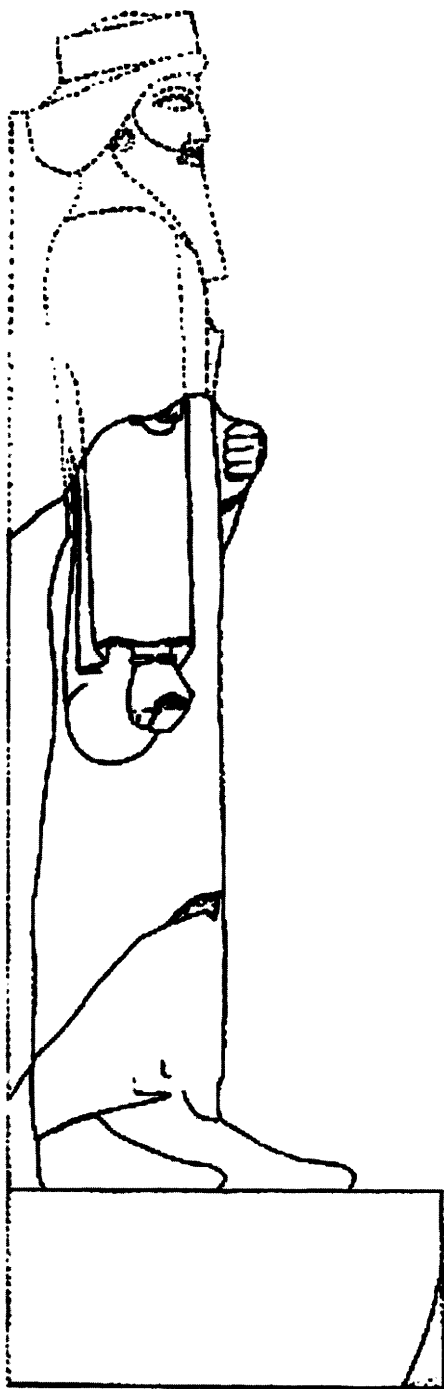
В 518 г. до н.э. в Египет прибыл новый персидский царь – Дарий I. Египтяне считали его не только истинным фараоном, но и одним из великих законодателей Египта, заслужившим особые культовые почести. Один из папирусов действительно сообщает о записи при Дарии I египетских законов. Царь вел строительство в египетских храмах (в частности, в центре культа бога Амона в оазисе Харга). По его приказу был восстановлен канал между Нилом и Красным морем, прорытый еще при Нехо II.

При Дарии I определилась структура персидской администрации в Египте во главе с сатрапом и его резиденцией в Мемфисе. В важнейших пунктах Египта (в Мемфисе, Дафнах и Элефантине) были размещены ахеменидские воинские части: особой преданностью персидскому царю отличались наемники-евреи. В то же время важную роль в администрации играли египтяне, занимавшие ряд высших должностей. Египет считался одной из самых богатых сатрапий Ахеменидов, вместе с Ливией, Баркой и Киреной (т.е. областями средиземноморского побережья к западу от него), платившей ежегодную дань в размере 700 талантов (более 20 т) серебра.

При Камбисе и Дарии I Египет был второй, кроме Вавилонии, сатрапией, власть персидского царя над которой оформлялась принятием местного царского титула, т.е., в современных понятиях, личной унии. Оно изменилось при преемнике Дария I Ксерксе, в начале правления которого (486–484 гг. до н.э.) в Египте из-за увеличения налогов и угона ремесленников в Персию вспыхнуло восстание. После его подавления Ксеркс не стал принимать статус фараона и тем самым упразднил «личную унию» с Египтом. Политика персов здесь стала более жесткой: по-видимому, именно в это время из египетских храмов было конфисковано и вывезено в Азию большое количество изображений богов и культовой утвари, чтобы лишить египтян ритуального контакта с их богами. Небезынтересно, что среди этих предметов оказалась, похоже, и помещенная в храм бога Атума в Гелиополе статуя почитавшегося египтянами Дария I, найденная в 1972 г. французскими археологами в персидской столице Сузах. С этого времени Египет стремится освободиться от власти Ахеменидов. В 460 г. до н.э. в Дельте Нила начинается восстание некоего Инара, которое было поддержано воевавшими с персами Афинами, но все же к 454 г. оно окончилось неудачей. Похоже, отряды восставших еще долго держались на западе Дельты Нила, а в 404 г. до н.э. правитель Саиса Амиртей (возможно, потомок Инара) возглавил и изгнал персов.

Последние древнеегипетские династии (404–342 гг. до н.э.). Амиртей (404–397 гг. до н.э.) считается единственным правителем XXVIII саисской династии. Вскоре он был низложен и убит, а к власти пришла основанная Неферитом I XXIX династия из г. Мендес в центральной Дельте Нила (397–380 гг. до н.э.). Ее первые цари быстро сменялись на престоле, лишь Акорис правил около 13 лет (392–379 гг. до н.э.), стараясь упрочить собственную власть внутри страны и положение Египта во внешнем мире. Он стремился к союзу с греческими полисами (в частности Спартой), с правителем Саламина Кипрского Эвагором и некоторыми областями Малой Азии, также добивавшимися самостоятельности от персов.

Характерный энтузиазм этого времени по поводу недавнего изгнания персов и восстановления независимости Египта звучит в найденной на территории Карнакского храма так называемой «Стелы Бентреш». Согласно ее тексту, в свое время к Рамсесу II обратился породнившийся с ним царь азиатской страны Бахтан (в ее образе отразились как воспоминания о хеттской державе уже далекого прошлого, так и восприятие главного противника Египта в современности – державы Ахеменидов) с просьбой помочь исцелить свою душевнобольную (обуянную злым духом) дочь Бентреш. Фараон отправляет правителю Бахтану целительную статую фиванского бога Хонсу, и правитель после выздоровления своей дочери решает оставить столь

Дарий I – фараон. XXVII (персидская) династия. Статуя из Суз. Реконструкция

ценное средство для контакта с божеством себе навсегда. Вскоре он видит во сне, как бог Хонсу в обличие сокола покидает свою статую и устремляется в Египет, и после этого решает вернуть ее Рамсесу. В этом рассказе явно звучит воспоминание о недавнем похищении персами культовых статуй и утвари из египетских храмов, а также уверенность в том, что боги, всегда благоволящие к Египту, покинут свои похищенные изображения и оставят в руках врагов Египта лишь мертвый камень и металл.

Вскоре после смерти Акориса к власти в результате переворота приходит уроженец соседнего с Мендесом г. Севеннита Нектанеб I (380–361/0 гг. до н.э.), основавший XXX династию. При Нектанебе I Египет успешно отражает персидское вторжение в 373 г., но в дальнейшем не рискует полагаться только на собственные силы и вступает в союз с греческими государствами Афинами и Спартой. При Нектанебе I продолжается начатое Акорисом строительство в Карнакском храме (к IV в. до н.э. уже во многом утратившим свое влияние, но сохранявшим связь с царской властью), однако еще большее внимание он уделяет местным культовым центрам. Так, он начинает строительство храмовых комплексов богини Хатхор в Дендера (юг Среднего Египта) и богини Исиды на о. Филэ (крайний юг Египта).

Эта строительная программа, которая будет продолжаться на протяжении всего эллинистического времени, связана с популярным в позднем Египте культом богинь-матерей. Новым и обязательным компонентом храмовых комплексов с этого времени становятся так называемые *маммизи*, или «дома рождения», – особые постройки, посвященные культу четы богов и их сына (т.е. существующего практически в каждом египетском номе «слепок»

триады самых чтимых в это время божеств – Осириса, Исиды и Хора), оформленные сценами появления последнего на свет (отдаленной первоосновой этих сцен были, по-видимому, рельефные изображения рождения от божества Хатшепсут и Аменхотепа III в храмах Дейр эль-Бахри и Луксоре).

Воспользоваться благоприятной ситуацией, сложившейся во время восстаний в западных сатрапиях Ахеменидской державы, и перейти при греческой поддержке в наступление против персов в Сирии и Палестине попытался фараон Тахос (егип. *Джеседхор*; 361–359 гг. до н.э.). По совету афинского военачальника Хабрия он ввел чрезвычайные налоги и отчисления с храмовых доходов на военные нужды. Эта необходимая, но ущемлявшая интересы элиты мера вызвала, несмотря на военные успехи Тахоса, недовольство, и в результате военного мятежа на египетском троне утвердился племянник царя Нектанеб II (359–343 гг. до н.э.). Его царствование отмечено постоянным ожиданием персидского нападения на Египет. Как раз в год начала его правления на престол Ахеменидов взошел Артаксеркс III, поставивший перед собой задачу возродить могущество своей огромной державы. Это же время отмечено небывало широким строительством в местных храмах Египта.

Ставленник египетской знати, Нектанеб II явно сворачивает попытки централизаторских мероприятий Тахоса: не случайно, в позднейшем грекоязычном тексте отражение им угрозы персидского вторжения связывается с ловким использованием магических средств, а не созданием настоящей боеспособной армии. Нектанеб II много строит в храмовых комплексах Дельты (в том числе в «родовом гнезде» XXX династии Себенните), в Мемфисе, в оазисах Харга и Сива в Ливийской пустыне, продолжает строительную программу своих предшественников в Карнаке, начинает строительство, которое также продолжается в эпоху эллинизма, в храмовом комплексе Хора, чтимого в образе крылатого солнечного диска, а также в г. Эдфу. Идея, что бог Хор постоянно воплощен в царе, вообще становится в это время важным средством легитимации его действий: известно много изображений Нектанеба II перед Хором в облике сокола, указывающих и на тождество царя с этим богом, и на защиту с его стороны.

Период Второго персидского владычества (343–332 гг. до н.э.). В 343 г. до н.э., когда начинается массированное вторжение персов во главе с Артаксерксом III в Египет, Нектанеб II не смог оказать ему сопротивления и был вынужден бежать в Нубию. Позднее складывается легенда, согласно которой он отправился в Македонию и, обольстив там царицу Олимпиаду, стал отцом будущего освободителя Египта от персов – Александра Великого.

Античные авторы сохранили крайне мрачные воспоминания египтян о завоевании Артаксеркса III, в частности сообщения об убийствах им священных животных и иных святотатствах. Видимо, в их реальной основе лежали посягательства персов на достояние египетских храмов, новая кампания по вывозу в Персию культовых изображений, утвари и священных текстов. Помимо этого подверглись депортации и некоторые категории жрецов, в частности служители богини Сохмет, олицетворявшей губительную силу эпидемий, которые, по «специфике» своего божества, владели врачебными знаниями. Однако похоже, что, несмотря на это, персы не смогли установить прочный контроль над всем Египтом.

Ок. 337–335 гг. до н.э. страной завладел некий Хаббаш – скорее всего нубиец, принявший титул фараона и продержавшийся у власти, пока в Персии происходили внутренние неурядицы. Однако новый персидский царь Дарий III сумел нанести ему поражение и вернуть власть над Египтом.

С началом восточного похода Александра Македонского персы отозвали из Египта большие контингенты войск во главе с сатрапом Сабаком, который в 333 г. до н.э. погиб в битве при Иссе. Вскоре после этого в Египет, ставший сравнительно легкой добычей, вторгнулся с небольшим войском македонский авантюрист Аминта, однако его предприятие окончилось неудачей.

Это бурное время, озаглавленное, ко всему прочему, прекращением храмового строительства и трудностями в отправлении ритуала запомнилось египтянам как настоящая катастрофа. По-видимому, ни персидских царей, ни Хаббаша они не считали полноценными фараонами и верили, что на это время сакральная власть над Египтом и миром перешла напрямую к богу Хору.

Власти персов над Египтом окончательно пришел конец, когда в ноябре 332 г. до н.э. его заняло македонско-греческое войско Александра Великого (с. 000). Он вступил в страну через Пелусий, пройдя через Дельту, вошел в Мемфис, где, видимо, короновался по египетскому обряду.

* * *

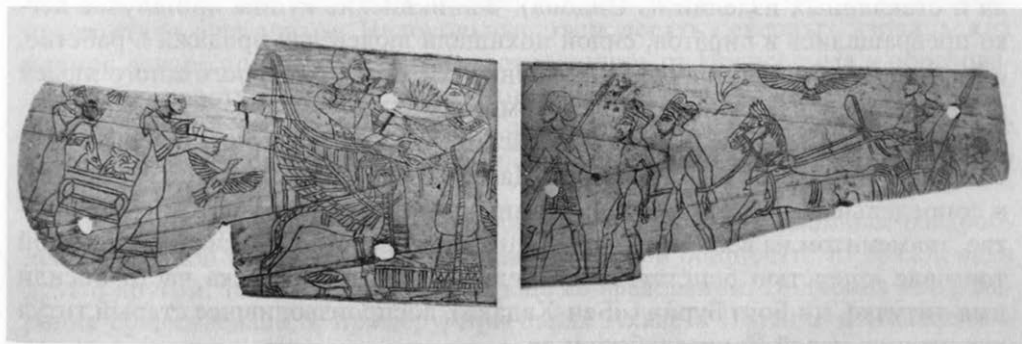
Этими событиями началась новая эпоха в истории Египта. Он вошел в состав говорящего на греческом языке античного мира и в новый, не древневосточный, а эллинистический период своей истории. Период от завоевания Египта Александром Македонским и последующего правления его преемников (царей македонской и птолемеевской династий) до завоевания его Римской империей (30 г. до н.э.) и превращения в римскую провинцию носит название *Птолемеевского Египта*. Птолемеевский Египет – это уже история блестящей *эллинистической* цивилизации, основанной на двух культурах – древнеегипетской и греческой.

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

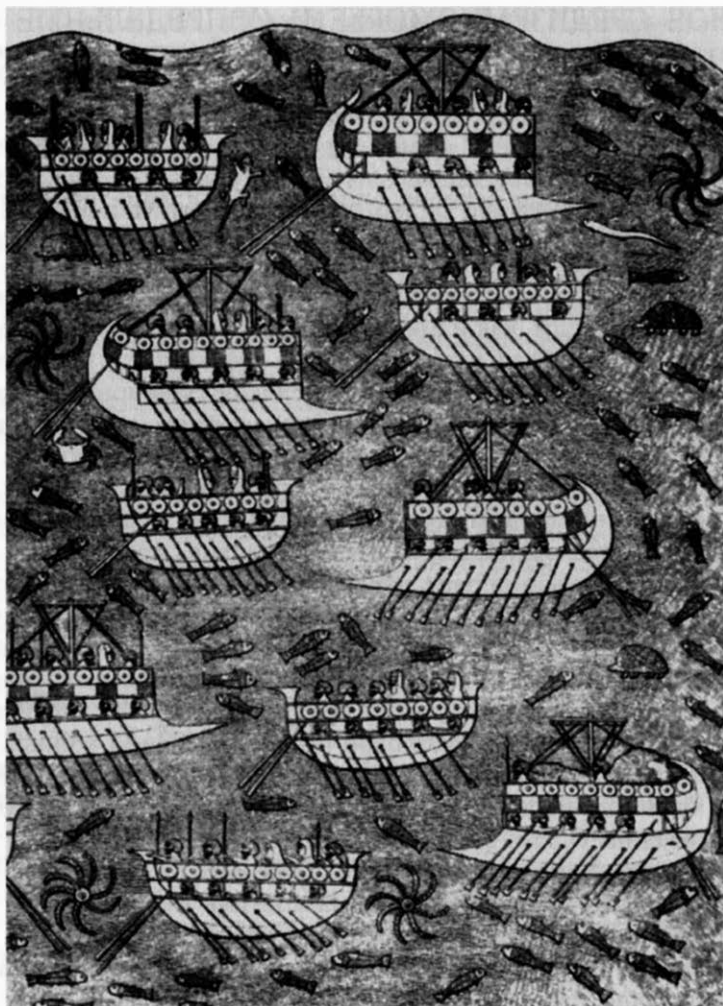
Политическая история региона определялась сравнительными особенностями его собственного и ближневосточного геополитического развития. Для всего Ближнего Востока I тысячелетие до н.э. было временем формирования великих «универсалистских» империй, в то время как Левант от Сина до Евфрата оставался, как и прежде, раздробленным на мелкие государства. Тем самым он неизбежно превращался в объект притязаний со стороны соседних великих держав (Ассирии, Халдейской Вавилонии, Персии) и их борьбы за контроль над ним. К таковым относятся ассиро-урартское соперничество VIII в. до н.э. за Сирию и вавилоно-египетская схватка за власть над всем Левантом в конце VII – первой трети VI в. до н.э.

Из пяти сил, доминировавших в Леванте с исхода II тысячелетия до н.э. – Тиро-Сидонское царство, Израиль, филистимляне, арамейские и позднететские царства, именно первое царство оказалось монополистом международной торговли в масштабах всего Средиземноморья, достигнув высшего расцвета при царе Ахираме (Хираме, 969—936 гг. до н.э.). Хирам эффективно контролировал заморские колонии подвластных ему финикийских городов, лежавшие даже в Испании (Гадир) и Северной Африке (Утика). В X–IX вв. до н.э. тиро-сидонские цари не вели ни одной войны на материке: все их внимание было устремлено на морские пути. Однако в IX в. до н.э. финикийцы были изгнаны греками из Эгеиды. Узурпатор Итобаал (с 879 г.) упрочил положение Тира и возобновил колонизацию, на этот раз только Западного Средиземноморья (в том числе Сардинии), где появилось много новых финикийских центров, среди них знаменитый Карфаген (823 г. до н.э.). Цари стремились к установлению деспотического правления, что вызывало противодействие в среде крупных купцов и рабовладельцев. С конца IX в. до н.э. олигархические тенденции возобладали.

Финикия богатели за счет как транзитной торговли, так и вывоза собственных ремесленных изделий (особенно пурпурной краски из Тира, стек-

Ханаанейский царь и его воины. Плакетка из Мегиддо (фрагменты).
Слоновая кость. Конец II тысячелетия до н.э.

Финикийские корабли. Рельеф из дворца Саргона II. Новоассирийский период

ла и стеклянных изделий из Сидона). Финикийские купцы при случае легко превращались в пиратов, силой похищали людей для продажи в рабство. «Финикиец, обманщик лукавый, злобный хитрец, от которого много людей пострадало», – как сказано о них у Гомера.

Дамасское царство. Среди арамейских государств Сирии на первое место вышло Дамасское царство (Арам-Дамаск), претендовавшее на гегемонию в сопредельных областях. Его экономика строилась на развитом скотоводстве, знаменитом на весь Ближний Восток производстве оружия и транзитной торговле «шерстью блистательной белизны». Цари Дамаска часто носили имя-титул «Сын Бога Бури» («Бен-Хадад»), воспроизводившее старый титул хурритских царей Ханигальбата и др.

В середине IX в. до н.э. Дамаск сыграл решающую роль в борьбе с ассирийскими нашествиями на этот регион. В 853 г. коалиция, возглавленная

дамасским правителем Бенхададом II и израильским царем Ахавом, отразила в битве при Каркаре 120-тысячную армию ассирийского царя Салманасара. Правда, тот в 841 г. до н.э. разгромил силы Дамаска и осаждал город, но не смог взять его. Во второй половине IX в. до н.э. дамасский правитель Бенхадад III овладел заиорданскими владениями Израиля, проник в Южную Палестину и получил дань от Иудеи.

На некоторое время бо́льшая часть Восточного Средиземноморья попала под влияние Дамаска, однако сопротивление другого арамейского царства – Хамата на Оронте, привело к распаду дамасской коалиции. Истощенный войнами Дамаск был в 796 г. до н.э. осажден и принужден к выплате дани ассирийским царем Ададнерари III. При нем Ассирия контролировала все Восточное Средиземноморье, но уже в начале VIII в. до н.э., ослабев под ударами Урарту, ассирийцы потеряли все владения к западу от Евфрата.

Израиль. В Израиле царь Давид (ок. 1010–970 гг. до н.э.) проводил политику создания централизованной надплеменной военно-бюрократической монархии. При нем был присоединен Иерусалим, ставший столицей нового царства, созданы государственный аппарат и иноэтничная гвардия. В серии ожесточенных войн на территории от Красного моря до Евфрата (которые велись порой с исключительной жестокостью) Давид пытался объединить под своей властью весь Левант. Однако по причине восстаний арамеев он не смог этого сделать, и в итоге его держава представляла собой собственно Израиль с зависимыми внешними владениями, охватывающими Заиорданье, Филистию и области южносирийских арамеев.

Преемником Давида стал его младший сын Соломон (ок. 970–930 гг. до н.э.). Еврейская традиция прославляет его за мудрость, изображает проницательным и справедливым судьей и объявляет автором ряда литературных произведений, вошедших в Библию. В действительности это был, по-видимому, тщеславный монарх, отказавшийся от активной внешней политики и усиливший внутреннюю эксплуатацию. Он перенес опору своей власти с воинства на граждански-храмовую бюрократию, увеличил подати и повинности израильтян и выстроил в Иерусалиме роскошный храм Яхве (с помощью своего союзника, финикийского царя Ахирама). Наконец, если Давид, родом из южного израильского племени Иуда, сумел выказать себя надплеменным царем, при Соломоне засилие в делах всего царства его соплеменников стало очевидным. Недовольные этим десять северных израильских племен вскоре по смерти Соломона отложились от Иерусалима и образовали особое царство, принявшее название «Израиль». Столицей его несколько позднее (в IX в. до н.э.) стала Самария. За царством Иерусалима, где по-прежнему правил дом Давида, закрепилось название «Иудея», по его главному племени.

Оба царства, считая это положение нетерпимым и временным раздроблением единой по своей природе древнееврейской общности, то враждовали друг с другом, то создавали нечто вроде конфедерации. Подобная конфедерация существовала, к примеру, при царях Ахаве в Израиле и Иосафате в Иудее (в середине IX в. до н.э.), а также при Иеровоаме II в Израиле и Узии в Иудее (в первой половине VIII в. до н.э.). В обоих случаях союзники быстро устанавливали контроль над всей Палестиной и Заиорданьем. Разделением

былого Израиля воспользовался Египет: ок. 926 г. до н.э. фараон Шешонк совершил опустошительный поход в Палестину, разорив и подчинив и Израиль, и Иудею, которые, однако, быстро восстановили независимость.

В эпоху разделенных Северного и Южного царств древнееврейское общество постепенно входит в полосу кризиса, вызванного бурным развитием частновладельческих отношений и частной эксплуатации. Этот процесс шел как за счет растущих притеснений, чинимых племенной и столичной верхушкой над народной массой, так и за счет имущественной дифференциации и развития товарно-денежных отношений. Все это приводило к концентрации имущества и земли в руках немногих, к разорению и закабалению рядовых общинников. Пропасть между государственно-племенной аристократией и ее рядовыми соплеменниками быстро росла, а поля и сады общины стали продаваться посторонним лицам (не родственникам и даже не соседям). Общинные участки, перешедшие в частные руки, а также земли государственного фонда, розданные придворным, составили сектор частного землевладения, в том числе крупного.

Свободное население страны делилось на четыре сословия: светская аристократия (вельможи и князья); жреческая аристократия (жрецы и профессиональные пророки); так называемый «народ земли» – основная масса свободного населения; чужеземцы (пришельцы и поселенцы), ограниченные в правах. Еще ниже стояли рабы и кабальные должники, число которых все возрастало. Главным объектом эксплуатации оказывалась масса рядовых общинников, и это воспринималось тем более остро, что в обществе оставался жив племенной уклад и порождаемые им традиции клановой солидарности, так что социальное расслоение казалось отходом от основных норм общежития. Особое неприятие у рядовых общинников вызывала связанная с царем властная верхушка.

На верхах общества положение осложнялось межплеменными противоречиями в Израиле, израильско-иудейским противостоянием и собственно культовыми проблемами. Для древних евреев, осознававших себя пришельцами в Палестине, вопрос об обращении за божественным покровительством к тем или иным местным божествам стоял гораздо острее, чем для аборигенов, уже многие столетия связанных с определенными культами. Для царей Израиля этот вопрос имел особый аспект: сохранение центра почитания Яхве в иудейском Иерусалиме побуждало их особенно напряженно искать и других покровителей, хотя бы на случай войны с той же Иудеей. Наиболее могущественный царь Израиля Ахав (середина IX в. до н.э.) использовал в этом качестве финикийского бога Баала.

На фоне развернувшихся вследствие этого конфликтов и противостояния храмов разных божеств друг другу и царю сформировался в конце концов так называемый «жреческий монотеизм». Заключался он в том, что жрецы Яхве настаивали на необходимости обеспечить этому божеству исключительное положение в израильско-иудейском культе и исключали возможность сравнимого почитания других богов на общегосударственном уровне. С другой стороны, социальные противоречия израильско-иудейского общества отозвались мощным общественно-идеологическим процессом – «*пророческим движением*» VIII–VI вв. до н.э.

«Пророки», бывшие первоначально особой категорией храмовых прорицателей, по неясным причинам порвали с храмами и возглавили в итоге социальный протест. Именно они выработали концепцию Яхве как абсолютного и универсального божества, источника этики и творца истории как процесса соответствующего религиозного воспитания древних евреев – «избранного» им для этой цели народа. В конце времен ожидалось появление посланца Яхве – мессии, которому суждено было окончательно спасти Израиль от языческой скверны и социальной несправедливости и приобщить весь мир к почитанию Яхве. Этот «пророческий монотеизм», составивший впоследствии ядро иудаизма в целом, и стал первым теоцентристским догматическим мировоззрением, известным нам в мировой истории.

Восточное Средиземноморье и Ассирия. В третьей четверти VIII в. до н.э. Восточное Средиземноморье покоряют ассирийцы. В 743–740 гг. до н.э. Тиглатпаласар подчинил Северную Сирию (полная аннексия ее затянулась до 717 г., когда в ассирийскую провинцию был превращен Каркемиш) и Финикию, в 734–732 гг. до н.э. аннексировал Дамасское царство и большую часть Израиля, а также подчинил Филистию, остаток Израиля и Иудею. Попытка Израиля по смерти Тиглатпаласара отложиться от Ассирии вызвала карательный поход, осаду Самарии (725–722 гг. до н.э.) и полную аннексию Израильского царства ассирийцами с массовой депортацией израильтян. Остатки местного населения смешались с пригнанными сюда на освободившиеся места ассирийскими подданными, образовав новую общность «самаритян».

Иудея, отложившись было от Ассирии в 704 г. до н.э., была приведена к покорности карательным походом Синаххериба в 701 г. до н.э. Отчаянное сопротивление ассирийцам оказали финикийцы: за сто лет Тир пять раз пытался сбросить ассирийское ярмо. Подавление второго такого восстания Синаххерибом в 701 г. до н.э. привело к отторжению от Тира всех прочих финикийских городов, ранее подвластных ему. Тиро-Сидонское царство с заморскими владениями перестало существовать. Грабительское нашествие скифов на западную часть ассирийских владений, в том числе на Сирию и Палестину (конец 630-х годов до н.э.), уничтожило ассирийскую власть в регионе. Все его территории восстановили независимость, и выиграли от этого больше всего Тир, Иудея и Египет. Царь Иудеи Иосия (640–609 гг. до н.э.) не только вернул ей свободу, но и присоединил к ней все бывшие земли царства Давида и Соломона. Со своей стороны, египтяне подчинили своей власти Филистию и Сирию вплоть до Евфрата, откуда в 616 г. египетские войска двинулись в Месопотамию помогать ассирийцам против вавилонян. Тир на время становится гегемоном всей Финикии. Тирские купцы конца VII – начала VI в. до н.э. проникали на восток Малой Азии, в далекую Южную Аравию, вывозили серебро из Испании, а возможно, также олово из Британии.

При Иосии в 622 г. до н.э. Иудея претерпела настоящую революцию. Царская власть, до того по большей части боровшаяся с «пророческим» монотеизмом, теперь приняла решение возглавить его. Было объявлено, что в иерусалимском храме при ремонтных работах были «якобы случайно» найдены древние забытые законы, требующие единобожия и централизации культа. Под лозунгами «пророческого» монотеизма подверглось истреблению жречество всех культов кроме культа Яхве, а также другие категории лиц; почитание всех богов кроме Яхве было запрещено (первый пример религиозного

террора и религиозных чисток, а равно и утверждения собственно догматической религии на Древнем Востоке).

После гибели Ассирии Восточное Средиземноморье стало «яблоком раздора» между Египтом и Вавилонией. В 609 г. до н.э. фараон Нехо II решил накануне решающей схватки с Вавилоном уничтожить самостоятельную силу в тылу грядущего театра боевых действий, напал на Иудею, разбил и убил Иосию в битве при Мегиддо и принудил Иудею признать его верховную власть. Дальнейшая борьба привела к гибели Иудеи в 587 г. до н.э., разрушению Иерусалима и Соломонова храма и депортации иудеев под ударами вавилонян, а также к утверждению вавилонского владычества над всем Восточным Средиземноморьем.

Со сменой вавилонского господства властью персов (539 г.) депортированные евреи получили возможность вернуться на родину, а в V в. до н.э. Ахемениды санкционировали создание иудеями-чиновниками Эзрой и Неемией в Иерусалиме и его округе *гражданско-храмовой автономии*, основанной на жестких началах канонического *иудаизма* (религии, развившейся за предыдущий век на базе монотеизма пророков). Руководителям этой автономии Ахемениды предоставили духовную власть над всеми жителями империи, желавшими считаться иудеями.

Формирование иудаизма. Новое по сути вероучение, выдвинутое «пророческим движением» в VIII–VII вв. до н.э., до поры до времени, по-видимому, не пользовалось в Израиле и Иудее широкой популярностью. Являясь догматической религией, подчиняющей этику и образ жизни сверхценной теоцентрической норме, иудаизм ориентировал приверженцев на Божественное откровение и эсхатологические ожидания. Объявляя свое божество абсолютным, а себя подлинно истинным учением, «пророческий монотеизм» во всех этих отношениях принципиально противостоял общей религиозной практике Ближнего Востока, в том числе былой древнееврейской. Приверженность к нему проявляли, видимо, только наиболее радикальные элементы. Однако в условиях растущей общественной нестабильности именно такие элементы превращались в грозную силу, тем более что «пророческий монотеизм» оказывал известное влияние на «жреческий».

Приведенная картина развития монотеизма в древнееврейской среде разделяется не всеми историками: историки-традиционалисты, следуя самой ветхозаветной традиции, считают, что теоцентрический догматический иудаизм был введен среди евреев уже Моисеем при Исходе из Египта, а все дальнейшие языческие практики еврейского общества и государства представляли собой лишь периодические отступления от него. С социально-психологической точки зрения это едва ли вероятно.

Ветхозаветные «Книги пророков» приводят многочисленные примеры ярко негативной реакции древнееврейского населения на проповедь иудаизма. Реакция эта отражала продуманную и последовательную «языческую», т.е. рационально-релятивистскую идеологию, типичную для всего древнего Ближнего Востока.

Следует подчеркнуть, что евреи, подвергающиеся поношениям пророков, сами почитают Яхве, но почитают его как обычное, не-абсолютное языческое божество и в контакт с ним хотят вступать только ради собственного блага, как они определили его сами, без оглядки на Бога. Согласно Ветхому

Завету, народ отвечает Богу в ответ на угрозы: «Мы сами себе господа и не пойдем к тебе!» и осуждает Бога с позиций некоей не зависимой от его требований, самостоятельной человеческой этики. Бога укоряют в несправедливости наказаний пословицей: «Кислый виноград ели отцы, а оскомины на губах у детей!»; «сыны народа» говорят: «Неправ путь Господа». Народ считает, что почитать Бога нужно ради житейских земных благ, а не ради безусловной бескорыстной приверженности к Нему Самому.

Бог укоряет народ через пророка Захарию: «Когда вы поститесь и плачете в пятый и седьмой месяц вот уже семьдесят лет, для меня ли вы поститесь? Для меня ли? И когда вы едите и пьете, не для себя ли вы едите и пьете?» Народ же ражует: «Тщетно служение Богу, и что пользы, что мы соблюдали Его постановления?» и заявляет пророку Иеремии: «Слов, что ты говорил нам от имени Яхве, мы не станем от тебя слушать, но будем по-прежнему поступать по нашему собственному слову – воскурять и возливать богине неба, как мы делали – мы и наши отцы, цари и князья! – в городах Иуды и на улицах Иерусалима, потому что тогда мы были счастливы и сыты, и не видели бед. А как перестали мы воскурять и возливать богине неба, так терпим во всем недостаток и гибнем от меча и голода».

Более того, народ полагает возможным ставить силовые ритуальные преграды попыткам собственного Бога наказать людей, заявляя: «Остановись, не подступай ко мне, потому что я заклят от тебя!» – и отвечая на угрозы от имени Бога: «А мы заключили союз со Смертью и договорились с Преисподней, так что когда всепорожающий бич [Яхве] будет проходить, он до нас не дойдет!» Не особенно страшась Бога, в ответ на насланные им беды израильтяне говорят: «Кирпичи пали – выстроим из тесаного камня, сикоморы вырублены – заменим их кедрами!» Пророкам коротко бросают: «Не застите нам глаза [вашим] Богом!», «Ну, какая там еще беда от Господа?» – и заключают: «Не обращается народ к Тому, Кто бьет его». Иными словами, Богу готовы покоряться лишь постольку, поскольку он идет навстречу своим адептам. «Господь призывает вас (евреев) в этот день плакать и сетовать, остричь волосы и препоясаться вретисцем, – жалуется пророк Исайя, – но вот [вместо этого у вас] веселье и радость! Забивают волов и режут овец, жрут мясо и пьют вино, [говоря]: «Будем есть и пить, ибо завтра умрем!». «Если бы какой-либо вольнодумец (...) сказал: “Проповедовать вам я буду о вине и сикере!” – то он и был бы угодным проповедником для этого народа!» – заявляет пророк Михей.

В былые времена люди не представляли себе Яхве ни всемогущим, ни всесовершенным, ни всезнающим, ни всеблагим, ни единственным источником всякого существования, как в этом убеждали их пророки. Раньше считалось, что понятия о добре и зле принадлежат самим людям, которые и вырабатывают их по своему собственному желанию, опыту и вкусу. Боги могут надзирать за выполнением этих правил, но не являются их источником (точно так же, как человеческие власти).

Согласно иудаизму, требования морали исходят от Бога и предписаны людям извне Им одним. Люди должны безусловно выполнять эти требования исключительно потому, что это требования Божества. Сам Бог вне критики, что бы Он ни делал. Иными словами, Бог становится абсолютом.

В отличие от былых времен человек вступает в общение с Ним не для реализации своих собственных устремлений, по принципу *do ut des* («даю тебе, чтобы ты дал нам» – римская формула взаимоотношения с богами), а для самодовлеющего выполнения воли Бога, которой человек безусловно обязан подменять свою во всех случаях расхождения между ними. Наконец, религиозные представления предшествующих эпох никогда не претендовали на абсолютную истину, где нет места сомнению, исправлению и пересмотру (древнееврейская пословица, осуждаемая пророками, гласит: «со временем любое пророчество теряет силу» из-за нарастания изначально имеющейся в нем погрешности, т.е. всякое суждение лишь относительно истинно). Именно поэтому на Древнем Востоке господствовала полная веротерпимость, а внутри каждой религии мирно уживались вступающие в спор друг с другом течения. Иудаизм был первым вероучением, основанным на догмах – положенных, априори считающихся абсолютно истинными помимо любых доводов и контрдоводов. По всем этим причинам для утверждения его в качестве государственной религии и потребовался переворот царя Иосии.

Древнееврейская литература первой половины I тысячелетия до н.э. известна в основном в том обработанном виде, в каком сохранила ее Библия. Само это слово означает по-греч. «Книги» (в данном случае книги, канонизированные иудеями и христианами).

Иудейское Писание (Танах) почти полностью совпадает с Ветхим Заветом, первой частью христианской Библии. Этот свод текстов, сформировавшийся в V–III вв. до н.э., представлен масоретским еврейским Писанием и выполненным еще до его кодификации греческим переводом – Септуагинтой. По традиции он делится на три раздела: Учение (оно же Закон и Пятикнижие Моисеево, древнееврейская Тора), Пророки и Писания. Пятикнижие излагает переработанные в монотеистическом духе фрагменты общеизраильского предания о происхождении мира, людей вообще и западносемитских племенных союзов (в том числе Израиля) в частности.

Многие из них отражают ближневосточные мифы или подверглись их сильному влиянию. Так, рассказ о сотворении первочеловека, Адама, из земли происходит из аморейского предания, где Адам тоже считался предком всех людей, но при этом его отцом называется бесплотный дух Апар, а мать – Мать-земля Маддар. Унаследовавшие этот миф от своих аморейских предков евреи видоизменили его, превратив отца Адама в Бога-творца, а мать-землю в глину, материал для творения.

История о Потопе, погубившем все живое, также перешла к евреям от их предков-амореев, а к тем – от шумеро-аккадцев Южной Месопотамии. Значительную часть Пятикнижия составляют жреческие установления и догматизированные моральные предписания, получающие отныне внечело-веческий и внерациональный божественный источник («десять заповедей» и др.). «Пятикнижие» окончательно сложилось в конце VII – середине V вв. до н.э.

В раздел «Пророки» входят произведения реальных пророков VIII–VI вв. до н.э. (Исайи, Иеремии, Иезекииля и др.) или приписывавшиеся им. К ним примыкают по концепции и времени составления «исторические книги» (Иисуса Навина, Судей, Самуила, Царей и др.), излагающие историю древних евреев XII–V вв. до н.э. в рамках концепции периодического отпадения евреев от монотеизма и возвращения к нему; первое карается Яхве, второе

вознаграждается им (в действительности систематически повторяющиеся дискредитации и возрождения столь жесткой духовной системы, как догматический иудаизм, невозможны ни для какого общества).

Материалом для «исторических книг» послужили в основном летописи царской эпохи и несохранившиеся эпические композиции о славных деяниях предков. Некоторые из них по своему духу прямо противоположны религиозной концепции составителей «Танаха». Откровенно фольклорный характер носит предание о Самсоне – удачливом богатыре, сражавшемся с филистимлянами.

Старинный эпос об Ахаве, в целом прославляющий этого царя, ненавистно-го монотеистической традиции, лег, по-видимому, в основу нескольких эпизодов Книги царей. Редакторы-компиляторы не осмелились пренебречь им и лишь сопроводили его несколькими главами, рисующими неблагочестие Ахава, в то время как согласно прочим главам этот царь стоял за свою страну с неизменной доблестью, исключительной ответственностью перед народом и великодушием даже к поверженным врагам. Так, согласно Книге царей, когда Бенхадад, царь Дамаска, потребовал у него признания покорности, дани и даже женщин его гарема, Ахав готов был исполнить его требование, лишь бы израильтянам не пришлось воевать, но когда Бенхадад потребовал еще и доли достояния его подданных, Ахав выступил на рискованный бой с ним. Таким образом, он не хотел жертвовать жизнями подданных ради защиты своего достояния, но готов был проливать свою кровь для защиты их достояния.

Разгромленный несколько раз Бенхадад едва спасся и просил пощады. Ахав сказал: «Разве Бенхадад еще жив? Он брат мой!» – пощадил его и оказал ему почет, однако предписал ему по договору вернуть все земли, ранее отнятые Дамаском у Израиля. Когда Бенхадад не выполнил договор до конца, Ахав двинулся на него вновь, запросив перед выступлением пророков, чем кончится война: лишь один пророк из всех предвещал поражение. Ахав решил, что он лжет из ненависти к царю, но не стал карать его по одному подозрению, а велел задерживать его до своего возвращения из похода, когда станет ясно, кто лгал, а кто говорил правду. При сражении Ахав сам двинулся в бой на колеснице и был ранен в грудь, но решился не выходить из боя, чтобы не подорвать зрелищем отступления царя дух своих воинов, так что до заката солнца стоял, раненый, на своей колеснице, сражаясь, «а на закате умер, и кровь из раны лилась в колесницу». Источник, откуда Ветхий Завет заимствовал все это, явно относился к Ахаву прямо противоположным образом, чем сами составители Ветхого Завета.

Наконец, «Писания» являются пестрым собранием различных по жанру и времени произведений. Сюда входит образец свадебной лирики, созданный под некоторым египетским влиянием – «Песнь Песней», религиозные гимны-псалмы, приписанные царю Давиду и т.д.

Аравия. С движением арамейев из Сирийской степи на север, в Северную Сирию и Месопотамию (XI–X вв. до н.э.), в Северной Аравии освободились обширные территории, и с юга сюда стали выдвигаться недавно одомашнившие верблюда и ставшие настоящими кочевниками племена двух этносов – собственно арабов и потомков «ибри» (племена аморейского происхождения, имеющие общие этноисторические корни с древними евреями и расселившиеся в Аравии с севера в XIV в. до н.э.). В ходе их взаимодействий и перемещений сложилась этнокультурная общность исторических арабов, которая состояла из многих независимых племен и унаследовала язык и об-

щее название «арабы» от собственно арабских племен, а легендарную племенную генеалогию в основном от аравийских «ибри».

Ветхозаветные тексты, начиная с X в. до н.э., и греческие ученые середины I тысячелетия до н.э. уже знают широкую общность «арабов» в целом от Синая (где в ее состав влились амалекиты) до Евфрата. Существовало несколько арабских племенных союзов, в том числе исконно арабский Арабу (именно от него происходит название всех арабов в целом, хотя сам этот союз исчез, т.е. влился в состав других племен, к середине I тысячелетия до н.э.). Кроме того, были восходящие к группам «ибри» по происхождению союзы племен Дедан, Кедар и Небайот (последний в начале VI в. до н.э. захватил Эдом на южной окраине Мертвого моря и образовал могущественное Набатейское царство), а также переселившийся с крайнего юга Самуд и др. В VI–V вв. до н.э. кочевые арабские племена скенитов заселили долину Евфрата и часть Месопотамии. В IV–III вв. до н.э. арабы Набатейского царства окончательно поглотили Аммон и Моав и заняли Дамаск, превратившийся еще ранее в крупнейший арабский центр и считавшийся главным городом «Аравии Пустынной». Арабы поддерживали более или менее напряженные отношения с Ассирией и более поздними великими державами (Вавилонией, Персией, эллинистическими царствами, Парфией и Римом). В частности, римляне пытались проникнуть в Йемен и в 106 г. до н.э. аннексировали Набатейское царство.

На юге Аравийского п-ова в XI–VIII вв. до н.э. сложились высокоразвитые государства южнопериферийных семитов: Ма'ин, наиболее могущественная Саба (поддерживавшая при знаменитой «царице Савской», ок. 950 до н.э., тесные отношения с царством Соломона), Катабан, Аусан и Хадрамаут. Их ожесточенные войны за преобладание привели в конце концов к выдвижению нового, Химьяритского государства (конец II в. до н.э.), которое за несколько веков объединило всю Южную Аравию. Для общественного строя Южной Аравии характерны прочность родоплеменного строя и сочетание земель свободных общин, храмовых хозяйств, хозяйств правителя и его рода. Лица рабского сословия были многочисленны, но частные рабы в производстве применялись мало. Долговое рабство благодаря могуществу племенных структур, поддерживавших общинную солидарность, не получило распространения.

Древнеарабская политеистическая религия носила в основном родовой характер; культ осуществлялся жреческими родами (как и у древних евреев). Высшие жреческие функции в Сабе принадлежали *мукаррибу* и магистратам. Ведущими божествами были *Астар* на Юге, *Аллаху* («Бог», высшее божество) и *Душара* (бог грома и плодородия, реальный управитель мира) у набатеев, а также лунный бог, известный в разных регионах под разными именами. В Южной Аравии строились храмы, в Северной богов почитали на «высотах» (святилищах на возвышенностях).

АССИРИЯ

ОТ «НОМОВОГО» ГОСУДАРСТВА АШШУР К СРЕДНЕАССИРИЙСКОЙ ДЕРЖАВЕ

С III тысячелетия до н.э. на Среднем Тигре существовало «номовое» государство Ашшур с центром в одноименном городе на правом берегу реки. Оно было основано особой отделившейся от основной массы аккадоязычных племен и поселившейся здесь, на Тигре, еще около 3000 г. до н.э. группой аккадоязычного населения (так называемыми «ассирийцами»), поклонявшейся одноименному богу Ашшуру.

В XXIII–XXI в. до н.э. Ашшур входил в державы Аккада и Ура в качестве одного из их административных центров. При падении державы III династии Ура Ашшур заняли князья из соседних хурритских племен, возведя новые городские стены и новый храм бога Ашшура. С этого момента ассирийцы впоследствии отсчитывали начало своей государственности, поскольку тогда Ашшур из провинциального центра великих держав вновь стал суверенным государством. Ок. 1970 г. до н.э. власть в Ашшуре перешла в руки династии из коренных аккадоязычных ашшурцев («ассирийцев»), и следующие шесть веков Ашшур оставался центром их самоуправляющейся номовой общины. Лишь в XIX–XVIII вв. до н.э. ее дважды ненадолго аннексировали другие государства – царства Шамши-Адада и Хаммурапи; в остальное время Ашшурский «ном» то был совершенно независим, то признавал лишь данническую зависимость от соседних великих держав. Верховная власть принадлежала совету старейшин (со сменяющимся составом), представлявшему общинную верхушку, и наследственному князю-градоправителю, председательствовавшему в нем. Князь еще не встал над общиной и потому титуловался исключительно *ишшиаккумом* («градоправителем»), а не царем. Ишшиаккум возглавлял исполнительную власть и имел право созывать совет, но не мог принимать важные решения без его санкции.

В науке условно выделяются *Староассирийский* (XX–XVI вв. до н.э.), *Среднеассирийский* (XV–XI вв. до н.э.) и *Новоассирийский* (X–VII вв. до н.э.) периоды, в основном в соответствии с этапами развития ассирийского диалекта.

Ашшур лежал на самой окраине месопотамского мира, и в то же время на перекрестке важнейших торговых путей, пересекавших весь Ближний Восток. По ним в Месопотамию из окрестных горных стран шли металлы, а в противоположные стороны – продукты месопотамского сельского хозяйства и ремесел. В результате Ашшур превратился в необычайно богатый торгово-перевалочный центр и мог организовать и снабжать сильную армию. В XX в. до н.э. правители Ашшура проложили военно-торговыми экспедициями путь на запад, к побережью Сирии и рубежам Анатолии, и в XIX в. до н.э. в Восточной Малой Азии расцветает основанная ашшурцами сеть самоуправляющихся торговых колоний с центром в Канесе (совр. Кюль-Тепе в Турции). Ашшурские купцы доставляли в Малую Азию крашенные шерстяные ткани, а взамен отправляли в родной город сырье – металлы, шерсть

и кожу. Находясь на территории различных малоазиатских царств, колонии пользовались внутренней автономией. Поскольку управлявшая ими выборная верхушка состояла из ассирийцев – членов ашшурской номовой общины, в своих внутренних делах сеть колоний дополнительно подчинялась Ашшuru, который облагал ее торговлю большим налогом.

В конце XIX в. до н.э. верхнемесопотамские земли к западу от Ашшура оказались объединены в руках удачливого завоевателя, аморея-ханея Шамши-Адада. Столица его державы (в науке ее часто и неточно называли «Староассирийской», а современники нередко именовали ее «Субарту») располагалась в Шубат-Эллиле (совр. Телль Лейлан). Шамши-Адад провел длительную войну с Ашшурским номом и в конце концов, взяв ок. 1810 г. до н.э. Ашшур, полностью аннексировал его и присвоил титул ашшурского «ишшиаккума». Позднее он передал область Ашшура своему старшему сыну Ишме-Дагану в качестве особого «вице-царства» с центром в Экаллате. В 1792 г. до н.э. Шамши-Адад захватил ханейско-аккадское царство Мари на Среднем Евфрате и передал его в качестве такого же «вице-царства» другому своему сыну Ясмах-Ададу.

Держава Шамши-Адада охватила всю Верхнюю Месопотамию и бассейн Среднего Тигра; эта огромная территория была разбита на четырнадцать военных округов. Глав этих округов назначал и перемещал сам правитель. Общинное самоуправление было полностью подчинено царской власти. Кроме того, вассальную зависимость от Шамши-Адада признавали царь Вавилона Хаммурапи, Катна в Южной Сирии с соседними областями вплоть до гор Ливана и Средиземного моря, и, наконец, племена Приурмийского региона и смежных областей Северо-Западного Ирана (в частности иранский хурритский центр Тукриш). Союз с Шамши-Ададом поддерживал Каркемиш. Основными его противниками являлись аморейское царство Ямхад в Северной Сирии (именно из страха перед ним к Шамши-Ададу обратились Катна и Каркемиш) и аккадское царство Эшнунна на Дияле (вместе с примыкающими к нему племенами Северо-Центрального Загроса); на обоих этих фронтах Шамши-Адад так и не добился победы.

Войско Шамши-Адада состояло из гвардии – постоянного царского полка, и отборных ополченцев. Царские служащие почти не получали от государства землю – подавляющему большинству служилых людей, включая высших чиновников, государство платило лишь жалованье (натурой). Военнопленных и вражеское население массами обращали в государственных невольников, после чего сажали на царскую землю или посылали в царские мастерские. Используя их труд и опираясь на служилую верхушку, Шамши-Адад мог чувствовать себя подлинным автократом и не считаться ни с общинами крупных центров своей державы, ни с их главными оплотами – городскими храмами; те были переданы в ведение царского двора.

В 1775 г. до н.э. Шамши-Адад умер, и престол перешел к Ишме-Дагану, который давно уже выступал фактическим соправителем отца. Держава тут же развалилась: власть в Мари захватил Зимрилим, представитель его старой династии (изгнанной когда-то Шамши-Ададом), Ясмах-Адад погиб, большая часть прочих областей приобрела независимость, а самого Ишме-Дагана пытались сместить оставшиеся было в его подчинении местные правители. Он сохранил престол в Экаллате, признал зависимость сперва от Элама, а потом от Хаммурапи Вавилонского и пытался удерживать вер-

ховную власть хотя бы над соседними областями Востока Верхней Месопотамии, но без особенного успеха. Ашшур при Ишме-Дагане пользовался самоуправлением, но не выходил из-под его власти и признавал его своим ишшиаккумом (как ранее – Шамши-Адада). Со смертью Ишме-Дагана все его владения, включая Ашшур, были немедленно аннексированы его сюзереном Хаммурапи (ок. 1757 г.), однако в 1742 г. до н.э., в связи со вторжением касситов в Верхнюю Месопотамию, Ашшур восстановил свою независимость под властью сына Ишме-Дагана Мут-Ашкура. Ок. 1700 г. до н.э. его династия была свергнута, и после многолетней смуты ишшиаккумом стал некий Адаси, потомки которого и правили в Ашшуре в последующие века.

Великодержавие Шамши-Адада произвело на ассирийцев огромное впечатление. Они вписали не только дом Шамши-Адада, но и всех его кочевых предков в свой царский список и с тех пор всегда осознавали время его правления как блестящую страницу своей собственной истории.

В конце XVI в. до н.э. ашшурскому ишшиаккуму Пузур-Ашшуру III удалось отбить натиск Касситской Вавилонии и заключить с ее царем Бурна-Буриашем I договор о границе; этим событием ассирийцы еще столетия спустя начинали официальный перечень своих внешнеполитических триумфов на южном направлении. Однако еще в XVII в. до н.э. в Верхней Месопотамии на смену ханейским племенным княжествам явилась хурритская держава Ханигальбат; в XVI в. до н.э. власть в ней перешла к пришлой династии индоарийского происхождения, которая дала Ханигальбату новое официальное название Митанни. Опасаясь Митанни, Ашшур даже установил дружественные связи с египетским царем Тутмосом III, который вел с Митанни ожесточенную войну. В ответ в середине XV в. митаннийский царь Сауссадаттар разграбил Ашшур (вывезя, в частности, драгоценные декоративные ворота Ашшура, выполненные из золота и серебра) и принудил его признать зависимость от Митанни. Лишь ок. 1400 г. до н.э. ишшиаккум Ашшурбелнишешу сделал робкий шаг к восстановлению ашшурских сил, построив новые стены города.

В первой половине XIV в. до н.э. Ашшур смог восстановить независимость благодаря дипломатическим талантам ишшиаккума Эриба-Адада I (1380–1354 гг. до н.э.). Последний начал свое правление еще в качестве васала Митанни, но, воспользовавшись династическими смутами, которые вскоре разразились там, избавился от митаннийского верховенства ценой признания вавилонского сюзеренитета, а потом освободился и от него. Преемник Эриба-Адада, Ашшурбаллит I (1353–1318 г. до н.э.) писал в Египет Эхнатону как один вполне суверенный правитель – другому и в этой переписке, первым из правителей Ашшура, уже именовал себя царем-«шарру» (правда, внутри страны он так себя не титуловал, используя здесь по-прежнему лишь титул «ишшиаккума»).

Именно Ашшурбаллит превратил город-государство Ашшур в великую державу Ассирию. Произошло это благодаря тому, что в середине XIV в. Ближний Восток пережил настоящий политический переворот: усилиями хеттского царя Суппилулиумаса в середине XIV в. до н.э. рухнул привычный, трехвековой давности международный порядок, центральным элементом которого являлось государство верхнемесопотамских хурритов – Ханигальбат (Митанни). Суппилулиумас наголову разгромил его в трех войнах, низведя

до положения второстепенной державы, а образовавшийся политический вакуум заполнили две силы: сами хетты, на короткое время превратившиеся в ведущую силу Ближнего Востока, и номовое государство Ашшур, перехватившее львиную долю бывшего митаннийского могущества – впоследствии именно от XIV в. до н.э. древние отсчитывали время существования ассирийской «империи» в Азии.

Переворот занял считанные десятилетия (ок. 1355–1335 гг. до н.э.*): сперва, воспользовавшись резким ослаблением Митанни вследствие двух неудачных войн с Суппилулиумасом и династических смут, Ашшурубаллит вмешался в дела митаннийцев при царе Артадаме II и превратился в его старшего союзника. Через некоторое время Митанни развязало против хеттов войну – едва ли без санкции Ашшурубаллита. Когда в ходе этой третьей войны Суппилулиумас послал в Митанни хеттские войска, Ашшурубаллит выступил против них. В течение некоторого времени в Верхней Месопотамии шли военные действия, в которых каждая сторона поддерживала своего марионеточного кандидата на митаннийский престол. Несмотря на временные успехи хеттов, оттеснивших было Ашшурубаллита и его митаннийских союзников на восток, после смерти Суппилулиумаса он изгнал хеттов из всей Верхней Месопотамии и на некоторое время вышел к Евфрату. В ходе всех этих событий восточные, притигрские области Митанни, включая крупнейший культовый центр Ниневию (здесь почиталась Иштар), Ашшурубаллит попросту удержал за собой и аннексировал, да и остальное Митанни одно время контролировалось его войсками. Кроме того, Ашшурубаллит совершил интервенцию в Вавилонию и возвел на вавилонский престол своего ставленника (ок. 1337 г. до н.э.). Ассирия превратилась из города-государства в великую военную державу, которой было суждено просуществовать около 700 лет.

Формирование этой державы было завершено при Ададнерари I (1295–1264 гг. до н.э.). Он первым официально титуловал себя в самом Ашшуре «царем», а кроме этого еще и «царем множеств», и установил царский контроль над ашшурским общинным самоуправлением. Начиная с Ададнерари, ассирийские цари переносят один из важнейших государственных обрядов – обряд приема богов (в виде их статуй) на пиру – в собственные царские дворцы.

Адад-нерари отнял у Касситской Вавилонии обширные области на Среднем Тигре и Среднем Евфрате и совершил два успешных похода против Ханигальбата–Митанни. В результате первого из них он сделал Ханигальбат своим вассалом, а когда тот отложился, Ададнерари в результате второго похода полностью аннексировал его. По международным представлениям эпохи это давало ему своего рода мандат на «великоцарский» статус: поглотив предыдущее «великое царство», Митанни, он наследовал его былой ранг. Поэтому Ададнерари претендует в переписке с другими странами уже не просто на титул «царя» (как делал Ашшурубаллит), а на титул «великого царя», равного правителям остальных великих держав – и добивается успеха. Хаттусилис III, «великий царь» хеттов, союзник повергнутого Митанни и неизменный противник Ададнерари, скрепя сердце был вынужден признать

* Здесь и ниже даты хеттских и вавилонских событий даны по «средней» хронологии Египта.

в своем исполненном вражды ответе ему: «Да, уничтожив моего союзника, ты стал великим царем!» На востоке Адад-нерари покорил земли вплоть до Приурмийского региона. Однако значительную часть своих завоеваний Ададнерари еще при своей жизни и утратил.

Если искать в ряду ассирийских правителей некоего единоличного «основателя Ассирийской империи», то на эту роль может претендовать именно Ададнерари. В этом качестве его и запомнили на Ближнем Востоке: еще тысячелетие спустя греческие историки утверждали, что Ассирийскую империю основал около 1300 г. до н.э. некий царь – соправитель царицы Семирамиды. В действительности Семирамида-Саммурамат правила гораздо позже (см. ниже), но соправителем ее действительно был царь Ададнерари – Ададнерари III. Как видно, приведенный греческий сюжет был отголоском предания, согласно которому ассирийское великодержавие основал именно Ададнерари I, и его лишь спутали впоследствии с более поздним тезкой.

Преемники Ададнерари – Салманасар (Шульманашаред I, 1263–1234 гг. до н.э.) и особенно Тукульти-Нинурта I (1233–1197 гг. до н.э.) пытаются добиться уже фактического первенства среди всех великих держав. История Ассирии их времени – это период войн против хеттов и их союзников на западе и против вавилонян на юге. Войны эти идут с переменным успехом; ассирийцы раз от раза наращивают масштаб ударов, но и сами терпят иногда все более жестокие поражения. За полтораста лет (1300–1150 гг. до н.э.) ассирийцы успели пять раз покорить и пять раз потерять западную часть Верхней Месопотамии! Так, верхнемесопотамские завоевания Ададнерари еще при его жизни смог отнять у него Хаттусилис III, восстановивший здесь Митаннийское государство (ок. 1265 г. до н.э.). Салманасар I вскоре после воцарения двинулся на уничтожение Митанни и союзных ему хеттских войск. Ассирийская армия попала в окружение и была отрезана от водопоев, но сумела вырваться и разбить врага. 14 400 вражеских воинов, попавших в плен, были ослеплены по приказу Салманасара, и тот аннексировал все земли Митанни до Евфрата (ок. 1260 г.). Митанни было уничтожено навсегда; позднее Салманасар разгромил нового хеттского царя Тудхалию IV при Нихрии и отнял у хеттов еще и бассейн Верхнего Тигра, но вскоре тот же Тудхалия вновь отобрал у Салманасара и его, и территорию погибшего Митанни (ок. 1240 г. до н.э.). К тому времени подстрекаемая хеттами против Ассирии Вавилония успела отторгнуть у ассирийцев земли по Среднему Евфрату, завоеванные когда-то Ададнерари, а также Аррапху и области Загроса.

И на западе, и на юге ассирийские успехи восстановил и довел до апогея следующий царь, Тукульти-Нинурта. На западе он покорил страны Верхнего Тигра и юга Армянского нагорья, вновь занял Верхнюю Месопотамию. На юге он совершил небывалое деяние, завоевав и аннексировав Вавилонию и все ее владения (ок. 1230/1225 г. до н.э.). Об этом подвиге при его дворе была сложена эпическая поэма. Из главного храма Вавилона в Ашшур была вывезена статуя верховного бога вавилонян Мардука.

В знак своих побед царь принял новый титул: «Могучий царь, царь Ассирии, царь Кардуниаша (Касситской Вавилонии), царь Шумера и Аккада, царь Сиппара и Вавилона, царь Дильмуна и Мелаххи (совр. о-в Бахрейн и бассейн Персидского залива и Аравийского моря вплоть до Инда), царь Верхнего (Средиземного) и Нижнего моря (Персидский залив), царь гор и широ-

Триумф царя Тукульти-Нинурты над врагами. Рельеф. Ашшур. Среднеассирийский период. Конец XIII в. до н.э.

1 – рельеф; 2 – прорисовка

ких степей, царь субареев (жителей Верхней Месопотамии), кутиев (горцев Загроса) и стран Наири (Армянское нагорье), царь, слушающий своих богов и принимающий знатную дань четырех стран света в городе Ашшуре».

На гребне своих успехов Тукульти-Нинурта решился полностью освободиться от необходимости считаться с городской знатью Ашшура. Он выстроил себе новую, военно-служилую столицу Кар-Тукульти-Нинурта и переехал туда. Однако к концу его правления хетты (с которыми он в целом сохранял дружбу) и восставшие вавилоняне вновь лишают Ассирию большей части его завоеваний, в том числе запада Верхней Месопотамии. Поражения подорвали престиж царя, а его попытка встать над столичной общиной вызвала там прилив ненависти, тем более опасной, что к этой общине принадлежало большинство царских вельмож. В результате Тукульти-Нинурта был свергнут и убит; его столицу забросили, а на престол посадили его сына. Ассирия вступила в полосу длительного упадка. Вавилонский царь Ададшумуцур, недавний освободитель всей Вавилонии от Тукульти-Нинурты, безнаказанно направляет ассирийским царям письма, полные насмешек и оскорблений. Царский дом Ассирии потрясают внутренние династические конфликты и смуты. Вмешавшись в них, тот же Ададшумуцур в конце концов смог в 1182 г. до н.э. посадить одного из членов ассирийского царского рода на престол Ассирии в качестве своего ставленника. Еще ранее, в 1190-е годы, под ударами выходцев из балканско-эгейского региона погибло Хеттское царство, и ок. 1165 г. до н.э. часть сокрушивших его балканцев – так называемые *восточные мушки* (предки армян) – поселилась на Верхнем Евфрате. В течение следующих 50 лет Ассирии приходилось отражать их периодические набеги на ассирийские пределы в Верхней Месопотамии.

При Ашшурдане I (1168–1134 гг. до н.э.) в истории Месопотамии наступает перелом. Ассирия освобождается от вавилонского влияния, даже совер-

шает набег на вавилонское пограничье (ок. 1160 г. до н.э.), затем Вавилония подвергается полному разгрому со стороны оккупировавших ее в середине XII в. до н.э. эламитов. Династия касситов погибла, однако вавилонянин Мардуккабиттахешу, укрепившись в Иссине, выступил против эламского господства и основал новую династию. Она упорно боролась с эламитами и постепенно вытеснила их из страны, восстановив Вавилонское царство (столицей его оставался Иссин). Не прекращая воевать с ним, эламиты ок. 1135 г. до н.э. обрушились на Ассирию, захватив Аррапху и долину Нижнего Заба. Ашшурдан был низвергнут, а его преемник попытался примириться с Вавилонией и немедленно вернул ей статую Мардука (1134 г. до н.э.), которую почти за век до того вывез в Ассирию Тукульти-Нинурта.

В итоге бурных событий XII в. до н.э. в Передней Азии не осталось ни одной великой державы, а оба царства Месопотамии – Ассирия и Вавилония – были существенно ослаблены смутами и борьбой с набегами соседей, прежде всего эламскими. В этой обстановке в Ассирии воцарился Тукульти-апал-эшарра (Тиглатпаласар) I (1114–1076 гг. до н.э.), развернувший широчайшие завоевания. Начал он с того, что разбил восточных мушков, напавших на пределы Ассирии, и вновь восстановил ее власть над Верхней Месопотамией до большой излучины Евфрата. Затем он покорил горные области в бассейне Верхнего Тигра и двинулся на захват торгового пути, ведущего оттуда к Черному морю по ареалу крупнейших месторождений меди, свинца и железа. Разгромив несколько десятков вождей и князей «стран Наири» (Армянского нагорья), Тиглатпаласар «прогнал их своим дротиком до Верхнего (Черного) моря», выйдя к нему в районе нынешнего Батума. Победенные владетели «стран Наири» признали зависимость от Ассирии и обязались платить дань. На исходе XII в. до н.э. Тиглатпаласар покорил осколки хеттского царства в Сирии и Юго-Восточной Малой Азии, достиг гор Ливана и финикийского побережья, где ему изъявили покорность приморские города от Арвада до Сидона. Здесь царь предпринял морскую прогулку на корабле, поохотившись на дельфина. Дань с этих западных территорий он брал главным образом кедровыми деревьями. Проникал он и далеко на восток, в долину Верхнего Заба и Загрос. Позднее Тиглатпаласар обратился против Вавилонии и захватил ее крупнейшие города – Опис, Сиппар и сам Вавилон (ок. 1090 г. до н.э.; правда, из Вавилонии ассирийцы были вытеснены уже в следующем году). В это время его власти подчинялись громадные территории от Чороха и истоков Куры до Загроса, Финикии и Малоазиатского Тавра. Ассирия была теперь не просто первой, а единственной великой державой Ближнего Востока.

Однако нерешенной проблемой для Тиглатпаласара оставались войны с арамеязычными кочевниками-ахламеями Сирийской степи и долины Среднего Евфрата. Против них Тиглатпаласар совершил 28 походов, захватив даже Тадмор (Пальмиру) в сердце ахламейской территории, однако так и не смог окончательно победить и покорить их. При его преемниках Ассирия стремительно утрачивает могущество под натиском тех же арамейско-ахламейских племен. В середине XI в. до н.э. начинается грандиозное переселение арамеев из Южной Сирии: двигаясь на север, они проникают вверх по течению Евфрата вплоть до Верхнего Тигра, и ассирийцы принуждены с переменным успехом контратаковать их здесь, на северо-западе. В Сирии в ре-

зультате этих событий возникает ряд арамейских царств. В то же время одно из крупнейших арамейских племен Сирии – халдеи (*касад*), оторвавшись от своих родичей, двинулось прямо на восток, razорило юг Вавилонии и осело там, образовав несколько племенных княжеств в болотистых низовьях Тигра и Евфрата. Вскоре они признали власть вавилонских царей, усвоили вавилонскую культуру и составили один из основных компонентов населения страны. С конца IX в. до н.э. халдейские князья фактически распоряжались немалой частью вавилонской территории, а в VIII–VI вв. до н.э. неоднократно давали Вавилонии правителей.

Около 1000 г. до н.э. арамейско-ахламейские племена прорывают с запада ассирийскую оборону по Евфрату и захватывают практически всю Верхнюю Месопотамию, поставив Ассирию на грань гибели; под властью ассирийских царей X в. до н.э. остались лишь бассейн Среднего Тигра и Харран. От этой катастрофы ученые отсчитывают *Новоассирийский период* (X–VII вв. до н.э.). В результате переселений XI–X вв. до н.э. подавляющее большинство населения Плодородного Полумесяца оказалось арамеизировано; уже к середине I тысячелетия на аккадском, ханаанейском и древнееврейском языках говорили почти только в городах. Вплоть до арабского завоевания в VII в. н.э. арамеи («сирийцы» античных источников) были одним из главных этносов Передней Азии.

АССИРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Общественный быт коренных городов Ассирии лучше всего характеризует дошедший до нас текст среднеассирийских законов (вторая пол. II тысячелетия до н.э.). Они отражают архаичный общинный уклад и суровый нрав своих создателей. Это самый жестокий из всех древневосточных кодексов, где особенно часто применяются тяжкие и членовредительные наказания (в том числе сотней палочных ударов) и устанавливается наибольшее бесправие женщин (в частности мужу разрешалось по своему произволу подвергать жену калечащим наказаниям, а измена жены почти всегда влекла за собой обязательную смертную казнь). Община выступала верховным собственником земли, периодически производила ее переделы между общинниками и жестко контролировала ее куплю-продажу внутри общины. Существовали долговое рабство и изъятие земель за долги; ашшурские законы, в отличие от Законов Хаммурапи, не пытались ограничить деятельность ростовщиков, а, наоборот, поддерживали их. В новоассирийский период общинный контроль над куплей-продажей земли исчез, так что возможности частной эксплуатации, отчуждения и концентрации земли резко возросли.

Ашшурская элита состояла из членов общинных органов управления и владетелей больших торговых предприятий (которые часто и занимали должности в этих органах); все они принадлежали обычно к крупным землевладельцам. В хозяйствах элиты эксплуатировались в основном рабы. Особняком стояли градоправитель-ишшиаккум (позднее царь) с собственным служилым людом и столичный храм Ашшура. Оба существовали на подати и доходы от собственных хозяйств: жрецы, служилые и правитель сами счи-

тались членами столичной общины и имели в ней соответствующие земельные наделы.

Когда же Ассирия в XIV в. до н.э. превратилась в крупную державу, почти все присоединенные области составили фонд государственной (царской) земли; их обитатели управлялись чиновниками, находились в неограниченной власти правителя и платили ему подати. Таким образом, для автономных городов Ассирии (а к их числу, кроме Ашшура, прибавились некоторые присоединенные города) царь был весьма ограниченным по своей компетенции правителем, зато для составивших сектор «царских людей» жителей завоеванных стран – абсолютным владыкой. На подати, вносимые этим сектором, царь мог содержать огромную военно-административную прослойку, верхние эшелоны которой по-прежнему комплектовались выходцами из коренных, автономных ассирийских городов. Если в царском секторе почти безраздельно доминировала «долевая» эксплуатация мелких землепользователей (ведущих свое хозяйство отдававших государству часть произведенной ими продукции и живших на остаток), то в крупных частных владениях применялся рабский труд (наряду, разумеется, с арендаторским).

Взаимоотношения царя и коренных автономных городов были непростыми. В отличие от Вавилонии в Ассирии с них в течение долгого времени взимались налоги, и цари по возможности стремились подчинять их самоуправление своей власти. Однако внимание государства к автономным городам касалось только налогово-административной сферы; на развитие в них частной эксплуатации цари внимания не обращали, так что в общинно-городском секторе активно развивалась частная эксплуатация, и многие рядовые общинники, разорившись, превращались в рабов и зависимых.

В Среднеассирийский период сформировались основные особенности Ассирийской державы. Прежде всего это двойственность в положении царей: их достаточно ограниченная власть над коренными ассирийскими городами при полновластии над завоеванными территориями побуждала царей строить себе новые, военно-служилые столицы (однако Ашшур всегда сохранял статус «священной столицы»). Отношения царя с автономными городскими общинами, особенно столичной, нередко разрешались конфликтами, вплоть до мятежей и низвержения царей.

Далее, ассирийская держава в первые века своего существования являлась плодом попытки одной, ашшурской, гражданской общины и сформировавшегося при ней царского военно-служилого двора захватить власть над большей частью Передней Азии. Непомерность этой задачи по сравнению с ограниченными ресурсами коренной Ассирии заставляла царей компенсировать эту слабость крайним напряжением военной деятельности и устрашением соседей, но так и не позволяла им прочно освоить завоеванные области. Поэтому для Ассирии типична перманентная военная экспансия, многократные покорения одних и тех же территорий и борьба со столь же непрерывными восстаниями. Отсюда вытекала и исключительная даже для того времени жестокость ассирийцев при карательных походах.

В результате империя существовала в характерном «пульсирующем» ритме утраты и приобретения территорий; правление каждого царя зачастую начиналось с подавления мятежей, вызванных смертью его предшественника. Трижды (начало XII в., начало X в., первая половина VIII в. до н.э.) Ас-

сирия теряла львиную долю захваченных земель, а потом вновь возвращала их. При этом в целом масштаб ассирийских завоеваний медленно, но неуклонно расширялся, и росла площадь окончательно покоренной территории: с начала IX в. до н.э. из ассирийского подчинения уже никогда не выходила Верхняя Месопотамия, с конца VIII в. до н.э. (и до времен крушения Ассирии) – Сирия. Прочно покорить Вавилонию ассирийцам так и не удалось, и именно это стало в итоге причиной их гибели.

Нельзя не отметить, что история Ассирии изобиловала узурпациями; немало удачливых администраторов и военачальников захватывали престол, свергая и убивая своих предшественников.

Как результат в державе сложилась особая идеология «священной войны», согласно которой войны ассирийских царей предпринимались по приказу и во славу Ашшура, бога-покровителя города и царства (что отражало исключительную роль храма Ашшура в функционировании ассирийской государственности).

Вообще в сфере политических концепций Ассирия приближалась к идее «божьего правления» страной, где над Ассирией царил, собственно, бог Ашшур, а царь был просто следующим звеном на прямой вертикали власти, соединявшей бога с его человеческими подданными. При коронации правителя возглашали: «Ашшур – царь!», а завоевания понимались как превращение покоренных в «подданных бога Ашшура».

Ассирийцы считали свою страну вечным обиталищем миродержавия, которое никогда не будет у нее отнято. В стремлении изобразить всю политическую историю страны как единую линию нерушимой преемственности этого миродержавия ассирийцы дошли до того, что их царский список в отличие от вавилонского не делится на «династии»-*палу*, т.е. проводит фикцию, согласно которой *все* ассирийские правители принадлежат к единой непрерывной «династии». Действительно, «царственность» их всех была или считалась связанной с одним и тем же ашшурским храмом бога Ашшура.

НОВОАССИРИЙСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Из упадка, в который Ассирию ввергли арамеи, ее вывел Ададнерари II (911–891 г. до н.э.). Он разгромил княжества верхнемесопотамских арамеев и нанес поражение вавилонянам. В следующий век Ассирия практически не знала поражений. Стратегическая цель, которую поставили перед собой цари этого времени, заключалась в том, чтобы, держа в страхе и зависимости горцев на севере и востоке при помощи периодических вторжений, неуклонно продвигаться на юг и запад, дабы взять под свой контроль основные источники сырья, центры производства и торговые пути. Ашшурнацирапал II (883–859 гг. до н.э.) завершил аннексию Верхней Месопотамии и вторгнулся в Западный Иран и Сирию. Даже по ассирийским меркам он воевал необычайно жестоко; типичными похвальбами его было: «Я взял город, перебил множество воинов, захватил все, что можно было захватить, отрубил головы бойцам, сложил напротив города башню из голов и тел, сложил башню из живых людей, посадил людей живьем на колья вокруг города, юношей и девушек его сжег на кострах». Присоединенные области либо переводили

лись на положение вассалов, либо, во всевозрастающей мере, передавались непосредственно под власть ассирийских чиновников. Переправив свое войско через Евфрат на плотах из надувных мехов, Ашшурнацирапал вошел в Каркемиш; тот покорился без боя и уплатил огромную дань многими сотнями килограммов изделий из золота и серебра, не считая десятка тонн меди и железа. В 876 г. до н.э. Ашшурнацирапал достиг средиземноморского побережья, где от него признало зависимость Тиро-Финикийское царство. Свою резиденцию он перенес из Ашшура в военно-служилую столицу Кальху (совр. Нимруд).

Его сын Салманасар (Шульманашаред) III (858–824 гг. до н.э.) вынужден был снова воевать за Евфратом. В 853 г. он вывел против вражеской сиро-палестинской коалиции (в которой участвовали почти все цари Леванта, включая израильского Ахава) на битву при Каркаре 120 тыс. воинов – невиданную по тому времени армию, но не добился успеха и в течение нескольких следующих лет не рисковал вновь вторгаться за Евфрат. В 840 г. до н.э. Салманасар осадил Дамаск, столицу крупнейшего из царств Сирии, и добился покорения и его, и всей остальной Сирии вкупе с Израилем и Финикией. В целом за свое правление Салманасар трижды подчинял страны Леванта и Юго-Восточной Малой Азии и трижды утрачивал их. Кроме того, он регулярно совершал походы то на север – на Армянское нагорье, против недавно сформировавшегося царства Урарту, то на восток – в Западный Иран, где обитали ираноязычные племена мидян, то на юг – против халдейских княжеств Вавилонии. Закончилось его правление многолетним мятежом коренных

Царь Ашшурнацирапал II. Алебастр. IX в. до н.э. Лондон, Британский музей

ассирийских городов и отпадением большей части завоеваний вне Верхней Месопотамии (ее ассирийцы уже никогда больше не выпускали из рук).

Новый взлет Ассирии испытала при Ададнерари III (810–783 гг. до н.э.), который поначалу долгие годы правил под опекой своей матери, знаменитой царицы Саммурамат-Семирамиды. При нем Вавилония стала младшим союзником Ассирии, ассирийцы впервые покорили весь Левант, от гор Амана до Синая, а также халдейские княжества на Нижнем Тигре и огромные пространства Северо-Западного Ирана. В 788 г. до н.э. ассирийские войска вышли к Каспийскому морю и на некоторое время продвинули до него пределы подчиненных Ассирии земель. Воспоминания об этом стали основой легенд о том, что Семирамида якобы покорила весь Иран, включая Бактрию, до границ Индии.

Тем не менее в первой половине VIII в. до н.э. Ассирия вновь теряет все свои владения, кроме Верхней Месопотамии – прежде всего под ударами Урарту. Урартского царя Аргишти ассирийцы боялись так, что в собственных надписях величали его «урартом, чье именование страшно, как тяжелая буря». Многие областеначальники, стоявшие во главе огромных провинций, превратились фактически в наследственных князей, мало считавшихся с царской властью. В 760-х годах VIII в. до н.э. в стране разразилась новая многолетняя гражданская война.

ДЕРЖАВА АРГОНИДОВ

Начало новому возвышению Ассирии положил узурпатор-военачальник Тиглатпаласар (Тукульти-пал-эшарра) III (745/744–727 гг. до н.э.). Придя к власти в результате восстания в Кальху, он провел ряд важнейших реформ. Тиглатпаласар достиг полного контроля над местными властями (а на посты наместников стал часто назначать евнухов для предотвращения возникновения новых местных династий). Кроме того, он создал войско принципиально нового типа, далеко опередившую по своим боевым качествам, вооружению и организации все прочие воинские силы той эпохи. Это была огромная постоянная армия (*кисир шаррути*), находящаяся на полном содержании казны и всегда готовая к бою. К этому добавлялись провинциальные ополчения (*саб шарри*) и вспомогательные войска вассальных царьков; характерно, что ассирийцы старались обучить и вооружить их так же, как регулярное войско. Тиглатпаласар и его преемники массово обеспечивали своих воинов железным оружием и доспехами.

Ассирийская армия имела новую и продуманную систему родов войск, состоявших из пехоты, колесничных частей и особенно развитой конницы (оттеснившей колесницы на второе место); появились особые службы – саперная (инженерная) и разведывательная. В войнах того времени стороны обычно надеялись в крайнем случае отсидеться в крепостях, рассчитывая на то, что враг сам не выдержит долгой осады (а они могли тянуться и по 15, и по 20 лет). Подобная оборонительная тактика оправдывала себя почти во всех войнах, кроме войн с Ассирией, располагавшей высокоразвитой осадной техникой. Ассирийская служба разведки включала постоянных тайных агентов в чужих странах и не только извещала царя о положении дел, но и сеяла там по его приказу смуты и заговоры.

Все это давало ассирийцам неоспоримое преимущество над соседями; каждое их соединение могло сооружать укрепленные лагеря, строить дороги, применять стенобитные металлические и зажигательные орудия, и обычно превосходило врага вооружением. В Ветхом Завете говорится, что воины Ассирии не знают усталости и дремоты, нельзя заметить ни у кого распущенного пояса или развязанного ремня у сандалий; они скачут по вершинам гор, как горцы, и взлетают на стену, как герои; слаженно выполняют свою задачу – словно каждый идет, не сбиваясь, своей дорогой, и никто при этом не сталкивается с другим; даже падая на копья, они остаются невредимыми.

Создав массовую армию, Тиглатпаласар тем самым в значительной мере перенес опору царской власти с автономных коренных городов на денационализированную военно-служилую прослойку (в основном арамеязычную), полностью подчинявшуюся царю. Ассирийская армия нового типа в течение столетия наводила страх на весь Ближний Восток, но в залоге ее успеха крылась также причина ее гибели. Ополченцы, как и военные колонисты, сохраняют живую связь со своей областью и народом, с национальной традицией; регулярная армия разрывала эту связь, тем более что подавляющее большинство воинов набиралось из покоренных народов. Денационализированная постоянная военная сила такого облика превращалась в «государство в государстве», оторванное от каких бы то ни было общественных структур и традиций. Рано или поздно такая армия всегда кончает разложением, фактическим выходом из подчинения власти, попытками вершить собственную политику, смутами и военными переворотами. Все это и произошло с ассирийской армией во второй половине VII в. до н.э. Ставя и смещая царей, она фактически уничтожила сама себя в гражданской войне, а с ее гибелью погибла и сама Ассирия.

Однако сначала новая армия обеспечила царям небывалое могущество и позволила приступить к очередному витку экспансии. В эту сферу Тиглатпаласар III также ввел важные новшества. Вместо обложения покоренных стран данью он применял их систематическое «причисление к Ассирии», иными словами прямую аннексию с включением в систему ассирийских наместничеств. До него ассирийцы подвергали такой практике почти исключительно Верхнюю Месопотамию (потому она и осталась в их руках, несмотря на кризис первой половины VIII в. до н.э.). Тиглатпаласар же и его преемники осуществляли аннексии во всех, даже наиболее отдаленных регионах (хотя обращение в вассальную зависимость также не вышло из употребления). По отношению к покоренному или мятежному населению царь начал применять политику «нацаху» («вырывание с корнем»): местных жителей, вместе с их имуществом и идолами в массовом порядке депортировали в другие концы империи, а оттуда им на смену пригоняли тамошних обитателей. В результате переселенцы, оторванные от родины и оказавшиеся в чужом окружении, не могли договориться с соседями и поднять мятеж.

Почти непрерывные победоносные походы Тиглатпаласара III затронули все стороны света. В 743–735 гг. до н.э. царь разгромил доселе страшное для ассирийцев Урарту и его союзников в Сирии и Юго-Восточной Малой Азии, подчинив эти регионы и отторгнув от Урарту полосу земель на юге Армянского нагорья. В 735 г. до н.э. ассирийцы пересекли Урарту и дошли до ее столицы – Тушпы, но не смогли взять ее. Затем, в 734–732 гг. до н.э.,

царь покорил все Восточное Средиземноморье, дойдя до границы Египта на Синае (большая часть Сирии при этом подверглась аннексии). Крупные завоевания царь совершил и в Мидии (744, 737 г.), где были созданы две новые провинции. Тем временем Вавилония пришла в анархию в результате внутренних смут, и в 729 г. до н.э. Тиглатпаласар вторгся туда как восстановитель порядка и спокойствия.

Захватив Вавилон и подвергнув главных ассирийских врагов в Вавилонии, халдейские племена, полному разгрому (120 тыс. человек были угнаны в плен), он завоевал всю страну. Однако престиж Вавилонии в глазах самих же ассирийцев был столь велик, что Тиглатпаласар не решился превращать ее в провинцию, а присоединил к Ассирии на правах личной унии и сам занял ее престол под именем Пулу. Впервые со времен Хаммурапи вся Месопотамия оказалась объединена под одной властью, и впервые со времен Аккада и Ура месопотамская империя охватила (говоря выражениями надписей Тиглатпаласара), все страны «от Верхнего моря, где закат Солнца, до Нижнего моря, где восход Солнца» (от Средиземного моря до Персидского залива), т.е. весь Плодородный Полумесяц.

Первые преемники Тиглатпаласара пытались удержать отпадающие области, расширять державу и то теснить привилегированные коренные города (где главной силой выступали храмы), то примиряться с ними. Салманасар V (727–722 гг. до н.э.) столкнулся с мятежом Финикии и Израильского царства. Осадив столицу последнего Самарию и заняв все прочие его земли, Салманасар объявил об аннексии Израиля. Однако осада Самарии затянулась. Еще ранее, стремясь покончить с привилегиями старой родовой знати, Салманасар отменил налоговые льготы, которые имели древние города Ассирии и Вавилонии – Ашшур, Вавилон и Сиппар. Это породило заговор, и на третий год осады Самарии царь был убит.

Власть захватил младший царевич, родоначальник новой ветви династии – Шаррукин (Саргон) II (722/721–705 гг. до н.э.). Немедленно отложилась Вавилония, где захватил престол халдейский вождь Мардукапалиддин II, поддерживаемый соседним Эламом. Ряд вассальных царств Сирии и Юго-Восточной Малой Азии взбунтовался против Ассирии, опираясь на поддержку новой «великой державы» Малой Азии – недавно возвысившейся Фригии, где правил царь Мита (*Мидас* греч. преданий).

В 722 г. до н.э. Саргон взял Самарию, довершив уничтожение Израильского царства (большинство его жителей подверглись депортации на восток державы и растворились в тамошнем населении), и торжественно подтвердил и умножил специальным декретом древние привилегии городов и храмов, чем привлек на свою сторону коренные города. Вскоре он вернул под власть Ассирии и Финикию. Затем, попытавшись вернуть Вавилонию, Саргон понес тяжкое поражение от вавилоно-эламской армии при Деро (720 г. до н.э.); по ассирийскому обыкновению он объявил свое поражение победой, но Вавилония осталась за Мардукапалиддином. В 717–715 гг. до н.э. Саргон отразил попытки фригийской экспансии, принудил Мидаса к миру и в течение 717–708 гг. до н.э. превратил все поздnehеттские царства Сирии и Юго-Восточной Малой Азии за их постоянные волнения из вассальных образований в провинции.

Около 720 г. до н.э. на северных рубежах Урарту появились ираноязычные кочевники-киммерийцы, вытесненные из причерноморских степей за Кавказ скифами. В течение следующих десятилетий они наводили страх на Закавказье и Анатолию. Особенно тяжелый удар они нанесли Урарту. Воспользовавшись этим, Саргон значительно расширил владения Ассирии в Приурмийском районе (подчинив местное царство Манну) и в Мидии, а в 714 г. до н.э. внезапно вторгся в Урарту, разгромил его и разграбил святилище верховного урартского бога Халди в Муцацуре на Верхнем Забе. В руки ассирийцев попали несметные богатства, а Урарту никогда уже не смогло оправиться от этого погрома и навсегда перестало служить угрозой для Ассирии.

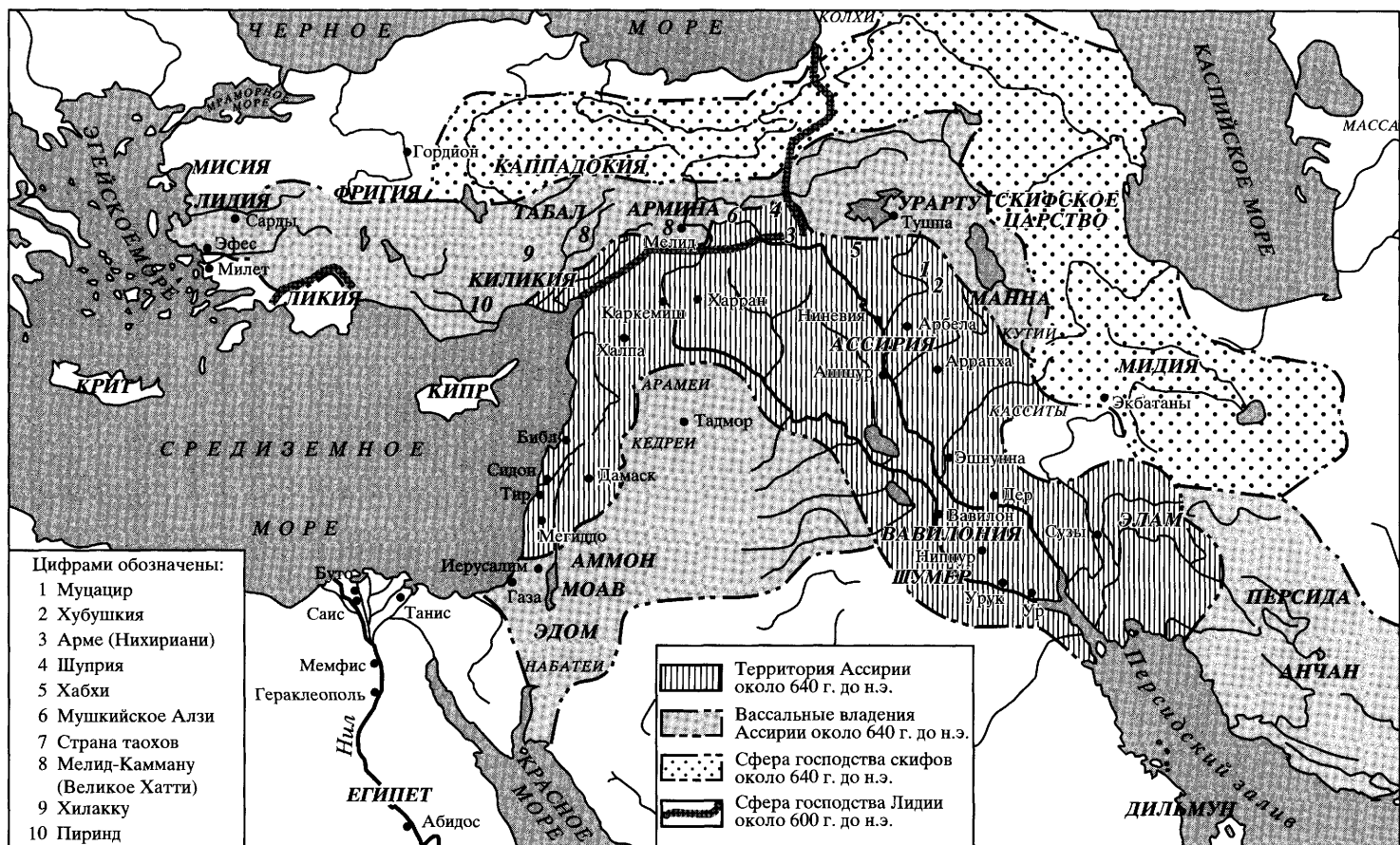
В 710 г. до н.э., Саргон, наконец, захватил Вавилонию, изгнав Мардук-палиддина, и короновался там сам. Своего наследника Синаххериба он женил на знатной вавилонянке. Дильмун (Бахрейн) и даже царства Кипра признали себя вассалами Саргона.

В 707 г. до н.э. Саргон выстроил себе новую военно-служилую столицу Дур-Шаррукин («Крепость Саргона», совр. Хорсабад) с огромным дворцом и переехал туда. Он был убит в 705 г. до н.э. во время карательного похода в горы Тавра. К этому времени он вернул все земли, утраченные было после смерти Тиглатпаласара III и Салманасара V, и прибавил к этому новые завоевания, однако его смерть вызвала немедленное отложение ассирийских владений при Тавре и к северу от него. Потомки Саргона Саргониды правили Ассирией вплоть до ее гибели.

В период 745–705 гг. до н.э. уложилась основная наступательная фаза новоассирийской экспансии VIII–VII вв. до н.э. На следующем этапе, в 704–ок. 640 г. до н.э., шла уже борьба за удержание и частичное расширение совершенных ранее завоеваний. При Тиглатпаласаре III – Саргоне II определились и основные «фронты» ассирийской внешней политики (южный – вавилоно-эламский, западноиранский – мидийский, северный – урартско-маннейский, северо-западный – сирийско-фригийский, западный – левантийско-египетский), а также ее главная проблема – Вавилония.

Здесь сформировался неразрешимый политико-психологический узел. Автономные самоуправляющиеся города этого царства, прежде всего сам Вавилон, категорически не желали терпеть иноземного господства и раз за разом свергали ассирийскую власть. Ассирийцы могли бы уничтожить Вавилонию, но не решались на это. Их держава выросла из города-государства на периферии этого царства, в последнем они привыкли видеть свою культурную метрополию и стремились всеми способами добиться от Вавилона признания, а не уничтожать его. За сто лет ассирийцы испробовали все мыслимые способы обращения с Вавилонией – от номинально равноправной личной унии (VIII в. до н.э.) до попытки полной аннексии (при Синаххерибе), но так и не решили этой задачи, что в конце концов стало одной из главных причин гибели Ассирии.

Сын Саргона Синаххериб (705/704–681 гг. до н.э.) настолько негативно относился к Вавилону, что, унаследовав от отца его престол, не захотел пройти в нем обряд коронации, а потом подчеркнуто избегал вавилонского трона. Практически все свое правление Синаххериб потратил на возвращение земель, отложившихся при его воцарении. С гибелью Саргона в горах Тавра почти вся Юго-Восточная Малая Азия отпала от Ассирии. Одновременно

Ассирийская империя и сопредельные страны в VII в. до н.э

сбросила иго Вавилония при поддержке Элама (в ней вновь воцарился Мардукапалиддин II), а также Финикия, Филистия и Иудея (при поддержке Египта). Синаххериб смирился с утратой анатолийских земель (кроме быстро возвращенной им географической Киликии) и сосредоточился на западном и южном направлениях.

В 703 г. до н.э. он двинулся на Вавилонию, разбил Мардукапалиддина при Кише и посадил на вавилонский престол ассирийского чиновника. В 701 г. до н.э. Синаххериб явился в Палестину, разбил египетское войско при Альтакку, занял всю территорию Иудеи и осадил Иерусалим. Мятежный царь Финикии бежал за море, хотя его столица Тир продолжала сопротивляться ассирийцам. Синаххериб занял остальную территорию Финикии и раздробил ее на отдельные города-государства (сам Тир признал ассирийскую власть лишь ок. 696 г. до н.э.).

Осада Иерусалима завершилась компромиссом: осаждающих постигла какая-то эпидемия, и Синаххериб отступил, добившись от царя Иудеи признания ассирийского владычества, выплаты колоссальной дани и выдачи заложников. В Вавилонию тем временем вновь вторгся Мардукапалиддин. В 700 г. до н.э. Синаххериб снова разбил вавилонян и посадил на вавилонский трон своего старшего сына. Мардукапалиддин бежал и укрылся на одном из островков Персидского залива, принадлежащих Эламу. Для его преследования «за морем» Синаххериб выстроил на специально устроенных верфях две эскадры; строительство вели мобилизованные Синаххерибом финикийские мастера. Эти эскадры совершили карательный рейд на эламские острова и берег Персидского залива (Мардукапалиддин к появлению ассирийского царя уже умер). Тем не менее в 693 г. до н.э. Вавилония вновь отложила от Ассирии при эламской поддержке. По итогам грандиозной битвы при Халуле на Тигре севернее Вавилона (691 г. до н.э.) Синаххериб в своей надписи объявил себя победителем, а для врагов не пожалел самой площадной солдатской брани, однако в Вавилонии эту битву тоже считали своей победой. Наконец, воспользовавшись смутами в Эламе, Синаххериб в 689 г. до н.э. вновь двинулся на Вавилон, взял город и решил навсегда ликвидировать «вавилонский вопрос» вместе с самим ненавистным городом. Депортировав уцелевших жителей, он разрушил город до основания и пустил на его место речные воды по специально проложенному каналу. Официально было объявлено, что сами боги Вавилона прогневались на него за грехи его обитателей и решили его покинуть. Территория Вавилонии была обращена в провинцию. Последние годы Синаххериб провел в Ниневии, превращенной им в новую административную столицу (она оставалась престольным городом и при его преемниках).

По-видимому, уничтожение Вавилона ужаснуло значительную часть самой ассирийской знати, прежде всего верхушку автономных коренных городов, включая Ашшур и его жречество. В 681 г. Синаххериб был убит в храме своими же старшими сыновьями.

Его младший сын и преемник Асархаддон (Ашшурахиддина, 681/680–669 гг. до н.э.) прослыл у современных ученых, по впечатлению от его приниженных и исполненных страха обращений к богам за оракулами, человеком суеверным и трусоватым, однако впечатление это обманчиво: он был правителем решительным и амбициозным, не ограничивавшимся удержанием до-

стигнутого, а отвечавшим на вызовы своего времени смелыми новаторскими шагами. Он стремительно утвердил за собой власть, совершив поход на Ниневию (его старшие братья, убийцы Синаххериба, бежали на Армянское нагорье).

При нем Ассирия столкнулась с резким ростом угрозы со стороны кочевых ираноязычных племен: ок. 680 г. до н.э. скифы, когда-то вытеснившие киммерийцев из Предкавказья в Переднюю Азию, сами перевалили Кавказский хребет и обрушились с нашествием на горные страны, окаймлявшие Ассирию с севера, прежде всего на Восточное Закавказье и Северо-Западный Иран, где даже возникло особое Скифское царство, угрожавшее урартам, ассирийцам и мидянам. Под напором скифов киммерийцы отступили еще дальше на юго-запад, попав в бассейн Галиса, и отсюда совершали набеги на сопредельные области Анатолии, в том числе на ассирийские владения в Киликии.

В 679 г. до н.э. Асархаддон отразил нашествие киммерийцев на этой границе, а в 679–678 гг. до н.э. восстановил Вавилон и Вавилонию как особое царство, находящееся в унии с Ассирией, и сам занял вавилонский престол. Уцелевшие жители Вавилонии вернулись на родину. Привилегии ассирийских и вавилонских городов были также восстановлены и расширены. Все это стало резким отказом от курса Синаххериба в вавилонском вопросе, хотя официально Асархаддон не осудил отца, а объявил, что бог Мардук, недавно разгневавшийся на Вавилон и пожелавший его покинуть, теперь вернул ему милость, пожелал возвратиться туда и поручил Асархаддону его восстановить. В 675 г. до н.э. Асархаддон совершил дальний восточный поход, расширив границы Ассирии вплоть до соляной пустыни Дешт-и-Кевир, но тут же столкнулся на этом фронте с тяжелейшим кризисом: скифы напали на ассирийские владения в Северо-Западном Иране. Вся система ассирийской власти здесь рухнула: при поддержке скифов мидяне отложились от Ассирии под предводительством некоего Хшатриты (сына западноиранского князька Дейока, когда-то смещенного и сосланного Саргоном II) и создали собственное Мидийское царство, где Хшатрита стал царем (673–672 гг. до н.э.). В 672 г. до н.э. Асархаддон справился с этим кризисом, переманив скифов на свою сторону и отдав их предводителю Партаугу (у греческих историков – Прототий) в жены свою дочь. Ассиро-скифский союз превратился отныне в главный фактор в охране ассирийских границ на всем Севере, но Мидия так и осталась независимой.

Одновременно с кризисом в Иране Асархаддон разгромил и аннексировал хурритское царство Шубрия в Сасунских горах (между Ассирией и Урарту), обвинив его в укрывательстве беглецов из Ассирии. Царь Шубрии в конце концов признал свою вину и униженно просил пощады, но это ему не помогло: и он сам, и его царство были уничтожены (673 г. до н.э.).

Другим важнейшим направлением политики Асархаддона являлось левантйско-египетское. В 677 г. до н.э. он подавил восстание в Финикии, разрушил Сидон, казнил его царя и построил на этом месте крепость – центр новой ассирийской провинции. Затем Асархаддон, впервые в истории Ассирии, выдвинул и осуществил проект завоевания Египта, куда совершил два похода (674 и 671 гг. до н.э.). Во втором из них он подчинил североарабские племена, взял Мемфис и прогнал эфиопского фараона Египта Тахарку в Фивы, захватив большую часть страны. Оставив в занятых областях местных правителей, но посадив над ними ассирийских областеначальников и

Царь Ашшурбанапал, поражающий льва. Рельеф из Ниневии. Новоассирийский период

включив в свой царский титул Египет и Эфиопию (на деле последняя оставалась независима под властью Тахарки и сама продолжала контролировать юг Египта), Асархаддон вернулся домой. В 669 г. до н.э. он вновь выступил против Тахарки и скончался в походе.

Согласно завещанию Асархаддона, сыгравшему в истории Ассирии роковую роль, ему наследовали два сына: Ашшурбанапал (669/668–627 гг. до н.э.), царь Ассирии, и его брат Шамашшумукин, удельный младший царь автономной Вавилонии. Ашшурбанапал был хорошо образован, грамотен, вероломен, упорен, интересовался ученостью и являлся больше администратором и дипломатом, чем полководцем. Несмотря на множество рельефов из Ниневии, изображающих его могучим богатырем, лично поражающим львов, из царской переписки мы знаем, что Ашшурбанапал отличался слабым здоровьем и почти не принимал участия в военных походах. При этом он знал несколько языков, математику, был знаком с астрологией и астрономией и сочинял стихотворные молитвы. Именно по его приказу в его столице Ниневии была собрана знаменитая библиотека из десятков тысяч глиняных табличек, включившая все сколько-нибудь значимые тексты месопотамской традиции (чему мы и обязаны важнейшей частью наших знаний о Двуречье). В результате до греческой традиции его образ дошел в виде «царя Сарданапала», безответственного и беззаботного любителя дворцовой роскоши и наслаждений; видимо, это в какой-то мере отражало впечатление ассирийцев

от царя-грамотея, который предпочитает управлять из дворца, а не водить в битву воинов. Нрав ассирийца ярко отразился на одном из рельефов Ашшурбанапала: он пирует со своей супругой в роскошном саду, а рядом, для услаждения царского взора, на дерево водружена отрубленная голова царя Элама.

Киммерийцы, сокрушившие в 676–675 гг. до н.э. Фригийское царство, совершали набеги на юг и запад Анатолии, и Ашшурбанапал воспользовался этим. В 660-е годы до н.э. он добился распространения верховной власти Ассирии на юг и запад Малой Азии – позднихеттские царства вплоть до Тавра, Фригия-«Мушку» и даже Гуг (Гигес), царь далекой Лидии, ранее вовсе неизвестной ассирийцам, признали ассирийскую власть из страха перед киммерийцами. В те же 660-е годы до н.э. Ашшурбанапал добился признания ассирийского сюзеренитета от Мидии и приурмийской Манны, а в 663 г. до н.э. окончательно изгнал эфиопов из Египта, разгромив Фивы. Во всем этом, однако, была заметна одна новая черта: речь теперь почти всегда шла о дипломатических успехах и номинальном признании зависимости, а не о реальных завоеваниях и создании новых провинций. Одновременно нарастало напряжение в отношениях между Ашшурбанапалом и Шамашшумукином – неизбежный плод завещания Асархаддона. На младшего брата сделали ставку сепаратисты-вавилоняне, надеясь, что смогут с ним обрести вожаемую независимость.

Для Ассирии наступила полоса неудач. Около 655 г. до н.э. отложились Египет и все недавние приобретения в Малой Азии (Лидия даже заключила с Египтом союз), и ассирийцы даже не пытались восстановить там свои позиции, молча примирившись с утратой. В 653 г. до н.э. восстали и напали на Ниневию мидяне Хшатриты, от которых Ассирия спаслась, только призвав на помощь скифов (те разбили мидян, причем Хшатрита погиб и Мидия на поколение подпала под скифский контроль); в том же 653 г. до н.э. сами ассирийцы отразили нашествие эламитов и в битве при Сузах убили эламского царя, однако Элам остался независим.

Наконец, в 652–648 гг. до н.э. Ашшурбанапал вынужден был бороться с восставшим против него Шамашшумукином и его союзниками – Эламом, арабскими царьками и отложившимися правителями Палестины и Финикии. Лишь с величайшим напряжением сил Ассирия одолела всех своих врагов. В 648 г. до н.э. после трехлетней осады пал Вавилон.

Ашшурбанапал, судя по всему, сам занял вавилонский престол под именем Кандалану (по другой гипотезе, Кандалану был ассирийским ставленником на вавилонском престоле) и подверг вавилонян страшным репрессиям.

Впрочем, по обычаям того времени, разрешавшим сколь угодно массовые избиения вражеского населения, оказавшего упорное сопротивление, победителю все же не следовало бы вырезать его поголовно, и Ашшурбанапал хвалится своим великодушием в следующих выражениях: «Я, Ашшурбанапал, широкое сердце, незлопамятный, прощающий грехи... Из поднявших мятеж вавилонян ни один не ушел из моих рук. Я вырвал языки тех вавилонских воинов, наглые рты которых говорили дерзость против Ашшура, моего бога, и затеяли злое против меня. Других я захватил живьем и убил. Их изрубленные тела я скормил собакам, свиньям, воронам, орлам, небесным птицам, морским рыбам. Трупы людей, погибших при осаде от нужды и голода, загромождавшие улицы, я вывез и побросал в кучи. Остатку жителей, что избежали мора, истребления и голода, я оказал милость: дозволил я жить их утробе и поселил их в Вавилоне» (едва ли для кого-то, кроме ассирийцев, все это могло прозвучать описанием *великодушия*).

Несколько следующих лет правления Ашшурбанапала были посвящены походам против североарабских племен и Элама (в 646 г. до н.э. ассирийцы вступили в эламскую столицу Сузы и разрушили ее), но несмотря на неоднократные разгромы, ассирийцы не могли ни закрепиться в этих областях, ни прочно привести там к власти своих ставленников. Элам им все же удалось взять измором: в 644 г. совершенно опустошенный походами предыдущих лет, он сдался и был аннексирован ассирийцами без боя. После этого в 643 г. до н.э. зависимость от Ассирии признал и быллой вассал Элама, вождь древнеперсидских племен Кир I из рода Ахеменидов.

В то же время новые вспышки активности ираноязычных кочевников на севере Передней Азии заставили тамошние страны искать помощи у Ассирии и признать ее верховную власть. В середине 640-х годов до н.э. киммерийцы обрушились на Лидию, привели Гигеса к гибели и разорили Сарды (644 г. до н.э.); новый лидийский царь в том же году признал зависимость от Ассирии, надеясь на ее помощь против киммерийцев (и действительно, союзники ассирийцев скифы тут же двинулись в Малую Азию и полностью уничтожили там киммерийское объединение в конце 640-х годов до н.э.). Одновременно киммерийцы и скифы опустошали пределы Урарту; чтобы найти заступника, Урарту также признало зависимость от Ашшурбанапала (643 г. до н.э.).

Таким образом, к 640 г. до н.э. Ассирия достигла наибольшего территориального протяжения за всю свою историю, но все это могущество держалось в значительной степени на союзе со скифами и возможности использовать их. Тревожным симптомом было падение боеспособности ассирийской армии: раз за разом громя одни и те же области, она оказывалась не в силах покорить их. Внешне, однако, Ассирия стояла в конце 640-х годов до н.э. на вершине «мирового» владычества. Пленных царей сажали в клетки у ворот ее столицы Ниневии.

Гильгамеш. Рельеф. Новоассирийский период

ПАДЕНИЕ АССИРИИ И ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ КОНЦА VII В. ДО Н.Э.

Крушение семивековой Ассирийской империи заняло всего одно поколение. Его ход остается во многом темен для нас, так как ассирийские источники от этого времени не дошли, и на долю ученых остается комбинировать неполностью сохранившиеся данные знаменитой вавилонской хроники, охватывающей события конца VII – VI в. до н.э., сведения из надписей Набонида, вызывающие множество вопросов рассказы Геродота и, наконец, документы из вавилонских городов, датированные по разным борющимся друг с другом правителям последней четверти VII в. до н.э.

Существует множество реконструкций этого периода, различающихся по пониманию роли скифов, хода ассирийских смут 620-х годов до н.э., истории Мидии и, наконец, положения на Армянском нагорье. С нашей точки зрения, наиболее достоверную по своим основам реконструкцию развил И.М. Дьяконов в своих работах 50–80-х годов XX в., более поздние попытки привести альтернативные реконструкции, с нашей точки зрения, успеха не достигли и схему Дьяконова не поколебали. В целом ход событий можно, не без некоторых сомнений, нарисовать следующим образом.

В 630-е годы до н.э. переднеазиатские скифы, возглавляемые Мадием, сыном Партагуа-Прототия, недавним победителем киммерийцев, разорвали союз с Ассирийской державой и обрушились с опустошительными набегами на ее север и запад вплоть до Палестины и границ Египта. Ассирия не смогла им противостоять, и ее власть и влияние разом рухнули на всем пространстве к западу от Евфрата. Эти события произвели на Ближнем Востоке такое впечатление, что до греческих историков дошло предание о 28-летнем скифском владычестве в Азии, сменившем ассирийское (на деле эти 28 лет отсчитывались от победы скифов над мидянами в 653 г. до н.э. до поражения, нанесенного им мидянами в 625 г. до н.э., см. ниже). Эта внезапная катастрофа надломила силы Ассирии и вызвала в ней смуту: дискредитированный поражением Ашшурбанапал был отстранен войсками от верховного ассирийского трона, и ему был оставлен лишь младший, вавилонский престол (занятый им с 648 г. до н.э.), а царем Ассирии войско посадило его сына Ашшурэтилиани (ок. 630 г. до н.э.).

В 627 г. до н.э. Кандалану (Ашшурбанапал) умер в Вавилоне, и в державе немедленно разгорелась новая, двух- или трехсторонняя гражданская война за ассирийский и вавилонский престолы, в которой Ашшурэтилиани столкнулся с другим сыном Ашшурбанапала Синшаришкуном и военачальником Синшумлиширом. Начался стремительный развал.

В 626 г. до н.э. халдейский вождь Набопаласар (Набуапалуцур; до этого он, возможно, состоял на службе одного из ассирийских претендентов в Вавилонии), возглавив вавилонян, восстал против ассирийской власти, занял Вавилон и короновался в нем, провозгласив Вавилонию независимым царством под своей властью. Первоначально ему подчинялась только северная часть страны; Ниппур на юге служил опорой ассирийской власти, и Набопаласар осаждал его. В течение трех лет в Вавилонии шли трехсторонние военные действия между Набопаласаром, Ашшурэтилиани и Синшаришкуном.

Между тем в 625 г. до н.э. мидяне уничтожили скифскую верхушку, и Мидия вновь стала независимым царством под властью Хувахштры (греч. Киаксар, 625–585 гг. до н.э.), сына Хшатриты. В 624 г. ассирийское господство сверг Элам; Набопаласар заключил с ним дружбу и вернул ему статуи эламских богов, вывезенные ассирийцами в 40-х годах VII в. до н.э. В 623 г. ассирийская армия, наконец, низвергла Ашшурэтилилани и признала царем Синшаришкуну; ассирийские силы вновь были объединены, и продолжали воевать с Вавилонией. В 619 г. до н.э. Набопаласар взял Урук и Ниппур и полностью очистил Вавилонию от ассирийцев.

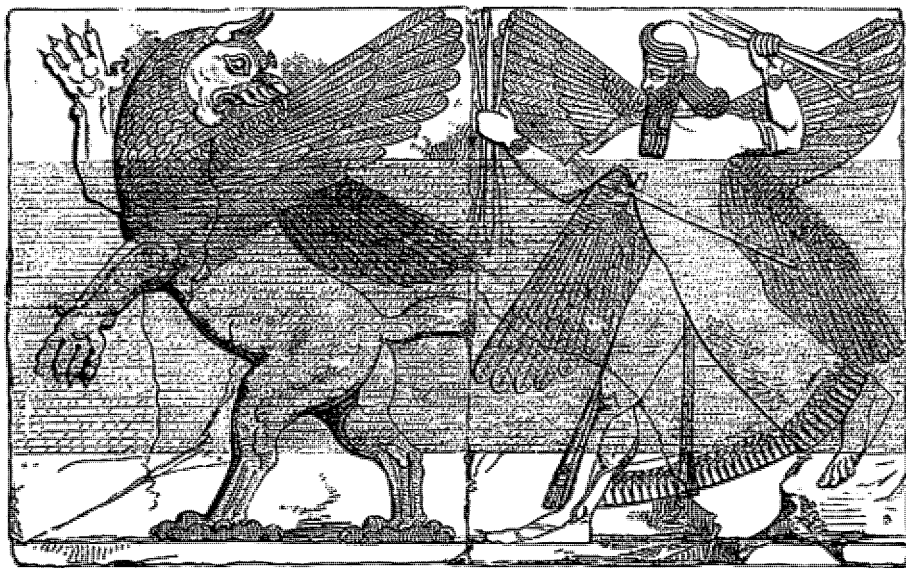
Тем временем Египет прибрал к рукам большую часть Леванта, оставшегося безвластным после скифского погрома (рубежом египетских владений стала большая излучина Евфрата), а Мидия – значительную часть Иранского нагорья. В этих условиях Синшаришкун обратился за помощью не к кому иному как Египту, и ок. 617 г. оформился антивавилонский союз Ассирии, вместе с сохранившими ей верность Манной и Урарту, и Египта.

В 616 г. до н.э. Набопаласар двинулся на север и столкнулся с египетскими, ассирийскими и маннейскими войсками в Верхней Месопотамии, а в 615 г. на Ассирию с востока напала Мидия. Так началась первая в истории Ближнего Востока «мировая» война. В 614 г. Киаксар и Набопаласар с разных сторон устремились к Ашшуру; мидяне, попытавшись по дороге осадить Ниневию и не преуспев в этом, тем не менее прибыли к Ашшуру первыми, взяли и полностью разрушили его. Вскоре подоспел Набопаласар, который официально возглашал прискорбным событием гибель Ашшура, священного автономного города, традиционно расположенного к Вавилонии, в отличие от ассирийского царского двора. Возможно, он опоздал к его разрушению вполне сознательно. На развалинах Ашшура он заключил союз и династический брак с Мидией: дочь Хувахштры Амитада была отдана замуж за Набукудурруцура (Навуходоносора), сына-престолонаследника Набопаласара.

В 612 г. до н.э. союзники вновь осадили и после трехмесячной осады взяли и до основания разрушили Ниневию; Синшаришкун сжег себя вместе со своим дворцом. Остатки ассирийских войск с египетской помощью еще держались в Харране, где один из старших членов династии объявил себя царем под именем Ашшурубаллита II (612–609 гг. до н.э.) – как видно, он претендовал на то, чтобы повторить деяния Ашшурубаллита I, т.е. вновь поднять Ассирию из ничтожества в ранг великих держав. Однако в 610 г. вавилоняне при помощи мидийского союзного контингента взяли Харран, изгнав остаток ассирийского войска и его египетских союзников за Евфрат.

В 609 г. Ашшурубаллит II с египетским войском пытался вернуть Харран, но Набопаласар разбил его, прогнал и окончательно уничтожил последние остатки ассирийских владений, закрепив границу по Евфрату. Тем временем мидяне подчинили своей верховной власти Скифское царство и Манну и начали завоевание Урарту (613–609 гг. до н.э.).

Ассирийское государство исчезло без следа. Его коренное аккадоязычное население было почти полностью истреблено, а остатки смешались с арамеями, на которых перешло самое имя «ассирийцы» (откуда греч. «сирийцы» как обозначение арамейев и совр. «айсоры» как самоназвание их существующего по сей день этноса).

Битва Мардука с Тиамат. Рельеф. Новоассирийский период

Столетия спустя на месте ассирийских столиц не осталось ничего, кроме развалин и мельчайших поселений, где еле теплилась жизнь.

Ассирия так озлобила своими жестокостями население Ближнего Востока, что гибель Ниневии вызвала в Ветхом Завете следующую реакцию: «Горе городу крови, что весь полон обмана и грабежа, где не прекращается хищничество! Шум бича и шум крутящихся колес, и скачущих коней, и несущихся колесниц; всадники заносят пламенеющий меч и блещущее копьё – и вот, множество сраженных, трупам нет конца, спотыкаются они о тела убитых! Всякий, посмотрев на тебя, скажет: “Разгромлена Ниневия! Кто пожалует о ней? Откуда я найду тебе утешителя? Все, кто слышат весть о тебе, рукоплещут, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?”»

Внезапное падение Ассирии было вызвано двумя факторами: во-первых, оторванная от любых социальных традиций военно-служилая масса, на которую опирались Саргониды, в итоге превратилась в самодовлеющую силу, что и послужило главным фактором смут и падения ее военной эффективности; во-вторых, объединяя Переднюю Азию и втягивая все больше и больше сопредельных стран в орбиту единой политики, Ассирия сама сплавивала их вокруг общей цели – стремления уничтожить ее, и навлекала на себя удары таких широких коалиций, которым не могла противостоять.

Увеличивая свою территорию, ассирийцы лишь умножали число своих врагов. До поры до времени Ассирию выручало то, что она занимала центральное географическое положение в Передней Азии, а ее противники оказывались разьединены. В результате она могла, перебрасывая силы с одной границы на другую, бить своих противников поодиночке. Однако та самая интеграция, которой ассирийцы насильственно подвергли Переднюю Азию, приводила к тому, что даже страны, лежащие на противоположных ее окраинах или совершенно чуждые друг другу, вступали в антиассирийские союзы

между собой (к таковым относились лидийско-египетский союз, коалиция Шамашшумукина, вавилонско-мидийский союз). А долго сопротивляться одновременным ударам с разных сторон не в состоянии оказалась даже некогда мощная Ассирия.

Набопаласар пробовал было вторгаться на Армянское нагорье, в урартские пределы, но столкнулся здесь с новым претендентом на урартское наследие – Мелидским царством на Верхнем Евфрате. В пору скифских нашествий 30-х годов VII в до н.э. здесь рухнула верховная власть Ассирии, а престол заняла этнически армянская династия, так что это царство превратилось в первое в истории Армянское государство, известное современникам под названиями «Армина» и «Дом Тогармы» (Тогарма – древнее название области Мелида). Не в силах вести войну на два фронта, Набопаласар в 607 г. до н.э. пошел на территориальный передел ассирийского наследства с Мидией: полоса верхнемесопотамских земель, выводящая на Армянское нагорье, была передана мидянам, включая Харран; полоса, выводящая в Сирию, на «египетский фронт», осталась за Вавилонией. В 605 г. до н.э. царевич Навуходоносор наголову разгромил египтян при Каркемише и вторгся в Сирию; в это время скончался Набопаласар, и Навуходоносор вынужден был вернуться в Вавилон, чтобы пройти коронацию. Став царем (605–562 гг. до н.э.), Навуходоносор вернулся в Восточное Средиземноморье и в 604 г. целиком покорил его.

События последней четверти VII в. до н.э. сформировали совершенно новую карту Ближнего Востока: они уничтожили Ассирию, вызвали к жизни мидийское и вавилонское великодержавие и положили начало ожесточенной борьбе Вавилонии и Египта за ассирийское наследство в Восточном Средиземноморье.

НОВОВАВИЛОНСКАЯ ДЕРЖАВА

ВАВИЛОНИЯ (VIII–VI ВЕКА ДО Н.Э.)

В истории Месопотамии с IX в. до н.э. важную роль начали играть племена халдеев (*калду*). Первоначально они обитали в районе болот нижнего течения Тигра и Евфрата и вели полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, рыболовством и земледелием. Прочно заняв южную часть Вавилонии, они постепенно продвигались на север, усваивая при этом традиционную вавилонскую культуру. По всей вероятности, халдеи говорили на одном из диалектов арамейского языка, но в письменных источниках они всегда четко отличаются от арамейских племен (*араму*), живших в этот период вдоль Тигра и Евфрата. Сами арамеи, составлявшие восточную ветвь западносемитских народов, заняли важное место в истории древнего Ближнего Востока с XII в. до н.э. В последние десятилетия VIII в. до н.э. они уже прочно осели на западных и северных границах Вавилонии. Одновременно процессы постепенной арамеизации начали протекать и в Ассирии.

В конце VIII в. до н.э. ассирийцы начали вторгаться в Вавилонию и постепенно заняли ее северные районы. Воспользовавшись этим, халдеи завладели значительной частью остальной Южной Месопотамии. Центральная область страны в 747–734 гг. до н.э. находилась под властью вавилонского царя Набонасара, сумевшего обеспечить стабильность ее управления.

В начале 747-х годов до н.э. ассирийский царь Тиглатпаласар III вторгся в Вавилонию под предлогом защиты ее от племен арамеев и халдеев, и Набонасару пришлось признать над собою его верховную власть. В 729 г. Тиглатпаласар III захватил Вавилон, после чего вся страна лишилась независимости на целое столетие. Однако он не превратил эту страну в обычную провинцию, а воцарился там, приняв тронное имя Пулу и исполнив древние священные обряды. При нем Вавилония во внутренних делах пользовалась значительной самостоятельностью.

Позднее, когда в 721 г. ассирийским царем стал Саргон II, халдейский вождь Мардукаплаиддин II (известный в Библии под именем Меродах-балладан) объявил себя вавилонским царем и сумел на целых десять лет сохранить за собою этот титул. Но в 709 г. до н.э. он оказался не в состоянии сопротивляться Ассирии и бежал на юг страны. Город Вавилон был захвачен Саргоном II, который стремился получить поддержку влиятельной части его населения и одаривал его храмы ценными подарками золотом и серебром.

В 705 г., после смерти Саргона II, царем Ассирии стал его сын Синаххериб. К тому времени Мардукаплаиддин II сумел создать могущественную коалицию, заключив союз со всеми потенциальными врагами Ассирии, среди которых были Элам, Иудея, а также финикийские города Тир, Арад и Аскалон.

Продолжительная война закончилась победой ассирийцев. В 690 г. Синаххериб осадил Вавилон. В городе вскоре начал свирепствовать голод, зерно подорожало в 75 раз. Городские улицы и площади заполнились трупами. В апреле 689 г. Вавилон был захвачен ассирийской армией, и Синаххериб

учинил в нем жестокую расправу над жителями. Город был полностью разрушен, население его большей частью вырезано, остальные проданы в рабство. Территория бывшего города затоплена, а страна присоединена к Ассирии в качестве обычной провинции.

Однако когда в 680 г. до н.э. ассирийским царем стал сын Синаххериба Асархаддон, он повелел восстановить Вавилон и вернуть его уцелевших жителей обратно. Перед своей смертью в 669 г. до н.э. он разделил Ассирийскую империю на две части: собственно Ассирию, во главе которой был поставлен Ашшурбанапал, и Вавилонию, которой на правах вассального царя стал править его брат Шамашшумукин.

В мае 652 г. до н.э. последний установил тайную связь для сопротивления Ассирии – с Египтом, вождями аравийских племен, сирийскими правителями и эламитами. В начавшейся войне ассирийцам удалось одержать ряд побед. Летом 648 г. до н.э. пал город Вавилон, где во время долгой осады свирепствовали эпидемии и людоедство. Вавилонский царь предпочел смерть капитуляции и бросился в огонь. Жителей города и всей страны ждала жестокая расправа, и в вавилонские города были назначены ассирийские гарнизоны.

ОСНОВАНИЕ НОВОВАВИЛОНСКОЙ (ХАЛДЕЙСКОЙ) ДЕРЖАВЫ

В 626 г. до н.э., после смерти представителя ассирийской власти на вавилонском троне Кандалану, в стране начались волнения, направленные против чужеземного владычества, которые возглавил Набопаласар, один из халдейских вождей, который, по его собственным словам, до этого был «маленьким человеком, неизвестным народу». Он возобновил союз халдейских племен с эламитами и после этого напал на вавилонский город Урук, где размещался крупный ассирийский гарнизон. Это нападение окончилось безуспешно, и театр войны был перенесен на Ниппур, жителям которого во время многомесячной осады пришлось продавать своих детей в рабство, чтобы спасти их от голодной смерти. Ассирийцам удалось снять блокаду этого города, но тем временем 25 октября 626 г. до н.э. Набопаласар был официально признан царем в Вавилоне и основал нововавилонскую (или халдейскую) династию, по которой последующий период его истории именуют Нововавилонским (Халдейским).

Однако ему предстояло вести долгую и жестокую войну с Ассирией. В 616 г. до н.э. он захватил Урук, а через год и Ниппур. В том же году военные действия были перенесены на коренную территорию Ассирии. Однако вавилонянам не удалось захватить старую ассирийскую столицу Ашшур, и они отступили с большими потерями. Но вскоре у них нашелся могущественный союзник – Мидия.

В 614 г. мидийский царь Киаксар направился к самому крупному городу Ассирии Ниневии и окружил ее. Осада ее окончилась неудачей, но мидийцам удалось захватить Ашшур. Пока шли военные действия между обеими сторонами, Набопаласар не спешил на поле боя, однако после падения Ашшура он заключил союз с мидийцами, укрепив его династическим браком между своим сыном Навуходоносором и Амитидой, дочерью Киаксара. Затем объ-

единенные силы мидийцев и вавилонян осадили Ниневию. В августе 612 г. до н.э. город был захвачен, разграблен и разрушен. Еще некоторое время продолжались военные действия, но в 609 г. до н.э. Ассирийская держава прекратила свое существование, и ее главной наследницей на обширной части Ближнего Востока стала Вавилония.

При разделе добычи между победителями коренная территория Ассирии и область Харран (в Верхней Месопотамии) достались мидийцам, а остальные земли захватили вавилоняне. На всем Ближнем Востоке теперь остались всего лишь три крупные державы: Мидия, Вавилония и Египет. Пока Мидия была занята завоеваниями на востоке Ирана, Вавилония сосредоточилась на войне с Египтом. Весной 607 г. до н.э. Набопаласар передал командование войском Навуходоносор, а сам занялся внутренними государственными делами.

Весной 605 г. до н.э. вавилонское войско напало на Каркемиш на Евфрате, где был расположен сильный египетский гарнизон, а также значительный отряд греческих наемников. В результате жестокой битвы город превратился в пылающие руины, а египетский гарнизон был полностью истреблен. После этого Сирия и Палестина без сопротивления сдались вавилонянам. В августе 605 г. Навуходоносор, будучи в Сирии, получил весть о смерти своего отца. Он спешно направился домой и 7 сентября стал царем (605–562 гг. до н.э.).

Пока он продолжал свои завоевания в других странах, в 598 г. до н.э. царь Иудеи Иоаким, побуждаемый фараоном Нехо, отпал от Вавилонии. Навуходоносор осадил Иерусалим и 16 марта 597 г. до н.э. захватил его. Теперь царем там был назначен Седекия. В декабре 595 – январе 594 г. до н.э. в самой Вавилонии вспыхнули волнения, по-видимому, исходившие от армии. Руководители мятежа были захвачены и преданы суду. До нашего времени сохранился протокол судебного процесса над одним из заговорщиков, дело которого было рассмотрено военным судом под председательством самого царя. Подсудимый был обвинен в государственной измене, нарушении присяги и казнен, а имущество его конфисковано.

Тем временем египетский фараон захватил финикийские города Газа, Тир и Сидон, а также уговорил иудейского царя Седекию поднять восстание против Навуходоносора. Однако последнему удалось отеснить египетское войско к своей границе и после 18-месячной осады в 587 г. до н.э. захватить Иерусалим. Иудейское царство было ликвидировано, и страна превращена в рядовую провинцию Вавилонской державы. Более 10 тыс. жителей Иерусалима во главе с царем Седекией увели в вавилонский плен. Затем Навуходоносор осадил Тир, жители которого в течение тринадцати лет (до 574 г. до н.э.) оказывали ему сопротивление.

После смерти Навуходоносора в 562 г. до н.э. в Вавилонии в течение пяти лет сменилось три царя, пока в августе 559 г. трон не захватил Нергал-шар-уцур (Нериглиссар), зять Навуходоносора. После его смерти на трон воссел его малолетний сын Лабаши-Мардук, которого, однако, через три года убили заговорщики.

Наконец, престол достался Набониду 556–539 гг. до н.э., который, в отличие от своих халдейских предшественников на троне, происходил из арамейской среды. Его деятельность нашла отражение во многих источниках, относящихся к разным периодам, включая кумранские рукописи I в. до н.э.

Некоторые из текстов относятся ко времени захвата Вавилонии персами в 539 г. до н.э. (см. ниже) и содержат обвинения в его адрес в богохульстве и невежестве.

Например, в известном Цилиндре (надписи на глиняной табличке) персидского царя Кира Набонид обвиняется в преступлениях против вавилонских храмов и народа. Однако Набонид был трезвым политиком, который стремился создать прочную державу, объединив арамейские племена против предстоящей опасности со стороны нового врага – Персии. При этом он претендовал на то, что является хранителем древних вавилонских традиций. Хотя он поклонялся Мардуку, Набу и другим месопотамским богам, на первое место стал выдвигать культ бога Луны Сина, который пользовался исключительной популярностью среди арамейских племен. Это привело его к конфликту с жречеством вавилонских храмов, поскольку бог Луны Набонида на самом деле не был традиционным вавилонским богом, а скорее по формам поклонения принадлежал к арамейским богам, и его Набонид стремился поставить во главе вавилонского пантеона.

Набонид в течение многих лет проводил активную политику, стремясь объединить вокруг себя многочисленные арамейские племена. В 553 г. до н.э. он захватил Харран, ранее принадлежавший мидийцам, и велел восстановить там полностью разрушенный в 609 г. до н.э. во время войны с ассирийцами храм бога Сина. Набонид также целых десять лет был занят завоеваниями в Северной части Центральной Аравии. Эти области представляли большой экономический интерес для Вавилонии, поскольку обеспечивали удобный торговый путь через оазис Тема в Египет.

К 546 г. до н.э. долгое соперничество между Египтом и Вавилонией прекратилось: обеим странам стала угрожать опасность со стороны Персии. Но оставшаяся без союзников Вавилония не могла долго сопротивляться огромной и хорошо вооруженной армии новой мировой державы. В октябре 539 г. до н.э. Вавилония была захвачена персами и после этого навсегда утратила независимость.

Нововавилонское царство стало временем подлинного возрождения, экономического расцвета и культурного развития. В административном отношении страна была разделена на ряд провинций. Чиновники государственного аппарата получали жалованье нечеканным серебром, а также натурой (зерном, финиками, шерстью и т.д.).

Уже в период ассирийского владычества население Месопотамии отличалось этнической пестротой. Позднее, при нововавилонских и особенно ахеменидских царях, в стране еще больше возросло количество людей чужеземного происхождения. Особо следует отметить арамейцев, которые стали преобладающим населением в некоторых регионах и обитали бок о бок со старыми местными жителями. Кроме того, в ахеменидское время в Месопотамии были организованы целые округа военных поселенцев. Например, в окрестностях Ниппура и в самом этом городе каждой этнической группе выделялась особая территория. Как видно из частноправовых документов, колонисты вступали друг с другом и с представителями местного населения в деловые отношения и заключали смешанные браки. Чужеземцы постепенно ассимилировались местным населением и переходили на вавилонский диа-

лект аккадского языка и на арамейский, который быстро распространялся по всей стране в качестве разговорного наречия.

В социально-правовом отношении вавилонское общество состояло из полноправных граждан, различных групп зависимого или полусвободного населения и, наконец, рабов. Граждане являлись членами народного собрания, которое имело судебную власть в решении семейных и имущественных дел. К числу таких граждан относилась как знать (высшие государственные и храмовые чиновники, представители крупных предпринимательских домов и т.д.), так и основная часть трудового населения (земледельцы и ремесленники), включая и беднейшие слои свободных людей. В юридическом отношении все они считались равноправными.

Традиционные привилегии крупных вавилонских городов, которых они добились в новоассирийское время (освобождение от податей и повинностей, включая военную службу), частично были отменены халдейскими царями, и поэтому в стране происходили беспорядки. В одном литературном тексте рассматриваемого времени говорится, что люди «пожирали друг друга как собаки, сильный грабил слабого», судьи брали взятки и вовсе не защищали бедных, властелины обижали калек и вдов, ростовщики ссужали деньги за высокие проценты, многие вторгались в чужие дома и захватывали поля, принадлежавшие другим.

Судебная власть находилась в руках царских судей и народного собрания полноправных граждан различных городов и храмовой администрации. Высшей судебной инстанцией являлся царь, но он не имел абсолютной власти и не мог произвольно захватить имущество своих подданных или лишить их жизни. Народные собрания рассматривали гражданские и уголовные дела, в том числе и такие, которые не имели прямого отношения к храмам, однако их решения могли быть обжалованы в царском суде. В решении важных дел народные собрания подчинялись царским судьям, получая от них различные предписания, а также обязаны были снабжать этих судей необходимой информацией. Царские суды выносили решения по наиболее важным делам. В частности, их компетенции обычно подлежали дела об убийстве, не говоря о мятежах и заговорах, направленных против государства. Суд обычно состоял из пяти–семи человек. Иногда его состав был смешанным и включал царских судей и старейшин народных собраний. Продажа домов и земельных владений часто производилась в присутствии храмовых чиновников, и многие частноправовые документы о купле-продаже, аренде и т.д. составлялись при царских судьях. Контракты оформлялись профессиональными писцами при свидетелях (обычно от трех до десяти и более человек) в двух экземплярах по определенным образцам, и каждая из сторон получала по одному экземпляру. К документам прилагались печати или оттиски ногтей свидетелей и контрагентов.

Брачное право рассматриваемого времени значительно отличалось от старовавилонского. Женщина пользовалась большой независимостью и могла иметь свое собственное имущество, которым распоряжалась свободно. После смерти мужа его вдове по закону необходимо было выделить часть имущества покойного. Должностными лицами женщины являлись только в единичных случаях. Семья в основном оставалась моногамной, и мужчина,

который брал вторую жену, обычно должен был уплатить высокий штраф в пользу первой, если только та не была бездетной.

Храмы были крупными земле- и рабовладельцами, занимались ростовщичеством и торговлей. Храмовое правление состояло из управляющего, его заместителя, царского уполномоченного и писцов. Их функции носили лишь административный характер, а культовыми делами занимались жрецы. Наиболее важные вопросы решало народное собрание, состоящее из храмовых чиновников и представителей полноправных граждан. Наряду с трудом свободных рабский труд имел большое применение в храмовом хозяйстве. Часть таких рабов происходила из низших слоев свободного населения. Например, в 545 г. до н.э. одна женщина заявила в народном собрании Урука, что муж ее умер, а в стране царит голод и ей нечем кормить двоих своих малолетних сыновей и поэтому она передает их в храм Эанна в качестве рабов. Об имуществе Эанна сохранилась большая документальная информация. Согласно ей храм владел 5–7 тыс. голов крупного рогатого скота и 100–150 тыс. овец и в течение одного года получил со своих овец более 5 тыс. кг шерсти.

Во внутренней торговле расчеты производились не чеканной монетой, а слитками серебра в виде брусочков, стержней, проволоки и т.д. Эти слитки сопровождалась штампами с указанием пробы и каждый раз при уплате взвешивались. Золото служило товаром и не употреблялось в качестве денег. Соотношение золота к серебру составляло приблизительно $1:13\frac{1}{3}$. Чтобы добиться необходимого единообразия, серебро направляли в храмовые и государственные мастерские для очищения и переплавки в слитки стандартного веса и качества.

Оживленная торговля происходила между Вавилонией и Египтом, Сирией, Эламом и Малой Азией, где месопотамские писцы покупали железо, медь, олово, золото, серебро, строительный лес, вино, фрукты и другие товары, которые отсутствовали в их стране. Внутри самой Вавилонии торговля осуществлялась главным образом по рекам на лодках.

В экономике и торговле значительную роль играли могущественные предпринимательские дома, которые владели большими земельными массивами, десятками рабов и многими домами. Наиболее известен из таких предпринимателей род Эгиби в нескольких поколениях в VI–V вв. до н.э. Он продавал, покупал и обменивал дома, поля и рабов, а также занимался профессиональными банковскими операциями, выступая кредитором, принимая на хранения вклады, уплачивая долги своих клиентов, основывая коммерческие товарищества и финансируя их.

Другим крупным предпринимательским учреждением был дом Мурашу, который занимался торговыми и ростовщическими операциями в Южной и Центральной Вавилонии в V в. до н.э. Характер его деятельности обуславливался экономическими изменениями в персидский период, когда земельные наделы распределялись между персидскими вельможами и коллективами воинов, которые передавали землю для обработки другим лицам. Мурашу брали в аренду эти наделы с уплатой их владельцам аренды и внесением за них государственных податей в казну. В свою очередь, Мурашу сдавали эти земли в субаренду другим лицам, снабжая их рабочим скотом, семенами, орудиями производства и водой для орошения. В течение одного года доход

Мурашу одними только финиками в среднем составлял около 48 тыс. гектолитров. В отличие от Эгиби Мурашу не играли никакой роли в международной торговле, но продавали поступавшие к ним продукты (финики, ячмень и т.д.) внутри страны.

Значительная часть обрабатываемой земли принадлежала храмам, членам царской семьи, крупным предпринимателям, чиновникам государственной и храмовой администрации. Вся земля была точно измерена и стоила дорого. Наиболее рентабельным считалось садоводство (главным образом разведение финиковых пальм); самой распространенной зерновой культурой выступал ячмень, но кроме него сеяли также полбу, пшеницу, сезам, горох, лен и т.д. Поскольку осадков в Междуречье выпадало мало, важное значение для сельского хозяйства имело искусственное орошение. В стране было проведено много каналов, которые принадлежали государству, а в ряде случаев также и храмам. За особую плату водой из этих каналов могли пользоваться все землевладельцы.

Царское хозяйство в I тысячелетии до н.э. не имело большого удельного веса в экономике страны, и ведущая роль принадлежала храмовым и частновладельческим хозяйствам. Наиболее существенную часть государственных доходов составляли налоги, которые обычно уплачивались натурой (скотом, зерном, шерстью и т.д.), но их стоимость оценивалась в серебре официальными экспертами. За счет налогов содержались государственный аппарат и армия.

Крупные землевладельцы сдавали землю в аренду, которая была двух видов: либо размер ее устанавливался заранее при заключении контракта, либо же владелец получал треть урожая, а арендатор две трети. В сельском хозяйстве (особенно при уборке урожая) широко применялся наемный труд. В рассматриваемое время кредитор мог арестовать неплатежеспособного должника и заключить его в долговую тюрьму. Но обычно должник погашал ссуду антихрезой (бесплатной работой на кредитора), сохраняя свою свободу. Практика самозаклада совершенно исчезла. Свободные люди имели право отдавать в залог своих детей, но после отработки долга и соответствующих процентов такие заложники теряли всякую связь с кредитором. Однако дети неплатежеспособных должников, взятые в залог, могли быть обращены в рабство.

Все же рабский труд по сравнению с трудом мелких земледельцев и свободных арендаторов применялся в ограниченных масштабах. Он не в состоянии был вытеснить труд свободных, особенно в области квалифицированного ремесленного производства. Свободные ремесленники заключали с разными лицами контракты на изготовление за соответствующую плату необходимых им изделий (мебели, утвари, одежды и т.д.).

Сравнительно большое количество рабов жило семьями, владело землей, домами и значительным движимым имуществом. Они могли действовать самостоятельно, на свой страх и риск, и были более выгодны их хозяевам, чем те, которые работали из-под палки. Эти рабы участвовали в экономической жизни и, как свободные, брали и давали ссуду деньгами и натуральными продуктами свободным и другим рабам. Рабы занимались торговлей, открывали ремесленные мастерские, обучали других лиц различным ремеслам. Раб не только мог заложить, купить и продать имущество, но также выступать

в качестве залогодержателя имущества свободных и рабов, включая поля и дома, и сдавать в аренду это имущество. Рабы могли покупать, продавать или нанимать других рабов, а также прибегали к найму свободных. Подобно последним, они могли давать свидетельские показания о различных преступлениях, выступать в суде в качестве истцов и ответчиков и даже держать в долговой тюрьме несостоятельных должников. Наконец, рабы могли завести семьи и жениться, в том числе и на свободных.

КУЛЬТУРА ВАВИЛОНИИ

Вавилонская культура I тысячелетия до н.э. представляла собой заключительный этап великой клинописной цивилизации, истоки которой можно проследить по письменным источникам с конца IV тысячелетия до н.э. Одним из самых удивительных достижений месопотамской культуры было изобретение письма, с помощью которого стало возможным фиксировать и увековечивать многочисленные факты повседневной жизни. В стране не имелось ни камня, на котором можно было писать, ни папируса. Однако в изобилии присутствовала глина: она давала неограниченные возможности для использования ее в качестве писчего материала, к тому же чрезвычайно долговечного. Глиняные таблички изготавливали из тонких сортов глины, которая очищалась в воде от соломы и различных других примесей. В I тысячелетии до н.э. в Месопотамии начали употреблять для письма наряду с глиной и импортный папирус. Постепенно ведущее место в государственной канцелярии стало занимать арамейское письмо на коже и папирусе. Одновременно арамейский язык превратился в язык международной дипломатии и торговли на всем Ближнем Востоке.

Одним из крупных достижений ассиро-вавилонской культуры явилось создание библиотек «глиняных табличек», самой известной из которых была библиотека ассирийского царя Ашшурбанапала. Среди нововавилонских архивов особое место занимает архив предпринимательского дома Эгиби, функционировавшего в Вавилоне с конца VIII до начала V в. до н.э. В этом сохранившемся до нашего времени архиве насчитываются более 2 тыс. долговых расписок, контрактов об аренде земли и домов, об отдаче рабов в обучение различным ремеслам и др. В Ниппуре был найден содержащий более 800 табличек архив другого крупного предпринимательского дома – Мурашу (V в. до н.э.).

В государственных, храмовых и частных архивах сохранились тысячи писем самого разнообразного характера. Они написаны на продолговатых маленьких табличках из глины мелким, убогим почерком. Некоторые из них обожжены, а большинство высушено на солнце. Адресату они посылались в глиняных конвертах, скрепленных печатями, что обеспечивало тайну переписки и сохраняло тексты от повреждений. На конверте писали и имя адресата.

Центральной фигурой месопотамской цивилизации являлся писец – основной создатель богатейшей клинописной литературы. От услуг писцов зависели правители, храмы и частные лица. Некоторые из писцов занимали очень важные посты, имели возможность оказывать влияние на царей и принимали участие в важных дипломатических переговорах. Но большинство

писцов, находившихся на службе у царя и у храмов, выполняли бюрократические функции по управлению хозяйством и сбору податей и арендной платы с ремесленников и крестьян.

Среди разнообразных произведений художественной литературы, которые пользовались особой популярностью, можно отметить поэму философского характера на аккадском языке под названием «Да прослаблю я владыку мудрости». Оно рассказывает о жестокой и жалкой судьбе невинного страдальца. Хотя он жил праведно и соблюдал все божеские установления и человеческие законы, бесконечные беды, страдания и гонения не переставали преследовать его. В этом произведении ставится вопрос, почему бог Мардук допускает, чтобы самые лучшие люди бесконечно страдали без всякой вины с их стороны? На это дается следующий ответ: воля богов непостижима, и поэтому люди должны беспрекословно подчиняться им.

По своему содержанию к этому произведению примыкает поэма, получившая в современной литературе название «Вавилонская теодицея» (дословно «богооправдание»), в которой в яркой форме излагаются религиозно-философские идеи, волновавшие вавилонян. Поэма построена в форме диалога невинного страдальца с его другом. На протяжении всего произведения страдалец обличает несправедливость и зло, излагает свои претензии к богам и сетует на несправедливость общественных порядков.

В области научного познания мира особенно велики были достижения вавилонской математики, первоначально возникшей из практических потребностей измерения полей, сооружения каналов и различных зданий. Еще с древних времен вавилоняне воздвигали многоэтажные башни-зиккураты и оттуда вели наблюдения за движениями небесных светил. Таким образом они собирали и записывали эмпирические наблюдения за Солнцем, Луной, а также за расположением различных планет и созвездий.

В частности, астрономы отмечали положение Луны по отношению к планетам и постепенно устанавливали периодичность движения небесных светил, видимых простым глазом. В процессе таких многовековых наблюдений возникла вавилонская математическая астрономия. Самый творческий ее период падает на V в. до н.э. До нашего времени сохранились многочисленные таблицы с астрономическими вычислениями расстояний между звездами. В тот период существовали крупные астрономические школы в Вавилоне, Борсиппе, Сиппаре и Уруке. Особенно известна деятельность двух великих астрономов, а именно Набуриана и Кидена, которые соответственно разработали систему определения лунных фаз и установили продолжительность солнечного года. По подсчетам Кидена, он составлял 365 дней 5 часов 41 минуту и 4,16 секунд. Таким образом, он ошибся лишь на 7 минут и 17 секунд.

Сохранилось большое количество медицинских текстов, из которых видно, что врачи умели хорошо лечить вывихи и переломы конечностей. В Месопотамии с живым интересом относились к своему далекому прошлому. Например, в VI в. до н.э. во время раскопок в фундаментах обвалившихся храмовых зданий в городе Сиппаре были обнаружены и прочитаны надписи III тысячелетия и правильно размещены в хронологическом порядке имена царей в этих текстах.

Развитие технологии, ремесла и товарно-денежных отношений в рассматриваемое время привело к возникновению больших городов и к улучшению жизненных условий людей. Например, в Вавилоне проживало около 200 тыс. человек, а сам город занимал площадь в 404,8 га. В нем имелись улицы протяженностью в 5 и более км. Стены домов часто достигали толщины до 2 м, многие имели два этажа. Как правило, комнаты располагались вокруг центрального двора, полы покрывались обожженным кирпичом, залитым природным асфальтом, а внутренние стены белились известковым раствором. Одним из «семи чудес света» считались знаменитые «висячие сады» в Вавилоне, которые покоились на высоких каменных уступах, державших грунт с экзотическими деревьями.

Каждый город продолжал почитать прежде всего своего городского бога-покровителя. Наиболее крупными храмами являлись: Эсагила (святилище Мардука в Вавилоне), Эанна (храм богини *Иштар* в Уруке), Эбabbара (святилище бога Солнца *Шамаша* в Сиппаре) и Эзида, храм *Набу* (считавшегося сыном Мардука и покровителем писцового искусства) в Борсиппе. Верховным богом считался Мардук. Главным святилищем Мардука и вообще всей страны был храм Эсагила в Вавилоне, возведенный на искусственной платформе. Он представлял собой квадратное здание со сторонами в 400 м. Единое целое с Эсагиллой составлял расположенный к югу от нее семиэтажный зиккурат высотой 91 м, носивший название Этеменанки («Храм краеугольного камня небес и земли») и известный из Библии как Вавилонская башня. В древности он также считался одним из «семи чудес света». На вершине башни, куда вела наружная лестница, было расположено само святилище Мардука, облицованное глазурованными кирпичами, а стены и потолок его были покрыты золотом и украшены драгоценными камнями. От главного входа в зиккурат пролежала мощеная улица для религиозных процессий, в ряде мест достигавшая 35 м ширины. Она кончалась у ворот, посвященных богине Иштар, высота которых равнялась 12 м. Эти ворота были украшены изображениями фантастических животных. Кроме богов жители Месопотамии почитали также многочисленных демонов добра и стремились умиротворить демонов зла с помощью заклинаний и специальных амулетов.

В 331 г. до н.э. Месопотамия была захвачена армией Александра Македонского, однако развитие социально-экономических институтов и культурных традиций не оборвалось, а продолжалось в течение еще нескольких столетий, хотя уже и без больших достижений, если не считать великих успехов вавилонских астрономов.

ДРЕВНИЙ ИРАН: ОТ ЭЛАМА ДО ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИРАНА

Элам и эламиты. Иран принадлежит к числу стран, где возникли первые государства. Еще в начале IV тысячелетия до н.э. на юго-западе Ирана в Сузиане (совр. Хузистан) в долине небольших рек Карун и Керхе появились поливное земледелие и первые поселения городского типа. По всей вероятности, их жители были родственны дравидийским племенам, обитавшим к востоку от них в Белуджистане. Позднее обитателей Сузианы их соседи на западе (шумеры, вавилоняне и ассирийцы) стали называть эламитами (от «Эламту», согласно народной этимологии, «Горная страна»). Это обозначение было принято и в Библии, откуда оно и заимствовано в современной науке. Эламиты говорили на своем особом языке, не похожем ни на один из известных нам. Их соседями на территории Северо-Западного Ирана и в предгорьях Загроса были хурриты, маннеи, луллубеи и другие племена неиндоевропейского происхождения.

К середине IV тысячелетия до н.э. эламиты уже умели изготавливать керамическую посуду с помощью гончарного круга и начали сооружать памятники монументальной архитектуры. В районе Сузианы стали получать обильные урожаи ячменя, эммера и фруктов. Установились интенсивные торговые связи с соседней Месопотамией. К началу III тысячелетия в Эламе возникли раннегосударственные объединения, столицей одного из них стал г. Сузы. Основной формой социально-экономической организации являлись сельские общины, которые управлялись старейшинами, выбранными народным собранием. Однако с начала II тысячелетия до н.э. стали интенсивно развиваться частные хозяйства с использованием рабского труда, что привело к имущественной дифференциации и распаду сельских общин, разорению части свободных людей и появлению частновладельческих, а также царских и храмовых хозяйств.

Политическая история Элама на всем протяжении была тесно связана с историей Месопотамии. В XXIV–XXIII вв. до н.э. Элам был включен в состав государства Аккад в Двуречье, но в XVIII в. до н.э. эламиты на целое столетие подчинили себе эту страну и, как сказано в одной вавилонской надписи, «наложили руки на святилища Аккада, превратив Аккад в прах». Но с середины XIV до начала XIII в. Элам находился в зависимости от Вавилонии. В VIII в. до н.э., когда вавилоняне боролись за свою независимость от Ассирии, Элам стал на их сторону, но в последовавшей войне потерпел ряд поражений и сошел с политической карты в качестве самостоятельного государства.

Эламиты создали вполне самобытную культуру. В начале III тысячелетия до н.э. они изобрели пиктографическое (рисуночное) письмо, в котором на глиняных табличках изображали крупный рогатый скот, посуду и другие предметы. Это письмо применялось для документов хозяйственной отчетности и состояло приблизительно из 150 знаков, которыми обозначались

целые понятия и слова. Оно находилось в употреблении на протяжении 400 лет, а во второй половине III тысячелетия до н.э. было изобретено линейное силлабическое письмо, состоявшее из сочетания различных геометрических линий для обозначения целых слогов. Оно состояло приблизительно из 80 знаков, и им можно было писать не только хозяйственные, но и религиозные и другие тексты. Материалами для письма служили камень, глина и металлические изделия.

В конце III тысячелетия эламиты заимствовали шумеро-аккадскую клинопись, которой они продолжали пользоваться до середины V в. до н.э. Первый известный нам клинописный текст на эламском языке относится ко времени около 2230 г. до н.э.: это договор между царем Аккада Нарам-Суэном и правителями нескольких эламских областей. Однако в первой половине II тысячелетия до н.э. эламиты для составления частноправовых документов (фиксирующих куплю-продажу, раздел и дарение имущества) употребляли вавилонский диалект аккадского языка, но позднее, приблизительно через пять веков, для этого стали использовать свой собственный язык.

Религия эламитов была политеистической. В одном тексте XXIII в. до н.э. упоминаются по именам 37 эламских божеств. Первоначально во главе эламского пантеона стояла «великая богиня» и «мать богов» *Пинекир*. К середине II тысячелетия до н.э. главенствующее положение в пантеоне занял *Хумбан*. Бог Солнца *Наххунте* считался создателем дня, а *Инишушинак* – покровителем столицы государства Суз и ее царей. Согласно верованиям эламитов, законы были установлены богами, и за их нарушение полагались жестокие наказания (например, за ложную клятву отрезали руку и язык). Самым крупным монументальным памятником эламской религии является зиккурат (культовая башня), построенный в XIII в. до н.э. в местности Дур-Унташ (совр. Чога-Замбил) в 30 км от Суз. У входа в это святилище стояли скульптурные изображения львов, быков, грифонов, статуи богов и царей, изваянные из золота и серебра. Зиккурат высотой в 12 м имел семь ворот и четыре этажа; длина сторон нижнего этажа равнялась 105 м.

Приход мидийских и персидских племен в Иран. Мидийцы и родственные им персы составляли часть огромного мира иранских племен, который простирался от Северного Причерноморья до территории современного Афганистана. Они говорили на различных диалектах иранских языков. Кроме мидийцев и персов эти племена включали скифов южнорусских степей, а также бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев, саков и другие группы обитателей Средней Азии.

Часть иранских племен, которые впоследствии стали известны под именами мидийцев и персов, в XI в. до н.э. направилась из южнорусских степей через Кавказ на территорию Северо-Западного Ирана (в частности, в район совр. Хамадана). Они занимались как скотоводством (особенно разведением коней), так и земледелием, а также были знакомы с обработкой металлов. На территории Западного Ирана в то время существовали десятки мелких княжеств автохтонных этнических групп, которые играли в политическом отношении доминирующую роль. Однако начиная со второй половины VIII в. до н.э. иранцы уже составляли большинство населения этих земель – в будущем Мидийского царства (в районе совр. Хамадана и к западу от него). Проникновение иранцев в эти районы не носило характера завоевания: они

повсеместно смешивались с местными обитателями, которые в результате продолжительного общения с пришельцами постепенно становились ираноязычными. С конца VII в. до н.э. начало складываться этнокультурное единство на основе слияния иранских и местных племен касситов, хурритов и других.

Персы впервые начинают присутствовать в ассирийских текстах второй половины IX в. Например, в 834 г. до н.э. упоминается получение ассирийцами подати с 27 «царей» области *Парсуа*, которая была расположена в горах Центрального Загроса. Как видно из ассирийских текстов, к тому времени персы уже отделились от родственных им мидийских племен. Но они еще не были объединены и находились под предводительством своих многочисленных вождей. В 714 г. до н.э. персы упоминаются как подданные ассирийского царя Саргона II. Затем они постепенно заняли часть исконной эламской территории на юго-западе Ирана. Новая область их обитания в ассирийских источниках называется *Парсумаш* (др.-перс. *Pārsa*, Персида античных авторов, совр. пров. Фарс). В тот период персы находились на службе у эламских царей, а затем на короткий период стали данниками ассирийских правителей. Часть персов перешла на оседлый образ жизни, а остальные по-прежнему оставались кочевниками. В отличие от эламитов, у которых в течение нескольких тысячелетий женщина занимала высокое положение, у персов семья носила патриархальный характер с неограниченной властью отца семейства. Семьи объединялись в кланы, которыми управляли их старейшины. Клань, в свою очередь, были объединены в племя. Во главе союза племен стояли цари.

Как можно судить по несколько более поздним источникам, персидский племенной союз возглавляли вожди из рода Ахеменидов. Около 650–600 гг. до н.э. их царем был Кир I, который считался потомком основателя династии легендарного *Ахемена*. В ассирийских текстах он назван владыкой Парсумаша.

Мидия. Начиная с IX в. до н.э. ассирийцы стали совершать походы на земли Западного Ирана с целью захвата добычи и доходили до центра плато. В течение VIII в. до н.э. мидийские области находились в зависимости от ассирийцев и платили им подати главным образом ремесленными изделиями и скотом. Например, в 744 г. до н.э. ассирийцы дошли до горы Бикни (совр. Демавенд близ Тегерана) и получили от мидийцев в качестве дани 9 т лазурита и 15 т различных бронзовых изделий.

Стремясь к оказанию сопротивления ассирийским нашествиям, ряд мидийских княжеств вступили в союз друг с другом. В 673 г. до н.э. они во главе с одним из своих вождей по имени Каштарити (у Геродота – *Фраорт*) подняли восстание против ассирийцев. В следующем году мидийцы смогли изгнать завоевателей из западной части своих владений и создали независимое государство – Мидию. В течение последующих десятилетий Мидия превратилась в крупную державу – в одном ряду с Эламом, Урарту, Ассирией и с княжеством Манна (к западу от Мидии).

В 625 г. до н.э. царем Мидии стал сын Каштарити Киаксар, окончательно объединивший все мидийские племена в единое государство со столицей в Экбатанах. Теперь мидийцы сосредоточили все свои усилия на борьбе против Ассирии, которая в то время находилась в войне с Вавилонией. В 614 г.

мидийское войско во главе с Киаксаром развернуло наступление на коренную территорию Ассирии и вскоре захватило ее древнюю столицу Ашшур. В августе 612 г. мидийцы вместе с вавилонянами ворвались в главный город Ассирии Ниневию и сравняли ее с землей. В 609 г. до н.э. Ассирия перестала существовать как государство, в результате ее коренная территория и район области Харран на западе Месопотамии отошли Мидии.

Киаксар продолжал расширять границы своего государства. Ему удалось установить свою власть над родственными племенами персов, захватить Парфию и Гирканию, которые были расположены к юго-востоку от Каспийского моря, а также, возможно, и Армению. В начале VI в. до н.э. он покорил также Урарту и Манну, а кроме того Каппадокию на востоке Малой Азии. Вскоре после этого началась война за преобладание в Малой Азии между Мидией и Лидией, окончившаяся в 585 г. безрезультатно. Испугавшись наступившего 28 мая 585 г. до н.э. солнечного затмения, стороны заключили между собой договор, установив границу между своими государствами вдоль р. Галис.

В том же 585 г. мидийский престол унаследовал сын Киаксара Астиаг, которому суждено было стать последним мидийским царем. Ему предстояло вступить в войну с персидским царем Киром II, женатым на его дочери Мандане и находившемся в вассальной зависимости от своего тестя.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАСЦВЕТ И ГИБЕЛЬ ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ

В 558 г. до н.э. Кир II стал царем персидских племен. В те времена на исторической карте Ближнего Востока оставались лишь четыре крупных государства: Мидия, Лидия, Вавилония и Египет. В 553 г. Кир поднял восстание против мидийского господства. В результате трех лет войны персы победили и захватили столицу Мидии Экбатаны, которые теперь стали одной из царских столиц. Кир формально сохранил мидийское царство и принял титулы мидийских царей и их систему государственного управления. Так, ранее незначительное государство персов теперь заняло ведущее положение на исторической арене на целых два столетия.

Около 549 г. до н.э. персами был захвачен весь Элам, и в течение следующих двух лет они покорили Парфию и Гирканию (возможно, также и Армению), ранее входившие в состав Мидийской державы. После этого Кир начал готовиться к войне с Лидией. Имя ее царя, Креза, стало олицетворением обладателя сказочных богатств. Кроме самих лидийцев под его властью находились также все греческие города Малой Азии, а также фригийцы, карийцы и другие местные племена. Таким образом, Крез контролировал всю западную и центральную части Малой Азии. Предвидя неизбежность войны с Киром, Крез решил заручиться благоприятными предсказаниями богов и отправил своих гонцов с щедрыми подарками в ведущие храмы различных стран, включая святилище Аполлона в Дельфах в Греции. На вопрос, следует ли начинать войну с персами, оракул Аполлона дал двусмысленный ответ: Крез разрушит великое царство, если перейдет Галис (т.е. границу с государством персов).

Поверив в свою предстоящую победу, Крез начал военные действия. Сначала их ареной стала Каппадокия, где в октябре 548 г. до н.э. произошла битва, не принесшая, однако, победы ни одной из сторон. После этого лидийцы отступили в свою столицу Сарды. Крез надеялся прибегнуть к помощи Египта, Спарты и Вавилонии, но события стали развиваться стремительно. Кир, со своим войском, броском одолев сто километров, оказался у стен Сард. Крез вывел свою прославленную конницу на равнину перед Сардами. Тогда Кир поставил впереди своего войска верблюдов, посадив на них воинов. Кони лидийцев, испугавшись вида и запаха невиданных животных, бежали с поля боя. Но лидийские всадники не растерялись и стали сражаться в пешем строю. После жестокой битвы им пришлось укрыться за городскими стенами. Крез, предполагая долгую осаду, послал своих вестников в Спарту, Вавилон и Египет с мольбой о немедленной помощи. Но было поздно. Попытка персов захватить Сарды штурмом не увенчалась успехом, но персидские воины из горного племени мардов поднялись в город по обрывистой скале, считавшейся неприступной и поэтому не охраняемой лидийцами. Таким образом, в мае 547 г. до н.э. город был взят. Когда Крез пожаловался на дельфийский оракул, который якобы обманул его, предсказав победу, жрецы Аполлона Дельфийского заявили, что их предсказание сбылось: Лидийское царство перестало существовать, и прежде чем начинать войну, Крезу следовало спросить оракула, *кто* победит в войне. Далее настала очередь греческих городов Малой Азии. Поручив их покорение своим полководцам, Кир принялся разрабатывать планы дальнейших завоеваний.

Между 545–539 гг. до н.э. персы подчинили себе страны Средней Азии Маргиану, Хорезм, Согдиану и некоторые другие области того региона. Теперь границы империи на востоке простирались до северо-западных пределов Индии, южных отрогов Гиндукуша и бассейна р. Яксарт (Сыр-Дарья). После всех этих завоеваний весной 539 г. персидская армия выступила против Вавилонии. Обойдя хорошо укрепленные районы, 29 октября 539 г. она вступила в Вавилон. После этого все западные страны до границ с Египтом (Сирия, Палестина и Финикия) добровольно подчинились персам.

Тем временем возникла опасность вторжения кочевых племен саков Средней Азии в Иран. Стремясь обеспечить безопасность своих восточных границ, Кир погиб в битве с одним из этих племен (массагетами, а по другим источникам это были скифские племена дахов или дербиков) на восточном берегу Аму-Дарьи летом 530 г. до н.э.

После этого престол перешел к его сыну Камбизу, самым значительным событием правления которого явилось завоевание Египта в 525 г. до н.э. Согласно египетским и античным источникам, это был поход «всех народов». На стороне персов выступили также флоты финикийских и кипрских городов. Интересен в связи с этим один вавилонский документ, в котором фиксируется продажа в 524 г. одним жителем Вавилона «египтянки из своей добычи лука» вместе с ее трехмесячной дочерью. Очевидно, эта женщина была захвачена во время египетского похода Камбиза, в котором, таким образом, участвовали и вавилонские воины.

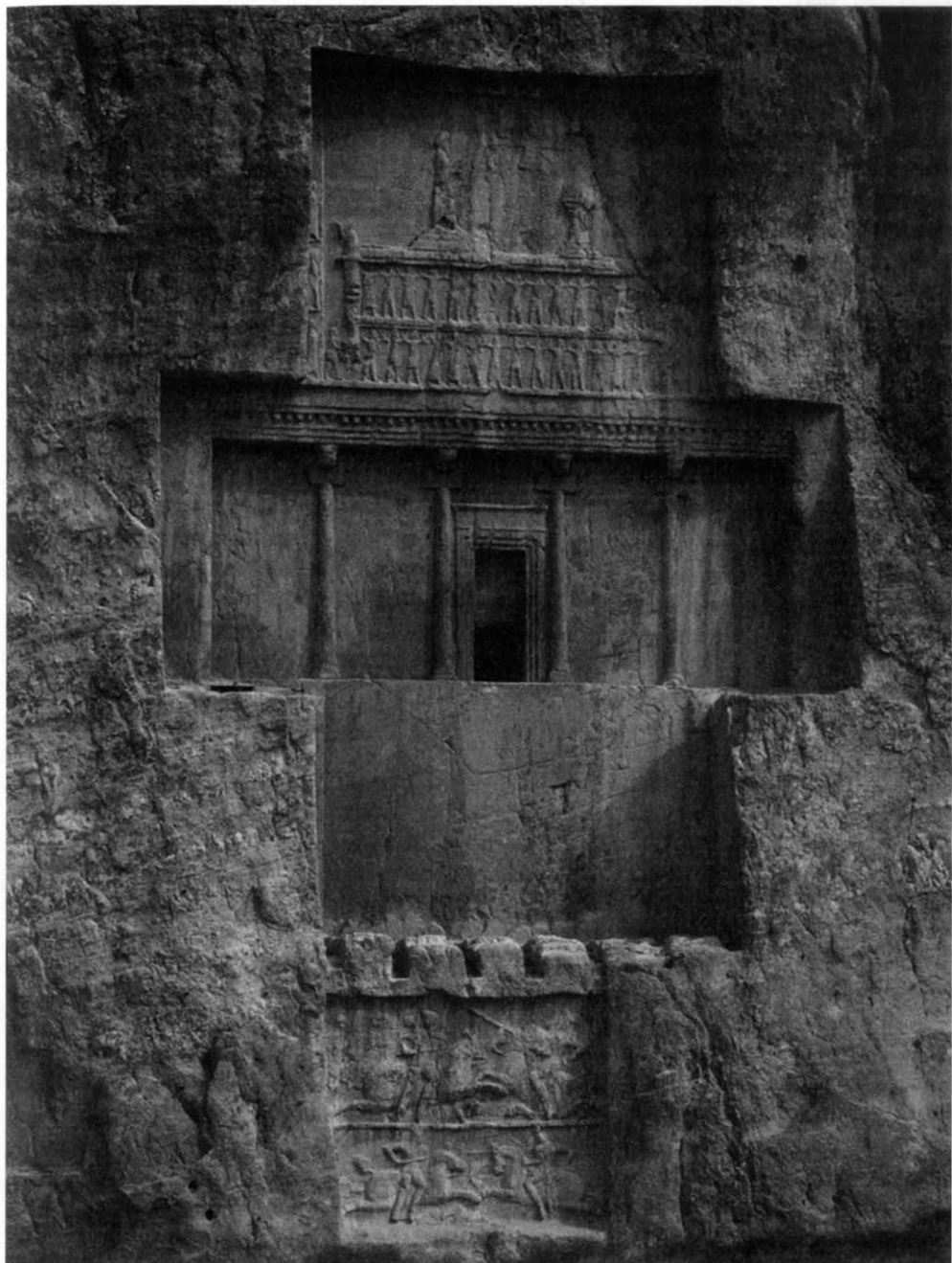
Единственная крупная битва между египтянами и их врагами произошла весной 525 г. до н.э. у границ Египта, и в ней обе стороны понесли тяжелые потери. Египтянам пришлось отступить в свой самый крупный город

Мемфис и через некоторое время после этого сдать победителю. Камбиз был официально признан египетским царем и основал новую (XXVII) династию фараонов. Он короновался по египетским обычаям, приняв титул «царь Египта, царь стран», и получил право участвовать в местных религиозных церемониях и приносить жертвы египетским богам. Следуя политике, установившейся при его отце Кире, Камбиз предоставил египтянам свободу в религиозной и частной жизни. Юридические и административно-хозяйственные документы, датированные временем его правления, свидетельствуют о том, что военные действия не нанесли значительного ущерба экономической жизни страны.

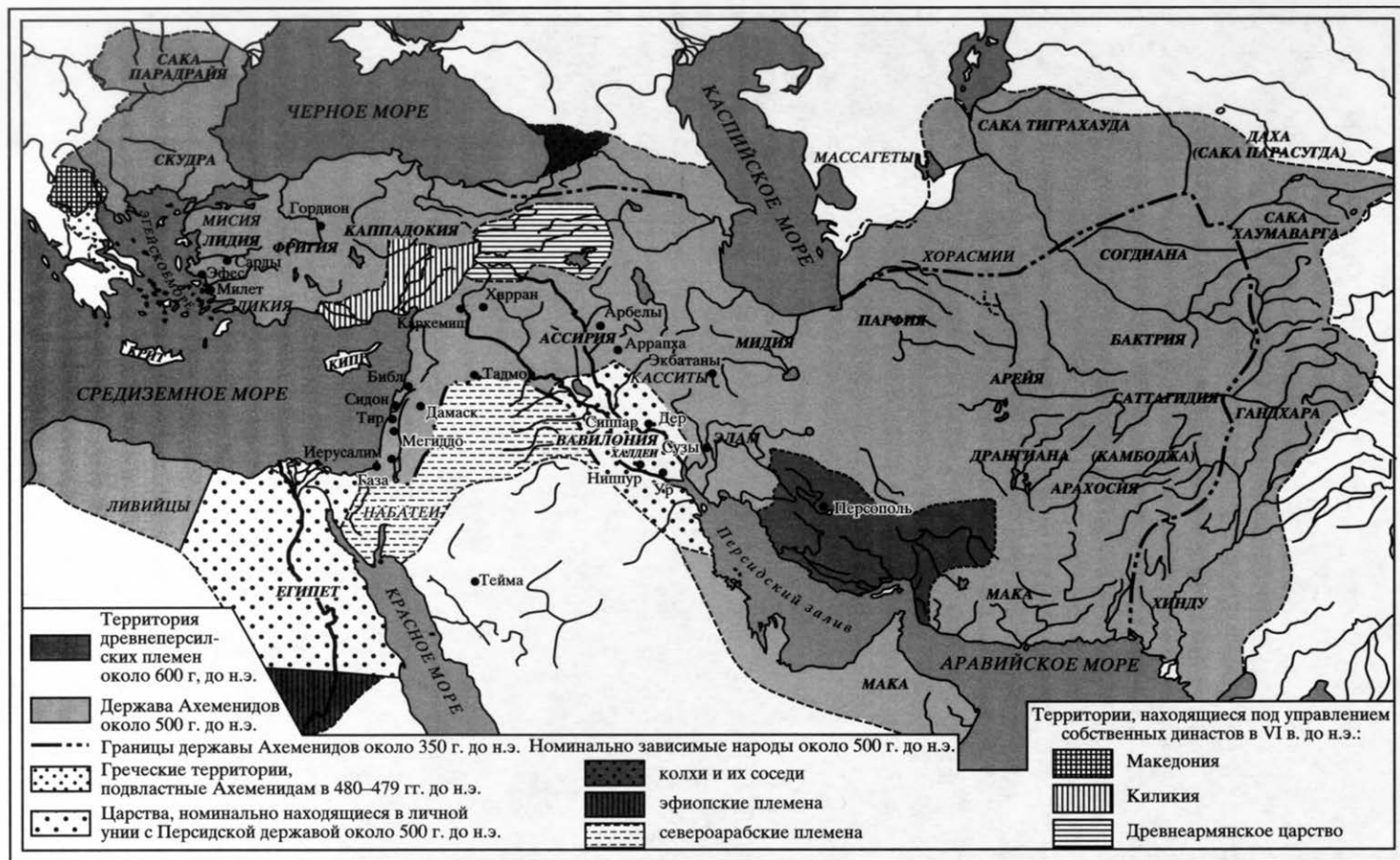
Во время пребывания Камбиза в Египте в Персии в марте 522 г. до н.э. произошел переворот. Если верить официальным источникам, к власти пришел маг (т.е. мидийский жрец) по имени Гаумата, который выдавал себя за младшего сына Кира Бардию. Те же источники утверждают, что на самом деле Бардия был убит по секретному распоряжению самого Камбиза еще за несколько лет до этого. Получив известие о событиях на своей родине, Камбиз направился туда с частью своего войска, но скончался в пути при загадочных обстоятельствах.

Гаумата (если он действительно являлся самозванцем) получил всеобщее признание подданных империи, однако после семимесячного правления 29 сентября 522 г. до н.э. погиб от рук знатных персов во главе с Дарием, принадлежавшим к боковой линии Ахеменидов. Некоторое время между заговорщиками шли споры относительно того, кому стать царем. В этих спорах победителем вышел Дарий. Сразу после этого вспыхнуло восстание в Вавилонии. Пока Дарий был занят там карательными действиями, восстали Персия, Элам, Маргиана, Парфия и многие другие страны. Мятежи продолжались более года. В самой Персии во главе восставших был некий Вахъяздата, которому удалось установить свой контроль над восточноиранскими областями. После того как Дарий подавил мятежи в Вавилонии и Персии, против него поднялся Элам. Особенно опасным оказалось восстание в Мидии под руководством некоего Фравартиша, претендовавшего на происхождение из рода мидийского царя Киаксара. Продолжительные восстания полыхали также в Армении, ими были охвачены и Парфия вместе с Гирканией, сатрапом которых являлся отец Дария Виштаспа. Самым массовым стало восстание в Маргиане, во время которого, по словам Дария, было убито более 55 тыс. мятежников. В августе 521 г. до н.э. вавилоняне сделали новую попытку отвоевать независимость, но через пять месяцев их руководители были захвачены и казнены. Волнения продолжались и в других странах. В 520 г. до н.э. эламиты снова (в третий раз) вышли из повиновения.

Подавив все эти мятежи, Дарий I приступил к сооружению величественного памятника с рассказом о своих победах и триумфе над мятежниками. Это рельеф и надпись, высеченные на отвесной скале на высоте 105 м на Бехистунской горе (в 30 км от Хамадана). Надпись составлена на древнеперсидском, эламском и аккадском (вавилонском) языках и содержит описание этих событий. Переведенная на многие другие языки, она была разослана во «все страны», о чем сообщается в ней самой. Ее отрывки известны из Египта на арамейском языке и из Вавилона на аккадском.

Гробница Дария I. Накш-и-Рустем. V в. до н.э.

Держава Ахеменидов

Над надписью возвышается рельеф высотой 3 м и длиной 5,48 м. Над всеми фигурами парит бог Ахура-Мазда, протягивая левую руку с кольцом к Дарию, тем самым вручая ему власть, а другой рукой он благословляет его. Сам Дарий изображен в натуральную величину (1,72 м). Правая рука его поднята в молитвенном жесте к Ахура-Мазде, а в левой руке он держит лук. Слева, за спиной Дария, находятся двое его придворных. Сам он попирает ногой лежащего Гаумату, за которым изображены восемь главарей мятежных народов и вождь сакского племени тиграхауда, который был пленен во время похода против этого народа в 519 г. до н.э. Руки их всех связаны за спиной, и они прикованы друг к другу одной длинной цепью.

Подавив волнения и мятежи, персы между 519–512 гг. до н.э. захватили Фракию, Македонию и северо-западную часть Индии. К концу VI в. до н.э. границы Персидской державы простирались от р. Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до Первых нильских порогов на юге. Таким образом, десятки народов и стран были объединены в единую империю.

В 500 г. до н.э. вспыхнуло восстание против персов в Милете – самой крупной греческой колонии Малой Азии. Другие греческие города Малой Азии примкнули к восставшим, организовали поход на столицу Лидийской сатрапии Сарды и сожгли ее, но не смогли взять акрополь, где скрывался персидский гарнизон. Летом 498 г. Дарий стянул войска и нанес поражение мятежникам около Эфеса, а весной 494 г. осадил с моря и с суши главный оплот восстания Милет. Через несколько месяцев город был захвачен и разрушен, а его население уведено в рабство. В 493 г. до н.э. восстание было повсеместно подавлено.

Так началось противостояние Персии и эллинов. Дарий начал готовиться к походу против греков Балканского п-ова. В тот период Греция состояла из множества самостоятельных городов-государств (полисов), постоянно враждовавших друг с другом. В крупной битве на Марафонской равнине (в 40 км от Афин) 12 августа 490 г. до н.э. афинские тяжеловооруженные пехотинцы нанесли поражение персидской армии и заставили ее отступить. Дарий все еще надеялся покорить Грецию, но летом 486 г. в Египте произошло восстание против персидского господства. Через месяц после этого царь умер, и престол занял его сын Ксеркс. В январе 484 г. до н.э. он безжалостно усмирил египтян, но летом того же года возник мятеж и в Вавилонии, который, однако, вскоре тоже был подавлен. В 482 г. вавилоняне снова восстали, волнения охватили большую часть державы. В это время Ксеркс готовился к походу на Грецию, и новый мятеж расстроил все его планы. В марте 481 г. Вавилон был захвачен персами, его стены, укрепления, а также многие жилые дома разрушены.

Весной 480 г. до н.э. Ксеркс во главе огромной армии направился на Балканы. Все страны империи от Индии до Египта были обязаны поставить свои войска. Армия переправилась через Геллеспонт (совр. Дарданеллы), прошла через Южную Фракию и Македонию в Северную Грецию. У входа в ущелье Фермопилы отряд греческих воинов в 6500 человек во главе со спартанским царем Леонидом, несмотря на мужественное сопротивление, был уничтожен, и затем персы захватили и разрушили Афины. Теперь главной задачей персидского командования стало уничтожение объединенного грече-

ского флота, который состоял из 380 кораблей и расположился в бухте между Саламином и побережьем Аттики. 28 сентября 480 г. до н.э. произошла битва при Саламине, которая длилась двенадцать часов. Персидский флот, в котором насчитывалось 650 кораблей, оказался скованным в узком заливе без возможности маневрирования, и большая часть его уничтожена. Ксеркс вернулся в Малую Азию, оставив своего полководца Мардония с основной частью войска в Греции. Решающая битва между противниками произошла в 479 г. близ города Платеи. У персов, в отличие от греков, не было тяжелого вооружения, а их первоклассная конница из-за рельефа местности не могла быть применена в битве. В результате Мардоний погиб, а остаткам его войска пришлось перебираться в Малую Азию. Осенью 479 г. состоялось крупное морское сражение у мыса Микале на юго-западном побережье Малой Азии, в котором персы вновь потерпели поражение, после чего против их господства вспыхнули восстания греческих государств в этой области. Теперь Афины и Спарта перенесли военные действия на территорию противника в Малой Азии.

Летом 465 г. до н.э. Ксеркс был убит в результате дворцового переворота, и царем стал его сын Артаксеркс I. В 460 г. произошло восстание египтян, которое удалось подавить лишь с большим трудом. В 449 г. афиняне одержали победу над персидским флотом у побережья Кипра и одновременно выиграли сражение на суше. Это были два последних сражения Греко-персидских войн, и персы оказались вытесненными из бассейна Эгейского моря. В 449 г. до н.э. в Сузах был заключен так называемый Каллиев мир (по имени афинского дипломата Каллия, направленного для переговоров с персидской администрацией). Стороны договорились, что малоазийские греческие города формально останутся под персидским контролем, но должны будут платить подати афинянам, которые, таким образом, получили фактическую возможность управлять ими. Граница между обоими государствами должна была проходить по р. Галис.

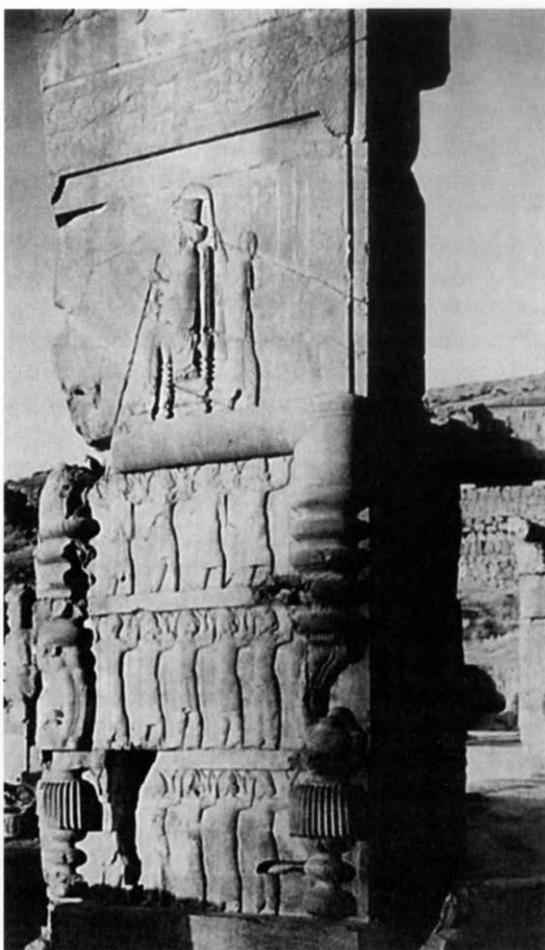
Политическая обстановка заставила Артаксеркса и его преемников радикально изменить свою дипломатию и натравливать одни греческие государства на другие, прибегая при этом к подкупу. Но это не помогло остановить дальнейшее ослабление империи. В конце V в. до н.э. в Малой Азии, Мидии и Египте почти непрерывно вспыхивали восстания против центрального правительства. К тому же сатрапы Малой Азии постоянно враждовали между собой и нередко выступали даже против царя. В первой половине IV в. до н.э. от державы отпали страны Малой Азии – Кария, Лидия и Киликия. В 359 г. на престол вступил Артаксеркс III, который стремился возродить былое величие империи. Но прежде всего он истребил всех своих братьев для предотвращения дворцовых переворотов и лишь после этого занялся государственными делами. В 342 г. ему удалось подавить восстание в Египте, который за несколько десятилетий до этого стал независимым государством. В 336 г. до н.э. Артаксеркс пал жертвой дворцовых интриг. На престол взошел Дарий III, которому предстояло вступить в войну против Александра Македонского. Эта война началась весной 334 г. до н.э. Первая же битва у устья р. Граник на берегу Геллеспонта летом того же года была проиграна персами. После этого армия Александра захватила греческие города Малой Азии. Следующее крупное сражение состоялось у г. Исс на границе Киликии

с Сирией, в котором победа также досталась македонянам. Отклонив просьбу Дария о мире, осенью 332 г. Александр захватил Египет, а затем вернулся в Сирию. 1 октября 331 г. до н.э. близ г. Арбелы у д. Гавгамелы в Северной Месопотамии произошла решающая битва. Дарий еще до ее окончания счел, что она уже проиграна и бежал в Восточный Иран, где был убит своими сановниками. Персидская держава перестала существовать, и вся ее территория досталась Александру Македонскому.

Первые три десятилетия истории Персидской державы прошли в бесконечных войнах и завоевательных походах, в результате чего возникла настоятельная необходимость упорядочения государственного аппарата и создания устойчивой административной и налоговой систем.

Эти задачи в основном были осуществлены в период царствования Дария I. Перед ним стояло много сложных задач, поскольку в Персидской державе существовали самые разнообразные экономические и политические структуры, и для империи в целом был характерен симбиоз тысячелетних и вновь создаваемых социальных институтов. Наряду с областями Малой Азии, Элама, Месопотамии, Сирии, Финикии и Египта с их многовековыми государственными и политическими институтами и культурными традициями, в империю входило также много народов, которые стояли на уровне первобытнообщинных отношений или где лишь начиналось формирование государственных механизмов. Кроме того, наряду со странами с ярко выраженным монархическим строем (например, финикийские города или Киликия) имелись и регионы с демократическим строем (например, полисы в Малой Азии).

Дарий разделил государство на двадцать административно-податных округов (позднее их количество менялось), которые назывались сатрапиями. Каждая сатрапия в основном сохраняла свои социальные институты, внутреннюю структуру, а также местные законы и традиции. В ряде случаев их

Царь Артаксеркс I на троне, поддерживаемом народами Ахеменидского царства. Дворец в Персеполе

границы совпадали с территориями стран, которые ранее были самостоятельными государствами (например, Египет).

Округа возглавлялись сатрапами (букв. «хранитель царства»), и в большинстве случаев эту должность занимали персы и мидийцы. Если до реформ Дария I гражданские и военные функции находились в руках одних и тех же лиц, то при Дарии и после него сатрапы в основном занимались управленческими делами в своих областях, а также осуществляли судебную власть и сбор податей. Что же касается военных контингентов, теперь они передавались в распоряжение независимых от сатрапов военачальников, которые подчинялись непосредственно царю. Однако при преемниках Дария такое разграничение военных и гражданских функций часто не соблюдалось строго. При этом некоторые области (например, Кипр, финикийские города и Киликия) пользовались автономией во внутренних делах, и управление ими оставалось в руках местных царьков.

В столице державы Сузах был создан центральный государственный аппарат с царской канцелярией. В столицах сатрапий и других крупных городах также имелись государственные канцелярии со значительным штатом писцов. Сатрапы и военачальники находились под бдительным оком царя и его советников, особенно чиновников тайной полиции («уши и око царя»). Высший контроль над всем чиновничьим аппаратом осуществлял «тысячачальник» (греки называли его «хилиархом»), который одновременно был начальником и личной гвардии царя.

В результате осуществления реформ Дария I арамейский язык стал официальным языком администрации во всех сатрапиях государства. Документы на нем рассылались из Суз в разные концы империи, где писцы переводили их на родной язык наместников областей. Кроме того, в различных странах для составления официальных государственных и частноправовых документов писцы прибегали и к местным языкам. Например, в Египте наряду с арамейским языком писцы пользовались и позднеегипетским, а в Иране наряду с арамейским административное делопроизводство велось также на эламском. Наиболее важные должности в административной и военной сферах были сосредоточены в руках персов и мидийцев, хотя основной контингент административной структуры составляли представители покоренных народов.

Дарий провел также реформу системы государственных податей. Все области обязаны были платить строго зафиксированные для них налоги деньгами (а именно серебром) и натуральными продуктами. Величина этих податей устанавливалась на основе площади обрабатываемых земель и их плодородия. Сами персы как господствующий народ освобождались от денежных налогов, но обязывались выполнять натуральные повинности. Общая сумма ежегодных денежных податей составляла около 7740 вавилонских талантов (232 т) серебра.

При Дарии была проведена также денежная реформа и установлена единая для всей империи монетная единица – золотой «дарик» весом 8,4 г. Чеканка золотой монеты являлась привилегией персидского царя. Обычным средством торгового обмена служил серебряный сикль в 5,6 г, равный по своей стоимости 1/20 дарика. Однако за исключением экономически разви-

тых областей Малой Азии в качестве денег обычно употреблялось нечеканное серебро в слитках.

Основной опорой государства Ахеменидов служила армия, ядро которой составляли персы, мидийцы, эламиты и ираноязычные племена Средней Азии. Костяком армии являлись 10 тыс. «бессмертных» воинов, первая тысяча которых комплектовалась исключительно из представителей персидской знати и являлась личной охраной царя. В завоеванных странах размещались воинские гарнизоны для предотвращения мятежей. Во время важнейших военных походов все народы Персидской державы обязаны были выделять определенные воинские контингенты. Лица, которые постоянно несли военную повинность, получали за это земельные наделы, коллективно обрабатывали их, отбывали воинскую службу и платили государству определенную денежную и натуральную подать. Такие наделы назывались «наделами лука, лошади, колесницы» и прочее, ибо их владельцы обязывались нести военную повинность в качестве лучников, всадников и колесничих.

В Персидской державе были созданы все необходимые условия для расцвета международной торговли: существовали удобные морские порты, караванные пути были безопасны, простирались на сотни километров и содержались в образцовом порядке. Один такой путь начинался в Лидии и, пересекая Малую Азию, продолжался до Вавилона. Другая дорога соединяла этот город с Экбатанами и продолжалась далее до Бактрии и индийских границ. Развитию международной торговли способствовали также оживленные контакты между различными частями империи.

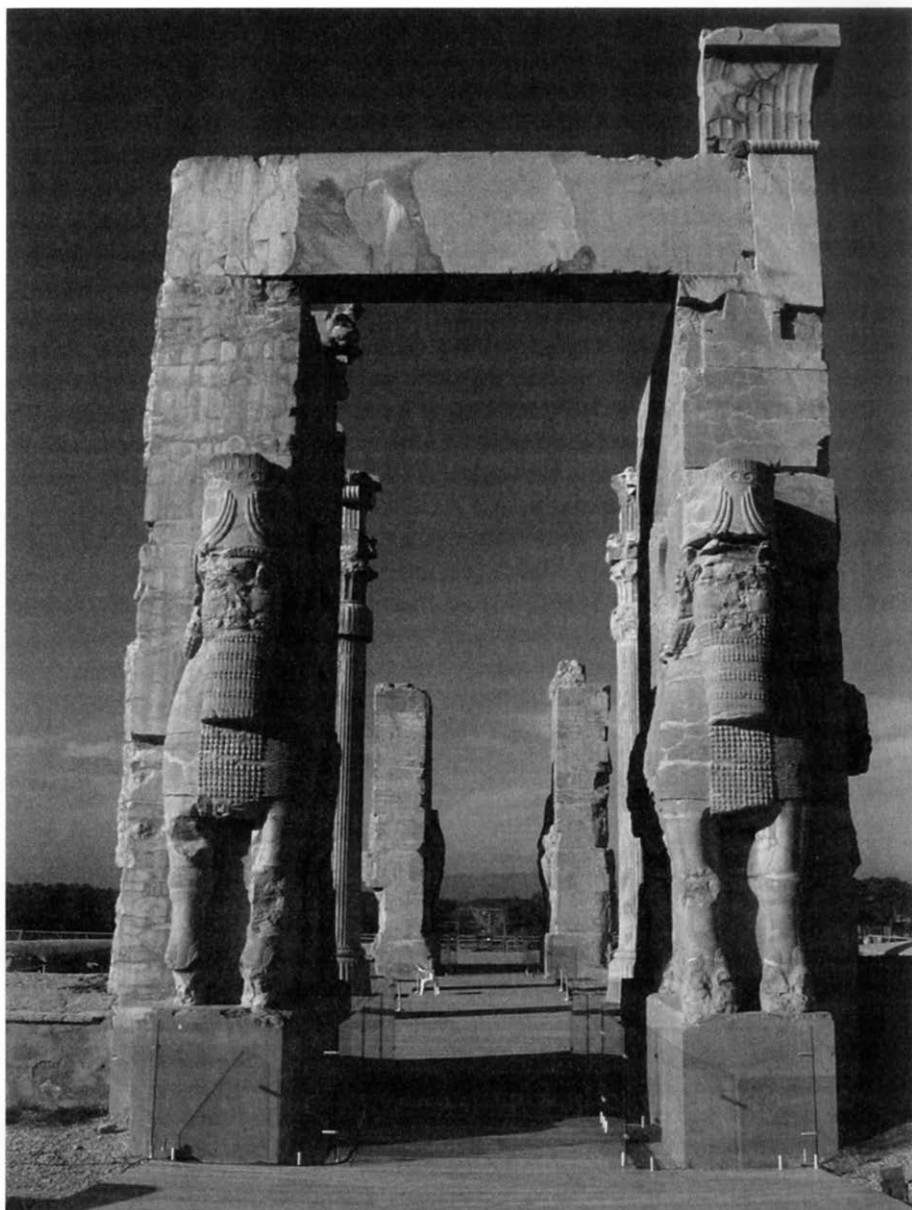
Была налажена регулярная почтовая служба для государственных надобностей. Из имперской столицы в Сузах гонцы-всадники рассылались во все концы державы. На магистральных трактах устанавливались охраняемые государством станции. Например, на дороге от Сард до Суз (протяженностью около 2470 км) находилось 111 таких стоянок, снабженных жилыми помещениями и продуктами питания. Эту дорогу можно было проехать за семь суток, меняя лошадей на каждой из остановок. О таких связях сохранилась обильная информация в эламских текстах VI в. до н.э., которые найдены в государственных архивах в Персеполе (одной из царских резиденций). Среди этих документов содержатся письма официального характера, донесения царю от чиновников высокого ранга и т.д. Письма частных лиц посылались либо со служившими у них агентами, либо же с оказией. Особенно много частной корреспонденции сохранилось из Месопотамии, в том числе письма с подробностями о семейной жизни. Например, сестра пишет своему брату: «Привет брату моему. Будешь ли ты хорошо обращаться с моим детьми, когда я умру? Выкупишь ли ты их из долговой кабалы, если они попадут туда? При моей жизни ты был жесток со мною. Подними голову и скажи правду, глядя на солнце: не растила ли я тебя, как если бы ты был моим собственным сыном?... Пусть это письмо смягчит твое сердце, и боги сделают его милосердным». Другой человек спрашивает свою сестру: «Почему нет никаких известий от тебя? Мое сердце радуется, узнав, что ты беременна». Эти и другие подобные им письма дают некоторое представление о семейных и даже интимных отношениях в те отдаленные времена.

Одним из крупных достижений древних иранцев было создание персидской клинописи. В отличие от шумеро-аккадской письменности, содержащей около 600 знаков, она близка к алфавитной и имеет немногим более сорока знаков. Всего сохранилось около 200 древнеперсидских надписей, которые обычно сопровождаются переводами на эламский язык и на вавилонский диалект аккадского, а иногда и на египетский. Эти надписи высечены на стенах царских гробниц и дворцов, на стелах, выставлены в разных странах у больших торговых путей, выгравированы на металлической посуде и каменных вазах, а также написаны на «закладных табличках» и положены в фундаменты зданий. Выше упоминалась самая большая из них – Бехистунская надпись, рассказывающая об исторических событиях времени правления Камбиза и начала царствования Дария I (522–519 гг. до н.э.). Среди других значительных текстов следует упомянуть две надписи Дария I, которые высечены близ Персеполя в Накш-и Рустаме. На одной, излагая свои принципы государственного управления, он заявляет: «Я не горяч. В гневе я стойко сдерживаю себя... Сначала я обдумываю, а потом лишь действую». Во многих экземплярах сохранились надписи Дария I о сооружении дворцов в Сузах, одни – на мраморе, другие – на глиняных табличках и кирпичах. Там же, в Сузах, при археологических раскопках найдена трехметровая каменная статуя Дария I (голова не сохранилась) с древнеперсидским, эламским, аккадским и особенно обстоятельным египетским текстами (предположительно, работа египетских мастеров).

К числу крупных культурных достижений рассматриваемого времени можно отнести и создание (уже, по крайней мере, в VI в. до н.э.) древнеперсидского календаря. Это лунный календарь, состоявший из 12 месяцев по 29 или 30 дней (354 дня). Он был на 11 дней короче солнечного, поэтому требовал добавления через каждые три года дополнительного (високосного) тринадцатого месяца. Названия месяцев были связаны с сельскохозяйственными работами (например, месяцы чистки оросительных каналов, сбора чеснока, лютого мороза) или с религиозными праздниками (месяц поклонения огню и т.д.).

В Иране применялся также зороастрийский календарь, в котором названия месяцев образованы от имен зороастрийских божеств (Ахура-Мазда, Митра, Анахита и др.). Год такого календаря состоял из 12 месяцев по 30 дней в каждом, к которым добавляли еще 5 дней (таким образом, в году было 365 дней). По-видимому, этот календарь возник в Восточном Иране или в Средней Азии еще в ахеменидский период, но в те времена он употреблялся только в религиозных целях, а позднее (во всяком случае при Сасанидах) был признан в качестве официального государственного.

В ахеменидское время народы Средней Азии и Северо-Западной Индии впервые ознакомились с арамейским письмом, которое тогда употреблялось в государственной канцелярии. Тогда же были выработаны стандартные формулы передачи арамейских терминов и канцелярских выражений на различных иранских языках. Впоследствии этот процесс завершился созданием парфянской, среднеперсидской, согдийской и хорезмийской систем письма. Можно отметить также заимствование в ахеменидский период санскритом

«Врата всех народов». Дворец в Персеполе

многих древнеиранских терминов социально-экономической, военной и административной лексики.

Истоки древнеиранской архитектуры восходят к мидийскому времени. В VII и первой половине VI в. до н.э. Мидия была центром иранской культуры. Эта культура, однако, пока остается малоизвестной нам — отчасти потому что в столице государства Экбатанах археологические раскопки еще не производились. Подробное описание архитектурного дворцового комплекса в этом

городе сохранилось в труде Геродота. По его утверждению, дворец в Экбатанах был окружен семью рядами крепостных стен, за которыми находились царские покои и сокровищница, а потолок и портики их были сделаны из кедра, обшитого золотом и серебром.

Величественные памятники древнеиранской цивилизации представлены дворцовыми зданиями в Пасаргадах, Персеполе и Сузах, развалины которых сохранились до наших дней. Наиболее ранние из этих дворцов были сооружены среди парков и садов Пасаргад, первой столицы державы еще при Кире. Эти сооружения были облицованы светлым гранулированным песчаником, который напоминает мрамор. Самым замечательным памятником этого города является полностью сохранившаяся до наших дней гробница, в которой был погребен Кир.

Большое строительство в Сузах велось при Дарии I. Сохранились надписи о сооружении там нескольких дворцов. Для этого из 12 стран (от Афганистана и Индии и до Египта и Нубии) были доставлены необходимые материалы, и мастера из многих покоренных областей державы были заняты на строительных и декоративных работах. Из древних городов своими масштабами и украшениями больше всего поражает Персеполь, строительство которого началось около 520 г. и продолжалось до середины V в. до н.э. Площадь его составляет 135 тыс. кв. м. Он сооружен на искусственной платформе, окруженной с трех сторон двойной стеной из сырцового кирпича, с четвертой примыкает к неприступной горной скале. В город можно было пройти по широкой лестнице из 110 ступеней. Парадный дворец (*apadana*) занимал площадь в 3600 кв. м. Его потолок и портики поддерживались 72 тонкими и изящными каменными колоннами, высота которых превышала 20 м. Этот зал служил для важных государственных приемов, включая приемы иностранных послов. Туда вели две лестницы, на которых до сих пор сохранились рельефы с изображениями придворных, личной гвардии царя, конницы и колесниц. На одной стороне лестницы изображена длинная процессия представителей 33 народов Персидской державы, которые несут дары своему государю. Это настоящий этнографический музей с изображениями характерных антропологических и этнографических черт лица, одежды, вооружения и других особенностей.

Такие же рельефы сохранились и в Накш-и Рустаме, в нескольких км от Персеполя. Там на скале высечены изображения тридцати представителей державы, при которых имеются надписи-ярлыки, указывающие этническую принадлежность каждого из них. Все эти фигуры возвышаются на высоте 20 м над входом в гробницу Дария I, которая в стиле древних иранских традиций выдолблена в скале. Там же находятся скульптурные изображения Дария, восседающего на троне в окружении своих придворных.

Персеполь стал родиной имперского ахеменидского стиля, символизировавшего могущество и величие царства. Этот стиль создал культурное единство от Инда до Малой Азии. Оно проявляется также в ремесле, в частности в металлических и каменных предметах, изготовленных мастерами Мидии, Малой Азии и других стран. Эти произведения имеют одинаковую форму, декор и даже размеры, вне зависимости от места их изготовления. Многие из этих предметов изображают военные триумфы, охоту царей, битвы между героями и различными чудовищами, символизирующими зло, а также двор-

цовые и религиозные ритуалы. Ахеменидские цари строили здания в персидском стиле (ападану и другие дворцы) также в Вавилоне. Персидское влияние заметно также в иконографии (особенно в сюжетах и стиле) вавилонских печатей.

При изучении памятников ахеменидского искусства бросается в глаза сходство, например, с египетским гипостильным залом, дизайном ионийских колонн, урартской строительной техникой и др. Однако, несмотря на эклектизм, ахеменидскому искусству, символизирующему могущество и величие царской власти, в целом присущи внутреннее единство и своеобразие, которые придают заимствованным компонентам и формам новые функции, отражавшие специфические исторические условия и идеологические установки.

Приблизительно в VII в. до н.э. в Восточном Иране или в Средней Азии возникла зороастрийская религия, которой в дальнейшем в течение более чем тысячелетия суждено было обслуживать официальную идеологию в ряде стран иранского мира. В результате своего долгого развития она пережила сложную эволюцию.

Основателем этой религии был Зороастр (*Заратуштра*), который жил еще до возникновения Персидской державы. Поэтому в древнейших частях («Гатах») священной книги зороастрийцев «Авесты» нет никаких упоминаний о мидийских или персидских царях, а также не содержатся термины для обозначения государственных институтов. Более того, эти произведения не знают железа, городской жизни и крупных государственных объединений. «Гаты» по форме и содержанию заметно отличаются от остальных частей свода «Авесты», которые складывались в течение многих столетий. «Гаты» являются проповедями самого Зороастра, изложенными в стихотворной форме на архаическом диалекте. В частности, он призывает своих слушателей к защите скота от разбойничьих набегов кочевых племен и к защите полезных животных. Ядро так называемой «Младшей Авесты» относится к последней четверти V в. до н.э. или к еще более позднему времени.

В «Гатах» говорится, что Зороастр получил от бога *Ахура-Мазды* (в греч. передаче – Ормузд) наказ обновить религию и поэтому провел в жизнь радикальную религиозную реформу. Он возвестил веру в конечную победу идеалов Ахура-Мазды и отверг некоторых старых племенных богов (*дэвов*), а других поставил по своему значению ниже него. Таким образом, он был объявлен всемогущим и вездесущим богом добра, символом света, жизни и правды. Он существовал еще до сотворения мира и был его творцом. У него имелись помощники, которые несут в мир добромыслие, правду и бессмертие, являвшиеся триадой зороастрийской этики. Человек создан Ахура-Маздой, однако свободен в выборе между добром и злом и поэтому доступен влиянию духов зла. Ахура-Мазде противостоял *Ангхро-Манью* (греч. Ариман), олицетворявший вместе со своими пособниками дэвами зло, мрак и смерть.

Согласно учению зороастрийских жрецов, мировая история длится 12 тыс. лет. Первые 3000 лет составляли «золотой век», когда безраздельно правил Ахура-Мазда и не было ни холода, ни жары, ни старости, болезней и смерти, а земля изобиловала скотом. Но затем Ангхро-Манью породил голод, болезни и смерть. Но в конечном итоге в мир явится спаситель из рода Зороастра, и тогда добро восторжествует над злом и на земле появится идеальное царство, в котором будет безраздельно править Ахура-Мазда. С те-

чением времени зороастризм стал распространяться в Мидию, Персию и в другие страны иранского мира. Но в те времена он еще не превратился в догматическую религию с твердо застывшими нормами, и поэтому существовали различные его модификации. По-видимому, в первой половине VI в. до н.э. одна из таких разновидностей зороастрийского учения стала официальной религией в Мидии. В Персии зороастризм начал распространяться в конце VI в. до н.э., хотя народные массы продолжали поклоняться древним божествам природы – *Mimre* (богу Солнца и света), *Анахите* (богине воды и плодородия) и другим древнеиранским богам.

При Дарии I и последующих ахеменидских царях официальная религия в значительной степени подвергалась влиянию зороастризма, однако при этом не порвала с древними верованиями персидских племен. Это легко можно объяснить тем, что древние религии по своему характеру были политеистическими и поэтому им не была присуща религиозная нетерпимость. Например, Кир II покровительствовал возрождению древних культов в Месопотамии и восстанавливал храмы в Вавилонии, Эламе и других странах своей державы. Он также приносил жертвы верховному вавилонскому богу Мардуку и другим местным богам. После захвата Египта Камбиз короновался по местным обычаям, участвовал в религиозных церемониях, поклонялся богам этой страны и доставлял им жертвы. Подобным же образом в Египте Дарий I объявил себя сыном богини Нейт, строил храмы Амону и одарял их богатыми жертвоприношениями. Такие действия диктовались не только политическими расчетами: персидские цари, как и другие люди древних обществ до возникновения догматического единобожия, верили не только в своих, но и в чужих богов, молились им и искали у них защиты.

* * *

На протяжении двух с лишним столетий Персидская держава сумела обеспечить относительный мир на необъятных просторах Азии, Европы и Северной Африки и создать благоприятные условия для расцвета международной торговли, а также для установления и развития культурных контактов между десятками народов империи. Социально-экономические и политические институты и культурные традиции, сложившиеся в ахеменидский период, сыграли большую роль в мировой истории и сохранялись в течение многих столетий, обслуживая империи Александра Македонского, Селевкидов, Птолемеев, парфян и Сасанидов. Вавилонское право, достигшее зенита своего развития при Ахеменидах, оказало определенное влияние на формирование римского права. Успехи вавилонской астрономии, египетской медицины и греческой философии, первоначально возникшей и развивавшейся в подвластной персам Малой Азии, по праву считаются крупнейшими достижениями древних цивилизаций. Произведения искусства, созданные мастерами Персидской державы более 2 тыс. лет тому назад, до сих пор привлекают внимание оригинальностью сюжетов и совершенством форм. Зороастризм, возникший и развивавшийся в странах иранского мира, оказал значительное влияние на разработку философских воззрений античного времени и на возникновение эсхатологических учений в христианстве и исламе.

ИНДИЯ: ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ РАЗВИТИЯ

РАННЕИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Середина I тысячелетия до н.э. для Индии оказывается моментом ключевым: именно в это время происходит переход региона к историческому периоду – начинается, собственно, политическая история, так называемый *Раннеисторический* период. Меняется и характер источников. Появляются новые их типы, позволяющие проследить те социально-экономические, политические и культурные изменения, которые происходили на территории Индостана. Оживляются межрегиональные связи, за счет чего, с одной стороны, в разных сферах жизни начинают просматриваться влияния иных культур, с другой – появляются иноземные свидетельства об Индии, во многом более информативные, чем местная традиция.

Изменился регион, в котором разворачиваются основные события раннеисторической эпохи. Если в предшествующий период центром ведийской цивилизации выступали северо-западные области Индостана, то по мере продвижения арийских племен в глубь субконтинента центр этот постепенно смещался, и к середине I тысячелетия до н.э. ареной политических событий становится главным образом долина Ганга (в основном, области его среднего и нижнего течения). Различиями природно-климатических условий северо-западной и северо-восточной частей Индии во многом объясняются произошедшие в этот период изменения в сфере хозяйства и быта. В частности, выведение джунглей и обработка твердых влажных почв становились возможны лишь при условии использования железных орудий труда. В середине I тысячелетия до н.э. Северная Индия, несколько позже других регионов Древнего Востока, вступила в железный век. Влажный климат гангского бассейна позволил ввести в оборот ряд новых сельскохозяйственных культур, в том числе и потеснивший в рационе индийцев ячмень и пшеницу рис.

Совершенствование земледелия и общее улучшение экономической ситуации закономерно повлекло за собой демографический рост, все большее имущественное расслоение и, в конечном итоге, изменение характера поселений в регионе: середина I тысячелетия до н.э. – время активной урбанизации. Ранний индийский город, как и любой другой, – это прежде всего укрепленная резиденция правителя. Классическим примером такой крепости является древняя столица Магадхи Раджагриха. Источники сохранили названия и других городских поселений этой эпохи – Таксила, Уджаин, Каушамби, Праяга. Площадь некоторых из них (Уджаин, Каушамби), хоть и была небольшой, но не уступала античным городам того же времени. В целом число индийских городских центров этой эпохи было не слишком велико.

Археологические материалы позволяют говорить о региональной специфике индийских городов. К примеру, северо-западные области с VI в. до н.э., т.е. после завоевания персами, находившиеся под сильным влиянием культуры Западной Азии, воплотили это влияние и в характере архитектуры. Именно для этих областей характерно каменное строительство, за счет чего облик

северо-западных городских поселений известен нам гораздо лучше, чем их восточных современников, чья архитектура на ранних этапах оставалась по преимуществу деревянной.

Установившиеся межрегиональные связи привели к активизации международной и внутренней торговли. Верным признаком этого, в частности, служит то, что именно середина I тысячелетия до н.э. – время появления монетной чеканки в Индии, более поздней и более архаичной по своему виду, нежели в других областях древнего мира (Малой Азии, Ближнего Востока, Греции). Первые индийские монеты – неправильной формы кусочки серебра с примитивными штампами-знаками. Анализ нумизматического материала на этом этапе не позволяет говорить о существовании какой-либо единой монетной системы в регионе.

Активизация торговых связей привела в итоге к существенному изменению роли и облика индийского города. Постепенно все больше городских поселений начинают играть новую роль – выступать не как укрепленные цитадели, а как центры ремесла и торговли. Вероятно, районирование индийского города находилось в соответствии со структурой цеховых гильдий торговцев и ремесленников: люди одной профессии селились по соседству, образуя кварталы определенной специализации. Главы таких профессиональных сообществ входили в органы городского самоуправления. Классическим примером торгово-ремесленного города являлась более поздняя столица той же Магадхи Паталипутра, расположенная на удобном для торговли месте и лишенная столь суровых укреплений, как древняя Раджагриха. И оживление торговли, и меняющаяся роль города, безусловно, свидетельствуют о возрастающей политической стабильности в регионе.

На основе территории города и прилегающих к нему земель сформировались государства, типологически соответствующие ранним городам-государствам, известным и в других регионах древнего мира. Их ядром выступала уже не племенная общность, а именно город – административный, экономический и культурный центр. Буддийские источники и *пураны*, значительно более поздние памятники индуистской легендарной традиции, называют разное число так называемых *джананад* (страна, область, букв. «место, [где живут] люди») – 16, 18, 20, 108, 175 и т. п. Было бы наивно понимать такие сведения буквально, так как многие из приведенных чисел в той или иной степени являются священными для индийской традиции. Кроме того, посчитать количество раннегосударственных образований для какого-то, даже не слишком значительного промежутка времени, кажется затруднительным: политическая карта ранних государств слишком быстро склонна менять свой облик. Наконец, в силу характера имеющихся в нашем распоряжении источников это попросту невозможно сделать. Но важен сам факт существования государственной власти, а также ряд названий, повторяющихся в самых разных текстах.

Середина I тысячелетия до н.э. – время радикальных перемен не только в социально-экономической и политической сферах, но и в мировоззрении. С одной стороны, уже в поздневедийской религии постепенно обозначились новые черты, о чем шла речь выше. С другой – рассматриваемый период неслучайно называют «эпохой идейных брожений» – в это время сформиро-

вался целый ряд религиозно-философских учений, изначальный посыл которых в корне отличался от идеологии ведийской эпохи.

Прежде всего, новыми учениями ставилась под сомнение значимость основы основ ведийской культуры – ритуалистики. С точки зрения традиции эпохи вед, участь человека после смерти определяется количеством богатых жертвоприношений, совершаемых как им самим при жизни, так и его потомками после его смерти. Отныне же действенность ритуалов существенно проигрывала перед должным поведением индивида – почтительным отношением к старшим, щедростью, благочестием, непричинением вреда живым существам и т.д. В соответствии с той же логикой, существенно меньшее внимание уделялось происхождению и положению человека – т.е. его варновому и кастовому статусу, родовитости, состоятельности и т.п. Основой идеологии новых религиозных течений оказывалась этика, мораль – единая для всех и для каждого представителя социума. При этом перед лицом высших сил предстал именно конкретный человек, а не коллектив – община, племя и прочее. Это сближало новые учения с воззрениями, оформлявшимися в тот же период в других культурах древнего мира и в полной мере воплотившимися позднее в религиозных учениях эпохи эллинизма. Наконец, отрицание действенности ритуалов существенно снижало значение жрецов, как монопольных хранителей культовых традиций и единственных посредников между богами и людьми.

В Индии в рамках идей такого рода оформилось, вероятно, значительное число философских учений, основная часть которых нам известна лишь по косвенным упоминаниям в памятниках более поздних периодов. В сущности, из «живых свидетелей» эпохи «идейных брожений» сохранились лишь буддизм и джайнизм.

Ранний буддизм – классический вариант «пророческой религии», в которой фигура основателя, проповедника занимает главенствующее положение. Согласно традиции, основоположником буддизма считается *Сиддхартха Гаутама*, сын вождя племени шакьев из предгорья Гималаев (совр. Непала). Первоначально Сиддхартха вел жизнь, полагающуюся человеку его происхождения (и даже, согласно традиции, прославился как прекрасный стрелок из лука). Однако затем он оставил жену и сына, покинул дом и обратился к подвижничеству. После длительных странствий и духовных поисков, когда однажды Сиддхартха заснул в тени большой смоковницы, на него низшло озарение – откуда и происходит слово *Будда* (букв. «Просветленный», «Пробудившийся»). В своей первой проповеди, произнесенной в Оленьем парке вблизи Варанаси, он изложил основу *дхармы* – своего учения.

Буддийская философия рассматривает человеческую жизнь как страдание, причина коего состоит не только в болезнях, невзгодах и настигающей каждого смерти, но и в вечном стремлении к лучшей доле в этой жизни и к лучшему рождению – в следующей. Избавлением от страданий может явиться лишь полный отказ человека от земных страстей и привязанностей, разрыв всех традиционных связей, родовых, кастовых, племенных, и переход к образу жизни *бхикшу* – нищенствующего буддийского монаха. В первоначальном буддизме только буддийскому монаху было обещано спасение – разрыв круга перерождений и достижение высшего блаженства, *нирваны* (букв. «угасание»). Бхикшу составляли *сангху* – буддийскую общину, одну

из трех, наряду с самим Буддой и его учением (*дхармой*) – драгоценностей буддизма.

Зародившийся и развившийся в тех же культурно-исторических условиях, что и ранний буддизм, *джайнизм* имеет много общих с ним черт, включая сходство в биографиях основателей. *Вардхамана Махавира* (или Джина, букв. «Победитель»), так же как и Сиддхартха покинул дом и семью и после долгих исканий достиг просветления. Как и в раннем буддийском учении, в джайнизме спасение обещается лишь тем, кто порвал все традиционные связи, обратившись к жизни подвижника. Пожалуй, большее значение джайны придавали идеям *ахимсы*. Кроме того, джайнское учение, в отличие от буддийского, рассматривало аскетические подвиги как действенный способ достижения нирваны.

В середине I тысячелетия до н. э. политическая история Северной Индии определялась борьбой за преобладание в регионе между несколькими государствами – Магадхой, расположенной в среднем и нижнем течении Ганга (в основном территория совр. штата Бихар), лежащей по соседству Кошала, Ватсой в междуречье Ганга и Джамны и, наконец, Аванти со столицей в г. Уджаин. Победителем из борьбы вышла Магадха.

Ранняя история этой области известна крайне плохо. Однако сам топоним и отрывочные сведения о регионе встречаются уже в «Атхарваведе», затем в брахманической прозе. Правда, ведийская традиция, носители которой локализовались прежде совершенно в иной части Индии, негативно отзывалась о Магадхе, как области, в которой не следует жить ариям. По мере продвижения арийских племен на восток в направлении долины Ганга менялось и отношение к восточным территориям.

Стремительное развитие региона не в последнюю очередь объясняется его выгодным географическим положением и природными условиями: обилием природных ископаемых (прежде всего железной руды), полноводными реками, пригодными для судоходства и удобными для ирригации, плодородными почвами – все это привело к интенсивному развитию торговли, земледелия, ремесла в регионе.

До середины IV в. до н.э. в нашем распоряжении имеются лишь весьма своеобразные тексты индийской традиции, более чем скудные археологические материалы и данные античных авторов, полученные через «третьи руки» от персов, не заходивших дальше крайних северо-западных областей Индии. Однако в 327 г. до н.э. Александр Македонский начал свой знаменитый восточный поход (см. с. 517), благодаря которому впервые в распоряжении античной традиции оказался целый комплекс сведений о сказочной стране, лежащей на краю света*, предоставленных очевидцами – спутниками и соратниками знаменитого полководца. Правда, маршрут Александра ограничился лишь бассейном Инда, однако сведения его сподвижников, содержащие некоторые данные не только о северо-западном регионе Индии, но и о восточных землях, безусловно, заслуживают пристального внимания.

Взорам греко-македонян предстала территория, уже не зависящая от персов и совершенно разрозненная с политической точки зрения. В Северо-Западной Индии существовало три относительно крупных и, видимо, более

* Речь идет о пустыне Тар.

или менее стабильных государства: на крайнем западе царство Таксила (Такшашила, центр области Гандхара), восточнее – владения могущественного царя Пора (инд. Паурава – т.е. «происходящий [из рода] Пуру» – древний род арийских вождей, упоминаемый еще в Ригведе), на севере – владения некоего Абисара (вероятно от пуранического этнонима «абхисара»). Записки спутников Александра указывают на сложные взаимоотношения между тремя этими государствами. Остальные же упоминаемые ими правители, по-видимому, были лишь мелкими царьками, не имеющими реального политического влияния в регионе.

Известно, что, еще находясь в бассейне Инда, Александр получил сведения о могущественном царстве, лежащем далеко на востоке, управляемом неким богатым, но низкороджденным и потому всеми презираемым царем. Не имея возможности продолжать поход, Александр отказался от перспектив войны с неизвестным правителем, оставил на северо-западных территориях (Панджаб и Синд) часть своих гарнизонов и нескольких наместников для управления областями и двинулся на юг с целью достигнуть Океана. Однако сведения о далеком восточном царстве, переданные его спутниками в своих записках и сопоставленные впоследствии с данными индийской пуранической традиции, стали отправной точкой для специалистов при попытках установить хронологию древнеиндийской истории. Очевидно, что речь идет о последнем царе магадхской династии Нандов,

Хронология правления царей этой династии, в сущности, неизвестна, равно как и их количество. Однако некоторые общие моменты, чрезвычайно важные для изучения истории региона, пураническая традиция связывает именно с Нандами. В полном соответствии с данными античных источников находится утверждение, согласно которому происхождение династии – низкое, шудрянское. Однако, несмотря на столь негативную оценку, видимо, именно в правление Нандов впервые весь бассейн Ганга оказался под единой политической властью. Образовалось государство, правитель которого опирался уже не на родовую аристократию и племенное ополчение, а на аристократию служилую и профессиональное наемное войско. Специфика источников не позволяет отчетливо представить себе облик этого первого более или менее крупного государства Индии. Однако тот факт, что непосредственными наследниками государства Нандов стали Маурьи, свидетельствует о важности этой плохо известной нам страницы индийской истории. Безусловно, именно Нанды заложили ту основу, на которой впоследствии было выстроено маурийское государство с центром в той же Магадхе. Связь между династиями Нандов и Маурьев устанавливается даже легендарной традицией: от многочисленных описаний всевозможных коллизий при попытках будущего первого правителя Маурьев свергнуть нандского царя с престола и вплоть до необоснованных попыток рассматривать его как родственника Нандов.

Воцарение Маурьев оказывается одновременно связанным и с историей похода Александра, и с обстоятельствами падения Нандов. Судя по данным источников, возвышение основателя династии Чандрагупты, о происхождении которого приводятся весьма противоречивые данные, произошло на волне антимакедонского движения в Панджабе. После ухода с этой территории в 317 г. до н.э. греко-македонян ему удалось подчинить ее своей власти и

использовать в качестве плацдарма для дальнейшего продвижения на восток в сторону бассейна Ганга. Подробности этой военной кампании неизвестны ни античным, ни индийским источникам. Результат ее таков: Нанды были свергнуты, и ок. 317–316 г. до н.э. произошло помазание Чандрагупты на царство. Начался период правления в Магадхе династии Маурьев.

ДИНАСТИЯ МАУРЬЕВ

Данных о правлении Чандрагупты и его сына Биндусары у историков крайне мало. Согласно пуранической традиции, каждый из них правил около четверти века. И Чандрагупта, и Биндусара, скорее всего, вели активную завоевательную политику. При первом из них в состав государства вошла значительная часть земель индийского севера. При Биндусаре предположительно были присоединены земли Западного Декана. По крайней мере, уже в период правления третьего царя династии, Ашоки, воевавшего лишь на восточном побережье, все эти области находились под властью правителя Магадхи.

И Чандрагупта, и Биндусара имели, вероятно, довольно широкие дипломатические сношения с государствами эллинистического мира. Так, с именем первого маурийского правителя связано пребывание в Паталипутре Мегасфена, посла Селевкидов, благодаря чему в античную традицию пришла вторая после сочинений спутников Александра волна достоверных сведений о далекой Индии. Труд Мегасфена, как и записки спутников македонского царя, не сохранился, однако его данные – о природе и народностях Индии, о социальном устройстве и облике столицы Маурьев – на протяжении многих лет и даже веков повторялись более поздними авторами (Страбоном, Аррианом и другими) и дошли таким образом до наших дней. Связи с эллинистическим миром (Птолемеевским Египтом) поддерживал и наследник Чандрагупты Биндусара. Впрочем, тесные контакты Индии с Западом сохранялись очень недолго. После образования во второй половине III в. до н.э. Парфянской державы они были прекращены. Поэтому во II в. н.э. грекоязычный автор Арриан, подданный римского императора Адриана, повторяет все те же сведения Мегасфена, описывая тем самым Индию пятисотлетней давности.

Наибольшую известность приобрел третий царь Маурийской династии, которого буддийская традиция называет Ашокой. Его правление до сих пор считается в Индии «золотым веком» истории. Сведений об этом царе неизмеримо больше, нежели о любом другом правителе эпохи Маурьев. Интересно, все же, то, что столь яркая фигура присутствует лишь в памятниках местной традиции. Античным источникам внук Чандрагупты был неизвестен вовсе. По крайней мере, ни одного упоминания его имени в греческих текстах нет.

В распоряжении историков имеется две группы источников, освещающих правление Ашоки: тексты буддийской традиции и памятники эпиграфики. Первая группа памятников хронологически относится к гораздо более позднему времени. Один из любимых героев буддийской традиции, Ашока чаще всего предстает в двух ипостасях, последовательно сменяющих одна другую: Чандашока («Жестокий Ашока») и Дхармашока («Праведный Ашо-

ка», каковым царь становится после обращения в буддизм). Чисто фольклорные сюжеты, составляющие основу легенд об этом царе, практически не дают никакой информации о реальном времени его правления, но в большей степени отражают особенность буддийской этики и мировосприятия.

Совершенно иначе выглядит материал, предоставляемый эпиграфическими памятниками (так называемыми эдиктами, или надписями Ашоки), которые, определенно, являются источниками, для Индии уникальными и в силу своего количества, и исходя из особенностей содержания. Практически все сведения, имеющиеся сегодня у историков о государстве Маурьев, почерпнуты из надписей Ашоки, или, как он сам себя называет в надписях, царя *Пиядаси* (санскр. Приядарши).

Прежде всего, эти тексты синхронны времени правления Ашоки и, что для Индии большая редкость, твердо датируемы. Установить хронологию их создания позволяет и то, что каждая из них имеет четкую внутреннюю датировку — указание на количество лет, прошедших со времени помазания царя Пиядаси; и упоминания эллинистических правителей, царствования которых, очевидно, были синхронными правлению самого Ашоки. По сравнению с эпиграфикой позднейшего времени надписи царя Пиядаси гораздо более развернуты и представлены в огромном количестве копий. Составленные на разных языках и диалектах Индии, они предоставляют бесценный эпиграфический материал, позволяющий реконструировать этнолингвистическую ситуацию в Индии конца I тысячелетия до н.э.

Наконец (и с этого, пожалуй, следовало начать), составлявшие в царской канцелярии в Паталипутре надписи — это первые эпиграфические памятники Индии, и даже более того — первые письменные памятники (если не считать коротких надписей на хараппских печатях). Вопрос о происхождении индийской письменности крайне интересен и окончательного ответа, похоже, до сих пор не имеет. Однако есть все основания полагать, что

«Львиная капитель» колонны Ашоки.
Сарнатх. Середина III в. до н.э.

письмо *брахми*, которым записана большая часть текстов (т.е. всех, кроме тех, которые были обнаружены в северо-западных областях державы), имеет местное, искусственное и довольно позднее происхождение. Вряд ли оно появилось существенно ранее самих эдиктов. «Брахми» является письмом слоговым; и визуально, и типологически значительная часть современных индийских алфавитов восходит именно к нему.

Кроме «брахми» в северо-западных областях державы использовалось письмо «кхароштли», происходившее от арамейского алфавита, а также само арамейское письмо и греческий алфавит (для записи арамейских и греческих переводов текстов). Никаких прямых или косвенных данных, подтверждающих существование системы письма и тем более письменной культуры в Индии до правления Ашоки в настоящее время не выявлено (если опять же не брать в расчет эпоху Хараппы).

С надписями Ашоки связано и появление в Индии I тысячелетия до н.э. изобразительной традиции, утраченной после гибели Индских городов. Многие из надписей сопровождаются скульптурными изображениями существ и символов, знаковых для буддийского учения – льва, слона, быка, колеса, лотоса и т.д. Стилистика изображений отчетливо говорит о греко-персидском влиянии, под воздействием которого происходило становление индийской скульптуры.

Наконец, очевидно, в правление царя Пиядасы в Индии, многие века не знавшей традиций храмового строительства, появляются первые архитектурные памятники культового назначения. По крайней мере, вероятно, при Ашоке была заложена одна из самых знаменитых и древних буддийских ступ – в Санчи.

Надписи Ашоки составляют несколько серий, различающихся по времени создания и общему содержанию. Выделяются так называемые большие наскальные эдикты, малые наскальные эдикты, колонные эдикты, специальные эдикты, а также надписи, составленные по особым случаям (как, например, дарение пещер общине адживиков). Формой и стилем они, вероятно, представляли собой своеобразную ритмизованную прозу. Это, а также ряд пассажей в самих текстах, указывают на то, что надписи были предназначены для публичной декламации под звуки барабанов перед подданными великого государя.

Все надписи хронологически связаны с комплексами царских ритуалов – начиная с помазания на царство и заканчивая проводившимися с ведийской эпохи регулярными церемониями, направленными на обновление царства и омоложение царя. Но в то же время, сами тексты номинируются как своего рода нравственные наставления, приобщение к которым – это более действенный эквивалент совершения обрядовых действий. Древние ритуалы, таким образом, утрачивают свою значимость по сравнению с самой царской проповедью, изложенной в надписях Пиядасы (Ашоки).

Стержневым понятием этой проповеди оказывается *дхарма*, слово, которое в греческих надписях переводится как «благочестие». Однако, очевидно, что последним значением толкование его не может исчерпываться. В сущности, в дхарме Ашоки сливаются воедино и традиционные воззрения, типичные для индийской культуры, и элементы буддийской этики, и еще шире, ряд положений, отражающих общие тенденции в религиозных учени-

ях эллинистического Востока. Сам царь именует эти принципы «древним правилом», подчеркивая тем самым, что ничего нового в положениях, содержащихся в надписях, нет. В сущности, дхарма – это ряд моральных требований, имеющих религиозное основание. Среди таковых – неубиение живых существ, послушание по отношению к старшим, почитание брахманов и прочих «святых людей», совершение дарений и тому подобное. Соблюдение этих простых принципов, согласно словам Пиядаси, делает доступным небесное блаженство не организаторам крупных ритуалов (представление, характерное для ведийской эпохи), но любому человеку, независимо от его социального статуса и имущественного положения. Царь же, проповедующий перед людьми, вместо того чтобы играть веками полагавшуюся ему роль доблестного воина-кшатрия, приобретает особое нравственное значение – роль духовного наставника.

Идея заботы о благе каждого конкретного человека – элемент этических учений эллинистической эпохи вообще, отличающий их от основных принципов более древних вероучений, ориентированных не на духовное благополучие индивида, а на благоденствие целого коллектива – племени, общины, царства и т.д. Таким образом, идеи, на которых строятся надписи Ашоки, с одной стороны, аккумулируют в себе ряд представлений, типичных для индийской традиции, с другой – находятся в полном соответствии с «веяниями времени».

Благодаря надписям Ашоки в общих чертах воссоздается облик первого в истории Индии крупного и относительно целостного государства. Прежде всего, места их обнаружения в большей или меньшей степени рисуют перед нами его территориальные рубежи (если допускать, что надписи размещались лишь в пределах государства). Важнейшее политическое значение имела Магадха. Не случайно в тексте эдиктов Ашока именует себя царем именно этой области. Остальные территории на разных правах и с разной степенью зависимости от центра существовали более или менее самостоятельно. Раз в несколько лет (в зависимости от величины, удаленности и значимости провинции – раз в три года или в пять лет) из центра в те или иные области государства направлялись чиновники, чей задачей являлось инспектирование дел на местах. Судя по текстам эдиктов, контроль центра над периферией был весьма условный. Не похоже, чтобы в этом государстве существовала четкая система налогообложения, единство мер и весов, подобие общегосударственного языка, тем более единая монетная система. Наблюдается и исключительная пестрота в административном делении и организации местного управления. Более того, очевидно, что с относительно развитыми областями чередовались земли, населенные полудикими народами, представлявшие собой своего рода внутреннюю племенную периферию.

Крупная держава, таким образом, при внимательном прочтении источников предстает перед нами весьма рыхлым и аморфным образованием. Реальной властью верховный правитель по всей вероятности обладал лишь на своих исконных землях – в Магадхе. Потому не исключено, что во время упомянутых выше инспекционных объездов провинций чиновникам приходилось от раза к разу напоминать местным жителям, в каком государстве и под властью какого царя они живут.

Однако нельзя в то же время и недооценивать ту роль, которую государство Маурьев сыграло в истории Индии. Совершенно очевидно, что более развитые области региона оказали позитивное влияние на развитие областей более отсталых – и в культурном, и в экономическом, и в политическом отношении. Однако этот момент оказался, в сущности, «палкой о двух концах». По мере ослабления центра и развития и усиления периферийных областей державы в последних появляются предпосылки к отделению от государства Маурьев и созданию собственных династий.

О последних годах правления Ашоки есть сведения лишь в относительно поздней буддийской традиции. Судя по всему, внутри династии происходили постоянные конфликты, прежде всего в отношении фигуры потенциального наследника престола, из чего следует, что четкой системы престолонаследия просто не существовало. Ослабление влияния самого царя на фоне усиления позиций части его приближенных нашло выражение в сюжетах буддийских легенд, согласно которым в конце жизненного пути праведный Ашока вовсе утратил власть и даже не имел возможности пользоваться царской казной для благочестивых деяний – дарений буддийским монахам.

О последних правителях Маурийской династии известно крайне мало. Противоречия данных буддийской и пуранической традиций не позволяют даже с уверенностью говорить о том, кто и в какой последовательности правил государством. После смерти Ашоки династия продержалась на престоле не более полувека. Ок. 180 г. до н.э. государство Маурьев прекратило свое существование.

Причины гибели этого первого крупного государства стоит искать в самой его сущности. Аморфное образование, номинально охватывающее огромные территории, но не имеющее единой административной системы и, скорее всего, на местах даже не осознающее себя единым государством, в любом случае не могло функционировать длительное время. Однако, как уже было сказано выше, этот краткий период стал тем катализатором, который во многом определил дальнейший ход истории для многих индийских регионов.

КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Последние два века I тысячелетия до н.э. и начало новой эры оказались для Индии своего рода узловым периодом истории. С одной стороны, в литературе это время справедливо называют «темными веками» – по контрасту с предшествующей эпохой сведений о нем крайне мало, они необычайно противоречивы и запутанны. С другой – последующие века индийской истории отчетливо демонстрируют, что именно в это время происходило становление многих знаковых для индийской цивилизации черт.

К началу новой эры мы можем предполагать существование развитой кастовой системы, сходной с современной. В тесной связи с этим находится и то, что доминирующую роль в идеологической сфере начинают играть различные направления индуизма, постепенно оттесняя буддизм, а впоследствии и вытесняя его за пределы Индийского субконтинента. К этому времени относится формирование собственно индийских изобразительных традиций,

не претерпевавших в дальнейшем существенных изменений вплоть до прихода мусульман. Происходит постепенное складывание письменной культуры. Это выражается и в увеличении количества нарративных источников, в том числе документальных, и в начавшемся процессе письменной фиксации ведийских, эпических и буддийских текстов, до сего времени веками существовавших в устной форме.

Наконец, к этому времени относится появление важнейших памятников индийской литературы (причем, изначально существующих в виде письменных текстов и не прошедших периода изустной передачи), таких как «Архашастра Каутильи», «Дхармашастра Ману» и т.д. Среди традиционно не имевших автора (в современном понимании этого слова) памятников литературы появляются первые бесспорно авторские произведения – и дидактические, и художественные. Все это свидетельствует не в последнюю очередь о коренных переменах в мировоззрении.

Начало новой эры – время активизации внутренней и внешней торговли не только с другими регионами Востока (странами Юго-Восточной Азии), но и с Римской империей. На территории Индии даже существовали постоянные фактории греко-римских торговцев. Таким образом, Индия выходит из той изоляции, в которой она оказалась после появления в III в. до н.э. Парфянской державы – буфера на пути к западному миру. Одновременно сама политическая история этого периода привела к сосуществованию бок о бок индийцев и «восточных греков» – греко-бактрийцев. Именно эти контакты оказали существенное воздействие на самые разные стороны индийской жизни, причем не только на севере региона, но и на юге. Под влиянием греко-бактрийцев в Индии появился монетный чекан, сформировались определенные вкусы в изобразительной традиции, градостроительные технологии и т.д. Расцвет торговли как внутренней, так и внешней, поспособствовал подъему городов и сосредоточенных в них ремесел. В сущности, именно в это время формируется городская культура как таковая, плохо вычленяемая в предшествующих пластах индийской истории.

После гибели Маурийского государства с центром в Магадхе для Индии начинается длительный период политической нестабильности. Кратковременные правления следующих за Маурьями династий индийского Севера плохо отражены в источниках. А в северо-западных областях на это время приходится бесконечная череда вторжений иноземцев, что отчасти было обусловлено общей этнополитической ситуацией в азиатском регионе. Начавшееся постепенное перемещение с востока на запад гуннских племен привело к тому, что пришли в движение и другие народности, проживавшие на пути их следования и по соседству.

Первыми ок. II в. до н.э. на северо-западных границах полуострова появились греко-бактрийцы (в индийских источниках – *яваны*), теснимые ираноязычными племенами саков. Пришедшие в Индию греко-бактрийцы осели, главным образом, в Панджабе, образовав на его территории независимые от Греко-Бактрии царства с греческими правителями, которые, впрочем, довольно скоро переняли индийскую культуру. Столь причудливый синтез традиций породил примечательные памятники искусства, такие как скульптура знаменитой Гандхарской школы (см. рис. на с. 355).

Греко-бактрийские монеты:

1 – Евкратид (об.: Диоскуры); 2 – Евтидем (об.: Геракл); 3 – Антимак (об.: Посейдон). II в. до н.э.

Анализ нумизматического материала (имен отдельных правителей, изображений на монетах и т.п.), едва ли не самого информативного источника по истории периода, дает лишь самые общие сведения о политической и культурной ситуации в регионе. Однако в некоторых случаях полученные данные находятся в соответствии с индийской легендарной традицией. Так, к примеру, встречающееся на монетах имя царя Менандра, очевидно, соответствует имени героя одного из знаменитых памятников буддийской литературы «Милинда-панха» о беседе царя Милинды (Менандра) с мудрецом Нагасеной и о последовавшем в результате обращении правителя в буддизм. Эта легенда вполне согласуется с данными иных источников, позволяющими говорить о постепенной индианизации осевших в Южной Азии греков.

Ситуация в регионе еще более усложнилась, когда вслед за греко-бактрийцами на рубеже II–I вв. до н.э. примерно в тех же областях появились теснимые гуннами и уже упомянутые выше саки (*шаки*) – этнически довольно разнородная группа, основу которой, тем не менее, составляли ираноязычные племена. Сакские мигранты также осели в районе Панджаба и образовали на его землях несколько индо-сакских царств. При этом, в некоторых регионах эти царства существовали синхронно с индо-греческими, а в иных даже поочередно сменяли друг друга. Эти процессы историкам удастся восстановить главным образом по данным нумизматики, так как в индийской традиции они почти не нашли отражения.

Еще более поздние монеты, относящиеся примерно к рубежу нашей эры, указывают на появление следующей волны пришельцев, занявших земли по соседству с греками и саками (чуть южнее и западнее), – парфян. Парфянские завоеватели основали свои царства в непосредственной близости от индо-греческих и индо-сакских. Правда, наличие лишь нумизматического

материала вносит путницу: часто кажется невозможным установление точной последовательности и хронологии правления царей, а в ряде случаев и их количества (если допустить существование в царских династиях тезок). В то же время, имена некоторых парфянских царьков в Индии известны не только по монетам. Так, особый интерес представляет некий Гудахварна (Гондофар), правитель Таксилы, чье имя встречается в знаменитом сирийском тексте «Деяния Святого Фомы». Согласно этому памятнику, Гондофар был обращен в христианскую веру Фомой – вплоть до настоящего времени наиболее почитаемым в Индии христианским святым. Косвенным образом этот памятник является подтверждением тесных связей и постоянных контактов Индии и Римской империи.

Наиболее проблемной является хронология правления царей из последней в этой череде волны завоевателей, происходящих с территории Кушанской державы – государства, центр которого располагался в Центральной Азии в районе Бактрии, а среди этнически пестрого населения преобладал ираноязычный компонент. Кушанская культура представляет собой интереснейший феномен, поскольку развивалась под сильным влиянием одновременно и греков, и Ханьского Китая, и отчасти Рима. В самой Индии эпоха Кушан – время отчетливого религиозного синкретизма.

В исследовательской литературе прошлых лет время появления завоевателей под предводительством кушанского правителя Кадфиза в Индии варьируется в пределах 300 лет – от I до IV в. н.э. Анализ эпиграфического материала (надписи из Рабатака) показывает, что время правления Канишки – четвертого царя династии – должно относиться к первой половине II в. н.э. Нумизматические и эпиграфические данные подтверждают, что кушанские правители захватили значительные территории не только на индийском северо-западе: под властью Канишки находились еще более удаленные области – едва ли не большая часть долины Ганга. Впрочем, в слоях некоторых периодов кушанские монеты обнаруживаются и на более далеких территориях – вплоть до Ориссы. В этом случае допустимо, скорее, предполагать наличие широких торговых связей Кушан.

Наиболее значимой фигурой среди кушанских правителей, бесспорно, является уже упомянутый выше герой буддийской традиции – Канишка, которому приписывается, в частности, проведение IV собора. Впрочем, возможно, эти сведения носят чисто легендарный характер. Однако бесспорным является то, что именно в это время буддизм широко распространяется за пределами своей родины, в странах Центральной и Восточной Азии, и превращается, по сути, в мировую религию.

Последовательность и хронология правления царей после Канишки еще менее ясна. Скорее всего, во время царствования его преемников Васишки и Хувишки Кушаны по-прежнему сохраняют в составе своей державы обширные индийские территории. Однако, вероятнее всего, во многих областях реальная власть принадлежала местным династиям, лишь номинально признававшим кушанского царя. Подробности политической истории поздних Кушан практически неизвестны. Вероятно, они постепенно утрачивали свои владения в Индии, сохранив, в конце концов, власть лишь на землях Кашмира и Гандхары. К концу III в. н.э. значительная часть прежде кушанских территорий оказалась в составе иранской державы Сасанидов.

Очевидно, со временем происходила все большая индианизация Кушан. Они же сами, в свою очередь, оказали явное влияние на политическую культуру южноазиатского региона. По крайней мере, многие черты государственного строя сложившейся позднее державы Гуптов были заимствованы именно у Кушан. Слава кушанских царей была столь велика, что многие правители вплоть до мусульманской эры стремились возводить к ним свои династические родословия.

Столь же очевидно кушанское влияние и на экономику Индии. Обширные торговые связи не только внутри южноазиатского региона, но и далеко за его пределами – со странами Европы и Азии, в том числе по проходившему через территорию Кушанской державы Великому шелковому пути, во многом поспособствовали росту и процветанию индийских городов.

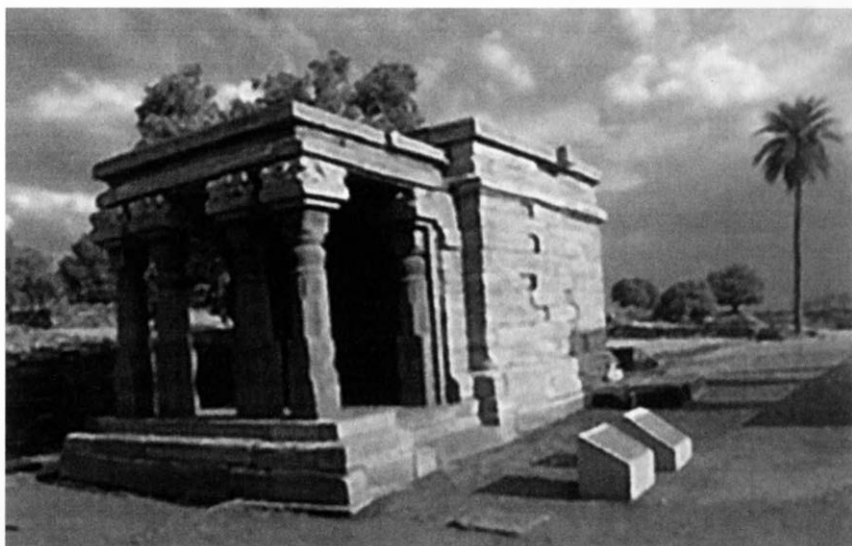
Город и деревня. Появление развитой городской культуры в Индии этого времени фиксируется и на материалах археологии, и в литературной традиции. Археологические раскопки демонстрируют изменение облика индийского города. Каменное строительство становится явлением не исключительным, как в предшествующий период, а массовым.

Формируется городской социум. В городах концентрируются ремесленники и торговцы, образуя некие сообщества (*ганы, сангхи*), подобные средневековым гильдиям. Эти гильдии, как правило, имеют собственные традиции, религиозные праздники, собственные культы. Каждое такое ремесленное или торговое сообщество воспроизводило само себя, поскольку являлось эндогамной единицей, в которой род деятельности передавался по наследству. Руководители этих сообществ входили в органы городского самоуправления.

В эту эпоху складывается особый тип культуры – городской, с особым образом жизни, присущим светскому человеку, городскому жителю, отличающим его от остальной массы грубого сельского населения. Образ такого утонченного эстета проникает и в дидактическую литературу: в частности, именно к нему адресует свои наставления знаменитая «Камасутра». Отныне именно горожанин выступает выразителем изысканных вкусов, носителем куртуазных традиций. В этот же период формируется городская проза (классическим примером которой являются басни «Панчатантры») и городская драма (к примеру, «Глиняная повозка» Шудраки). Героями этой литературы выступают именно горожане. Тот тип городской культуры, который сложился в эпоху «темных веков», сохранялся в Индии вплоть до эпохи раннего средневековья.

Жизнь сельского населения традиционно регулировалась соседской общиной. Сельская община в Индии и сегодня, и в древности имеет массу региональных особенностей. Однако древние источники не всегда позволяют выявлять их. Лучше известен облик общины Северной Индии.

Сразу необходимо оговориться: при работе с индийским материалом приходится четко различать понятия «деревенское сообщество» и «сельская община». Состав всего деревенского населения по пестроте мало уступал городскому – полноправные собственники земли, наследственные арендаторы, представители разных ремесленных специальностей, торговцы и прочие. Однако в состав общины входили лишь лица, обладающие правом наследственной собственности на земельный участок. Общинная земля, как, скажем, и в

Гуптский храм. Сарнатх. IV в. н. э.

греческом полисе, делилась на земли, находившиеся в руках землевладельцев, и на общественный фонд, состоявший из пастбищ, оврагов, пустошей и т.д. Вся полнота политической и экономической власти находилась в руках представителей так называемой доминирующей касты – наиболее массово представленной кастовой группы землевладельцев.

Членство в общине означало для человека наличие определенных прав и обязанностей. Общинник (*саманта*, букв. «сосед») принимал участие в проводимых на благо поселения общественных работах (строительство плотин, мостов, ремонт дорог и т. п.), лично или денежными и натуральными взносами помогал общине. Саманта имел преимущество при покупке земельных участков на общинной территории. Низы деревенского сообщества составляли неполноправные работники, батраки, кабальные должники и рабы. Основной критерий для выявления разницы между ними связан с темой касты, ибо принадлежность работника к той или иной кастовой группе накладывала ряд ограничений на возможности его эксплуатации. Лишь внекастовые люди, в том числе и чужаки, могли выполнять любые работы без ущерба для своего статуса.

Поземельные отношения начала новой эры представить существенно проще, нежели в предшествующую эпоху. Появление документов, прежде всего касающихся земельных пожалований, вносят ясность в суть вопроса. В классический период все больше становится документально засвидетельствованных фактов передачи земли и светским лицам, и религиозным учреждениям и служителям культа. Передача земли с сидящими на ней людьми, правом сбора налогов с них и правом вершить на этой территории правосудие говорит о становлении принципиально новых социально-экономических и политических отношений в регионе.

Касты. По всей вероятности, кастовая система начала складываться много раньше периода, о котором идет речь. Однако источников, позволяю-

щих проследить этот процесс, в распоряжении историков не имеется. В то же время, именно началом новой эры датируется ряд памятников дидактической литературы, содержащих богатый материал по кастовой проблематике. В силу своего жанрового своеобразия тексты эти не позволяют отчетливо представить себе генезис индийской кастовой системы, и, что особенно важно, региональную специфику каст. Однако общие положения в этих источниках отражены.

Индийская традиция твердо придерживается мнения о том, что касты (*джати*) произошли в результате межварновых браков, т.е. выводит институт касты из института варны. С одной стороны, эти два социальных института в реальности вряд ли произошли один от другого. С другой – вплоть до сего дня любая каста в Индии связывает свое происхождение с той или иной варной. Это, в частности, позволяет выявить отношение традиции к той или иной кастовой группе и оценить ее место в кастовой иерархии: чем выше статус условных «родителей» касты, тем выше ее место в иерархии.

Картина, рисуемая текстами начала н.э. и, по всей вероятности, существовавшая в предшествующие века, в целом соответствует представлениям о касте и в более поздние периоды индийской истории. Касты выступают строго эндогамными единицами, составляющими между собой определенную иерархию и предписывающими входящим в их состав лицам строго определенные традицией занятия и образ жизни, а также ряд ограничений в общении с другими кастовыми группами.

Низы кастового общества составляли неарийские племена, получившие в иерархии джати статус неприкасаемых. Среди чистых каст особую роль играли касты землевладельческие, обладавшие не только экономической, но и политической властью в регионах. Между кастовыми группами складывается особый род отношений, построенный на взаимном обмене услугами. Такая система создавала предпосылки для экономической самодостаточности каждой территориальной единицы, понижения в перспективе роли городов как центров торговли и формирования натуральной экономики – черт, присущих раннесредневековому обществу.

Религиозная ситуация кушанской эпохи, как уже говорилось, отличается чрезвычайной пестротой. Изображения на монетах содержат образы как Гелиоса и Геракла или Митры и Ахура-Мазды, так и Шивы с Нандином и Будды, что свидетельствует о сложном переплетении верований и традиций греческой, иранской и индийской культур. Кушанская эпоха – время оформления буддизма *махаяны*, признающего возможность спасения не только для буддийского монаха, но и для праведного мирянина, что предоставляло широкие возможности для распространения учения. Буддизм постепенно выходит за пределы Южной Азии, превращаясь в подлинно мировую религию. С именем покровителя буддизма Канишки связана активизация строительства буддийских монастырей и ступ. Кушанским периодом датируются буддийские произведения искусства знаменитой Гандхарской школы. Очевидно, однако, что пробуддийская религиозная политика Канишки непосредственно касалась лишь верхов общества. Основная масса населения исповедовала религию предков – постепенно оформляющийся индуизм со значительной примесью племенных верований. Ревностными индуистами, вероятно, были и некоторые представители кушанской династии.

ПОЗДНЯЯ ДРЕВНОСТЬ. ДЕРЖАВА ГУПТОВ

Политическая карта Северной Индии к концу III в. н.э. выглядит чрезвычайно пестро. На северо-западе региона еще существует династия Кушан, власть которых все больше слабеет и в конце концов ограничивается лишь территорией Панджаба. В Западной Индии гегемония принадлежит государству Западных Кшатрапов, династия которых, возможно, ведет свое происхождение от сакских правителей последних веков до н.э. Район междуречья Ганга и Джамны занимает ряд собственно индийских царств. Из пригималайских племен наиболее могущественным является клан *личчхавов*, населявших левобережье Ганга (территория совр. Непала) и, вероятно, имевших за спиной многовековую историю, так как, к примеру, буддийская традиция рассматривает их в качестве современников Будды. Наконец, длительное время доминировавшее на Декане царство Сатаваханов (династия Андхра), сменяется государством с династией Вакатаков во главе. Крайний юг занимают государства Паллавов и Пандья.

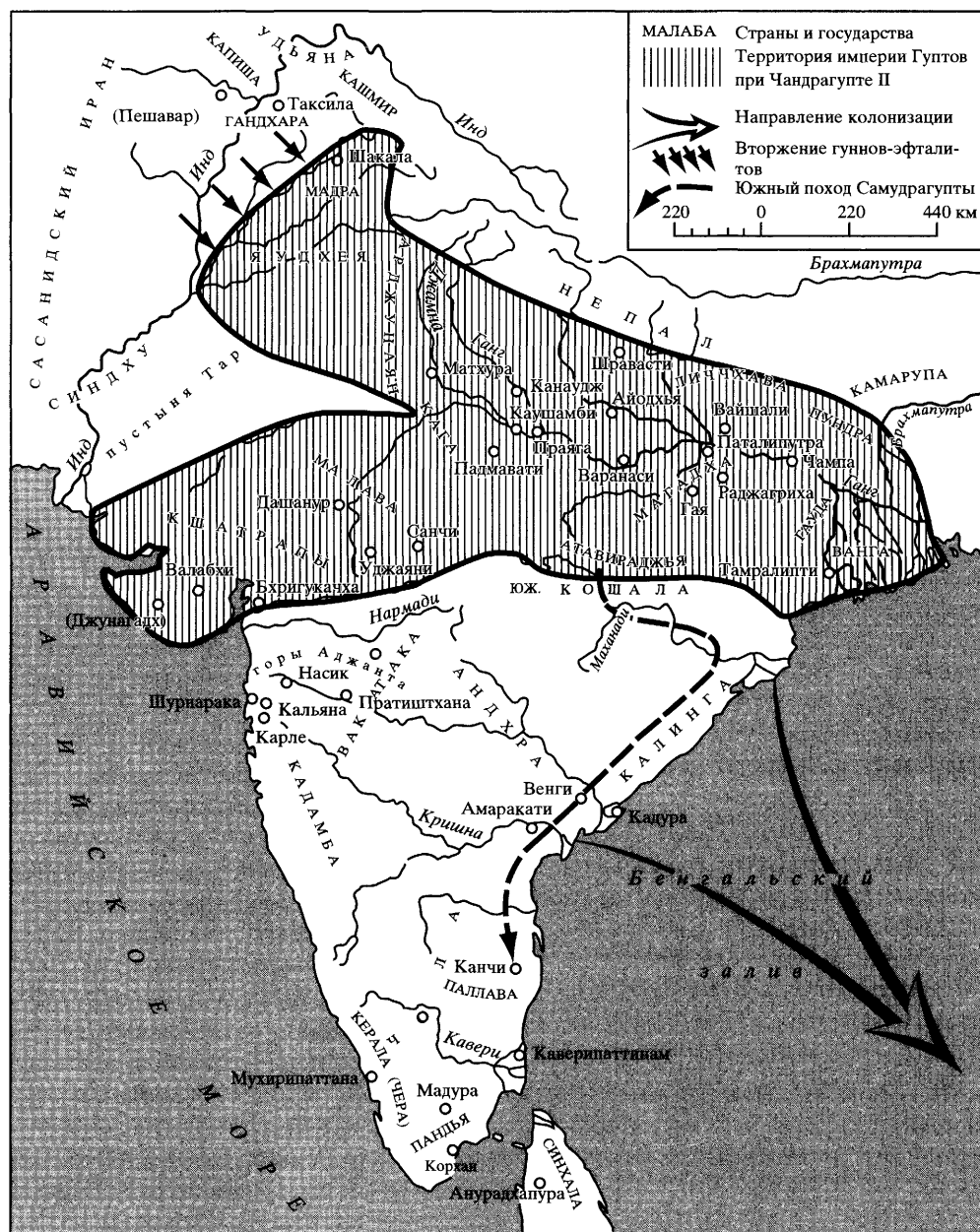
Постепенно в этой пестроте все отчетливее видно, что центром политической жизни севера вновь становится область Магадха. Территория последней к середине I тысячелетия н.э. находится под властью династии Гуптов. Более или менее достоверные сведения о государстве и самой династии относятся ко времени правления Чандрагупты I (который в надписях именует себя *махараджадхираджа* – «великий царь, царь царей»), от воцарения которого (ок. 319 г.) традицией начинается отсчет эры Гуптов.

Возвышение Чандрагупты во многом связано с заключением им выгодного брачного союза с принцессой пригималайского клана личчхавов. Соединение сил магадхского правителя и личчхавов, вероятно, и послужило толчком для укрепления государства и расширения власти Гуптов за пределы долины Ганга. Весьма показательно то, какое значение придавала этому браку индийская традиция. Изображение царицы Кумарадеви вместе с мужем помещалось на золотые гуптские монеты, а ее имя включалось в царские генеалогии.

Значительное расширение пределов Гуптской державы произошло при сыне Чандрагупты и Кумарадеви Самудрагупте. Общие направления его завоевательных походов известны благодаря знаменитой Аллахабадской надписи – поэтическому панегирику царю, составленному в соответствии с канонами стиля «кавья» придворным поэтом Харишеной. Согласно ее данным, при Самудрагупте были подчинены еще сохранявшие независимость области бассейна Ганга, земли в Панджабе и Раджастане. Кроме того, в надписи упоминаются и военные походы на юг – против правителя Паллавов.

Благодаря Аллахабадской надписи можно делать некоторые выводы и об облике державы. Скорее всего, под непосредственной властью царя были лишь области долины Ганга. Остальные же территории находились в большей или меньшей степени зависимости от центра и представляли, таким образом, скорее, вассальные и союзнические царства, нежели единое централизованное государство.

Золотой век Гуптской державы приходится на время правления Чандрагупты II. Об этой эпохе историки имеют более или менее определенные сведения благодаря весьма примечательному памятнику – панегирику в честь

Индия эпохи Гуптов

царя Чандры, записанному на железной колонне, стоящей в настоящее время в Дели вблизи от Кутб-минара. Интересно, что часть успехов Чандрагупты II также связана с выгодным династическим браком: дочь царя была выдана за правителя Вакатаков, наследника могущества Сатаваханов на Декане. Брачный союз, заключенный Чандрагуптой, поставил области Декана под контроль гуптских правителей. При нем же в Западной Индии была

окончательно уничтожена династия Западных Кшатрапов. Вероятно, определенное влияние Гупты приобрели и в районе Гандхары.

Таким образом, под властью правителей Магадхи сложилась обширная держава, простиравшаяся, в буквальном смысле слова, от моря до моря. Территории ее находились в разной степени зависимости – от областей, непосредственно подчиненных царю (Магадха), до вассальных и союзнических земель. Безусловно, именно Гуптская держава может рассматриваться как первое относительно централизованное государство в индийской истории. В этой связи, важно то, что к середине I тысячелетия до н.э. сформировалась и особая идеология царской власти. Применительно к более ранним периодам индийской истории представляется совершенно невозможным говорить об обожествлении верховного правителя. В гуптскую эпоху царь выступает как воплощение *локапалов* – хранителей мира, покровителей сторон света (Кубера, Индра, Яма, Варуна), и значит, отождествляется с богами.

События правления следующих за Чандрагуптой II царей известны не слишком хорошо. Однако есть основания полагать, что к началу VI в. н.э. Гуптское государство переживало сложные времена. По крайней мере, в это время север Индии стал легкой добычей для войск варваров, что вряд ли было бы возможным в период политической стабильности.

Эфталиты. На рубеже V–VI вв. н.э. Гуптская держава столкнулась с серьезной внешней угрозой, сыгравшей впоследствии роковую роль в ее судьбе. В середине V в. на земли Северо-Западной Индии вторглись полукочевые племена, именуемые в индийских источниках *хуна*. Речь идет о так называемых «белых гуннах», как они называются в византийских и сирийских текстах, противопоставляясь просто гуннам. (Прокопий Кесарийский пишет, что «белые гунны» – единственные из всех гуннов белы телом и не безобразны видом, они не живут звериной жизнью, а управляются царем и имеют собственное государство.) В китайских источниках они известны как эфталиты, родственные *юэчжам* (тохарам). Впервые их войска вторглись на территорию Индии еще ок. 475 г., но, потерпев поражение от армии царя Скандгупты, были вынуждены отступить. Примерно в то же время эфталитами было создано собственное государство, в состав которого вошли территории Средней Азии, Афганистана и Восточного Ирана. В дальнейшем оно играло роль плацдарма, с которого осуществлялись набеги на ближние и дальние азиатские области.

В самом начале VI в. эфталитский вождь Торамана проник со своими войсками в глубь Панджаба, а затем оттуда прошел до долины Ганга – вплоть до Каушамби, Варанаси и самого центра Магадхи. Неся с собой смерть и разрушения, войска эфталитов стерли с лица земли многие древние города, часть из которых так никогда уже больше и не возродилась (такова, к примеру, судьба центра Гандхары – древней Таксилы). Особо печальную славу приобрел сын Тораманы Михиракула, который, согласно тексту Гвалиярской надписи, «владел всей Индией». Очевидно, под его властью, и правда, находилась значительная часть североиндийских территорий.

Вскоре эфталиты были оттеснены на территорию Кашмира, где примерно к VII в. ассимилировались местным населением. Однако заслуга их изгнания, по всей видимости, принадлежала уже не гуптским царям, а пред-

ставителям местных династий, получивших импульс для самостоятельного развития в пору своего существования в рамках державы Гуптов.

Очевидно, что приход в Индию эфталитов во многом повлиял не только на этническую ситуацию (формирование общности раджпутов в эпоху раннего средневековья), но и на политическую историю Северо-Западной и Северной Индии. Политический строй раннесредневековых государств в этих областях ясно указывает на племенные отношения, царившие сравнительно недавно в среде их создателей.

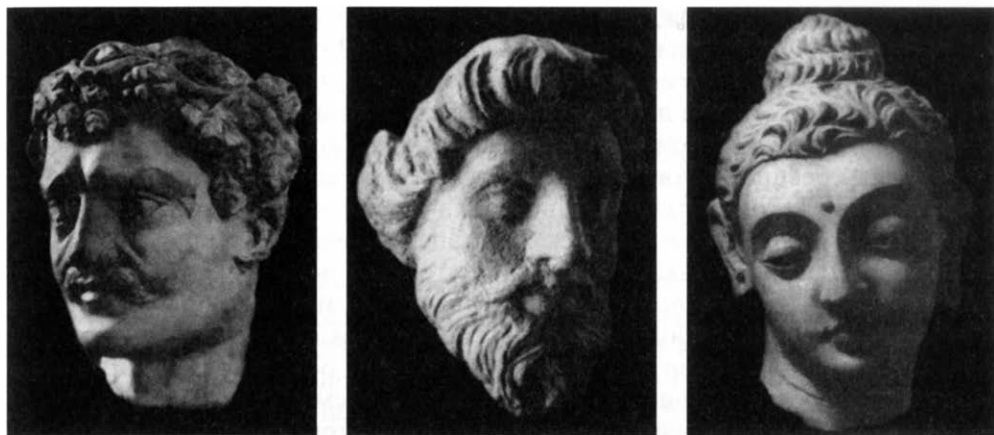
В эпиграфике этого времени постепенно нарушается существовавшая в эпоху поздней древности иерархия чинов и титулов. Наименования чиновников превращаются в титулы наследственных владетелей, а царская титулатура девальвируется. Так, к началу раннего средневековья древний титул «раджа» уже не только не являлся указанием на царственный статус его носителя, но и вовсе не обозначал человека, обладающего хоть какой-то реальной властью. В то же время наблюдается общее усложнение терминологии подчинения и иерархии власти. Такого рода изменения знаменуют собой наступление принципиально новой для Индии эпохи. Сходные процессы можно проследить и в других регионах – азиатских и европейских – на этапе перехода от древности к раннему средневековью.

Последовавший за приходом эфталитов общий упадок Северной Индии, политический и экономический, скорее всего лишь отчасти объясняется разрушительными последствиями варварского нашествия. Учитывая тот факт, что, скажем, упадок городов наблюдался даже в областях, которых не коснулся напрямую приход «белых гуннов», можно утверждать, что этот этап явился закономерным. Следующая волна урбанизации в Северной Индии будет связана уже со временем существования мусульманских государств.

Сами же Гупты какое-то время еще обнаруживаются источниками в Магадхе и в ряде других областей, где, вероятно, правители вели свое происхождение от Гуптов имперских. Но державы как таковой уже не существовало. В дальнейшем эпицентры политической истории Индии локализируются в иных областях, оставив Магадхе роль периферии.

Гуптская эпоха – знаковая веха в истории индийской культуры. Созданные в середине I тысячелетия н.э. памятники по сей день выступают как своего рода эталоны – будь то творчество Калидасы, научные сочинения, пещерная живопись Аджанты или скульптура. В гуптскую эпоху в дополнение к сформировавшейся в предшествующий период культуре городской формируется придворная культура – особого рода драматургия, изысканный поэтический стиль (кавья), отвечающие взыскательным вкусам придворной аристократии.

Эпоха поздней древности – время оформления классического индуизма. Правда, если верить запискам китайских паломников, в середине I тысячелетия н.э. буддизм еще не утратил своих позиций в Южноазиатском регионе. Однако определяющее значение для всех сфер жизни общества начинает играть именно индуизм. Причем не только среди простонародья, что в каком-то смысле было бы неново, но и в «высшем свете» – в придворных кругах. Именно индуизму отдавали предпочтение гуптские цари: данные эпиграфики свидетельствуют о поклонении правителей державы самым

Скульптура гандхарской школы

разным богам индуистского пантеона – Шиве, Вишну, Ганеше, Лакшми, Дурге и другим.

Ряд культурных новшеств поздней древности также связан с индуизмом. Так, к гуптской эпохе относится появление индуистского храмового зодчества. Как уже говорилось выше, ведийская религия не знала традиций возведения храмов. В догуптскую эпоху храмы и монастыри сооружались лишь буддистами и джайнами. Древнейший известный нам индуистский храм относится именно к V в. н.э. Небольшой, с плоской крышей и крыльцом с колоннами, он сильно отличается от башенных конструкций классической индуистской архитектуры, имея сходство, скорее, с бесхитростными скромными по декору рядовыми святилищами более позднего времени.

Само же оформление индуизма соотнести с каким-то определенным временем непросто. Сделать это крайне затруднительно, учитывая многогранность, многослойность и разнородность этой религиозной системы. А если понимать, что почвой, на которой из поздневедийской религии вырос индуизм, явились народные верования, окажется, что это практически невыполнимая задача. Очевидно лишь, что к началу средневекового периода (вторая половина I тысячелетия н.э.) индуизм сложился в том виде, в котором он, в общем и целом, существует по сей день.

Индуизм целиком состоит из бесчисленного количества сект и направлений, что зачастую препятствует определению его как единой религиозной системы. Нет никаких оснований предполагать за его древними формами большее единство. В самом деле, у него как не было, так и нет единообразного пантеона, не существовало единого для всех верующих священного канона, не сложилось единой церковной организации. Тем не менее ряд черт оказывается общим для верований всех индуистов – и древних, и современных. Так, ядром пестрого индуистского пантеона является *тримурти* – верховная триада богов: Брахма, Шива и Вишну. Культ Брахмы так и не получил широкого распространения. Большая часть индуистов рассматривает в качестве верховного божества либо Шиву, либо Вишну, являясь, таким образом, либо шиваитами либо вишнуитами. Уже в древности сложилось представление об

аватарах (разных нисхождениих или воплощениях богов так же, как и простые смертные, подверженных перерождениям). Возможность почитать одного бога в разных обликах, а также обилие у верховных божеств близких родственников, которым легко уподоблялись образы местных богов, делали индуизм крайне гибким для приспособления к любым культурным условиям и позволяли беспрепятственно распространяться, адаптируя любые верования и культы. Таким образом, происходила постепенная арианизация новых территорий – процесс, начавшийся еще в эпоху древности и продолжившийся в раннем средневековье. Это, с одной стороны, все более и более усложняло кастовую систему, пополняя ее самыми разными категориями неприкасаемых. С другой – все больше местных божеств включалось в индуистский пантеон в качестве аватар верховных индуистских богов.

Не имеющий священного канона индуизм рассматривает, тем не менее, некоторые тексты как священные, как высшие авторитеты для всех верующих. К таковым, безусловно, относились и относятся по сей день веды, эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», своды индуистских легенд и мифов – *пураны*. Кстати говоря, непосредственно перед началом гуптской эры и была записана «Махабхарата», к этому же времени окончательно оформились *пураны*. Существенным представляется следующий момент: в отличие от ведийской литературы ни эпос, ни *пураны* не являлись текстами элитарными, ориентированными лишь на дваждырожденных. Напротив, они были предназначены для самых широких слоев кастового населения. Это, так же как гибкость самой индуистской системы, открывало широкие возможности для дальнейшего распространения разных направлений этой религии по территории Южной Азии.

Культовая практика индуизма отличалась от ритуалов ведийской эпохи и традиций раннего буддизма, намеренно отвергающего всякого рода бессмысленные церемонии. На смену ведийскому жертвоприношению пришло совершение *пуджи* – торжественного поклонения изображению бога, которое сопровождалось поднесением цветов, благовоний, фруктов и т.п. Сама замена жертвоприношения на церемониальное поклонение совершенно соответствовала принципу ахимсы, доминирующему в индуистской идеологии. Однако изменилось и понимание ритуала. Он превратился в яркое зрелище – упор делался на внешнюю сторону действия, тогда как основой ведийской ритуальной практики являлось прежде всего священное слово.

Наконец, для всех течений индуизма безусловным было и является до сего времени существование кастовой иерархии, определенное место в которой занимает любой адепт этой религии – и в этой жизни, и в любом ином рождении. Улучшение кастового статуса в следующей жизни – результат соблюдения законов своей касты в жизни этой. В таком мировоззрении кроется залог стабильности кастовой системы, зародившейся в эпоху древности и просуществовавшей вплоть до сего дня.

КИТАЙ: ОТ ПОЛИЦЕНТРИЗМА К ИМПЕРИЯМ

ЭПОХА ВОСТОЧНАЯ ЧЖОУ (771 – 256 гг. до н.э.)

ПЕРИОД ЧУНЬ-ЦЮ

Эпоха *Восточной Чжоу*, сменившая Западную Чжоу, традиционно делится на два различающихся подпериода. Название первого – *Чунь-цю* (букв. «Летопись “Вёсны и осени”») (771–476 гг. до н.э.) – восходит к названию хроники царства Лу (родины Конфуция, которому традиция приписывает ее составление). Однако в ней упомянуты события в Чжоу и в других царствах, ставших после 771 г. до н.э. самостоятельными. Царство Чжоу упоминается наравне с последними, однако отмечаемое при этом превосходство Чжоу на самом деле относится не к административным прерогативам или экономической и военной силе, а лишь к дипломатии, этике и культу. Иными словами, во время Чунь-цю еще в какой-то мере сохранялся моральный авторитет чжоуского вана, однако реальная власть уже находилась в руках удельных князей – *чжухоу*, которые и вершили судьбу Восточной Азии.

Политической особенностью периода Чунь-цю являлось то, что одновременно с утратой чжоускими ванами политической власти происходили поиски альтернатив во взаимоотношениях между правителями различных царств, формально равных по своему статусу. В VII–VI вв. до н.э. в Китае существовал (известный и в других регионах Старого Света) институт *гегемонии*. Гегемон (*ба*) в Китае – это правитель сильнейшего царства, признанный таковым на съезде правителями других царств и получивший формальное одобрение чжоуского вана. Прерогативой гегемона стала организация съездов, подготовка и руководство походами, осуществляемыми группой царств, обеспечение внешней безопасности (прежде всего от набегов кочевников), улаживание внутренних конфликтов. Фактически же это означало появление новой фигуры, обладающей значительной властью, хотя и на время. В период Чунь-цю насчитывалось два ранних северных царства-гегемона (Ци, Цзинь) и три поздних южных (Чу, У, Юэ)»^{*}.

Чжоуские ваны, утратив в 771 г. до н.э. в значительной мере возможность даже номинального контроля над этим геополитическим пространством, оставались первыми лицами в сакральной сфере. Их функции сводились к проведению ритуалов, связанных с государственными культами почитания предков династии и Неба (*Тяньди*), а также к участию в качестве арбитров на съездах других правителей, где они в основном санкционировали принятые без их участия решения.

К концу периода Чунь-цю, одного из мрачных периодов китайской истории, из двух сотен самостоятельных царств осталось менее трех десятков, среди которых в ходе ожесточенных войн постепенно выделились семь сильнейших.

^{*} Текст в угловых скобках здесь и далее Д.В. Деопика и М.Ю. Ульянова.

Название следующего периода – *Чжаньго* (букв. «Сражающиеся царства») точно передает его содержание. Эпоха характеризуется окончательной утратой чжоускими ванами политического влияния, а также острым вооруженным соперничеством семи крупнейших и враждовавших друг с другом царств: *Ци* на востоке, *Янь* (район совр. Пекина) на севере, *Цинь* на западе, *Чу* на юге и трех новых царств на Великой равнине, возникших в результате распада в 453 г. до н.э. царства *Цзинь* (некогда одного из сильнейших), – *Хань*, *Вэй* и *Чжао*.

В прямых военных столкновениях и дипломатических интригах более умело действовали правители северо-западного царства *Цинь*. Они готовы были привлекать на свою сторону любое из восточных царств для совместной борьбы против любого из соседей, образуя так называемые «союзы по горизонтали». Восточные же государства объединялись против *Цинь*, образуя «союзы по вертикали». К концу периода *Чжаньго* стало очевидно, что верх берет *Цинь*.

Успехи западного царства *Цинь* во многом были следствием преобразований, «автором» которых выступал в свое время *Шан Ян*, советник-легист циньского правителя *Сяо-гуна* (361–338 гг. до н.э.). При нем в государстве *Цинь* был установлен новый порядок поощрения земледелия и военной службы, отменены наследственные привилегии высшей знати, введена новая система присвоения рангов за заслуги перед государством. Вводилось единообразие административного деления, свободная купля-продажа земли, принудительное дробление наделов неразделенных семей. Нововведения *Шан Яна* вызвали недовольство аристократии. Сразу же после кончины его покровителя *Сяо-гуна* следующий правитель *Хуэй-вэнь-ван* (337–311 гг. до н.э.), у которого имелись и личные счеты с *Шан Яном*, казнил его.

Однако это не прекратило начатых преобразований, и в последующем преемники *Сяо-гуна* и их первые министры продолжали его политику. Именно этот курс, сочетавший с реформами умелую военную стратегию и искусную дипломатию, позволили царству *Цинь* к 221 г. до н.э. по отдельности завоевать остальные царства – *Хань* (в 230 г. до н.э.), *Чжао* (229 г.), *Вэй* (225 г.), *Чу* (224 г.), *Янь* (222 г.), *Ци* (221 г.), подчинить себе всю Восточную Азию – от *Ордоса* на севере до хребта *Наньлин* на юге – и создать первую империю.

В период *Чунь-цю*–*Чжаньго* во главе самостоятельных царств стояли правители, наделенные одним из пяти упомянутых выше статусных титулов (с. 165), и при их дворах воспроизводилась модель управления бывшего чжоуского двора. Важным новшеством в социальной сфере стало появление прослойки служилой нетитулованной чиновной знати, а также попытки введения в некоторых царствах прямого управления двором. Зарождалась новая система административно-территориального деления государства, при которой уезды возглавляли назначенные государем чиновники. Так постепенно складывалась бюрократическая модель управления. Подготовка чиновников к службе, как и в классической Греции, осуществлялась в государственных и частных школах, которые складывались вокруг мыслителей разных направлений (первым из известных был *Конфуций*). В то же время сохранялась сложная иерархическая структура внутри аристократических кланов, каждый из которых был представлен при дворе и оказывал влияние на его политику. Аристок-

раты, высокопоставленные чиновники и военачальники могли «переходить» из одного царства в другое в поисках применения своих знаний и талантов. В VI в. до н.э. и позже появилась многочисленная группа странствующих ученых (к их числу принадлежал и Шан Ян).

В периоды Чунь-цю–Чжаньго земля постепенно превращалась в объект торговли, формировались слои землевладельцев (богатых купцов, владеющих землей свободных крестьян), в то время как значение наследственной аристократии и зависимых крестьян уменьшилось. В VI в. появились земельный, а несколько позже подушный и подворный налоги, уплачиваемые натурой: просом, рисом, шелком, а также отработками и повинностями.

Эпоха Восточной Чжоу в целом ознаменовалась многими важными новшествами, основанными на научных достижениях в разных областях знаний – металлургии, математике, астрономии, медицине (наука о пульсе и акупунктура), фармакологии и многих других. В VI в. до н.э. в употребление вошло железо, которое завоевало популярность своей дешевизной и уже к IV в. вытеснило иное сырье из сферы изготовления орудий труда, а затем оружия и предметов повседневного обихода. Значительный скачок в сельском хозяйстве был достигнут за счет таких нововведений, как удобрение полей, применение бычьей упряжки для вспашки, водяных колес для подачи воды на поля и строительство крупных ирригационных систем, орошавших сотни гектаров земли.

Совершенствование сельского хозяйства и ремесла привело к развитию торговли, которой занимались как сами крестьяне и ремесленники, так и профессиональные купцы, порой чиновники (в случаях межгосударственных отношений). На смену прежним мерилам ценности (раковинам каури, кускам нефрита, свиткам шелка и др.) к концу периода Чунь-цю пришли бронзовые и золотые (в царстве Чу) монеты. Их отливали, подражая форме предметов (лопат и ножей), но встречались круглые и квадратные. Каждое царство выпускало свои монеты, которые могли иметь хождение и за его пределами. Начиная с Чжаньго, металлические деньги стали всеобщим платежным средством.

На период Чунь-цю–Чжаньго пришелся расцвет поэзии, историописания, появились новые виды литературы – военная, географическая, юридическая, астрономическая и др. Однако такие ее виды, как героический эпос и драма, доставшиеся европейцам от древних греков, в этнокультурной среде древних китайцев так и не сформировались.

Ко времени Чунь-цю–Чжаньго относится творчество первого китайского поэта, чье имя нам известно, – аристократа, крупного политического деятеля из царства Чу Цюй Юаня (ок. 339 – ок. 278 гг. до н.э.). Предчувствуя будущую гибель своей родины под ударами царства Цинь и не найдя при дворе отклика на свои предостережения, он покончил с собой, бросившись в воды р. Мило (к юго-востоку от оз. Дунтинху), написав перед этим ставшую знаменитой элегию «С камнем в объятиях», завершающуюся строками:

Я знаю, что умру, но перед смертью
Не отступлю назад, себя жалея.
Пусть мудрецы из глубины столетий
Мне образцом величественным служат.

(пер. А. Гитовича)

Гибель поэта оставила глубокий след в культуре Китая. И поныне пятого числа пятого месяца по лунному календарю (предполагаемый день кончины Цюй Юаня) в южных районах Китая ему приносят жертвы и устраивают гонки «драконовых лодок».

Период Чунь-цю–Чжаньго обычно именуют «золотым веком» философии. Поздние историки выделяли десять ее школ: конфуцианство, даосизм, легизм, моизм, натурфилософская школа *иньянцзя*, софисты, дипломаты, аграрии, эклектики и сказители. Три первых были особенно важны. На рубеже VI–V вв. до н.э. сложилось *конфуцианство*, учение, связанное с фигурой Конфуция (кит. Кун Цю, Кун-цзы; 551–479 гг. до н.э.). Это социально-этическое учение впитало в себя существовавшие ранее элементы чжоуской культуры хуася: культ предков, почитание старших и вышестоящих, забота о младших и нижестоящих, соблюдение посмертного траура и многое другое. Не случайно сам Конфуций говорил: «Я передаю, а не создаю, веря древним и любя их». Он создал новое учение, в центр которого был поставлен человек – его природа, место в семье, обществе и государстве, его воспитание и образование, направленное на превращение его в «благородного мужа» (*цзюньцзы*, ср. с лат. *vir bonus*). Развитие конфуцианства в период Чжаньго связано с именами Мэн Кэ (Мэн-цзы, ок. 372–289 гг. до н.э.) и Сюнь Куана (Сюнь-цзы, ок. 325–238 гг. до н.э.), которые значительное внимание уделяли проблемам изначального характера человеческой природы, критики идей других школ и т.п.

Для достижения конфуцианского идеала следовало придерживаться ряда принципов: *жэнь* – гуманное отношение к людям; *ли* – набор правил благопристойного поведения. Важнейшими понятиями также были: *сяо* (букв. «сыновняя почтительность»), определявшая отношения между родителями и детьми, старшими и младшими, высшими и низшими в семье и государстве, ибо государство – это большая семья, а правитель – ее отец; *чжун* – преданность по отношению к правителю, и т.д. Направляло же и регулировало действия человека *Тянь* – «Небо», высшая божественная сила, от которой зависело благополучие человека, семьи, общества и правившей в государстве династии правителей.

Примерно тогда же, что и конфуцианство, возник *даосизм*. Его основателем считается Лао-цзы (Ли Эр, Лао Дань; VI или VI–V вв. до н.э.), выходец из Чу, ему же приписывается авторство главного произведения этой школы – «Дао-дэ цзин» («Каноническая книга о *дао* и *дэ*»). Впрочем, историчность данной личности ставится под сомнение. Выдающимся даоским мыслителем был Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы; ок. 369–286 гг. до н.э.), оставивший замечательное литературно-философское сочинение «Чжуан-цзы».

Стержнем даосизма является учение о *дао* – «пути», всеобщем законе бытия всего сущего: космоса, общества, человека, любой твари и вещи. *Дао* – это и начало, дающее жизнь, и конец, куда возвращаются все и всё, пройдя свой жизненный путь. Всё вокруг порождается *дао*, живет в согласии с ним и к нему же устремляется. Ему присуща моральная сила *дэ* – это индивидуальное качество, определяющее лучший способ существования отдельного человека. Методом достижения единства с *дао* и *дэ* является *у вэй* – «недеяние», т.е. невмешательство в естественный ход событий или порядок вещей. Еще одной важной концепцией была *цзыжань* – «естественность», которая в сочетании с *у вэй* определяла совершенство управления государством. Мудрый правитель в своих действиях следуя *дао*, следует «естественности», не пытается вмешиваться в ход событий и тем самым достигает совершенства.

Легизм (название, производимое от лат. *lex* «закон») – учение, которое было, пожалуй, самой конкретной идеологией, к тому же примененной в государственной практике. Предтечами его принято считать политических деятелей и мыслителей Гуань Чжуна (?–645 гг. до н.э.), Цзы-чаня (?–522 гг. до н.э.), преобразования которого привели к процветанию царства Чжэн; Ли Куя (455–395 гг. до н.э.), советника вэйского Вэнь-хоу (446–397 гг. до н.э.). Их концепции и практические действия внесли вклад в развитие доктрины легизма. Наиболее значительной фигурой был Шан Ян (Гунсунь Ян; 390–338 гг. до н.э.). Ему приписывается авторство «Шан-цзюнь шу» («Книги правителя области Шан») – главного произведения, излагающего теорию легизма.

В основе ее лежит концепция *фа* (закона), главного регулирующего фактора в государстве и обществе. Его создает единовластный правитель, а проводит в жизнь назначаемая и контролируемая им бюрократия, выполняющая его приказы и следящая за тем, чтобы их соблюдал народ. В отличие от конфуцианских принципов, имеющих извечный характер, законы могут изменяться государем в соответствии с текущими потребностями. Источником богатства страны является земледелие, а источником ее силы – армия; ранги знатности, посты и привилегии следует давать за конкретные заслуги, особенно на поле брани, а не в порядке наследования. Народ необходимо держать под контролем, чему способствуют круговая порука и принцип коллективной ответственности и наказания.

В период Чжаньго доктрина легизма полнее всего проявилась в царстве Цинь; начиная с эпохи Хань школа как таковая практически исчезла, однако многие идеи ее были восприняты конфуцианством, что, в частности, позволило ему стать идеологической опорой империи.

РАННИЕ ИМПЕРИИ

ИМПЕРИЯ ЦИНЬ (221–207 гг. до н.э.)

Завоевав к 221 г. до н.э. все государства в бассейнах Хуанхэ и Янцзы, правивший с 246 г. до н.э. правитель Ин Чжэн принял новый титул – *хуанди* (букв. «высочайший царь», усл. «император»). В течение последующих 11 лет (221–210 гг. до н.э.) он правил страной как Цинь Ши-хуанди, т.е. «Первый император империи Цинь». Таким образом, впервые за свою историю Китай стал единым централизованным государством.

Опираясь на первого министра Ли Сы (?–208 г. до н.э.), император провел в стране преобразования (легистские по духу), направленные на укрепление государства нового типа и единоличной власти. В 221 г. до н.э. территория государства была поделена на 36 округов, с подчиненным центру аппаратом управления. Вводились унифицированные меры весов, деньги, единые знаки письменности; установлены законы, отличавшиеся крайней жестокостью наказаний (ссылкой на каторгу, обращением в государственных рабов). Все назначения по службе определялись императором; отменялись прежние статусные различия, оружие подверглось конфискации и переплавке в колокола и огромные статуи (к сожалению, не сохранившиеся). Наследственную аристократию, высшее чиновничество и крупных купцов переселили в Сяньян

(столицу государства), поставив под контроль центрального правительства; их места заняли циньские военные.

Правление Цинь Ши-хуанди отмечено агрессивной внешней политикой. В 215–214 гг. до н.э. 300-тысячная циньская армия под командованием военачальника Мэн Тяня (?–210 г. до н.э.) разбила северные кочевые племена *сюнну* и заняла земли в большой излучине Хуанхэ. Там же она начала до-страивать и соединять защитные стены прежних царств в единое сооружение – Великую стену (в нынешнем ее виде это памятник XIV–XVI вв.), неся потери не меньше, чем на войне с кочевниками.

Еще ранее, в 223 и 221 гг. до н.э., в продолжение борьбы против Чу, 500-тысячная армия завоевала земли на юго-востоке (Цзянси, Фуцзянь) и юге (Хунань). Другая крупная армия в 214 г. до н.э. была направлена на юг для захвата земель аустроазиатских и тайских народов, объединенных названием *байюэ* (букв. «множество юэ»). Ей удалось занять земли южнее хребта Наньлин – южные провинции КНР (Гуанси, Гуандун) и часть Северного Вьетнама. Там началось строительство канала длиной в 30 км, который соединил южный приток Янцзы с северным притоком р. Жемчужной. Одновременно Саньян соединили с периферией трактами, обеспечивающими быструю передачу приказов и информации; продолжалось сооружение множества роскошных дворцов и грандиозного погребального комплекса императора вблизи Саньяна (обнаружение которого в 1974 г. стало мировой археологической сенсацией).

Преобразования коснулись и идеологии. Указом императора 213 г. запрещались дискуссии, предписывалось изъятие старинных «преданий и песен», «изречений всех учителей». По свидетельству Сыма Цяня, предавались огню конфуцианские каноны («Шу цзин», «Шан ши»), исторические хроники и другие книги; более 460 ученых были казнены (погребены заживо), вне закона объявлены частные школы.

В 210 г. до н.э. после объезда новозавоеванных южных территорий государства Цинь Ши-хуанди «скоропостижно» скончался в возрасте 48 лет. Возможно, это явилось результатом дворцового заговора, в который оказалась вовлечена часть его соратников, в том числе первый министр Ли Сы. Император был погребен в девятом месяце 210 г. до н.э. близ Саньяна, в гробнице у горы Лишань.

Г Возведение гробницы, начатой задолго до рождения самой империи, продолжалось 36 лет, вплоть до смерти императора. Строителей (свободных и каторжан), из которых формировали временные отряды, свозили из всех частей Китая. Кроме собственно усыпальницы, окруженной траншеями с «терракотовой армией», погребальный комплекс включает гробницы императорских детей, род маленького зоопарка с фигурами редких животных, фигуры обслуживающего персонала, конюшню, склад доспехов и шлемов и другие части. Общее число найденных воинов – около 8 тыс., более 100 колесниц, около 600 лошадей. Воины, выполненные в рост человека, располагались в порядке, соответствующем строю циньской армии. Судя по росту (175–196 см), это была «гвардия» императора. Как сообщает Сыма Цянь, похороны императора завершились так: «...Заложили среднюю дверь прохода, после чего спустили наружную дверь, наглухо замуровав всех мастеровых и тех, кто наполнял могилу ценностями, так что никто оттуда не вышел (*пер. Р.В. Вяткина*)». 7

Цинь Ши-хуанди был крупным государственным деятелем, создавшим новое государство, оставшееся исторически перспективным на протяжении двух последующих тысячелетий, – единую восточноазиатскую империю, включавшую в себя часть территорий Центральной Азии на севере и Юго-Восточной Азии на юге. Однако характер его правления и масштабы его деятельности затронули огромную массу людей, обернулись тяжким бременем для народа, который заплатил за них очень высокую цену не только материальными ценностями, но и страданиями, кровью и смертью.

На престол был возведен под именем Эрши младший сын императора бездарный Ху-хай (230–207 гг. до н.э.), старший же сын-наследник, талантливый полководец Фу-Су, был принужден к самоубийству. Последствия заговора были трагичны: все его участники так или иначе сложили головы. Кризисные явления стали заметны еще при жизни Ши-хуанди, однако ему удавалось держать империю в страхе и повиновении. Сразу после его смерти вспыхнул мятеж, затем начались выступления аристократии, членов династий недавно покоренных царств (раньше всего Чу). Постепенно сформировались две крупные армии – чиновника с бывшей территории Чу Лю Бана (256–195 гг. до н.э.), породнившегося со знатным родом Люй, и чуского аристократа Сян Юя (233–202 гг. до н.э.), которые и положили конец правлению Цинь, самой непродолжительной из всех общекитайских династий. В 207 г. до н.э. Лю Бан занял столицу Сяньян, в 206 г. провозгласил себя ваном, а в 202 г. после окончательной победы над соперником в борьбе за престол Сян Юем был объявлен своими союзниками, правителями крупных владений, императором (с храмовым именем Гао-цзу) новой империи, получившей название по его владению – Хань.

ИМПЕРИЯ ЗАПАДНАЯ ХАНЬ

Эпоху Хань традиционно разделяют на два периода. Ранний именуется *Западной Хань*, названной так потому, что столица находилась в г. Чанъань (юг совр. пров. Шэньси), т.е. на западе по отношению к г. Лои, столице позднейшей *Восточной Хань*.

Став основателем нового государства, Гао-цзу (202–195 гг. до н.э.) столкнулся с множеством проблем: войны предыдущих двух-трех десятилетий разрушили уклад жизни народа, подорвали идеологические основы государства, на севере вновь усилились сюнну. Он начал с отмены жестоких наказаний эпохи Цинь, объявил амнистию, освободил продавших себя в рабство из-за голода. Прежним владельцам вернул ранги, землю и жилища, организовал местную администрацию. Заслуженные военачальники получили титулы *хоу*, наследственные владения или право взимать налоги с определенной территории. Армии были распущены, так что воины смогли вернуться домой и заняться сельским хозяйством. Эти мероприятия возымели свое действие – установились относительное спокойствие и порядок, однако после смерти императора начались династические распри. Вдовствующая императрица Люй Чжи (?–180 гг. до н.э.), используя малолетство, а потом раннюю смерть наследника Хуэй-ди (194–188 гг. до н.э.), захватила трон и предприняла попытку отстранить от власти род мужа (Лю), выдвигая на ключевые посты своих родственников (Люй).

Г Попытка родственников по женской линии прийти к власти не удалась. В результате компромисса между родственниками династии по мужской линии, влиятельными членами рода Лю, к власти был приведен четвертый сын Лю Бана, ставший императором Вэнь-ди (180–157 гг. до н.э.). При нем в результате последовательных преобразований, прежде всего в экономике, были сделаны важные шаги к созданию механизмов управления империей. В борьбе за централизацию власти следующий император Цзин-ди (157–141) успешно подавив так называемый мятеж «семи ванов» в 154 г. до н.э. во главе с племянником Лю Бана – Лю Пи (215–154 до н.э.), начал перераспределять владения уже между своими сыновьями. Эти меры дали ему возможность начать преобразования в сфере управления и экономики. »

Окончательно с ними справился лишь У-ди (140–87 гг. до н.э.), самый известный и талантливый император Западной Хань. Под предлогом соблюдения принципов гуманности и сыновней почтительности он в 127 г. до н.э. издал указ, изменивший принцип наследования. Отныне наследниками становились (в равных долях) все, а не только старшие сыновья. Крупные владения оказались раздробленными. У-ди провел также ряд других мероприятий по укреплению власти. Была сформирована система центрального управления: бюрократический аппарат включал институт его контролеров-цензоров. В отличие от практики, существовавшей при Гао-цзу, к службе допускались также купцы, притом практиковалась продажа титулов и званий. В ханьское время произошел важный социальный сдвиг – обрела значительную силу бюрократическая прослойка. Ее члены обладали не только административной властью, но и землей и финансовыми возможностями вследствие занятий торговлей и ростовщичеством, а также рядом привилегий (например, правом рекомендовать своих детей на чиновничьи посты).

Г Из преемников У-ди самым крупным был император Сюань-ди (73–49 гг. до н.э.), который провел судебную реформу, боролся с коррупцией и в последние годы создал систему надзора над деятельностью чиновников (цензорат). С точки зрения формирования китайской государственности его правление можно сравнивать с правлением самого У-ди. Именно при нем оформилась исторически перспективная модель верховной власти: на смену «федеративной» структуре II в. до н.э. пришло собственно «имперское» устройство – с сильным центром, чиновничьим аппаратом и механизмом контроля за его работой.

Правление следующих императоров (Юань-ди, 48–33 гг. до н.э.; Чэнь-ди, 32–7 гг. до н.э.; Ай-ди, 7 г. до н.э. – 1 г. н.э.; Пин-ди, 1 г. до н.э.–5 г. н.э.) отмечено обострением кризиса, вызванного массовыми крестьянскими бунтами и распрями внутри правящей элиты, которые в конечном счете и привели к краху Западной Хань. На это время пришлось начало политической биографии Ван Мана – крупного сановника, родственника правящей династии и будущего основателя новой империи – Синь. »

Несколько относительно спокойных десятилетий, прошедших с начала воцарения династии Хань, привели к значительному росту экономики страны. Введенный метод «смены полей», при котором одна треть надела ежегодно отдыхала, возрождая его урожайность, изобретение парной сохи, ремонт старых и сооружение новых дамб и каналов повысили производительность сельского хозяйства. Быстро развивалось ремесло. Если при Цинь

Великая Китайская стена. Современный вид

добыча железа и соли велась государством, то при Хань этим занимались частные лица. Возникли крупные мастерские по изготовлению железных изделий, в первую очередь орудий труда. У-ди озаботился дальнейшим развитием экономики и обогащением самого государства: в 119 г. до н.э. он запретил частную выплавку железа и варку соли, а в 115 г. – отливку монет во владениях, т.е. ввел на них государственную монополию. Развитие ремесла стимулировало рост торговли и ростовщичества – появилось значительное количество людей, первоначальное богатство которых было накоплено не за счет земледелия. Многие города, превратившиеся в большие торгово-ремесленные центры, принадлежали к числу крупнейших городов мира. Это прежде всего Чанъань (нынешний Сиань на юге Шэньси) – западная столица империи, Лоян – будущая ее восточная столица, Ханьдань

(на юге Хэбэя) – бывшая столица царства Чжао; Янди (ныне Юйсянь) – прежняя столица царства Хань; Линьцзы (совр. Цзыбо) – в прошлом столица Ци; Чэнду (Сычуань) и др.

В правление предшественников У-ди племена сюнну вновь подчинили себе северные районы. Будучи не готовым к масштабным войнам, ханьский двор откупался от них посылкой своих принцесс в качестве жен *шаньюев* – предводителей кочевников, а также шелковых тканей, вина и других даров. Сразу же после вступления на престол У-ди стал готовиться к войне с ними. Его первым шагом была попытка установить союзнические отношения с племенем *юэчжи*, которые в 177–176 гг. до н.э. подверглись сюннуской агрессии и частично мигрировали на запад совр. Синцзяна и соседних центральноазиатских территорий.

В 138 г. до н.э. послом к юэчжи был направлен сановник Чжан Цянь (?–114 гг. до н.э.), но миссия его закончилась неудачей. Путь его пролегал через земли, занятые или контролируемые сюнну, к которым он дважды попадал в плен, проведя в нем одиннадцать лет. В ханьскую столицу Чанъань он вернулся лишь в 126 г. до н.э. без союзников; тем не менее историческое значение его посольства огромно, ибо это была первая попытка установления политического контакта Китая с государствами и народами Центральной Азии: Ферганой, Согдом, Бактрией, *даюэчжи*, *усунями* и Парфией. Так состоялось открытие Великого торгового шелкового пути.

В результате нескольких крупных походов, совершенных ханьцами в 124–119 гг. до н.э., сюнну потерпели сокрушительные поражения и надолго перестали угрожать Китаю. Путешествие Чжан Цяня пробудило интерес к западным странам. В 119 г. до н.э. он был вновь отправлен туда, в большей мере с торговыми и престижно-политическими, чем военными целями. Он установил отношения со всеми ранее посещенными странами, а также с Индией, следом туда были посланы войска, которые в 111 г. до н.э. покорили *цянов*, а в 102 г. – Фергану и весь так называемый Западный край (нынешний Синцзян и соседние районы Средней Азии), которые либо стали частью Китая, либо подчинились ему. Впервые в истории границы Китая продвинулись так далеко в сердце Азии. В это же время было укреплено или расширено присутствие Китая на юге в современных провинциях Гуандун, Гуанси, Чжэцзян, Фуцзянь, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань и на севере Вьетнама. В 108 г. до н.э. Хань подчинилась Чаосянь (Ляодун и Корея), благодаря чему были установлены отношения и с Японией.

При У-ди Китай достиг пика своего могущества, став самой большой и многолюдной империей древнего мира. Торговый и культурный обмен с внешним миром по дальности контактов (Центральная и Средняя Азия, Корея, Япония, Индия) и масштабу обмена – совершенно новый фактор в истории Китая. Китайский шелк, железные изделия, металл, медицинские познания, передовые технологии проникли в Азию и даже в Европу, оттуда же в Китай хлынули диковинные для него товары: виноград, арбузы, чеснок, персики, верблюды, музыка, скульптура, а возможно, и первые сведения о буддизме.

В период, предшествующий правлению У-ди, влиятельным направлением общественной мысли ханьской империи был даосизм. Во II в. до н.э. по предложению крупного мыслителя Дун Чжун-шу (179–104 гг. до н.э.) государственной идеологией стало конфуцианство, которое сформировало

известный и сегодня тип мышления китайцев, а также оказало сильное воздействие на соседние народы – корейцев, японцев и вьетнамцев.

В ханьское время оформился конфуцианский канон. В своем завершенном виде он получил название «Шисань цзин» («Тринадцатикнижие») – собрание конфуцианских произведений, которое определяло духовную жизнь Китая на протяжении более чем двух тысячелетий. Процесс включения в него тех или иных трактатов был постепенным и длительным – от II в. до н.э. до XI–XII вв. н.э. В его состав вошли два важнейших источника по истории и литературе Китая антология поэзии «Ши цзин» («Книга песен и гимнов»), содержащая 305 поэтических произведений, сложенных между XI и VI веками до н.э., и «Шан шу» («Записки о прошлом»), отразивший традиционные представления об истории начиная с конца III тысячелетия до н.э. до VII в. до н.э. Согласно традиции, они были отредактированы Конфуцием, которому приписывают также авторство хроники царства Лу «Чунь-цю» и двух философских трактатов: «Лунь юй» («Беседы и суждения») и «Сяо цзин» («Каноническая книга о сыновней почтительности»). Помимо них в указанное собрание включены два комментария к «Чунь-цю» и пять этико-философских трудов, а также «Эр я» («Словарь изысканных синонимов») – древнейший словарь китайского языка. В правление У-ди была расширена Музыкальная палата (Юэфу), давшая название целому жанру китайской поэзии. Историческая проза была представлена «Историческими записками» Сыма Цяня, философская – даосским трактатом «Учитель [Лю Ань из] Хуайнани» (Хуайнань-цзы). В конце периода при императорском дворе была предпринята скрупулезная работа по сохранению книжного фонда всего предшествующего времени, особая роль в которой принадлежит библиографам Лю Сяню (77–76 гг. н.э.) и его сыну Лю Синю (?–23 г. до н.э.).

ИМПЕРИЯ СИНЬ

В 5 г. н.э. сановник Ван Ман, уже сосредоточивший в своих руках значительную власть, совершил переворот: устранил императора Пин-ди (своего тестя), затем низложил его малолетнего наследника Жу-цзы Ин (6–8 гг. н.э.), при котором состоял регентом, и объявил себя императором, провозгласив образование новой империи – Синь (9–23 гг.).

Став в 54 года императором, Ван Ман предпринял ряд шагов для вывода Китая из состояния экономического и социального кризиса. В 9 г. издал указ об отмене частной собственности на землю и переходе ее в собственность государства, а также об ограниченной свободе частных рабов. Была также запрещена купля-продажа земли и рабов. В 10 г. был введен государственный контроль над рынками и ценами, монополия на виноделие, соль, железо, отливку монет и (впервые в истории Китая) на кредитно-ростовщические операции. Был сделан новый шаг в денежной реформе. В том же году император попытался упорядочить налогообложение и даже регулировать цены на крупных оптовых рынках.

В 11 г. произошла природная катастрофа – одна из крупнейших рек Китая, Хуанхэ, сместила русло на несколько сот километров, залив огромные пространства на Великой равнине. Это колоссальное бедствие привело к длительному и страшному голоду населения. Природные катаклизмы продолжались

все остальные годы правления Ван Мана; под конец его произошла трагедия в личной жизни императора: он лишился наследника, жены и одного из внуков.

Сопrotивление нововведениям Вана Мана оказалось столь сильным, что уже в 12 г. ему пришлось вновь разрешить куплю-продажу земли и рабов. Самыми неудачными оказались попытки поставить на службу государству денежную систему: за 15 лет правления он менял ее пять раз, вводя принудительный курс, что породило в стране финансовый хаос. Система управления в провинциях разрушалась, начались мятежи. 14-й год отмечен реформой в сфере управления (центрального и уездного), что позволило на время подавить выступления, которые, однако, в условиях непрекращающегося голода и дестабилизации вскоре возобновились. Наиболее крупным из них по размаху стало движение «краснобровых».

Ситуацией воспользовались члены правившей в эпоху Западная Хань династии Лю: Лю Сю (будущий император Гуаньфу-ди) и его родственники включились в борьбу за власть, опираясь на отряд из своих клиентов. В 23 г. до н.э. в решающем сражении за г. Ваньчэн (совр. Наньян), оплот императора на юге, его армия потерпела поражение. Ван Ман сражался до конца. Выдержав трехдневную осаду города, он отстреливался вместе с солдатами с башни: когда кончились стрелы, вышел навстречу противнику и был зарублен.

Ван Ман – одна из ярких фигур в истории древнего Китая. В его правление практически завершилось формирование империи. Его преобразования в какой-то мере опережали свое время, но содержали в себе колоссальный опыт для будущих правителей. Он всячески стремился управлять всем государством, а не только столичной областью и рядом округов. Предлагая реформы, он отказался от физического уничтожения родовой аристократии. Однако грандиозная природная катастрофа, приведшая к голоду и хозяйственной разрухе, пресекла возможности не только его преобразований, но и самого пребывания у власти.]

ИМПЕРИЯ ВОСТОЧНАЯ ХАНЬ

Г Первый император новой империи *Восточная Хань*, Гуаньфу-ди (25–57 гг. н.э.), был дальновидным политическим деятелем, правление которого стало временем преобразований страны. Придя к власти военным путем (см. выше) и подавив народное восстание «Красных бровей», он лишь через 10 лет (к 37 г. н.э.), уничтожив соперников (объявлявших себя ванами и императорами), распространил власть на всю страну. Еще до завершения военных конфликтов в 31 г., он начал проводить административную и военную реформу: уменьшил администрацию, ликвидировал в ряде центральных округов должности военных губернаторов, сократил число уездов, воссоздал систему контроля за чиновниками (цензорат). Следуя традиции, он раздал своим родственникам «владения» (20), но назначил в них министров, которые направляли около половины доходов в императорскую казну. Для увеличения числа налогоплательщиков он принял меры по сокращению государственных и частных рабов, регулированию налогов, стимулировал развитие сельского хозяйства.

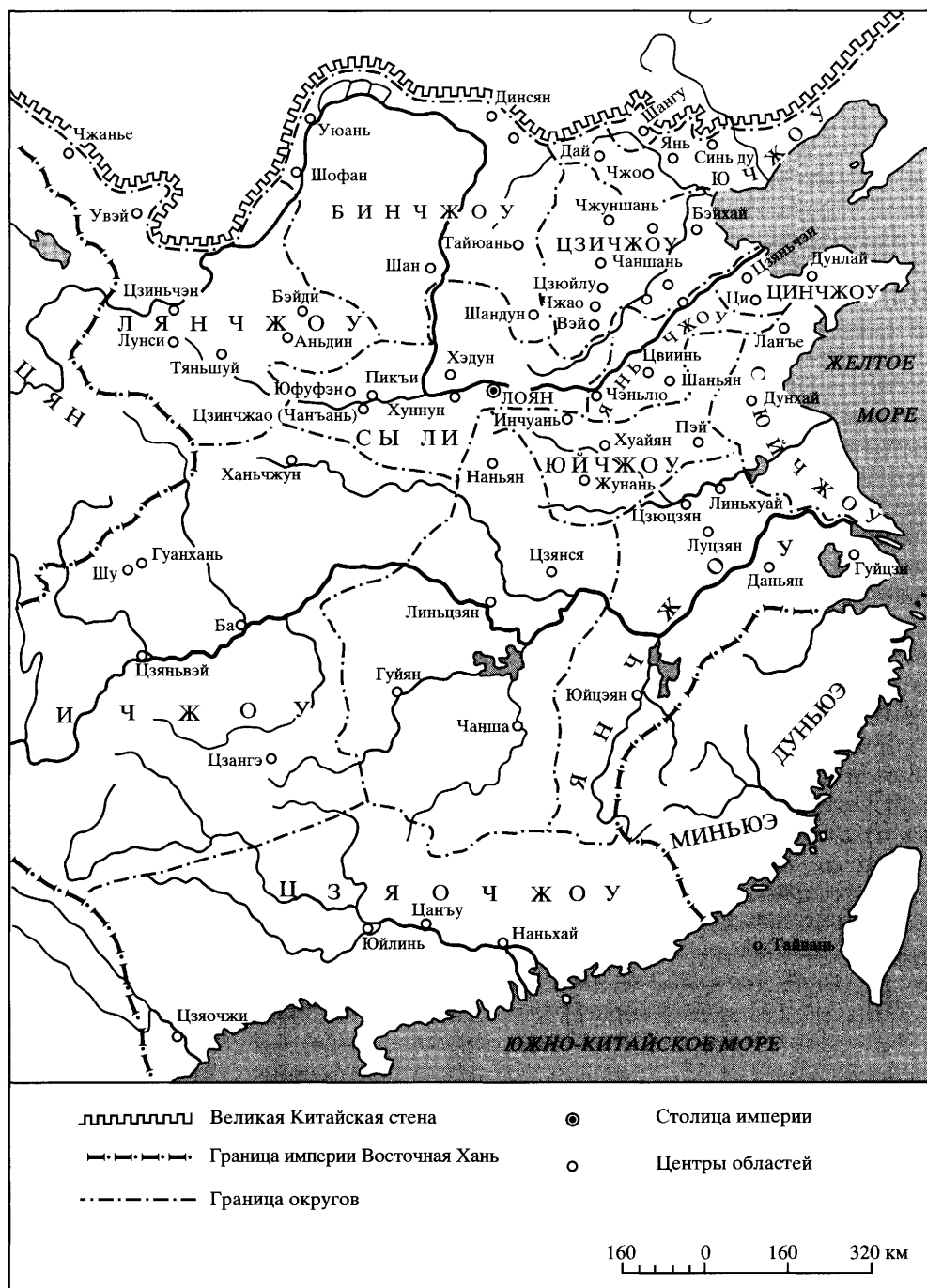
В правление его преемников (Мин-ди, 58–75 гг. н.э.; Чжан-ди, 76–88 гг.; Хэ-ди, 89–106 гг.) появилась новая социально-служилая группа – евнухи (*хуань гуань*), служившие в ведомстве Хуан мэн-линь («Приказ “Желтые

вороты”)). Их обязанности заключались в снабжении двора и обеспечении функционирования гарема, но они начали играть важную роль в управлении государством. Евнухи заняли «промежуточную нишу» между императором, его родственниками и гражданскими чиновниками, примыкая при этом то к родственникам по женской линии, то к самому императору. Находясь при дворе и имея рычаги власти (знания, деньги, связи), они нередко побеждали своих противников, иногда вырезая их поголовно. Острые конфликты между евнухами и чиновниками, не желавшими уступать свои позиции, использовались императорами в своих интересах, но со временем они привели к «раскачиванию» власти и постепенной утрате управляемости страной.]

В правление первых восточноханьских императоров экономика быстро развивалась. Для поддержки сельского хозяйства создавались военные поселения, жители которых совмещали труд крестьян с солдатской службой и находились на государственном обеспечении. Для расширения запашки часть казенных земель передавалась крестьянам или сдавалась в аренду. Неоднократно осуществлялось снижение налога на землю или полное освобождение от него, строились ирригационные системы, широко распространялась вспашка на волах. Все это привело к развитию сельского хозяйства, а вместе с ним – ремесла и торговли. Увеличивалось число крупных городов, расширялась международная торговля по суше (Великий шелковый путь) и по морю. Росла добыча полезных ископаемых, развивались ремесла, гончарное и кузнечное дело и др. Важным новшеством было изобретение в 105 г. дешевого способа производства бумаги, известной уже со II в. до н.э., но тогда весьма дорогой, ибо сырьем служил шелк. Теперь же его сменили конопля, старые тряпки, сети, древесная кора и пр. Из Китая через Западный край бумага постепенно распространилась по всему миру.

В I в. н.э. Восточная Хань стала крупнейшей мировой державой. В 43–44 гг. н.э. в результате походов военачальника Ма Юаня было завоевано и включено в состав империи государство Лаквьет в северной части Вьетнама. Границы китайской империи на юге достигли земель аустронезийского народа *чамов*. С переменным успехом на севере велась борьба с сюнну. В первые десятилетия она сводилась к защите от сюнну и накоплению сил для решительных действий. Они начались в 73 г. н.э., а к 94 г. завершившись разгромом кочевников. Часть из них сдалась Хань, большинство же начало постепенное движение на запад, позднее (в IV в. н.э.) послужившее толчком Великому переселению народов. Победа над сюнну вместе с военными и дипломатическими действиями полководца Бань Чао (32–102 гг.) в Центральной Азии (73–102 гг.) вновь поставили под имперский контроль этот регион и открыли движение по Великому шелковому пути.

Семья полководца Бань Чао оставила заметный след в истории Китая. Его отец Бань Бяо (3–54 гг.) продолжил труд великого Сыма Цяня (доведшего изложение в своих «Записях историка» до конца II в. до н.э.), начав писать «Историю династии Хань». Смерть помешала осуществлению этого плана, однако его другой сын Бань Гу (32–92 гг.) и дочь Бань Чжао (ок. 49–120 гг.), выдающиеся историки и литераторы, завершили его труд. Между тем сам Бань Чао, пробыв на Западе 31 год, обеспечил Восточной Хань выход в Центральную Азию, а в 97 г. даже попытался установить связи с Римом, однако его посланец Гань Ин, добравшись до Персидского залива, вернулся обратно. Тем не менее благодаря усилиям Бань Чао контакт между Восточной и Западной Азией был восстановлен.

Китай эпохи империи Восточная Хань

Со второй половины II в. начался процесс ослабления влияния Китая на Западный край. На севере и северо-западе усилились народы *сяньби* и *ухуань*, которые создали сильный союз племен, совершавший набеги на северные районы империи. Великий шелковый путь опять оказался закрытым. В «Истории династии Хань» отмечено прибытие в 166 г. римского посольства с дарами от императора Марка Аврелия Антонина (161–180 гг.), завоевателя Месопотамии и врага Парфии, для установления дружеских отношений. Впрочем, возможно, что авторитетом Рима воспользовались, например, арабские купцы, чтобы обеспечить себе выгодные условия для торговли.

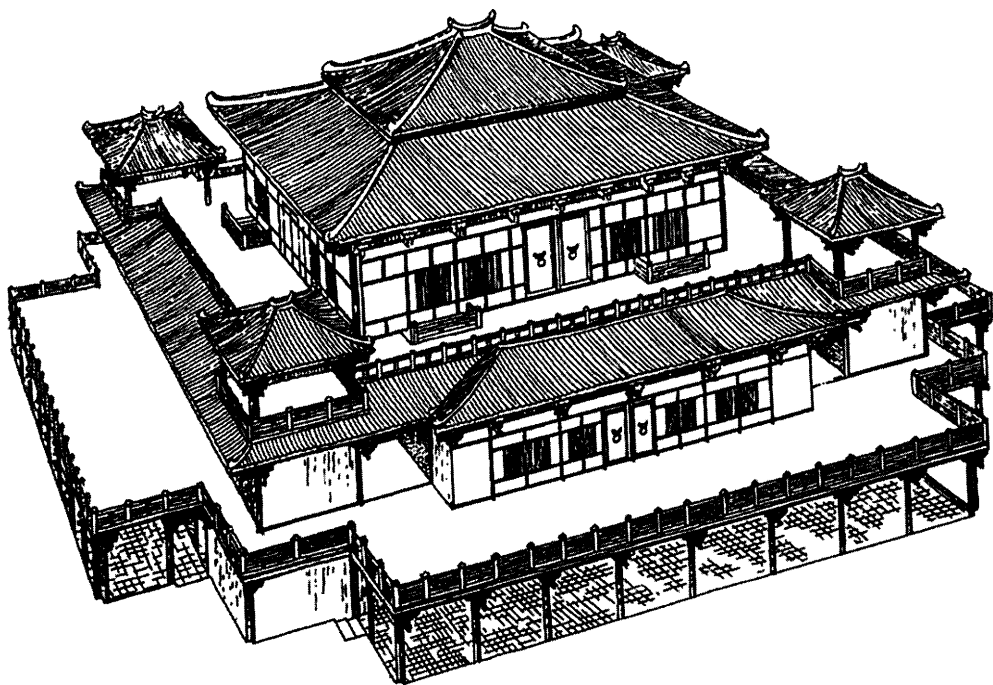
Во II в. внутренние кризисные явления усиливались. В правление Ань-ди (106–125 гг.) и Шунь-ди (125–144 гг.) бунты становились регулярными, евнухи играли все большую роль, на трон возводились недолговечные и малолетние императоры (годовалый Чун-ди, 144–145 гг.; подростки Чжи-ди, 145–146 гг.; Хуань-ди, 146–168 гг.; Лин-ди, 168–188 гг. и Сянь-ди, 189–220 гг.). Империю сотрясало массовое народное социально-религиозное движение «Желтых повязок» (знак его сторонников). Правление Хуань-ди стало в какой-то мере переломным моментом: от *компромиссного соправления* (императора и главы рода родственников по женской линии), характерного для Западной Хань и первой половины Восточной, произошел переход к *незатухающему конфликту* – сначала между императором и верхушкой чиновничества (гражданского и военного), а затем между последними и евреями (сосредоточившими в своих руках внутриворцовые службы). Когда в нем приняли участие военные, наступил коллапс центральной власти. Военачальник, за спиной которого стояла огромная армия и поддержка местной элиты, стал важнейшей политической фигурой.

К концу II в. сложились три мощные группировки, руководимые полководцами Лю Бэем (161–223 гг.), Сунь Цюанем (182–252 гг.) и Цао Цао (155–220 гг.), сильнейшим из них, сделавшим блестящую карьеру на государственной службе. К 205 г. он подчинил своей власти все среднее течение Хуанхэ и Великую равнину. Позднее он «сам назначил себя первым министром», сделав серьезную заявку на возрождение империи. Но добиться этого не смог: в 208 г. он потерпел поражение в битве при Чибэ от коалиции правителей бассейна Янцзы. В начале 220 г. Цао Цао умер в занятом им Лояне, бывшей столице империи Восточная Хань.

В конце 220 г. его старший сын Цао Пи низложил последнего ханьского императора Сянь-ди (189–220 гг.). Формально это выглядело как добровольная передача ему императором власти как наиболее достойному. Династия Хань была ликвидирована, страна разделена между Цао Пи и двумя другими военачальниками на три государства: *Вэй* на севере (со столицей в Лояне, где правил Цао Пи) *Шу* на юго-западе (столица в Чэнду) и *У* на юго-востоке (столица в Цзянь на Янцзы, совр. Нанкин).

Новая эпоха, ознаменовавшая собой начало китайского средневековья, получила наименование *Троецарствие* (220–265/280 гг.).

Империя Восточная Хань – не только период наивысшего расцвета имперской государственности, но и время подъема науки и культуры. Одним из наиболее известных мыслителей восточноханьского времени является Ван Чун (ок. 27–104 гг.), автор труда «Луньхэн» («Критические рассуждения»),

Дворец в Чанъани. Эпоха Восточная Хань. I–II вв. н.э. *Реконструкция*

в котором он, опираясь на представления об естественных науках своего времени, высказывает собственное мнение по поводу практически всех устоявшихся представлений. Поэтому это сочинение было запрещено и стало широко известно только в конце Восточной Хань. В правление Мин-ди в Китай проник буддизм, в Лояне был сооружен монастырь «Белой лошади», в правление Хуань-ди (146–168 гг.) начали делать переводы буддийских канонов.

Один из самых известных ученых древнего Китая Чжан Хэн (78–139 гг.) занимался проблемами, связанными с календарем, астрологией и т.п. Он изготовил макет небесной сферы и сейсмический прибор. Его концепция мироустройства изложена в трактатах «Хун тянь и чжу» («Иллюстрированное описание полной армиллярной сферы») и «Лин сянь» («Законы [действия] одухотворяющей силы»). Чжан Хэн придерживался геоцентрической модели мира, в своих трудах он (почти одновременно с Клавдием Птолемеем), говорил об экваторе, эклиптике, полюсах мира. Чжан Хэн вслед за ученым Ян Сюанем (53 г. до н.э. – 18 г. н.э.) считал, что Вселенная бесконечна и непознаваема; скорость движения небесных тел он связывал с их удаленностью от земли. В области математики его важнейшим достижением является вычисление соотношения длины окружности земли и ее диаметра (число π). Чжан Хэн также является автором ряда поэтических произведений, в том числе «Си-цзин фу» («Ода Западной столице»), «Дун-цзин фу» («Ода Восточной столице»).

Возникновение и развитие древнекитайской цивилизации имеет свои особенности. Они происходили во взаимодействии с соседями по Восточной Азии, однако в отрыве от других мировых цивилизаций. Тем не менее это не вызвало замедления темпов роста, и на протяжении всей древности Китай был не только самой крупной и многонаселенной, но и одной из самых высокоразвитых стран ойкумены.

Древнекитайская цивилизация была самодостаточной, не нуждавшейся жизненно, в отличие от Египта, Рима, Греции, в обмене с внешним миром. Самодостаточность выражалась не только в сфере экономики, и последняя отнюдь не была определяющей. Самодостаточной и самостоятельной являлась вся китайская культура – в ней весьма немногочисленны следы внешних влияний.

Древний Китай собственными усилиями создал богатую развитую культуру и внес немалый вклад в мировую сокровищницу. Особо следует выделить иероглифическую письменность, одно из главнейших изобретений китайской цивилизации, представляющее собой уникальное явление в мировой истории. Несмотря на сложность, она оказалась настолько хорошо приспособленной к китайскому языку и к китайской действительности, что является единственным письмом на планете, существующим уже не менее 35 веков.

Китайская культура возникла в основном без заметной внешней помощи, однако сама охотно делилась своими достижениями с ближними и дальними соседями. Государственное устройство, философия, культура таких стран как Корея, Япония и Вьетнам, а в более позднее время также Монголия, Тибет и Маньчжурия очень многое почерпнули из китайских богатств.

И все же, помня о самостоятельности и специфике китайской цивилизации, не следует историю этой страны отрывать от мирового процесса, а ее народ – от остального человечества. Она развивалась не только по тем же общим законам, но и с тем же историческим «ритмом», что и западная часть Старого Света. Эпоха Чжаньго с его полицентризмом и расцветом культуры совпадала с периодом эллинизма (IV–III вв. до н.э.), расширение Западной Хань и создание империи – со временем римских завоеваний II–I вв. до н.э., а время Восточной Хань – с расцветом Римской империи в I–III вв. н.э. История Китая – это часть истории человечества.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЙОНА ЮВА

Крупнейшее государство Средней Янцзы Чу (как и Цинь) занимало наибольшую по площади территорию со сложным ландшафтом. Чу контролировало все земли на Средней Янцзы, Нижнем и Среднем Ханьшуге, Верхней и Средней Хуайхэ. После завоевания земель долины Хуайхэ, Нижней Янцзы, части Юньнани и долины р. Сянцзян (Жемчужной), царство Чу стало первой региональной империей. Под властью чуского правителя оказалось как минимум треть территорий будущих Циньской и Ханьской империй, но в отличие от них это были земли только рисоводов – хмонг-миенов и аустро-азиатов-вьетов (юэ).

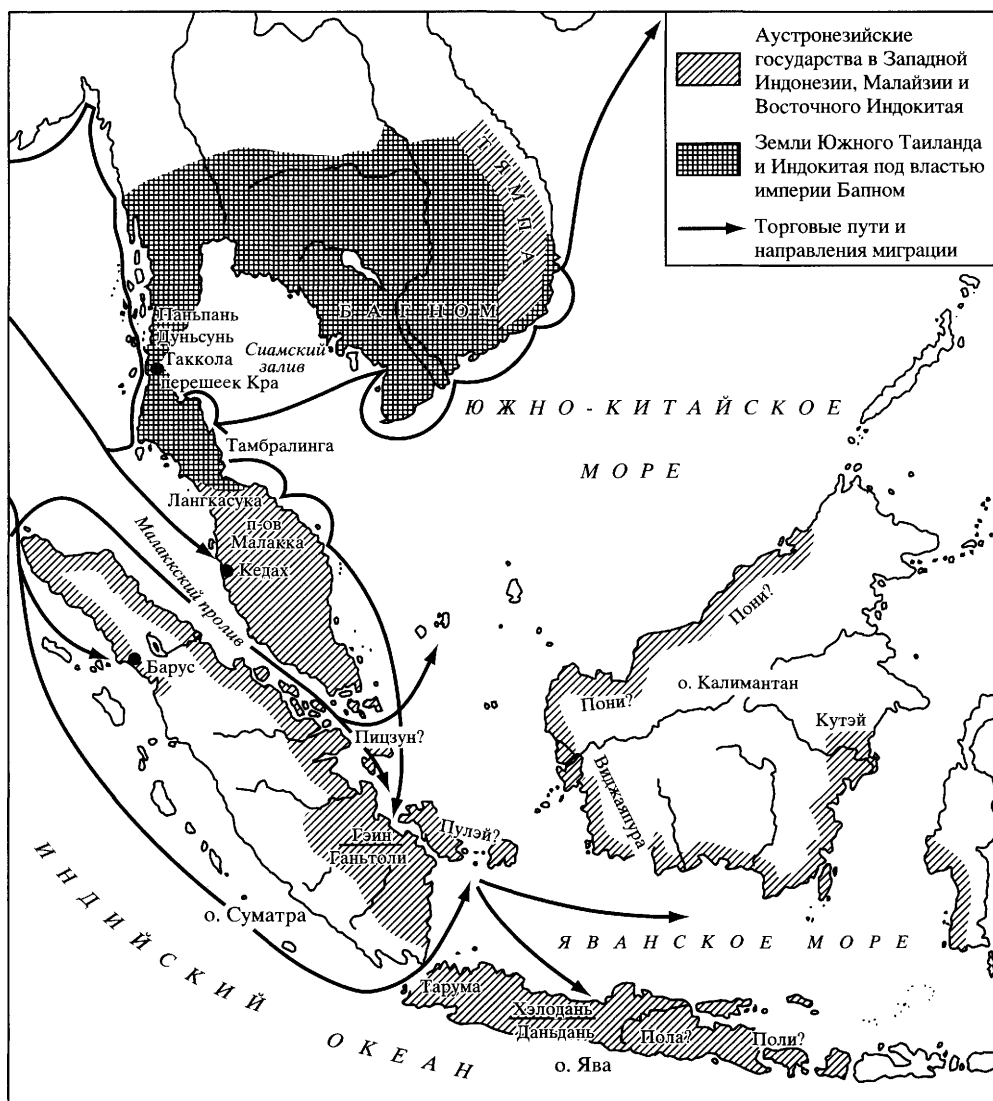
В IV–III вв. до н.э. на территории Чу были распространены предметы с декором «звериного стиля». Известно, что он проник в регион из Центральной Азии (где в то время уже наступил железный век, в Передней Азии – уже с XI в. до н.э.). Возможно, вместе с ним из Центральной Азии могло прийти и само железо, которое ок. III в. до н.э. попало и в Индокитай.

В IV в. до н.э. земли Нижней Янцзы вошли в состав царства Чу. В результате распада царства Юэ на прибрежных территориях (от залива Ханчжоувань до устья Жемчужной реки) возникли вьетские царства (из них самые крупные *Дунъюэ*, *Минъюэ*, *Нанъюэ*). В конце II в. до н.э. все они политически были включены, в основном, в состав Ханьской империи.

С V в. до н.э. в южной части бассейна Верхней Янцзы выходцы из Великой степи индоевропейцы *саки-юэчжи* (видимо, на тайской этнической основе) создали царство *Диен* (пров. Юньнань). У предков тайских народов собственная государственность, видимо, сложилась несколько позднее. С IV в. до н.э. можно говорить о древнетайском царстве *Елан* (пров. Гуйчжоу).

К 221 г. до н.э. все земли севера исторического региона Юго-Восточная Азия были подчинены царством Цинь, т.е. фактически вошли в первую китайскую империю. Раньше всего, еще в конце IV в. до н.э. это было сычуаньское царство Шу, в 223 г. – Чу. Земли в Приморской области (с их вьетскими государствами) подчинялись Циньской империи лишь номинально. Однако к 214 г. две циньские армии пересекли хребты Наньлин и, захватив земли средней и нижней части течения Жемчужной реки, попытались и политически покорить местное государство – предшественника Намвьета.

Как уже говорилось выше (с. 363), крах Циньской империи был связан с борьбой чусцев, начавшейся в 209 г. до н.э. за восстановление чуской государственности. В условиях отсутствия центрального управления оказавшийся отрезанным за хребтами Улин циньский военачальник Чжао То породнился с местной династией и создал независимое государство *Намвьет* (кит. *Нанъюэ*) со столицей в устье Жемчужной реки (г. Фиенгун, район совр. г. Гуанчжоу). Он и его потомки контролировали также вьетские земли в долине Красной реки на северо-востоке Индокитая. А в Приморье по всему

Нусантара и юг Индокитайского п-ова в I–VI вв.

юго-восточному побережью Восточной Азии возродились крупные вьетские государства Манвьет, Донгвьет и др.

Возникновение в 202 г. до н.э. и становление первой долговременной империи Западная Хань связано с компромиссом, который чуские элиты, сторонники умеренных сил во главе с Лю Баном, смогли предложить народам Восточной Азии, прежде всего хуся. Почти все первое столетие существования этого государства оно имело вид «федеративного государства» с сильным столичным центром (г. Чанъань в долине р. Вэйхэ) и почти автономными территориями, которые в бассейне Хуанхэ имели вид округов, а вдоль Хуайхэ и на Янцзы – владений во главе с ванами.

Во вьетских же землях восстановленная государственность благополучно просуществовала до 111 г. до н.э., когда Намвьет был захвачен войсками китайского императора У-ди. Но наладить управление здесь удавалось с большим трудом, приходилось мириться с тем, что большая часть чиновничества происходила из числа самих вьетов, поэтому практически рычаги управления оставались в руках местных элит. В 40 г. н.э. они попытались вернуть власть, но во вьетские земли были введены войска Ма Юаня, который включил их в состав империи Хань, дойдя до границы с землями чамов. Но на территории Восточной Азии оставалось еще немало районов, лишь формально считавшихся ханьскими – практически речь шла о всем севере исторического региона ЮВА, ставшего с этого времени Восточной Азией. Китайская администрация обосновалась в крупных административных центрах, а на местах управляли представители местной верхушки, а где-то (например, пров. Юньнань, Гуйчжоу, большая часть земель Хунани и Гуанси) центральная власть так и не была установлена, местами вплоть до начала II тысячелетия н.э.

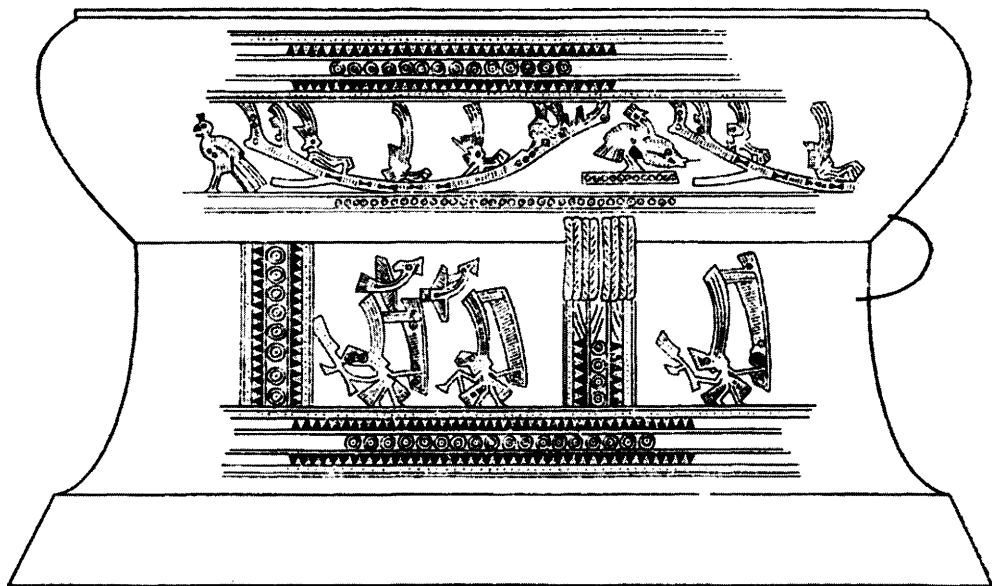
ИСТОРИЯ ЮВА

(вторая половина I тысячелетия до н.э. – III в. н.э.)

Донгшонская цивилизация и ее соседи. Во второй половине I тысячелетия до н.э., в рамках археологической культурной общности южных вьетов, или «классического» Донгшона, выросшей из культур эпохи бронзы, начала складываться собственная модель формирования ранней государственности. В ареал донгшонской культуры на ее раннем этапе (конец бронзового и в железный век) входили территории по Красной Реке до оз. Дали (Юньнань), районы верхнего течения Жемчужной реки до хребта Наньлин и севернее по р. Сянцзян.

К последним векам до нашей эры она распространялась на Нижний Меконг, отчасти на горные районы бассейна Сицзяна (Жемчужной), на Малаккский п-ов, а также на часть долин Суматры, Явы, Сулавеси и др. Запад Индокитайского п-ова, центр его восточного побережья, Тайвань и острова Филиппинского архипелага не входят в сферу распространения бронзовых барабанов – главного «знака» донгшонской цивилизации. Ее центру соответствует государственное образование, которое позднее упоминается как царство *Аулак* (кит. *Оу ло*) со столицей на месте городища *Колоа* (к югу от совр. Ханоя). В конце III в. до н.э. оно входит в состав вьетского государства Намвьет. Донгшонская культура впоследствии была воспринята мон-кхмерами, аустронезийцами и пара-тайцами. Памятники Донгшона были впервые изучены и объединены в культуру французским ученым русского происхождения В.В. Голубевым.

Основу социальной организации составляли свободные общинники-воины, члены небольших сельских общин. Донгшонцы жили в поселках, расположенных по берегам рек, на небольших возвышенностях, рядом с полями, в домах свайно-столбовой конструкции с высокой прогнутой крышей.

Культовый «донгшонский барабан» типа Хегер-1. Бронза. *Прорисовка.*

Основным занятием служило интенсивное рисоводство на орошаемых полях. Аулакцы разводили бобовые, бахчевые, огородные и садовые культуры, выращивали свиней, собак, а также буйволов, использовавшихся в пахоте, что в то время практиковалось, видимо, только вьетскими народами (с конца II тысячелетия до н.э.). Характерно обилие домашней птицы (кур, уток). Важную роль играли рыболовство, собирание моллюсков и растений; керамика изготовлена на гончарном круге; характерно обилие специализированных форм и стандартизация внутри групп сосудов.

Главное орудие крестьянского труда – бронзовая мотыга-кельт. Лемехи четырехчастных плугов из бронзы известны также у аустроазиатов еще с XIII–XII вв. до н.э. (см. царское погребение Синьгань) и получили широкое распространение у донгшонцев до начала железного века. Основной тип вооружения – металлические клевцы разных форм, которые находят аналоги во всей восточной части и на севере исторической ЮВА. Как несколько ранее, и на севере, и здесь в ЮВА использовались ритуально-значимые и престижные изделия: из нефрита – двузубые клевцы, из бронзы – особой формы топоры-кельты, плуги.

В сфере верований зафиксирован культ небесных светил и неба, почитались духи земли и злаков. Особо социально значимым был культ предков. Важнейшими священными предметами служили бронзовые барабаны. Они могли быть большие (до 1 м в диаметре) и маленькие (до 10–15 см в диаметре), которые помещались в погребения. Бронзовый барабан вместе с клевцом выступает прямым аналогом описанного ранее «нефритового комплекса» атрибутов власти Нижней Янцзы III–II тысячелетия до н.э. и «бронзового комплекса» I тысячелетия до н.э. в Восточной Азии и северной части исторической ЮВА.

Бронзовые барабаны являются свидетельством не только технологических навыков и эстетических пристрастий своих производителей, но и их мировоззренческих представлений. По краю тимпана изображалась «картина мира» (геометрические символы, изображения летящих водных птиц, фигуры оленей и других животных), ближе к центральной звезде – культовые процессии и праздники, а также бытовые и военные сцены (боевые суда, воины и др.) и многое другое. Классификацию донгшонских барабанов в 1902 г. разработал австрийский ученый Франц Хегер (1853–1931). Уже самый ранний тип барабана (так называемый Хегер-1) несет на себе сложный завершенный «изобразительный рассказ» о сакральном пространстве.

Раскопки в ЮВА за пределами долины Красной реки показали, что барабаны типа Хегер 1 имели и простую модификацию (с четырьмя летящими птицами на диске). Такая упрощенная модель встречается на Малаккском п-ове и в отдаленных районах Индокитая вплоть до западной части Новой Гвинеи. Таким образом, мы видим, что унификация сакральных представлений верхов ЮВА происходит на уровне Хегер-1, т.е. не позже V в. до н.э. С III в. до н.э. появились барабаны типа Хегер-3 с маленькими пластическими изображениями лягушек по окружности верхнего диска – наступил новый период в развитии культуры, произошла частичная утрата старого сакрального смысла.

В отличие от аустроазиатов (вьетов) Нижней Янцзы III–II тысячелетий до н.э. у вьетов Донгшона не было ярко выраженных изображений ликов одного верховного божества. Многочисленны антропоморфные изображения божеств, в этом просматривается сходство со сценами на бронзовых сосудах царства Чу в эти же времена. Графика и скульптура Донгшона прошли длительный путь развития от реалистического изображения всех сторон жизни до сильно стилизованных символов; особенно впечатляющей стилизацией отличались изображения на окраинах ареала культуры (порой добавлялись реалистические изображения «своих» божеств).

Донгшонская государственность и его религия повлияли на верования многих народов ЮВА. Особое место в истории искусства эпохи поздней бронзы – раннего железа занимает пластика северного соседа донгшонцев – жителей царства *Диен* (пров. Юньнань), которая формировалась под очевидным воздействием иранского (сакского) компонента. Так, в нем был воспринят ряд характерных черт реалистической пластики евразийских степей (звериный стиль) и иранского мира (изображения людей и божеств). Примечательно наличие первого и второго планов в графических композициях. Судя по государству Диен, в ареале донгшонской цивилизации складывалась своя письменность. Донгшон был поглощен восточноханьским влиянием, китайские вещи вошли в широкий обиход. Среди прочего, известно много китайских погребений с терракотовыми моделями усадеб.

Ранний Донгшон может быть отнесен к поздней бронзе, а поздний – к железнному веку. В ЮВА железные изделия датированы V–IV вв. до н.э.; но до рубежа нашей эры орудия труда и вооружение изготавливаются из бронзы. В основном это композитные орудия из железа и бронзы, которые становятся заметными в III–II вв. до н.э. (например, втулка копья бронзовая, а ударная часть – железная). Как говорилось выше, железо сюда могло прийти из Центральной Азии (через Чу и Шу), а также могло поступать и из Индии. В Донгшоне формы изделий из железа те же, что и из бронзы. Донгшон – это морская цивилизация, которая воспринималась от юга Япон-

Культовый «донгшонский барабан». Хегер-1. Верхний диск. Бронза

ских о-вов до Явы на огромных пространствах во всех развитых районах, где впоследствии письменными источниками фиксируются государства – от Юньнани на юг, но не на Севере в долине Янцзы. Морской и речной характер Донгшона зафиксирован в сакральном искусстве – это бесчисленные корабли (с каютами, множеством гребцов, носом с драконом), а не просто лодки. Корабль никогда не забывали на периферии донгшонского искусства (в отличие от иных его элементов).

В полном объеме ее нигде не восприняли кроме вертикали – север Вьетнама – долина реки Сянцзын. Это вторая, сухопутная вертикаль. Ее носители – народы, объединенные названием *байюэ* в северной Гуанси и Гуандуне, на юге Хунани. Она же оказала влияние на район оз. Дали. Судя по государству Диен там, в ареале донгшонской цивилизации складывалась своя письменность.

Островная часть ЮВА (Нусантара). К середине I тысячелетия до н.э. на Суматре и на Малаккском п-ове существовала своя развитая культура бронзы, связанная с донгшонской культурой. Это время расселения предков малайцев на Малаккском п-ове и на Суматре. На северо-западе Малаккского п-ова (штат Селангор) найдены барабаны, по форме и декору аналогичные барабанам Хегер-1 «классического донгшона», датированные V в. до н.э., а также бронзовые топоры-кельты и колокола. Одновременно существовали барабаны особых форм – вытянутые и напоминающие песочные часы. Везде в Нусантаре наряду с прямо воспроизводящими формы Индокитайского п-ова обнаружены втульчатые топоры своих видов с изящными веерообразными и серповидными рабочими краями.

Центральный Индокитай. Если «донгшонский комплекс» был распространен в больших долинах Индокитайского п-ова и в прибрежных районах Нусантары, то в отдалении от побережья, на нагорьях Центрального Индокитая и в Центральной Нусантаре существовали культуры, носители которых создавали мегалитические сооружения. «Не-донгшонских» комплексов на территории п-ова тоже известно достаточно много. Это культура *Сахюинь* (средняя часть Вьетнама), прочно связанная с предками *чамов*. Здесь найдены предметы I тысячелетия до н.э., которые были присущи именно аустронезийцам: нефритовое изображение двухголового божества с крюком для подвешивания, шаровидные серьги с острыми выступами и др. Культура *Сомронгсен* (Камбоджа) связана с предками кхмеров. На северо-востоке Лаоса обнаружены мегалиты и гробницы (пров. Хуапхан), а в центральной части Лаоса – каменные кувшины (плато Чаннинь). На Малаккском п-ове мегалиты найдены в районе Малакки и в Негри-Сембилан, на Суматре мегалиты встречаются на плато Пасемах. Большой интерес представляют собой каменные человеческие статуи, изображающие людей с браслетами на руках и ногах, в шлемах, с «пробками» в мочках ушей, порой сидящие на слонах или буйволах. На одном рельефе изображены два человека, стоящие по бокам слона, у каждого на спине – барабан (судя по форме, бронзовый), у одного – меч. Эта символика несомненно указывает на то, что здесь в конце I тысячелетия до н.э. – начале I тысячелетия н.э. складывалась своя государственность. Для здешней пластики характерны статуэтки, изображающие танцоров, напоминающие найденные на Индокитайском п-ове. Именно в этот период зародились такие важные элементы культуры, как *гамеланг* (оркестр традиционных ударных инструментов) и *ваянг* (театр теней) – местная форма обрядов культа духов предков.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СОБСТВЕННО ЮВА

Формирование потестарных структур в различных частях ЮВА шло в результате естественных социальных процессов, но их окончательное оформление, как везде в Старом Свете, сопровождалось восприятием социального опыта соседних крупных государств. Здесь его источником сначала служили традиции аустрических обществ севера исторической ЮВА, затем донгшонской цивилизации аустроазиатов Индокитайского п-ова, а позднее государ-

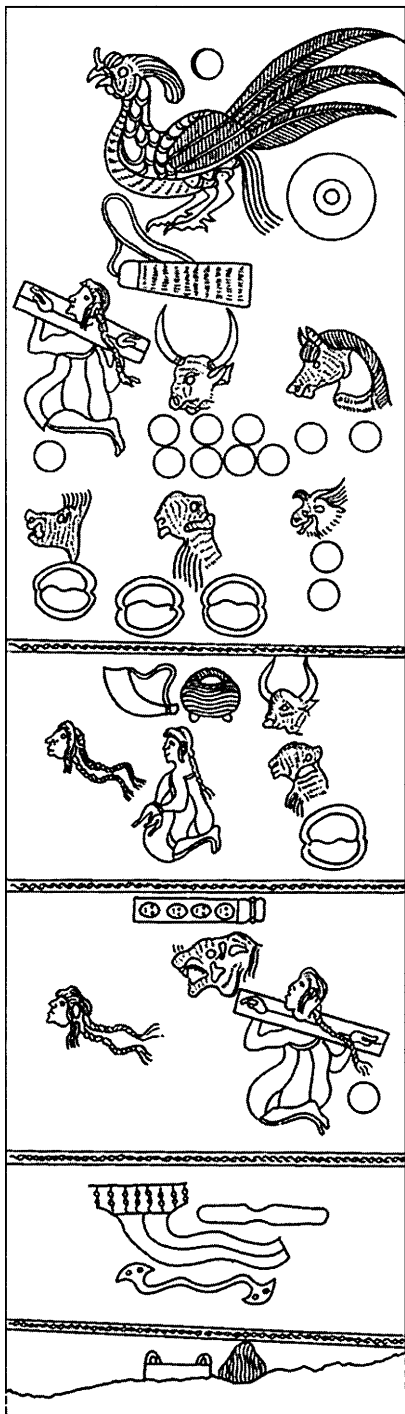
ственности народов Индостана. Источниками по этому процессу выступают эпиграфические надписи на санскрите, позднее, на местных языках, о некоторых странах мы знаем по ранним летописям. Немалое значение имеют также труды античных, индийских и китайских авторов. Массово надписи на местных языках появляются позже (с VII в. до н.э.).

Древнейший текст был найден в царстве Диен (IV–II вв. до н.э.). Самыми ранними эпиграфическими надписями, известными в собственно ЮВА, являются короткие тексты на золотых листках: они относятся к первым векам нашей эры. Такие краткие тексты религиозного характера на золотых пластинах найдены в Шрикшетре на Нижней Иравади (IV–V вв. н.э.) и в О-кео (II–IV вв. н.э.) в дельте Меконга. Две сравнительно развернутые надписи на камне датируются III–IV вв. н.э.; они были найдены на территории Чампы – одна из них в Вокань (у г. Нячанга), другая в Донг Йен Чау (у г. Чакиеу). Первая на санскрите, вторая, более поздняя, на чамском языке. К числу ранних относятся также надписи на столбах (*юпа*) с Восточного Калимантана (Кутэй), датируемые ок. 400 г. Содержание и язык этих и других надписей позволяют утверждать, что они не были первыми в этих странах.

Ранние государства в ЮВА возникали на основе больших групп рисоводческих общин, плотно живущих в части долины большой или средней реки, в центре крупного аграрного очага. В первые века нашей эры в ЮВА складывается пять типов таких государственных образований.

Первый тип: имеющие большую аграрную базу в долинах низовий и дельт больших рек (вьеты в долине низовий Красной реки, кхмеры в долине Нижнего Меконга). Они формируются к I–II вв. н.э. Второй тип: средние по размерам государства долин низовий средних или крупных рек (монское государство Раманнадеша на нижней Иравади и нижнем Салуине, монское государство Дваравати в низовьях Тьяо Прайи). Третий тип: государства расположенные на средних течениях средних рек, дельты которых непригодны для широкомасштабного сельского хозяйства (предшественник Шривиджайи на р. Муси – Гэ-ин). Четвертый тип: долины низовий малых рек, сливающиеся в одну полосу и образующие сравнительно большой аграрный регион (Чампа в центральной части восточного берега Индокитайского п-ова, Тарума на северо-западе Явы), некоторые политии на обращенных в Сиамский и Бенгальский заливы землях. Пятый тип: «эстуарные» государства, расположенные в устьях малых рек и в прибрежной зоне, в силу естественных ландшафтных причин лишенные крупной аграрной периферии, причем их долины не смыкаются – к ним относятся малые монские и малайские государства на Малаккском п-ове. Часть из них становилась важными перевалочными пунктами на морских торговых путях.

Международная торговля имела огромное значение в древности для государств второго, четвертого и особенно пятого типов. У них возникал порт, лежащий на региональных маршрутах, почти исключительно каботажных, которые вели в различные прибрежные города ЮВА и доходили только до восточного побережья Индокитая и в редких случаях до устья Жемчужной реки. Приморские города являлись средоточием внутренней и заморской торговли. Древние моны, чамы, вьетны, кхмеры и малайцы являлись хорошими мореходами. Они плавали на длинных гребных судах, широко распространенных в Юго-Восточной Азии с донгшонского времени, и небольших

Пиктографический документ из царства Диен. Бронзовая пластина.
Прорисовка

парусных судах с косым парусом, т.е. шедших галсами против ветра, что еще целый ряд веков оставалось недоступно ханьцам с их «джонками» под прямыми парусами.

В то время ханьцы продавали ткани через Центральную Азию (Шелковый путь), которые в античном мире назывались «серскими» (от «Сера» – названия ханьских государств на Хуанхэ и Великой равнине), а включенные в империю бывшие земли севера прото-ЮВА назывались «Сина» (от империи Цинь).

На I–II вв. н.э. приходится время наиболее интенсивных международных торговых контактов с Западом, в результате которых осуществлялось восприятие «средиземноморского» (греко-римского) и южноиндийского опыта. Благодаря античным «периплам» и «географиям» римляне получают достаточно полные сведения об Индии и западной части ЮВА. Международные торговые маршруты протянулись от Александрии Египетской до портов Южной Индии, Бенгалии и побережий Индокитая. Отдельные центры приморских аграрных очагов на полуострове и в устьях рек на побережье в Нусантаре также вошли в систему мировой торговли.

Индийские купцы привозили из ЮВА (Суварнадвипы – «Золотой земли») камфору, слоновую кость, черепахи и ценную древесину. Есть археологические свидетельства о греко-римских импортах на Индокитайском п-ове: в городе-порте О-кео, в монских портах на территории Южной Мьянмы (Шрикшетре и др.) находят керамику, изображения божеств, ювелирные изделия, монеты и пр. Видимо, индийское и средиземноморское влияния (греко-римское) в первые два века нашей эры были сопоставимы. Индийских предметов в ЮВА находят больше, чем греко-римских.

До III–IV вв. внешняя торговля была регулярной и достигала серьезных масштабов. Об этом говорит то, что самые крупные корабли, которые сооружали греки – коландии, которые брали на борт несколько сот человек и сотни тонн груза,

ходили именно между Индией и Малаккским п-овом. К V в. эта торговля почти прекратилась, христианской Византии не требовалось такого количества редких приправ, пряностей и всего того, что украшает жизнь, как Риму.

Особенности восприятия индийского и ханьского опыта в ЮВА. Процессы восприятия социального опыта извне в ЮВА проходили по тем же законам, что и в других частях света, особенно активизировались они в моменты перехода от одной стадии социального развития к другой. Важнейшая специфика ЮВА в том, что здесь они проходили в условиях интенсивных торговых и миссионерских (но не политических) контактов, когда право отбора оставалось за принимающей стороной.

Наиболее интенсивное восприятие индийского опыта приходится на III–IV вв. В это время, так же как и в Южной Индии, в ЮВА исчезают приморские города «средиземноморского» типа с плотной застройкой и интенсивной городской жизнью. Контакты аустроазиатов и аустронезийцев ЮВА осуществлялись в основном с Коромандельским побережьем, где уже давно существовали государственные образования дравидских народов (рисоводов). При этом в ЮВА усваивались не собственно дравидские традиции, а верхушечная санскритская культура, в которой уже сосуществовали буддизм и формирующийся индуизм. Она была адаптирована рисоводческими неиндоевропейскими обществами (с сильным культом предков и устойчивой общиной). Именно отсюда в ЮВА перешли механизмы функционирования высшей власти, верования и обряды, иконография и государственный язык. Заимствования были характерны для всех сфер деятельности: воспринимались новые понятия, не вызывающие ассоциации с догосударственным прошлым и связанные с формирующимися в обществе новыми отношениями.

Достижения индийской и китайской цивилизаций распространялись и воспринимались в ЮВА в I–V вв. н.э. по-разному. В Китае более длительное время, чем в Индии существовали крупные империи, которые могли бы оказывать серьезное геополитическое влияние. Но ханьская цивилизация не распространялась на юге, по известному выражению, дальше «острия копья последнего пограничника», т.е. пределов Чампы. Большая часть достижений китайской цивилизации оказалась невостребованной социумами ЮВА. Дело в том, что центры государственности ханьцев, прямых носителей этой культуры, не имели прямого контакта с ЮВА, поскольку располагались далеко на севере, в долине Хуанхэ, поэтому основными ее реципиентами являлись восточные соседи – корейцы и японцы.

Морских контактов с народами более отдаленных районов ЮВА, тем более островными, не было, поскольку сами ханьцы (северяне) морской торговлей не занимались. Сухопутные контакты были единичными и очень рискованными. Связи за пределами границ ханьских империй всегда являлись в основном односторонними – посольства из стран ЮВА приезжали к китайскому двору в основном, чтобы добиться их политического признания, с дарами (и получали ответные дары), их купцы создавали подворья в крупных приморских портах.

Восприятие ханьского опыта в I–III вв. н.э. в условиях политического подчинения представляет особый интерес. Внутренние порядки в землях лаквьетов после захвата в 111 г. до н.э. дельты Красной реки оставались неизменными, лишь в I в. н.э. здесь была создана регулярная администрация. Важнейшим событием этого времени стало антиханьское выступление 40–44 гг., которое возглавили сестры Чынг (Чак и Ни); они восстановили вьетское государство со столицей в г. Мелинь. В 42 г. на юг прибыла армия во главе с китайским полководцем Ма Юанем. В 44 г. Ма Юаню удалось разбить сначала армию сестер Чынг в дельте Красной реки, а затем армию Ту Онга под городом Тыфо. В результате было создано три округа: Цзяочжи, Цзючжэнь и Жинань.

Сначала право укомплектовывать аппарат управления было передано вьетскому чиновнику Ли Цзиню (Ли Тиену), а вскоре губернатором стал вьет Чжу Фу (Тю Фу). После этого произошел переход власти к его династии, которая дала начала правлению «скрытых династий», правивших во вьетских землях. Их главы утверждались в качестве губернаторов при дворе ближайшего китайского государства. Затем к власти пришел род Ши.

С 202 г. правил Ши Ниеп (до 225 г.), который в условиях распада Восточноханьской империи воссоздал государство *Намвьет-Аулак*. Его сын Ши Хюи не смог удержать власть, и во второй четверти III в. земли вьетов вошли в состав южного из трех китайских государств, царства У, большая часть территорий которого размещалась на вьетских землях. Так, после выступления вьетской знати 248 г., власть снова перешла к вьетам – губернатором стал Тао Хуан. В 272 г. после падения царства У он легко признал сюзеренитет другого ханьского государства – империи Западная Цзинь.

Можно отметить, что элементы китайской культуры в ЮВА воспринимались в урезанном виде и только вьетами, которые сами имели опыт государственности еще со времен Лянчжу, когда их предки и сами оказывали большое влияние на предков хуася. В первые века нашей эры на юго-западе и на юге от вьетских земель возникают два крупных государства: аустроазиатское (кхмерское) *Бапном* (затем *Камбуджадеша*) и аустронезийское (чамское) *Чампа* (территория совр. Центрального Вьетнама).

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ЧАМОВ

Об истории чамской государственности (192–335 гг.) в настоящее время известно меньше, чем об истории государств других крупных народов ЮВА. Одна из причин этого кроется в том, что чамы в XVII в. уже не имели своего государства; они вошли и живут во Вьетнаме, частично – в Камбодже. Основными внутренними источниками являются эпиграфические надписи, внешними – китайские источники, отчасти кхмерская эпиграфика, которые не содержат данных о внутривьетской истории.

Важнейший вклад в изучение Чампы внес французский ученый Анри Масперо (1883–1945 гг.), сын прославленного египтолога Гастона Масперо, описав ее историю в книге «Королевство Чампа» (1928 г.). А. Масперо выделил 14

«династий» правителей Чампы, подобно эллинистическому историку Манефону, сгруппировавшему в свое время династии египетских фараонов. Так, через два тысячелетия египетская традиция оказала влияние на периодизацию истории одного из крупнейших государств Индокитайского п-ова.

Само название Чампа впервые встречается в эпиграфике начала VII в., но можно предполагать, что оно использовалось и до этого. История государства чамов – это история сначала борьбы за расширение, а потом за удержание занимаемой территории долин между дельтами двух великих рек – Красной и Меконга. Но отдаленность друг от друга основных аграрных районов, а также расширение на юг вьетского Дайвьета привели к тому, что оно просуществовало до тех пор, пока оставались возможности для перемещения на юг столичного центра. Как только они были исчерпаны – государство пало.

Первоначально Чампа занимала узкую прибрежную полосу от Перевала Облаков до бухты Камрань или даже до северного края дельты Меконга. Эти районы были давно обжиты аустронезийцами, поэтому они обитали и за пределами долин; гораздо более широкая полоса аустронезийских общин занимала и занимает зону предгорий и гор. Судя по археологическим данным, ранний политический центр Чампы г. Индрапура находился к югу от г. Хюэ. После этого начинается распространение власти чамских монархов на юг вплоть до г. Пандуранга (ныне Фанранг).

Первое известное ханьцам государство на территории Чампы уже существовало в 192 г. (китайское название *Линь-и*); еще раньше чамы воевали с Хань на вьетских землях, входивших в состав китайского государства. В рамках китайских стереотипов восприятия возникновения государств у соседних народов его основателем назван ханьский чиновник из соседнего пограничного округа Жинань по имени Цюй Лянь (впрочем, возможно, это не имя, а титул – Шри Мара), который, как когда-то Чжао То в Намвьете, воспользовался крушением Восточной Хань в конце II в. до н.э. и создал свое государство где-то к югу от Перевала Облаков. То немногое, что известно о Чампе по данным эпиграфики и археологии, позволяет утверждать, что это государство возникло не позднее I в. н.э., т.е. еще до появления на свете Цюй Ляня. Имена правителей между 192 до 270 г. неизвестны, но китайские авторы не сомневались, что последний передал власть сыну и в стране правили его потомки. Примерно между 220 и 230 гг. один из «потомков» Цюй Ляня направил посольство ко двору царства У.

В 248 г. чамы совершили очередное нападение на вьетские города, подчиненные теперь уже царству У. В 270 г. на престол в Линь-и вступил Фань Сюэ (270–?), что также могло быть титулом, который включал слово «варман» (кит. *фань*) – «правитель». После этого первый правитель третьей бапно-мской династии Фань Сюань (с тем же титулом) заключил с Чампой союз против китайской администрации северных вьетских территорий.

Когда в 280 г. в Китае возникла новая империя Западная Цзинь, китайский губернатор лак-вьетских земель опять жаловался на набеги войск Линь-и, которых снова поддерживали войска из Бапнома. В 284 г. новый правитель Линь-и по имени Фань-и (284–336 гг.) направил официальное посольство к китайскому двору. Фань-и правил более 50 лет, его правление отличалось мирным характером, но имеются свидетельства о том, что «его армия была хорошо обучена».

СТАНОВЛЕНИЕ КХМЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА БАПНОМ (начало II в. – 539 г. н.э.)

Наиболее значительным в ЮВА было государственное образование аустроазиатов (монов и кхмеров) *Бапном*, название которого, видимо, было связано с кхмерским титулом *курунг бнам* («царь горы»). Оно сформировалось на основе носителей культуры эпохи бронзы Сомронгсен на среднем и нижнем течении Меконга. Бапном во II–III вв. стал первой в истории ЮВА «общерегиональной» державой. Обладая сильным флотом, он играл важную роль на морских путях из Индии и оказывал влияние на монские государства низовий Тяо Прайи, а также на политике приморской части Малаккского п-ова, обращенной к Сиамскому проливу. Основными источниками по его истории являются ханьские «нормативные» истории, а также фрагменты отчетов участников посольства в Бапном во главе с Кан Таем и Чжу Ином, которое было направлено туда первым правителем царства У Сунь Цюанем (222–252 гг.) и побывало в кхмерских землях где-то около 245–250 гг. Как и везде в ЮВА, восприятие индийской культуры в Бапнومه выражалось в использовании санскрита, почитании индийских божеств (включая буддийского бодхисатву Локешвару). Здесь существовали свои брахманы и чиновники с индийскими названиями должностей.

Согласно легенде, основателем этого государства был Каундинья I (I в. н.э.), который начал править благодаря тому, что победил и взял в жены местную правительницу по прозвищу «Лю-е» («Ивовый лист»). Семь (мифическое число!) его сыновей правили в семи городах, остальными областями управляли чиновники и местные правители. В кхмерской империи Каундинья считался основателем Лунной династии, в которой власть передавалась по мужской линии (в «местной» Солнечной династии – по женской). Следующим правителем Бапнома стал его внук (или правнук), чей титул (или имя) известен в китайской записи: Хунь Пянькуан (вторая половина II – начало III в. н.э.). Он распространил свою власть на соседние государства; подавив сопротивление местных царей, он тоже поставил править там своих многочисленных сыновей и внуков. Его и считают подлинным создателем державы Бапном. Он скончался в возрасте 90 лет, после него правил его сын Пань Пань, который сравнительно быстро передал власть Фань Шиманю.

Фань Шимань, согласно преданию, являлся полководцем (не сказано, что он сын или внук, т.е. он принадлежал к другому роду), и по китайскому источнику, «за свои военные заслуги был избран народом править страной». Войны с соседями продолжались, и при нем Бапном стал превращаться в первую в ЮВА империю, распространившую власть не только на кхмерские, но и на монские и малайские земли. После первых успехов Фань Шимань принял титул «Великого правителя Бапнома». Затем им был построен флот и предпринят ряд дальних походов, в ходе которых он пересек «большое море» и успешно напал на «десять государств».

Примерно к 225 г. под контролем Бапнома оказались ранние монские и малайские государственные образования низовий Тяо Прайи и севера Малаккского п-ова. Китайский посол приписывал ему территорию до 2 тыс. км

в длину. В его состав вошли земли по нижнему течению Меконга, в восточной части бассейна Большого Озера, на побережье к западу от устья Меконга, в низовьях Тяо Прайи, на перешейке Кра до залива Бандон. Иными словами, все ранние монские и малайские государственные образования вдоль береговой линии Сиамского залива и северной половины восточного побережья Малаккского п-ова попали в зависимость от Бапнома.

Сам Фань Шимань не смог предать власть – его сын Фань Цзиншэн был убит Фань Чжанем, который правил не менее 15 лет, приблизительно с 225 по 240 г. Но потом власть вернулась династии, когда он был убит братом Фань Шиманя по имени Фань Чан. Эти внутренние распри мало повлияли на положение дел. Расцвет Бапнома продолжался. Кхмерские правители распространяли свое влияние как на побережье, так и в глубь полуострова.

Правители первых политических образований именовались «варманами». Формировался аппарат управления: варманам подчинялись раджи, а последним – *кулапати*, главы патронимий. Включение в надобщинный аппарат управления превращало кулапати в должностное лицо, получившее ранг. Такая вертикальная мобильность, связь власти с общинной верхушкой давала этой последней возможность ограничивать власть варманов и играть значительную социально-политическую роль.

Основу экономики составляло рисоводство в бассейне рек вытекающих из оз. Тонлесап («Большое озеро»), а также текущих в прилегающих районах по берегам Меконга. Столица Бапнома Вьядхапура («Город охотников») располагалась на реке Меконг, южнее озера Тонлесап.

Лучше всего раскопан бапномский город, на месте которого сейчас стоит деревня О-кео; его торговые связи на западе доходили до Римской империи, Ирана, Армении и Северной Индии (государств Икшваков, Паллавов, Сатаваханов). Тесная планировка города напоминает планировку г. Шрикшетра на Иравати, а также прибрежных южноиндийских городов, которые, в свою очередь, имеют некоторое сходство с средиземноморскими. В таких городах встречается римская керамика, бронзовые лампы, монеты и украшения. Обилие специализированных форм керамики говорит о сложной экономической жизни города, в которых жили ремесленники, порой высокой квалификации (скульпторы, литейщики, резчики по камню и др.). В обращении ходила своя монета не только из золота и серебра, но и (что было редкостью в то время в ЮВА) мелкая монета из бронзы и олова. Монеты Бапнома найдены вплоть до Западного Индокитае.

Интенсивностью отличалась торговля О-кео с монским государством Раманнадешой в Западном Индокитае, а также с вьетами, чамами, народами Нусантары. Наличие в О-кео китайских зеркал, золотых и серебряных монет и медальонов из Римской империи и государств Западной Азии, античных гемм, дорогих изделий художественного ремесла свидетельствует о развитой внутренней и внешней торговле. То же подтверждает и обилие в О-кео каменных и металлических гирь.

Знатные роды государства принимали брахманизм, порой буддизм, но сохранились и кхмерские верования: практиковалось почитание духов земли, существовал культ богов горы и др. В III–IV вв. в духовной жизни ощущалось сильное влияние буддизма хинаянского толка, что связано с контактами

именно с Южной Индией. Возводились храмы, где стояли каменные статуи божеств, в домах размещались алтари-курильницы. Существенно, что многие изображения индуистских и буддийских божеств изготавливались в самом Бапноме (в том числе пластичные изображения Будды из дерева).

МОНСКИЕ ЗЕМЛИ ЗАПАДНОГО ИНДОКИТАЯ В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

Первые известные государственные образования в западной части Индокитая стали возникать в начале нашей эры и располагались на побережье Бенгальского залива и, возможно, на Средней Иравади. На побережье и в нижнем течении Иравади – это монские города-государства: Татон, Таккола, Пегу, имевшие общее название Раманна-деша («страна монов»). К ним с севера примыкал город-государство Шрикшетра (у г. Пром), жители которого принимали активное участие в мировой торговле. Этническая принадлежность жителей Шрикшетра окончательно неясна, высказываются мнения, что это могли быть и тиркулы (*пью*), чья этническая принадлежность пока точно не установлена (ведутся споры – часто политически окрашенные). Но тот факт, что возникшее позднее на Средней Иравади бирманское государство Паган (с X в.) первые полтора века своей истории находилась под сильным монским влиянием, позволяет считать, что тиркулы, жившие здесь в V–IX вв., принадлежали скорее к монам.

На территории Мьянмы известен еще целый ряд государств. На берегу Мартабанского залива находились города Тхандве и Йома. Город на месте современного Бейктхано (был, возможно, занят кхмерами в 210–225 гг.), слои I–IV вв. есть в Таунг Двин Ги, упоминается также Тагаунг и др. Здесь также было заметное влияние индийской государственности и культуры, но ход политической жизни государств пока не воссоздан. С первых веков нашей эры здесь распространялись и буддизм, и брахманизм.

Земли Аракана тянутся вдоль восточного побережья Бенгальского залива и отделены от бассейна Иравади Чинскими горами. Там также существовало государство, о котором известно мало.

СТРАНЫ И НАРОДЫ ОСТРОВНОЙ ЧАСТИ ЮВА

Южнее монских земель располагались государства малайцев, чья государственность формировалась в первые века нашей эры на Малаккском п-ове и на перешейке Кра; через который проходил кратчайший маршрут на пути из Индии в ЮВА, который предполагал попадание в Сиамский залив через систему волоков, а вокруг полуострова шли маршруты каботажных плаваний. Несколько позже, в II–III вв. малайские государства, уже иного типа, возникали на восточном побережье о-ва Суматра, в долинах рек Муси и Джамби. На Яве центры ранней государственности зафиксированы в эти века в западной части острова. Возникали политические центры и на острове Калимантан: на восточном побережье в районе Кутея, и на западном – в районе р. Понтианак, в дальнейшем в силу не очень ясных пока причин на

Калимантане социальное развитие приостановилось, а вот Ява продолжала развиваться очень интенсивно.

В античном мире бытовало два типа сообщений о ЮВА. Первый, ранний, отражал некое обобщенное восприятие региона, оно сводилось к наличию там двух островов Хриса (Золотого) и Аргири (Серебряный), где много золота и серебра и откуда поступают лучшие черепаховые панцири. Хриса (или Золотой п-ов у Клавдия Птолемея) – это Малаккский п-ов.

Второй более поздний тип был связан с накоплением знаний о ЮВА в результате налаживания «средиземноморского маршрута». Описания региона в трудах римских авторов стали более подробными, сопровождалась перечислением городов и рек на побережье с указанием их локализации согласно сетке долгот и широт. К таковым описаниям относится труд Клавдия Птолемея «География» (ок. 140 г.), в котором ЮВА названа Загангской Индией. В его труде на западе Малаккского п-ова (VII.2.5) указано 10 хорошо локализуемых топонимов, которые явно отражают реальный маршрут каботажного плавания. Птолемей также перечисляет города, расположенные внутри «Золотого Херсонеса», и города на перешейке Кра.

Птолемею упоминаются топонимы, расположенные на побережье Перимулийского (Сиамского) залива до Великого мыса (мыс Камау на южной оконечности Индокитайского п-ова). Также упомянуты две группы островов, лежащих к югу от экватора (VII.2.28) – Барусы и Сабадейба. Речь, судя по всему, идет об о-ве Суматра. Говорит Птолемей и о Яве (VII.2.29), которую он называет Ябадиу, что, по его мнению, означает «Остров ячменя»: «Говорят, что этот остров очень плодороден и там производится много золота. Его столица – Аргири (Серебряная) расположена в его западной части».

Довольно точные данные о Яве свидетельствуют о том, что здесь располагался один из центров торговли в ЮВА (археологически Западная Ява еще плохо изучена). Дальше на восток упомянуты десять островов Маниолы, где корабли с железными деталями примагничиваются. Некоторые ученые идентифицируют их с Филиппинскими о-вами. Это международный стереотип в восприятии тамошних мест.

В китайском сочинении автора I в. н.э. Ян Фу «И у чжи» («Описание удивительного»), есть описание острова в ЮВА: «В море Чжанхай (Сиамский залив – Южно-Китайское море) есть [остров] Цитоу (Обрывистая голова). Вода мелкая и изобилует магнитящими камнями. Немногочисленные иноземцы, проезжающие на больших морских судах, все имеющиеся металлические листы заклепывают. Когда достигают эту заставу, то магнитящий камень не позволяет проехать». На западе Явы китайские источники размещали государство Етяо (Сытяо).

С III по VI в. государства на перешейке Кра и севере восточного побережья Малаккского п-ова находились в сфере влияния кхмерского государства Бапном. Начиная с III в. (период Троецарствия, 220–280 гг.), сведения о малайских государствах на Малаккском п-ове и острове Суматра появляются в китайских сочинениях регулярно. Важнейшим источником III в. н.э., в котором сохранились сведения о странах Южных морей, в том числе малайских, является сочинение Вань Чжэна «Наньжоу и у чжи» («Описание удивительного южных провинций»), в котором упомянуто несколько стран на Малак-

кском п-ове, на о-вах Суматра и Калимантан – это Гэин, Дубо, Дяньсюнь (Дянью), Цзючжи, Пулэй.

Наиболее известно суматранское государство *Гэин*, расположенное в низовьях р. Муси (Южная Суматра), предполагаемая предшественница великой средневековой талассократии Шривиджая (VII–XIII вв.). Сюда кушанские купцы на морских судах везли лошадей, которые являлись символом власти и ценились на столько дорого, что местные правители покупали даже покалеченных коней.

* * *

Описывая древнюю историю ЮВА, историк не имеет возможности перейти от «крупного плана» к описанию биографии одного человека, даже если это монарх. Древняя история ЮВА к тому же несколько короче, чем история классического Востока, Южной, Восточной и прото-Юго-Восточной Азии. Но это не умаляет ее значения для познания закономерностей протекания исторического процесса. Без нее история Старого Света будет неполна.

КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ В ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ

Культура и религия на Востоке эпохи поздней древности не были статичны. На всем пространстве от Китая до Южной Аравии и Эгеиды происходили интенсивные процессы отмирания старых и становления новых идейных течений, взаимовлияния культурных тенденций различных регионов, что находило выражение как в борьбе за преобладание, так и в мирном сосуществовании. Несмотря на все разнообразие религиозных верований на Древнем Востоке в целом просматривается общая тенденция к постепенному оттеснению политеистических культов и их замещению религией с одним доминирующим божеством (христианство, митраизм, южноаравийский рахманизм) или трансформации верований с выделением небольшой группы наиболее почитаемых божеств, мыслимых эманациями друг друга (индуизм).

ИНДИЯ

К рубежу новой эры в Индии целый ряд неортодоксальных религиозно-философских течений, зародившихся в середине I тысячелетия до н.э. практически исчез (как адживикизм) или существенно потерял свое влияние (как джайнизм). Значительные изменения претерпело и учение Будды.

Буддизм. В результате непрекращавшихся споров об истинном учении Будды к рубежу нашей эры приверженцы буддизма разделились на два лагеря. Один признавал возможность спасения от страданий, т.е. достижения нирваны, только для тех, кто стал монахом-аскетом. Причем каждый монах должен был следовать по пути к нирване самостоятельно, не надеясь на чье-либо содействие. Сторонники этой позиции называли свое учение *тхеравада* («Учение древних»).

Этому учению, господствовавшему в долине Ганга, было противопоставлено более молодое и менее строгое направление, убежденное, что и простому мирянину будет доступна нирвана, если он начнет следовать определенным моральным установкам. Более того, на пути спасения он может надеяться на помощь *боддхисаттв* – существ, которые практически достигли цели на пути к нирване, но из сострадания к другим людям не переходят заветную границу, а остаются для помощи страждущим. Это направление в буддизме называлось *махаяана* («Широкая колесница»). Сторонники махаяны считали, что идеи их противников достойны презрения, поэтому им было дано обидное, на их взгляд, название *хинаяны* («Узкая колесница»). Постепенно в буддизме махаяны возникает культ боддхисаттв со сложными обрядами, молитвенными и жертвенными ритуалами, особенно характерными в современном тибетском буддизме.

Пика своего влияния в Индии буддизм достиг при Канишке I Великом – кушанском царе первой половины II в. н.э. Ему приписывается сооружение ступ, в которых хранились останки Будды (древнейшие дошедшие до нас

ступы датируются III в. н.э.), и обильная материальная помощь буддийской общине. Причудливый облик ступ имеет свое объяснение. Их венчают три или семь зонтов, обозначающих либо три небесные сферы, либо семь ступеней на небо, а многочисленные фигуры людей, животных и богов изображают различные события из жизни Будды и основанной им общины. Канишка первым начал чеканить монеты с буддийской символикой. Однако наличие на его монетах символов иранских божеств заставляет предположить, что религиозные предпочтения самого Канишки не носили чисто буддийского оттенка, а сам кушанский пантеон включал в себя весьма разнородные иранские и индийские элементы. Тем не менее период правления Канишки совпадает с эпохой процветания буддизма в Индии и его активного распространения в Средней Азии.

Буддизм пользовался исключительной популярностью не только в Индии. Сотни монахов преодолевали огромные расстояния, стремясь донести учение Будды до самых отдаленных регионов Средней Азии, Китая и Шри-Ланки. И в самой Индии буддизм тесно взаимодействовал с другими религиозными течениями, прежде всего с индуизмом.

Индуизм. Если буддизм доминировал в основном в экономически развитых областях, прежде всего в городах, особенно в тех, жизнь в которых была ориентирована на связи с внешним миром, то в сельской местности продолжали процветать традиционные культы, основанные на авторитете вед. Давно ушли в прошлое не только дорогостоящие жертвоприношения и многомесячные ритуалы, описанные в ведах. Трансформации подверглась и поздневедийская религия. К рубежу новой эры складывается, а в период господства династии Гуптов наступает период распространения индуизма.

Особенностью индуизма по сравнению с предшествующими «традиционными» религиозными течениями является отход на второй план основных ведийских божеств (Индры, Сомы, Агни), культ которых был связан со сложным жертвенным ритуалом, и выход на первый план тех богов, сущность которых была значительно менее определена и, следовательно, легче адаптируема к новым условиям существования древнеиндийского общества – стиранию межплеменных границ и доминированию более общих государственных интересов. Постепенно складывается триада (*тримурти*) с условным функциональным разделением: Брахма – бог-творец, Шива – бог-разрушитель и Вишну – бог-созидатель. Два основных направления – шиваизм и вишнуизм – являются преобладающими и в современном индуизме.

Оформление индуизма проходило под влиянием верований многочисленных «неарийских» народов, населявших Индию. Они поклонялись деревьям, рекам, горам и растениям. Среди животных наибольшим почитанием пользовались змея, слон, обезьяна, но особенно корова, которая до сих пор считается в Индии священным животным.

Одной из главных категорий индуистского мировоззрения является учение о религиозной заслуге – *карме* и перерождении души, которое карма обуславливает. Эти идеи зародились уже в сочинениях ведийского периода «Упанишадах». Своего полного развития они достигли в первые века н.э. И если целью буддиста было стремление остановить цепь перерождений, достигнув нирваны, то индуист желал достичь наилучшего перерождения, следуя *дхарме* – священному долгу своей варны. Важное значение в данном

аспекте имело точное соблюдение круга ежедневных обрядов, фактически заменивших жертвоприношения.

Интенсивная поддержка индуизма со стороны династии Гуптов, более традиционные основы мировоззрения и внутренний раскол в учениях буддистов – эти основные причины привели к постепенному вытеснению буддизма на периферию индийской цивилизации и безоговорочному господству индуизма вплоть до вторжения в Северную Индию мусульман в XI–XII вв.

Первая половина I тысячелетия н.э. – время расцвета классической индийской литературы, искусств и наук. В этот период формируются тексты эпических поэм «Махабхарата» («Сказание о великой битве потомков Бхараты») и «Рамаяна» («Колесница Рамы»).

«Махабхарата» состоит из 18 книг, содержащих почти 90 тыс. двустиший. Текст поэмы складывался, вероятно, на протяжении всего I тысячелетия до н.э. Он содержит воспоминания и о начальном периоде истории индоарийских племен в Индии, и о вторжениях кочевников, предшествовавших подъему державы Гуптов. Главными действующими лицами «Махабхараты» являются два кшатрийских рода Пандавов и Кауравов из «Лунной династии». Борьба за господство на Индо-Гангской равнине в процессе расселения индоарийских племен составляет главную историческую канву «Махабхараты».

«Рамаяна» излагает историю другого царского рода – «Солнечной династии». Она состоит из семи книги и содержит около 24 тыс. двустиший. «Рамаяна» также отражает реальные исторические события – проникновение индоарийских племен на юг Индостана и их столкновение с местными народностями.

Индуистская литература данной эпохи была также представлена «Пуранами» («Сказаниями о былом»), буддийская – сказаниями о земной жизни Будды «Джатаками». Значительный вклад в мировую литературу внесли не только неизвестные сказители – сочинители эпических поэм, но и вполне определенные авторы, прежде всего поэт Ашвагоша (I в. н.э.), составивший поэтическую биографию Будды «Буддачарита», и драматург Калидаса (V в. н.э.).

ИРАН

Зороастризм. Новая религия возникла в VII–VI вв. до н.э., примерно в одно время с иудаизмом и также на базе новаторского преобразования традиционных верований и картины мира. Основатель зороастризма Заратустра жил, видимо, на востоке Ирана в VII в. до н.э., в областях бывлой общности авестийских ариев, вскоре после крушения их объединения под ударами кочевников. К тому времени иранцы выделяли два рода богов: *ахур*, защитников и строителей природного и человеческого космоса, и *дайвов* (*дэвов*), сеющих хаос и смерть. Это деление восходит еще к общеиндоиранскому времени (ср. классы дэвов и асуров у индоариев), когда эти божества не противопоставлялись друг другу по критерию «добрые–злые». Однако к середине II тысячелетия до н.э. иранцы и индоарии независимо друг от друга ввели ценностное содержание такого деления: боги одного из классов стали рассматриваться как «добрые» (распространяющие радость, жизнь,

созидание), а другого – как «злые» (насаждающие смерть, страдания и разрушения). При этом иранцы к первым относили ахур, а ко вторым – дайвов, индоарии же мыслили наоборот. Соответственно, наиболее могущественные и однозначно благодетельные боги, например Митра – бог солнца и человеческой справедливости, охранитель клятв, зачислялись разными народами в противоположные категории: у иранцев Митра – ахура, у индоариев – дайва. Все индоиранцы почитали *Яму* (Йиму), первопредка человечества и владыку царства мертвых, поклонялись также Ветру, Солнцу, Луне и Огню. *Ложь (Драуга)* и *Правда (Арта)* считались у иранцев особыми мировыми началами, питательными стихиями соответственно злых и добрых божеств.

Вероятно, традиционным воззрениям иранцев принадлежит и мысль о том, что каждая из групп богов имеет верховного предводителя: так, Ахура-Мазда возглавлял ахур, Ангхро-Манью – дайвов. Сами иранцы почитали богов обеих групп: добрых, чтобы те даровали им добро, злых, чтобы те не причиняли им зла или обращали зло на их врагов. Именно против этой практики выступил со своей проповедью Заратуштра. В отличие от большинства религиозных реформаторов он не утверждал онтологических богооткровенных догм и стремился поменять не столько картину мира, существовавшую у иранцев до него, сколько их ценностную ориентацию в рамках этой картины.

Согласно учению Заратуштры, сутью движения всей Вселенной является противоборство равных по силе богов Ахура-Мазды и Ангхро-Манью, т.е. доброго и злого начал. Все зло и боль в мире существуют по желанию Ангхро-Манью, все радости и жизнь – по воле Ахура-Мазды: «Два изначальных духа принесли: первый – жизнь, второй – разрушение жизни. Между ними дайвы сделали выбор: они выбрали духа разрушения и все вместе портят жизнь людей. Оба изначальных духа явились, как пара близнецов, добрый и злой – в мысли, в слове, в деле». Для людей недостойно и губительно почитать – из страха или ради сиюминутной выгоды – дайвов, всеобщих врагов, стремящихся лишь к хаосу и разрушению. Человек должен занять свое место в битве вселенского Добра и Зла, участвуя в ней тремя орудиями: добрым словом, добрыми помыслами и добрыми делами, и признавая верховным владыкой одного лишь Ахура-Мазду, отрекаясь от всякого общения с дайвами и их адептами; лишь такой человек обеспечит себе воздаяние в загробном мире. Хозяйственные занятия оседлых авестийских ариев, к миру которых принадлежал Заратуштра, и разрушительные для этого мира нашествия кочевников существенно сказались на его проповеди: прилежное занятие земледелием и бережное отношение к скоту объявлялись важными добродетелями, а кочевники – дайвопоклонниками и инструментом Ангхро-Манью. Зороастризм запрещал человеческие жертвы и требовал от своих последователей соблюдать жесткий принцип взаимного ненападения. В целом он был проявлением типичной для «осевого времени» тенденции к этизации картины мира и религиозной практики.

Хотя представители традиционной системы культа оказывали новому учению сопротивление (по преданию, сам Заратуштра был убит жрецом старой веры), оно победило в Иране быстро и почти бескровно. Большинство иранских обществ сами отказались от культа дайвов; Ахура-Мазда отныне почитался как их верховный бог и единственный повелитель. К середине

VI в. до н.э. зороастризм распространился в Мидии, и его основными носителями на западе Ирана стали мидийские жрецы-маги (собственно маги были племенем шестиплеменной конфедерации мидян, которому было доверено исполнение жреческих функций от имени и во благо всей конфедерации и которое в итоге выделило жреческое сословие магов).

Ок. 520 г. до н.э. персидский царь Дарий I возвел зороастризм в ранг государственной религии Ахеменидской державы и уже в Бехистунской надписи приписывает все свои победы воле Ахура-Мазды. Однако этическая составляющая в понимании зороастризма при подобной адаптации оказалась быстро сокращена: если в основном тексте Бехистунской надписи Дарий заявляет, что Ахура-Мазда помогал ему, так как сам он, Дарий, был носителем правды, а его враги – обманщиками, то в приписке, добавленной к надписи через несколько лет, помощь Ахура-Мазды объясняется уже просто тем, что Дарий поддерживает культ Ахура-Мазды а его враги – нет. Около 485 г. до н.э. его преемник Ксеркс запретил культ дайвов в одной из областей империи, где его еще практиковали (очевидно, это была недавно присоединенная страна) и составил об этом особую, так называемую «антидэвовскую» надпись. Помимо Ахура-Мазды в Иране особо почитались Митра, считавшийся одним из его главных слуг, и повелительница рек и плодородия *Ардвисура-Анахита*.

Священной книгой зороастризма является «Авеста». Дошедший до нас вариант «Авесты» оформился во времена позднейшей персидской династии Сасанидов, в III в. н.э., но содержит фрагменты текста и традицию куда более древних эпох; древнейшая часть «Авесты» – «Гаты», или ритмические проповеди Заратуштры, восходят к текстам VII в. до н.э., если не ранее; в других частях «Авесты» встречаются реликты мифологических представлений и исторического эпоса ариев-иранцев II – начала I тысячелетия до н.э. «Авеста» написана на особом, очень архаическом «авестийском» языке (самом древнем из письменных иранских языков). Датировка и интерпретация содержания «Авесты» – предмет нескончаемых споров в науке. Значительная часть ее сюжетов связана с легендарной историей авестийских ариев – ираноязычной общностью, которая на рубеже II–I тысячелетий до н.э. обособилась в районе Амударьи–Хильменда и именовала себя *арья*, а свою территорию Арийанам-Вайджа («Простор Ариев») и Арийошяна («Страна Ариев»). Цари-жрецы авестийских ариев (*кави*) и их борьба с северными соседями авестийских ариев кочевыми племенами *тура* (особенно с их вожаком, «туром-негодяем Франграсьяном»–Афрасиабом), в том числе за гений царственности – *хварн*, нашли очень яркое отражение в «Авесте». За преданиями об этой борьбе стоит историческая реальность первой половины I тысячелетия до н.э., а «линия фронта» борьбы ариев и тура, пролежавшая между Амударьей и Сырдарьей, хорошо известна археологически как граница между южным и северным вариантами раннего железного века Средней Азии.

Еще более древний пласт «Авесты» отражает древнейшую общую прародину ираноязычных племен, рисуя мир поделенным на семь частей, в центре которых помещалась *Хванирата* – родина иранцев (соответствует пространству от Алтая до Волги и Амударьи), на севере соседящая со странами, включающими «край полярной ночи».

Все ранние содержательные пласты «Авесты» уже к VI в. до н.э. были переработаны в рамках зороастризма в духе проповеди Заратуштры. Например, творение ряда природных явлений (сурового климата и т.д.), а также осуждаемых зороастризмом ритуальных, политических, идеологических и хозяйственных явлений (обрядов трупосожжения, наличие неарийских правителей в арийских странах и даже самого кочевого образа жизни, неверие, нестойкость в вере и т.д.) было приписано Ангхро-Майнью, который изобрел и внедрил их в противовес благим деяниям Ахура-Мазды, «назло» последнему.

Иерархическую надобщинную власть царей исконный зороастризм, по-видимому, недолюбливал (как и иудаизм!), но начиная со времен Ахеменидов именно праведный царь, руководствовавшийся зороастризмом, блюдущий и охраняющий его основы, а если нужно, то и утверждающий его силой принуждения и оружия, становится одной из центральных фигур зороастрийской идеологии.

В македонско-парфянское время зороастризм утратил статус официальной государственной религии, но продолжал существовать в различных местных вариантах, активно поглощающих народные представления. Зороастризм и зороастрийский или развивающийся под зороастрийским влиянием культ Ахура-Мазды – «маздаяснийская вера» – были приняты царями Парфии наряду с культами самых разных прочих божеств (включая эллинистические), а какой-либо общегосударственной ортодоксии не существовало вовсе.

После установления в Иране власти династии Сасанидов (227 г. н.э.) государственной религией Ирана становится опять-таки зороастризм: Сасаниды не поддерживали маздаяснийскую веру парфянских царей, однако та форма зороастризма, которая была характерна для Сасанидов, начала складываться еще при парфиях. Но во времена их господства едва ли существовала некая общеиранская религия, а сам культ Ахура-Мазды лишь «преобладал» над прочими и имел значительные территориальные вариации. В правлении же Сасанидов происходит усиление унификации в вопросах религии.

Значительную роль играл культ не только Ахура-Мазды, но и богини войны *Анахиты*, а также *Митры* и позднее самого первого сасанидского царя Шапура I (243–273 гг.). Подъем зороастризма при Сасанидах был в значительной степени связан с деятельностью религиозного реформатора Картира, считавшего себя пророком. Ему пришлось выдержать нелегкую борьбу за влияние на царя со стороны другого пророка – Мани, которому Шапур позволил проповедовать по всему Ирану.

Манихейство, христианство и маздакизм в Иране. Яркая личность самого Мани его стремление быть понятным «в любой стране, на любом языке» и упор на то, что его учение в отличие от зороастризма записано самим пророком, не говоря уже о наличии черт, свойственных многим древневосточным религиям, и гибкость организации, – все это сделало *манихейство* исключительно популярным на огромных просторах от Рима до Китая. Но после смерти Шапура Мани был предан казни, его учение объявлено ересью («верой дэвов»), и зороастризм в трактовке Картира окончательно восторжествовал.

Другой религией, с которой приходилось конкурировать зороастризму в Иране, было христианство, которое появилось здесь в III в. н.э. В следую-

щем веке наблюдается значительный рост количества христианских общин и распространение их по всему Ирану вплоть до Мерва. Однако лишь в конце V в. н. э., когда христианская церковь в стране официально восприняла учение пресвитера Нестория, его сторонники-несториане, а также монофизиты были легализованы в Иране.

Другой реформатор зороастризма Атурпат Михраспандан, действовавший при Шапуре II (309–379 гг.), восстановил концепцию единства «светской» и «религиозной» власти, пошатнувшейся было в пользу идеи «царя-жреца» при его предшественниках, провел очередную кодификацию «Авесты», для чего был создан новый алфавит, и учредил институт *магушта* – зороастрийского «епископа». При Атурпате распространяется храмовое строительство, причем вводится новый тип храма – так называемые «четыре арки», открытые со всех сторон павильоны.

В конце V в. при царе Каваде (488–496, 498–531 гг.) происходит возвышение *маздакизма*. Маздак, один из зороастрийских жрецов, насытил прежнее учение элементами манихейства, призывал к активным действиям для установления «царства света», стремился к активному участию жречества в политической жизни государства. Включение в его проповедь уравнилельных экономических лозунгов привлекло к Маздаку значительное число последователей. Однако умелые реформы Хосрова I (531–579 гг.) и расправа в 528 г. над самим Маздаком положили конец его учению. После поражения Ездигерда III (632–651 гг.) в битве при Нехвенде 642 г. в Иране начинает интенсивно распространяться ислам.

Митраизм. Митра (досл. «договор», «согласие») – одно из древнейших индоиранских божеств. Культ Митры был инкорпорирован зороастризмом. В период экспансии Ахеменидов в Малую Азию в VI в. до н.э. культ Митры был привнесен в этот регион, где на рубеже новой эры трансформировался в отдельную конфессию.

Митраизм не имел канона. Во главе митраистского пантеона стояло Бесконечное Время – категория, заимствованная из зороастризма. Митра почитался как добрый Творец мира, посредник между миром богов и людей и ассоциировался с Непобедимым Солнцем. Митра должен был обеспечить праведникам блаженное существование после Страшного суда.

Митраистская община имела иерархическую организацию. Почитатели Митры могли быть последовательно посвящены в одну из семи степеней: «ворон» (согах), «молодожен» (nymphus), «воин» (miles), «лев» (leo), «перс» (perser), «посланник Солнца» (heliodromus), «отец» (pater). Во главе союза общин стоял «отец отцов» (pater patrum). Вступление в общину сопровождалось целой серией испытаний. Приверженец Митры обязывался держать все полученные им сведения в строжайшем секрете. В тайне отправлялся и митраистский культ – мистерии.

Географически культ Митры концентрировался прежде всего в Риме, а также на границах Римской империи: в Германии, Британии и на Дунае. Имеются находки из провинциальных столиц – Эмериты, Трира. На Востоке редкие митраистские находки имеются в Египте, Дура-Европосе, Сидоне. Наиболее чувствительной к культу Митры общественной средой оказалась римская армия.

Сведения о последних митраистских мистериях приходятся на 313, 315 и 325 гг. С 357 по 387 г. в Риме, вероятно, в связи с восхождением звезды императора Юлиана, появляется целая серия митраистских надписей, демонстрирующая языческую реакцию на правление христианских императоров. Однако Митра оставался для авторов этих надписей лишь одним из многих богов, но не главным объектом почитания. В целом, в митраистике принято считать, что культ Митры в Римской империи процветал в 140–312 гг., причем наиболее массовый материал, прежде всего эпиграфический, из Рима приходится на 150–250 гг.

Тем не менее, предположительно, в самом конце IV в. н.э. Флавием Гонтием в Сидоне был освящен митреум. В 382 г. император Грациан запретил поддерживать на государственном уровне какие-либо языческие культы, а в 392 г. Феодосий запрещает и частное их отправление. Кодекс Феодосия предписывает в 396 г. разрушение языческих храмов в 399 г., однако позволяет отправлять праздники.

Трудно сказать что-либо определенное относительно существования культа Митры в V в.; во всяком случае, в источниках, как представляется, нет никаких сведений о его бытовании.

Рахманизм. К середине IV в. н.э. существенные трансформации начинает претерпевать традиционная религия Южной Аравии. Этот процесс совпал с объединением всего юго-востока Аравийского п-ова под властью Химйара. Влияние Химйара простиралось также и на Западную и Центральную Аравию вплоть до широты Мекки. Наряду с усилившейся борьбой иудаизма и христианства в Химйаре отмечается постепенный отход на второй план и практически полное исчезновение упоминаний древних божеств и вытеснение их с V в. н.э. абстрактным, не персонифицированным божеством Рахманан («Милостивый»). Распространение рахманизма, сочетавшего в себе черты как иудаизма, так и христианства, создало почву для относительно безболезненного утверждения в Южной Аравии ислама.

ПАЛЕСТИНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

Аналогичные процессы несколько ранее разворачивались в западном очаге формирования религий нового типа, приходящих на смену языческому политеизму, – в Палестине. Напомним, что в результате сложной социально-идеологической борьбы в Израильско-Иудейском государстве в VIII–VII вв. до н.э. при царе Иосии в 622 г. до н.э., на всей территории этого ареала была в качестве государственной принята новая религия, известная как *монотеистический иудаизм* и достаточно радикально отличавшаяся от бывшего «языческого» древнееврейского почитания Яхве как главного бога-покровителя Израиля и Иудей.

После разгрома и аннексии Иудейского царства вавилонянами и низвержения потомков Давида, после разрушения Иерусалима и Первого храма Яхве (основанного еще Соломоном), после массовой депортации иудеев в Вавилонию (587 г. до н.э.), а также бегства части иудеев в Египет, образовалась древнееврейская диаспора – «рассеянное» расселение групп древних

евреев в Египте, Палестине, Месопотамии, Сузиане и других регионах, подпавших под власть египетских и вавилонских, а позднее персидских государств. В 539 г. до н.э. персидский царь Кир специальным эдиктом разрешил всем жителям, ранее депортированным царями захваченной им Вавилонии, возвратиться на родину, и некоторая часть евреев Вавилонии вернулась в Иудею, отстроила Иерусалим, основала там Второй храм Яхве и образовала иерусалимскую гражданско-храмовую общину. Помимо групп иудеев крупной древнееврейской общностью являлись самаряне – обитатели основной территории былого Израильского царства; в Иудее их, впрочем, через некоторое время перестали считать евреями из-за значительного смешения с чужеродным населением, в свою очередь, перемещенным на эти земли ассирийцами.

После падения Первого храма единой организации и власти у древних евреев в VI–V вв. до н.э. не осталось, и в их среде сосуществовали и боролись друг с другом следующие религиозные течения: догматический монотеизм нового, «пророческого» типа, развитый пророками VI в. до н.э. (особенно Иезекииелем, именно его разделяли в восстановленной Иерусалимской общине), старое древнееврейское яхвистское язычество и различные смешанные идеологические доктрины. О сложности и пестроте этой ситуации свидетельствует сложившееся в V–III вв. до н.э. и попавшее в итоге в Библию иудейское предание о Мардохее и Эсфири – иудеях, которые якобы действовали при дворе персидского царя Ксеркса в начале V в. до н.э. и одержали победу в конфликте с антииудейской придворной группой. Это предание уверенно рисует Мардохея и Эсфирь приверженцами крайней монотеистической ортодоксии, однако на самом деле имя Мардохей означает «человек Мардука» – верховного бога вавилонян, а имя Эсфири дано в честь вавилонской богини Иштар. Таким образом, и первые создатели этого предания, и реальные прототипы его главных героев (если таковые имелись), принадлежали не к монотеистам, а к евреям-язычникам, и свой ортодоксальный вид легенда о них приобрела лишь позднее (послужив, в частности, основой праздника «ханука»).

Ок. 458 г. до н.э. персидский царь Артаксеркс I даровал Иерусалимской гражданско-храмовой общине ряд привилегий, поставил во главе нее своего придворного из иудеев, фанатичного монотеиста Эзру, и, по-видимому, подчинил в культово-ритуальном отношении верхушке этой общины и Иерусалимскому храму все прочие общины, желающие заявлять себя в качестве иудейских. Эзра ужесточил религиозную практику и всю жизнь в Иерусалиме в духе ортодоксального иудаизма, изгнав, в частности, из города и общины всех иудеев, не пожелавших расставаться со своими женами-язычницами. При Эзре развивался острый конфликт членов реформированной им общины с неортодоксальными евреями – как с иудеями, так в особенности и с самарянами, возглавлявшимися Санваллатом из еврейского языческого рода; доходило до вооруженных столкновений Санваллата и его союзников с Иерусалимом. Дело Эзры было продолжено также с санкции Ахеменидов Нехемией (V или IV в. до н.э.). В IV в. до н.э. Иерусалиму подчинялась уже вся персидская провинция Иудея, входившая после македонского завоевания то в Птолемеевское, то в Селевкидское царство в качестве автономии под местной властью иерусалимских первосвященников Второго храма.

Покровительственные меры Ахеменидов в адрес иудаистской общины в Иерусалиме привели к тому, что уже к концу IV в. до н.э. еврейское язычество перестало существовать: неортодоксальные элементы ассимилировались в среде соседних народов, а сохранившие идентификацию группы иудеев в религиозном отношении подчинялись Иерусалиму и блюли поддерживаемую там монотеистическую ортодоксию, т.е. превратились в уникальную этнорелигиозную общность – язычники теперь официально не считались евреями вообще. К монотеизму перешли в третьей четверти I тысячелетия до н.э. и самаряне, утвердив в качестве своей священной книги Пятикнижие – первую часть Ветхого Завета; впрочем, иудеи не считали самарян евреями ни в смысле этноса, ни в совпавшем теперь с этносом религиозном аспекте (как неортодоксальных).

Тем не менее противостояние языческих и ортодоксальных теоцентрических тенденций в иудейской культуре сохранялось, хотя и в подспудной форме. Так, около III в. до н.э. была создана канонизированная в итоге «Книга Когелет» («Экклесиаст»). Во многих отношениях она продолжала традиции месопотамской и переднеазиатской «литературы мудрости» и фактически сочетала строгий монотеизм в картине мира (над всем властен единый всемогущий Бог) с антропоцентрическим отношением к нему. Согласно этому произведению, Бог устроил мир так, чтобы устрашать человека; миропорядок этот для людей в конечном счете неблагоприятен и безнадежен; людям в таком мире имеет смысл сосредоточиться на достижении собственных радостей, которые они все-таки могут добыть в рамках установленных Богом порядков, изменить которые они все равно не в силах. Другая вошедшая в Ветхий Завет композиция третьей четверти I тысячелетия – «Книга Иова», напротив, резко полемизирует с языческими жалобами на несправедливость Бога, под властью которого правда зачастую попирается, а праведники бедствуют. В книге подобные жалобы опровергаются вовсе не тем, что Бог на самом деле прав, а наблюдаемая несправедливость либо временная, либо кажущаяся (эти аргументы, взятые из месопотамской традиции, в «Книге Иова» отвергаются), а тем, что Бог по своему всемогуществу выше справедливости и не подлежит осуждению и упрекам, что бы Он ни делал.

В 60-е годы II в. до н.э. сама же иерусалимская верхушка, устав от налагаемых на нее ортодоксией ограничений, при первосвященниках, принявших греческие имена Ясона и Менелая, сперва попыталась реформировать иудаизм, интегрировав его с эллинизмом, а потом и вовсе запретила его под страхом смерти и ввела в Иерусалимском храме культ какого-то языческого божества (вероятно, западносемитского) вместо запрещенного отныне культа Яхве. Иерусалим превратился в полис эллинистического образца. Все эти меры разрешил и поддержал селевкидский царь Антиох IV Эпифан.

Об умонастроениях евреев-неоязычников дает представление антимонотеистический пассаж, вложенный позднее Иосифом Флавием (еврейским общественным деятелем и автором I в. н.э.) в уста одному из ветхозаветных персонажей – Зимри, израильтянину, выступавшему, по преданию, против проповеди и законов Моисея: «Ты, Моисей, сам следуй законам... к которым приучил народ исподволь, ибо в противном случае давно получил бы достойное возмездие и понял, что евреи не так легковверны. Но во мне ты не увидишь последователя твоих насильнических предписаний. Отняв у нас всякую услугу и самостоятель-

ность в жизни, что принадлежат всем свободным людям, не признающим над собой постороннего владыки, ты доселе всеми способами навязывал нам – под видом законов – полное поражение Богу... А жертвую я тем богам, почитать которых мне кажется подходящим, так как я считаю уместным отыскивать себе верное среди многих божеств, а не жить словно под властью тирана, на которого одного должна быть направлена надежда всей моей жизни. Никто не сможет похвалиться, что оказал на меня серьезное давление в делах, в которых я поступал по своему собственному влечению!»

Ожесточенные конфликты, вызванные этим переворотом в иудейской среде, привели к так называемому восстанию Маккавеев (167–142 гг. до н.э.). Повстанцы взяли Иерусалим, утвердили там власть своих вождей из рода Маккавеев-Хасмонеев, ритуально очистили Храм, восстановили иудаизм и отбили селевкидские карательные походы. Евреи-«эллинизаторы» подверглись истреблению либо бежали и растворились в гуще соседних народов. Иудея превратилась в ортодоксальное царство династии Хасмонеев (II–I вв. до н.э.), которую сменила династия Ирода Великого (правил в 37–4 гг. до н.э.), с 63 г. до н.э. находившаяся под верховной властью римлян.

Идеологическая ситуация здесь была непростой и включала множество направлений. У истоков традиции, составившей базу позднейшего, талмудического ортодоксального иудаизма I тысячелетия н.э. стояли *фарисеи*. Они дополняли Пятикнижие многочисленными интерпретациями и толкованиями, адаптирующими его к потребностям текущей эпохи, которая сильно отличалась от времен формирования собственно Пятикнижия. При самих Хасмонеях ведущую роль играла группировка *саддукеев* – потомков знатных первосвященнических родов и государственной верхушки; они категорически отвергали возможность дополняющих комментариев и толкований к Пятикнижию (давших позднее Талмуд и талмудический иудаизм), требуя его скрупулезного, но все более формального соблюдения и дозволяя в остальном приобщение к эллинистической культуре. Саддукеи отрицали в отличие от фарисеев загробную жизнь и посмертное воздаяние. Крайний теоцентризм, эсхатологические настроения и вражду к «истэблишменту» сочетали (подобно пророческому движению многовековой давности) секты *ессеев*, селившихся подальше от крупных центров, где шла, с их точки зрения, слишком развращенная жизнь. Распространение идей ессеев было связано и с социальной реакцией на засилие хасмонеиной верхушки, и с ритуальной проблемой, возникшей после преобразований Ясона и Менелая. Многие считали, что запрет иудаизма самим его первосвященником и введение в Иерусалимском храме культа языческого божества вместо Яхве выглядели равносильно разрыву старого Завета – древнего договора, заключенного некогда между евреями и Яхве. Поэтому для полноценного восстановления отношений с Ним нужен Новый Завет, а «очищения», предпринятого Хасмонеями, недостаточно. Ессеи отвергали частную собственность и частную эксплуатацию, торговлю и войну, государственную власть и потребление свыше необходимого минимума; они создавали эгалитарные общины, члены которых не имели никакой собственности кроме коллективно-общинной. Одно из направлений ессеев отвергало даже семьи и брак. Ессеи именовали себя людьми «Нового Завета», «сынами Света» (в противоположность раз-

вращенным и не знающим истинного благочестия «сынам Тьмы»), а также «общинами избранников Бога» и т.д.

Одна из ессейских общин, основанная неким «Учителем праведности», претендовавшим на передачу прямого Божественного откровения, явленного ему, хорошо известна по знаменитым находкам в Кумранских пещерах. В ессейской среде (в частности у кумранитов, как известно по их «Свитку Войны») были распространены экзальтированные эсхатологические ожидания скорого конца света. Он будет сопровождаться священной войной, явлением спасителя-мессии, избранника Бога (скажем, в одном из кумранских текстов сказано, что «Бог породит мессию», в другом говорится о мессии–всеобщем искупителе). Спасение ожидает лишь истинно (т.е. по-ессейски) уверовавших праведников и мучеников за истинную веру – они обретут вечное блаженство. Все эти настроения подготовили почву для появления христианства.

АНТИЧНЫЙ МИР

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Когда Древний Египет вступил в эпоху Нового царства, а в Малой Азии крепла держава хеттов, в Средиземноморье расцвела Минойская цивилизация с центром на о-ве Крит, с которой принято связывать начало античности, появление Древнего Запада. Вопрос о специфике Минойской цивилизации весьма сложен. Как теперь считают многие ученые, по своей природе она была ближе к Востоку, особенно к Египту, чем к брезжащему где-то в исторической перспективе Западу в облике классической Греции. Тем не менее отсчет античности начинается именно с нее. Впрочем хронология древнего мира во многом вещь конвенциональная, поэтому не столь уж важно точное определение конкретной точки отсчета, ведь существование Минойской цивилизации условно охватывает первую половину II тысячелетия до н.э.

Конец античности тоже весьма условен. Общепринято его отнесение к концу V в. н.э., а еще более конкретно – к 476 г., когда был смещен с престола последний император Западной Римской империи малолетний Ромул Августул. Совершенно очевидно, что финал грандиозного исторического периода – истории античного мира – не может датироваться определенным годом и даже веком. Ведь определяющие эпохи принципы государственной и социальной структур еще много веков продолжали составлять основу функционирования Восточной Римской империи, не говоря уж о культурных традициях.

При рассмотрении античности как особого исторического феномена его смыслообразующим ядром оказывается возникновение и развитие *полиса* – своеобразного типа государственного и общественного устройства, основанного на гражданском самоуправлении и неразрывно связанного со специфической формой собственности, индивидуализированной и частной, сопряженной с социальным статусом, правами и обязанностями члена полиса. Человек существовал в коллективе, в гражданской общине. Коллектив защищал, но не подавлял его. Гражданская же доблесть, стимулируемая коллективом, предполагала самореализацию личности. На заре европейской истории – а античность принято считать ее колыбелью – сформировались зачатки гражданского общества, в котором члены полиса непосредственно участвовали в принятии политических решений и социальном регулировании. Тогда же начали формироваться ценности, вокруг которых консолидируется и современный европейский мир: человеческое измерение истории и общественного бытия, свобода и права человека, демократия, рационализм, торжество закона, инициативность в самореализации.

Однако было бы неверным видеть в античности нечто монолитное, замкнутое в себе. Напротив, она имела множество конкретных форм существования, локальных вариантов развития. Такая «полихромность» способствовала жизнеспособности античной цивилизации, динамичности ее развития. Достаточно вспомнить «великую дихотомию» цивилизации, в которую традиционно включают историю Древней Греции и Древнего Рима. Однако хотелось бы отвлечься от дискуссий относительно вклада и той и другого в развитие античной цивилизации и специфики взаимоотношений между ними. Античная цивилизация – плод взаимодействия и созидания многих народов, среди которых греки и римляне занимают центральное место. Но даже они как таковые являют собой результат многовекового синтеза различных племен и народов. Предшественниками греков, называвших себя эллинами, были пеласги, за ними последовали ахейцы, а затем дорийцы. Римляне сформировались, ассимилируя племена, жившие на Апеннинском п-ове. По мере расширения ареала античной цивилизации она «втягивала» в себя многие народы и племена. Античные преобразования в формах эллинизации и романизации постепенно захватывали огромные пространства Ближнего Востока и Заальпийской Европы.

Объединение и синхронизация принципиально значимых процессов исторического развития, общих для Греции, Рима и всей античной ойкумены позволяют дать примерную периодизацию истории античного мира.

Первый период охватывает возникновение и упадок государственных образований эгейского мира, время расцвета критской, кикладской, троянской и микенской культур (это предыстория античной цивилизации).

Второй период включает в себя исторические процессы и события «темных веков», или предполисного времени, формирование государств в форме полисов, историю греческой и финикийской колонизации, расцвет полисного строя и вступление его в полосу кризиса, завершившуюся насильственным объединением полисов Балканского и Апеннинского п-овов Македонией и Римом.

Третий период объединяет Средиземноморский мир в эллинистическую эпоху. Это история эллинистических царств и полисов как системы социальных отношений, сложившейся после завоеваний Александра Македонского, и политических перемен, приведших к созданию крупных эллинистических держав и кардинальным изменениям в сфере культуры.

Четвертый период ознаменован образованием римской мировой державы в ходе войн в Средиземноморье и связанными с этим трансформациями в сфере социальных отношений, экономики, политики, права и культуры.

Пятый период приходится на кризис и падение Римской республики. Он охватывает столетие от Гракхов до Августа, характеризуется дальнейшим территориальным расширением и реорганизацией римской державы, а также социальной и политической борьбой, завершившейся установлением диктатуры Цезаря.

Шестой период – империя в эпоху принципата – включает исторические процессы и события двух с половиной столетий истории римской державы времени Юлиев–Клавдиев, Флавиев, Антонинов и Северов.

Заключительный, седьмой период – кризис III в. и трансформация поздней Римской империи, объединение которых в рамках единого периода

обусловлено трактовкой поздней античности не как преодоления кризиса, а как недолгой стабилизации и развития процессов, довершивших гибель империи.

Особый аспект рассмотрения представляют судьбы античности и античного после гибели Западной Римской империи, их модификации в качестве «строительного материала» Европейской цивилизации.

Экспансия античной цивилизации была энергичной и разнообразной. Зародившись на островах Эгейского моря, на юге Балканского п-ова и в Пелопоннесе, она к концу своего существования в последние века Римской империи охватила пространства от Атлантического океана до Кавказа, Сирии и Месопотамии, от Британии до Ливийской пустыни. Средоточием ее было Средиземноморье с его побережьем, островами и полуостровами. Земли вокруг Средиземного моря древние римляне называли «кругом земель» (*orbis terrarum*), который и служил колыбелью античной цивилизации. Античный «круг земель» связал три материка – Азию, Европу и Африку.

Становление античной цивилизации пришлось на бронзовый век, а ее укрепление и распространение связано с веком железным. Железо свершило переворот не только в оружии и военном деле. Оно способствовало радикальным изменениям в сельском хозяйстве и ремесле, в сухопутном и морском транспорте, в строительстве и зодчестве. VIII–VI вв. до н.э. стали временем интенсивного распространения железа, определившего техническую основу всего уклада жизни в античном обществе. В этот же период развились те социально-экономические и политические основы, которые отличали средиземноморское общество и его культуру как от восточных обществ, так и от окружавших его догородских и догражданских общин. Железные доспехи из-за своей дешевизны стали доступными рядовым гражданам, и аристократия – герои бронзового века – лишается былых преимуществ в военной сфере, равно как и в экономической, поскольку железные орудия труда позволили получать урожай и на худших землях. Тем не менее соперничество аристократии и народа, меняя формы, пройдет через всю античность.

Введение в жизненный оборот железа и связанные с этим изменения в хозяйстве позволили использовать в неведомых ранее масштабах и формах труд рабов. Возникло рабство нового типа, которое принято называть в отличие от прежних, патриархальных видов зависимости – «античным рабством». В европейской историографии, начиная с века Просвещения, наличие рабства и рабовладения считалось отличительной особенностью античной цивилизации. Эта характеристика представлялась особенно определяющей по отношению к Риму, где после Пунических войн появились огромные массы рабов и сформировалось «классическое» определение раба как «говорящего орудия». Однако сегодня исследователи избегают признания рабства в качестве доминирующего признака специфики античного общества.

Обращаясь к реалиям античного мира, следует отметить, что на протяжении большего периода его существования основной силой, созидавшей его материальную и хозяйственную базу, являлись не рабы, а свободные труженики. Пожалуй, лишь века Поздней республики и Ранней империи в Риме можно считать стадией наиболее активного и сравнительно эффективного использования рабского труда. В последние столетия античности рабство уже изживает себя, замещаясь другими формами зависимости.

Наличие рабства и рабовладения характерно для многих цивилизаций, а не только античной. Более того, масштабы рабства впечатляют, например, и в Новое время. Миллионами исчислялись рабы, которых вывозили из Африки в Америку. Рабский труд являлся основой хозяйства в южных штатах Америки. Близкими по положению к рабам были и крепостные в императорской России. Однако историкам не приходило в голову назвать рабовладение чертой, характеризующей социальное устройство новоевропейской цивилизации. Не рабство определяет специфику античной цивилизации в истории, а создание ею особого вектора исторического развития, отличного от древневосточного. Античность продемонстрировала возможность построения общественных структур, основанных на гражданственности, законе, свободе и ответственности; она выявила роль частной собственности и индивидуальной инициативы для динамичного экономического, политического и культурного развития общества.

Высшее достижение античности – ее культура, ставшая эталонной для всех последующих эпох. В Древней Греции зародилось представление о мироздании как космосе – вместилище красоты, о гармонии как главном принципе мироустройства. Дельфийский оракул возвещал: «Самое красивое – самое правильное», соединяя красоту и истину. Правильность мысли и красота слова слились, чтобы создать великое ораторское искусство. Отражением мировой гармонии стала поражающая гармоническими пропорциями архитектура, а совершенство скульптуры возвращало к идеальной красоте божественных первооснов жизни и мира, демонстрируя человека как прекраснейшее их воплощение.

Сегодня, благодаря накоплению огромного археологического материала, новым научным открытиям в области истории, лингвистики, искусствоведения и других смежных гуманитарных дисциплин, знания об античности настолько расширились, что сама она предстала в таких обликах, которые «классическая» ее интерпретация едва ли могла предположить. Прежде всего это относится к сфере бытия, картины мира, психологии, особенностям «античного человека» во всей их конкретике, явно нарушавшей «равновесие духовного и телесного», приписываемого античной культуре. Перед современным антиковедением раскрываются новые формы и образы, глубины и трансформации казалось бы так хорошо изученной, но все еще способной одарить нас новыми открытиями античности.

«КРУГ ЗЕМЕЛЬ» И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ (XI–IX века до н.э.)

«Темные века», или «гомеровский период» в Греции. Это – одна из самых тяжелых и даже мрачных страниц древнегреческой истории. Само название «темные века» отнюдь не случайно. В это время греки (не считая киприотов) не имели письменности; поэтому дошедшие до нас сведения о происходивших тогда конкретных событиях чрезвычайно скудны. По большей части удастся выяснить лишь общие контуры главных исторических процессов.

В результате так называемого «дорийского нашествия» (вторжения северных племен на юг Балканского п-ова) рухнула блестящая ахейская цивилизация II тысячелетия до н.э. Греция оказалась отброшенной в развитии едва ли не на тысячелетие назад. Резко сократилась численность населения, заглохла городская жизнь. В обстановке хаоса и смятения прервались торговые и культурные связи с Египтом и странами Передней Азии. Греки на некоторое время как бы замкнулись, изолировались в узком мире Эгеиды.

Большие массы людей пришли в движение. В страхе перед завоевателями потомки ахейцев покидали насиженные места и бежали, в основном на Восток – на острова Эгейского моря, на малоазийское побережье, на Кипр. Следует отметить, что на отдаленном Кипре, выдвинутом в сторону Передней Азии и изолированном от остальной Греции, на много веков сохранился и законсервировался периферийный вариант ахейской цивилизации, и степень континуитета со II тысячелетия до н.э. была настолько велика, что греки-киприоты вплоть до классической эпохи даже продолжали пользоваться слоговым письмом. Около того же периода на Кипре обосновались и финикийцы, и дальнейшая история острова характеризовалась сосуществованием (порой мирным, порой конфликтным) античных и восточных элементов.

Но случай Кипра, пожалуй, явился исключением из общего правила. В целом же «темные века», особенно их начало, были временем преимущественно дисконтинуитета и постоянных миграций. Тех аборигенов, кто все-таки оставался на месте, ждала безрадостная судьба. Новые господа – дорийцы и родственные им племена – либо истребляли их, либо покоряли и заставляли работать на себя, либо отесняли на самые скудные и неплодородные земли (как область Аркадия на Пелопоннесе). Кстати, и сами дорийцы, обосновавшись на полуострове, тоже поддались миграционному потоку. Устремившись в море, они заселили о-ва Крит, Родос и юго-западную оконечность Малой Азии.

Несомненно, именно к этому историческому периоду относится следующее знаменитое свидетельство Фукидида: «В древности... происходили передвижения племен, и каждое племя покидало свою землю всякий раз под давлением более многочисленных пришельцев. Действительно, существующей теперь торговли тогда еще не было, да и всякого межплеменного общения на море и на суше. И земли свои возделывали настолько лишь, чтобы прокормиться... Полагая, что они смогут добыть себе пропитание повсюду,

люди с легкостью покидали насиженные места. Поэтому-то у них не было больших городов и значительного благосостояния... В те времена вся Эллада носила оружие, ибо селения были неукреплены, да и пути сообщения небезопасны, и поэтому жители даже и дома не расставались с оружием подобно варварам».

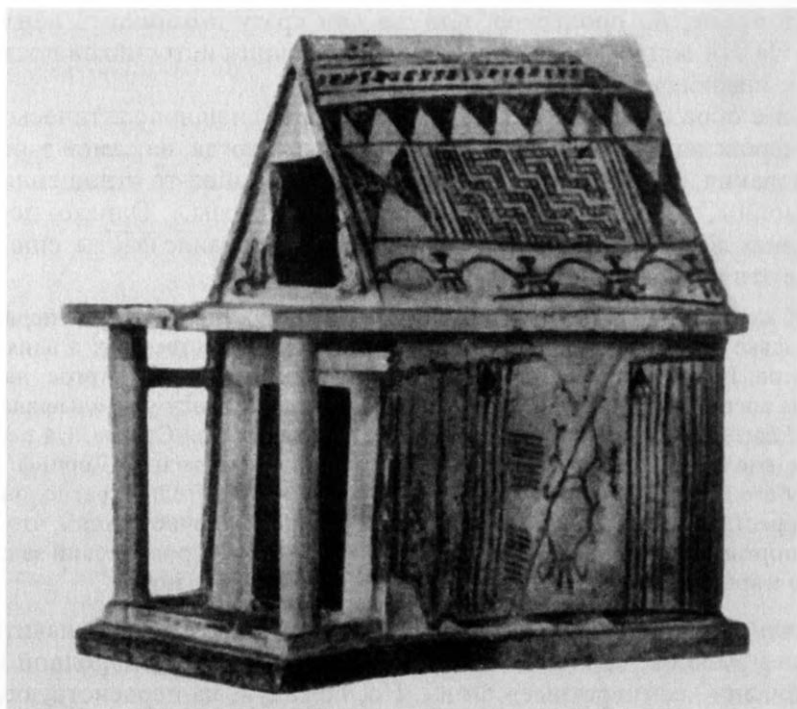
Когда время миграций миновало и население вернулось к оседлой жизни, приобрела свой окончательный, впоследствии много веков не изменявшийся вид этническая карта греческого мира. На крайнем юге Балканского п-ова, на Пелопоннесе, господствовали дорийцы и родственные им племена. Они сделали своими опорными пунктами Спарту, Аргос и Коринф. В значительной части Северной и Средней Греции поселились греческие племена эолийской группы. Ареалом их проживания служили Фессалия и Беотия. Эолийцы обитали и за Эгейским морем, в области Эолида, включавшей большой остров Лесбос и прилегающие территории на малоазийском материке.

Особое положение занимала область Аттика, главным центром которой являлись Афины. Аттика – полуостров, подобно рогу выдававшийся в море на восточной оконечности материковой Греции, – оказалась не затронутой дорийским нашествием. Здесь сохранилась некоторая культурно-историческая преемственность с предыдущими эпохами. В эту область в начале «темных веков» хлынул из Пелопоннеса поток беженцев – ионийцев. Впрочем, далеко не все представители этого племени остались в Аттике. Большинство их на кораблях отправилось дальше на восток: на острова Центральной и Восточной Эгеиды (Эвбею, Наксос, Парос, Самос, Хиос и др.), а в конечном счете – в Малую Азию. Узкая полоса западного побережья этого полуострова была так быстро и прочно обжита ионийцами, что стала с тех пор называться Ионией.

Греки основали там ряд поселений – Эфес, Смирну, Фокею и др. (Милет, крупнейший центр региона, возник раньше, около середины II тысячелетия до н.э.). Со временем эти поселения выросли в крупные, богатые города с процветающей торговлей и культурой. В целом в Ионии сложилась как бы особая ветвь древнегреческой цивилизации, отделенная морем от самой Эллады, но ни в коей мере не отрезанная от нее каким-то непроходимым барьером. Ионийцы вполне разделяли все перипетии исторической судьбы остальных греков, а через какие-то стадии развития порой проходили даже несколько раньше других.

«Гомеровский период» был не только временем регресса и застоя, но и этапом накопления сил перед грандиозным рывком вперед. Собственно, первые шаги к грядущему «греческому чуду» были сделаны уже в эту бедную, жестокую эпоху. Особенно важно, что в Греции этого времени уже начали постепенно складываться полисы. Конечно, они находились пока еще в зачаточном состоянии: на этой ранней стадии их чаще определяют как «прото-полисы». И тем не менее предпосылки для дальнейшего развития оказались заложены.

Полисы могли возникать различными путями. Например, сельское поселение просто путем естественного роста постепенно превращалось в город, вокруг которого возводились оборонительные стены. Так появилось, например, большинство полисов Беотии. А на побережье Малой Азии многие полисы возникли, можно сказать, просто «с нуля»: их, как мы знаем, основали

Модель храма из Аргоса VIII в. до н.э.

поселенцы-иммигранты. Но самым распространенным путем возникновения полиса была процедура так называемого «синойкизма». Синойкизм (досл. «сселение») представлял собой слияние в одну политическую единицу нескольких деревень, расположенных поблизости друг от друга. При этом их жители могли реально переселиться во вновь основываемый городской центр, а могли и остаться на своих местах (как в Аттике).

В чем заключалась необходимость синойкизма? Ведь с точки зрения чисто экономических удобств жизнь «по деревням» для крестьян была даже предпочтительнее, чем обитание в одном городе, откуда подчас далековато было ходить на свой участок. Главной же причиной объединения, судя по всему, становилась все же постоянная военная опасность, исходящая от соседей, и необходимость защищаться от нее. Один город значительно легче окружить стеной, чем дюжину деревень.

Первоначально (прото)полисы по политическому устройству представляли собой примитивные монархии. Во главе каждого из них стоял *басилей* (царь). Однако он не являлся абсолютным правителем: власть его не была ни крепкой, ни даже наследственной. Но постепенно даже и эта «недоразвившаяся» модель царской власти отошла в прошлое, была ликвидирована аристократическим окружением басилеев. Отстранив слабых царей от управления, знать взяла все его рычаги в свои руки. Так, в подавляющем большинстве полисов еще в течение «темных веков» сформировались аристократические республики. Как конкретно это происходило, пытались ли цари отстаивать

свое положение, но проиграли, или же они сразу покорились неизбежной участи? На эти вопросы при имеющемся состоянии источников пока нельзя дать однозначных ответов.

Равным образом почти неизвестны и детали внешнеполитической истории «гомеровского периода». Несомненно, уже и тогда, на самой заре своего существования, полисы вступали друг с другом в какие-то отношения, развязывали войны, заключали договоры, создавали союзы... Однако, поскольку письменных документов, которые фиксировали бы такие факты, еще не имелось, все эти события канули во тьму забвения.

К концу «темных веков» в Балканской Греции выдвинулись на первый план несколько важнейших «центров силы», самых могущественных и влиятельных полисов. На Пелопоннесе лидирующую роль играл древний Аргос, наследник славы воспетых в легендах Микен и Тиринфа. Но Аргосу уже «дышала в затылок», догоняя его, крепнувшая и быстро развивавшаяся Спарта. На перешейке Истм, соединявшем Пелопоннес со Средней Грецией, расцвел Коринф: резкому росту его богатства способствовало исключительно выгодное расположение на перекрестке оживленных торговых маршрутов. Достаточно сказать, что Коринф был портом двух морей: одна его гавань выходила на Саронический залив Эгейского моря, другая – на Коринфский залив Ионического моря.

Успешно проведя синойкизм, вступили в число крупных и значительных государств Эллады Афины. К северо-западу от них, в плодородной Беотии, доминировали «семивратные» Фивы. Но, пожалуй, на первенствующем месте по уровню и темпам развития в рассматриваемые столетия находился узкий и длинный остров Эвбея, протянувшийся вдоль восточного побережья Средней Греции.

В начале «темных веков» на Эвбее безоговорочно выделялось среди прочих одно крупное и сильное поселение, практически город. Его античное название в точности неизвестно (возможно, Лелант), и в науке его обычно именуют Левканди – по названию современного населенного пункта, лежащего на этом месте. Археологами был сделан здесь целый ряд важных открытий. Самым сенсационным из них стало обнаружение остатков монументального – 45×10 м в плане – здания периптерально-апсидного типа (так называемого героона), датируемого X в. до н.э., которое в корне изменило устоявшиеся представления о направлениях и темпах формирования общегреческой архитектуры. Назначение постройки из Левканди пока остается дискуссионным. Но какие бы функции она ни выполняла – святилища, «общинного дома», дворца правителя или его своеобразной гробницы (а вернее всего, здание было многофункциональным), – ясно одно: ничего хотя бы отдаленно похожего в других регионах тогдашнего греческого мира еще не создавалось.

Поселение в Левканди рано пришло в упадок, и на смену ему выдвинулись два мощных, лежавших буквально бок о бок эвбейских полиса – Халкида и Эретрия. К концу «гомеровского периода» они находились в зените своего развития, являлись процветающими центрами торговли и мореплавания, но при этом постоянной враждой ослабляли друг друга.

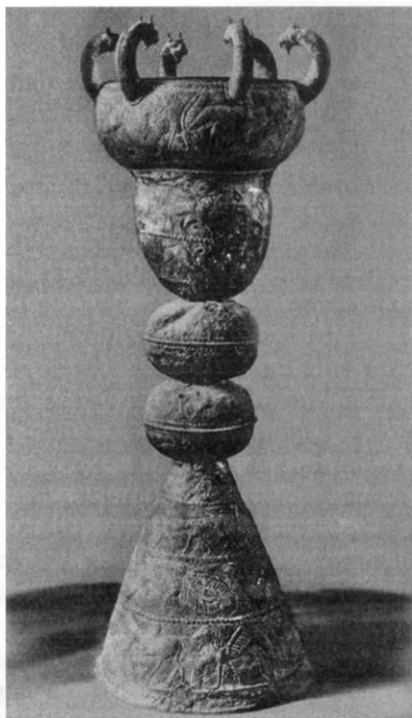
Миграции племен в ранней Италии. Переселение народов захватило и Западное Средиземноморье, в частности Апеннинский п-ов. Он расположен в центре Средиземного моря и состоит из двух областей, границами которых

являются горные цепи Альп и Апеннин. Италией он стал называться уже в глубокой древности, хотя первоначально это географическое обозначение применялось только к основанию Апеннинского «сапога». По мнению самих римлян, Италия получила свое название от *vituli* («телята»), которое означает «страна телят», и свидетельствует о скотоводстве как основном занятии местного населения. Впоследствии это название распространилось на весь полуостров.

Северную Италию образует долина р.Пад (совр. По) – самой крупной реки Италии. Территория к югу от этой долины составляет собственно Апеннинский п-ов. Вдоль его восточной оконечности к югу тянутся Апеннинские горы. К западу от горной гряды располагаются три основные области Италии – Этрурия (совр. Тоскана не полностью совпадает с территорией древней Этрурии), Лаций и Кампания, где широкие долины перемежаются холмами. На юго-востоке полуострова расположена равнинная область Апулия, через которую проникали влияния со стороны Адриатики.

Италия окружена Средиземным морем, акватория которого включает в себя три самостоятельных бассейна, именуемых также морями: с востока Италия омывается Адриатическим морем, с юго-востока – Ионическим, которое отделяет Апеннинский п-ов от Балканского, с запада – Тирренским морем. На севере Италия отгорожена от континентальной Европы Альпами. Обособленная от окружающего мира морями и трудно проходимыми горами, Италия, тем не менее, оказалась открытой для проникновения на ее территорию иных племен и их культурных достижений из всех районов Средиземноморья.

Апеннинский п-ов был заселен уже с эпохи палеолита. В период неолита здесь, как и в других районах древнего Средиземноморья, появляется земледелие, и складываются земледельческо-скотоводческие культуры. Во II тысячелетии до н.э. на территории Италии началось распространение бронзы. От этого времени сохранился ряд археологических культур, хорошо изученных современными исследователями. В конце XIX в. в долине р. Пад были обнаружены остатки поселений, которые получили название культуры «террамар» («жирная земля»). Этим словом обозначались холмы черной земли, образовавшиеся в местах длительного обитания людей. Создатели этой культуры возводили свои жилища на деревянных платформах, чтобы избежать затопления. Техника изготовления изделий из бронзы указывает на культурные влияния из Центральной Европы, которые также проявились и в изменении обряда погребения – ингумация уступила ме-

Чаша финикийской работы из могилы Бернадини в Пренесте. VII в. до н.э.

сто кремации почти на всей территории долины. Поначалу урны с пеплом ставились тесно друг к другу в два этажа, что свидетельствует о низком уровне материальных возможностей общества. Позже каждая урна имела уже свое помещение. Наиболее передовым районом долины Пад конца бронзового века была ее восточная часть. Археологическое исследование этой территории показывает, что она была самым ранним в Италии центром производства стекла и имела хорошо налаженные торговые связи с отдаленными районами ойкумены. Именно здесь была изобретена застежка-фибула, которая использовалась для закрепления одеяния на плече или груди.

В то время как материальная культура долины р. Пад совершенствовалась под сильным влиянием из Центральной Европы и Эгеиды, остальная часть Апеннинского п-ова заметно отставала в своем развитии. В Центральной и Южной Италии в эпоху бронзы была распространена так называемая Апеннинская культура. Хотя земледелие оставалось основой существования человеческих коллективов, пастушеские хозяйства здесь получили широкое распространение, о чем свидетельствует появление поселений на горных склонах, мало пригодных для обработки земли. В качестве основной погребальной практики в этом регионе сохранялась ингумация.

В начале I тысячелетия до н.э. Италия вступает в железный век. Производство железа распространяется в Италии не ранее IX в. до н.э., однако понадобилось еще не менее двух столетий, прежде чем железо полностью заменило бронзу. Одна из основных культур этого времени по месту археологических находок в селении Вилланова (р-н Болоньи) называется «культурой Виллановы». Ее обитатели живут уже в обнесенных стенами поселениях с глинобитными круглыми в плане хижинами. Особый интерес представляют многочисленные некрополи виллановианцев. Прах покойного хоронили в глиняных урнах, украшенных «геометрическим» орнаментом. Иногда урнам придавали форму хижины, что позволяет представить облик древнего итальянского жилища.

Сложный рельеф полуострова способствовал формированию и росту культурных различий среди его обитателей, запечатленных в лингвистических вариациях. До того как в I тысячелетии до н.э. латинский язык начал вытеснять языки Древней Италии, значительная часть населения говорила на одном из четырех языков: венетском, латинском, умбрском и осском, которые объединяются современными учеными в итальянскую ветвь индоевропейской семьи языков. Венетский язык широко употреблялся в северо-восточной части долины р. Пад. Современные ученые предполагают, что некогда он был распространен на территории позднейшей Югославии. Обитатели Лация, включая римлян, говорили на латинском языке. Умбрский язык бытовал среди населения Апеннин, проживавшего к югу от р. Пад вплоть до границ Этрурии. Этот язык известен благодаря надписям, сохранившимся на семи бронзовых таблицах из Игувина, содержащих описание религиозных ритуалов этой общины. Осский язык был основным языком Центральной и Южной Италии. На нем говорили самниты и народности Лукании и Бруттия. Лингвистическая близость умбрского и осского языков позволила ученым объединить их в сабелльскую группу итальянских языков. Народы, обитавшие на юго-восточной оконечности полуострова (япиги,

мессапы, калабры, давны и др.), говорили на мессапском языке. Этот язык, хотя и не был италийским, относился к индоевропейским языкам, близким иллирийскому, на котором говорили обитатели Балканского побережья Адриатики.

Италийские языки начали распространяться на Апеннинах с эпохи железа, что связано с расселением по Италии племен индоевропейского происхождения. Самыми многочисленными среди них были италики, которые пришли как по суше, так и морским путем из района Придунайской низменности – места своей последней стоянки. Кроме италиков в начале I тысячелетия до н.э. на землях Италии расселились и другие индоевропейские народы – иллирийцы и греки. С греками связано освоение южной части полуострова и восточной части Сицилии. Основанные здесь греческие колонии (Кумы, Регий, Сибарис, Кротон, Тарент, Локры, Метапонт в Италии, Наксос, Сиракузы, Гела на Сицилии) заняли лучшие сельскохозяйственные земли и быстро превратились в процветающие города, превосходившие размером и могуществом свои метрополии. Поэтому этот район получил название «Великая Греция».

До прихода индоевропейцев Апеннинский п-ов был заселен туземными племенами, среди которых античные авторы называют лигуров в Италии, сиканов на Сицилии (в древности этот остров назывался Сиканией), сардов на Сардинии и корсов на Корсике. Языки этих народов, скорее всего, не являлись индоевропейскими, а сами они относились к так называемой средиземноморской расе, занимавшей в глубокой древности территорию от Пиренейского полуострова до Малой Азии. В начале I тысячелетия до н.э. лигуры оттесняются италиками в северо-западную часть полуострова, которая, сохранив их этноним, стала называться Лигурией. Язык лигуров со временем был утрачен под натиском распространявшегося по Италии латинского языка.

Среди неиндоевропейских языков Апеннинского п-ова следует назвать ретийский, распространенный в Альпийской Италии. На о-вах Сицилия и Сардиния известен финикийский язык, на котором говорили как сами финикийцы, так и жители Карфагена (совр. Тунис) – финикийской колонии в Северо-Западной Африке. Но первыми здесь появились именно финикийцы. Их корабли бороздили воды Западного Средиземноморья уже в эпоху поздней бронзы. Отчасти благодаря финикийским торговцам в этом районе распространилась микенская керамика, образцы которой современные археологи находят на востоке Сицилии, в Южной Италии и на Липарских островах.

Самым загадочным из всех является этрусский язык, что не в последнюю очередь связано с неясностью происхождения его носителей – этрусков. Уже в древности не существовало единого мнения о происхождении этрусков. «Отец истории» Геродот из Галикарнасса видел в них переселенцев из Лидии (государства на западе Малой Азии). На новой родине они стали называть себя *тирсенами* (тирренами) по имени своего предводителя. Название «этруски» (туски) они получили впоследствии от римлян. Однако не все греческие историки V в. до н.э. разделяли точку зрения Геродота. Так, Гелланик Лесбосский считал этрусков пеласгами, которые населяли Фессалию до прихода туда греков. Как правило, греки отождествляли пеласгов и тирренов и

Этрусский антефикс с изображением головы Медузы Горгоны. Конец VI в. до н.э.

относили их к негреческим коренным народам Балканского полуострова. В то же время другой уроженец Галикарнасса, греческий историк Дионисий, который жил и работал в Риме в эпоху императора Августа, считал этрусков автохтонным, т.е. коренным народом Италии. Он апеллировал к лидийскому историку Ксанфу (V в. до н.э.), который ничего не знал о переселении части своего народа в Италию и обращал внимание на то, что этруски называли себя *расеннами*. Новую теорию их происхождения выдвинули немецкие ученые XIX в. Они считали, что этруски пришли в Италию с севера, из-за Альп. На протяжении XX в. в науке господствовала версия Геродота. В послед-

ние десятилетия эта теория находит все меньше сторонников и заменяется представлением о том, что этрусская цивилизация – результат культурных влияний народов Восточного Средиземноморья на коренное население Этрурии.

Не легче обстоит дело и с этруским языком. На сегодняшний день известно более одиннадцати тысяч этруских надписей, начертанных алфавитным письмом, состоящим из тридцати букв и созданным на основе греческого алфавита. Поэтому все эти надписи, написанные, правда, справа налево, легко прочесть, но нельзя понять. Даже с помощью билингв (двухязычных надписей, как правило, на греческом и этруском языках) ученым удалось установить с определенной долей вероятности значение чуть более сотни слов. Подобная ситуация объясняется тем, что для этруского языка до сих пор не установлены родственные связи ни с одним из древних или современных языков.

Некоторый свет на происхождение этруского языка может пролить так называемая Лемносская стела. Она представляет собой эпитафию, написанную греческим алфавитом, приспособленным к негреческому языку, и датируется 600 г. до н.э. Стела свидетельствует о существовании на острове догреческого языка, который начал выходить из употребления во второй половине VI в. до н.э. Новейшие исследования показали, что этруский язык морфологически и лексически близок языку Лемнонской стелы, что согласуется со свидетельством Фукидида о Лемносе как о месте жительства тиренов. Очевидно, оба языка принадлежали к единому средиземноморскому субстрату, который был поглощен индоевропейскими языками, распространившимися в Малой Азии, на Балканах и Апеннингах.

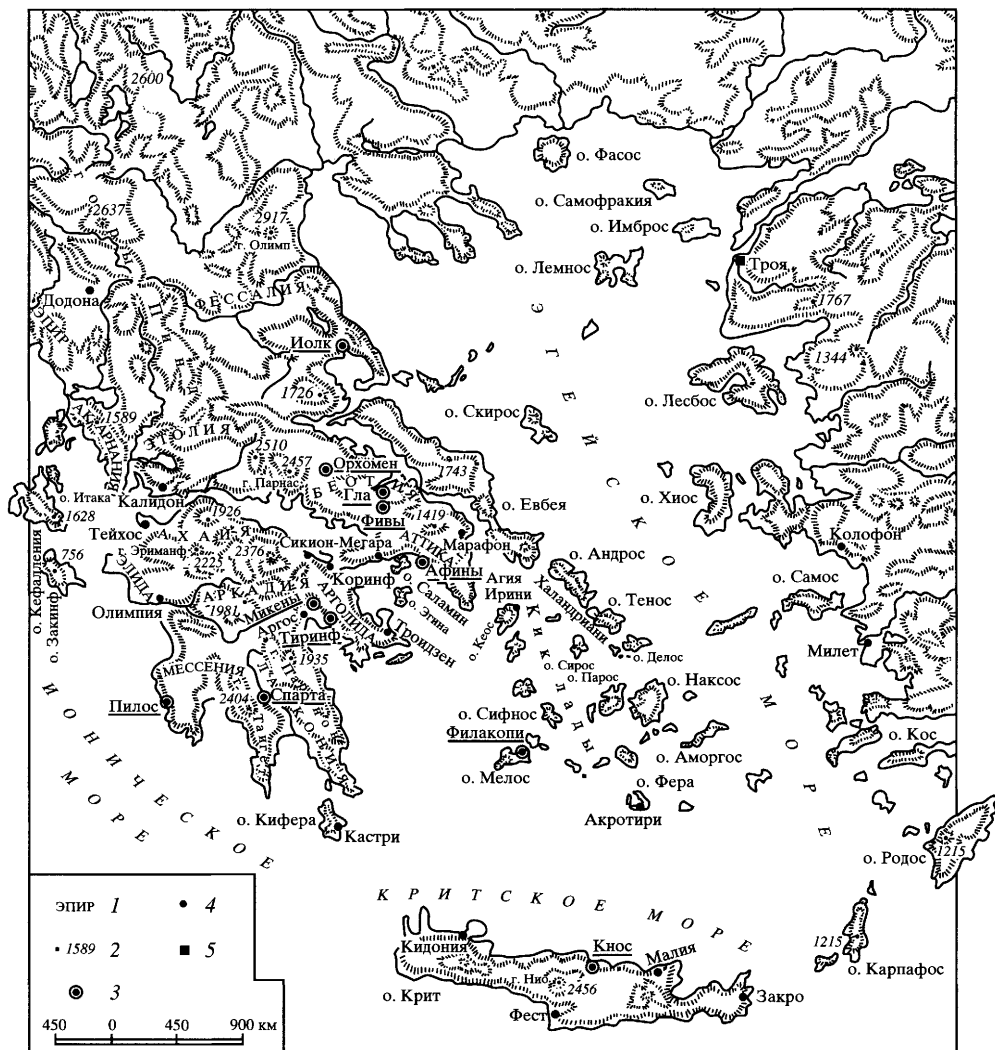
СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИСОВ В БАЛКАНСКОЙ ГРЕЦИИ И В ИТАЛИИ (VIII–VI века до н.э.)

РАЗВИТИЕ ГРЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

По мнению некоторых исследователей, VIII–VI вв. до н.э. – время наиболее интенсивного развития античного общества. Действительно, в течение трех столетий были сделаны многие важнейшие открытия, определившие характер технической основы античного общества, развивались те социально-экономические и политические явления, которые придали ему определенную специфику: классическое рабство; система денежного обращения и рынка; основная форма политической организации – полис; вырабатывались концепция суверенитета народа и демократическая форма правления. Тогда же были разработаны и главные этические нормы и принципы морали, эстетические идеалы, оказывавшие воздействие на античный мир на всем протяжении его истории вплоть до возникновения христианства. Наконец, в этот период зародились основные феномены античной культуры: философия и наука, главные жанры литературы, театр, «ордерная» архитектура и спорт.

Чтобы яснее представить себе динамику развития общества в архаический период, приведем такое сравнение. Около 800 г. до н.э. греки жили на ограниченной территории юга Балканского п-ова, о-вов Эгейского моря и западного побережья Малой Азии. Около 500 г. до н.э. они уже занимают берега Средиземноморья от Испании до Леванта и от Африки до Крыма. Около 800 г. до н.э. Греция представляет собой в сущности деревенский мир, мир самообеспечивающихся маленьких общин; к 500 г. в ней уже насчитывалось множество небольших городков с местными рынками, денежные отношения властно вторгаются в экономику, торговые связи охватывают все Средиземноморье, объектами обмена выступают не только предметы роскоши, но и товары повседневного потребления. Около 800 г. до н.э. греческое общество – простая, даже примитивная социальная организация с преобладанием крестьянства, с мало чем отличающейся от него аристократией и с ничтожным количеством рабов. Около 500 г. Греция уже пережила эпоху больших социальных перемен, раб классического типа становится одним из главных элементов социальной структуры, наряду с крестьянством существуют иные социопрофессиональные группы; известны различные формы политической организации: монархия, тирания, олигархия, аристократическая и демократическая республики. В 800 г. до н.э. в Греции еще практически нет храмов, театров, стадионов. В 500 г. Греция – страна со множеством прекрасных общественных зданий, руины которых еще и сейчас восхищают нас. Возникают и развиваются лирическая поэзия, трагедия, комедия и натурфилософия.

Стремительный подъем, подготовленный предыдущим развитием, и распространение железных орудий имели многообразные последствия для общества. Возрастание производительности труда в сельском хозяйстве и ремесле приводило к увеличению избыточного продукта. Из сельскохозяй-

Древняя Греция в период формирования первых государств и древнейших полисов

1 – исторические области Греции; 2 – высоты гор; 3 – микенские города-государства; 4 – прочие протополисы; 5 – негреческие города

ственной сферы высвобождалось все большее число людей, что обеспечивало быстрый рост ремесла. Обособление сельскохозяйственного и ремесленного секторов экономики повлекло за собой регулярный обмен между ними, появление рынка и всеобщего эквивалента – чеканной монеты. Новый вид богатства, деньги, начинает соперничать со старым – земельной собственностью, разлагая традиционный уклад.

В результате происходит быстрое разложение первобытнообщинных отношений и становление новых форм социально-экономической и политической организации общества. Этот процесс по-разному протекает в различных

частях Эллады, но везде влечет за собой назревание социальных конфликтов между оформляющейся аристократией и рядовым населением, в первую очередь крестьянами-общинниками, а затем и другими слоями.

Становление греческой аристократии современные исследователи обычно относят к VIII в. до н.э. Аристократия того времени – это ограниченная группа людей, которой свойственны особые, обязательные для входящих в ее круг лиц образ жизни и система ценностей. Она занимала преобладающее положение в общественной жизни, особенно в отправлении правосудия, играла ведущую роль в войне, так как только знатные воины имели тяжелое вооружение, и потому сражения представляли, по сути, поединки аристократов. Аристократия стремилась полностью поставить под свой контроль рядовых членов общества, превратить их в эксплуатируемую массу.

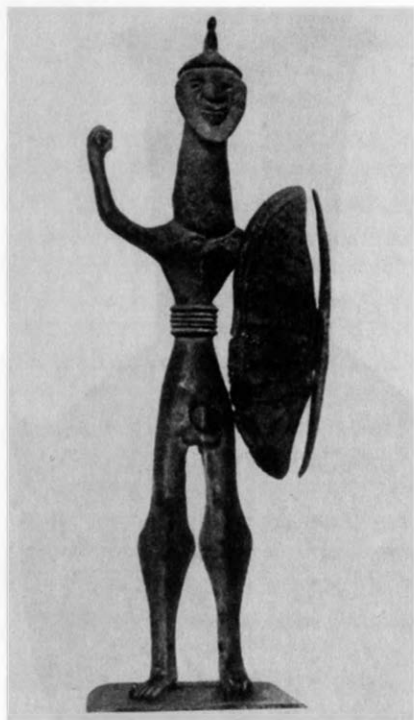
По мнению современных исследователей, наступление аристократии на рядовых сограждан началось в VIII в. до н.э. О деталях этого процесса известно мало, но об основных результатах его можно судить на примере Афин, где усиление влияния аристократии привело к созданию четко оформленной сословной структуры, к постепенному сокращению слоя свободного крестьянства и увеличению числа зависимых.

Соппротивление растущему господству знати облегчалось по крайней мере тремя обстоятельствами. Около 675–600 гг. до н.э. благодаря техническому прогрессу происходит своего рода революция в военном деле. Тяжелые доспехи становятся доступными рядовым гражданам, и аристократия лишается своего преимущества в военной области. Из-за скудости природных ресурсов страны греческая аристократия не могла сравняться со знатью Востока.

В силу особенностей исторического развития в Греции железного века не сложилось таких экономических институтов (подобных храмовым хозяйствам Азии), опираясь на которые можно было бы эксплуатировать крестьянство. Даже находившиеся в зависимости от аристократов крестьяне не были связаны с хозяйствами последних экономически. Все это предопределяло

Амфора с Дипилонского некрополя в Афинах. VIII в. до н.э.

Воин. Статуэтка из Фессалии.
VII в. до н.э.

непрочность господства знати в обществе. Наконец, силой, препятствующей укреплению позиций аристократов, была их этика. Она имела «агональный» (соревновательный) характер: каждый аристократ в соответствии с присущими этому слою этическими нормами стремился повсюду быть первым – на поле боя, в спортивных состязаниях, в политике.

Эта система ценностей была создана знатью раньше и перенесена в новый исторический период, когда для обеспечения господства ей требовалось сплочение всех сил. Однако достичь этого аристократия не смогла.

История Афин в архаическую эпоху – это история становления демократического полиса. Монополия на политическую власть в рассматриваемый период принадлежала здесь знати – эвпатридам, которая постепенно превращала рядовых граждан в зависимую массу. Этот процесс уже в VII в. до н.э. привел к вспышкам социальных конфликтов.

Коренные изменения происходят в начале VI в. до н.э., и связаны они с рефор-

мами Солона. Самой важной из них была так называемая *сисахфия* («страхование бремени»). В результате этой реформы крестьяне, из-за долгов превратившиеся, по существу, в ипольных арендаторов собственной земли, восстановили свой статус собственников. Одновременно было запрещено обращать афинян в рабство за долги.

Огромное значение имели реформы, подорвавшие политическое господство знати. Отныне объем политических прав зависел не от знатности, а от размера имущества (все граждане полиса делились на четыре имущественных разряда). В соответствии с этим делением перестраивалась и военная организация Афин. Был создан новый орган управления – совет (*буле*), возросло значение народного собрания.

Несмотря на свою радикальность, реформы Солона отнюдь не решили всех проблем. Обострение социальной борьбы в Афинах привело в 560 г. до н.э. к установлению тирании Писистрата и его сыновей, продержавшейся с перерывами до 510 г. до н.э. Писистрат проводил активную внешнюю политику, укрепляя позиции Афин на морских торговых путях. В городе процветало ремесло, развивалась торговля, велось большое строительство. Афины превращались в один из крупнейших экономических центров Эллады.

При преемниках Писистрата этот режим пал, что вновь вызвало обострение социальных противоречий. Вскоре после 509 г. до н.э. под руководством Клисфена проводится новая серия реформ, окончательно утвердивших де-

мократический строй. Важнейшая из них – реформа избирательного права: отныне все граждане, независимо от своего имущественного положения, обладали равными политическими правами. Была изменена система территориального деления, разрушавшая влияние аристократов на местах.

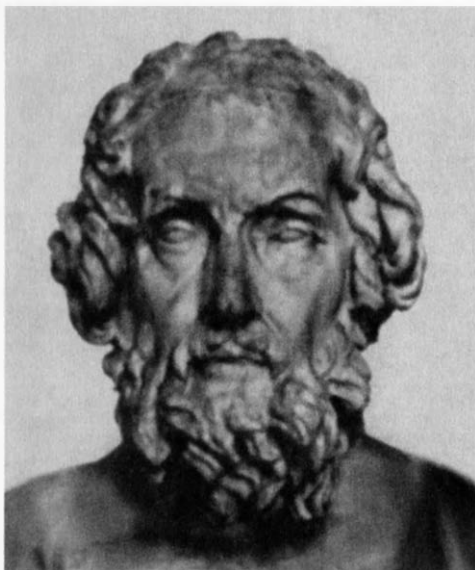
Иной вариант развития осуществила Спарта. Захватив Лаконику и поработив местное население, доряне уже в IX в. до н.э. создали в Спарте государство. Родившись очень рано в результате завоевания, оно сохранило в своей структуре много примитивных черт. В дальнейшем спартанцы в ходе двух войн стремились завоевать Мессению – область на западе Пелопоннеса. Назревавший уже долгое время исподволь внутренний социальный конфликт между знатью и рядовым гражданством разразился в Спарте во время Второй Мессенской войны. Длительная борьба между рядовыми спартиатами и аристократией привела к переустройству спартанского общества. Возник строй, который в более позднее время назывался Ликурговым, по имени якобы установившего его законодателя (VI в. до н.э.). Конечно, традиция упрощает картину, ибо этот общественный уклад не был создан сразу, а складывался постепенно. Преодолев внутренний кризис, Спарта смогла завоевать Мессению (в ходе двух мессенских войн – VIII – вторая половина VII в. до н.э.) и превратилась в самое мощное государство Пелопоннеса и, пожалуй, всей Греции.

Подобно всем другим сферам жизни, греческая культура в архаическую эпоху переживала бурные изменения, в ходе которых вырабатывалось этническое самосознание. Греки постепенно начинали осознавать себя единым народом, отличным от других племен, которых они стали называть варварами. Этническое самосознание находило свое проявление и в некоторых общественных установлениях. Согласно греческой традиции, начиная с 776 г. до н.э. стали устраиваться Олимпийские игры, на которые допускались только эллины.

В эпоху архаики складываются основные черты этики древнегреческого общества. Ее отличало соединение рождающегося чувства коллективизма и агонистического (состязательного) начал. Формирование полиса как особого типа общины, шедшего на смену рыхлым объединениям «героической» эпохи, вызвало к жизни и новую, полисную мораль – коллективистскую в своей основе, поскольку существование индивида вне рамок полиса представлялось невозможным. Выработке этой морали способствовала также военная организация полиса (строй

Мосхофор. Около 570 г. до н.э.
Акрополь. Афины

Гомер. IV в. до н.э. Париж. Лувр. Мрамор

фаланги). Высшая доблесть гражданина состояла в защите своего полиса: «Сладко ведь жизнь потерять, среди воинов доблестных павши, храброму мужу в бою ради отчизны своей», – эти слова спартанского поэта Тиртея как нельзя лучше выражали умонастроения новой эпохи, характеризуя систему господствовавших тогда ценностей. Однако новая мораль сохраняла нравственные основы гомеровского времени с ее ведущим принципом состязательности. Характер политических реформ в полисах обусловил сохранение этой морали, поскольку не аристократия лишалась своих привилегий, а рядовое гражданство поднималось, с точки зрения объема политических прав до уровня аристократии. В силу этого традиционная этика аристократии распространялась и среди народных масс, хотя уже в измененной форме с важнейшим постулатом – кто лучше послужит полису.

Поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» положили начало развитию героического эпоса и всей древнегреческой литературы. Определенную трансформацию переживала и религия. Формирование единого греческого мира, при всех локальных особенностях повлекло за собой создание общего для всех греков пантеона богов, свидетельством чему стала поэма Гесиода «Теогония».

Архаическая эпоха – время становления архитектуры. Бесспорен примат общественной, в первую очередь сакральной, архитектуры. Жилища того времени просты и примитивны, все силы общества обращены на монументальные сооружения, прежде всего храмы. Среди них первенствовали храмы богов-покровителей общины. Укреплявшееся чувство единства гражданского коллектива находило свое выражение в создании величественных храмов, считавшихся местом обитания богов. Ранние храмы повторяли устройство жилища-мегарона II тысячелетия до н.э. Храм нового типа родился в Спарте – древнейшем полисе Эллады. Характерной особенностью греческой архитектуры явилось применение «ордеров», т.е. особой системы построения, которая подчеркивает архитектонику здания, придает выразительность несущим и несомым элементам конструкции, выявляя их функцию. В архаическую эпоху возникает монументальная скульптура – вид искусства, ранее неизвестный Греции.

Величайшим достижением греческой культуры архаической эпохи стало создание алфавитного письма. Преобразовав финикийскую слоговую систему, греки создали простой способ фиксации информации. Для того чтобы научиться писать и считать, теперь не требовались годы упорного труда, произошла «демократизация» системы обучения, позволившая постепенно сделать практически всех свободных жителей Греции грамотными. Там самым знания были «секуляризованы», что послужило одной из причин отсут-

ствия в Греции жреческого сословия и способствовало повышению духовного потенциала общества в целом.

В конце архаической эпохи родилась философия из социального опыта гражданина раннего полиса. Полис и отношения граждан в нем – вот та модель, по аналогии с которой греческие философы взирали на мир. Этот вывод подтверждается тем, что возникновение самой ранней ее формы – натурфилософии (т.е. философии, обращенной прежде всего к познанию самых общих закономерностей мира) – происходит в наиболее передовых малоазийских полисах. Именно с ними связана деятельность первых философов – Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена. Переход от религиозно-мифологических представлений о мире к философскому его пониманию означал качественный скачок в интеллектуальном развитии человечества.

ЭТРУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ

В то же самое время в другом регионе, в Средней Италии наиболее динамично развивалась Этрурия – область между реками Арно и Тибром, где раньше всего начало ощущаться влияние со стороны финикийцев и греков. Однако прогресс в развитии наблюдался не во всех районах Этрурии одновременно. Сначала он охватил южную часть, простиравшуюся вдоль морского побережья. Эта территория была богата металлами – медью, железом и серебром. Здесь процветали города Цере, Тарквинии, Вульчи. Самые большие запасы металлов находились в северо-западной части Этрурии, где возникли города Популония, Ветулония и Волатерры. Возможность разрабатывать месторождения Этрурии притягивала финикийцев и греков. Внутренние районы Этрурии изменения затронули позже и проходили медленнее. Наиболее значительными центрами здесь были Вольсинии и Клузий.

Не только рудные богатства, но и плодородная почва делали Этрурию привлекательной для разных народов. Но к началу VIII в. до н.э. регион оказался плотно заселен и политически организован, чтобы воспринять идущие с Востока культурные достижения и в то же время противостоять стремлению их носителей основать здесь свои колонии. Финикийцы и греки принесли с собой новые формы планировки домов и само понятие города. Со временем города расширялись и укреплялись мощными оборонительными стенами. В верхней части города находился акрополь, у городских стен располагался некрополь, неотъемлемой частью города были храмы. Образцом регулярной планировки этрусского города является городище Марцаботто, расположенное в районе Болоньи. Усилиями археологов здесь были открыты широкие, пересекающиеся под прямым углом улицы, водопровод и канализация.

Этрусское общество не отличалось социальной однородностью. Его привилегированную часть составляла военно-жреческая знать – *лукумоны*. В их подчинении находились рядовые общинники – *лаутни*. Появившийся в результате развития торговли социальный слой, статус которого зиждился на богатстве, был низведен в обществе с жесткой иерархической структу-

рой до положения *этера*, соответствующего латинским клиентам. Соединенная кровными узами элита расширяла свои ряды, заключая брачные союзы с аристократами других городов, укрепляя тем самым свои позиции внутри этрусского общества. Одной из его особенностей было свободное положение женщины. На фресках этруских гробниц женщины изображены пирующими со своими мужьями. Подобное социальное равенство полов было чуждо греческому обществу. Некоторые исследователи предполагают, что знатные женщины даже принимали участие в общественной жизни своего города.

Этрурия никогда не была политически единой. Она представляла собой союзы автономных городов, во многом напоминавших греческие полисы, причем каждый из них являлся центром объединения нескольких более мелких городов и поселений. Хорошо известно этруское Двенадцатиградье, представлявшее собой федерацию городов во главе с Вольсиниями, которая проводила согласованную внешнюю политику. Глава союза избирался ежегодно, а символом его власти были 12 ликторов с фасциями – пучками прутьев с воткнутыми в них топориками.

Первоначально этруские города управлялись царями. Атрибутом их власти служило курульное кресло, изображения которого можно встретить на фресках этруских гробниц. Оно походило на складной стульчик с перекладиной или ножками из слоновой кости. В VI в. до н.э. в большинстве городов царская власть уступила место выборным должностным лицам – *зилакам*. Некоторые ученые, правда, считают их правление переходной формой от власти царя к выборным магистратам, а самих зилаков отождествляют с греческими тиранами. Одежда и знаки отличия этруских магистратов впоследствии были заимствованы римлянами. К их числу относятся фасции, курульное кресло и тога с пурпурной каймой. Правда, в некоторых городах Этрурии царская власть сохранялась и в более позднее время: в Клузии в V в. до н.э. правил царь Ларс Порсенна, а в Вейях – Ларс Толумний.

Несмотря на то что этруские города во многом напоминали греческие полисы, они так и не превратились в коллективы граждан. Причина этого кроется в следующем. Распространение по всему Средиземноморью новой тактики ведения боя не завершилось в Этрурии появлением гоплитской фаланги. Сохранение в обществе доминирующей позиции родовой аристократии привело к тому, что воины-гоплиты сплачивались в боевые отряды вокруг вождей-аристократов и сражались за их интересы. Не случайно поэтому греческий историк Дионисий Галикарнасский, описывая войну этрусов с римлянами за город Вейи (рубеж V–IV вв. до н.э.), говорит, что этрусская армия только походила на фалангу. В результате в Этрурии так и не появился новый общественный слой, который в греческом мире являлся носителем идеологии политического равенства.

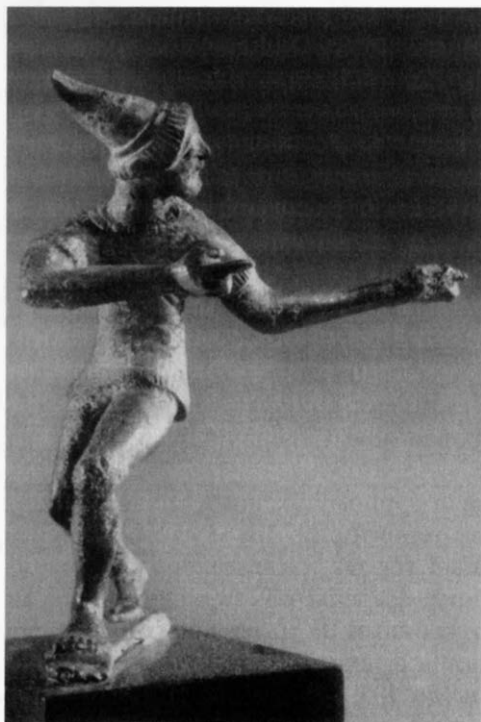
Как и греки, этруски участвовали в процессе колонизации Апеннинского п-ова, распространяя свое влияние в двух направлениях: на юг – в Кампанию и на север – в долину р. Пад (совр. По). Причина этруской колонизации в южном направлении кроется в стремлении этрусов самостоятельно торговать металлами, к обладанию которыми стремились греки, финикийцы и карфагеняне. В Кампании этруски основали город Капую (этрус. Волтурн),

который возглавил союз двенадцати этрусских городов Кампании. В него входили Нола, Геркуланум, Соррент, Помпеи и др.

Колонизация Паданской области была вызвана тем, что в первой четверти VI в. до н.э. процветающие этрусские города, расположенные на побережье Тирренского моря, начинают переживать экономические трудности, связанные с переносом торговых путей на восток в сторону Адриатики и на запад в направлении Испании. На основе уже существовавших поселений этруски создали в долине р. Пад город Фельсину (совр. Болонья). К северу от него этруски основали Мантую, а на Адриатическом побережье вырос город-порт Спина со смешанным населением из местных племен умбров и венетов и появившихся здесь позже греков и этрусков. Археологические исследования Спины обнаружили здесь сеть каналов, образовывавших улицы города с домами на сваях. Поэтому Спину часто сравнивают с современной Венецией. Вместе с Адрией этот город контролировал всю Северную Адриатику на протяжении V–IV вв. до н.э.

Этруская колонизация способствовала бурному экономическому, социальному и культурному развитию новых территорий. На месте примитивных поселков возникали благоустроенные города, развивалось ремесленное производство, прокладывались дороги. Народы обменивались своими технологическими и культурными достижениями. В то же время основные участники колонизации Италии, этруски и греки, нередко превращались в непримиримых врагов. К концу VI в. до н.э. экономические интересы и торговое соперничество привело западных греков к конфликту с этрусками. «Яблоком раздора» между ними стал город Кумы в Южной Италии. В 524 г. до н.э. куманцы отбили нападение со стороны этрусков из Капуи. Спустя двадцать лет, в 504 г. до н.э. куманский аристократ Аристодем отправился в Лаций во главе вооруженного отряда на помощь римлянам, сражавшимся с этрусской армией Порсенны – царя г. Клузий. В результате этруски были разбиты в битве при Ариции. В 474 г. до н.э. этруски вновь потерпели поражение в морском сражении близ Кум от греков, на стороне которых выступил сиракузский тиран Гиерон I. Эти сокрушительные поражения, а также вторжение кельтских племен в Паданскую долину и военное соперничество между самими этрусскими городами существенно подточили этрусское влияние на Апеннинском п-ове, а вскоре и вся Этрурия была завоевана Римом.

Государственные образования в Лации (VIII–VI вв. до н.э.). Одновременно с развитием греческих городов в Великой Греции и расцветом этрусской цивилизации в Лации, области к югу от левого берега р. Тибр, проходили этнические и социальные процессы, завершившиеся образованием римского государства. С древнейших времен Лаций был заселен латинами – одним из италийских племен. Наряду с ними римская историческая традиция называет обитателями Лация греков – аркадян Эвандра и пелопоннесцев Геракла, которые появились здесь за 60 лет до Троянской войны. После разрушения Трои в Лаций прибывают троянцы во главе с Энеем. Археологические открытия помогают современным ученым интерпретировать свидетельства античных авторов, однако проблема греческого влияния на этот регион по-прежнему остается дискуссионной. Очевидно, достижения греческой культуры попадали в Лаций опосредованно, через Этрурию. Относительно троянцев Энея

Стрелок из лука. Конец VI в. до н.э.

исследователи более единодушны: этот традиционный рассказ содержит воспоминания о переселениях иллирийцев, имевших место в начале железного века. Таким образом, можно сказать, что Лаций не остался в стороне от тех этнических процессов, которые проходили на Апеннинах в целом.

В Лации известны две группы холмов: Альбанские на юге и При-тибрские на севере. Альбанские холмы были освоены раньше, чему способствовал благоприятный климат этого района. По преданию, сын Энея Асканий-Юл основал здесь город Альба-Лонга. Начиная с VIII в. до н.э. контакты с греко-финикийским миром стимулировали развитие аристократического общества в Лации. Археологическим подтверждением этого процесса являются «Царские» гробницы в Пренесте. Часть предметов роскоши представлена пиршественной утварью, что свидетельствует о распространении в

регионе в последние десятилетия VII в. до н.э. практики, аналогичной греческому «симпосию» (пиру), которая являлась показателем формирования аристократического общества. Роскошная жизнь аристократии сказалась и на изменении архитектурного облика поселений: в VII в. до н.э. каменные дома заменяют хижины, и к VI в. до н.э. каменное строительство стало широко использоваться не только в частных, но и в общественных постройках, что свидетельствует уже о высокой степени организации общественного труда.

Социальная природа общества отражена в структуре погребений. Уже упомянутые «Царские» гробницы в Пренесте демонстрируют существование коллектива сородичей, который включал несколько разросшихся семей. Общество Центральной Италии в архаический период характеризуется открытостью, позволяющей аристократическим семьям отдельных общин устанавливать связи друг с другом, которые регулировались такими правовыми механизмами, как заключение браков и предоставление убежища. Горизонтальная мобильность усиливала сходство социальных структур региона.

С аристократической природой латинского общества связано существование религиозных лиг. Одной из таких лиг была Альбанская федерация с общей для латинских городов святыней — храмом Юпитера Лациарского (покровителя Лация). Другие латинские поселения объединились в сакральный союз вокруг храма Дианы возле г. Ариции. Религиозные лиги со

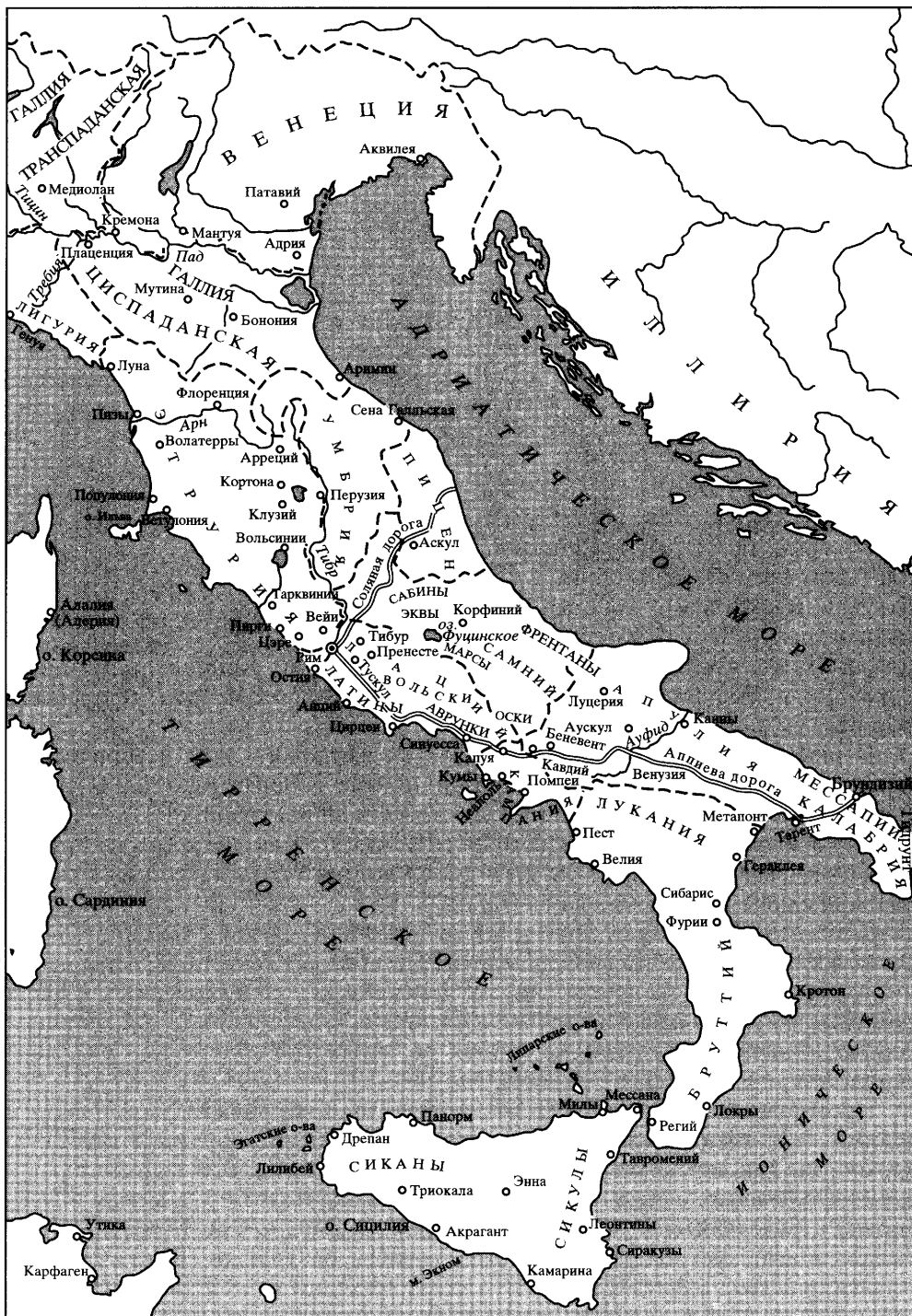
временем становились политическими союзами и символизировали общинное единство на стадии дополисной организации. Но оформление гражданского самосознания неизбежно приводило к конфликтам как внутри лиг, так и между ними.

Начиная с VII в. до н.э. значение Альба-Лонги резко падает, что связано с прокладыванием новых торговых путей, которые оставляли в стороне малодоступные поселения на холмах. В результате начинают бурно развиваться другие районы Лация, расположенные вдоль речных и сухопутных коммуникаций. Выбор места поселения обуславливался теперь возможностью контроля над естественными ресурсами. В этом отношении территория будущего Рима на левом берегу Тибра выгодно отличалась от Альбанских холмов. В устье Тибра, на его правой стороне, находились соляные варницы. К ним с древнейшего времени был проложен маршрут, идущий с Апеннинских гор через Рим и дальше к морю. Вблизи будущего Рима существовала удобная переправа через реку, которая позволяла наладить коммуникации между Этрурией и Кампанией. Таким образом, географическое положение Рима способствовало установлению тесных контактов между племенами Лация и Этрурией, формируя культурно-историческое единство трех изначально самостоятельных районов – Лация, Этрурии и Рима.

Территория Рима включала семь холмов. Первую группу составляют Палатин, Капитолий и Авентин. Они близко подходят к реке, которая затоплила пространство между ними, превращая его в болота. Вторую группу холмов, более удаленных от русла Тибра, образуют Квиринал, Виминал, Эсквилин и Целий. Однако их объединение в границах Рима произошло не сразу.

Первым из холмов был заселен Палатин, который и стал историческим ядром города. Именно здесь, по преданию, был основан город Ромула. Он был обнесен стеной, которая являлась его священной границей – померием. Обнаруженные археологами следы древнейших стен на Палатине датируются последней третью VIII в. до н.э., что не намного понижает принятую самими римлянами дату основания города – 753 г. до н.э. Городище на Палатине ничем не отличалось от других поселений Лация раннего железного века. Оно было небольшим по размерам и соседствовало с такими же деревушками, разбросанными на других холмах. Ближайшими соседями римлян были сабиняне, которые расселились на Квиринале. Объединение этих общин и положило начало складыванию единой политической общности – римского народа квиритов (*Populus Romanus Quirites*).

Противоположность между Палатином и Квириналом отразилась в религиозных установлениях Рима, уходящих своими корнями в глубокую древность. Так, жречество салиев (жрецов бога Марса) было представлено двумя коллегиями, одна из которых принадлежала Палатину, а другая – Квириналу. Представители двух римских родов, Фабиев и Квинтилиев, образовывали жреческую коллегию луперков, которые совершали обряд очищения территории древнейшего города на Палатине. Один из них, род Фабиев, по свидетельству традиции, был связан с Квириналом. Современные исследователи понимают эти факты как свидетельство слияния двух первоначально самостоятельных и отдельных общин, существовавших на Палатине и Квиринале.

Древняя Италия в VIII – начале III в. до н.э.

Время с VIII по VI в. до н.э. принято называть *царским периодом* в истории Рима в соответствии с формой правления. Канонический список римских царей (рексов) состоит из семи имен, однако, можно предположить, что их насчитывалось гораздо больше. Семь традиционных царей делятся на две группы: четверо первых образуют латино-сабинскую династию, следующие трое – «этрусскую», которая правила в Риме, начиная с последней четверти VII в. до н.э. Смена династий является водоразделом между догородской фазой существования Рима-поселения и Римом-городом.

Римские историки конца III – I в. до н.э. связали введение важных социальных и политических институтов своего города с именами отдельных царей. Однако организация римской общины единодушно приписывалась Ромулу. Она состояла из тридцати курий, которые походили на греческие фратрии. Курии объединяли всех мужчин-воинов (квиритов), из которых комплектовался древнейший легион, состоявший из 3 тыс. пехотинцев (по 100 воинов от каждой курии). Таким образом, народ каждой курии был ее войском и одновременно участником народного собрания – куриатных комиций, которые решали вопросы наследования, усыновления и делали законной власть избранного царя. Курии были разделены на три части по десять в каждой, которые назывались трибами Рамнов, Тициев и Луцеров, получившими свои названия от самого Ромула, сабинского царя Тита Тация и этруска Лукумона, оказавшего Ромулу помощь в борьбе с сабинянами. Вероятно, в традиционных названиях триб отразился процесс смешения различных этносов на территории Рима, завершившийся появлением понятия «римлянин», которое имело уже не этнический, а государственный характер.

В римской общине существовала группа лиц, обладавших особым положением и статусом. Эти люди назывались «отцами» (*patres*) и были представлены в совещательном органе – сенате. Сначала сенаторов насчитывалось 100, впоследствии их число увеличилось до 300 и оставалось таким вплоть до I в. до н.э. «Отцы» как обладатели *ауспиций* (права определять волю богов по поведению птиц) давали свое одобрение тем общественным действиям, которые согласовывались с обычаями предков, обеспечивая тем самым всему коллективу божественное расположение. С санкции «отцов», например, назначался и сам царь. Его власть не являлась наследственной, хотя между некоторыми царями и их преемниками существовали родственные связи. Таким образом, римская община имела трехчленную политическую структуру: народ, сенат и царь. Обладая властью в религиозной сфере, «отцы» руководили всей общественной жизнью римской общины.

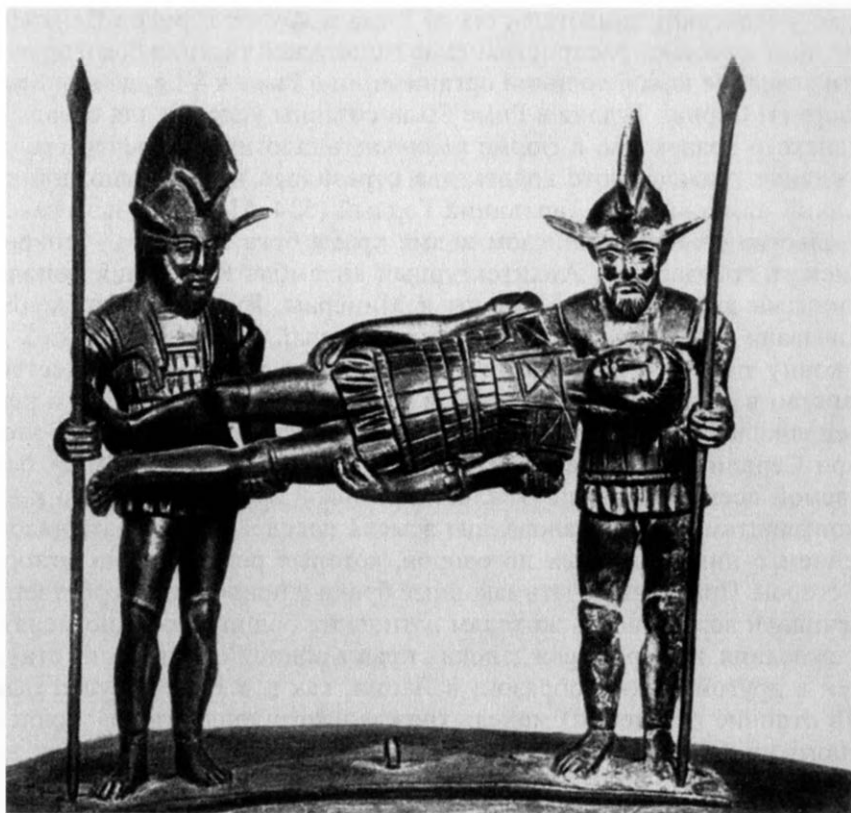
«Отцы-сенаторы» и их потомки патриции, носившие одно и то же имя и происходившие от общего предка по мужской линии, образовывали род (или клан). Так, знаменитый римский род Юлиев возводил свое происхождение к богине Венере, а род Фабиев считал своим предком Геркулеса. Многие знатные роды Рима называли своими прародителями Энея или его спутников. В рамках рода выделялась семья, которая состояла из главы («отца семейства») и тех, кто находился под его властью (прежде всего жена и потомство). Такая структура родства отразилась в римских именах, которые состояли из трех частей: личного имени, имен рода и семьи. Например, Луций Юний Брут, Марк Фурий Камилл, Публий Корнелий Сципион, Гай Юлий Цезарь и др.

Вокруг глав патрицианских семей объединялись свободные общинники, которые нуждались в их покровительстве и защите. Они назывались клиентами. Отношения патронов, в роли которых выступали «отцы», и клиентов строились на взаимной ответственности и способствовали развитию вертикальных связей внутри римского общества. Остальные свободные, которые противостояли патрицианским кланам, назывались плебеями. С ростом территории Рима к ним присоединились новопоселенцы, которые увеличили население города в результате покорения соседних латинских общин.

С воцарением этрусской династии Рим стал частью культурного «койне», сложившегося в Западном Средиземноморье. Следствием этого было развитие городской инфраструктуры. Пространство между Палатином и Капитолием начало превращаться в общественный центр – Форум. В его восточной части стояла Регия, которая образовывала религиозный центр общины; ему соответствовал политический центр – Комиций, расположенный в северо-западной части Форума и являвшийся местом проведения народных собраний. На северной оконечности Комиция была воздвигнута Гостилиева курия (место заседаний сената), которая стала третьим центром общественной жизни Рима. Изменился также характер царской власти. Из ритуального правителя, каким он был при латино-сабинской династии, царь превратился в военного предводителя – носителя *империя*, включавшего в себя право командовать войском и отдавать приказания.

Рост экономической активности Рима способствовал притоку в город населения соседних общин, которое пополняло ряды плебеев. Отражением этих экономических, географических и демографических процессов явилось создание новой военной организации, творцом которой считается шестой царь Сервий Туллий, правивший в середине VI в. до н.э. Согласно традиции, Сервий Туллий создал новый вид народного собрания – центуриатные комиции, основанные на имущественном цензе и на военных обязательствах граждан по отношению к государству. Собрание названо от «центурии», которая являлась подразделением легиона. Легион состоял из шестидесяти центурий, каждая из которых теоретически насчитывала сто человек. На военный характер этого собрания указывает место его проведения – Марсово поле, которое находилось за городской чертой. Так как центуриатное народное собрание одновременно выступало в роли войска, оно состояло первоначально из мужчин боеспособного возраста, которые могли обеспечить себе полное вооружение гоплита. К ним по имущественному статусу примыкали всадники. Остальные, не имевшие ценза гоплита, составляли легковооруженную пехоту.

Центуриатное собрание было тесно связано с другими важными римскими институтами, такими как ценз и трибы. Ценз определял принадлежность человека к гражданскому коллективу. Разделение граждан на ряд категорий в соответствии с их имуществом отражало их различные функции в государстве и определяло их политические привилегии. Новые территориальные округа – трибы, хотя и сохранили свое прежнее название, принципиально отличались от триб Ромула тем, что объединяли граждан в соответствии с местом их проживания. Постепенно город был разделен

Воины, несущие тело убитого товарища. Ручка цисты из Пренесте. IV в. до н.э.

на четыре трибы, а прилегающая к нему сельская округа – на семнадцать триб. Каждая триба должна была выставлять определенное количество центурий, в которых военнообязанный мужчина (житель трибы) занимал место согласно своему имущественному цензу. Тем самым с течением времени членство в трибах стало основой формирующегося гражданского коллектива, что сказалось на изменении положения плебеев, которые получили место в войске. В то же время семнадцать сельских триб именовались по патрицианским родам, которые главенствовали в этих округах и с давних пор отстаивали свои интересы с помощью вооруженных групп, состоявших из членов рода и их клиентов. Правда, теперь военные подразделения знати, также представленные в центуриях, составляли лишь часть общей римской армии и были ориентированы на защиту государственных интересов. В конечном счете, создание новой военной организации привело к укреплению позиций аристократии, что помогает объяснить ее главенствующую роль в римском государстве в последующую эпоху. В окончательном виде центуриатная организация, которая складывалась постепенно по мере усложнения общественной жизни, распределила граждан по пяти имущественным разрядам, которые выставляли общим счетом 193 центурии, включая 18 центурий всадников.

Археологические свидетельства из Рима и других городов Центральной Италии подтверждают распространение гопплитской тактики боя и позволяют отнести создание новой военной организации в Риме к VI в. до н.э. Благодаря реформам Сервия Туллия в Риме были созданы условия для складывания гражданского коллектива в форме *цивитас*, аналогичной греческому полису. Рождение гражданского коллектива отразилось и в религиозной сфере. Последний римский царь Тарквиний Гордый (534–510 гг. до н.э.) завершил строительство на Капитолийском холме храма бога Юпитера – покровителя римского государства. Архитектурный ансамбль Капитолия дополнялся святилищами двух богинь – Юноны и Минервы. Вместе с Юпитером они образовывали Капитолийскую триаду – главный общегражданский культ.

К концу царского периода Рим превратился в самое могущественное государство в Лации. Политическое и культурное влияние Рима в регионе подкреплялось также контролем над общелатинскими культами. С этой целью при Сервии Туллии на Авентине был построен храм Дианы – богини, почитаемой всеми латинами. Усиление римской армии приводило к взаимным конфликтам, однако завоевание земель соседей иногда заменялось заключением с ними союзных договоров, которые регулировали отношения обеих сторон. Права заключать законные браки и приобретать собственность обеспечивали возможность жителям латинских общин свободно менять места проживания, не теряя гражданских прав в родной общине и не становясь изгоями в другой. Таким образом, в Лации, как и в Риме, осуществлялась иная (в отличие от Греции) модель гражданского коллектива – полиса, основанного на горизонтальной мобильности и потому открытого к новым пополнениям.

ВЕЛИКАЯ ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Архаический период ознаменовался в истории Эллады столь знаменательным событием, как Великая греческая колонизация VIII–VI вв. до н.э., или освоение греками новых для них территорий. В ходе этого грандиозного миграционного движения сетью эллинских городов и поселений оказались покрыты значительная часть средиземноморского и всё черноморское побережье. Распространившись на эти регионы, древнегреческая цивилизация самым решительным образом расширила свои географические рамки.

Естественно, прежде всего встает вопрос о причинах столь значительного и уникального явления. Насколько можно судить, в его развитии сыграли свою роль факторы различного характера. Можно выделить две основные группы предпосылок колонизации: экономическую и политическую. К первой из них следует отнести прежде всего возникший в результате демографического взрыва начала эпохи архаики острый «земельный голод» (стенохорию). Греческие полисы обладали лишь весьма ограниченными природными ресурсами. Их сельскохозяйственная округа (*хора*) была, как правило, невелика, почвы большинства областей Эллады – недостаточно плодородны. В результате со временем не удавалось уже обеспечить нормальное существование всем гражданам города-государства. Соответственно, часть населения порой просто вынуждалась эмигрировать и искать средства к жизни на чужбине.

Так, в VII в. до н.э. на островок Фера в южной части Эгейского моря обрушились засуха и голод. Жители Феры решили вывести колонию в Северную Африку и отправили туда группу поселенцев во главе с аристократом Баттом. Оказавшись в незнакомых местах, колонисты поначалу растерялись. «Батт и его спутники не знали, что им предпринять, и снова возвратились на Феру. Ферейцы же начали метать в них стрелы, не позволяя пристать к берегу, и приказывали плыть обратно. Тогда переселенцы были вынуждены снова выйти в море», – сообщает Геродот. Прибыв опять в Африку, Батт основал там город Кирену, который впоследствии стал крупным, процветающим экономическим и политическим центром.

В тесном сочетании с этим фактором сыграли свою роль и другие экономические предпосылки колонизации: стремление греческих полисов получить доступ к источникам сырья (особенно месторождениям полезных ископаемых), отсутствовавшим на родине, а также закрепиться на важнейших торговых путях. Именно поэтому греки основывали не только полноценные колонии (*апойкии*), сразу становившиеся независимыми полисами, но также и торговые фактории, являвшиеся лишь коммерческими базами и местами пребывания купцов.

Что же касается политических причин колонизационного движения, то важную роль сыграла постоянная и ожесточенная борьба за власть между различными аристократическими группировками, кипевшая в архаических (формирующихся) полисах. Эта борьба (*стасис*) была одной из самых рельефных и неотъемлемых реалий эпохи, о которой идет речь, и сплошь и рядом именно перипетии стасиса становились, конкретным, непосредственным

поводом к выведению колонии. Для «проигравших» зачастую просто не оставалось иного выхода, кроме как покинуть родной город, иначе их судьба оказывалась плачевной: политическая борьба архаического периода отличалась крайней жестокостью и беспощадностью, ее исходом могло стать даже полное, поголовное истребление побежденных победителями.

В любом случае, группировка, не сумевшая добиться успеха «у себя дома», всегда имела хорошую возможность уйти в апойкию и там утверждать свою власть уже беспрепятственно. Лидер подобной группировки становился основателем и руководителем нового поселения – «ойкистом» (*кτισ-том*); таким образом он достигал на новом месте того высокого положения, в котором ему отказали на родине. В роли ойкистов выступали (практически без исключений) знатные аристократы, выходцы из древних родов. После смерти ойкист, как правило, героизировался, т.е. причислялся к существам сверхчеловеческого порядка; его могила, находившаяся обычно на агоре, становилась объектом религиозного почитания.

Безусловно, односторонний акцент на вышеописанном политическом факторе колонизации тоже был бы неоправданным, как и любая крайность. Для того чтобы колонизационное мероприятие осуществилось, требовалась обычно совокупность не только политических, но и экономических предпосылок. Ведь группировка политиков-аристократов могла, естественно, основать жизнеспособную колонию только в том случае, если ее сопровождала достаточно значительная в количественном отношении группа рядовых граждан, по той или иной причине заинтересованных в переселении. Но помимо этого ситуация должна была достичь крайней остроты, просто не оставлявшей для какой-то части населения реальной возможности остаться на родине. Например, если в ходе стасиса одна группировка полностью побеждала и поголовно изгоняла другую, что случалось все-таки далеко не всегда. Сделанная здесь оговорка была необходима, но в целом следует отметить, что в историографии скорее наблюдается не переоценка, а напротив, недооценка политического фактора, так что к выявлению его истинной (по нашему мнению, весьма значительной) роли еще предстоит идти.

Однако не нужно видеть в каждой колонизационной акции обязательно централизованное, организованное полисными властями мероприятие. Нередко следует вести речь о частной инициативе кого-либо из аристократических лидеров, который рекрутировал будущих апойков, очевидно, из числа своих политических приверженцев и отправлялся с ними в колонизационную экспедицию.

Перечисленные факторы в каждой конкретной ситуации действовали в разном сочетании и соотношении. Во всяком случае, представляется отнюдь не случайным, что наиболее значительными центрами выведения колоний (метрополиями) стали развитые в экономическом и политическом отношении полисы, густонаселенные и при этом обладавшие малой хорой. В их числе – Коринф и Мегары на перешейке Истм, Халкида и Эретрия на о-ве Эвбея, полисы малоазийской Ионии. Из последних особенно отличился Милет, основавший, по сообщениям некоторых источников, более 70 колоний.

Правда, еще одним очагом ранней колонизации была отсталая аграрная область Ахайя на севере Пелопоннеса. Дело в том, что на каменистых почвах Ахайи тоже крайне остро ощущался земельный голод. С другой стороны,

Эксекий. Килик с изображением Диониса на корабле. VI в. до н.э.

Мина. В ее основании и функционировании наибольшую роль сыграли эвбейские полисы. Халкида и Эретрия в период ранней архаики вообще шли в авангарде развития греческого мира, являлись крупнейшими экономическими и политическими центрами. Они же выступили и «пионерами» колонизации, причем как на востоке, так и на западе.

Нужно отметить, что колонизационное движение греков в собственном смысле первоначально развивалось преимущественно в западном направлении, куда первые шаги по выведению колоний были сделаны в VIII в. до н.э. На западе греков особенно манили к себе плодородные земли Апеннинского п-ова и прилегавшего к нему с юга о-ва Сицилия.

Уже в первой половине VIII в. до н.э. выходцами из эвбейской Халкиды было основано небольшое поселение на островке Питекуссы у западных берегов Италии; вскоре после этого колонисты перебрались на материк, и там возник греческий полис Кумы. Прошел какой-нибудь век, и южное побережье италийского «сапожка», а также вся Сицилия по периметру оказались буквально усеяны новыми эллинскими городами. В колонизации региона приняли активное участие, наряду с эвбейцами, выходцы из Коринфа, Мегар, Ахайи и других центров. Порой несколько полисов осуществляли совместную колонизационную экспедицию; но бывали случаи и совсем иных отношений – вражды, борьбы за территории, приводившие к войнам и оттеснению слабейших на менее удобные земли.

Южная Италия и Сицилия оказались в конечном счете настолько интенсивно освоены греками, что вся эта область получила уже в античной историографии наименование Великой Греции. Самым крупным и значительным полисом региона являлись Сиракузы, основанные в 733 г. до н.э.

те полисы, хора которых была более обширной, а темпы экономического и политического развития – более медленными (или искусственно сдерживаемыми), сыграли гораздо меньшую роль в Великой греческой колонизации. Так, почти (или совсем) не основывали колоний в течение эпохи архаики Спарта, государства Беотии и Фессалии; поздно и поначалу не слишком активно включились в это движение Афины.

У Великой греческой колонизации был своеобразный «пролог» – плавание эллинских купцов на крайний восток Средиземноморья и основание ими там своих торговых баз. Самая известная из них, существовавшая уже в IX в. до н.э., располагалась в Северной Сирии, на месте современного селения Аль-

коринфянами на восточном побережье Сицилии. Сиракузы стали настолько процветающим и влиятельным экономическим и политическим центром, что могут считаться самой знаменитой греческой колонией вообще. Из других городов Великой Греции следует упомянуть: на Сицилии – Гелу (колония г. Линд на Родосе), на южном побережье Италии – Сибарис, Кротон (основанные выходцами из Ахайи), Тарент (едва ли не единственная колония Спарты, выведенная в результате внутривосточной борьбы в этом полисе), Регий (колония Халкиды) и многие другие.

Греки проникали, хотя и не столь интенсивно, и еще дальше. Особую роль в колонизации крайнего запада Средиземноморья сыграла Фокея – полис в малоазийской Ионии, родина великолепных мореходов. Около 600 г. до н.э. фокейцы основали на южном побережье Галлии (нынешней Франции) Массалию (совр. Марсель), тоже ставшую крупным и богатым городом. Продвигались колонисты из Фокеи и на средиземноморские берега Испании, создав там ряд своих поселений.

Другим важным направлением Великой греческой колонизации было северо-восточное. Оно привлекало жителей полисов Балканской Греции многими «плюсами»: наличием полезных ископаемых (месторождения золота и серебра в Северной Эгеиде), плодородием земель (особенно причерноморских), возможностью установления выгодных торговых связей. На этом направлении греки освоили прежде всего северное, фракийское побережье Эгейского моря. Наиболее густой была сеть эллинских поселений на п-ове Халкидика, имеющем характерную форму трезубца. Не могли не возникнуть колонии греков и в зоне Черноморских проливов (Геллеспонта, Пропонтиды, Боспора Фракийского). Здесь большую активность проявили Мегары. В VII в. до н.э. мегаряне основали на противоположных берегах Боспора Фракийского, в чрезвычайно важном в стратегическом и военном отношении районе, две колонии – Халкедон и Византий. Последний стал в дальнейшем городом великой, уникальной судьбы: это будущий Константинополь (совр. Стамбул).

Логическим завершением колонизационного движения на северо-восточном направлении стало освоение греками всех побережий Черного моря, которое они называли Понтом Эвксинским («Гостеприимным морем»). Впервые греческие мореходы вышли на его просторы уже в начале эпохи архаики: к VIII в. до н.э. относятся древнейшие попытки колонизации на черноморском побережье. Но лишь с VII в. до н.э., когда грекам удалось прочно закрепиться в проливах, ведущих в Понт, а также освоиться с навигационной спецификой этого водного бассейна, столь отличавшегося от родной для них Эгеиды (практическое отсутствие островов, большие расстояния и глубины, иные климатические условия), Черное море стало для них воистину «гостеприимным». Особенно деятельное участие в колонизации на понтийском направлении принял Милет, основавший большинство своих колоний именно в этом регионе.

Новые греческие полисы возникли на всех берегах Понта Эвксинского. Из колоний Южного Причерноморья самыми значительными являлись Синопа и Гераклея Понтийская, Восточного – Диоскуриада и Фасис, Западного – Истрия, Одесс и др. Пожалуй, наибольшее количество поселений эллинских колонистов появилось в Северном Причерноморье. Впервые ми-

летяне обосновались в конце VII в. до н.э. на небольшом о-ве Березань близ устья Днепра. Несколько позже они (как и в случае с италийскими Кумами) совершили «прыжок на материк», основав город Ольвию. Настоящая россыпь городов греков (в подавляющем большинстве тоже милетских колоний) покрыла в VI в. до н.э. окрестности Боспора Киммерийского (древнее название Керченского пролива, соединяющего Черное и Азовское моря). Крупнейшим центром античной цивилизации в этой области стал Пантикапей, находившийся на месте нынешней Керчи. Меньшими по размеру и значению городами Боспора были: в его европейской части – Нимфей, Мирмекий, Феодосия и ряд других, а в азиатской – Фанагория, Гермонасса и др. Со временем перечисленные города создали объединение (религиозного, а возможно, и военно-политического характера), во главе которого встал Пантикапей. Из этого союза полисов уже позже, в классическую эпоху, выросло крупнейшее в Северном Причерноморье государственное образование – Боспорское царство.

Характерно, что Великая греческая колонизация почти не распространялась в восточном и южном направлениях. Лишь в одном месте африканского побережья колонизационное движение греков повело к заметным результатам. В области, получившей впоследствии название Киренаика (западнее Египта, на территории нынешней Ливии), с VII в. до н.э. начала формироваться целая группа колоний, самой крупной из которых была упоминавшаяся выше Кирена.

Но обычно ситуация складывалась иначе: в Восточном Средиземноморье издавна существовали развитые государства (финикийские города, Египет), которые отнюдь не были заинтересованы в появлении на своих землях поселений «чужаков». Дальше греческих торговых факторий на территории этих царств дело не пошло. В частности, в Египте, в дельте Нила в VII в. до н.э. возникла колония Навкратис, но это был город с необычными для греков чертами. Навкратис был основан целой группой полисов-метрополий и населен в основном купцами, при этом подчинен власти фараонов. Иными словами, он представлял собой скорее крупную факторию, чем колонию в собственном смысле слова, и уж, во всяком случае, не был полноценным полисом.

Фактории, в отличие от колоний, практически не имели постоянного населения, коллектива граждан (купцы приплывали и уплывали), не являлись независимыми полисами с органами государственной власти. Что же касается колоний в собственном смысле слова (апойкий), то практически каждая из них с самого момента своего основания становилась совершенно независимым полисом. Хотя колонии, безусловно, обычно поддерживали тесные связи с метрополией – экономические, религиозные, а порой и политические (так, Коринф посылал в основанные им колонии своих уполномоченных – специальных должностных лиц).

К выведению колонии, независимо от причин, любой греческий полис относился весьма ответственно (разумеется, речь идет о тех случаях, когда колонизационная акция организовывалась государством, общиной). Перед отправлением поселенцев стремились разведать место их будущего проживания, позаботиться об удобных гаванях, плодородной земле, по возможности – о дружественности местных племен. Очень часто городские власти

обращались за советом к оракулу Аполлона в Дельфах, жрецы которого, похоже, стали настоящими экспертами в такого рода вопросах. Затем составлялись списки желающих отправиться в колонию, назначался глава экспедиции – ойкист (по прибытии на место он обычно возглавлял и вновь основываемый город), и колонисты, взяв с собой священный огонь с родных алтарей, на кораблях пускались в путь.

Прибыв на место, колонисты первым делом приступали к созданию всех атрибутов нормального греческого полиса: возводили оборонительные стены, храмы богов и постройки общественного назначения, делили между собой окрестную территорию на земельные участки (клеры) равного размера. Поэт Архилох рассказывает об интересном случае, который произошел с неким жителем Коринфа по имени Эфиоп. Он вошел в состав экспедиции, отправившейся основывать Сиракузы. Еще до отплытия колонисты договорились о разделе будущих владений на клеры. Но на корабле, даже не прибыв на место назначения, Эфиоп «по крайней своей неводержности... за медовую коврижку продал приятелю свой надел, который должен был получить в Сиракузах».

Одной из важнейших проблем, которая всегда вставала перед жителями колоний, были взаимоотношения с местным племенным миром: ведь практически каждое из вновь основанных поселений греков находилось не в вакууме, а оказывалось окруженным ранее жившим на этих территориях населением, стоявшим, как правило, на более низком уровне развития (на Сицилии это были сикулы, в Северном Причерноморье – скифы и т.п.). Отношения с ними могли складываться по-разному: в сравнительно редких случаях устанавливались ничем не омрачаемые дружественные контакты, основанные на взаимовыгодном экономическом симбиозе. Чаше ситуация складывалась более сложно: окружающие племена проявляли враждебность, что приводило либо к частым войнам, истощавшим обе стороны, либо к состоянию вооруженного нейтралитета, заставлявшего колонистов жить в постоянной настороженности. Известны и случаи, когда одной из сторон удавалось одержать верх в борьбе. В случае победы греков местные жители приводились ими к подчинению, попадали в политическую и экономическую зависимость. Такова была судьба племен мариандинов (в Гераклее Понтийской), киллириев (в Сиракузах). Случай с Гераклеей известен лучше других. Основавшие этот город в середине VI в. до н.э. греки из Мегар сразу

Эксекий. Амфора с изображением Ахилла и Аякса, играющих в кости. VI в. до н.э.

же вступили в упорную борьбу за землю с проживавшими на этом месте мариандинами. Победу одержали более сплоченные и лучше вооруженные греческие колонисты. Сопротивление мариандинов было сломлено, их земля превращена в собственность гераклеяского полиса, а сами они поработены, хотя и получили некоторые гарантии: жители Гераклеи взяли на себя обязательство не продавать мариандинов за границу. Возможен был, однако, и противоположный вариант, при котором в зависимость от какого-либо местного правителя попадала сама греческая колония. Например, Ольвия на одном из этапов своей истории (в V в. до н.э.) находилась под протекторатом скифских царей.

Трудно переоценить результаты и последствия Великой греческой колонизации, осуществлявшейся вплоть до конца эпохи архаики и продолжавшейся затем (хотя и не в прежних масштабах) также и в следующую, классическую эпоху. В ходе колонизационного движения огромные территории были заселены и прекрасно освоены греками. Колонии основывались не стихийно, а на рациональных началах, с учетом возможных позитивных и негативных факторов; поэтому в большинстве случаев они быстро становились богатыми и процветающими городами. Поддерживая активные связи со своими метрополиями, со «старыми» греческими землями, они стали оказывать немаловажное обратное влияние на развитие последних, делая его более интенсивным.

Следует отметить, что колонии, коль скоро они были типичными полисами, подпадали под те же законы общественного развития, что и полисы Балканской Греции. Их бурный рост, в частности, породил те же экономические, социальные и политические проблемы: «земельный голод», борьбу различных группировок элиты за власть и т.д. Неудивительно поэтому, что многие из колоний со временем сами становились метрополиями, выводя в целях разрядки внутренней напряженности собственные субколонии. Так, Гела на Сицилии основала Акрагант – город, который вскоре уже не уступал ей самой по размерам и значению. Несколько новых колоний было выведено Гераклеей Понтийской. Из ее «дочерних» городов наиболее известен Херсонес Таврический (в Крыму, на территории нынешнего Севастополя), который, по новейшим данным, возник, возможно, уже во второй половине VI в. до н.э.

КЛАССИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

Как известно, изучение Древней Греции началось в эпоху Возрождения, причем первоначальным объектом служило именно ее искусство, для характеристики определенного периода которого был выбран термин «классическое» (от лат. *classicus* – «первоклассный», «образцовый»), обозначающий определенную эстетическую норму. Постепенно это понятие было перенесено и на другие сферы жизни Греции, превратившись в обозначение определенной эпохи в истории античного мира.

Такая метаморфоза, очевидно, обуславливалась (и была оправдана исторически) тем обстоятельством, что это время наивысшего подъема Греции не только в искусстве, но и в других областях жизни, время полного расцвета всех тех явлений, которые сформировались в архаическую эпоху, время господства такой своеобразной формы социально-экономической и политической организации общества, как полис. По мнению многих исследователей, именно последним обстоятельством объясняются основные особенности развития древнегреческого общества.

Хронологическими границами этой эпохи обычно считаются: рубеж VI–V вв. до н.э. (время начала Греко-персидских войн) и 338 г. до н.э. (когда в битве при Херонее греки понесли от Македонии сокрушительное поражение, знаменовавшее гибель их свободы).

В общеисторическом плане мы можем рассматривать этот период следующим образом. Начало его открылось попыткой Востока (в лице Ахеменидской Персии) поднять под себя Элладу с ее определившимся к этому времени своеобразным путем развития. В борьбе греки отстаивали не только свою независимость, но и свою самобытность. На протяжении двух столетий соблюдалось большее или меньшее равновесие двух сил. Но конец периода ознаменовался ответной реакцией Запада. Под предводительством македонского царя Эллада двинулась на Восток и на какое-то время одолела его.

ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Рассмотрение всех проблем истории Греции классического периода необходимо начать с анализа форм политического устройства. Именно в них наиболее явно проявляются характерные черты особого пути развития, свойственного Элладе в древности.

Демократия. По своему политическому устройству полисы классической Греции делились на два основных типа: демократические и олигархические. Тот или иной строй, как правило, отражал существенные различия в социально-экономических отношениях. Полисы с высоким уровнем экономики, интенсивным сельским хозяйством, развитым ремеслом и активной торговлей тяготели обычно к демократии. Напротив, олигархия в большинстве случаев была связана с архаическими общественными отношениями. Состояние источников по истории Греции таково, что иногда создается впечатление,

что чуть ли не единственным демократическим полисом Эллады являлись Афины. Однако современные исследования показали, что в некоторых государствах демократический строй установился в более раннее время, нежели в Афинах, и даже в архаический период существовали полисы бесспорно демократические по своему устройству. В классическую эпоху прослеживается явная тенденция к трансформации общественных отношений и, соответственно, к распространению «зон» демократии.

Грекам мы обязаны возникновением самого понятия «народовластие» – так буквально переводится слово «демократия». Наиболее развитой и совершенной формой в античную эпоху (к тому же лучше всего известной нам, прежде всего, благодаря труду великого Аристотеля «Афинская полития») справедливо считается афинская демократия. Ее «золотой век» – время примерно с середины V до 30-х годов IV в. до н.э. Сущность государственного устройства Афин этого периода точно и лаконично определил вождь афинской демократии в середине V в. до н.э. Перикл: «Так как у нас городом управляет не меньшинство, а большинство народа, то наш государственный строй называется демократией».

Соответственно, основу политической организации полиса составлял коллектив граждан, так что выработка самого понятия «гражданин» – тоже достижение политической мысли греков. Граждане четко отчленились от всех остальных жителей полиса. В основу концепции гражданства был положен принцип наследования этого статуса: «Гражданскими правами пользуются люди, которых родители оба – граждане», – такими словами начинает Аристотель свое описание государственного строя Афин.

По достижении юношей 18 лет специальная комиссия после тщательной проверки заносила его в списки членов дема (территориальной единицы). Затем вместе со сверстниками молодой афинянин проходил военное обучение. Эфебов, как их называли в эти годы, учили фехтованию, стрельбе из лука, метанию дротика и работе с катапультой. Через год они демонстрировали народу свою выучку и получали от государства щит и меч. Последующий год эфебы несли настоящую воинскую службу, они охраняли границы страны, находясь все время на сторожевых постах. «По истечении этих двух лет они становятся уже на один уровень с остальными гражданами».

Афиняне ревностно охраняли чистоту гражданского коллектива. Так, когда был произведен пересмотр списка граждан при раздаче хлебных даров, присланных в 445 г. до н.э. фараоном Псамметихом, лица, неправильно вписанные в списки для раздачи хлеба, были проданы в рабство.

Прямая демократия, существовавшая в античности, подразумевала, что все сколько-нибудь значимые решения принимал только коллектив граждан, который никому не передоверял своих прав. Этот принцип находил свое воплощение в том, что примерно каждые девять дней, точнее 40 раз в году (во всяком случае в IV в. до н.э.), граждане собирались на заседание народного собрания (*эκκληсии*), чтобы обсудить самые различные стороны своей жизни, политической, экономической и культурной. К важнейшим вопросам, рассматривавшимся на заседаниях *эκκληсии*, относились: объявление войны и установление мира, заключение союзов, избрание должностных лиц и принятие их отчетов, дарование гражданских прав, защита страны, отчеты послов и многие другие. В ведении народного собрания находилась такая

чрезвычайная мера, как остракизм, т.е. изгнание на десять лет лица, заподозренного в том, что его влияние и авторитет могут угрожать демократическому строю.

Ораторам в народном собрании приходилось говорить перед аудиторией из нескольких тысяч человек, у которых имелись свои сформировавшиеся взгляды и представления. Достаточно быстро сложился определенный набор штампов, которыми пользовались представители различных политических направлений. Эти штампы определялись системой ценностей аудитории, они отражали наиболее популярные у слушателей идеи и постулаты. Завоевать мнение большинства означало уловить настроение демоса, установить с ним контакт и тем самым снискать одобрение аудитории.

Согласно правилам, выступающий не должен был позволять выпадов против собрания и своих соперников, его не имели права прерывать и удалить с трибуны, но на практике все эти правила соблюдались от случая к случаю, и если обсуждался наболевший вопрос, экклесия напоминала клочущий вулкан. Яркие зарисовки оставил в своих комедиях Аристофан. Один из героев комедии «Ахарняне», уставший от бесконечных войн, твердо решил «без стеснения кричать, стучать, перебивать оратора, когда о мире не станет говорить он». Героиня другой комедии, Праксагора, пожив рядом с Пниксом (холмом, на котором заседала экклесия), вдоволь наслушалась ораторов и вынесла твердое убеждение, что не угодившего слушателям оратора обязательно осыпали бранью и оскорблениями. Он старался не оставаться в долгу и отвечал соответственно. Разумеется, комедии свойственны преувеличения, но вот свидетельство самого оратора: Демосфен одну из наиболее важных и серьезных политических речей начинает просьбой выслушать его, не прерывая ни криками, ни пререканиями.

Своего рода рабочим органом народного собрания служил Совет пятисот (*Буле*). Каждая из 10 фил (округов) выбирала 50 членов. Год делился на десять частей – пританий, и дежурная фила в определенном порядке сменяла другую. Основная функция Совета заключалась в подготовке дел для народного собрания, их предварительном обсуждении и вынесении решения – *пробулемы*. «И народ ни по какому вопросу не может вынести постановления, если об этом не состоялось предварительного заключения Совета».

В систему защиты демократии и прав гражданина входил суд присяжных (*гелиэя*). Каждый гражданин имел право выступить в народном собрании с заявлением о том, что поступившее предложение или уже принятый закон противоречат ранее принятым законам. Действие обжалованного закона прекращалось, и вопрос передавался в гелиэю, которая после тщательного разбирательства выносила решение. В любом случае следовало наказание или гражданина, необоснованно возбудившего дело, за сутяжничество, или гражданина, по инициативе которого закон был принят (вплоть до смертной казни).

Судьями могли быть граждане не моложе тридцати лет, общее число их составляло 6 тыс. Суд делился на 10 палат-дикастериев по 501 человеку (остальные были запасными). Когда читаешь «Афинскую политику», поражаешься, с какой тщательностью была организована работа гелиэи на всех ее этапах, как она была продумана до мелочей, начиная с распределения дел между дикастериями – по жребию во избежание подкупа. Не менее поражает и та детальность, с которой Аристотель описывает все помещения гелиэи, ящики с буквами, трости разного цвета, желуди, бронзовые кубки, камуш-

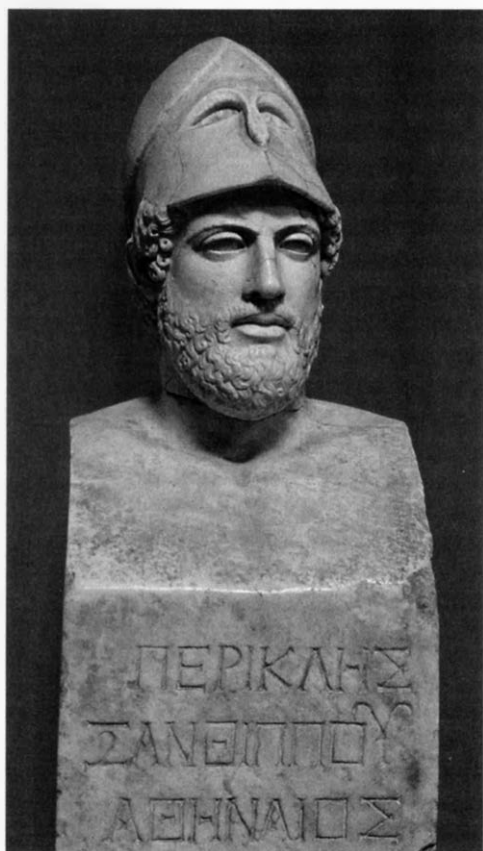
ки, сосуды, клепсидры и прочий инвентарь для заседаний и голосования. Сам судебный процесс был построен на основе состязательного принципа. Судьи заслушивали истца, ответчика и свидетелей и выносили приговор. Не имелось ни прокуроров, ни защитников, каждый должен был выступать сам, но в случае необходимости он мог заказать речь профессиональному оратору (логографу) и выучить ее. Дело считалось решенным, если за приговор подавало голос более половины членов дикастерия. Наказания включали штраф, конфискацию имущества, лишение гражданских прав, изгнание и смертную казнь.

Еще одной гарантией сохранения демократии служила сложная процедура принятия новых законов. В государственном праве и практике Афин различались законы (*номой*) и решения экклесии (*псефисмы*), которые носили казуальный характер. В начале каждого года в экклесии решался вопрос, возникла ли необходимость в пересмотре старых и принятии новых законов. В случае положительного ответа следовала сложная процедура: обсуждение в Совете, экклесии и гелизе, при этом тексты предлагаемых новых законов, написанные на больших досках, выставлялись на центральной площади Афин Агоре для всеобщего ознакомления, (процедура введения новых законов с течением времени претерпела изменения).

Непосредственное управление различными сферами жизни осуществляли должностные лица, которые избирались по жребию сроком на один год, работали они коллегиально. Исключение составляли военные должности – прежде всего 10 стратегов, важнейших магистратов, которые избирались поднятием рук, поскольку исполнение их обязанностей требовало определенных знаний и навыков. Только военные должности разрешалось занимать несколько раз. В обстановке постоянных войн коллегия стратегов сосредоточила в своих руках важнейшие вопросы политики, а не только руководство военными делами. К высшим магистратам относилась также коллегия девяти архонтов Ареопага (древнейшего государственного органа). Впоследствии, с развитием демократии, их значение было в значительной степени ограничено, но звание архонта оставалось всегда высоким.

С течением времени возросло значение финансовых магистратур, состоявших из нескольких коллегий: 10 «полетов», которые заключали арендные контракты, устраивали торги на разработку рудников и продавали с аукциона имущество преступников; 10 «аподектов», следивших за поступлениями в казну и выдававших магистратам положенные суммы денег, и 10 «логистов», осуществлявших контроль за финансовой отчетностью. Целая сеть коллегиальных магистратур охватывала управление собственно Афинами и их торговым портом Пиреем: «астиномы» следили за чистотой улиц; специальные чиновники (по десятеро) отвечали за соблюдение многочисленных правил рыночной торговли: за качество товаров, за правильность мер и весов и за многое другое. Аристотель весьма подробно перечисляет многочисленных должностных лиц, общее количество которых, как полагают, доходило до 700.

Таково, в самых общих чертах, государственное устройство Афин. Оно предусматривало широкое участие граждан в управлении, заключало ряд мер против злоупотреблений, коррупции и защищало демократический строй. Эффективность этой системы обеспечивалась благодаря оплате отправления

Перикл. Римская копия с греческого оригинала V в. до н.э. Ватикан

должностей и участия в работе экклесии, Буле и гелиеи. Оплата вводилась постепенно, первым установил оплату судей Перикл во второй половине V в. до н.э., в начале IV в. до н.э. стали оплачивать дни, проведенные в народном собрании. Несомненно, далеко не все граждане могли регулярно участвовать в заседаниях экклесии, особенно крестьяне, жившие вдали от Афин. Вопрос о численности населения Афин и, соответственно, о количестве граждан из-за состояния источников оживленно обсуждается еще с конца XIX в. Наметившаяся в последнее время тенденция уменьшать цифры вызвала возражения ряда ученых.

Для того чтобы прямая демократия могла функционировать, а народное собрание исполнять роль высшего органа власти, необходимы были четко сформулированные и неукоснительно проводимые в жизнь некоторые основополагающие принципы. Самое основное для греков, что выделяло их из всех остальных жителей ойкумены, — это то, что они (как считали сами) жили в условиях свободы и равенства. С точки зрения

политологии, демократия определяется двумя основными чертами: свободой и равноправием. Современное понятие свободы обычно сопоставляется с древнегреческим термином *элеветерия*, равноправие с *исономией*. Понятие «элеветерии» имело три значения, отвечающих трем уровням организации общества: в социальном смысле «элеветерия» противостояла рабству, отражая главное противостояние античного общества: свободный — раб; в международно-правовом смысле «элеветерия» означала свободу данного полиса, возможность самостоятельного существования; в этом понимании она могла смыкаться с другим понятием — «автономия». Наконец, в конституционной сфере, в аспекте политической организации полиса: «Вы, говорят, выше всего ставите свободу и равенство», — так определял перс Артабан (по словам Плутарха в биографии Фемистокла), это статусное отличие грека от варвара, жившего в монархической державе.

Формами проявления свободы в условиях демократического государства являются два основополагающих принципа: *исономия* (принцип политического равенства граждан, возможность для всех их использовать свои политические права) и *исегория* (равенство слова, равное право на свободу речи, выражение своего мнения). Вот как говорит Геродот устами одного из персов

в знаменитом споре о формах правления, их преимуществах и недостатках: «Что до народного правления, то оно прежде всего обладает преимуществом перед всеми другими уже в силу своего прекрасного имени – “исономия”». Затем, – добавляет он, – народ-правитель не может творить ничего из того, что может позволить себе самодержец. Ведь народ управляет, раздавая государственные должности по жребию... а все решения зависят от народного собрания». Все граждане, независимо от своего имущественного положения, в равной мере и богатые, и бедные, обладали одинаковыми политическими правами.

Поскольку перед нами рабовладельческое общество и политические теории в Греции (Платон, Аристотель) признавали рабство естественным институтом, понятие «права человека» в современном его толковании к такому обществу неприменимо. Гарантией осуществления прав гражданина служил принцип абсолютного главенства закона («исономия»). Четко эта мысль звучит, например, в одной из речей оратора Эсхина: «Вы хорошо ... знаете, афиняне, что безопасность граждан демократического государства и его политический строй охраняют законы». «Законы у вас обладают силой, и вы сильны благодаря законам», – так лаконично сформулировал этот принцип Демосфен.

Принцип свободы гражданина, естественно, не означал вседозволенности, и границы свободы были достаточно четко очерчены. Греки были убеждены, что личность может наиболее полно реализовать себя, лишь находясь в сообществе, человек признавался прежде всего существом политическим – гражданином. Неизбежно встает вопрос о том, как соотносились между собой индивид и коллектив. Для Аристотеля не возникало сомнений в том, что «даже если для одного человека благо является то же самое, что для государства, более важным... представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение. Желанно, разумеется, и благо одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государства». Счастье, благо человека, тем самым, достигаются только в государстве. Вместе с тем, в рамках данной системы необходимо было найти *modus vivendi* двух трудно совместимых положений: подчиненности индивида коллективу и личной свободы. Разграничивались две сферы: общественная, построенная на строгом подчинении части целому, и частная, в которой афиняне оставались независимы.

«Исегория» означала, что в рамках народного собрания любой гражданин мог выступить с любым предложением, критиковать любое должностное лицо, высказывать свое мнение по любому обсуждаемому вопросу. У афинян существовало гарантированное законом право высказывать в ходе политической дискуссии любое мнение и не нести за него наказания, даже если оно противоречило настроению большинства. По словам Перикла, «мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против».

Разумеется, граждане имели и обязанности. Более богатые несли так называемые *литургии*: самую дорогую – триерархию, т.е. обязанность оснастить военный корабль и набрать его экипаж; хорегию – оплату издержек на музыкальные состязания, подготовку хора во время драматических пред-

ставлений – неотъемлемой части политической практики; гимнасиархию – устройство гимнастических игр во время празднеств и др.

Существовавшая в Афинах система, естественно, имела как свои плюсы, так и минусы. В частности, едва ли стоит безоговорочно считать благом принятие решений на своего рода массовых митингах, где атмосфера носила определенный налет театральности. Актеров и господствовавших в эkkлeсии ораторов сближали профессиональные навыки, умение воздействовать на аудиторию, подчинять ее своему влиянию. Не случайно некоторые выступавшие перед народом ораторы брали уроки мастерства у актеров. Не следует упускать из виду и достаточно сильную эмоциональную связь оратора и его слушателей: выступающие апеллировали к господствующей системе ценностей, взывали не только к разуму, но и к чувствам аудитории.

Афинская демократия представляет выдающееся явление в истории человечества. Сознательная ориентированность на привлечение к политике *всех* граждан, полная подотчетность органов управления народному собранию, суверенитет эkkлeсии, приоритет законов – вот основные качества этой системы. Сказанное не исключает признания за афинской демократией целого ряда черт, которые (что естественно для раннеклассового общества) могут свидетельствовать об известной неразвитости фундаментальных социальных принципов, о сословно-классовой и государственной ограниченности античной демократии, об исторической ущербности и неполноценности этой столь привлекательной формы. К числу таких черт в Афинах можно отнести, в частности, ряд весьма показательных коллизий: демократической гражданской массы с ее аристократическими лидерами, прокламирования и осуществления принципов свободы для собственных граждан с утверждением и обоснованием естественности рабства для чужеземцев и проведением откровенно «империалистической» политики в отношении как варварской периферии, так и родственных эллинских городов.

Не следует забывать, что афинская политическая система, самая передовая, была демократией для меньшинства. Из нее были исключены рабы, а также метеки – лично свободные люди, переселившиеся в какой-либо полис. Метеки не обладали никакими политическими правами, не имели права владеть землей и домами и поэтому занимались преимущественно ремеслом, торговлей и работой по найму, живя в наемных помещениях. Метеки платили особый налог, несли военную службу, более состоятельные привлекались к несению некоторых литургий. В политической жизни Афин не участвовали и женщины, которые вели даже более замкнутый образ жизни, чем спартанки, редко выходя из дома.

Вся внутриполисная политическая жизнь в период расцвета демократии выглядит в конечном счете, как цепь бесконечных компромиссов и соглашений, выработанных для взаимодействия аристократии с демосом, жителей сельских округов со своими специфическими чаяниями с горожанами Афин и Пирея. Впрочем, несмотря на явное подшучивание над сельским населением, его привычками и нравами в комедиях Аристофана, а также невзирая на отдельные случаи несовпадения интересов, городской центр и сельская округа находились в состоянии партнерства, а не конфронтации. Компромисс обретался прежде всего на почве религии – важнейшего элемента идеологии общества. Сельские религиозные праздники объединяли жителей определенных местностей, вместе с тем предполагалось их непременно участие

в общеполитических церемониях типа Панафиней, Великих Дионисий, носивших ярко выраженный религиозно-политический характер.

Античность не только оставила современному миру принципы демократии, но и показала, как они могут быть реализованы, насколько близко практика может приближаться к теории или удаляться от нее, какие коллизии следует считать изначально заложенными в народовластии и какие условия создают те или иные его модели. Греческое народовластие, со всеми его взлетами и падениями, прозрениями и заблуждениями, гуманностью и жестокостью, свободой для одних и рабством для других, навсегда вошло в «золотой фонд» европейской цивилизации. И сегодня в речи Перикла — этом гимне афинской демократии, мы находим поистине пророческие слова: «...мы будем предметом удивления для современников и для потомков».

Олигархия. В отличие от демократии, о которой есть возможность составить относительно полное представление по ее наиболее совершенной форме — Афинам, с олигархией дело обстоит несравнимо хуже, поскольку об этой форме государства конкретно известно очень мало, и поэтому ограничимся теми довольно скудными сведениями, которые содержатся в «Политике» Аристотеля.

Главными видами государственного устройства Аристотель склонен считать как раз демократию и олигархию. Олигархию он определяет как «тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью». Аристотель различает четыре вида олигархии. Отличительный признак ее первого вида, по его мнению, состоит в том, что «занятие должностей обусловлено необходимостью иметь столь значительный имущественный ценз, что неимущие, хотя они представляют большинство, не допускаются к должностям». При втором виде доступ к должностям тоже обусловлен имущественным цензом, и люди, имеющие его, пополняют недостающих должностных лиц путем кооптации. При третьем виде сын заменяет отца. При четвертом властвует не закон, а должностные лица. В общем, «там, где власть основана ... на богатстве, мы име-

Рождение Афродиты. Мрамор. 470–460 гг. до н.э. Рим

ем дело с олигархией». Необходимо, однако, подчеркнуть, что в большинстве олигархических полисов также существовало понятие гражданского коллектива, который был шире, чем олигархическая «верхушка». Соответственно, рядовой гражданин обладал рядом прав, для него была только закрыта возможность занимать сколько-нибудь важные посты в системе управления полисом.

Теперь обратимся к Спарте – самому необычному из всех греческих государств. В Спарте господствовала общинно-государственная собственность на землю и рабов (илотов). Исторически эта не совсем обычная для полиса ситуация находит свое объяснение в спартанском завоевании Лаконики и Мессении. Необходимость контролировать огромные (по греческим масштабам) массы покоренных вызывала необходимость особой организации спартанского общества.

Все население государства (которое охватывало территории двух больших областей Пелопонесса – Лаконики и Мессении) делилось на три основные категории: спартиатов, периэков и илотов (имелись и некоторые не очень многочисленные промежуточные группы). Единственно полноправной частью населения были спартиаты. Периэки («живущие вокруг») – такие же греки-дорийцы, как и спартиаты, пришедшие вместе с ними с севера и осевшие в Лаконике. Лично свободные, они жили в небольших городках, обладавших некоторой автономией, но под строгим присмотром спартиатов. Периэки обязаны были служить в спартанской армии и иногда даже составляли в ней большинство. Илоты в этническом отношении представляли смешанное население: в Лаконике – это потомки старого ахейского населения, покоренного спартакцами, в Мессении – доряне, но также покоренные в ходе так называемых Мессенских войн VIII–VII вв. до н.э. Илоты представляли собой такую социальную категорию, которую, видимо, точнее всего определяет термин «государственные рабы». Они обеспечивали существование спартиатов. Все населенные илотами земли были разделены на участки (клеры). Каждый такой клер (состоявший примерно из 6–7 илотских домохозяйств) был приписан к определенному спартиату, который выступал, однако, не его собственником, но только пожизненным пользователем. Илот не мог быть отчуждаем от своего клера, продать его или убить спартиат не имел права, так как илот считался принадлежащим всему полису.

Естественно, что в таких условиях главная задача спартиатов состояла в том, чтобы всегда быть готовыми с оружием в руках подавить восстание илотов, и жизнь в Спарте напоминала быт военного лагеря. Ранее исследователи очень часто определяли Спарту как «милитаризованный полис», сейчас же более популярно другое определение – «полицейский полис».

Спарта могла выжить только при условии полного единства гражданского коллектива, и создатели его конституции сделали все возможное для воплощения в действительность этой цели. Единство достигалось путем внедрения в практику знаменитого спартанского *агоге* – понятия, которое справедливо переводят как «путь жизни». Суть его заключалась в том, что вся жизнь спартиата была подчинена раз и навсегда определенному порядку, задача которого – создать идеального воина, защитника родного полиса. Существовал целый ряд законов и правил, запрещавших всякое от него от-

ступление. Основной задачей являлось создание сколь возможно более монолитного коллектива граждан-воинов. Система «агоге» действовала весьма успешно, сублимируя неравенство и превращая его в соперничество за первенство в служении своему полису.

Что касается государственного строя Спарты, то согласия в его определении не отмечалось уже в древности. Среди других греческих государств классической эпохи Спарта бесспорно занимает совершенно особое место, в известном смысле действительно являясь аномалией. Она представляла очень архаичную форму полиса. В Элладе, видимо, такое (или похожее) устройство существовало во многих местах в период сразу после дорийского завоевания. Однако деятельность законодателей (в частности Ликурга) и завоевание Мессении привели к консервации этой ранней формы, тогда как другие полисы ее миновали достаточно быстро. В силу этого в Спарте некоторые особенности полиса, наиболее характерные для его первой фазы развития, проявились с особенной полнотой.

В Спарте существовало четыре «центра принятия решений»: два царя, коллегия геронтов (старейшин) – *герусия*, состоявшая из 30 человек (два царя и 28 членов, избиравшихся пожизненно из спартиатов, достигших 60-летнего возраста), народное собрание – *апелла* и коллегия *эфоров* из пяти человек, избиравшихся ежегодно из всех спартиатов, достигших 30 лет. По словам Аристотеля в «Политике», некоторые утверждают, что наилучшее государственное устройство должно представлять смешение всех видов государства: олигархии, монархии и демократии. Поэтому они восхваляли лакедемонское устройство: ведь царская власть олицетворяет собой монархию, власть геронтов – олигархию, демократическое же начало проявляется во власти эфоров, так как они выбираются из народа. По мнению других, эфория представляет собой тиранию, демократическое же начало они усматривают в *сисситиях* (совместных обязательных трапезах граждан).

Спартакское общество и государство не были столь монолитны, как это нередко утверждается, в нем существовали зоны «внутренних напряжений», в том числе вызванные неравенством в обладании основным богатством – землей. Помимо равных клеров, предоставлявшихся государством, среди потомков старой аристократии сохранялись «отеческие» земли. Нередко возникали конфликты между царями и эфорами и между самими царями из двух династий (дорийской и ахейской).

Именно в классическую эпоху начинается глубокий кризис спартанского полиса. Он имел свою глубинную причину. Спарта могла сохранять неизменным свой строй до тех пор, пока сохраняла свою достаточно сильную изолированность – политическую, экономическую и идеологическую.

Причиной падения Спарты стала, как ни странно это звучит, ее победа в Пелопонесской войне (конец V в. до н.э.). Война была длительной, она потребовала напряжения всех сил полиса, но самое главное заключалось в другом: руководителям Спарты для достижения победы пришлось полностью поменять традиционные методы действий. Они были вынуждены проводить активную внешнюю политику, искать союзников, заключать на свой страх и риск договоры, наконец, получать огромные денежные суммы от персов, поддерживавших Спарту. В результате полностью изменился менталитет руководящей верхушки полиса, многие из ее представителей (царей, полковод-

цев) подверглись коррупции, возмечтали о личной власти, а деньги, хлынувшие в полис, быстро разрушили единство гражданского коллектива. Таким образом, первопричиной кризиса стал слом традиционной морали и норм поведения. Самый важный признак кризиса – пренебрежение самой конституцией, о чем свидетельствуют не только деятельность наварха Лисандра и царя Агесилая, но и заговоры, направленные на насильственное свержение существующего строя, в том числе заговор Кинадона, случившийся в 398 г. до н.э., о котором известно из «Греческой истории» Ксенофонта. Товарно-денежные отношения – свидетельство нового этапа в жизни Эллады – стремительно ворвались в традиционный мир спартанцев, похоронив «общину равных». Попытки ее возрождения реформами царей Агиса и Клеомена в III в. до н.э. окончились провалом.

Тирания. Греция знала еще одну форму государственного строя, которая получила большое распространение в IV в. до н.э., а именно тиранию. Тиранами называли чаще всего властителей, пришедших к власти и удерживавших ее насильственным образом. Понятен поэтому негативный смысл, который постепенно придавали слову «тиран». Дважды в политической жизни древних греков обстоятельства складывались благоприятно для возникновения тиранических режимов: в эпоху архаики и в период так называемого кризиса полиса. Соответственно различают два вида тирании: раннюю, или «старшую» (с середины VII в. до н.э.), характерными представителями которой были тираны Коринфа Кипсел и Периандр, и позднюю, или «младшую» (с конца V в. до н.э.), нашедшую воплощение в деятельности сиракузского тирана Дионисия Старшего и Клеарха в Геракле Понтийской (первая половина IV в. до н.э.).

Существовало несколько факторов, которые непосредственно вызвали к жизни младшую тиранию. К первым можно отнести развитие наемничества. Именно наемники, которым, в отличие от граждан, было менее присуще чувство долга перед полисом и которые создавали более личные связи со своим командиром, выступали той силой, опираясь на которую честолюбивый полководец захватывал власть. Вторая причина – развитие крайнего индивидуализма, которое порождало у «сильных личностей» стремление выйти из-под контроля общества и, сбросив власть коллектива, подчинить его своей воле. В-третьих, практика самих государств, которые учреждением чрезвычайной военной власти с неограниченными полномочиями (стратегов-автократоров) создавали прецеденты, давали повод к захвату власти и установлению тирании.

Указывая на черты как сходства, так и различия между «старшей» и «младшей» тираниями, в литературе отмечали, что они образуют как бы два рубежа в истории классического полиса.

Неполисные формы политической организации. Под ними подразумевается главным образом этнос. Этноты охватывали Ахайю, Аркадию, Фессалию и Македонию. Сам факт их широкого распространения свидетельствует, что они играли важную роль в истории Эллады, чему не соответствует степень их изученности. Этнос обычно рассматривается как более примитивная, дополисная форма организации общества, где основным видом населенного пункта остается деревня, характерная для более отсталых областей Греции.

Современные ученые обращают внимание на тот факт, что многие этносы в позднеклассический (и следующий, эллинистический) периоды

трансформировались в конфедерации, которые смогли противостоять самым крупным полисам. Подчеркивается сложность организации этноса, в рамках которого находились даже собственно полисы. Например, такая ситуация наблюдается в Аркадии. Важная особенность подобных политических образований заключается в том, что осознание собственного единства, как правило, предшествовало возникновению сильной политической организации – это характерно для конца V – начала IV в. до н.э. В рамках этой формы общества также отмечались тенденции развития в сторону демократии, особенно ярко проявившиеся на следующем этапе исторического развития (аристократический Ахейский союз на Пелопоннесе и демократический Этолийский союз в Средней Греции в III–II вв. до н.э.).

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Экономическая жизнь Греции в эпоху классики характеризуется развитием тех процессов, которые берут свое начало в предшествующее время. Основной чертой можно считать распространение рабства так называемого классического типа, которое находилось в тесной связи с другими изменениями в области социально-экономических отношений – достаточно далеко зашедшим процессом разделения труда и ростом товарно-денежных отношений.

Не подлежит сомнению широкое распространение рабского труда в Афинах в различных отраслях хозяйства. Судя по речам оратора Лисия и комедиям Аристофана, большая часть крестьян, даже тех, которые определяли себя как «беднейшие из беднейших», владела несколькими рабами. Все большее значение труд рабов приобретает в ремесле. Особенно широко использовали рабов в самом тяжелом, горном деле – в серебряных рудниках Лавриона. В источниках разбросано довольно много сведений о рабах–домашних слугах. Основная масса рабов принадлежала к варварам. Общественное мнение осуждало порабощение соплеменников, особенно в связи с распространением в годы Греко-персидских войн представления о единстве эллинов, вследствие чего развивается практика выкупа попавших в плен соотечественников.

Сельское хозяйство по-прежнему оставалось главной отраслью экономики. Как писал историк Фукидид, «большинство населения Аттики ... по старинному обычаю все-таки жило со своими семьями в деревнях». Для V в. до н.э. характерно сочетание старых, традиционных черт в земледелии и новых явлений в производстве сельскохозяйственной продукции. Ведущей оставалась так называемая «средиземноморская триада»: зерновые (пшеница и ячмень), оливки и виноград. Новые явления связаны с распространением рабского труда, ростом товарности сельского хозяйства и его специализации. Еще в эпоху архаики недостаток плодородной земли и рост населения, особенно городского, вызывали дефицит хлеба, который приходилось ввозить извне. Увеличение значения импорта зерна привело к тому, что в Элладе стала развиваться региональная специализация. Так, Аттика сосредоточивалась на выращивании оливок и вывозе масла, Фасос и Хиос – на виноградарстве и виноделии и т.д.

Довольно долгое время господствовало мнение (хотя разделялось далеко не всеми учеными), что Пелопоннесская война стала для земледелия рубежом «аграрного поворота», который характеризовался массовым разорением крестьянства, миграцией сельского населения в города и концентрацией земли в руках немногих богачей. В последнее время противники данного мнения приходят к обоснованным выводам об отсутствии оснований для утверждения о массовом обезземеливании крестьян. Скупка земли, несомненно, имела место, но обычно связывалась не с необходимостью из-за нужды продавать ее, а с другими причинами. К денежным займам прибегали также преимущественно состоятельные граждане, а вовсе не бедные слои сельского населения. В этой среде действовали соображения престижа, политической карьеры, стремление разместить «лишние» деньги, тем более что доход от земли поступал, вероятно, меньше, чем от ремесленных мастерских, не говоря уже о заморской торговле. В последней ведущую роль играл импорт продуктов питания, особенно зерна. В основном, оно поступало из Северного Причерноморья, Сицилии и Египта. Греция была заинтересована в лесе для постройки кораблей и в металлах. Взамен вывозились изделия ремесла, вино и оливковое масло.

Торговля осуществлялась преимущественно по морю. Крупнейшим торговым центром был афинский порт Пирей. Перечисляя преимущества Афин как морской державы, анонимный автор «Афинской политики» упоминает о том, что «всякие вкусные вещи, которые только есть в Сицилии, в Италии, на Кипре, в Египте, в Лидии, в Понте, в Пелопоннесе или где-нибудь в другом месте, – все это собиралось в одном месте благодаря владычеству над морем». Вся торговля сосредоточивалась в городах, и в сознании крестьян город ассоциировался прежде всего с рынком. Герой комедии Аристофана «Ахарняне» Дикеополь, придя поутру на площадь, восклицает:

«Мне город мерзок. О село желанное!
Там не кричит никто: «Купите уксусу!»
«Вот угли! Масло!» Это там не водится:
Там все свое, и нет там покупателей».

Рост значения внешней торговли в V в. до н.э. нашел отражение в том факте, что именно в это время чеканка монеты широко распространилась по всему греческому миру.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить о торговой политике правительств полисов. Одно из новых доказательств этого – найденная в 1986 г. на афинской Агоре надпись, содержащая текст закона Агиррия, принятого в 374/3 г. до н.э. Надпись свидетельствует о сдаче на откуп налога на пшеницу и ячмень, которые происходят с о-вов Лемнос, Имброс и Скирос, где находились афинские клерухии (колонии-поселения). Текст свидетельствует о непосредственном вмешательстве государства в транспортировку, хранение и продажу части ввезенных в Афины пшеницы и ячменя.

Более широкое распространение по сравнению с предыдущими веками получили кредитно-денежные операции. Важным институтом экономической жизни IV в. до н.э. становится *траπεζа*, которая в известной мере перерастает свою функцию меняльной конторы и приобретает черты некоторого

сходства с банком, не только принимая деньги на хранение, но и предоставляя кредиты. Займы выдавались, в частности, для приобретения ремесленных мастерских, получения лицензий для разработки шахт в Лаврионе, для покупки земли и совершения торговых сделок. К услугам трапез прибегали политики и полководцы. Велика была роль трапез в международной торговле. Известны настоящие банкирские дома, осуществлявшие кредитные операции чуть ли не по всей Элладе.

Характерной чертой времени становится деловая активизация предпринимателей (хрематистов), которая нередко носила спекулятивный характер. В тяжелые для полиса времена регламентирующие продажу зерна законы, нарушались, что порождало бесчисленные судебные процессы. Как свидетельствует оратор Лисий в речи против хлебных торговцев, они бессовестно наживались на нужде сограждан: «Когда вы всего более нуждаетесь в хлебе, они вырывают его у вас изо рта и не хотят продавать, чтобы мы не разговаривали о цене, а были бы рады купить у них хлеба по какой ни есть цене». Аристотель, рассматривая в «Политике» различные способы обогащения, впервые в европейской литературе коснулся торговой монополии и в качестве примера рассказывает о некоем дельце, который в Сицилии «скупил на отданные ему в рост деньги все железо из железоделательных мастерских, а затем, когда прибыли торговцы из гаваней, стал продавать железо как монополист, с небольшой надбавкой на его обычную цену. И все-таки он на 50 талантов заработал 100».

На IV в. до н.э. падает расцвет наемничества – одного из ярких явлений, за сравнительно короткое время достигших небывалого развития. Начиная с Пелопоннесской войны, характер боевых действий несколько меняется, финансово-экономическая сторона все более выдвигается на первый план и параллельно возрастает роль наемных контингентов. Усиление роли финансов в ведении войны, в свою очередь, отражается и на ее характере: война сама приобретает вид чуть ли не финансового мероприятия. Происходит постепенная эмансипация наемников и их командиров от полиса. Она проявляется прежде всего в том, что наемное войско становится своеобразной социальной организацией, в известной мере противостоящей полису, внутри него складываются новые формы зависимости, формируется новая идеология, отличная от полисной. Разрывается связь между понятиями «гражданин» и «воин», армия начинает выступать наряду и даже против полиса. Для полиса войско теперь в известной мере выглядит самостоятельной политической силой, по выражению оратора Исократ, «независимой от какой-либо государственной власти».

КРИЗИС ПОЛИСА

Кризис полиса – тема, в сущности, историографии новейшего времени. Главный признак кризиса писавшие о нем ученые видели в процессе обезземеливания крестьянства и концентрации земельной собственности, которые имели своим последствием замену свободного труда в деревне рабским. Подрывается и мелкое ремесленное производство, ослабляются узы, связывающие полисный коллектив.

С течением времени концепция кризиса полиса подверглась значительному пересмотру со стороны ряда ученых, которые, изучая отдельные стороны жизни Греции в IV в. до н.э., разрушали элементы существующей схемы. При всех различиях суть их выводов заключается в том, что представления о массовом обезземеливании крестьянства и концентрации земли оказались чрезвычайно преувеличены. Критике подверглось и положение о превращении значительной части граждан в люмпен-пролетариев.

Хотя кризис полиса отнюдь не равнозначен социально-экономическому упадку и скорее, наоборот, явился своеобразным следствием общественно-го прогресса, современники восприняли его как тяжелое испытание. Следует обратить внимание на общественные коллизии, на смуту (*ста́сис*), о которых пишут античные авторы. Потрясения охватили все стороны жизни: социальные и политические отношения, как внутрполисные, так и общегреческие дела.

Источники IV в. до н.э. рисуют безотрадную картину. Вполне возможно, что акценты несколько смещены, но реальные факты свидетельствуют о социальной и политической нестабильности. Гражданские раздоры внутри полисов нередко смыкаются с политическими, общественные противоречия перетекают в военные. Социальная борьба в полисах перекликается с событиями внешней политики. Сторонники демократии и олигархии в различных полисах находили поддержку соответственно у Афин и Спарты.

Фукидид в своей «Истории» повествует о настоящей гражданской войне на Керкире во время Пелопоннесской войны в 427 г. до н.э. и продолжает: «впоследствии вся Эллада, можно сказать, была потрясена потому, что повсюду происходили раздоры между партиями демократической и олигархической, причем представители первой призывали афинян, представители второй лакедемонян... И вследствие междоусобиц множество тяжких бед обрушилось на государства».

В начале IV в. до н.э. по Греции прокатилась волна смут, междоусобиц и заговоров. В 399 г. до н.э. во время войны Элиды и Спарты элидские олигархи во главе с богачом Ксением устроили настоящее побоище. В ответ народ под руководством Фрасидея вышел на бой и победил, так что их противникам пришлось бежать к лакедемонянам. В 392 г. до н.э. в Коринфе столкнулись знать и демократы. Знать составила настоящий заговор. Демократы же, боясь, что Коринф снова подпадет под спартанский контроль, во время одного из праздников, обнажив мечи, напали на аристократов: «Один погиб стоя, во время дружеской беседы, другой сидя, третий в театре... Когда стало ясно, в чем дело, знатные граждане бросились искать убежище – одни к подножьям статуй богов, стоявших на агоре, другие к алтарям», но убивали даже прильнувших к алтарям. Об ожесточенности борьбы можно судить по «Греческой истории» Ксенофонта, по словам которого, после битвы «на маленьком пространстве погибло так много народу, что можно было там увидеть людей, лежавших огромными кучами, как лежат кучи зерна, дерева, камней». Лишь после заключения в 387 г. до н.э. Царского (или Анталкидова) мира организаторы резни 392 г. до н.э. покинули Коринф, и аристократы смогли туда вернуться. В 391 г. до н.э. народ на Родосе изгнал аристократов, которые бежали за поддержкой в Лакедемон. Лакедемоняне, понимая, что если верх возьмут демократы, то Родос попадет в руки афинян, если же богачи, то он

достанется им, отправили на остров восемь судов. Наконец, в Аргосе, где была демократия, народ, подстрекаемый демагогами, восстав в 370 г. до н.э., перебил дубинками более 1200 богатых и наиболее влиятельных сограждан.

Перечисленные факты словно служат иллюстрацией к приведенному выше мнению Фукидида. Обобщая свои наблюдения, оратор Исократ в «Панегирике», написанном в 380 г. до н.э., утверждает: «пираты хозяйничают на море, наемники захватывают города; вместо того чтобы бороться с чужими за свою страну, граждане ведут междоусобную войну, сражаясь друг с другом внутри городских стен..., в результате постоянных политических переворотов население городов живет в большем страхе, чем люди, подвергшиеся изгнанию: одни боятся будущего, тогда как другие постоянно рассчитывают на свое возвращение... одни города – в руках тиранов, другими владеют гармосты, некоторые – опустошены, иные под властью варваров».

Прошло немного лет, и в другой речи – «Архидам», написанной Исократом от имени спартанского царя, оратор утверждает, что жители пелопоннесских городов «относятся друг к другу с таким недоверием и с такой враждебностью, что сограждан боятся более, чем врагов. Вместо бывшего при нашей власти единодушия и взаимной имущественной поддержки, они дошли до такого распада связей между собой, что люди состоятельные охотнее бросили бы свое имущество в море, чем оказали бы помощь нуждающимся, а бедные меньше обрадовались бы находке клада, чем возможности силой захватить имущество богатых. Прекратив жертвоприношения на алтарях, люди, точно жертвенных животных, закалывают друг друга. ... И хотя я рассказал о множестве бедствий, постигших Пелопоннес, в действительности их гораздо больше». Эти и другие подобные им события становились предметом изучения теоретиков. Аристотель в «Политике» посвятил целую главу изучению государственных переворотов, дав их классификацию. Как бы подводя итог своим неутешительным наблюдениям, Платон в «Государстве» приходит к выводу, что в каждом полисе «заключены два враждебных между собой полиса: один бедняков, другой – богачей; и в каждом из них опять-таки множество полисов, так что ты промахнешься, подходя к ним как к чему-то единому».

Однако нельзя считать, что подобная картина ожесточенных конфликтов, приводящих даже к гражданским войнам, была характерна для всей Греции. Иную картину мы видим в Афинах. После катастрофических событий конца Пелопонесской войны с двумя олигархическими переворотами, террором, настоящей гражданской войной между демократами и олигархами, граждане Афин смогли примириться и весь IV в. до н.э. государство не знало никаких серьезных внутриполисных конфликтов. Конечно, шла острая борьба, но она решалась не оружием, а дебатами в народном собрании и в судах. Видимо, устоявшийся демократический строй с давними традициями смог стать противоядием против эксцессов, обеспечить мирное развитие общества. Напротив, города, где демократические традиции еще не устоялись, оказывались часто в состоянии смуты и конфликтов. Междоусобицы, социальные смуты и гражданские раздоры в полисах, как ясно из сказанного, свидетельствуют не только об ожесточенности социальной борьбы. Их негативное влияние испытывали также полисная мораль и религия.

Разделение категорий полиса и демократии приводит к разделению кризиса полиса и кризиса демократии как двух разных явлений, не связанных друг с другом. Афиняне усовершенствовали демократию, что выразилось в определенном ограничении суверенитета народа. Поражение же греков в борьбе с Македонией может быть объяснено максимальным развитием полисных принципов автономии и автаркии, обусловивших невозможность сколько-нибудь существенного объединения сил полисов в борьбе с нею.

Можно предположить, что в Афинах имел место не кризис, а медленная эволюция, тогда как вне Афин наблюдается весьма быстрый темп перемен. Иными словами, если и говорить о кризисе, то это не кризис полиса, а кризис системы полисов, кризис межполисных взаимоотношений.

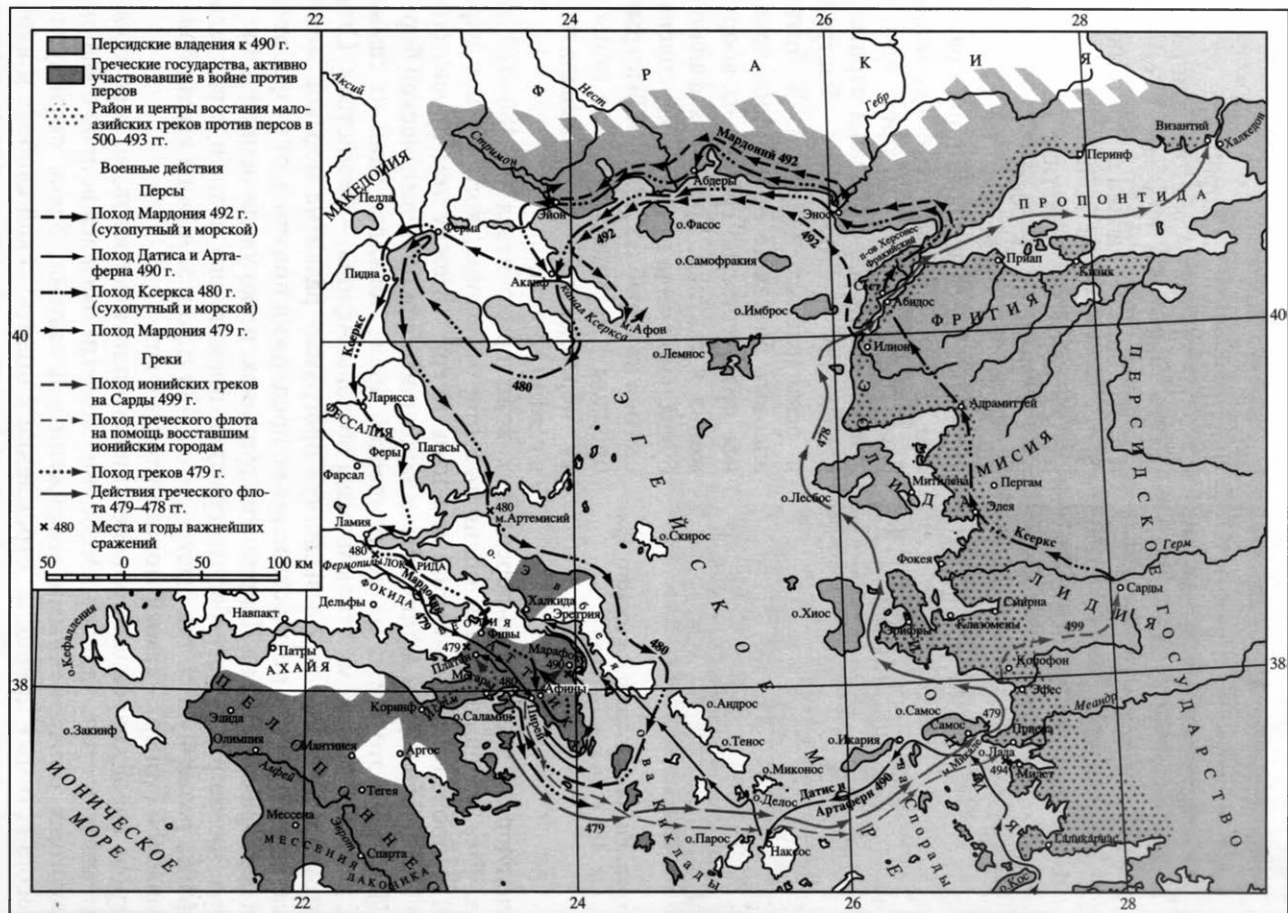
ВОЙНЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Греко-персидские войны. Противостояние эллинов и персов, растянувшееся на целых полстолетия (500—449 гг. до н.э.), стало переломным моментом в истории Греции. Множество мелких полисов, часто враждовавших между собой, смогли сплотиться перед лицом персидской опасности и отстоять свою независимость. Греко-персидские войны явились результатом противоречий между восточной деспотической монархией и полисным миром греков. К концу VI в. до н.э. завершилось сложение мощного Персидского государства (во главе с царями из рода Ахеменидов), в состав которого вошли и греческие города на западном побережье Малой Азии и прилегающих островах. Продолжая завоевательную политику своих предшественников, царь Дарий обратил свои взоры на запад.

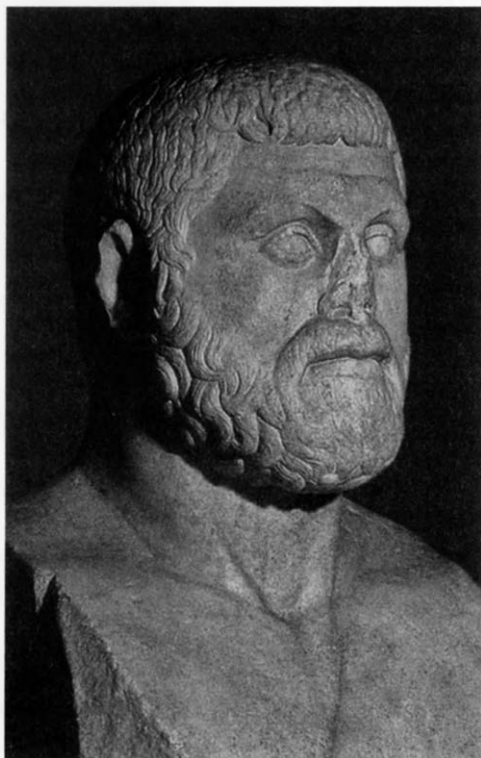
Греки последующих веков воспринимали Греко-персидские войны прежде всего как противостояние свободы и деспотизма, цивилизации и варварства. Первоначально греки отделяли себя от варваров как люди, говорящие на одном языке и поклоняющиеся общим богам. Греко-персидские войны дали решающий толчок к тому, чтобы эта простая констатация превратилась в чувство духовно-нравственного превосходства, нашедшего свое крайнее выражение позднее в идее Аристотеля о том, что варвары самой природой предназначены быть рабами греков.

Прологом Греко-персидских войн послужило восстание подвластных персам греческих городов Ионии во главе с Милетом и Галикарнассом в 500 г. до н.э. Повсеместно в малоазийских полисах свергалась тирания. Но на призыв восставших о помощи откликнулись только Афины и Эретрия на Эвбее, и персы жестоко расправились к 493 г. до н.э. с малоазийскими полисами. Помощь Афин и Эретрии малоазийским грекам дала Ахеменидам предлог для начала войны. В 492 г. до н.э. начался первый поход персов под командой видного полководца Мардония. Персидский флот двигался вдоль берегов Фракии, поддерживая сухопутную армию. Македония признала власть персов, но когда флот огибал мыс Афон, началась буря, и более 300 кораблей и 20 тыс. воинов погибли.

Не отказавшись от своих завоевательных планов, Дарий начал готовиться к новому походу. В полисы Греции были отправлены послы с тре-

Греко-персидские войны

Фемистокл. Римская копия с греческого оригинала. Ок. 480 г. до н.э. Ватикан

бованием «земли и воды», т.е. полной покорности. Многие подчинились этому требованию, но в Афинах и Спарте послы были казнены. В 490 г. до н.э. начался второй поход персов. На этот раз все вооруженные силы погрузили на корабли, и от побережья Малой Азии они направились к греческим берегам. Захватив и разграбив для начала г. Эретрию на Эвбее, персидские войска высадились с кораблей в Аттике на равнине у Марафона (к северу от Афин), удобной для действия персидской конницы. Здесь и произошло сражение, в котором афиняне одержали блестящую победу, которой они в значительной мере обязаны стратегу Мильтиаду – стороннику быстрых и решительных действий. В битве впервые блестяще проявилось военное преимущество греков, их вооружения и тактики. Греческая фаланга буквально смяла противника, спасавшегося на кораблях, а затем быстрым броском к Афинам пресекла попытку персидского флота высадиться в гавани города.

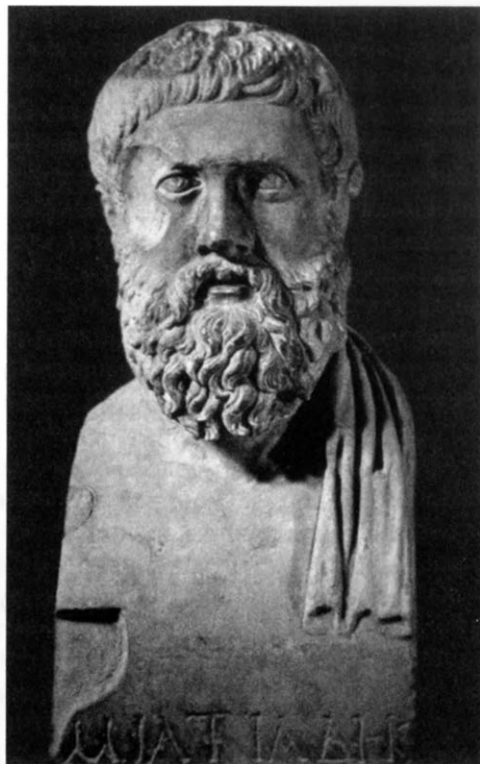
Следующий этап Греко-персидских войн приходится на 480–479 гг. до н.э. Ему предшествовали обширные приготовления, которые вел царь Дарий и продолжил сменивший его царь Ксеркс. Между тем прошедшие после Марафона годы в Афинах были заполнены бурной политической борьбой. Именно в это время на политической арене появился один из самых ярких деятелей, которому столь многим обязаны Афины, – Фемистокл. Став архонтом в 493 г. до н.э., он выдвинул программу развития морской мощи полиса, а средства для осуществления ее предложил получить от разработки новой серебряной жилы в Лаврийских рудниках, резко увеличившей добычу серебра. Фемистокл смог убедить граждан принять его план, и строительство флота развернулось так быстро, что к 480 г. до н.э. Афины имели более 180 кораблей (триер) – самый мощный тогда флот.

Угроза нового персидского нашествия не сплотила греков, но некоторого объединения достичь удалось. Особенно сложным оказался вопрос о выборе руководителя объединенными вооруженными силами. Здесь столкнулись два несовместимых принципа: стремление к политической свободе и необходимость объединения. Гегемоном стала Спарта, избранная голосами полисов Пелопоннесского союза, находившегося под ее эгидой. Первая встреча противников произошла в 480 г. до н.э. у Фермопил (на границе Северной и Центральной Греции), в узком горном ущелье. Из-за предательства какого-то

грека персы смогли пройти по горной тропинке в тыл эллинов. Основной удар принял на себя отряд из трехсот спартанцев во главе с царем Леонидом, которые все погибли, снискав себе бессмертную славу. На месте их гибели был поставлен памятник в виде льва с эпитафией, написанной известным поэтом Симонидом:

Странник, поведай спартанцам о нашей
кончине,
Верны заветам страны, здесь мы костями
полегли.

Успех персов у Фермопил notwithstanding на удачу афинского флота у м. Артемисий на Эвбее открыл им путь в Центральную Грецию. В этой критической для Афин обстановке граждане пошли на крайние меры, приняв план Фемистокла: все боеспособные мужчины погрузились на корабли, отправив жен, детей и стариков на о. Саламин и в соседнюю Трезену. Захватив город, персы предали его разорению и огню, сжигая дома и разрушая храмы. Фемистокл, веря в афинский флот, настаивал на морском сражении, которое произошло в узком проливе у о. Саламин. Персидский флот (800 тяжелых кораблей) потерпел сокрушительное поражение от подвижных греческих триер (380 судов, из них 147 афинских).

Мильтиад. V в. до н.э. Римская копия с греческого оригинала II в. до н.э. Ватикан

Красочное описание боя дал в трагедии «Персы» Эсхил, который сам принимал в нем участие:

Сперва стояло твердо войско персов;
Когда же скучились суда в проливе,
Дать помощи друг другу не могли
И медными носами поражали
Своих же – все тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругом их... И тонули корабли,
И под обломками судов разбитых
Под кровью мертвых – скрылась гладь морская.
Покрылись трупами убитых скалы
И берега, и варварское войско
В нестройном бегстве все отплыть спешило.
И как тунцов или другую рыбу
Их эллины остатками снастей,
Обломками от весел били; стон
С рыданиями стоял над гладью моря,
Пока всего не кончил мрак ночной.

Поражение при Саламине наметило перелом в войне. Царь Ксеркс удалился в Персию. В 479 г. до н.э. в Беотии на границе с Аттикой у г. Платеи произошла битва, где персидское войско Мардония было наголову разбито объединенными силами союзников. Согласно преданию, в тот же день в морском бою у мыса Микале (близ Милета в Малой Азии) греки разбили и персидский флот. Победа греков была полной, и скоро ни одного вражеского воина не осталось на территории материковой Греции. Военные действия переносятся в Малую Азию, что меняет характер войны.

Разгром персов при Платеях и Микале, помимо чисто военного аспекта, имел еще и значительные моральные последствия. Персы окончательно лишились ореола непобедимости. Спарта отходит от военных действий, что связано с политическим кризисом, вызванным необходимостью определить направление внешней политики полиса в новых условиях. Государства, решившие продолжить войну, в 478/7 г. до н.э. собрались на о. Делос и учредили новый союз (Делосскую симмахию), руководителем которого стали Афины – наиболее мощный тогда полис. Создается общая военная казна, куда каждому члену вменялось вносить определенную сумму (форос).

В Афинах в эти годы наибольшим влиянием пользуются деятели аристократического происхождения и умонастроения – Аристид и особенно сын Мильтиада Кимон, способный и энергичный полководец. Как истинный представитель земледельческой знати, он отличался лаконофильством – чертой, характерной для идеологии аристократии. В лице Аристида и Кимона афинская аристократия активно включилась в дело создания морской мощи своего полиса и расширения сферы господства Афин. Основными театрами военных действий по-прежнему служат Эгеида и Малая Азия, где у р. Эвримедонт в 468 г. афинские войска под водительством Кимона нанесли крупное поражение персам на их территории. Афины, крайне заинтересованные в морском пути в бассейн Черного моря, стремятся обеспечить себе опорные пункты на этом маршруте.

На первом этапе своего существования Делосский союз не задевал непосредственно интересов Спарты, но постепенный рост могущества Афин стал вызывать ее беспокойство, поэтому отношения между ними ухудшаются. Постепенно происходит поляризация политических сил: демократические полисы все больше стремятся опереться на Афины, аристократические – на Спарту. Государственные перевороты в ряде полисов приводят к переориентации их внешней политики и делают политическую картину сложной и противоречивой. Усиление влияния тех слоев гражданства, которые были связаны с морем и ремеслом, падение значения аристократии, придали значительную динамичность афинской политике. Афины все более усиливают власть над союзниками. В 454 г. до н.э. под предлогом защиты от персидской угрозы союзная казна переносится с Делоса в Афины, которые отныне стали тратить союзные средства на собственные нужды. Делосская симмахия превращается в Афинскую морскую державу (*архэ*), союзники – в подданных. Афины активизируются против Персии в Восточном Средиземноморье. Близ Кипра афинский флот во главе с Кимоном разгромил в 449 г. до н.э. персидскую армаду. Большое значение отныне приобретает в политике Афин сама Греция, ее центральная часть и Пелопоннес. Но цели, которые ставили себе тогда Афины, не всегда соответствовали их средствам.

Греко-персидские войны завершились в 449 г. до н.э. подписанием так называемого Каллиева мира. Мир, в общем, был выгоден Афинам, поскольку Персия согласилась с утратой власти над полисами Малой Азии и обязывалась не посылать отныне суда в Эгейское море и Пропонтиду. Поскольку форос официально предназначался на ведение войны с Персией, заключение мира побудило членов Афинской архэ отказаться его платить. Афинам с большим трудом удалось справиться с этим кризисом и сохранить союз.

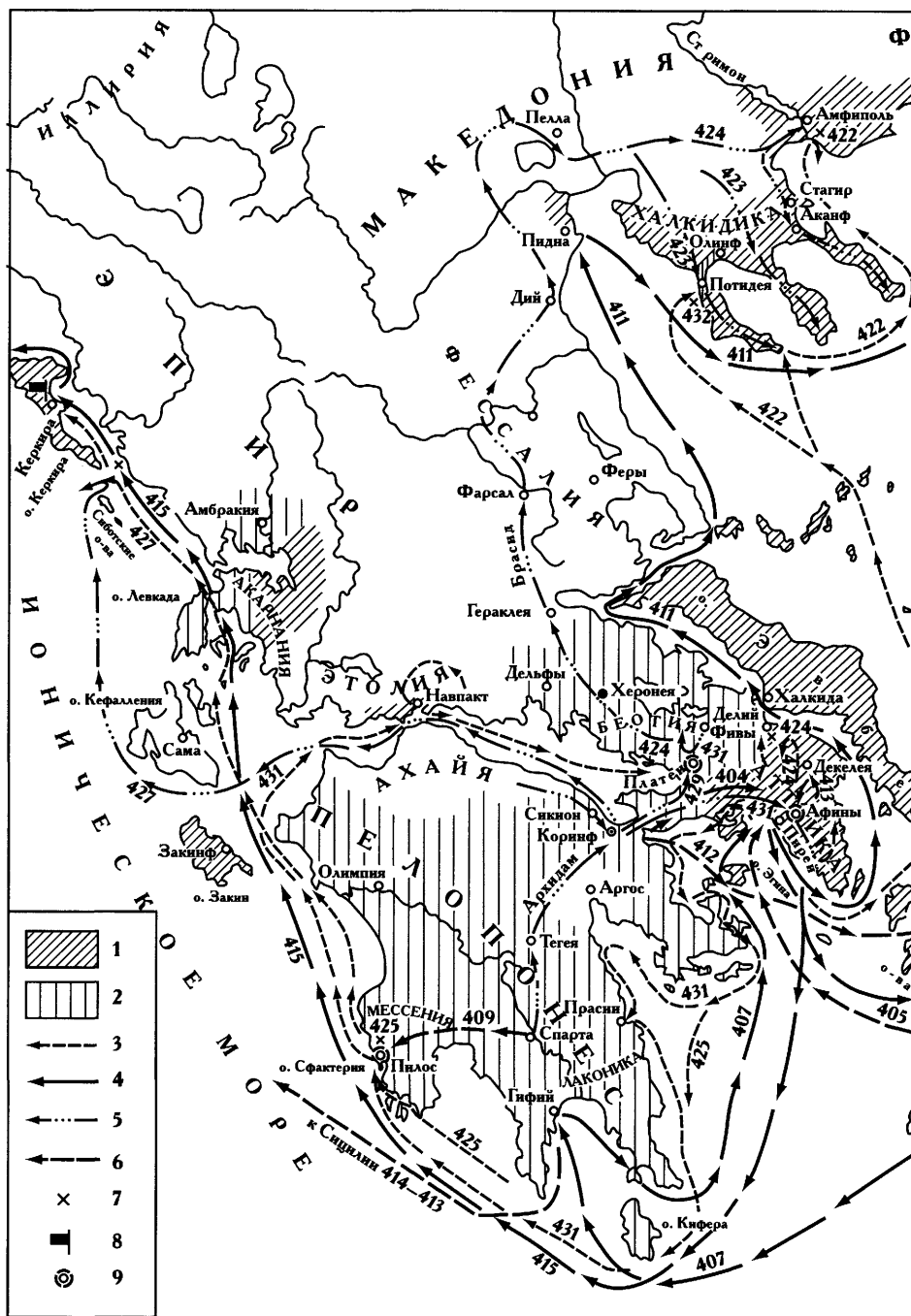
Спартанская политика того времени определялась стремлением противодействовать Афинам везде, не вступая по возможности с ними в военные конфликты. По заключенному в 445 г. до н.э. между противниками сроком на тридцать лет миру Спарта признавала афинское господство на море, Афины – господство Спарты в Пелопоннесе.

Пелопоннесская война. Годы от заключения 30-летнего мира и до начала Пелопоннесской войны в 431 г. до н.э., пожалуй, составили самое мирное время в истории Эллады. И Афины, и Спарта достаточно точно соблюдали условия «тридцатилетнего» договора. Спарта стремилась укрепить свои позиции в Пелопоннесе, полисы которого, включая крупные торговые города Коринф, Мегары и Элиду, образовали Пелопоннесский союз под эгидой Спарты. В Афинах на смену стремлению к безудержной экспансии пришла политика укрепления архэ и усиления господства в ней. Причины новой войны послужили предметом оживленных дискуссий в литературе нового времени. Фукидид – наш основной источник по ее истории, главной причиной считает рост могущества Афин и страх пелопоннесцев, особенно спартанцев перед ними.

Планы Афин и Спарты в предстоящей схватке за гегемонию в Элладе определялись вооруженными силами полисов и характером союзов, на которые они опирались. Суть афинской стратегии сформулировал Перикл – крупнейший из государственных деятелей Афин в 443–429 гг. до н.э., власть которого была основана на должности военного стратега. Сознвая превосходство Спарты и ее союзников на суше, он считал, что афиняне будут вынуждены, по существу, отдать Аттику на разграбление спартанцам, и предлагал все население собрать в Афинах и их порту Пирее. Поскольку Афины господствовали на море, то их флот обеспечил бы снабжение города необходимым продовольствием, нанося же удары по побережью Пелопоннеса, вынудил бы Спарту к выгодному для Афин миру. Спартанцы же исходили из превосходства Пелопоннесского союза на суше. Основная идея их плана войны заключалась в нанесении ударов по Аттике и провоцировании противника на генеральное сражение, которое должно дать Спарте быструю победу.

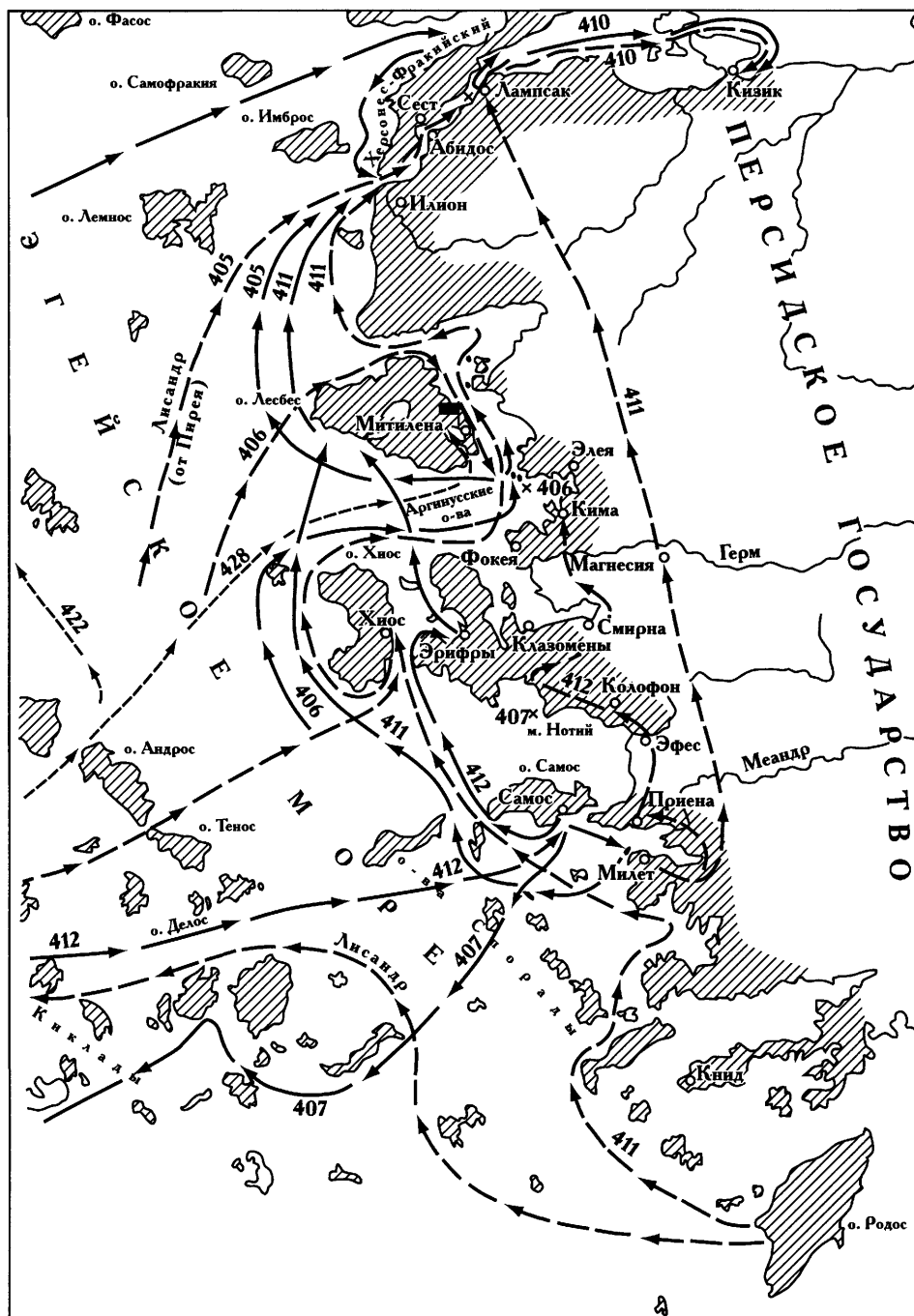
Однако противники не смогли предвидеть ни масштабов войны, ни обширности тех территорий, на которых она развернется, ни длительности, ни крайнего ожесточения борьбы, ни тех политических и социальных катаклизмов, которые она вызовет.

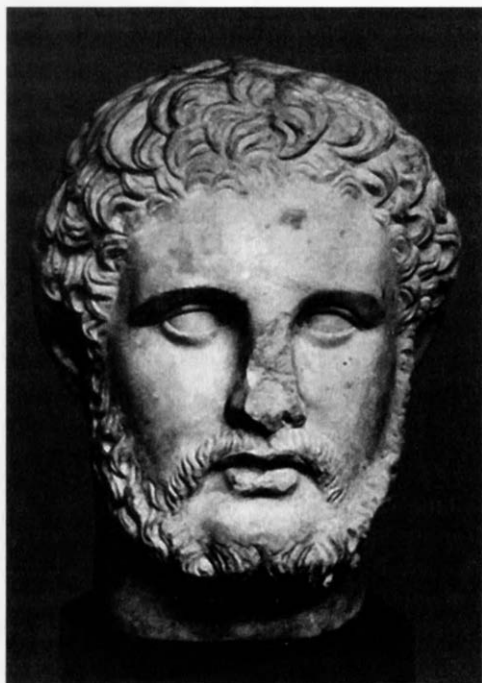
Первый период войны (431–421 гг. до н.э.) обычно называют Архидамовой войной (по имени спартанского царя, руководившего пелопоннесской армией). Начальные годы, казалось, подтвердили правильность выработанной обеими сторонами стратегии. Спартанцы регулярно вторгались в Аттику

Греция эпохи Пелопоннесской войны

1 – Полисы Афинского морского союза; 2 – Спарта и ее союзники. Военные действия Афин: 3 – 431–421 гг.; 4 – 415–404 гг.; Спарты: 5 – 431–420 гг.; 6 – 415–404 гг.; 7 – Места и годы крупных сражений; 8 – Гражданская война на Керкире и восстание в г. Митилена; 9 – Осада городов

Алкивиад. Мрамор. III в. до н.э.

и разоряли ее поля. Афинский флот курсировал вокруг Пелопоннеса и наносил чувствительные удары по прибрежным городам. Однако вскоре стала ясна бесперспективность подобных действий. Спартанцы так и не смогли заставить афинян покинуть свои укрепления, а афинскому флоту не удалось задуть блокадой Пелопоннес. Усталость от войны, тяжелые потери обеих сторон (во время эпидемии в Афинах в 429 г. до н.э. умер Перикл), отсутствие какого-либо перелома в военных действиях – все это побудило начать переговоры о мире, который был заключен в 421 г. до н.э. практически на условиях статус-кво (так называемый Никиев мир).

Никиев мир не решил проблем, которые породили войну. Взаимное недоверие вчерашних врагов, подогреваемое сторонниками «войны до победоносного конца», вскоре привело

к новым столкновениям, но настоящие военные действия развернулись из-за экспедиции в Сицилию. Ориентируясь на обещание поддержки ряда сицилийских городов, афиняне собрали огромную армию и флот. Идея похода встретила одобрение многих граждан, особенно молодежи, которая на собраниях чертила карту острова. Однако эта экспедиция оказалась чисто авантюристическим предприятием. Афиняне плохо знали обстановку в Сицилии, большинство полисов которой выступили против них. Не предусмотрели они и возможность вмешательства Спарты. Одним из руководителей похода был назначен Алкивиад, происходивший из старинного аристократического рода, человек одаренный, прекрасно образованный, но чрезмерно честолюбивый. Еще накануне отплытия эскадры на Сицилию в городе кто-то повредил гермы (изображения бога Гермеса), и подозрения пали на Алкивиада и его друзей. Вызванный из Сицилии в Афины по «делу гермокопидов», Алкивиад, понимая, что его политические противники расправятся с ним, бежал в Спарту, выдал все планы афинян и настоял на отправлении войска в Сицилию.

Сицилийская экспедиция, которая продолжалась с 415 по 413 г. до н.э., закончилась для Афин грандиозной катастрофой: погибли весь флот (200 триер) и 12 тыс. человек. Пленных воинов сиракузяне обратили в рабство и частично отправили в каменоломни. Поражение Афин немедленно отозвалось в Элладе, где возобновились военные действия. Спартанцы по совету Алкивиада заняли крепость Декелею на территории Аттики. Стало труднее разрабатывать рудники Лавриона. Единственный источник – усиление финансовых поборов с союзников – подрывал основу Афинской архэ.

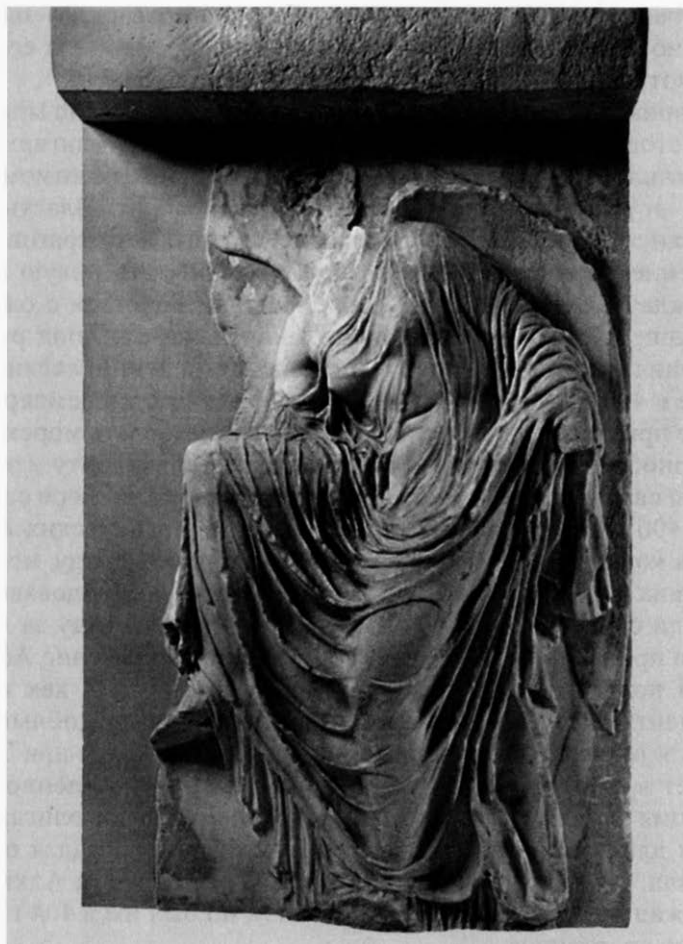
В условиях разорения Аттики и потери Декелеи возрастало значение морских путей, но и здесь возникла новая угроза: Спарта начала создавать собственный флот на щедро выделяемые персидские деньги.

Все это привело к открытию нового фронта в Ионии, где многие полисы перешли на сторону Спарты. В Афинах подняли голову олигархи, в единый союз объединились все недовольные существующим режимом, и в 411 г. до н.э. был осуществлен государственный переворот. Власть перешла в руки олигархического совета Четырехсот. Но силы демократов еще далеко не были сломлены, флот у Самоса отказался признать новую власть. Беднейшие граждане, служившие во флоте, решили бороться с олигархами, и по их приглашению морские силы возглавил Алкивиад, под руководством которого афиняне трижды нанесли поражение пелопоннесским эскадрам. В результате в 410 г. до н.э. в Афинах восстанавливается демократия.

Афиняне прилагают все усилия, чтобы реанимировать морскую державу. Алкивиад приобретает огромную популярность, его таланту и энергии афиняне обязаны своими победами. Война ведется теперь на море с переменным успехом. В 406 г. до н.э. произошла битва при Аргинусских о-вах (около о. Лесбос), в которой афиняне одержали блестящую победу, но начавшаяся буря помешала им подобрать раненых и убитых. Командовавшие флотом стратеги были сначала награждены, но затем преданы суду за пренебрежение долгом и приговорены к смерти. Решительное поражение Афинам нанес спартанский политический и военный деятель Лисандр, как и Алкивиад, столь же талантливый, сколь и беспринципный. Выбрав удобный момент, он в 405 г. до н.э. обрушивается на противника в Пропонтиде при Эгоспотамах и уничтожает вражескую эскадру. Корабли Лисандра медленно движутся к Афинам, громя демократические режимы и заменяя их олигархическими. Осада Афин длилась несколько месяцев, пока город, страдая от голода, не капитулировал. Афинский морской союз был распущен, а Алкивиад благоразумно сбежал к сатрапу Фригии Фарнабазу, но был им в 404 г. до н.э. убит по настоянию спартанцев.

Под давлением Спарты власть в Афинах получила комиссия из 30 человек, состоявшая из олигархически настроенных людей во главе с аристократом и учеником Сократа Критием. Они правили, опираясь на военную силу, и впоследствии их называли правительством «тридцати тиранов». Число полноправных граждан было ограничено тремя тысячами наиболее состоятельных. Политическая неустойчивость толкнула это правительство на путь открытого террора. Малейшее проявление недовольства жестоко подавлялось, и казни следовали одна за другой. Жертвами тиранов стали полторы тысячи сторонников демократии и даже член комиссии Фералин, по мнению Крития, проявивший излишнюю умеренность.

Произвол нового правительства вызвал резкое недовольство в Афинах. В результате, когда выступившему из Фив отряду афинских изгнанников во главе с горячим сторонником демократии Фрасибулом удалось захватить укрепление на границе Аттики с Беотией, к нему стали сбегаться жители окрестных селений, метеки и рабы, и за короткое время отряд Фрасибула увеличился в несколько раз. Вскоре демократы перешли в наступление и смогли занять Пирей. В битве при Мунихии войска тиранов были разбиты, Критий погиб, а его приверженцы бежали в Элевсин. Под давлением

Ника, завязывающая сандалию. Барельеф. Мрамор.
Конец V в. до н.э. Акрополь. Афины

основной массы афинского демоса, который жаждал прекращения распрей, произошло примирение умеренных и радикальных демократов. Демократия была восстановлена. Оба антидемократических режима отличались недолговечностью: строй Четырехсот продержался около четырех месяцев, правление Тридцати тиранов – немногим более полугода (с апреля по декабрь 404 г. до н.э.).

Победителем в Пелопоннесской войне вышла более отсталая и в экономическом, и в политическом отношении Спарта. Поражение Афин объясняется прежде всего непрочностью Афинского морского союза, который все более сохранялся силой оружия, и как только она ослабла, союз распался. Этим сумела воспользоваться Спарта, выступившая с демагогическим лозунгом «свободы греков». Свою роль сыграла Персия, которая своими щедрыми субсидиями поспособствовала сухопутной Спарте создать мощный флот.

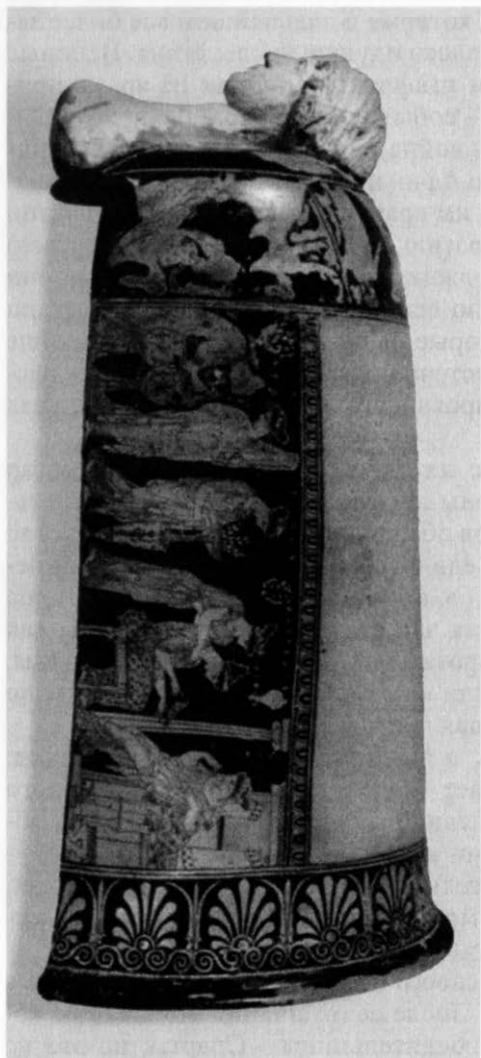
Пелопоннесская война оказала влияние буквально на все стороны жизни Греции – ее сельское хозяйство, ремесло, торговлю. В ходе войны греки

впервые стали использовать наемников, которые в дальнейшем все более заменяли ополчения граждан, что имело далеко идущие последствия. Военные действия переплетались с социальными конфликтами. Один из ярких примеров времени Пелопоннесской войны – события на о. Керкира, где в 427 г. до н.э. началась настоящая гражданская война, в которой демократы и олигархи опирались на силы соответственно Афин и Спарты. «Керкиряне убивали из числа сограждан всех, казавшихся им врагами, обвиняя их в соучастии с теми, кто хотел ниспровергнуть демократию; иные, впрочем, пали жертвою личной вражды, другие были убиты должниками из-за денег, которые они были должны. Вообще смерть царила во всех видах... молящих отрывали от святынь, убивали и подле них; некоторые были замурованы в святилище Диониса и там погибли. До такого ожесточения дошла междоусобная распря. Она показалась тем ужаснее, что проявилась впервые», – так Фукидид завершает свой рассказ.

Следует обратить особое внимание на одно обстоятельство: в разгар борьбы на Керкире обе воюющие стороны посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы. Большинство рабов примкнуло к демократам. Это не единственный случай. В первый период Пелопоннесской войны в 425 г. до н.э. в захваченный афинянами Пилос стали перебегать из Лаконики илоты, так что лакедемоняне опасались, как бы оставшиеся илоты не возмутились против них. Во второй период войны, в 413 г. до н.э., когда спартанцы захватили в Аттике Декелею, к неприятелю переметнулись до 20 тыс. рабов – большая часть ремесленников.

Война расшатала полисную мораль, о чем прозорливо писал Фукидид: «война – учитель насилия». Она лишает людей привычного жизненного уклада и вызывает изменения в повседневной жизни. «Извращено было общепринятое значение слов в применении их к поступкам». По словам Фукидида, она была самой достопримечательной из всех предшествовавших. В целом, Пелопоннесская война стала мощным катализатором тех процессов, которые привели систему независимых полисов к кризису.

Пелопоннесская война послужила своего рода границей между двумя этапами развития греческого общества. После ее окончания в Элладе на короткое время утвердилась гегемония победительницы – Спарты, но это не принесло Греции мира, наоборот, военные столкновения стали происходить чаще и кровопролитнее. Еще не было подписано официальное соглашение о завершении войны, как спартанский полководец Лисандр приступил к наведению «порядка», на полисы обрушился шквал репрессий, казней и конфискаций имущества. Власть в полисах принадлежала спартанским наместникам (гармостам). В годы войны, нуждаясь в денежной помощи Персии, Спарта признала власть царя над греческими городами Малой Азии. Теперь же спартанцы пренебрегли соглашением и попытались распространить свою власть на малоазийские полисы, вмешавшись в борьбу за престолонаследие между двумя сыновьями умершего царя Персии – Артаксерксом и Киром. Последний собрал войско наемников численностью в 10 тыс., преимущественно выходцев из Пелопоннеса, но в одной из битв был убит, а греки в течение долгого времени, преодолевая трудности, пробивались к Черному морю, достигнув его у Синопы (поход ярко описан Ксенофонтom в произведении «Анабасис»).

Греческая ваза «эпинетрон».
Ок. 425 г. до н.э.

Персидское правительство обвинило Спарту в оказании помощи мятежнику, выступившему против законного царя, и объявило ей войну. Афины воспользовались затруднительным положением Спарты и создали новую коалицию греческих государств: начинается так называемая Коринфская война, продлившаяся с 395 по 387 г. до н.э. В 394 г. до н.э. Афины в битве при Книде (Малая Азия) под командованием афинянина Конона нанесли поражение Спарте. Персия, опасаясь возрождения морского могущества Афин и не желая ослабления Спарты, потребовала прекращения военных действий, и в 387 г. до н.э. был заключен Царский, или Анталкидов мир (по имени спартанского посла), признанный позорным для греков. Как представитель Греции, Спарта отказывалась от территорий, завоеванных Элладой в Греко-персидских войнах. Запрещались все союзы кроме Пелопоннесского. Политика Спарты, признание исконного врага эллинов персидского царя высшим судьей в их делах побудили греков, позабыв взаимные претензии, договориться и нанести Спарте серию контрударов. В 379 г. до н.э. при тайной поддержке Афин была свергнута олигархия и установлена демократия в Фивах, вскорости они восстановили и возглавили Беотийский союз. Афины обратились к дружественным полисам с предложением образовать

новое объединение, и в 378 г. до н.э., демонстративно нарушая Анталкидов мир, Афины создали Второй морской союз.

До нас дошло постановление афинского народного собрания, содержащего текст устава нового союза. Афиняне дают клятву, что не будут взимать форос, вмешиваться в дела союзников. Они обязывались не вводить гарнизоны в союзные полисы, запретили афинянам владеть землей и домами на их территориях. Во второй союз вступило множество полисов, недовольных политикой Спарты.

Между тем Спарта объявила фиванцев нарушителями Анталкидова мира, призвала другие государства заставить их распустить Беотийский союз и направила в Беотию войско. К этому времени в Фивах была прове-

дена военная реформа, превратившая беотийскую армию в одну из самых боеспособных. В битвах при Левктрах и Мантинее (372 и 371 гг. до н.э.) беотийцы под руководством блестящего полководца и военного реформатора Эпаминонда нанесли Спарте такие сокрушительные поражения, что распался Пелопоннесский союз и Спарта утратила возможность претендовать на гегемонию в Элладе. Но успехи фиванцев положили конец их дружеским отношениям с афинянами, стремящимися теперь воспрепятствовать усилению Фив. Между тем союзники по Второму морскому союзу уже открыто выражали недовольство постепенным возвращением к прошлому: стремлением Афин выкачивать у них деньги, попыткам выводить клерухии и другим методам архэ. Разногласия достигли такого накала, что разразилась настоящая война – Союзническая (357–356 гг. до н.э.), закончившаяся победой бывших союзников Афин. Второй Афинский морской союз распался, Афины, подобно Спарте и Фивам, утратили лидерство в Элладе, наступило неустойчивое равновесие, периодически нарушаемое локальными военными столкновениями.

ДРЕВНИЙ РИМ: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

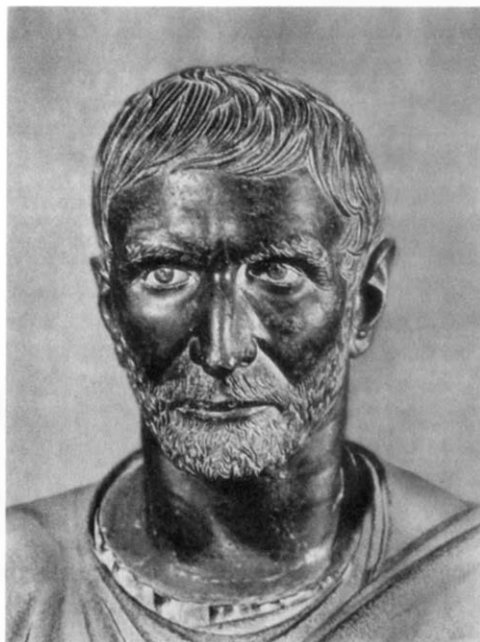
(VI–IV века до н.э.)

Начало эпохи политических перемен в Риме окутано легендами. Согласно исторической традиции, последний римский царь Тарквиний Гордый (534–510 гг. до н.э.) был жестоким правителем. Народ, не желая терпеть произвол власти, восстал, изгнал царя и всю семью Тарквиниев. Так, в изложении римских историков, в конце VI в. до н.э. царь был заменен двумя ежегодно избираемыми консулами. Выборы консулов проходили в центуриатном собрании, а перешедшая к ним царская власть, именуемая «империем», имела военный характер. Сакральные полномочия царя унаследовал жрец – «царь священнодействий». В Риме установилась новая форма правления – «республика», что буквально означает «общественное дело». С этого момента управление государством становится делом всех и каждого. Последующие поколения римлян воспринимали это событие как начало свободы, которая всегда высоко ценилась ими в противоположность режиму личной власти. Тем не менее новейшие исторические исследования показали, что в первые десятилетия V в. до н.э. в Риме продолжались те же процессы, которые были характерны для времени правления «этрусских» царей, а изгнание последнего Тарквиния могло быть вызвано иными причинами.

В начале V в. до н.э. Этрурия переживала межгосударственные конфликты, отголоском которых стал поход на Рим Порсенны – царя этрусского города Клузий. В результате удачных военных действий Порсенна захватил Рим, чтобы использовать его в качестве плацдарма для дальнейшего наступления на юг Лация. Очевидно, это вынудило Тарквиния Гордого бежать из Рима и искать убежища у латинов. Управлять делами города в свое отсутствие Порсенна назначил родственников царя – Луция Юния Брута и Тарквиния Коллатина, которых римская историческая традиция называет консулами 509 г. до н.э. – первого года республики. В 509 г. до н.э. Рим заключил первый договор с Карфагеном. Этот факт свидетельствует о том, что Рим по-прежнему находился в сфере влияния этрусско-карфагенских отношений. Экономический рост, характерный для эпохи Тарквиниев, сохранился в Риме и в начале республики. Он выразился в монументальном строительстве, которое продолжалось в V в. до н.э. Между 509 г. до н.э. (годом освящения Капитолийского храма) и 484 г. до н.э. в Риме было возведено четыре храма в честь основных богов римского пантеона. Поскольку строительство храмов финансировалось, как правило, из военной добычи, можно утверждать, что постоянные столкновения римлян с соседями заканчивались победами Рима.

Преемственность сохранялась и во внутриполитической жизни. Юний Брут пополнил сократившийся в результате естественной убыли сенат до трехсот человек, сколько их насчитывалось при Тарквинии Древнем (т.е. в начале VI в. до н.э.). В 504 г. до н.э. в Рим из сабинского городка прибыл род Клавдиев, который был включен в гражданский коллектив, а его гла-

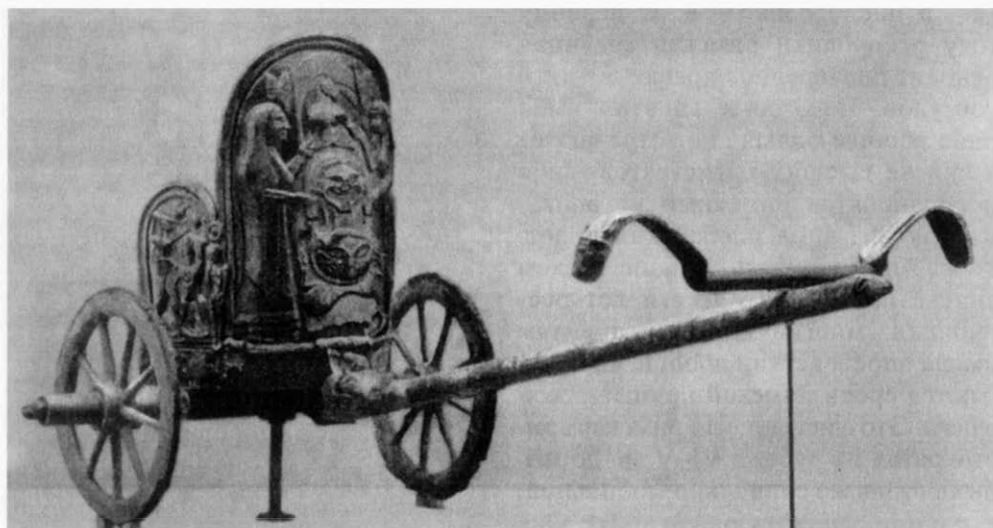
ва – в число сенаторов. К первому году республики римская традиция относит поочередное правление пяти консулов. Некоторые из этих имен либо вообще больше не встречаются в списке высших магистратов, либо преподносятся римскими историками как названия плебейских родов. То же можно сказать и о консульском списке первых пятидесяти лет республики: многие мелькнувшие там имена впоследствии вообще не появляются среди римской политической элиты. Это означает, что римская аристократия на рубеже VI–V вв. до н.э. была столь же социально мобильной, как и в предшествующую эпоху. Она по-прежнему способна включать в свой состав переселенцев из других общин Лация и даже Этрурии. При этом в ряды аристократии можно было попасть при поддержке экономически и политически сильных родов.

Голова Брута. Бронза. III в. до н.э.

Так называемые плебейские имена среди консулов начала республики отражают изменения, проходившие внутри римской аристократии, которые были вызваны изменившейся политической ситуацией.

В 1977 г. при археологических раскопках в окрестностях Рима была обнаружена надпись, в которой упоминается некто Публий Валерий и его «друзья» (римляне называли их *содалами*). Надпись датируется началом V в. до н.э. – как раз тем временем, когда род Валериев оказался широко представлен в консульских списках. Здесь мы имеем дело с окружением аристократа, состоявшим из друзей, родственников и зависимых людей. В случае войны такая свита выступала в качестве боевого отряда. Примером может служить поход рода Фабиев, их друзей и клиентов против этрусского города Вейи в 479 г. до н.э., который закончился гибелью почти всего рода. Примечательно то, что этот поход Фабии совершили в поддержку войска, которым командовал консул этого года, принадлежавший к их же роду. Рассказ о походе Фабиев сохранил черты семейного предания, которое стало частью исторической традиции. Это предание отражает практику ведения боевых действий силами аристократических вождей и их ближайшего окружения, которая была характерна для VII–VI вв. до н.э. и сохранилась в первые десятилетия V в. до н.э. Вооруженные силы отдельных патрицианских кланов действовали в тесном контакте с набиравшейся на регулярной основе консульской центуриатной армией, являясь вместе с ней частью государственной военной машины. Существование «боевых отрядов» аристократии помогает также объяснить запечатленную в легендах связь отдельных лидеров с попыткой узурпировать власть, что, безусловно, угрожало стабильности самой аристократии.

Колесница. Около 500 г. до н.э.

В то же время политические перемены в Риме ознаменовались новыми явлениями и связанными с ними событиями. Внутриполитическая история молодой римской республики характеризуется борьбой между патрициями и плебеями. В античной исторической традиции эта борьба приобрела форму ожесточенного сопротивления со стороны плебеев ущемлению своих прав, перераставшего временами в вооруженные столкновения.

Эта, по сути дела, гражданская война длилась более 150 лет, но все то, что плебеям удалось «отвоевать» у патрициев, представлено законодательными актами конца IV – начала III в. до н.э. Поэтому анналистическое изображение этого процесса порождало сомнения и вызывало множество вопросов у современных исследователей. Действительно, столь продолжительный по времени конфликт не может восприниматься как однородный процесс, характеризующийся единством целей и методов борьбы.

Обозначившийся в V в. до н.э. социальный конфликт был, в первую очередь, связан с проблемой долговой зависимости. В сочинениях римских историков первый век республики предстает перед нами как время серьезных испытаний: голод и эпидемии перемежаются вражескими вторжениями. Подобные события фиксировались в анналах жреческих коллегий (прежде всего понтификов), откуда попадали в исторические сочинения и потому могут считаться достоверными. О начавшихся экономических трудностях свидетельствует также прекращение храмового строительства. После провала экспедиции Порсенны Рим и Лаций уже не рассматривались частью «этрусского мира». Разрыв прежних экономических связей выразился в сокращении импорта аттической керамики. Ухудшение экономической ситуации отразилось главным образом на положении плебеев, большая часть которых состояла из мелких крестьян-землевладельцев, пополнявших ряды должников. Конечно, задолженность, обязательства и личная зависимость

характеризуют общественные отношения во всех архаических обществах. Но, как и римская clientela, эти отношения регулировались обычаем и защищались религиозными санкциями. В результате кредитор имел не только власть над должником, но и нес за него ответственность, а должник имел не только обязательства, но и права. В случае нарушения традиционных норм поведения долговая зависимость становится непереносимой. Острое соперничество аристократических родов за лидерство, отраженное в консульском списке начала V в. до н.э., требовало значительных материальных затрат, что не могло не сказаться на поведении кредиторов-патрициев в отношении должников-плебеев.

Бедственное положение плебеев усугублялось произволом со стороны патрицианских магистратов и толкало их на поиск защитников. Роль таковых взяли на себя плебейские (или народные) трибуны, которые получили свое название от военных командиров – военных трибунов. Выбранные вскоре после установления республики, в 494 г. до н.э., плебейские трибуны обладали властью, основное содержание которой заключалось в «праве оказания помощи». Эта помощь распространялась на плебеев и сводилась к защите их от злоупотреблений со стороны патрицианских магистратов, прежде всего в сфере правосудия. Плебеям также оказывалась помощь при наборе в армию, который осуществляли консулы. Это значит, что трибуны контролировали важный процесс в жизни римской общины – превращение ее членов из граждан в воинов. В свою очередь, община взяла под защиту трибунов, наделив их личность священной неприкосновенностью: человек, причинивший трибунам вред, обрекался на смерть.

Все обязанности трибунов сводились к урегулированию внутригородских дел. Их должность носила гражданский характер и «уравновешивала» военную власть консулов, которая осуществлялась в полном объеме за пределами Рима во время ведения боевых действий. Как и консулов, плебейских трибунов первоначально было двое вместе с двумя помощниками – эдилами. Трибуны обладали правом *вето* (букв. «я запрещаю»), которое позволяло им блокировать действия других магистратов. Тем самым «вето» трибунов как безусловное запрещение уравновешивало *империй* консулов как безусловное приказание. Кроме того, должность плебейских трибунов стала каналом приобщения к власти тех кланов и семей, которые оказались отрезанными от высшей магистратуры в результате ожесточенной борьбы за консульскую должность, развернувшуюся между аристократическими родами с установлением республики.

Процесс становления государства в архаических обществах сопровождался записью правовых норм. В Риме обычное право находилось в компетенции жрецов (прежде всего понтификов), которые не только применяли его, но и произвольно интерпретировали. Такая практика становилась особенно опасной во время социальных и политических потрясений и угрожала, в том числе, безопасности самой аристократии. Поэтому в кодификации права проявляли заинтересованность все слои населения, хотя в римской исторической традиции требование записи законов представлено как основной стержень в борьбе плебеев с патрициями.

В результате в 450 г. до н.э. в Риме появился первый свод письменных законов – Законы XII таблиц (см. с. 700 и след.). Их название проис-

ходит оттого, что они были вырезаны на двенадцати бронзовых досках и выставлены на всеобщее обозрение. Законы стремились сохранить равенство и единство внутри аристократии, ограничивая расходы на погребения. Установленная законами давность владения превращала движимое и недвижимое имущество в частную собственность, что защищало уже сложившиеся отношения собственности и было выгодно в первую очередь патрицианской аристократии. Укреплению ее же позиций в обществе способствовало также усиление личных связей патрона и клиента. Конечно, суровые меры, к которым мог прибегать кредитор в отношении должника, делали невозможным применение «права помощи» со стороны плебейских трибунов. В то же время постановление о разрешении продажи несостоятельного должника за Тибр, т.е. туда, где начинались земли Этрурии, ограничивало порабощение римлян на территории Рима и даже Лация.

В целом же законы зафиксировали нормы обычного права, снабдив некоторые из них религиозными санкциями. Среди прочих норм значился запрет браков патрициев и плебеев. Тем самым законодательно закреплялось исключительное положение в обществе патрициев – обладателей военной власти (*империя*). Их исключительность с древнейшего времени дополнялась религиозным знанием и опытом.

Публикация Законов XII таблиц, в сущности, представлялась победой понтификов как представителей аристократии. Римское судопроизводство строилось на произнесении специальных формул, знатоками которых выступали понтифики. Поэтому для ведения дел в суде плебеи вынуждены были обращаться к их помощи и зависеть от выносимых ими решений. Сохранение судебных формул в ведении понтификов позволило им надолго закрепить за собой ведущие позиции в правотворчестве.

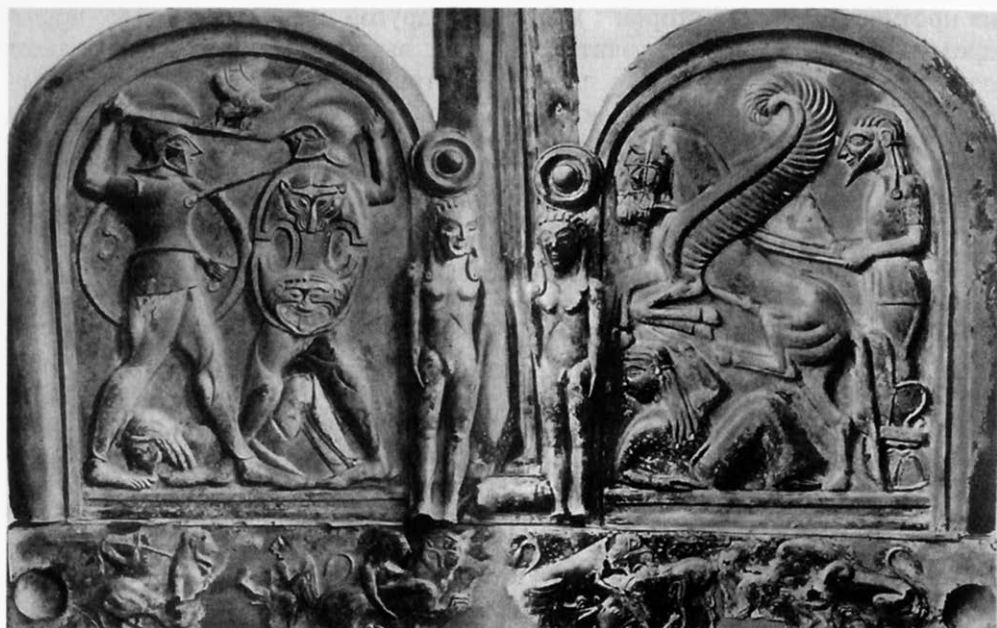
И все же шансы плебеев на улучшение своего положения были не столь уж малы. В обществе, ориентированном преимущественно на сельское хозяйство, они являлись основными производителями и как собственники своих наделов заполняли ряды гоплитской фаланги. Поэтому в изображении римской историографии плебеи добиваются выполнения своих требований, прибегая к *сецессиям*, – демонстративному и массовому уходу из Рима на холм Авентин вооруженного народа, что ослабляло войско и делало его уязвимым в противостоянии с неприятелем. Важность плебеев для римской армии стала предпосылкой последующего удовлетворения властями их требований. Если первая сецессия (494 г. до н.э.) завершилась учреждением плебейского трибуната, то вторая, спровоцированная узурпацией власти децемвирами (коллегией «десяти мужей», избранных для кодификации права) в 449 г. до н.э., привела к серьезным уступкам плебеям по законам консулов Валерия и Горация и введению в действие Законов XII таблиц.

В течение V в. до н.э. в римском обществе происходили важные изменения. С одной стороны, группа патрицианских родов закрепила за собой магистратуры с империем, добавив тем самым к обладанию религиозной властью занятие консулата в качестве критерия принадлежности к кругу знати. Прекратилась естественная прежде интеграция новых родов в сложившуюся аристократию. Процесс консолидации аристократии был ответом

на противостояние со стороны плебеев. С другой стороны, в это же время проходило формирование элиты, которая выдвинулась на гражданском поприще, занимая должность плебейских трибунов, чьи семьи также превращались в состоятельных патронов, обрстая клиентелой и не уступая своим экономическим и политическим могуществом родам патрицианской аристократии. В результате изменилась природа конфликта: появилась возможность выдвигать такие требования, как отмена запрета браков, предоставление гражданской элите доли в военном руководстве и избрание ее представителей на религиозные должности. Все эти требования одно за другим были удовлетворены в течение IV в. до н.э. В 445 г. до н.э. по закону Канулея отменен запрет браков. В 367 г. до н.э. законами Лициния и Секстия решена проблема приобщения гражданской элиты к военной власти: принят закон об избрании одного консула из ее среды. Правда, окончательной победы в этом вопросе трибунские семьи добились только в 342 г. до н.э., закрепив за собой одно из консульских мест. С 300 г. они стали заполнять места в жреческих коллегиях понтификов и авгуров. Таким образом, завершился процесс формирования новой римской аристократии, начало которому было положено ликвидацией царской власти. Хотя состав знати изменился, римская республика оставалась аристократической вплоть до конца своего существования. Причина столь стремительного продвижения гражданской элиты к вершинам военной власти кроется во внешней политике Рима в эту эпоху.

В течение всего V в. до н.э. Рим ведет ежегодные военные кампании, напоминающие скорее грабительские набеги на земли соседей в границах Лация (латинов, вольсков, герников, эквов, фалисков и т.д.), которые совершались с обеих сторон отрядами воинов во главе со знатными вождями. Римские историки описывают их как полномасштабные военные операции, причем всегда успешные для римского оружия, не задаваясь вопросом, откуда государство черпало столько сил и средств в течение длительного времени на борьбу с одними и теми же «разгромленными» племенами.

Начиная с V и вплоть до второй половины IV в. до н.э. основной вопрос внешней политики Рима сводился к взаимоотношению с латинами. После изгнания Тарквиниев их племена попытались ослабить господствующее положение Рима среди общин, входивших в Латинскую лигу. В этой борьбе обе стороны нашли себе союзников: римляне – в лице этрусского царя Порсенны, латины приняли помощь от кампанских греков. Победу одержала коалиция латинов и греков в битве при Ариции (504 г. до н.э.). Последовавший за ней хрупкий мир был нарушен новым столкновением сторон. В 499 г. до н.э. римляне и латины встретились лицом к лицу в битве при Регилльском озере, которая на сей раз завершилась победой римского оружия. Достигнутый успех был закреплен подписанием Кассиева равноправного договора с латинами (493 г. до н.э.), который назван именем его инициатора – консула Спурия Кассия. Договор подтверждал правовые нормы, которые издревле регулировали отношения латинов и римлян, и заложил основу мирных взаимоотношений обеих сторон на последующие сто лет. Кроме того, у Рима и латинов возник общий внешний враг – племена эквов и вольсков. Их появление на юге Лация стало результатом переселения племен из района Апеннинских гор на равнины. Продолжительная борьба с вольсками нашла отражение в

Изображение воинов. Деталь колесницы. Около 500 г. до н.э.

знаменитой легенде о Кориолане, которая стала неотъемлемой частью не только римской исторической традиции, но и мировой литературы.

Урегулировав свои дела на юге Лация, римляне приступили к расширению своей территории. Объектом их устремлений стал давний противник — этрусский город Вейи, расположенный на правом берегу Тибра. Десятилетняя война с ними (406–396 гг. до н.э.) превратилась в самую серьезную военную кампанию Рима в конце V в. до н.э. и закончилась разрушением Вей. Для многих поколений римлян эта война имела такое же значение, как и Троянская война для греков. Рассказ римских историков о длительной осаде Вей пронизан поистине гомеровским эпическим колоритом. Описание разорения и уничтожения некогда цветущего города напоминает о трагической судьбе Трои. Героем этой военной кампании предстал Марк Фурий Камилл, которому удалось переломить ход войны в пользу римлян.

Завоевание Вей существенно расширило земли римского государства за счет создания четырех новых территориальных триб. Значительно увеличился фонд «общественной земли» (*ager publicus*), что впервые позволило перейти к широкомасштабной раздаче наделов римским гражданам. Тем самым удовлетворялись положившие начало борьбе сословий требования рядовых плебеев, что сплачивало гражданский коллектив перед лицом грядущих испытаний. Трагичной оказалась судьба жителей Вей: все свободное население было продано в рабство. Это первый в римской истории случай массового порабощения поверженного неприятеля. Таким образом, начало экспансии Рима сказалось на структуре гражданского коллектива, послужив стимулом для его оформления. Одновременно римская экономика столкнулась с проблемой использования рабского труда.

В то время как римляне распространяли свою власть на Лаций и Южную Этрурию, Паданская долина переживала этнические катаклизмы вследствие внедрения сюда из-за Альп кельтских племен. К началу IV в. до н.э. Паданская долина приобрела преимущественно кельтский облик по культуре и языку. Впоследствии римляне называли этот район Цизальпинской Галлией (Галлией по эту, итальянскую, сторону Альп). Теснимые вновь прибывающими из-за Альп родственными племенами, кельты (римляне называли их галлами) перешли Апеннины и хлынули в Этрурию. Столкновение с римлянами было неминуемым. Оно произошло 18 июля 390 г. до н.э. на реке Аллии (приток Тибра) в 15 км к северу от Рима. В этом сражении римляне потерпели сокрушительное поражение. С тех пор день разгрома под Аллией был отмечен в римском календаре как «черный день». Дорога на Рим оказалась открыта. Несколько месяцев галлы хозяйничали в городе, разоряя его. В конце концов, от них удалось откупиться золотом. По всей видимости, так и обстояло дело, но самих римлян это мало устраивало, поскольку в подобном развитии событий отсутствовало героическое начало. Оно было добавлено стараниями римских историков, которые превратили Марка Фурия Камилла в центральную фигуру данного эпизода. Он якобы не только освободил Рим от галлов, но и вернул золото. В глазах римлян этот подвиг сделал Камилла вторым (после Ромула) «основателем Города».

После причиненного галлами разорения Рим быстро восстановил свои силы и укрепил позиции в Лации. Город был обнесен каменной стеной, которая надежно защищала его от неприятельских вторжений. Упрочение положения Рима в Центральной Италии делало его привлекательным союзником для других государств. В результате в 348 г. до н.э. Рим заключил второй договор с Карфагеном, который отражал политическую реальность, сложившуюся в Западном Средиземноморье.

Одной из самых плодородных областей Апеннинского полуострова являлась Кампания, которая во второй половине IV в. до н.э. стала «яблоком раздора» между Римом и самнитами, населявшими центральную и южную часть Апеннин. Стремление обеих сторон утвердиться в Капуе – городе, возглавлявшем Кампанскую федерацию, привело к Первой Самнитской войне (343–341 гг. до н.э.), победа в которой досталась Риму. Эта война, не отмеченная в источниках громкими победами римского оружия, открыла Риму путь к завоеванию Италии, что вызвало естественное беспокойство со стороны латинских городов. Свою независимость от Рима они надеялись отстоять в ходе Латинской войны (340–338 гг. до н.э.). Отчаянное сопротивление латинов закончилось триумфом Рима и переустройством системы межгосударственных отношений в Лации. Небольшие латинские общины были включены в состав римского государства при сохранении автономии во внутренних делах и получили название «муниципиев». Их граждане обрели права римского гражданства. Таким образом, Рим создал оригинальную концепцию гражданства – не двойного, так как римская община исключала любую другую независимую общину, но гражданства, существующего на двух уровнях – римского и латинского права. Немногие латинские города получили статус полных римских граждан. Некоторые общины (например, Капуя) вошли в состав римского государства на правах муниципиев, но их граждане были лишены права голосовать в народном собрании Рима. Ряд

городов (особенно Южной Италии – Неаполь, Тарент) удостоились звания римских «союзников». Они сохраняли свою независимость, но не могли проводить самостоятельную внешнюю политику.

Для закрепления своей власти на территории Италии Рим основывал латинские колонии, жители которых имели право приобретения собственности на территории Рима и заключения браков с римскими гражданами. Переселившиеся в Рим латины получали права римского гражданства. Отношения колоний с Римом строились на основе «латинского права» – гибкой формы автономии, гарантировавшей лояльность колонии по отношению к Риму взаимным соблюдением прав и обязанностей. Основанные на землях других италийских племен, латинские колонии сдерживали их возможные выступления против Рима. Они также сыграли важную роль в романизации Италии, распространяя на полуострове язык и культуру римлян. Новая система отношений с латинами сделала Рим самым сильным государством Италии, так как дала ему возможность распоряжаться людскими ресурсами некогда самостоятельных латинских общин, образовавших уникальную Римско-италийскую федерацию. Таким образом, в конце IV в. до н.э. начался процесс, который привел впоследствии к универсальному распространению прав римского гражданства.

Поскольку спор с самнитами за Кампанию в ходе первой войны не был завершен, разразилась Вторая Самнитская война (327–304 гг. до н.э.). Поначалу успех сопутствовал самнитам. Римская армия, не имевшая опыта сражений на пересеченной местности, в 321 г. до н.э. попала в засаду в Кавдинском ущелье и сдалась на милость победителя. Последствия кавдинского поражения были серьезными для римлян: против них восстали вольски и кампанские союзники. В последующие пять лет военные действия не возобновлялись. Краткую передышку римляне использовали для решения внутренних проблем.

Прежде всего они реорганизовали армию. Вместо прежних двух легионов теперь ежегодно набирались четыре. Изменилась и тактика боя, а вместе с ней и вооружение воинов. Гоплитская фаланга уступила место маневренному манипулярному строю. Манипул стал тактическим подразделением пехоты в легионе и состоял из двух центурий. Манипулы выстраивались в три линии: первый ряд боевого порядка занимали *гастаты* (молодые воины), второй – *принципы* (воины зрелого возраста), третий – *триархии* (самые опытные воины), которые вступали в бой только в решающий момент и иногда решали исход сражения. Их роль на поле боя отразилась в латинской поговорке «дело дошло до триариев», которая означает наступление крайней опасности. Подвижные отряды, какими являлись манипулы, позволяли маневрировать во время боя, образуя сплошную боевую линию по мере приближения к противнику. Сражавшийся в манипуле воин был вооружен длинным овальным щитом для обороны, особым копьем-пилумом и коротким мечом для наступления.

Реорганизация армии позволила римлянам одержать победу над самнитами и их союзниками и завершить войну заключением мирного договора, по которому власть римлян распространилась на Неаполь и Нолу в Кампании.

ЧЕЛОВЕК, ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА МИРА ПОЛИСОВ

РАСЦВЕТ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Классическая эпоха – время наивысшего расцвета древнегреческой культуры. Именно тогда реализовались те потенции, которые вызревали и возникли в предшествующую, архаическую эпоху. Сложилось несколько факторов, обеспечивавших взлет культуры. Становление классического полиса происходило в процессе борьбы с отжившими общественными отношениями. Эта борьба не сводилась только к политическому противостоянию, одновременно шло соревнование и общественных идеалов, что заставляло страстно обсуждать самые важные проблемы: устройство мира (космоса) в целом и место в нем божества и человека; возможность познать мир; наличие законов, которые им управляют, и соответствие законов полиса этим общеприродным закономерностям и т.д. Все эти проблемы благодаря процессу демократизации общества были объектом дискуссий не только узких кружков интеллектуалов, но и гораздо более широких аудиторий свободных граждан.

Важным фактором в культурном прогрессе являлось то, что можно назвать «единством в многообразии»: этнически и культурно греки представляли единый народ, но в то же время они были разделены на сотни независимых полисов, каждый из которых обладал своей историей, особым устройством, собственными героями и преданиями, своими предками. Встречи представителей различных полисов на общегреческих празднествах, в ходе различных переговоров и благодаря частным визитам и дружеским встречам способствовали сопоставлению различных идей и представлений, духовно обогащали греков. Такую же роль играли и умножившиеся контакты с различными негреческими народами, обитавшими на периферии античного мира. Возникали контактные зоны, ареалы наиболее интенсивных связей. Все это расширяло умственный кругозор, разрывало шоры традиционных представлений о мире.

Бурные политические и военные события, происходившие на протяжении нескольких поколений, отложились в памяти народа и придали греческому мировоззрению определенную историческую «глубину», понимание изменчивости мира не только в географическом, но и в историческом аспекте. Свою лепту в изменение менталитета греков внес и прогресс экономики. Развитие ремесла, рождающаяся товарная направленность сельского хозяйства в ряде областей Эллады, широкие торговые связи заставляли участников этих операций тщательно планировать свои действия, соизмерять расходы с предполагаемой прибылью. Вопреки мнению ряда ученых нового времени греки классической эпохи достаточно отчетливо понимали некоторые рыночные закономерности и организовывали свою экономическую деятельность в соответствии с ними. Менталитет торговца или ремесленника, ориентирующегося на рынок, отличался большей рационалистичностью от

Так называемая Гестия Джустиниани. Мраморная копия с греческого бронзового оригинала

мифологическими представлениями, из чего проистекало множество коллизий, что делало интеллектуальную жизнь греков столь яркой и многообразной. В это время впервые появляются сомнения в справедливости обычных представлений о божествах, которые каждый грек получал благодаря Гомеру и Гесиоду, поэмы которых составляли основу школьного образования. Такие представления становятся объектом насмешек, в частности в комедии.

менталитета крестьянина, ведущего традиционными методами свое хозяйство в рамках более или менее замкнутого ойкоса.

Результатом всех этих явлений стало проникновение в общественное сознание чисто рациональных принципов. По мнению некоторых исследователей, целесообразная организация полиса повлияла и на представления греков о космосе. Постепенно создавалась картина разумно организованного универсума, где каждый элемент занимает свое подобающее место, от божества до последней песчинки. Этот мир управляется всеобщим законом (*ананке* – необходимость, неизбежность), которому должны были подчиняться даже бессмертные боги.

В этом мире человек занимает центральное место, но не в том смысле, что он – венец творения, а в том, что он равно удален от обеих крайностей универсума. Слова виднейшего софиста Протагора: «человек есть мера всех вещей» – в известной мере отражают это положение человека. Для самого Протагора человек – это не только биологическое существо, но и член гражданского коллектива, органический центральный элемент полисного «микрокосма». Но вместе с тем, этот принцип содержал в себе возможности для привнесения в этику известного скептицизма и даже противопоставления личности коллективу.

Конечно, рациональное начало в системе мировоззрения сложно взаимодействовало с традиционными

Геракл в ней нередко предстает хвастуном и обжорой, Гермес – как вор и мошенник, Зевс боится, что люди перестанут приносить жертвы богам и те умрут от голода и т.д. Но усматривать в этих насмешках признаки нарождающегося атеистического мировоззрения, как это иногда утверждается, было бы неправильно. В них можно и нужно видеть только критику тех представлений о божестве, которые возникли еще в глубокой древности и дожили до данного времени. Сама идея божества не отвергалась, и шли поиски нового религиозного идеала.

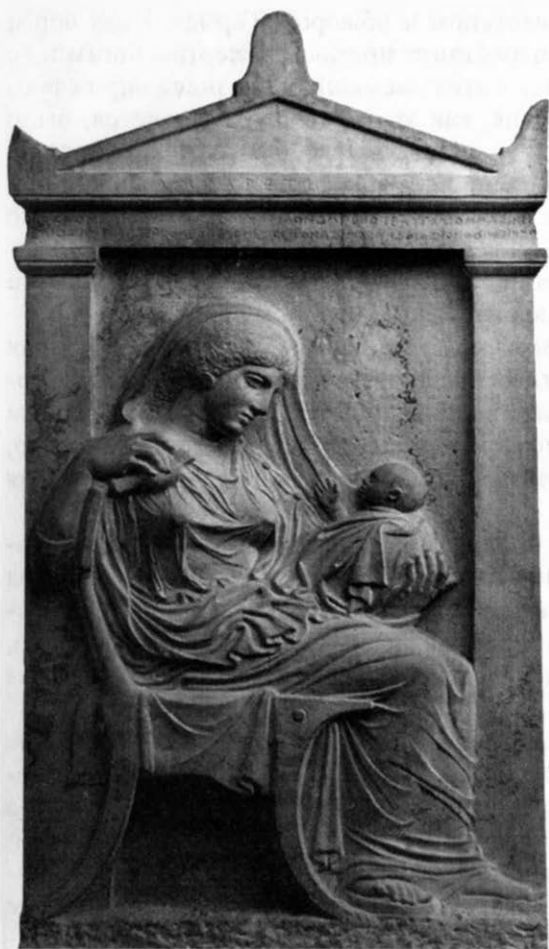
Вполне вероятно, что эту потребность в какой-то степени удовлетворяли мистерияльные культы, самый известный и популярный среди которых – элевсинский культ Деметры и Персефоны. Родившийся и развившийся как типичный земледельческий, он в классическую эпоху приобрел новые черты. Посвященным следовало хранить в тайне те детали учения, которые им открывались во время мистерий, поэтому мы плохо осведомлены о них, но, кажется, ядро доктрины составляли концепция моральной чистоты и идея посмертного воздаяния.

Традиционная религиозность продолжала господствовать. Свидетельством ее сохранения, помимо сведений письменной традиции, является широкое храмовое зодчество, характерное для классической эпохи. Высококвалифицированных архитекторов и первоклассных строителей не хватало, и города соперничали, стараясь перехватить их у соседей для возведения своих храмов.

Помимо больших храмов в Греции насчитывалось огромное количество небольших святилищ. В Аттике, например, каждая фила и каждый дем имели свой культовый центр, где в определенные дни справлялись празднества данного коллектива, приносились жертвы богам и героям, особо здесь почитавшимся. Кроме того, продолжали существовать маленькие непритязательные святилища, возникшие много сотен лет тому назад. Священными могли считаться также пещеры, вершины гор и т.п. Здесь жители по-прежнему поклонялись нимфам, дриадам или местным героям, как это делали их предки.

Такое сочетание бытования традиционного и поисков нового характерно не только для религиозных представлений, но и для других сфер жизни. В градостроительстве, например, родились идеи рациональной организации городского пространства, создателем которых был Гипподам, но огромное большинство полисов сохраняли традиционную структуру с беспорядочной, унаследованной от далекого прошлого застройкой, узкими кривыми улочками, отсутствием элементарной санитарии. Принципы Гипподама нашли тогда свое практическое воплощение только в немногих городах. Характерно, что самым ярким примером перестройки по новым принципам уже ранее существовавшей городской агломерации явился афинский порт Пирей, наиболее наглядное воплощение новой экономической реальности Греции.

Зримые противоречия, хотя и другого типа, видны в архитектуре Эллады. Жилые дома, как правило, очень простые и непритязательные. Они замкнуты, с одним входом и внутренним двориком. Некоторые элементы роскоши только начали проникать в быт и вызывали всеобщее осуждение или зависть.

Мать и дитя. Древнегреческий рельеф. IV в. до н.э. Афины

Вместе с тем здания общественного назначения, в первую очередь храмы, отличались масштабами и великолепием.

Самый прославленный архитектурный комплекс древней Греции – афинский акрополь. Здесь во II тысячелетии до н.э. находился дворец басиля, а затем несколько храмов. После захвата города персами в 480 г. до н.э. все они оказались разрушенными, и было решено не восстанавливать старые храмы, а построить новые. Грандиозную строительную программу приняло по настоянию Перикла афинское народное собрание, а руководство проектом возложили на друга Перикла, самого известного скульптора того времени Фидия. Перикл решал тем самым несколько задач. Создавались великолепные памятники, которые должны были прославить Афины во всем тогдашнем мире. На строительство потратили огромные денежные средства, значительная часть которых пошла на заработную плату рабочим. Трудились же здесь, главным образом, рядовые афинские граждане (в том

числе со своими собственными рабами). Длительное строительство обеспечивало гражданам надежный источник дохода. Перикл прекрасно сознавал, что устойчивость демократического строя возможна лишь при их экономической независимости. Считалось, что человек, работающий на другого за плату, как бы теряет часть своей свободы, но в данном случае работодателями через посредство полиса выступали сами боги.

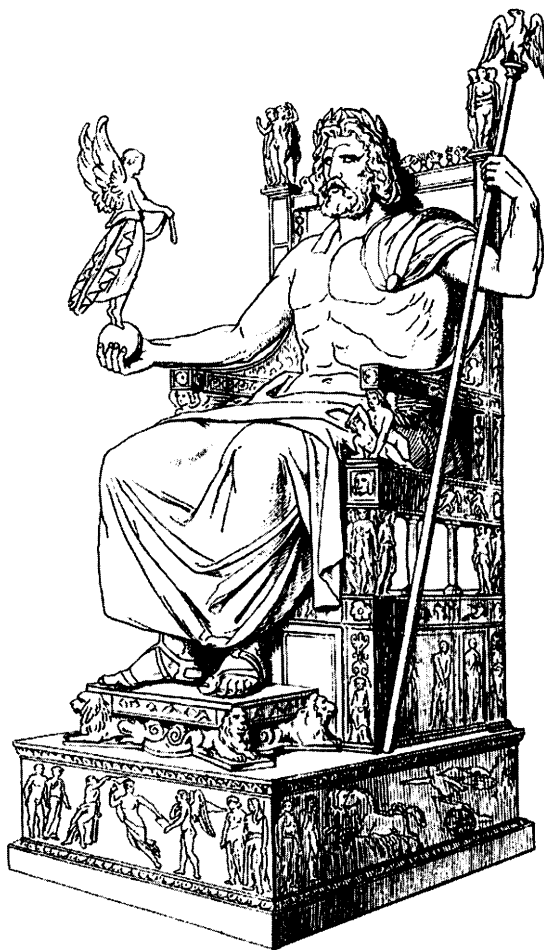
На акрополе возвышались несколько сооружений: парадный вход – Пропилеи, храм Ники Аптерос (Бескрылой Победы), Эрехтейон (храм Афины, Посейдона и легендарного царя Афин Эрехтея) и главное святилище – храм Афины Девы (Парфенон). Сам храм имел некоторые особенности, ранее никогда не встречавшиеся в греческом зодчестве. Архитекторы Иктин и Калликрат, разработавшие план Парфенона, соединили в одном здании черты дорийского и ионийского ордеров, сумев тем самым сочетать строгость и монументальность дорийской архитектуры с живописностью и легкостью ионийской.

В декоре храма Парфенона огромная роль принадлежала скульптуре. На одном из фронтонов изображалось рождение Афины, на другом – спор Афины и Посейдона за власть над полисом. Метопы передают четыре мифологических цикла: борьба богов с титанами, афинских героев с амазонками, лапифов с кентаврами и взятие греками Трои. Все четыре сюжета представляли собой аллегорическое отражение событий Греко-персидских войн: борьба сил разума, добра и порядка против олицетворений стихийных хтонических сил. Именно так афиняне воспринимали свою войну с персами – как продолжение извечной борьбы добра и зла, света и тьмы. Особое значение придавалось скульптурному фризу, на котором была воспроизведена торжественная процессия афинских граждан во время празднования Панафиней. Этот фриз справедливо считается одним из самых ярких проявлений художественного гения древних греков.

Внутри храма находилась хрисозлефантинная (сделанная из золота и слоновой кости) статуя Афины – произведение Фидия. Другая статуя богини (также творение Фидия), бронзовая и неизмеримо более крупных размеров, стояла перед храмом. Если образ Афины Парфенос прежде всего подчеркивал мудрость и доброжелательность богини, то гигантская статуя Афины Промехос («Сражающейся впереди») олицетворяла другую ипостась того же божества. Здесь Афина выступала в роли суровой защитницы своего города. Фигура богини как бы царила над городом, и все подплывавшие с моря к гавани Пирея видели сверкающие на солнце острие копья в руке богини и гребень шлема у нее на голове.

На акрополе стояли не только статуи божеств. Одной из самых больших наград для гражданина за его заслуги перед полисом было решение сограждан поставить его статую на акрополе, поэтому здесь размещались многочисленные изображения полководцев, политических деятелей и иных лиц, заслуживших эту честь.

Замечательный архитектурно-скульптурный комплекс на акрополе Афин – не единственный по своему значению. Олимпия – место проведения

Фидий. Зевс Олимпийский. V в. до н.э.
Реконструкция

Олимпийских игр, также славилась своими храмами и другими постройками, необходимыми для проведения состязаний. Здесь, в частности, находились храмы Геры и Зевса. Именно для храма Зевса Фидий создал статую этого божества (также хрисозлефантинную), которую причисляли к числу «чудес света». Зевс был изображен сидящим на троне, в одной руке он держал символ власти – жезл, а на вытянутой другой стояла богиня победы Ника.

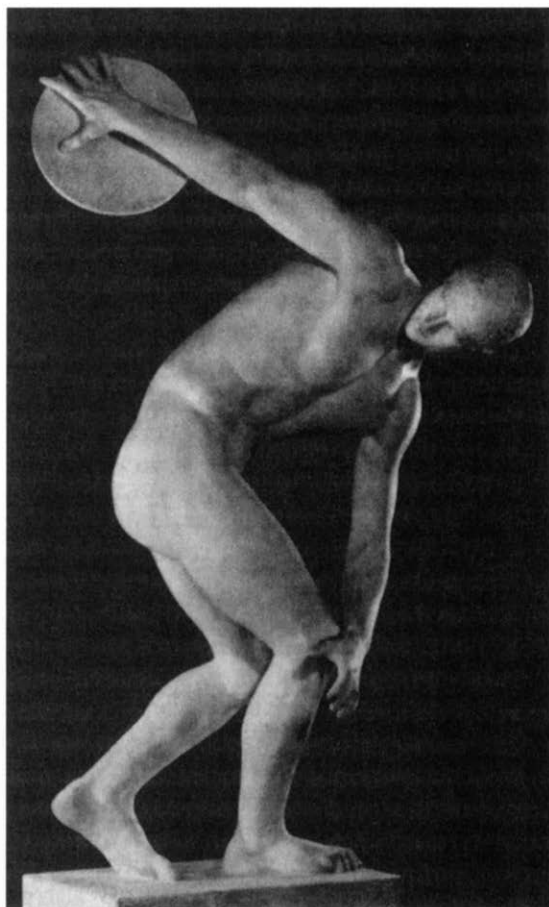
Не менее прославленны Дельфы – важнейший центр культа Аполлона, где находился его оракул. Здесь также проводились общегреческие состязания (Пифийские игры), но в отличие от Олимпийских, прежде всего спортивных, в Дельфах соревнования были мусическими. В классический период в дополнение к сооружениям еще архаической эпохи, возвели целый ряд так называемых «сокровищниц» – небольших зданий, в которых хранились дары, принесенные государствами и отдельными лицами.

Скульптура продолжала оставаться ведущим видом изобразительного искусства и в классическую эпоху. Основное место в ее репертуаре занимали по-прежнему изображения богов, героев и «идеальных» граждан. Надгробные рельефы – вид искусства, получивший широкое распространение в это время, – привнесли новую, более реалистическую струю, так в искусстве появился рядовой гражданин со своими чувствами.

Искусство V в. до н.э. обычно называют «высокой классикой». Важнейшей эстетической категорией, влиявшей на его характер, являлась родившаяся в это время концепция *мимесиса* (подобия), что способствовало движению в сторону реализма: чем ближе изображение к оригиналу, тем больших похвал удостоивался скульптор. Три художника олицетворяли своим творчеством достижения V в. до н.э.: Фидий, Поликлет и Мирон. О Фидии мы уже упомянули. Ведущая тема в творчестве Поликлета – изображение атлетов, которые воспринимались как воплощение лучших черт гражданина. Наиболее известны его «Дорифор» и «Диадумен». Дорифор – могучий воин с копьем, воплощение спокойного достоинства. Диадумен – стройный юноша, увенчивающий себя повязкой победителя в соревновании. Наиболее прославленной из скульптур Мирона считается «Дискобол» – фигура атлета в момент броска диска. Органическое сочетание реализма с обобщенно типической фигурой идеального гражданина – основная особенность «высокой классики».

В скульптуре IV в. до н.э. продолжается развитие принципов предшествующего периода, но оно уже начало переходить за их границы. В творчестве скульпторов этого времени (Скопас, Леохар, Пракситель, Лисипп и ряд других) все более явственно проявляется интерес не к передаче обобщенного образа, но к характеристике индивидуальных черт изображаемого персонажа, его чувств, внутреннего мира. Скопас обычно создавал скульптурные композиции мифологического характера, но его образы полны бурных душевных переживаний. Для творчества Праксителя характерен определенный гедонизм, наслаждение красотой. Самое прославленное из его произведений – статуя Афродиты Книдской, десятки копий которой дошли до нас.

Монументальная и станковая живопись, к сожалению, практически полностью погибла. О ней мы знаем только по свидетельствам древних авторов, некоторую информацию можно получить, изучая вазопись того времени. Наиболее известны были имена Аполлодора Афинского и Полигнота. В их творчестве отчетливо видны те же тенденции, что и в скульптуре:

Мирон. Дискобол. 460–450 гг. до н.э. Римская копия. Рим

Поликлет. Дорифор. 450–440 гг. до н.э. Римская копия. Неаполь

мифологические и исторические сюжеты, отражающие героическое прошлое, и стремление к реализму. Полигнот создавал многофигурные композиции, стремясь передать глубину пространства, пользуясь законами перспективы, а Аполлодор открыл эффект светотени, положив тем самым начало живописи в современном смысле слова.

Следующее столетие продолжало эти искания. Самыми яркими представителями этого этапа истории греческой живописи были Павсаний из Сикиона и Апеллес из Колофона. Первый из них изобрел технику энкаустики – живописи с помощью восковых красок. Среди картин Апеллеса самая известная –

Скопас. Менада. Ок. 350 г. до н.э.

«Афродита Анадиомена», изображение богини, выходящей из моря. Особое восхищение зрителей вызывало то, как тело богини просвечивало сквозь воду.

Вазопись – самый демократичный вид искусства и, соответственно, в ней помимо мифологических сюжетов большое место занимают бытовые сцены, практически неизвестные в монументальных видах искусства: прощание воинов, уходящих в поход, юноши-атлеты, сцены пира, девушки, занятые своим туалетом, крестьяне-земледельцы, изображения ремесленных мастерских и наказаний рабов.

Классическая эпоха – время расцвета и древнегреческой литературы. Тогда творил последний и самый выдающийся певец греческой аристократии Пиндар, создававший торжественные оды в честь аристократов-победителей в общегреческих играх. Он не описывал самих состязаний, но прославлял победителей, как носителей древней славы их родов, восходящих к потомкам богов.

Величайшим достижением классической эпохи стала драматургия. Именно в это время непритязательные культовые

сценки, исполнявшиеся на праздниках в честь Диониса, претерпели поразительную трансформацию, превратившись в высокое искусство. В театре были еще сильны условности, восходящие к ранней поре его развития: ограниченное число героев, маски, надетые на лица актеров, исполнение женских ролей мужчинами, огромная роль хора, разъяснявшего зрителям смысл происходящего или описывающего то, что происходило за сценой. Трагедии ставились во время больших общеполитических празднеств, их постановка регламентировалась определенными правилами, сами постановки рассматривались как состязание авторов, первых актеров и хореогов, обеспечивавших представление. Во всяком случае, в Афинах представление трагедий составляло один из самых важных элементов общей культурной политики полиса.

Хотя темами трагедий, как правило, служили мифологические сюжеты, где действовали боги и герои, в них ставились и решались самые сложные мировоззренческие и этические проблемы, волновавшие граждан. К их числу относятся и общемировоззренческие, такие как место человека в мире, судьба-рок и возможность противостояния ей, достоинство человека и его отношение к божеству, так и более «заземленные», например, взаимоотношение власти и народа, право мести и законность ее, родственные узы и гражданский долг.

Каждая трагедия – это борьба, и люди, которые ее ведут, мужественны. Чаще всего трагический герой обречен на гибель, но его смерть вызывает не отчаяние, а восхищение и веру в силы человека, в величие его духа.

Развитие древнегреческой трагедии связано с именами трех крупнейших драматургов: Эсхила, Софокла и Еврипида. Творчество каждого из них знаменовало следующую ступень в развитии театра: увеличение числа актеров, которых первоначально было только два, усложнение сюжета, изменение роли хора и многое другое. Упомянутые авторы отличались своими мировоззренческими позициями, политическими симпатиями и пристрастиями, но для всех трех характерна четкая гражданская позиция и огромная любовь к своему городу. Ради этого они даже смело меняли суть мифа, который лежал в основе трагедии.

Эсхил – основоположник гражданской по своему идейному звучанию трагедии. Один из самых замечательных его героев – Прометей, несгибаемый борец за высокие идеалы, символ борьбы за освобождение человека от тирании, воплощенной в образе жестокого Зевса. В творчестве Софокла характеры героев более сложны и многомерны, чем у Эсхила, они более естественны и приближены к простому человеку. Еврипида античная критика называла «философом на сцене», он откликался на самые животрепещущие проблемы современности. Своих героев Софокл определял, как людей, «какими они должны быть», а героев Еврипида, как людей, «какими они есть на самом деле».

Наиболее острым в политическом отношении жанром являлась комедия. Как и представления трагедий, комедии ставились по большим праздникам, авторы их так же состязались между собой и победители получали награды. К сожалению, большая часть пьес так называемой «древней комедии» до нас не дошла, но сохранился целый ряд произведений классика комедийного жанра Аристофана. Его творчество пришлось, главным образом, на время Пелопоннесской войны и первые годы после ее окончания. Естественно, что тема войны и мира стала для него важнейшей. Аристофан – решительный противник войны, критику ее он ведет от лица аттического крестьянства – того слоя граждан, который больше всего пострадал от военных действий.

Наследница карнавальных представлений древности, комедия в классическую эпоху превратилась в острейшее орудие критики как отдельных граждан, так и некоторых институтов и явлений. Это орудие было столь острым, что афинскому народному собранию пришлось принимать решение, запрещающее представлять на сцене критикуемых граждан под их собственными именами. В комедиях Аристофана действуют самые различные слои общества: политики и полководцы, воины и крестьяне, поэты и философы, горожане и рабы. Он достигает острых комических эффектов, соединяя реальное и фантастическое и доводя осмеиваемую идею до абсурда. Его критика грубовата, но удивительно смешна. Творчество Аристофана – подлинная энциклопедия жизни Афин, но энциклопедия карикатурная и пародийная. Единственные положительные герои автора – простые граждане-крестьяне, страстно мечтающие о мире и социальной справедливости. Свою порцию критики получают и боги. В некоторых комедиях Аристофана Афины предстают, как настоящий «перевернутый мир»: переодетые женщины первыми приходят на холм Пникс, место заседаний народного собрания, и принимают решения, много более мудрые, чем решения, принимаемые на обычных народных собраниях гражданами-мужчинами; женщины же обобществляют имущество граждан и создают справедливый строй и т.д.

Классическая эпоха была временем рождения и бурного развития историографии. «Отцом истории» справедливо называют Геродота. Отталкиваясь от опыта логографов, творчество которых имело, как правило, локальный характер, Геродот поставил перед собой задачу описать самое грандиозное событие недавнего времени – Греко-персидские войны. Геродот рассматривал их как один из этапов постоянного противостояния Европы и Азии, в силу чего он обращается к прошлому народов, вовлеченных в этот грандиозный конфликт. В результате его труд представляет собой серию очерков по истории этих народов. Геродот сам много путешествовал, кроме того, он собирал сведения у знающих людей. Поражает его любознательность и готовность понять без предубеждений народы, которые были чужды греческой культуры и которых обычно называли «варварами». Он отдает должное их достижениям, многое вызывает его одобрение и даже восхищение. Его книга стала настоящим откровением для современников, она открыла новые горизонты для эллинов. Причиной исторических событий Геродот считал намерения и деятельность отдельных людей, хотя в конечном счете им сознавалось наличие некоторых глубинных причин происшедшего.

Торжество рационального подхода к написанию истории являет труд младшего современника Геродота Фукидида, который дал описание следующего крупного катаклизма – Пелопоннесской войны. Его можно считать родоначальником исторической критики, поскольку он стремился из массы разнообразных и часто противоречивых сведений выбрать наиболее достоверные. Фукидид различает естественные причины начала войны и конкретные поводы, не смешивая их. Природа человека, согласно Фукидиду, представляет собой движущую силу его поступков, но та же самая природа заставляет действовать и большие коллективы людей, за всеми политическими событиями он видит рациональные причины. Вместе с тем Фукидид не отрицает и роли слепых сил, случая, стихийных событий. Взаимодействие рационального и иррационального может дать объяснение происшедшего.

Завершает триаду выдающихся историков периода классики Ксенофонт. Он продолжил труд Фукидида, который умер, не рассказав о последнем этапе войны. История Ксенофонта, несомненно, заслуживает внимания, но ему не хватает глубины понимания происходившего и тщательности в работе с источниками, которые характеризуют Фукидида. Если и Геродот, и Фукидид были каждый автором только одного произведения, то с Ксенофонта начинается традиция своего рода писателей-профессионалов. Перу Ксенофонта принадлежит большое число книг, посвященных самым различным темам. Особое место среди них занимает «Анабасис» («Поход десяти тысяч»), в котором рассказывается о том, как персидский царевич Кир Младший, набрав большое войско греков-наемников, поднял восстание против своего брата царя Артаксеркса и предпринял далекий поход. Ксенофонт принял участие в этом походе и очень ярко описал его, правда, несколько преувеличив свою роль.

Написал он и тенденциозный философско-исторический роман «Киропедия» («Воспитание Кира») о знаменитом основателе персидской династии Ахеменидов Кире. Главная цель его – обоснование монархического правления. Большой ценностью обладают «Воспоминания о Сократе» и «Апология

Сократа». Одна из главных положительных черт творчества Ксенофонта – его язык, очень простой и ясный, он считался в древности образцовым.

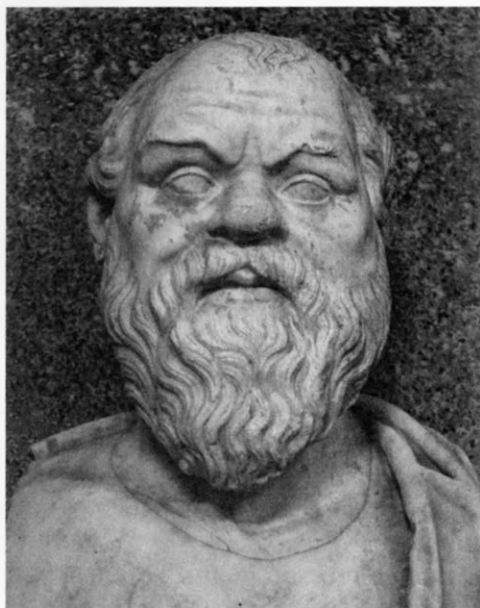
Сложная эволюция происходит в философской мысли Греции: в середине V в. до н.э. как своеобразная реакция на преобладание натурфилософии возникает софистическое движение, развитие которого связано в первую очередь с именами Протагора и Горгия. Это были странствующие учителя красноречия. Софизм возник из двух источников. Один порожден предшествующим развитием собственно философии, второй – реальными потребностями политической жизни. Натурфилософия практически не касалась гносеологических проблем, но теперь на повестку дня впервые в истории человечества встали вопросы о природе самого знания, об источниках знания и критериях объективной истины. Вторая причина кроется в развитии демократических институтов. Решение важнейших вопросов жизни во многом зависело от народного собрания и для «политического класса» стало жизненно важным умение доказать массе свою правоту и опровергнуть мнения оппонентов. Здесь также вопрос стоял в практически гносеологическом аспекте: мое мнение – правда, мнение оппонента – ложное.

Софисты нашли в Афинах времени Пелопоннесской войны готовый рынок для своих услуг в роли учителей. Младшее поколение, толпившееся в городе, с готовностью обратилось к софистам и с презрением отвернулось от родителей, ничего не смыслящих в новой мудрости. Протагор обучал этике, политике, математике и говорил, что не может знать, существуют боги или нет. Гипсий исследовал древнюю историю, составлял списки олимпийских победителей и рассуждал об астрономии, поэзии и музыке. Список было бы легко продолжить. Все богатство новых идей хлынуло в город, который всегда привлекал новизной.

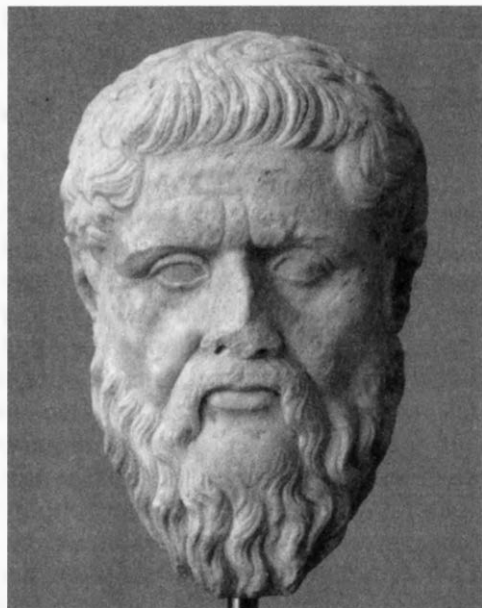
Поскольку «политический класс» состоял в большой мере из аристократов, приспособляющихся к жизни в демократическом полисе, то основная масса гражданства с определенным подозрением относилась к софистам и их взглядам. В политических теориях софистов и в их риторической изощренности граждане не без основания видели орудие подрыва демократии, средство обмана народа. Постепенно софисты отошли от теоретических проблем, сосредоточившись почти полностью на чисто практических вопросах и породив тем самым стойкую неприязнь к самому термину, который стал означать умение запутать оппонента в споре путем всяких хитроумных уловок.

Отчасти из отрицания софистики родилась идеалистическая философия Сократа, хотя многие сторонние наблюдатели считали Сократа типичным софистом. Правда, мы не можем быть уверены в том, что наши представления об его учении верны, поскольку он сам не оставил нам ни строчки и его образ сформировался на основании сведений о нем, собранных его учениками, в первую очередь Платоном.

Сократ создал так называемый «сократический» метод ведения дискуссии, утверждая, что истина рождается только в споре, в котором мудрец при помощи ряда наводящих вопросов заставляет своих оппонентов признать сначала неправильность их позиций, а затем справедливость собственных взглядов. Источник знания достигается, согласно Сократу, путем самопо-

Сократ. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э. Геттинген

Платон. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала. Середина IV в. до н.э. Мюнхен

знания, а затем — с помощью независимого духа, объективно существующей истины.

Важнейшее положение в общеполитических взглядах Сократа состояло в тезисе о профессиональном знании. Эта мысль явилась из наблюдений над греческой, в первую очередь афинской действительностью, где прогресс экономики порождал разделение труда и, соответственно, появление множества отдельных профессий. Естественным результатом наблюдений над жизнью общества стало утверждение Сократа о том, что занятие политикой также должно быть профессией, а люди, не занимающиеся ею профессионально, не имеют права на суждения о ней. Этот тезис приводил Сократа к непримиримому противоречию с самим духом афинской демократии, базировавшейся на том, что каждый гражданин должен принимать участие в управлении государством.

На последующие поколения оказал огромное влияние сам образ и облик мудреца, его жизнь и его смерть. Лишенный каких-либо амбиций, довольствующийся в жизни самым малым, занятый только поисками истины, доброжелательный даже в самом горячем споре, Сократ решительно выделялся на общем афинском фоне. К этому нужно добавить его принципиальность, готовность отстаивать свою гражданскую позицию даже против большинства сограждан. Суд над Сократом и смертный приговор, отказ от побега, вполне реального, еще более возвысили его образ в глазах последующих поколений.

Сократ, конечно, объективно был врагом афинской демократии и «внутренний голос» рядового гражданина не обманул, но смертный приговор стал результатом того катастрофического состояния духа гражданского

коллектива, в котором он находился в период непосредственно после окончания Пелопоннесской войны. Он был раздавлен военными поражениями, олигархическими переворотами, террором, гражданской войной. В таких условиях естественными стали поиски виновного, и Сократ оказался наиболее подходящей фигурой.

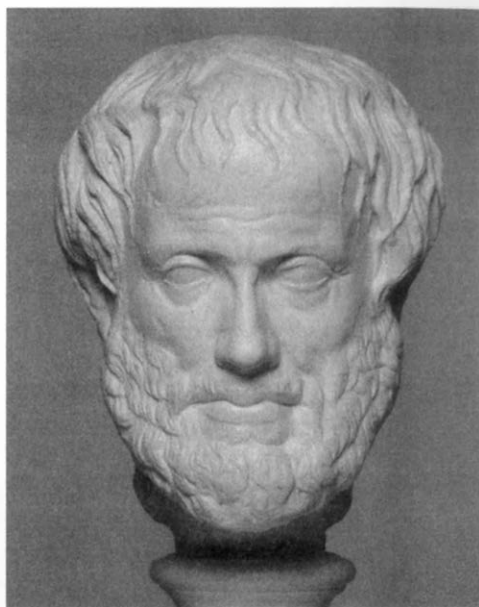
Следующий этап в развитии греческой философии связан прежде всего с именем ученика Сократа — Платона. Платон был создателем наиболее полной и законченной системы объективного идеализма в античную эпоху. Он считал, что единственная реальность — это мир вечных и неизменных идей, слабым отблеском которого является вещный мир. Отталкиваясь от этой концепции, Платон разработал и свою систему общественных отношений. В мире идей существует, естественно, и идея полиса.

Задача мудреца-законодателя состоит в том, чтобы создать на земле такой полис, который наиболее полно воплощал идеальный. Такой полис обладал бы устойчивостью и неизменностью. Основная цель Платона — противостоять изменениям, законсервировать на вечные времена идеальное состояние.

Платон разработал несколько вариантов полиса, более или менее приближенного к идеальному, но в какой-то мере сочетаемого и с реальностью. Особенно показателен один из таких проектов, суть которого состояла в том, чтобы разделить все население на три группы: 1) земледельцев, ремесленников и торговцев, занятых производством и обменом и не имеющих никаких прав; 2) стражей, занятых только военной службой и полицейскими обязанностями, лишенных имущества и семьи и посвятивших себя целиком делу защиты полиса; 3) мудрецов-философов, занятых управлением полисом и живущих той же суровой жизнью, что и стражи. Представляющий собой идеализированную версию древнего спартанского строя, этот проект, естественно, был абсолютно нереализуем. Платон пытался осуществить свои планы с помощью сицилийских тиранов, но ничего из этого не вышло, и философ едва не поплатился за это жизнью.

Явным нововведением, привнесенным Платоном в интеллектуальную жизнь Эллады, стала его школа, находившаяся в роще, посвященной местному герою Академу и потому получившая название Академия.

Из школы Платона вышел Аристотель, крупнейший мыслитель и ученый античности, оказавший огромное влияние на многие стороны интеллектуальной жизни мира в последующие века. Он тоже создал свою школу — Ликей. Натурфилософская система Аристотеля достаточно близка материалистической, но не идентична ей. В соответствии с его концепцией материя и

Аристотель. Римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э. Геттинген

форма неотделимы друг от друга, представляя две стороны единого жизненного процесса. Важнейший элемент натурфилософской системы Аристотеля составляло учение о движении, без которого нет ни материи, ни времени, ни пространства. Тем самым Аристотелем была создана всеобъемлющая научно-философская система – вершина всего, что античный мир оставил последующим поколениям.

Учение Аристотеля опиралось на значительный фонд наблюдений над природой и обществом. Ему принадлежат исследования о гносеологии, логике и математике, он первым создал классификацию животных и многое другое. Но наиболее весомый вклад был сделан Аристотелем и его учениками в изучение природы человеческого общества и особенно его высшей формы (как они считали) – полиса. В школе Аристотеля были собраны и проанализированы описания государственного строя 158 обществ, главным образом греческих полисов, но не только их. На этой базе Аристотель построил свое основное произведение общественно-политического цикла – «Политика», в котором он дал непревзойденный по глубине анализ полиса, его сущности, генезиса, типологии, причин и характера конфликтов в нем. Создал он и свой проект «идеального» полиса, который, в отличие от Платонова, был гораздо более реалистичным.

Суть проекта – основание полиса на отвоеванных у персов землях (в этом Аристотель предвосхитил эллинистическую эпоху). Работать на полисных землях должны будут варвары. В связи с этим он развил свое учение о предопределенности рабства для варваров, в отличие от греков. Аристотель отчетливо понимал, что на данном уровне развития производительных сил рабство абсолютно необходимо.

Очень глубоки были и экономические построения Аристотеля, который доказывал, что полисный строй жизни совместим только с определенным уровнем и характером экономики. Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений неизбежно приводит к серьезному экономическому неравенству, что неизбежно разрушает полис.

Важнейшее явление в развитии научных знаний Греции классической эпохи – начавшийся процесс дифференциации наук. В архаическое время, в период господства натурфилософии, последняя обнимала тогдашние науки, содержа в себе все позитивное знание того времени. Процесс развития познания мира неизбежно приводил к расщеплению знаний. Отделилась историография, в школе Аристотеля проводились исследования, которые можно назвать политологическими и социологическими. Отдельной отраслью науки стала математика и т.д.

Не менее важным было создание того, что мы с некоторой долей условности назовем высшим образованием. Примером служат две уже упомянутые школы – Академия и Ликей, которые можно рассматривать как далекие прообразы современных университетов и академий. Прославленная медицинская школа на о-ве Кос (наследие Гиппократ) также должна быть включена в этот список. Наконец, нельзя не упомянуть о школе красноречия, крупнейшем риторическом центре Эллады известного оратора Исократа, из которой вышли знаменитые ораторы, историки, политические деятели и полководцы. Главная цель обучения – не теоретическое исследование риторики (как это делал Аристотель), но практическое освоение методов ведения политической дискуссии, способов влияния на аудиторию. Глава школы был убежден, что изучение искусства красноречия закладывает фундамент

образования, формирует навыки для любой деятельности.

В беспокойной обстановке IV в. до н.э. процветала риторика, тем более что в частной жизни широкое распространение получили судебные процессы, а политики в народном собрании защищали свою деятельность и свои взгляды. Ни в один другой период не появилось такое созвездие одаренных ораторов. Демосфен, Эсхин, Гиперид, Гегесипп, Ликург, Исей, Лисий, Демад и другие послужили образцом для римских, а через них для европейских и американских ораторов. Величайшим из них, несомненно, был Демосфен, который пробуждал у аудитории нужные ему эмоции, и, пожалуй, единственное, чего ему недоставало, это юмора.

Картина культурной жизни полиса была бы неполной, если не упомянуть о праздниках. В Афинах, например, насчитывалось около 60 празднеств, некоторые из которых продолжались по несколько дней. Именно в праздничных зрелищах наглядно проявился всенародный характер культуры, ее демократизм и свойственный жизни древних греков дух соревнования, стремление превзойти других и тем самым достичь наивысшего совершенства.

Итак, классический период был временем быстрого подъема культуры практически во всех сферах. Причина этого, с нашей точки зрения, кроется в резко убыстрившемся темпе общественного развития. В таких условиях конфликты старого и нового приобрели такую остроту и глубину, которых общество ранее не знало. Общество искало свою новую идентичность, и это заставляло представителей интеллектуальной и художественной элиты напрягать свое воображение и пытаться найти ранее неизвестные способы, чтобы пробиться к умам и сердцам своих современников. Наконец, надо подчеркнуть роль демократических режимов, как почвы, на которой произрастали новые явления в культуре. Одно во всяком случае совершенно ясно: чем большей полнотой отличался демократический строй, тем более высокий уровень культуры ему соответствовал.

Стела Гегесо. Около 400 г. до н.э.

ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА НАРОДОВ ИТАЛИИ

В Италии задолго до политического возвышения Рима существовало несколько очагов культурного развития. Среди них, в первую очередь, следует назвать Этрурию. Этрусские города славились ремеслами, торговлей и были центрами художественной жизни. Художественный стиль, характерный для Этрурии конца VIII – VII в. до н.э., сформировался под значительным

влиянием культурных традиций Востока и потому называется «ориентализующим». Главными центрами распространения этого стиля были Вейи на правом берегу Тибра недалеко от Рима, а также приморские города. Этруски превосходно владели искусством литья, чеканки и гравировки бронзы. Поэтому даже их традиционная глиняная черная с блестящей поверхностью керамика «буккери», которая украшалась гравировкой и накладными рельефами, имитировала металл. Успешно развивалось искусство ваяния и живописи. В Вейях процветала школа скульпторов, а ее мастера пользовались всеобщим признанием. Знаменитый скульптор Вулка был приглашен римлянами в конце VI в. до н.э. для украшения Капитолийского храма. Статуи изготавливались из местных пород камня или из терракоты и, как в Греции, обязательно раскрашивались, что придавало им сходство с живой натурой. Ярким образцом этрусской скульптуры этого времени является статуя Аполлона из Вей.

По свидетельству античных авторов, живописи этруски учились у греческих мастеров из Коринфа, поэтому она стилистически была близка греческой. Образцы этрусской живописи сохранились на стенах гробниц. Известны своими росписями склепы Тарквиний и Цере. Сюжеты росписей брались из греческих или этрусских мифов и сказаний о Троянской войне. Часто изображались наиболее важные эпизоды повседневной жизни этрусков: гадание жрецов по полету птиц, состязания борцов, игры гладиаторов, которые первоначально были формой ритуальных человеческих жертвоприношений. Отсюда происходит традиция римских гладиаторских боев, которые впервые состоялись в 264 г. до н.э.

Захоронение в склепах не было единственно возможным погребальным обрядом у этрусков. Отличался в этом отношении г. Клузий, который находился во внутренних районах Этрурии и сохранял близость к культуре древних италиков. Клузийцы кремировали своих покойников, а прах помещали в бронзовые или глиняные сосуды, с крышкой в виде скульптурной человеческой головы, которая напоминала облик усопшего. Иногда на крышке урны присутствовала скульптурная группа, изображавшая покойного в кругу своей семьи. Изображения людей в пластике и живописи можно считать началом портретного искусства, которое достигло расцвета в III–II вв. до н.э., когда этрусская школа мастеров портрета стала самой влиятельной в Западном Средиземноморье. Наиболее ярким произведением этрусского искусства I в. до н.э. является бронзовая статуя, изображающая оратора Авла Метелла. Скульптор передал мельчайшие подробности лица Метелла и его фигуры. Эта скульптура, несомненно, выполнена под влиянием греческих образцов, но не потеряла при этом этрусской самобытности.

Городская жизнь Этрурии не мыслима без храмового строительства. Сначала храмы строились из кирпича-сырца на каменном фундаменте и отличались небольшими размерами, но облицовывались терракотовыми плитками, что придавало им нарядный вид. Позже с распространением каменного строительства стало возможным возводить храмы больших размеров со скульптурными украшениями на фронтонах. Важной архитектурной деталью этрусского храма, отличавшей его от греческого, являлся открытый со всех сторон портик для наблюдения за небом.

Повседневная жизнь этрусков была тесно связана с окружающим их миром, поэтому искусство интерпретации явлений природы (например, ударов молнии или полета птиц), в которых проявлялась божественная воля, пользовалось в обществе большим уважением. На стенах могилы «Авгуров» в Тарквиниях сохранилась роспись, где представлено гадание жрецов по полету птиц. Наибольший авторитет в этруском обществе имели прорицатели – гаруспики, которые определяли будущее по внутренностям жертвенных животных (главным образом печени). Римляне обращались к искусству гаруспиков в особо важных случаях. Так, Тит Ливий рассказывает, что во время закладки Капитолийского храма была найдена человеческая голова. Призванные из Этрурии прорицатели объявили, что Рим будет главой мира. Свои обязанности предсказателей гаруспики исполняли до конца классической древности. В последний раз к ним обращались в 408 г. н.э., когда Рим был окружен готами Алариха.

Серьезные наблюдения над знаками божественного происхождения требовали их письменной фиксации, которая легла в основу учения, известного под названием *disciplina etrusca* и оформленного во II в. до н.э. Запись прецедентов сопровождалась рассказами о событиях, которые рассматривались как следствие предзнаменований, и могли иметь ценность в качестве исторических свидетельств. Подобные рассказы вошли в жреческую хронику, положившую начало этруской историографии. Одним из ее представителей является современник Цицерона Авл Цецина, автор сочинения «Об учении этрусков», в котором легендарная традиция дополнялась рассказами об историческом прошлом этруского народа.

Среди этруских богов наиболее известна триада, в которую вошли Тиния (Тин) (бог неба), Уни и Менрва, ставшие впоследствии прообразом римской Капитолийской триады – Юпитера, Юноны и Минервы.

Доримский период Италии представлен также кампанской культурой, которая являла собой синтез этруских, итальянских (осских и самнитских) и греческих культурных традиций. Ее своеобразие сохранялось даже после римского завоевания этого региона. Кампанская культура оказала огромное воздействие на культуру италиков. Особую роль в этом процессе сыграл г. Кумы, откуда распространилось по Италии учение философа Пифагора и другие духовные достижения греков. Под влиянием этрусков и греков сформировалось итальянское искусство, отличительной чертой которого является реалистическое изображение окружающего мира. Частью общеталийского культурного процесса было становление латинской традиции, в лоне которой с древнейшего времени развивалась римская культура.

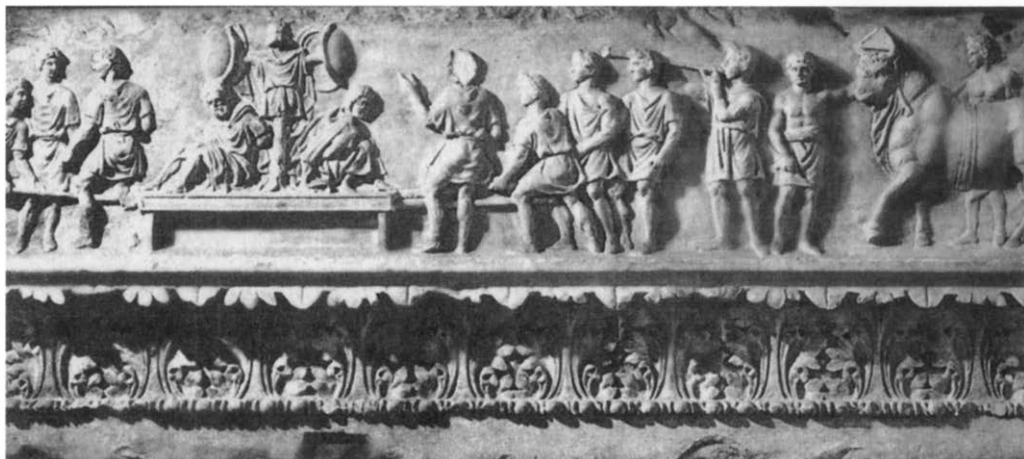
Римская культура сформировалась на основе особой системы ценностей, которая сложилась в условиях становления гражданского коллектива, сопровождавшегося длительным противостоянием сословий патрициев и плебеев и непрерывными войнами. Война с древнейшего времени стала формой хозяйственной деятельности. Не случайно поэтому «воинская доблесть» (*virtus*) занимает главное место в римской системе ценностей. Все римские граждане начиная с 17 лет осваивали ремесло воина. Обязанность служить в войске никогда не определялась законом, но рассматривалась как неотъемлемая часть бытия гражданского сообщества, воплощенного в «обычаях предков» (*more maiorum*), которые в представлении самих римлян образовывали фундамент их государства.

Римская армия известна своей строгой дисциплиной, которая часто достигалась суровостью наказаний. Та, в свою очередь, уравнивалась системой наград, отмечавшей любое проявление доблести. Самыми распространенными наградами служили венки, которые давались за спасение на войне жизни сограждан, за восхождение первым на стену осажденного города, за освобождение города от осады. Венки по значимости превосходили такие награды, как бляхи, цепи, браслеты, золотые и серебряные предметы. Награды поощряли проявление инициативы воина, которая, тем не менее, не должна была выходить из-под контроля командира (консула или диктатора с империем).

Высшим проявлением воинской славы считалась победа в единоборстве с неприятелем. Правда, единоборец должен был получить разрешение от военачальника на сражение вне строя, в противном случае его поступок превращался в антидоблесть. Конечной целью единоборства была не просто победа, но приобретение видимых свидетельств чести – военных трофеев, обладание которыми издревле составляло часть римской аристократической культуры. Под военными трофеями, в первую очередь, понимались снятые с неприятельского полководца латы, так называемые «тучные доспехи». Они помещались в святилище Юпитера Феретрия на Капитолии. Первым единоборцем и обладателем «тучных доспехов» был основатель Рима – Ромул. Вплоть до I в. до н.э. единоборство оставалось уделом молодых аристократов-нобилей, которые стремились стяжать личную славу. Их подвиги воспевались в песнях, которые исполнялись на пирах и закрепляли ценности и нормы поведения, сложившиеся в аристократической среде и распространившиеся со временем на весь гражданский коллектив. Победа в единоборстве давала знатному юноше хороший старт для политической карьеры.

Римские полководцы всегда заботились об увековечении воинской славы в виде сооружения памятника, составления надписи, возведения общественного здания или храма. Рубеж IV–III вв. до н.э. ознаменовался постройкой храмов в знак военных побед, одержанных представителями римской знати. В 296 г. до н.э. цензор Аппий Клавдий Цек дал обет посвятить храм богине войны Беллоне. Все возрастающая прибыльность войн, которые вел Рим, давала возможность военачальникам-консулам использовать часть добычи на постройку монументов, прославляющих их победы. Первый такой монумент, ознаменовавший покорение Италии, был возведен на Бычьем Форуме. В результате ко времени Августа Рим стал своего рода «музеем под открытым небом». Постепенно укрепилась традиция использовать захваченное у неприятеля оружие для украшения не только общественных мест, но и частных домов, которая приобрела небывалый размах, когда римские легионы воевали уже в отдаленных районах Средиземноморья.

Воплощенная в камне слава принадлежала не только потомкам героя, но становилась достоянием всего гражданского коллектива. Обладание доблестью зависело от самого человека и противопоставлялось «судьбе» (*fortuna*), которая зависела от расположения божества. Доблесть давала право претендовать на власть (*potestas*), поэтому нигде в античном мире военная служба не оказывала такого влияния на политическую карьеру гражданина, как в Риме.

Триумфальная процессия. Барельеф. Мрамор. I в. до н.э. Рим

Признанием побед военачальника была заимствованная у этрусков церемония триумфа. Триумф назначался полководцу сенатом при условии, что в одном сражении были убиты не менее 5 тыс. врагов. В день триумфа виновник торжества, облаченный в расшитую золотом тогу, с лавровым венком на голове, въезжал в город на позолоченной колеснице Юпитера, запряженной четверкой белых коней. Триумфатор на один день отождествлялся с богом, поэтому за его спиной стоял государственный раб, который повторял ему: «Помни, что ты человек!». Впереди процессии провозили на колесницах военные трофеи, затем следовали знатнейшие пленные в оковах, за ними – жертвенные животные для приношения Юпитеру Капитолийскому. Триумфальное шествие замыкало победоносное войско. Все, кроме пленных неприятелей, направлялись к Капитолию, где триумфатор приносил в жертву Юпитеру быка. Если победа была не столь громкой, полководец получал разрешение на малый триумф, или ование. В этом случае он въезжал в Рим верхом или шел пешком, одетый в тогу с пурпурной каймой и с миртовым венком на голове, и приносил в жертву овцу. Восковые изображения триумфаторов и магистратов хранились в домах римских нобилей и были наглядной демонстрацией славы их предков. Они выставлялись во время похоронных процессий, постоянно напоминая потомкам и согражданам о том, что величие Рима есть величие подвигов его лучших мужей.

Воинская доблесть не мыслилась без «благочестия», под которым римляне понимали соблюдение религиозных предписаний, что должно было гарантировать им благосклонность и защиту со стороны божественных сил. Благочестие считалось одним из устоев римского общества, а участие в общественной сакральной практике – признаком добропорядочного гражданина. Это участие сплачивало общество и воспитывало в его членах гражданские добродетели.

Чтобы не нарушить мира с богами, главным было правильно определить божественное волеизъявление. Этой цели служила *дивинация* – интерпретация знаков небесного происхождения. Наибольшее распространение у римлян получило наблюдение за полетом птиц – *ауспиции*. Ни одно сколько-

нибудь значимое частное или общественное дело римляне не совершали без ауспиций. Обязанность наблюдения за птицами возлагалась на жрецескую коллегию авгуров. Для этого авгур делил небо на четыре воображаемые части и выбирал участок для ауспиций. Из всех птиц отдавалось предпочтение коршунам, но использовались также дятел, орел, ястреб, ворон, ворона и ночная сова, которые предвещали не только полетом, но и криком. Между птицами существовала иерархия, и знамение данное орлом, имело большее значение, нежели знамение ворона. Принималось в расчет и время появления знамения: одни отдавали предпочтение первому знаку, другие – последнему. Иллюстрацией в данном случае может служить история близнецов Ромула и Рема. Не зная, чьим именем назвать только что основанный город – будущий Рим, они обратились к птицегаданию. Рем первым увидел знамение – шесть коршунов, тогда как Ромулу предстало двойное число птиц. Вопрос о том, кто из братьев станет царем основанного города, решился в кровопролитной схватке. По одной из версий, в сумятице Рем получил смертельный удар.

Поскольку война была нормальным состоянием общества, особое значение в Риме приобрели военные ауспиции. Когда войско пересекало священную границу города (*померий*) и оказывалось во враждебном мире, единственной защитой для человека становились его боги, дававшие уверенность в начале предприятия. На войне гадание по полету птиц весьма рано было заменено *трипудием* – наблюдением за священными цыплятами во время их кормления. Если цыплята с жадностью клевали корм, это считалось хорошим знаком, и можно было начинать сражение, если же они отказывались от пищи, то сражение следовало отложить. При каждом военачальнике состоял свой «пулларий» (досл. «цыплатник») – человек, следивший за поведением священных цыплят.

Не менее важным было гадание по птицам и для городских дел: ауспиции предшествовали выбору магистратов и созыву народного собрания, и если признавались неблагоприятными, собрание отменялось. В то же время знаменем, которого не просили у богов, можно было пренебречь. Так, консул Марк Клавдий Марцелл, когда задумывал какое-нибудь предприятие, отбывал из дому в закрытых носилках, чтобы не смущаться никакими ауспициями. Искусство наблюдения за небом со временем было доведено до такого совершенства, что приобрело вид своего рода научной системы. Основные знания составили содержание специальных книг, которые велись коллегией авгуров.

Плохие знаки означали гнев богов и требовали исполнения искупительных обрядов, с помощью которых римляне восстанавливали нарушенный мир с богами, добивались доверия и признательности с их стороны. Именно в этом состояло благочестие, которое в представлении самих римлян отличало их от других народов. «Мы не превзошли, – писал Цицерон, – ни испанцев своей численностью, ни галлов силой, ни пунийцев хитростью, ни греков искусствами ...; но благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превзошли все племена и народы».

В отличие от этрусков римляне с помощью ауспиций стремились узнать не будущее, но определить, благоволят ли боги задуманному делу. И только в особых случаях по решению сената они обращались к книгам пророчи-

цы Сивиллы. Считалось, что Сивилла может предсказывать на тысячу лет вперед. Римская историческая традиция сохранила рассказ о том, что сама Сивилла предложила царю Тарквинию Древнему купить девять книг пророчеств. Царь отказался, тогда Сивилла сожгла три книги и вновь повторила свое предложение. Царь снова отказался, и Сивилла сожгла еще три книги. Тарквиний купил оставшиеся три книги. Они сгорели в пожаре, охватившем Рим в 83 г. до н.э., но при Августе их содержание было восстановлено. Книги были тайными и хранились в храме Юпитера Капитолийского. Они находились в ведении квиндецемвиров – коллегии из пятнадцати жрецов. Последнее обращение к Сивиллиным книгам относится к 363 г. н.э. Окончательно они были уничтожены в правление вандала Стилихона (395–408 гг.).

Авгуры и квиндецемвиры входили в число основных жреческих коллегий Древнего Рима. Однако ведущее положение в вопросах культа принадлежало коллегии понтификов. Ее возглавлял «великий понтифик», который наблюдал за отправлением всех общественных и частных культов. Официальной резиденцией великого понтифика служила Регия, где также хранились документы коллегии. В коллегию понтификов входил «царь священнодействий», который был ближайшим помощником ее главы в вопросах культа и объявлял народу праздники текущего месяца.

С древнейшего времени понтифики вели записи, которые стали основой как правовой науки, так и историописания. Особое значение для культурной жизни Рима приобрели анналы понтификов. Они выросли из погодных календарных записей, в которых в первую очередь отмечались праздничные дни, сопровождавшиеся важными для гражданского коллектива событиями, «черные дни», в которые нельзя было начинать ничего нового, «судебные дни», когда можно было вершить суд и заключать сделки, и дни народных собраний. Содержание этих записей свидетельствует о том, что занятия священнодействиями и правом пересекались в деятельности понтификов. С начала V в. до н.э. в анналы стали заноситься имена консулов и других магистратов. Тем самым календарные записи превратились в «государственную» летопись, став основой для «Великих анналов», завершивших развитие жреческой историографии в век Августа.

Под надзором великого понтифика находились весталки и фламины. Весталки поддерживали в очаге храма богини Весты вечный огонь, который символизировал благополучие Римской общины. Погасший огонь служил предзнаменованием бедствий. Коллегия весталок состояла из шести девушек, которых великий понтифик отбирал в возрасте от шести до десяти лет для служения богине. Покидая свою семью, девочки выходили из-под отеческой власти, которую теперь для них заменяла власть великого понтифика. В течение тридцати лет весталки должны были хранить целомудрие, что компенсировалось их высоким общественным положением. Например, весталка, автоматически освобождаясь от отцовской власти, могла составлять завещание, даже при жизни отца. Поэтому спустя тридцать лет многие из них предпочитали несение жреческих обязанностей мирской жизни. Однако, если весталка нарушала обряд целомудрия, ее заживо зарывали в землю.

Фламины были жрецами пятнадцати богов и богинь римского пантеона. Среди них выделялись три «старших» фламينا, происходившие из патрицианских семей. Их обязанности были связаны с культами Юпитера, Марса

и Квирина – богов, составлявших древнейшую римскую триаду. Жреческий сан фламинов предполагал соблюдение многочисленных табу. В частности, фламину Юпитера запрещалось ездить верхом, видеть вооруженное войско, отлучаться из Рима даже на одну ночь. В случае смерти жены он должен был отказаться от своей должности. Подобные ограничения препятствовали фламину заниматься политикой и делали непопулярным это жречество среди римских аристократов.

Помимо жреческих коллегий в Риме существовали культовые братства, члены которых приобретали жреческий статус, участвуя в ритуалах других жреческих коллегий. К числу таких братств относятся салии – двадцать четыре жреца, которые выполняли ритуальные пляски с оружием во время священнодействий в честь бога войны Марса. В отправлении культа богов земледелия принимали участие арвальские братья – двенадцать жрецов, происходивших из сенаторского сословия. Точное соблюдение принципов международного права (объявление войны или заключение мирных договоров) было возложено на двадцать жрецов-фециалов. Они также представляли Рим в переговорах, которые велись на чужой территории, но только в границах Италии.

Особенностью римской религиозной системы является взаимодействие сакральной и политической сфер. Авторитет членов жреческих коллегий основывался на их знаниях правил общения с богами, а не на особой святости. Жрецы делились этими знаниями с магистратами и рядовыми гражданами, помогая им при совершении обрядов и ритуалов и делая их сопричастными сакральной практике. В то же время жертвы от имени всей общины приносил высший магистрат, а основные решения по вопросам культа принимал сенат. Многие члены жреческих коллегий одновременно заседали в сенате, а их деятельность осуществлялась с обязательным участием светской власти, по ее приказу и под ее контролем.

Превращение Рима во время правления «этрусской династии» (VII–VI вв. до н.э.) в цветущий город делало насущным обретение общего символа, который олицетворял бы единство его обитателей. Для греков этим символом была история об основании города. Римляне в этом отношении не являлись исключением. Они имели две легенды об основании своего города: одна связывала его начало с близнецами Ромулом и Ремом, другая – с Энеем. Основатель Эней сделал Рим частью греческой цивилизации, определив его международный статус. Легенда о Ромуле и Реме – местного происхождения. По свидетельству источников, курульные эдилы братья Огульнии в 296 г. до н.э. поместили изображения Ромула и Рема под статуей волчицы на Палатине, что указывает на существование у римлян к началу III в. до н.э. легенды о близнецах. Правда, эта легенда приобрела художественно оформленный вид также под влиянием греческой мифологии.

Одним из излюбленных жанров исторических сочинений для южноиталийских греков было «основание городов», в которых Рим уже занял заметное место. Когда Рим начал распространять свое влияние на греческие области Италии, у римлян появился стимул предложить свой вариант легенды, которая воспроизводила бы сложные хитросплетения греческих сказаний. Легенда об основании Рима впервые появилась в сочинении римского историка Фабия Пиктора (конец III в. до н.э.), написавшего свой труд на греческом языке. Так, стремление обрести свое прошлое в легенде об основании города

дало импульс развитию римской историографии, а римские историки усвоили практику изложения своей истории «от основания Города» (т.е. Рима).

О возросших экономических возможностях Рима в этот период свидетельствует внимание к благоустройству повседневной жизни. В римском обществе совершалась «бытовая революция», которая отвечала новым материальным и духовным потребностям граждан. Еще в 312 г. до н.э. во время цензуры Аппия Клавдия Цека началось строительство первого акведука – Аппиевого водопровода, который наладил бесперебойное снабжение города водой. Во второй половине II в. до н.э. закончилось сооружение самого мощного водопровода республиканского Рима протяженностью в 91 км, который доставлял воду на Капитолий. Необходимость постройки водопроводов свидетельствует о численном росте римского городского населения.

Для удобства ведения судебных заседаний и других общественных дел строятся общественные здания – базилики. Первой из них была Порциева базилика, возведенная в 184 г. до н.э. Совершенствовались также жилища самих римлян. Тесные и темные хижины заменялись к III–II вв. до н.э. вполне комфортабельными домами с большим помещением в центре – *атрием*, в котором находился очаг. За атрием располагался кабинет хозяина – *таблин*. По коридору можно было попасть в *перестиль* – внутренний открытый двор с колоннадой. По сторонам находились жилые и рабочие комнаты: спальня, столовая (*триклиний*) и другие. Дома знати начали украшаться предметами роскоши, хлынувшими в Рим после победы над сирийским царем Антиохом Великим и покорения Греции (II в. до н.э.): чеканным серебром, коринфской бронзой, творениями скульпторов и художников.

Изменились и гастрономические пристрастия римской аристократии, тратившей немалые средства на приобретение для пиров диковинных пород рыб и птиц, редких специй и экзотических фруктов. Мотовство римских нобилей Поздней республики породило законы, ограничивающие расходы на роскошь. Законы регламентировали украшения в одежде, определяли число участников застолья, ограничивали затраты на пиры. Формально они применялись ко всем гражданам, но на практике адресовались правящему слою (нобилитету). Эти законы должны были сохранить равенство в рядах римской аристократии и соблюсти унаследованные от предков правила политической игры, затрудняющие плутократам (богатым, но незнатным) проникновение в политику.

Покорение Италии сопровождалось строительством дорог, которые стали важным фактором создания Средиземноморской державы. Строительство дорог сопровождалось возведением мостов через реки и ущелья и дамб на заболоченных территориях. Первой была проложена Аппиева дорога, которая соединяла Рим и Капуя. В 306 г. до н.э. началось строительство второй, Валериевой дороги, которая явилась продолжением уже существовавшей дороги между Римом и Тибуром и обеспечила надежную связь с Кампанией. Дороги облегчали связь между стратегически важными районами, поэтому их строительство оказывалось под силу лишь государству, которое сможет не допустить неприятеля к коммуникациям подобного уровня. Строительство дорог усиливало военную мощь и потенциальные возможности римской державы*.

* Текст в угловых скобках написан Б.С. Ляпутиным.

Основной социально-экономической ячейкой античного Рима являлась фамилия. На всем протяжении существования римского общества и государства она выступала одним из важнейших его институтов, со становлением и расцветом которой непосредственно связывалось его развитие и процветание. А возникавшие внутри фамилии проблемы порождали кризисные явления в различных сферах жизни общества: от политики и экономики до культуры и идеологии.

Формально фамилия была малой патриархальной семьей римских граждан (вне зависимости от ее размера). Однако она отличалась от семейных групп других обществ. Главной особенностью римской фамилии было то, что стоявший во главе ее домовладыка (*pater familias*) обладал полной «отеческой властью» над всеми членами семейной группы: женой (если брак сопровождался переходом под власть мужа), детьми и внуками – родными и усыновленными. Властная семейная структура свое наивысшее выражение находит в праве главы фамилии распоряжаться жизнью и смертью подвластных лиц.

Власть отца семейства имела сакральные основания. Домовладыка был главой семейного культа поклонения покровителям дома, ларам и пенатам, в котором принимали участие все, как свободные, так и рабы. Этот религиозный культ был унаследован фамилией еще от родовой структуры. Почитание предков и забота о поддержании домашнего очага и его чистоты считались главной обязанностью римского гражданина. Поэтому право возглавлять и организовывать религиозный культ и способность выявлять волю богов с помощью гаданий (*ауспиций*) и наделяли отца семейства властными полномочиями в семье. Все остальные формы деятельности – мудрое и рачительное хозяйствование главы семьи ради экономического процветания фамилии, продолжение рода в детях, а затем и передача всего семейного комплекса наследнику после смерти главы, – служили главными условиями обеспечения непрерывности фамильных священнодействий.

Вместе с обязанностью отпращивать семейный культ преемник получал по наследству и власть над семьей, а также право безраздельно распоряжаться всем движимым и недвижимым имуществом фамилии, в состав которого римляне включали и рабов, которые, так же как и другие подвластные лица, подчинялись его власти. Уже в Законах XII таблиц под фамилией подразумевали как группу лиц, связанных семейными узами, так и имущество. Таким образом, главной особенностью римской фамилии был ее властный характер: вся организация жизни и деятельности семейной группы вращалась вокруг власти отца семейства. Поэтому принадлежность к семье определяется подчинением домовладыке, главе семейного культа и единственному обладателю личной власти и семейного имущества. Сами римляне считали отеческую власть исключительно римским институтом, неизвестным в такой форме другим народам.

В эпоху расцвета республики малая семья раздвигает свои границы. У нее возникает обширная и многообразная собственность, которая в добавление к социальной замкнутости способствует все большей экономической самостоятельности римской фамилии. Ее отличает сложная структура, характеризующаяся переплетением потестарных и кровнородственных отношений (совместным состоянием под властью домовладыки и общим происхождением). В орбите влияния знатных и богатых семей находились значительные слои свободного населения: отпущенники, клиенты, и др. И наконец, у каж-

дой семейной группы сохраняется собственный религиозный культ, восходящий к культу предков, со своим главой. Все эти черты превращают римскую фамилию фактически в семейно-родовую общину. Существование сакрально чистой и экономически крепкой семьи служило залогом процветания всей римской гражданской общины. И поэтому жизнь фамилии и деятельность ее главы находилась под контролем римского гражданского коллектива.

Фамилия также играла центральную и определяющую роль в формировании состава и структуры римского гражданства (*civitas*), так как войти в его состав можно было только через фамилию. Община регулировала этот процесс и определяла принципы и механизмы его пополнения. Вне фамилии не мог стоять ни свободный, ни раб. Войти в нее или выйти можно было лишь под контролем общины или, по крайней мере, с ее ведома. Так, в Риме широкое распространение получила практика «усыновлений», игравшая в семейных стратегиях не меньшую роль, чем заключение брачных союзов. Процедура усыновления различалась в зависимости от того, находился ли усыновляемый под отеческой властью или сам принадлежал к разряду домовладык. В последнем случае возникала необходимость прибегнуть к обряду усыновления в народном собрании (*адрогации*), которое санкционировало такое изменение семейного статуса. Усыновленный, попадая под власть домовладыки, принимал его имя и участвовал в фамильных культах.

Домовладыка был единственным в римской гражданской общине полноправным лицом в сфере частного права и представлял интересы фамилии за ее пределами при различных спорах и конфликтах. Подвластные сыновья были сильно ограничены в имущественной правоспособности.

Эта особенность фамилии накладывала отпечаток на жизнь всей римской гражданской общины и формировала два вида связей для полноправного римлянина внутри гражданского коллектива. С одной стороны, прямая, ничем не опосредованная связь каждого гражданина с политической и военной структурой своего государства и активное участие в его деятельности обеспечивали равенство всех граждан. С другой – для подвластных сыновей, являвшихся полноправными гражданами (с точки зрения их гражданского статуса), существовало безусловное подчинение власти главы фамилии. Это порождало массу коллизий в ситуациях, когда такие сыновья избирались на высшие должности в римской гражданской общине, и во время отправления ими магистратуры появлялся отец семейства. Такие случаи были предметами рассмотрения философов и юристов, которые сформулировали принцип: «В общественных местах и делах отцовские права рядом с правами сыновей-магистратов приостанавливаются».

Соотношение и взаимодействие упомянутых двух видов связей не оставалось неизменным. Превращение Рима из небольшой гражданской общины в Средиземноморскую державу и сопровождавшие его рост торговли и усложнение социально-экономических отношений настоятельно требовали более равноправного участия в хозяйственном обороте всех римлян, будь то отцы семейств или подвластные сыновья. Именно с этим можно связать распространение практики освобождения детей из-под отеческой власти (эманципации) и последовательную разработку римскими юристами системы исков, по которым домовладыки несли ответственность перед третьими лицами за сделки, заключенные подвластными членами фамилии (как детьми, так и рабами).]

ЗАВОЕВАНИЯ И ДЕРЖАВА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ

Пока полисы Эллады в течение IV в. до н.э. ссорились друг с другом, пытались справиться с внутренними смутами и строили планы завоевания новых земель на Востоке, на севере Греции крепла новая сила.

Древняя Македония расположена в северной части Балканского п-ова. С юга она граничила с Фессалией и п-овом Халкидика, на западе – с Иллирией, на востоке – с Фракией. Долгое время она представляла отсталую периферию Эллады, хотя обладала достаточно обильными ресурсами и благоприятными природными условиями для земледелия и скотоводства, в том числе коневодства. Здесь имелось несколько плодородных долин, обеспечивавших ее продуктами, особую ценность представляли леса, откуда поступал материал для строительства кораблей по всей Греции. Центральная власть отличалась слабостью, значительную роль играла местная знать, основная же масса крестьян была свободной и экономически независимой. Определенную роль в жизни Македонии еще в V в. до н.э. играли пережитки племенного строя, что проявлялось в стремлении правителей крупных областей к самостоятельности. Цари Македонии упорно стремились укрепить свою власть, преодолевая сопротивление знати. Результатом этого были частые конфликты, но хотя и медленно, царская династия Аргеадов усиливала контроль над страной и расширяла ее границы. Свою роль играло и приобщение македонян к эллинской культуре. Процесс консолидации царства начался в V в. до н.э. с объединения Нижней Македонии под властью царя, чему способствовали ослабление Афин в конце V – начале IV в. до н.э. и распад Афинского морского союза.

Возвышение Македонии связано преимущественно с деятельностью царя Филиппа II (359–336 гг. до н.э.) – одной из ярких фигур того времени, талантливого полководца, крупного государственного деятеля, умелого и хитрого дипломата. Беспорочно храбрый, в сражениях он не только руководил армией, но и лично вел в бой отборные отряды, удар которых обычно решал судьбу сражения. В битвах он потерял глаз, получил тяжелое ранение в ногу и поэтому хромот.

Наделенный политической мудростью, Филипп обычно правильно намечал задачи своей политики и целеустремленно шел к ним, не отступая ни перед какими затруднениями. Для достижения своих целей он искусно комбинировал чисто военные и дипломатические методы. Хитрый политик, он умело находил союзников и столь же успешно ссорил противников, подкупал политиков, вербовал сторонников, ловко обманывал и друзей, и врагов. Типичный представитель македонской знати со всеми присущими ей чертами, Филипп отличался жестокостью по отношению к врагам и щедростью к друзьям. Источники пишут о неукротимости его нрава, вспыльчивости и любви к необузданным пирам.

Основной массив сведений о Филиппе происходит из речей его непримиримого врага знаменитого оратора Демосфена, считавшего Филиппа

и всех македонян варварами и боровшегося против македонской агрессии на протяжении многих лет. Но некоторые античные историки прославляли Филиппа, например, историк Феопомп писал: «...никогда еще Европа не знала такого мужа, каким был Филипп, сын Аминты». Филипп видел свою задачу в сплочении страны, расширении ее территории и превращении Македонского царства в сильнейшую державу.

Приход Филиппа к власти был не вполне законным. В 359 г. до н.э. старший брат Филиппа царь Пердикка III вместе с несколькими тысячами своих воинов погиб в сражении с иллирийцами, и царем провозгласили его сына, которому не исполнилось еще шести лет, а регентом назначили Филиппа (ему было тогда 23 года). После того как ему удалось стабилизировать ситуацию, которая многим казалась совершенно катастрофической, общее собрание войска, которое играло в Македонии важную роль, провозгласило царем Филиппа, что не могло произойти без инициативы самого регента.

Важнейшим из преобразований Филиппа стала его военная реформа. В ранней молодости Филипп в качестве заложника провел несколько лет в Фивах, где познакомился с замечательным полководцем Эпаминондом. Сочетание греческих и македонских принципов послужило основой для создания новой армии. В Македонии традиционное ядро вооруженных сил составляла конница, в которой служила знать, пешее же войско было слабым и неэффективным. Филипп из рядовых крестьян создал мощную пехоту. Ее военные подразделения, называвшиеся, как и в Греции, фалангой, отличались от нее своим вооружением и построением. Все воины имели шлем, кожаный панцирь, небольшой круглый щит, короткий меч и длинное копье (сариссу), достигавшее 5,5 м в длину. Македонская фаланга имела в глубину до 16 рядов. Сокрушить ее с фронта практически не представлялось невозможным, а ее фланги защищала кавалерия. Кроме этих двух частей в армию входили также легковооруженные воины, прашники и лучники. Своим вооружением, выучкой и дисциплиной армия Филиппа превосходила военные силы греков. Царь сам тренировал ее, заставляя ежедневно совершать длительные переходы независимо от времени года.

Филипп реорганизовал и государственное управление, уничтожив полусамостоятельные княжества. Призывая знать ко двору и раздавая ей государственные и военные должности, он сформировал штат придворных, подчиненных его воле. Наряду с этим, царь расширил их круг за счет неродовитых талантливых людей, обязанных своим возвышением лично ему.

Ко времени прихода к власти Филиппа Македония находилась в сложном положении. Она была отрезана от моря, на суше граничила с рядом воинственных племен. Первоначально Филипп поставил своей задачей укрепление рубежей своего государства и достижение выхода к морю. Его походы против пограничных племен иллирийцев, пеонов и прочих, обезопасили страну с суши. Завоевания во Фракии дали Филиппу источник денежных средств, поскольку находившиеся здесь золотые рудники Пангея перешли под его контроль, и Филипп начал чеканить золотую монету (статеры), которая стала вскоре общепризнанной единицей обмена, вплоть до отдаленных областей Восточного Средиземноморья. Располагая крупными средствами и корабельным лесом, Филипп смог построить флот, который, однако, не имея богатых традиций, уступал греческому.

Фессалийская знать выбрала его *тагом* (правителем) своей страны. Благодаря родству с правящей династией Эпира (он женился на дочери царя Эпира Неоптолема) Филипп смог использовать ресурсы и соседней области. Поставив под свой контроль греческие города Халкидики, он начинает все более активно вмешиваться в дела собственно Эллады, вторгаясь в Фокиду и приобретая влияние в Дельфийской амфикионии. Главным и все еще сильным противником Филиппа выступают Афины, которых очень тревожило усиление Македонии. Филипп умело использовал сложную обстановку в греческом мире. Среди эллинов отсутствовало единодушие, и наряду с противниками Македонии имелись и ее сторонники, считавшие выгодным установление македонского господства. Наиболее ярким выразителем такого рода настроений, очевидно, следует считать известного оратора, главу самой знаменитой школы риторики – Исократ, литература о творчестве которого весьма обширна и неоднозначна. Обращаясь к македонскому царю, Исократ убеждал его прекратить вражду с греками, объединить их и начать совместный поход против Персии, который, как он уверен, принесет выгоду как эллинам, так и Филиппу.

К числу самых активных противников Филиппа принадлежал афинский оратор Демосфен. Демосфен относится к сонму тех великих деятелей прошлого, вокруг которого и в Новое время продолжают бушевать такие страсти, как если бы речь шла о современнике. Патриот, доходящий до фанатизма и ограниченный в своем фанатизме, борец за свободу и демократию, который не гнушается персидских денег, шовинист, разделяющий абсурдные идеи и тешившийся нелепыми надеждами, интриган, сложивший голову за дело, которому служил, но защищавший отжившие идеалы и тем самым мешавший поступательному ходу истории, которая выбрала своим орудием Филиппа, объединившего греков вопреки им самим, – таков далеко не полный перечень противоречивых суждений историков Нового времени о Демосфене. В нем видели и святого, и «платного агента» персидского царя. В целом, оценка Демосфена во многом определялась общими взглядами на характер развития Греции во второй половине IV в. до н.э. и на роль Филиппа, а взгляды эти, в свою очередь, во многом зависели от политических симпатий того или иного историка. Политическая программа Демосфена и его сторонников заключалась в мобилизации всех сил греков для борьбы с Филиппом, строительстве сильного флота, создании широкого союза полисов. Демосфен развил активную деятельность по осуществлению этой программы, и в результате была создана сильная коалиция греческих государств.

Между тем внешняя политика Филиппа, весьма продуманная, проводилась им с большим мастерством. Обращение к нему Фив, неудачно боровшихся с фокидянами, позволило Филиппу ввести свои войска в Фессалию, а затем и в Среднюю Грецию. Далее македонский царь напал на Византий и Перинф, а угроза захвата проливов (и голода) заставила афинян перейти к решительным действиям, но лишь немногие полисы заключили с ними союз. 1 сентября 338 г. до н.э. у городка Херонеи в Беотии произошла решающая битва, в которой союзные силы греков были полностью разгромлены, и Филипп одержал победу, став властителем Эллады. «Вместе с телами павших была зарыта и свобода греков», – так оценил итог этой битвы ее современник оратор Ликург. Но Филипп проявил дипломатический и

политический такт, не прибегнув к насилию и действуя не как жестокий завоеватель, но как союзник греков, стремящийся к их объединению, что обеспечило ему поддержку ряда полисов и укрепило позицию его сторонников в Греции. Ему нужны были союзники для готовившегося похода на Восток.

В 337 г. до н.э. Филипп собрал в Коринфе представителей греческих государств (только Спарта осмелилась его послушать). В решениях конгресса нашло отражение новое соотношение сил, сложившееся на Балканском полуострове. Первым важным постановлением Коринфского конгресса стало провозглашение общего мира. Инициативная роль царя нашла выражение в предваряющем общегреческом собрании эдикте, окончательные же решения были приняты общим собранием. Конгресс юридически закреплял гегемонию Македонии. Опираясь на свой авторитет победителя и на реальную силу, Филипп действовал решительно, но гибко, стремясь к тому, чтобы установившаяся македонская гегемония была закреплена общим политическим соглашением. Он провозгласил свободу мореплавания и торговли, принял ряд решений, не допускающих политической борьбы в полисах. Была провозглашена неприкосновенность частной собственности, строжайше запрещались передел земли и кассация долгов. Впредь между участниками общего договора прекращались всякие войны, а в случае нарушения этого запрета все участники договора обязывались прийти на помощь полису, подвергнутому нападению, и совместными усилиями покарать нарушителя. Всем государствам гарантировалась неприкосновенность их границ. Сила решений конгресса подкреплялась македонскими гарнизонами, размещенными во многих полисах. Эллинский союз полисов, формально свободный и суверенный, пользовался некоторой самостоятельностью. Он мог устраивать собрания, вносить свои предложения. Но царь Македонии, иначе говоря, Филипп как его глава руководил всей внешней политикой союза. Используя свой военный успех, Филипп, тем не менее, не пытался прямо включить греческие государства в состав Македонской державы. Внешне организация нового союза являла черты дуализма, отражая формальное равноправие вступивших в соглашение сторон: греки были представлены своим общим советом – синедрионом, а Македония – своим царем, который был провозглашен гегемоном союза.

На этом же съезде приняли решение начать войну с Персией для отмщения за поругание персами эллинских святынь в годы Греко-персидских войн. Специальным постановлением конгресс передал македонскому царю для ведения войны чрезвычайные полномочия, избрав его стратегом-автократором.

Вернувшись в Македонию, Филипп занялся подготовкой похода в Персию, и первые войска были отправлены в Малую Азию. Однако в 336 г. до н.э. царь был убит мечом гвардейского офицера Павсания во время празднеств по случаю свадьбы его дочери (сестры Александра) Клеопатры по дороге в театр. До сего времени не найдено решения вопроса: был ли убийца одиночкой, действовавшим по личным мотивам, или исполнителем воли заговорщиков. Поскольку допросить Павсания не смогли – он был сразу же убит стражей – ответить на этот вопрос невозможно.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ЕГО ПОХОДЫ НА ВОСТОК

Александр был сыном македонского царя Филиппа II и его жены Олимпиады, происходившей из семьи, правившей в Эпире. Он родился в 356 г. до н.э. Поскольку в дальнейшем вся реальная жизнь великого завоевателя была переплетена с легендами, то и его рождение не избежало сей участи. Говорили, что в тот же день произошли еще три события: разгром иллирийцев армией Филиппа, победа его лошадей на Олимпийских играх и пожар знаменитого храма Артемиды в Эфесе. (Один из позднейших критиков легенд, связанных с Александром, ядовито заметил, что Артемиде было некогда следить за своим храмом, поскольку она-де принимала роды у Олимпиады.) Когда Александр стал претендовать на божественное происхождение, то появилась легенда о том, что в постели Олимпиады видели гигантского змея, что позволяло предполагать, будто его отцом был не Филипп, а божество.

Воспитание царевича было первоначально возложено на Леонида, родственника Олимпиады, который строгими мерами старался воспитать из него воина, готового к любым лишениям и невзгодам. Затем в течение трех лет воспитанием Александра занимался выдающийся философ и ученый Аристотель, который учил его философии, медицине и другим наукам и привил своему ученику любовь к греческой литературе. Особенно юноша восхищался «Илиадой» Гомера, которая возбуждала воинскую доблесть, Ахилл стал его кумиром, и рукопись поэмы он держал под подушкой вместе с мечом. С ранних лет Александр мечтал о подвигах и славе, был честолюбив и любознателен. Всю жизнь его снедала жажда познания неизвестного и стремление к безграничному.

Юность Александра отнюдь не была безоблачной. Между его родителями назревал конфликт, который в конце концов привел к отъезду Олимпиады в Эпир. Часть македонской знати не хотела видеть в Александре наследника престола, поскольку он только по отцу был македонянином. Именно на этой почве произошел серьезный разлад между отцом и сыном. Во время очередной свадьбы Филиппа, женившегося на этот раз на знатной македонской девушке по имени Клеопатра, ее дядя Аттал, подвыпивши, начал призывать македонян молиться богам о том, чтобы у Клеопатры родился законный наследник. Возмущенный Александр швырнул в обидчика чашу с вином, Филипп бросился на сына с мечом, но, пьяный, споткнулся и упал. Александр издевательски прокомментировал: «Этот человек хочет переправиться в Азию, но не может пройти от одного ложа до другого». Он немедленно покинул пир и некоторое время жил у иллирийцев. Конфликт удалось погасить, и Александр вернулся в Македонию.

Филипп рано стал приобщать сына к государственным и военным делам. В знаменитой битве при Херонее он командовал македонской кавалерией, решившей исход сражения. Пылкий и стремительный во всем, Александр был непомерно честолюбив. Как рассказывает в его биографии Плутарх, всякий раз при известии о том, что Филипп одержал славную победу, его сын мрачнел и говорил, обращаясь к сверстникам: «отец все заберет себе и мне с вами не достанется совершенно ни одного великого, блистательного дела».

Неожиданное убийство Филиппа поставило Александра в тяжелое положение. Недоброжелательство, ненависть и опасность окружали его, как

пишет Плутарх. Но двадцатилетний юноша, действуя отважно и решительно, взялся за утверждение порядка. Уже тогда проявились качества, которые будут отличать его действия в дальнейшем: смелость в решениях, быстрота и бесстрашие в поступках, сочетавшиеся с тщательным расчетом полководца.

В Греции гибель Филиппа вызвала взрыв энтузиазма. Греки считали, что Александру придется потратить много времени и сил на укрепление своей власти, к тому же они не думали, что юноша сможет так же эффективно руководить страной, как это делал многоопытный Филипп. Однако их надежды оказались немедленно развеяны. С поразившей греков быстротой македонская армия появилась в сердце Эллады, новый царь созвал синедрион Коринфского союза, заставил греков подтвердить решения Коринфского конгресса и вручить ему верховное командование в походе на Восток.

Едва успев справиться с проблемами в Греции, Александр был вынужден срочно отправиться на север против племен трибаллов и иллирийцев, которые считали, что смерть Филиппа дает им шанс на достижение независимости от Македонии. Но эти надежды были разбиты быстрыми и точными ударами македонской армии. Пока Александр находился на берегах Дуная, в Греции распространился слух о его гибели. Наиболее решительно действовали фиванцы, осадившие македонский гарнизон на акрополе. Афины и некоторые пелопоннесские города обещали Фивам поддержку, волнения ширились по всей Элладе. Александр узнал об этом, когда его поход уже успешно завершился. Были не только покорены пограничные племена, но и присоединены земли ряда соседей. Стремительным маршем через горы Александр повел свою армию на выручку гарнизона и через несколько дней оказался под стенами Фив. Город был взят, разграблен и разрушен до основания, а его уцелевшие жители проданы в рабство. Александр проявил себя гибким политиком: о расправе с Фивами было вынесено решение Союзным советом, авторитетом которого он прикрывал свои действия. Кровавая и жестокая расправа с богатым и прекрасным городом наполнила сердца греков ужасом.

Восточный поход Александра был обусловлен теми процессами, которые происходили как на Балканах, так и в Персидской державе. Расстройство государственной системы Ахеменидов явственно проявилось уже в 60-е годы IV в. до н.э., когда они потеряли значительные территории. От них отпали почти все западные сатрапии, ряд городов Финикии, египетский фараон Так. Незадолго до похода Александра в 336 г. до н.э. на персидском престоле оказался представитель боковой линии Ахеменидов, принявший тронное имя Дария III. Несколько лет его правления – время гибели державы Ахеменидов.

Весной 334 г. до н.э. Александр выступил из столицы своего царства Пеллы, в 20 дней достиг Геллеспонта (Дарданелл), на 160 кораблях переправился через него и ступил на землю Азии. Так начался восточный поход.

Его армия была не очень велика, насчитывая примерно 30 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы. Греческие контингенты, которые предоставили полисы согласно решению Коринфского конгресса, составляли примерно 7 тыс., наемники – около 5 тыс. Греческим был и флот. Численно армия Александра намного уступала персидской, но была великолепно обучена, дисциплинирована и вооружена. Превосходство македонских сил обуславливалось также

комбинированным использованием различных видов войска. Основу боевого построения составляла македонская фаланга, большую роль в походе сыграла конница, прежде всего тяжелая кавалерия, сформированная из знати (гетайры).

Помимо собственно воинов армия включала большое число всякого рода вспомогательного персонала, своего рода инженерный корпус для обслуживания осадных машин и возведения переправ. Хорошо были налажены снабжение армии, разведка и служба связи. Александра сопровождали ученые, которые собирали и изучали богатый материал, открывавшийся в малоизвестных или совсем неизвестных странах: народы с их нравами и обычаями, неизвестные грекам животные, растения, храмы и дворцы. С ним ехали также художники и архитекторы, философы и писатели, музыканты и певцы, повара, гетеры и всякого рода авантюристы, устремившиеся на Восток в поисках счастья и обогащения.

Планы Александра послужили темой многих исследований, но вероятнее всего, первоначально он думал только о завоевании Малой Азии и превращении Эгейского моря в безопасную от персов зону. Официально поход против державы Ахеменидов предпринимался ради освобождения азиатских греков от ига персов и отмщения за греческие святыни, поруганные в годы Греко-персидских войн.

Персы не оказали противодействия высадке войск Александра. Первое сражение произошло на берегах р. Граник, впадавшей в Мраморное море, где военные силы персидских сатрапов пытались остановить наступление врага. Стремительный удар македонской конницы, которую вел в атаку сам царь, принес полную победу. Персидская пехота, состоявшая, главным образом, из греков-наемников, даже не смогла принять участия в битве. Победу при Гранике Александр выиграл сравнительно легко, о чем свидетельствуют его небольшие потери. В этой битве проявились те качества, которые отличали Александра как полководца: быстрота и смелость в решениях и действиях, упорство и личная храбрость.

Две тысячи попавших в плен наемников были отправлены в Македонию для продажи в рабство. Часть трофеев Александр отправил в Грецию с гордой надписью: «Александр, сын Филиппа, и эллины, кроме лакедемонян, взяв от варваров, обитающих в Азии», тем самым подчеркнув панэллинский (всегреческий) характер похода.

Победа при Гранике открыла путь в Малую Азию, завоевание которой свелось преимущественно к установлению общего военного и административного контроля над захваченными землями. Двигаясь на юг вдоль побережья, Александр занимал один за другим греческие города, повсюду изгоняя олигархов и восстанавливая демократический строй, городам даровались свобода и автономия. Эта политика определялась не только панэллинскими лозунгами похода, но и тактическими соображениями: персы обычно опирались на олигархов, тем самым демократы выступали сторонниками Александра, в отличие от собственно Греции, где он, как и Филипп, опирался на олигархов. Свобода, которая даровалась полисам, оставалась чисто номинальной, так как они фактически переходили под власть Александра, но его политика отличалась гибкостью, он всячески подчеркивал уважение к грекам и их святыням. Только немногие города, где находились персидские

гарнизоны, оказали сопротивление, основная же масса при приближении македонской армии сдавалась добровольно.

В течение зимы 334–333 гг. до н.э. Александр почти без сопротивления занял юго-западную часть Малой Азии – Карию, Ликию и Памфилию. Затем он поднялся на север и вступил в столицу внутренней Фригии Гордион, где остановился на отдых. В Гордионе Александру показали колесницу, которая якобы принадлежала легендарному фригийскому царю Гордию. Тому, кто сумеет развязать узел на ее ярме, было предсказано владеть всей Азией. Александр не смог развязать его, и тогда, по одной версии, он вынул колышек, на котором держался узел, и тот распался, согласно же другой, – просто разрубил его.

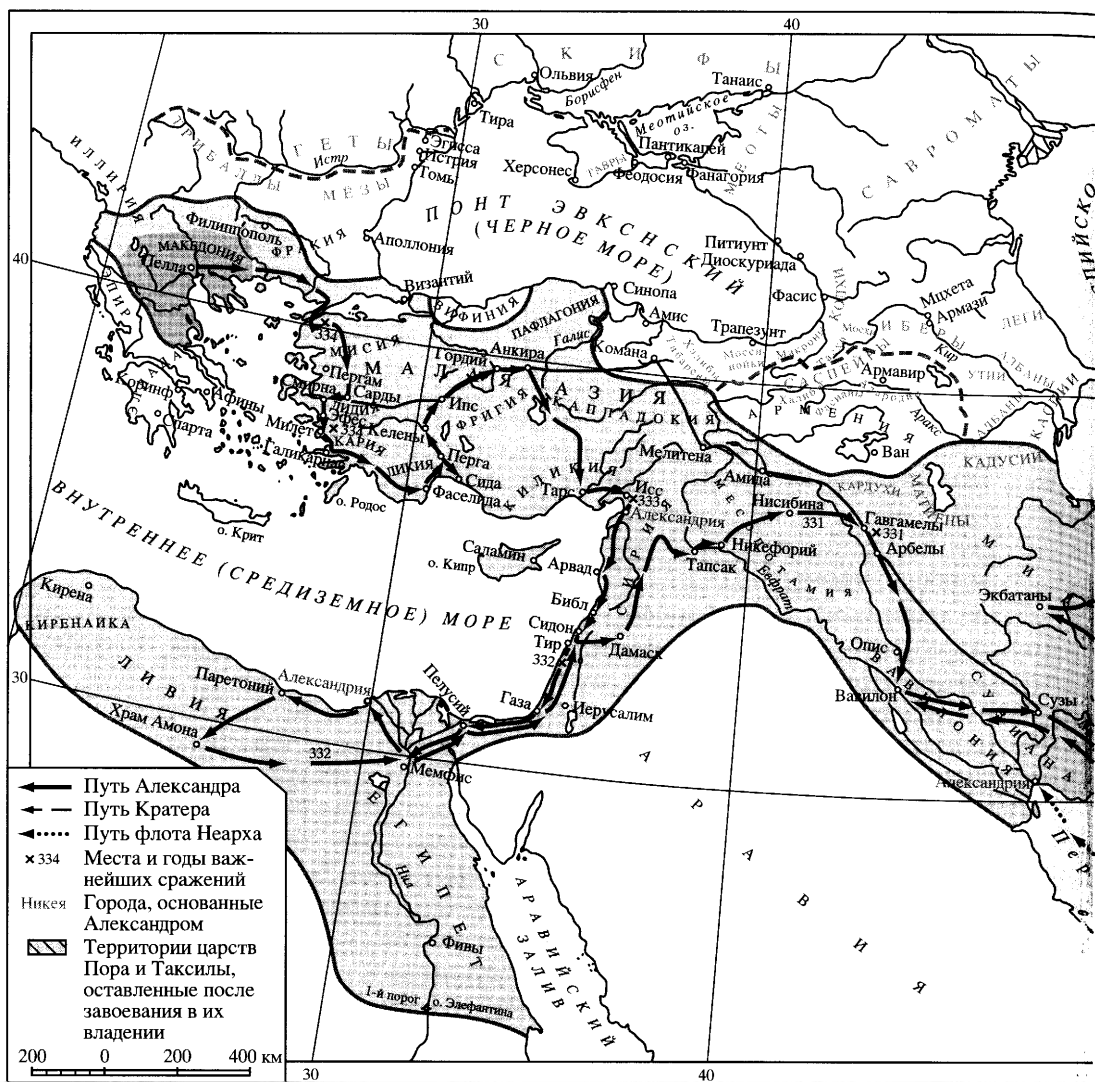
В начале 333 г. до н.э. Александр двинулся далее на север и, дойдя до современной Анкары, повернул на юг. Пафлагония и большинство городов Каппадокии добровольно сдались ему. Между тем события в тылу приняли опасный для Александра оборот – персы начали настоящее контрнаступление в Эгеиде. Главнокомандующий персидским войском в Малой Азии Мемнон захватил Хиос, Лесбос и другие острова и планировал отправиться на Балканы, рассчитывая там поднять греков на борьбу с Македонией. Только внезапная смерть Мемнона, который к этому времени сосредоточил в своих руках господство на море, несколько разрядила опасную для Александра обстановку.

Летом 333 г. до н.э. греко-македонская армия прошла Киликию и через горные проходы вступила в Северную Сирию, где находились основные силы персов во главе с Дарием III. Осенью того же года произошло второе сражение – при Иссе, в котором Александр одержал блестящую победу.

Битва была выиграна благодаря решительным действиям македонской кавалерии. Царь персов, не выдержав напряжения боя, обратился в бегство, и хотя прекрасная согдийская и бактрийская конница сохраняла еще свою боеспособность, исход сражения оказался решен. Бежали царская гвардия и наемники, прикрывая царя, а вслед за ними и весь центр персидской армии. Воины Александра захватили огромную добычу и множество пленных, среди которых оказалась и семья Дария – его мать, жена и две дочери. Через несколько дней македонский отряд в Дамаске захватил войсковую казну персов. Отныне проблема финансирования военных действий Александра навсегда ушла в прошлое.

Победу при Иссе можно считать поворотным пунктом в ходе войны. Видимо, планы Александра меняются, во всяком случае он отклоняет предложение Дария о мире, ответив, что теперь он – владыка всей Азии.

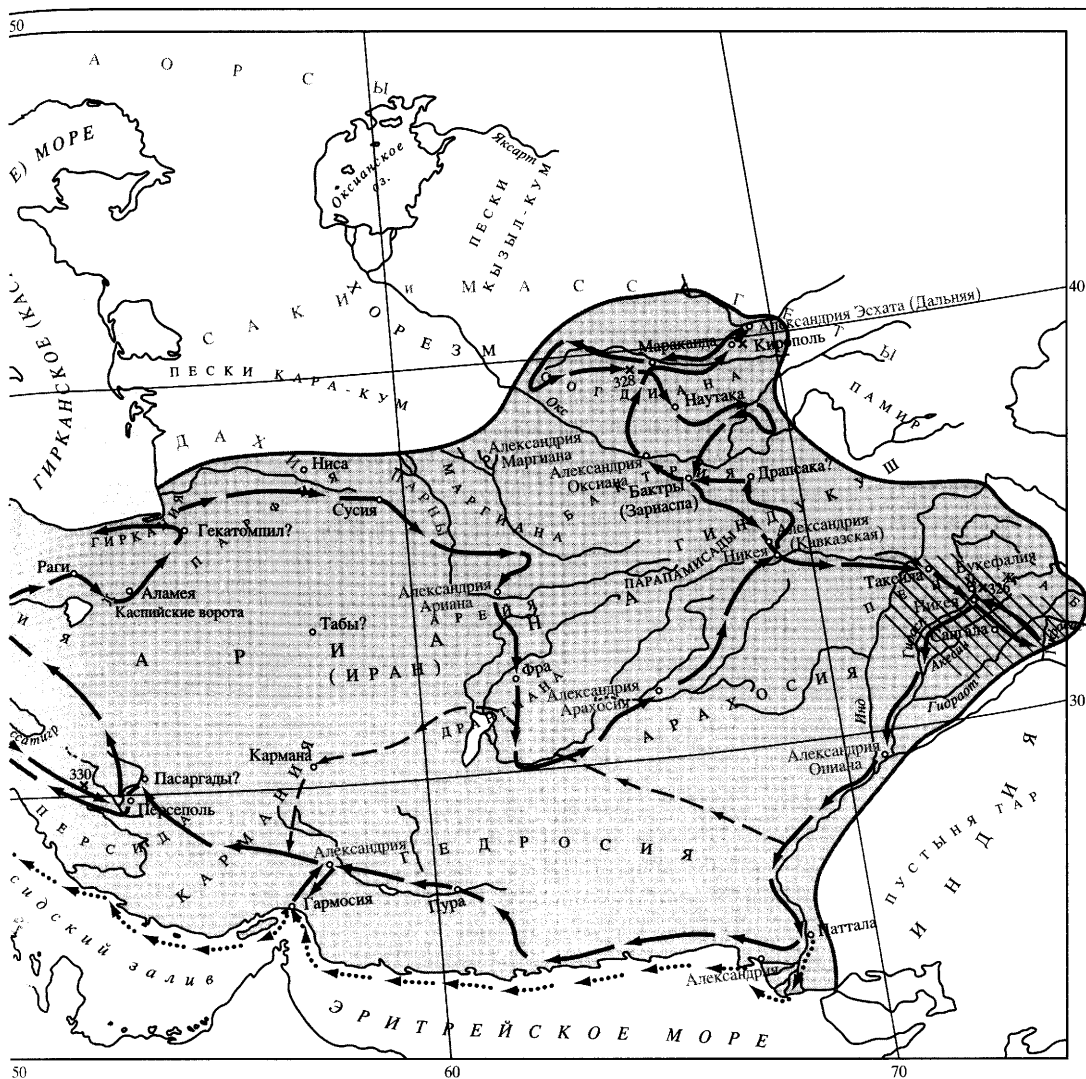
Двигаясь далее на юг, Александр прошел по побережью Сирии и Финикии. Смерть Мемнона привела к распылению персидского флота, значительная часть финикийских кораблей вернулась в свои гавани. Большинство финикийских городов сдались добровольно, другие оказали сопротивление, самое упорное – Тир, уверенный в своей неприступности (он располагался на хорошо укрепленном острове). Осада Тира продолжалась с января по август 332 г. до н.э., пришлось насыпать огромную дамбу, соединившую остров с материком. Богатый город подвергся разграблению, мужчин перебили, женщин и детей продали в рабство.

Завоевания Александра Македонского

Сатрап Египта, узнав об успехах Александра, беспрепятственно впустил его в страну. Египтяне доброжелательно встретили царя, видя в нем освободителя от власти ненавистных персов. Жрецы Мемфиса торжественно возложили на голову Александра двойную корону фараона, а оракул Аммона, почитаемый не только египтянами, но и в греческом мире, назвал сыном бога, что оказало сильное влияние на Александра в его позднейших притязаниях на божеские почести. В устье Нила Александр заложил новый город, назвав его своим именем – первую в числе многочисленных Александрий.

Весной 331 г. до н.э. армия Александра покинула Египет и, направляясь на северо-восток, беспрепятственно переправилась через Евфрат и Тигр. Между тем царь Дарий собрал огромные силы и готовился дать решительное

сражение. Однако он, как кажется, не испытывал уверенности в победе и поэтому попытался завязать с Александром переговоры. Дарий был готов на весьма значительные уступки: отдать все земли, расположенные к западу от Евфрата, выплатить огромные суммы денег и выдать замуж за Александра свою дочь. Это предложение было отвергнуто, теперь Александр хотел завоевать все персидское царство и править там единолично.

1 октября 331 г. до н.э. произошла знаменитая битва у Гавгамел (возле Ниневии) – одно из самых крупных сражений древности. Оно было как никогда упорным, персидской коннице даже удалось прорвать фронт македонян и всадники начали грабить обоз. Однако снова кавалерия македонян под командой самого царя обрушилась на центр вражеской армии – Александр

Битва Александра Македонского с Дарием III. Мозаика. Деталь. Ок. 100 г. до н.э. Неаполь

хотел сразиться с самим Дарием. Когда погибла вся личная охрана царя, Дарий бросился в бегство. Победа македонян была полной, она открывала дорогу к самым важным жизненным центрам Персидской державы.

Когда армия Александра приблизилась к Вавилону, жители его торжественно встретили победителей. Александр велел восстановить разрушенный персами храм главного вавилонского божества Мардука, за что жрецы провозгласили его царем Вавилонии. Вслед за этим Александр захватил Сузы, Персеполь и Пасаргады. В его руках оказались огромные денежные средства, столетиями собиравшиеся персидскими царями и хранившиеся в их сокровищницах. Персеполь Александр объявил самым враждебным из азиатских городов и отдал на разграбление своим воинам. Источники единодушны в описании страшного разгрома и ограбления, которому подвергся этот богатейший город. Среди такого почти триумфального шествия, только изредка прерываемого безнадежным сопротивлением отдельных персидских отрядов, странным диссонансом выглядит сожжение знаменитого царского дворца в Персеполе, которое подтверждается археологическими раскопками. Исследователи до сего времени спорят о причинах подобного акта вандализма. Приведем два из наиболее возможных объяснений. Первое – Александр хотел еще раз продемонстрировать грекам свою приверженность официальному лозунгу войны: отмщение персам за сожжение греческих святынь. Второе – Персеполь был не только столицей Персии, но и сакральным центром Ахеменидов, и разрушение его становилось тем самым как бы символом конца их власти. Найденные в Персеполе статуи, увезенные Ксерксом после разграбления Афин в 480 г. до н.э., были возвращены обратно.

Дарий в это время находился в столице Мидии Экбатанах. Он рассчитывал собрать новую армию, используя ресурсы еще не затронутых войной восточных сатрапий, однако его замысел не удался. Когда армия Александра из Персиды двинулась в Мидию, Дарий, понимая, что его сил явно не хватит для сражения, решил уходить дальше на восток. Но в персидском лагере созрел заговор, несколько вельмож, в том числе сатрап Бактрии Бесс, захватили царя. Древние авторы подробно рассказывают о последних днях жизни Дария, его бегстве в труднодоступные малонаселенные районы, о тяжелом преследовании беглецов Александром. Наконец, когда Александр уже совсем настиг их, вельможи убили Дария. Произошло это летом 330 г. до н.э. Александр с подчеркнутым уважением отнесся к телу мертвого царя, воздав ему почести и отправив в Персеполь для погребения в царской усыпальнице, тем самым стремясь подчеркнуть законность своей власти. Персидская армия полностью распалась, Бесс со своими приверженцами бежал дальше на восток в Бактрию.

Гибель Дария многие в армии Александра восприняли как окончание войны. Повод к этому дал и сам царь, который распустил войска, предоставленные ему греческими городами по условиям Коринфского конгресса. Но Александр не считал войну завершенной, он полагал, что окончился только ее первый период, теперь же предстояло ее завершить, поставив под свой контроль все еще не завоеванные территории державы Ахеменидов. Он убедил своих воинов, что до тех пор, пока не будет осуществлена эта задача, их власть над уже завоеванными землями останется постоянно под угрозой. Александр после смерти Дария считал себя законным преемником власти Ахеменидов и стремился получить все их наследство.

Продолжая поход, Александр менее чем за год покорил огромные пространства: Гирканию, Парфию, Ариану, Дрангиану и Арахозию. Теперь на первый план выходят две новые проблемы. Во-первых, в ходе завоеваний ряда восточных сатрапий, особенно же Арианы, Бактрии и Согдианы, армия Александра сталкивается с ранее не известным явлением – народным сопротивлением. Ранее целые области (за редким исключением) спокойно переходили к новому владыке, не выражая никакого недовольства, здесь же местные города отчаянно защищались, на македонские гарнизоны совершались нападения, на помощь повстанцам из оседлых областей приходили кочевники. Иногда македоняне терпели тяжелые поражения: так, в долине Зеравшана Спитамен (знатный согдиец, талантливый полководец, который, используя методы партизанской войны, неоднократно заманивал в пустыню отряды македонян, истребляя их) разгромил большой отряд армии Александра. Ни в одном из больших сражений с войсками Дария македонская армия не несла таких тяжелых потерь, как теперь. Почти три года продолжалась эта борьба. В конце концов Александр смог победить и здесь, используя самые различные методы. Он перестроил свою армию, разделив ее на несколько частей, в каждой из которых были представлены все виды вооруженных сил. Некоторые историки считают, что военный талант Александра в этой реформе проявился гораздо ярче, чем в его крупных сражениях. Ему пришлось перейти р. Яксарт (Сырдарья), чтобы нанести поражение кочевникам. Он применял политику жесточайшего террора против сопротивлявшихся, сжигались посевы, сады и жилища, уничтожался скот, безжалостно истреб-

лялось население. Некогда цветущие земли, обработанные трудом многих поколений, были превращены в пустыню, полную трупов и дыма пожаров. Но победа оказалась достигнута в конечном счете с помощью дипломатии. Александр сумел примириться с местной знатью, видимым символом чего стал его брак с Роксаной, дочерью местного аристократа Оксиарта, одного из руководителей сопротивления. По приказу Александра в этом беспокойном регионе было основано несколько городов и крепостей, в которых были оставлены гарнизоны из греков-наемников. Так закончилась борьба народов Средней Азии с завоевателями. Она потребовала от греко-македонской армии такого напряжения сил и привела к таким потерям, которых Александр еще не знал.

Второй проблемой, которая также приобрела особую остроту в это время, стала трансформация власти Александра и тесно связанный с нею вопрос взаимоотношений с персидской знатью. Чем дальше продвигалась армия на восток, тем более авторитарный вид приобретала власть Александра. Удивляться здесь нечему: он стал править державой Ахеменидов, которой нельзя было управлять по-иному. Оппозиция вышла из среды старой македонской знати, которая помнила то время, когда македонский царь был еще «первым среди равных». В борьбе с ними Александр опирался прежде всего на выходцев из Верхней Македонии, не пользовавшихся влиянием при дворе и своим возвышением и благополучием обязанных целиком милости царя. К тому же этот процесс совпал с другим – все более широким привлечением персидской знати к службе завоевателям, как гражданской, так и военной. Персы назначались сатрапами, особое место среди придворных начали занимать родственники Дария, которым на расправу был отдан Бесс – убийца Дария. Несколько позднее Александр приказал собрать персидскую молодежь и обучить ее сражаться по-македонски.

Перемены происходят и в образе жизни Александра: он перенимает придворный церемониал Ахеменидов, предпочитал персидскую одежду, требовал земного поклона («проскинезис»), целования полы его одежды, что выглядело неприемлемым для македонян и греков, которые таким образом выражали свое почтение только божеству. Однако нельзя думать, что все македоняне отвергали новые веяния в политике Александра. Его личные друзья, представители не самых знаменитых родов, в общем, принимали новшества. Благодаря ему они занимали самые высокие посты, стали обладателями огромных богатств. В борьбе с оппозицией Александр еще мог рассчитывать на поддержку основной части армии, состоящей из македонских общинников.

Подспудный конфликт в македонской армии разрастался и окончился расправой над группой высших командиров. Филоту, который командовал лучшей частью македонской кавалерии, и его сторонников судила армия, согласно старым македонским обычаям. Александр и его друзья умело воспользовались недовольством рядовых воинов высокомерием знатных обвиняемых, их роскошью и пренебрежением к нуждам простых пехотинцев. Сейчас невозможно сказать, существовал ли действительно заговор или все ограничивалось только разговорами, но Филота и его друзья подверглись казни. Затем был убит отец Филоты Парменион, который находился в Экбатанах, где командовал резервными воинскими формированиями и хранил казну Александра.

Так Александр убрал с высших постов в армии ненадежных руководителей и заменил их теми, кто был ему безоговорочно предан. Однако внутренние конфликты продолжали тлеть и время от времени вырывались на поверхность. В Мараканде (совр. Самарканд) на пиру Александр в припадке гнева заколол Клита, одного из самых преданных военачальников, спасших ему жизнь в битве при Гранике. Особо мрачную тень на это преступление бросало то обстоятельство, что родная сестра Клита была кормилицей Александра. Потом последовал заговор «пажей» – юных македонских аристократов, составлявших личную охрану царя: их побили камнями. Наконец, казни предали Каллисфена, официального историографа похода и племянника Аристотеля, осуждавшего самовластье Александра.

Когда Средняя Азия была окончательно покорена, македонская армия, перевалив горы Гиндукуша, направилась на завоевание Индии, где впервые встретилась с боевыми слонами. Теперь Александр мечтал о достижении Внешнего океана, где, как полагали греки, кончается ойкумена. Численность его армии возросла за счет включения в нее отрядов бактрийской и согдийской конницы, отличавшихся своим умением и храбростью.

Поход в Индию начался весной 327 г. до н.э., Александру пришлось иметь здесь дело с многочисленными разрозненными противниками. Царь города Таксила добровольно подчинился Александру и предоставил свои вооруженные силы в его распоряжение. Он нанес жестокое поражение царю Пору и подчинил обширные земли в бассейне Инда, но успехи достались дорогой ценой. Армия была уже далеко не та, с какой он начинал свой многолетний поход. Воины устали от длительной войны, тяжелых условий тропиков с их ливнями, и у р. Гифасис они отказались идти дальше. Не помогли никакие уговоры – Александр был вынужден уступить и объявить о возвращении. Но это было не прямое возвращение, армия двинулась не на запад, а на юг, по долине р. Инд к Индийскому океану. По приказу Александра построили корабли, которые плыли по реке, сама армия, разделенная на две части, двигалась по берегам. Во время этого похода на юг Александр, как обычно, стремился покорить народы, жившие вдоль реки, и поэтому неоднократно развертывались кровопролитные сражения, а города подвергались осаде и штурму.

Когда войска вышли к берегу океана, по приказу Александра здесь был основан город и создана верфь для строительства кораблей, пригодных для океанских плаваний. Отсюда македонский флот под командой одного из ближайших сподвижников Александра Неарха направился в далекое плавание на запад вдоль берегов, совершенно неизвестных грекам и македонянам. Армия же, разделенная на две части, под командой Александра и Кратера также двинулась на запад. Это было невероятно тяжелое возвращение, особенно для той части войска, которая шла через сожженную солнцем пустыню Гедросии, где от голода и жажды погибло множество воинов. Поход завершился в начале 323 г. до н.э., когда войска достигли Вавилона. Согласно Плутарху, из похода вернулась лишь четвертая часть первоначальной армии.

Возвращение Александра из Индии для многих назначенных им местных правителей оказалось очень неприятной неожиданностью. За годы его отсутствия они привыкли к полной бесконтрольности, создали свои маленькие

армии из наемников, тратили собираемые налоги на собственные нужды. За все это сейчас пришлось расплачиваться. Несколько сатрапов подверглись казням, а Гарпал, друг царя с детства и его казначей, бежал в Грецию, захватив с собой огромную сумму денег.

Перед Александром встала новая сложная задача – организация управления государством, созданным в результате завоевания. Он стремился укрепить его единство, действуя как владыка огромной многонациональной державы. Отсюда так называемая «политика слияния народов», нашедшая наиболее яркое выражение в свадьбе в Сузах, когда в один день пышно отпраздновали бракосочетание десяти тысяч воинов с местными девушками. Его приближенные женились на девушках из семей персидской знати, а сам Александр взял в жены одну из дочерей Дария. Александр привлекает местную знать к управлению, в чем, очевидно, правильное всего видеть стремление царя к расширению социальной базы, а не оценивать его как провозвестника «братства народов» и чуть ли не первого интернационалиста (как считают некоторые ученые).

Александр не внес коренных изменений в административную систему Ахеменидов, сохранив сатрапии, но он разделил административную, военную и финансовую власти. Предметом его особых забот служила армия, в которую он включил 30 тыс. юношей, обученных воевать по-македонски. Но царь стремился объединить представителей только двух этносов – македонян и персов, к тому же имелась в виду лишь их аристократия. Тем самым он низводил и македонскую знать до уровня подданных. Александр, видимо, хотел создать элиту своего государства, соединив прежних хозяев Азии персов и новых – македонян.

Важнейшим элементом в организации новой державы стали основанные Александром города. Традиция приписывает ему строительство 70 городов, но сопоставление письменных источников с данными археологии позволяет говорить примерно о 30, крупнейший из которых – Александрия в Египте. Значение этой деятельности далеко выходит за пределы тех целей, прежде всего стратегических, которые он преследовал. Среди начинаний экономического характера важнейшее – финансовая реформа, положившая конец монетному хаосу, царившему в Персидской монархии, и способствовавшая упрочению экономических связей.

В числе других мероприятий Александра особое место занимает указ о возвращении в греческие города всех изгнанников и восстановлении их в правах собственности. Указ противоречил принципу невмешательства во внутренние дела полисов, предусмотренному соглашением о Коринфском союзе. Изменения в характере власти Александра сделали последний ненужным, и теперь он просто игнорирует этот союз, поручая Антипатру в случае необходимости применить против ослушавшихся полисов военную силу.

С греками связано требование нового царя включить его в число олимпийских богов как тринадцатое божество, что шло в общем русле его политики и должно было освятить его власть. Все полисы, за исключением Спарты, признают Александра богом и посылают ему в Вавилон послов-феоров, которых ранее посылали лишь к богам.

Столицей государства Александра стал Вавилон. Именно там он провел последние месяцы своей жизни. Александр готовился к новому походу –

в Аравию, строил флот, но этим планам не суждено было сбыться. Летом 323 г. до н.э. он неожиданно заболел и 10 июля того же года скончался. Хотя широко распространились слухи об отравлении царя, вероятнее всего причиной смерти стало полное истощение организма, подорванного нечеловеческим напряжением. В таких условиях любая инфекция могла привести к летальному исходу.

Грандиозность похода Александра произвела на современников колоссальное впечатление, и на протяжении последующих веков его личность и завоевания продолжали волновать умы и сердца людей. Окутанный ореолом славы, он становится героем не только исторических, но и литературных произведений. Был ли Александр злым гением, домогавшимся мировой славы, или мудрым предтечей космополитизма? Уже древние разделились в ответах. В античной нарративной традиции сложились три основных направления: апологетическое, сторонники которого превозносили подвиги и доблесть Александра, его благородство, великодушие и другие добродетели; негативное, последователи которого видели в нем деспота, жестокого и несправедливого; третье направление связано с философской школой перипатетиков – учеников Аристотеля, которые положительно оценивали деятельность Александра в первые годы, когда тот следовал советам своего учителя, но писали о порче нравов царя по мере роста его власти (переломным моментом они считали казнь Каллисфена).

Уже в эллинистическую эпоху в Египте возникает чисто литературная традиция, мало связанная с реальной деятельностью Александра, – роман Псевдо-Каллисфена. Он приобретает огромную популярность, известно более 80 вариантов этого романа на 24 языках. Образ Александра вплетается в фольклор различных народов – Средней Азии и Китая, Исландии и Индии, он претерпевает самые фантастические изменения в легендах и сказаниях Запада и Востока. Низами, Навои и Фирдоуси избрали Александра героем своих поэм, литературные произведения об Александре создаются в Европе. Научная литература о нем огромна, его оценка – весьма разноречива. И поныне сохраняют силу слова Арриана, написавшего в I–II вв. н.э. сочинение «Поход Александра»: «Нет вообще человека, о котором писали бы больше и противоречивее».

Оценка деятельности Александра, очевидно, не может быть однозначной. Это был, несомненно, крупный государственный деятель и великий полководец. В результате его походов была уничтожена держава Ахеменидов, но греко-македонская армия несла опустошения, рабство и смерть. Во время похода разрушались города и села, гибли люди, стирались с лица земли целые племена. В своей державе, превосходящей размерами Персидское государство, Александр силой оружия объединил самые различные страны и народы – культурные греческие полисы и сохранившую еще пережитки первобытнообщинного строя Македонию, долину Нила и Месопотамию с их тысячелетней культурой и кочевые племена Восточного Ирана. Эта держава не имела единой экономической базы и представляла собой чисто военное объединение. Македонское завоевание свелось главным образом к захвату крупных городов, важных в стратегическом отношении опорных пунктов и дорог. Государство, возникшее на развалинах Персидской державы, во многом ее напоминало. Александр ограничивался признанием своей власти и уплатой налогов, сбор которых был поставлен под контроль македонян и

греков. Но в условиях жизни особенно отдаленных от центров областей не произошло коренной ломки.

Вместе с тем и во время похода, и уже после него на Восток хлынул большой поток греков и македонян, которые осели на обширных пространствах, принеся иные формы социальных отношений. Некоторые из построенных Александром городов становятся центрами политической и экономической жизни. В результате похода раздвинулись географические рамки тогдашнего мира, были проложены новые пути сообщения, расширилось судоходство – все это способствовало развитию экономики и торговых связей. Поход принес новые знания в области географии, биологии и этнографии. Он знаменовал начало нового этапа в истории Восточного Средиземноморья, который характеризуется сложными и противоречивыми процессами взаимодействия греко-македонских и местных начал, – эпохи эллинизма.

Хотя термином «эллинизм» историки пользуются уже более полутора веков (он был введен в науку выдающимся немецким ученым XIX в. И. Дройзенom для обозначения того периода, который начался после завоеваний Александра Македонского на Востоке), единообразия в его понимании у исследователей нет и сегодня. Объектом дискуссий являются: хронологические и территориальные границы эллинистического мира, а также, что еще более важно, самая сущность этого явления.

Для начала эллинистического периода обычно предлагаются две даты: 334 г. до н.э. (начало завоеваний Александра Великого) и 323 г. до н.э. (год его смерти). В последнее время более принятой является последняя. Гораздо больше расхождений относительно времени окончания периода. Предлагались следующие хронологические рубежи: 217 г. до н.э. (год первой высадки римских войск на территории Балканской Греции), 146 г. до н.э. (год подчинения Эллады Римом) и т.д. В настоящее время наиболее популярна дата – 30 г. до н.э. (год подчинения Риму последнего крупного эллинистического государства – Птолемеевского Египта).

Еще более сложен вопрос о территориальных границах эллинистического мира. Отправная точка здесь предельно ясна – первоначальные границы его совпадают с границами державы Александра к моменту его смерти. Они включают Македонию, Элладу и все завоеванные им земли на Востоке. Однако вся дальнейшая история эллинистического мира – это история постепенного, но неуклонного сокращения земель, находящихся под властью преемников Александра. Первые потери обозначились уже буквально через несколько лет, когда были утрачены индийские сатрапии. В дальнейшем же этот процесс приобрел весьма значительные масштабы. На севере Малой Азии создавалась система небольших государств (Понт, Вифиния, Каппадокия и др.), на юге-западе Средней Азии – Парфия. Во всех этих государственных образованиях полностью изменилась политическая структура – власть перешла от греко-македонян к местной знати, хотя культура во многом оставалась прежней. Вопрос, который в связи с этим стоит перед исследователями, считать ли эти государства эллинистическими или нет. Однозначного ответа на него нет и сейчас.

Особая проблема – сущность эллинизма. На протяжении многих десятилетий основополагающим принципом при ее решении являлся культурный. Эллинизм рассматривался, как эпоха, когда эллинская культура «воссияла» на просторах Азии. При этом подчеркивалось, что народы Востока стремились приобщиться к ней, осознавая ее превосходство. Только с середины XX в. были показаны своеобразие социальных, политических и экономических структур эллинистического мира. В последние десятилетия среди части западных исследователей весьма популярна идея об отсутствии принципиальных отличий между миром эллинизма (кроме Эллады и Македонии) и предшествующим ему миром Древнего Востока. В рамках этой концепции гибель государства Ахеменидов под

ударами армии Александра объявляется исторической случайностью, самого великого завоевателя предлагают считать последним персидским царем, а государство Селевкидов – прямым продолжением царства Ахеменидов.

ВРЕМЯ ДИАДОХОВ

Период от смерти Александра и примерно до 280 г. до н.э. обычно называют временем «диадохов», т.е. преемников царя. Историческая обреченность державы Александра проявилась немедленно после его смерти. Практически одновременно разразились три кризиса, каждый из которых угрожал самому существованию государства. Первый из них был связан с проблемой престолонаследия. Александр, умирая, не назвал своего преемника, поэтому среди верхушки македонской армии немедленно развернулась ожесточенная борьба за власть.

Второй кризис разразился в среднеазиатских сатрапиях. Сразу же после получения известия о смерти царя греческие воины-наемники, поселенные Александром в этом самом отдаленном регионе его державы, восстали и решили вернуться на родину. Третий кризис имел место в Элладе, где также после поступления достоверной информации о смерти Александра началось широкое движение за освобождение от македонской власти.

В Вавилоне, где умер Александр и где располагались основные силы македонской армии, дело дошло до вооруженных столкновений между кавалерией и фалангой. Рядовые пехотинцы хотели провозглашения царем сводного брата Александра Арридея, последнего мужского представителя династии Аргеадов, хотя всем была известна его умственная неполноценность. Знать, служившая в кавалерии, хотела дожидаться родов жены Александра Роксаны и в случае рождения мальчика провозгласить царем его. Однако в действительности проблема состояла в том, чтобы определить, в чьих руках будет находиться реальная власть.

В конечном счете, был достигнут известный компромисс: Арридея провозгласили царем под именем Филиппа III, также царем стал и родившийся вскоре сын Александра Великого и Роксаны (под именем Александра IV). Высшая власть была разделена между несколькими самыми влиятельными военными руководителями: верховным правителем назначили очень популярного в армии военачальника Кратера, командующим армией – Пердикку, командиром кавалерии – Селевка, вся власть в Европе (Македонии и Элладе) была оставлена в руках Антипатра. Одновременно были утверждены или вновь назначены сатрапы различных областей государства. Сильнее всего повлияло на дальнейшее развитие событий назначение Птолемея сатрапом Египта.

Ситуация сложилась таким образом, что конкретная власть оказалась на некоторое время в руках Пердикки. Его сторонники немедленно принялись распускать слухи о том, что именно таковым было и желание покойного царя. Умирая, он якобы передал Пердикке свой перстень со словами – «достойнейшему».

Уже на этой ранней стадии стали отчетливо проявляться две различные тенденции в поведении верхушки македонян. Некоторые из них стремились

к сохранению единства державы Александра, другие же к тому, чтобы, получив в управление определенную область, превратить ее в независимое государство. Эта тенденция раньше всего и отчетливее всего проявилась в деятельности Птолемея.

Незамедлительно отправившись в Египет, Птолемей лишил власти и казнил поставленного здесь Александром сатрапа Клеомена. Он также сумел захватить тело умершего царя, которое везли для погребения в Македонии, и захоронил его в центре Александрии, создав здесь святилище для культа Александра Великого. Демонстративно независимое поведение Птолемея вызвало ярость Пердикки, и он во главе македонской армии отправился против Египта. Но военные действия велись не очень успешно, армия несла потери, и в его лагере возник заговор, во главе которого стояли Селевк и сатрап Мидии Пифон. Пердикка погиб, и это привело к началу крушения системы управления державой, которое было выработано в Вавилоне.

К этому моменту получили разрешение и остальные два кризиса. Восстание греков в Бактрии и Согдиане подавил по поручению Пердикки только что упомянутый Пифон. Помимо своих собственных войск он привлек отряды и всех соседних сатрапов. Сражение между греками и македонянами отличалось крайней ожесточенностью и, по свидетельству Диодора, потерпевшие поражение греки сдались, поскольку им пообещали сохранить жизнь. Пифон рассчитывал включить их в свою армию. Однако Пердикка, понимавший характер и планы сатрапа, заранее предупредил македонских командиров-лохагов. Они повели македонян на бросивших оружие греков и полностью перебили их. Эта победа имела двойные последствия. С одной стороны, было укреплено господствующее положение македонян, но с другой – северо-восточные сатрапии державы остались практически без какой-либо серьезной защиты.

Гораздо более сложным и трудным в разрешении оказался кризис, разразившийся в Элладе. Первыми, узнав о смерти Александра, восстали Афины. Изгнанные ранее лидеры демократических группировок (такие как Демосфен), осужденные за хищение денег Гарпала, теперь с триумфом возвращались в город. Огромный штраф, наложенный на Демосфена, оплатила городская казна. Почти немедленно к восстанию присоединились Этолия, Фокида и Локрида, а позднее Фессалия. Наконец, к участникам коалиции примкнули крупнейшие города Пелопонесса Коринф и Аргос. Военным руководителем восстания назначили известного командира наемников Леосфена. Восставшие первоначально добились значительных успехов. Армия Антипатра была разбита и осаждена в городе Ламия (поэтому и сама война называлась Ламийской).

Однако успехам скоро пришел конец. В случайной стычке гибнет Леосфен, а затем на военном театре появляются подкрепления македонянам, прибывшие из Малой Азии. Хотя эта армия также потерпела поражение от греков, они не смогли воспрепятствовать соединению ее остатков с войсками Антипатра. На некоторое время основным театром военных действий стало Эгейское море. Для того чтобы не допустить появления в Элладе новых македонских войск, которые спешили сюда во главе с Кратером, афиняне вывели в море огромный флот – примерно 180 триер. Однако Кратер смог мобилизовать еще большие силы – 240 боевых кораблей, которые он полу-

чил от малоазиатских греков и финикийцев. В битве при о-ве Аморгос афинский флот потерпел поражение. Именно эта битва знаменует конец афинской морской мощи. После морской победы последовала и сухопутная. В битве при Кранноне (322 г. до н.э.) греки были разгромлены.

Тяжелее всего поражение в войне сказалось на положении Афин. Руководители восстания либо были казнены (как Гиперид), либо покончили с собой (как Демосфен). В афинском порту Пирее был поставлен македонский гарнизон. Подверглась изменению афинская конституция. Гражданских прав были лишены бедняки. Эти события навсегда вычеркнули Афины из списка влиятельных политических сил Эллады.

Гибель Пердикки, а вскоре после него и Кратера, который был разбит последним сторонником Пердикки Эвменом, привела к необходимости нового соглашения между важнейшими деятелями македонской армии. Их встреча произошла в 321 г. в Трипарадизе (Сирия). На этом совещании провели оформление нового разделения полномочий. Регентство было поручено Антипатру, который также сохранял всю власть над европейской частью державы. Главнокомандующим в Азии стал Антигон Одноглазый. Наконец, Селевк впервые получил свою сатрапию – Вавилонию.

В таком распределении полномочий крылся явный источник новых противоречий. Антипатр принадлежал к твердым и бескомпромиссным сторонникам единства державы и сохранения династии Аргеадов. Антигон выступал столь же яростным противником этой идеи. Антигон получил широкую известность еще во времена Филиппа, как талантливый и популярный среди воинов военачальник. В одном из сражений он лишился глаза и вследствие этого получил прозвище «Одноглазый». Однако с Александром отношения у него не сложились. Македонский царь сразу же после битвы при Гранике убрал его из действующей армии, назначив сатрапом самой западной части Малой Азии. Пока его сотоварищи добывали славу и богатства в походе, он охранял тылы македонской армии. Александр не сомневался в лояльности Антигона – его имя никогда не упоминалось в связи с заговорами против царя. Но в то же самое время Александр упорно оставлял Антигона в своего рода почетной ссылке. Естественно, что крайне честолюбивый (как все македонские военачальники) и осознающий свои способности Антигон накопил огромный запас злости и готов был ринуться в драку, как только к этому появились предпосылки. Столь же естественным для него было и отсутствие лояльности к дому Аргеадов и неприкрытое желание добиться полной власти над всей державой.

Все ожидали конфликта между Антигоном и Антипатром. Однако скорая смерть последнего привела к неожиданным результатам. Главным противником Антигона стал Эвмен. Антипатр одним из своих последних распоряжений открыл Эвмену государственную сокровищницу, расположенную в цитадели одного из киликийских городов, в которой хранились достаточно значительные остатки казны Александра. Благодаря этому Эвмен смог привлечь на свою сторону аргироспидов («серебряные щиты») – отборную часть македонской фаланги. При жизни Александра Эвмен служил его секретарем, но неожиданно для многих он предстал талантливым полководцем и дипломатом. Руководить армией македонян, для которых он, грек, считался заведо-

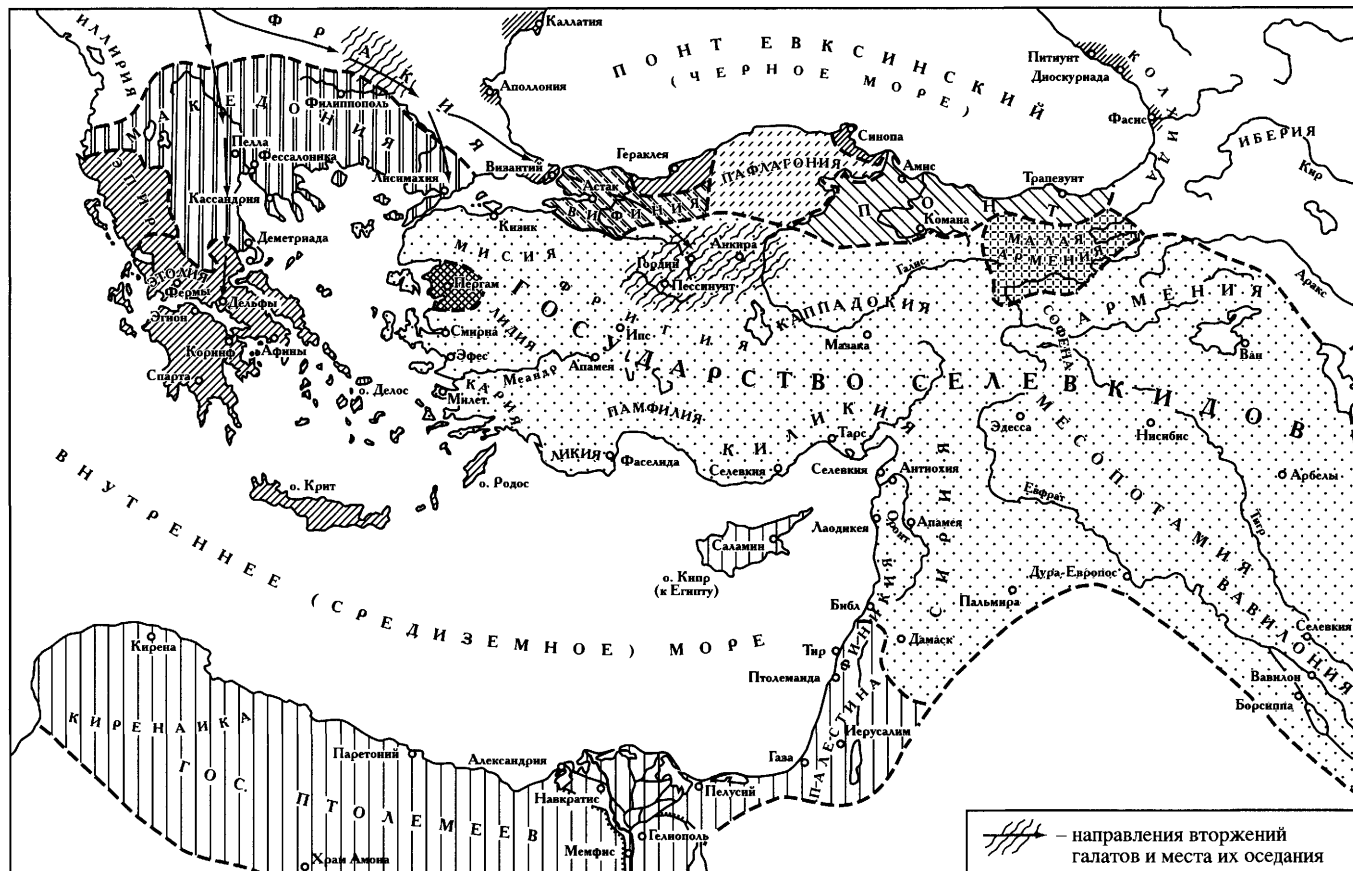
мо человеком второго сорта, оказалось чрезвычайно тяжелой задачей. Эвмен старался создать культ Александра Македонского. Во время всех совещаний в палатку, где они происходили, приносили трон и возлагали на него царские регалии. Эвмен утверждал, что благодаря этому дух царя присутствует среди военачальников и помогает им принять правильные решения. Он сумел создать коалицию из всех восточных сатрапов, которая могла достаточно успешно противостоять Антигону. В одном из сражений его армия потерпела поражение, но почти случайно обоз аргироспидов был захвачен Антигоном. В обозе находилось не только их имущество, но также их жены и дети. Аргироспиды немедленно предложили отдать своего полководца взамен имущества и семей. В итоге, Эвмен был казнен в 316 г. до н.э.

Так погиб последний сторонник единства державы и прав Аргеадов. Но и сама династия, точнее ее остатки, также находилась на грани уничтожения. В Македонии и Греции шли непрерывные войны, в которых важнейшей фигурой в это время выступал Кассандр, сын Антипатра. В отличие от отца Кассандр ненавидел Александра и память о нем. Он всю жизнь помнил тот страх, который в нем вызывал царь.

Роковую роль играла и мать Александра Олимпиада, плетущая непрерывные интриги. По ее приказу был убит Филипп Арридей и его жена. В ответ по наущению Кассандра сама Олимпиада, в соответствии со старым македонским обычаем, была побита камнями (316 г. до н.э.). Находившиеся в заключении Роксана и ее сын, ненадолго пережили Олимпиаду. Тот же самый Кассандр приказал их убить, и это событие практически не вызвало никакого отклика среди македонян и греков.

Победа над Эвменом привела к резкому усилению мощи Антигона. Он правил над огромными территориями, самовластно назначая и снимая сатрапов. Боявшийся расправы Селевк был вынужден бежать из Вавилонии в Египет, к Птолемею. Естественно, что против Антигона был создан общий фронт всех оставшихся у власти македонских военачальников. Особую активность проявлял Селевк, который в 312 г. до н.э. с небольшим отрядом конницы, предоставленным ему Птолемеем, смог вернуться в Вавилонию, где местные города радостно встретили его. Война на суше и на море, в Азии и Европе длилась несколько лет, и о ее перипетиях в данном очерке рассказать невозможно. Необходимо только отметить одно очень важное обстоятельство: в 305 г. до н.э. сын Антигона Деметрий (имевший прозвище «Полиоркет» – «Осаждающий города») в битве у о. Кипра разгромил флот Птолемея. Победа послужила предлогом Антигону и Деметрию принять царские титулы, продемонстрировав тем самым всему миру, что они претендуют на безраздельное наследование державы Александра. Не желая уступать соперникам, Птолемей, Селевк, Лисимах и Кассандр также провозгласили себя царями. Благодаря этим обстоятельствам распад державы Александра получил и формальное завершение.

Конец периода преобладания Антигона наступил в 301 г. до н.э., когда в Малой Азии возле местечка Ипс войска Селевка и Лисимаха разгромили Антигона, который погиб в бою. Хотя Деметрий Полиоркет с остатками войск продолжал борьбу, иногда даже одерживая победы, в конце концов, он был вынужден сдаться Селевку.

Эллинистические государства (III–II вв. до н.э.)

Последним конфликтом эпохи диадохов стала война между Лисимахом, владевшим Фракией и большей частью Малой Азии, и Селевком. В 281 г. до н.э. армия Лисимаха в битве при Курупедионе была разбита Селевком. Сам Лисимах пал в бою. Селевк получил все его владения в Малой Азии и уже готовился осуществить свою заветную мечту – захватить Македонию, однако был предательски убит.

Со смертью Селевка сошел со сцены последний из диадохов, который претендовал на все наследие Александра. Соответственно, в это время практически завершается формирование системы эллинистических государств. Она включала в себя государство Селевкидов, Птолемеевский Египет и Македонию, в которой смог утвердиться сын Деметрия Полиоркета – Антигон Гонат. Одновременно на севере Малой Азии возникают несколько небольших государств во главе с местными династиями: Каппадокия, Понт, Вифиния, Армения, а несколько позднее – Галатия (область оседания племен галлов).

ПТОЛЕМЕЕВСКИЙ ЕГИПЕТ

Власть персов над Египтом окончательно прекратилась, когда в ноябре 332 г. до н.э. его занял Александр Македонский. Он вступил в страну через Пелусий, пересек Дельту и вступил в Мемфис, где, видимо, короновался по египетскому обряду, а затем, чтобы подтвердить свою сакральную власть, отправился в дальнее, но недолгое и довольно безопасное путешествие в храм Амона-Ра в оазисе Сива в Ливии. Александр явно рассчитывал на публичное признание его сыном бога оракулом этого божества, популярного у жителей Кирены и через их посредство издавна известного всему эллинскому миру (греки называли его Аммоном и отождествляли с Зевсом).

По пути в оазис Сива (видимо, в январе 331 г. до н.э.), на перемычке между побережьем Средиземного моря и озером Мареотидой, на месте старого египетского поселения Ракотис (Ра-кедет – «постройка Ра»), им была основана Александрия Египетская – в будущем величайшая из столиц эллинистического мира. В оазисе Сива Александр получил желаемое признание его сыном бога и по возвращении в Мемфис устроил вереницу празднеств, в ходе которых его божественное происхождение было возведено всему эллинскому миру. Таким образом, именно в Египте он заложил фундамент как своего царского культа, адресованного грекам и македонянам, так и своих притязаний на ничем не ограниченную власть. Вскоре, весной 331 г. до н.э. царь покинул Египет, оставаясь, однако, формально признанным его фараоном.

Александр старался вести себя по отношению к египетским обычаям и религии лояльно (известен обрывок папируса из Саккара, который, видимо, был прибит к двери храмового помещения и содержал категорический запрет солдатам вторгаться в него от имени командующего македонскими войсками Певкеста); однако эта лояльность вступала в противоречие с потребностями его колоссальной державы.

Функции наместника Александра в Египте исполнял Клеомен из Навкратиса, заслуживший ненависть египтян хладнокровным и изобретательным выкачиванием из страны средств. За счет них финансировалось строитель-

ство Александрии и, видимо, строительные программы в очень немногих египетских храмах – в Карнаке и Луксоре и в храме Тота в Гермополе. В прочих храмах главные усилия по их обустройству предпринимали без всякого содействия государства сами жрецы; поэтому неудивительно, что, по мнению многих египтян, обладание сакральной властью над страной следовало признавать не за Александром и его преемниками, а, как во время второго персидского владычества, непосредственно за богом Хором.

После смерти Александра Великого летом 323 г. до н.э. формальными фараонами последовательно признавались его сводный брат Филипп Арридей (323–317 гг. до н.э.) и Александр – его сын от брака с Роксаной (с 317/6 г.). В течение всего этого времени реальная власть в Египте находилась в руках Птолемея, сына Лага, ставшего после смерти Александра его сатрапом. Этот человек, уже немолодой (родился в начале 60-х годов IV в. до н.э.), мужественный, наделенный литературным даром (им была создана история жизни Александра, считавшаяся в древности одной из самых достоверных), по личным своим склонностям рациональный и нежестокий, с самого начала понял выгоды географического положения Египта, предопределявшие его обособление от азиатских земель державы Аргеадов.

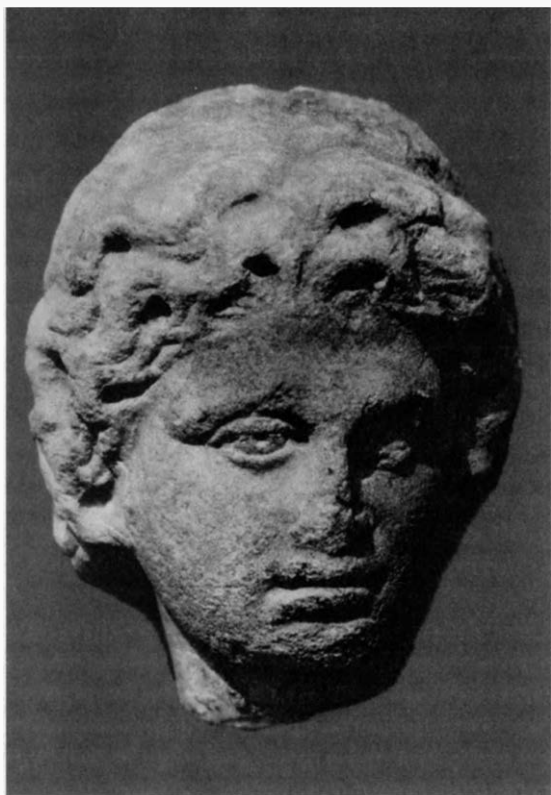
Казнив Клеомена, Птолемей приобрел популярность у египтян. Ок. 321 г. до н.э. Птолемей, как уже сказано, перехватил по пути в Македонию погребальный кортеж Александра, и набальзамированное тело великого завоевателя упокоилось в Египте. Этот демарш, призванный выявить особенную связь и преемственность между Александром и правителем Египта, вызвал карательный поход регента Пердикки в 320 г. до н.э. (первая война диадохов); однако Пердикка не смог переправиться с войском через устье Нила и был убит в собственном лагере. Последовавшее совещание диадохов в Трипарадизе фактически предоставило Птолемею, как и другим наместникам земель державы Аргеадов, широкую самостоятельность. В 315–311 гг. до н.э. он участвует в третьей войне диадохов против сторонников единства державы Аргеадов Антигона Одноглазого и его сына Деметрия в союзе с Селевком, Кассандром и Лисимахом; осенью 312 г. до н.э. Птолемей и Селевк побеждают Деметрия в битве при Газе, и Птолемей занимает Восточное Средиземноморье (еще в конце 20-х годов он присоединил к своим владениям Кирену). В 311 г. до н.э. его вытесняют отсюда Антигон и Деметрий; однако заключенный в этом же году мир фактически признает независимость владений Птолемея под формальной верховной властью над всеми землями Аргеадов сына Роксаны. Последний был убит Кассандром, видимо, ок. 309 г. до н.э., однако Птолемей сохраняет летосчисление по его царствованию до 305/4 г. до н.э., когда в ответ на аналогичную акцию Антигона одновременно с Селевком принимает царский титул. В Египте, столицей которого с конца 10-х годов IV в. до н.э. стала Александрия, начинает править македонская династия Птолемеев (305/4 – 30 гг. до н.э.).

В 301 г. до н.э., после гибели в битве при Ипсе Антигона, Птолемей I получает часть его владений – Восточное Средиземноморье, за исключением его северной области, известной как Келесирия. Северную и Центральную Сирию получил союзник Птолемея Селевк I; этот район стал центром основанной им державы Селевкидов, а ее соприкосновение здесь с владе-

Птолемей I Сотер в облике фараона. Эллинистическая скульптура. Базальт. Начало III в. до н.э. Лондон. Британский музей

ниями Птолемеев послужило одной из причин так называемых Сирийских войн между двумя державами. Другой причиной стала их борьба за земли и форпосты на средиземноморском побережье Малой Азии: уже в 90-е годы III в. до н.э. Птолемей I захватывает вблизи нее Кипр, а также Памфилию, а в 80-е годы становится протектором «Союза несиотов» («островитян»), объединившего полисы Киклад. Владения Птолемея за пределами Египта не составляли единого целого, но покрывали обширные морские пространства, причем связи с местными полисами подкреплялись частой помощью им со стороны царя (так, свое прозвище «Сотер», «Спаситель», он, видимо, получил от родосцев, придя им на помощь во время осады их города Деметрием). Его сын Птолемей II (282–246 гг. до н.э.) очень скоро был вовлечен в так называемую «войну за сирийское наследство» с сыном Селевка Антиохом I (ок. 280–279 гг. до н.э.): в ходе нее он приобрел все южное побережье Малой Азии от Киликии до Кари и сохранил эти владения во время Первой Сирийской войны (274–271 гг. до н.э.). Одновременно Птолемей II распространяет свое влияние в Ионии, в Балканской Греции (союз с Афинами и Спартой) и даже в регионе Причерноморья (в Византии, позднее, видимо, и в Боспорском царстве): в «Хремонидовой войне» 267–261 гг. до н.э. он пытается вытеснить из Греции Македонию, но терпит поражение.

Чернофигурная гидрия из некрополя Гадра. III в. до н.э.

В 260–253 гг. до н.э. в ходе тяжелой Второй Сирийской войны сокращается присутствие Египта в Эгеиде, он теряет Памфилию и Киликию, но в итоге вступает в неожиданно тесный союз со своим противником Антиохом II: тот разводится со своей первой женой Лаодикой, чтобы жениться на дочери Птолемея Беренике. Видимо, обоих царей беспокоит усиление в это время Македонии в Эгеиде; оба они умирают одновременно, в начале 246 г. до н.э. Сестра Птолемея III (246–222 гг. до н.э.), вдова Антиоха II, оказалась перед необходимостью отстаивать наследование престола своим сыном, которое оспаривали Лаодика и ее сын Селевк II Каллиник. Началась Третья Сирийская война («война Лаодики», 246–241 гг. до н.э.): практически в начале ее маленький наследник Антиоха II был убит, а Птолемей III вынужден сам заявить о наследовании селевкидских владений.

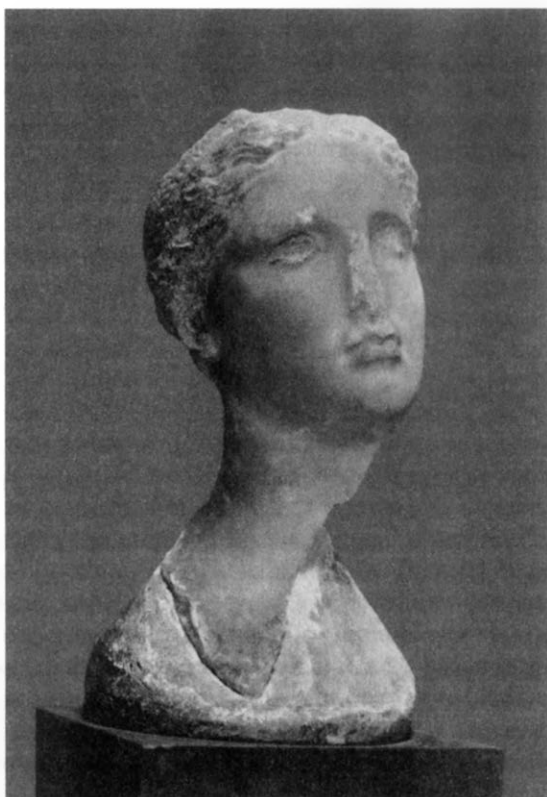
Птолемеевские войска успешно заняли селевкидскую Сирию и продвинулись небывало далеко в глубь Азии — до стен вавилонского храма Эсагила (как мы знаем из клинописного источника); однако этот многообещающий рейд пришлось прекратить из-за мощного восстания в самом Египте. В итоге Селевк II был признан царем, хотя и столкнулся с очень тяжелой ситуацией в своем государстве (отпадение восточных сатрапий, позднее мятеж его брата Антиоха Гиеракса); птолемеевское же государство оказалось на пике своих успехов (оно приобрело крепость Селевкию-в-Пиерии в Сирии, вернуло все малоазиатские владения, получило плацдармы во Фракии и в районе Геллеспонта).

Тип эллинистического общества, сложившийся в конце IV и в первые десятилетия III в. до н.э. в Птолемеевском Египте (и хорошо изученный благодаря обильным находкам документов на папирусе), характеризуется очень небольшим числом полисов (Навкратис, унаследованный еще от домамакедонского времени, Александрия, которая, при населении в 300 тыс. чел. к концу III в. до н.э., не могла быть нормально функционирующей гражданской общиной; и Птолемаида в Среднем Египте) и значительным распределением греко-македонского населения по хоре (сельскохозяйственной территории, обрабатываемой местными жителями) вне полисных структур.

В этих условиях важнейшим институтом корпоративного сплочения греков и македонян стал царский культ. Ок. 290 г. до н.э. Птолемей I учредил в Александрии, где покоилось тело Александра Великого, его культ как основателя эллинистического государства в Египте. Он отправлялся сменяемыми ежегодно жрецами-эпонимами (с этого времени была принята датировка грекоязычных, а позднее демотических документов по годам царствования и именам этих жрецов). Позднее к числу «богов» – членов династии, которым был адресован данный культ, добавились Птолемей I и его жена Береника I (уже после их смерти – так называемые «боги-Сотеры»), Птолемей II и необычайно любимая им его сестра и жена Арсиноя II («боги-Адельфы», т.е. брат и сестра). Арсиноя после своей смерти ок. 270 г. получила еще особый, чисто божеский, культ, отправлявшийся жрицей-*канефорой* («носительницей корзины»).

Затем в пантеон вошли Птолемей III и Береника II («боги-Эвергеты», т.е. «благодетели») и далее все новые представители династии (прозвища, под которыми они, как правило, известны, и представляют собой их культовые имена). Культ не просто царя, а именно царской четы напоминает почитание в Позднем Египте Осириса и его супруги Исиды (как раз в III в. до н.э. оно стало переноситься в греческую среду в александрийском культе бога Сараписа); однако создание в качестве его института эпонимного жречества явно воспроизводит модель, заданную практикой официальных культов греческих полисов. «Общиной», культом которой было почитание Александра и членов династии Птолемеев, нужно, видимо, считать все греко-македонское население Птолемеевского Египта.

Основа благосостояния нового государства покоилась на царской собственности на землю, распространявшейся в идеале на все пахотные площади страны. На практике земля делилась на «царскую» и «уступленную», находившуюся во владении вельмож (или «даров» например поместье знаменитого своим хозяйственным архивом диойкета Аполлония) и клеруков (военных поселенцев); в особую категорию выделялась храмовая («священная») земля, также контролируемая государством. Степень интенсификации экономики Египта благодаря административной деятельности Птолемеев не

Голова женщины. Мрамор III – II вв. до н.э.

следует преувеличивать: на большей части хоры техника обработки земли должна была остаться той же, что во времена фараонов. Однако сама централизация экономики, принятие Птолемеевским государством всего контроля над ней от своекорыстных местных правителей Позднего Египта сказались на жизни его населения положительно – его численность стала быстро расти (за III в. до н.э. с 3 до 4 млн человек).

В литературе традиционно считалось, что Египет был одним из главных экспортеров зерна в эллинистическом Средиземноморье: трудно сказать, насколько это верно или, по крайней мере, насколько безболезненной была такая роль для его внутренней жизни уже к середине III в. до н.э. Но нет сомнений, что к рубежу III–II вв. до н.э. Египет страдал от аграрного перенаселения, которое, видимо, и послужило главным фактором его кризиса в последующие десятилетия.

Высшие и большинство средних должностей в администрации государства Птолемеев составили монополию греков и македонян; то же можно сказать и о птолемеевской армии (вплоть до Четвертой Сирийской войны). Культура и наука, бурно развивавшиеся при дворе Птолемеев в Александрии (поэзия Каллимаха и Аполлония Родосского, астрономические достижения Аристарха Самосского и Эратосфена и т.д.), за немногими исключениями давали образцы скорее нового качества собственно эллинской культуры, нежели ее синтеза с наследием Египта. Обеспечивая египтянам высокий и стабильный (сравнительно с домакедонским временем) уровень жизни, птолемеевское государство, как и любое государство классического эллинизма, ориентировалось в первую очередь на интересы греков и македонян.

Религиозная политика, адресованная египтянам (в частности храмовое строительство в Египте), явно не числилась среди приоритетов первых двух Птолемеев и характеризуется отсутствием продуманной концепции. Эллинизированные египтяне невольно вынуждены были в это время принять на себя задачу апологии древности и богатства своей собственной культуры (именно ее в значительной мере выполняла знаменитая «Египтика» Манефона Севернитского, созданная, видимо, в начале III в. до н.э.). В частных памятниках египтян достаточно распространено было непризнание Птолемеев легитимными царями и перенесение царского статуса вместо них на богов.

В середине 40-х годов III в. до н.э., в разгар Третьей Сирийской войны, в Египте разразилось мощное восстание, очевидно, инициированное представителями местной элиты под антиптолемеевскими лозунгами. Прекратив свой азиатский поход, Птолемей III был вынужден приложить усилия к тому, чтобы доказать своим египетским подданным, что он – легитимный фараон: этому служили и разработка новых идеологических форм, интегрировавших эпонимный культ в традиционное почитание царей в египетских храмах, и масштабное храмовое строительство (в частности, возобновление программ, начатых еще при XXX династии в Фивах, на острове Филэ и в особенности в храме Хора Бехдетского в Эдфу). Однако эти целенаправленные усилия прекратились после смерти Птолемея III и не смогли предотвратить острый кризис птолемеевского государства в последующую эпоху.

Со вступлением на престол двадцатилетнего Птолемея IV Филопатора («Любящего отца»; 221–204 гг. до н.э.), ознаменованным скорой расправой

временщика Сосибия над опасными ему членами династии (в том числе над матерью царя Береникой II), в ее истории начинается пора, когда, по словам Страбона, «каждый ее следующий царь был хуже предыдущего».

Последним крупным внешнеполитическим успехом Птолемеев стала Четвертая Сирийская война (219–217 гг. до н.э.), начавшаяся после нападения молодого селевкидского царя Антиоха III на птолемеевские Селевкию-в-Пиерии и Келесирию. После крупных успехов Антиоха решающая битва при Рафии (июнь 217 г. до н.э.) была все же выиграна войсками Птолемея IV, причем ради этого в них, вопреки долгой традиции, включили 20-тысячный египетский контингент. В руках Птолемеев остались все их владения, кроме Селевкии-в-Пиерии.

По мнению Полибия, гордость египтян своей ролью в победе подтолкнула их к мятежам; по-видимому, более важно, что именно к этому времени свои качественные результаты дало аграрное перенаселение египетской хоры, приведшее к резкому ухудшению жизни ее населения. В номах Египта распространяется *анакхоресис* – бегство в ненаселенные районы от государственных налогов и повинностей, а местами (особенно в Дельте) развернулась настоящая партизанская война против птолемеевских властей. Ситуация складывается столь угрожающая, что Антиох III и Филипп V Македонский специально предлагают Птолемею IV свою помощь; однако двор этого царя, справлявший пышные празднества в честь чтимого им Диониса, уделил этой проблеме недостаточно внимания. Ок. 206 г. до н.э. южная часть Египта (Фиваида) выпадает из под контроля государства Птолемеев; вплоть до 186 г. до н.э. здесь существовало сепаратистское образование во главе с царями-египтянами Хоруннефером и Анхуннефером.

Ослабление Египта при Птолемеях V Эпифане (т.е. «Явленном (боге)»; 204–180 гг. до н.э.; именно в его честь был принят в 196 г. до н.э. Розеттский декрет, греческая версия которого стала основой дешифровки Ж.-Ф. Шампольоном иероглифического и демотического письма) выразилось в потере Египтом в ходе Пятой Сирийской войны (202–194/3 гг. до н.э.) Келесирии и малоазиатских владений; при этом большинство плацдармов Птолемеев во Фракии и Эгеиде достаются Македонии. По окончании войны женой юного царя стала дочь Антиоха III Клеопатра I («Сира»). Преемниками Птолемея V стали Птолемей VI Филометор («Любящий мать»; 180–145 гг. до н.э.) и провозглашенные к концу 70-х годов II в. до н.э. его соправителями сестра и жена Клеопатра II и брат Птолемей VIII. Реальными правителями Египта при царях-подростках являются вольноотпущенник Леней и евнух Эвлай, которые решают начать войну за возвращение азиатских владений Птолемеев. Шестая Сирийская война (170–168 гг. до н.э.) оборачивается вторжением Антиоха IV в Египет и, видимо, установлением в 168 г. до н.э. соправления со своим племянником Птолемеем VI. Самостоятельность Египта была спасена римлянами: посол Гай Попилий Ленат, явившийся к Антиоху, потребовал от него вывести войска из Египта и в ответ на просьбу о времени на раздумье очертил вокруг царя круг, заявив, что ждет ответа, прежде чем тот из него выйдет. Селевкидский царь удалился из Египта в течение месяца, и на некоторое время страна вернулась под соправление трех царей. В 164 г. до н.э. Птолемей VIII (известный также под культовым именем Эвергет II и прозвищем Фискон – «Толстяк») захватил единоличную власть,

но был низложен и вытеснен в отданную ему во владение Кирену. Там, в обиду на собственных царственных братьев и на покушавшихся на его жизнь киренцев, он первым из эллинистических монархов завещает свои владения на случай бездетности римскому народу. После смерти Птолемея VI он все же возвращается к власти в Египте и то делит ее с Клеопатрой II – своей сестрой и вдовой его брата, ставшей теперь его женой (помимо этого, он вступил в брак и с ее дочерью от Птолемея VI и, стало быть, собственной племянницей Клеопатрой III), то вступает с ней в междоусобицы, изумляющие своей жестокостью (в 132 г., будучи изгнан ею на Кипр, он прислал ей изрубленное на куски тело их сына Птолемея VII, известного как «Мемфисец»).

Мир в династии, удивительный после того, что ему предшествовало, водворяется в конце 20-х годов II в. до н.э. Тем не менее на исходе века новый виток междоусобиц разразился между братьями Птолемеем IX (116–107 и 88–81 гг. до н.э.) и Птолемеем X (107–88 гг.): последний, сначала вытеснивший своего брата из Египта в Кирену и на Кипр, затем сам был изгнан александрийцами и умер в Малой Азии, вновь завещав свои владения Риму.

Внутри египетского общества в течение II в. до н.э. сохранялась серьезная напряженность: оставался распространен «анахоресис» и неоднократно вспыхивали восстания под антиптолемеевскими лозунгами (Дионисия Петосараписа ок. 165 г., Харсиеса в Фивах ок. 130 г. до н.э.). Ожидания египетских противников Птолемеев выразились в так называемом «Пророчестве гончара» – грекоязычном, как ни странно, тексте, схожем по стилистике с древнеегипетскими описаниями бедствий страны в I Переходном периоде (особенно с «Пророчеством Неферти»): македонское владычество описывается в нем как время постоянных неурядиц и природных бедствий, которые кончатся только с приходом к власти истинного фараона (очевидно, египтянина), рожденного от бога Солнца. Чтобы погасить недовольство и вернуть бежавших земледельцев, Птолемеи периодически объявляли амнистии за долги по налогам (эдикты филантропа – например, 118 г. до н.э. от имени Птолемея VIII Эвергета II и его соправительниц). Заметным во II в. до н.э. было позиционирование Птолемеями себя как легитимных фараонов: этому служили их регулярные визиты в Мемфис, с особым вниманием к местному культу священного быка Аписа, и храмовое строительство (в 142 г. до н.э. Птолемеи VIII отмечает своего рода «промежуточный финал» строительства комплекса бога Хора в Эдфу). Интересно, что к концу II в. до н.э. обозначается особое внимание династии к роду мемфисских жрецов, похоже, ведущему свою генеалогию от великого Имхотепа.

Во внешней политике Египта во второй половине II в. до н.э. отмечается серьезный успех Птолемея VI в 145 г. до н.э., который остался не использованным (вмешавшись в борьбу внутри государства Селевкидов, он возвел на его престол своего ставленника Деметрия II, но сам погиб, и Селевкиды вновь обрели самостоятельность), и противостояние Птолемея X экспансии Хасмонеев в 103–101 гг. (получив реальную возможность оккупировать Палестину, он опять же не использовал ее, опасаясь римского вмешательства).

В 81 г. до н.э., после краткого правления прямого римского ставленника Птолемея XI, царем становится побочный сын Птолемея IX (возможно, от женщины из пресловутого мемфисского рода; его брат стал править

Кипром, провозглашенным независимым царством). Следующий Птолемей XII, известный как Авлет («Флейтист», из-за его любви к музыке и агонам; 80–51 гг. до н.э.) правил в условиях, когда сама его легитимность находилась под сомнением не только вследствие его происхождения, но и благодаря завещанию Птолемея X в пользу Рима, формально принятому этим государством.

Сторонники аннексии Египта имелись среди римских популяров; Кирена уже состояла под контролем Рима с начала I в. до н.э., а в 75 г. до н.э. стала провинцией. Урегулирование отношений с великой державой, наращивающей владения в Азии, стало главной задачей Птолемея XII: одним из его заступников в Риме был лидер оптиматов Цицерон, однако официальное признание его легитимности последовало (судя по всему, за огромную взятку) в 60 г. до н.э., по закону, проведенному триумвирами. Вскоре после этого (58 г.) Рим аннексировал Кипр, и возмущение в Александрии заставило Птолемея XII бежать в Италию. В Египет он вернулся, опираясь на римские войска, в 55 г. до н.э. и через некоторое время возвел в ранг соправительницы свою дочь от брака с египтянкой – знаменитую Клеопатру VII, становящуюся ключевой фигурой египетской политики 40–30-х годов I в. до н.э. Помощь Цезаря в ее противостоянии с партией ее брата Птолемея III, ее близость и политический союз с диктатором, а затем с Марком Антонием – эпизоды, ставшие знаменитыми благодаря множеству посвященных им художественных произведений. Сын Клеопатры от Цезаря (Цезарион; род. в 47 г. до н.э.) стал ее соправителем; а в 30-е годы именно в опоре на Египет Марк Антоний пытался обустроить в Восточном Средиземноморье и Малой Азии сложную эллинизированную структуру, находившуюся под его личной властью.

Поражение Антония в морской битве при Акции (31 г. до н.э.), оккупация Египта Октавианом (30 г. до н.э.) и гибель Клеопатры стали концом не только династии Птолемеев, но и эллинистической эпохи в целом.

Римские принцепсы первыми из завоевателей, прочно овладевших Египтом в I тысячелетии до н.э., отнеслись с принципиальным равнодушием к его политической и религиозной традиции и, исключая немногие эпизоды, не придавали значения поднесенному им статусу фараонов. Поддержание сакральной власти земного правителя оказалось невозможным для египтян хотя бы на уровне правдоподобной фикции. В то же время римлянам показалась громоздким и дорогостоящим бременем унаследованная от Птолемеев государственная экономика Египта (хотя формально он стал личным владением принцепсов): на протяжении полутора–двух веков они постарались разделить ее на частные владения египтян, объединенных для удобства в управлении и налогообложении в подобия полисов. Возникновение этих квазиобщин и их специфически эллинизированного уклада жизни в сочетании с исчезновением власти царя-ритуалиста размыло устои культурной традиции, не прерывавшейся в Египте с эпохи энеолита. Под властью римлян Египет окончательно превращается в часть античного мира, а наследие его цивилизации продолжает существование еще несколько веков лишь изолированными островками или на уровне реминисценций.

Крупнейшим из эллинистических государств было царство Селевкидов. Первоначально его ядро составила Вавилония, которую Селевк получил во владение в 321 г. до н.э., видимо, в награду за участие в заговоре и убийстве Пердикки. В 316 г. до н.э. он был вынужден бежать из своей сатрапии к Птолемею, но четыре года спустя с небольшим отрядом конницы, полученным от сатрапа Египта, вернулся в Вавилонию, где был радостно встречен местным населением. Обычно предполагается, что его методы управления резко отличались от того, что практиковал Антигон, что и обеспечило Селевку поддержку населения сатрапии.

Воспользовавшись тем, что основные военно-политические события последующего времени развертывались на западе, достаточно далеко от его владений, Селевк, собрав значительные силы, предпринимает поход на восток. В результате он превратился в хозяина огромных территорий, простиравшихся от западных границ Вавилонии и Месопотамии до Средней Азии и Афганистана. Селевк Никатор проявил мудрость, не пытаясь отвоевать земли, входившие в состав державы Александра, но к этому времени захваченные царем Чандрагуптой (бывшие индийские сатрапии и Арахосия). Он признал эти завоевания, а взамен получил от индийского владыки 300 боевых слонов.

Именно эта мощная сила обеспечила решительную победу Селевка и Лисимаха над Антигоном в 301 г. до н.э., следствием чего стало дальнейшее расширение государства Селевка. Теперь под его власть перешла большая часть Сирии и некоторые финикийские города. Разгром Лисимаха дал Селевку значительный кусок Малой Азии с немалым количеством старых греческих полисов.

Огромные размеры территории и разнообразие вошедших в новое государство народов с их социальными и культурными особенностями чрезвычайно усложняли задачу Селевка по приданию определенного единства своей державе. В нее входили древние греческие полисы западного и южного побережий Малой Азии, финикийские города Леванта, сходные в своих характерных чертах с полисами, города Месопотамии и Вавилонии, организованные в виде гражданско-храмовых общин, огромные пространства, редко заселенные племенами под управлением собственных вождей, и мелкие владения династов, унаследованных от предшествующей эпохи. Наконец, внутри границ государства имелись анклав, главным образом в горах, население которых оставалось практически независимым при Ахеменидах и не желавшим и теперь утрачивать эту независимость.

Перед Селевком стояла двойная задача: обеспечить контроль над территориями и создать сеть надежных коммуникаций, которые связывали бы центр власти с периферийными регионами. Решение осуществлялось путем массовой колонизации. При Селевке и его преемнике Антиохе I было основано значительное число полисов и военных колоний. Одним из самых первых стал город Селевкия-на-Тигре, очевидно, первоначальная столица государства. В период своего расцвета Селевкия стала настоящим мегаполисом античного мира. Ее население насчитывало примерно 600 тыс. человек. Наиболее интенсивно осваивалась Северная Сирия, где создавались такие

города, как Селевкия Приморская, Антиохия-на-Оронте, Апамея и многие другие. Как правило, города основывались в виде административных центров, откуда осуществлялось управление достаточно обширными областями. Военные же колонии предназначались для контроля над основными линиями коммуникаций.

Основное отличие между полисами и военными колониями состояло в том, что первые пользовались достаточно широкой автономией в своих внутренних делах. Ранние правители Селевкидов учли итоги градостроительной политики Александра и уроки восстания 323 г. до н.э. Александр не давал городам автономии, они управлялись назначенными им градоначальниками, а состав населения был полиэтническим (македоняне, греки, представители местного населения).

Напротив, города, основывавшиеся Селевком I и его сыном и преемником Антиохом I, на первый взгляд, выглядели обычными греческими полисами, что ясно показывают многочисленные надписи из Селевкии-на-Эвлае (греческий полис, основанный на месте древних Суз). Однако реальность была иной. Полис в очень сильной степени зависел от царской власти. Царь определял место, где должен быть создан город, выделял земли как для собственно поселения, так и для его сельскохозяйственной территории (хоры), он приглашал колонистов, материально и финансово помогал строительству, даровал полису его «конституцию». Основателем полиса (ктистом), как правило, считался кто-нибудь из членов царской семьи, хотя, конечно, практическими вопросами занимался чиновник, отправленный царем. В соответствии с принципами греческой религии существовала определенная сакральная связь между ктистом и гражданством основанного им полиса. Например, в Дура-Европосе (полисе, расположенном на Среднем Евфрате) культ в честь Селевка, как основателя города, осуществлялся даже спустя 500 лет после даты основания.

Таким образом, греческий полис был тесно связан с династией и зависим от нее. Царь мог вмешаться во внутренние дела полиса, хотя, как правило, избегал этого. Гарантию возможности эксплуатировать хору, населенную местным населением, граждане усматривали в царской власти, а значит, сохраняли ей верность и лояльность. Позднее, когда с усилением Парфянского царства оно смогло завоевать Месопотамию, Селевкиды (Деметрий II Никатор и Антиох VII Сидет) несколько раз пытались вернуть утраченные земли. При этом, как только их войска появлялись в Месопотамии, немедленно на их сторону переходили все греческие полисы.

Таким образом, созданные Селевкидами греческие полисы представляли своего рода костяк государства, скрепляя его разнородные части в нечто целостное. Они играли важную роль и в другом отношении – поставляли кадры для административного аппарата царства, инженеров, финансовых агентов и прочих профессионалов.

Необходимо отметить, что столь яркий антагонизм между македонянами и греками, который бросался в глаза в начале эпохи, постепенно сходил на нет. Два этих этноса стали восприниматься как нечто единое, совокупный привилегированный слой населения государства. В то же самое время из номенклатурных высших эшелонов власти полностью исчезли персы, занимавшие там достаточно заметное место при Александре. Конечно, это не

означало, что представителям местной элиты оказалась совершенно закрыта дорога к государственной карьере. Хозяйственные документы из сокровищницы, исследованной французскими археологами на городище Ай-Ханум (Северный Афганистан, предполагаемая Александрия-на-Оксе), хорошо показывают структуру управления: высшие должности занимают греки, а внизу иерархической лестницы находятся бактрийцы. Поскольку документы писались на греческом языке, то от представителей местного населения, находившихся на государственной службе, требовалось очень хорошее его знание. Таким образом, эллинизация была необходимым условием для местной элиты по включению ее в состав господствующего слоя.

В целом, государство Селевкидов можно рассматривать как один из вариантов общества колониального типа, в котором достаточно четко была обозначена грань между завоевателями и завоеванными, победителями и побежденными. Власть первых над вторыми в принципе безгранична. Этот тип отношений получил и твердое теоретическое основание. Еще в IV в. до н.э. Ксенофонт писал: «У всех людей существует извечный закон: когда захватывают город, то все, что в нем находится, — люди и имущество, — принадлежит победителю».

Данная теория была, естественно, воспринята и селевкидской династией. В 193 г. до н.э. посол Антиоха III объяснял римским сенаторам: «Когда дают законы народам, подчиненным силой оружия, победитель — абсолютный властелин тех, кто сдался ему; он по своему усмотрению распоряжается тем, что захочет взять у них или им оставить». Таким образом, источник власти — военная победа. В силу этого царь являлся прежде всего победоносным военачальником, фактом своей победы доказавшим свое право на власть. При этом руководство армией предполагало, что царь лично ведет ее в бой. Исследователи подсчитали, что подавляющее большинство царей этой династии погибли во время походов, умершие «в своей постели» составляли абсолютное меньшинство. Второй источник власти — наследование ее от предков-победителей.

Власть царя была абсолютной. Для греческих подданных Селевкидов (особенно в первый период существования государства), твердо убежденных, в соответствии с принципами полисного мировоззрения, в том, что наивысшая власть принадлежит закону, который обеспечивает справедливость, было трудно примириться с непривычными устоями. Для того чтобы соединить традиционное понимание с новым порядком вещей, философами, обслуживавшими династию, версталась концепция о царе, как «одушевленном законе». Историки Плутарх и Аппиан приписывают, однако, создание идеи самому Селевку I. Согласно очень романтической версии (весьма, правда, далекой от истины), наследник престола был безнадежно влюблен в свою молодую мачеху Стратонику и, скрывая эту страсть, тяжело заболел. Царский врач смог выяснить причину болезни и рассказал об этом царю. Селевк с радостью отдал сыну Стратонику и собирает войсковое собрание, на котором объясняет воинам причину своего поступка. Завершающий тезис речи Селевка звучит (в передаче Аппиана) следующим образом: «... я не буду вводить у вас ни персидских обычаев, ни обычаев других народов, но скорее установлю следующий общий для всех закон: то, что постановлено царем, всегда справедливо».

Власть царя опиралась, в первую очередь, на армию, которая, по меркам того времени, достигала весьма значительных размеров. Так, например, в битве при Ипсе силы Селевка I включали 20 тыс. пехоты, 12 тыс. всадников, 480 боевых слонов и 100 колесниц. В роковой для Селевкидов битве при Магнезии (193 г. до н.э.) армия достигала 72 тыс. воинов (из них 60 тыс. пехоты). Вооруженные силы, естественно, включали и флот.

Собственно армия имела своим ядром македонскую фалангу, комплектовавшуюся за счет потомков македонян, обосновавшихся на территории государства. Кроме того, в ее состав входили представители местного населения, вооруженные и обученные сражаться по-македонски, отряды греков-наемников и многочисленные ополчения, которых выставляли сатрапы, управлявшие различными областями государства. В источниках упоминаются десятки этносов, чьи представители служили в армии, главным образом в качестве легкой пехоты и конницы. Значительную часть армии составляли гарнизоны, которые располагались в цитаделях многих городов. Они должны были контролировать окружающую территорию. Особое место занимали в армии «лейб-гвардейские» части, включавшие как кавалерию, так и пехоту. Чаще всего царь сражался во главе «царского эскадрона» (*илы*), но иногда он вел в бой аргираспидов, которых иногда называли гипаспистами.

Вся территория государства разделялась на крупные области (сатрапии). Сатрап (иногда использовался также термин «стратег») представлял собой высшую гражданскую и военную власть на территории своей области, будучи подотчетным только царю. Каждая сатрапия делилась на более мелкие регионы, номенклатура которых варьировала. Греческие полисы, однако, имели право обращаться со своими проблемами непосредственно к царю.

В государстве Селевкидов существовала развитая система налогов, главным образом унаследованная от Ахеменидов. Особое место в ней занимал «форос» – подать, уплачиваемая отдельными коллективами (городами, племенами, общинами и т.д.). Форос выплачивался как деньгами, так и натурой (драгоценными металлами, зерном и лошадьми). Он достигал весьма значительных величин. Например, Иерусалим в обычных условиях уплачивал 300 талантов. Помимо реального своего значения форос имел также и символический смысл – он был, по словам Цицерона, «наградой за победу и штрафом за войну», иными словами, чем-то вроде вечной военной контрибуции. Существовали и другие налоги: подушная подать, налог на соль, таможенные и торговые сборы (известны документы о взимании налогов на торговлю рабами), наконец, так называемый «венечный налог» – в обычных условиях он собирался тогда, когда царь лично прибывал в сатрапию. В целом, финансовые средства, оседавшие в царской казне, были весьма значительны, они обеспечивали нормальное функционирование государственного аппарата, потребности двора, оплату и снабжение армии. Впрочем, войны почти всегда вызывали перенапряжение государственных финансов.

Главным отличием налоговой системы в царстве Селевкидов от предшествующего времени было резкое возрастание роли денежных сборов за счет натуральных. Это явление представляло собой отражение более общих процессов в экономике – широкого внедрения товарно-денежных отношений, что являлось естественным результатом греческой колонизации. Если в западных районах государства монета получила уже достаточное распростра-

нение и в предшествующее время, то для восточной части это представляло собой революционное нововведение. Во всех крупных городах были созданы царские монетные дворы, чеканившие золотую и серебряную монету. Медная, использовавшаяся как мелкая разменная, иногда по специальному решению власти выпускалась и отдельными городами. Но она имела строго ограниченную сферу обращения только на территории данного города.

Первые десятилетия существования государства Селевкидов были временем его значительного подъема. Селевк, как уже указывалось, завоевал огромные территории на востоке и западе, он и его преемник Антиох I смогли обезопасить границы государства, нанеся поражения среднеазиатским кочевникам на востоке и галатам (кельтам), переправившимся с Балкан в Малую Азию.

Одновременно осуществлялись грандиозные программы переселения греков и учреждения новых полисов на всем пространстве государства. Археологические исследования показывают, что в ряде областей Востока происходило резкое расширение обрабатываемых земель благодаря строительству новых плотин и ирригационных систем. Вавилонские документы свидетельствуют о том, что на протяжении нескольких десятилетий цены на основные продукты практически не менялись.

Однако в середине III в до н.э. разразился первый серьезный кризис. Сатрапы двух среднеазиатских областей (Андрагор в Парфии и Диодот в Бактрии) провозгласили свою независимость от центрального правительства. Причины этого крылись в изменении приоритетов политики селевкидских царей. Внимание к Востоку было ослаблено, и основное внимание уделялось Средиземноморскому побережью. Начались длительные и тяжелые войны с Птолемеевским Египтом за Южную Сирию и Палестину. В этих условиях среднеазиатские области стали рассматриваться только в качестве источника извлечения ресурсов для этих войн, что, естественно, вызывало глубокое недовольство местной верхушки.

В Бактрии процесс становления местной государственности закончился успешно, но в Парфии ситуация приобрела катастрофический характер. Кочевники парны (из племенной конфедерации дахов) во главе с Аршаком (Арсакон) разгромили войска Андрагора, который сам погиб в бою, и создали свое государство. Очень скоро оно развернуло экспансию в западном направлении, захватывая селевкидские территории. Попытка Селевкидов восстановить статус-кво оказалась безуспешной.

Возникновение Парфянского государства можно считать в некоторых отношениях поворотным моментом в истории эллинизма. Политическая власть греко-македонян была уничтожена, и руководство страной стала осуществлять местная (в данном случае кочевническая) элита. Движение парфян на запад приобрело перманентный характер, приводящий к потерям одной области за другой.

Самые драматические события в истории Селевкидов приходятся на время царствования Антиоха III (223–187 гг. до н.э.). Он вступил на престол совсем молодым и находился под полным влиянием своих приближенных. Первым внешнеполитическим актом Антиоха было возобновление войны с Египтом. Война эта окончилась катастрофой – в битве при Рафии (217 г. до н.э.) египетские войска полностью разгромили селевкидскую

армию. Ситуация осложнялась выступлениями узурпаторов. Особую опасность представляло восстание сатрапа Мидии Молона, который даже принял царский титул, и его брата, управлявшего Сузианой. Но Антиох в этих критических обстоятельствах проявил незаурядное мужество, талант полководца и государственного деятеля. Он смог консолидировать силы страны. Узурпаторы были уничтожены, в результате похода на Восток, продолжавшегося три года, был восстановлен селевкидский контроль над утраченными территориями (Парфией и Бактрией). Успешное завершение похода принесло Антиоху огромную славу, и он даже принял титул «Великого царя». Затем было нанесено поражение армии Египта, в итоге чего Антиох III обрел Палестину и Южную Сирию. Наконец, Антиох смог достичь и возрождения селевкидской власти в Малой Азии.

Эти огромные успехи и стали причиной дальнейших роковых шагов царя. Он переоценил свои силы и решил начать завоевание Эллады, куда его призывали новые союзники-этолийцы. Однако расклад сил в Элладе оказался не столь благоприятным для него. Силы этолийцев были не очень значительны, большинство греков встретило его приход настороженно, расчет на союз с Македонией также оказался ошибочным. Ее царь Филипп V предпочел воздержаться от поддержки нового завоевателя. Но самое главное, Антиох не смог предугадать реакцию Рима. Римская республика совершенно не желала появления в Элладе новой мощной силы. Римские войска при поддержке греков разгромили селевкидскую армию в Элладе, затем, опираясь на поддержку Пергамского царства, переправились в Малую Азию, где и нанесли решительное поражение войскам Антиоха при Магнесии (188 г. до н.э.). Продиктованные римлянами условия мира были более чем тяжкие. Царство Селевкидов практически полностью лишалось всех своих владений в Малой Азии, которые отдавались союзникам Рима. Селевкидам даровали право содержать только несколько боевых кораблей, которым к тому же запрещалось заходить в воды Эгейского моря, наконец, Рим должен был получить огромную денежную контрибуцию. Это поражение сразу превращало державу Селевкидов из одной из ведущих политических сил античного мира во второстепенное царство. Непосредственно после этого события государство Селевкидов лишилось недавно покоренных территорий на Востоке — Парфия и Бактрия вернули свою независимость.

Селевкиды никогда уже не оправались от поражения, нанесенного им римлянами. Только при царе Антиохе IV (176–164 гг. до н.э.) наблюдался «всплеск» значительной активности, когда армия этого царя, в сущности, захватила Египет. Но угроза объединения сил двух эллинистических государств вызвала совершенно негативную реакцию в Риме. По требованию римских послов Антиох вывел свои войска из Египта. Во время его царствования началась и война в Палестине, где «националистическое» движение Маккавеев поднялось на вооруженную борьбу, которая истощала силы государства Селевкидов. При попытке получить средства из сокровищниц храмов Элимаиды Антиох был убит.

Движение парфян на запад отдало им в руки селевкидскую Вавилонию (141 г. до н.э.). Дважды цари Антиох VII и Деметрий II пытались вернуть эту богатейшую область. Несмотря на то что они оба раза первоначально имели

успех, что объяснялось поддержкой со стороны многочисленных здесь греческих городов, в конечном счете они терпели поражения.

В результате этого в руках Селевкидов остались только сирийские территории. Последний период существования государства характеризовался почти не прекращающейся междоусобной борьбой, в которой принимали участие как члены правящей династии, так и многочисленные узурпаторы. Ситуация осложнялась постоянным вмешательством Рима, Египта и других внешних сил. Наконец, Сирия была завоевана царем Армении Тиграном II, которого, в свою очередь, изгнал римский полководец Помпей, превративший Сирию в римскую провинцию (66 г. до н.э.). Таков был конец крупнейшего из эллинистических государств.

БАЛКАНСКАЯ ГРЕЦИЯ И МАКЕДОНИЯ

Период борьбы диадохов больше всего ударил по Балканской Греции и Македонии. Как только сюда дошли известия о смерти великого завоевателя, в Греции вспыхнуло восстание против македонской власти. Инициаторами выступили Афины и Этолийский союз, к которым позднее присоединился ряд полисов Центральной Греции и Пелопоннеса. Помимо собственных гражданских ополчений восставшие могли использовать многочисленных наемников, собравшихся на мысе Тенар. Это были, главным образом, греки, служившие у македонских сатрапов в те годы, когда Александр воевал на Востоке. Вернувшись в Вавилон, он строжайшим образом приказал распустить эти отряды, и многие тысячи закаленных воинов очутились в один момент без средств к существованию. Воинские силы греков нанесли поражение армии Антипатра, который оказался заперт в г. Ламия, что и дало название войны – Ламийская. Одновременно в Эгейском море начал действовать очень сильный афинский флот (о чем речь шла выше). Казалось, что власть македонян в Греции рушится. Ее спасло только прибытие из Малой Азии отрядов македонских ветеранов, которых вел на родину один из лучших полководцев Александра – Кратер. В конечном счете, армия греков потерпела поражение, афинский флот был уничтожен подоспевшими из Восточного Средиземноморья македонско-финикийскими эскадрами. Для Афин эти поражения оказались фатальными. После них они никогда уже не могли претендовать на роль серьезной политической и военной силы.

Несколько последующих десятилетий представляли собой самое тяжелое время в многовековой истории Эллады. Диадохи вели непрерывные войны на ее территории. При этом практически каждый из них, рассчитывая снискать популярность у греков, провозглашал себя защитником их «свободы». В действительности же свобода греков в этих условиях выглядела чисто иллюзорной, македонские полководцы цинично ее попирали, не считаясь ни с какими условностями. Например, Деметрий Полиоркет во время пребывания в Афинах устроил себе апартаменты в главном афинском храме Парфеноне.

Не менее кровавые события разворачивались и в самой Македонии. Она была особенно желанной добычей, поскольку македоняне заслуженно сохраняли репутацию лучших воинов и доступ к людским ресурсам страны

обеспечивал значительные преимущества. В итоге долгих перипетий кровавой борьбы в Македонии и Элладе установилась некоторая стабилизация, хотя и несколько позже, чем на Востоке. Своего рода заключительным аккордом долгого периода войн явилось опустошительное нашествие кельтов (галатов) на Элладу в 279 г. до н.э., с трудом отбитое греками у Фермопил.

В Македонии к власти пришел Антигон Гонат (283–239 гг. до н.э.), сын Деметрия Полиоркета, сумевший стабилизировать ситуацию и обеспечить мирное развитие страны. Македония по-прежнему претендовала на контроль над миром греческих полисов, как и при Филиппе и Александре, но ресурсы страны не позволяли вести столь активную политику, как ранее. Кроме того, варварские народы, обитавшие к северу от Македонии, усилили свой натиск, и македонским царям приходилось значительные усилия тратить на отвращение этой угрозы.

Усилению влияния Македонии в Элладе мешало и давление внешних сил: Селевкидов, Птолемеев, а затем и Рима. В частности, Птолемеи, опираясь на свой мощный флот, контролировали значительную часть островов Эгейского моря. Македония вынуждена была ограничиваться удержанием под своей властью нескольких ключевых пунктов, откуда македоняне внимательно следили за развитием событий.

В собственно Греции в эллинистическую эпоху явно проявляются тенденции к объединению полисов и общин. Возникают несколько союзов, крупнейшими из которых являлись Ахейский и Этолийский. В отличие от союзов V и IV вв. до н.э., имевших «гегемонистский» характер, в лигах эллинистического времени явно проявлялись тенденции к уравниванию прав отдельных полисов и даже к созданию общесоюзного гражданства. Но обратной стороной этой объединительной тенденции стало жестокое соперничество между союзами, умело подогреваемое внешними силами.

Середина III и самое начало II в. до н.э. ознаменовались острыми социальными конфликтами. Их средоточием выступила Спарта, но идущие оттуда волны захлестывали гораздо более широкие территории. Это обострение напряженности порождалось стремлением части спартанского руководства возродить военную мощь страны. Концентрация земли в немногих руках, огромная задолженность рядовых граждан имели естественным следствием резкое снижение числа полноправных граждан и, соответственно, воинских контингентов. Цари Агис, затем Клеомен, и наконец, тиран Набис пытались переломить ситуацию: кассация долгов и перераспределение земли увеличивали число граждан-воинов. Но эти меры, естественно, вызывали ненависть к реформаторам со стороны имущих слоев и страх в соседних государствах, боявшихся как усиления военной мощи Спарты, так и распространения радикальных идей, грозивших взорвать существующий порядок.

Особенно глубокой была тревога в Ахейском союзе, ближайшем соседе Спарты. Руководители союза, в частности знаменитый стратег Арат, до этого несколько десятилетий упорно боровшиеся против Македонии за свободу Эллады, пошли на прямое предательство общегреческого дела. В обмен на обещание помощи со стороны македонян в борьбе с царем Клеоменом они передали им Акрокоринф, ключевой пункт в контроле над Центральной Грецией. В конечном счете все попытки возродить спартанскую мощь даже такими экстраординарными средствами окончились крахом.

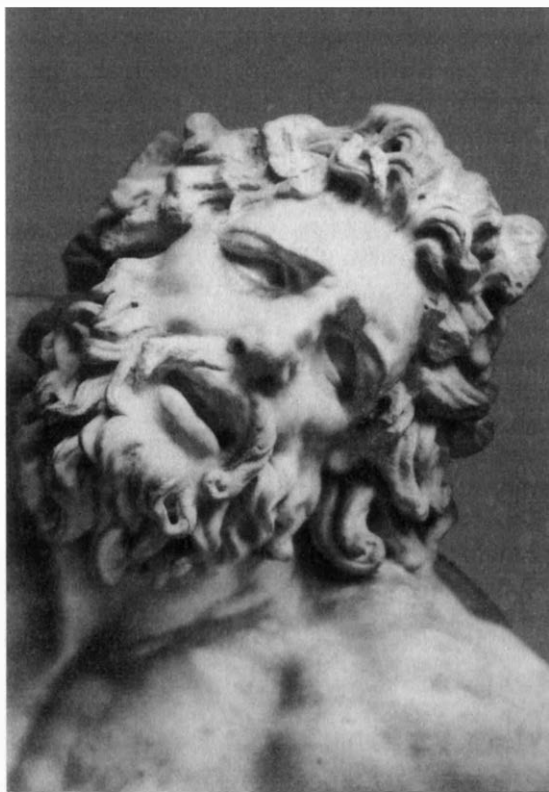
Особую проблему представляли римско-македонские отношения. Неуклонно продвигавшийся на Восток Рим очень скоро вошел в конфликт с Македонией. В результате трех последовательных войн Македония была сокрушена и разделена на четыре независимых друг от друга области. Римляне, как и их предшественники диадохи, в своей борьбе постоянно использовали лозунг «свободы Эллады», что, однако, закончилось в 146 г. до н.э. ее полным подчинением Римской республике.

Эллинистический период в истории Греции был временем серьезного упадка. Прежде всего, как показали современные исследования, резко уменьшилась численность жителей и количество населенных пунктов. Эти процессы были связаны с двумя факторами: прежде всего с войнами, ведшимися на ее территории. Иногда эти последствия носили катастрофический характер. Например, римляне, покорив Эпир, обратили в рабов и депортировали 150 тыс. эпиротов. Второй причиной стала массовая эмиграция греков на Восток, в новые эллинистические государства. Ушли из материковой Греции и важнейшие торговые пути, снизилось качество ремесленной продукции. В Элладе больше не возводились грандиозные архитектурные комплексы, такие как афинский акрополь классической эпохи. Большинство новых монументальных построек – подарки эллинистических владык. Но вместе с тем Греция, особенно Афины, продолжали сохранять свое значение важнейших интеллектуальных и художественных центров.

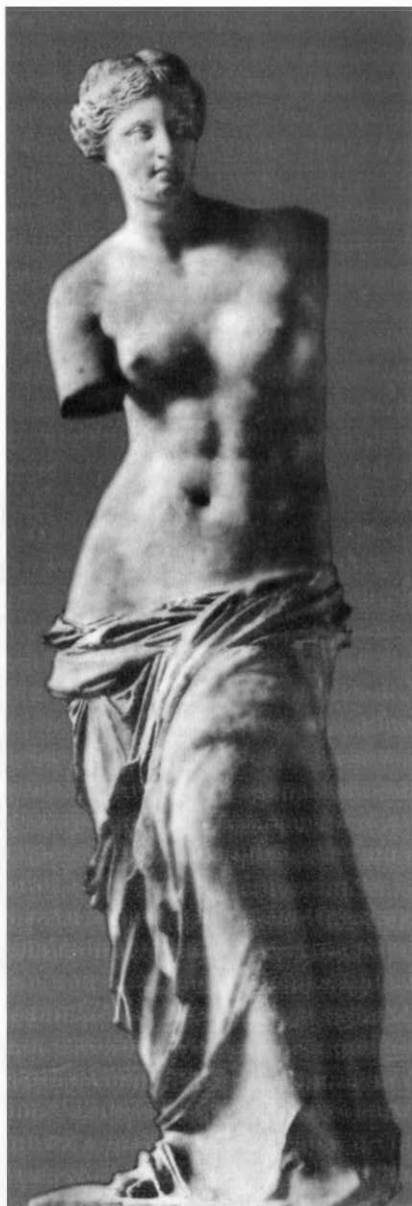
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Культура эллинистического мира явилась результатом взаимодействия различных культурных традиций в рамках новой политической и социальной системы. Характер и степень этих взаимодействий варьировали от региона к региону, поэтому, может быть, более правильным будет говорить не о единой эллинистической культуре, а о ряде близкородственных культур, хотя несомненным является тот факт, что греческие культурные стандарты распространились по огромным пространствам от Эллады до Индии. Вместе с тем они накладывались на различные культурные субстраты, и восприятие греческих стандартов носителями последних могло иметь различный характер: от полного приятия до полного отрицания.

Иногда в рамках единого культурного пространства различные социальные слои резко различались в своем отношении к тому, что принесли греки. Например, в эллинистической Палестине самый верхний слой приветствовал эллинизацию, прекрасно понимая, что она открывает перед ним перспективу включения в общегосударственную элиту. В то же самое время «традиционалисты» горячо отстаивали «отеческий образ жизни», стремясь сохранить свою идентичность, которой угрожала эллинизация. По мнению некоторых исследователей, глубинной причиной знаменитых Маккавейских войн стал именно этот конфликт, в который Селевкиды включились позднее. Показателем отношения к эллинизации в ираноязычных странах стала оценка Александра Македонского. В сакральной традиции он воспринимался как безжалостный враг, убивавший магов и уничтожавший священные тексты

Агесандр, Полидор, Афинодор. Лаокоон с сыновьями. Фрагмент. Мрамор. Ок. 40 г. до н.э. Рим. Ватикан

Александр. Венера Милосская. Мрамор. Ок. 120 г. до н.э. Париж. Лувр.

Авесты, но в секулярной традиции Александр – сын персидского царя и тем самым законный владыка Ирана.

Необходимо подчеркнуть, что Селевкиды (как и правители других государств на Востоке) никогда не ставили своей задачей собственно эллинизацию народов подчиненных им стран, как это еще недавно утверждалось многими исследователями. Эллинизация была естественным процессом, результатом греко-македонского политического преобладания.

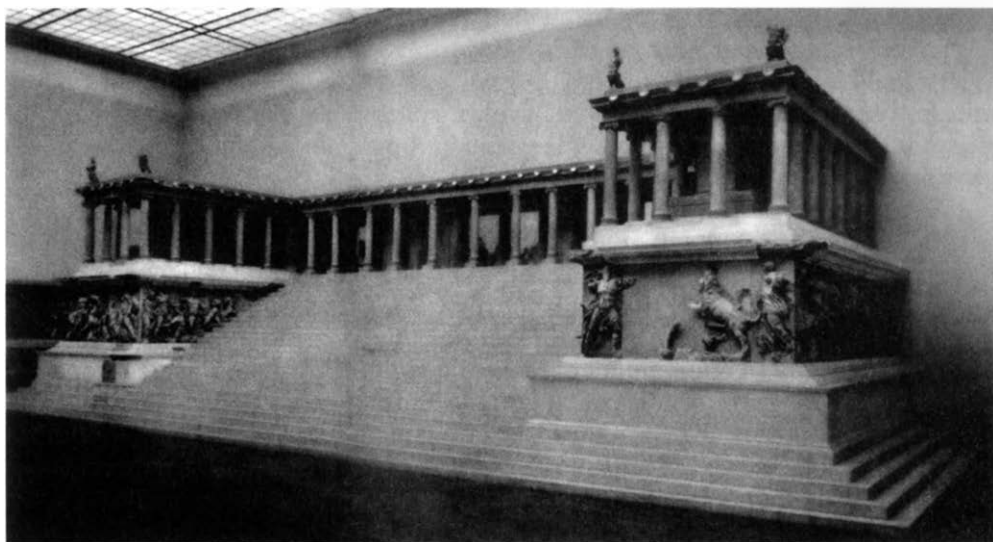
Особую проблему представляет эллинистическая культура собственно Эллады. В отсутствие интеграции ни с одним из эллинистических государств в Греции, естественно, не сложилась почва для прямого взаимодействия греческих и восточных начал, но это не означает, что ее не коснулись некоторые веяния, шедшие с Востока. Особенно сильное влияние оттуда Эллада испытывала в религии и связанных с ней сферах. В ней широко распространяются культы ряда восточных божеств. Особой популярностью пользовалась египетская богиня Исида. Посвященные ей святилища зафиксированы в ряде городов Греции, особенно в тех, что поддерживали активные связи с Египтом. В это же время в Элладе становятся популярными астрологические концепции, пришедшие из Египта и особенно Вавилонии.

Самый мощный импульс для проникновения эллинской культуры на Восток дала проводимая Селевкидами политика урбанизации. Это не означало (как иногда утверждается), что в Азии (или, по крайней мере, в ряде ее областей) до македонян не имелось городов. Многие поселения насчитывали сотни, если не тысячи лет своего существования. Речь идет о строительстве городов греческого типа, возводимых в соответствии с «гипподамовой системой». Она означала не только регулярный план, но также и строгое районирование: выделение специальных зон для общественных зданий, жилой застройки, ремесленных кварталов, оптимальную фортификационную систему. При выборе места особое внимание уделялось наличию хороших источников воды, удобству связи с другими центрами и ряду других условий. В ряде городов наличествовали цитадели, в которых располагались гарнизоны царских войск, обеспечивавших как лояльность горожан, так и защиту их от внешних врагов. В крупнейших городах центральная улица иногда была снабжена колоннадами, протянувшимися от одних городских ворот до других. В пригородах часто создавались роскошные парки, как в Антиохии-на-Оронте (парк в Дафне). Обязательными элементами застройки являлись такие чисто греческие сооружения, как палестры и театры. Они были отмечены, например, в Вавилоне и даже в самом восточном из греческих эллинистических городов – городище Ай-Ханум (Северный Афганистан).

Греки, переселившиеся в глубины Азии, стремились полностью сохранить свою самобытность и, соответственно, свой привычный уклад жизни. В бактрийском греческом городе (городище Ай-Ханум) была найдена надпись, в которой сообщалось, что некий Клеанф (видимо, известный философ Клеанф из Сол) привез сюда скопированные им в Дельфах «максимы», т.е. житейские правила жизни.

Греческие города обладали определенной притягательной силой для верхушки местного общества, тем более что «путь наверх» требовал, по крайней мере, хорошего знания греческого языка. Поскольку вся документация велась на этом языке, то его знание постепенно распространялось и на сельское население, зависящее от городов.

Степень эллинизации местного населения была различна, но несомненно, что в течение эллинистической эпохи греческий язык широко распространился на западе Малой Азии, очень сильно эллинизовались приморские финикийские города, даже в таких традиционных и закрытых обществах,

Пергамский алтарь. Мрамор. 180–160 гг. до н.э. Берлин. Гос. музей

как вавилонские гражданско-храмовые общины появились люди, носящие вторые, греческие имена.

Эллинизация усиливалась процессом постепенного превращения военных колоний в настоящие полисы, а также благодаря преобразованию некоторых восточных городов в полисы (даже Иерусалим в течение нескольких лет обладал этим статусом).

Архитектура в эту эпоху продолжала активно развиваться. Дома богатых горожан приобретали более импозантный характер, правилом стало использование перистильной системы планировки – с центральным двориком, окруженным колоннадой. Такие дома присутствуют не только в метрополии, но и на Востоке. Такими, например, были дома в Селевкийи-на-Тигре. В декоре жилища активно начинают использоваться мозаики, в том числе и очень высоких художественных достоинств. Подобные мозаики мы видим, например, в македонской Пелле. Дворцы на Востоке строятся в соответствии с персидскими принципами. В Ай-Ханум царский дворец кроме собственно жилой части имел и залы для официальных целей. В едином комплексе с ними находились и помещения для работы чиновничества. Ко дворцу примыкала царская сокровищница. В Македонии и Пергаме, не столь затронутых стремлением к восточной роскоши, дворцы напоминают рядовые жилища, но, разумеется, много больших размеров и с изысканным декором.

Продолжают использоваться все три архитектурных ордера, но все большее предпочтение отдается коринфскому, как более нарядному. На Востоке греческая ордерная система перерабатывается, там элементы ордера используются, главным образом, только в декоре здания, а основные строительные конструкции выполняются в традиционной технике. Важную роль в городской среде играют различные памятные сооружения, самым ярким примером которых является знаменитый Пергамский алтарь. Что касается сакральной

архитектуры, то здесь мы видим любопытную особенность: условной линией, разделяющей две зоны, является Евфрат. К западу от него господствует традиционная греческая храмовая архитектура (с небольшими исключениями, такими как храм в Иерусалиме), к востоку же почти исключительно местная, традиционная, даже в храмах, в которых поклонялись богам греческого пантеона.

Хотя традиции греческого искусства продолжали существовать и развиваться, в скульптуре и живописи, насколько мы можем судить, очень отчетливо проявились новые тенденции. Прежде всего, пышно расцвело ранее не известное направление – царский портрет. Родилось оно во время походов Александра Македонского и, естественно, продолжало существовать весь эллинистический период, породив, в конце концов, римский императорский портрет. Царей часто изображали в виде богов – в «героической» наготе, широко представлен был и «повествовательный» рельеф, передающий подвиги царя. Для всех этих портретов была характерна определенная степень идеализации и привнесение в создаваемый образ некоторых стилистических особенностей, роднящих их с изображениями Александра Македонского. Самым массовым видом царского портрета являлись изображения бюстов царей на монетах. При всей разнице в уровне исполнения прототипов для них, практически во всех изображениях видны черты идеализации, а также придания царскому портрету специфических признаков божества. Особенно часто царей в их портретах сближали с Дионисом. Ярче всего это просматривается в портретах Митридата VI Евпатора, царя Понта.

Огромная галерея портретов царей, их предков (как реальных, так и легендарных) мы видим в ряде династийных святилищ царей Коммагены (конец II – I в. до н.э.), особенно в Нимруд-даге. Цари здесь представлены, как равные партнеры богов, с которыми они обмениваются рукопожатиями – символом заключенного договора.

С другой стороны, искусство отходит от тех высоких идеалов прославления доблестного гражданина, которыми характеризовалась классическая эпоха. «Увядание» полиса приводило к утрате значения таких качеств гражданином и уходе этой тематики из репертуара искусства. Портрет, конечно, сохранялся, но представлены на нем отныне благодетели полиса, от иностранных царей до сограждан, выручивших родной город деньгами в трудную финансовую пору.

Все большее значение приобретают жанровые сцены и изображения простых людей в их повседневных занятиях: рыбак, пьяная старуха, педагог с ребенком и т.д. Сказанное еще более верно в отношении коропластики, замечательные образцы которой производились в различных мастерских, из которых наибольшей славой пользовались мастерские Мирины.

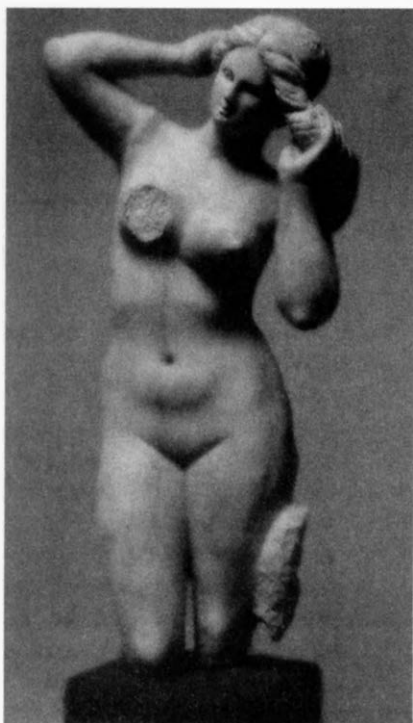
Эволюция религиозных верований в эллинистическую эпоху не поддается однозначному истолкованию. Одновременно фиксируется несколько процессов, взаимно переплетающихся и создающих тем самым очень сложную картину. На первый взгляд, ситуация в собственно греческом мире остается стабильной: в старых храмах по древним ритуалам совершаются поклонения традиционным полисным божествам. Однако изменения проявляются как в строительстве новых храмов, где поклоняются ранее не известным грекам божествам, так и в постепенном наполнении старых культов но-

Пергамский алтарь. Деталь. Мрамор. 180–160 гг. до н.э. Берлин. Гос. музей

вым содержанием. В Греции достаточно активно укореняются пришедшие с Востока такие божества, как Исида, Кибела, Сарапис и т.д. Широчайшее распространение получил культ Тюхе («Судьбы»), хоть и не восточный, но ранее мало популярный в Греции. В этом проявлялась естественная реакция общества на постоянную нестабильность, зависимость судеб тысяч людей от решений, принимаемых далекими правителями по причинам, которые навсегда оставались неизвестными простым людям. Одновременно видоизменялись старые культы. Строгая функциональная ограниченность образа того или иного божества сменялась многофункциональностью. Например, культ Афродиты теперь не только характеризуется ее покровительством любви (в чисто плотском значении), но и распространяется на внутрисемейные отношения, означая чувство взаимной привязанности членов одного гражданского коллектива. Наконец, Афродита с эпитетом «Судоводительница» становится покровительницей моряков. Хотя такое расширение функций наблюдается в культе многих божеств, в каждом отдельном случае такой набор их строго индивидуален. В конечном счете, хотя и слабо, но начинают прорастать тенденции к монотеизму. В связи с этим находится и факт появления приверженцев иудейского культа Яхве среди представителей различных групп населения и этносов.

Происходит постепенное отделение общегражданских культов от частных. В городах появляются небольшие общины приверженцев того или иного божества, не имеющего никакой связи с общегражданской религиозной практикой, но со своей жреческой иерархией, собственным ритуалом и собственными представлениями о богах.

Афродита Анадиомена. Статуэтка из Кирены. II–I вв. до н.э.

Ника Самофракийская. Мрамор. Ок. 190 г. до н.э. Париж. Лувр

Более сложные процессы наблюдаются на Востоке, где, естественно, более активно происходило взаимодействие греческой и местных религиозных систем. Одной из причин этого были сами религиозные представления греков: их политеизм предполагал, что у каждой земли есть свои собственные боги, и грекам, переселившимся на новые земли, необходимо их почитать. Не отказываясь от собственных богов, греки находили в местном пантеоне функционально близкие божества и постепенно создавали их синкретические образы: Зевс объединялся с иранским Ахура-Маздой или вавилонским Белом, Аполлон или Гелиос – с иранским Митрой, Геракл – с Веретрагной и т.д. Начальную стадию такого процесса мы можем видеть в Персиде, где археолог Р. Гиршман нашел традиционные для персов большие каменные платформы с алтарями, где совершались религиозные обряды, но эти платформы невысокой стенкой делились на две части: одна предназначалась для персов, а другая – для греков.

Принципиально новым явлением в религиозной жизни стали осуществлявшиеся государством реформы в этой сфере жизни. Одним из ярких примеров этого является создание в Египте культа Сараписа, который должен был объединить и греков, и египтян. Таким же искусственным был и культ

царей – он также должен был объединить подданных в почитании их владыки. Начало этому культу положил еще Александр Македонский. Позднее царь Антиох I создал культ своего отца – основателя государства Селевка Никатора. Посмертный культ скоро дополняется культом живого правителя. Было найдено несколько надписей Антиоха III, в которых декретировался культ его жены, что, естественно, предполагает существование к этому времени уже и культа самого царя. На самых восточных рубежах эллинистического мира греки начали знакомство с буддизмом. Анализ переводов на греческий язык наскальных эдиктов царя Ашоки, найденных возле Кандагара, показывает, что переводчики были людьми весьма высокообразованными, хорошо понимавшими и буддийские этические принципы, и греческую философскую терминологию.

Эллинистическая эпоха знаменуется расхождением между философией и конкретной наукой, ранее неразрывно объединенными. Конкретные науки активно прогрессируют, но в то же самое время теряют связь с общепhilosophскими концепциями. Бурно развиваются математика и астрономия, обогащенные контактами с Востоком. Неизмеримо расширился географический горизонт греков и как следствие прогресс этой науки как в ее описательной функции, так и в теоретических основах. Благодаря деятельности «перипатетиков» научные начала внедрялись в ботанику (труды Теофраста), минералогию и в иные разделы наук.

В то же самое время философия отчасти утрачивает свое значение. На авансцену, потеснив Академию и Ликей, выходят стоики и эпикурейцы. Крупные общетеоретические проблемы в философии заменяются чисто этическими. При этом и стоики, и эпикурейцы, хотя и в разных формах, проповедуют уход в частную жизнь, отречение от участия в общественных делах, что отражало естественную реакцию на новое место полиса в обществе, когда он перестает быть реальным фокусом общественной жизни.

Аналогичные процессы наблюдаются и в литературе. Жанр трагедии с ее акцентом на самые животрепещущие вопросы жизни практически исчезает. В комедии на смену общественной сатире Аристофана приходят авторы типа Менандра, писатели очень талантливые, мастера театральной интриги, блестящие юмором, но описывающие чисто бытовые коллизии, никогда не поднимающие никаких серьезных проблем. Все большее значение приобретает придворная поэзия, обслуживающая власть имущих. Рождение филологии как особой науки придало литературе черты утонченности, игры терминами, даже эпос (как «Аргонавтика» Аполлония Родосского) скорее напоминает ученый этнографический трактат, нежели реальное эпическое произведение. Историография переживает последний всплеск активности. К сожалению, из эллинистической исторической литературы до нас не дошла основная масса произведений. Но труд Полибия (сохранившийся только частично) является подлинной вершиной античной историографии.

«МАЛЫЕ» ГОСУДАРСТВА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА И РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

На побережье Черного моря, именовавшегося греками Понтом Эвксинским, эллинские города-государства соседствовали с огромным массивом местных племен скифов, фракийцев, гетов, колхов, синдов, меотов, дандариев, ахейцев, гениохов, зигов, мосхов, моссинойков, каппадокийцев, пафлагонцев, мариандинов, вифинов и других. У некоторых из них уже возникли государства на ранней стадии развития: Фракия, Гетика, Колхида, кельтское царство Тила, Кавказская Албания, Скифия, Сарматия, где в позднеэллинистическое и раннеримское время возвысились сираки и аорсы (территорию последних называли даже Великая Аорсия), а более мелкие племена имели своих царей, больше похожих на племенных вождей. Бóльшая часть этих племенных союзов и раннегосударственных образований была построена на завоевании соседних земель.

Скифы и сарматы. Скифские племена появились в Причерноморье во второй половине VII в. до н.э. Первое политическое усиление Скифии произошло после поражения персидского войска во главе с царем Дарием I в 518 г. до н.э., когда в результате победы скифов над персами отдельные влиятельные скифские роды и племенные вожди начали распространять свое господство на остальных соплеменников и даже угрожать греческим городам. Особенно это было заметно в Северо-Западном Причерноморье, где располагался домен наиболее могущественных скифских царей, превратившийся с этого времени в главную арену военно-политической экспансии скифов. Если в VII–VI вв. до н.э. скифы совершали вторжения в Переднюю Азию через Кавказ и Восточное Причерноморье, то с образованием в 480 г. до н.э. на берегах Керченского пролива Боспорского государства и продвижением из Южного Приуралья и Прикаспия савроматов, новой группы ираноязычных кочевников, экспансия на Кавказ для скифов все более затруднялась. Это стало особенно очевидным, когда боспорские тираны захватили Синдику, включив ее в состав своего государства.

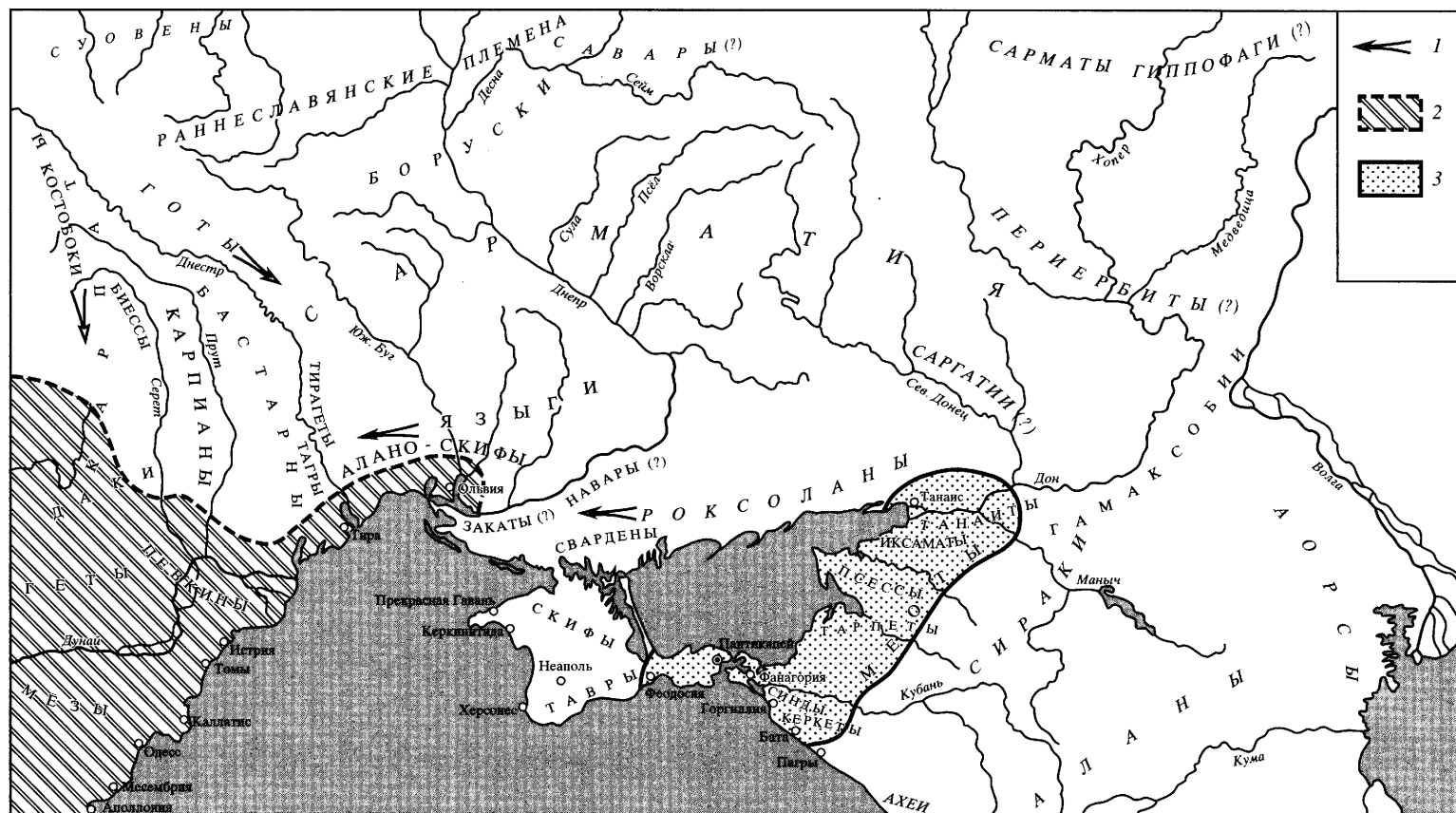
Второй политический расцвет Скифии связан с попыткой объединить разрозненные племена и их вождей в первой половине – середине IV в. до н.э. Это было время, когда там укрепились власть царя Атея, охватившая и северофракийские племена. После нанесенного ему в 339 г. до н.э. македонским царем Филиппом II серьезного поражения Скифия как политическое целое распалась на отдельные племенные союзы во главе с вождями, которых греки по традиции именовали царями. Стремясь закрепить успех и окончательно подчинить скифов, македоняне по приказу наместника Александра Македонского Антипатра организовали в 331 г. до н.э. военную экспедицию против гетов и скифов, которую возглавил опытный полководец Зопирион. С 30-тысячным войском он дошел до Нижнего Побужья, где под стенами греческого города Ольвии потерпел поражение от объединенных сил горожан и скифов (греческая традиция именовала их «борисфенитами» по названию р. Днепр – древнего Борисфена). При отступлении через безводные

степи Поднестровья армия Зопириона была окончательно побеждена гетами и скифами.

Разгром столь могучего противника вновь усилил скифские племена, которые в 328 г. до н.э. совершили военный поход против Боспорского царства. Однако боспорскому царю Перисаду I ценой больших усилий удалось отбить это нападение. Несмотря на поражение, скифская кочевая аристократия – потомки так называемых «царских скифов» Геродота – еще продолжала господствовать в Скифии, взимая дань с оседлых земледельцев в Нижнем Поднепровье, Нижнем Побужье и Нижнем Поднестровье. Однако на рубеже IV–III вв., но в основном с первой четверти III в. до н.э., отдельные сарматские племена, среди которых выделялись воинственные роксоланы, все чаще стали переходить Дон и вторгаться в скифские степи, тревожа скифскую племенную верхушку.

Уже с IV в. до н.э., но преимущественно в III–II вв. до н.э., часть сарматских племен, которые в целом оставались кочевниками, постепенно переходила к оседлости в наиболее удобных для земледелия местах – в Нижнем Подонье и Прикубанье, где смешивалась с меотами. Это были исконно земледельческие племена, обитавшие в Приазовье. Переход к оседлости происходил у сарматов в тех районах, где с VI в. до н.э. активно развивалось земледелие и выращивали злаковые культуры. При этом сарматская знать, сохранявшая традиции кочевого скотоводства и данничества, извлекала для себя выгоду тем, что взимала дань с оседлых соплеменников, а также с покоренных племен и богатых греческих городов Ольвии, Тиры и Боспорского царства. Как показывают источники, например декрет ок. 200 г. до н.э. в честь знатного ольвийского гражданина Протогена, сведения греческого географа Страбона (I в. до н.э.) и херсонесский декрет в честь Диофанта, полководца Митридата Евпатора (конец II в. до н.э.), греческие государства тяготились этой данью, подрывавшей их благосостояние, а на Боспоре еще и устои правящей династии.

Переход от кочевого образа жизни к оседлости, богатая дань, роскошные откупные дары со стороны греков, а позднее дипломатические подарки римлян представителям племенной верхушки, участие в чужих войнах для получения военных трофеев и захвата новых земель – все это приводило к резко выраженному социальному и имущественному расслоению, обогащению знати и превращению племенных вождей в единоличных правителей, которых греки и римляне по-прежнему называли царями. У скифов Крыма во II в. до н.э. на ведущие позиции в политике выдвинулись цари Аргот, Скилур, Палак, а у сарматов в I в. до н.э. – I в. н.э. цари прикубанских сираков Абеак и Зорсин и цари аорсов в Закубанье и Северном Прикаспии Спадин и Евнон. У сарматов, не имевших прочного государства, укрепление власти племенных вождей не способствовало преодолению раздробленности и не избавляло от необходимости перемены мест обитания. Причина этого заключалась в том, что в степях Северного Причерноморья сохранялась межплеменная борьба, а знать постоянно стремилась к захвату добычи и новых земель, причем не с целью развития аграрного производства, а для превращения их в пастбища. При этом источником обогащения племенной верхушки оставалось взимание дани с оседлого населения степных районов и аграрной периферии греческих городов. Это послужило одной из причин

Северное Причерноморье II в. до н.э. – II вв. н.э.

1 – Направления миграций племен; 2 – территория Римской империи во II в. н.э.; 3 – территория Боспорского царства

передвижения сарматов из Подонья и Северного Кавказа в Поднестровье и Подунавье, где во II в. до н.э. появились сарматы-«царские», языги и урги, а позднее – на рубеже эр и в I в. н.э. – племена аорсов. Последние в первой половине – середине I в. н.э. в междуречье Днестра и Днепра образовали свое царство во главе с Фарзоем, Инисмеем и неким Умабием, которого римляне и греки называли одним из царей Великой Аорсии. Тесную связь аорсской племенной верхушки с Ольвией подтверждают золотые монеты, чеканенные там царями Фарзоем и Инисмеем, а также многочисленные посольства ольвиополитов и римлян к «царям Великой Аорсии». Во второй половине I в. н.э. в этот регион с востока передвинулись племена воинственных аланов, которые также управлялись племенными вождями – «царями аланов», как их именовали боспорцы и римляне.

К III в. до н.э. под напором сарматских племен с востока и кельтских племен с запада большая часть скифских племен выдвинулась в Добруджу, где еще со времен царя Атея скифы эксплуатировали оседлые местные племена гетов. Скифское государство в Добрудже, получившее у греков название «Малой Скифии», просуществовало приблизительно с середины – второй половины III до конца II или начала I в. до н.э. Это раннеклассовое, с сильными пережитками племенных отношений, государство было построено на традиционных для иранских кочевников взаимоотношениях между оседлым земледельческим населением и скифской аристократией – данничестве в пользу знати и использовании экономического потенциала греческих городов для получения доходов в виде той же дани, но уже с их аграрной округи. Скифские цари в Добрудже – Ремакс, Фрадмон, Тануса, Канит, Сариак, Акросак, Хараспа, Элий, которых мы знаем по именам из надписей Истрии, Том, Одесса и по чеканенным ими монетам, имели неплохие отношения с греческими западнопонтийскими полисами, установили связи с эллинистическими царями Восточного Средиземноморья и привлекали на службу греческих стратегов и наемников. Однако такая политика приводила лишь к поверхностной эллинизации позднескифского общества, не затрагивая социально-экономической его основы – земельной собственности, которая принадлежала гетским общинам. Позднескифское царство в Добрудже не являлось эллинистическим в полном смысле этого понятия: одной из отличительных черт эллинизма было основание городов как центров ремесла и торговли, притом что полисная гражданская община получала часть земельной собственности, остававшейся в руках верховного собственника-царя. Придунайские же скифы не основывали никаких полисов, они ограничились тем, что взымали дань с греческих городов и их округи. Возникшие еще во время греческой колонизации греческие полисы Западного Причерноморья оставались формально независимыми от скифских правителей.

Под давлением усилившихся к югу от Дуная гетских племен, а также участвовавших вторжений сарматов, бастарнов и бритологов (кельтов из Центральной Европы), Скифское царство в Добрудже пало. В результате скифы и часть гетских (фракийских) племен передвинулись в междуречье Южного Буга и Южного Днепра. Современные исследования нижнеднепровских городищ, ранее входивших в состав дальней сельской округи Ольвии, показывают, что большая их часть возрождается на рубеже II–I вв. до н.э. Здесь на земледельческих поселениях II–I вв. до н.э. археологами обнаружена гетская

керамика. Она показывает, что в состав населения этих городищ входили скифы, бастарны, геты, т.е. этнический субстрат, пришедший из Западного Причерноморья.

Другой анклав позднескифской культуры сложился в Таврике, где скифы также основали свое царство. Этому предшествовали опустошительные набеги в междуречье Дона и Днепра сарматов, очевидно, роксоланов, когда значительная часть населения Скифии, как сообщает античная традиция, была побеждена и уничтожена. Основной удар сарматских кочевников был направлен на запад, но их периодические набеги затронули и Крымские степи. Уже в первой половине III в. до н.э. отдельные сарматские отряды доходили до владений Херсонеса Таврического, греческого города в Юго-Западной Таврике. Во второй половине III – начале II в. до н.э. сарматы выступили союзниками херсонесцев, земли которых подвергались нападениям соседних скифов. Союз Херсонеса и сарматов, возглавляемых царем Гаталом, который они заключили против скифов, получил даже международную известность. Эти два причерноморских государства в 179 г. до н.э. попали в число участников мирного договора, ознаменовавшего окончание войны в Малой Азии между Фарнаком I, царем Понтийского царства, и коалицией соседних царств. Своим участием в этом мирном договоре Херсонес стремился не только закрепить союз с сарматами, чтобы предохранить себя от их возможных вторжений, но в большей степени намеревался использовать его для привлечения в союзники Понтийского царства и даже римлян. Это удалось, и в том же 179 г. до н.э. Херсонес Таврический заключил договор о союзе и взаимопомощи с Фарнаком I, по которому, в случае нападения «соседних варваров» на его хору, понтийский царь обязывался оказывать херсонеситам помощь. Договор был направлен как против сарматов, так и против скифов Таврики.

Появление первых сарматских погребений во II–I вв. до н.э. в районе Присивашья и к северу от Перекопа свидетельствует, что сарматы еще не закрепились в Центральной Таврике. Их продвижению в Крым препятствовало образовавшееся во II в. до н.э. и быстро крепнувшее Позднескифское царство, столицей которого считается Неаполь (на окраинах совр. Симферополя). Поэтому вплоть до падения этого государства в конце II в. до н.э. сарматы ограничивались лишь отдельными набегами на таврические земли. Это хорошо иллюстрируется археологическими раскопками в Неаполе Скифском. Ок. 130 г. до н.э., после разрушения возникшего в начале II в. до н.э. и расширенного в середине этого столетия комплекса укрепленных строений на его акрополе, что произошло, очевидно, в результате очередного набега (может быть, сарматского), Неаполь превратился в дворцово-культовый центр – резиденцию позднескифских царей Аргота и Скилура, выходцев из одного царского рода. Расцвет Позднескифского государства и его столицы пришелся на вторую половину II в. до н.э. Ок. 114–107 гг. до н.э. они были завоеваны Митридатом Евпатором, властителем Понтийского царства.

Сравнительно позднее появление Скифского государства в Таврике совпало по времени с усилением Позднескифского царства в Добрудже, отсутствием оседлых скифских поселений в Нижнем Поднепровье, реорганизацией сельской округи на Европейском Боспоре, когда в центральных районах Керченского п-ова с первой половины III в. до н.э. прекратили существование неукрепленные

земледельческие деревни-комы, принадлежавшие скифским оседлым земледельцам, а к концу столетия стали появляться большие укрепленные поселения и усадьбы. Одной из основных причин этих изменений ученые считают усиление в Северном Причерноморье сарматов и появление там новых племен – сатархов. В результате этого часть скифов с хоры Боспора могла перебраться в Центральный Крым, а другая группа оседлого нижнеднепровского земледельческого населения, в том числе и скифского, передвинуться в Добруджу и частично в Таврику.

В науке до сих пор ведутся споры, когда же сарматские племена пришли в степи Северного Причерноморья и вытеснили оттуда скифов. Об этих событиях на далекой периферии античного мира сохранилось красочное описание Диодора: «Эти последние (т.е. сарматы), много лет спустя сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Это свидетельство долгое время относили к событиям, якобы случившимся ближе к концу IV – началу III в. до н.э. В настоящее время их убедительно связывают с ситуацией в Северном Причерноморье во II в. до н.э., а некоторые даже относят их еще к доэллинистической эпохе. Дело в том, что археологические свидетельства датируют распространение сарматских погребальных памятников в северочерноморских степях не ранее II в. до н.э. Однако это несколько не противоречит тому факту, что первые вторжения сарматских племен в Скифию начались уже в первой половине–середине III в. до н.э. Эти вторжения постепенно привели к исчезновению скифских памятников III – начала II в. до н.э. Они же обострили ситуацию в Нижнем Подонье, где прекратил существование греко-варварский эмпорий на Елизаветовском городище. Появление сарматов сказалось на обстановке в подвластных Херсонесу областях Северо-Западного Крыма и на хоре Ольвии. Окончательное расселение сарматов в северопричерноморских степях завершилось к середине II в. до н.э., что и подтверждается археологией. Поэтому процессы складывания новых этнополитических объединений в Северном Причерноморье могли растянуться приблизительно на 50–100 лет.

Среди появившегося в Таврике нового населения встречались и слабо эллинизованные оседлые земледельцы, обитатели прежней хоры греческих государств Ольвии и Боспора. Они смешались с представителями таврского оседлого населения предгорий, которым принадлежали поселения кизылкобинской культуры IV – начала III в. до н.э., в том числе обнаруженные в окрестностях Неаполя. В совокупности с опустошением Скифии сарматами такие миграции и приспособление пришлых насельников к новым условиям жизни потребовали некоторого времени, что и объясняет сравнительно позднее возвышение Крымской Скифии.

Цари таврических скифов Аргот и Скилур проводили активную внешнюю политику и распространили власть на Ольвию, Нижнее Поднепровье и Побужье. В сильно фрагментированной и явно погребальной греческой надписи, обнаруженной возле героона царя Аргота в Неаполе Скифском, говорится, что этот правитель «ради эллинов любви и дружелюбия, многими силами выступая на защиту [отчизны, на полчища] фракийцев и меотов ... кару божью ниспростер и разметал...». На основании этой надписи становится понятно, почему во второй половине II в. до н.э. Скилур чеканил свои

монеты в Ольвии. Скифская знать была заинтересована в хороших отношениях с греками для получения доходов от торговой деятельности и использования ресурсов ольвийской хоры. Ольвиополитам, в свою очередь, также была выгодна дружба с крымскими скифами, поскольку она избавляла их от необходимости платить дань сарматским царям, что Ольвия еще недавно должна была регулярно делать во времена Протогена и царя царских сарматов (=сайев) Сайтафарна. Скифский протекторат открывал им возможность извлекать прибыль от торговли хлебом с аграрных владений, отныне подвластных скифским царям, в том числе и в Северо-Западном Крыму. Ольвия признала протекторат скифских царей после того, как предшественник Скилура царь Аргот, согласно его погребальной надписи, победил «фракийцев», т.е. гетов, пришедших в Нижнее Поднепровье из Малой Скифии в Добрудже под давлением кельтских племен. С этого времени цепь городищ по течению Нижнего Днепра стала основным производителем аграрных ресурсов для скифской и ольвийской знати. Некоторые знатные ольвиополиты поступали на службу к скифским царям, помогали им в борьбе с сатархами, о чем свидетельствует деятельность Посидея, сына Посидея, оставившего ряд посвященных надписей греческим богам в Неаполе Скифском. Эллинские архитекторы возвели в Неаполе не только дворцово-культовый комплекс, о чем говорят греческие граффити на стенах дворца, но и построили его мощные оборонительные стены по образцу и канонам классической эллинистической фортификации.

Упоминание о победе над «меотами» в надписи Аргота свидетельствует об активном отпоре, который таврические скифы оказали сарматским племенам, пришедшим из Прикубанья, где сираки и отчасти нижние аорсы еще в III в. до н.э. смешались с меотским населением, и потому скифы вполне могли называть их общим этническим термином «меоты». Противоборство с агрессивными сарматами, которые требовали дань с боспорских царей, толкало Крымскую Скифию и Боспорское государство в объятия друг другу: сначала это выражалось в заключении династических браков: между Арготом и боспорской царицей Камасарией, а затем между дочерью Скилура, царевной Сенамотис, и Гераклидом, представителем династии Спартокидов. Именно тогда в боспорской столице Пантикапее поселилась группа знатных скифов, в том числе и некий Савмак, родственник скифских царей, который имел даже право претендовать на боспорский престол. Такая политика позволила вскоре заключить военно-оборонительный союз между Боспором и Крымской Скифией, направленный против сарматов. В самой Крымской Скифии постоянная угроза сарматских вторжений вызвала необходимость постройки новых укреплений, названия которых сохранились в источниках – Палакий, Напит, Хабеи. Они, особенно царская крепость Палакий, названная в честь сына-наследника или соправителя Скилура царя Палака, и Напит, получившая название от скифского племени напеев, подобно Неаполю, также могли являться дворцово-культовыми комплексами и центрами племенных групп или объединений, руководимых представителями правящего в Скифии рода Аргота и Скилура, у которых имелось множество сыновей и дочерей. В Крымской Скифии известны сильно укрепленные поселения Булганакское, Заячье, Усть-Альминское и некоторые другие, расцвет которых датируется второй половиной II в. до н.э. – серединой I в. н.э., поэтому упомянутые

выше названия царских крепостей скифов вполне могли относиться к этим городищам.

Если Ольвия и Боспорское царство вошли в тесный союз со скифами Таврики, то Херсонес Таврический, хора которого примыкала к владениям скифских царей, упорно сопротивлялся попыткам отторгнуть у него хлебородные земли в Северо-Западном Крыму и распространить на него их протекторат. Неуступчивость херсонесцев объяснялась, по-видимому, тем, что они ранее вступили в договорные отношения с сарматами против скифов, тогда как Ольвия и Боспор изначально видели в сарматских племенах очевидную угрозу. Однако, несмотря на периодическую помощь сарматов и договор с понтийским царем Фарнаком I, к третьей четверти II в. до н.э. Херсонес все же утратил большую часть аграрных владений. В результате их перехода под власть Крымской Скифии на месте бывших херсонесских укрепленных поселений и сельских усадеб в Западной Таврике, а также в подвластных городах Керкинитиде и Калос Лимене, появились скифские поселения. Это находилось в прямом соответствии с процессами седентаризации у скифов после событий в степях Причерноморья в конце III – II в. до н.э., что привело к увеличению количества их сельских общин и возрастанию объемов поступления зерна в виде дани, выплачиваемой этими общинами скифской родовой аристократии. Последняя перепродавала ее греческим торговцам, поэтому присоединение Западной Таврики содействовало проникновению в скифскую среду ольвийских и других греческих элементов, что способствовало эллинизации скифской верхушки.

В науке ведется спор, можно ли считать Позднескифское царство в Таврике эллинистическим государством. В настоящее время господствует точка зрения, что оно, подобно Позднескифскому царству в Добрудже, являлось раннеклассовым образованием с пережитками родоплеменного деления. Это подтверждается сохранением даннических отношений между скифской племенной верхушкой и оседлым сельским населением в Центральной и Северо-Западной Тавриде, Нижнем Поднепровье и Нижнем Побужье, включая бывшие владения греческих полисов Ольвии и Херсонеса. Отсутствие царской земельной собственности при наличии земледельческих и сельских общин, строительство царских крепостей – резиденций племенных вождей-царей типа парадинов (многие из них были царского рода), поверхностная эллинизация лишь узкого слоя знати, – все это не позволяло скифским государствам в Крыму и Добрудже развиваться по пути эллинистической государственности. Но самое главное, что отличало скифские царства от эллинистических, это отсутствие полисов, земельная собственность которых вписывалась бы в структуру верховного царского землевладения. Ведь скифские цари Аргот, Скилур и Палак, как и их сородичи в Добрудже, по традиции, уходящей еще к правлению царя Атея, стремились лишь использовать потенциал ранее основанных греческих городов для извлечения прибыли и обогащения племенной аристократии согласно исторически сложившимся канонам данничества, а не путем совершенствования форм собственности на землю. Развитие социально-экономических отношений, как в эллинистических царствах, началось у крымских скифов только после понтийской, а затем боспорской оккупации, когда в течение I в. до н.э. – первой половины III в. н.э., в результате серии завоевательных походов боспорских царей в

Таврику, объединенное Крымское царство скифов и тавров превратилось в зависимое и вассальное от них государство. Вследствие наплыва сарматских и эллинизованных элементов с Боспора, где к этому времени сформировались эллинистические формы зависимости и земельной собственности, в Крымской Скифии усилились процессы оседания населения на землю, увеличилась потребность в городских центрах в связи с трансформацией общинно-племенных отношений в нечто подобное классово-сословному делению. Как следствие, с I в. н.э. Неаполь Скифский из дворцово-погребального комплекса родоплеменного типа превратился в городской центр с хаотично застроенными кварталами.

Фракия и царства дако-гетов. Особенностью этого региона было отсутствие долговременного македонского завоевания, так как Филиппу II и Александру Македонскому пришлось приводить к покорности только отдельные фракийские племена, оставив завоевание всей страны на будущее. Филипп II присоединил к своему царству небольшую территорию в междуречье Стримона и Неста, населенную одрисскими племенами, однако уже в 30-е годы IV в. до н.э. Одрисское царство стало независимым. В планы Александра входило исключительно завоевание южнофракийского племени трибаллов, после чего он обратился к покорению Азии. Поражение Зопириона в Скифии и Гетике, о котором речь шла выше, еще больше подорвало македонскую власть во Фракии. Эпизодические вторжения Селевкидов и Птолемеев на протяжении III – начала II в. до н.э. ограничивались лишь прибрежными областями в районе Аполлонии Понтийской и Херсонеса Фракийского. Несмотря на то что македонские правители основывали города и военно-хозяйственные поселения (колонии) главным образом в южных районах Фракии, пытаясь превратить фракийские земли в царский домен, прочной системы эллинистических социально-экономических отношений и административного управления создать там не удалось.

С распадом державы Александра Фракия (преимущественно южные районы) досталась его сподвижнику Лисимаху. Но его власть на севере Балканского п-ова была непрочной: она основывалась на подчинении отдельных племен, которые оставались под властью местных династов, связанных с Лисимахом вассальными отношениями. Македонский царь пытался создать там сеть мелких «клиентных» владений во главе со своими наместниками-стратегами или гипархами, которые вскоре превратились в независимых правителей. Среди них выделялись Адей у северо-одрисских племен и Скосток в Эносе, а также Эпимен, который признал власть фракийского царя Севта III, а впоследствии перешел к Спартоку, ставшему царем после гибели Лисимаха в 281 г. до н.э. Созданная Лисимахом система управления не отличалась прочностью, поскольку фракийцы во главе с Севтом III оказывали сопротивление македонскому завоевателю. Это привело к формированию во Фракии множества племенных групп и союзов, объединявшихся вокруг Севта III исключительно для отпора внешнему врагу. Но как только угроза снизилась, они сразу превратились в самостоятельные племенные образования, только номинально подчинявшиеся царю.

Конгломерат полунезависимых союзов племенного типа развился во Фракии из традиционного для нее института «парадинастии», который сложился еще в VI–IV вв. до н.э. в Одрисском царстве в результате его территориально-

племенного деления. Это приводило к изоляции отдельных областей внутри царства и ослабляло центральную власть. Такое положение, стало одной из важнейших причин распада раннефракийского Одрисского государства в конце IV – начале III в. до н.э. на ряд мелких династий. Парадинасты, сопровители царей и вожди небольших политически независимых анклавов, сложившихся у фракийцев, сохранялись долго и стали причиной непрочности общефракийского государства, где существовали пережитки племенного деления. Племенная раздробленность не позволила организовать отпор вторжению кельтов-галатов во Фракию и образованию там в 281 г. до н.э. их государства с центром в Тиле. Не привела к консолидации племен в единое царство и попытка создать объединенное кельто-фракийское государство при царе Каваре, поскольку государство Тила строилось на подчинении фракийцев вождям галатских племен. Фракийская знать тяготилась этой зависимостью и не желала делиться добычей, которую фракийские племена и галаты совместно захватывали при нападении на греческие города.

После падения царства Тила в 218 г. до н.э. фракийцы продолжали создавать временные племенные союзы для разбойничьих нападений на Македонию, что еще сильнее закрепляло их племенную разобщенность. Отношения между племенами строились на принципах данничества между различными династиями и вождями, которые делили между собой военные трофеи и добычу. Поступление же доходов от эксплуатации фракийских земледельческих общин становилось фактором второстепенным, уступая стремлению к легкой добыче при военных вторжениях и на службе у более могущественных царей. Политика македонского царя Филиппа V также не способствовала объединению фракийцев. В 184 г. до н.э. конфедерация фракийских племен во главе с царем Амадоком потерпела поражение от македонян, что ослабило Фракию и позволило македонскому царю, заключившему соглашение с бастарнами, провести их в 179 г. до н.э. через фракийские земли для войны с одрисами, противниками македонской экспансии. Эта акция оказалась возможной только при отсутствии единства у фракийских племенных союзов, не желавших признавать господство одрисских династов. Особенно активно против одрисов выступали вожди племен в районе Тонзоса и Гебра, ставших фактически независимыми.

В ходе Третьей Македонской войны Римская республика все чаще стала обращать свои взоры на север Балканского п-ова, поскольку одрисы в лице

Севт III – фракийский царь. Бронза. III в. до н.э. София

царя Котиса поддержали македонского царя Персея. Римлянам удалось склонить на свою сторону племя кенитов, а после 168 г. до н.э. и падения Македонии они инициировали чекан монет греческими полисами Фасосом и Маронеей с целью использовать их финансово-экономическое влияние для привлечения фракийцев на свою сторону, дабы не допустить их вторжений в пределы римских владений. В середине II в. до н.э. эти обширные денежные потоки направлялись на поддержку проримской позиции кенитов. Однако власть их царей во Фракии оказалась кратковременной, ее возвышение было вызвано временным ослаблением одрисов и астов после падения Персея. Рост влияния кенитских царей вызывал недовольство сапеев, поддержавших римлян, поэтому вскоре на сторону Рима перешли и одрисы. Отныне к ним стали поступать огромные денежные средства от римских властей. В результате более агрессивные и отсталые племена бессов и медов, почувствовав себя обделенными, усилили антиримские акции и с еще большим размахом принялись вторгаться в Грецию и Македонию – теперь римские вотчины.

Усиления централизаторских тенденций в развитии фракийской государственности не произошло и после кратковременного вторжения в Юго-Восточную Фракию Митридата Евпатора. Понтийский царь был заинтересован в привлечении отдельных наиболее агрессивных племен для постоянных вторжений в римские владения на Балканах, поэтому эти племена оставались всего лишь его вассалами и союзниками. В конце II – начале I в. до н.э. царь бессов Мостис начал чеканить монеты с греческими типами, близкими монетам понтийского царя Митридата. С одной стороны, это свидетельствовало о поверхностной эллинизации племенной верхушки, а с другой – символизировало союзные отношения с Понтом. В результате усиления бессов и их союза с понтийским владыкой племена одрисов во главе с Садалом I решили поддержать римлян. Это показатель отсутствия единства во Фракии в позднеэллинистическую эпоху, поскольку ни македоняне, ни понтийцы, ни римляне, активно выступившие в это время на арене Причерноморья, не смогли стимулировать развитие эллинистических традиций при становлении единого государства во Фракии. Они сумели сохранить в силе лишь сепаратизм отдельных племенных союзов, пытаясь направить его в русло своих внешнеполитических интересов. В противостоянии Македонии и Рима, а затем Рима и Понта, определенную роль играли одрисские племена, цари которых примыкали то к одной, то к другой стороне. Однако и они не стали оплотом эллинизации, проводниками эллинистической государственности и культуры, поскольку остальные фракийские племена не желали следовать в фарватере политики одрисских правителей.

Слабость царской власти и племенная раздробленность вынуждали фракийцев вступать в дружественные отношения с греками западнопонтийского побережья. Благодаря неразвитой административно-территориальной системе управления во Фракии эллинские полисы, соседствовавшие с фракийцами, сумели сохранить аграрные владения, пользовались относительной автономией и независимостью. Еще в первой половине III в. до н.э. одрисский царь Котис, сын Севта III, оставил своего сына Рескупорида заложником в Аполлонии Понтийской, так как хотел заручиться поддержкой этого полиса

против селевкидского царя Антиоха II или кельтов; чуть позднее одрисский царь Садал I и греческий город Месембрия принесли друг другу клятвы относительно границы, что говорит в пользу взаимного партнерства, а не подчиненности греков фракийскому царю. В середине I в. до н.э. некий грек Меноген, сын Асклепиада, стратег одрисского царя Садала II, управлявший частью подвластной царю земли, которая примыкала к сельской округе Одесса, был почтен в этом городе специальным декретом. Цари фракийцев соблюдали взаимные договоры о границах своих владений и хоры городов: в I в. до н.э., согласно декрету из Дионисополя, было проведено разграничение территории, подвластной сапейскому царю Котису II, сыну Рескупорида, и аграрных владений Одесса, Каллатиса и Дионисополя. Их границы были зафиксированы в соответствии с древними соглашениями в присутствии представителей всех договаривающихся сторон. Этот документ четко различает землю, которая находилась под управлением фракийского царя, что и было подтверждено его стратегом Садалом, сыном Мукапориса (очевидно, членом одрисского правящего дома, стратегом административно-территориального округа), и области, подвластные полисным коллективам, что было ранее признано фракийцами, а теперь официально подтверждено фракийским сапейским царем перед делегатами от греческих городов.

Из сравнения этих надписей следует, что к I в. до н.э. во Фракии произошла определенная трансформация древнего института парадинастов с их практически полной независимостью в некоторое подобие коллегии царских наместников-стратегов, более зависимых от царской власти. Это стало следствием усиления централизации власти и ознаменовало переход к созданию единого государства во Фракии в середине I в. до н.э. При этом, несмотря на внешнее влияние эллинистических царств, выражавшееся в появлении на подвластной царям земле административно-территориальных областей-стратегий, пережитки племенной раздробленности все еще сохранялись. Это проявлялось в том, что стратегии создавались по этно-племенному принципу. С другой стороны, фракийские цари и династы строго придерживались правила не захватывать хору греческих городов, хотя некоторые из полисов побережья номинально признавали их протекторат. К тому же отношения данничества и вассалитета сохранялись во Фракии вплоть до I в. до н.э., что следует из известного постановления римского сената о положении Фасоса и письма Гнея Корнелия Долабеллы о взаимоотношениях этого островного центра с окрестными фракийскими племенами сапеев и их царями Реметалком, Тиутой и Аблупорисом. Во внутренних районах страны господствовали формы общинной собственности на землю, а столицами стратегий выступали укрепления – царские резиденции и крепости (типа Севтополя и Кабиле), либо племенные полугородские общины – столицы наместничеств, типа Бизии. Урбанизация только набирала силу, при этом греческие полисы формально оставались независимыми и не входили в социально-экономическую структуру Фракийского царства одрисов-сапеев, напоминавшего скорее племенной союз, нежели эллинистическое государство. Эллинизация – неперенный атрибут эллинистической государственности, коснулась только верхушки племен, местной аристократии, а широкие слои населения и даже отдельные племена сохранили

свою обособленность. Поэтому одрисско-сапейское государство во Фракии в I в. до н.э. – I в. н.э. являлось раннеклассовым с пережитками племенных отношений.

Укрепившись на севере Балканского п-ова и в Греции, Римская республика не была заинтересована в раздробленности Фракии на племенные союзы, ибо это вело к нестабильности и опасности вторжений фракийцев в пределы новых римских провинций, в основном в Македонию. Во время гражданских войн многие фракийские династы перешли на сторону Рима, но поддерживали разных полководцев: сапеи, бессы, дарданы, одрисы оказали помощь Помпею, затем одрисы в лице Садала II поддерживали Цезаря и позже республиканцев; сапейский династ Раскос стал сторонником Марка Антония, а его брат Рескупорид – Кассия и Брута. Перед решающей битвой при Акции одрис Садал III и сапейский династ Реметалк I являлись союзниками Марка Антония, но после его поражения Реметалк перешел к Октавиану.

Неустойчивая позиция фракийских династов по отношению к римским полководцам была следствием племенной разобщенности и самостоятельности местных правителей, что вряд ли устраивало Рим. Римляне организовали ряд военных экспедиций против наиболее непримиримых фракийских племен: после походов Марка Лукулла, Гая Антония Гибриды, Марка Лициния Красса и Марка Антония процесс централизации власти во Фракии немного ускорился. Во главе объединения выступили сначала одрисы и асты, а затем, в конце I в. до н.э., сапеи и их царь Котис II. Однако решающий прорыв в создании единого государства произошел только при императоре Августе в правление его вассала царя сапеев Реметалка I и при его преемниках – Котисе III, Реметалке II и Реметалке III, царствовавших уже при Тиберии, Калигуле и Клавдии. В это время (последняя декада I в. до н.э. – 46 г. н.э.) Фракийское царство все больше напоминало эллинистическое государство.

Эллинизация фракийцев стала значительнее и осуществлялась под влиянием греческих городов Черноморского побережья, что поощрялось римлянами. Они даже поспособствовали включению греческих полисов в социально-экономическую структуру царства сапеев, одрисов и астов. Император Тиберий принял решение передать под управление Реметалка II (19–38 гг. н.э.) прибрежную область вместе с эллинскими полисами и их хорой вплоть до Истрии, чтобы фракийский царь мог успешнее собирать налоги для укрепления своей власти; под его руку был отдан даже город Филиппополь. Тем самым был сделан серьезный шаг к созданию эллинистического государства, так как при отсутствии во Фракии развитой городской культуры эллинские полисы и их земельная собственность становились частью государственной структуры. При этом полисная аграрная периферия как бы попадала под контроль царя, хотя переход к царской земельной собственности во Фракии в том виде, в каком это происходило в классических эллинистических царствах, пока не наступил. Ведь во внутренних районах страны по-прежнему продолжали господствовать племенные общины, что не давало возможности изжить реликты племенной раздробленности и парадинастии, этнический характер стратегий, а это сдерживало развитие централизованного государства. Как следствие, после смерти Августа в 13 г. н.э. Фракия оказалась разделенной между северными и южными регионами во главе со своими царями – Котисом III, сторонником эллинистическо-римских

нововведений, и его дядей династом Рескупоридом III, опиравшимся на племенные группы фракийской знати.

Попытки возвести на трон романизованных или эллинизованных правителей, настроенных на тесный союз с Римской империей, чтобы сформировать вокруг них новую элиту, наталкивались на противодействие родовой фракийской племенной аристократии, опиравшейся на пережитки общинных структур. Это наглядно проявилось в 19 г. н.э. в правление царя Котиса III, который воспринял греческую и римскую культуру, но был коварно убит. Политика эллинизованных местных династов, открыто выражавшая интересы римлян, поскольку проводилась под наблюдением римских квесторов, вызывала недовольство, а затем привела к восстаниям фракийских племен, в том числе одрисов, койлалетов и диев в 21 и 26 гг. н.э. Эти выступления, по выражению Тацита, возглавили некие «незнатные вожди», очевидно, представители консервативной племенной верхушки, недовольной влиянием аристократии, поддерживавшей эллинистическо-римские устои, и назначением во Фракию римских опекунов и советников типа претора Требеллена Руфа, Гая Юлия Прокла и Луция Антония Зенона.

Чтобы преодолеть племенную раздробленность и укрепить эллинистическую государственность, римляне поддержали Реметалка II, предварительно ликвидировав Рескупорида III, инициатора убийства дружественного им Котиса III. Объединив страну под его властью, провозгласив Реметалка царем, они разрешили ему расширить власть наместников-стратегов с целью укрепить административно-территориальные округа-стратегии, в том числе путем их увеличения. Одним из таких наместников при Реметалке II являлся стратег Аполлоний, сын Ептайкента, надписи которого найдены в Бургасе, Разграде и Бизии. Они показывают, что под его властью находился довольно обширный регион Фракии. Однако сохранившаяся в этих надписях царская титулатура Реметалка II по-своему уникальна: в ней перечисляются предки царя по отцовской и материнской линиям вплоть до второго колена. Это, по мнению исследователей, являлось пережитком парадинастии и племенной раздробленности. Следовательно, говорить о прочном эллинистическом государстве у фракийских племен даже в это время следует с большой долей осторожности.

Все это показывает, что эллинистические социально-экономические отношения развивались у фракийцев исключительно на основе генезиса общины и племенной формы собственности на землю. Неразвитость царской земельной собственности по причине господства общинных и племенных отношений и фактическое обособление греческих полисов от общефракийских государственно-политических структур затрудняли развитие эллинистических отношений, что вызывало нестабильность власти. Это выразилось в созревании заговора с последующим убийством последнего царя сапейской династии Реметалка III (38–46 гг. н.э.), что заставило римлян отказаться от создания во Фракии вассального государства эллинистического типа с прочной структурой военно-административного управления. Поэтому в 46 г. н.э. Фракия стала римской провинцией, и эллинизация вкупе с романизацией проходила уже в рамках Римской империи.

У дако-гетов, северофракийских племен в Добрудже, дельте Дуная и междуречье Дуная и Днестра, государственность была еще более слабой.

Кратковременное возвышение гетского племенного союза при Дромихете Старшем в конце IV – начале III в. до н.э. стало своего рода реакцией на агрессивную политику македонского диадоха Лисимаха, который стремился распространить власть в Подунавье. Политическая и военная слабость гетов в это время подтверждается полным отсутствием царской земельной собственности и полунезависимым положением вождей отдельных племен. Вожди гетов признавали власть более могущественного из них и объединялись вокруг него только во время военной опасности, а впоследствии отдавались друг от друга. Поэтому гетские племена долго не могли консолидироваться в единое государство, причиной чего стали в том числе и вторжения кельтских племен и скифов.

В источниках сохранились упоминания о царях гетов, среди которых в первой половине – середине III в. до н.э. выделялся Дромихет, вероятно, сын Дромихета Старшего, примкнувший к одрисам и селевкидскому царю Антиоху II Теосу. В середине III в. до н.э. в Северной Добрудже, на Валахской равнине и в междуречье Днестра и Дуная племенные союзы возглавляли царь Москон, выпускавший серебряные монеты со своим титулом и именем, и Зальмодегик, по свидетельству надписи из Истрии не имевший царского титула (как и Дромихет Младший). Геты под предводительством Зальмодегика нападали на хору Истрии для взимания дани, часть которой затем могла поступать к более могущественному властителю Москону, объединившему вокруг себя ряд племенных союзов для получения с их вождей доли добычи от нападений на греческие полисы, главным образом Истрию. Грабительские рейды против истрийской аграрной округи продолжались на рубеже III–II вв. до н.э. при преемнике Зальмодегика Золте, который с завидной регулярностью лишал граждан города выращенного урожая и получал с них откупные золотом. Если агрессивность гетов в отношении греков ранее объяснялась желанием более сильных вождей-царей взимать дань с мелких властителей, то после создания в Добрудже скифского царства гетские правители в дельте Дуная и на его правобережье вынуждены были платить эту дань скифским царям. Все это, естественно, не содействовало добрососедским отношениям греков и гетов, препятствуя эллинизации широких слоев общинников и закрепляя племенную раздробленность. Вот почему и во II в. до н.э. в Гетике продолжали существовать самостоятельные мелкие царьки – племенные вожди, среди которых выделялись цари Тиамаркос на северо-востоке совр. Олтении и Дапикс в северной части нынешней Добруджи.

Попытку укрепить государственность у гетов сделал царь Орол (Ролес), правивший в Восточной Трансильвании и к северу от Нижнего Дуная, но это было вызвано не внутренним развитием гетского общества, а участвовавшими вторжениями бастарнов. Несмотря на усиление его властных полномочий, преодолеть раздробленность и родоплеменные порядки гетских общинников не удалось. Союз с Митридатом Евпатором также не стал в этом плане прорывом: в его войске служил некий Дромихет, вероятно, отдаленный потомок Дромихета Старшего, но он не имел царского титула и являлся всего лишь командиром отряда в армии понтийского царя.

Очередным шагом в развитии единого государства у гетов стала политика царя Буребисты, правившего во второй четверти – середине I в. до н.э. Некоторые исследователи оценивают его государство как типично эллинисти-

ческое, но это явное преувеличение. Кратковременность его существования (около 20 лет), полное разрушение и разграбление гетами Буребисты соседних эллинских полисов Ольвии, Тиры, Истрии, Каллатиса и Том, опустошение их хоры, захват заложников, исход жителей, как в Одессе, или серьезные оборонительные мероприятия, как в Аполлонии и Месембри, – результат типичных для гетов действий, апробированных еще при Зальмодекке и Золте, но в более крупных масштабах. При Буребисте, принявшем титул «первого и величайшего из царей фракийцев», враждебность к эллинскому образу жизни, а тем более к римлянам, достигла невероятных размеров, несмотря на то что царь поддерживал связи с городом Дионисополем и одним из его граждан Акорнионом, а через него с самим Помпеем. Это препятствовало эллинизации и формированию эллинистических институтов власти и собственности. Царский титул Буребисты показывал лишь поверхностное влияние эллинизма и отражал его превосходство над другими племенными вождями-царями. Гетское царство Буребисты не переступило через этап племенных отношений, лишь временно уменьшив пропасть племенной раздробленности. Оно не переросло в эллинистическое государство с преобладанием царской земельной собственности, которая охватывала бы и полисное землевладение, так как являлось типичным союзом племен. Непрочность этого государства отчетливо проявилось в 44 г. до н.э., когда после смерти царя оно сразу распалось, ибо возникло исключительно для ограбления соседних городов и племен.

На руинах царства Буребисты возникло четыре или пять племенных союзов с крайне низким уровнем влияния эллинизма и романизации. Это заставило Рим попытаться консолидировать гетов под своей властью: еще Цезарь планировал поход против Буребисты, а представители династии Юлиев–Клавдиев добились включения некоторых гетских земель в Нижнем Подунавье в состав вассального римлянам сапейского Фракийского царства. Римляне прибегали и к династическим связям, что проявилось при преемнике Буребисты царе Котизоне. Но Рим не сумел добиться успехов в созидании гетской государственности по образцу эллинистических царств даже в том объеме, в каком это удалось во Фракии. Причинами стали очень слабая эллинизация племенной верхушки гетов, отсутствие городских центров при преобладании укрепленных резиденций племенных вождей, недобрососедские отношения с греческими городами. Гетские цари, такие как Дапикс и Цирак, предпочитали вести военные действия против римлян, нежели быть включенными в состав подвластных правителей, клиентов Рима. Поэтому для углубления процессов развития эллинизма и, прежде всего, для привлечения местной племенной верхушки на свою сторону путем включения ее в систему выстраивавшихся Римом новых земельных отношений потребовалось присоединение Дакии к империи. Что и было сделано к началу II в. н.э., правда, с огромным трудом.

Таким образом в Западном Причерноморье можно выделить две особенности становления эллинистических отношений. Одна, типичная для позднего эллинизма, когда Римская республика, а затем империя, пыталась построить систему клиентных царств, в которых эллинистические традиции стали бы основными и стимулировались извне, т.е. из Рима. Отчасти это удалось применительно к фракийским царствам астов, одрисов и сапеев. Вторая

особенность больше характерна для гето-даков, где ни эллинское, ни римское влияние не сформировало даже подобия эллинистического государства, которое выражало бы римские интересы. Однако в целом в северобалканском регионе и на Нижнем Дунае вплоть до Поднестровья основы для поступательного развития прочной эллинистической государственности так и не сложились, поскольку этому препятствовали племенная раздробленность, местные общинные традиции, законсервировавшие процесс выделения индивидуальной семейной собственности на землю, а значит и рост объемов царской земельной собственности. Поэтому только с римским завоеванием и созданием провинций социально-экономические и культурные изменения, свойственные эпохе эллинизма, получили ускоренное развитие (за исключением образования государства).

Боспор и Понт. Понтийское царство (или Каппадокия Понтийская), которое при Митридате Евпаторе объединило вокруг себя большую часть Причерноморского побережья, представляло собой типичное эллинистическое государство. Его социальная и экономическая структуры основывались на царском и полисном землевладении, к которым добавлялись обширные храмовые земельные владения Команы, Зелы и Америи. На этом базисе строилась и политическая власть во главе с царем, опиравшимся на военно-административную систему управления с многочисленными наместниками на разных территориях. В ее фундамент были положены типичные иранские черты управления обширными регионами, сложившиеся еще при Ахеменидах. Они поддерживались и развивались местными династиями, считавшими наследниками этого царского рода, а также одного из сподвижников персидских царей – Отана, получившего от Дария I обширные земельные владения на севере и востоке Анатолии.

Наследники Ахеменидов и Отанидов, различные персидские наместники-сатрапы, имели в этом регионе крупные земельные владения, впоследствии формально перешедшие под власть диадохов Александра Македонского – Пердикки, Эвмена из Кардии, Антигона Одноглазого и Лисишаха. Позднее, в начале-первой половине III в. до н.э., Северная Анатолия стала объектом завоевательной политики Птолемея и Селевкидов, однако македонское господство здесь не закрепилось. Этому помешало активное противодействие прибрежных греческих полисов и персидских сатрапов, сохранивших самостоятельность, поскольку завоевание севера Малой Азии не входило в планы Александра. В результате к началу III в. до н.э. здесь сложилось своеобразное сочетание греческих и местных порядков и традиций: анклав эллинских полисов с их хорошей, достаточно развитым полисным землевладением и эллинизованным сельским населением, и огромный регион внутри страны, оставшийся в собственности преемников и наследников персидских сатрапов – крупных землевладельцев, считавших эти домены родовыми владениями. Население этих областей, за исключением прибрежной зоны, было очень слабо эллинизовано.

В противоборстве с агрессивными устремлениями Селевкидов и Лисишаха в 297 г. до н.э. в Североанатолийском регионе образовались царства Понт и Вифиния, позднее появилось государство Каппадокия. Во главе этих образований встали представители местной знати, возглавившие борьбу против македонян, чтобы отстоять свои домены и не допустить их перехода

в руки македонской правящей верхушки. С самого начала главной их задачей было как можно скорее приумножить земельные владения за счет соседних территорий. Этот процесс особенно ярко проявился в Понтийском и Каппадокийском государствах, где местные династы, в частности понтийские Митридатиды, укрепившись в родовом домене на границах Пафлагонии и Понта, начали быстро присоединять новые земли, расширяя размеры своих владений и собственности. С превращением династов в царей их владения и новые приобретения постепенно трансформировались в царскую земельную собственность, сохранявшую не македонские, а традиционные ахеменидо-иранские черты. Ее прочно цементировали царские крепости-резиденции, куда стекались налоги и где хранилась казна, располагались гарнизоны для сбора налогов и удержания в повиновении оседлого населения. От прежней эпохи сохранились мелкие вассальные землевладельцы, обязанные военной службой верховным правителям и повинностью выставлять военные отряды из подвластных им крестьян-общинников.

Понтийское государство прошло несколько этапов в своем развитии, однако с самого начала перед его царями стояла главная цель – присоединить греческие города побережья и обширные области внутри страны. С III в. до н.э. столицей Понта стала Амасия, греческий полис в бассейне реки Ирис, родина греческого географа Страбона. Стремление подчинить эллинские города всегда отличало ахеменидских сатрапов и каппадокийских правителей, однако это не всегда им удавалось. А когда все же удавалось, то города на время признавали их протекторат, но сохраняли при этом автономию и политику, не составляя при этом часть социально-экономической структуры государства. Политика Митридатидов коренным образом отличалась от более ранних precedентов: она прошла путь от жесткого противостояния с эллинскими полисами и их подчинения с минимальным количеством полисных привилегий к филэллинизму, когда греческие общины получили расширение политических прав и определенное количество земельных наделов. Филэллинская политика стала активно претворяться в жизнь после неудачной для Понта войны в Малой Азии, когда по жесткой контрибуции, наложенной на него в 179 г. до н.э. победителями – Пергамом, Вифинией и Каппадокией (за спиной которых стоял Рим), понтийский царь Фарнак I был вынужден обратиться за поддержкой к греческим городам Причерноморья для укрепления пошатнувшейся экономики. С этого времени понтийские монархи вплоть до Митридата Евпатора стремились предстать «друзьями» римлян и эллинов, однако во внутренней политике права политической автономии и даже торговая деятельность греков находились под контролем царской власти. Это сдерживало распространение эллинистических традиций во внутренних областях Восточной Анатолии. Ведь наряду со строительством греческих городов (Фарнакии, Лаодикеи, Митридатиума, Евпатория) и превращением царских крепостей в полисы цари возводили новые укрепления и цитадели в глубине страны, усиливая царскую земельную собственность и предоставляя домены своим друзьям и сторонникам из числа ирано-каппадокийской, пафлагонской и греческой аристократии.

В результате опоры на греческие полисы Митридат Евергет и его сын Митридат Евпатор сумели вывести Понтийское царство из кризиса и ликвидировать последствия поражения в войне 183–179 гг. до н.э. и обременитель-

Митридат VI Евпатор. Мрамор. I в. до н.э. Париж, Лувр

ной контрибуции. Это позволило начать экономическую, а вскоре и военно-политическую экспансию в Причерноморье с целью создать такую державу, обширные регионы которой, населенные греками, могли бы за счет своих ресурсов подпитывать экономику родовых владений понтийских владык в Малой Азии. Включение в нее греческих городов способствовало распространению эллинизма в Понтийском государстве, причем одну из ведущих ролей в жизни царства стали играть именно эллинские традиции, а иранские и анатолийские отступили на второй план. На рубеже II—I вв. и в первой половине I в. до н.э. Понтийское царство, опираясь на эллинские города и царские крепости на царских же землях, расширило территории в Малой Азии, Причерноморье

и Фракии, включив в число союзников местные варварские племена. Это еще больше укрепило его могущество, а экономика получила дополнительный стимул к развитию за счет налогов и дани с этих регионов. Митридат VI стал чеканить обильные серии золотых и серебряных монет, унифицировал денежное обращение в Причерноморье, что сблизило Понт и расположенные там государства и племена, расширил земельные владения полисов, провел реформу административно-политического управления. Царь увеличил количество округов-наместничеств и, продолжая опираться на города Синопу, Амис, Амасию, Амастрию, Фарнакию и другие, предоставил полисные права (правда, ограниченные) бывшим царским крепостям — Пимолисе, Газиуре, Хабакте, Талауре. Однако в целом градостроительная политика в Понте была ограниченной, так как приходилось пользоваться в основном экономическим потенциалом древних прибрежных эллинских городов, издревле имевших тесные связи в Причерноморье. Внутренние районы Понтийской Каппадокии, Пафлагонии, Малой Армении и Колхиды оставались еще слабо эллинизованными во многом по причине отсутствия градообразующих центров. После того как в 110–95 гг. до н.э. вслед за Херсонесом, Ольвией и Тирой в состав Понта вошли Боспорское царство, Малая Армения и Колхида, сложившиеся в малоазийских владениях понтийских царей система управления, политические и экономические отношения распространились и туда. Это ускорило эллинизацию Понтийского царства и соседних областей.

В 100–80-х годах до н.э. на Боспоре, отчасти в Херсонесе и Ольвии, начался некоторый подъем экономики и военного дела, о чем свидетельствует

чекан местной монеты, в том числе из серебра, что было крайне необычно для Понтийского царства. Это прямое следствие филэллинской политики Митридата Евпатора, опиравшегося на греческие города, что ранее делал и Митридат Еввергет. Понтийский монарх рассчитывал на большие доходы от эксплуатации полисных земель и ремесленных мастерских в городах, а также от торговой деятельности греческих купцов. Однако дань, наложенная царем на население Боспора, военное поражение Митридата от римлян в 85 г. до н.э. показали шаткость опоры исключительно на материальные ресурсы греческих полисов: отношение греков к Митридату дало трещину, а некоторые города Боспора и Колхиды вообще отпали от царя. Вследствие этого понтийские наместники в Северном и Восточном Причерноморье (Западное Причерноморье официально подчинялось Митридату на правах протектората) были вынуждены сократить полисные привилегии городов и урезать часть их земельных владений. Приблизительно в 80–75 гг. до н.э. на Боспоре (и, по-видимому, в Колхиде) по примеру родовых владений в Понте и Пафлагонии началось укрепление царского землевладения с целью не потерять Боспор, да и все Северное Причерноморье как основную хлебную житницу Понта.

Для усиления своих позиций на северном побережье Эвксинского Понта Митридату Евпатору пришлось установить тесные связи с местными племенами, в основном сарматскими, обитавшими на Северном Кавказе. Сарматская и скифская знать была заинтересована в военных мероприятиях понтийского царя, так как это давало ей возможность обогащаться за счет военных трофеев. А рядовые общинники, оседавшие на земле в Прикубанье, Восточном Крыму, Подонье и в других хлебоборodных областях, призывались на царскую службу в качестве катойков – военно-хозяйственных поселенцев, которых теперь селили в царских крепостях на царской земле. Они обрабатывали землю, продавали продукцию своего труда в городах и получали плату, подарки и долю при дележе военных трофеев за участие в военных походах. Так что выгода была взаимной как для царя и его эллинских подданных, так и для варварской аристократии и рядовых общинников. Укрепление царского земельного фонда требовало строительства новых крепостей и поселений, как ранее в Малой Азии. Такая политика приводила к росту экономики, главным образом, ремесла и аграрного производства, в результате чего Митридат Евпатор регулярно получал большие поставки зерна и других материальных ресурсов из Северного Причерноморья и из соседних областей.

Эллинизация местного населения, опора на царские крепости, усадьбы и «малые» города при сохранении в экономике позиций старых эллинских полисов Пантикапея, Нимфея, Горгиппии, Феодосии и Фанагории открывали возможность для взаимовыгодного развития как греческих, так и местных общин, основывавшихся на земельной собственности под контролем царской власти. Поэтому Боспор стал постепенно превращаться из государственного образования полисного типа с единолично-тиранической формой правления (как при Спартокидах) в типично эллинистическое царство, где активно взаимодействовали эллинские и местные ирано-понтийские традиции вкупе с сармато-скифскими чертами – последнее проявлялось, главным образом, на сельской периферии.

На протяжении длительного, с переменным успехом противоборства Понтийского царства и Римской республики (первая война – 89–85 гг. до н.э.,

вторая – 83–80 гг. до н.э., третья – 74–63 гг. до н.э.) Причерноморский регион, в особенности Боспор и Таврика, выступали главными поставщиками средств для ведения войны. Однако к 63 г. до н.э. под ударами римлян Митридат Евпатор потерпел ряд серьезных поражений, утратил все свои владения в Малой Азии и, потеряв доверие союзников в Передней Азии, удалился в Боспорское царство. Здесь он вынашивал планы новых войн с Римом, для чего выкачивал из городов и царских земель все возможные средства, что привело к обнищанию населения и неспособности подданных платить непомерно высокие налоги. Вследствие антимитридатовских восстаний в городах и на хоре многие производственные и торговые центры оказались разрушенными, а население все чаще обращало взоры к римлянам за поддержкой. Когда Митридат увидел, что против него поднялись не только города, но и прежде верные гарнизоны в царских крепостях, а также представители варварской знати, он покончил жизнь самоубийством. Выводить Боспорское царство из кризиса пришлось уже его преемникам, в частности его сыну Фарнаку II, возглавившему заговор и восстание против отца.

После гибели понтийского царя римляне усилиями Гнея Помпея разделили его владения: большая часть Восточной Анатолии была отдана союзным Риму эллинистическим династам и царям, а Вифиния, Северная Пафлагония и часть Понта включены в состав новой провинции Вифиния-Понт. Но главное, что потребовали римляне – это ликвидировать военно-административные округа на царской земле, разрушить царские крепости, построить новые города, расширить полисные привилегии и земельные владения греческих городов. Тем самым на этих территориях начался новый этап в развитии эллинизма, так как он затронул теперь более обширные области, нежели «при царях». Однако на Боспоре и отчасти в Колхиде прежние митридатовские установления были оставлены в силе, поскольку римляне еще не могли активно влиять на происходившие там процессы. В результате Фарнак II, во многом опираясь на созданные еще при отце военно-политические и административные структуры, в 48–46 гг. до н.э. организовал попытку восстановить Понтийское царство, но был разбит Цезарем. Его преемники Асандр, Динамия, внучка Митридата Евпатора, Аспург и Митридат III сконцентрировали свою деятельность исключительно на Боспоре: они не только завершили создание там системы эллинистического землевладения, основанной на сочетании царской земельной собственности, введенной еще при Митридате, и полисного землевладения крупнейших городов, но и укрепили позиции царской власти. Они возводили новые укрепления по всему царству, подняли аграрное производство, ремесленную деятельность в городах, сохранив за некоторыми из них (Пантикапеем, Фанагорией, Горгиппией, Феодосией) полисные права, а также в небольшом объеме их хору.

Усиление митридатовских традиций на Боспоре во второй половине – конце I в. до н.э. и в первой половине I в. н.э. стало своеобразной реакцией на активизацию римской политики в Причерноморье. Гай Юлий Цезарь, затем Август, а позднее Калигула и Нерон, рассматривая Северное Причерноморье и Боспорское царство как плацдарм для противодействия Парфии и сарматским кочевникам, стремились либо включить регион в систему вассальных клиентных государств, которые всецело следовали бы в фарватере римской политики, либо вообще свести его самостоятельность к минимуму

для подготовки к превращению в римскую провинцию. Боспорским правителям – Асандру и Динамии, в меньшей степени Митридату III, путем искусной дипломатии и маневров удавалось добиваться усиления своего могущества на условиях римской поддержки при сохранении и развитии эллинистических установлений. Асандр, сменивший на престоле Фарнака II, достиг в этом огромных успехов: в результате умелого лавирования во время заключительного периода гражданских войн в Риме, когда противоборство Марка Антония и Октавиана достигло апогея, он сумел превратить Боспорское государство в типичную монархию

Монета времени царя Асандра. Пантикапей. I в. до н.э.

эллинистического типа на основе митридатовских традиций. При нем Боспор достиг уровня развития экономики и военного могущества эпохи правления Спартокидов и Митридата Евпатора, что подтверждает обильная чеканка Асандром полновесных золотых монет. Золотые статеры, очевидно, не без субсидий со стороны римлян, выпускали также Динамия, Аспург, Митридат III и последующие правители, что было невозможно, если бы Боспор находился в жесточайшем кризисе, как иногда считается.

В чем причина экономического роста Боспорского государства в пост-митридатовскую эпоху? Во-первых, филэллинская политика Митридата Евпатора и его преемников на Боспоре; во-вторых, развитие полисного и царского землевладения вместе с подъемом ремесла и торговли; в-третьих, эллинизация варварского сарматского населения, привлекаемого для обработки царской хоры и строительства крепостей; в-четвертых, содействие Римской империи, рассматривавшей Боспорское царство как важнейший форпост в противоборстве с агрессивными местными племенами – сираками, аорсами, аланами и тавро-скифами. Однако римляне не сразу осознали важность эллинистических нововведений Митридата Евпатора. Поначалу, следуя политике Помпея и Цезаря, они стремились уничтожить привилегии старой митридатовской элиты, основанные на царском землевладении смешанного ирано-каппадокийского и греко-сарматского типов. Для этого они пытались посадить на престол своих ставленников Митридата Пергамского и Скрибония. А когда это не удалось, то решили связать Боспор единой унией с воссозданным в 39 г. до н.э. Понтийским царством, где римский вассал царь Полемон I перераспределит земельный фонд и расширил привилегии полисной знати, уничтожив основы экономического могущества митридатовской верхушки. Император Август поставил перед ним задачу выполнить то же самое и на Боспоре, однако местные сарматские племена, греческие города и царские поселенцы на хоре оказали понтийскому царю решительное сопротивление. Гибель Полемона I в 7 г. до н.э. на азиатском Боспоре ознаменовала поворот в римской политике: Август и его преемник Тиберий

решили поддержать местную митридатовскую династию и греко-иранскую элиту, оказав ей помощь в укреплении военного могущества царства. Римляне поняли, что сохранение мощной системы военно-административного управления царскими землями с опорой на укрепления и катойкии может стать надежной защитой интересов городской торгово-ремесленной прослойки, втянутой во внутривосточную торговлю, в том числе с городами римских малоазийских провинций. В Риме посчитали, что эллинистическая структура экономических и политических отношений будет помогать защите римских интересов в Причерноморье, предохраняя владения империи от неожиданных рейдов агрессивных кочевников. Римское государство на протяжении долгого времени строго следило за балансом сил на Боспоре, поддерживая равновесие интересов боспорской правящей элиты, могущество которой базировалось на царском землевладении и эксплуатации оседлых сарматских и меотских племен, эллинских слоев в городах, занимавшихся торговой и ремесленной деятельностью, что втягивало бывших кочевников в эллинизацию, и племенной аристократией сарматов, заинтересованной в дружбе с боспорскими правителями и римлянами. Таким образом, римская политика способствовала развитию Боспорского царства как эллинистического государства, субъективно содействуя взаимовлиянию и взаимообогащению эллинского и местного начал во всех областях жизни этого государственного образования.

* * *

Становление эллинистических государств в Причерноморье осуществлялось двумя основными путями. В тех регионах, где митридатовское влияние было ограниченным, государственные образования вызревали в недрах племенных общин, поэтому племенные отношения сохраняли свое значение очень долго. Это препятствовало прочности государственного строя. В этом заключалась слабость государства у фракийцев, тавро-скифов, скифов Добруджи, гетов и сарматов – аорсов и сираков. Даже римское влияние не давало возможности преодолеть племенную раздробленность, обогащение племенной верхушки за счет данничества и грабежа хоры городов, отсутствие городских центров, участвовавших в процессе развития производственных отношений и производительных сил. На Боспоре и в Понте, а также в соседних государствах при всех их внутренних особенностях, наблюдались иные признаки: существование греческих городов, втянутых в общепонтийскую и даже средиземноморскую торговлю, царское землевладение, опосредовавшее полисные формы земельных отношений, греко-иранские династические традиции, вокруг которых формировалась эллино-сарматская и ирано-каппадокийская элита, ставшая опорой политики Митридата Евпатора и его преемников. Римляне, исходявшие из своих собственных интересов, поддерживали сложившиеся к I в. н.э. в Боспорском царстве эллинистические отношения, что помогло завершить трансформацию этого государства от тиранического режима с легкой окраской в цвета эллинистической династии к сильной монархии эллинистического типа, в миниатюре повторявшей устройство Понтийского государства Митридата Евпатора.

ВОЗВЫШЕНИЕ РИМА (III–II века до н.э.)

Несмотря на победы Рима в борьбе с федерацией самнитских племен в IV в. до н.э., она продолжала оставаться серьезной угрозой римскому могуществу в Италии. Да и сам Рим не мог остановиться на достигнутом. Поэтому очередная война Рима с самнитами была неизбежной. Для самнитов наиболее актуальной становилась проблема поиска союзников. С этой целью они обратились к населявшим Луканию племенам. Получив отказ, самниты вторглись на их территорию и начали опустошать ее, что сыграло значительную роль в развязывании Третьей Самнитской войны (298–290 гг. до н.э.).

Помощь самнитам в борьбе с Римом пришла со стороны этрусков и умбров, к которым присоединились галлы, обитавшие в Паданской долине. Однако, благодаря продуманной политике, римлянам удалось отсечь от коалиции этрусков и умбров. Поэтому в битве при Сентине (296 г. до н.э.) в Умбрии римляне успешно противостояли самнитам и галлам. Хотя война была еще далека от завершения, одержанная победа решила судьбу самнитов и открыла римлянам путь к окончательному покорению Италии. Героем этой войны является римский полководец Маний Курий Дентат, который стал образцом простоты и умеренности в обыденной жизни для последующих поколений римлян, в то время как его современники уже почувствовали вкус к обладанию богатой военной добычей, стекавшейся в Рим.

После победы над самнитами и этрусками Рим становится серьезной политической силой в Италии, с которой теперь приходится считаться полисам Великой Греции. Для борьбы с Римом греческий город Тарент обратился за помощью к Пирру, царю Эпира, области, расположенной в Северной Греции к западу от Фессалии. Пирр считал себя потомком греческого героя Ахилла, мечтал о славе Александра Македонского и расценил сложившуюся в Италии ситуацию как благоприятную для осуществления своих завоевательных планов. Он переправил в Италию внушительную армию (22 тыс. пехоты, 3 тыс. всадников), в которой находились 20 боевых слонов, дотоле неведомых римлянам. В международных отношениях Рим по-прежнему ориентировался на Карфаген, с которым в 279 г. до н.э. был заключен очередной договор, определявший условия взаимопомощи. Этот договор стимулировал войну с Пирром (280–275 гг. до н.э.).

Первое сражение с Пирром произошло в 280 г. до н.э. около г. Гераклея на юге Италии и закончилось поражением 70-тысячной римской армии. Пирр надеялся на то, что его победа завершится заключением мира, а сам он в ореоле освободителя Италии получит поддержку и признание со стороны всех итальянских народов. Но его планам не суждено было сбыться. Победитель Пирр получил отпор со стороны престарелого сенатора Аппия Клавдия Цека, который произнес в римском сенате пламенную речь, исполненную негодования, в которой отвергал саму возможность заключения мирного договора с неприятелем. Решено было сражаться до победного конца. В 279 г. до н.э. обе армии встретились в битве при Аускуле в Апулии. Победа опять склонилась на сторону Пирра, правда, досталась ему столь большой ценой, что вошла в историю под названием «Пирровой победы» (сравнимой с поражением).

Последнее сражение этой войны произошло в 275 г. до н.э. при Беневенте в Самнии. Римской армией командовал уже известный нам Маний Курий Дентат. Римляне отбили натиск слонов на свой лагерь. Бегство животных вызвало беспорядок и замешательство среди наступавших под их прикрытием воинов. В результате армия Пирра была разгромлена, а сам он покинул скоропостижно Италию. Победу над Пирром Дентат отпраздновал триумфом, во время которого римляне впервые увидели в триумфальной процессии оставшихся в живых боевых слонов, которые еще недавно наводили ужас на их воинов.

Военные победы Рима начала III в. до н.э. шли рука об руку с завершением процесса формирования гражданского коллектива и создания отвечающего его нуждам государственного аппарата. Это выразилось, прежде всего, в определении правового статуса «плебисцитов» (решений плебса по трибам). Если раньше плебисциты получали силу закона после одобрения их сенатом, то закон диктатора-плебея Квинта Гортензия 287 г. до н.э. снял это ограничение. Собрания плебса по трибам (трибунные комиции) стали главным законодательным органом Римской республики. Хотя закон Гортензия явился важной политической уступкой плебсу, он не сказался на демократизации римских государственных институтов, так как народные собрания в Риме (в отличие от греческих полисов) не имели автономии. Они собирались только по созыву магистратов, отвечали исключительно на поставленные ими вопросы и выбирали должностных лиц (магистратов) из предложенных кандидатов.

Дарованные народом магистратуры назывались «почестиями». Подобное название государственных должностей свидетельствует об отсутствии профессиональных политиков, поскольку политическая деятельность мыслилась для римского гражданина не только почетной, но и важной формой самовыражения. В отличие от Афин магистратура в Риме не только исполнялась бесплатно, но и предполагала траты на общественные нужды избранным лицом. Все магистратуры были коллегиальными и ограниченными во времени.

Высшая исполнительная власть принадлежала коллегии двух консулов, которые командовали римскими легионами. С середины IV в. до н.э. судебные полномочия консулов были переданы преторам (городскому и по делам чужеземцев-пeregринов). Со временем число преторов увеличилось до шести. К первоначальному числу двух плебейских эдильов было добавлено еще два курульных эдила, которые избирались только из патрициев. Они следили за порядком в городе, ведали снабжением населения продовольствием и устройством игр. Самостоятельное значение получили квесторы, бывшие изначально помощниками консулов. С середины V до середины III в. до н.э. их число выросло с четырех до восьми. Они ведали государственной и армейской казной. Особняком от «лестницы магистратур» стояли плебейские трибуны. Венцом служебной карьеры нобиля являлась должность цензоров, которые избирались один раз в пять лет сроком на полтора года. Они проводили ценз – оценку имущества граждан – и в соответствии с этим определяли место гражданина в социальной иерархии, его права и обязанности. Со временем эта процедура превратилась в наблюдение за «нравами» и «чистку» в соответствии с ними списков сенаторов и всадников. В исключительных ситуациях римляне передавали всю полноту власти диктатору, который на-

Сенат и римский народ. Барельеф. Мрамор. I в. до н.э. Ватикан

значался по решению сената консулом сроком на шесть месяцев, и определял себе помощника — начальника конницы.

Консультативным советом в Риме выступал сенат, который с развитием республики все больше состоял не из глав знатных родов, а из бывших магистратов. Составление списка сенаторов вменялось в обязанность цензорам. Наибольший политический вес в сенате имели бывшие консулы (консулярии). Сенатор, стоявший в списке первым, назывался «принцепсом» сената. Со временем сенат превратился в центр принятия политических решений, поскольку ежегодно сменяющиеся магистраты не могли эффективно управлять всеми делами государства. Основу его власти («авторитет отцов») составляло распоряжение государственной казной и контроль над военной сферой. Суверенное положение сената нашло отражение в государственно-правовой формуле — «сенат и народ римский».

Достижение единства гражданского коллектива сопровождалось одновременным изменением состава римской аристократии. Имена консулов начала III в. до н.э. свидетельствуют о появлении новых фамилий, ранее не известных среди римской политической элиты. К их числу принадлежат тот же Маний Курий Дентат или консулы Публий Деций Мус и Теренций Варрон — все из плебейского рода. Это делает закономерным вопрос, действительно ли плебеи победили в борьбе с патрициями? Скорее, патриции сохранили власть, разделив ее с богатыми и политически влиятельными плебейскими семьями, прославившимися к тому же громкими военными победами. Таким образом, способность включать «новых людей» в ряды знати способствовала сохранению режима политического господства самой аристократии. Изменилась социальная структура самого римского общества. Самые влиятельные и состоятельные патрицианские и плебейские роды

составили два высших сословия Римской республики – сенаторское и всадническое. Принадлежность к этим сословиям определялась общим для них имущественным цензом, но для обретения сенаторского ранга требовалось еще занятие выборной магистратуры. Консулярные фамилии патрицианского и плебейского происхождения образовали «нобилитет», представлявший собой замкнутую касту, реально управлявшую Республикой. Остальное полноправное население Римского государства после всадников называлось плебсом уже в значении «простонародья», который включал в свои ряды как средних и мелких землевладельцев, так и ремесленников, торговцев и неимущих граждан.

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ ЗА ГЕГЕМОНИЮ В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Установление римского господства в Италии изменило существовавший ранее баланс сил во всем Западном Средиземноморье. Столкновение Карфагена и Рима за господство в этом регионе оказалось неизбежным. Это противоборство вошло в историю под названием Пунических войн. Основным источником наших знаний о них является сочинение греческого историка Полибия, который жил в Риме, вращался в кругу римской знати, побывал участником последней войны и очевидцем разрушения Карфагена. Начало схватки Рима и Карфагена он излагает, опираясь на утраченное ныне сочинение первого римского историка Фабия Пиктора. Как и Греко-персидские войны, сыгравшие важную роль в рождении греческой историографии, *Первая Пуническая война* (264–241 гг. до н.э.) стоит у истоков римского историописания.

Борьба развернулась за Сицилию, причем Рим воевал еще не только за свои интересы, но и в пользу небольшого расположенного на северо-востоке острова г. Мессаны, который захватили кампанские наемники. В самом Риме начало войны осталось почти незамеченным, так как для его обитателей больший интерес представляли впервые проведенные в этом году гладиаторские игры. Конфликт в Сицилии начал перерастать в полномасштабную войну с того момента, когда карфагеняне решили послать значительные подкрепления на остров, а римский сенат санкционировал постройку флота и в 262 г. захватил оплот пунийцев в Сицилии Акрагант. Уже в 260 г. до н.э. римская эскадра из 120 трирем и пентер одержала первую победу над карфагенской эскадрой при Милах, отмеченную возведением роstralной (украшенной носами разбитых кораблей) колонны. Иногда в ход военных действий вмешивалась стихия. Так, в 256 г. до н.э. во время экспедиции консула Атилия Регула в Африку был уничтожен почти весь римский флот, попавший на обратном пути в бурю у мыса Эком. Войска Регула также были разбиты, а сам консул пленен. Однако римляне смогли построить новые корабли и завершить войну поражением карфагенян в морской битве под руководством консула Гая Лутация Катула при Эгатских о-вах в 241 г. до н.э. По условиям мирного договора Карфаген должен был выплатить огромную контрибуцию и очистить Сицилию. В результате этой войны Рим получил заморские территории Сицилию, а затем Сардинию и Корсику, которые стали называться «провинциями».

Первая война Рима с Карфагеном велась преимущественно на море. Она показала карфагенянам, что сражаться с Римом на нейтральной территории – гибельная стратегия. Если население двух городов было приблизительно соизмеримым, то способность Рима быстро восполнять потери в живой силе за счет италийских союзников не имела аналогов. Поэтому единственный способ поставить Рим на колени пунийцы видели в том, чтобы отрезать его от этих ресурсов, развернув боевые действия на территории Италии. Карфагенянам удалось частично реализовать этот план в ходе *Второй Пунической войны* (218–201 гг. до н.э.).

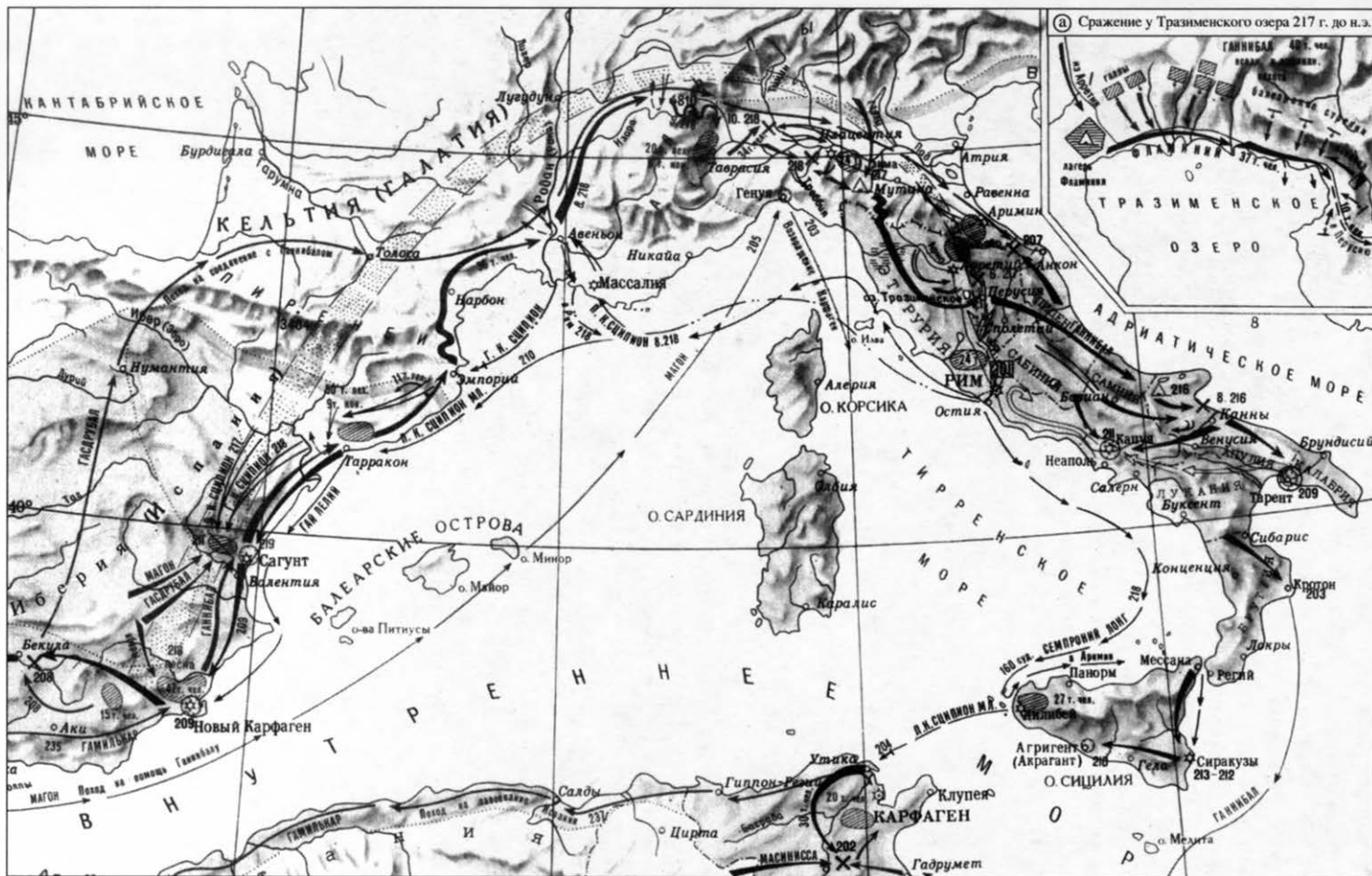
В течение двух десятилетий, прошедших после предыдущей войны, Карфаген, во главе которого встал выдающийся полководец Гамилькар Барка, трудился над расширением своей империи в Испании, что не могло не беспокоить римлян. Из Нового Карфагена, который превратился в опорную базу карфагенян в Испании, полководец Ганнибал Барка, сын Гамилькара, начал вторжение в Италию, перейдя Пиренеи, Галлию и горные проходы Альп. Это был сильный ход талантливого полководца, который смешал планы римлян и застал их врасплох. В результате римская армия потерпела ряд крупных поражений (у р. Требия в 218 г. и Тразименского оз. в 217 г. до н.э.), из которых самым сокрушительным был разгром консульских армий при Каннах в 216 г. до н.э. В этой битве римляне потеряли одного из своих военачальников – консула Луция Эмилия Павла. Инициатор сражения консул Гай Теренций Варрон еле спасся бегством. Каннская битва до сих пор считается военными историками образцом тактического искусства по окружению и истреблению численно превосходящего противника.

Стратегия Ганнибала заключалась в использовании ресурсов Римского государства против него самого, но она провалилась, так как пуниец был слишком уверен в том, что италийские союзники отпадут от Рима. Действительно, поражения Рима в начале войны спровоцировали переход на сторону карфагенян таких городов, как Капуя, Тарент и Сиракузы. По подсчетам современных историков, 40% римских союзников переметнулись к неприятелю. Но уже в 211 г. до н.э. были возвращены Сиракузы и отвоевана Капуя, и хотя в этом же году римские легионы были разбиты в Испании, молодой и энергичный полководец Публий Корнелий Сципион взял инициативу в свои руки и к 206 г. до н.э. вытеснил карфагенян из Испании, а затем и Сицилии.

Вторая Пуническая война была преимущественно сухопутной, но морские силы по-прежнему играли значительную роль в ведении боевых действий. Риму приходилось постоянно оказывать поддержку своим войскам в

Серебряная монета рода Баркидов. Реверс. Испания. Ок. 230 г. до н.э.

Вторая Пуническая война (217–201 гг. до н.э.)

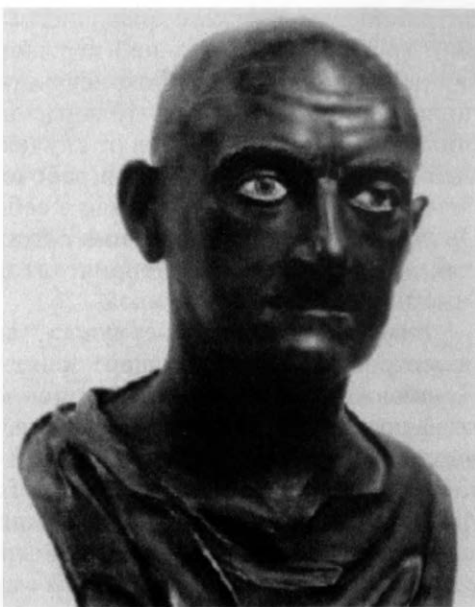
Испании, посылая туда подкрепления, и готовить переброску легионов в Африку. Римский флот успешно справлялся с этими задачами, помогая противостоять неприятелю на суше. Лишенный подкреплений из Карфагена и теряя итальянских союзников, Ганнибал под давлением оппозиции в карфагенском совете вынужден был без единого поражения эвакуировать свои войска из Италии.

В 204 г. до н.э. Сципион высадился в Африке и в 202 г. до н.э. нанес окончательное поражение Ганнибалу в битве при Заме. Воспоминание об этом событии сохранилось в имени Сципиона: современники стали называть его Африканским. Победа при Заме часто представляется доказательством превосходства полководческого таланта Сципиона над талантом Ганнибала. Однако к этому времени Ганнибал значительно уступал римлянам в численности и боеспособности своей пехоты и кавалерии, а тактические приемы Сципиона во многом повторяли тактику Ганнибала при Каннах. По условиям нового мирного договора Карфаген лишился флота и всех своих заморских владений.

Главная причина победы Рима заключается прежде всего в эффективности его военной организации. Римские граждане находились на военной службе с 17 до 46 лет, а итальянские союзники исправно поставляли воинские контингенты в римскую армию. Такая система давала Риму возможность даже после тяжелых поражений быстро восстанавливать численный состав легионов. Граждане Карфагена не были обязаны служить за пределами своего государства, поэтому основу его армии составляли наемники. Они превосходили римских воинов своим профессионализмом, но восполнять потери в такой армии было трудно.

Другая причина кроется в силе и гибкости римской политической системы. Римские полководцы всегда единодушно выступали за продолжение войны, а римский сенат, который отвечал за общую стратегию, всецело поддерживал их, несмотря на частные разногласия. Ежегодная смена консульских пар понижала эффективность командования римскими легионами, но это препятствие римляне смогли преодолеть продлением консульских полномочий своим полководцам (проконсулам). Стремление к сохранению командных постов заставляло их проявлять большую инициативу. На этом фоне Ганнибалу недоставало поддержки у себя на родине, что порождалось существованием оппозиции ему среди карфагенской знати.

Последствием двух Пунических войн было не только распространение власти Рима на новые территории. Войны сказались на состоянии всего римского государства. Политическим институтам, которые удовлетворяли

Сципион Африканский Старший. Бронза. III в. до н.э. Неаполь. Археологический музей

потребностям римского гражданского коллектива, предстояло приспособиться к требованиям растущей державы. Продление консульских полномочий за пределами Италии (проконсульство) открывало эпоху профессиональных полководцев, а продолжительные войны требовали замены гражданского ополчения, набиравшегося от случая к случаю, постоянной армией. Вызванный войной отток из Италии рабочей силы плохо сказался на состоянии ее сельского хозяйства, что таило в себе причины будущего аграрного кризиса. Осложнились отношения Рима с италийскими союзниками. Переход некоторых из них на сторону неприятеля обозначил недовольство проводимой по отношению к ним политикой.

Римская правящая верхушка также начала осознавать необходимость перестройки существующей политической системы. Так, в ходе Второй Пунической войны закладывались «мины» будущих внутривнутриполитических конфликтов. Однако их история начинается с противостояния двух крупных политических деятелей первой половины II в. до н.э. – Марка Порция Катона (Старшего) и победителя Ганнибала Публия Корнелия Сципиона Африканского. Катон был для римлян «новым человеком», так как не имел знатных предков – обладателей «империя». Лишь благодаря своим талантам и поддержке влиятельных друзей ему удалось достичь в Риме вершин политической карьеры и стать цензором. Высокое положение позволило Катону начать преследование своих личных врагов-аристократов.

К числу врагов Катона в первую очередь относился победитель Карфагена Сципион – лидер «партии» нобилитета, самой влиятельной аристократической группировки начала II в. до н.э. Преследования приобрели форму судебных процессов: Сципион обвинялся в расхищении государственной казны. И хотя он избежал обвинительного приговора, его политическому авторитету был нанесен сокрушительный удар. Доблестный полководец удался из Рима в свое поместье в Кампании, где и умер в 183 г. до н.э., в один год с Ганнибалом. В противостоянии Катона и Сципиона отразился конфликт между набравшим в условиях войны силу институтом выборной магистратуры и сенатом. Усиление магистратуры подрывало авторитет сената и отвечало интересам той касты, которая издревле распоряжалась «империем».

Родоначальником латиноязычной историографии является Марк Порций Катон Старший, который написал в 80-х годах II в. до н.э. первое историческое сочинение «Начала» на латинском языке. От работ предшественников оно отличалось не только языком, но и тем, что впервые в римскую историю на равных правах с римлянами вошли италийские народы. Само название сочинения, «Начала», позволяет отнести его к разряду повествований об основании (т.е. о «началах») городов. Но история одного города в сочинении Катона дополнялась традиционными рассказами, связанными с другими городами и их обитателями, превратившись в историю доримской Италии.

МАКЕДОНСКИЕ ВОЙНЫ И ПОКОРЕНИЕ ЭЛЛАДЫ

Одновременно со Второй Пунической войной Рим включился в борьбу на греко-эллинистическом Востоке. Основными его противниками здесь выступали Сирийское царство Селевкидов и Македония. Первой силой, с которой столкнулся Рим, было Македонское царство во главе с молодым и энергичным Филиппом V. Воспользовавшись тем, что Рим вел тяжелую войну

с Ганнибалом, Филипп расширил свое влияние в Иллирии и Эпире. По условиям мирного договора, которым закончилась ведшаяся руками греческих союзников Рима *Первая Македонская война* (215–205 гг. до н.э.), Филипп сохранил большую часть своих приобретений. Пять лет спустя произошло уже серьезное столкновение Рима и Македонии, которое получило название *Второй Македонской войны* (200–197 гг. до н.э.). Результатом успешных действий римской дипломатии стало создание антимакедонской коалиции, в которую вошли Пергам, Родос, Этолийский и Ахейский союзы. Римскими войсками командовал Тит Квинций Фламинин, который разбил армию Филиппа при Киноскефалах (197 г. до н.э.) и продиктовал ему условия мирного договора. Рим не приобретал новых территорий, но Филипп отказался от всех своих владений вне Македонии, уплатил Риму большую контрибуцию и отдал свой флот. В 196 г. до н.э. на всегреческом конгрессе в Коринфе римляне провозгласили «свободу» греческих городов, освободили их от налогов и своего военного присутствия. Фламинин приобрел в Греции такую популярность, что ему воздавались божеские почести.

Успехи римлян обеспокоили сирийского царя Антиоха III, прозванного Великим. Неуклонно расширяя свои владения в западной части Малой Азии, он перешел Геллеспонт и начал захватывать греческие города на европейском берегу. Развитие событий приняло серьезный оборот, когда Антиох стал представлять себя защитником греческой свободы, ослабляя тем самым позиции Рима как благодетеля Греции. Это соперничество осложнялось тем, что при дворе Антиоха находился давний противник римлян Ганнибал, и привело к *Сирийской войне* (192–188 гг. до н.э.). Антиох открыл военные действия в Греции, но не нашел поддержки у большинства греческих полисов и перенес войну в Малую Азию. В 190 г. до н.э. в битве при Магнесии Антиох потерпел сокрушительное поражение. Заключенный мир изменил политическую географию на греческом Востоке. Римляне опять не получили территориальных приобретений, но Антиох лишился малоазийских и европейских владений. Львиную часть их Рим отдал своим союзникам, особенно Пергаму и Родосу. Как прежде Филипп V, Антиох сохранил свой трон и власть над внутренними районами своей державы – Сирией, Палестиной, Месопотамией. Антиох также обязывался выдать Риму Ганнибала, но тот бежал в Вифинию, где прожил несколько лет и, в конце концов, покончил с собой, приняв яд.

В основе дальнейшего развития событий лежали старые конфликты и споры между эллинистическими державами. В 179 г. до н.э. в Македонии власть перешла к Персею, сыну Филиппа V. Он продолжал политику отца, направленную на увеличение влияния Македонии за ее пределами. В новых условиях он добивался этого не военной экспансией, но установлением дипломатических связей, заключением брачных союзов и обещанием выгод. Такая политика способствовала росту популярности Персея и Македонии в эллинском мире, что привело к созданию антиримской коалиции. Началась *Третья Македонская война* (171–167 гг. до н.э.). Ситуация складывалась благоприятно для Персея, пока командование римскими войсками в Фессалии не принял на себя Луций Эмилий Павел, сын погибшего при Каннах консула. В 168 г. до н.э. в битве при Пидне Рим одержал окончательную победу над Македонией. Но эта победа не решила всех проблем. Поскольку многие греки сочувствовали Персею, Рим вынужден был перейти к решительным

действиям. Наиболее драматичная судьба постигла Македонию, которая лишилась своей монархии. Ее территория подверглась разделению на четыре самостоятельных округа. Половину своих доходов Македония отдавала Риму. Союзников Персея примерно наказали: римляне переправили в Италию тысячу виднейших граждан Ахейского союза, где они проживали на положении заложников. Среди них находился греческий историк Полибий, который попал в семью победителя Эмилия Павла и стал воспитателем его детей. Битва при Пидне имела огромное значение для римского общества. Хлынувшие в Рим богатства позволили отменить сбор трибута – прямого налога, который взимался с граждан для оплаты военных расходов. С этого времени римляне начинают ощущать себя хозяевами Средиземноморья.

С конца III до середины II в. до н.э. неуклонно возрастала роль Рима в делах греческого мира. В то же время греки не стали частью римской политической системы: они сохранили традиционные политические институты, которые победители использовали в своих целях. Римляне не заключали с греческими городами неравноправные договоры по образцу тех, которые существовали у них с итальянскими общинами. Напротив, это были договоры о «дружбе», которые соответствовали традиционной практике общения между греческими городами-государствами и не налагали на обе стороны определенных обязательств. «Дружба» служила удобным дипломатическим инструментом, предоставлявшим в зависимости от развития событий предлог для применения военной силы, чем и воспользовались римляне для подавления восстания Андриска в Македонии (149 г. до н.э.) и для урегулирования отношений между Спартой и Ахейским союзом. В 146 г. до н.э. армия Луция Муммия навела на Пелопоннесе «порядок», разрушив до основания Коринф – один из процветающих городов Греции. С этого времени греческие города контролировались римским наместником в Македонии. Сенат назначал в ее пределы проконсулов для поддержания римского присутствия.

В 146 г. до н.э. римляне уничтожили другой крупный город Средиземноморья – Карфаген, что стало итогом *Третьей Пунической войны* (149–146 гг. до н.э.). Ее вдохновителем был Марк Порций Катон, который заканчивал каждое свое выступление в сенате словами о том, что «Карфаген должен быть разрушен». По иронии судьбы разрушителем Карфагена стал единомышленник и родственник Катона, сын Эмилия Павла, победителя Персея, и приемный внук Сципиона Африканского – Сципион Эмилиан. Захваченный город римляне сравнивали с землей, а всех оставшихся в живых жителей продали в рабство. Некогда самостоятельное государство было превращено в римскую провинцию Африка.

146 г. до н.э. стал началом новой эры в истории Средиземноморья. Разрушение Коринфа и Карфагена – ведущих экономических и политических центров Средиземноморского мира – обеспечило Риму гегемонию в регионе. С этого времени Рим становится военно-политическим центром античной цивилизации. Таким образом, если до Первой Пунической войны Рим как крупнейший полис возглавлял федерацию итальянских общин разной степени подчинения ему – от формально независимых «союзников» и самоуправляющихся муниципиев до полностью подконтрольных римским властям префектур и колоний, – а его армии еще не воевали за пределами Италии, то после Третьей Пунической войны римские легионеры сражались во всех уголках Средиземноморья.

РИМ НА ПУТИ К МИРОВОЙ ДЕРЖАВЕ

После победы Рима над Карфагеном, казалось, уже ничто не угрожало существованию республики. Соперники Рима в Средиземноморье были уничтожены, Македония в 148 г. до н.э. превращена в провинцию, как и Пергамское царство после подавления восстания Аристоника в 132–129 гг. до н.э., а греческие государства находились под римским контролем. Наступило время наивысшего экономического и внешнеполитического подъема Рима и Италии, однако это время вряд ли можно было назвать безмятежным.

Во II–I вв. до н.э. рабство в Италии достигло небывалых масштабов. Рабы в это время составляли 40% населения, а их труд широко использовался во всех сферах хозяйственной жизни. Рабы не включались в гражданский коллектив как существа, не имеющие никаких прав. В отличие от хозяйственного инвентаря (который римляне именовали «немymi орудиями») или рабочего скота («мычащих орудий») рабы назывались «говорящими орудиями». Раб мог иметь семью, но только с разрешения хозяина, и она не являлась семьей в правовом смысле. Ему позволялось иногда обладать имуществом (пекулием), но в любой момент оно могло быть конфисковано хозяином. Скопление большого количества рабов в хозяйствах крупных землевладельцев и плохое с ними обращение создавало угрозу восстаний.

Первое восстание под руководством рабов из Сирии и Киликии Эвна и Клеона произошло на Сицилии (138–132 гг. до н.э.), которая после превращения в провинцию стала объектом грабежа как со стороны римских всадников, которые обзавелись там крупными имениями, так и со стороны хлынувших в провинцию откупщиков. Второе восстание рабов, охватившее всю внутреннюю Сицилию, разразилось в 104–101 гг. до н.э. Во главе него встали Сальвий Трифон и Афинион. В ходе него рабам удалось создать даже свое «государство», в котором они, однако, воссоздали привычные им порядки эллинистической монархии. Восстания рабов, хотя и были подавлены, тем не менее, стали проявлением кризисных процессов в римском обществе.

Перед Римом стояла насущная проблема эффективного управления провинциями (завоеванными территориями за пределами Италии). Жажда наживы часто толкала римских военачальников на вероломное поведение в отношении жителей провинций и превращала во врагов даже дружественные римлянам народы. В 40-х годах II в. до н.э. в Испании вспыхнули крупные антиримские восстания местных племен лузитанов под предводительством Вириата, а затем иберов, центром которого стал г. Нуманция. Против составших римляне бросили многочисленные воинские контингенты. Во время войны в Испании начал свою гражданскую службу в качестве квестора будущий реформатор Тиберий Семпроний Гракх. Он стал свидетелем унижительного поражения римской армии под стенами Нуманции (137 г. до н.э.), но его дипломатическое искусство спасло от полного уничтожения попавшие в окружение римские легионы. Когда командование в Испании перешло к Сципиону Эмилиану, он нашел армию, погрязшую в мародерстве и распушенности. Как и под стенами Карфагена, Сципион начал с восстановления порядка в армии. Прежде всего он занялся тренировкой войска, вырабаты-

Римская республика III—I вв. до н.э.

вая у него привычку к длительным маршам и переходам. Как только войско восстановило свою боеспособность, Сципион обложил осадой неприступную Нуманцию, опустошая ее округу. Одновременно пресекались попытки соседних городов оказать помощь осажденным. Осада длилась пятнадцать месяцев и закончилась смертью от голода большинства обитателей города. Оставшиеся в живых сдались на милость победителя и были проданы в рабство. Нуманция разделила участь Карфагена: Сципион приказал сровнять город с землей.

Римской республикой по-прежнему управляли представители консулярных фамилий (нобилитет), которые руководили политической жизнью государства и сената. Они проводили на магистратские должности нужных им кандидатов и умели обуздывать еще встречавшихся слишком независимых плебейских трибунов. Впрочем, аристократы порой допускали в свои ряды талантливых и тщеславных «новичков», не имевших консулярных предков, одновременно вовлекая через народные собрания всех граждан в процесс принятия политических решений. Но все это не снимало напряжения между нобилитетом и всадниками, а также между демократическими и олигархическими группировками внутри самого сената.

Наконец, назревала необходимость пересмотреть Риму свои взаимоотношения с италийскими союзниками, которые давно уже составляли большую часть римской армии и выносили на своих плечах тяжесть завоеваний, в то время как все выгоды от них доставались римским гражданам. Более того, отмена «права перемещения» даже аристократию италийских муниципиев лишало надежды на приобщение к большой политике, которая вершилась в Риме. Обретение союзниками прав римского гражданства могло бы изменить ситуацию, однако римляне не торопились делиться своими привилегиями с италийцами.

Длительные заморские войны сказались на ухудшении положения крестьянства. Надолго покинутые хозяйства приходили в запустение. Возвращаясь с войны, крестьяне зачастую обнаруживали свои участки в руках более удачливых соседей, которые увеличивали за их счет свои владения, широко используя в них труд рабов. Вчерашние собственники превращались в люмпенов, наводнявших Рим в поисках «хлеба и зрелищ». Процесс разорения мелких собственников, проявившийся уже к концу II в. до н.э., вел к ухудшению боевых качеств римских легионов, в комплектовании которых по-прежнему сохранялась характерная для гражданского коллектива связь между статусом воина и землевладельца. За решение проблемы восстановления мелкого землевладения с целью укрепления римской армии взялся уже известный нам Тиберий Семпроний Гракх (162–133 гг. до н.э.).

По своему происхождению Тиберий и Гай Гракхи принадлежали к выдающимся фамилиям римского нобилитета. Их мать, Корнелия, была дочерью Сципиона Африканского, победителя Ганнибала, а отец, Тиберий Семпроний Гракх, – известным полководцем, политическим деятелем и человеком благородного характера. Будучи плебейским трибуном, он предотвратил основанный на ложном обвинении в присвоении доли контрибуции арест Луция Сципиона, брата Сципиона Африканского, избавив их семью от позора. Гракхи с юных лет были тесно связаны дружескими и родственными отношениями со Сципионом Эмилианом, который стал мужем их сестры.

В юности Тиберий сражался в армии Сципиона под стенами Карфагена. Проекты аграрных преобразований обсуждались в кружке, сложившемся в 60-е годы II в. до н.э. вокруг Сципиона Эмилиана, но были подхвачены людьми нового поколения.

Замысел Тиберия Гракха не выходил за рамки предшествующих аграрных законопроектов, которыми индивидуальные владения главы семьи на общественной земле ограничивались 500 югерами (125 га). Несмотря на внушительные размеры таких участков, их владельцы незаконно присваивали себе новые угодья, создавая крупные хозяйства на «общественной земле», фонд которой изначально считался собственностью всего римского народа. Сохранив уже существовавшее ограничение, Тиберий добавил по 250 югеров на каждого взрослого сына, но в целом семья могла иметь не более 1000 югеров (250 га). Излишки земли изымались и делились на участки по 30 югеров (7,5 га) для раздачи безземельным крестьянам в наследственное пользование. Таким образом, в аграрной реформе Тиберия Гракха не содержалось ничего излишне революционного. Но для осуществления реформы он решил обратиться к помощи народного собрания, чтобы противостоять своим противникам, большинство которых сосредоточилось в сенате.

Согласно букве закона его действия были правомерными, поскольку любой законопроект, принятый народом в собрании по трибам (плебисцит), распространялся на всех римских граждан. Но в соответствии с римской конституцией законопроекты, вносимые на голосование в народное собрание, должны были получить предварительное одобрение со стороны сената. В этой ситуации становится понятным, почему сенат решил противодействовать Тиберию, используя право «вето» его коллеги, другого плебейского трибуна Марка Октавия. Несмотря на накал борьбы, действия обеих сторон не выходили за «конституционные» рамки. И только когда Тиберий, апеллируя к народному собранию, отрешил от должности своего коллегу, поправ неприкосновенность личности плебейского трибуна, его действия привели к эскалации конфликта. С этого момента действия Тиберия классифицировались сенатом как мятеж, поскольку нарушали выработанную веками установку на взаимное согласие между всеми ветвями власти в государстве.

Единственный выход из создавшейся ситуации Тиберий видел в своем переизбрании на должность трибуна на следующий год, что противоречило римской политической традиции. Его переизбрание позволило бы обеспечить продолжение работы аграрной комиссии во главе с тестем Аппием Клавдием, которая начала уже перераспределение земли. Поскольку сенат отказался финансировать деятельность комиссии, Тиберий в поисках денег предложил, чтобы народное собрание, а не сенат распоряжалось сокровищами пергамского царя Аттала III, завещанными Риму. Его противники использовали этот поступок для обвинения Тиберия в стремлении к царской власти, тем самым фактически объявив его вне закона.

Кульминация и развязка кризиса пришлось на время проведения народного собрания, которое большинством голосов триб склонялось в пользу Тиберия. Сопротивление Тиберию возглавил великий понтифик Сципион Назика, учинивший во время голосования избиение сторонников Тиберия. Убийство Тиберия сделало год его трибуната поворотным пунктом в римской истории. Это событие положило начало эпохе гражданских кровопролитий

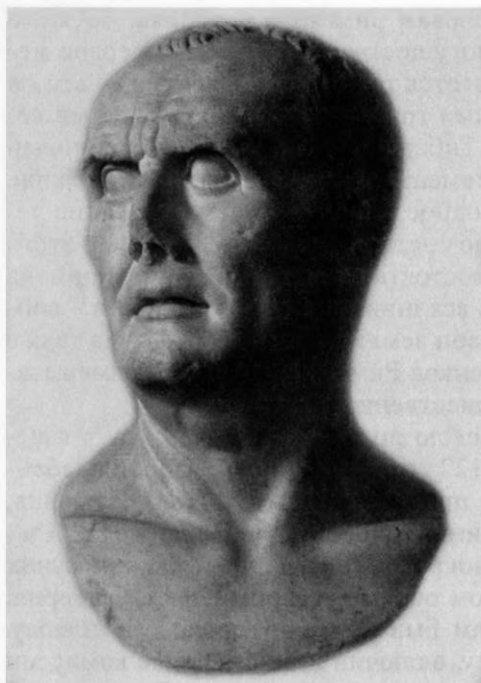
и безнаказанных убийств в Риме. По словам римского историка, «с этого времени закон был подавлен силой, и могущественный занимал первое место». Поражение Тиберия Гракха объясняется тем, что своим поведением он шел вразрез с существовавшими древними традициями, закреплявшими ведущее положение сената в государстве. Тиберий Гракх ввел в обиход новый стиль поведения политика, основным элементом которого было достижение собственных целей путем опоры на народное собрание и использование демократических лозунгов. Опору Тиберию составляло крестьянство, но этого оказалось недостаточно, чтобы противостоять сплоченной оппозиции из нобилитета и сената в целом, а также из всадников и богатых плебеев – собственников вилл, не желавших терять свои земли. Аграрная реформа также затрагивала интересы италийских союзников Рима, которые при размежевании владений лишались своей доли «общественной земли».

Младший брат Тиберия Гай начал свою политическую карьеру в качестве члена аграрной комиссии. В 123 и 122 гг. до н.э. он был избран плебейским трибуном. Хорошо усвоив уроки, преподнесенные гибелью Тиберия, Гай всерьез взялся за демократизацию римского общества. Он провел ряд законов, которые должны были сплотить вокруг него различные слои римских граждан и помочь осуществить в полном объеме аграрный закон Тиберия. Закон о продаже зерна по низким ценам был выгоден городскому плебсу. Всадников Гай привлек на свою сторону, включив их в судебные комиссии по разбору дел о злоупотреблениях наместников в провинциях. Для укрепления позиций средних землевладельцев (сельского плебса) было предложено вывести колонии на незанятые земли в Италии и даже на место разрушенного Карфагена. Но главное, Гаю необходимо было привлечь на свою сторону италийских союзников. С этой целью он предложил законопроект о предоставлении им прав римского гражданства. Однако этот шаг реформатора вызвал протест всех слоев римских граждан – от нобилей до плебса, не желавших делиться с союзниками привилегиями, которые заключал в себе статус гражданина, и серьезно сказался на популярности Гая Гракха. В результате на 121 г. до н.э. он не был избран плебейским трибуном.

Дальнейшее развитие событий показало, что годичная должность трибуна не может стать основой для долгосрочных политических преобразований. В то же время стало ясно, что подчас противоположные интересы различных социальных групп, которые намеревался сплотить вокруг себя Гай, мешают созданию прочной коалиции. В этой ситуации консулу Луцию Оппимию, противнику Гая, оказалось несложно убедить сенат объявить, что государство находится в состоянии крайней опасности, и предоставить ему чрезвычайные полномочия для расправы со сторонниками реформ. Кровавую победу над согражданами (погибло около 3 тыс. соратников Гракха) консул отпраздновал постройкой храма богини Согласия.

Закон плебейского трибуна 111 г. до н.э. Спурия Тория подвел черту под аграрными преобразованиями в Риме. Отныне все «общественные земли», находившиеся в частном владении, объявлялись собственностью их хозяев. Тем самым общественная собственность, бывшая основой землевладения гражданского коллектива, уступила место частной собственности на землю.

Проблемы, которые пытались решить Гракхи, оставались актуальными для римского общества и после их гибели. Однако для их решения требо-

Марий. Мрамор. Копия с изображения I в. до н.э. Мюнхен

валось искать другие средства, что и продемонстрировали преобразования в римской армии, связанные с именем Гая Мария.

Гай Марий — уроженец городка Арпин, был человеком незнатного происхождения («новым человеком» — «выскочкой») и свою карьеру начал со службы в армии. Во время Нумантинской войны он сражался под командованием Сципиона Эмилиана. Но наибольшей известности Марий достиг в войне, которую Рим вел в Африке с нумидийским царем Югуртой (111–105 гг. до н.э.). Приняв как консул в 107 г. до н.э. командование над римской армией, он одержал окончательную победу над Югуртой, пленение которого произошло при непосредственном участии Луция Корнелия Суллы, который находился в армии Мария в должности квестора. Уже во время этой войны Марий начал принимать на военную службу не только подлежащих набору граж-

дан, но и добровольцев, не имевших никакой собственности. Тем самым была нарушена характерная для гражданского коллектива связь между военной службой и земельной собственностью, размер которой определял место гражданина в войске. Из гражданского ополчения римская армия становилась добровольной и профессиональной. Она постепенно превратилась в машину для сражения, чьи интересы отличались от нужд гражданского коллектива. Претерпели изменения отношения между армией и ее командирами. Полководцы начали использовать легионы для реализации своих амбициозных политических проектов.

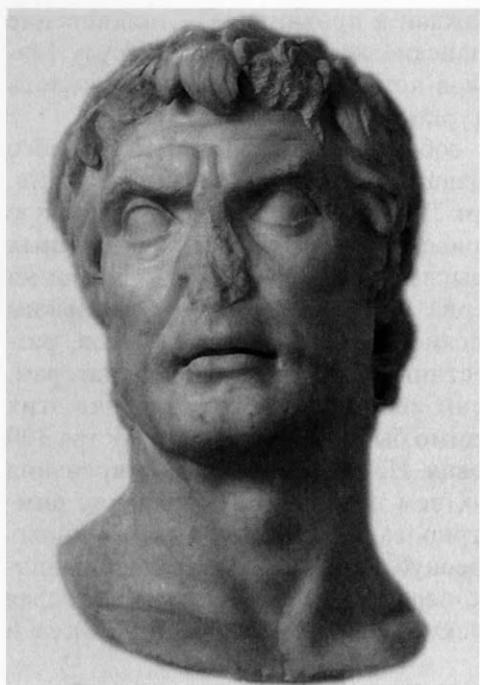
Военная реформа Мария решила проблему боеспособности римской армии, но повлекла за собой обострение социальных проблем. Безземельный легионер по окончании военной службы должен был занять определенное место в обществе. Гарантией стабильного существования ветерана в гражданском коллективе мог быть только земельный надел, полученный за службу. Проблема наделения землей ветеранов, сражавшихся в Африке, встала уже перед Марием. Для ее решения он в 103 г. до н.э. объединил усилия с плебейским трибуном Луцием Апулеем Сатуринином. Союзники планировали провести законопроект, позволявший основать ветеранские колонии за пределами Италии. Подходящим для этого оказался 100 г. до н.э., когда Марий после триумфальной победы над вторгнувшимися в Италию германскими племенами кимвров и тевтонов в шестой раз был избран консулом, а Сатурнин во второй раз стал плебейским трибуном. Большинство сенаторов (так называемых оптиматов, или «лучших» по терминологии Цицерона) вы-

ступило против расселения римских граждан в провинциях. Столкновение интересов переросло в открытый гражданский конфликт. Как консулу Марию было поручено усмирение мятежников-популяров, которое закончилось гибелью его недавнего сподвижника Сатурнина.

Начало I в. до н.э. ознаменовалось событием, последствием которого стало крушение республики, сопровождавшееся серией гражданских войн. Так, плебейский трибун 91 г. до н.э. Марк Ливий Друз предложил широкую программу реформ, нацеленную на удовлетворение интересов различных социальных групп, сопоставимую с замыслами Гая Гракха. Его программа включала законопроекты о продаже зерна городскому плебсу по низким ценам, о выведении колоний на италийские земли, о передаче судов, разбивавших дела провинциальных наместников, от всадников сенаторам. Чтобы заручиться поддержкой со стороны сената для осуществления этих мероприятий, по замыслу Друза, необходимо было пополнить его состав 300 новыми членами из всаднического сословия. Но его проект реформирования государства встретил скорее оппозицию, чем поддержку. Отношение римского общества к реформам продемонстрировало, что интересы различных групп, даже внутри высших сословий республики, оставались непримиримыми. Рим давно уже не сталкивался с серьезной угрозой извне, которая заставила бы римлян стремиться к поиску общественного компромисса и гражданского мира.

Однако больше всего римскую публику будоражил законопроект Друза, который предоставлял права гражданства всем жителям Италии. В итоге Друз был убит при невыясненных обстоятельствах. Провал законопроекта сделал неизбежной борьбу италийских народов за свои права, которая вошла в историю под названием *Союзнической войны* (91–88 гг. до н.э.). Правда, не все союзники выступили против Рима. Остались в стороне Этрурия, Умбрия, греческие города юга Италии и большинство городов Кампании. Восстали осские и сабелльские племена (самниты, луканы, марсы), к которым присоединились некоторые города, расположенные на юге Кампании. Но даже при такой расстановке сил восстание обернулось, хотя и непродолжительной, но кровопролитной и опустошительной войной. По сути дела, она вылилась в гражданскую войну, исход которой был предопределен культурно-историческим прошлым, объединявшим италийские народы с Римом. Последний, несмотря на разгром повстанцев, смог сохранить лидирующее положение в Италии, лишь предоставив права римского гражданства побежденным союзникам. Результатом этого процесса стало создание объединенной Италии, романизация которой происходила благодаря укоренению в местных городах римских муниципальных институтов.

Вооруженная борьба на территории Италии имела серьезные последствия для римского общества. Предоставление гражданских прав бывшим союзникам резко увеличило численность гражданского коллектива, правда, ограничив его пределами Апеннинского п-ова. Изменение социальной ситуации требовало создания адекватного ей политического строя. Как показала практика политической борьбы предшествующих десятилетий, альтернативой республиканскому правлению «общей пользы» выступал режим единоличной власти, который все же стремились оформить, опираясь на республиканские магистратуры – будь то трибунские перевыборы Гракхов

Сулла. Мрамор. Копия с изображения I в. до н.э. Мюнхен

или семикратное избрание консулом Гая Мария. Новый же политический режим рождался в битвах между римскими полководцами, которые в действительности преследовали свои политические цели. Наконец, вооруженное противостояние в Италии стерло важную для римского сознания границу между войной, которая велась на территории противника, и мирной жизнью, протекавшей в лоне гражданского коллектива. А это значит, что политическая борьба внутри Рима грозила обернуться борьбой за сам Рим.

Первым проявлением этой борьбы стала война между сторонниками Гая Мария и Луция Корнелия Суллы. В отличие от Мария Сулла принадлежал к потомкам древнего патрицианского рода Корнелиев, но довольно поздно сделал военную и политическую карьеру. Личность этого незаурядного человека, сотканного из противоречий, привлекала

античных историков и биографов. Он был крупным военачальником и образованным человеком, воспитанным на произведениях греческой литературы и философии. Однако это не помешало ему во время войны с Митридатом VI Евпатором вырубить знаменитые рощи Ликеей и Академии близ Афин, чтобы получить материал для осадных сооружений. Сулла грабил святилища Эллады, презирая ее богов, но верил в судьбу и прибавил к своему имени прозвище «Феликс» (Счастливый).

Столкновение между полководцами произошло в 88 г. до н.э. «Яблоком раздора» послужило командование в войне, которую Рим в это время вел против понтийского царя Митридата VI. Сенат поручил ведение войны Сулле как консулу этого года. Однако свои претензии на командование заявил и Марий, заручившись поддержкой плебейского трибуна Публия Сульпиция Руфа. Спор был решен военными средствами: Сулла повел армию на Рим, занял его и таким образом отстоял свое право командования на Востоке. Завершив эту войну мирным договором с Митридатом (Дарданский мир 85 г. до н.э.), Сулла с 40-тысячной армией высадился в 83 г. до н.э. в Брундизии. По пути на Рим он получил поддержку от молодого Гнея Помпея, который привел под его знамена два незаконно набранных им из своих клиентов легиона. В 82 г. до н.э. под стенами Рима, у Коллинских ворот, Сулла окончательно разгромил своих политических противников – марианцев и поддержавших их самнитов. В гражданской войне особо отличился Гней Помпей, воевавший против марианцев на севере, за что и получил от Суллы прозвище «Магнус» (Великий). Впервые в римской истории полководцы стали полу-

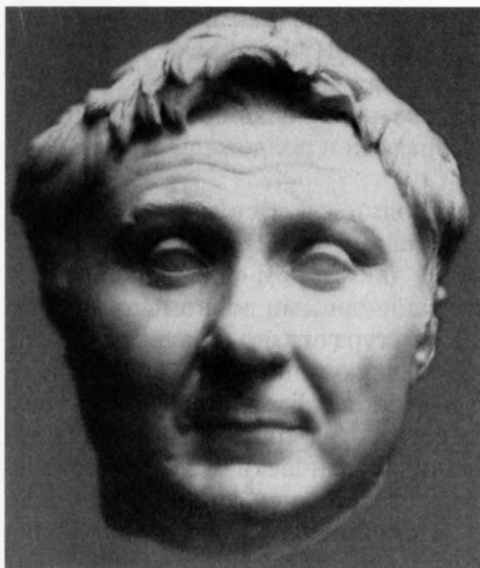
чать почетные прозвища не за победу над неприятелем (как это было со Сципионом Африканским или Сципионом Эмилианом Нумантинским), а за торжество над согражданами. Вступив в Рим, Сулла учинил жестокую расправу над марианцами по всей Италии. Многие сенаторы и всадники, попавшие в «проскрипционные» списки, объявлялись врагами и подлежали смерти, а их имущество конфискации.

Для оформления своей власти Сулла использовал республиканскую магистратуру диктатора, которая пришла в забвение после Второй Пунической войны. При согласии сената он был назначен диктатором «для издания законов и устройства дел в государстве» с неограниченными полномочиями и на неопределенное время, тогда как древняя диктатура ограничивалась сроком в полгода. Изменения, которые Сулла внес в римскую конституцию, учитывали уроки политической борьбы, начиная с трибуната Тиберия Гракха. Центром римской политической системы он сделал сенат, ограничив полномочия плебейских трибунов и права народных собраний. Фактически была уничтожена цензура, а бывшие магистраты теперь сразу становились сенаторами, число которых возросло до 600 человек за счет сторонников Суллы. Однако вряд ли можно безоговорочно утверждать, что Сулла добился стоявшей перед ним цели. Плебейский трибунат был слишком глубоко укоренен в римской политической традиции, чтобы исполнять исключительно волю сената. Но и сам сенат потерял в этой войне и во время проскрипций своих лучших членов и не способен был играть ту роль, которую ему отводил Сулла. В 79 г. до н.э. Сулла неожиданно для всех отказался от власти, а год спустя скоропостижно скончался в своем поместье в Кампании.

Столкновение сулланцев и марианцев, расколовшее римское общество, поднимает вопрос о тех политических течениях, интересы которых представляли противоборствующие стороны. Еще во времена конфликта Сципиона Африканского и Катона Цензора их современникам была известна «партия» нобилитета, которая отстаивала привилегии римской олигархии. В условиях новой социальной ситуации, порожденной Союзнической войной, ее интересы призван был защитить режим сулланской диктатуры. «Партии» нобилитета противостояла антиолигархическая оппозиция. С одной стороны, в нее входили мелкоплебейские массы, лидеры которых (типа Сатурнина) использовали демократические лозунги и получили название популяров. С другой — она была представлена состоятельными помещиками-рабовладельцами, выражавшими интересы средних слоев населения Италии, которые образовали политический лагерь марианцев.

Конституционные нововведения Суллы ликвидировали в 70 г. до н.э. консулы Гней Помпей и Марк Лициний Красс, сохранив при этом новую численность сената. Полностью были восстановлены права трибунов, вновь стали избираться цензоры, компромиссом завершился спор о составе судебных комиссий. Судебная реформа дала шанс молодому адвокату Марку Туллию Цицерону выиграть судебный процесс против наместника Сицилии Гая Верреса, известного своими злоупотреблениями, совершенными в этой провинции.

Еще один политик, Гней Помпей, искал возможности получения чрезвычайных полномочий, которая вскоре была ему предоставлена. Средиземноморский мир страдал от киликийских пиратов, которые опустошали

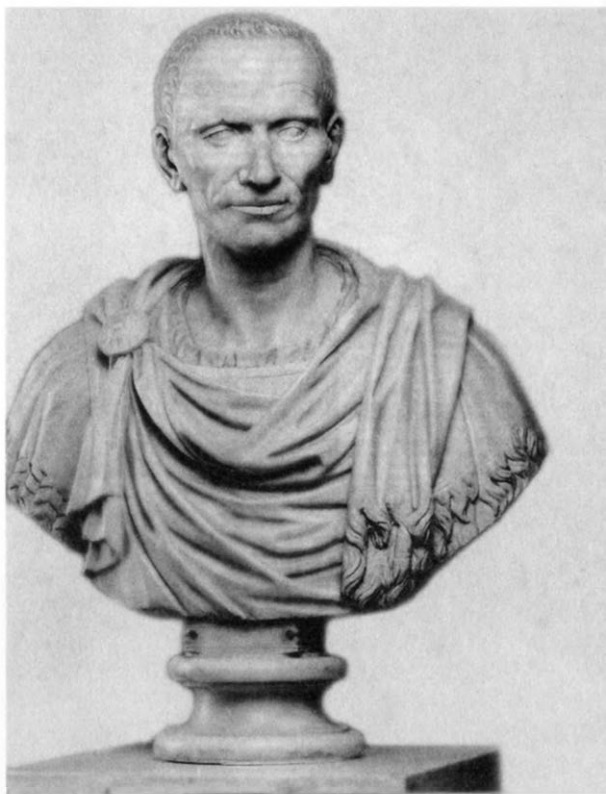
Помпей. Мрамор. Фрагмент статуи I в. до н.э.
Копенгаген

прибрежные города и заставляли их жителей платить себе дань. С их набегами трудно было бороться силами наместников отдельных провинций. Поэтому в 67 г. до н.э. Помпею было предоставлено командование над всеми прибрежными регионами и неограниченные финансовые средства. На короткое время возникло ощущение единства общества. В борьбе с пиратами Помпей проявил незаурядные способности полководца и дипломата и за короткое время сделал плавание по Средиземному морю безопасным. Следующим этапом карьеры Помпея стала очередная война с Митридатом VI. Наделенный чрезвычайными полномочиями в 66 г. до н.э., Помпей разбил армию Митридата и вышел в Закавказье.

За время отсутствия Помпея в Риме произошли серьезные изменения. В политике появились новые лица, среди которых самыми заметными были Гай Юлий Цезарь и Марк Порций Катон, правнук Катона Цензора. Первый крупный успех Цезаря был связан с получением жреческой должности великого понтифика в 63 г. до н.э. и магистратуры претора в 62 г. до н.э. Катон прославился своими речами в сенатских дебатах о наказании «катилинариев» — участников заговора, во главе которого стоял аристократ и бывший сулланец Луций Сергей Катилина. Заслугу подавления заговора приписал себе Цицерон как консул 63 г. до н.э. Его гневные речи против Катилины запечатали все перипетии этого события и обессмертили облик заговорщика. Быстрое разрешение конфликта лишило Помпея возможности военного вмешательства в дела Рима и одновременно укрепило авторитет сената и особенно Цицерона, который строил свою политику на основе провозглашенного им лозунга «согласия сословий», т.е. правящих группировок сенаторов и всадников.

В такой обстановке Рим с опасением ожидал возвращения победоносно-го военачальника. Конечно, Помпей мог повторить «поход на Рим», как это сделал Сулла, но он стремился к обретению власти законным путем. Однако сенат повел себя неосмотрительно, отказав ветеранам Помпея в наделении их земельными участками. Результатом такой недальновидной политики сената стало сближение в 60 г. до н.э. Помпея с богачом Лицинием Крассом и Юием Цезарем, известное в истории под названием Первого триумвирата.

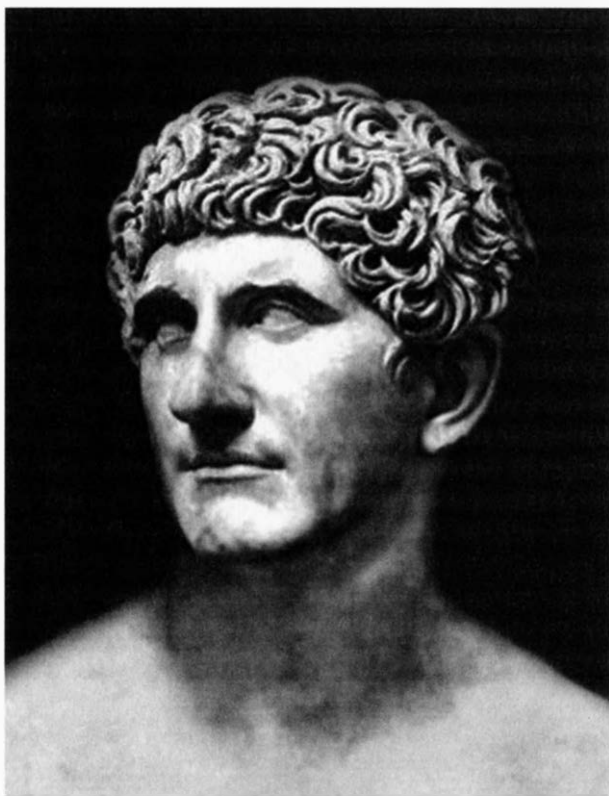
Этот союз, основанный на «дружбе», не представлял собой ничего необычного для римской политической жизни, в которой широко использовались родственные, дружеские и клиентские связи для образования соперничающих между собой группировок. Однако союз трех полководцев отличался от аналогичных объединений, хорошо знакомых римской публике. По свидетельству биографа римских цезарей Светония, триумвиры договорились

Юлий Цезарь. Мрамор. I в. до н.э.

между собой «не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из троих». А это уже существенно меняло правила игры. До сих пор римские граждане не сталкивались с ситуацией, когда бы существование республики зависело от намерений трех, пусть и влиятельных лиц. Можно сказать, что закат республики начался с дружеских отношений между Помпеем и Цезарем, а не с вооруженного конфликта между ними. Не случайно римские историки, а вслед за ними и современные, ведут отсчет начала гражданских войн второй половины I в. до н.э. от создания триумvirата.

В 59 г. до н.э. Цезарь стал консулом и провел в жизнь требования Помпея. По окончании срока консулата Цезарь получил в управление на пять лет провинцию Цизальпинскую Галлию, к которой, по предложению Помпея, сенат добавил и Нарбонскую и Трансальпинскую Галлию и тем самым создал условия для дальнейшего возвышения Цезаря. Большую часть Трансальпинской (или «Косматой») Галлии, на территории которой в настоящее время располагаются Франция, Бельгия, часть Голландии и Швейцария, населяли кельтские племена (гельветов, арвернов, эдуев, секванов, аквитанов, армориков, треверов, белгов и др.), которые оставались непокоренными римлянами. Цезарь принялся за подчинение этой территории. Он совершил также две экспедиции в Британию и дважды переправлялся через Рейн, отделявший Галлию от Германии. В результате было остановлено вторжение в Галлию

Марк Антоний. Мрамор. I в. до н.э. Ватикан

германских племен во главе с Ариовистом из-за Рейна, который стал границей Римской державы. Победы и неудачи, которые сопутствовали римлянам в Галлии, Цезарь предусмотрительно описал в своих мемуарах, известных под названием «Записки о галльской войне», которые являются образцом литературного стиля, изысканного и вместе с тем доступного для восприятия.

Завоевание Галлии расширило границы римского владычества на Западе, а романизация (распространение римской культуры и римского образа жизни) этих территорий определила облик современной Европы. В галльских походах сложилась сильная, хорошо обученная и преданная Цезарю профессиональная армия, которая вместе с огромной добычей, полученной в результате разграбления обширных областей, стала эффективным инструментом в борьбе Цезаря за власть в Риме.

Смерть Юлии, дочери Цезаря, которая была женой Помпея, способствовала охлаждению отношений между «заклятыми друзьями», а гибель Красса в войне с парфянами (в битве при Каррах в 53 г. до н.э.) привела к распаду триумvirата. Не имея возможности продлить свои полномочия в Галлии и заочно выставить свою кандидатуру на консульские выборы, Цезарь в январе 49 г. до н.э. с легионом из ветеранов перешел реку Рубикон – северную границу Италии. Помпей в спешке покинул Рим и преследуемый Цезарем отплыл в Грецию, где в августе 48 г. до н.э. при Фарсале обе армии вступили в сраже-

ние. Но силы были неравны, и армия Помпея потерпела сокрушительное поражение, а сам он бежал на Восток и погиб, пытаясь найти убежище в Египте.

По отношению к своим политическим противникам Цезарь проявил милосердие, отказавшись от их преследования. Но провозглашение бескровного гражданского мира не смогло объединить противоборствующие силы вокруг установленного им режима и, в конце концов, стало причиной его поражения. За время своего пребывания у власти (сначала как консула, затем в качестве диктатора на десять лет, и, наконец, как пожизненного диктатора) Цезарь провел много реформ, в том числе по реорганизации судов и провинциальной администрации. Цезарь изменил и политику Рима в отношении провинций, начав распространять права римского гражданства на провинциалов. Цезарь раньше других понял, что римское гражданство может стать инструментом объединения завоеванных территорий с разными культурными традициями и разным экономическим потенциалом в единую державу под властью Рима. При нем права римского гражданства получили общины Цизальпинской Галлии.

С именем Юлия Цезаря связана реформа календаря, согласно которой в основу исчисления года было положено движение Солнца, а не изменение фаз Луны, как прежде. Разработанный астрономом Созигеном, этот календарь получил название «юлианского». Он надолго пережил своего создателя и саму Римскую империю. В России юлианский календарь просуществовал до 1918 г. и по сей день используется в литургической практике Православной церкви.

Все эти мероприятия Цезарь проводил в жизнь, опираясь на свое непосредственное окружение, состоявшее из близких друзей, не заботясь о поддержке со стороны сената. Покорный сенат, в свою очередь, осыпал его все новыми почестями, что привело к фактическому обожествлению диктатора и не могло не закончиться его скорым ниспровержением. Римлянам не нужен был новый эффективный политический режим и гражданский мир, который он мог бы обеспечить. Им требовалась «республика», т.е. такое состояние государства, при котором оно является «общественным достоянием», и не стоит над гражданским коллективом, а выражает его волю и служит интересам граждан. Цезарь мог бы откликнуться на популярные среди римлян призывы к «восстановлению республики». Но он предпочел порвать с республиканской традицией, блюстителем которой в римском обществе выступал сенат. Поэтому в мартовские иды (15 марта) 44 г. до н.э. Цезарь пал жертвой сенатского заговора, во главе которого стояли бывшие помпеянцы Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин. Вдохновителем заговора был Марк Туллий Цицерон.

Убийство Цезаря послужило прологом к новому витку гражданских войн, на полях которых в кровопролитных сражениях сошлись соратники Цезаря, сплотившиеся вокруг Марка Антония, и сторонники республики во главе с Цицероном, Брутом и Кассием. В борьбу за власть включился и девятнадцатилетний Гай Октавий, сын племянницы Цезаря, усыновленный им незадолго до смерти и объявленный главным наследником всего имущества диктатора. Вступив в наследство Цезаря, он получил имя своего усыновителя, и вошел в историю как Гай Юлий Цезарь Октавиан. Антоний и Октавиан, каждый из которых выставил себя единственным продолжателем дела Цезаря, в 43 г. до н.э. заключили союз, к которому присоединился и Эмилий Лепид, начальник

конницы в бытность Цезаря диктатором. Этот союз известен под названием Второго триумvirата. Триумvиры получили неограниченные полномочия для устройства государства на пять лет. Основу благополучия отечества они видели в тотальном физическом уничтожении своих политических противников. Составив проскрипционные списки, триумvиры развязали жесточайший террор, который по количеству погибших далеко превзошел сулланские репрессии. Жертвой вакханалии террора пал и Цицерон.

В 42 г. до н.э. Антоний и Октавиан вместе сражаются при Филиппах (в Македонии) с армией «республиканцев». Но после одержанной победы и гибели их соперников Брута и Кассия пути «союзников» разошлись. Антоний отправился в восточные провинции для наведения порядка и до весны 40 г. до н.э. гостил у египетской царицы Клеопатры. Октавиан вернулся в Италию, где ему предстояло решать насущные вопросы наделения ветеранов земель. Войска обоих полководцев время от времени вступали в междоусобные стычки, но после раздела провинций ситуация стабилизировалась. Октавиан получил в управление западные провинции, Антоний – восточные, а Лепид – Африку. Взаимному согласию способствовало и обретение общего врага в лице Секста Помпея, младшего сына Помпея Великого, который обосновался на Сицилии. К нему стекались все недовольные режимом – от аристократов, спасавшихся от проскрипций, до беглых рабов. Одержав победу над Секстом Помпеем в двух морских сражениях при Милах и Навлохе и заодно отстранив Лепида от власти, Октавиан превратился в фактического правителя Запада.

Столкновение между ним и Антонием стало неизбежным и произошло 2 сентября 31 г. до н.э. в грандиозном морском сражении у мыса Акции (западное побережье Пелопоннеса). На стороне Антония должен был сражаться флот Клеопатры, но в начале битвы царица повернула свой корабль обратно. Вслед за ней в Египет бежал и Антоний, а его войска перешли на сторону Октавиана. В августе 30 г. до н.э. Октавиан вступил в Египет. Сопротивление Антония и Клеопатры было подавлено без особых усилий, а сами они покончили с собой. Так не только закончилась третья по счету гражданская война в Риме, но и была перевернута последняя страница в истории эллинистических царств. Птолемеевский Египет, дольше других сохранявший свою независимость, был обращен в очередную провинцию Римской империи. По всей стране воцарился долгожданный мир.

В столкновении между Антонием и Октавианом, по сути дела, решался вопрос о «модели» единоличной власти. Многолетнее пребывание Антония на Востоке сделало его ярым поклонником египетских и персидских монархических традиций. Октавиан же в своей политике всегда апеллировал к античным гражданским порядкам, умело используя «ориентализм» соперника для привлечения на свою сторону жителей Италии и большинства провинций.

* * *

Современники эпохи гражданских войн, среди которых в первую очередь следует назвать историка Саллюстия и оратора Цицерона, в поисках причин кризиса республики обращались к моральному состоянию римского общества, отмечая характерный для этого времени упадок нравов. В действительности, начало кризиса было положено римскими завоеваниями

сначала в Италии, а затем и за ее пределами. В I в. Рим уже превратился в громадную державу, которая переросла границы Средиземноморья, включив в себя Британские о-ва на западе и земли, простиравшиеся до Евфрата, на востоке. Гражданский коллектив этой державы состоял из жителей всей Италии, интересы которых практически не учитывались проходившими в самом Риме народными собраниями. Однако тон в этих собраниях задавал городской плебс, который преследовал свои собственные интересы. Римская аристократия, сосредоточенная в сенате, потеряла свою монолитность. Из нее выделилась небольшая горстка семей, которая, пользуясь своим влиянием и связями, сосредоточила в своих руках богатства, поступавшие в Рим в результате бесконтрольного расхищения провинций. Римская армия из ополчения граждан превратилась в профессиональное войско, связанное больше со своими полководцами, чем с гражданским коллективом. Аграрный вопрос приобрел особую остроту в связи с постоянно растущей потребностью обеспечения земельными наделами ветеранов. В то же время сенат отказывался решать эти проблемы, чем вызывал сомнения в законности своей власти как высшего правительственного органа и побуждал легионеров снова и снова совершать «походы на Рим».

Таким образом, организация власти и управления, сформировавшаяся в условиях становления гражданской общины и отвечавшая ее потребностям, не соответствовала новым условиям существования римского государства. Назрела необходимость изменения государственного строя, который смог бы обеспечить интересы широких слоев населения Средиземноморья. Однако решить эту проблему можно было, достигнув компромисса с сенатом и оформив новую власть в согласии с республиканскими традициями.

Политическая борьба, приведшая к гибели Римскую республику, может показаться преимущественно борьбой за власть между различными группировками римской аристократии, в которой рядовым гражданам отводилась роль пассивных наблюдателей. Однако это впечатление ошибочно. Какова же была степень действительного участия граждан в политической жизни?

Традиционными средствами самовыражения граждан были избирательные и законодательные собрания. Конечно, свобода выборов в Риме была ограничена процедурными правилами, которые обеспечивали руководящую роль председательствующему магистрату. Кроме того, римские граждане голосовали по группам (центуриям или трибам), что выдвигало на первый план голосующие единицы, а не отдельных избирателей. Тем не менее процедура выборов существенно изменилась с введением табличек для голосования. Назначение этого нововведения сводилось к тому, чтобы защитить гражданские свободы секретностью и анонимностью голосования. Теперь каждый избиратель мог сыграть свою роль в поддержке или провале кандидата. Голоса граждан обеспечивались не только обещанием благодарности, но открыто покупались и продавались. Это достигалось с помощью специальных агентов, дивизоров, которые держали в своих руках «взяточный фонд» избирательной кампании. Однако такая система не способствовала приходу к власти плутократии. Высшие должности продолжали находиться в руках знати, которая поддерживала свое положение не столько богат-

ством, сколько престижем выдающихся имен, дружескими связями, патронатом, а главное – консерватизмом избирателей, уважавших традиционные ценности.

Отношения между гражданами и властями находили выражение в сфере административной и судебной практики. Свобода, понимаемая прежде всего как правовая категория, была неразрывно связана с правом провокации и плебейским трибуналом, которые, в свою очередь, регулировали отношения между гражданином и властью. Магистраты были окружены целым штатом помощников (ликторов, писцов, вестников и т.п.), которые оказывали им помощь в повседневной практике, выполняя также и посредническую функцию между магистратами и гражданским коллективом.

Со II в. до н.э. складываются альтернативные формы гражданской жизни, которые открывали для различных групп граждан новые возможности участия в жизни коллектива. Такие традиционные церемонии, как похороны, триумфы, театральные представления, гладиаторские бои, проводы и встречи магистратов, становятся выражением общественного мнения и проявлением политического настроения масс. В действительности римский народ никогда не управлял государством. Это было полем деятельности «политического класса», доступ в который покоился на обладании собственностью. Но тот факт, что большинство граждан не могло стать магистратами, совсем не мешал им быть заинтересованными в том, как функционируют институты власти. Политической системе приходилось считаться с интересами и требованиями широких слоев общества. Народ не был всемогущим в Риме, но его отношение к происходящему имело определенное значение и учитывалось представителями власти.

Римская анналистика и историография. I в. до н.э. дал несколько имен историков-анналистов, среди которых наибольшей известностью благодаря многочисленным ссылкам на его сочинение у более поздних авторов пользуется Валерий Анциат. Историки этого времени более широко использовали понтификальную хронику, в которой фиксировались события религиозной и политической жизни Рима – освящение храмов, вывод колоний, сакральные церемонии и т.п. Обладание подобной информацией привело к развитию той части повествования, которая пролегла между мифическим прошлым и современностью, являясь историей в собственном смысле этого слова, и была представлена у предшествующих поколений историков в зачаточной форме. При этом акцент делался на реконструкцию внутренней истории Рима, особенно тех ее проблем, которые казались сходными с проблемами конца II – I в. до н.э. I в. до н.э. предъявил к историческим сочинениям новые идеологические требования. Решение задачи, которая стояла теперь перед анналистами, – создание образа римского народа, привело к становлению эпического повествования.

В последней трети II в. до н.э. под воздействием анналов (летописей) понтификов окончательно сложился анналистический жанр исторического повествования, отличительной чертой которого является распределение информации по истории Рима во времени в соответствии с консульскими парами. Образцом такого жанра является сочинение Луция Кальпурния Пизона «Анналы», которое охватывает римскую историю от прибытия Энея в Италию до современных автору событий. Мифы и легенды, в которых Пизон искал отражение современ-

ных ему реалий, стирая тем самым дистанцию между прошлым и настоящим, перемежались в его сочинении фактами сакральной традиции, почерпнутыми из жреческих архивов и легших в основу собственно исторического повествования.

Анналистическая форма повествования достигла зрелости в сочинении Тита Ливия – историка «Августова века». Труд Ливия возник из сочетания двух исторических традиций – сочинений анналистов и летописей понтификов, сохранив их хроникальный канон с приведением имен выбранных магистратов и получив уже появившийся в работах анналистов «эпический регистр повествования». Как и у его предшественников, в центре повествования у Ливия стоит образ великого римского народа. Создавая этот образ, Ливий отбирает материал, подчеркивающий доблесть и мужество, благородство и умеренность древних римлян, в чем он видит основу их успехов. История для него – серия примеров, в которых воплощены римские добродетели или противоположные им качества. Эти примеры, позволявшие соизмерить ценность вклада отдельного человека в общественное дело, стали восприниматься римлянами в качестве их подлинной истории.

Рисуя римский национальный характер, Ливий создал в конечном итоге общественно-исторический миф, который не тождественен действительности, но и неотделим от нее. Ливиевы характеры запечатлели устойчивые стереотипы общественного сознания, которые активно воздействовали на жизненную практику. Таким образом, сочинение Ливия, написанное в жанре анналистической историографии, не является только одним из ее образцов, а представляет собой качественно иной этап развития этого историографического жанра. Справившись с возложенной на него идеологической задачей, анналистический жанр исторического повествования исчерпал свои возможности и на рубеже эпох (при переходе к империи) оказался уже неактуальным.

Анналистика была не единственным видом исторических сочинений в Риме. Начиная со второй половины II в. до н.э. можно говорить о зарождении и развитии историографии антикварного направления, самым ярким представителем которого является Марк Теренций Варрон – современник и друг оратора Цицерона. Составленный еще в древности список произведений Варрона насчитывал 490 томов, однако большая часть его сочинений сохранилась лишь во фрагментах. Круг научных интересов Варрона был широк: он писал работы по латинскому языку и литературе, римским древностям, философии и ведению хозяйства. Но излюбленным занятием антиквара оставалось исследование прошлого римского народа, а основным источником информации ему служили документы жреческих коллегий, из которых он «добывал» реалии жизни архаического Рима. Используя методы систематизации материала, созданные в греческих философских школах, Варрон преследовал одну цель – поместить римский народ в широкий историко-культурный контекст греко-римской цивилизации, подчеркнуть древность его происхождения. Его сочинения оказали огромное влияние на ученую поэзию эпохи Августа, на последующие поколения антикваров и на христианских Отцов церкви.

Политическая жизнь Римской республики, которая разворачивалась в сенате, народных собраниях и судах, обусловила развитие риторики, пред-

ставленной политическим и судебным красноречием. Содержание речи и ее структура определялись спецификой античного судебного красноречия: оратор стремился не к доказательству истины, а к достижению правдоподобия, к эмоциональному воздействию на слушателей. Речи довольно рано начали записываться. Первой записанной может считаться речь Аппия Клавдия Цека, произнесенная в сенате в 279 г. до н.э. против заключения мира с Пирром, которая хранилась в семейных архивах. Известно, что Марк Порций Катон включил в свое сочинение произнесенные им речи. Речи становятся неотъемлемой частью римской историографии. Причем, если греческие историки сами составляли речи для исторических персонажей, выражая в них свои политические взгляды и пристрастия, римские историки использовали речи как документальный материал. И все же речи, вставленные в исторические сочинения, отличались по стилю от речей, произнесенных на Форуме: последним, по свидетельству Цицерона, была свойственна острота и сила слова.

Расцвет красноречия сказался на развитии литературного латинского языка. Выдающимся памятником латинской словесности является ораторская проза Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н.э.), в которой сила слова соединена с изяществом изложения. Придавая большое значение литературной обработке своих речей, выстраивая их ритмическую структуру, Цицерон, в то же время, не увлекался чрезмерной изысканностью речи – ведь оратор, в его представлении, должен не только услаждать, но побуждать к действию и учить. Чтобы достичь такого результата оратор должен иметь философскую подготовку, быть знатоком права и обладать универсальной образованностью. Как государственный деятель Цицерон всегда говорил о власти закона, который служит основой цивилизованной жизни. Но закон для него не является принуждением, так как основа закона кроется «в естественном нашем стремлении любить друг друга». Представление о связующей силе любви побудило в дальнейшем сближать Цицерона с христианством.

С именем Цицерона также связано начало латинской философии. Широкое проникновение в Рим эллинистической культуры началось после Второй Пунической войны. Хотя Рим уже стал центром крупной державы, он сохранял идеологию гражданской общины, поэтому многие проникающие извне философско-политические идеи оставались чуждыми для римлян. Задача римских интеллектуалов сводилась к тому, чтобы приспособить эти идеи к традиционным римским ценностям и найти греческой философии общественное применение. В своих философских сочинениях Цицерон дает сугубо римские ответы на вопросы, поставленные в различных греческих философских школах. В центре его внимания всегда оставался Рим, а подчинение им окружающих народов происходило для их же блага; служение Риму воспринималось как служение человечеству, а сам Рим являлся воплощением идеального государства.

ЛЕГИТИМАЦИЯ ЕДИНОВЛАСТИЯ

После победы над Марком Антонием Октавиан стал единовластным правителем Римской державы. В его распоряжении находилась громадная армия. Италия и провинции не только подчинялись, но и поклонялись ему как спасителю и избавителю от кровавых гражданских смут, бесконечных грабежей и поборов. Отныне никто не мог открыто бросить ему вызов. Однако, несмотря на все это, Октавиан оказался в очень сложном положении, ведь теперь его власть не имела законного основания. Срок действия чрезвычайных полномочий, декретированных ему как триумвиру, истек еще в 33 г. до н.э. Присяга, данная ему как главнокомандующему в 32 г. до н.э. гражданами всех муниципиев Италии, имела законное действие только на время войны. Разумеется, он мог управлять державой, опираясь на военную силу и не считаясь ни с кем, кроме преданной ему армии, т.е. выступить перед всеми в незавидной и чрезвычайно опасной роли тирана. И судьба Цезаря, и печальный опыт самого Октавиана свидетельствовали о том, насколько ненадежна и опасна основанная на неприкрытом насилии власть для самого правителя.

Для ее сохранения Октавиану было необходимо придать своей власти хотя бы видимость законности в глазах сограждан и обеспечить себе их прочную поддержку. Зажиточные граждане, составлявшие «цвет» римского народа, мечтали об окончательном прекращении смут и усобиц и возвращении к строю предков, не особенно задумываясь, насколько одно совместимо с другим. Попытка реставрации республиканского прошлого могла привести к новым гражданским смутам и войнам, но тем же самым был чреват и резкий разрыв с этим прошлым, неприемлемый для многих римлян. Октавиан выбрал третий путь: он «восстановил» республику, сохранив и упрочив при этом свое единовластие.

После захвата Египта Октавиан щедро расплатился со своими воинами; 120 тыс. легионеров получили крупные земельные наделы в ветеранских колониях, основанных как в Италии, так и в провинциях. Благодаря богатой египетской добыче земля для ветеранов впервые за многие десятилетия была не конфискована, а выкуплена у прежних владельцев. Таким образом, Октавиан примерно вдвое сократил разбухшую во время гражданских войн и ставшую очень своевольной армию и обеспечил себе преданность и поддержку хорошо организованных и сплоченных ветеранов. При этом он сохранил лояльность остальных землевладельцев, довольных прекращением бесконечных конфискаций владений (около двух третей земельного фонда в Италии во время последних гражданских войн было отобрано у собственников в пользу ветеранов Цезаря и триумвиров).

В 28 г. до н.э. Октавиан простил накопившиеся во время гражданских войн недоимки гражданам — должникам государственного казначейства и сжег долговые документы. Затем он особым указом отменил все законы и постановления, изданные по инициативе триумвиров. В глазах сограждан

Орел. Камень. Римская копия I в. Вена. Музей искусств

это выглядело как демонстративное отречение от несправедливостей и злоупотреблений, связанных со смутами и междоусобицами.

Октавиан позаботился об укреплении не только гражданского мира, но и «мира с богами», что считалось одним из главных условий процветания гражданской общины. Он приказал восстановить в Риме множество обветшавших, разрушенных или сгоревших древних храмов потомкам их основателей (полководцев-триумфаторов); 82 храма, которые некому было восстанавливать, он воздвиг заново на собственные средства и украсил богатыми дарами.

В том же самом году Октавиан провел чистку сената, невероятно разросшегося во время гражданских войн за счет разного рода «темных личностей» и откровенных проходимцев, введенных туда по милости Цезаря и триумвиров. Рассказывают даже, что некий римлянин узнал в одном из только что назначенных квесторов своего беглого раба. Такой чисткой Октавиан постепенно уменьшил число сенаторов с 1000 до 600 человек (столько входило в его состав накануне гражданских войн). Он ввел для сенаторов минимальный имущественный ценз в 1 млн сестерциев. Обедневшим представителям древних родов, выходцы из которых из поколения в поколение заседали в сенате, Октавиан подарил средства, достаточные для сохранения ими своего бывшего положения. Таким образом, благодаря Октавиану сенат, олицетворявший для римлян республиканский строй, снова стал работоспособным и авторитетным органом власти.

В связи с чисткой был составлен новый список сенаторов, первое место в котором отводилось Октавиану. Тем самым он стал *принцепсом* сената и получил почетное право первым высказывать свое мнение при обсуждении

государственных дел. Принцепс сената не обладал никакими особыми полномочиями, но издревле считался самым авторитетным и заслуженным не только из сенаторов, но и из всех римских граждан.

Впервые после длительного перерыва Октавиан провел всеобщий ценз, а после него в соответствии с древним обычаем – люстр (*lustrum*) – торжественный обряд очищения от скверны, сопровождавшийся ритуальными шествиями, богатым жертвоприношением и молитвой богам с просьбой обеспечить сохранение и процветание римского народа и его владений. Поскольку предыдущий люстр проводился в 70 г. до н.э., то новый должен был очистить народ от скверны, накопившейся во время гражданских смут и войн. Так же как и прочие мероприятия Октавиана, этот шаг знаменовал разрыв с кровавыми междоусобицами последних десятилетий и начало новой мирной и достойной жизни. Все эти мероприятия, отвечавшие чаяниям большинства римских граждан, сопровождались невиданно пышными празднествами и зрелищами, богатыми пирами и щедрыми раздачами. Неудивительно, что Октавиан пользовался в эти годы необыкновенной популярностью как в Риме, так и в Италии.

13 января 27 г. до н.э. на заседании сената Октавиан заявил, что, поскольку в государстве установился гражданский мир, он отрекается от власти и передает ее сенату и народу римскому, а сам навсегда удаляется в частную жизнь – сенаторы растерялись. Одни не верили в искренность Октавиана, другие верили, но не знали, радоваться ли им восстановлению республики или страшиться новых гражданских смут и междоусобиц. Ближайшие сподвижники Октавиана, проинструктированные заранее, стали умолять его не покидать нуждающееся в нем государство. К ним присоединились и остальные сенаторы, но Октавиан стоял на своем. Тогда сенаторы «приказали» ему остаться у власти, и он подчинился. Однако он согласился сохранить под эгидой сената и народа римского лишь некоторые из своих полномочий и только на 10 лет, пока окончательно не минуют все угрозы спокойствию и благополучию государства.

Он оставил себе управление пограничными провинциями, населенными по большей части бедными и беспокойными племенами, находившимися под угрозой вражеских вторжений. Они отныне назывались «провинциями цезаря», т.е. императорскими, а сам он стал их наместником (проконсулом), управлявшим ими через своих помощников – легатов сенаторского звания. Поскольку легионы, главная сила римской армии, были расквартированы в этих провинциях, Октавиан сохранил свой статус главнокомандующего и контроль над вооруженными силами.

Богатые и мирные внутренние провинции отныне назывались «провинциями народа римского» и управлялись сенаторскими пропреторами и проконсулами, получавшими свой пост по жребию. Попасть в список кандидатов, бросающих жребий, можно было только с одобрения Октавиана, и он нередко отдавал приказы наместникам и тех и других провинций.

В награду за «восстановление республики» Октавиан получил от сената и народа почетное имя «Август» (букв. «Священный» или «Возвеличенный божеством»), под которым он и вошел в историю. Отныне его стали называть Император Цезарь Август. Над входом в его дом, по постановлению сената, был прикреплен гражданский венок из дубовых листьев – почетная награда

воину, спасшему в бою жизнь римского гражданина. Август, таким образом, официально был признан «спасителем государства» и всех сограждан. Через 10 лет он снова попытался отречься от власти, но по приказу сената, был вынужден остаться у кормила государства. За время его правления эта процедура повторялась еще несколько раз.

Отречение от власти, а затем принятие тех или иных постов, полномочий и почестей по требованию сената и народа должны были демонстрировать их верховенство и выборный республиканский характер власти Августа, а также и то, что он участвует в управлении государством ради общественного блага. Большинство его преемников начинали свое правление с торжественного отказа от власти и каждые 10 лет отмечали особый юбилей ее обновления.

В 23 г. до н.э. Август на основании принятого народным собранием закона получил пожизненную власть (но не должность) плебейского трибуна. Эта власть считалась годичной, а следовательно, срочной, но по особому постановлению сената и народа каждый новый год автоматически обновлялась. Отныне он считался лицом священным и неприкосновенным и имел право «вето», т.е. наложения запрета на любое действие или решение любого органа власти. Он также мог созывать сенат и народное собрание и выдвигать свои предложения и законопроекты на их утверждение. Он рассматривался как защитник и заступник плебеев — подавляющего большинства римских граждан. Однако, поскольку сам Август не был плебейским трибуном, другие трибуны лишились возможности использовать свое право «вето» по отношению к нему.

Несколько раз Августу предлагали от имени сената и народа незаконные или беспрецедентные должности и полномочия, такие, например, как пост диктатора, ликвидированный после смерти Цезаря, или попечителя о законах и нравах. В этих случаях он отказывался наотрез, указывая, что они несовместимы с сохранением «строга предков».

В 12 г. до н.э. после смерти великого понтифика Эмилия Лепида Август при небывалом стечении народа не только из Рима, но и из всей Италии был избран народным собранием на этот высший жреческий пост. К тому времени он состоял членом всех жреческих коллегий, связанных с государственными культами. Таким образом, теперь он оказался облечен не только высшей военной и гражданской, но и высшей жреческой властью. Под его контролем отныне находилась вся религиозная жизнь римской гражданской общины. Это позволяло ему лучше и надежнее контролировать также и политическую деятельность сената, комиций и магистратов. Еще через десять лет по единодушному требованию сената и народа он принял самое почетное в Римской республике звание «Отца отечества», которого ранее удостоивались лишь наиболее выдающиеся государственные деятели за особые заслуги перед государством (например, Марк Фурий Камилл и Гай Марий).

Преемникам Августа эти полномочия и почести декретировались сенатом и народом сразу же после их прихода к власти, причем не на определенный срок, а пожизненно. Иногда даже очень юные правители объявлялись «отцами отечества». Личные имена «Император», «Цезарь» и «Август» постепенно превратились в титулатуру верховной власти и в таком качестве дошли до нашего времени. Поэтому в России и в Германии монарха называли царь или кайзер (это разные варианты произношения слова *caesar*), а членов его

Римская камея «Гемма Августа». I в. Вена. Музей искусств

семьи – «августейшими особами». А от слова «принцепс», обозначавшего правителя «восстановленной республики», произошло современное слово «принц».

При жизни Августа тот или иной из его ближайших родственников, выбранный им в качестве возможного преемника, нередко получал от сената и народа те же самые чрезвычайные полномочия – пост проконсула «провинций цезаря» и власть плебейского трибуна. Эти люди считались равноправными (на деле являлись младшими) коллегами Августа. Поэтому в своем политическом завещании, получившем название «Деяния божественного Августа», он заявил, что превосходил всех своим авторитетом, но власти имел ничуть не более, чем те, кто были его коллегами по каждой магистратуре.

Итак, власть Августа и его преемников внешне выглядела как республиканская: формально она являлась выборной, срочной, а нередко и коллегиальной и рассматривалась как своеобразная чрезвычайная магистратура. Хотя при всем своем республиканском антураже эта бессрочная, никому неподотчетная и фактически неограниченная власть противоречила коренным принципам республиканского правления.

В «Деяниях...» Август утверждает, что получил свое почетное имя за то, что, потушив пожар гражданских войн и владея при всеобщем согласии высшей властью, он передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа римского. И если Цезарь, придя к власти, заявлял, что «республика – ничто, пустое имя без тела и облика», а люди отныне должны слова его считать законом, то Август ставил себе в заслугу «восстановление республики» и постоянно подчеркивал, что он выполняет решения сената и народа римского и подчиняется законам. И хотя, фактически, и Цезарь, и Август были единовластными правителями, лишившими сенат и народ римский их бывшего значения, большинство римлян считали правление Цезаря тираническим, а Августа – законным и благотельным.

Век Августа прославлен творчеством великих римских поэтов. Рим не имел своего эпоса, подобного древнегреческому. Созданием его занялся Вергилий, вдохновляемый и поддерживаемый ближайшим сподвижником Августа Меценатом. В поэме «Энеида» Вергилий воспел мифологизированную историю Рима и в чеканных поэтических строках запечатлел великое предназначение Рима «народами править державно». Лиризмом окрашены его поэтические циклы «Буколики» и «Георгики». Свою судьбу с величием Рима попытался соразмерить поэт Гораций в своем произведении «Памятник», парафраз которого написал А.С. Пушкин. Прелестна лирика Горация, исполнен мудрости его призыв к «золотой середине» в жизненных устремлениях. «Певцом любви» называют Овидия. Никто не мог сравниться с ним в поэтическом воплощении нежной страсти. Сосланный на берег Понта Эвксинского, Овидий выразил свою тоску по Риму в «Тристиях». Главным трудом своей жизни Овидий считал поэму «Метаморфозы», в котором переосмыслил греческую мифологию.

Преемники Августа по его примеру утверждали, что правят «восстановленной республикой», а для обозначения своего положения в государстве, так же как и он, использовали слово *принцепс* (первый сенатор или первый гражданин). Подвластных им римлян называли не подданными, а согражданами, а главным достоинством принцепса считалась «гражданственность» (*civilitas*)).

Созданный Августом новый политический строй получил название «принципата». Большинство историков античности считают, что этот политический строй продержался в Древнем Риме примерно два с половиной столетия – до конца правления Александра Севера (222–235 гг. н.э.). Эту эпоху обычно подразделяют на *ранний* (до конца I в. н.э.) и *поздний принципат*. В целом Раннюю империю (I–III вв. н.э.) называют также периодом *принципата*.

Августу удалось не только «потушить пожар гражданских войн», но и положить начало длительной эпохе социально-политической стабильности, гражданского мира и процветания. Эта эпоха (I–II вв. н.э.) называлась «римским», или «августовым миром». На протяжении многих поколений боль-

шинство населения Римской империи не сталкивалось ни с гражданскими войнами, ни с рабскими восстаниями, ни с вражескими нашествиями, чего не бывало ни до ни после принципата. Историки Древнего Рима прошлых столетий нередко называли это время «самой благодетельной эпохой в истории человечества», полагая, что секрет «августова мира» заключался в переходе от республики к монархии, от изжившего себя полисного строя к империи. Однако более поздние исследования заставили отказаться от однозначных ответов на сложные вопросы о характере принципата и причине перехода от эпохи гражданских войн к эпохе августова мира.

ПРИНЦЕПС И «ВОССТАНОВЛЕННАЯ РЕСПУБЛИКА»

При Августе и его преемниках республиканские органы власти – народное собрание, сенат и магистраты – формально пользовались своими полномочиями наряду и наравне с принцепсами и сохраняли свое былое значение, но фактически в значительной мере утратили и то и другое.

Народное собрание (комиции). Если при Цезаре и триумвирах правители не считались с комициями, могли сами издавать указы, имеющие силу закона и назначать магистратов на много лет вперед, то Август, по свидетельству своего биографа Светония, «восстановил в народном собрании древний порядок выборов, сурово наказывая за подкуп». «Присутствуя на выборах должностных лиц, – пишет Светоний, – он всякий раз обходил трибы со своими кандидатами и просил за них по старинному обычаю. Он и сам подавал голос в своей трибе, как простой гражданин». Как и раньше, в народном собрании принимались законы, в том числе и закон о наделении полномочиями самого принцепса, когда очередной правитель приходил к власти. Таким образом, формально римский народ оставался высшей властью в государстве и считался источником всякой иной власти.

Однако на деле властные prerogative римского народа переходят к принцепсу. Если раньше римский гражданин, пользуясь правом «провокации», мог апеллировать к суду народного собрания, то теперь – к суду принцепса. «Апелляция к цезарю» вытеснила «провокацию к народу». Государственную измену в Риме, как и в прошлом, называли «оскорблением величества народа римского», но теперь так именовалось покушение на жизнь и авторитет прежде всего принцепса, а не на власть народа и его представителей.

Принцепс имел право рекомендовать, а фактически назначать часть кандидатов на магистратские посты. Уже Август использовал его, чтобы диктовать комициям свою волю. Когда народ избирал неудобного ему кандидата, он мог отменить выборы и «рекомендовать» на высокий пост, кого считал нужным. В конце своего правления Август однажды отменил сопровождавшиеся народными волнениями выборы и «рекомендовал» своих кандидатов на все магистратские посты.

К концу правления Августа была подготовлена реформа избирательной системы, осуществленная сразу же после его смерти. Отныне сенат составлял список, в котором содержалось по одному кандидату на каждый пост, а комиции, утверждали его своим голосованием. Таким образом, избирательные комиции, по меткому выражению современного антиковеда, превратились

в «органы обязательного одобрения». Теперь тех магистратов, которые не были кандидатами принцепса, фактически выбирали сенаторы из своей собственной среды, из числа тех, против кого принцепс не возражал. Обычно принцепс «рекомендовал» всех кандидатов на пост консула и определенную часть кандидатов на другие посты.

Постепенно народ утратил не только избирательную, но и законодательную власть. После смерти Августа принимаемые в народном собрании законы постепенно вытесняются постановлениями сената (сенатусконсультами), получившими при Августе обязательную силу. Последний известный нам закон был принят народным собранием в конце I в. н.э. Превратившись в чисто формальный институт, народные собрания постепенно хиреют, но долгое время не исчезают полностью. Еще в начале III в. н.э. встречаются свидетельства о деятельности в Риме какой-то смутной тени былых комиций.

Сенат. Положение сената, на первый взгляд, изменилось к лучшему. Если раньше он был (по крайней мере, формально) совещательным органом при магистратах, располагавшим не столько полномочиями, сколько авторитетом, то после установления принципата он считается наряду с народным собранием высшим органом власти. Отныне сенат обладает законодательными, судебными и избирательными прерогативами, принимает участие в «выборах» принцепса и наделении его полномочиями и почестями. Сенат может обожесть покойного принцепса, либо, наоборот – лишить его указы законной силы, а память о нем подвергнуть проклятию. Он вправе объявить принцепса вне закона и отстранить от власти. Хотя воспользоваться этим правом сенату удавалось крайне редко.

Так же как и раньше, в сенате обсуждались государственные дела, в его ведении находились государственные финансы, дипломатия, контроль над управлением Италией и провинциями. В представлении как римских граждан, так и провинциалов сенат являлся воплощением законности, порядка и самой «восстановленной республики».

Вместе с тем и отдельные сенаторы, и сенат в целом оказались в зависимости от принцепса. Обретя новые прерогативы, сенат утратил инициативу и самостоятельность. Как правило, самые важные государственные дела он разбирал по поручению принцепса и выносил по ним лишь угодные тому решения. Компетенция сената и принцепса не имели четкого разграничения, поэтому тот мог взять на себя разбор любого государственного дела, а затем оформить его либо постановлением сената (сенатусконсультом), либо собственным указом. В этих условиях участие сенаторов в обсуждении важных государственных проблем постепенно теряло реальное значение. Лишь при обсуждении и решении повседневных дел, не привлекавших внимания принцепса, сенат мог проявлять большую или меньшую самостоятельность.

Если раньше сенат фактически играл роль римского правительства, то теперь ее принимает на себя принцепс со своими «друзьями» из сенаторов и всадников и слугами из отпущенников и рабов. Римские историки эпохи принципата, принадлежавшие к сенаторам, жалуются, что теперь писать историю стало значительно труднее, чем раньше, когда самые важные политические решения обсуждались и принимались публично, а не тайно, как в их время.

Со временем сенат теряет даже видимость власти. К концу II в. н.э. в нем уже не появляются посольства от зарубежных владык и подвластных Риму

городов и племен, редко разбираются важные судебные или государственные дела, нечасто происходят прения. Выслушав речь принцепса, зачитанную им самим или его представителем, сенаторы одобряют ее бурными аплодисментами и хоровыми хвалами (аккламациями), а затем публикуют как сенатусконсульт. Юристы этого времени ссылаются не на сенатусконсульт по какому-либо вопросу, а на речь принцепса в сенате. С начала III в. н.э. сенатусконсульты постепенно вытесняются императорскими указами.

Вместе с тем, утратив в эпоху принципата свою самостоятельность, а со временем и большую часть своих полномочий и функций, сенат сохранил при этом немалое политическое влияние. Более того, он пережил не только отдельных императоров, но и саму империю и продолжал пользоваться влиянием и престижем под властью германских конунгов.

Разумеется, и сенат в целом, и каждый отдельный сенатор во всем зависели от принцепса, но и тот, в свою очередь, зависел от них. Представители сенаторского сословия составляли цвет италийской, а затем имперской городской знати. Они обладали высшим социальным престижем и привилегиями, немалым политическим опытом, громадными богатствами, обширными клиентами и влиянием на местах, в своих родных городах и областях. За ними были зарезервированы почти все наивысшие военные и государственные должности, включая и пост самого принцепса.

Когда на исходе эпохи принципата в III в. н.э. этот пост начали занимать люди, не принадлежавшие к сенаторам, то на первых порах те их не приняли, и принцепсы-выскочки очень быстро утрачивали свою власть вместе с жизнью. И только после того как сами сенаторы перестали претендовать на этот смертельно опасный пост, империю возглавили выходцы из простых солдат, сыновья крестьян и вольноотпущенников.

Традиционные магистраты и новые государственные служащие. При преемниках Августа сохранились все регулярные республиканские магистратуры (кроме цензуры), а также обычная сенаторская карьера (*cursus honorum*), заключавшаяся в продвижении по лестнице магистратур. Но отныне она зависела не от расположения римского народа, а от милости принцепса и поддержки его влиятельных приближенных, а также большинства сенаторов. При желании принцепс мог ввести удобного ему человека, принадлежавшего к всадническому сословию, сразу в число сенаторов высокого ранга, например, причислить к бывшим преторам.

Магистраты по-прежнему исполняли, как правило в Риме и Италии, свои должностные обязанности, а также устраивали за свой счет дорогостоящие зрелища и празднества. По отправлении магистратуры они служили за пределами Италии в качестве промагистратов, командуя легионами и управляя или помогая управлять провинциями. Особенно важные посты занимали бывшие консулы, возглавлявшие крупные «провинции цезаря» и расположенные там армии или такие богатые и многолюдные «провинции народа римского», как Азия или Африка.

Для укрепления своей власти в Риме и в Италии Август и его преемники в дополнение к старым республиканским должностям создали новые, на которые, как правило, люди не выбирались, а назначались. Главными из них были посты высших префектов, имевшие не только чисто административное, но и немалое политическое значение. Вершиной сенаторской карьеры стал пост

префекта города, отвечавшего за сохранение общественного порядка в Риме. На эту должность принцепсы назначали обычно пользующегося их особым доверием бывшего консула. Он обладал юрисдикцией по уголовным делам в Риме и его окрестностях, обширными полицейскими полномочиями, распоряжался воинами, входившими в так называемые городские когорты, и занимал свой пост не два–три года, как наместники «провинций цезаря», а пожизненно. Его обязанности во многом совпадали с обязанностями республиканских магистратов: эдилов, отвечавших за городское благоустройство и поддержание в Риме общественного порядка, а также консулов и преторов, ведавших судопроизводством в Риме и в Италии. Однако его полномочия были намного шире, а влияние и авторитет – значительно выше, чем у любого магистрата.

Еще больше влияния и власти сосредотачивалось у префектов претория, возглавлявших преторианскую гвардию – привилегированную воинскую часть, охранявшую самого принцепса. Они отвечали не только за охрану принцепса и его близких, но и за государственную безопасность в целом, имели не только военные, но и полицейские и судебные полномочия. В их обязанности в числе прочего входила охрана общественного порядка в Италии за пределами Рима и его окрестностей. В военное время они могли командовать действующей армией по поручению принцепса. Нередко они вмешивались в решение важных политических вопросов. Поскольку они могли достигнуть громадного могущества и представлять опасность для самого принцепса, их пост сделали коллегиальным и предназначенным не для сенаторов, а для представителей всаднического сословия, которые, как считалось, не могли претендовать на высшую власть. Противовесом преторианским когортам в самом Риме служили городские когорты, а в провинциях – легионы. Префект претория стал фактически вторым лицом по значению в государстве после самого принцепса. Префекты нередко обладали громадной закулисной властью.

Для высокопоставленных всадников предназначались и другие посты высших префектов – Египта, снабжавшего Рим хлебом, «анноны», отвечавшего за сбор и хранение хлеба для громадного населения Рима, «вигилов» (букв. «бодрствующих») – ночной стражи и одновременно пожарной охраны в Риме. Префект вигилов также обладал полицейскими и судебными обязанностями и полномочиями.

Отношения между назначаемыми принцепсом высшими префектами и традиционными республиканскими магистратами во многом напоминали отношения между принцепсом и сенатом. Подобно им в самом Риме и в Италии полномочия и компетенция высших префектов нередко дублировали прерогативы и компетенцию традиционных магистратов, при этом полномочия высших префектов постепенно расширялись, а своей властью и влиянием они с самого начала превосходили большинство магистратов.

Последствия такого параллелизма в деятельности высших органов власти и должностных лиц также во многом были сходными. Как и сенат, римские магистраты постепенно утрачивают значительную часть своих традиционных функций и прерогатив. В III в. н.э. почти все низшие магистраты исчезают, а высшие ограничиваются главным образом устройством игр и зрелищ. В это же время постепенно сходит на нет практика «рекомендации» их сенатом и «выборов» народным собранием – всех их напрямую назначает принцепс.

В провинциях наряду с традиционной администрацией, состоявшей из наместников и их помощников, появляется новая финансовая администрация, во главе которой стояли так называемые прокураторы (букв. «управляющие») провинций, принадлежавшие к всадническому сословию или к императорским отпущенникам. В их распоряжении находился вспомогательный штат из императорских рабов и отпущенников. Прокураторы контролировали сбор налогов, податей и ренты, выплачиваемой арендаторами императорских поместий и рудников, а также выдавали жалование воинам и другим государственным служащим. Со временем они получили судебную власть в делах, касающихся доходов императорской казны. Кроме того, им вменялось в обязанность наблюдать за деятельностью сенаторов, управлявших провинциями и командующих дислоцированными там легионами, и обо всем подозрительном докладывать принцепсу. Наместники и прокураторы провинций обычно конфликтовали друг с другом, и это усиливало власть принцепса. Некоторыми слабо романизованными провинциями, где было мало городов античного типа, управляли не наместники-сенаторы, а прокураторы всаднического ранга, как например, небезызвестный Понтий Пилат в Иудее.

Рабы и отпущенники принцепса занимали также множество постов (например, служащих финансовых ведомств, управляющих императорскими поместьями и рудниками) в Риме и Италии. Главными из них были придворные должности в непосредственном окружении принцепса: императорских постельничих и начальников ведомств императорской канцелярии. Самыми важными из них были ведомство императорских финансов (*a rationibus*), ведомство императорской переписки (*ab epistulis*) и ведомство прошений (*a libellis*). Со II в. н.э. посты начальников ведомств императорской канцелярии резервировались за всадниками. Приближенные принцепса даже из числа его рабов и отпущенников могли время от времени играть важную политическую роль, обладать несметными богатствами и влиянием, успешно делать карьеру.

Постепенно у всадников, занятых на государственной службе, появляется свой тип служебной карьеры, параллельный сенаторской. После длительной службы в армии на средних офицерских постах они могли стать прокураторами провинций, начальниками ведомств императорской канцелярии, а затем, если повезет, то и высшими префектами.

Администрация, укомплектованная всадниками, служила дополнением и своеобразным противовесом традиционной сенаторской. Благодаря своим рабам и отпущенникам принцепс мог контролировать все государственные доходы и расходы, в том числе и те, которые формально находились в ведении сената.

Таким образом, принцепс и его аппарат сосуществуют и взаимодействуют с традиционными органами власти римской гражданской общины. С помощью новых государственных служащих принцепс мог упрочить свою власть и пользоваться ею более эффективно.

Особенности римской государственности. Еще сравнительно недавно многие исследователи, рассматривая появление в эпоху принципата новых органов власти, постов и государственных служащих, делали вывод о переходе Рима от полисной республики к бюрократической монархии, которая опиралась на профессиональную армию и эффективный, хорошо организо-

ванный и построенный по бюрократическим принципам государственный аппарат, укомплектованный многочисленными профессиональными чиновниками. Однако современные исследования позволили пересмотреть эти взгляды.

В эпоху принципата в римской державе не сложилось не только бюрократии, но даже и государственного аппарата в современном смысле этого слова. Основой имперского управления как в центре, так и на местах являлись городские гражданские общины (полисы) с характерными для них органами власти и управления. Именно они несли на себе основную тяжесть управления, а немногочисленная императорская администрация ограничивалась общим контролем и вмешивалась в их деятельность только в чрезвычайных случаях, как правило, по инициативе снизу. Ни наместники-сенаторы, ни прокураторы-всадники не были профессиональными чиновниками, посвящавшими службе всю свою жизнь и зависевшими от связанных с ней доходов. По своему происхождению в большинстве своем они являлись крупными городскими землевладельцами, выходцами из сословия декурионов, заседавших в сенатах (куриях) италийских и провинциальных муниципиев и колоний. Даже находясь на государственной службе, они не теряли связи с родными городами, выступая их патронами, занимая там посты магистратов и жрецов. Ни своей подготовкой, ни особыми знаниями и навыками они не отличались от образованных декурионов и, точно так же как последних, их нельзя отнести к администраторам-профессионалам. Государственное жалование не служило основным источником их доходов. Их главными достоинствами считались не профессиональные знания, опыт и выслуга лет, а личная преданность принцепсу, богатство, полезные связи, дипломатические способности и красноречие.

В начале III в. н.э., когда численность государственных служащих достигла максимальных для эпохи принципата размеров, в императорской администрации насчитывалось примерно 350 постов, предназначенных для администраторов сенаторского и всаднического ранга, и около десяти тысяч – для вспомогательных и канцелярских служащих. При населении в 50–60 млн человек на каждого администратора с властными полномочиями приходилось более 100 тыс. человек. (Для сравнения отметим, что в Китае XII в. с приблизительно равным по численности населением насчитывалось в 25 раз больше администраторов и вспомогательных служащих.) Эти бросающиеся в глаза различия объясняются тем, что в Древнем Риме в эпоху принципата государственное управление было построено не на бюрократических, а на полисных принципах.

Наместники и прокураторы провинций имели в своем распоряжении помощников из числа своих родственников, клиентов и рабов, а также императорских рабов и отпущенников. Однако они не могли опереться на органы государственного управления на уровне городских и сельских округов нигде, кроме Египта (но и там число чиновников и звеньев управления в период принципата резко сокращается по сравнению с эпохой Птолемеев). Не обладавшие специальной подготовкой, знанием местных условий и штатом высококвалифицированных чиновников наместники и прокураторы провинций могли выполнять свои обязанности только при добровольном содействии со стороны органов местного городского (полисного) самоуправления. Находившиеся под контролем местных полисных элит эти органы выполняли только те приказы и распоряжения принцепса и его служащих, которые

не противоречили интересам этих элит. В равной мере это относилось и к самому Риму.

Так, например, когда ненавидевший сенат император Калигула (37–41 гг. н.э.) решил отнять у сенаторов право «рекомендации» народному собранию кандидатов в магистраты, т.е. фактически право выбора магистратов, сенаторы по взаимному сговору стали выдвигать из своей среды только по одному кандидату на каждое место, и реформа Калигулы провалилась. А когда император Домициан (81–96 гг. н.э.) издал приказ о сокращении в два раза посадок виноградников в провинциях, магистраты и сенаторы (декурионы) провинциальных городов проигнорировали его, и императору пришлось с этим смириться.

В этих условиях задачи, стоявшие перед принцепсом и его немногочисленными служащими, имели не столько административный, сколько политический характер. Принцепсы с помощью своих сотрудников должны были обеспечивать взаимоприемлемый баланс интересов между императором и сенатом, а также между Римом и подвластными ему полисами и народами, между центральной и местными властными элитами. Нужно было также уничтожить или ослабить опасность социальных катаклизмов и междоусобиц.

Для того чтобы понять, что лежало в основе «римского», или «августова мира», необходимо разобраться во внутренней политике Августа и его преемников.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ АВГУСТА И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

Своей внутренней политикой Август и его преемники демонстрировали приверженность институтам, обычаям и «нравам предков». В «восстановленной республике» делалось все возможное для реставрации и укрепления традиционной социальной иерархии, устранения или смягчения наиболее острых социальных противоречий.

Исключение из общего правила представляла собой политика по отношению к тем социальным слоям, которые до установления принципата были особенно тесно связаны с государственным управлением: к старинной римской знати (нобилитету) и городскому плебсу самого Рима.

Одной из самых тяжких язв, унаследованных от прошедшей эпохи, было регулирование рабовладения. Неотложной задачей любой власти была ликвидация опасности крупных восстаний рабов, грозивших перерастанием в настоящие рабские войны, и ослабление острых противоречий между рабами и господами. Для решения этого вопроса Август и его преемники использовали политику «кнута и пряника».

В 10 г. н.э. был принят Силаниев сенатусконсульт, предусматривавший за убийство господина казнь всех его рабов, находившихся с ним под одной крышей и, следовательно, имевших возможность его защитить. Преемники Августа дополнили этот сенатусконсульт, еще более расширив и ужесточив его действие. Когда в правление императора Нерона (54–68 гг. н.э.) префект города Педаний Секунд был убит собственным рабом, у которого он взял деньги за освобождение, но на волю его не отпустил, 400 рабов, находив-

шихся в этот момент в доме, были приговорены к смерти. И хотя в ответ на это в Риме начались волнения городского плебса, казнь состоялась под охраной специально вызванных войск. Однако убийства рабами своих господ не прекратились и, по свидетельству современников, по-прежнему представляли собой большую общественную опасность.

Одновременно с усилением репрессий императоры стремились ограничить жестокость и произвол господ по отношению к рабам. Еще ранее некоторые храмы имели право предоставлять убежище рабам, подвергавшимся бесчеловечному обращению. В эпоху принципата рабы могли обратиться за защитой и убежищем к статуям или изображениям принцепса, которые можно было найти едва ли не в каждом доме. Если жалоба раба подтверждалась, его продавали новому господину, а вырученные деньги отдавали старому.

Август милостиво относился к своим рабам и постоянно подчеркивал, что чрезмерная жестокость господ по отношению к собственным рабам ему не по душе. Когда один скаредный и бесчеловечный богатый был убит своими рабами, Август, как передают, счел его недостойным отмщения и только что не сказал открыто, что тот был убит по справедливости. Современник Августа знаменитый юрист Лабейон писал, имея в виду рабов, что владеть следует с умеренностью пользоваться своим движимым имуществом, дабы не испортить его диким и свирепым обращением. Преемники Августа запретили господам без предварительного судебного разбирательства в домашнем суде убивать своих рабов, отдавать их в гладиаторы, пожизненно держать в эргастуле (поместной тюрьме) закованными в колодки, принуждать рабынь к занятиям проституцией.

Император Адриан (117–138 гг. н.э.) сослал на пять лет богатую матрону за чрезмерно жестокое обращение со служанками-рабынями. Его преемник Антонин Пий (138–161 гг. н.э.) писал в своем указе: «Повиновение рабов следует обеспечивать не только властью, но и умеренностью и достаточным содержанием и справедливостью в требованиях работы». В противном случае господина могли заставить продать своих рабов, «чтобы они не учинили против него чего-либо мятежного». Эти меры соответствовали общему настрою эпохи и, насколько известно, пользовались общественной поддержкой. Они были направлены против злоупотреблений господ своей властью над рабами, но не против самой этой власти.

Да и само понятие «злоупотребление» было очень неопределенным. Эргастулы никуда не исчезли и после их запрещения. И если там и сидели закованные в колодки рабы, никто не мог доказать, что это наказание пожизненно. Множество рабынь продолжали торговать собой по велению хозяев, а немало рабов сражались на арене. Господин по-прежнему мог на законном основании с соблюдением всех формальностей пытаться провинившегося раба, а затем приговорить его к смерти или к суровому телесному наказанию. Если же после порки раб умирал, то это не считалось убийством, «поскольку цель наказания заключалась в том, чтобы сделать раба лучше, а не убить его».

Младший современник Антонина Пия придворный врач Гален сообщает, что ему нередко приходилось лечить богатых друзей от ушибов, которые они

сами себе причиняли, избивая в гневе прислуживавших им рабов. Очевидно, такие побои не считались чрезмерной жестокостью. Нелегко судить, насколько были ослаблены противоречия между рабами и господами. Во всяком случае, римская поговорка «сколько рабов, столько и врагов», впервые засвидетельствована в эпоху Ранней республики.

Нетрудно заметить, что и самые жестокие и самые гуманные законы и указы ориентировались, в первую очередь на городских рабов, прислуживавших господину и входивших в его челядь. Но в наиболее тяжелом положении находились сельские рабы, трудившиеся в поместьях, которые не часто посещались господами. Именно они в прошедшую эпоху затевали рабские войны. Если же в период принципата подобных восстаний удавалось избежать, то главным образом потому, что в условиях характерной для этой эпохи социально-политической стабильности выступления рабов подавлялись в зародыше, не успевая перерасти в мощные восстания. Это означало, что утрата стабильности была чревата новой волной рабских восстаний. Август и его преемники не решили рабский вопрос, а лишь на какое-то время приглушили его остроту.

Для сохранения и укрепления социально-политической стабильности в «восстановленной республике» Августу и его преемникам необходимо было, в первую очередь, заручиться поддержкой римского народа, который и в теории и на практике оставался народом-владыкой. Именно он обеспечивал Римскую державу лучшими воинами, служившими в привилегированных частях и на командных должностях, а также правителями – сенаторами, магистратами, наместниками и самими принцепсами.

Понятие «римский народ» охватывало главным образом римских граждан, проживавших в Италии. Из «Деяний божественного Августа» известно, что в 14 г. н.э., по цензу, проведенному Августом и Тиберием, в Римской державе насчитывалось 4 937 тыс. граждан. Они составляли примерно 10% всего ее населения. Судя по надписи, найденной в самом Риме, Август и Тиберий зафиксировали по этому цензу 4 101 тыс. граждан. Такое расхождение в данных современные историки объясняют тем, что в надписи указаны не все римские граждане, а только жители Италии. К этой цифре можно добавить несколько сот тысяч римских граждан родом из Италии, служивших в расквартированных по провинциям легионах или проживавших в основанных Цезарем и Августом колониях. В итоге получается, что в конце правления Августа около 90% римских граждан были жителями или уроженцами Италии, куда входила Цизальпинская Галлия на севере полуострова.

Политическое объединение Италии после Союзнической войны, а также пертурбации, связанные с гражданскими войнами, конфискациями земли и выведением колоний ветеранов привели к массовым переселениям и перемешиванию населения, исчезновению местных языков и связанных с ними систем письма и тотальной романизации. Единственным исключением из общего правила оставались немногочисленные греческие колонии Великой Греции (на юге Апеннинского п-ова). Весьма ощутимая после Союзнической войны разница между привилегированными старыми и фактически неполноправными новыми гражданами к началу нашей эры практически

полностью исчезает. Римский историк Веллей Патеркул, младший современник Августа, называет италийцев «людьми одной крови, принадлежащими к одному народу». Таким образом, в начале нашей эры «римский народ» – это не только правовая абстракция, но и единый этнос, обладающий своей территорией – Италией, языком – латынью, и общей для всех римской культурой.

Как страна проживания народа-владыки Италия пользовалась множеством формальных и неформальных привилегий. И сама она, и ее обитатели были освобождены от прямых налогов: поземельного и подушного трибута, а также от воинских постоев. В Италии за пределами Рима не было ни войск, ни наместников с их свитой, ни (за редкими исключениями) других представителей центральной власти. Так как при Августе армия окончательно стала профессиональной и комплектовалась добровольцами, то Италия получила фактическое освобождение не только от воинских постоев, но и от воинских наборов. Принудительная мобилизация проводилась только в случаях крайней необходимости и чрезвычайно редко.

Как и все римские граждане, полноправные обитатели Италии были избавлены от пыток, телесных наказаний и смертной казни за большинство тяжких преступлений. Законом, изданным по инициативе Августа, фактически отменялась долговая кабала для римских граждан. Отныне неисправные должники отвечали за долги своим имуществом, но не своей свободой и трудом. После установления принципата на протяжении двух столетий на просторах Италии царил внутренний мир, и она не подвергалась вражеским нашествиям. Правда, здесь дважды за это время (в середине I и в конце II в. н.э.) разворачивалась борьба между армиями претендентов на верховную власть, но она была кратковременной, затронула лишь небольшую часть обитателей страны, и нанесенные ей раны быстро затянулись.

До конца I в. н.э. принцепсы и почти все сенаторы и всадники принадлежали к уроженцам Италии. Поэтому италийские города имели самых богатых и влиятельных патронов и наилучшие возможности для обращения к властям (сенату и принцепсу) за помощью и содействием. В случае природных бедствий и катастроф, как, например, гибели Помпей в результате извержения Везувия в 79 г. н.э., средства для помощи пострадавшим выделялись быстро и щедро.

Немалая доля налогов, податей и военной добычи, поступавших в Рим из провинций и от завоеванных народов, расходовалась в Италии. Там были лучшие в Римской державе дороги, мосты, акведуки и самый высокий уровень урбанизации: в стране процветало около 400 городов, в которых проживало примерно 40% населения, т.е. в два–три раза больше, чем в среднем по всей империи. В италийских городах за счет богатых и влиятельных патронов, а также местных городских сенаторов (декурионов) и магистратов шло обширное общественное строительство, устраивались зрелища и раздачи. По свидетельству римских географов, агрономов и писателей I в. н.э. Италия представляла собой как бы один цветущий сад и давала две трети вина, производимого во всем мире.

Таким образом, в целом, на протяжении первого столетия после установления принципата римская Италия переживала, быть может, самую лучшую

пору своей истории. Время правления Августа и его ближайших преемников современные исследователи нередко называют «веком Италии».

Наиболее многочисленными из проживавших в ней римских граждан были мелкие и средние землевладельцы – крестьяне и зажиточные собственники небольших рабовладельческих поместий (вилл). Их положение с наступлением эпохи принципата изменяется к лучшему. Массовое наделение земель ветеранов при Цезаре и триумвирах и основание множества ветеранских колоний Августом вызвали повышение удельного веса мелкого и среднего землевладения. А привилегированный статус Италии и установление в ней прочного мира и порядка способствовали процветанию крестьянских хозяйств и небольших рабовладельческих поместий. Об этом свидетельствуют в частности раскопки небольших, но богатых и цветущих рабовладельческих вилл в окрестностях Помпей. Обедневшие или разорившиеся крестьяне могли вступить в армию (в преторианскую гвардию или на худой конец в легионы). После 16 или 20 летней службы они получали земельный надел либо денежную сумму, достаточную для его приобретения, и снова обретали свой былой социальный статус. Ветераны, которым удалось сделать карьеру на военной службе и дослужиться до центуриона, возвращались в свои муниципии богатыми людьми и нередко становились городскими магистратами и сенаторами (декурионами).

В целом, положение итальянских крестьян и средних землевладельцев было вполне приемлемым не только при Августе, но и на протяжении многих десятилетий после него. Этим во многом объясняется длительное сохранение в Италии установившегося там при Августе внутреннего мира и порядка.

В многочисленных итальянских городах, представлявших собой самоуправляющиеся гражданские общины, принцепсы проводили традиционную политику опоры на местную городскую знать – членов городского сената (декурионов). В большинстве случаев к ним относились богатые местные землевладельцы, собственники средних и крупных рабовладельческих вилл. Они обладали политической, экономической и религиозной властью и могли контролировать свои города и их сельскую территорию и поддерживать в них внутренний мир и порядок, соперничая друг с другом в борьбе за высшие городские магистратуры, за почести, власть и влияние. Ради того чтобы получить голоса избирателей и добиться своей цели, они готовы были потратить немалые средства.

Самые богатые из декурионов принадлежали к высшей городской знати и нередко – к привилегированному всадническому сословию. Им была открыта карьера в армии и на государственной службе. При поддержке принцепса они могли стать офицерами, высшими государственными служащими (прокураторами и префектами), магистратами и сенаторами в самом Риме и одновременно патронами своего родного муниципия.

Городской плебс состоял из ремесленников, торговцев и земледельцев, чьи участки располагались неподалеку от городов, а также наемных работников, принадлежавших как к свободнорожденным гражданам, так и к вольноотпущенникам. Они нередко объединялись в профессиональные, погребальные или соседские коллегии и, судя по свидетельствам, полученным

при раскопках Помпей, принимали активное участие в местной политической жизни, например, в выборах городских магистратов.

Особенно энергичную и влиятельную прослойку составляли богатые вольноотпущенники – торговцы, ростовщики, владельцы крупных ремесленных мастерских. Они пытались соперничать с декурионами и претендовали на власть и почести в своих городах. Дошло до того, что при императоре Тиберии (14–37 гг. н.э.) был издан закон, запрещающий им занимать городские магистратуры и заседать в муниципальных советах. В то же самое время для них и других богатых плебеев были созданы в городах посты августалов – жрецов, ведавших культом ларов (домашних божеств) Августа. Они фактически превратились во второе привилегированное городское сословие, заняв среднее место между декурионами и плебеями.

Кроме исполнения своих культовых обязанностей августалы, подобно магистратам и декурионам, строили на свои средства общественные сооружения, устраивали пиры и раздачи и, так же как и декурионы, пользовались за это различными почестями. Сыновья августалов нередко приобретали поместья и сами становились декурионами. А их собственные дети могли претендовать на высшие городские магистратуры и зачисление во всадническое сословие.

Как и раньше, верховная власть стремилась поддерживать итальянские города и городские элиты, мобилизуя для этого как внешние, так и внутренние (городские) ресурсы, и одновременно, сама пользовалась их поддержкой. Вместе с тем такая политика способствовала обновлению состава муниципальных элит. Представители высшей городской знати пополняли собой римский сенат и ряды высших императорских служащих, а порой разорялись из-за чрезмерных расходов на городские нужды. В то же время сословие городских декурионов, как уже сказано, постепенно пополнялось за счет сыновей зажиточных ветеранов и разбогатевших отпущенников-августалов. Как и прежде, постепенный приток «свежей крови» способствовал не изменению, а сохранению традиционной социальной иерархии и системы ценностей. Вместе с тем новые сенаторы и декурионы, обязанные своим возвышением принципсам, были их надежной опорой и самыми энергичными помощниками во всех их начинаниях.

Таким образом, при Августе и его преемниках итальянские города и городская знать (декурионы) были довольны своим положением в «восстановленной республике» и поддерживали Августа как ее стража и хранителя. Они дважды продемонстрировали эту поддержку. Так, еще в 32 г. до н.э. граждане итальянских муниципиев и колоний по своей инициативе принесли присягу на верность Октавиану и дали ему средства и солдат для войны с Антонием и Клеопатрой. А в 12 г. до н.э. на уже упоминавшиеся выборы Августа великим понтификом в Рим собралось такое множество народа со всей Италии, какого никогда не наблюдалось до тех пор.

Однако с конца I в. н.э. положение Италии постепенно меняется к худшему. Она утрачивает свою исключительность и бывшее благополучие. В это время легионеры, офицеры, высшие государственные служащие и принцепсы все чаще принадлежат к римским гражданам – уроженцам не Италии, а провинций. С конца II в. н.э. то же самое можно сказать и о преторианцах. Многие из провинций уже не уступают Италии своим богатством и уров-

нем процветания. Большую часть потребляемого оливкового масла и вина Рим получает теперь не из Италии, а из провинций. Хотя итальянские города по-прежнему освобождались от прямых налогов и воинских постоев, они все чаще сталкиваются с финансовыми трудностями. Поэтому во многих из них на рубеже I–II вв. появляются кураторы (попечители) сенаторского и всаднического ранга, которых назначают принцепсы по просьбе городских властей.

Вдобавок, с конца I в. н.э. в Италии вводится так называемая алиментарная система. Средние и крупные землевладельцы под залог своих поместий берут деньги в долг у государства под умеренный процент. Эти проценты по долгам поступают в алиментарные фонды, из которых оказывается материальная помощь детям и сиротам бедняков. В этих фондах можно видеть новую привилегию итальянцев, но вместе с тем и признак начинающегося упадка. В связи с введением алиментарной системы появляются монеты с новой легендой: «Восстановленная Италия». Утрата ею исключительности в немалой мере связана с сильным обесцениванием во II в. н.э. статуса римского гражданина. К концу этого столетия рядовые римские граждане мало чем отличались от простых перегринов (неграждан). Они отныне уже не защищены от телесных наказаний, пыток и смертной казни, фактически утратив право «апелляции к цезарю».

С конца II в. н.э. Италия испытывает на себе те же самые бедствия, что и провинции. Во время войны Рима с германскими племенами маркоманов и квадов (167–180 гг. н.э.) она впервые за долгое время стала жертвой вражеского нашествия. Правда, от прорвавшихся германцев пострадали лишь незначительные территории на севере полуострова.

В ответ на новые угрозы в Риме с конца II в. н.э. была увеличена численность преторианской гвардии и городских когорт, а в Лации расквартирован новый легион. Теперь в Италии находилось не меньше войск, чем в любой пограничной провинции, и она уже не была свободна от воинских постоев. В это же время бандитизм и разбой снова становятся в Италии серьезной проблемой, как и накануне установления империи. В начале III в. н.э. прославился своей дерзостью и неизменной удачей итальянский разбойник по имени Булла Феликс, напоминающий легендарного Робин Гуда. Он грабил только богатых и нередко оставлял ограбленным часть их достояния или делился добычей с бедняками. Отпуская на волю попавшего в плен офицера, он сказал: «Передай господам, чтобы они лучше кормили своих рабов, если хотят, чтобы разбойники перевелись». Таким образом, период итальянской исключительности и процветания оказался не очень долгим.

Если в эпоху Раннего принципата итальянские города находились в привилегированном положении по сравнению с провинциальными, то Рим находился в привилегированном положении по сравнению с другими городами Италии. Все принцепсы, независимо от своего происхождения, симпатий и антипатий, скупости или щедрости, не жалели сил и средств для украшения, возвышения, снабжения и увеселения Вечного города.

Август первым делом восстановил и привел в порядок городское хозяйство, сильно запущенное в эпоху гражданских войн. Была отремонтирована и модернизирована римская канализация, восстановлены старые и проложены новые водопроводы, возведены обширные склады для хранения зер-

на, отремонтированы рынки, улицы и мостовые. Были организованы регулярная пожарная служба во главе с префектом вигилов, укомплектованная профессиональными пожарными, и ведомство продовольственного снабжения Рима во главе с префектом анноны. Появляются должностные лица, отвечавшие за расчистку русла Тибра и защиту Рима от наводнений. Было основано ведомство по охране общественного порядка во главе с префектом города. Со временем под его властью оказались все отрасли городского хозяйства.

Кроме того, по свидетельству Светония, Август так украсил Рим, что по справедливости мог хвалиться тем, что он принял город кирпичным, оставляет же его мраморным. Подверглись реставрации старые римские храмы и построенные новые, самым знаменитым из которых вплоть до нашего времени остается Пантеон. Рядом с заново отстроенным и украшенным при Августе Римским форумом появляются новые императорские с их мраморными храмами, базиликами, памятниками, портиками и публичными библиотеками. Особым вниманием Августа и его преемников пользовались ремонт и строительство сооружений, предназначенных для зрелищ: цирков, театров, амфитеатров и одеонов (концертных залов), а позднее и стадионов. Большинство сооружений этого рода дошло до нас от эпохи Ранней империи. Самым знаменитым из них до сих пор является величественный Колизей – амфитеатр Флавиев, возведенный в правление Веспасиана (69–79 гг. н.э.) и его сына Тита (79–81 гг. н.э.).

Одной из главных примет новой эпохи и вместе с тем одним из лучших украшений Рима стали великолепные императорские термы (общественные бани, «громадные как провинции», по выражению одного римского историка). Это были огромные здания со сводчатыми потолками и множеством помещений различного предназначения, нередко с великолепной отделкой и богатыми украшениями наподобие роскошных дворцов. Многие из них были окружены парками с фонтанами, портиками и статуями. Императорские термы служили не только банями, но и своеобразными общественными клубами, увеселительными, образовательными и спортивными учреждениями. Рядовые римляне могли пользоваться ими бесплатно или за небольшую мзду.

Нововведением эпохи принципата также являются общественные сады и парки, предназначенные для культурного отдыха и развлечений. Они были украшены фонтанами, статуями великих греческих мастеров, портиками для прогулок, спортивными и зрелищными сооружениями, картинными галереями и библиотеками. В прошлом такие сады и парки имелись только у самых богатых римских магнатов и считались одним из главных атрибутов роскошной жизни богатей. Первый общественный сад появился в Риме по завещанию Цезаря. Август разбил много новых общественных садов и парков и фактически превратил все Марсово поле (обширную низину в излучине Тибра, где раньше римская молодежь занималась военными и гимнастическими упражнениями) в один роскошный общественный парк. Его преемники мало что добавили к этому, но заботились об этих садах и парках и продолжали украшать их новыми постройками и произведениями искусства.

Благодаря императорским форумам, общественным термам и паркам рядовые римляне проводили свой досуг в такой роскоши, которой раньше могли пользоваться только немногие богачи.

Римский городской плебс. Неослабевающее внимание принцепсов к благоустройству и украшению Рима объясняется не только тем, что Вечный город был столицей и зримым воплощением Римской державы, но также и особым значением для новых правителей поддержки римского городского плебса. В городе при Августе проживало около миллиона жителей. Еще недавно считалось, что в массе своей они относились к люмпен-пролетариям, кормившимся подачками властей и богатых патронов. Однако сейчас полагают, что большинство из них сами зарабатывали себе на жизнь ремеслом, торговлей и трудом по найму.

Жизнь в громадном мегаполисе, не знавшем себе равных ни в древнем мире, ни в средние века, была очень нелегкой для большинства его обитателей. Непомерно высокая квартплата даже за самое плохое жилье, постоянная теснота и давка, связанная с высокой плотностью населения, неискоренимая уличная преступность и постоянная угроза голода, пожаров и наводнений, обвалов многоэтажных домов (инсул) отравляли их существование и нередко провоцировали массовые волнения и выступления. Эти волнения представляли особую опасность в силу не только многочисленности рядовых жителей Рима, но и их особого статуса. Полноправные обитатели любого италийского муниципия были и сознавали себя в первую очередь гражданами своего малого отечества: перузинцами, нуцерийцами или арпинатами, и лишь во вторую — римскими гражданами. Полноправные обитатели самого Рима были и мыслили себя только римлянами и, следовательно, римским народом, обладателем высшей государственной власти, владыкой всех подвластных Риму стран. На своем городском форуме они избирали не городских, а общегосударственных магистратов и принимали общегосударственные законы. Поэтому они считали себя вправе требовать от избранных ими представителей власти особого внимания к своим нуждам и интересам. Любое массовое выступление в Риме могло рассматриваться не как бунт распоясавшейся черни, а как выражение державной воли всевластного римского народа.

В эпоху гражданских войн городской плебс Рима отличался особой политической активностью, которая была отнюдь небескорыстной. Он открыто торговал своими голосами на выборах магистратов и с помощью своих вожаков — популяров нередко добивался принятия законов в своих эгоистичных интересах. Действуя на народных сходках (конциях) и в народном собрании (комициях) от имени всего римского народа, он фактически узурпировал его верховную власть. Большое значение имели также его близость к главным органам власти, многочисленность и привычка к организованной политической деятельности. В этих условиях принцепсам приходилось с лихвой компенсировать римским плебеям все их потери, дабы использовать их в качестве своей опоры.

Сразу же после установления нового политического режима одной из главных обязанностей принцепсов стала забота о снабжении Рима и его населения предметами первой необходимости: 200 тыс. римских плебеев бесплатно получали от государства зерно из расчета 5 модиев в месяц на человека (легионер получал 3,5 модия). Префект города и его помощники следили за торговлей продовольственными товарами, контролировали цены, а также весы и меры на рынках. Префект анноны и его служащие

стремились наладить бесперебойный подвоз в город хлеба из заморских провинций (в первую очередь из Африки и Египта), его хранение и распределение.

При Августе и его преемниках были введены особые привилегии для владельцев судов, привозивших в Рим зерно. В голодные годы, когда случались перебои со снабжением, из Рима изгоняли рабов и чужеземцев с тем, чтобы легче было прокормить оставшихся граждан. Когда однажды в связи с очередной нехваткой зерна римским плебеям стали выдавать хлеб низкого качества, они окружили на Римском форуме императора Клавдия (41–54 гг. н.э.), осыпали его оскорблениями и забросали хлебными корками. Сильно помятому принцепсу с большим трудом удалось ускользнуть во дворец. После этого он принял решительные меры, чтобы наладить бесперебойное снабжение Рима хлебом.

В эпоху принципата достигает своего высшего расцвета система раздач денег и подарков римскому городскому плебсу. Денежные раздачи (конгиарии) устраивались в связи с каким-либо важным событием в жизни принцепса или его годовщиной: приход к власти, рождение ребенка или похороны в семье самого правителя или его ближайших родственников, триумф по случаю одержанной на войне победы, государственный праздник. На монетах этого времени часто изображается раздача конгиария гражданам самолично принцепсом. Это могли быть корзинки с едой или жетоны беспроигрышной лотереи, по которым можно было выиграть плащ, фазана, а если повезет — дом или поместье.

Впрочем, для завоевания симпатий городского плебса важнее всего были не хлебные раздачи и не конгиарии, а зрелища. Как в Риме, так и в других городах державы они пользовались наибольшей популярностью и привлекали гораздо больше граждан, чем любое народное собрание. Как сообщают, Август во время празднеств расставлял по всему Риму воинскую стражу, чтобы обезопасить обезлюдевший город от грабителей. По словам Цицерона, именно на зрелищах было легче всего узнать мнение и суждение римского народа.

И в отношении строительства предназначенных для зрелищ сооружений, и в отношении разнообразия, многочисленности и великолепия самих зрелищ эпоха принципата не знает себе подобных. В это время римские магистраты устраивали не меньше зрелищ и раздач, чем раньше, но принцепсы намного превосходили их всех вместе взятых. При Августе на празднества приходилось 66 дней, занятых в основном публичными играми и зрелищами. К концу принципата праздничные дни занимали почти полгода.

По мнению римского оратора, писателя и государственного деятеля Фронтон (середина II в. н.э.), устройство зрелищ было одной из самых важных обязанностей правителя. Как правило, когда принцепс находился в Риме, он обязательно присутствовал на зрелищах вместе со всеми магистратами. Во время путешествий он устраивал за свой счет великолепные празднества в тех городах, которые посещал. Большинство принцепсов разделяли любовь к зрелищам с остальными римлянами.

Август приказал зрителям из числа римских граждан посещать зрелища в тогах, причем для разных категорий выделил особые сектора: отдельно для граждан и неграждан, для взрослых и детей, для мужчин и женщин,

для военных и штатских. Среди граждан – отдельно для сенаторов, всадников, зажиточных и бедных плебеев. Таким образом, театр и амфитеатр как в Риме, так и в других городах, стали наглядной моделью римского общества. Благодаря своей многочисленности и раздельному размещению разных категорий зрителей зрелища могли использоваться для массовых манифестаций единства всех граждан любого сословия и статуса и их сплоченности вокруг принцепса. Когда тот входил в цирк, театр или амфитеатр все зрители вставали и устраивали ему овацию. Его также приветствовали хоровыми выкриками (аккламациями).

Во 2 г. до н.э., когда Август вошел в театр, увенчанные венками зрители провозгласили его «отцом отечества». Он принял это почетное звание, а в своих «Деяниях...» заявил впоследствии, что она была ему вручена единодушно сенатом, всадниками и всем народом.

Поскольку считалось, что римский народ обладает высшей властью в государстве, такие массовые манифестации рассматривались как свидетельство всенародной поддержки политики правящего принцепса и, следовательно – законности его власти. Рассказывают, что один из сыновей императора Веспасиана специально подстраивал манифестации на зрелищах с требованием казни того или иного тайного противника императора. После таких демонстраций «народной воли» незамедлительно проводились аресты и казни.

Но и рядовые граждане могли использовать зрелища в своих интересах, обращаясь к присутствующему принцепсу с просьбами и требованиями от имени всего римского народа. Зрители могли вести себя более свободно, чем где бы то ни было еще (словосочетание «театральная вольность» стало в Риме крылатым выражением), а принцепс и другие представители власти, наоборот, вели себя очень предупредительно и нередко шли народу навстречу. Просьбы и требования зрителей чаще всего были связаны с теми же зрелищами, раздачами и подарками, но иногда они принимали характер политических манифестаций. Принцепса могли просить о снижении податей, отмене непопулярного закона или изгнании ненавистного всем фаворита. Если к такого рода просьбам не прислушивались, они могли иногда перерастать в массовые демонстрации, когда громадные толпы выплескивались за стены театра, сметая все на своем пути.

Таким образом, зрелища не только позволяли властям привлечь римских плебеев на свою сторону и манипулировать ими, они одновременно давали возможность самим плебеем оказывать давление на власти в своих интересах. Они создавали и поддерживали обратную связь между принцепсом и массами, помогая ему корректировать свою политику, если она оказывалась совершенно неприемлемой для «римского народа».

Именно благодаря зрелищам римский плебс мог проявлять политическую активность и пользоваться определенным политическим влиянием, несмотря на потерю народным собранием реальной власти и значения. Не случайно некоторые авторы того времени сравнивают зрелища с народным собранием былых времен. В целом, политические выступления на зрелищах были скорее исключением, чем правилом, поскольку в эпоху принципата положение римского плебса изменилось к лучшему, и он поддерживал новый политический строй. Римский сатирик Ювенал (начало II в. н.э.) с горечью писал, что народ жаждет лишь «хлеба и зрелищ», а о делах государственных, после того как перестал торговать своими голосами, он не желает и думать.

Плебеи могли быть недовольны отдельными принцепсами, например скуповатым и нелюдимым Тиберием, который редко устраивал зрелища, но все же новые порядки, утвердившиеся в эпоху принципата, были им по душе. Когда после убийства полубезумного тирана Калигулы в 41 г. н.э. сенаторы под охраной городских когорт собрались на заседание и решили на самом деле восстановить республику, против них выступили преторианцы и масса римских плебеев, требовавших, чтобы сенаторы дали им нового принцепса. Так была сорвана одна из последних попыток подлинного возвращения к «строю предков».

Таким образом, Август и его преемники, в целом, успешно решили проблему взаимоотношений между новой властью и городским плебсом Рима. Однако за это приходилось платить очень высокую цену. Как полагают современные исследователи, в государственном бюджете расходы на украшение и благоустройство Рима, на бесплатный хлеб и подарки для римского плебса, а также на его увеселения уступали только расходам на армию. Налоговые поступления от самых богатых заморских провинций, таких как Африка и Египет, поглощались ненасытным «римским народом», который мало что мог дать взамен. По словам Страбона, в главную гавань Рима ежедневно приплывало множество тяжело нагруженных кораблей, а обратно они выплывали налегке – вообще без всякого груза.

Несмотря на титанические усилия властей по налаживанию и поддержанию в порядке городского хозяйства самые острые проблемы первого в мире мегаполиса кардинально решить не удалось. В лучшем случае их сумели немного смягчить. Рим продолжали терзать пожары, от которых он несколько раз выгорал дотла, наводнения, из-за которых гибли люди, разрушались целые кварталы и пропадали многолетние запасы зерна, и голод, сопровождавшийся смертоносными эпидемиями и бунтами. Даже в благополучное правление Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.), считавшегося самым счастливым из всех принцепсов, дважды наступал голод, несколько раз происходили крупные пожары и опустошительные наводнения. После каждой новой катастрофы принцепсам приходилось напрягать все государственные ресурсы, чтобы хоть как-то возместить римским плебеем понесенный ими ущерб.

Римская держава могла нести это тяжелое бремя, пока в ней сохранялся нерушимый «римский мир». Однако любые серьезные трудности и пертурбации, хотя бы временный разрыв налаженных связей грозили распадом не очень устойчивой системы кормления и увеселения Рима за счет покоренных народов и превращением римских плебеев из опоры власти в опасную разрушительную силу.

Римская знать. Старая римская знать (нобилитет) – потомки республиканских консулов и диктаторов – являлась единственной социальной группой, которая не только ничего не выиграла, но, наоборот, многое проиграла в результате установления нового политического строя. Это была очень малочисленная, но по-прежнему весьма влиятельная социальная сила. Римские аристократы обладали громадными богатствами, множеством друзей, гостеприимцев и клиентов как в Италии, так и в провинциях, и высоким престижем урожденных политических и военных лидеров. В большинстве своем они принадлежали к приверженцам республиканского прошлого – эпохи их наивысшего политического и социального могущества. Они упорно сопро-

тивлялись Цезарю и триумвирам, были разбиты в открытом бою, капитулировали, но так до конца и не смирились со своим поражением.

Первым принципсам пришлось столкнуться с оппозицией нобилитета. При Августе аристократия редко проявляла враждебность новым порядкам. Самые активные противники единовластия погибли во время гражданских войн или были казнены за участие в заговорах против Августа. Остальные предпочитали пользоваться благами гражданского мира и участвовать в завоевательных войнах, вместо того чтобы затевать заговоры и мятежи. Тем не менее в высшем свете из рук в руки передавались злобные памфлеты на Августа и его близких, а также сочинения, прославлявшие Помпея, Катона и Брута. Август спокойно терпел поношения и сам охотно читал трактаты о достоинствах Катона и подвигах Помпея.

Пользуясь своим правом «рекомендации» консулов, он нередко награждал консульством лояльных ему аристократов. Дети тех нобилей, которые сражались против него при Филиппах, могли после консульства управлять «провинциями цезаря» и командовать расквартированными там армиями. Некоторые аристократы породнились с семьей Августа с помощью брачных связей и входили в его ближайшее окружение вместе с его незнатными соратниками. Вместе с тем Август ввел новую практику назначения так называемых «дополнительных консулов». Первые два консула, именуемые «ординарными», складывали свои полномочия не через год, как раньше, а через несколько месяцев, и до конца года назначалось еще несколько пар «дополнительных консулов». Со временем на каждый год стало приходиться 8–10 консулов. Нобили добивались самой почетной магистратуры не реже, чем раньше, но она утратила свою исключительность и быллой престиж.

Аристократическая оппозиция оживилась в правление Тиберия, когда ослабела память об ужасах гражданских войн и закончились великие завоевания. Тиберий, сам принадлежавший к старинной знати и чутко улавливавший ее настроения, характеризую свое положение, нередко повторял римскую поговорку: «Я держу волка за уши». Как и было принято, он назначал высокородных аристократов на важные посты, например, наместниками провинций. Но при этом многим из них Тиберий запрещал покидать Рим, и они вынуждены были управлять провинциями через своих помощников.

Об основательности опасений Тиберия свидетельствует история Лентула Гетулика. Этот высокородный аристократ управлял в те годы провинцией Верхняя Германия. Он был любим своими легионерами, а также воинами Нижней Германии, которую возглавлял его не менее знатный тесть. Когда Гетулик узнал о поданном на него доносе, он написал принципсу, что соблюдает безупречную верность, но если на его место будет прислан другой, он воспримет это как вынесение смертного приговора. Поэтому им лучше заключить своего рода союз, с тем чтобы принципсу сохранить власть над всем остальным государством, а ему удерживать за собою свою провинцию. Так и вышло – Тиберий управлял империей, а Гетулик – своей провинцией, и оба не вмешивались в дела друг друга. Гетулик пережил Тиберия, но при его преемнике Калигуле (37–41 гг. н.э.), любимце рейнских легионов, он был смещен со своего поста и казнен.

Сочинения, прославлявшие республиканское прошлое, теперь сжигались на кострах, а людей, уличенных в поношении принципса, судили по обви-

нению «в оскорблении величия римского народа» и приговаривали к казни или ссылке. Их имущество забиралось в казну, за исключением четвертой части, которая шла в награду доносчикам. Начиная с Тиберия, это ремесло становится в Риме самым доходным и популярным. В последние годы его правления процессы и казни шли непрерывной чередой. Их жертвой нередко становились не только свободомыслящие оппозиционеры, но также доносчики и приспешники тирана. Никто не мог быть уверен в завтрашнем дне.

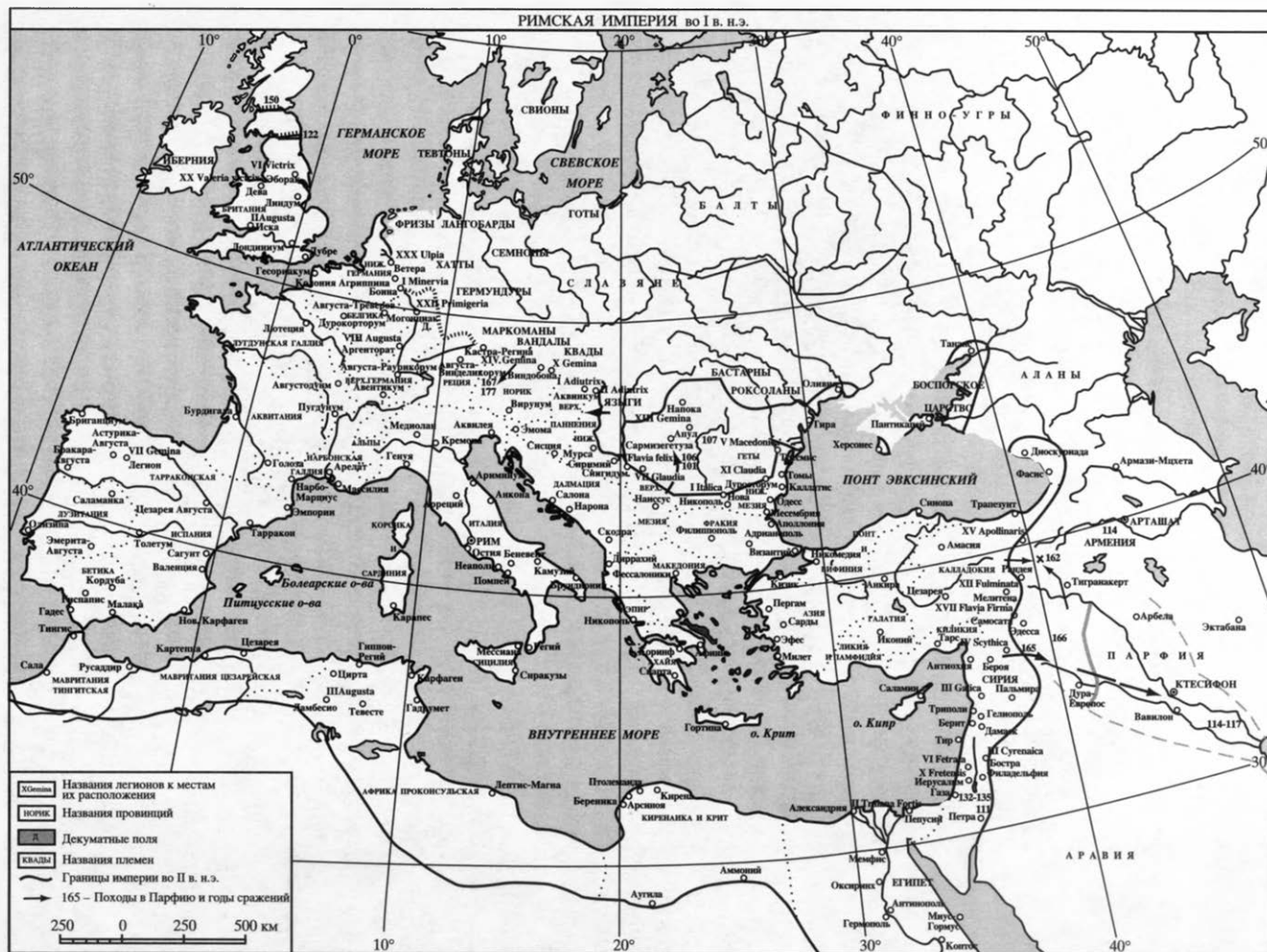
Римские аристократы сумели по достоинству оценить Тиберия лишь после прихода к власти его преемника Калигулы. Тот за несколько лет своего правления сумел казнить и ограбить больше людей, чем Тиберий за несколько десятилетий. Новый принцепс, приказавший величать себя «господином и богом», сожалел лишь о том, что у римского народа нет одной шеи, которую можно было бы свернуть единым махом. Когда во время праздника Калигулу зарезали офицеры из его собственной охраны, никто о нем не пожалел.

Воспользовавшись моментом, сенат принял решение о восстановлении республики без принцепса. Но когда преторианская гвардия при поддержке римского плебса объявила новым принцепсом дядю Калигулы Клавдия (41–54 гг. н.э.), сенаторам пришлось пойти на попятную. Последнюю попытку восстановить республику предпринял знатный наместник Далмации Камилл Скрибониан, поднявший свои легионы на восстание против Клавдия (42 г. н.э.). Но когда его воины узнали, что им предстоит сражаться не за нового принцепса, который щедро наградит тех, кто приведет его к власти, а за республику и свободу, они немедленно убили своего командующего в доказательство своей нерушимой верности Клавдию. После этого знатные противники тирании уже не пытались вернуть безвозвратное прошлое, а стремились лишь к замене «плохого» правителя «хорошим», забывая, что даже Калигула казался всем очень хорошим, пока не стал принцепсом.

В 54 г. н.э. Клавдий был отравлен своей женой Агриппиной, которая привела к власти собственного сына Нерона, чтобы через него править империей. Однако сама она была убита по его же приказу. Нерон долгое время успешно расправлялся со всеми аристократами, которые представляли или в будущем могли представлять угрозу для его всевластия. В конце концов, своими преступлениями и безумствами он вызвал всеобщее отторжение. Против него выступили провинции, легионы и даже преторианская гвардия. Сенат отстранил его от власти и приговорил к смерти. Он бежал из Рима в одно из своих поместий и, не дожидаясь ареста и казни, покончил с собой в 68 г. н.э.

Преемники Тиберия, принадлежавшие к *династии Юлиев–Клавдиев*, (14–68 г. н.э.), истребили почти всю старую аристократию, включая и собственную родню, а также многих лучших представителей новой знати, выдвинувшихся при принцепате, но живших идеалами республиканского прошлого. Однако и сами они пали жертвами заговоров и восстаний. Ни одному из них не удалось избежать насильственной смерти.

После прихода к власти *династии Флавиев* (69–96 гг. н.э.), близких по происхождению итальянской муниципальной знати, выходцы из этой социальной среды начинают играть ведущую роль в сенате, тем более что потомков республиканских аристократов там уже почти не осталось. Многие из них к тому времени пали жертвою императорских репрессий. Другие, потеряв

Римская империя во II в. н.э.

Траян. Рим. II в. Анкара. Археологический музей

былые источники доходов (военная добыча, ограбление провинций) и продолжая нести прежние расходы, связанные с устройством зрелищ и раздач в связи с отправлением той или иной магистратуры, постепенно беднели и вымирали.

Основатель династии Веспасиан Флавий (69–79 гг. н.э.) многих своих незнатных соратников сделал не только сенаторами, но даже и патрициями. Его старший сын Тит (79–81 гг. н.э.), прозванный «отрадой рода человеческого», управлял в том же духе. Последняя вспышка борьбы императора с аристократической оппозицией, сопровождавшаяся многочисленными казнями и ссылками, относится к правлению Домициана (81–96 гг. н.э.), младшего сына Веспасиана, прозванного «лысым Нероном». Он был компетентным и способным принцем, но слишком деспотичным и подозрительным. «Правителям, – говорил он, – живется хуже всего: когда они обнаруживают заговоры, им не верят, куда их не убьют». Эти жалобы вспомнили лишь после убийства самого Домициана в 96 г. н.э.

Новые императоры предали проклятию память Домициана, но подтвердили его распоряжения и указы. Доносчиков посадили на старый корабль без руля и без ветрил, и отправили его в открытое море.

После прихода к власти *династии Антонинов* (96–192 гг. н.э.), выходцев из провинциальной знати, сенат постепенно утрачивает сугубо итальянский

характер, а вместе с ним и последние воспоминания о славном республиканском прошлом.

Старинная знать к этому времени уже почти вымерла, а новая, сложившаяся уже в эпоху принципата, пользовалась богатством и почетом, получала престижные магистратуры и жреческие посты, но к управлению «провинциями цезаря» и армиями, как правило, не допускалась. Большинство доверенных приближенных принцепсов, а нередко и они сами являлись сенаторами и магистратами в первом или во втором поколении. Одним из лучших принцепсов, по общему признанию, был Пертинакс, сын простого отпущенника (193 г. н.э.). Проблема старинной римской знати исчезла вместе с самой этой знатью.

Провинции. Роль провинций в жизни римской державы трудно переоценить. На рубеже эр в них проживало, примерно, 80–90% всего населения. Римская армия наполовину состояла из провинциалов. Доходы римской казны формировались почти целиком за счет собиравшихся в провинциях налогов и податей.

Отношение римлян к провинциям во многом определялось традиционными представлениями. Вся провинциальная земля по праву завоевания считалась собственностью римского народа, а сами провинции – как бы его поместьями (по выражению Цицерона). Однако в соответствии с теми же представлениями римляне должны были заботиться о сохранении мира и порядка на принадлежащих им землях и о благе подвластных им народов. Официально провинциалы назывались в Риме не подданными, а «союзниками».

Организуя управление своими провинциями и их эксплуатацию, римляне издавна стремились опереться там, где это было возможно, на города античного типа (полисы) и правящую ими знать. Она, в свою очередь, выражала готовность пойти на союз с Римом при условии учета ее интересов. Но поддерживать взаимовыгодное сотрудничество между центральной и местными элитами было очень сложно в условиях господства коррумпированного римского нобилитета и бесконечных гражданских войн и гражданских смут.

При республике провинции являлись не столько «поместьями римского народа», сколько управлявшей ими римской знатью, представлявшей собой верхушку сенаторского сословия, и собиравших в них налоги и подати компаний римских публиканов – «цвета всаднического сословия».

По словам одного из римских ораторов, знатные наместники, а также друзья и клиенты, составлявшие их свиту, привозили в провинции амфоры, полные вина, а увозили оттуда амфоры, полные денег. А римских откупщиков государственных податей и налогов (публиканов), печально знаменитых своей ненасытной алчностью, сами же римляне называли разбойниками. Хищническая эксплуатация провинций приводила к истощению ресурсов и терпения их населения. Цицерон с горечью констатировал: «Провинциалы ненавидят само имя римлян и готовы восстать при первом удобном случае». Когда с установлением принципата был положен конец бесконтрольному владычеству римской знати и бесконечным гражданским смутам и войнам, положение провинций изменилось к лучшему.

Новые правители римской державы были заинтересованы в планомерной эксплуатации провинций и в поддержке со стороны местной городской

знати. Когда наместник Египта предложил Тиберию собирать в своей провинции значительно больше налогов и податей, тот отказался от этого, заявив: «Хороший пастух стрижет своих овец, а не сдирает с них шкуру». Август и его преемники разработали и постепенно осуществили систему мер по борьбе с коррупцией римских наместников и публиканов. Наместники «провинций цезаря», а затем и «провинций римского народа» постепенно оказались в полной зависимости от принцепса. При отъезде в провинцию они получали от него подробные инструкции (мандаты), которыми обязаны были руководствоваться. Кроме того, они поддерживали переписку с принцепсом и в случае, когда у них возникали сомнения, обращались к нему за советом.

У провинциальной верхушки появились новые возможности для борьбы со злоупотреблениями наместников. Теперь они могли апеллировать к принцепсу на приговоры наместников или прокураторов. Кроме того, они могли жаловаться на их действия в Рим как от своего имени, так и от имени своего города или даже всей провинции. Эти жалобы могли разрушить карьеру наместника или даже вызвать судебное разбирательство его дела в сенате. Осужденный наместник обычно приговаривался к штрафу и изгнанию или к исключению из сенаторского сословия.

Для отправления императорского культа были созданы советы провинций, включавшие в себя представителей входивших в них городских общин. Они обычно посылали благодарственное письмо императору после отъезда в Рим очередного наместника. Если тот не пользовался популярностью у провинциалов, совет не отправлял письма, что грозило наместнику неприятностями по службе. Поэтому им приходилось заботиться о завоевании поддержки и благорасположения влиятельных провинциалов, «обхаживать» их так, как раньше кандидаты в магистраты «обхаживали» своих избирателей. Информацию о злоупотреблениях наместников принцепс мог получить от прокураторов-всадников и своих рабов и отпущенников, служивших в провинциях.

Важную роль в борьбе с коррупцией и злоупотреблениями играла введенная при Августе новая система сбора налогов и податей. Отныне сбор прямых налогов был отобран у римских публиканов и поручен местной городской знати: магистратам и декурионам провинциальных городов. С ее помощью представители римской власти стали регулярно проводить в провинциальных городах ценз. На основе его данных определялась общая сумма прямых налогов, которую ежегодно должны были собирать и вносить в римскую казну городские власти. Размеры норм налогообложения устанавливались с расчетом получения максимума возможного, не разоряя при этом налогоплательщиков. Они настолько хорошо отвечали своему предназначению, что попытки отдельных преемников Августа увеличить или уменьшить их терпели крах. Рано или поздно приходилось возвращаться к тому, что было введено Августом.

Теперь отвечавшие за сбор налогов магистраты и декурионы в случае налоговых недоимок обязаны были возмещать разницу из собственных средств. Правда, в эпоху «августова мира» это случалось не часто. Зато они стали играть более активную роль не только в управлении своими городскими общинами, но и в провинциальном управлении в целом. К тому же

они получили новые обширные полномочия и могли использовать их в своих интересах, перекладывая основное бремя по выплате налогов на сельский и городской плебс. С другой стороны, в отличие от стремившихся к быстрому обогащению римских публиканов, они не могли позволить себе разорять и продавать в рабство местных налогоплательщиков. Ведь в этом случае им самим пришлось бы выплачивать все прямые налоги. Таким образом, между центральной властью и местными городскими элитами устанавливается взаимоприемлемый баланс интересов и на этой основе налаживается взаимовыгодное сотрудничество.

Разумеется, оно было возможно лишь в урбанизированных районах, где ведущую роль играли городские гражданские общины. Поэтому центральная власть всячески способствовала распространению и укреплению городов античного типа. Принципы неоднократно заявляли, что считают своим долгом содействовать основанию новых городов и процветанию старых. Успешная урбанизация римской державы в I–II вв. н.э. и расцвет в ней городской жизни свидетельствуют о том, что эти заявления не были пустым звуком.

В первое время после установления принципата меры по борьбе с коррупцией не всегда оказывались действенными. Многие наместники и прокураторы по-прежнему рассматривали провинции как свою законную добычу и готовы были делиться награбленным с судьями-сенаторами и даже с самим принципсом. Провинциалам не всегда удавалось заставить римские власти откликаться на свои жалобы. Вымогательства и коррупция представителей римской власти в провинциях, хотя и не достигали таких масштабов, как раньше, но все еще продолжали оставаться серьезной проблемой. Про одного из назначенных Августом наместников говорили, что он прибыл бедным человеком в богатую провинцию, а уехал богатым человеком из бедной провинции.

Однако ситуация постепенно меняется в связи с изменением положения самих провинций. В них все больше и больше получают распространение города и культура античного типа, латинский язык на Западе и греческий — на Востоке римского мира. С переходом к империи начинается широкое распространение римского гражданства за пределами Италии. Цезарь, а затем Август и его преемники начинают выводить в провинции колонии римских граждан из вышедших в отставку ветеранов, безземельных плебеев из самого Рима и муниципиев, из получивших гражданские права отпущенников. В числе первых таких колоний были восстановленные заново Карфаген и Коринф. Они очень быстро стали многолюдными процветающими городами, столицами провинций. Одновременно начинается широкая раздача римского гражданства провинциалам и предоставление статуса муниципия провинциальным городам в наиболее романизированных провинциях.

Хотя такая политика не пользовалась особой популярностью у жителей Рима и Италии, она активно, хотя и не столь открыто и поспешно, как при Цезаре, проводилась в жизнь Августом и его преемниками. Рядовые провинциалы могли приобрести римское гражданство для себя и членов своей семьи в награду за службу во вспомогательных частях римской армии. С середины I в. н.э. в наиболее романизированных западных провинциях многие города получают статус колонии, который предоставляет римское гражданство всем местным гражданам, или латинского муниципия. В муниципии

римским гражданством наделяли всех местных граждан, имевших ранг городского сенатора (декуриона) или занимавших пост городского магистрата. В восточных грекоязычных провинциях было меньше колоний и муниципиев. Но многие богатые и влиятельные граждане местных городов вместе со своими семьями получали римское гражданство от наместников провинций и принцепсов.

Во II в. н.э., считающемся «золотым веком» Римской империи, в провинциях, по всей видимости, проживало больше римских граждан, чем в Италии. Примерно, половина римских сенаторов и почти все императоры этого времени были по своему происхождению провинциалами. С середины II в. н.э. наряду со старым делением на римских граждан и «чужеземцев» (перегринов) появляется новое – на «почтенных» и «низших». К «почтенным», которые стали главной опорой власти, принадлежали, в первую очередь, римские сенаторы и всадники. Возглавлявшие местное самоуправление в Италии и провинциях декурионы также считались «почтенными», независимо от того, были или не были они римскими гражданами. Все остальные свободные (римляне называли их плебеями), независимо от гражданства, относились к «низшим» сословиям.

«Почтенные» отныне обладали всеми теми привилегиями, которые некогда были у римских граждан. Их нельзя было судить за тяжкие преступления никому, кроме принцепса, нельзя подвергать пыткам и телесным наказаниям, приговаривать к смерти или к каторжным работам. Римские граждане, принадлежавшие к «низшим», потеряли свои бывшие судебные привилегии, хотя формально их никто не отменял. Они во многом походили теперь на рядовых провинциалов.

Когда по указу императора Каракаллы в 212 г. н.э. все свободные подданные империи получили римское гражданство, это не вызвало сколько-нибудь заметного отклика ни в провинциях, ни в Италии. Статус римского гражданина к тому времени сильно обесценился.

Поскольку в эпоху Позднего принципата легионы и значительная часть центральной элиты рекрутируются из провинциалов, а местная городская знать постепенно наделяется римским гражданством и множеством привилегий, представителям центральной власти как в Риме, так и в самих провинциях приходится считаться с интересами провинциалов гораздо больше, чем раньше. Теперь простор для злоупотреблений и вымогательств оставался лишь в тех провинциях, где по тем или иным причинам античная городская община не получила сколько-нибудь широкого распространения, а представители местных элит – доступа к римскому гражданству и центральной власти. Именно в таких провинциях, как, например, Иудея, Египет и Британия, в эпоху «золотого века» все еще случались крупные восстания против римской власти. Однако у той находилось достаточно сил для успешной борьбы с ними, поскольку основная масса населения жила в гражданских городских общинах.

Разумеется, это не означало, что большинство жителей римской державы стали горожанами. Хотя количество городов сильно выросло в эпоху принципата и достигло 2 тыс., большинство свободных жителей гражданских городских общин (около 80%) относились к крестьянам-собственникам, многие из которых едва сводили концы с концами, или к арендаторам земли (колонам)

в крупных поместьях, многие из которых не имели своего инвентаря и не вылезали из долгов. К ним были близки по своему положению сельские рабы, которых начинают «сажать на землю» на манер колонов и даже называют квазиколонами. «Августов мир» держался на плечах этих людей, и именно они были самыми пассивными и вместе с тем самыми упорными его врагами.

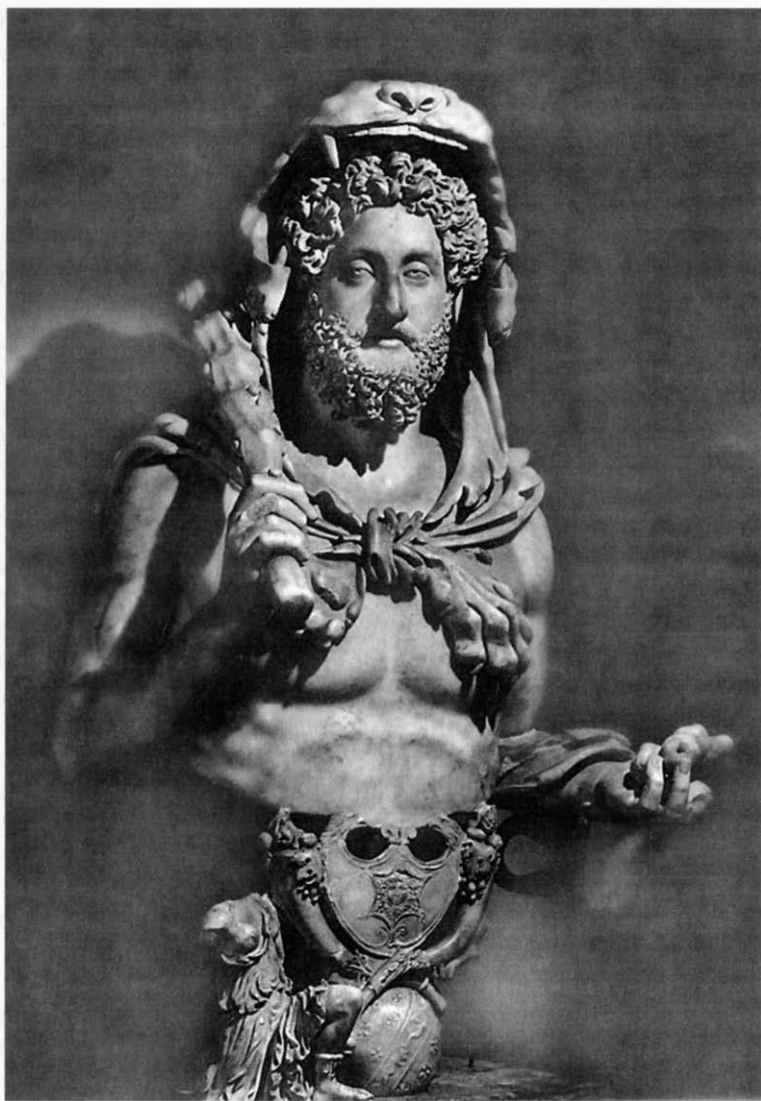
Выдающийся римский врач Гален в своем трактате, написанном в середине II в. н.э. в эпоху расцвета «августова мира», рассказывая о самых распространенных болезнях и лекарствах против них, упомянул, что крестьяне чаще всего страдают от желудочных болезней и отравлений. Ведь почти весь выращенный ими хлеб они свозят в города в уплату налогов и аренды земли. Поэтому к весне, они, как правило, сами остаются без хлеба, начинают есть траву и все что ни попадя, а в результате болеют и даже иногда умирают. Это свидетельство объясняет, почему жизнь за пределами городских стен и гаваней была столь беспокойной; почему на прекрасных римских дорогах не было прохода от бандитов, а в морях, охраняемых римскими флотилиями, разбойничали пираты; почему не только на границах, но и во внутренних областях размещалось так много военных постов и число их постоянно росло; почему богатые землевладельцы нередко имели собственную стражу и частные тюрьмы, которые никогда не пустовали.

Поскольку далеко не все воспринимали «римский мир» как благо, он не мог быть по настоящему прочным и долговечным. Историк Дион Кассий считал, что со смертью Марка Аврелия на смену «царству из золота» пришло «царство из железа и ржавчины». Современные историки называют это концом «августова мира». Не за горами был конец эпохи принципата.

Подводя итоги политики центральной власти в отношении провинций, можно отметить, что принцепсы еще более активно и последовательно, чем их республиканские предшественники использовали социальную структуру античного города-государства для организации и унификации различных народов римской державы. Эта политика была эффективной там, где существовали подходящие условия для городской гражданской общины, и до тех пор, пока она оставалась жизнеспособной.

Итак, принципату присуща консервативная внутренняя политика, нацеленная на восстановление и укрепление традиционной социальной иерархии, характерной для античного полиса. Она во многом напоминает политику, традиционную для республики, но проводится гораздо более последовательно. Вместе с тем это достаточно гибкая политика, принимавшая во внимание требования эпохи и стремившаяся приспособиться к ним, чтобы устранить самые острые социальные противоречия или, по крайней мере, ослабить их остроту.

Августу и его преемникам в значительной мере удалось справиться с этой задачей. Положение всех социальных слоев и групп, за исключением старой римской знати (нобилитета), в период принципата изменилось к лучшему или, по крайней мере, не ухудшилось. На этой основе утвердился длительный «августов мир» – два столетия небывалого в истории покоя и стабильности. Благодаря этому античный полис переживает эпоху нового расцвета, а на периферии римского мира распространяются и укрепляются античный город и античная культура. Тем самым закладываются основы для будущего развития современной Западной цивилизации.

Коммод в виде Геркулеса. II в. Рим. Палаццо Консерватори

Однако поскольку самые острые социальные противоречия были лишь смягчены, а не устранены, и положение тех социальных слоев, которые держали на своих плечах «августов мир» и включали в себя большинство жителей Римской империи, ненамного улучшилось либо совсем не изменилось, эпоха покоя и стабильности, в конечном счете, оказалась преходящей. А это, в свою очередь, предопределило конец эпохи принципата.

Г«Золотой век» Антонинов (96–192 гг.) увенчал эпоху принципата*. История как бы задалась целью представить в династии Антонинов разные типы «лучших императоров». Нерва небезуспешно пытался соединить

* Текст в угловых скобках написан В.И. Уколовой.

Пантеон. II в. н.э. Современный внутренний вид

вещи, ранее представлявшие весьма разьединенными, — принципат и свободу. На его монетах были вычеканены слова «Общественная свобода» и «Предусмотрительность сената». Во время его правления, как сообщал римский историк, «каждый мог думать, что хочет, и говорить, что думает».

Преемник Нервы Траян (98–117 гг. н.э.) получил от сената титул «Наилучший». Более высоким обладал только Юпитер, к которому обращались «Наилучший Величайший». Марк Ульпий Траян полагал, что порядок в империи обеспечивает не страх перед властью принцепса, а неукоснительное исполнение законов. Траян последовательно заботился об улучшении благосостояния римских граждан, издал указ, обязывавший каждого сенатора вложить треть своего состояния в развитие хозяйства на италийских землях. При нем получила развитие алиментация, расширен учрежденный еще при Нерве государственный фонд поддержки мелких и средних земельных собственников, которым выдавались ссуды под небольшие проценты. Из этого фонда также выделялись пособия на содержание сирот и детей из малоимущих семей. Алиментарная система способствовала поддержанию сельского хозяйства и, как следствие, стабилизации обеспечения населения продуктами питания. Император выказал себя заботливым хозяином и в отношении провинций. Были упорядочены городское управление и местные финансы, введена должность городских кураторов.

Усилия Траяна были направлены на укрепление могущества и расширение границ империи. Наибольшую славу Траян стяжал в войнах с дака-

ми. Две дакийские кампании (101–102 и 105–107 гг.), в результате которых Дакия была обращена в римскую провинцию, а империя впервые вышла за пределы Дуная, были «репетицией» к задуманному Траяном грандиозному военному походу, вдохновленному историческим примером Александра Македонского. Легионы Траяна двинулись на Восток, захватили Армению, Вавилонию, Nabateyskoe царство, обратили в бегство парфян и овладели их столицей Ктесифоном. Римляне вышли к Персидскому заливу и побережью Индийского океана. Однако, возвращаясь в Рим, Траян скончался, а вскоре большая часть завоеваний оказалась утрачена.

В то время, когда Траян вел войны на Востоке, в Риме были завершены работы по сооружению памятной колонны, прославлявшей победу императора над даками. На обвивающей колонну ленте рельефов детально изображена история дакийских походов императора.

При императоре Адриане (117–138 гг. н.э.) Рим стал активно колонизировать завоеванные Траяном земли богатой золотом Дакии, что способствовало их романизации. Обратный процесс, однако, захватил армию, ибо Адриан открыл широкий доступ в нее варварам. Адриан понимал, что сохранение мира в империи должно быть гарантировано крепкими границами. При нем на подвластных римлянам территориях воздвигались мощные укрепления. Адрианов вал на границе провинции Британия и сегодня поражает своей мощью и протяженностью. Желая увидеть собственными глазами положение дел на местах, Адриан посетил в своих многочисленных и продолжительных путешествиях многие провинции и лично контролировал положение дел.

В центр государственных преобразований при Адриане была поставлена правовая реформа. Значительную роль в совете принцепса играли видные юристы. Тогда закладываются основы той правовой нормы, которая позже получила окончательное оформление: «воля принцепса является законом». Еще с республиканских времен право включало в себя много противоречивых норм, законов и положений. Адриан поручил выдающемуся юристу Сальвию Юлиану пересмотреть все преторские эдикты, систематизировать их в одном документе. Так появился «Вечный эдикт», имевший эталонный характер для римского права (см. также с. 705 и след.).

Адриан был поклонником греческой культуры. Филэллинство императора в немалой степени способствовало развитию римского образования и культуры. С ним связано торжество в Риме, особенно в скульптуре и архитектуре, эллинского классицизма. В то же время впервые при Адриане появляются сооружения, не имеющие аналогов в греческом мире. Наиболее выдающееся из них – Пантеон, храм всех богов, воздвигнутый на месте сгоревшего храма, построенного еще в 27 г. до н.э. Випсанием Агриппой. Это гармоничное массивное здание в основе имеющее форму круга, накрытое купольным сводом, до конца XIX в. превосходившим все своды мира. Купол Пантеона как бы заключал находящихся в храме в единый мир, объединяя их чувством божественной мощи. Блистательным проектом Адриана стала императорская вилла близ Тибура (Тиволи).

Годы правления Антонина Пия (138–161 гг. н.э.) были относительно спокойными и благополучными. Особым актом он запретил господам убивать собственных рабов без суда. Прекратились преследования христиан, сократилась бурная строительная деятельность, ложившаяся при Адриане

тяжелым бременем на государственную казну. Современник-философ заметил: «Имя римлянина перестало быть принадлежностью только города Рима, но стало достоянием всего просвещенного человечества. Вы установили такое управление миром, как будто он является единой семьей».

Император-философ Марк Аврелий (161–180 гг. н.э.) писал: «Город и отечество мне, Антонину, – Рим, а мне человеку, – мир... Азия, Европа – закоулки мира. Целое море для меня капля. Афон – комочек в нем. Всякое настоящее во времени – точка для вечности. Малое все, непостоянное, исчезающее...». На стоические размышления Марка Аврелия, вероятно, повлияли не только предшественники-мыслители, но и ухудшавшееся положение империи, нарастание распада общественных связей, затронувшее даже семью принцепса.

Усилился натиск на империю извне. Оправилась от нанесенного Траяном поражения Парфия. Парфяне со своими конными отрядами перешли римскую границу, вторглись в Сирию и захватили Малую Армению. Подверглись разгрому римские каппадокийские легионы. Римляне вынуждены были оставить Сирию. И хотя в конце концов римляне все же в битве близ города Дура-Европос в 165 г. победили парфян, империя была ослаблена тяжелой войной. На пороге уже появилась новая страшная опасность. В 167 г. придунайские провинции превратились в арену войны с многочисленными варварами, угрожавшими Италии и даже Риму (см. с. 738 и след.). Война оказалась затяжной и жестокой. Для сдерживания варваров требовались все новые и новые легионы, что истощало и римское население, и имперскую казну. К тому же в империи несколько лет свирепствовала чума, начался голод. Марк Аврелий умер от чумы, когда война еще не была завершена. Император-философ оставил империю с разбалансированной системой государственного управления, расстроенными финансами, обескровленной армией, раздираемой социальными и религиозными противоречиями. Дальнейшему нарастанию кризиса способствовало правление последнего из Антонинов императора-гладиатора Коммода (180–192 гг. н.э.). Культ ума, которому посвятил жизнь его отец Марк Аврелий, Коммод противопоставил культ грубой физической силы и тупой подавляющей власти. Эпоха принципата вступила в свою завершающую фазу.]

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Римская империя и христианство родились почти одновременно. Но в момент их возникновения едва ли можно найти в истории силы, более несхожие по историческому масштабу, могуществу и духовному смыслу. Великая империя, поглощавшая все новые земли и народы, и проповедь безвестного выходца из захолустной Галилеи – как могли они сопрячься, чтобы в перспективе создать новую цивилизацию, породить новую религию с великолепно организованной церковью, осуществить великий переворот в мировой истории?

Истоки христианства можно обнаружить в позднеэллинистическом мире, где в результате напряженных религиозных исканий возникли образы синкретических универсальных богов, нарастали ожидания чудесного божественного спасителя. Спасителем (греч. «Сотер») называли Адониса, Диониса, Зевса, отождествленного с Сераписом и Сабазием, а затем и Юпитера. «Сотер» стал почетным титулом царей-диадохов, а позже и римских императоров.

По всему Средиземноморью почитали Богиню-Мать, особенно в образе египетской Исиды, которую изображали с младенцем Гором на руках. Из всех языческих культов этот был своеобразным провозвестием христианского почитания Богоматери и Бога-младенца. Задолго до христианства на Ближнем Востоке и в Средиземноморье распространился митраизм, религиозно-этическое учение, в центре которого находился образ ирано-индийского бога Митры, отождествлявшегося с солнцем и воплотившимся космическим договором. Считалось, что Митра одолел зло, представленное в быке, первом существе, появившемся на земле. Митраисты верили во второе пришествие Митры для свершения последнего суда. По представлениям своих адептов Митра выступал как избавитель от зла, вершитель высшей справедливости, как высшая Истина. Веровавшим в Митру обетовалось воскресение и бессмертие души.

Культы богов-искупителей, распространившиеся в Средиземноморье, имели мистериальный характер, их ритуалы предусматривали обязательные очистительные обряды, посвящение, откровение, экстатическое индивидуальное общение с божеством, духовное возрождение, определяемое искупительной жертвой, смертью и воскресением бога. Важнейшим аспектом этих культов являлась открытая для человека возможность осуществлять личную связь с богом, не включаясь в официальный религиозный церемониал социального коллектива, – так преодолевалась сословная и этническая ограниченность древнего язычества.

Восточные культы были открыты для всех. В них могли принимать участие «все люди населенного мира». Для многих вновь возникавших религиозных общин представлялись важными прежде всего морально-этические требования, освященные тем или иным культом. От богов ждали любви, чистоты, справедливости, защиты и благодати – того, чего так остро не хватало в реальной жизни. В орфических мистериях и пифагорейских таинствах, в приписывавшихся сивиллам и разного рода пророкам откровениях, так же как в великих восточных культах, сконцентрировалось напряженное ожи-

Бог Митра, убивающий быка. Мрамор. II–III вв. н.э.

дание грядущих духовных перемен, еще не обретшие определенную форму чаяния лучшей жизни.

В многоликом позднеэллинистическом мире иудеи из всех сил стремились сохранить свою религиозную самобытность. Религия для них представляла источником закона и государственности и подателем надежды на великое будущее. Они защищали свой экстраординарный опыт общения с Богом, данный им через пророков. То был опыт диалога и договора (завета) между надмирной божественной личностью и человеком, опыт откровения и закона, дарованного Богом.

Евреи верили, что Бог воззвал к ним, чтобы они помогли ему в осуществлении его цели – обращении к нему человечества и реализации его воли. Они утверждали, что Бог един, что он – высшая личность, настолько совершенная, что не нуждается ни в каких определениях. Человек создан по образу и подобию Божию, но это прежде всего духовное подобие, иудейский Бог чужд языческому антропоморфизму. Отвечая пророку Моисею на вопрос об имени, Бог, явившийся в неопалимой купине, отвечает «Я есмь сущий» – Яхве (Иегова). Иудейский Бог не нуждался в физическом совершенстве, каким обладали языческие боги.

Библейское учение исторично. Деяния людей представляют собой осуществление Божественного замысла, они составляют единую реальность, и реальность эта – история. В истории раскрывается логика божественного откровения. История есть поле божественного творения. Драма человеческого существования исторична, она развернута во времени и ее кульминацией должно стать явление Мессии. В нем и с ним, как свидетельствовалось в Ветхом Завете, осуществится великое предназначение народа Израилева – обращение всего человечества к Богу, уникальный исторический прорыв в «Царство Божие».

«Тора» – священное «Писание» иудеев и весь Ветхий Завет в целом восхваляют Бога и прославляют Его закон. В них содержатся пророчества о грядущем пришествии в мир Мессии (др.евр. *машиах*, «помазанник») – божьего посланца, призванного освободить еврейский народ, восстановить завет Бога с избранным народом, искупить грехи человеческие, низвергнуть «князя зла», установить торжество справедливости и благоденствия, наступление царства Божьего. Описание пришествия Мессии приобретало все более мистическое напряжение. В многочисленных сочинениях апокалиптического характера звучала уверенность, что его приход совсем близок.

В период, непосредственно предшествовавший появлению Иисуса Христа, в иудаизме существовали различные секты, по-разному трактовавшие откровения. К наиболее консервативным относились саддукеи. Они требовали неукоснительного исполнения данного в «Торе» Закона. Саддукеи отвергали мессианские пророчества. В их состав входили по преимуществу представители высших слоев еврейского общества.

Фарисеи выступали противниками саддукеев, с которыми постоянно боролись в синедрионе. Фарисеи почитались как «наиболее религиозные» среди евреев, особенно точно толковавшие закон. Они дополняли «Тору» устным преданием, составленным фарисейскими учителями закона. Чувствуя невозможность победы над Римом на военном поприще и не видя реальных путей изгнания римлян из Палестины, фарисеи перенесли свои упования в область загробной жизни, бессмертия души. Они считались хранителями нравственности, но выставляли свою праведную жизнь напоказ, кичились своим благочестием, не всегда искренним, что впоследствии дало основания Христу упрекать их в ханжестве и обмане. Вместе с фарисеями Христос упрекал и «книжников». Вероятно, речь шла о светских учителях закона, преподававших в школах и рассуждавших о законе в синагогах.

Наиболее радикальной и в перспективе ближайшей христианам сектой были ессеи. Они жили замкнутыми общинами, в которых отсутствовали женщины, отрицали частную собственность, плотскую любовь, семейную жизнь и рабство. В брак вступали редко и только ради зачатия детей. Истово соблюдали все предписания иудейского «Закона», считали обязательным физический труд, жили в крайней простоте. Ессеи верили, что благодаря ненарушаемому благочестию, воздержанию, чистой жизни, религиозному созерцательному экстазу и молитвам они способны достичь мистического соединения с богом, провидеть будущее и изгонять злых духов. Они страстно ждали пришествия мессии и уповали на него как на Спасителя и создателя царства всеобщего равенства и безупречной жизни.

По-видимому, близкими к ессеям были общины, чьи поселения располагались на побережье Мертвого моря в районе Кумрана. В 1947 г. здесь были найдены первые рукописи кумранской общины, в настоящее время обнаружено более 40 тыс. фрагментов. Эти уникальные находки позволили составить довольно подробное представление о характере кумранской общины и ее учении. Члены общины отринули ортодоксальный иудаизм, обвинили иудейских священников в осквернении Иерусалимского храма нечестием и искажении божественного откровения. Они ушли от мира, чтобы заключить новый союз с Богом, а свою общину стали называть «Новым Заветом», ее членов – «сынами света», противопоставляя себя всем

остальным мирянам и особенно жрецам, в которых видели «носителей тьмы», слуг дьявола. Кумраниты отвергали собственность, гордились нищетой. У них было самое скромное совместное имущество, физический труд обеспечивал их скудное существование. В молчании проходили их общие трапезы. Обязанностью членов общины являлось изучение религиозных текстов и молитв. Перед ритуальными омовениями должен был состояться акт духовного покаяния. Кумраниты отказались от жертвоприношений. Для них очень важным было «совершенство пути» к Богу, отсюда постоянная готовность к последней битве света и тьмы, Бога и Дьявола. И если у истоков кумранской общины стоял некий «учитель праведности», познавший истину «из уст Бога», затем мифологизированный, то светочем и божественным ориентиром в грядущем для кумранитов являлся Мессия, на которого они уповали. Его появление они ожидали с напряженной, неснимаемой экзальтацией, видя в нем божественную цель бытия. У ессеев идея избранного народа была заменена апологией индивидуального мессианского избраннычества.

Иудаизм обрел своего выдающегося философского интерпретатора в лице мыслителя Филона Александрийского (ок. 20 г. до н.э. – ок. 40 г. н.э.). Утверждая, что источником греческой мудрости является священное Откровение Ветхого Завета, Филон стал посредником между ними. Сторонник эклектического неоплатонизма и стоицизма, Филон создал учение о Логосе: трансцендентный, не имеющий никаких качественных определений Бог обладает в себе полнотой бытия и всему дает от своей полноты, осуществляя это через особую силу – Логос (Слово), совмещающий в себе все божественные энергии. Логос, по Филону, это разум и образ Бога, первородный Сын Божий, божественный посредник между Богом и сотворенным миром. Отзвуки такого понимания Логоса обнаруживаются в Евангелии от Иоанна.

Итак, можно заключить, что столетие, предшествовавшее рождению Христа, было веком великого ожидания божественных перемен. И это ожидание концентрировалось в образе Спасителя, Мессии. Ключевая фигура христианства – Иисус Христос, и сегодня научные споры о реальности его существования представляются исчерпанными. Самые ранние свидетельства о Христе и его первых последователях содержатся в христианских источниках, а отдельные очень скудные упоминания – в трудах, принадлежащих авторам-нехристианам. Все они относятся ко времени более позднему, чем то, в котором протекала жизнь Христа. Общепринятым для признания его как исторической личности является то, что Иисус из Назарета родился в Иудее во время правления Августа (ок. 5/4 г. до н.э.?). Проповедуя там же при императоре Тиберии, он был осужден на смерть через распятие на кресте при римском прокураторе Понтии Пилате.

Провозвестником и непосредственным предшественником Иисуса Христа был Иоанн Креститель, или Предтеча. Аскет, проповедовавший в пустыне, он уподоблялся Илие-пророку: носил одеяние из верблюжьей шерсти, препоясанное кожаным поясом, питался акридами и диким медом. Он гневно обличал пороки тетрарха Иудеи Ирода Антипы, за что был им ненавидим, а впоследствии по приказу правителя обезглавлен. Иоанн призывал людей к покаянию, поскольку близился час явления Мессии. Многие внимали гласу

пророка и принимали крещение. Даже некоторые из будущих апостолов Христа сначала, возможно, как ученики внимали проповеди Иоанна Предтечи. От него же принял Крещение и сам Иисус. Во время Крещения свершился акт богоявления, утверждающий Христа в его мессианском достоинстве. Голос Бога Отца с небес возвестил: «Сей есмь Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3:17), а Дух Святой спустился на Иисуса в облинии голубя.

После Крещения раскрывается истинная миссия Иисуса, он начинает свою проповедническую деятельность. Иисус призывает учеников-апостолов, ходит с ними по земле, проповедует свое учение, творит чудеса, исцеляет болящих, изгоняет из людей бесов.

В Нагорной проповеди Иисус афористично излагает основы своего учения. Он пророчесствует о наступлении Царства Небесного, которое открыто «нищим духом» и плачущим, жаждущим правды и милостивым, миротворцам и изгнанным за правду, гонимым, праведным и прославляющим Отца Небесного. Иисус взывает исполнять библейские заповеди, но отвергает древние установления «око за око, зуб за зуб». Иисус учит, что злом и сопротивлением нельзя одолеть зло, и он убеждает любить врагов своих. Только в любви, самоотречении и вере люди могут стать совершенными. Иисус говорит о любви Бога ко всем людям, а люди должны стремиться быть совершенными, как «совершенен Отец ваш Небесный».

Иисус проповедует нестяжательство, он призывает отказаться от своего имущества, не заботиться о завтрашнем дне. Он учит не судить других людей за их поступки, поступать с другими так, как хотите, чтобы поступали с вами. И вместе с тем предупреждает: «не давайте святыни псам», берегитесь лжепророков. И если человек просит, то будет дано ему, ищущий находит, а стучащему отворят. Главными же Иисус называет две заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя». (Мф. 22:37–39).

Иисус последовательно осуществлял свое высочайшее предназначение, но долго не хотел, чтобы ученики называли его мессией. И лишь в Цезарее он одобрительно отвечал словам апостола Петра: «Ты – Христос, Сын Бога Живого». На последней совместной трапезе с учениками – «тайной вечере» совершается первый обряд евхаристии – причастия. Хлеб и вино мистически претворяются в плоть и кровь Христову.

О жизни Иисуса Христа и его учении мы знаем преимущественно из Нового Завета – части Библии, которую христиане считали письменным свидетельством заключения Богом нового союза (завета) с человеком, Откровением, продолжающим Ветхий Завет. В Новый Завет в результате ожесточенной внутрицерковной борьбы в III–IV вв. вошли четыре Евангелия (греч. «Благая весть»). Их авторами считаются апостол Матфей, евангелист Марк, евангелист Лука, апостол Иоанн Богослов. Евангелия от Матфея, Марка и Луки называются синоптическими, так как охватывают «единым взглядом» (греч. *синоптикос*) историю Христа. Евангелие от Иоанна раскрывает учение о Христе как о Логосе – Слове Божием. Оно начинается словами: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

В Новый Завет также входят «Деяния апостолов», авторство которых традиция приписывает евангелисту Луке, и 21 Послание. Четырнадцать Посланий принадлежат апостолу Павлу (к римлянам; два – к коринфянам; к галатам; к ефесянам; к филиппийцам; к колоссянам; два – к фессалоникийцам; два – к Тимофею; к Титу; к Филимону; к евреям). Автором трех посланий является апостол Иоанн, двух – апостол Петр, одного – апостол Иаков, будущий креститель Испании; одного – апостол Иуда (не путать с Иудой Искаротом, предавшим Иисуса Христа).

Заключает Новый Завет Откровение Иоанна Богослова – «Апокалипсис». По преданию, оно было явлено Иоанну на о-ве Патмос, куда его сослал император Домициан. В «Апокалипсисе» в ярких образах представлена христианская эсхатология – учение о последних судьбах мира, конце света, о новом пришествии Христа, его победе над Антихристом и о Страшном суде в конце времен. В раннехристианских общинах имели широкое хождение и множество апокрифических евангелий, не вошедших в Новозаветный канон.

Конец земной жизни Иисуса Христа был трагичен. Она завершилась распятием на кресте, позорной в римском мире казнью. Измученная плоть Христа не напоминала блистающие физической красотой тела языческих богов, но роднила его со всеми жалкими, больными, терзаемыми несчастьями, болезнями, социальной несправедливостью. Незаметная жизнь Христа, протекавшая в основном на глазах учеников и немногих жителей провинциальной Иудеи, была так непохожа на потрясавшие воображение деяния языческих богов, но она содержала великий духовный смысл, который и делал его Христом. Иисус Христос своей страшной смертью на кресте, как считали его последователи, искупил грехи человеческие. Своим же воскресением он обещал всему человечеству и каждому человеку новую жизнь, в которой отныне присутствовал Дух Божий. Спасение через распятие Мессии знаменовало собой разрыв как с религиозными представлениями римского, античного мира, так и с древней иудейской религией.

Гибель Христа, как считали христиане, мистически претворилась в акт спасения и открыла путь для людей к жизни вечной. Более того в этой вечной жизни они чаяли воссоединения всего человечества в личности Христа, что стало основанием для создания «церкви Христовой», понимавшейся впоследствии и как единая общечеловеческая община верующих, ведомая Христом, и мистически как тело Христово или как невеста Христова. В Христе, верили его последователи, человечество становилось обновленным миром, открытым наступлению Божьего Царства.

Еще при начале своей проповеди Иисус Христос собрал вокруг себя избранных, числом двенадцать. Отличительным признаком двенадцати апостолов было непосредственное общение с Христом, участие в важнейших эпизодах его жизни – при Преображении, в Тайной вечере, наконец, при его вознесении. Через непосредственное призвание считался апостолом и Павел, который Христа при жизни не видел.

Первыми Христос позвал за собой Андрея и Петра, Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых. Они были рыбаками (заметьте, что рыболовство в данном контексте обретает сакральный смысл, позднее рыба и вода займут важное место в символике христианства), и нарек их Христос «ловцами человеков», которым предстояло привлекать к его учению души человеческие, раскрывая

божественную истину. Показательно, что Христос сделал своими ближайшими учениками людей простых, не сведущих в науках, ибо до души простецов скорее и более прямыми путями доходит истина. Апостолы проповедовали Благою весть с пылкой верой и самоотречением, неся христианство «всем народам и языкам». По легенде Андрей Первозванный проповедовал христианство народам, жившим на землях к востоку и северу от Черного моря, и даже доходил до тех мест, где позже появились Киев и Новгород. Отсюда его особое почитание в России. Все апостолы, кроме Иоанна Богослова, погибли мученической смертью, преследуемые за проповедь Благой вести.

Апостолы стали основателями первых христианских общин, положив тем самым начало возникновению церкви. Ее основателем считается апостол Петр, которому Иисус сказал: «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано и на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено и на небесах». (Мф. 16:17–19). Петр выступал прежде всего как христианский учитель иудеев. Затем своей проповедью Петр достиг Рима, где основал христианскую общину. Его считают первым христианским епископом Рима, и с Петра начинают почти двухтысячелетний перечень римских пап.

Одна из самых ярких фигур раннего христианства – апостол Павел. Среди исследователей христианства даже существуют мнения, что без его поистине титанической деятельности христианство едва ли могло получить широкое распространение и в перспективе стать мировой религией. Павел родился в Тарсе, в семье фарисеев строгих ревнителей Закона Моисея. Ему дали имя Савл в честь первого библейского царя. Он был римским гражданином, так как его отец купил этот статус, но воспитывался и мыслил как правоверный иудей. Услышав об Иисусе и его чудесном воскресении, Савл отверг возможность признания Назаретянина Мессией и стал жестоко преследовать христиан. Однако на пути в Дамаск Павел увидел ослепительный свет с небес и услышал голос Иисуса, вопрошавшего «Савл, Савл, что же ты гонишь меня?». В недавно еще яром гонителе христианства свершился перелом. Савл принял крещение и стал Павлом – великим проповедником христианства.

Миссионерская деятельность Павла простиралась от Дамаска до Италии и Рима. Для распространения христианства было чрезвычайно важно, что Павел обращал свою проповедь не столько к евреям, сколько ко всем народам, называя себя «апостолом язычников». Он открывал путь к христианству всем, кто хотел по нему следовать. По существу, апостол Павел провозгласил вселенские основы христианства, равенство всех во Христе, что открывало широкие перспективы для развития христианства и его церкви.

Апостол Павел, для которого Иисус Христос был единственным и непревзойденным источником религиозного вдохновения, осмелился внести систематизацию в его учение и тем самым заложить основы христианского богословия. Апостол Павел проповедовал в Риме одновременно с апостолом Петром. Он был казнен через отсечение головы во время гонений Нерона на христиан.

Во II в. н.э. произошло окончательное размежевание между христианством и иудаизмом. Между представителями двух религий разгорелась

полемика, которая привела некоторых христианских авторов и даже целые общины к отрицанию Ветхого Завета. Канон Нового Завета, из которого мы преимущественно знаем о жизни Иисуса Христа, его учении и деяниях апостолов, начал складываться во второй половине I в. н.э., когда появились первые Евангелия. Борьба за признание входящих в него книг «богодухновенными» велась в течение II–IV вв. Состав Нового Завета был утвержден в 371 г. на Лаодикийском соборе. За его рамками остались многие другие евангелия, послания и откровения, отвергнутые церковью как не-истинные. Они получили названия «апокрифы» (греч. «тайные»). Апокрифы имели широкое хождение среди христиан в первые века новой эры.

Во II в. христианство начало богословское обоснование основ вероучения, выработку догматики. Его апологеты (греч. «защитники») пошли по пути, намеченному еще предтечей христианской теологии Филоном Александрийским, пытаясь соединить богословие с греческой философией. В центре внимания апологетов было учение о Христе – Логосе. Юстин-мученик считал, что Логос был посредником между Богом и миром. Климент Александрийский стремился обосновать рациональность веры, утверждая, что вера и знание имеют одну божественную природу. Ориген Александрийский попытался создать целостную теолого-мировоззренческую систему христианства. Тертуллиан же считал христианскую веру абсолютно истинной и не нуждающейся в подкреплении разумом. Христианским богословам в определенной мере удалось противостоять гностицизму, имевшему влияние в первоначальном христианстве.

Ранние церковные общины. На ранних этапах последователями Христа становились люди из социальных низов. Однако постепенно в общины христиан стали вступать и состоятельные люди, своей благотворительностью способствовавшие обогащению первых христианских объединений, члены которых совместно владели имуществом. Сплачивали христиан и эсхатологические ожидания второго пришествия Христа и конца света, необходимость содержать свою веру и собрание втайне, так как римское государство преследовало христиан. Христианская традиция насчитывает десять больших гонений, связывая их с императорами Нероном, Домицианом, Траяном, Марком Аврелием, Септимием Севером, Максимином Фракийцем, Децием, Валерианом, Аврелианом и Диоклетианом. И не только император-чудовище Нерон превратил живых людей-христиан в пылающие факелы, освещавшие сады в то время, как сам он устроил игры в цирке, но и просвещенный философ-стоик Марк Аврелий за один раз отправил 48 христиан на растерзание диким зверям на арене цирка. Императоры видели в христианах силу, угрожавшую устоям римского мира.

По империи учинялся тотальный розыск христиан. Повсюду создавались специальные комиссии, перед которыми жители империи должны были давать отчет в своих религиозных убеждениях.

Скрываясь от преследования, христиане собирались в катакомбах – подземных помещениях, природных или искусственно сооруженных. В Риме до наших дней сохранились целые системы катакомб. Стены их иногда украшали фресковыми росписями – первыми свидетельствами христианского искусства. Нередко росписи носили символический характер. Символика основывалась на том, что христианство – религия экзегетическая, т.е. рели-

Катакомбы святого Себастьяна. III в. Рим

гия толкования. Каждое слово, каждое изображение, помимо явного имеют и сокрытые смыслы, отражающие особые божественные значения.

В первых общинах христиан, члены которых называли друг друга «братьями» и «сестрами», люди собирались для совместной молитвы и имевшей священный смысл трапезы. Здесь совершались древнейшие христианские таинства – крещение и причастие. Таинства были призваны содействовать нисхождению божественной благодати на верующего. Постепенно укреплялась дисциплина в общинах, на их основе создавались устойчивые религиозные структуры, ориентированные не на временное существование в ожидании эсхатологической катастрофы, а на постоянное пребывание в земном мире. Общины превращались в элементы особой религиозной организации – церкви, объединяющей духовенство и мирян на иерархических основаниях.

К концу III в. стало очевидно, что христианство, несмотря на то что было официально запрещено государством, распространилось среди широких масс империи. Оно вытесняло своих религиозных соперников – гностицизм, митраизм и ранее популярные языческие ориентализированные культы. Религия, основатель которой решительно отделял царство духа от власти кесаря, становилась опасной для империи. Она разрушала основания римского сознания, препятствовала отправлению императорского культа как важного связующего начала имперской государственности, подрывала религиозные основы социального и корпоративного единения в римском обществе.

ОБРАЗОВАНИЕ ЕДИНОЙ ЦЕПИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В первые века новой эры произошло эпохальное событие – именно тогда возникла единая непрерывная цепь цивилизаций, протянувшаяся от Атлантического до Тихого океанов. Она представляла собой широкую полосу, включавшую в себя как «мировые державы» того времени, так и примыкающие к ним «периферийные» государственные образования. Эта цепь обрамлялась с севера и юга бескрайним морем народов, находящихся еще на первобытной стадии своей эволюции. Возникновение такой цепи было подготовлено всем предшествующим развитием обществ и являлось зримым знаком прогресса человечества. Результатом этого «смыкания» отдельных цивилизаций стало расширение и углубление контактов между отдельными народами, усилившийся обмен материальными благами и духовными ценностями даже между очень далекими друг от друга обществами.

Западную часть цепи представляла Римская империя, включавшая в себя значительную часть Европы, Северную Африку, а на азиатском континенте – Малую Азию, все восточное побережье Средиземного моря и даже часть Аравийского п-ова. Восточным соседом империи было Парфянское царство. Граница между ними проходила, как правило, по верхнему течению р. Евфрата, хотя в период наивысших военных успехов римлян они передвигали эту границу к р. Тигр. В 20-х годах III в. н.э. в Парфии произошел переворот, в результате которого к власти пришла новая династия – Сасаниды и господствующее положение в государстве заняли персы, оттеснив на второе место парфян. Однако эта смена династии и привилегированного этноса не отразилась на римско-иранских взаимоотношениях. Первоначально между Римом и Парфией находилось несколько малых государственных образований, но постепенно они все были инкорпорированы в состав империи. Тем не менее на северном «фланге» римско-парфянской границы сохранился ряд небольших государств, такие как Армения, Иберия, Албания (Кавказская), бывших объектом притязаний со стороны своих могущественных соседей.

Несколько территориально изолированное место в этой системе занимали незначительные государства, расположенные на самом юге Аравийского п-ова: Саба, Катабан, Хадрамаут и др. Однако экономически они были теснейшим образом связаны со своими северными соседями: Римом и Парфией. Римляне даже пытались вооруженной рукой поставить их под свой контроль, правда, не очень удачно.

Парфянское (затем Сасанидское) государство объединяло территории современного Ирака, Ирана, южную часть Туркменистана и самый запад Афганистана. В период наибольших успехов парфянские владения доходили до устья Инда. Далее к востоку находилось возникшее в I в. н.э. Кушанское царство, охватывавшее значительную часть юга Средней Азии (в частности Узбекистана и Таджикистана), большую часть современного Афганистана и северные регионы Индийского субконтинента. С парфянами и кушанами в Средней Азии граничили Хорезм, Кангюй и независимые согдийские города. К южным границам Кушанского царства примыкали владения ряда

индийских государств. Все они были тесно связаны друг с другом системой политических и экономических отношений.

Наконец, самую восточную часть этой цепи занимал Ханьский Китай. Его связывали со Средней Азией оазисы Восточного Туркестана (современный Уйгуро-Синьцзянский автономный район КНР), расположенные к северу и югу от пустыни Такла-Макан. В этот период империя Хань, как правило, контролировала эти оазисы, но даже в тех случаях, когда они добивались независимости, связи между Китаем и более западными регионами не прерывались, поскольку заинтересованность в торговле была всеобщей.

«Смыкание» различных государств в единую цепь помимо политических причин имело также и экономические резоны. В это время возникла огромная система международных торговых путей, связавшая все государственные образования, существовавшие в эту эпоху. В течение долгого времени под влиянием идей М. Финли ученые склонны были преуменьшать значение международной торговли в античном мире, полагая, что объектами ее были только предметы роскоши. Обилие нового материала, в первую очередь археологического, детальный анализ ранее неизвестных письменных источников, а также резкая критика общих концепций М. Финли, привели к полному пересмотру картины экономических связей. Конечно, в числе товаров, которые перевозились на дальние расстояния, значительное место занимали те товары, которые обладали большой ценностью при небольшом весе (например, благовония, специи или шелк), но не меньшее значение имели также самые обычные продукты, о чем свидетельствуют такие источники, как «Перипл Эритрейского моря» и Пальмирский таможенный тариф.

В настоящее время общепринятым является мнение об огромной роли торгового тракта, который принято называть Великим шелковым путем, связывавшим Китай со Средиземноморьем. Однако в действительности система торговых путей была много более сложной и многообразной. Она включала в себя караванные маршруты, а также морские и речные пути.

Система сухопутных караванных путей складывалась постепенно и в первые века н.э. включала несколько трасс, тянувшихся от восточных границ Римской империи вплоть до Китая. Самый известный из таких путей начинался у г. Зевгмы, где существовала переправа через Евфрат. К западу располагалась система римских дорог, хорошо обустроенных и выводящих к портам Средиземного моря. От Зевгмы на восток торговый путь шел по маршруту «парфянской царской дороги» до центральной части Вавилонии, откуда поворачивал на северо-восток (по долине р. Диала) – на иранские территории. Здесь торговый путь (эту часть его обычно называют «большой хорасанской дорогой») пролегал вдоль южных отрогов Копет-Дага к главным центрам Средней Азии: Мерву, бывшему важнейшим опорным пунктом Парфянского (а затем Сасанидского) государства на востоке, столице Бактрии Бактрам и Самарканду – крупнейшему городу Согдианы. В это время происходит определенная трансформация в согдийском обществе, и международная торговля занимает чрезвычайно важное место в экономической жизни согдийцев. На запад их купцы со своими караванами добирались до Мерва, но все-таки восточное направление торговли было основным. Согдийские караваны через

Восточный Туркестан ходили до Лояна, тогдашней столицы Китая, но еще большую роль играли основанные согдийцами торговые колонии в Ташкентском оазисе, Семиречье и, наконец, в Восточном Туркестане.

Важную роль в международной торговле играла и Пальмира – город, расположенный в середине Сирийской пустыни. Здесь, так же как и в Согде, международная торговля стала важнейшей отраслью экономики и приносила жителям города огромную прибыль. Великолепные архитектурные памятники города – свидетельство его процветания. Письменные источники и многочисленные надписи дают богатейшую информацию о характере этой торговли. Пальмира связывала Римскую империю и Парфию. Пальмирские караваны через Сирийскую пустыню выходили к долине Евфрата и вдоль нее следовали к городам юга Месопотамии – туда, куда поступали товары из Индии, привезенные на кораблях в порты Персидского залива. Иногда и сами пальмирцы плавали в Индию. Несколько караванных трас связывали юг Аравийского п-ова – главный источник благовоний и специй для Средиземноморья – с Римом и Парфией.

Наконец, значительное место в международной торговле принадлежала и речным путям. Об одном из них достаточно подробно рассказывает Страбон. По его словам, путь начинался в верхнем течении р. Окс (Амударья), здесь на речные суда грузились индийские товары. Поскольку в это время Амударья одним из своих русел впадала в Каспийское море, то купцы, пересекши его, поднимались по реке Куре, достигая Иберии, откуда товары расходились по всему Закавказью и прилегающим областям. Еще один большой торговый путь пролегал по р. Инд. Свидетельством этому являются многие сотни надписей, оставленных купцами на нескольких скалах в верховьях Инда. Надписи выполнены, главным образом, на согдийском языке, но встречаются также парфянские, бактрийские, индийские и т.д. Мы не знаем причин, по которым именно здесь купцы оставляли свои «автографы», но бесспорно, что эти скалы являлись значащим местом для купцов Востока. Товары по реке спускались к портам на побережье Индийского океана.

Однако важнейшим явлением, оказавшим самое сильное влияние на масштабы и характер экономических связей, стало открытие и использование сезонных ветров (муссонов) в Индийском океане. Благодаря этому система навигации в этом регионе стала совершенно иной. Ранее морские плаванья были достаточно долгими и опасными. Выходя из египетских портов на Красном море, корабли совершали долгое каботажное плавание вдоль берегов Аравии, где почти отсутствовали безопасные гавани, а затем – Ирана, прибывая к индийским портам в районе устья р. Инд. После открытия системы муссонов плавание приобрело иной характер: выходя из тех же самых портов, корабли плыли вдоль африканского побережья пока не попадали в зону устойчивых муссонов. Эти спокойные и «надежные» ветры через огромные пространства Индийского океана выводили корабли непосредственно к побережью Индии. В этом регионе римские купцы ходили вдоль всех берегов, достигая о-ва Цейлон и даже Бенгальского залива. Осенью, когда ветры меняли направление, эти корабли возвращались к африканским берегам. Результатом освоения системы муссонных ветров стало использование кораблей большей грузоподъемности, благодаря чему падала стоимость

фрахта. На индийском побережье римляне основали несколько торговых факторий, наиболее известной из которых стала Арикамеду (возле Пондишери). Следы римской торговли являются находки многих тысяч римских монет в Индии (золотых, серебряных и даже бронзовых). Римско-индийскую морскую торговлю в этом регионе описывает «Перипл Эритрейского моря», созданный в I в. н.э. Благодаря этому источнику мы знаем, что объектами торговли служили отнюдь не только предметы роскоши, но и «товары повседневного спроса».

Археология иногда дает поразительные примеры широкого размаха международной торговли. Так, при раскопках одного из зданий в Беграме (Афганистан, недалеко от Кабула) в помещении, которое, видимо, использовалась под кладовую, было найдено большое число предметов самого различного происхождения: бронзовые статуэтки, роскошные стеклянные сосуды из Александрии Египетской (в том числе воспроизведение знаменитого маяка), индийская резная слоновая кость, китайский лак и, наконец, гипсовые формы для создания рельефов, чисто эллинистические по своему характеру.

Развитие экономических связей шло рука об руку с иными процессами. Политические контакты, к сожалению, нам известны меньше, но совершенно несомненно, что даже весьма далеко расположенные друг от друга страны стали обмениваться посольствами. Ко двору китайских императоров, в частности, прибывали посольства из многих стран, расположенных в Центральноазиатском регионе, включая Парфию. При императорском дворе тщательно фиксировались все сведения об этих государствах. В Рим прибывали послы из Индии (вероятнее всего, кушанские), а также с Цейлона и многих других периферийных стран. Нет необходимости говорить о римско-парфянских контактах, которые были, в сущности, постоянными.

Естественным результатом развития экономических и политических взаимоотношений стали массовые контакты простых граждан различных регионов. Тысячи жителей Римской империи бывали в Индии, прибывая туда на торговых кораблях. Существовавшие на побережье Индии римские торговые фактории подразумевают, что многие римляне жили здесь месяцами и годами. Сейчас, кажется, доказано, что некоторые римские купцы достигали даже Лояна. Пальмирские торговцы имели в ряде парфянских городов свои торговые «станции» (фундуки). Согдийцы по трассе Великого шелкового пути основывали свои торговые поселения, среди иноэтничного населения, но поддерживали самые тесные сношения со своей родиной. Торговцы благовониями и специями из Южной Аравии регулярно бывали и в Сирии, и в Месопотамии. Индийская торговая фактория располагалась на о-ве Сокотра.

В ряде крупнейших центров международной торговли создавалась многоэтничная среда. Дион Хрисостом, например, говорил о том, что в Александрии Египетской помимо греков можно увидеть не только соседствующих с ними сирийцев, ливийцев и выходцев из Малой Азии, но также эфиопов, арабов, бактрийцев, скифов, персов и индийцев. Аналогичная ситуация складывалась в других крупных центрах международной торговли, таких как Антиохия-на-Оронте, Рим, несколько позднее Константинополь.

Естественным результатом этих контактов стал широкий обмен идеями между людьми различных стран и народов. Это касается науки, литературы, но наиболее яркие свидетельства касаются религиозных верований. Религиозные концепции, возникнув в одном регионе, начинают широко распространяться, пересекая политические и этнические границы, чаще всего по устоявшимся торговым путям.

Возможно, первым начал свою экспансию буддизм. Возникший в северных районах Индии, буддизм достаточно рано проник в долину р. Инда, откуда миссионеры понесли его на запад и север. Уже в III в. до н.э. он распространился в Арахосии (область на юге совр. Афганистана), о чем свидетельствуют надписи. В первые века н.э. буддизм становится одной из основных религиозных систем в Бактрии (север Афганистана, юг Узбекистана и Таджикистана). Самым западным пунктом распространения буддизма оказался Мерв. На восток же буддизм шел более мощной волной. Он стал очень популярным в Восточном Туркестане, а затем и в Китае, особенно среди интеллектуальной элиты. Существовали многочисленные школы переводчиков, переводивших буддистские тексты на китайский язык, а с V в. н.э. начались активные паломничества китайских буддистов в Индию, одной из целей которых являлось приобретение священных текстов. Их «отчеты» о путешествиях представляют бесценный свод свидетельств о народах, живших в Восточном Туркестане, Средней Азии и Индии.

В Иране с глубокой древности одним из самых почитаемых божеств был Митра, входивший в триаду верховных богов (Ахура-Мазда, Митра, Анахита). Культ Митры начал свое распространение на западе, в пределах Римской империи, в I в. до н.э. К III в. н.э. он стал одним из самых популярных культов, особенно широко распространенным в армейской среде. Некоторые исследователи считают его основным соперником христианства.

Два идейных импульса исходили с территории Палестины. Иудейские религиозные верования вместе с евреями достаточно широко распространились по Римской империи и западной части Парфии. Существовавшие уже несколько веков еврейские общины Месопотамии в это время достигли значительного процветания. Их роль особенно возросла после разрушения Второго храма. Важнейшим явлением этого времени стал прозелитизм, видимо, порождаемый общими тенденциями к монотеизму. Вокруг синагог, бывших центрами еврейских общин, стали складываться группы «язычников», принявших (в той или иной степени) еврейские религиозные установления. Ярким свидетельством этого процесса стало принятие иудаизма правящей династией Адиабены (небольшого государства, расположенного между Римом и Парфией).

Еще более важным историческим явлением стала христианская миссия, начавшаяся в середине I в. н.э. Ее характер и особенности, с точки зрения распространения христианского вероучения в западном направлении (в границах Римской империи), достаточно хорошо документированы и изучены. После сложных перипетий в начале IV в. н.э. при императоре Константине христианство было официально признано и вскоре стало господствующей религией в империи. Однако христианская миссия имела и другое, восточное, направление. К сожалению, оно в меньшей степени освещено источниками и, соответственно, менее изучено. Однако уже сейчас можно сле-

лать некоторые достаточно хорошо обоснованные выводы. Прежде всего, кажется, можно считать, что миссия апостола Фомы, проникшего в Индию, является фактом, а не легендой. Конечно, это были только первые ростки христианства на почве Востока, но уже в конце I – начале II в. н.э. источники говорят о христианских общинах в Эдессе, Арбеле, Нисибине, столице Парфянского царства Ктесифоне. Несколько позднее – во второй половине этого века – такие общины появляются в городе Карка-де-Бет-Солок, а также в Месене, самой южной области Месопотамии. К концу парфянского периода (20-е годы III в. н.э.) на территории Месопотамии насчитывалось, по подсчетам некоторых исследователей, более 20 отдельных общин во главе со своими епископами.

Мощный импульс христианизации Востока дали завоевательные походы первых сасанидских царей. Они депортировали из захваченных сирийских городов массу жителей, значительная часть которых уже принадлежала к христианам. Во второй половине III в. н.э. создается епископия в Мерве, ставшем главным центром христианской миссии на Востоке. Отсюда христианство распространяется на восток, вдоль главной трассы Великого шелкового пути, достигая в конце концов Восточного Туркестана, а затем и собственно Китая.

Еще одна религиозная система, претендовавшая на то, чтобы стать мировой религией, родилась в середине III в. н.э. в Месопотамии. Создатель ее Мани, заимствовав целый ряд идей из гностического христианства и зороастризма, придал ей предельно дуалистический характер. Мани рассчитывал на то, что его религия сможет стать государственной в Сасанидском Иране. Мани действительно некоторое время пользовался поддержкой властей и беспрепятственно распространял свое учение в стране. Однако ожесточенное сопротивление зороастрийского клира привело к изменению позиции царского двора. Сам Мани был казнен, а его последователи подверглись гонениям. На территории Ирана в результате этого остались только небольшие подпольные группы манихеев, но взамен началась активная пропаганда этой религии за пределами него. Еще при жизни Мани были отправлены миссии на запад – в Римскую империю и на восток – в земли, населенные парфянами. И там и здесь миссии принесли определенные плоды. В Римской империи манихейство получило особенное распространение в Египте и Северной Африке. Сам Августин несколько лет был приверженцем этого учения, став затем его решительным критиком. На востоке на протяжении ряда лет основным центром манихейской миссии служил Мерв, откуда оно широко распространилось в Средней Азии (особенно в Согде), Восточном Туркестане, достигнув в конце концов собственно Китая, где последние общины последователей Мани дожили вплоть до XIV в.

Вслед за купцами и миссионерами по торговым путям двинулись художники, переносившие идеи, образы и технические приемы одной цивилизации в самое сердце другой. Так, на территории Восточного Туркестана в Миране при археологических работах были найдены живописные панно чисто римского характера, выполненные, судя по подписи художника, неким Титом – явно уроженцем далекого Запада. Произведения, порожденные буддизмом, присутствуют по всей восточной части Великого шелкового пути. Особое

внимание искусству уделяли манихеи и только Восточный Туркестан дает нам образцы их живописи. Христианство первоначально полностью отвергало искусство, рассматривая его как форму идолопоклонства, однако уже III в. н.э. сформировались два важнейших центра христианского искусства: римский и восточный, ранние формы которого нам лучше всего известны по живописи г. Дура-Европос (на Евфрате). Дальнейшая его эволюция определялась взаимодействием традиций этих двух центров.

Иногда взаимодействие различных художественных идей приносило совершенно неожиданные результаты. Иудаизм отличался крайней строгостью в своем отрицании изобразительного искусства, но в Дура-Европос в синагоге, построенной в III в. н.э. археологи обнаружили огромную коллекцию настенной живописи, в которой предстала вся «священная история» иудейского народа. Влияние окружающей среды оказалось сильнее ортодоксии.

КРИЗИС РИМСКОЙ ИМПЕРИИ III ВЕКА

«Золотой век» Антонинов закончился позорным правлением императора Коммода (180–192 гг. н.э.), предпочитавшего арену Колизея дворцовым покоем. Надежды сената и народа на то, что с гибелью тирана жизнь в империи войдет в спокойное русло, не оправдались. Вспыхнула гражданская война. Преторианцы решили сделать императором того, кто больше им заплатит, и объявили своеобразный торг, ставкой в котором был венец августа.

Легионам, стоявшим в провинциях, пришлось не по вкусу наглость преторианцев. Почти одновременно ими были провозглашены три императора – в Британии, Паннонии и в восточных провинциях. Новоявленные венценосцы двинулись на Рим. Успешней всех оказался наместник Паннонии Септимий Север. В апреле 193 г. его легионы взяли столицу, но окончательно на императорском троне Север утвердился только через четыре года.

Септимий Север происходил из романизированной пунийской семьи из Северной Африки. Север никогда не забывал об этом. Он возродил почитание Ганнибала и воздвигал ему памятники. С его второй женой сирийкой Юлией Домной связано усиление в Риме восточных религиозных культов.

Септимий Север вполне соответствовал своему имени («суровый» – *лат.* «север»). Установленный им режим власти можно назвать «военной монархией». Этот правитель, положивший начало череде «солдатских императоров», сделал своей главной опорой армию. Он наставлял своих сыновей: «будьте дружны между собой, обогащайте солдат, об остальном не заботьтесь». Тем не менее Септимий Север заключил соглашение с сенатом и обязался, подобно Антонинам, не проявлять произвола по отношению к сенаторам. Однако это обещание он не выполнил. Вскоре начались жестокие расправы с римской аристократией, сопровождавшиеся убийствами и конфискацией имущества, в результате чего Север составил огромное состояние. При нем же впервые было учреждено на государственном уровне управление частным имуществом императора во главе с особым чиновником. Императорская казна (фиск) приобрела государственное значение, а сенатская казна (эрарий) – превращена в римскую городскую кассу.

Функции сената все больше переходили к совету императора, назначаемому монархом. Расправляясь с сенатом, Септимий Север стремился придать своим действиям «законную форму». Он привлек в свой совет крупнейших юристов Папиниана, Павла и Ульпиана. Решения этого совета, по существу, вытесняли в законодательной сфере сенатские постановления. При назначении на управленческие должности предпочтения отдавались не представителям аристократии, а всадникам и провинциалам. Италия утратила часть своих правовых преимуществ и по статусу была приравнена к другим провинциям. При Септимии Севере нарастал отход от основополагающих устоев принципата.

Сделав своей опорой армию, Септимий Север осуществил военную реформу. Прежде всего он распустил прежнюю преторианскую гвардию, враждебно настроенную по отношению к нему, и набрал новый состав пре-

Септимий Север. Мрамор. III в. Мюнхен

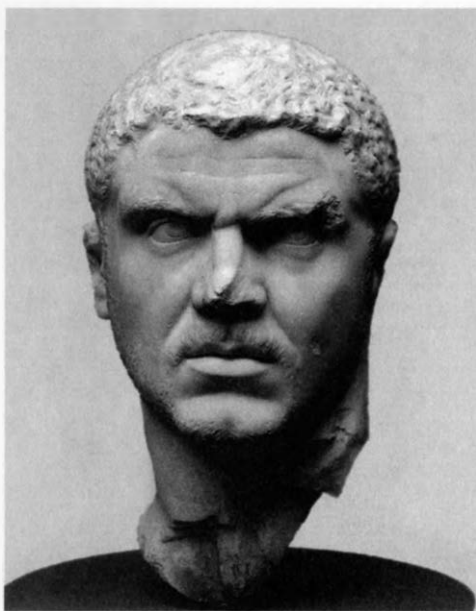

Юлия Домна. Мрамор. Начало III в. н.э.

торианцев из верных ему придунайских и сирийских легионов. В Рим были введены войска из Паннонии и восточных провинций, преданные императору. Север уравнивал легионы, стоявшие в провинциях, со столичными, упразднил преимущества преторианцев при продвижении по воинской служебной лестнице. Теперь каждый солдат мог в принципе рассчитывать на достижение офицерских должностей и даже высоких командных, получить всадничество независимо от своего этнического и социального происхождения. Это усилило позиции провинциалов и варваров в армии, что не замедлило сказаться на ее организации и облике. Север платил римским воинам такое высокое жалование, как никто из римских императоров до него. Ветераны освобождались от муниципальных налогов, им были увеличены пенсии. Септимий Север узаконил право солдат вступать в официальный брак, таким образом упрочилось положение детей из солдатских семей. По приказу императора пограничным воинским подразделениям отводились земли для обработки и постоянного жительства. Появились военные поселения, в которых солдаты могли жить с семьей, имея свой собственный надел.

Военные преобразования Септимия Севера в пользу армии сделали его любимцем солдат в еще большей степени, чем раньше. Армия определяла устойчивость императорской власти и служила ее гарантом в борьбе с сенатом и подавлении общественного недовольства, ибо относительное спокойствие в государстве обеспечивалось скорее не преданностью подданных, а страхом перед наказаниями.

При Септимии Севере началась новая война с Парфией (197–199 гг.). Пройдя Сирию, римские легионы достигли Армении. Были захвачены обе парфянские столицы – Селевкия-на-Тигре и Ктесифон. По мирному договору римляне получили Месопотамию, которой стал управлять римский

Каракалла. Фрагмент статуи. Мрамор. III в. Париж, Лувр

наместник. Север победил и персидского царя Агбара, принял под свою власть арабов, утвердил ряд прав за жителями Палестины, однако под страхом тяжелых наказаний запретил подданным обращение в иудаизм и христианство, которые в то время римляне еще недостаточно различали.

Укрепив свои позиции на юге империи, Септимий Север двинулся в военный поход на север, в Британию. Здесь он нанес поражение британским племенам, нападавшим на римские военные лагеря, и восстановил Адрианов вал, перегораживавший остров. В Британии в 211 г. закончились его дни.

При сыне Септимия Севера, прозванном Каракаллой (211–217 гг. н.э.) за пристрастие носить и жаловать длинный солдатский плащ — каракаллу, произошло знаковое событие:

в 212 г. Каракалла издал эдикт, наделявший правами римских граждан всех свободных жителей Римской империи. Эдикт вошел в историю под названием «Антонианская конституция». Эдикт констатировал окончательное превращение римских граждан в имперских подданных, но он сыграл определенную роль в их уравнивании и способствовал романизации провинций. Эдикт Каракаллы преследовал и фискальные цели, позволив сделать более действенной систему сбора налогов.

Каракалла пал жертвой заговора своего окружения во время парада, а после него на трон римских цезарей поднялся Элагабал (Гелиогабал), подросток, бывший жрецом финикийского бога Солнца. Он привез с собой в Рим священный метеорит из Эмесы и приказал построить для него специальный храм на Палатине. Ему хотелось уподобить Рим Востоку. Этим и своей чудовищной развращенностью Элагабал вызвал ненависть римлян. Юного императора убили, а труп его протащили по улицам Рима и утопили в Тибре. Последний император из династии Северов Александр прислушивался к разумным советам своих матери и бабки. Он попытался изменить военный характер правления империей. Александр надеялся обрести опору в сенате и ввел ряд законов, касающихся императорского казначейства, коллегий ремесленников, которые были поставлены под контроль государства.

Александр Север очень считался с мнением своей бабки Юлии Месы и матери Юлии Мамеи. Эти властные женщины образовали своего рода «женский совет», который наставлял императора в том, что ему надлежало делать. Не пренебрегал Александр Север и консультациями выдающихся юристов Юлия Павла и Домиция Ульпиана. Под их влиянием император принял ряд разумных законов, в том числе касающихся имперского казначейства. Однако судьба Ульпиана оказалась трагической. Желая воспрепятствовать возрастав-

шему влиянию выдающегося юриста на императора, заговорщики убили его на глазах у Александра Севера. Сочинения Ульпиана, отличавшиеся ясностью и элегантностью стиля, стали образцами юридического анализа для знатоков римского права.

Северы довольно успешно воевали с Парфией. Когда в Иране в 227 г. пришла к власти персидская династия Сасанидов, свергшая парфянскую династию Аршакидов, шах Артаксеркс (Ардашир) посягнул на римские владения в Месопотамии и Сирии. Александр Север победил персов и в 232 г. изгнал их с римской территории. Однако с тех пор персидская угроза надолго нависла над Римом.

Северы с переменным успехом сражались с германцами. При Александре Севере военные действия в Германии приобрели затяжной характер, что вызвало недовольство в войсках. Александр и его мать были убиты легионерами. Династия Северов, с которой были связаны утверждение варваров на престоле римских императоров и переход к военной монархии, в 235 г. прекратила свое существование. Рим вступил в полосу тяжелейшего кризиса.

После падения Северов трон цезарей стал игрушкой в руках римских легионов. Римская империя оказалась на грани распада, а ее население — на краю гибели. В историографии этот период получил название «кризиса III в.». Рим не в первый раз переживал кризисное состояние, но масштаб потрясений империи в III веке был беспрецедентным. Тем не менее истоки кризиса крылись еще в благополучных временах «золотого века» Антонинов, к концу которого стало очевидным ослабление императорской власти и системы государственного управления, сложившихся в рамках принципата, а также расшатывание полисного устройства, являвшегося связующим фактором огромной империи. На империю все энергичней наступали варварские народы. В стране не хватало продовольствия, свирепствовали эпидемии.

Однако кризисным III век предстал не только для Римской империи. Казалось, нарушилось мировое равновесие. В Китае распалась единая империя, наступила эпоха Троецарствия. К северу от Китая началось формирование гуннского союза племен, который в последующие столетия смерчем пронесется по Азии и Европе, опустошая все на своем пути. В Индии перестала существовать Кушанская империя, пришли к власти Гупты, пока еще местные царьки, но в будущем — основатели великого государства. В Персии в огне войн отстаивала свое право на существование империя Сасанидов. Спустя век об этом времени, римский историк Аммиан Марцеллин напишет:

Гладиатор. Фрагмент мозаики. III в. Рим

Битва римлян с варварами. Саркофаг Людовизи. III в. Рим

«Судьба Востока вновь затрубила в страшную трубу, возвещая об ужасных опасностях».

Военная анархия торжествовала на просторах империи. Солдаты, требуя все новых и новых подачек, с губительным упоением возводили на императорский трон своих ставленников и с не меньшим энтузиазмом низвергали своих недавних кумиров, беспощадно их убивая. Однако находилось немало жаждущих заплатить багрянцем своей и чужой крови за пурпур императорской мантии. Никакая цена власти не казалась чрезмерной. За 50 лет, с 235 по 284 г., сменилось более двух десятков императоров, и почти всех из них ждала насильственная смерть.

Армия, ставшая, в сущности, политическим хозяином империи, сильно изменилась по своему составу. В ней преобладали романизированные варвары, для которых римская слава и римская доблесть звучали пустыми словами, а римская дисциплина считалась тяжким наказанием. Немногие из «солдатских» императоров, вроде Постума или Аврелиана, решались настаивать на поддержании римских традиций в армии, но за это им приходилось расплачиваться непопулярностью. Зависимость от настроений армии послужила одной из причин неустойчивости правления «солдатских» императоров. Их чередά началась с Максимиана Фракийца, провозглашенного императором легионами, стоявшими в районе Майнца на Рейне. Максимиан Фракиец воплотил в себе новый тип римского императора – солдатского, обязанного своей властью армии и вынужденного в своей внутренней и внешней политике руководствоваться ее интересами. Сын фракийского крестьянина, он прошел путь от простого солдата-кавалериста до префекта Месопотамии, а затем командующего римскими войсками в Паннонии и Иллирии. Максимиану удавалось сдерживать натиск варварских племен, за победы над германцами он даже получил почетный титул Германик.

Содержание армии и непрерывные военные экспедиции требовали огромных средств. Максимин изыскивал их, грабя казну римских городов, конфискуя имущество богатых людей. О страхе римлян перед конфискациями свидетельствует большое количество кладов, относящихся к тому времени и обнаруженных археологами. В Африке вспыхнуло восстание против Максимиана, императором был провозглашен Гордиан, бывший проконсулом Африки. Он тут же объявил августом своего сына Гордиана II. Следует отметить, что ненависть между Максиминианом и римской знатью была взаимной. В качестве императора Максимин ни разу не появился в Риме. Такая ситуация и пренебрежительное отношение к Риму характерны для большинства «солдатских» императоров. Сторонники Максимиана в Риме подверглись уничтожению. Римский сенат поддержал Гордианов, но в Африке разразилась война, инспирированная наместником Нумидии. Оба Гордиана погибли. Сенат выдвинул своих «сенатских» императоров – Пупиена и Бальбина. Эти императоры в союзе с Гордианом III вступили в Рим. Начались столкновения между солдатами новых императоров и жителями Рима, часть города выгорела. В этих волнениях Пупиен и Бальбин были убиты преторианцами. Гордиана III поддержали армия и сенат. Он подавил мятеж в Северной Африке, начал военные действия в Сирии и Месопотамии. Задержки с продовольственными поставками в армию вызвали недовольство солдат, и они убили Гордиана III.

Императором был провозглашен префект преторианцев, сын арабского шейха Филипп Араб (244–249 гг.). Впервые на троне римских цезарей оказался выходец из аравийской глубинки, опиравшийся не только на армию, но и на многочисленную аравийскую родню и соплеменников. Филипп Араб, однако, не демонстрировал своей «чужеродности» по отношению к Риму. Он искал поддержки сената и даже организовал в апреле 248 г. празднование тысячелетия Рима. Официальная пропаганда с небывалой громогласностью воспевала «Вечный Рим», «непобедимых императоров», «римскую свободу», согласие, мир, изобилие, в то время как в реальности римская держава находилась на грани распада, а ее население страдало от налогов, чиновничьих и солдатских притеснений.

Филиппу Арабу удалось заключить компромиссный мир с Сасанидской Персией, сохранив власть над Месопотамией и Малой Арменией, он добился некоторых успехов в отражении варварских племен на Дунае. В год празднования тысячелетия Рима готы взломали римский лимес, вторглись в Мёзию и Фракию. Римские легионы, воевавшие в Мёзии, провозгласили императором выходца из своих рядов. Филипп Араб послал на место событий сенатора Деция Траяна, который стал верховным главнокомандующим в Паннонии и Мёзии. Ко времени прибытия Деция солдаты уже успели убить своего недавнего выдвиженца. Восторженно встретив Деция, римские войска провозгласили его императором. Филипп Араб выступил со своей армией против Деция, но погиб.

В противоположность Филиппу Арабу Деций (249–251 гг.) был для Рима «своим». Он намеревался вернуться к истинно римским ценностям, восстановить римскую религию и обычаи. Он издал эдикт, требовавший от каждого жителя империи принесения жертв римским богам. Этот эдикт спровоцировал гонения на христиан, отказывавшихся приносить жертвы языческим

богам. Военные действия Деция против готов вначале были успешными. Однако в 251 г. в Добрудже готы нанесли римлянам сокрушительное поражение, в битве с ними пал и император.

После гибели Деция престол занимали несколько императоров, которым пришлось столкнуться с новой страшной угрозой – на Востоке набирала силу персидская держава Сасанидов, образовавшаяся на месте эллинистического Парфянского царства. Сасанидам удалось за короткий срок сплотить разноязыкую полиэтническую империю. Была создана жесткая, по типу ахеменидской, система власти с хорошо работавшим центральным аппаратом. Восстановлены и жестко закреплены сословия, социальное устройство империи имело иерархическую структуру. Расслоение сельской общины привело к появлению зажиточного слоя крестьянства, составлявшего управляющий слой общины. К этой верхушке по статусу приближались воины-азаты, которые образовывали наиболее массовую, но и наименее привилегированную часть воинского сословия. Постоянных воинских сил в Сасанидском Иране не имелось. Но собиравшееся по мере военной надобности войско постепенно превращалось в дееспособную армию. Ополчение азатов и вспомогательные части пехоты, набранные из крестьян, создавали ее массовость. Ударными же частями служила конница знати, тяжелая кавалерия, которой командовал сам правитель, носивший титул «царь царей, царь Ирана и не-Ирана».

Провозгласив себя наследниками Ахеменидов, сасанидские правители стремились вернуть себе их владения. В 252 г. сасанидские войска возобновили военные действия в Месопотамии и Сирии.

Триумфальная надпись на персидском, парфянском и греческом языках иранского царя Шапура I (243–273 гг.) гласит, что он трижды одерживал победу над Римом. После сражения у Эдессы в Месопотамии персами были взяты в плен римский император Валериан, его военачальники и сенаторы. Их как рабов заставили строить плотину и мост. Шапур, садясь на коня, ногой опирался на спину Валериана. Рим был унижен, он потерял свои владения на Ближнем Востоке.

Сын и соправитель Валериана Галлиен (253–268 гг.) не попытался вызволить отца из позорного плена, как будто забыв о его существовании. При Галлиене положение империи не улучшилось, несмотря на его неоднократные попытки укрепить дисциплину в армии и восстановить авторитет государственных структур. В административной и военной сферах он предпринял шаги, повлиявшие на ситуацию в государстве. Сенаторы лишались прав управления в тех провинциях, где находились римские войска. Легаты, назначаемые императором в качестве командующих легионами, теперь выдвигались не из числа сенаторов, но из всадников. Это привело к тому, что сенаторы стали замыкаться в латифундиях, уступив административное поприще и военное командование всадничеству, и более того – нередко представлятелям низших слоев.

Галлиену удалось на какое-то время приостановить наступление на римскую границу франков и аламаннов. Однако вскоре ситуация приняла угрожающий характер. Даже «своя» Галлия, связанная с Римом давними и очень тесными узами, в 258 г. объявила себя независимой Галльской империей, за нею последовали Испания и Британия. Многие регионы державы стремились к независимости от Рима, провозглашали своих собственных правителей и

нарекали их императорами. Некоторые из этих дорвавшихся до императорской власти людей были настолько малоизвестны, что о них не сохранилось сведений в исторических источниках, а в историю они вошли как «тридцать тиранов».

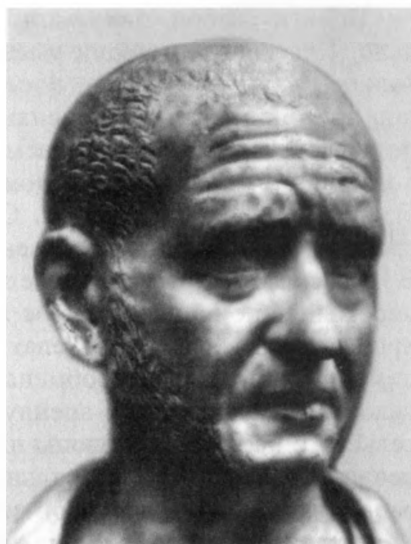
Пальмира – древний город в Северо-Восточной Сирии, расцветший благодаря посредничеству в торговле между Востоком и Западом. От императора Каракаллы он получил статус римской колонии. Правитель Пальмиры Оденат расширил свои владения. После его гибели вдова Одената Зенобия, воспользовавшись ослаблением Римской империи, объявила в 267 г. о независимости Пальмиры и в течение нескольких лет захватила часть Месопотамии и Сирии, Аравию и Египет. Пальмира стала метрополией Востока. Город украсился великолепными зданиями, храмами, его улицы были защищены изящными портиками от палящего солнца пустыни.

Пальмира преобразилась в один из притягательных культурных центров того времени. Сюда стремились поэты, ученые, художники, скульпторы, образовывая своеобразный «сад талантов», питавшийся эллинистическими, восточными и римскими традициями. Имя Пальмиры как прекраснейшего города и питомника муз стало нарицательным. Ведь и через много веков российский Петербург называли «Северной Пальмирой».

Царица Пальмиры, Зенобия воевала против Рима, однако ее войска были разбиты императором Аврелианом в 272 г. Он провел ее в числе других пленников по улицам Рима в своем триумфе. И хотя руки и ноги ее сковывали золотые цепи, Зенобия производила впечатление царственного достоинства и несломленности.

В римской империи к страшным бедствиям, вызванным непрекращавшимися войнами, добавились и другие несчастья. Произошли землетрясения в азиатских провинциях, в Ливии и в самом Риме. Тучи пыли на несколько дней затмевали солнце, а земля покрывалась мраком. Один из римских историков сообщает: «Были слышны раскаты грома, но это гремел не Юпитер, а грохотала земля. Во время этих землетрясений было поглощено много строений с их обитателями, многие умерли от страха {...} Во многих местах в земле образовались расщелины, причем в трещинах появилась соленая вода. Много городов было затоплено морем». К этому еще добавилась эпидемия чумы, моровая язва опустошала римский мир.

Провинции, провозглашая независимость от центральной власти, сражались из-за границ и устанавливали собственные пограничные кордоны. Сепаратизм носил не только политический, но и экономический характер. Прервались связи между областями провинций, более того, местные власти вследствие недостатка продуктов питания и угрозы голода даже запрещали вывозить их для торговли и обмена за пределы своих территорий, устанавливали специальные таможи.

Деций. Мрамор. III в. Рим. Палаццо Консерватори

Войны, разбой, эпидемии, стихийные бедствия и голод сделали свое дело. Население империи уменьшилось. Крестьяне, не имея достаточного количества орудий труда, посевного и посадочного материала и находясь под постоянной угрозой насильственной конфискации плодов своего труда, резко сократили обрабатываемые площади. Многие земли пустовали. Голод стал истинным господином в Римской империи. Богатые люди тоже не были достаточно защищены. Самым надежным казалось вкладывать свои средства в земельную собственность, которую было труднее всего отнять. В III в. складываются крупные земельные латифундии-поместья, все больше переходившие на натуральное хозяйство. Они стремились все необходимое производить в своих пределах и обеспечивать себя, почти не прибегая к помощи рынка и товарообмена. Владельцы этих поместий все шире практиковали сдачу земли в аренду колонам, представлявшим зависимый слой сельского населения. Колоны платили землевладельцу деньги за аренду или несли определенные натуральные повинности, например должны были обрабатывать часть господской земли или отдавать определенную часть урожая. Однако колонов тоже не хватало для обработки земель в латифундиях, поэтому и в крупных хозяйствах земли нередко пустовали. Землевладельцы были заинтересованы во все более жестком прикреплении колонов к своим поместьям и для этого окружали себя военизированными отрядами, укрепляли виллы, возводили вокруг них массивные стены.

На местах право сменилось произволом. Больше не действовали единые законы. Сила стала главным доводом в любых спорах и тяжбах. Это была не только военная сила, но и сила денег. А деньги обесценивались, поэтому их требовалось больше и больше. К середине III в. в монете практически не осталось серебра: медные монеты покрывались слоем серебра столь тонким, что он оставался на пальцах подобно пылице бабочек. Почти исчезло из обращения золото, которое прятали в тайниках предприимчивые люди, чтобы воспользоваться им при стабилизации положения.

Инфляция росла быстрыми темпами. Цены взлетали все выше и выше, делая недоступными для большинства населения империи самые простые продукты питания, одежду, предметы быта. Нищали люди, селения и города. Почти прекратилось строительство, разрушались прославленные римские дороги. Опустели форумы, театры и цирки, богатые жители покидали города, за ними тянулся и плебс.

Желая поправить финансовое положение, императоры и местные магистраты придумывали все новые и новые налоги, но это не давало положительных результатов. Многие бежали от тяжелого налогового гнета и притеснений. По дорогам империи бродили группы лишившихся жилищ оборванных людей. Беженцы нередко сбивались в ватаги, занимавшиеся разбоем.

Никто не хотел работать – ни рабы, ни крестьяне, ни ремесленники. Городские магистраты и управители не выполняли своих функций. Плебс бунтовал и требовал уже не столько зрелищ, сколько хлеба. Человеческая жизнь потеряла всякую цену, а «римская свобода» – всякие гарантии. Уже не шла речь о гражданских доблестях, – теперь главное было выжить. Некоторые авторы предлагали «рецепты выживания»: следовало быть экономным, беречь силы, заботиться о здоровье, не жертвовать тем, что имеешь, ради

неведомого, не витать в облаках, а изучать полезное ремесло, организовать свое доходное дело или заняться перепродажей.

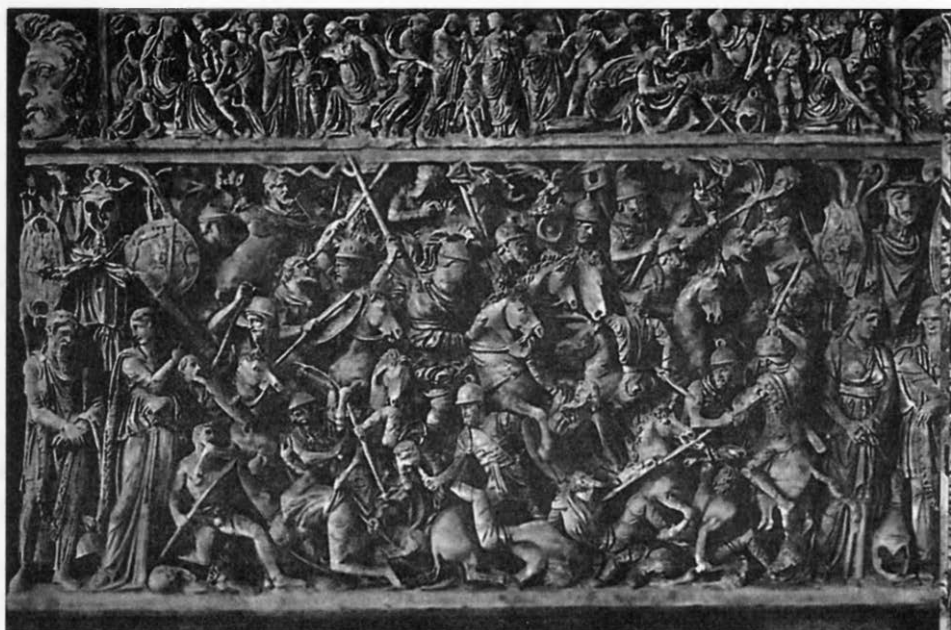
Кризис государства и общества приводил к крайней психологической и духовной напряженности. Люди уже не верили в покровительство римских богов. Дичайшие суеверия захлестывали Рим. В философии доминировали либо холодное надмирное умствование неоплатоников, либо пессимистическое осуждение земной жизни.

Все это не могло не привести к возникновению различных форм протеста, бунтам и мятежам. Было бы неверным думать, что восставала только беднейшая часть населения. Так, вспыхнувшее в Северной Африке в период правления императора Максимиана восстание крупных землевладельцев Гордианов в 238 г. привлекло и богатых людей, и ростовщиков, и крестьян. В нем приняли участие и рабы. Это восстание имело разнообразные цели, главной из которых являлась замена «бешеного» императора Максимиана умеренным и «справедливым» Гордианом. Восставшие также уповали на возрождение римских законов, а крестьяне – на облегчение налогового бремени и получение земли.

В правление Галлиена в Сицилии вспыхнуло восстание, которое римские историки называли «почти рабской войной». Но самые крупные волнения начались в Галлии. Здесь сформировались движение «багаудов» (мятежных). В основном это были крестьяне, колонны, рабы, доведенные до отчаяния притеснениями землевладельцев, разбоем войск и непосильным трудом. Историк Сальвиан не зря вопрошал, обращаясь к римлянам: «Что иное породило багаудов, как не ваша несправедливость и бесчестность правителей, их разбои и грабежи?» Багауды избрали из своей среды «народных императоров». Более полутора веков мятежники вели вооруженную борьбу против Рима. Ее не могли остановить ни жестокие расправы, учиняемые время от времени имперскими войсками, ни убийства руководителей восставших, ни массовые пытки. В V в. движение багаудов приняло еще более широкий размах, перебросившись из Галлии в Испанию. Оно в немалой степени способствовало расшатыванию Римской империи и ее падению.

Скатывание империи в пропасть удалось задержать на несколько лет императору Аврелиану, правившему в 270–275 гг. Он происходил из простой семьи, возможно, даже из семьи колона, что не помешало ему сделать головокружительную военную карьеру, стать начальником конницы. Провозглашенный солдатами дунайских легионов императором, Аврелиан одержал победы над вандалами, сарматами и готами и на время отеснил их за дунайский лимес. Однако у него не нашлось достаточных военных сил, чтобы долго удерживать такое положение, и он вынужден был уступить готам Дакию, заключив с ними в 271 г. мир. Нашествие аламаннов Аврелиан остановил у города Павии в Северной Италии, который через три века станет столицей других варваров – лангобардов. Аврелиан первым из римских императоров со всей очевидностью осознал, что варвары могут угрожать и непосредственно Риму. Он приказал воздвигнуть вокруг города мощную стену – Аврелианов вал.

За Аврелианом закрепились слава мужественного, справедливого и мудрого императора. Показателен случай, происшедший при осаде г. Тианы. Разгневанный сопротивлением тианцев Аврелиан воскликнул: «Собаки живой

Битва с варварами. Рельеф саркофага. Рим

не оставлю в этом городе!» Однако, когда город был взят, победитель принял два решения, «из которых одно показывает его строгость, — как отмечал римский историк, — а другое — мягкость». Мудрый император велел казнить предателя, открывшего римлянам ворота города, а на требование солдат выполнить свою угрозу и покарать жителей Тианы отдал приказ убить всех собак, запретив трогать людей, чем снискал их благодарность.

Этот император предпринял героические усилия для восстановления единства империи. Он одержал победу над Пальмирой, вернул Риму Сирию, некоторые восточные области и Египет, а также восстановил власть Рима в Галлии, Испании и на других территориях. За это Аврелиан был награжден титулом «Восстановителя империи».

Аврелиан провел ряд реформ, направленных на восстановление и внутреннего единства римского государства. Он попытался отойти от системы принципата и первым из римских императоров повелел называть себя «господином и богом», подчеркивая тем самым абсолютный и божественный характер своей власти. На людях Аврелиан появлялся в сияющем венце и роскошных восточных одеждах, уподоблявших его божеству. О том, что это представляло собой элемент нового церемониала, преследующего определенные политические цели, а не признак императорской любви к роскоши, свидетельствует хотя бы тот факт, что в обыденной жизни Аврелиан был очень неприхотлив, носил простую одежду. Даже своей жене он разрешал иметь только один шелковый плащ.

Объединению империи долженствовала способствовать и религиозная реформа, вводившая общий для всех культ Непобедимого Солнца — божественного покровителя императора и империи. Этот культ должен был венчать

традиционную римскую религиозную систему, которую Аврелиан также пытался очистить и восстановить.

Аврелиан, желая привести в порядок финансы империи, повелел остановить порчу монеты. Однако это не встретило понимания у тех, кто чеканил деньги – у ремесленников, работавших на монетном дворе. Монетарии восстали, к ним присоединился плебс, волнения быстро распространялись. Гнев восставших обратился против императорских войск, направленных на подавление восстания. Было убито около 7 тыс. солдат.

В 275 г. обстановка на Востоке снова осложнилась, и Аврелиан выступил в поход, во время которого был убит заговорщиками. Армия, казалось, «устала» выдвигать императоров и после гибели Аврелиана уступила это право сенату, который избрал императором дряхлого сенатора Тацита. Через год Тацит был убит солдатами. После него солдаты сделали императором сначала Проба, а затем Кара (в 282–283 гг.). Проба убили солдаты, а Кар был сражен молнией. Римляне сочли, что сам громовержец Юпитер устал от кровавой вакханалии и низверг карающую молнию на голову незадачливого владыки римлян. Но и гнев отца богов не прекратил борьбу за власть, разгоревшуюся после гибели Кара с новой силой.

Кризис III века носил системный характер, он предвосхищал уже не слишком далекое крушение Западной Римской империи. Причины его историки усматривали в разрушении рабовладельческого уклада, в падении производительности рабского труда; в том, что богатство концентрировалось в имперском центре, а это ослабляло провинции; что потребности господствующего класса не соответствовали формам эксплуатации свободного населения; что пришла в упадок традиционная политика полисного управления и т.д. Все эти причины приемлемы для объяснения кризиса, но к ним можно добавить еще много равноправных.

Очевидно, что кризис III века это прежде всего кризис системы власти, «диархии» (двоевластия) императора и сената, характерных для принципата. Обрушилась преемственность власти на вершине империи, исчезли династии, хотя и возникали попытки основать их, но они оставались безуспешными. Слабость центральной власти транслировалась и на места, империя рассыпалась.

«Солдатские» императоры были заняты пресечением бесконечных узурпаций, возвращением отпадавших частей империи. Исчезли важнейшие основания легитимации императорской власти: утверждение величия Рима, его торжества над многими землями и народами; способность сохранить единство «круга земель», политическую и социальную стабильность; успешная оборона границ империи. Пошатнулась и религиозная легитимация империи. Введение культа Непобедимого Солнца не дало желаемых результатов, накал религиозных распри среди населения империи приобретал угрожающие размеры. По сравнению с эпохой принципата изменилась социальная структура общества. Кардинальные преобразования произошли в имперской правящей элите. Были уничтожены или отошли в тень многие аристократические семейства, в течение двух предшествующих веков игравшие заметную политическую роль, утратило свои позиции сенаторское сословие, на первый план выдвигались представители всадничества.

На политическом и военном поприще стали доминировать новые ведущие группы, имевшие военное и региональное происхождение и не отличавшиеся устойчивостью. Государство не в состоянии оказалось обеспечить безопасность своих подданных, катастрофическим было экономическое положение страны. Права отдельного человека в империи, даже его жизнь не были ничем защищены. Это приводило к разрушению идентификации человека через государство, что было очень важно в предшествующие периоды римской истории. В людях нарастало внутреннее отмежевание от государства, стремление избавиться от всех связей с ним и от общественных обязанностей. Такой отход от государства и социума стал благодатной почвой для погружения людей в религию, магию, для замыкания их в частную жизнь. Измученное кровавой военной анархией, бесконечной сменой правителей, неустойчивостью собственного бытия, население империи жаждало безопасности и стабильной власти.

ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ

В 284 г. в Никомедии легионы провозгласили императором Диоклетиана (284–305 гг.). Уроженец Далмации, сын вольноотпущенника, он сделал блестящую военную карьеру. Диоклетиан щедро расплатился с солдатами, приведшими его к престолу, но военным триумфом и пиршеством свою деятельность не закончил, как некоторые из его предшественников. С его приходом появились первые признаки стабилизации, а затем и улучшения положения в стране.

Важнейшей задачей, стоявшей перед Диоклетианом, было обеспечение устойчивости границ империи, пресечение военных действий на ее внутреннем пространстве, прежде всего в районе Верхней Германии, Реции и Галлии, а также в ближневосточных провинциях. Понимая, что с этим ему одному не справиться, Диоклетиан принял решение, неординарное для человека, как казалось, стремившегося к единоличной власти, но в то же время опиравшееся на властную традицию принципата. Диоклетиан в 285 г. сделал соправителем своего боевого соратника Максимиана, поручив ему командование в военных действиях в галло-германском регионе.

Затем двойственное разделение власти подверглось усложнению. Диоклетиан и Максимиан провозглашались «августами», которые с правовых позиций определялись как практически равные, хотя в реальности Диоклетиан в этой связке обладал неоспоримым приоритетом. В марте 293 г. к двум августам были присоединены еще два «цезаря», «усыновленные» августами, которых они должны были по указу через двадцать лет сменить. Поражает уверенность Диоклетиана в устойчивости создаваемой им системы власти и возможности выполнения политических обещаний. Забегая вперед, следует отметить, что Диоклетиан оказался в этом отношении уникальным правителем. Через двадцать лет 1 мая 305 г. он отказался от казавшихся безграничными собственных властных полномочий и покинул императорский трон, оставив современникам и потомкам повод удивляться и судить о причинах своего поступка.

Итак, на вершине империи образовалась «тетрархия» – власть четырех. Цезарями стали: на Западе – Констанций Хлор, отец будущего императора Константина, на Востоке – Галерий. Тетрархия укреплялась и семейными узами: Галерий женился на дочери Диоклетиана, а Констанций Хлор стал зятем Максимиана. Впрочем, устойчивость тетрархии придавала не семейственность, а воля и авторитет Диоклетиана.

Система тетрархии была создана для того, чтобы предотвратить возможность узурпации по всей территории империи. Каждый из членов тетрархии отвечал за ее определенную часть: Максимиан – за Италию, Испанию и Африку, Констанций Хлор – за Галлию и Британию. Себе Диоклетиан предназначил Ближний Восток, сделав его столицей Никомедию. Галерию достался Дунайский регион. Августы сохранили право вмешиваться в дела цезарей.

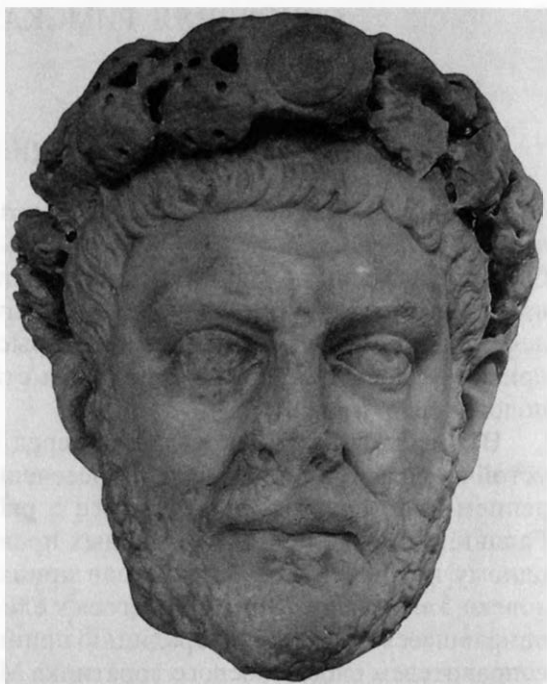
А Диоклетиан был беспрекословно признанной главенствующей фигурой тетрархии. За двадцать лет этот механизм власти практически не дал сбоев.

На первый взгляд тетрархия может восприниматься как некий «коллективный» император. Каждый из ее членов имел полноту власти в своей части империи. Законы и указы издавались от имени всех августов и цезарей, их изображения были обязательны при всех императорских жертвоприношениях. Тем не менее период тетрархии вошел в историю как время установления режима единодержавия в империи, больше тяготевшего к ориентализированным формам манифестации власти, чем к предшествующей римской политической традиции.

Диоклетиан был провозглашен «господином и богом» (*dominus et deus*), а сам режим впоследствии стали называть *доминатом*. В таком обращении к императору не было чего-то необычного, оно встречалось и в эпоху принципата. Однако при Диоклетиане оно наполнилось новым содержанием. Диоклетиану удалось подавить «человеческие аспекты» тетрархии, превратив ее в жесткую идеолого-административную систему, по существу обезличенную. Члены тетрархии были частями этой системы, почти деперсонифицированными «четырьмя силами, едиными в управлении государством», как они названы в «Истории августов». Это отразилось и на официальных групповых изображениях тетрархов, в которых индивидуальные черты «стерты».

Истинным повелителем и движителем тетрархии и империи был Диоклетиан. При нем «обожествление» императора, вообще-то характерное для римской традиции, приобрело восточную пышность и ритуальную сложность. Диоклетиан почитался как олицетворение царя богов Юпитера, получив титул Йовий, Максимиан – как Геркулий, прямое продолжение Геркулеса. Императорское облачение, ослепляющее драгоценными камнями и золотом, дополнялось лучистым обручем вокруг головы. Ритуал требовал коленопреклонения перед императором и целования края его одеяния. Были введены новые обращения к императору: «Ваша святость», «Ваша светлость», «Ваша вечность».

Диоклетиана иногда называют «гением бюрократии». При нем разросся чиновничий аппарат империи. Все чиновники и те, кто находился на службе у империи, делились на множество разрядов, образовавших детальную чиновничью иерархию, закрепленную законодательно. Каждому разряду

Диоклетиан. Фрагмент статуи. Мрамор. IV в. Стамбул. Археологический музей

Термы Диоклетиана. III в. Рим. Современный вид

соответствовал определенный социальный статус, оплата, обращение и т.п. Такие обращения как «Ваше сиятельство», «Ваше превосходительство» и т.п. закрепились именно при нем. Диоклетиан попытался регламентировать деятельность чиновничества специальными законами, кодифицировать право, реформировать систему судопроизводства. При нем было выпущено огромное число указов и постановлений, но, как это часто бывает, они вступали в противоречие друг с другом. Более того, само обилие указов и регламентаций, помноженное на огромное число тех, кому надлежало проводить их в жизнь, препятствовало их исполнению. Это особенно проявилось после ухода Диоклетиана, сдерживавшего этот процесс своим авторитетом и системой «наблюдения» за чиновниками. Диоклетиан решительными мерами стремился искоренить коррупцию среди чиновничества. Наказания для провинившихся были суровыми – от отстранения от должности до полной конфискации имущества и казни.

Изменилось административное устройство империи. Она теперь включала четыре префектуры, которые были поделены на 12 диоцезов и сто относительно небольших провинций, упразднялось деление провинций на сенаторские и императорские. Такая детализация административного деления должна была препятствовать сепаратистским тенденциям внутри империи.

На протяжении всего правления тетрархии сохранялся приоритет решения военных задач. Продолжались войны на Нижнем Дунае с сарматами и германцами, необходимо было «успокоить» Галлию и Британию. Требовала реорганизации охрана границ на Ближнем Востоке в противостоянии с Сасанидами. Дважды пришлось подавлять восстания в Египте.

Функционирование империи не утратило военизированного характера. Диоклетиан провел военную реформу. Он лишил наместников провинций военных полномочий, что закрывало им путь к узурпации императорской власти. Было покончено с невыплатой жалования. Возродилось почтительное отношение к ветеранам. Диоклетиан продолжил практику Септимия Севера создавать военные поселения, в которых воины и ветераны наделялись землей и орудиями ее обработки.

В армии появились мобильные подразделения «быстрого реагирования», в чьи задачи входила немедленная ликвидация прорыва лимеса со стороны наступающих извне. Были созданы два новых легиона, Юпитера и Геркулеса (названы в честь божественных покровителей августа), – специальный императорский военный резерв. Численный состав армии достиг миллиона человек, что становилось непосильным бременем для государства. За счет притока в армию варваров она все более утрачивала римский характер.

Для проведения преобразований и стабилизации положения в империи требовались средства. Одним из главных источников пополнения имперской казны являлись налоги. Была упорядочена цензуальная форма налогов, предполагавшая регулярную (раз в 15 лет) перепись всего населения с учетом имущественного и социального положения. Сбор налогов поручался особым чиновникам-декурионам. Стала регулярно взиматься особая подать (преимущественно в натуральной форме) с каждого земельного надела. Казна пополнялась и за счет неординарных налогов, большей частью собиравшихся с обеспеченных людей.

Во времена «солдатских» императоров инфляция приобрела устрашающие размеры. К тому же ходившие монеты не соответствовали своей номинальной стоимости, появилась масса фальшивых денег. При Диоклетиане расширилась добыча золота и серебра, восстанавливались рудники. Были выпущены полноценные золотая и серебряная монеты, а также медные деньги новой чеканки. В целях ограничения инфляции Диоклетиан в 301 г. издал закон, устанавливающий предельные цены на хлеб, продукты питания и предметы роскоши. Одновременно регламентировалась плата за службу чиновникам, всем, кто находился на государственных должностях, а также людям интеллектуальных профессий. «Эдикт о ценах» оказался в числе самых неэффективных.

Подданных, однако, надо было и защитить, и накормить. И, как во все времена, ключевую роль в этом играл вопрос о земле. Богатство Рима создавалось не только и даже, может быть, не столько трудом рабов, сколько трудом крестьян–мелких землевладельцев и арендаторов. При Диоклетиане развернулся процесс наделения крестьян землей, однако при этом крестьяне (колоны), по существу, прикреплялись к ней. Колоны, «сидевшие на земле», вносились в ценз и приписывались к определенному месту, имению, селу или общине. Они не могли свободно оставлять свой участок и покидать обрабатываемую землю. Окончательно колоны были прикреплены к земле при императоре Константине, когда было разрешено продавать не только рабов, но и колонов – обязательно с землей.

Крестьяне, оставшиеся свободными, получили возможность дополнительно приобретать землю. Они объединялись в товарищества (консорции), члены которых совместно владели землей, могли совместно уплачивать

налоги, выставлять определенное число рекрутов, помогали друг другу в обработке земли и на сельскохозяйственных работах. При Диоклетиане был издан ряд эдиктов, защищавших крестьян от насилия крупных землевладельцев и разбойников.

Такая политика на некоторое время улучшила положение в государстве: уже не свирепствовал голод, пошли на спад эпидемии.

В то же время богатели крупные землевладельцы, они становились настоящими магнатами, владевшими обширными территориями, богатейшими виллами и угодьями. Их имения превращались в центры производства сельскохозяйственной и ремесленной продукции, в самообеспечивающиеся хозяйственные организмы, в которых уже угадывается прообраз средневековых феодальных владений с укрепленными замками, частными воинскими отрядами. После отречения Диоклетиана императорская власть ослабевает, и эти укрепленные владения земельной аристократии становятся опасными очагами сепаратизма, особенно в западной части империи. Возрождаемая мощь государства нашла отражение в подъеме строительства. Рим и новые резиденции императора Никомедия, Милан, Трир, Фессалоники, украшались помпезными сооружениями. В Риме было воздвигнуто на Форуме новое здание сената, сохранившееся до нашего времени, сооружены грандиозные термы Диоклетиана. В Фессалониках поднялись великолепная базилика и новый императорский дворец. В Салоне (современный Сплит), на родине августа, был построен монументальный дворец, в котором воплотилось то же стремление к жесткой «правильности», что и в государственной политике Диоклетиана.

Последние годы его правления были омрачены гонениями на христиан. Император, по-видимому, видел в христианстве силу, противостоявшую римскому миропорядку и его усилиям по возрождению Римской империи. В эдикте 297 г. провозглашалось: «Величайшее преступление – отречься от того, что было определено и утверждено древними». Из этого вытекало, что «старая религия не может быть осуждена новой». Кроме того, добиваясь лояльности от армии и чиновничества, император не мог не замечать распространения среди них нового учения. В начале 303 г. был издан указ, запрещавший исповедовать христианскую веру на территории империи. Во время диоклетиановых гонений пошли на казнь тысячи приверженцев Христа. Церковь затем канонизировала новых святых мучеников.

Отрекшись от власти, Диоклетиан еще более десяти лет прожил в своем дворце в Сплите. Он отверг попытки своих недавних соправителей вернуть его на трон, предпочтя императорскому величию жизнь частного человека.

Реформы Диоклетиана носили системный, всеохватывающий характер. Они имели жесткую бюрократическую форму, но в основе своей были нацелены на решение конкретных задач. Они представляли собой прежде всего антикризисные меры, с помощью которых тетрархия стремилась преодолеть распад империи, активизировать государство, снова сделать боеспособной армию, наконец просто обеспечить выживание населения. Идеология реформ отчасти выглядела как реставрационно римская, на деле же на всех уровнях функционирования государства и реформирования находилась в контрасте с римскими традициями эпохи принципата. Даже само взаимодействие правителей внутри тетрархии при видимости коллективности нарушало прин-

ципы высшей римской магистратуры, ее коллегиальность, ограниченный круг полномочий и срок их действия. На поверхности неримский характер системы тетрархии ярко проявился уже в том, что Рим–Вечный город утратил не только свои столичные функции, но и историческую легитимацию в качестве центра и сакрального средоточия империи. Будучи императором, Диоклетиан ни разу не появился в Риме, на Западе столичные функции перешли к Медиолану (Милану).

После ухода Диоклетиана тетрархия не выдержала испытания, между ее членами началась борьба за власть. В этой борьбе вскоре на первый план выдвинулся Константин, сын Констанция Хлора и его первой жены христианки Елены, с которой цезарь расстался по приказу Диоклетиана. Константин был провозглашен цезарем легионами Британии, что нарушило порядок формирования второй тетрархии. Максимиану Геркулию пришлось признать свершившийся факт и выдать за Константина свою дочь Фаусту. Константин сначала был больше занят войной с франками и аламанными. Однако вскоре ситуация обострилась, и Константин решительно вмешался в выяснение отношений между претендентами на императорский трон.

В 312 г. он разгромил Максенция, сына Максимиана, и захватил Рим. Перед этим сражением, как сообщает биограф Константина Евсевий Кесарийский, Константин увидел в небе лучезарный крест и надпись «Сим победишь». Это легендарное событие, как полагают христианские авторы, предопределило поворот Константина к христианству. В 313 г. Константин и его соправитель Лициний издали Миланский эдикт, разрешавший свободное исповедание христианства в империи. Вскоре вспыхнули противоречия между Константином и Лицинием, борьба между ними отличалась кровопролитностью и лишь в 325 г., после казни соперника, Константин стал единовластным правителем Римской империи.

Хотя продолжали назначаться цезари и префекты из числа сыновей и ближайших родственников Константина, режим его власти представлял собой последовательное единовластие. Это нашло отражение в новом образе императора и императорском ритуале. Константин усилил греческие и восточные элементы репрезентации власти, заимствованные от Диоклетиана и предназначенные для того, чтобы великолепием и блеском подчеркнуть недостижимость правителя империи. Константин облачился в золотые доспехи, а с 326 г. его голову стала увенчивать великолепная диадема – эллинистический символ власти абсолютного монарха. Он также стремился инкорпорировать в облик власти римский культ императора, сочетая его с развитием образа христианского правителя (что далеко не всегда выглядело органично). Придворный церемониал при Константине приобрел великолепие, превосходившее пышность времен Диоклетиана. Возвеличиванию императора служили и сооружение огромных статуй и прославлявшие императора изображения на монетах и специальных медальонах.

Константин продолжил государственные преобразования предшественника. Еще более разросся и дифференцировался административный аппарат. Константин окончательно отделил гражданскую власть от военной: префекты претория отныне стали гражданскими администраторами, а армией командовали магистры войска. Император и его чиновники сочли необходимым, чтобы жители империи прикреплялись к месту своего рождения. Это

касалось сословий городского населения: куриалов, ремесленников, колонов. Каждому предписывалось навсегда оставаться в том социальном статусе, которым он обладал изначально. От этого не освобождали даже повышение по службе и обогащение. При Константине Римская империя обрела христианский облик, и то был величайший переворот не только в ее истории, но и в исторической перспективе мирового развития.

С правления Константина принято начинать и историю Византии. Властитель не любил Рим, как и его предшественник. Он основал новую столицу на месте древней мегарской колонии Византий. Новая столица, по замыслу императора, должна была затмить Рим. 11 мая 330 г. Новый Рим (вскоре его стали называть Константинополем) был освящен. В обряде приняли участие христианские епископы и римские жреческие коллегии, что явилось следствием компромиссной политики Константина.

Константин. Фрагмент статуи. Мрамор. IV в. Рим

Константинополь очень быстро превратился в огромный город. Он господствовал над Черным морем и Восточным Средиземноморьем, стал мостом между Азией и Европой. В центре Константинополя был сооружен форум в форме эллипса. Его украшали две триумфальные арки, а в центре колонна из порфира, увенчанная статуей Непобедимого Солнца, а затем самого Константина и еще позже – императора Феодосия I. Особой красотой поражала главная улица города Меса (Средняя). Комплекс дворцовых сооружений, украшенных великолепными мозаиками, не имел себе равных. В столице был сооружен огромный ипподром, вмещавший десятки тысяч зрителей. Ипподром становился ареной не только состязаний, но и политических столкновений, борьбы партий, носивших названия по цвету одеяний возниц.

СОЮЗ ИМПЕРИИ И ХРИСТИАНСТВА

Торжество христианства связано с правлением императора Константина. В течение II и III вв. римские императоры преследовали христиан. Они также предпринимали безуспешные попытки затмить Бога, пришедшего в Рим из Иудеи, культом Непобедимого Солнца, возведя его в ранг государственного. Однако после отречения Диоклетиана и нескольких лет борьбы за власть

Монограмма Христа. Рельеф саркофага. Ок. 350 г. Ватикан

между его преемниками, как мы уже знаем, правителем Рима стал Константин. Его победа над Максенцием была приписана покровительству Христа, в то время как его противник оставался приверженцем Непобедимого Солнца и был разгромлен в 312 г. у Мильвиева моста возле Рима. Константин стал повелителем Запада.

В 313 г. Константин и его соправитель Лициний издали Миланский эдикт, даровавший всем христианам право свободно исповедовать свою религию. Константин стал покровительствовать христианству, хотя всю жизнь оставался язычником и был крещен только на смертном одре епископом-арианином.

Миланский эдикт открывал новую эпоху в распространении христианства и развитии церкви: происходило постепенное слияние христианства и государства, новая религия обретала реальную политическую силу в трансформирующейся системе власти. Церковь стала активно взаимодействовать

с властью, превращаясь на первых порах в ее опору, а затем и соперничая с империей.

Вскоре после опубликования Миланского эдикта Константину пришлось вмешаться в религиозные распри на Западе. Преследование христиан при Диоклетиане имело следствием, с одной стороны, экзальтированное почитание мучеников, а с другой – призыв некоторых священнослужителей не демонстрировать столь яростно свой религиозный пыл. Эти священнослужители подверглись осуждению другой части клира, которую возглавил епископ Донат. Донат потребовал лишить священнического сана «отступников» и даже их «перекрещения». Раскол в западной церкви получил название «донатизма». Противоборствующие стороны обратились к императору Константину, что само по себе показательно, так как урегулирование церковного раскола отдавалось на откуп государству; т.е. по сути церковь признавала над собой его главенство. Константин созвал три собора – в Риме, в Карфагене и в Арле. Решениями соборов вторичные крещения запрещались, а лишать сана было решено только тех епископов, вина которых доказана, однако свершенные ими церковные таинства сохраняли свою силу. Государство приняло сторону противников Доната. Епископ был осужден, у донатистов отобраны их церкви. Но успокоения не наступило, к донатистам присоединились «циркумцеллионы» («бродящие вокруг») – первоначально так называли себя бродячие аскеты, сборщики справедливости, но в то время уже увлекшие за собой обиженных и угнетенных, громивших богатые поместья и убивавших представителей власти. Волнения донатистов и циркумцеллионов подавили военными силами государства, тем не менее донатистская ересь не была изжита. Против нее позднее боролся святой Августин, отстаивавший объективное значение церкви и независимость действия благодати от святости священнослужителя.

В 323 г., победив Лициния, Константин обрел статус единоличного правителя империи. Добиваясь укрепления государства, восстановления единства различных его частей, прекращения волнений, возмущавших спокойствие возрожденной империи, Константин обратил особое внимание на то, чтобы предотвратить раскол церкви. Это было важно, так как христианская церковь все больше включала в сферу своих забот практически все аспекты жизни общества – от хозяйственной и политической жизни до спасения человеческих душ. В то же время сама она страдала от множества ересей. В этих условиях особое значение приобрела систематизация, выработка единой, четко сформулированной и всеохватывающей догматики – основных положений вероучения, признаваемых истинными и вечными божественными установлениями, обязательными для всех верующих.

Центральным религиозным и идейным конфликтом IV в. стали споры о Троице – определяющем догмате христианского вероучения. Христиане поклонялись единому Богу, который, однако, выступал в трех лицах (греч. «ипостасях») – Бога Отца, Бога Сына (Христа) и Бога Духа Святого. Троиединство – наиболее сложная для постижения идея христианства. И не случайно верующим было очень трудно понять, каким образом три лица объединяются в едином Боге. Появилось множество толкований этой богословской проблемы. Широкое распространение получило арианство.

Арий, пресвитер из Александрии, в 318 г. обнародовал свою интерпретацию триединства. Следует отметить, что в тот момент еще не было никакого единого официально признанного учения по этому вопросу. Арий утверждал, что Бог Сын не существовал до рождения, следовательно, он не совечен Отцу и является только подобосущным Ему, т.е. рожденным, и следовательно, стоящим ниже Отца. Так как в греческом языке слова «единосущный» и «подобосущный» отличаются только одной буквой, это теологическое противостояние получило название «спор об одной букве». Арий утверждал, что признание Сына «частью единосущного» означало умаление абсолютного совершенства Отца, представив его разделяемым и изменяемым.

Обладая неиссякаемой энергией, александрийский пресвитер вел энергичную пропаганду своих взглядов, перелагая их даже в песни и создав популярный сборник «Пир». Поскольку, на первый взгляд, утверждения о «рожденности» Сына представлялись более понятными массам, у Ария появилось много сторонников, в том числе и из известных деятелей церкви, например два Евсевия – епископ Никомедийский и епископ Кесарийский, отец церковной историографии.

Против Ария выступил александрийский епископ Александр, который справедливо усмотрел в утверждениях Ария угрозу христианству, так как «умаление» значения второй ипостаси Троицы – Бога Сына вело к отрицанию полноты божественной природы Христа. Таким образом, следование арианству могло породить вывод, что Христос не был как бы вполне Богом. Это, в свою очередь, нарушало монотеистический характер христианства и угрожало «понизить» его до политеистических культов.

Константин, сделавший ставку на христианство как на важнейший фактор единения внутри империи, не мог допустить дальнейшего обострения борьбы вокруг понимания Троицы. Хотя его не слишком волновали теологические проблемы, императора беспокоило то, что в богословские споры втянуто множество народа, особенно на Востоке империи. Это несомненно угрожало хрупкому «общественному равновесию», которого добивался Константин для осуществления политики укрепления своей власти. В 325 г. по инициативе императора в Никее созывается Вселенский собор, на котором он сам председательствовал, будучи еще язычником.

На собор прибыли по разным данным от 220 до 318 епископов, преимущественно с Востока. Римского епископа представляли два пресвитера. В бурных дискуссиях арианство было осуждено как ересь. Собор принял «Символ веры». Надо отметить, что Никейский «Символ веры» продолжил традицию краткого исповедания основ вероучения, берущую начало от Иисуса Христа и продолженную апостолами. «Символ веры» утверждал, что Иисус Христос не сотворен и единосущен Богу Отцу. Понадобилось еще более полувека уточнений и борьбы вокруг окончательных формулировок, и в 381 г. на Константинопольском (Цареградском) соборе был окончательно утвержден «Символ веры», который стал обязательным при крещении.

Никео-Цареградский «Символ веры» состоял из двенадцати утверждений: восемь первых посвящены троичности Бога, «вочеловечиванию» Иисуса Христа и искуплению грехов, четыре последних касаются церкви, крещения и «вечной жизни». Иисус Христос – Бог Сын провозглашался единосущным

и равным Богу Отцу: «Веруем в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех видимых и невидимых, и в Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Бога от Бога, света от света, жизнь от жизни, Сына Единородного и Духа Святого».

Однако вскоре после Никейского собора арианство снова оживилось, а через два года сосланные арианские епископы смогли вернуться на прежние места. Отношение Константина к арианству тоже представлялось неоднозначным. В сущности, и христианское большинство не было ни строго ортодоксальным, ни убежденно арианским. Политические цели, близкие или более отдаленные выгоды, комбинации социальных сил, психологическая неуравновешенность масс и другие факторы приводили к перевесу то той, то иной стороны.

Роль главного борца против арианства принял на себя александрийский епископ Афанасий, бывший некогда секретарем Александра Александрийского. Этот маленький человек обладал невероятной энергией. Он последовательно изобличал Ария и его учение даже тогда, когда Константин и значительная часть восточного епископата стали склоняться на сторону недавнего еретика. Афанасия пять раз заставляли покинуть епископскую кафедру, он даже вынужден был отправиться в Галлию. Ему оказал покровительство римский папа Юлий. Борьба Афанасия против ариан продолжалась до конца его жизни (373 г.), лишь на соборе 381 г., на котором западное духовенство вообще отсутствовало, арианство, как казалось, было окончательно осуждено. Однако дальнейшие христологические споры в церкви стали одним из последствий «арианского кризиса», который так и не удалось изжить до конца, что показала история церкви в средние века.

Утверждение единосущности всех лиц Троицы не разрешило многих догматических конфликтов. Напротив, возникло немало новых теологических проблем: как происходит слияние сущностей Бога Отца и Бога Сына, как сочетаются в Христе божественная и человеческая природы, каким образом соединяются в нем божественный разум и божественная воля. Епископ Аполлинарий из Лаодикеи выдвинул идею, что в Христе следует усматривать исключительно божественную индивидуальность. Эта идея была затем развита монофизитами, абсолютизовавшими божественную природу Христа, и монофелитами, усматривавшими в Христе воплощенную божественную волю. Противоположная точка зрения была сформулирована пресвитером из Антиохии Несторием, который считал, что в Христе преобладает человеческая природа. Немедленно последовали возражения со стороны настоятеля монастыря близ Константинополя Евтихия, который, желая отстоять истину, сам впал в ересь, близкую к аполлинаризму.

Западная церковь держалась несколько в стороне от христологических споров, пыталась как-то примирить борющихся противников и вместе с тем использовать разбушевавшиеся страсти для укрепления авторитета Рима в вопросах веры. Организационно Восточная и Западная церкви все больше стремились к самостоятельности и независимости друг от друга.

В 448 г. римский епископ Лев I опубликовал трактат, в котором выразил ортодоксальный взгляд на природу Христа. Он утверждал, что в Христе обе природы, божественная и человеческая, слились воедино, чтобы образовать одно лицо. Однако тактический ход Льва I не оправдался. Собор 449 г. в

Эфесе не пожелал посчитаться с мнением римского первосвященника. Его участники отказались даже просто ознакомиться с его посланием Глава монофизитов Евтихий получил оправдание от собора, но его торжество было недолгим.

Через два года в Халкедоне положения Льва I были подтверждены. Христа признали единственно рожденным, единым в двух природах. Вместе с тем собор в Халкедоне по сути подтвердил разделение между западной и Восточной церквями. Константинопольская кафедра не только признавалась верховной по отношению ко всем восточным кафедрам, но и равной Римской кафедре. Стало очевидным, что раскол не только не может быть преодолен, но, напротив, обнаруживает тенденцию к еще большему углублению, превращающемуся в настоящую пропасть. От Халкедона перспектива практически однозначно вела к схизме и великому разделению церквей. Более того, христологические споры оказались чреватými и расколом внутри Восточной церкви, в результате которого весь негреческий Восток предпочел ересь ортодоксальности.

Значение христологических споров IV–V столетий не может быть сведено исключительно к богословскому содержанию. В полемике по вопросам веры отразились чаяния и проблемы людей, находившихся в условиях крайней социальной нестабильности и стремившихся как-то определить свою судьбу перед лицом надвигающихся бедствий. В определенной мере христологические споры призваны были осмыслить «проблему человека», его предназначения и возможностей, задач и границ его деятельности, мышления и чувствования на тяжелейшем переломе истории человечества.

С большой очевидностью эта связь проявилась в оппозиции Пелагия, британского монаха, появившегося в Риме в конце IV в. и основавшего в древней столице империи свою школу. Талантливый проповедник быстро обрел популярность, особенно среди образованных аристократов, в представлении которых христианство уживалось с уважением к классическим традициям. Пафос проповедей Пелагия заключался в утверждении, что «все хорошее и все злое, за что мы достойны хвалы или порицания, совершается нами, а не рождается с нами. Мы рождаемся не в полном нашем развитии, но со способностью к добру и злу; при рождении в нас нет ни добродетели, ни греха, и до начала деятельности нашей личной воли в человеке нет ничего, кроме того, что вложил в него Бог». Пелагий совершенно недвусмысленно отстаивал свободу воли и значимость человеческого выбора.

Борьба с пелагианством продолжалась более тридцати лет. Ведущую роль в ней сыграл гиппонский епископ Августин, непримиримый противник не только пелагианства, но и донатизма. Августин выступил вдохновителем государственного преследования донатистов, многие из которых были преданы мучительной казни на кресте. В случае с Пелагием Августин избрал другой путь борьбы. Он разработал теологическое опровержение доктрины Пелагия, противопоставив ей собственное учение о свободе воли и свободе человеческого выбора, тесно связанное с догматическими положениями о божественном предопределении, божественной благодати и посмертном воздаянии. Августин утверждал, что природа человека изначально греховна и что первородный грех через зачатие передается от отца к детям; человек,отягченный первородным грехом, не может спастись собственными силами,

а направляется к спасению божественным предопределением; Бог – податель благодати (греч. «харизмы») – особой божественной силы, ниспосылаемой человеку для преодоления его греховности и для спасения; посредником между божественной благодатью и верующими на земле считалось духовенство. Августин допускал, что свободная человеческая воля участвует в спасении, но лишь осененная благодатью, в то время как Пелагий считал, что спасение может быть результатом свободного выбора человеком своего жизненного пути.

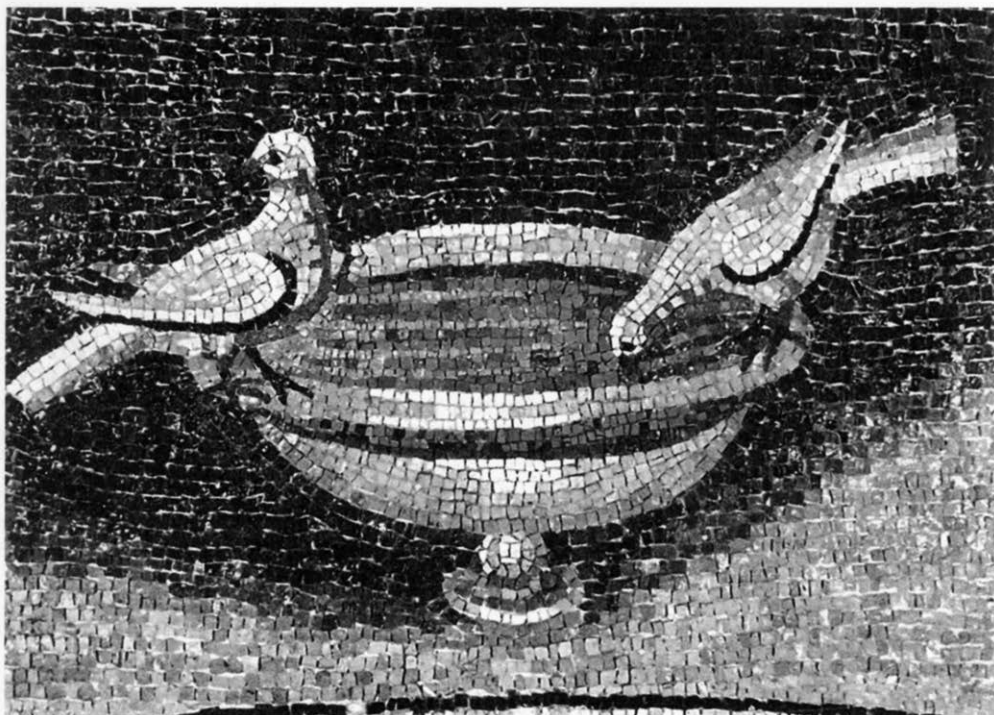
Итак, спор о свободе воли и благодати был решен Августином в пользу последней, ибо в противоположном случае искупительная жертва Христа и спасающая роль церкви утрачивали свое исключительное значение. Бурной теологической деятельностью, энергичной критикой учения Пелагия Августин подготовил окончательный и точно рассчитанный удар по пелагианству. Проблема свободы воли, однако, осталась источником дискуссионных толкований до наших дней.

В IV в. церковь на Западе все активнее латинизируется. Латынь становится языком богослужения. Само богослужение, литургия, приобретает формы, отличающиеся от принятых в восточной церкви. Появляется латинская практическая богослужебная литература. Происходит консолидация клира – духовенства. Укрепляется власть римского епископа. В V в. прерогатива носить титул «папа» окончательно закрепляется за римским первосвященником, занимавшим «апостольский престол» (римская кафедра, по преданию, была основана апостолом Петром, а Рим христиане стали называть «городом святого Петра»).

Римская церковь развивалась и крепла в обстановке экономического упадка, крайней политической нестабильности и социальной разобщенности общества, под угрозой опустошительных варварских нашествий, которые с конца IV в. превратились в устрашающую реальность. При быстрой смене императоров, в условиях бесконечной борьбы в среде правящей аристократии, церковь, перераставшая из общины верующих в централизованную, жестко структурированную иерархическую организацию, становилась по существу единственно реальной не только религиозной, но и политической силой. Только церковь могла в какой-то мере сдерживать центробежные силы, разрушавшие римское общество.

Не случайно вопросы практической экономики, организации епископальных и монастырских хозяйств, устройства городской жизни и муниципального управления, решение проблем войны и мира, политические дела волновали западных епископов и священников ничуть не меньше, чем борьба с ересями и моральные наставления пастве. Вместе с тем следует признать, что связанное с римской традицией, отличавшейся рационализмом и практицизмом, западное христианство меньше тяготело к теологическому теоретизированию, чем восточное. Это с очевидностью следует из характера богословского синтеза на Востоке и на Западе и из сравнения деятельности и наследия восточных и западных Отцов церкви.

Отцами церкви стали называть наиболее выдающихся церковных авторов, в своих творениях давших систематическое изложение и толкование христианской веры, принятые церковью в качестве основополагающих для ее защиты и проповеди. Восточная церковь великими Отцами церкви почита-

Мавзолей Галлы Плацидии. Мозаика «Голуби у чаши». IV в. до н.э. Равенна

ла Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. В их учениях формировалась фундаментальная основа ортодоксального (православного) христианства.

Труды и доктрины Отцов церкви составили «патристику». На Западе к великим Отцам церкви относят Иеронима Стридонского, св. Августина, Амвросия Медиоланского и Григория Великого, чьи творения имели доктринальные значения для католической ветви христианства. Центром латинской патристики в IV–V вв. была Северная Африка, давшая Западной церкви св. Августина, оказавшего огромное влияние на католическое богословие и все дальнейшее развитие культуры западноевропейского мира. Один из наиболее плодотворных христианских авторов, Августин развил целый ряд оригинальных идей в богословии, философии и этике. В его наследии можно обнаружить истоки европейской философии истории и психологии, более того – средневекового рационализма, пристрастие к самоанализу и рефлексии, сочетающихся со стремлением к их практической реализации через борьбу за торжество церковной дисциплины, организации и просвещения.

В учении Августина нашли отражение различные потоки предшествовавшей и современной ему христианской мысли, переосмысленного неоплатонизма, цистеронианства и манихейства. В своей грандиозной христианской утопии о «двух градах» – земном и Божием – он провидел путь и борения человечества, объединенного христианством. От Августина католицизм получил обоснованную догму о церкви. Он не отождествил полностью цер-

ковь с Божьим градом, но все же утвердил ее возвышение над миром, что питало средневековую теократию. Августин впервые придал столь серьезное значение розыску и преследованию еретиков и назвал этот процесс «инквизицией». Он призывал государство к расправе над еретиками, хотя само наказание толковал как искупление еретиками грехов на земле, что могло их избавить от посмертных мук. Августин своим многоплановым творчеством открыл для Западной церкви новые пути развития догматики, церковной организации, дисциплины и права, а для средневекового мира сформировал основы его мирозерцания и понимания человека.

Иероним (340/50 – 420 гг.), книжник, богослов-популяризатор, христианский полемист, осуществил перевод Священного Писания на латинский язык, получивший название «Вульгата» (народная Библия). С VII в. она обрела широкое распространение на Западе, а в 1545 г. на Тридентском соборе ее канонизировали как единственно церковный вариант. Иероним много писал о нравственном христианском учении, о достоинствах иноческой жизни и аскезе.

В IV–V вв. «уход от мира», начало которому положил еще основатель монашества Антоний Великий, получил привлекательность для значительного числа христиан. Возникло множество изолированных от общества религиозных центров – общин, члены которых вели аскетический образ жизни, полностью посвящая себя Богу. Наиболее ревностные христиане жизни в миру предпочитали одинокую жизнь «в пустыне», вдали от людей и городов. Тех, кто удалялся от мира, называли «монахами» (одинокими) или «эрмитами» (отшельниками).

Аскеза – отказ от всех радостей мирской жизни, целомудрие, безбрачие, суровый пост, постоянное и стойкое перенесение физических страданий, нередко сознательно себе причиняемых, полное посвящение своей жизни, неустанных трудов и молитв Богу – выступала главным условием монашеской жизни. Менее строгая аскеза практиковалась в монашеских общежитиях – «киновиях». Первая такая киновия была основана Пахомием в 322 г. в Фиваидской пустыне. Св. Пахомий написал и первые монастырские «Правила». Значительную роль в развитии монастырского движения сыграли «Правила» Василия Великого. В IV–V вв. в монастырях Италии, Южной Галлии и даже далекой Ирландии следовали именно им. Постепенно молитвы и физический труд в монастырях стали дополняться интеллектуальными занятиями, здесь появились мастерские по переписке книг, библиотеки, школы. Все это закладывало основы просветительской функции монастырей в средние века.

Интенсивное наступление христианства не повлекло за собой немедленной гибели язычества. IV век – время борьбы двух мировоззрений, двух культур, двух типов религиозной жизни. Правда, в этой борьбе христиане и язычники поменялись местами. Сторонники новой государственной религии стали гонителями не менее жестокими, чем ранее преследователи христиан. Во второй половине IV в. последовала серия императорских указов, запрещающих отправление языческих культов. Храмовые здания закрывались или передавались христианам. Земли и имущество жреческих коллегий отбирались в пользу государства, а сами эти коллегии запрещались. Плебс, вдохновленный этими указами, осквернял храмы языческих богов, которым еще недавно поклонялся и у которых искал защиты и покровительства.

Если на Востоке язычество достигло наибольшей высоты в философии, то на Западе самыми стойкими язычниками оказались римские аристократы, для которых отказ от традиционной веры был равносителен отрешению от славного прошлого Рима, от утверждения его вселенской миссии, – языческий культ и римская государственность им представлялись неразделимыми.

В 381 г. император Феодосий I издал закон, лишавший отступников от христианства всех гражданских прав. В 382 г. император Грациан сложил с себя титул понтифика – верховного жреца. Он также приказал вынести из римской курии статую богини Виктории (Победы), установленную еще императором Августом, повелевшим в 29 г. до н.э. воздвигнуть Алтарь Победы в честь победы при Акции. Этот Алтарь был гордостью римского народа, символом его славы и могущества, гарантом политического и военного счастья. Приказ Грациана наносил тяжкое оскорбление римскому сенату, в котором преобладали язычники и номинальные христиане.

В центре борьбы вокруг Алтаря Победы оказались два выдающихся римлянина, два родственника – глава сената и префект Рима Симмах, защищавший языческую святыню, и епископ Милана Амвросий. Симмах проявил удивительную широту мышления, заявив, что Верховное Существо, к которому люди обращаются с молитвами, одно и то же для всех и каждый свободен в выборе для себя Бога. После исполненной страстей и накала полемики и благодаря не знающей преград энергии Амвросия Медиоланского требования Симмаха о восстановлении Алтаря Победы в курии сената были категорически отвергнуты. Государство сочло необходимым навсегда отмежеваться от язычества. Низвержение Алтаря Победы стало еще одним свидетельством союза римской власти и христианства.

ИМПЕРИЯ НА ПУТИ К ГИБЕЛИ

Константин умер в 337 г., оставив свою империю трем сыновьям, из которых ни один не оказался достойным его памяти.

Константинополь и Рим стали двумя центрами политической жизни, что еще больше разделило эллинизированный Восток и латинизированный Запад. Кризис III века гораздо меньше затронул восточные провинции, в то время как Западу преобразования Диоклетиана и Константина подарили лишь передышку. Стабилизация на Востоке оказалась более прочной и всеохватывающей. В 352 г. после смерти братьев и победы над узурпатором Магнeцием единовластным правителем империи стал Констанций. Когда он прибыл из Константинополя в Рим, его поразил облик обитателей Вечного города, среди которых почти не осталось людей, облаченных в традиционно римскую одежду и хорошо говорящих по-латыни. Рим наводняли выходцы с Востока – египтяне, сирийцы, иудеи, но особенно бросалось в глаза обилие в городе германцев, которых легко было отличить по белокурым волосам, высокому росту и крепкому телосложению. Даже настоящие римляне старались подражать в одежде и поведении тем, кого в течение многих веков презрительно называли варварами, т.е. не умеющими говорить на человеческом

языке, а лишь произносящими невразумительное «вар-вар». То время ушло в прошлое. Многие варварские народы уже давно вошли в состав населения империи, даже получили римское гражданство, не становясь от этого «настоящими римлянами», сохраняя свой язык, традиции, религию, одежду и нравы.

В жестоком III в. императорский трон не раз становился добычей варваров, а не только «варваризированных римлян» вроде Каракаллы. Варвары составляли основу римской армии и на Западе, и на Востоке. В IV в. слова «воин» и «варвар» нередко были взаимозаменяемыми. Римляне постепенно перестали резко противопоставлять себя варварам, как это было во времена Цезаря или Тацита, описавшего огромную и страшившую римлян землю в центре и на севере Европы – Германию, т.е.

территорию германцев, многочисленных воинственных племен, еще тогда угрожавших империи. Варваров, давно живших в имперских провинциях, служивших в римских войсках и по большей части ассимилированных, т.е. вошедших в римский строй жизни, гордые квириды даже стали называть «свои варвары», в отличие от «чужих», диких, наседавших на рубежи римского государства и стремившихся отвоевать себе место в римском «круге земель».

С середины IV в. самой страшной угрозой для Рима становится германская. Хотя пожар войны охватил почти все границы империи, самый тугой узел затягивался на Балканах и в придунайских землях. Здесь сосредоточились наиболее мощные силы германских племен во главе с готами. Отсюда варвары могли быстро нанести удар по Риму и Константинополю. Развитие событий показало, что так оно и случилось.

С 350 г. начинается изнурительная война римлян с аламанными и франками. Варварские дружины опустошали своими набегами Галлию. Они предавали огню и мечу основанные римлянами города Аргенторат (Страсбург), Вангионы (Вормс), Могонциак (Майнц), Колонию Агриппину (Кёльн) и другие, разрушали римские лагеря и виллы. Аламанны захватили земли на Верхнем, а франки – на Нижнем Рейне. И всё это несмотря на то что эти племена были связаны с Римом федеративным договором, по которому с разрешения императора могли поселяться на территории Римской империи и именоваться федератами (союзниками) Рима.

Император Констанций послал на Рейн войска во главе со своим двоюродным братом Юлианом, провозгласив его цезарем, правителем Галлии. Юлиан, в юности слывший большим любителем неоплатонической фило-

Юный варвар. Арка Константина. IV в. Рим

Юлиан Отступник. Мрамор. IV в. Париж, Лувр

софии, оказался прекрасным полководцем и нанес аламаннам сокрушительное поражение. Он пользовался большим авторитетом в войсках, и зимой 360 г. в Лютеции (Париже) солдаты провозгласили Юлиана августом.

Внезапная смерть императора Констанция открыла Юлиану прямую и бескровную дорогу на престол, который он и занимал с 361 по 363 г. Христианская традиция изображала императора Юлиана жестоким тираном и нарекла его Отступником за то, что он попытался реставрировать язычество в качестве государственного культа. С детства Юлиан воспитывался как христианин, однако постепенно под влиянием общения с философами-неоплатониками и, в особенности, со своим учителем Ямвлихом, в христианстве разочаровался. Юлиан считал эту религию грубой, нелогичной, рассчитанной на людей, не способных и не желающих мыслить. Особый протест у него вызывал дух рабского смирения и покорности, по его мнению, пронизывающий христианство. Покорность Юлиан считал качеством, недостойным римлянина. Однако его привлекали этические нормы христианства, требования чистой жизни и разумная церковная организация. Юлиан попытался создать монотеистическую языческую религию с центральным культом Солнца Единого и с жреческой организацией, подобной христианской церкви. Реформа эта была

поддержана римской языческой аристократией и интеллектуальными кругами, однако среди широких масс и в армии успеха не имела. Искусственно сконструированная «философская» религия Юлиана не находила отклика в сердцах простых людей.

Юлиан не развязывал репрессий против христиан, но лишил христианское духовенство привилегий, которые оно получило при Константине Великом и Констанции. В своих сочинениях он подвергал христиан осмеянию, что звучало особенно резко, поскольку было облечено в блестящую литературную форму.

Современники-язычники считали, что Юлиан воплощал в себе многие прекрасные качества монарха, заботившегося о благе своих подданных. Однако в реальности его правление привело к углублению раскола римского общества. Юлиан являл собой тип реформатора, пытавшегося «сверху» исправить положение дел в государстве, но он не понял, что погибающее общество нельзя спасти «улучшающими» реформами. Один из достойнейших римских императоров, он вместо прославления заслужил проклятия и имя Отступника. Только немногие друзья оплакали его безвременную гибель во время похода против персов в битве (поговаривали и о заговоре).

Аммиан Марцеллин, крупный римский военачальник, служивший при Константине II и Юлиане Отступнике, после ухода от дел стал историком. В эпоху кратких литературных сводов и поверхностных обзоров он создал труд, достойный Тита Ливия или Тацита. Этот труд, получивший название «Деяния, или История», как одинокая вершина, возвышается над всеми историческими трудами Поздней империи. Свою «Историю» Аммиан Марцеллин писал, по его собственному признанию, как «солдат и грек». Выходец из Антиохии, он стал выдающимся латинским писателем, достигшим совершенства в изначально неродном для него языке.

Аммиан Марцеллин поставил своей целью реализовать на практике тацитовы принципы написания истории. Он намеревался создать правдивое и беспристрастное описание событий, достойных вызвать интерес у современников и сохраниться в памяти потомков, и начал ее с принцепата Нервы, т.е. с того самого момента, на котором умолк Тацит. К сожалению, первые тринадцать книг «Истории» исчезли, сохранились лишь последние восемнадцать, описывающие события 353–378 гг. «История» Аммиана Марцеллина – произведение остро современное по отношению к своей эпохе, ибо ее автор не только был участником и свидетелем описываемых событий, но и стремился живо показать их, выявить не вечные, но непосредственные причины и следствия случившегося. Вместе с тем грек Аммиан Марцеллин творил «во славу Рима», которому желал долгой жизни и идеальных правителей. Позиция историка по отношению к христианству подтверждает столь характерную для его времени нетерпимость язычников.

Война с персами, которую Рим вел в эти же годы, была проиграна римскими войсками и военачальниками. Римляне уступили значительную часть земель на Востоке и признали независимость Армении. Заключив скоропалительный мир с персами, Рим вынужден был перебросить войска на север, где в придунайских степях нарастала новая опасность, грозившая погубить империю, – перешли Дунай готы.

«Они взметнулись, как ливийский песок, – сообщал историк-очевидец. – Готы были столь многочисленны, что невозможно было счесть, сколько их, как нельзя пересчитать песчинки». Воистину «у страха глаза велики», на самом деле готов было не так уж и много, всего несколько десятков тысяч. Однако им выпало судьбой сыграть роковую роль в последнем акте римской истории – в падении империи.

Современник событий Амвросий Медиоланский очень точно обрисовал ситуацию: «Гунны набросились на аланов, аланы – на готов, готы – на тайфалов и сарматов; готы, изгнанные со своей родины, за-

хватали у нас Иллирию. И это еще не конец!» Действительно, это было лишь начало Великого переселения народов, толчком которому послужил распад державы гуннов на границе с Китаем и их мощное и жестокое продвижение на запад, вытеснявшее племена и народы, находившиеся на их пути. По существу, готы являлись беженцами от гуннского нашествия.

Племена готов делились на две большие группы – остготов (остроготов) и вестготов (везеготов). В 375 г. гунны разгромили остготский союз Эрманариха в Южнорусских степях, захватив в плен часть готов. Другая их часть бежала на римскую территорию. Но и вестготов постигла страшная участь: гунны напали и на них. Вестготы вынуждены были просить убежища у римского императора, и в 376 г. Валент разрешил им поселиться в качестве федератов во Фракии.

Современникам этот шаг императора показался безумным. «Множество людей, – сокрушался римский историк Аммиан Марцеллин, – было направлено с поручением обеспечить всем необходимым для переправы этот дикий народ. Были приняты меры, чтобы никто из будущих разрушителей Римской империи, даже будучи при смерти, не остался на этом берегу. (...) И вся эта спешка, весь этот переполох ради того, чтобы приблизить крушение римского мира!» Римлянам надлежало снабжать готов продовольствием, обеспечивать жильем. Сделать это, однако, не удалось из-за нехватки продовольствия и средств в самой Италии и по причине злоупотреблений чиновников. Среди голодающих, вынужденных продавать своих детей в рабство готов вспыхнуло возмущение. К восставшим примкнули рабы-рудокопы из Фракии. В ненависти к римлянам соединились вестготы и остготы, их поддерживали воинственные отряды гуннов, аланов, тайфалов и других варваров. Столкновение между готами и римлянами становилось неотвратимым.

Император Валент, заключив хрупкий мир с Персией, покинул Антиохию и двинулся навстречу вестготскому царю Фритигерну. Среди римских войск были арабские всадники и иберийские лучники. Император Валент рассчитывал на победу, ибо дважды в III в. римляне побеждали готов – при императоре Клавдии Готском и при Аврелиане. Правда, император Деций погиб в бою с готами в 251 г., но об этом римляне предпочитали не вспоминать.

Римские и готские войска сошлись у города Адрианополя (совр. Эдирне в Турции). 9 августа 378 г. состоялась решающая битва. Натиск готской конницы был подобен «грому, грянувшему с горных вершин»: на римлян обрушился поток стрел, образующих как бы стену, через которую не могла пробиться римская пехота. Готы так зажали манипулы римлян, что римские солдаты были не в состоянии даже воспользоваться своими мечами. Трупы устилали поле боя. Готы приканчивали поверженных противников длинными копьями. Римлянам казалось, что в кровавом мареве на них надвигаются кентаврообразные чудовища, не знающие пощады. Император Валент потерял управление войсками. Он, казалось, обезумел от ужаса – это были последние часы его жизни. С наступлением ночи трагическая для римлян битва завершилась. Император Валент исчез, тело его так и не нашли.

Весть о страшном поражении очень быстро достигла Рима. Вечный город содрогнулся от ужаса и предчувствия неминуемого конца. Наступило тяжкое прозрение, что не за горами чудовищный крах империи. Но люди и народы склонны обманывать самих себя, и «великий ужас» сменился поисками виновных и взаимными обвинениями. Осуждали императора-арианина, христиане твердили, что виноваты еретики, отказавшиеся от истинной веры, а ариане, что ортодоксы, чья проповедь ослабляла воинственный дух римлян. Язычники причину поражения видели в отказе от древних богов и святых римлян. Столкнулись различные группировки римской аристократии. Но втайне все ощущали, хотя не хотели признаться в этом даже себе, что адрианопольская катастрофа – знак приближающейся гибели.

После исчезновения Валента в 378 г. правителем Восточной Римской империи стал Феодосий I, уроженец Испании, удачливый военачальник. В Западной Римской империи власть принадлежала Грациану, а затем Евгению. Однако мощная фигура Феодосия I затмевает их бледные образы. В 382 г. Феодосий заключил мир с вестготами и поселил их в качестве федератов на Южном Дунае, позаботившись, чтобы у них не было поводов для возмущения, и потребовав от них обязательного несения воинской службы в специальных римских подразделениях. Он разбил войска узурпаторов, прекратил междоусобную войну на Западе и в 394 г. на короткий срок в последний раз объединил империю.

Феодосий выказал себя истовым защитником никейского христианства. Язычество попало под запрет. Храмы языческих богов подлежали закрытию, а некоторые разрушены фанатически настроенными христианами. По указу 394 г. прекратили свое многовековое существование Олимпийские игры, осужденные как враждебные христианству. Христианская церковь вознаградила усилия Феодосия и его благочестие прозванием «Великий».

В 395 г. Феодосий умер, разделив империю между двумя сыновьями – Аркадием и Гонорием. Этот раздел между Западом и Востоком оказался окончательным. Образовались два самостоятельных государства с разной исторической судьбой. Западной Римской империи история отпустила всего несколько десятилетий, а Восточной Римской империи (Византии) – более десяти веков.

Еще в последние годы своего правления Феодосий I назначил главой римского войска вандала Стилихона, а перед смертью поручил ему и опекунство над своим младшим сыном Гонорием (384–423 гг.). Молодой монарх Западной Римской империи сделался марионеткой в руках этого одаренного варвара, который женил его сначала на своей старшей дочери, а после ее смерти – на младшей. Вандал Стилихон (365–408 гг.), тем не менее, преданно защищал интересы римского престола. В 401 г. он разгромил своих соплеменников вандалов и аланов. С обеих сторон, за Рим и против Рима, сражались варвары, принадлежавшие этнически к одним народам, но разделенные политической и государственной принадлежностью. В 402–403 гг. римские войска во главе со Стилихоном отразили нашествие вестготов Алариха, а в 406 г. – остготов Радагайса. Но в результате дворцовых интриг Стилихон был убит, император Гонорий даже не пытался помешать этому убийству.

Стилихон с супругой. Мраморный рельеф. V в.

То, что Стилихон в течение многих лет реально управлял империей, свидетельствовало о сильнейшем влиянии варваров на политику Рима. Это вызывало беспокойство и у римской аристократии, и у христианского духовенства. Епископ Амвросий Медиоланский усматривал в торжестве варваров предвестие «нового потопа» и гибели мира. А на Востоке епископ Синесий Киренский восклицал, что варвары внутри государства — это «волки в овечьей шкуре», которым нельзя доверять овчарню. Его беспокойство было связано с тем, что после смерти Феодосия I в Константинополе при слабовольном императоре Аркадии всем заправлял гот Гайна. Высокомерие и произвол Гайны вызвали ненависть византийской аристократии. Чувствуя шаткость своего положения, он решил овладеть Константинополем с помощью войск. Казалось, ничто не может помешать готам захватить столицу и стать ее полными хозяевами, однако горожане не пожелали покориться варварам. Народ Константинополя восстал и изгнал готов. Столица Восточной Римской империи избавилась от варварской опасности, однако эта опасность оставалась весьма сильной на Балканах. Там распоряжались вестготы во главе с Аларихом, грозившим двинуться на Константинополь. Дипломатические усилия византийцев увенчались успехом, им удалось уговорить Алариха двинуть свои дружины на Рим.

Незадолго до своей гибели Стилихон, желая предотвратить нашествие готов на Италию, заключил с ними договор об использовании вестготских войск в борьбе против узурпаторов. Когда Стилихон погиб, договор был расторгнут. Путь на Рим оказался открытым, и готы двинулись по нему. Аларих подступил к стенам Вечного города и осадил его. В Риме вскоре закончились продукты, начался голод, вспыхнула эпидемия. За снятие осады вождь вестготов потребовал огромный выкуп. Римляне должны были отдать все имевшееся у них золото, драгоценности и рабов. На их вопрос: «Что же у нас тогда останется?» – Аларих цинично ответил: «Жизнь». Пытаясь умиловать вождя варваров, римляне переплавили множество статуй, в том числе и Римской Доблести, чтобы сделать слитки драгоценных металлов для Алариха. Однако тому надоело ждать, и он решил взять богатства римлян и сам город силой.

В 410 г. вестготы ворвались в Рим. Вечный город был захвачен варварами и предан разграблению. Три дня косматые воины Алариха бесчинствовали на улицах, хватали всё, что попадалось под руку, жгли, насиловали, убивали. Жители столицы империи могли найти спасение только в церквях, которые арианин Аларих приказал не трогать. Взятие Вечного города повергло римский мир в ужас. Святой Иероним восклицал: «Мой голос дрожит, и от рыданий перехватывает горло, пока я диктую эти слова. Он завоеван! Этот город, который покорила некогда вся вселенная!» В сочинении «О Граде Божием» Аврелий Августин назвал падение Рима под ударами вестготов расплатой за непомерную жажду власти над народами. Его ученик историк Орозий подхватил эту мысль, заявив: «Римляне сами себе были врагами худшими, нежели внешние враги, и не столько враги их разгромили, сколько они сами себя уничтожили».

Через три дня, пресытившись кровью, нагруженные огромной добычей вестготы покинули почти вымерший, полуразрушенный город. Римская слава была растоптана. Среди пленников Алариха оказалась и сестра императора Гонория Галла Платидия. Впоследствии она была насильно выдана замуж за племянника Алариха воинственного Атаульфа, ставшего вскоре после смерти своего дяди предводителем готов. При Атаульфе отношения между римлянами и готами несколько улучшились. Когда в Галлии появились очередные претенденты на захват римского трона, испуганный император Гонорий обратился к Атаульфу за помощью. Вождь вестготов разгромил узурпаторов и вернул Гонорию Северную Галлию, но и себя не обидел: захватив землю Южной Галлии, основал там Вестготское королевство. Еще тогда король вестготов обратил внимание на Испанию. Он захватил Барселону, но вскоре был убит. Однако путь на Пиренейский п-ов вестготам оказался проторен. И когда в начале VI в. вестготы потерпели поражение в борьбе с франками и были вытеснены из Южной Галлии, они воссоздали свое королевство в Испании.

Еще до вестготов в Испанию вторглись другие завоеватели-варвары – вандалы. Союз племен, возглавляемый вандалами, ненадолго осел на Пиренейском п-ове, оставив о себе память в названии области Андалусия (Вандалусия). Покинув Испанию, вандалы в 439 г. основали Вandalьское королевство в римской провинции Африка. Король вандалов Гейзерих, почувствовав силу, начал поход на Рим, невзирая на увещевания папы

Льва I. Решительным броском продвинувшись к Риму, вандалы захватили его в 455 г. и четырнадцать дней бесчинствовали в нем. Все подвергалось разграблению. Гейзерих не оставил в императорском дворце ни одного металлического предмета. Даже с храма Юпитера Капитолийского была снята медная позолоченная крыша. Десятки тысяч римлян были убиты, многие угнаны в рабство. Попали в плен императрица и ее дочери. Рим подвергся опустошению «сверх всякой меры». Многие знатные семьи выглядели «как привидения». Даже в церквах нельзя было укрыться от свирепости диких завоевателей. Ужас был столь велик, что даже само название «вандалы» с тех пор стало нарицательным и обозначает самых страшных разрушителей и злодеев.

Но разгром Рима вандалами не исчерпал великих страданий жителей погибающей Западной Римской империи. На нее обрушился «Бич Божий» Атила, вождь гуннов, объединивший под своим началом многие кочевые племена, извергнутые из чрева Азии на земли Европы. Один из историков времени Великого переселения народов описывал Аттилу следующим образом: «Он был мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил трепет на все, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры вокруг и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество». Некоторое время Атила заигрывал с Римом, выбирая то роль угрожающего соседа, то наемника. В 436 г. он даже дал часть своих войск римскому полководцу Аэцию для борьбы с бургундами. (В этой войне погиб король бургундов Гунтер, а сами события послужили основой средневекового эпоса о Нибелунгах (XII–XIII вв.), среди героев которого действуют король Атти – Атила, король Гунтер, а сюжет строится вокруг гибели королевского бургундского дома.)

Жестокость гуннов вселяла ужас в сердца жителей Римской империи. Когда в 451 г. гунны дошли до берегов Луары и предполагали двинуться на Италию, римлян охватила паника. Однако римский военачальник Аэций, возглавив римское войско, состоявшее из вестготов, других германцев и аланов остановил гуннов в битве на Каталаунских полях (совр. Шампань). Но и победителю Аэцию, и побежденному Аттиле оставалось жить недолго. Аэций был предательски убит в 454 г. во время аудиенции у императора, позавидовавшего славе и могуществу собственного полководца. Атила еще два года после битвы на Каталаунских полях свирепствовал в Северной Италии, а затем вернулся в Паннонию. Здесь в деревянном дворце Атила отпраздновал свою свадьбу с молодой германкой, которая, по легенде, и убила вождя гуннов в брачную ночь. Так бесславно погиб жестокий завоеватель, наводивший ужас на многие народы.

Трагическая череда нашествий на Римскую империю на этом не закончилась. В 70-х годах V в. на территорию Италии вторглись варварские племена, предводительствуемые скиром Одоакром. За ним последовали остготы, возглавляемые королем Теодорихом. Но это случилось уже после того, как в 476 г. был низложен последний римский император, юный Ромул Августул, по иронии судьбы носивший имена основателя Рима Ромула и основателя империи Августа. Ромул Августул был сослан на виллу легендарного римского богача Лукулла близ Неаполя, где тихо угас. 476 г. считается го-

дом гибели Западной Римской империи. После Ромула Августа Италией правил Одоакр. В 493 г. он был убит на пиру своим союзником королем остготов Теодорихом, который и основал в Италии Остготское королевство со столицей в Равенне.

Можно ли заключить, что Западная Римская империя была «убита» варварами? Скорее всего, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Варвары лишь помогли империи «умереть естественной смертью», предопределенной распадом основанной на рабстве хозяйственной системы, разложением государственных и социальных институтов, ослаблением центральной власти и нарушением связей между провинциями. Люди утратили желание трудиться и созидать, гордиться своим отечеством и следовать лучшим примерам предков.

Христианство, возникшее в недрах империи, сначала подтачивало ее религиозное и духовное единство, основывавшееся на римском язычестве. А затем церковь вступила в борьбу с императорской властью за политическое господство.

Стремительно слабевшее государство не могло уже защищать интересы своих подданных, к каким бы социальным слоям они ни принадлежали. Особенно тяжелым было положение социальных низов. Не случайно рабы открыли ворота Рима Алариху: они предпочли свирепость варваров жестокости собственных хозяев.

Историк Сальвиан сетовал: «Бедные обездолены, вдовы стенают, сироты в презрении, и настолько, что многие из них, даже хорошего происхождения и прекрасно образованные, бегут к врагам. Чтобы не погибнуть под тяжестью государственного бремени, они идут искать у варваров римской человечности, поскольку не могут больше сносить варварской бесчеловечности римлян. У них нет ничего общего с народами, к которым они бегут; они не разделяют их нравов, не знают их языка и, осмелюсь сказать, не издают зловония, исходящего от тел и одежды варваров; и тем не менее они предпочитают лучше смириться с различием нравов, нежели терпеть несправедливость и жестокость, живя среди римлян. Они уходят к готам или к багаудам, или к другим варварам, которые господствуют повсюду, и совсем не жалеют об этом, ибо они предпочитают быть свободными в обличье рабов, а не рабами в обличье свободных». Римляне и поддерживали восставших багаудов, и сами становились бунтовщиками, не желая терпеть бесчеловечных притеснений со стороны государства и землевладельцев, сносить издевательства чиновников, платить ставшие непомерными налоги и выполнять все возрасшее число различных повинностей и обязательств.

Трагическая гибель Рима показала и то, что народ, утративший нравственные ориентиры, питавшиеся его древними устоями и патриотизмом, духовно слабеет и никакое войско уже не способно его защитить. Об этом с болью и гневом говорил римский историк Сальвиан: «Саксонские люди жестоки, франки коварны, гунны бесстыдны. Но столь ли предосудительны их пороки, как наши? Столь ли преступно бесстыдство, как наше? Заслуживает ли коварство франков такой же хулы, как наше? Достоин ли пьяный алеманн такого же порицания, как пьяный христианин? Подлежит ли осуждению обман со стороны гунна или гепида, если они не знают, что это грех?» Римляне пали ниже варваров, ибо, как полагал историк, им была открыта ис-

тинная вера и то, как должно жить настоящему христианину, а они отвергли правильный путь. Поэтому страшная расплата для них справедлива. Однако это был «крайний» взгляд на происходящее. Даже Отцы церкви призывали защищать отечество от варварского нашествия, «изгнать проклятых псов, что спущены судьбой». Но и осуждения, и призывы к сопротивлению и объединению сил, и надежды на милость Божию остались безрезультатными.

Гибель Западной Римской империи – одна из вечных проблем историографии. Каждая эпоха решала ее по-своему. Гуманистам эпохи Возрождения представлялось, что с падением Рима начался тысячелетний период варварства, разрушения античной культуры и образованности. Просветители XVIII в. выдвигали комплекс причин гибели империи, усматривая их прежде всего в дефектах государственной системы, нарастании дезинтеграционных тенденций в обществе, беспределе самовластья императоров, скудоумии и жестокости имперской бюрократии, разлагающего влияния христианства.

В XIX в. внимание было больше сосредоточено на демографических и экономических аспектах: резком уменьшении населения империи, граничащем с его вымиранием (никакие меры, предпринимавшиеся императорами по повышению рождаемости, не имели положительных результатов), а также на разрушении «античного капитализма», т.е. римской хозяйственной системы, основанной на частной собственности и развитых рыночных отношениях античного типа, и замене ее примитивными формами хозяйственно-общественной организации. Зародыши упадка усматривались уже на исходе эпохи Антонинов. В XX в. появилась гипотеза, что Рим пал в результате острейшей социальной борьбы, развернувшейся на фоне крушения римского капитализма. К специфическим экономическим причинам кризиса были отнесены и постоянное нарастание необходимости содержать все более увеличивавшуюся армию, и тяжелый налоговый гнет, дефицит рабочих рук, и упадок сельскохозяйственного производства и торговли, и коррупцию, пронизавшую римское общество сверху донизу, и деформацию элит. В советской историографии гибель Западной Римской империи рассматривали в свете теории общественно-экономических формаций как результат разложения рабовладельческого строя, такой подход современными российскими историками отвергается, намечаются новые комплексные научные подходы к рассмотрению одной из ключевых исторических проблем.

Рим пал, но не исчезла с лица земли римская цивилизация. Язык Рима – латынь – дал корень самому слову «цивилизация», обозначившему утверждение гражданских начал человеческого сообщества. Древний Рим – одно из прочнейших оснований, на котором зиждется современная цивилизация как таковая. И дело не только в том, что в последующие эпохи римское наследие было усвоено наукой, искусством, образованием, литературой, медициной, правом, политикой, строительством, ремеслами и т.д. Такое «усвоение» подчас без труда просматривается даже невооруженным глазом, достаточно взглянуть на сохранившиеся римские дороги и мосты или сравнить современные правовые акты наиболее развитых государств с постулатами римского права. Значение Рима для современной цивилизации значительно больше, чем только роль наследия, «остатков». Рим – ее корневая система, ибо мировая история – это в значительной степени метаморфозы римского основания.

Феномен римского права, его удивительного долголетия и востребованности у самых разных народов и в разные эпохи, обычно объясняется такими его свойствами как универсализм, системность, сочетание глубины и ясности принципов. Вместе с тем нередко отмечается, что «во времена Республики право еще не было приведено в стройную систему» и лишь классическое право I–III вв. н.э. стало образцом рецепирования в более поздние эпохи. Это верно в том смысле, что европейские юристы средневековья, нового и новейшего времени имели в своем распоряжении главным образом собрание фрагментов из сочинений римских классических юристов – Дигесты Юстиниана, а такой важнейший источник республиканской эпохи, как Законы XII таблиц, практически не сохранился.

Уже древнейший, царский период истории Рима дает нам некоторые свидетельства, раскрывающие один из секретов будущего универсализма римского права – способность свободного заимствования и творческого синтеза законов других народов. Хорошо известно, что Рим изначально был открытой общиной, принимавшей в себя новых граждан независимо от их этнического и религиозного статусов. Недаром древние авторы удивлялись, что римляне даже рабов делают своими гражданами, готовыми защищать свое новое отечество. Известно также, что в архаический период Рим долго служил пристанищем для беглых рабов. Кроме того, римляне всегда, даже в те периоды, когда римское гражданство было предметом особого вожделения многих средиземноморских народов, стремились дать права гражданства по крайней мере сильнейшей части того народа, который подпадал под сферу их влияния. Наконец, хорошо известно, что в итоге все свободные жители необъятной Римской империи получили права гражданства. Принцип впитывания, органического присоединения к себе всего объективно полезного для римлян господствовал не только в системе римского гражданства. Римляне довольно часто для управления государством и написания законов приглашали иностранцев, представителей соседних народов. Так широко известно сакральное законодательство VIII в. до н.э. сабинянина Нумы Помпилия, законы этруска с греческими корнями Тарквиния Древнего и вообще сына рабыни то ли этрусского, то ли латинского происхождения – Сервия Туллия, а также участие грека Гермодора Эфесского в составлении Законов XII таблиц.

Вся римская культура – это глубокий органичный синтез элементов культур самых разных средиземноморских народов. Так, позднеримский автор Симмах, рассуждая о римской культуре, пишет: «Оружие мы заимствовали у самнитов, знаки отличия у этрусков, а законы – из обители Ликурга и Солона». В современной даже сугубо научной литературе довольно часто говорится о том, что римляне были простыми эклектиками, не дав миру ничего или почти ничего ни в искусстве, ни в философии, ни в науке. Это, несомненно, совершенно неверная оценка деятельности римлян и их вклада в средиземноморскую культуру. Безусловно, римляне были весьма восприимчивы к чужим культурам, однако они не слепо заимствовали достижения

культуры других народов, а синтезировали их в свою культуру, творчески перерабатывая и вбирая самое ценное. На мой взгляд, эта особенность, эта открытость к другим культурам свидетельствует не о слабости, а об огромном позитивном потенциале собственно римской культуры, способной вобрать в себя и переварить столько чуждых элементов, сохранив при этом собственный стержень, особенные черты, придающие заимствованному элементу новые черты, уже очищенные от узко национальных или кастовых ограничений.

Именно так обстояло дело и в римском праве, где римляне в синтезе узконациональных и общесредиземноморских, универсальных институтов достигли наивысших результатов. Вместе с тем хорошо известно, что у римлян в отличие от многих других народов древности занятия правом, юридической практикой были наиболее почитаемым видом деятельности, указывающим на аристократический статус. Заимствования римлянами юридических норм из законодательств других народов были весьма обширны. Так известно, что уже в царский период римляне заимствовали право фециалов у народа фалисков, известных своей справедливостью в трактовке международных договоров, в актах заключения мира и войны. Далее, многие установления о характере царской власти были заимствованы римлянами у этрусков вместе с царской атрибутикой. Наконец, особенно многочисленными были заимствования у греков. Повествуя о создании Законов XII таблиц, древние авторы единогласно утверждают, что римляне чуть ли не целиком заимствовали наиболее знаменитые в середине V в. до н.э. законы Солона из Афинского полиса. Так же децемвирами использовались и так называемые «законы Ликурга» из Спарты, и правовые нормы некоторых южноиталийских греческих полисов. Несомненно некоторое влияние на римлян в IV–II вв. до н.э. и отдельных правовых норм карфагенян, по крайней мере в области аграрного права. Наконец, нормы морского торгового права римляне целиком заимствовали из морского законодательства о. Родос.

Но еще более широкими и глубокими были заимствования следующего периода, связанного с интенсивным развитием так называемого преторского права (IV–I вв. до н.э.). Обилие судебных тяжб заставило римлян ввести в 366 г. до н.э. особую должность судебного магистрата – городского претора, разбиравшего иски между гражданами. В 242 г. до н.э., когда во время первой Пунической войны Рим был наводнен иностранцами, была введена должность претора peregrinorum, предназначенного разбирать тяжбы как между римскими гражданами и peregrini (чужеземцами-негражданами), так и между самими peregrini. Деятельность peregrinorum основывалась не на цивильном праве, а почти исключительно на так называемом праве народов (*ius gentium*). Это право базировалось на международных мирных договорах и торговых соглашениях между римлянами и другими народами. В отдельных случаях преторы были вынуждены учитывать и действующие законы других стран. Таких дел было достаточно много, решать их следовало быстро (не более чем за 10 дней), нормы различных стран часто противоречили римским законам, поэтому для преторов представлялось крайне необходимым выработать некоторые общие универсальные юридические принципы справедливости в судебных решениях, которые удовлетворили бы интересы

представителей различных стран. И такие принципы были найдены, составив особый раздел – международное римское право (*ius gentium*).

К нормам римского права, возникшим из права народов, римские юристы относили общие принципы почитания богов, родителей и отечества, защиты прав человеческой личности, «манумиссии» (отпуск рабов на волю), международные договоры, раздел имущества, установление границ, договоры строительных подрядов, торговые сделки, договоры найма и обязательства, не регулировавшиеся гражданским правом. Таким образом, сфера применения права народов была достаточно обширна, соответственно, не менее обширными были сферы влияния его на собственно римское гражданское (гражданское) право. Право народов формировалось и развивалось благодаря «преторскому эдикту», включавшему и постановления преторов peregrinorum (*edictum provinciale*). Гражданское право также оказывало влияние на *ius gentium* через восприятие как отдельных институтов, так и системы в целом. В то же время многие принципы права народов активно проникали и в деятельность городского претора, в судебные дела между собственно римскими гражданами. Спор между гражданским правом, требовавшим придерживаться буквы закона, и преторским, строившимся под влиянием *ius gentium* на принципах всеобщей справедливости, т.е. духа закона, решался преимущественно в пользу последнего.

Таким образом, второй период, связанный с развитием «преторского эдикта», еще более обогатил римское право и сделал его действительно универсальным для всех народов Средиземноморья. Причем, очевидно, что римское право давало реальную защиту подданным римской империи от беспредела римских наместников на местах, о чем свидетельствуют многочисленные судебные процессы II–I вв. до н.э., в частности знаменитое дело «Против Верреса». Завершение в начале II в. н.э. разработки преторского эдикта и издание «Вечного эдикта» (или «Постоянного», *Edictum perpetuum*) объективно подталкивало процесс распространения римского гражданства на всех подданных империи, что и случилось в 212 г. н.э., завершив второй период развития римского права.

Вместе с тем Законы XII таблиц, служившие на протяжении многих сотен лет основным и единственным сводом римских законов, включили в себя все важнейшие нормы обычного права самих римлян, относящиеся еще к царскому периоду и началу республики. Что же касается заимствованных норм, то они были, что называется, творчески переработаны, систематизированы и органически вписаны в собственно римские обычаи. Цицерон более чем через 400 лет восклицал: «Оттого-то знание права и доставит вам радость и удовольствие, что вы увидите, насколько наши предки оказались выше всех народов государственной мудростью; достаточно сравнить наши законы (XII таблиц) с их Ликургом, Драконтом, Солоном. Нельзя даже поверить, насколько беспорядочно – прямо-таки до смешного – все право кроме нашего».

Цицерон недаром апеллирует к системности и ясности принципов римского права: «Понять и изучить это право легко, если овладеть общими началами, на которых строится всякая наука». Дабы понять теоретические основы, по Цицерону, необходимо знать следующее: «Для гражданского

права прежде всего должна быть определена цель, а именно – справедливое соблюдение законов и обычаев в тяжбах граждан. Вслед за этим предстоит выделить роды понятий, твердо установленные и не слишком многочисленные. Род есть то, что включает в себя два вида или более, сходные между собой в известном общем признаке, но различные по признакам видовым». Таким образом, Цицерон подчеркивает два весьма важных момента: ясность цели (в данном случае – стремление к справедливости) и системность, логичность изложения, также дающая необходимую ясность при изучении предмета. Цицерон говорит, что здесь римское право использует чисто научные, философские методы познания. Именно так он, например, характеризует Законы XII таблиц. Что касается системности изложения в них, то на этот счет бытует весьма распространенное в научном мире ошибочное мнение, что этот архаический свод был лишен какой бы то ни было системы, что вообще свойственно многим раннеклассовым обществам. Однако римляне составляют в этом отношении редкое исключение из общего правила. Исключение это основано на одной весьма важной особенности развития римского архаического права.

Дело в том, что изначально огромное влияние на него оказывала религия и, прежде всего, деятельность понтификов, авгуров и фециалов. В частности, коллегия понтификов выполняла роль хранителей, толкователей норм римского квиритского права и судей, фециалы являлись хранителями и судьями в области международного права войны и мира. Особую роль играла деятельность авгуров. Именно авгуры внесли в римское архаическое право системный принцип, связанный с процессом дивинации, т.е. гадания, своего рода «расследования» божественных знамений, и именно из этого примитивного ритуала родилась римская практика судебного расследования. В нем присутствует простой, но весьма важный во всяком деле чисто римский принцип «разделяй и властвуй» (*divide et impera*). Однако эту поговорку сегодня часто рассматривают лишь в негативном значении уничтожения враждебного целого. Римляне понимали это и в ином, позитивном смысле. Дабы понять какое-либо явление, необходимо разделить его на составные части и обработать (*imperare*) каждую выделенную часть в отдельности на предмет выделения в ней определяющих особенностей и составляющих. Этот принцип авгурской науки уже в древнейший, царский период оказал влияние на метод построения древнейших римских законов, а позднее и на Законы XII таблиц.

К концу VI в. до н.э. сложилась система сакрального права, которая уже различала судопроизводство по государственным и частным делам, зафиксировала деление всех жертвоприношений на публичные и частные, соответственно и деление всех вещей на публичные и частные, на манципируемые и неманципируемые. В начале республики это деление еще более укрепилось благодаря законам Валерия 509 г. и Тарпея 454 г. до н.э., выделив в две особые сферы права дела, разбираемые в судах римских магистратов (*iudicia privata*) и в судах народа (*iudicia publica*). Особую роль в формировании римского республиканского гражданского права сыграли так называемые «священные законы» о власти плебейских трибунов и эдилов, изданные в 494 г. до н.э. в результате победы римского плебса после первой сецессии. Благодаря этим законам плебс получил возможность контролировать цены

и налоги на рынке, а также деятельность магистратов в суде. В первой половине V в. до н.э. сформировалось и само понятие «закон», трактуемое как «приказ народа», в чем особую роль сыграл закон Публилия Волерона 471 г. до н.э., впервые установивший право народа самостоятельно, без контроля патрицианских жрецов, устанавливать законы на трибунных комициях. Наконец, важную роль в формировании системы Законов XII таблиц сыграли союзные договоры римлян с латинами и герниками.

Обращаясь к системе и содержанию Законов XII таблиц, следует выделить три их основные части: *сакральное право*, *право магистратов* (или публичное право римского народа) и *частное право*. Содержание норм первого вида права в целом соответствует изложению их у Цицерона и Варрона и позволяет сделать вывод о том, что сакральное право Законов XII таблиц, так же как и частное, уже различало в своей системе право лиц, вещное право и иски. Эти данные подтверждаются и мнением римских классических юристов, согласно которым вообще «все право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам, или к искам».

«Все право», значит не только частное, но и публичное и входящее в него сакральное право. Соответственно, в первой таблице сначала излагались нормы о понтификах, авгурах, фециалах и жрецах священнодействий, что относится к праву лиц. Далее следовал раздел о священных местах и о жертвоприношениях, что относится к вещному праву. Здесь особенно важным является институт консекрации, или посвящения того или иного частного имущества богам. В эпоху республики такое посвящение означало конфискацию имущества в пользу государства. В число государственных жертвоприношений включались и налоги с доходов, десятины с прироста поголовья скота и с урожая.

Законы XII таблиц различали жертвоприношения публичные и частные, а также такой аналог римских обязательств, как частные и публичные религиозные обеты. Система исков, возможно, еще не вполне отделилась от собственно системы жертвоприношений, рассматривая уголовное наказание как искупительное жертвоприношение. Несомненно, областью сакрального права был важнейший легисакционный иск посредством *sacramentum*, т.е. посредством обещания жертвоприношения в случае проигрыша процесса. Особое место в Законах занимало право погребений, регламентировавшее в X таблице не только ритуал, но и размеры погребальных расходов. В связи с этим нельзя не вспомнить и «право масок» (*ius imaginum* или *ius personarum*), дававшее римлянину почетное право представлять в похоронной процессии всех своих именитых предков. Возможно, абстрактное право лиц классического времени, как и само понятие *persona*, получило свое развитие именно от этого древнейшего ритуала.

В части публичного светского права также имело место деление на лица и вещи. В разделе лиц излагалась компетенция народного собрания и сената, регулировались обязанности консулов, квесторов, судебной коллегии центумвиров, регламентировались права различных территориальных, родовых, профессиональных и религиозных сообществ, которым разрешалось иметь свои общие собрания, культы, местные законы, если только они не противоречили общеримским государственным законам. Особо рассматривалось правовое положение римских союзников, так называемых «форктов

и санатов», имевших с римлянами ряд общих прав: право гостеприимства, военного союза, заключения смешанных браков, коммерции и т.д. Признание за иностранными союзниками Рима равноправия позволило Законам XII таблиц и в целом римскому праву в будущем легко преодолеть рамки узконационального законодательства.

Было ли вещное публичное право выделено в Законах XII таблиц в отдельный раздел, сказать трудно. Несомненно, *res publicae* и *res privatae* уже различались, однако степень разграничения частного и публичного имущества была еще достаточно мала, в отношении недвижимости ограничиваясь лишь частным наделом размером в два югера (0,5 га). Это тем более вероятно в связи с тем, что основные вещные институты действовали в отношении как публичной, так и частной собственности. Например, с помощью «права копья», т.е. посредством виндикационного иска, не только защищалось право частного лица на вещь, но и виндигировалась (конфисковывалась) вещь частного лица или даже иного государства в пользу римского народа, так как само происхождение ритуала *виндикации* с его основным символом – копьем (*vindicta*), связано с правом объявления войны, с соответствующим ритуалом фециалов «пронзения копьем» вражеской земли и с публичными распродажами «под копьем» собственности римского народа, захваченной у врага.

Как известно, через подобные «продажи под копьем» в эпоху республики регулировались такие важнейшие в области публичного права институты, как аренда государственной земли, рудников, соляных копей, сбор поземельных налогов и торговых пошлин, государственные подряды по закупке продовольствия и строительные подряды по возведению, ремонту и содержанию храмов, государственных дорог и акведуков. Вместе с тем уже в Законах XII таблиц виндикация стала одним из основных способов отчуждения манципируемых вещей (земли, рабов, тяглового скота и земельных сервитутов) в пользу частных лиц. В ритуале виндикации в пользу частного лица отчуждающий римский гражданин, касаясь виндиктой вещи (например, раба), произносил знаменитую фразу: «я утверждаю, что этот раб мой по праву квиритов». Однако в эпоху Законов XII таблиц такое утверждение отнюдь не всегда означало установление полной частной собственности, так как приобретатель становился законным частным владельцем при сохранении за римским народом контроля не только за недвижимостью, но и за прочими манципируемыми вещами. Частное владение землей, пусть даже пожизненное и наследственное владение двухьюгеровым наделом, еще не давало полной свободы распоряжения и отчуждения. Это подтверждается нормами Законов XII таблиц о наследовании, так как свобода завещания распространялась лишь на движимое имущество, а само завещание утверждалось решением народного собрания.

Сугубо частнопроводную природу имел другой важнейший юридический институт – «право весов» или классическая *манципация*, обозначавшаяся в Законах XII таблиц термином *пехум*. Через манципацию манципируемые вещи отчуждались от одного частного лица к другому без посредничества римских магистратов, сената и народа, так как для законности манципации было достаточно присутствия пяти римских граждан в качестве свидетелей и еще одного – в качестве весовщика. Институт *пехум*, как и виндикация,

является центральным не только для древнейшего вещного, но и для обязательственного права, так как допускал отчуждение манципируемых вещей, особенно сервитутов (главным образом узуфрукта), в кредит под залог личности должника и неисполнение обязательства по *пехум* вело к рабству или казни должника.

Не менее важным институтом вещного права Законов XII таблиц были *сервитуты*, также имевшие универсальный характер применения как в частном, так и в публичном праве. Даже более того, древнейшие сервитуты прохода, прогона скота, проезда, проведения воды и выпаса скота первоначально развивались именно в области публичного и даже международного права. Так, право свободного прохода, проезда и прогона скота по чужой территории связано с древнейшими военными и торговыми союзами Рима и латинов. Вместе с тем уже в Законах XII таблиц регулировался правовой режим содержания общественных дорог частными владельцами прилегающих к ним земельных участков. Те же законы регулировали правовой режим пользования реками, ручьями и стоками дождевой воды, проходящими по общественной и частной земле. Наконец, к древнейшим относились и сервитуты выпаса частного скота на общественном поле, причем за выпас до 10 голов скота частные владельцы прилегающих к общенародному полю участков не облагались никакими налогами. Право общего пользования публичными дорогами, реками в ирригационных целях, хотя и принадлежало всем римским гражданам, однако достаточно строго регламентировалось римскими законами и сенатусконсультами, в частности, запрещая использование повозок в городах в дневное время, прогон и выпас скота на особо важных публичных дорогах, ограничивая определенным временем поочередное пользование реками для полива садов и огородов и т.д. По мере распределения общественной земли между частными владельцами, а позднее и собственниками земли, многие нормы применения публичных сервитутов стали использоваться и между частниками.

Что касается обязательственного права, то в Законах XII таблиц оно еще не вполне выделилось в особую отрасль, так как по словам римского юриста Помпония «Закон XII таблиц под словом “купля” подразумевает любой вид отчуждения». Та же виндикация (*манципий* Законов XII таблиц) применялась для государственных договоров по откупам, а манципация (*пехум* Законов XII таблиц) – для договоров займа, аренды, продажи в кредит или на время между частными лицами. Древнейшей чисто обязательственной формой вербального договора займа в Законах являлась *стипуляция*, разновидностей которой уже в децемвиральном как частном, так и публичном праве насчитывалось достаточно много. Главным элементом в ней являлось торжественное клятвенное обещание исполнить обязательство. Неисполнение клятвы считалось нарушением еще одного важнейшего института архаического права – *fides*, т.е. верности религиозной клятве. Институт *fides* пронизывал все римское частное и публичное право и, по словам Цицерона, «является основой юстиции». Неисполнение *fides* в международных договорах, в осуществлении магистратом своих обязательств перед народом и в обязательстве несостоятельного должника перед кредитором в равной мере сурово каралось Законами XII таблиц.

Переходя к децемвиральной системе исков и судопроизводства, следует отметить, что и здесь было зафиксировано два основных деления: все гражданское судопроизводство по частным делам, влекущее за собой лишь штраф в размере не более 500 ассов, сосредотачивалось в руках консулов, а крупные гражданские дела с более высоким штрафом рассматривались в сенаторском суде центумвиров или в суде народного собрания. В компетенции суда народа находились также уголовные дела и государственные преступления. В то же время суд народа служил высшей апелляционной инстанцией. Каждый римский гражданин имел право обращения за защитой к народу (*provocatio*) или к его прямым представителям – плебейским трибунам, имевшим право наложения «вето» на несправедливое решение судебного магистрата или судьи. Важно отметить, что крупные дела о наследствах и завещаниях, а также об опеке и попечительстве признавались областью публичного права, так как относились к компетенции суда центумвиров или суда народного собрания.

Второе основное деление архаического судопроизводства связано с двумя разновидностями универсальной исковой формы – *легисакционного* *сакраментального* *иска*, который предъявлялся либо в отношении лиц, либо в отношении вещей. В последнем случае речь идет об уже упоминавшемся виндикационном иске. Следует отметить, что и вещный сакраментальный иск применялся как в частном, так и в публичном праве. Если речь шла о применении этого иска в судопроизводстве по частным делам, то вел иск и выносил судебное решение сам магистрат или назначенный им частный судья, если же иск шел о вещах, принадлежащих всему римскому народу, то магистрат, начав иск, передавал его для вынесения судебного решения сенату, т.е. суду центумвиров, или народу, т.е. суду народных собраний.

Таким образом, уже на раннем этапе, в VII–V вв. до н.э., сформировались основные системные принципы построения римского права. Сложившаяся в Законах XII таблиц система права стала конституционной основой всего гражданского права и на протяжении многих веков сохраняла непререкаемый авторитет, а все последующие республиканские законы, как правило, касались лишь отдельных институтов, не затрагивавших систему права в целом. Вместе с тем краткость и неизбежное устаревание этих законов требовали как минимум их расширительной интерпретации, а в ходе превращения патриархального города-государства в крупнейшую средиземноморскую державу встала необходимость и значительной доработки системы в целом. Эту задачу выполнило уже упоминавшееся выше преторское право, наиболее тесно связанное с реальной жизнью римского общества IV–I вв. до н.э. Особенности системы преторского права связаны со своеобразием развития преторского эдикта.

Преторы и прочие судебные магистраты выбирались народом ежегодно, и кандидаты в ходе предвыборной кампании издавали эдикты – предвыборные обещания по поводу того, как они собираются судить. В случае победы кандидата его предвыборная программа становилась своего рода постоянным уставом, обязательным к исполнению для данного магистрата. Таким образом, ежегодно обновляясь согласно требованиям избирателей, преторский эдикт наиболее активно развивал систему римского права именно в тех частях, совершенствования которых требовало социальное развитие

общества. Среди наиболее важных областей деятельности преторов следует назвать две основные: обязательственное и муниципальное право.

Римское муниципальное право берет свое начало от системы международных военных союзов Рима и италийских народов (прежде всего латинов) в V–IV вв. до н.э. Уже во второй половине IV в. до н.э. римские союзники стали обращаться к римлянам с просьбами дать им римские законы, что и поручалось тем или иным римским магистратам, главным образом преторам. Поскольку в IV–I вв. до н.э. главным источником римского права являлись Законы XII таблиц, то преторы, давая иностранным союзникам законы, в большей или меньшей степени копировали именно эту римскую «конституцию» основ публичного и частного права.

Благодаря тому, что некоторые из такого рода муниципальных законов II в. до н.э. – I в. н.э. сохранились на каменных или бронзовых таблицах, сегодня можно судить об их содержании и структуре. Они представляют собой своего рода муниципальные конституции, устанавливающие основные нормы прежде всего публичного, а также частного права и судопроизводства. Общее деление соответствует схеме «лица–вещи–иски». В разделе лиц излагаются обязанности муниципальных понтификов и авгуров (сакральное право), высших магистратов, сената и народного собрания. В разделе вещей рассматривается управление муниципальным имуществом и откупа муниципального имущества. Основное деление исков – на публичные и частные, причем штрафы, поступающие по сакраментальному иску, находились в ведении понтифика и могли быть использованы только на культовые нужды.

Для составления муниципального законодательства кроме Законов XII таблиц римские магистраты все же не могли не учитывать и местное законодательство, причем в отношении не только своих союзников, но и покоренных народов провинций. Так, в провинции Сицилия осталась нетронутой существовавшая еще до римлян греческая система сбора поземельных податей и откупов, а законодательство о морской торговле союзного Риму греческого о. Родоса, продолжая действовать и при римлянах в Восточном Средиземноморье в качестве международного торгового права и как *ius gentium* было воспринято и самими римлянами.

Степень заимствований главным образом от греков, которые в IV–I вв. до н.э. практически доминировали в Средиземном море в области торговли, была особенно велика именно в обязательственном праве. Благодаря значительной интенсификации в III–I вв. до н.э. собственно римской торговли преторы не только в судебных делах с peregrini, но и в делах между самими римскими гражданами были вынуждены значительно расширить узкие и тяжеловесные рамки *ius commercii* Законов XII таблиц. В этот период в преторском эдикте появляется знаменитое утверждение: «я буду охранять соглашения...» Претор начинает защищать отчуждение манципируемого имущества не только в случаях применения гражданских форм виндикации и манципации или стипуляционных обязательств, но и в случаях неформальной передачи. Это способствует заимствованию из *ius gentium* таких новых форм договоров, как реальные и консенсуальные контракты, ставшие в классическом праве основой римского договорного права. Реальные договоры займа, ссуды, депозита, новые консенсуальные купля–продажа, наем, договоры продажи и поручения не требовали соблюдения формальностей,

что вполне соответствовало требованиям увеличивавшегося коммерческого оборота. Благодаря развитию преторского эдикта был преодолен формализм гражданского права и в области наследования (преторская система наследования по закону и преторское владение наследством), и в области манумиссий (неформальные способы освобождения рабов), однако все это играло второстепенную роль по сравнению с глобальностью изменений обязательственного права. Это одна из причин, почему преторский эдикт стал играть в Поздней республике и в эпоху принципата столь важную роль наряду с гражданским правом Законов XII таблиц.

К сожалению, текст «Постоянного (или Вечного) эдикта», опубликованный только в 131 г. н.э., не сохранился, и о его содержании и системе можно судить лишь на основании отдельных цитат и комментариев к ним у римских классических юристов, содержащихся в Дигестах Юстиниана, в частности, на основании многочисленных фрагментов из почти всех книг «Комментариев к эдикту» юристов времен Северов Ульпиана и Павла. Так как в своих комментариях они следовали порядку изложения самого «Постоянного эдикта», то это позволило правоведам О. Ленелю восстановить не только общий порядок изложения этого важнейшего памятника, но и восстановить 45 отдельных его титулов, разделив их по пяти основным частям эдикта. Согласно О. Ленелю, первая часть эдикта посвящалась начальной стадии преторского судопроизводства и касалась вопросов юрисдикции магистратов, вызова в суд, норм о судебных поверенных, о реституции и т.д. Вторая, наиболее обширная, часть касалась ординарного судопроизводства: вещных исков о наследстве, о виндикации, узуфрукте и сервитутах, смешанных исков о причинении имущественного ущерба, об установлении границ, о разделе общего имущества, о нарушенном праве погребения. Далее следуют личные иски о кредите, займе, ссуде, имущественной ответственности за действия подвластных, иски «доброй совести» из депозита, фидуции, поручения, товарищества, купли-продажи, найма и т.д. Следующие за ними иски связаны с бракоразводными процессами, охраной прав зачатого ребенка, опекой, воровством, правом патроната.

Третья часть «Постоянного эдикта» посвящена, по выкладкам О. Ленеля, экстраординарной преторской «помощи» гражданскому праву, в частности различным случаям предоставления преторского владения наследнику по закону или по завещанию, в случае угрозы причинения ущерба и т.п. Здесь же рассматриваются тяжбы против незаконных действий публиканов и о правонарушениях. Четвертая часть эдикта регламентирует преторские меры, применявшиеся уже после вынесения судебного решения с целью его исполнения, а пятая часть рассматривает различные преторские интердикты, эксцепции и стипуляции.

Рассмотренная система изложения преторского эдикта как будто позволяет сделать вывод о том, что он значительно отличался от рассмотренной выше системы Законов XII таблиц. Действительно, деление на лица и вещи здесь выражено только в различении вещных и личных исков, здесь почти нет норм сакрального, публичного и уголовного права. Тогда как объяснить слова Гая о том, что в эдиктах городского претора и претора peregrinorum право представлено самым широчайшим образом? Что означают также слова Цицерона о том, что «преторы да охраняют гражданское право», а также

слова Марциана о том, что «преторское право является живым голосом гражданского права»? Наконец, почему Цицерон отмечает, что римляне в его время стали чаще черпать учение о праве не из Законов XII таблиц, а из преторского эдикта?

Во-первых, постоянный преторский эдикт «не являлся кодексом права», и «о его природе нельзя судить иначе как из обязанности преторской юрисдикции», иными словами, эдикт главным образом объяснял, как претор обязуется осуществлять свою юрисдикцию. Во-вторых, преторский эдикт отнюдь не отменял Законов XII таблиц, однако ко времени Цицерона почти полностью вытеснил легисакционные иски из области судопроизводства по частным делам. В-третьих, следует отметить, что О. Ленель, воссоздавая облик гражданского римского права, сознательно или неосознанно игнорировал данные о публичном праве, поэтому часть эдикта, касающаяся публичного права, нуждается в серьезной исследовательской доработке. Если внимательно рассмотреть все отрывки из комментариев Ульпиана и Павла к преторскому эдикту, то выяснится, что претор говорил о лицах с точки зрения как частного, так и публичного права.

Действительно, первые титулы эдикта касались прав гражданства, свободы, места жительства, семейного положения, гражданских повинностей, сената и статуса сенаторов, обязанностей муниципальных и иных магистратов. В этих комментариях также идет речь о публичных судах, об уголовных преступлениях, об управлении государственным имуществом, о публичных откупках и о праве фиска, о военном деле, о сакральных, религиозных и публичных вещах. Наконец, значительная часть преторских интердиктов посвящена пользованию публичными дорогами, акведуками, реками и т.д. Таким образом, слова Гая о чрезвычайной широте преторского права находят свое подтверждение в комментариях юристов к преторскому эдикту. Хорошо известно, что в эпоху республики преторы, председательствуя в комиссиях публичных и уголовных судов, принимали к рассмотрению самые разнообразные уголовные дела, управляя целыми провинциями, руководили и системой государственных откупов, а при принцепате и системой государственных поставок продовольствия, и делами императорского фиска. Эта широчайшая область публичного права не могла не отразиться и в преторском эдикте.

Наконец, следует учитывать и еще одно обстоятельство: Ульпиан и Павел комментировали «Постоянный эдикт», принятый в 131 г. н.э., т.е. в эпоху, когда публичное право было сосредоточено в руках принцепса, ушло из компетенции народного собрания, а следовательно, область и характер его применения значительно сузилась по сравнению с эпохой республики. Именно поэтому частное право в количественном плане в этот период значительно преобладало. Лишь на муниципальном уровне роль народного собрания еще сохраняла свое значение, не случайно, поэтому, преторский эдикт в его изложении Павлом и Ульпианом начинается именно с регулирования прав и обязанностей граждан муниципиев и муниципальных магистратов.

Важнейший вклад в развитие системы римского права, позволяющий и сегодня называть вклад древних римлян «наукой права» и «писанным разумом», несомненно, внесла римская юриспруденция. Деятельность римских юристов распространялась на все области как сакрального и светского публичного, так и частного права. Сама юриспруденция понималась римлянами

как «познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом», а сами юристы – «жрецами..., стремящимися к познанию истинной, а не мнимой философии». Главным в их деятельности было толкование «цивильного права на основе Законов XII таблиц и эдиктов магистратов», пользующееся доверием и одобрением граждан. Важно отметить, что Помпоний отделяет собственно Законы XII таблиц от права, основанного на толковании мудрецов, которое в отличие от других частей права «не имело своего названия» и именовалось просто «цивильным правом».

Это первоначально неписанное право находилось в руках понтификов, почти 100 лет после издания Законов XII таблиц руководивших частными тяжбами римских граждан, и не выделялось из общей массы права, так как «в течение многих веков цивильное право было скрыто среди жертвоприношений и ритуалов в честь бессмертных богов, и его знали лишь понтифики». Помимо ведения частных дел понтифики давали ответы на любые вопросы, касающиеся права. Эти «Ответы» (*Responsa*) понтификов были двух родов: по публичному праву на запросы царей, магистратов или сената, и по частному праву – на запросы частных римских граждан. Однако после издания Флавием в конце IV в. до н.э. цивильного права, содержащего «Фасты», т.е. календарный план ведения исков по частным делам, и после того как понтифик и юрист Тиберий Корунканий в середине III в. до н.э. начал публичное преподавание цивильного права, эту область права перестали «держат в тайне», что способствовало быстрому развитию науки частного права.

Следует подчеркнуть, что понятие «цивильное право» в конце Республики и во все последующие эпохи имело два основных значения: во-первых, в широком значении оно понималось как все «право, которое народ установил для себя», «установленное законом или обычаем в делах частных и государственных»; во-вторых, в узком значении оно трактовалось как «право, происходящее из авторитета мудрецов», т.е. как часть всего цивильного права, тем не менее носящее то же название. В I в. до н.э. разделение всего цивильного права на отдельные отрасли, «части права», достигла того уровня, когда религиозное право понтификов и авгуров не должно было смешиваться со светским правом юристов, в светском же праве в свою очередь различались частное цивильное право и публичное право управления государственным имуществом.

Цицерон кратко изложил диалектические методы юристов, превратившие римское право в науку. Это прежде всего разделение целого на части в зависимости от той конкретной цели, которая стоит перед той или иной областью права. Соответственно, когда римские юристы писали обо всем цивильном праве, то это были комментарии к Законам XII таблиц; если речь шла о преторском праве, то это были комментарии к эдикту; общие же комментарии как Законов XII таблиц, так и преторского эдикта назывались «дигестами». Сочинение в области частного гражданского права, разрабатываемого на основе соответствующих частей Законов XII таблиц и преторского эдикта, обычно называлось «цивильное право».

Первым научную систематизацию частного гражданского права предпринял понтифик и юрист Квинт Муций Сцевола, распределив его по отдельным родам. По словам Цицерона, он отличался искусством «различать истину и ложь в вопросах права и справедливости, удивительно способный

со всей краткостью излагать сущность дела». Излагал Сцевола эту область прав в следующем порядке: сначала рассматривалось наследственное право: завещания, завещательные отказы, наследование по закону; затем право лиц: права лиц своего и чужого права, отцовская власть, опека, манумиссии; в третью очередь излагались институты вещного права: гражданские способы отчуждения вещей, владение, приобретение по давности владения, сервитуты; наконец, в обязательном праве рассматривались стипуляции, возмещение ущерба по закону Аквилы, коллегии, товарищества, право постлиминия, кондикции, купля–продажа и деликты.

Данная система с незначительными изменениями была воспроизведена в начале I в. н.э. знаменитым римским юристом Массурием Сабинум в трех его книгах «Гражданского права», а затем и многими другими юристами, в частности Помпонием, Павлом и Ульпианом, благодаря многолетним трудам которых и удалось восстановить «систему Сабина». Однако по настоящему превратил римское право в науку младший современник Сцеволы – Сервий Сульпиций Руф. Изучив основы научных знаний и прежде всего греческую диалектику на о. Родос, он впервые сумел применить ее к римскому праву. Цицерон, выделяя Сульпиция среди всех прочих юристов, писал о нем следующее: «У Сцеволы, как и многих других, был только большой практический опыт, теорию же права знал один лишь Сульпиций. Он никогда не достиг бы этих знаний, если бы не овладел еще и той наукой (диалектикой), которая учит разлагать целое на части, неясное раскрывать определением, темное разъяснять истолкованием, двусмысленное выделять и размежевывать и, наконец, с помощью некоторого правила отличать истинные суждения от ложных и правильные выводы от неправильных... Этой наукой всех наук Сульпиций в своих ответах и исках, как огромным факелом, осветил все те предметы, среди которых, как в потемках, блуждали его предшественники». По всей видимости, эту науку диалектики Сульпиций продемонстрировал прежде всего в главном своем труде – «Комментариях к Закону XII таблиц» в 180 книгах. К сожалению, этот труд за исключением нескольких ссылок на него, совершенно не сохранился.

Следует отметить, что среди римских юристов Поздней республики и принципата прослеживаются тенденции к узкой специализации в той или иной области права. Так, наряду с работами общего плана типа «Ответов» или «О гражданском праве» Требаций Теста специализировался на сакральном праве, написав 11 книг «De religionibus», Квинт Фабий Пиктор и Антистий Лабейон – на понтификальном праве, Луций Юлий Цезарь, Гай Семпроний Тудитан и Аппий Клавдий Пульхр – на праве магистратов, Луций Цинций – на праве народных собраний и консульской власти. Ульпиан и Каллистрат были знатоками права фиска, Павел – публичных и уголовных судов и наказаний, а Патерн и Макр – военного права. Атей Капитон также писал главным образом о публичном и сакральном праве, Манилий был знатоком формул договоров купли–продажи, Луций Нераций Приск – брачного права, Секст Педий – стипуляции, Папиниан посвятил два труда прелюбодеяниям, Помпоний, Мециан и Валент – «фидеикомиссам», Модестин – завещаниям и т.д.

Как в общих, так и особенно в специальных работах римские юристы постоянно проводили систематизацию норм права, давали определения отдельным понятиям, институтам и областям права, а благодаря постоянному

опыту дачи ответов по конкретным казусам, ведению конкретных тяжб и помощи римским гражданам в составлении договоров, завещаний и иных юридических актов они строили всю теорию права на мощном фундаменте огромного числа юридических казусов. Такая тесная связь теории с практикой и сделала разработанное юристами право на долгие века универсальным средством для многих европейских народов.

В конкретных комментариях и ответах римские юристы были в той или иной мере привязаны к патриархальной системе Законов XII таблиц и к преторскому эдикту, однако благодаря развитию публичного преподавания права развился и еще один жанр юридических произведений – *институций*, т.е. лекций по римскому праву, где римские юристы в наиболее абстрактной общей форме, не связанной напрямую с действующим правом, излагали свои общие теоретические представления. Поэтому именно в «институциях» классических юристов Гая, Флорентина, Ульпиана, Павла, Каллистрата и Марциана система и теория римского права были построены в наиболее ясной, логичной и целостной манере. Институциональная система, основанная на принципе трехчастного деления всего римского права на лица, вещи и иски, сжато, ясно и весьма логично излагает учение о положении лиц, о видах вещей, о владении и приобретении вещей в собственности, о сервитутах, о праве наследования, об обязательствах из договоров и деликтов, о делении исков и средствах преторской защиты. Именно эта система римского права, очищенная от наслоений, и стала основной моделью развития всего права континентальной Европы в средние века, новое и новейшее время. К сожалению, дошедшие до нас почти полностью «Институции» Гая в 4-х книгах посвящены главным образом частному праву, поэтому и институциональная система применяется в современной юриспруденции лишь в отношении частного права. Судя по дошедшим до нас фрагментам 18 книг «Институций» Марциана были гораздо более пространны и затрагивали в том числе и публичное право, в частности в учениях о вещах и в исках по государственным преступлениям.

В заключение обзора развития системы римского права, необходимо остановиться на знаменитой кодификации Юстиниана VI в. н.э. – основном источнике наших сведений о всей римской юриспруденции. «Институции» Юстиниана в 4-х книгах по своей системе изложения и краткости повторяют «Институции» Гая, однако дополняются нормами публичного права, в чем, видимо, сказалось и влияние других институций, в частности Марциана. Что касается ценнейшей части «*Corpus Iuris Civilis*» Дигест Юстиниана, представляющих собой систематизированное собрание фрагментов из самых разнообразных сочинений римских юристов, то они в целом следуют системе «Постоянного эдикта» и Кодекса Юстиниана.

В соответствии с порядком «Постоянного эдикта» 2–4-я книги Дигест говорят о предварительной стадии процесса *in iure* у магистрата, т.е. до передачи дела в суд, далее книги с 5-й по 22-ю рассматривают вещные, смешанные и личные иски, книги 23–25 рассматривают иски брачного права, а 26–27 – иски из опеки и попечительства. Значительный блок с 28-й по 36-ю книги посвящены римскому наследственному праву, а в 37–38-й книгах речь идет о преторских интердиктах по защите добросовестного владения. Далее следуют преторские средства защиты публичного (о новом строительстве

и публиканах) и частного права (об угрозе ущерба); 41-я книга посвящена собственности и владению. Содержание 42-й, 44-й и 45-й книг Дигест в целом соответствует системе изложения заключительной части «Постоянного эдикта», где говорится об исполнении судебного решения, эксцепциях и преторских стипуляциях. Особо следует выделить содержание 43-й книги, где наряду с преторскими интердиктами о защите владения и частных сервитутов значительное внимание уделяется интердиктам о защите пользования публичными сервитутами.

Четыре книги Дигест посвящены публичному праву: первая книга – праву магистратов, 48-я – государственным и уголовным преступлениям, 49-я – праву апелляции и военному праву, 50-я – муниципальному праву. Конечно, эти разделы имелись и в «Постоянном эдикте», однако они почти не сохранились и поэтому не всегда ясно, где именно они располагались в системе изложения эдикта.

Переходя к системе права в 12 книгах Кодекса Юстиниана, следует отметить, что и он также во многом следует порядку изложения «Постоянного эдикта», однако в отличие от Дигест Кодекс Юстиниана был собранием императорских законов всего римского права, т.е. в нем гораздо больше места (до 50%) уделено публичному праву. В книгах со второй по восьмую в целом воспроизводится порядок «Постоянного эдикта», однако среди титулов, посвященных частному вещному праву встречаются и отдельные титулы по публичному вещному праву, а в разделе обязательственного права – титулы по государственным контрактам. Первая же книга Кодекса целиком посвящена сакральному праву и праву магистратов, девятая книга – уголовному праву, а в 10–12-й книгах рассматриваются исключительно нормы публичного права: о праве фиска, налогах, муниципиях, гражданских повинностях, публичных сервитутах, цензе, управлении государственной собственностью, обязанностях магистратов и сенаторов и о военном праве. Такое значительное внимание публичному праву именно в Кодексе не случайно. Юстиниан построил свой кодекс по образцу Законов XII таблиц. Ведь подобно им это была именно кодификация полного свода законов из области как публичного, так и частного права. Вообще следует сказать, что римскому публичному праву в смысле сохранности повезло гораздо меньше, чем частному: в систематизированном виде оно представлено только у Юстиниана и только для позднего периода конца II – VI в. н.э. Многочисленные источники по публичному праву более раннего периода до нас почти не дошли, если не считать частично сохранившегося трактата Цицерона «О законах» и нескольких, главным образом, муниципальных законов.

В итоге хотелось бы отметить одну идею о том, что римское публичное и частное право развивались параллельно, что нередко одни и те же юридические институты обслуживали и публичное, и частное право. Речь, например, идет о таких институтах как лица, вещи, сервитуты, узуфрукт, виндикация, обязательство, договор, деликт и т.д. К сожалению, современные юристы осознанно восприняли лишь систему частного римского права, а в области современного публичного права и сегодня ощущается отсутствие или недостаток общей научной систематизации.

Свод гражданского права позволил донести до наших дней огромное богатство римской правовой науки, показать аналитическое совершенство

толкований всевозможных юридических казусов. Эти толкования до настоящего времени считаются лучшей школой для подготовки правоведов. Римское право оказало огромное влияние на развитие европейского права вплоть до современности.

* * *

Говоря об огромном значении римского права в развитии правовой культуры всей современной Европы и даже всего западного мира, следует прежде всего отметить, что знаменитый Свод гражданского права (*Corpus iuris civilis*) Восточной Римской империи VI в. н.э. просуществовал как действующее право в самой Византии еще почти тысячу лет после гибели Западной империи, а в Европе – более 1400 лет. Римское латинское законодательство действовало в грекоязычной Византии вплоть до середины VIII в. Однако уже при самом Юстиниане начали разрабатывать сборники церковного права на греческом языке, получившие название «Номоканон». В VIII в. были опубликованы краткие переработки римского права на греческом языке: «Эклога», Земледельческий закон, Родосский закон о морской торговле, Воинский закон, а в конце IX в. император Василий Македонянин издал сокращенное руководство для судей на греческом языке, получившее название «Прохирон», наконец, при его преемнике – императоре Льве Мудром (886–911 гг.) была осуществлена грандиозная переработка всего юстиниановского законодательства в полном объеме, названная «Базиликами» («Царскими книгами»).

Влияние на Руси римского права через посредничество Византии следует связывать с принятием в 988 г. христианства. Многие судебники Древней Руси прямо ссылаются на греческие переводы законодательства Юстиниана, заимствуя порой как систему, так и отдельные юридические нормы. Известны также древнейшие (XI–XII вв.) переводы на русский язык Новелл Юстиниана, выдержек из его Кодекса и Дигест, собранных, в частности, в знаменитом своде церковного права, так называемой «Кормчей книге» XI–XVI вв. Наиболее древние пласты брачного, наследственного, обязательственного, уголовного и налогового права именно в этот период активно заимствовались из «Номоканона», Новелл, Дигест и Кодекса Юстиниана. Особенно важен такой незаслуженно остающийся без внимания отечественных историков права судебный сборник конца XIII в., как «Мерило Праведное», вобравшее в себя самые разнообразные цитаты из Свода Юстиниана и других римско-византийских сборников.

Вторая волна влияния римского права на Россию связана с падением Константинополя в 1453 г. и гибелью Восточной Римской империи. Все инстинкты римской власти, а вместе с ними и некоторые принципы и положения публичного, уголовного, наследственного и семейного римско-византийского права были унаследованы русскими царями.

Обращаясь к вопросу о влиянии римского права на гражданское право в России XVIII–XX веков, следует отметить, что наше гражданское право традиционно формировалось под влиянием прежде всего германского пандектного права, через которое пришло к нам и римское право. Не только университетские курсы римского частного права в общем строились на гер-

манской школе римского права, но влияние пандектной немецкой школы сказывалось и в законодательной сфере. Так, проект Германского гражданского уложения был очень важным каналом влияния на проект российского уложения, что отразилось в Гражданском кодексе 1922 г., а затем и в кодификации гражданского законодательства 60-х годов XX в. и в нашей последней кодификации ГК РФ. Институты, которые в действующем ГК РФ можно отнести к римскому праву, весьма многочисленны и разнообразны, например виндикационный и кондикционный иски, реальные и консенсуальные контракты – это термины римские. Само определение понятия собственности, характеристика режимов деления вещей, владения и прав на чужие вещи в ГК РФ во многом аналогично римскому. Те же самые понятия деликтного права в ГК РФ использовали идеи римского права, и т.д.

После гибели Западной Римской империи римское право продолжало действовать и в Западной Европе VI–XI вв. через юридические сборники варварских королевств, например «Бревиарий» Алариха в Испании. Нормы римского права активно рецепировались также и Корпусом канонического права, в основу которого была положена книга о праве из «Начал» Исидора Севильского и главным принципом которого был тезис «Церковь живет по римскому закону».

Однако настоящим возрождением изучения и преподавания римского права стало создание в 1088 г. знаменитой Болонской школы – первого европейского университета, где силами глоссатора Ирнерия преподавание права стало основываться на глубоком изучении рукописи Дигест Юстиниана. Ирнерий и его ученики Булгар, Мартин, Якоб и Гуго давали к Дигестам, Кодексу и Институциям Юстиниана свои комментарии, называвшиеся глоссами. Выходцы Болонского университета создали по всей Европе ряд аналогичных университетов с внутренней автономией и избираемым из числа преподавателей ректором. Во всех этих университетах преподавание права, т.е. изучение Дигест Юстиниана, велось на латинском языке. Таким образом, римское право стало общим правом Европы (*ius commune*).

Все законодательство Священной Римской империи также велось на латыни, которая была общим языком этого многоязычного государственного образования, и называлось «римским правом германских императоров».

Римское право в XVIII–XIX вв. во многих странах Европы было действующим правом. В судах было обычным ссылаться на те или иные нормы Дигест и Институций Юстиниана. В университетах, например Германии, действующее гражданское право преподавалось на латыни на кафедрах римского права, выполнявших роль современных кафедр гражданского права. Вместе с тем со второй половины XVIII в. начинается активный процесс создания национальных кодексов, написанных на национальных языках. Так, в 1756 г. издается Кодекс Баварии, в 1794 – Прусское земское уложение, в 1811 – Общее гражданское уложение Австрии, формально отменявшие прямое применение римского права, в 1804 г. – Гражданский кодекс Наполеона, моделью системы изложения которого стали Институции Юстиниана. Краткость и ясность французского кодекса сделали его весьма популярным в мире и многие страны (например, Латинской Америки) взяли его за образец при создании собственных кодексов.

После объединения Германии в 1871 г. немцы также приступили к созданию единого гражданского кодекса и в 1896 г. был принят проект, вступивший в силу как Германское гражданское уложение с 1 января 1900 г. Формально с этого момента римское право на территории Германии перестало быть правом прямого действия. Вместе с тем действующее и поныне Германское гражданское уложение построено по системе Дигест (Пандект) Юстиниана и использует все ту же систему и все те же институты римского права, переведенные на немецкий язык.

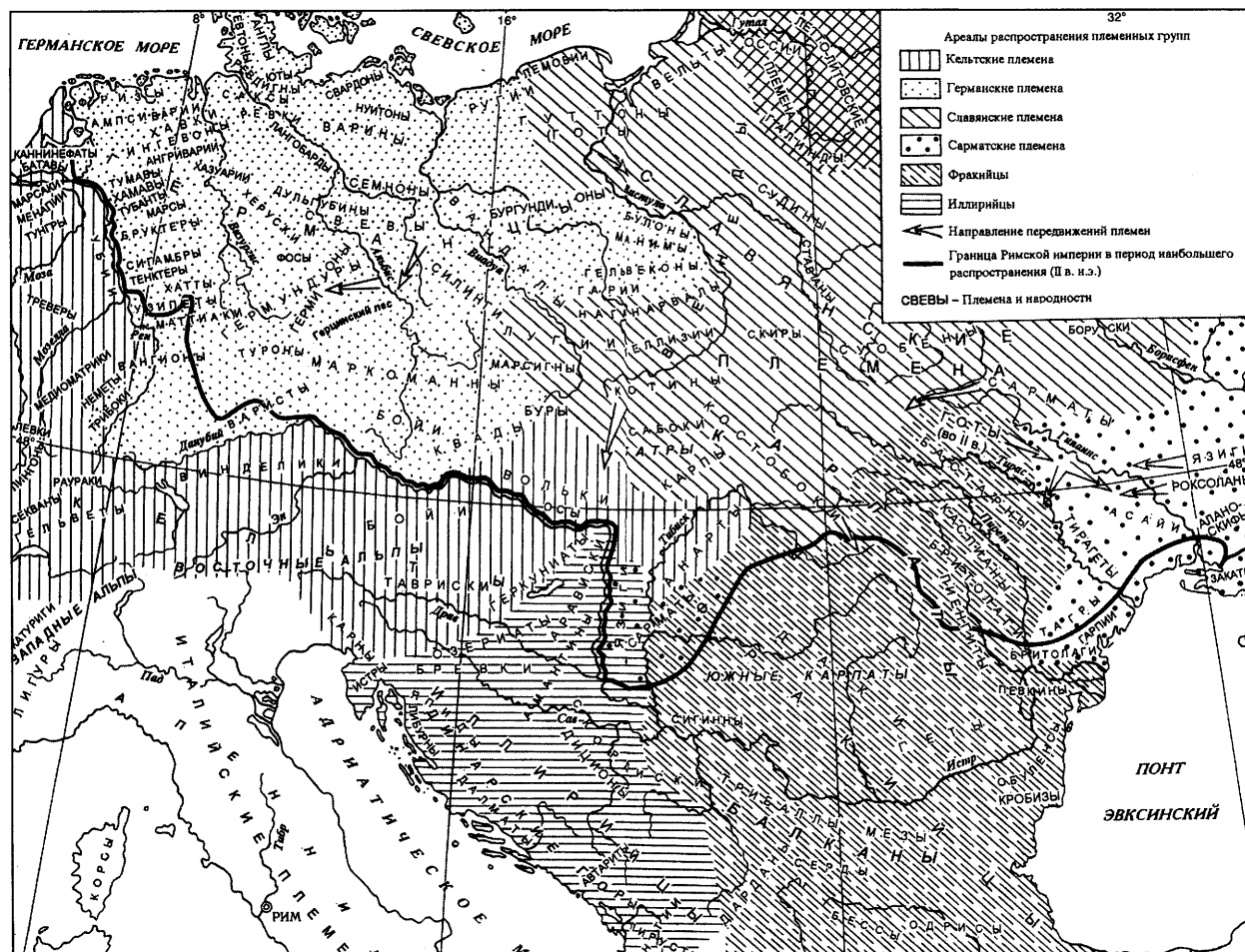
В современном мире, несмотря на известный кризис континентальной и англосаксонской систем права, роль римского права как научной основы современного права, остается очень высокой. В современной Италии, Испании, Франции, Германии и других странах Европы особое внимание уделяется изучению римского права именно как научной основе для выработки новых идей и институтов современного права общей Европы. В Германии все большую силу приобретает неопандектизм, вырабатывающий на основе анализа действующих римско-правовых систем новые концепции права. Активно развивается изучение и преподавание римского права и в странах, традиционно опирающиеся на иные правовые системы, например в Китае. Именно с целью развития правовой науки и преподается сегодня римское право и в России.

НАРОДЫ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ

История греко-римской цивилизации Средиземноморья развивалась одновременно с процессом становления огромного, многообразного мира оседлых, кочевых и полукочевых племен внутренних континентальных территорий Европы. Материалы археологических исследований подтверждают, что ко второй половине I тысячелетия до н.э. племенной мир у северных пределов греко-римской цивилизации находился на этапе стремительного развития. Здесь непосредственно в результате эволюции местных древностей сложилось несколько этнокультурных зон, шла перегруппировка племен, их культурная трансформация. Она сопровождалась выделением хозяйственно-культурных, социально-потестарных и этнических особенностей данного исторического региона, способствовала укреплению внутрплеменного единства и многообразия племенных миров.

ФОРМИРОВАНИЕ АРЕАЛА БАРБАРИКУМ

Благодаря греко-римской письменной традиции в I тысячелетии до н.э. европейский племенной мир у северных границ античной цивилизации впервые получил свое имя – *Barbaria*, *Barbaricum*. Этот собирательный образ рожден коммуникативным опытом, имел альтернативный характер, маркируя чужие, неведомые края, «заграницу», фиксируя пропасть между варварством и цивилизацией. Противопоставляя себя внешнему окружению, греки и римляне стремились освоить его материально, путем колонизаций, торговой экспансии и завоеваний. Вступая в контакт с варварами, они отличали «инакость», «непохожесть» представителей других народов. В середине I тысячелетия до н.э. население античного мира уже отличало себя от соседей по принципу «мы – они», «свой – чужой». Однако это противопоставление было обусловлено не столько этническими, сколько потестарно-политическими мотивами. «Мы» – это жители полиса и те, кто имел римское гражданство. «Они» – это все племена и народы, находящиеся вне полисных структур или римского гражданства. Барбарикум стал альтернативой единству античной цивилизации, которое скреплялось языком, образованием, ментальностью, групповой организацией, образом жизни и религиозными представлениями ее членов. Но противостояние варварского мира греко-римскому всегда являлось оборотной стороной единства как греков, так и римлян, отражением их полисного восприятия мира. Само появление антиязы «эллина-варвары» свидетельствует о новом, свойственном античному миру способе осмыслить и зафиксировать окружающую реальность. Итак, когда в период «осевого времени» состоялся переворот в осознании мира,

Этническая карта варварского мира Европы I-II вв. н.э.

греческая ойкумена противопоставила себя варварам (середина I тысячелетия до н.э.) и это обособление имело далеко идущие последствия. На этой оси времени произошло становление истории Барбарикума как субъекта, как части всемирной истории.

Понятие «варвар» впервые появляется в конце VI в. до н.э. у историка Гекатея Милетского. Оно возникло с появлением этнического самосознания греков, формирование которого, как полагают современные исследователи, началось уже в период архаики, на волне Великой греческой колонизации (VIII–VI вв. до н.э.), затем стремительно развивалось в ходе Греко-персидских войн (V в. до н.э.), и завершилось в III–II вв. до н.э. Понятие «варвар» появилось у греков как оценочное, главное отрицательное назначение которого оттенить собственные положительные качества и достоинства. С этого времени античная ментальность фактически разделила человечество на два взаимосвязанных и принципиально разных мира – «цивилизованный» и «варварский», порождая феномены взаимного отчуждения и взаимной идеализации. Соотнесение себя с «варваром» помогало и грекам, и римлянам определить собственное своеобразие. При выделении странностей поведения варвара как «чужого» рождалась особая симпатия к «своему» миру и отказ от «чужого» как чуждого. Варвар как «другой» изгонялся из области позитивных ценностей и чаще всего выступал символом опасности. Он был беспокойным и неудобным оппонентом греко-римской системы ценностей и интересов, поэтому ракурс восприятия его постоянно менялся. Когда завершился процесс формирования культурно-языковой общности римлян (рубеж н.э.), Барбарикум считался уже частью ойкумены, неким ведомым римлянам земным пространством народов, не знающих организованной налаженной жизни полисного типа, народов всегда странствующих и странных, живущих вне гражданской общности, которая предполагает взаимную помощь и доброжелательность, пребывающих в хаосе местнических интересов, где отсутствует справедливость и закон. И это полиэтничное племенное многообразие периферийных народов воспринималось как чужеродное, объединяясь понятием «варварство» в смысле уклада и принципов жизни.

Три круга ассоциаций делали восприятие образа варвара почти автоматическим. Первый – лингвистический: варвар – это тот, кто говорил по-варварски, на ином языке, непонятном для говорящих на греческом и на латыни. В IV в. до н.э. древнегреческие историки различали всего четыре варварские (т.е. не говорившие по-гречески) народа: кельтов, скифов, персов и ливийцев. Второй круг – этический: варвару присущи низкие моральные качества (вероломство, невежество, бесчестие, жестокость, коварство и др.). И те, кто не обладал «пайдейей» (воспитанием) считались варварами. Наконец, третий круг – этнический: варвар – это иностранец, чужеземец, чужак, олицетворявший жителей ближней и дальней периферии античной цивилизации.

Поскольку во второй половине I тысячелетия до н.э. племена и народы Барбарикума еще не создали своей системы письма, образ варварского мира исследователи восстанавливают через проявления его материальной культуры, которая представлена комплексом различных археологических памятников. Опираясь на этот материал, а также на письменную греко-римскую традицию и новейшие лингвистические разработки, исследователи условно выделяют в Барбарикуме несколько варварских миров, консолидировавших разные регионы европейского этнического пространства. С началом индивидуализации земледельческих и кочевых народов в «первом» железном веке, в эпоху так называемой Гальштатской культуры (VIII–V вв. до н.э.), нарас-

тало разнообразие и пестрота мира. Во «втором железном» веке, в эпоху так называемой Латенской культуры (V в. до н.э. – рубеж н.э.) оно оформилось в «ковер» варварских миров – кельтской, иллирийской, фракийской и скифской культурно-исторических общностей. Закладывались основы для германского, балтского и славянского миров. В единый Барбарикум эти миры объединяло не только их прошлое, но и общие перспективы и тенденции движения к будущему. Так, в прошлом они имели общих предков – индоевропейцев, в будущем – ни один из них не пришел к цивилизации, хотя «железная революция» почти всем открывала этот путь. В конечном итоге каждый из этих варварских миров был либо поглощен античной цивилизацией, либо оказался жертвой завоеваний.

КЕЛЬТСКАЯ ЕВРОПА

В середине I тысячелетия до н.э. среди племен Барбарикума по своей внешней активности выделяются воинственные индоевропейские племена кельтов, первоначально обитавшие, как сообщают древние авторы, «по ту сторону Альп», в верховьях Рейна и Дуная. Отсюда началось их расселение по всему континенту и в течение нескольких столетий эта экспансия составляла один из наиболее существенных политических факторов в жизни государств Средиземноморья. Кельты ведут опустошительные войны с этрусками и римлянами, совершают набеги в Грецию, вторгаются в Малую Азию. В ходе миграций они устанавливают господство на огромной территории, от Британских о-вов до Карпат и Западного Причерноморья, включая почти весь Пиренейский п-ов и Галлию. В пору своего предельного расширения кельтский мир охватил три четверти Европы.

Среди исследователей нет однозначного и окончательного ответа на вопрос о месте кельтов в истории. В развитии кельтских археологических памятников обычно выделяют *Гальштатский* (от могильника у г. Гальштат в 50 км к востоку от Зальцбурга в Австрии) и *Латенский* (от поселения Ла Тен на северном берегу о. Невшатель в Швейцарии) периоды. Тщательно изучив Гальштатскую культуру, которая подразделяется на две большие области (западную и восточную), особенности ее проявления в западной части Альп, археологи достаточно определенно отнесли ее к кельтам. Большинство исследователей склонны считать Гальштат завершающей ступенью этногенеза кельтов, их «колыбелью». Около 750 г. до н.э. живительная среда Гальштата завершила формирование кельтов и их языка.

Гальштатцы были потомками древнего населения Центральной Европы, которое относилось к культуре *полей погребальных урн*. Они контролировали торговые пути вдоль Роны, Сены, Рейна и Дуная, являлись торговыми посредниками между Центральной Европой и Средиземноморьем. Характерный элемент материальной культуры гальштатских кельтов – погребения с культовой четырехколесной повозкой. Они представляли собой пышные курганные захоронения, мужские или женские, с большим количеством керамики и украшений. Оружия в таких погребениях было сравнительно мало. Но его наличие, а также искуснейшие изделия из золота (торквесы, ожерелья, браслеты, кольца, броши и др.), а также привезенная из греческих и этрусских городов высокохудожественная бронзовая посуда свидетельствуют о существовании у кельтов знати. Эти так называемые «княжеские захоро-

нения» были распространены в верховьях Сены, Рейна и Дуная (например, Хойнебург, Викс, Хандерзинг). Могильники вождей в разных местах свидетельствуют о любви кельтов к роскоши, о неожиданно дальних торговых контактах Гальштатской культуры, в том числе с Массалией, Этрурией, регионами севера, откуда поставляли янтарь, с Испанией и Китаем. В немалой степени подъему кельтской знати Гальштатского периода способствовало наличие в Гальштате древних и очень значительных соляных копей.

Продвигаясь на запад, гальштатцы ввели в употребление железное оружие, что помогло им подчинить другие кельтские племена. Приблизительно в VII в. до н.э. (период Гальштат С) значительная часть кельтских племен проникла на Пиренейский п-ов, где они смешались с местными неиндоевропейскими племенами иберов и лузитан, получив название «кельтиберов». Заняв северную и центральную часть Испании, кельтиберы совершали военные походы на территории Пиренейского п-ова, частично оседая небольшими группами в новых местах. В VI в. до н.э. здесь возникла Кельтиберская культура, сохранившаяся до вторжения римлян. Вероятно, не позднее III в. до н.э. кельты заимствовали у иберов особую фонетико-слоговую письменность, в основе которой лежал финикийский алфавит, а позже (I в. до н.э.—II в. н.э.) пытались использовать латинский алфавит.

В VI в. до н.э. часть кельтских племен мигрировала из заальпийских областей в западную Ломбардию, став составной частью культуры Голасекка, предположительно связываемой с лигурами. На обширной территории в районе о. Комо, области Варезе, Павии и Тичино кельты смешались с лигурами, вступили в тесные контакты с этрусками и венетами. Здесь кельты занимались земледелием, скотоводством, торговлей и ремеслом, а малое количество оружия в погребениях свидетельствует о миролюбивом характере этих племен.

Гальштатская культура стала основой кристаллизации Латенской, принадлежность которой кельтам у исследователей не вызывает никакого сомнения. О кельтах эпохи Латен уже пишут античные авторы от Гекатея Милетского (ок. V в. до н.э.) и Геродота (V в. до н.э.) до Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) и Юлия Цезаря (I в. до н.э.). По двум причинам кельты в середине I тысячелетия до н.э. не могли не обратить на себя внимание греко-римского мира. Во-первых, среда кельтской знати сформировала новый вкус, зародила своеобразный, называемый «вальдальгесхеймским» (от Вальдальгесхейма в округе Кройцнах), стиль кельтского искусства, который проник во все европейские области кельтского проживания. Искусно выполненные золотые или бронзовые торквесы, фибулы, плоские кольца, диадемы, тяжелые серьги, кольца, браслеты, пряжки для поясов рассеяны по всему континенту как знак присутствия кельтского культурного влияния. Кельтское искусство Латена является своеобразным койне — интернациональным языком европейского варварского мира V—I вв. до н.э. Это искусство опиралось на интерес к графической стилистике, на экспрессивность в изображении животных и людей, придавая им фантастические или пугающие черты, вызывая ощущение ирреальности. Такой оригинальный стиль, отмеченный в литературе как «диснеевский», как «стиль Чеширского Кота», резко контрастировал с гармоничным и рациональным искусством греко-римского мира.

Вторая причина интереса к кельтам состояла в том, что с эпохи Латена они вступили в период наибольшего размаха экспансии, что многократно зафиксировано греко-римской письменной традицией и археологическим

материалом. Наступившее в середине I тысячелетия до н.э. изменение климата с резким похолоданием, рост населения кельтского мира и его высокий экономический ресурс, возможно, стали мотивом их активного расселения и захвата новых территорий. В V–IV вв. до н.э. началась массовая экспансия основной части кельтских племён как в западном, так и восточном направлении, в результате чего они заселили обширную область между Альпами, Рейном и Пиренеями, которая получила название Галлия. Со второй половины V в. до н.э. две волны кельтов, с Верхнего Рейна и Дуная и с Южной Галлии, проникли на земли Северной Италии. Одна часть кельтских племен (инсубры, лепонтийцы, ценоманы) заселила территории к северу от р. По (Пад), другая (бойи, лингоны, сеноны), перейдя эту реку, захватила этрусские города, расселилась в Умбрии и вдоль северо-восточного побережья Адриатического моря между Равенной и Анконой. Заселение кельтами Южной Галлии и Северной Италии носило характер военного вторжения, в ходе которого были уничтожены некоторые поселения массивийских греков на побережье Лигурийского моря. В 390 до н.э. кельтское племя сенонов под предводительством Бренна напало на Рим, город был разграблен и сожжен, а вторгшиеся на Апеннинский п-ов кельты осели на землях южнее Альп, которые получили название Цизальпинская Галлия.

С V в. до н.э. началось продвижение кельтских племен по левому берегу Дуная к Восточным и Южным Карпатам и в Среднедунайскую низменность. Были заселены северо-западные районы Балканского п-ова, земли Трансильвании, Олтении, Буковины, долины Серета. Часть кельтов поселилась на Нижнем Дунае и на Верхнем Днестре. Переселение шло отдельными волнами и заняло несколько веков, постепенно включая в орбиту присутствия кельтов земли вдоль Дуная и его притоков. В 335 г. до н.э. кельты встретили на Дунае двигавшихся на север солдат Александра Македонского. В начале III в. до н.э. один из миграционных потоков направился на юго-восток Балкан. В 279 г. до н.э. пройдя через земли Иллирии, кельты опустошили Македонию, вторглись во Фракию и Грецию, направились к храму Апполона в Дельфах, где потерпели поражение от греков-этолийцев и ушли к Дунаю и во Фракию. Одни племена во главе с Батанатом поселились при слиянии Савы и Дуная (скордиски), другие (бритолаги) на Нижнем Дунае, некоторые (бойи) после длительных переселений осели в областях нынешней Чехии и Моравии. По мнению исследователей, для кельтского мира началась эпоха «среднеевропейской консолидации».

Кельтские племена установили свое господство в дунайских землях, легко смешиваясь с местным населением – иллирийскими и фракийскими племенами, в то время как кельты Галлии и Британских о-вов сохраняли свою этническую обособленность. Культура кельтов господствовала на всем пространстве Подунавья, сохраняясь и после ухода или изгнания самих кельтов.

Обитавшие во Фракии кельтские племена оказались в тесном соприкосновении с эллинистическими государствами Востока, правители которых пытались использовать их в своих междоусобных войнах. Призванные в Малую Азию царем Вифинии Никомедом I, три племени кельтов между 277 и 276 гг. до н.э. переправились и обосновались в Анатолии, в районе нынешней Анкары, образовав первое кельтское государство Галатию (III–I вв.

до н.э.). Осев здесь, они предоставляли наемников всем правителям Востока, наносили значительный ущерб, опустошая владения селевкидской Сирии, а позже Пергама, что вызвало ответные экспедиции.

В ходе миграций кельты использовали накопленный опыт и знания, свою ловкость и мужество на полях сражений, эффективность железного оружия и мобильность двухколесных боевых колесниц. С V в. до н.э., когда стали исчезать «княжеские захоронения», погребальный обряд с двухколесной колесницей прослеживается почти на всей территории расселения кельтов (Галлия, Средняя Европа, Британия). Серьезные перемены произошли в укладе кельтской жизни, оформилось общество воинов с хорошо организованной военной аристократией, создавались военные

дружины, предводители которых аккумулировали реальную власть племени, аристократическая кельтская культура становилась достоянием широких масс. Оружие уже являлось не столько показателем высокого социального положения его владельца, сколько обязательным атрибутом мужчины, и умершего хоронили как хорошо вооруженного воина. В кельтских миграциях V–III вв. до н.э. участвовали, как правило, лишь отдельные племена. В большинстве случаев основной массив кельтов оставался на исконных землях и лишь часть их уходила в поисках новых земель, объединяясь обычно с тем или иным племенем или его частью. Беспорядочные перемещения прерывались периодами затишья. Для античного мира кельтские миграции представляли собой первое проявление сил варваров, пришедших из континентальной Европы, но до недавних пор остававшихся в тени.

Экспансия кельтского варварского мира была остановлена на юге римлянами, на востоке германцами. В III в. до н.э. становится очевидным, что попытка кельтов обосноваться в Северной Италии и некоторых районах Балканского п-ова встречает упорное сопротивление греков и римлян. Во II в. до н.э. римлянам удалось не только остановить кельтов и принудить отдельные племена к возвращению на исконные земли, но и перейти в контрнаступление. Римляне основали Аквилею (181 г. до н.э.), контролирующую «янтарный путь», подавили в Юлийских Альпах мятеж таврисков (129 г. до н.э.), образовали провинцию Галлия Нарбоннская (125 г. до н.э.), первую за пределами Италии римскую колонию Нарбонна (118 г. до н.э.).

Каменная голова из кельтского святилища в Мшецке-Жегровице. Чехия. II в. до н.э.

В 120–102 гг. до н.э. по всей континентальной Кельтике, от Норика до Испании, прокатилась опустошительная волна нашествия германских племен кимбров и тевтонов, окончательно остановив экспансионистские устремления кельтского мира. Последнее крупное передвижение кельтских племен – приход из зарейнских областей племени белгов, которые утвердились на севере Галлии и в некоторых прирейнских областях Германии.

Встреча с такими сильными противниками, как германцы и римляне потеснила кельтов и фактически определила характер наступившей уже во второй половине III в. до н.э. «эпохи оппидумов», последнего этапа независимости кельтского варварского мира. Из-за разбросанности племен во времени и пространстве, типология кельтских поселений весьма относительна – «викус» (поселение из нескольких домов), «эдифиций» (хутор или ферма) и «оппидум» (укрепленное поселение, своего рода «город»). Беспокойные и динамичные кельты с их мобильной племенной организацией, агрессивным и чувствительным характером не питали предрасположения к размеренной домашней жизни в красивых домах, но предпочитали военный стиль жизни в крепостях и укреплениях. Оппидумы служили видимым свидетельством могущества и власти кельтского мира. Обнаруженные археологами, они были рассеяны по всей Европе, оставляя множество следов в топонимике, в типе названий с формантами -dunum, -magus, -acus: Новиодунум (совр. Дрново), Карродунум (Краков), Лугдунум (Лион), Сингидунум (Белград), Лавриак (Лорх), Габромагус (Виндиш-Гарстен). Их предназначение и функции подробно освещены Цезарем на примере Галлии. Важнейшей частью оппидума являлась его оборонительная система в виде частокола, насыпи, рва, вала и стены из каменных блоков, скрепленных бревнами. Стены подобного типа, названные Цезарем «галльской стеной», впоследствии были заимствованы другими народами, подверглись модификации и успешно применялись в фортификационном деле.

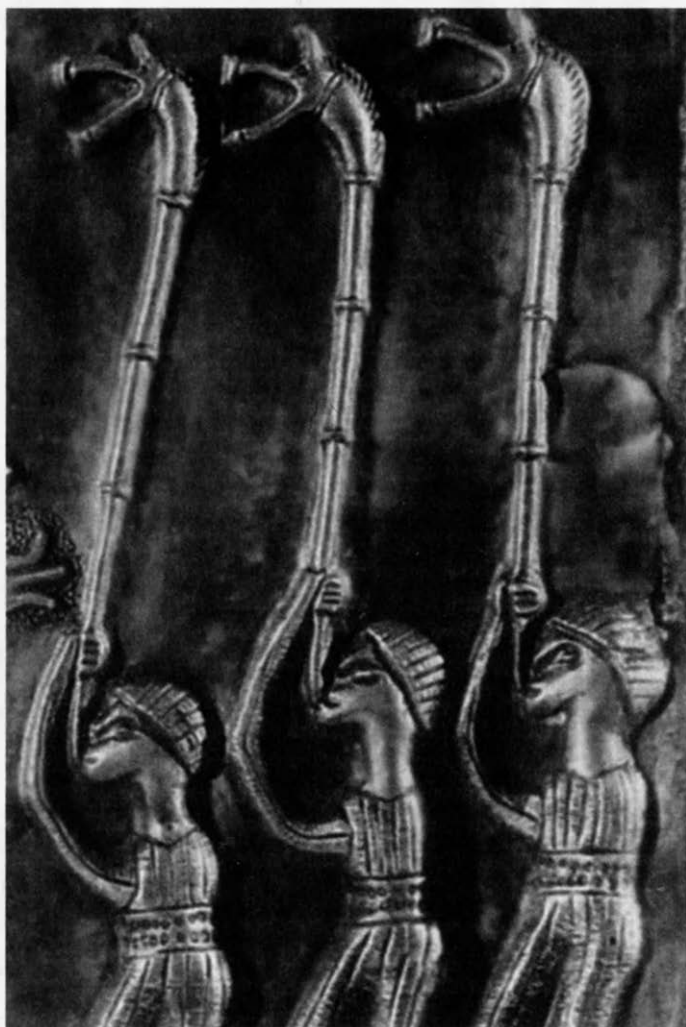
Кельтские оппидумы являлись не только уникальной оборонительной системой, надежным убежищем, но и местом, где проходила повседневная хозяйственно-бытовая жизнь кельтов. Важнейшим источником богатства и процветания оппидумов было ремесло, и кельтские ремесленники достигали вершин мастерства в литье и чеканке металлов, изготовлении специализированных сельскохозяйственных орудий и инструментов, в стеклоделии, кожевенном, гончарном, плотницком и бондарском производствах. По существу, кельтская металлургия стала основой развития всей последующей европейской металлургии. Кузнечный инструментарий кельтов насчитывал более 70 видов. Было создано множество разнообразных орудий (плужные лемехи, косы, бороны, скобели, пилы, молотки и др.) и железного оружия. Европа обязана кельтам дверными замками. Больших успехов кельты достигли в технике бронзолитейного и ювелирного производства, в различных методах инкрустации, позолоты и серебрения. Излюбленным украшением кельтских изделий была красная эмаль. Изготовление уникальных вещей, служивших знати, отошло на задний план, а его место заняло массовое «промышленное» производство для более широких слоев. Любовь кельтов к украшениям и ярким краскам отразилась в роскошной орнаментации оружия, столовой посуды и колесниц. Среди высокохудожественных произведений кельтского ремесла – золотые торквесы с богато орнаментированной гравировкой или

инкрустацией, бронзовые кувшины с ручками в виде голов человека или зверей, человеческие маски с двуличными коронами. Могущество оппидумов в значительной мере опиралось на широкую континентальную торговлю. Во многих пунктах кельтского мира со II в. до н.э., преодолев подражание македонско-греческим образцам, чеканились местные монеты из золота, серебра, реже из меди и бронзы. Коммерческие передвижения кельтов сформировали «паутину» дорог, которые представляли собой довольно примитивные руко-творные пути проезда, поддерживаемые в рабочем состоянии.

«Эпоха оппидумов» выявила отличительную, парадоксальную особенность кельтского мира: единообразие материальной культуры с одновременным отсутствием политического единства. Кельтское общество, ориентированное на межличностные отношения, на идею личной верности вождю, делало практически невозможным объединение кельтов в крепкий политический союз. Тройственная структура кельтского общества (аристократы, жрецы, народ) претерпела в разных районах изменения и воплотилась в неодинаковых политических системах. На вершине стоял король, который не мог управлять самостоятельно без жрецов-друидов, после короля шла в высшей степени аристократическая и могущественная знать (жрецы, вожди), чуть ниже стояли неблагородные свободные люди (ремесленники), далее крестьяне и в самом низу общественной лестницы – рабы. К I в. до н.э. племенные общины Средней Галлии (арверны, эдуи, секваны, сеноны, битуриги) находились на стадии зарождения государственности: появились выборные должностные лица (вергобреты), имелись случаи захвата единоличной власти. Племенная форма существования у кельтов преобладала над городской, и кельты, развиваясь в направлении городских форм, двигаясь к городу, не испытывали в нем внутренней потребности, что стало еще более очевидным с приходом римлян в кельтский мир. Также и государство, как инструмент подавления, было чуждо кельтам, привязанным к племенному образу жизни. Временное единство независимых племен на период военной опасности – высшая форма политического объединения кельтов.

Возможно, как предполагают исследователи, объединение кельтов, их единство было духовным, а не политическим. Если в сфере материальной континентальное варварское единство кельтского мира скреплялось артелями бродячих мастеров, торговцев, то хранителями их духовного багажа выступали друиды – носители и исполнители не только чисто религиозной, но частично и государственной власти. Кельтское жречество отличалось значительной численностью, масштабностью, эзотеричностью, иерархичностью и этот сакральный слой, пользовавшийся большим влиянием, распространял свою власть на все общество.

Несмотря на то что достижения кельтов в их движении к цивилизации были значительными, кельтскому варварскому миру не удалось выстоять перед напором римлян и германцев, хотя кельты умели воевать не хуже своих соседей. Не было недостатка и в вождях-лидерах, однако I в. до н.э. стал веком Галлии, но не галлов. Не харизматичный вождь племени арвернов Верцингеториг, а римский полководец и политический деятель Юлий Цезарь, вождь свевов Ариовист и вождь гетов Буребиста определяли в I в. до н.э. судьбу европейского Барбарикума. Как сообщают древние авторы, после римских завоеваний в центре и на западе европейского континента

Кельты, играющие на боевых трубах. II в. до н.э.

кельты потеряли обширные территории, кельтские районы к северу от Дуная были превращены в «бойскую пустыню», оплотом их материальной и духовной культуры стали острова Британского архипелага. Кельтская экспансия принесла на большую часть европейского Барбарикума экономическую, этническую и лингвистическую однородность. По мнению исследователей, кельтский мир сыграл на континенте ту же цивилизующую роль, что и греческий в Средиземноморье.

Таким образом, соседство кельтского и греко-римского миров не было противостоянием варварства и цивилизации, ибо кельты создавали свою цивилизацию, отличную от греческой и римской. Интравертные кельты совершенствовали область религиозно-магических представлений, в отличие от экстравертных греков и римлян, акцентировавших внимание на развитии своей социально-военной организации. Создание, совершенствование и хра-

нение глубокой религиозно-философской доктрины, доступной не для всех, было тем немногим, что отличало кельтов не только от греков и римлян, но и их ближайших соседей – иллирийцев, фракийцев и германцев.

МИР ИЛЛИРИЙСКИХ И ФРАКИЙСКИХ ПЛЕМЕН

Непосредственно к пределам греко-римской цивилизации примыкал ареал иллирийских племен, населявших восточное побережье Адриатического моря, северо-запад Балканского п-ова и юго-восточные склоны Альп. Многочисленные племена иллирийцев, сформированные северной и южной этнокультурной зоной восточного Гальштата, являлись одним из древнейших племенных образований европейского Барбарикума. Они составляли обширную группу родственных индоевропейских племен, из которых в I тысячелетии до н.э. были известны далматы, дарданы, доклеты, пирусты, либурны, сардеты, ардиен, автариаты, даорсы и др. Античные авторы знали, что иллирийцы «многочисленны и храбры», но им было неизвестно, как далеко вглубь Барбарикума простирались их земли.

Для иллирийцев, особенно на побережье, характерны сильно укрепленные поселения, окруженные каменными стенами сухой кладки. Многие из них находились в труднодоступных местах, на высотах с крутыми склонами, были защищены не только стенами, но окружены двойным или тройным валом. Для иллирийского варварского мира характерен довольно замкнутый, консервативный уклад жизни, племенная разобщенность и отсутствие единоначалия. Вероятно, острой межплеменной борьбы и соперничества иллирийцы не знали, хотя интересы жителей прибрежных областей и внутренних горных районов не совпадали. Обитатели морского побережья, развивавшие ремесла, мореплавание и торговлю, были более подвижными и склонными к новшествам, в отличие от земледельцев и скотоводов внутренних областей. Они «приносили вред на море пиратскими набегами», участвовали в грабительских походах ради легкой добычи и захвата военнопленных.

В IV–III вв. до н.э. иллирийцы выдержали две волны кельтских вторжений, сначала из Галлии, затем из Северной Италии. И хотя иллирийцы отличались воинственным пылом, кельты заняли значительные области их земель. Шли процессы метисации, которые вели к формированию смешанных кельто-иллирийских образований. Некоторые иллирийские племена, вероятно, эмигрировали на север и восток, где смешивались с праславянами. Иллирийцы побережья подвергались влиянию греков, одним из источников которого были греческие торговые и земледельческие поселения-колонии, основанные в VII–III вв. до н.э. на островах Адриатического моря и на Далматинском побережье (Орик, Аполлония, Эпидамн и др.).

В ходе кельтской экспансии и греческой колонизации усиливалась экономическая и социальная дифференциация, появилась знать, живущая за счет войны, стали возникать племенные союзы, называемые античной письменной традицией «царствами». Первые подобные союзы племен возникли уже в IV в. до н.э. у племен энхелеев и тавлантиев. В том же веке, объединившись с фракийцами, иллирийцы оказывали сопротивление македонскому

продвижению на север, совершали грабительские набеги на Македонию и Эпир (393, 385, 383, 367 гг. до н.э.). Во второй половине III в. до н.э. в районе Скодра (совр. Шкодер) сложился племенной союз во главе с племенем ардиеев, который достиг наивысшего могущества в период правления Агрона, обладавшего сильной армией и флотом. Пиратство в Адриатике и набеги на Македонию дали римлянам повод для развязывания так называемых Иллирийских войн (229–228, 219, 168, 34–33 гг. до н.э.), в ходе которых они, как сообщает письменная традиция, «покорили военной силой» царство иллирийцев. Первоначально иллирийские земли находились под властью Агриппы (63–12 до н.э.), но после его смерти здесь были созданы римские провинции Паннония и Далмация. Итак, просуществовав пять столетий (конец VI–I вв. до н.э.), мир иллирийских племен в 23 г. до н.э. был поглощен Римской империей, став жертвой греко-римской цивилизации, одной из первых потерь Барбарикума.

В восточной части Балканского п-ова и придунайских землях к югу от Карпат сложился мир фракийских племен, которых греки считали вторым по численности народом в мире. Собственно фракийцы (южные фракийцы) занимали земли к югу от Дуная, территории нынешней Юго-Восточной Румынии, Болгарии, Северной Греции, а также северо-запад Малой Азии. На левом берегу Дуная, в Карпато-Дунайском регионе (совр. Румыния, Молдавия) обитали северные фракийцы, известные по источникам как даки для западных регионов и геты – для восточных. Помимо общего названия этой группы индоевропейских племен (фракийцы) письменная традиция сохранила сведения о таких племенах, как бессы, трибаллы, мёзы, одрисы, фригийцы и другие (около 90 названий).

Как некое единство фракийский племенной мир археологически представлен «фракийским Гальштатом» (VIII–VI вв. до н.э.), из типичных культур которого лучше других изучена «культура басарабь» (с. Басарабь в Олтении, Румыния). Для нее характерны укрепленные и открытые поселения с легкими наземными постройками из дерева, иногда обмазанными глиной, бронзовое оружие и орудия труда, украшения (железные фибулы и булавки с бронзовой головкой), много железных предметов (двулезвийные топоры, топоры с «крылышками», кельты, долота, наконечники копий, мечи и др.), грубая кухонная (банкообразные и мешковидные сосуды) и столовая (чашки, миски, бокалы на ножке и др.) посуда.

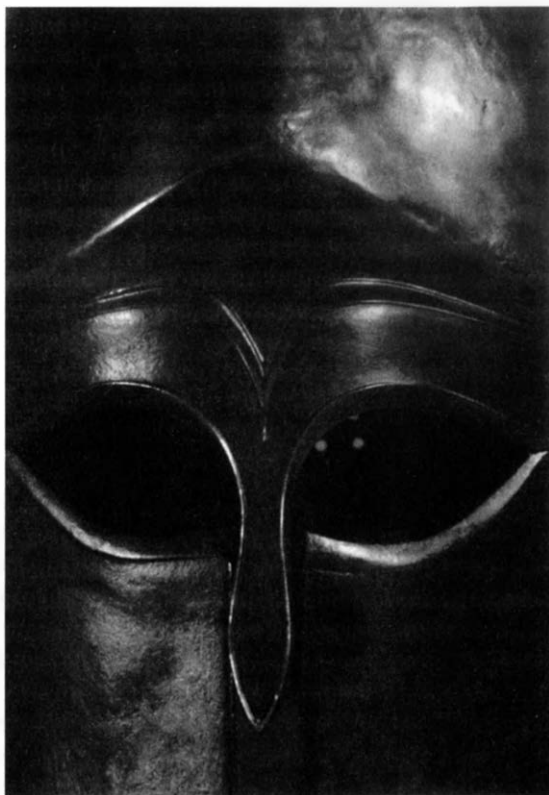
Находясь на перекрестке между Западом и Востоком, фракийский мир в I тысячелетия до н.э. представлял собой своеобразную контактную зону, через которую шли миграционные потоки, приносившие в этот регион разные традиции, обычаи и стиль жизни. Именно здесь протекали наиболее динамичные процессы этнокультурного взаимодействия между фракийцами, скифами, иллирийцами и греками. Здесь не только создавались благоприятные условия для культурного обмена, но и пересекались интересы различных политических сил. Письменные источники рисуют сложную картину взаимоотношений в этой части Барбарикума. Чтобы здесь утвердиться прилагали много усилий скифы Причерноморья, персидская держава Ахеменидов и Афинский морской союз. Контакты фракийцев с греками начали складываться еще в период греческой колонизации, когда на Фракийском побережье от Салоникского залива до устья Дуная возникли поселения-колонии

Салмидес (совр. Мидия), Византий (Стамбул), Аполлония (Созополь), Анхиал (нын. Поморье), Одессос (Варна), Томи (Констанца), Месембрия (Несебр), Дионисополь (Балчик), Истрос (Истрия). Города-колонии развивались в основном в рамках греческой культуры, но фракийцы, проникая в них и получая права гражданства, содействовали распространению фракийских традиций. Через колонии во фракийский Барбарикум ввозилось множество греческих вещей и изделий искусства, которые распространялись в близлежащей округе, способствуя эллинизации проживавших здесь варваров. В 512 г. до н.э. персидский царь Дарий I, направляясь с огромным войском против скифов, проследовал через земли фракийцев, подавляя сопротивление трибаллов и гетов. В 496 г. до н.э. фракийцы произвели ответный набег на персидские

владения на Балканах, дошли до п-ова Херсонес Фракийский, но освободились от владычества персов лишь после Греко-персидских войн.

К середине I тысячелетия до н.э. сложилась и окрепла фракийская племенная аристократия. Вокруг жилищ вождов вырастали крупные поселения, а затем укрепленные города. Фракийский Барбарикум приобщился к феномену денег, появился денежный обмен. В греческих мастерских фракийские царьки чеканили свои монеты. Формировались племенные союзы, которые вели упорную борьбу друг с другом. Близость воинственных скифов, длительные и интенсивные связи с греками, знакомство с централизованной автократической властью персов ускорило процессы развития фракийского общества, образования государственности.

На рубеже V–IV в. до н.э. в Балкано-Карпатском регионе возникло несколько государственных объединений, среди которых сильнейшим было государство одрисов. Оно сдерживало вторжения скифов на севере, натиск Македонии на западе, поддерживало отношения с греческими полисами. Одрисы совершали походы против скифов, гетов, пеонов, трибаллов, воевали с афинянами. Оказавшись между греками, скифами и нарастающей мощью Македонии, в 342 г. до н.э. фракийцы были завоеваны Филиппом II. К 336 г. до н.э. часть их попала в подчинение македонян, в то время как земли к югу от устья Дуная оказались захвачены скифами. Власть одрисских

Бронзовый фракийский шлем. Болгария. V в. до н.э.

царей сохранилась только в пределах их давних владений на юго-востоке Балкан. Господство Македонии над фракийским варварским миром укрепил Александр Македонский, совершив в 335 г. до н.э. поход к Дунаю и победив обитавших в центральных областях трибаллов. С началом восточной кампании Александра фракийцы не раз пытались вернуть независимость, но в III в. до н.э. развернулась борьба диадохов – преемников Александра и в 281 г. до н.э. они оказались под властью Лисимаха. За Дунаем северные фракийцы создали царство Дромихета, которое столкнулось с экспансией кельтов. Вновь фракийский Барбарикум оказался в зоне пересечения чужих интересов, но теперь уже кельтских племен, Македонии и появившихся в северо-западном Причерноморье бастарнов. На фракийский варварский мир надвигалась новая эпоха – эпоха римского владычества. В борьбе с Римом фракийцы лавировали, выступали то на стороне македонян (167 г. до н.э.), то Митридата Понтийского (80-е годы I в. до н.э.). Власть Рима в этом регионе утверждалась с трудом.

В I в. до н.э. на фоне ослабления власти римлян во фракийском Барбарикуме произошел внезапный рост могущества северофракийских племен, установление господства дако-гетского царства Буребисты (60–45 гг. до н.э.). Этот энергичный правитель, проводя политику консолидации, превратил крупное племенное объединение в государственное образование (см. с. 567), которое, разгромив бойев и таврисков (60 г. до н.э.), положило конец господству кельтов в Центральной Европе, грабило греческие города Причерноморья, разоряло фракийские и иллирийские области вплоть до Македонии, то признавало власть Рима, то отвергало ее. Обозначилось и личное противостояние Буребисты и Цезаря: на стороне Помпея Буребиста предполагал вмешаться в гражданскую войну в Риме, а Цезарь готовил вторжение в Дакию. Но по иронии судьбы греко-римский мир и Барбарикум почти одновременно потеряли в результате заговоров своих харизматичных лидеров (Цезарь – 44 г.; Буребиста – 43 г. до н.э.), что остановило возможное изменение вектора исторического развития средиземноморского и варварского миров. После смерти Буребисты его «держава» распалась, и этот регион оказался в зоне нестабильности. Римляне использовали межплеменные противоречия, племенную раздробленность, разобщенность фракийцев и закрепились в этом регионе вплоть до Великого переселения народов.

Отличительная особенность фракийского варварского мира – его консервативность, верность традиции, стабильность форм культуры. Вступая в контакты, воспринимая культурные импульсы и влияния скифов, греков, персов, кельтов и других народов, фракийский племенной мир сохранял и развивал свою самобытность, свою культуру и искусство. В них сочетались спокойный наивно-грубоватый реализм поклонения красоте фракийского пастуха и земледельца, экспрессивность и условность настроений их восточных соседей, а также строгая повествовательность и сюжетность эллинского образца. Уже в VI–III вв. до н.э. во фракийском Барбарикуме появились предметы, выполненные в скифо-фракийском «зверином» стиле, но с характерными местными особенностями: золотые, серебряные и бронзовые пластинки и шлемы с изображениями птиц и зверей или сцен борьбы зверей, бронзовые статуэтки, изображающие всадника. На IV–

III вв. до н.э. приходится расцвет фракийского искусства, среди шедевров которого выделяются уникальные цветные фрески Казанлыкской гробницы (в 75 км от Пловдива, Болгария), повествующие не только о культе мертвых, но о быте и нравах живых. Местным колоритом пронизаны, ориентированные на лучшие греческие и персидские образцы, высокохудожественные священные предметы из Панагюриштского золотого клада (Болгария) – диск, кувшин, зооморфные и антропоморфные ритоны – символы власти (см. цвет. вклейку). Исследователи обратили внимание на то, что многими проявлениями культуры фракийцы стояли ближе скифам и персам, нежели грекам и кельтам. Тем не менее не нашлось ни одного народа, культурное влияние которого на греков сравнимо с фракийцами. Однако фракийский варварский мир, оказав влияние на греческую культуру, пришел в упадок в эпоху римского владычества и его культура приобрела провинциально-римский характер.

МИР СКИФСКИХ ПЛЕМЕН

Обширное степное пространство от Карпат до Алтая занимали скифы, которые, по словам «отца истории» Геродота, являлись, наряду с кельтами, самым мощным варварским народом Европы. Пятисотлетний период господства непобедимых и неприступных скифов в южной части восточноевропейского Барбарикума оказал решающее влияние на историю Восточной Европы, сравнимое с влиянием кельтов в Западной Европе. Предков скифов археологически соотносят со *срубной культурой*, появившейся в Волжско-Уральском междуречье в середине II тысячелетия до н.э. Исторической прародиной скифов, местом их формирования стал обширный регион Поволжья, от прикаспийской низменности до Камы и Оки. Отсюда они начали продвижение на Северный Кавказ, а затем на территорию Северного Причерноморья. В ходе миграции на запад скифы в VIII в. до н.э. столкнулись с киммерийцами, сокрушили их власть и выбили из северочерноморских степей. В VII в. до н.э. скифы успели «похозяйничать» в Северной Месопотамии, на Ближнем Востоке, завоевали Ассирию, Мидию, Нововавилонское царство и, потерпев поражение (624 г. до н.э.) от мидийского царя Киаксара, ушли за Кавказский хребет, продвигаясь к Северному Причерноморью.

Согласно античной письменной традиции и археологическим исследованиям уже к началу VI в. до н.э. основная территория расселения скифов (Скифия) включала восточноевропейские степи между нижним течением Дуная и Дона, Степной Крым и районы, прилегающие к Северному Причерноморью. Открытое и подвижное пространство между Кавказом, Уральскими горами и Нижним Дунаем продолжало играть роль моста между Европой и необъятным азиатским миром. Здесь и оформился скифский Барбарикум, границы которого создали так называемый «скифский барьер». Многоплеменной состав этого Барбарикума включал не только кочевые племена иранского происхождения, но и местное земледельческо-скотоводческое население побережья Черного моря, районов Приднепровья, Придунавья, Прикубанья, киевской и полтавской лесостепи. Вряд ли можно говорить

о какой-то этнической однородности скифского мира, где местное оседлое население с появлением кочевников-скифов усваивало их язык и принимало сам этноним «скифы». В южных регионах Восточной Европы до настоящего времени от скифов остались такие слова, как «хата», «собака», «топорище», «бог» и др. Пройдя этап интеграции и ассимиляции покоренных народов, скифы встретились на западе с влиянием кельтского и фракийского Барбарикума. Их появление в Северном Причерноморье почти совпало с греческой колонизацией, в ходе которой все побережье Черного моря от устья Дуная до Кавказа было усыпано торговыми факториями, через которые поддерживались торгово-экономические контакты между скифским и греко-римским миром, шел широкий товарообмен.

Как сообщает Геродот, Скифию населяло несколько народов. В бассейне Южного Буга (близ Ольвии) жили каллипиды, или скифо-эллины. Севернее располагались земледельческие племена алазонов. Еще севернее, в правобережье Среднего Днепра жили скифы-пахари, «сеющие хлеб на продажу». Низовья Днепра и Степной Крым занимали скифы-земледельцы, или борисфениты. Вперемешку с ними жили скифы-кочевники, «ничего не сеющие и не пахущие». Далее на восток, вплоть до Дона, обитали скифы царские, «считающие прочих скифов своими рабами». По Днестру и Среднему Днепру располагались родственные скифам невры и будины. Как утверждает античная письменная традиция, все эти варвары говорили на общем скифском, т.е. варварском языке. В Скифии обитали как собственно скифы, ираноязычные пришельцы и завоеватели, носители скифской культуры, так и нескифское, но «скифоидное» по культуре, а также автохтонное население, этнос которого не всегда поддается интерпретации.

Эволюция скифского мира вела к образованию в Скифии союзов племен и формированию в этой части Барбарикума первых ростков государственности. Скифы управлялись царями, власть которых была наследственной и обожествлялась, но ограничивалась советом вождей и народным собранием. Союзы племен представляли собой весьма непрочные межплеменные объединения, которые имели некоторое значение лишь во время войны, когда активизировалась царская власть, уступавшая место родоплеменной аристократии в мирное время. В подобных союзах иерархию племен обуславливал авторитет военных предводителей, поскольку у скифов не имелось настоящей армии и воины различных племен подчинялись своим вождям. Социальная градация Скифии включала служителей культа, военную знать и рядовых воинов. «Четвертым сословием» считалось покоренное население, к которому относили земледельцев и ремесленников. Скифский Барбарикум имел одинаковые обычаи и общий пантеон богов, которым поклонялись по одинаковому ритуалу. Варварский мир сохранял примитивные и глубоко натуралистические религиозные представления, отсутствовали храмы и антропоморфные изображения божеств. Почитаемые боги имели абстрактный характер, лишь бог войны (в греческой традиции Арес) символически изображен на воткнутом в землю железном мече, перед которым приносились жертвы. Главным божеством считался отец богов и людей Папай (Зевс). Но самой почитаемой была богиня Табити (Гестия), или Великая Богиня, свидетельница клятв («коронование» правителя), представительница царской власти и покровительница стад.

В конце VI в. до н.э. в Барбарикуме выделились две силы, которые олицетворяли его потенциал и вектор исторического развития. В то время как в на западе Европы лидерство окончательно закрепилось за кельтами, в восточноевропейском регионе незаурядное противостояние натиску извне демонстрирует скифский мир. В 519–512 гг. до н.э. на степных просторах Северного Причерноморья война персов Дария I и скифов завершилась победой последних. Скифские маневры по заманиванию персидского войска в глубь своей страны, уничтожение продовольствия и отдельных вражеских отрядов истощили силы персов и вынудили их покинуть Скифию. Не выиграв ни одного сражения, скифы одержали победу, подтвердив, что «если они будут единодушны» (Фукидид) им уготован статус непобедимого народа. Победа сплотила скифский мир, способствовала его расцвету, длившемуся почти 200 лет. В Северном Причерноморье сложилось могущественное Скифское царство, где царю Атею удалось установить единую централизованную власть. Этим временем (конец V – IV в. до н.э.) датируются самые известные курганы царских захоронений – Солоха (под совр. Запорожьем), Куль-Оба (в районе совр. Керчи), Чертомлык (у совр. Никополя). Огромные насыпи со сложными подземными сооружениями содержали всё, что принадлежало умершему при жизни, включая жен, слуг и лошадей. Богатство приношений (оружие, посуда, драгоценные изделия и др.) подчеркивало высокий социальный статус погребенного. В скифском мире цари и члены знатных семей обладали огромными ресурсами. Драгоценные предметы, привезенные или произведенные на месте, изобилие золота в украшениях, вооружении и конской сбруе («скифское золото»), меха, кожи и ткани впечатляли невероятной роскошью, закрепляя за скифами славу самого богатого (для середины I тысячелетия до н.э.) народа Барбарикума.

У скифов не было городов, но только временные стоянки, ибо традиции кочевания требовали обитания правителя в деревне, в окружении своих воинов. В IV в. до н.э. хозяйственным и административным центром скифского мира стало Каменское городище (в 8 км от совр. Никополя) на Днепре – довольно крупное поселение, которое включало акрополь, цитадель, торгово-ремесленный район и обширный загон для скота. Варвары-скифы были известными металлургами, городище являлось металлургическим локусом, снабжаемым сырьем из железных рудников соседней стоянки Кривой Рог, местом изготовления оружия и предметов роскоши, возможно, одним из центров конкуренции греческим предметам из металла. Практика металлургии и земледелия неизбежно предполагала оседлость населения. Когда под властью скифских царей остался только Степной Крым с районами низовья Днепра и Южного Буга, почти все поселения скифов уже были оседлыми.

В III в. до н.э. при царе Скилуре столицей скифского Барбарикума стал Неаполь (близ совр. Симферополя) в Крыму, греческий не только по названию. Его каменные оборонительные укрепления, общественные и жилые дома каменной кладки, украшенные фресками, надписями и скульптурой, свидетельствуют о греческом влиянии, хотя в целом скифский мир эллинизации сопротивлялся. В отличие от племенной знати рядовое население скифского Барбарикума было практически закрыто для внешних влияний. Оно хранило верность своей старине, своим традициям, не признавало свое младшинство перед другими народами. Роскошными изделиями греческих

мастеров окружала себя в основном скифская племенная знать. И хотя она также уважала и сохраняла свои традиции, но, демонстрируя богатство и престиж, предпочитала приобретать предметы, изготовленные в иноземных традициях чужеземными мастерами. Ее вкусы и запросы учитывались скифскими мастерами, произведения которых изысканно трактовали местные мотивы и степной «репертуар» Скифии. Изменение климатических условий, давление кельтов с запада (298–278 гг. до н.э.) и сарматов с востока (III в. до н.э.) в значительной степени ослабило Скифское царство, сказалось на его демографии, территории и сфере влияния, сосредоточив со II в. до н.э. интересы на взаимоотношениях с Боспором и Херсонесом.

Отличительные черты скифского Барбарикума аккумулирует так называемая «скифская триада»: особый тип оружия; особенности верховой езды и конного снаряжения; степное искусство «звериного стиля». Ее четвертый элемент связан с особой практикой курганных погребений. Скифский мир являлся значительным субстратом, модератором восточноевропейского Барбарикума, стимулятором его технического и культурного развития. Изобретенные скифами двухперые и трехперые наконечники стрел, улучшая баллистические качества стрелкового оружия, революционизировали военное дело. Тактика стрельбы из лука с коня, так называемый «скифский поворот» (стрельбы не поверх головы коня, а назад по ходу скачки) способствовала созданию массового легкого конного войска. Кочевой скифский мир прославился своим искусством, которое отличалось декоративной пышностью, преобладающим интересом к производству золотых украшений. Декор украшений и вооружения доводился до изысканного совершенства. Скифы считали себя прежде всего охотниками, а уже потом – воинами. Динамичные охотники-скифы демонстрировали экстраординарный вкус к красоте звериного тела. Были выработаны и распространились выразительные стилистические образцы звериных композиций (северные олени с поджатыми под туловище ногами, кабаны, козлы, хищники из семейства кошачьих, хищные птицы и др.), ставших общими и определившими лицо скифского искусства – «звериного стиля». 500 лет пребывания скифов в Восточной Европе не рассеяли у народов Средиземноморья представление о них, как о варварах, живущих в чужом и угрожающем мире бескрайних степей, склонных к насилию и грубости. Но греки убедились, что скифы не были бескультурными варварами, ибо распространение греческих культурных влияний совершалось при их посредничестве. Скифы сами находили, выбирали и перенимали сюжеты и мотивы, трансформируя их в своем стиле и адаптируя к своему искусству и культуре. История скифского Барбарикума показала, что в степи народы долго не задерживались, что в I тысячелетии до н.э. степь – это гигантская дорога постоянных миграций и передвижений.

* * *

В I тысячелетии до н.э. европейский Барбарикум пережил заметные перемены. Решающую роль в его формировании и появлении новых этнокультурных миров сыграла так называемая «технологическая революция», связанная с распространением железа. В центре Барбарикума – к северу от Альп и на Верхнем Дунае – появилась собственно европейская металлургия железа, сменившая металлургию бронзы. Наука обработки железа

считалась секретным и таинственным искусством, владевшие ею племена – самыми могущественными, а сам Барбарикум становился движущей силой преобразования Европы. В появлении новых этнокультурных миров был задействован и механизм миграций. Вторжение арийских племен привело к возникновению в Центральной и Северной Европе от Нижнего Рейна до северных склонов Карпат так называемой культуры *«полей погребений»*. Пришлое население сливалось с местным или вытесняло его на другие территории. Тенденция разделения племен закреплялась образованием новых этнокультурных общностей, предшественников исторических народов Европы. Среди них обозначился *германский племенной мир*, который стал на рубеже н.э. самой влиятельной частью европейского Барбарикума.

Первоначально германцы обитали в Южной Скандинавии, Ютландии, вдоль побережья Балтийского и Северного морей. Затем они стали постепенно продвигаться к югу, занимая в течение VI–I вв. до н.э. обширные пространства между Северным и Балтийским морями, Дунаем, Рейном и Вислой, территории, отмеченные экстремальными географическими и климатическими условиями, непригодными для земледелия. Это переселение столкнуло германцев с кельтами и привело в одних случаях к конфликтам, в других – к союзу и этническому взаимовлиянию. И хотя германцы, носители культуры Ясторф, сильно отличались от кельтов, носителей Гальштатской культуры, греки и римляне еще долго их не различали. Германцы жили небольшими поселениями, довольно замкнуто, добывая пропитание больше разведением скота и охотой, нежели возделыванием земли. Они отличались особой мобильностью, которая не являлась ни целью, ни ценностью, но ценой, которая оптимизировала стратегию выживания.

Первое крупное столкновение римского мира с германцами связано с вторжением кимбров и тевтонов. Тевтоны представляли собой группу германских племен, живших вдоль западного побережья Ютландии и в районах нижнего течения Эльбы. В 120 г. до н.э. они вместе с кимбрами, амбронами и другими племенами двинулись на юг. В 113 г. до н.э. тевтоны разбили римлян при Норее в Норике и, опустошая все на своем пути, вторглись в Галлию. Их продвижение в Испанию остановили кельтиберы. В 102–101 гг. до н.э. тевтоны терпят сокрушительное поражение от войск римского полководца Гая Мария при Аквах Секстиевых (совр. Экс в Провансе). Та же участь постигла в 101 г. до н.э. кимбров в битве при Верцеллах. Второй миграционный толчок из германского племенного мира связан с племенем свевов. Под предводительством «друга римского народа» конунга Ареовиста германцы пытались закрепиться в Восточной Галлии, заняв треть ее земель, но в 58 г. до н.э. были разбиты Юлием Цезарем. В результате поражения в войне с Римом союз племен под главенством Ареовиста распался. Часть свевских племен ушла в Моравию и в дальнейшем известна в истории как племя квадов. Другие свевские племена сыграли значительную роль в союзе племен под водительством маркомана Маробода (8 г. до н.э. – 17 г. н.э.).

Первые контакты с германцами вызвали у римлян настороженность и раздражение, ибо «германцы соединяли великую свирепость с великим ма-

стерством» (Веллей Патеркул). Ни один известный римлянам народ не отличался таким инстинктом выживания, жадной славой и самоутверждения в доблести, как германцы. Ни один племенной мир европейского Барбарикума не имел столько харизматичных и амбициозных лидеров (Ариовист, Арминий, Маробод и др.) Германский Барбарикум представлял другую систему ценностей, отличную от греко-римской, и резко контрастирующую с ней. Выгоде, богатству и статусу противопоставлялись храбрость, почет и преданность. На рубеже новой эры Рейн и Дунай стали границей отчуждения греко-римского и германского миров, а понятия «германцы» и «варвары» превратились в синонимы.

Не были безлюдными и дальние для греко-римского мира пространства Средней и Северо-Восточной Европы. И хотя здесь не светило средиземноморское солнце, не грело атлантическое течение, почва была слишком холодна и тяжела, участки сплошного леса и непроходимые болота сильно осложняли жизнь, эти обширные территории в I тысячелетии до н.э. были населены различными народами. Так, на широких просторах от Верхнего Дуная до Волыни, от берегов Балтийского моря до предгорий Карпат формировался *ареал славянских племен*. Он сложился из многих древних племен, не всегда родственных по происхождению, но ведущую роль играли праславянские племена, возникшие на базе Лужицкой культуры. Мир славянских племен находился в тесных контактах с кельтами, германцами, фракийцами и скифами. Их соседями на севере выступали племена древних балтов, которые создали свой особый мир, отличавшийся патриархальным жизненным укладом. Обширные территории от Финского залива до верховьев Волги занимали финно-угорские племена.

Таким образом, в I тысячелетии до н.э. европейский Барбарикум заявил о себе как о субъекте истории, продемонстрировал многообразие этнокультурных миров, неравномерность в динамике исторического развития. Цивилизация впервые стала осознавать важную роль торговых, политических и культурных контактов с варварским миром, впервые ощутила предел цивилизационной экспансии в этом мире.

ВАРВАРЫ И РИМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

На завершающем этапе своего развития римская цивилизация представила уникальный в мировой истории опыт сложного, многообразного и динамичного взаимодействия цивилизации и варварства, опыт всемирности истории. В этом взаимодействии, где Рим и Барбарикум выступали как равнозначные субъекты исторического процесса, складывался некий симбиоз, единая система, компоненты которой функционировали по своим законам, но вместе с тем оказались в существенной степени взаимообусловлены. Римский мир представлял собой экономическое, политическое, военное и культурное единство, олицетворял совершенное мировое кругоустройство, благополучие и процветание живущих в этом круге земель людей. За его пределами в представлении римлян кончались мир и порядок, верность традиции и следование закону, надежность и человечность. Там бушевала неорганизованная варварская стихия, возникало ощущение вечного движения и перемещения племен. В качестве места обитания варваров представлялись большие невозделанные пространства или сумрачные области, расположенные в труднодоступных отдаленных странах. Они, по мнению римлян, препятствовали зарождению и развитию цивилизации, способствовали сохранению у жителей Барбарикума примитивного образа жизни.

Сосуществование этих двух миров основывалось на балансе неприятия и заинтересованности, что вполне закономерно и неизбежно. Традиционно варварский мир воспринимался римлянами как место особой опасности, как олицетворение хаоса, крайне агрессивного и непредсказуемого разрушительного начала. Но одновременно из этого мира империя получала сырьевые ресурсы и людские резервы.

Иноземные формирования в римской армии и посаженные на землю в качестве колонов бывшие военнопленные варвары способствовали на определенном этапе сохранению целостности и могущества Римского государства. Рим не мог обойтись без враждебного ему варварского мира, не мог его ликвидировать, а поэтому вынужден был с ним считаться. Рим имел среди различных племен свою сферу интересов и влияний, нередко управлял процессом объединения и разделения племен, принуждал их к миру или подстегивал конфронтацию среди варваров.

Барбарикум также не был однозначен в своем отношении к Риму. В ходе разнообразных контактов с империей он проходил через ее систему патронажа, обогащался экономическим, политическим и военным опытом. Племенная знать приобщалась к римским правовым нормам, римскому образу жизни, осваивала латинский язык. Многие племена рассматривали империю не только как источник удовлетворения своих жизненных потребностей или обогащения, но и как место, где можно было укрыться от врага, найти защиту и спасение. Рим и Барбарикум были тесно связаны между собой, как звенья единой панорамы исторической системы, в которой взаимодействуют народы находящиеся на разных уровнях исторического развития. Это взаимодействие включало военные, политические, дипломатические, торговые, религиозные и иные контакты и влияния, отражающие сложный, случайный,

спонтанный, как правило, опосредованный характер реальных отношений, которые порождали эти контакты и влияния.

Для римлян племенной мир Барбарикума не был безликим и однородным. В его этническом пространстве они выделяли кельтские, иллирийские, фракийские, скифские, сарматские, славянские и другие племена. Со II в. до н.э. в лидеры Барбарикума постепенно выходят германцы. Их первое крупное столкновение с Римом связано с нашествием кимбров и тевтонов в 113–101 гг. до н.э. В 113 г. до н.э. перейдя Альпы кимбры и тевтоны впервые столкнулись с римскими легионами, нанеся им тяжелейшее поражение. Спустя 12 лет римскому полководцу Гаю Марию удалось остановить экспансию тевтонов, наголову разбив их в сражении при Аквах Секстиевых (совр. Экс в Провансе). Та же участь постигла в 101 г. до н.э. кимбров в битве при Верцеллах. Большая часть кимбров и тевтонов погибла, но некоторые, унося захваченные трофеи, ушли в Подунавье или вернулись в Данию. Следующее столкновение Рима с германским племенем свевов произошло в 60-е годы I в. до н.э., когда свевы, находясь в союзных отношениях с рядом галльских племен, вторглись в Галлию, заняв треть ее земель. Под предводительством «друга римского народа» Ариовиста свевы пытались закрепиться в Восточной Галлии, но в 58 г. до н.э. были разбиты Юлием Цезарем. Ариовист бежал за Рейн, оставив двух погибших жен и дочь.

Цезарь был первым, кто осознал, что судьба Рима решается не только в Средиземноморье, но и на просторах континентального Барбарикума. Желание продвинуть границы Рима за Рейн вплоть до Эльбы, включить в римский мир отдаленные районы Барбарикума побуждало римлян продолжить наступление на земли свободных германцев. Натиск римлян нарушал хрупкое равновесие в варварском мире, усиливал борьбу за возделанные земли, которых не хватало на просторах, покрытых густыми лесными массивами. Римское вторжение, с одной стороны, провоцировало брожение и перемещение племен, с другой – вызывало подъем антиримских настроений, сплочение враждебных Риму сил. Растущее противодействие римлянам, стремление защититься и сохранить независимость выливалось в образование различных племенных союзов. В ходе вторжения римских армий все большее число племен попадало в зону военных конфликтов. При этом повседневная жизнь германцев, даже без потери ими независимости, лишалась внутренней стабильности.

Но далеко не все племена после силовых контактов с Римом теряли желание сохранить автономию и самостоятельность. Гарантировать же независимость племени и обеспечить рядовому германцу и членам его семьи мирную и спокойную жизнь могла только сильная поддержка соседей-сородичей. Племя имело больше шансов сохранить стабильность и надежную защиту от внешней угрозы, находясь в составе крупного племенного объединения. Первые военные союзы херусков Арминия, свевов-маркоманов Маробода отличались непрочностью и недолговечностью. Они формировались на исконно германских территориях, в интересах военной организации, с целью противостояния Риму и не представляли абсолютного этнополитического единства. Объединительные процессы проходили не бесконфликтно. Потребность в консолидации подпитывалась, вероятно, не только наличием сильного соседа, Римской империи, или других соперничавших окрестных народов, но и внутренней эволюцией общественных традиций германских

племен. Продвижение Рима в глубь Барбарикума привело к его расколу, к образованию практически в рамках каждого крупного племени двух враждующих группировок – анти- и проримской ориентации. На рубеже эр в варварском мире противники Рима снискали славу возмутителей и освободителей Германии (например, вождь херусков Арминий), а его сторонники – приспешников и предателей интересов родины (вождь маркоманов Маробод). С этого времени римский фактор всегда будет разделять и объединять племена вплоть до их гибели или создания своей государственности.

После крупного поражения легионов Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу (2 августа 9 г. н.э.) великий замысел завоевания значительной части Барбарикума потерпел неудачу. Разгром римлян вождем херусков Арминием и гибель в четырехдневной битве трех легионов с легатами и всех вспомогательных войск вызвали в Риме шок и панические ожидания вторжения германцев в Италию. С мечтой о покорении Германии римлянам пришлось расстаться навсегда, поэтому от экспансии Рим окончательно перешел к обороне. Для обеспечения безопасности завоеванных Декуматских полей в конце I в. н.э. основаны провинции Нижняя и Верхняя Германии, которые образовали буферные пограничные зоны. Заслон с башнями и фортификационными сооружениями тянулся от низовьев Рейна до среднего течения Дуная. Римляне укрепились также в Реции, Норике и Паннонии, установили контроль над всем пространством Дунайской долины. Около 150 лет сохранялось равновесие между Барбарикумом и империей, но Рим в это время более всего нуждался в защитных мерах, которые могли бы хоть сколько-нибудь замедлить нарастающий натиск варварских племен. Шел процесс отгораживания от хаоса Барбарикума. Географические (русла крупных рек) и рукотворные (валы, стены, засечные полосы) барьеры от варваров обеспечивали римлянам сохранение и культивацию цивилизационной среды обитания.

В конце I в. окончательно определилась одна из первых в истории человечества технически оснащенных границ. Она отделяла римлян от этнически разнородного Барбарикума и проходила от устья Рейна, вдоль Дуная до Понта Эвксинского. Лимес представлял собой укрепленную полосу с фортификационными сооружениями, вдоль которой были расквартированы войска. Эта военная граница включала нижнерейнский, верхнегерманский, рецийский, подунайский, паннонский и нижнедунайский участки. На протяжении многих сотен лет лимес разделял два сильно различающихся и противостоящих друг другу мира – мир римской цивилизации, вступившей в завершающий этап своего развития, и мир только еще пробуждающихся к активной исторической жизни постоянно передвигавшихся варварских племен.

Но политику сдерживания беспокойного варварского мира Рим осуществлял также развитием торговли с племенами, жившими по другую сторону лимеса. Торговые потоки шли с римской стороны и из варварской глубинки. Расширялась сеть дорог, возрождались традиции крупных ярмарок и периодически устраиваемых рынков. Некоторые племена, например гермундуры, получали право на проведение посреднических операций. Для римлян торговля с германцами приносила не только экономические, но и политические выгоды. Торговые контакты позволяли ближе познакомиться и изучить мир за лимесом, о котором римляне почти ничего не знали, присмотреться к потенциальному противнику. Римский торговец, как и варвар-купец, благодаря гео-

Германские воины. Реконструкция с рельефа колонны Марка Аврелия в Риме

графической осведомленности и контактам с людьми, находились в авангарде походов римской армии и варварских дружин. Римские купцы предлагали германцам не только товары, но и представление о римском образе жизни, античном менталитете, что постепенно подрывало стабильность германского мировосприятия, в основе которого лежала иная по своей природе, направленности и функциональному предназначению традиция. Однако такая политика империи приводила к противоположным результатам.

Чем больше Рим втягивал племена в сферу своего влияния, тем более опасного соперника

он себе создавал. Начиная с Юлия Цезаря римляне стремились романизировать племенную элиту, способствуя ее политической, правовой и культурной интеграции в римский мир. Рим способствовал романизации приграничных районов Барбарикума. Некоторые племена за лимесом получали клиентский статус. Варварские контингенты привлекались на военную службу. Росло влияние родовой знати, представители которой служили во вспомогательных войсках, получали права римского гражданства. По языку, культуре и образу жизни эти союзные Риму племена уже вряд ли можно было называть варварами. Победив в Тевтобургском лесу, германцы остались свободными, но независимость их оказалась условной. Совершенствовалось земледелие и ремесло, становилась более устойчивой организация и структура власти германских конунгов. В определенный момент германцы стали достаточно многочисленны, в отличие от римлян, переживавших демографический спад.

Маркоманские войны. Опустошительные Маркоманские войны (166–180 гг.) открыли новый этап конфликтов и столкновений Римской империи с Барбарикумом. Большинство племен, принявших участие в этих войнах, обитало поблизости от Реции, Норика и Паннонии. Западнее Рейна и в долине р. Везер располагались хавки. Хатты обитали в области Нижнего Майна. Земли к северу от Норика и Паннонии занимали маркоманы и квады. Севернее Реции у истоков Эльбы находились гермундуры и наристы. В горах Словении и по течению ее рек проживали котины, озы и буры. У восточных границ Дакии размещались роксоланы, на северо-востоке Дакии – костобоки. Устье Дуная занимали бастарны и певкины. Виктуалы, асдинги, лакринги, лангобарды, убии вели наступление на империю из нижнего течения Эльбы, Одера, Вислы и районов Скандинавии. Аланы надвинулись из северокавказских областей. Как видно, этнический состав вторгавшихся отличался разнообразием. Здесь встречаются сарматские, иллирийские, а возможно, и

славянские племена. Однако по количеству этносов, вовлеченных в военные действия, выделялись прежде всего германцы. Главную опасность среди них представлял мощный племенной союз маркоманов и квадов, особенно упорную борьбу с которыми вел император Марк Аврелий (161–180).

Основные военные действия развернулись на дунайской границе в районе Паннонии. Маркоманы и квады проникли в Паннонию, пройдя Рецию и Норик, прорвались в Северную Италию, сожгли Опитергий и осадили Аквилею (166 г.). Хатты напали на границу Верхней Германии (169 г.). Лимес на Нижнем Дунае прорвали костобеки (170 г.). Отряды лангобардов, убиев, сарматов и квадов обрушились на Паннонию (166/167 гг., 177 г.). Серии вторжений подверглись Дакия, Верхняя Мёзия, Норик и Реция. Одновременное выступление большого числа различных племен расценивалось современниками как подобие заговора. Маркоманские войны заняли несколько лет, периоды военных действий сменялись затишьем. Мирные передышки империя использовала для строительства военных укреплений в различных районах от предгорий Альп и до Понта, а также для проведения мобилизационных мероприятий. Ценой величайшего напряжения Риму удалось отразить нападение и замирить зачинщиков вторжения маркоманов и квадов.

После маркоманского «взрыва» II в. контакты Барбарикума с Римом значительно расширились и интенсифицировались практически по всем наметившимся ранее направлениям. Письменная традиция подтверждает, что основной формой взаимоотношений оставались войны и военные столкновения. Война как демонстрация силы накладывала отпечаток на характер всех связей. Взаимоотношения с германцами определялись и регулировались условиями мирных договоров, выполнение которых жестко контролировалось военными властями Рима. Еще большая роль отводилась границе, отделявшей римлян от варваров. Всем племенам запрещалось селиться в приграничной полосе вдоль левого берега Дуная. Торговля с германскими племенами также перешла под контроль военных. Она проходила на границе в определенные дни, в специально отведенных для торговых операций местах, не на римской территории, а только в пределах Барбарикума. Двигаясь от племени к племени, римские купцы проникали в глубь варварской земли. Немалая часть доходов от торговли концентрировалась в руках племенной знати, что в одних случаях сдерживало стремление к грабежам и вторжениям, а в других – стимулировало новые рейды в империю в поисках добычи.

После Маркоманских войн Рим впервые стал в широких масштабах селить варваров на своих опустевших от войн и эпидемий землях (например, на северо-западе Дакии вандалов, в Паннонии наристов). Начинаются необратимые процессы как в самой империи, так и в варварском мире в целом, в том числе у германцев. Государственный механизм империи уже не мог полноценно функционировать без варваров-германцев. Также и в Барбарикуме именно благодаря империи все более рельефно выступало то общее, что объединяло и разграничивало племена – отношение к Риму.

В результате Маркоманских войн большинство варваров-германцев окончательно потеряло свою независимость. Столь мучительный для них процесс длился несколько столетий и у различных племен имел свои специфические особенности. Разрушительным воздействиям в наибольшей степени подверглись германские племена, жившие в зоне активных контактов

с империей, непосредственно возле ее границ. Но и на самые отдаленные племена римлянам удавалось распространять свое влияние, хотя и более гибкими методами. Одним давалось римское гражданство, другим – предоставлялось освобождение от натуральных поставок в пользу Рима, третьим римляне сами обязывались поставлять продовольствие и субсидии, очевидно, за предоставляемые воинские контингенты. Все это затрудняло процесс консолидации варваров, стимулировало соперничество между племенами и в конечном итоге явилось источником многих взрывоопасных ситуаций. Маркоманские войны справедливо считают рубежом в истории Римской империи, после чего отмечается ее постепенный закат, который длился около трехсот лет. Для Барбарикума эти войны также стали рубежом событием. Они явились толчком к массовым передвижениям европейских варварских племен, началом Великого переселения народов.

В III в. отношения Римской империи и Барбарикума были тесно обусловлены друг другом и вышли на новый уровень, который определялся нарастающей тенденцией к разделению империи и консолидацией племен варварского мира. Римская империя переживала общий кризис государственного устройства, сопровождавшийся политической анархией, запустением сельского хозяйства, городов, упадком ремесла и торговли, расстройством денежного обращения, ростом налогов, сокращением населения. Единственно надежной опорой власти оставалась армия. Контроль над империей фактически был передан в руки военных. С этого времени армия стала связующим звеном между империей и варварским миром. Среди варваров осуществлялась вербовка во вспомогательные войска, служба в которых значительно уменьшала различия между ними и римлянами. Постепенное проникновение варваров в армию открывало им доступ к гражданству и карьере, которая становится объектом ожесточенного соперничества. Давление племенного мира на римские рубежи в III в. усилилось. Римская империя представлялась варварам уже не только объектом грабежа, но некой перспективой, надеждой на безбедное существование, идеалом для подражания.

Два мира пристально следили друг за другом, военные конфликты следовали один за другим, оборонительно-наступательные операции растянулись на тысячи километров. Рейнско-дунайский участок лимеса стал зоной натиска племенных объединений аламаннов (гермундугов, семнонов, ютунгов, брисигавов, буцинобантов) и франков (ампсивариев, бруктеров, хамавов, хаттуариев, усипетов, тенктеров, тубантов). Балканские и малоазийские провинции подверглись опустошительным морским и сухопутным походам коалиции племен (остроготы, тервинги, грейтунги, визиготы, гепиды, карпы, герулы) во главе с готами. Центральноевропейский регион, особенно междуречье Дуная и Тисы, служил зоной активных военных действий многочисленных сарматских племен, переместившихся сюда из степей Поволжья и Северного Причерноморья.

На фоне стареющей Римской империи становится особенно очевидно, как стремительно нарастали силы варварского мира, сопровождаясь непрерывной передислокацией племен. В междуречье Дуная и Рейна и в прилегающих к нему районах обитали аламанны (алеманы), к северу от Майна сосредоточились разнородные племена франков, в районе Реции усилилась позиция ютунгов, на Верхнем Дунае появились бургунды. Области Моравии являлись местом расселения маркоманов и квадов; верховья Тисы заняли

вандалы и гепиды. У северных пределов Дакии сосредоточились бастарны, на северо-западе – свободные даки, у восточных рубежей этой провинции находились карпы, аланы, готы, сюда же подтягивались славянские племена. Демографический подъем и укрепление межплеменных связей способствовали началу процессов консолидации Барбарикума, в частности у германцев, приведшей к образованию «больших» племен. Племена разрастались, насильственно присоединяя и поглощая более мелкие (бургунды, лангобарды, вандалы), или шла добровольная интеграция отдельных разнородных племен (франки, аламанны, готы).

На протяжении III в. на западе Римской империи ее приграничные рейнско-дунайские провинции оказались в активной зоне варварских вторжений. Основной участок прорыва обозначился на Декуматских полях, граничащих с Рецией (вторжения 233–234, 256, 260, 292 гг.). Дружины аламаннов и франков, не встречая здесь реального отпора римлян и не находя крупных объектов для грабежа, устремлялись в Галлию, на Пиренейский п-ов и в Италию (военные экспедиции 250, 257–264, 268, 270, 271, 275, 276, 286–288, 291 гг.). Они достигали Реймса, Парижа, Клермон-Феррана, разрушали окрестности Тарраконы, Барселоны и Равенны, неоднократно угрожали Риму (походы 261, 271 гг.). Франки совершали морские экспедиции к берегам Северной Африки (250 г.), а в конце III в. их пиратские набеги испытало население побережья Галлии и Британии (282–295 гг.).

Восточные германцы позже других вступили в активный контакт с империей. Однако в силу того, что она была уже измотана предшествующими конфликтами, а свежие силы восточных германцев наносили ей удары на весьма отдаленных от Италии рубежах, этот натиск оказался более эффективным, чем вторжения их западных сородичей. В III в. активизировалось передвижение племен в районе нижнедунайского лимеса, связанное с появлением здесь восточногерманского племени готов. Еще в начале н.э. готы обитали в бассейне Балтийского моря: предположительно на юге Скандинавского п-ова или на Готланде, не исключено, что вдоль Нижней Вислы в Мазовии. Во II в. начинаются их миграции в южном и юго-восточном направлении. У границ Римской империи готские племена появились в начале III в., Северного Причерноморья и Приазовья достигли в первой половине того же столетия. Маршрут их переселения до конца не ясен, но шел через какую-то область Скифии, которую готы называли «Ойум». Более века понадобилось различным готским племенам, чтобы проделать путь от южного побережья Балтийского моря до северных окраин Римской империи. Еще столько же времени они потратили на то, чтобы, включаясь в различные коалиции племен, объединяясь и разделяясь, окончательно сплотиться вокруг родовых кланов Амалов (остро-, или остготы) и Балтов (везе-, или вестготы). Определились и географические ареалы этой консолидации: центром объединения вестготов стала Готия нижнедунайских земель, ставшие под знамена остроготов обитали в Северном Причерноморье и Приазовье, где в дальнейшем (IV в.) создали союз племен, получивший в исторической литературе название «государство Эрманариха».

Отношения готов с Римской империей развивались стремительно. В союзе с другими племенами они вели перманентные так называемые «скифские войны», осуществляя походы в придунайские и малоазийские провинции. От

готовы страдали Нижняя Мёзия и Фракия, опустошенные воинством конунга Остроготы (218–250 гг.) в 248 г. В 251 г. под Абриттом (совр. Разград) погибла римская армия вместе с императором Децием (249–251 гг.) и его старшим сыном Гереннием Этруском. Морские экспедиции (255/256, 257, 258, 263, 264 гг.) готов и их союзников сопровождалась грабежами городов Питиунта (совр. Пицунда), Фасиса (Рион), Трапезунта (Трабзон), Никомедии (Измир), Никеи (Изник), Халекедона, Трои, Анхиала, опустошением областей Вифинии, Каппадокии и Галатии. В Эфесе был разрушен храм Дианы Эфесской. Грандиозный морской и сухопутный поход с участием готов состоялся в 267–268 гг., когда флот северопонтийских племен в составе 500 судов прошел через Боспор Фракийский, Пропонтиду и достиг о-вов Скирос и Лемнос.

В борьбе с варварами империя вела оборонительные и наступательные операции, одерживала блистательные победы и несла потери. Решающее сражение произошло в 269 г. у Наисса (совр. Ниш), где император Клавдий II (268–270 гг.) нанес готам сокрушительный удар. И хотя 270 г. вошел в историю Римского государства как время триумфа над варварами и римские писатели славили победу своего оружия, империя вынуждена была окончательно оставить Дакию, опорные базы которой прикрывали балканские провинции. В 270 г. император Аврелиан «вывел римлян из городов и полей Дакии», что сделало беспрепятственными дальнейшие вторжения варваров в правобережные дунайские провинции. Заселив Молдову и Мунтению, готы получили большой простор для маневра у границ империи, на западе их соседями были вандалы, на севере – гепиды, на востоке – анты, сарматы, остготы, а на юге – привлекательная для варваров и все еще могущественная Римская империя.

Ощутимой потерей для империи в III в. был стратегически важный район Декуматских полей, который захватили и постепенно заселили аламанны. В течение 20 лет римляне безуспешно пытались восстановить здесь свои позиции. Но в конце III в. начали сооружение новой оборонительной линии, которая подтвердила отказ империи от Декуматских полей в пользу германцев. Уход римлян из Дакии и Декуматских полей стал значительной победой всех варваров, в том числе и германцев, открывая им новые территории для поселений. Римские опорные базы отодвинулись от жизненно важных областей обитания основной массы варварского племенного мира. Дакия и Декуматские поля в дальнейшем стали стратегически важным плацдармом различных вторжений, походов и грабительских экспедиций в империю. Кроме того, дакийские ресурсы поступали в распоряжение Барбарикума, и борьба за обладание землями в данном регионе неоднократно втягивала племена в соперничество и межплеменные конфликты.

В конце III в. племена Барбарикума, располагавшиеся за Дунаем и Рейном, переживали ожесточенные войны, которые нанесли им большой урон. Подробности этого межплеменного взрыва не известны, но если судить по вовлеченности в него таких активных участников военных экспедиций в империю, как готы, аламанны, вандалы, гепиды и тайфалы, которые вплотную подступили к северным рубежам Римского государства, то можно предположить развернувшееся соперничество за землю, ибо в зоне плотного заселения получить ее другим способом было невозможно. Эти племена, прежде пересекавшие границы только ради добычи, теперь стали поселенцами пограничной буферной полосы, где земельный голод чувствовался особенно

остро. Высокий уровень концентрации германцев у северных границ империи усиливал конфронтацию племен, и высший накал этой борьбы приходится на рубеж III–IV вв. В это же время окончательно оформились основные принципы отношений империи с германскими племенами.

Война, как физическое и психологическое давление, оставалась традиционной нормой сосуществования римского и варварского миров. Но после гото-сарматского конфликта 332 г. римляне более настойчиво вторгаются в межплеменные отношения по ту сторону лимеса. Они лишают одних варваров их территорий и сеют страх, чтобы держать в повиновении других. Империя не оставалась безучастной, вмешиваясь в межплеменные разногласия и споры, прибегая к тактике нейтрализации одного племени другим. Некоторые племена отказывались от агрессивных устремлений и, опираясь на федератский статус, связывали свою карьеру с судьбой Римской империи, другие продолжали военные вторжения в римские пределы, грабежи и разбой. На Нижнем Дунае римляне вели войны с карпами и бастарнами (295 г.), на Среднем, – с сарматами и готами (289–293, 332 г.). Будучи федератами, некоторые племена стремительно втягивались в политические интриги римлян, в борьбу вокруг власти и за власть. В 324 г. в конфликте между Лицинием и Константином готы выступили на стороне Лициния, оказав ему помощь в битве у Хризополя.

Рим бдительно следил за ситуацией в Барбарикуме. С усилением межплеменных противоречий число племен, попавших в зависимость от империи, росло. Напряжение в варварском мире стимулировало переход племен на римскую территорию. Высокий уровень концентрации германцев у границ империи неизбежно порождал конфронтацию среди них. Конфронтация подпитывалась растущей потребностью в земле, а также наличием соперников, с которыми одновременно могли быть тесные родственные, дружеские и религиозные связи. Конечно, рядовые германцы продолжали обрабатывать землю, пасти скот, изготавливать посуду и орудия труда. Они продолжали поклоняться своим богам и исполнять необходимые обряды. Но общество было организовано теперь на иной основе. И миграционные волны несли племена к неминуемой катастрофе переселения на римские земли. К этому надо добавить, что по мере нарастания римских успехов у германцев усиливалась проримски настроенная часть знати. И римляне всячески поощряли эту тенденцию. Измена в пользу империи хорошо вознаграждалась. Так, один из герульских вождей, перешедший в 267 г. на ее сторону, удостоился консульских отличий.

После расселения готов в Дакии «готский вопрос» стал для Римской империи центральным. В IV в. римляне продолжали отгораживаться от бушующего хаоса варварского мира, поскольку по-прежнему ему не доверяли. Император Константин (306–337) предпринял самые энергичные меры по укреплению лимеса на Нижнем и Среднем Дунае, так как готские племена стремились к экспансии в Трансильванскую Дакию, пытались распространять свое влияние на области Иллирика, теснили сарматов, создавая взрывоопасную ситуацию в Паннонии и Мёзии. Развернулось строительство лагерей, земляных валов и других укреплений, были построены мост между Эском (совр. Гиген) и Суцидавой (Челей), переправа возле Трансмориска (Тутракан), крепость Констанциана Дафна (Олтеница). Охрану «готского берега» (так назывался левый берег Дуная в районе бывшей провинции Дакии) Константин поручил своему пле-

Большая фибула «Золотая насадка с цыплетами» из готскогоклада у с. Пьетроаса. Румыния. IV в.

мяннику Далмацию, что подтверждает предельное напряжение отношений с готами.

Уже в IV в. в Барбарикуме завершилось образование «больших племен» — аламаннов к югу от Майна, франков на Нижнем Рейне, саксов на Нижней Эльбе, вандалов в Паннонии и готов к северу от устья Дуная. Варварский мир впервые стал терять присущую ему дезорганизованность и обозначил два центра противостояния Римской цивилизации — Готию на Нижнем Дунае и «середину варварской земли» на Среднем Дунае. Первая была открытой территориальной общностью, которую населяли многие племена (готы, сарматы, тайфалы, даки, карпы и др.), желающие быть похожими на готов, ибо они задавали тон в этой стране. Пока одни готы воевали, другие обрабатывали землю, выращивали скот, занимались изготовлением орудий труда, посуды, украшений, вели торговлю с римлянами. Готы являлись одним из самых богатых племен Барбарикума, поскольку они как федераты Римской империи получали от нее денежные выплаты серебром или золотом. Они обустроивали свою страну, где царил дух солидарности и взаимопомощи. Однако в Готии не было прочного единства и общего управления, отсутствовала королевская власть монархического типа. Страной управляли «народный король» (*тиуданс*), «предводитель войска» (*киндинс*) и «судья». В готском обществе различались рядовые свободные и знать, которая опиралась на дружины и играла важную роль в жизни Готии, ибо состоятельность определяла социальный вес свободного

человека. В IV в. Готия имела собственную письменность и, хотя была в основном языческой страной, часть готов раньше других германских племен приняла христианство в форме арианства.

В IV в. еще одним центром варварского мира, «срединой варварской земли» стала Среднедунайская низменность, где, начиная со II в., одни племена сменяли других — квады, маркоманы, бургунды, аламанны, языги, роксоланы, гепиды, готы. В середине IV в. сюда переселились сарматы-аргарагенты и сарматы-лимигенты, в 374–375 гг. племена квадов вторгались и доставляли серьезное беспокойство жителям Паннонии, прорывая лимес в районе Норика и следуя к северным областям Адриатики. Как для римлян, так и для европей-

ского варварского мира новую ситуацию и более острые проблемы породило появление в этом центре Барбарикума в IV в. многочисленных кочевых племен Приволжских и Прикаспийских степей – гуннов. Массы кочевников, нахлынувших с востока, установили свою гегемонию не только в степном коридоре Северного Причерноморья, но и на Нижнем и Среднем Дунае. Племена гуннов стали новыми хозяевами этих стратегически важных районов.

Первый натиск гуннов испытали южноуральские племена и позднесарматское население Нижнего Поволжья. Подошедшие к Каспийскому морю, а вскоре и к Нижней Волге, гунны в значительной степени восприняли местную сарматскую культуру. Ко второй половине IV в. гунны представляли уже смешанные преимущественно тюрко-угорские и ираноязычные племена. Гунны переходят Волгу и обрушиваются на Предкавказье, стремительно проходят путь от Танаиса на Балканы и дальше к югу от Дуная до стен Константинополя, затем следуют на запад в Потисье, и к концу IV в. равнина между Тисой и Дунаем превращается преимущественно в гуннские владения. Гунны создали обширный военно-племенной союз, куда вошли и другие варварские народы: примеотийские готы, гепиды, герулы, аланы, славянские племена. Степень зависимости этих племен от гуннов определить довольно сложно. Возможно, они, находясь под управлением своих предводителей, сопровождали гуннов в качестве военного подкрепления, выделяя в случае необходимости военные отряды. Как часть этого союза и под его именем многие из упомянутых выше этнических групп уже с конца IV в. в качестве вспомогательных войск оказывали услуги как Западной, так и Восточной империи. Другая, значительно большая часть племен, также вступала в более тесные контакты с обеими частями империи, спасаясь от угрозы поглощения гуннским союзом. Гуннское присутствие в европейском Барбарикуме активизировало германское этническое пространство, стимулируя германские племена к переселению на более отдаленные и безопасные территории – в пределы Римской империи. Появление в Европе кочевников, вошедших в азиатскую историю под именем «скунну», а в европейскую – «гуннов», вновь напомнило римлянам о том, что нельзя оставлять без внимания происходящее даже в самых отдаленных районах. Вновь стало очевидным, что события, связанные с процессом взаимодействия варварства и цивилизации, в различных географических регионах тесно обусловлены друг другом и носят всемирный характер.

Около 370 г. гунны двинулись с Приуралья, перейдя Волгу и подчинив аланов, обрушились на «государство Эрманариха». В 375 г. оно было разгромлено, а престарелый конунг остготов покончил жизнь самоубийством. Часть готских племен (остготов) покорилась гуннам, другие отошли к Днестру и вскоре очутились у границ империи. Появление на горизонте гуннов привело также к расколу и придунайских готов (вестготов). Разногласия между ними касались вопроса, который в конечном итоге определил их историческую судьбу – переселение в империю и вероятность сохранения племени внутри Римского государства. Одни, во главе с Фритигерном, надеялись укрыться за его лимесом, чтобы под покровом его авторитета обрести новые земли для поселения. Другие, сторонники Атанариха, видели путь своего народа вне Рима и в самостоятельной борьбе с гуннами. События в Северном Причерноморье подтолкнули «ищущих помощи» готов Фритигерна к переселению. В 376 г. с разрешения императора Валента (328–378) они

поселились на правах федератов во Фракии. Притеснения римских чиновников, трудности с продовольствием, размещение в перенаселенных районах, где нет свободной земли, вызвали в 377 г. восстание варваров-переселенцев. Накопившийся страх за свою жизнь вылился в поток насилия, и готы двинулись по Фракии, сжигая все на своем пути. Валент и его окружение недооценили величину готской опасности. Сражение с готами у Адрианополя (9 августа 378 г.) завершилось разгромом римлян (см. также с. 688). Погибло две трети римской армии, в том числе большинство командиров высшего ранга, а сам император пропал без вести.

Та часть готов, которая осталась за Дунаем, пыталась сопротивляться продвижению в свои земли гунно-аланских отрядов. Однако даже построенный в 375–376 гг. земляной вал не мог остановить эту миграционную волну с востока. Среди готов вспыхнули раздоры, и Атанарих вынужден был переселиться в 381 г. в Константинополь. Император Феодосий одной рукой дирижировал разгромом готских отрядов Фритигерна и Фарнобия, пытавшихся скрыться от преследований в лесах и болотах Македонии, Фессалии, в Нижней Мёзии и за Дунаем, другой – устраивал пышный прием конунгу Атанариху, к которому готы в основной своей массе испытывали чувство уважения и страха. Последовавшее за этим заключение договора 382 г. и его последствия открыли готам ту простую истину, что получить разрешение императора на поселение в империи вовсе не значит обрести здесь землю. Но в то же время, чтобы иметь реальную власть, вовсе не обязательно владеть землей.

Факт нарастающего напора Барбарикума на империю не подлежит сомнению и на первый взгляд может показаться, что событийный ряд германских вторжений подтверждает лишь развитие горизонтальной динамики миграционных процессов, их своего рода экстенсивный характер. Растет число племен, охваченных «вирусом переселения», причем распространяется этот процесс с запада на восток. Все больше регионов превращается в зону постоянных конфликтов. Однако совершенно ясно и то, что в ходе двухсотлетнего взаимодействия с римской цивилизацией жизнь Барбарикума во многом изменилась. Рим сыграл роль своеобразного генератора социальной эрозии, имущественного неравенства, этно-потестарной (несмотря на высокий уровень мобильности) консолидации племен. Приток награбленной добычи усилил процесс социальной дифференциации и обогащения военной верхушки племен.

Послеадрианопольские события показали изменение баланса сил в противостоянии империи с германцами, изменение характера этого противостояния. Для рядовых германцев стала привычной мысль о захвате земель империи с целью поселения на них. На смену доминирующему мотиву вторжений и походов как средству обогащения путем грабежа и захвата добычи постепенно утверждается мнение, что какие-то территории империи более выгодно использовать в качестве постоянных мест проживания племени. По всей видимости, подобные настроения германцев пробивались не без труда. Конечно, нельзя сбрасывать со счета и факторы, видимо, действовавшие в противоположном направлении и тормозившие переселенческие настроения германских племен.

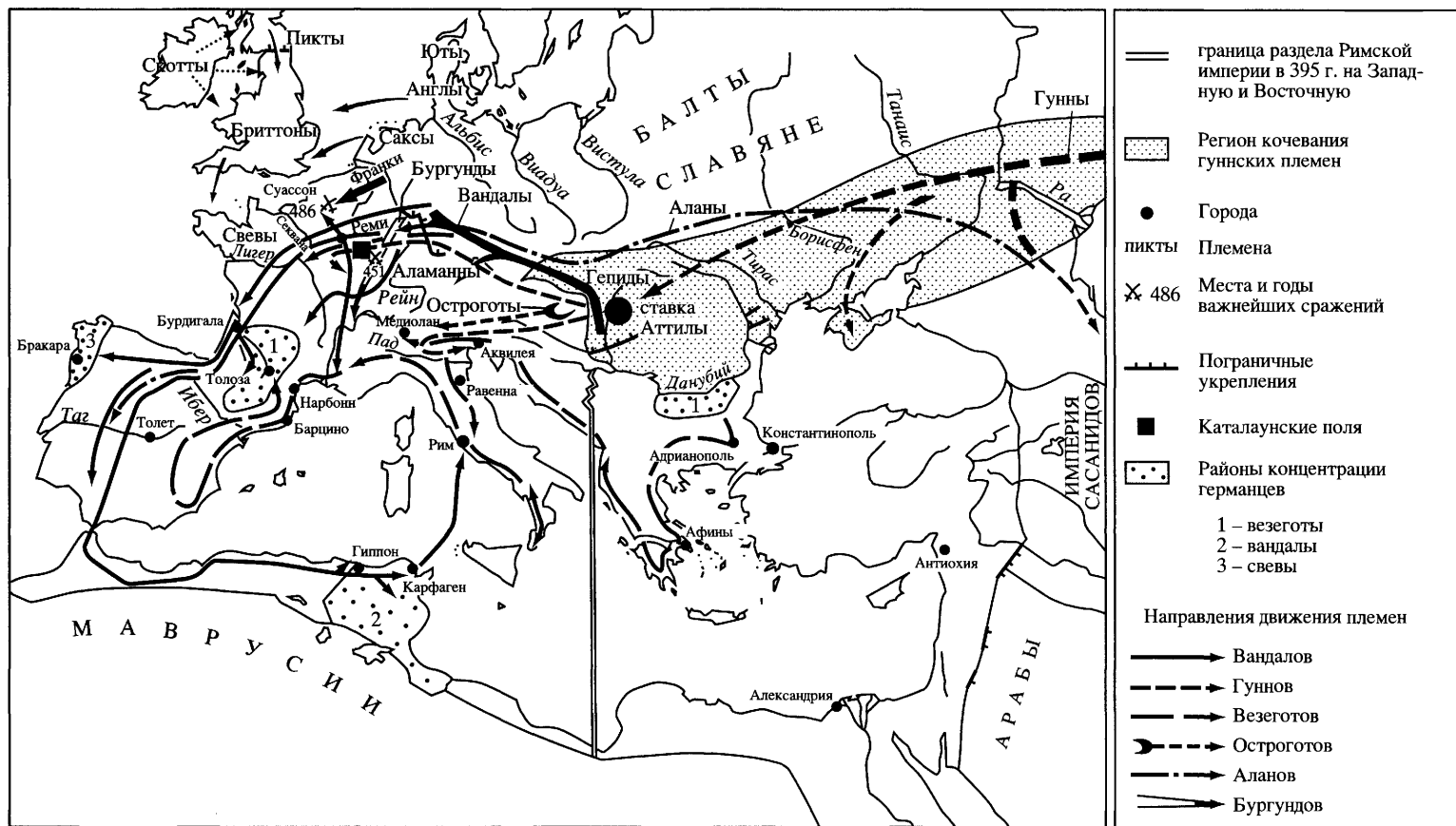
Со второй половины III в. идеи переселения варваров стали прочно входить в сознание не только германцев, но и римлян. Прежняя традиционная политика по отношению к варварским племенам основывалась на двух прин-

циях: истребить или использовать. После Маркоманских войн и особенно к середине III в. Рим все более отчетливо осознавал, что военным путем ликвидировать угрозу со стороны Барбарикума не удастся. Для римской правящей элиты становилось все более очевидным, что переселение в пределы империи варваров – явление неизбежное. И следовательно, этот процесс нужно сделать подконтрольным, используя его в интересах самих римлян.

Заселение римских земель германскими племенами осуществлялось в различных формах, масштабах и с различной степенью интенсивности. Обращение к людским ресурсам германских племен стимулировалось как нехваткой рабочей силы в сельском хозяйстве Римского государства, так и недостаточным количеством рекрутов для римской армии. Один из первых шагов в этом направлении – использование германских военнопленных, которые появились в римских провинциях еще во II–III вв. Это были небольшие группы германцев, представлявшие собой незначительную часть того или иного племени. Затем к ним стали присоединяться селившиеся на провинциальных землях «леты», «федераты» и «генти́лы». Пленных германцев начали селить в качестве летов уже в конце III в. Они представляли собой этнически обособленную группу социально-зависимых земледельцев варварского происхождения, которых размещали на заброшенных или опустевших после вторжений землях. Им вменялось в обязанность возделывание зерновых и разведение скота для снабжения продовольствием городов и армии. Из летов шел набор в рекруты. Также множество пленных сажали на землю во Фракии, Мёзии и Паннонии, где они несли военную службу на границе или были обращены в рабов и колонов. Традиционно Рим размещал варваров на пустовавших городских землях – как правило, только в провинциях, и лишь в отдельных случаях в самой Италии. Во II в. Марк Аврелий поселил германцев в Равенне, в III в. Аврелиан также сделал попытку разместить варваров в Этрурии на заброшенных плодородных землях, но от этого пришлось отказаться, вероятно, из-за опасения мятежей, которые они могли поднять в Италии, подобно тому как это сделали племена, поселенные в Равенне. В IV в. варваров поселяли в балканских и малоазийских провинциях империи.

Трудно сказать, какими критериями руководствовались римляне, осуществляя отбор племен для переселения. На первом этапе в империю принимались преимущественно мелкие и не очень сильные племена (например, гепиды, бастарны) или части больших племен (например, грейтунги). Переселение всего племени было в то время явлением довольно редким. Отступая под страшным натиском гуннов, часть готов предпочла покориться завоевателям, но не сдаться на милость исконному врагу варварского мира – римлянам. И для империи принятие целых племен было делом далеко не безопасным. Так, к примеру, Проб стремился к рассредоточению варварских вспомогательных отрядов, говоря, что помощь их римлянам должна быть ощутимой, но не видимой. Такую же политику проводили императоры Валент и Феодосий.

Имеются весьма скудные сведения о местонахождении переселенцев на римской территории, а также об условиях, на которых германские племена переселялись в империю. Известные с III в. «генти́лы» были добровольно пришедшими на службу наемниками, селившимися на границе. Из них набиралась императорская гвардия. Условия переселения германцев скорее всего основывались на статусе, полученном тем или иным племенем в результате

Вторжения варваров и падение Западной Римской империи

мира, заключенного с Римом. Окончательно оформившийся в IV в. институт федератов давал возможность переселенцам получать землю и аннону (содержание) на основании заключенного договора и вменял им в обязанность осуществлять защиту границ. В привилегированном положении внутренних федератов, вероятно, находились выходцы из среды «друзей Рима». Германских переселенцев использовали для укрепления безопасности границ империи. Вдоль римских пределов создается целая система «буферных государств», которые должны были стать своего рода барьером между основным ядром варваров и Римской империей. Племена, покоренные Римом, поставляли главным образом колонов или летов. В самом трудном положении оказывались, вероятно, пленные германцы.

От массового переселения готов в 376 г. до прекращения существования Западной Римской империи в 476 г. римлянам и варварам предстояло прожить еще один век. Он станет веком германцев, которые завершали миграции, и гуннов, только начинавших свои кочевые походы по Европе, временем таких полярных лидеров, как вандал Стилихон и гот Аларих, римлянин Аэций и гунн Атила. Уже с конца IV в. отношения с варварами начали усложняться. Варвары разрушали империю и одновременно служили ей предано и верно, получая награды, признание и знаки внимания. Римляне все чаще прибегали к использованию их в качестве союзников и наемников для решения проблем переселенцев. Усилилась мобильность германцев внутри самой империи. Как внутренние федераты, защищая интересы империи, они активно передвигались из одного региона в другой, как правило, возвращаясь в места, выделенные для постоя. На римской территории германцы обычно селились компактной массой, под управлением своих предводителей, которые, находясь на римской военной службе, стремились прежде всего к обогащению. После Адрианопольского сражения в конце IV в. компактные группы вестготов расселились в Нижней Мёзии и Фракии не как труженики, а как особое военное сословие федератов, освобожденное от налогов и получавшее жалование от империи за предоставленные вспомогательные войска. Выполняя в этом регионе роль городских гарнизонов, готы вызывали настороженность и враждебное отношение местного населения.

Размещение вооруженных варваров в глубине провинций сопровождалось частыми мятежами. В 395 г. вестготы во главе с недавно избранным конунгом Аларихом (370–410 гг.) разграбили Грецию и Эпир, разрушили Афины и Коринф. В 399 г. временщик императора Аркадия вождь вестготов Гайна (?–400 г.) даже поднял восстание федератов в самом Константинополе, правда неудачное. По мере превращения переселения варваров в массовое явление Римская империя стала терять над этим процессом контроль. Массовые переселения заканчивались для нее внутривнутриполитическими кризисами и острыми конфликтами с переселенцами. И хотя большинство племен могло длительное время занимать римскую территорию, только будучи в статусе федератов, по существу варвары-переселенцы создавали здесь свои полунезависимые образования.

Консолидированная общность вестготов Алариха все более явно проявляла стремление осесть в конкретном регионе, сохраняя собственную организацию и управление. С этой целью Аларих совершил три похода в Италию. Они проходили на фоне внутривнутриполитической борьбы в Византии и

нарастающих противоречий между Востоком и Западом Римской империи. На Востоке опасались усиления Стилихона, отстаивающего универсалистские притязания и интересы Запада. В столь сложной ситуации и Восточная, и Западная империя пожаловали Алариху звание магистра армии Иллирика, а его народ-войско стал частью римских вспомогательных войск и мог получать, кроме жалованья (трибутум), оружие и содержание, подобно всем римским солдатам. И Восточная, и Западная империи наперебой снабжали готов Алариха оружием, деньгами, снаряжением и продовольствием. Это дало ему возможность хорошо подготовиться к переселению в Италию. Первому походу (400–402 гг.) предшествовали переговоры с Западной империей о предоставлении земель для поселения в Западном Иллирике. Вместе с женами и детьми готы Алариха двинулись через Паннонию на север Италии, взяли порт и арсенал Аквилею, заняли провинцию Венетий и стали продвигаться к Милану, где находился император Гонорий (384–423 гг.). Замысел Алариха расстроил выдающийся военачальник и последний защитник империи Стилихон (365–408 гг.), после сражения с которым готы ушли в Далмацию и поселились вдоль р. Савы. В 408 г. Аларих предпринял вторую попытку переселить вестготов на запад. Перейдя Юлийские Альпы, он направился к Риму, по пути следования избегая крупных центров и подвергая грабежам небольшие города и сельские местности. Стоя у стен Рима, Аларих требовал разрешения на расселение своего народа в обеих Венетиях, Истрии, Далмации и Норике. После отказа он третий раз двинулся в Италию, и эта экспедиция завершилась взятием и разграблением Рима (24 августа 410 г.). Состоявшиеся походы не были импульсивным шагом юного конунга, но осмысленным планом переселения вестготов, поиском уже на территории империи места, где готские племена могли бы чувствовать себя более защищенными. Однако в хаосе переселения подобную «землю обетованную» уже вряд ли можно было обрести. Катастрофа, которую пережил Вечный город в 410 г. стала для римлян огромным моральным потрясением и воспринималась многими как крушение империи, а смерть Алариха, внезапно застигшая его на пути в Южную Италию, связывалась с греховным фактом его биографии – захватом Рима.

С конца IV в. Западная Римская империя стала активно включать знатных варваров в офицерское и высшее командное звено армии. Эти римские полководцы франко-аламаннского происхождения вошли в социальную структуру западноримского общества, представляя ее военную элиту. В Восточной Римской империи подобная практика не сложилась. Император Феодосий делал попытки включения знатных варваров в состав ранневизантийской армии, но это намерение вызывало резкое неприятие элиты. В конце IV в. уязвимым местом на границе с варварами для империи оставался ее нижнерейнский участок, где хозяевами себя чувствовали франки, контролировавшие устье Рейна и его правый берег. Даже находясь в статусе федератов, франки неоднократно прорывали Германский лимес, но империя поручила им защиту земель вдоль Рейна, доверив командование вспомогательными войсками римскому полководцу франкского происхождения Арбогасту (ум. 394 г.). Привлекая на службу своих сородичей, талантливый вождь франков укрепил оборону Рейна. Однако франки постепенно заселяли пограничные области Северо-Восточной Галлии, с 411 г. активно включились в поиск новых земель для переселения, двигаясь постепенно на запад

и юг. Привычный образ жизни жителей занятой франками галльской территории оказался нарушен, им пришлось потесниться, так как создавались сплошные франкские поселения.

Ближе к Рейну подтянулось и племя бургундов. В 407 г., возглавляемые конунгом Гундахаром, бургунды заняли Могонциак (Майнц) и прилегающую к нему долину Рейна. Уже в 413 г., получив статус федератов, они заняли область на левом берегу Рейна, где возникло первое федератское образование бургундов, так называемое «варварское королевство», со столицей в Вормсе. Отсюда бургунды неоднократно вторгались в Белгику, здесь же они в 430 г. приняли христианство в форме арианства. В военных столкновениях бургунды терпели неудачи, проигрывая римлянам и гуннам, и в 436 г. первое Бургундское «королевство» было уничтожено гуннами. Часть племени бургундов вошла в гуннскую «державу», остальные, после долгих скитаний, в 443 г. осели в Сабаудии (совр. Савойя). После распада гуннского союза бургунды расширили свои территории, получив от римского императора земли во Вьенской провинции, в бассейне рек Рона и Сона, создав здесь второе Бургундское «королевство». К моменту крушения Западной Римской империи это варварское федератское образование с центром основного поселения в Лугдуне (совр. Лион) занимало всю долину Роны до Средиземного моря. Основными соперниками бургундов оставались вестготы, с которыми они постоянно конфликтовали из-за Нарбоннской провинции. Но главную опасность представляли франки – соперники в борьбе за земли Прованса.

Пройдя этап стихийных, лавиноопасных передвижений, переселений и поисков «желанной земли», многие варварские племена осели и начали территориальную экспансию. Они заняли стратегически важные области и ключевые позиции в жизни империи. Гунны оказались тем катализатором, который ускорил эти процессы. Особенно выразительно воздействие гуннов на судьбы племен Верхнего и Среднего Подунавья. Чрезмерная концентрация здесь этнически разнородной массы племен достигла к началу V в. критического предела. В 404 г. коалиция племен (сарматы, гепиды, саксы, бургунды, аламанны, остготы, вандалы, свевы), возглавляемая вождем остготов Радагайсом (ум. 404), прорвав границу Норика, вторглась в Италию и осадила Флоренцию. Главнокомандующий войсками Западной Римской империи Стилихон (365–408 гг.) провел в Италии экстраординарный воинский набор, вызвал легионы из Галлии и Реции, неожиданно напал и уничтожил вторгшихся варваров. Радагайс был захвачен в плен и казнен, остготов зачислили в римскую армию, а остальных варваров продали в рабство.

Общая нестабильность в районе Среднего Дуная привела в движение и вандалов. Под давлением гуннов вандалы, находясь в окружении таких опытных «ветеранов» межплеменной борьбы, как сарматы, гепиды, остготы и свевы, вряд ли рассчитывали реализовать в этом регионе свои амбиции на лидерство и стали мигрировать на запад. В 401 г. была разграблена Реция, после чего Стилихон федератским соглашением закрепил их расселение у границ империи. После похода Радагайса попытки вандалов перейти Рейн участились, а 1 января 406 г., преодолевая федератские заслоны франков, они вместе с аланами и свевами прорвали римский лимес и перешли Рейн у Майнца. Разграбив Галлию, в 409 г. мигрирующее племенное образование вандалов ушло в Испанию. После этих массированных вторжений армия

Западной Римской империи фактически потеряла контроль над рейнско-дунайским лимесом. Римские гарнизоны оставались лишь в некоторых пунктах Реции и Норика. Впредь рейнскую границу защищали федераты франкского, аламаннского и бургундского происхождения. В 20-е годы V в. граница между империей и Барбарикумом в районе Верхнего и Нижнего Рейна была окончательно разрушена. Ослабленная Западная Римская империя отныне стала территорией, открытой для завоеваний.

В европейском регионе весь V в. прошел под знаком образования и распада варварских «королевств», в том числе Вестготского в Юго-Западной Галлии и Вandalьского в Северной Африке. Эти варварские «королевства» по сути стали результатом многовекового взаимодействия Римской цивилизации и Барбарикума. Они возникли на основании действующих римских законов, в рамках института федератов, являясь федератскими образованиями в рамках пока еще существующего Римского государства. Стремление вестготов и вандалов не только войти, но и законодательно закрепиться в мире, организованном империей, порождено самой филоварварской политикой римлян. В V в. империя «управляла» процессом формирования на своих землях первых варварских «королевств» германцев, что создавало впечатление о возрастающей «управляемости» варварскими миграциями со стороны Рима. Германская знать домогалась от императоров знаков власти и признания. Открывался широкий простор для проявления личного мужества в защите интересов империи. Война рассматривалась как работа, которая давала возможность сделать карьеру. Появился новый тип лидеров – конунгов и вождей, которые вели свои племена к созданию на землях Западной Римской империи германских «королевств». После смерти Алариха с 412 г. вестготы на правах федератов защищали интересы империи в Испании и Галлии. В 418 г. они ушли из Испании, получив для поселения Аквитанию и ряд территорий сопредельных провинций. Толоза (совр. Тулуза) стала столицей Вестготского «королевства», одного из первых полунезависимых королевств германцев на территории Западной Римской империи. Успехам вестготов и новых переселенцев вандалов способствовала борьба за власть, начавшаяся после смерти Гонория (384–423 гг.). Переселившись в 409 г. в Испанию, вандалы не осели в какой-то одной области, но передвигались по всему полуострову, занимаясь грабежами и разбоем, воюя со свевами, аланами и вестготами. В 429 г. конунг Гейзерих (428–477 гг.) увел вандалов в Африку, где по федератскому соглашению империя выделила им для поселения Нумидию, Мавританию Ситифенскую и области Проконсульской Африки. В обязанности вандалов-федератов входил контроль за поставкой продовольствия в Италию и защита южных границ от берберов. В 439 г. Гейзерих захватил Карфаген. Потеря второго города западного римского мира делала развал империи неизбежным. В 442 г. она признала существование независимого «королевства» вандалов. Последний защитник и «столп безопасности Западной Римской империи» Аэций был бессилен остановить волевого и безжалостного лидера вандалов в Африке, но достиг самого крупного успеха в борьбе с гуннами в сердце Европы – Галлии.

Утвердившиеся в начале V в. на Среднем Дунае, в Паннонии, гунны, объединив разрозненные племена, создали обширный военно-племенной союз (остготы, гепиды, герулы, аланы, славяне). В 434 г. эта могущественная «дер-

жава» была унаследована Аттилой (404–453 гг.), прозванным впоследствии «Бичом Божиим». Уже с 425 г. вспомогательные войска гуннов стали основной ударной силой римской армии. Восточная Римская империя предпочитала покупать мир с гуннами, одновременно укрепляя свою обороноспособность. Восстанавливались крепости на Дунае, пополнялась кораблями и личным составом дунайская флотилия, однако эти мероприятия не останавливали гуннов. Они нападали на области и города по Дунаю, достигая окрестностей Константинополя, нарушая все мирные соглашения. Эти вторжения были настолько опустошительными, что Восточная Римская империя оказывалась вынуждена выплачивать гуннам дань и отказываться от Правобережной Дакии. Получая на востоке огромные взносы золотом, Аттила обратил свой взор на запад, требуя в приданое за предполагаемую

Гунн из Кенкольского могильника. I в. до н.э.
Реконструкция М.М. Герасимова

женитьбу на Гонории, сестре Валентиниана III, половину Западной Римской империи. Величие и авторитет последней заметно таяли, к этому времени она уже понесла значительные территориальные потери, лишившись Паннонии, Британии, большей части Испании и Африки. Пока же принадлежавшая ей Галлия была занята франкскими и вестготскими федератами, а на северо-западе, в Арморике, охвачена восстанием багаудов и переселением бриттов, оставивших Британию под натиском саксов и скоттов. В 451 г. огромное войско, которое включало гуннов, отряды остготов, гепидов, скиров, часть бургундов, рейнских франков, герулов, ругиев и, возможно, представителей других племен, пройдя вдоль Дуная, переправилось через Рейн и вторглось в Галлию. На ее защиту был поставлен римский полководец Аэций, который создал широкую коалицию, объединившую интересы вестготов, франков, аланов, бургундов, саксов и ополчение Арморики. 21 июня 451 г. состоялось сражение на Каталаунских полях (близ Труа), вошедшее в историю как «битва народов». Гунны потерпели поражение, и Аттила вынужден был вернуться в Паннонию. Из-за разногласий между римлянами и их германскими союзниками Аэций не смог воспользоваться победой. Каталаунское сражение по праву считается важнейшим в мировой истории. Это был последний крупный успех Рима, отстоявшего вместе с варварами-федератами западную

цивилизацию. Первое и единственное поражение Аттилы развеяло миф о его непобедимости. Ослабленный, но не обессиленный Атила в 452 г. совершил поход в Италию, захватил и разрушил Аквилею, Милан и ряд других городов. За огромную сумму выкупа он согласился вернуться в Паннонию. После смерти Аттилы в 453 г. могущественная гуннская «держава» распалась. Первым подняло оружие против потомков Аттилы германское племя гепидов. В союзе с готами, скирами, ругиями, герулами и свевами они в 455 г. одержали победу в так называемой «битве племен» на р. Недао. Остатки гуннов откочевали в Северное Причерноморье, расселились отдельными группами в Подунавье и перестали играть сколько-либо заметную роль.

С распадом союза племен Аттилы Среднее Подунавье вновь превратилось в активную зону передвижений и межплеменных конфликтов. Этот регион доставлял немало хлопот как Западной, так и Восточной империям. В самой географии расселения здесь германских племен уже очерчивались будущие возможные очаги конфликтов. Гепиды заняли места, принадлежащие ранее гуннам, а именно равнины по обоим берегам Тисы, между Дунаем, Олтом и Карпатами. Они плотнее заселяли южные регионы этих областей, так как интересы гепидов были обращены на юг, к важному стратегическому пункту этого региона – г. Сирмию (совр. Сремска Митровица), который был ими взят в конце V в. Гепиды стали федератами Восточной империи и оставались таковыми до середины VI в.

К западу от гепидов в обеих Паннониях разместились (до конца V в.) в качестве федератов Восточной империи готы. Предположительно владения трех братьев Валамера, Тиудимера и Видимера находились в области между Рабой, Лейтой, Дунаем и оз. Балатон. В зоне контролируемых ими территорий периодически оказывался г. Сирмий – центр префектуры Иллирика, важный стратегический пункт на пути из Паннонии. В дальнейшем он часто служил предметом раздора между готами, гепидами и лангобардами. Скиры и герулы также разместились в Паннонии, севернее излучины Дуная, а ругии – в Норике.

Однако против готов выступила целая коалиция придунайских племен: свевы, скиры, сарматы-языги, давние враги готов – гепиды, герулы и ругии. Сражение произошло в 469 г. на р. Болии в пределах Паннонии. Для Подунавья это было не менее значительным событием, чем Каталаунская битва для Галлии. Готами руководил конунг Тиудимер, отец знаменитого Теодериха. Скиров возглавлял и героически погиб на поле сражения отец Одоакра конунг Эдика. Языгов на поле сражения вывели их вожди Бевка и Бабай. Победа паннонских готов не только укрепила их положение среди окружающих племен, но и вывела в лидеры Барбарикума. Из-под обломков рухнувшего «государства» Аттилы выбрались консолидированные этнополитические образования («королевства» гепидов, герулов и паннонских готов). Они разместились на границе двух империй, в географическом районе, вызывающем постоянные споры и вражду между Востоком и Западом. К тому же сами германцы соперничали из-за контроля над определенными районами.

После Каталаунской битвы распад власти в Западной Римской империи продолжался стремительными темпами. Большая часть Европы оказалась во власти варваров. В последние 25 лет существования империи варварские «королевства» бургундов, вандалов и вестготов вели самостоятельную по-

литику и расширяли свои владения, не подчиняясь императорам, сидевшим в Равенне. Никогда Западная Римская империя не была так значима, как в преддверии своего заката. Это осознавали и римляне, и варвары. Для одних она была врагом, которого требовалось сразить, для других – пространством для экспансии, для третьих – традицией, которую еще нужно было защищать.

Агонию последних десятилетий существования империи ускорила борьба с вандалами. Обладая флотом, они терроризировали острова и побережье Италии, в 455 г. заняли и 14 дней жестоко грабили Рим. Достигла апогея варваризация армии. Усиливались позиции и авторитет германской служилой элиты, которая рвалась к ключевым местам в политической жизни Римского государства. Наиболее последовательно ее интересы выражал патриций Рикимер (456–472), командующий вспомогательными войсками Запада, который обладал огромной властью, возводя на трон и смещая императоров по своему усмотрению на протяжении 15 лет. Угасанию империи сопутствовало и стремительное падение авторитета власти (9 правителей за 21 год). Власть оспаривали различные группировки, заинтересованные в западном государстве, среди которых можно назвать вестготов, вандалов, Восточную Римскую империю, а также вспомогательные войска федератов в Италии. В центре политических событий оказался командующий германскими наемниками Одоакр, который подготовил военный переворот, захватил Равенну и в 476 г. низложил последнего императора Ромула Августула. Западная Римская империя прекратила свое существование. Как презентальный магистр и патриций, Одоакр стал управлять Италией, представляя власть византийского императора на Западе.

Ровно через 10 лет в 486 г. конунг франков Хлодвиг вторгся в Северную Галлию, разбил при Суассоне последнего римского наместника Сиагрия и, сплотив франкские племена, основал Франкское королевство.

Многовековая трансформация варваров, которые прошли долгий путь между независимостью от Римского государства до положения его завоевателей завершилась. В период между Адрианопольским сражением и прекращением существования Западной Римской империи произошел наиболее яркий и противоречивый всплеск активности варваров европейского Барбарикума. Римская цивилизация и Барбарикум, взаимодействуя и дополняя друг друга, сформировали в Европе новую двуполярную систему – Франкское королевство и Восточную Римскую империю (Византию). Взаимоотношения между ними определили ход многих событий следующего этапа истории Европы. На современном этапе развития исторической науки привычная формула – «падение Западной Римской империи» – продолжает сохраняться как дань историографической традиции. Многовековое взаимодействие Рима и Барбарикума, цивилизации и варварства не только изменило вектор развития римской цивилизации, но и развернуло ход всемирной истории. Большая часть того, что составляло величие Римской империи и пассионарной энергии Барбарикума сохранилось и воплотилось в средневековом обустройстве мира. В вихре Великого переселения народов трансформировался европейский и азиатский племенной мир, прекратила свое существование гигантская Римская империя, начался новый виток развития цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определяющим для человеческой истории итогом огромного по длительности периода первобытности было появление человека, способного к созиданию и самовыражению. В результате неолитической революции обширные пространства Ближнего Востока, Северной Индии и Китая оказались подготовленными деятельностью человека к великому прорыву в историю – возникновению первых цивилизаций, что и стало началом истории как постоянно трансформирующегося пути человечества во времени, начавшегося с выделения человека из природы и продолженного сотворением человеком своего собственного мира. В ходе неолитической революции человечество, перейдя к производящему хозяйству, совершило ряд фундаментальных открытий, предоставивших возможность постоянного и зависящего от воли людей воспроизводства базы питания, обеспечения жилищами, эффективными для того времени технологиями в различных областях производства – гончарном деле, ткачестве, металлообработке, создании строительных материалов.

Улучшенное качество жизни способствовало демографическому росту и появлению надобщинных образований, давших толчок процессу политогенеза и первоначальной урбанизации.

Новое состояние человечества, пролог истории ознаменовались возникновением цивилизаций, первыми из которых были Шумер в междуречье Тигра и Евфрата и Древний Египет в долине Нила. Это означало переход от локализованных и разрозненных общин неолитического времени к объемным обществам, консолидированным на основании преобладающих этнических субстратов, единого языка, культуры, религиозных верований, характера и форм связей между различными компонентами цивилизационной целостности.

Появление ранних цивилизаций связано с возникновением городов, первые из которых возникли в районах Анатолии, Загроса и в Палестине. Урбанизация стала важным фактором развития цивилизаций Древнего Востока. Более того, города стали узловыми центрами политических и культурных систем Древнего Востока, их институциональной и социокультурной регуляции. С городской организацией жизни связано выделение торговли и ремесел. Возникновение города имело и большие исторические перспективы как способ организации жизненного пространства, территориального структурирования цивилизации.

На Древнем Востоке возникло государство. Отвлекаясь от множества определений государства, существующих в политологии, истории и других гуманитарных науках, отметим, что на Востоке государство выступало как реализация и воплощение высшей власти, обеспечивавшей порядок в обществе, преодоление конфликтов между различными социальными группами,

в той или иной степени безопасность граждан. В историографии довольно устойчивым является утверждение о преобладании на Древнем Востоке той формы власти, которую принято называть «восточной деспотией». Однако важно отметить, что для ряда цивилизаций Востока были характерны представления о «правильном правлении», что зафиксировано, например, в законах вавилонского царя Хаммурапи или в конфуцианском «Пятикнижии». В цивилизациях Древнего Востока появились первые законы, регулировавшие отношения государства и подданных. Государство сакрализировалось через идею порядка, высшего закона как форма упорядочения бытия.

Историческим прорывом огромной важности было изобретение письменности. Протописьменность появляется еще до возникновения цивилизаций в V–IV тысячелетиях до н.э. Зародившись из вполне практических побуждений, письменность по мере совершенствования произвела переворот в сознании человека. Он прошел путь от ассоциации условного изображения предмета с самим предметом, к абстрагированию символа, знака, а затем буквы, к способности передать через письменный знак не только конкретные, но и отвлеченные понятия. Письменность стимулировала дифференциацию и интеллектуализацию мышления. Она открыла уникальную возможность сохранения информации и ее преобразования, без непосредственного обращения к материализованной конкретике. Письменность раскрыла новые горизонты для сохранения общественной памяти, передачи ее из поколения в поколение, преодолев ограниченность устной традиции и позволив фиксировать социальный опыт не в непосредственном общении, а информационным путем. Это давало возможность осмыслить опыт как историю. Письменность позволила создать хранилища знаний в древних цивилизациях, организовывать их на различных уровнях и в многообразных вариантах. Большинство систем письменности, возникших на заре цивилизации, канули в прошлое, став предметом изучения специалистами. Но до наших дней функционирует китайская иероглифическая система письменности. Алфавит, созданный в древней Финикии на основе модификации месопотамской клинописи, стал основой древнегреческой и латинской письменности, на которых в свою очередь базируются современные европейские языки.

До настоящего времени сохранились не только некоторые системы письменности, возникшие на Древнем Востоке, но и отдельные цивилизации – китайская и индийская. Пройдя многотысячелетние пути своего существования, они, сохранив свои древнейшие цивилизационно-культурные основания, смогли на рубеже III тысячелетия до н.э. мобилизоваться для осуществления мощного рывка современного инновационного развития.

В оценке истории древнего мира до сих пор активно используется дихотомический подход, фиксирующий различие развития Востока и Запада. При этом под «западным» путем подразумевается становление и функционирование античного общества. Такой подход сформировался под влиянием европоцентризма, гипертрофировавшего роль личностного начала и частной собственности как прогрессивных факторов исторического развития. Сегодня концепция исторического прогресса вызывает большие сомнения, а попытка столь крупномасштабной типологизации как Восток–Запад вступает в очевидное противоречие с полиморфизмом древних цивилизаций и культур. Тем не менее дихотомический подход сохраняется даже в традиции

преподавания отдельно истории Древнего Востока и истории античности, не говоря уже о политологических и культурологических исследованиях, прямо апеллирующих к нему при построении общеисторических концепций.

Категорическое противопоставление Востока и Запада в древности неисторично. Действительно, в первой половине I тысячелетия до н.э. происходит некая историческая бифуркация. На периферии ближневосточного мира появляется новый тип социальной организации – полис, город-государство, представлявший собой общину граждан, статус которых был связан со специфической формой собственности, обуславливавшей права и обязанности гражданина. Жизнь полиса пронизывало сильное соревновательное начало (агон), к числу высших ценностей относилась свобода индивида, представления о мире были антропоцентричны. Это сообщало особую динамику развитию полисного общества.

Понимание места человека в мире – одно из важнейших при спецификации культур Востока и Запада. В культурах Древнего Востока идеалом человеческого существования является следование естественному порядку мира, что выражается в максимально возможном ненарушении этого порядка, непроявлении человеческой индивидуальности. В Китае, например, это выражалось в принципе «недеяния», который должен был проявляться практически во всех сторонах жизнедеятельности человека. Человеку надлежало органично вписываться в природное бытие, не преодолевать внешние условия, а, постигая их сущность, вписываться в их течение. В таком понимании места человека отразилось традиционное общественное устройство, основанное преимущественно на земледельческом труде, клановой организации, государственно-общинной собственности. Отсюда следовала и необходимость подчинения выработанным в обществе социальным и этическим установкам, превалирования традиции и наличия достаточно жесткого социального контроля. Отказ от активной предметной деятельности, уход от бытия к небытию в качестве высшей ценности определяли и мироощущение людей в Древней Индии, достигнув своего высшего выражения в буддизме. Гармония человека с миром достигалась минимальным проявлением человеческой активности, растворением в космическом порядке.

Показательно, что в античном мире понимание человека иное. Гармония космоса определяется не отдельно от человека, но через него. Большой космос (макрокосм) и человеческий космос (микрокосм) равнозначны, они взаимопроникают, взаимодействуют. Человек – активная составляющая космоса, постигающая его и тем самым тоже творящая его гармонию как мера всего сущего. Активностью и самостоянием человека диктуется и образ жизни греческого полиса, а шире – античного мира, нацеленного на динамическое преобразование.

Стоит напомнить, что античная цивилизация была связана с древневосточным миром, особенно на заре своего существования. Более того, греки, носители полисного начала, а за ними и римляне, признавали приоритет Востока в области оснований культуры и знаний. Характерным подтверждением этого может служить общеизвестное утверждение великого греческого философа Платона о том, что рассказ об Атлантиде был им услышан от египетских жрецов. Многие греческие и римские боги «пришли» в античный мир с Востока, равно как и многие знания и учения. Понимание образования

как основы культуры сформировалось в древних восточных цивилизациях задолго до возникновения древнегреческой «пайдеи». В Древнем Египте и в Шумере возникли первые школы, а учителя пользовались большим авторитетом в обществе.

На Древнем Востоке были сделаны важнейшие открытия от изобретения колеса до технологии монументального строительства, заложены основы таких наук, как математика, астрономия, медицина. Древние индийцы открыли ноль, без которого развитие математики было бы невозможно. Древний Китай подарил миру бумагу, шелк, компас и порох.

Можно констатировать, что взаимодействие восточных и античной цивилизаций с момента их возникновения являлось одной из важнейших реалий истории древнего мира, достигнув пика в эпоху эллинизма, когда сформировались культуры синкретического типа, синтезировавшие разнообразие ценностей, смыслов и форм, развивавшихся в восточном и западном цивилизационно-культурных пространствах.

Удивительная синхронность протекания основополагающих духовно-культурных трансформаций в истории древнего мира отмечается примерно с VIII в. до н.э. и до возникновения христианства, когда произошел мощнейший духовный прорыв в истории. Пришел конец мифологической эпохе. Человек посредством рефлексии стал осознавать «бытие в целом, самого себя и свои границы». В тот период был сформирован основной массив категорий и понятий, которыми человечество пользуется до сих пор, заложены основы мировых религий, определены пути формирования высшего уровня духовности и сочетания трансцендентного и мирского, совершился переход к универсализму. Произошло первое рождение рациональности, осуществленное в греческой философии.

Примерно в одно и то же время в разных цивилизациях древнего мира формируются религиозные и философские учения, глубоко реформаторские по существу относительно предшествующего духовного состояния мира. В Иранском регионе возник зороастризм. В настоящее время существуют разногласия относительно того, когда жил основатель этой религии Зороастр (Заратуштра) – разброс от X до VI в. до н.э. Зороастризм – глубоко дуалистическая религия, настаивающая на определяющей существование мира и человека борьбе Добра и Зла. В зороастризме были сформулированы идеи, оказавшие огромное влияние на другие религии о противостоянии Доброго Бога и его вечного врага, носителя Зла; об аде и рае; о волевом выборе человека между добром и злом и ответственности за этот выбор, о необходимости борьбы человека за утверждение высоких нравственных начал.

В VI в. до н.э. китайский мудрец Конфуций создал этическое учение, как он утверждал, вытекавшее из древних воззрений периодов Ся и Чжоу. Это учение пронизано духом почтительности снизу вверх и патронажа сверху вниз, пониманием человека как «благородного» носителя соответствующих этических качеств. Судьба конфуцианства была непростой, однако со временем оно заняло место официальной доктрины Китая на разных этапах его истории и сохраняет свои лидирующие позиции в современном общественном сознании страны. В V или IV в. до н.э. учил о «всеобщей любви» Мо Цзы, примерно тогда же возник даосизм.

Современником Конфуция в Индии был Будда. Его учение первоначально носило этический характер, являлось своеобразной религией без Бога. Себя Будда считал Учителем праведного пути в жизни, ведущего к избавлению человека от страданий. Буддизм стал первой мировой религией. Одновременно с буддизмом возник джайнизм, проповедовавший необходимость для человека освобождения от воздействия материального мира и строгий аскетизм.

На VIII–V вв. до н.э. приходится активная проповедь и деятельность иудейских пророков, истово утверждавших культ единобожия, обрушивавших пламенную критику на греховный мир, социальную несправедливость, призывавших людей очиститься, перестать делать зло и научиться творить добро, утверждавших необходимость выбора человеком праведного пути в жизни.

В VI в. до н.э. в Древней Греции, в ионийских городах Малой Азии и греческих колониях Южной Италии и Сицилии возникла философия, вырабатывавшая рационалистическую систему взглядов на мир, природу и человека; в ней вызревал образец чисто логического конструирования бытия, заложивший основы развития античного, а позднее – европейского рационализма.

Результатами этих процессов стало возникновение масштабных религиозных систем с особым вниманием к этике, нравственному выбору человека, исканию пути спасения. Произошло отделение рационального мышления от религиозного, религии от философии, наук, права и политики. Было положено начало интеллектуальной истории человечества, появился слой интеллектуалов, потеснивших жречество как носителя моделей мирового, социального и культурного общественного устройства. Разрушалось доминирование ритуализма и традиционности. Были осознаны власть и возможности идеи как одного из строительных начал социума, политической реальности и поведенческих стереотипов человека. С нарастанием критики состояния общества, несправедности человека появилось историческое сознание, сочетающееся с универсалистскими концепциями мироздания, «истинности» миропорядка.

Древний Восток оставил будущему непреходящие культурные ценности. Здесь возникла и развилась великая разножанровая литература. Месопотамский «эпос о Гильгамеше» и древнеегипетская «Книга мертвых», древнеиндийские поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», совершенные тексты Библии, «Пятикнижие» Конфуция – все это воплощенные в слове основания культуры человечества.

Монументальные сооружения Древнего Египта, Индии, Китая и сегодня поражают воображение особой выразительностью архитектурных форм и техническими загадками их конструкций. Египетские пирамиды до сих пор значатся первыми среди чудес древнего мира. Искусство Древнего Египта и Ближнего Востока были своеобразной школой для античного искусства, особенно на заре его возникновения. Влияние египетской скульптуры угадывается в изображениях древнегреческих куросов и кор, а ассирийской традиции – в гипподамовой планировке городов. В средние века страны и народы Востока опирались на культурные традиции своей древности, возрождая и развивая их.

Начиная с века Просвещения, Европа стала активно знакомиться с культурными древностями Востока. Под обаяние древнеиндийской поэмы «Шакунтала» Калидасы попали И. Гёте и Ф. Шиллер. Влияние китайского искусства сказалось на европейском стиле «шинуазери». В XIX и особенно XX в. Европа активно осваивает культурное наследие Древнего Востока, которое питает возникновение своеобразного «ренессанса архаики» в европейском искусстве, через возвращение к первозданности пытавшегося найти новые формы самовыражения.

Древний Восток и античный мир неразрывно соединены совместным существованием в контексте истории древнего мира. Однако античность оказалась связанной с последующей историей Европы более тесными узами. Античный мир развивался параллельно с Древним Востоком, взаимодействуя с ним, но представляя иной тип цивилизационной организации, в основе которой лежали полисная модель общественного устройства, иное, по сравнению с древневосточным, понимание человека, его места в мироздании и в социуме.

В Древней Греции философом Протагором была высказана максима: «Мера всех вещей – человек; существующих – что они существуют, а несуществующих – что они не существуют». Сознание человека, индивида выступало важнейшим критерием признания существования мира, от него зависело его принятие или непринятие. Подобная оценка взаимоотношений человека и мира стала возможной вследствие того, что в греческом полисе сформировался особый тип человека – свободного, обладавшего правом принимать решения, определявшие жизнь гражданской общины, и несущего за них ответственность.

В Древней Греции произошла великая интеллектуальная революция, осуществился переход от «мифа» к «логосу». На первых этапах истории античного общества господствовало мифологическое сознание. В Древней Греции была создана уникальная мифология, которая гармонизировала отношения человека, общества и природы, поражала своей совершенной метафоричностью, породила стройную космогонию и «одушевила» мир богов и природных явлений. Через мифы утверждалась господствовавшая система ценностей, определялись поведенческие нормы.

К концу архаической эпохи Греции, на фоне укрепления полиса и дифференциации общественных связей начинается разрушение мифологического сознания с его нерасчлененностью субъекта и объекта, апелляцией к знаковости, эмоциональной напряженностью. Появляется философия, реализующая в мышлении примат рационально-логического начала над чувственным и выработавшая диалектический метод поиска истины. Итогом развития философии досократиков стало требование логико-теоретического обоснования чувственного мира, а Пифагор настаивал на важности высшей общности, выраженной в числе. К Сократу восходит диалогичность исканий истины и апология самопознания. Платон и Аристотель – две величайшие вершины античной философии, определившие все дальнейшее развитие европейского интеллектуализма. Ни одна последующая эпоха не смогла избежать обращения к их учениям.

Рационализация мышления привела к зарождению научного знания. Обширнейшие знания, добытые и накопленные цивилизациями Древнего

Востока, основывались на практическом освоении реальности, на его обобщении и интегрировались в общие системы мирозерцания, не отделяясь принципиально от их религиозных и иррациональных компонентов. В Древней Греции была сделана попытка сформулировать предмет познаваемого как отдельных тем мышления, выделить объекты и соответствующие им методы изучения и систематизации. Аристотелевский детерминизм придал новую окраску познавательному процессу, усилив его целеполагание и приучая его к упорядоченности и последовательности. В античности отдельные отрасли знания приобрели протонаучные основания. Достижения античной математики, физики, ботаники, медицины, зоологии и других познавательных дисциплин в течение тысячелетия оставались главным кладом знаний европейского и арабоязычного миров, а в эпоху Ренессанса послужили мощным стимулом к началу нового этапа научного освоения мира.

В античном мире была создана совершенная система образования и воспитания. Характерной особенностью являлось то, что она ориентировалась на полисный идеал человека-гражданина, гармонично развитого физически и духовно. В реальности этот идеал оставался недостижимым, но сама ориентация на него приводила к тому, что человек формировался в атмосфере необходимости соответствия высокой норме. Античная система образования охватывала процесс обучения от начального уровня до высшего, предполагала доминирование риторических начал. И если средневековая Европа унаследовала от античности «тривиум» и «квадриум» и жесткую необходимость «дисциплинирования ума», то в эпохи Ренессанса и Просвещения были реализованы энциклопедичность и гуманистическая направленность.

Античность создала великую культуру. Эта культура зиждется на представлениях о мировой гармонии, сформировавшихся в Древней Греции и определивших стремление этой культуры к идеалу во всех формах его проявления. Универсальное богатство античной культуры складывается из очень разных составляющих. Так, произведения, являющиеся плодом греческого эстетического опыта, разительно отличаются от тех, что возникли как выражение эстетических принципов эллинизма или как художественная презентация римского универсализма. Тем не менее античное понимание гармонии, красоты, и их воплощение в словесно-риторическом и телесно-пластических искусствах рассматриваются как классически нормативные в контексте прежде всего европейской, но также и мировой культуры.

Общим местом является констатация того, что античность является важнейшим основанием европейской цивилизации, фундаментом европейской культуры. Конечно, при этом возникает вопрос о роли христианства в генезисе западной цивилизации. Но ведь и христианство является результатом восточно-античного религиозно-культурного синтеза. В течение пяти веков становление и развитие христианства происходило в античном мире, и это не могло не сказаться на его языковом, ритуальном и эстетическом оформлении и особенно на формировании его организационных начал. В связи с «фундаментальностью» античности для истории Европы возникает еще один вопрос о том, как это утверждение сочетается с ролью варварских начал в рождении средневековой Европы. Парадоксально, но воевавшие против Рима варвары на историческом отрезке от падения Западной Римской империи до Карла Великого ощущали себя зависимыми от римской политической традиции.

Закономерным итогом этого явилось «возрождение империи римлян» Карлом Великим, как этот факт был обозначен на франкских монетах того периода.

Определяющим для европейской цивилизации можно считать то, что она стала развиваться в пространстве, освоенном античным миром. Огромные территории вокруг Средиземного моря, европейские земли от Атлантического океана до Черного моря, от Британии до Северной Африки и Ближний Восток на протяжении многих веков «впитывали» античную цивилизацию. Здесь были построены города, дороги, поселки, военные лагеря, крепостные сооружения, виллы. Современные столицы и крупные города – Париж, Лондон, Вена, Кельн, Трир, Барселона и многие другие в буквальном смысле выросли на римском основании. Значительная часть Европы, Малой и Передней Азии, Северной Африки испещрена следами античной цивилизации. Память об античности в этих регионах носит не только духовный и культурный характер, но имеет вполне материальное выражение – это память преобразованного цивилизацией пространства.

Античность явила миру и различные формы организации человеческого сообщества – политические и социальные. Демократия родилась в Древней Греции, открыв огромные гуманистические возможности свободного волеизъявления полноправных граждан, соединения свободы и организованного политического действия. Рим дал примеры хорошо отлаженного республиканского строя жизни и управления, а затем империи – не только как государства, но как особой формы сосуществования многих народов, как государственного «замирения» множества земель, племен, языков и религий. В Римской империи реализовалась идея исторического универсализма. И сегодня интегрированный Римом мир называют прообразом объединенной Европы.

Рим открыл миру важнейшую роль права в регулировании всех отношений в социуме и показал, что без исполнения закона не может быть нормального функционирования общества, что закон должен гарантировать права гражданина и человека, а дело государства – соблюдение закона.

Античное наследие уже более полутора тысяч лет питает европейскую и мировую культуру. При этом сама античность предстает как историческая эпоха, менявшаяся, подобно мифическому Протею, свои формы и облики – греческие, эллинистические и римские; как мир культуры и мир человека, в котором культура не ограничивалась лишь областью «высших достижений», но выступала подлинной средой исторической жизни, создаваемой и переживаемой людьми с их неповторимыми судьбами и индивидуальностями.

Каждая последующая эпоха обращалась к «своей» античности, выбирая из античного наследия то, что соответствовало ее собственным культурно-историческим потенциям. Ограниченные «малые», кажущиеся почти случайными «ренессансы» средневековья (остготский, каролингский, оттоновский и т.п.), господство аристотелизма – своеобразные пики адаптации античного наследия в средние века. Грандиозен замысел великого Ренессанса, дерзнувшего заявить не только о своей прямой связи с античностью, но полагать античность реалией своей креативности и культурной жизни.

Во времена Просвещения началось научное изучение античного наследия, прежде всего античного искусства, в котором виделся классический, непревзойденный образец прекрасного. На вторую половину XVII – начало

XIX в. приходится расцвет классицизма в искусстве и литературе. Подражание античному становится мощным стимулом обновления архитектурных форм, совершенствования интерьеров, даже переворот в женской моде в конце XVIII века происходит под знаком возвращения к античным образцам. Литература XVIII – первой половины XIX в. насыщена античными образами, идеями и символами. С античными героями отождествляют себя деятели Великой Французской революции и российские декабристы. Воистину древние воздвигли себе «нерукотворный памятник» в самом нетленном и прекрасном материале – в душах людей с вечно живущей в них жаждой прекрасного и высокого. В середине XIX в. обращение к античности в искусстве и литературе скорее носит характер эталонной соотнесенности, но в начале XX в. в европейской культуре и, в частности, в культуре русского «серебряного века» проявляются искания глубинных интуиций античного духа и его неординарных воплощений. В современном глобализирующемся мире заново переосмыслиется прежде всего политическое и правовое наследие античности, зарождение в нем индивидуалистических и состязательных начал, что несомненно свидетельствует о реальном взаимодействии античного наследия и современности.

История древнего мира сегодня не осталась лишь предметом научных исследований, она имеет выходы на разные уровни сознания и культуры современного мира, являясь фундаментальным основанием его единства.

ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Хронология дописменной истории основана на радиоуглеродных датах (по С-14) и относительной археологической хронологии (т.е. последовательности и примерно определяемой продолжительности археологических слоев). Абсолютная хронология III тысячелетия до н.э. имеет точность ок. ± 50 лет и отражает прежде всего относительную хронологию правлений, известных по царским спискам; даты конца III – первой половины II тысячелетия до н.э. имеют точность ок. ± 20 лет, второй половины II тысячелетия – ок. ± 10 лет; только в I тысячелетии и для ставроавилонского периода даты определяются практически точно.

Точно известна хронология большинства событий лишь с 763 г. до н.э. – даты солнечного затмения в Ассирии, которое определено астрономически и имеет точное место в относительной хронологии новоассирийских правлений, которые, в свою очередь, входят в непрерывный счет лет с VIII в. до н.э. до настоящего времени. Начальная стадия этого счета лет зафиксирована так называемым «Набонасаровым каноном», в котором месопотамские и египетские астрономы и хронографы эллинистической эпохи зафиксировали непрерывный ряд лет с момента воцарения вавилонского царя VIII в. до н.э. Набонасара, оговаривая в этом ряду моменты воцарения последующих вавилоно-ассирийских, персидских и ряда эллинистических правителей.

Главную опору ближневосточной, а также эгейской хронологии III – начала I тысячелетия до н.э. образует хронология Древнего Египта. В частности, среднеавилонская и хеттская хронологии определяются в значительной степени синхронизмами с египетскими правлениями. В зависимости от того, какую из двух возможных моделей хронологии Нового царства в Египте мы выберем – «короткую» или «среднюю» (см. о них ниже, с. 764), расходящиеся примерно на 10–15 лет для разных этапов второй половины II тысячелетия до н.э., соответствующим образом (но не более) придется сдвигать и датировки многих переднеазиатских правлений и событий, связанных с Египтом синхронизмами. Это возможное расхождение касается только дат Позднебронзового века.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Египтяне вели летоисчисление по годам правлений царей, что дает «относительную хронологию» (неполную и не вполне точную). Ее главные источники: так называемые «царские списки», Туринский царский канон (иератический папирус XIII в. до н.э., наполовину утрачен) и труд Манефона (III в. до н.э.). Первые дают *последовательность* правлений, два последних – также их *длительность*.

Абсолютная хронология базируется на интерпретации астрономических наблюдений древних египтян. Речь прежде всего идет о фиксации главного природно-астрономического феномена: совпадения гелиакического (первого предраассветного) восхода ярчайшей звезды Сириус (греч.; егип. Сопдет/Сотис) с началом календар-

ного года египтян (17 июля по позднему Юлианскому календарю). Совпадение повторялось (из-за отставания 365-дневного египетского года от астрономического на четверть суток и отсутствия високосных годов) через каждые примерно 1460 лет (так называемый «сотический цикл»). В римском Египте это событие наблюдалось на втором году правления римского императора Антонина Пия, т.е. в 139 г. («дата Цензурина»), и было увековечено выпуском памятной бронзовой монеты в Александрии.

Более ранние «совпадения», исходя из длительности сотического цикла, должны были приходиться соответственно на XIV и XXVIII вв. до н.э. Как подтвердил выдающийся отечественный египтолог О.Д. Берлев, начало цикла (и, следовательно, введение египтянами календаря) в «неявном» виде действительно засвидетельствовано в 18 г. правления царя III династии Джосера (строителя Ступенчатой пирамиды), т.е. в 2767 г. до н.э. (согласно астрономическим расчетам Р. Паркера). Упоминания «сотического восхода», сохранившиеся в источниках времени Сенусерта III (XII династия) и Аменхотепа I (XVIII династия), образуют основу общепринятой хронологии древнеегипетской истории.

Датировки правлений царей XII и начала XVIII династии, точно привязанные к датам гелиакического восхода Сириуса, могут быть астрономически установлены с точностью до ± 10 лет (из-за невозможности точно определить место наблюдения феномена).

Египтяне также нередко отмечали число и год правления царя, на которое пришелся первый день предраусветной видимости лунного серпа, который можно рассчитать. Таким способом можно определить ключевые для египетской истории даты правлений Тутмоса III и Рамсеса II. Поскольку в египетских фиксациях первой видимости лунного серпа по разным причинам могли быть неточности в плюс-минус один день сравнительно с истинной астрономической видимостью, расчеты по дням первой видимости луны дают несколько вариантов датировок. Из них к настоящему времени (с учетом египетско-азиатских синхронизмов) осталось считаться лишь с так называемой «средней» и «короткой» хронологиями для XV–XII вв. до н.э. К примеру, согласно «средней» хронологии воцарение Тутмоса III приходится на 1490/1493 г. до н.э., Рамсеса II – 1290 г.; согласно «короткой» воцарение Тутмоса III – 1479, Рамсеса II – 1279 гг.

«Короткая» хронология ныне пользуется наибольшей популярностью у египтологов, однако решающих доказательств в пользу одной из них пока нет – в зависимости от толкования египетско-азиатских синхронизмов он может склоняться в обе стороны.

Хронология дописанной египетской истории основана на методе радиометрии (использовании изотопов C-14). Важное значение имеет так называемая «Sequence dating system», разработанная У.М. Фл. Питри (1852–1942) по типам лепной керамики (преимущественно верхнеегипетской): пионерская для своего времени, она продолжает использоваться с коррекциями.

ДОДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

5500–3000 гг. до н.э.

(неолитические культуры)

I додинастический период

Нижний Египет

Маади

ок. 4000–3200

Верхний Египет

Бадари

ок. 4400–4000

Накада I (=Амра)

ок. 4000–3500

Накада II (=Герзе)

ок. 3500–3200

II додинастический период

Весь Египет

Накада III (=«династия 0»)

ок. 3250–3000

РАННЕЕ ЦАРСТВО

ок. 3000–2686 гг. до н.э.

I династия

ок. 3000–2890

Нармер ?

Аха

Объединение Египта

Столица Мемфис

Джер

Джет

Ден

[Царица Мернейт]

Анджиб

Семерхет

Каа

II династия

2890–2686

Хетепсехемуи

Небра (Ранеб)

Нинечер

Унег

Сенед

Перибсен

Хасехемуи

СТАРОЕ ЦАРСТВО

2686–2160 гг. до н.э.

III династия

Небка

Джосер (Нечерихет)

2667–2648

Введение «календаря» (?)

2767

Ступенчатая пирамида

Сехемхет

2648–2640

Хаба

2640–2637

Санахт?

Хуни

2637–2613

IV династия

2613–2494

Снофру

2613–2589

Хуфу (греч. Хеопс)

2589–2566

Первая «настоящая» пирамида

Джедкара

2566–2558

Хафра (греч. Хефрен)

2558–2532

Менкаура (греч. Микерин)

2532–2503

Шепсескаф

2503–2498

V династия	2494–2345
Усеркаф	2494–2487
Сахура	2487–2475
Неферирака	2475–2455
Шепсескара	2455–2448
Раненф	2448–2445
Ниусерра	2445–2421
Менкаухор	2421–2414
Джедкара	2414–2375
Унис	2375–2345

Первые Тексты пирамид

VI династия	2345–2181
Тети	2345–2323
Усеркара (узурпатор?)	2323–2321
Пепи I (Мерира)	2325–2287
Меренра	2287–2278
Пепи II (Неферкара)	2278–2184
Нитикерт (?)	2184–2181

VII и VIII династии

Многочисленные цари, носящие имя Нефекара

I ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД 2160–2055 гг. до н.э.

IX и X династии 2160–2025

Гераклеопольские правители

Хети I (Мериибра)
Хети II (Небкаура)
Хети III (Уахкара)
Мерикара

XI династия (первая половина) 2125 –2055

Фиванские правители

[Ментухотеп I «Старший»]
Интеф I (Сехертаун) 2125–2112
Интеф II (Уаханх) 2112–2063
Интеф III (Нахтнебтепнефер) 2063–2055

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО 2055–1650 гг. до н.э.

XI династия (вторая половина) 2055–1985

Общеегипетские цари

Ментухотеп II (Небхепетра) 2055–2004
Ментухотеп III (Санхкара) 2004–1992
Ментухотеп IV (Небтаун) 1992–1985

ХII династия	1985 –1773
Аменемхет I (Схетепибра)	1985–1956
Сенусерт I (Хеперкара)	1956–19011
Аменемхет II (Нубкаура)	1911–1877
Сенусерт II (Хахеперра)	1877–1870
Сенусерт III (Хакаура)	1870–1831
Аменемхет III (Нимаатра)	1831–1787
Аменемхет IV (Маахерура)	1786–1777
Царица Себекнеферу (Себеккара)	1777–1773

ХIII династия	1773–после 1650
Уигаф (Хутауира)	
Себекхотеп II (Сехемра-хутауи)	
Ихернефрет Неферхотеп (Санхтауи-сехемра)	
Хор (Ауибра)	
Хенджер (Усеркара)	
Себекхотеп III (Сехемра-сауаджитауи)	
Неферхотеп I (Хасехемра)	
Сахатхор	
Себекхотеп IV (Ханеферра)	
Себекхотеп V	
Эйе I (Мернеферра)	

ХIV династия	1773–1650
<i>Малые правители, возможно, правили одновременно с ХIII или ХV династиями</i>	

II ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД **1650–1550 гг. до н.э.**

ХV династия (гиксосы)	1650–1550
Салитис / Секерхер	ок. 1670
Хиан (Сеусеренра)	ок. 1620
Апепи III (Ааусерра)	ок. 1570
Хамуди	ок. 1555
ХVI династия	ок. 1650–1580

Малые «цари», известные только по скарабеем в Египте и Палестине; современники ХV династии

ХVII династия	ХVII в. – 1550
Рахотеп	
Себекемсах I (?)	
Интеф I (Сехемра)	
Интеф II (Нубхеперра)	
Интеф III (Сехемрахерхермаат)	
Себекемсаф II	
Сиамун (?)	
Секененра Таа	ок. 1560
Камос (Уаджихеперра)	1555–1550
Война с гиксосами	ок.1552–1530

НОВОЕ ЦАРСТВО

1550–1069 гг. до н.э.

XVIII династия	1550–1295
Яхмос I	1550–1525
Падение Авариса	ок. 1535
Взятие Шарухена	ок. 1530
Аменхотеп I (Джесеркара)	1525–1504
Тутмос I (Аахеперкара)	1504–1492
Война с Митанни	ок. 1500
Тутмос II (Аахеперенра)	1492–1479
Тутмос III (Менхеперра)	1479–1425*
II война с Митанни	1470/1458–1419
Царица Хатшепсут (Мааткара)	1473 –1458*
Битва при Мегиддо	1458
Аменхотеп II (Аахеперрура)	1427–1400
III война с Митанни	ок. 1405–1395
Тутмос IV (Менхеперура)	1400–1390
Мирный договор с Митанни	ок. 1395
Аменхотеп III (Небмаатра)	1390–1352
Аменхотеп IV/ Эхнатон (Неферхепрурауаенра)	1352–1336
Перенос столицы в Ахетатон	1346
Война с Митанни	ок. 1343
Нефернеферуатон (Смнехкара)	1338–1336
Тутанхамон (Небхеперрура)	1336–1327
I хетто-египетская война	ок. 1330–1315
Анхесенпаамон	1338
Эйе II (Хеперхеперура)	1327–1323
Хoremхeб (Джесерхепрура)	1323–1295
XIX династия	1295–1186
Рамсес I (Менпехтира)	1295–1294
Сети I (Менмаатра)	1294–1279
II хетто-египетская война	1294–1259
Рамсес II (Усермаатра Сетепенра)	1279–1213
Битва при Кадеше	1275
Мирный договор с хеттами	1259
Мернептах (Баенра)	1213– 1203
Первое нашествие «народов моря»	1209
Аменмессу (Менмира)	1203–1200 ?
Смута Ирсу	
Сети II (Усерхеперура)	1200–1194
Саптах (Ахенрасетепенра)	1194–1188
Царица Таусрет (Сатрамеритамон)	1188–1186

* При «средней» хронологии: Тутмос III – 1490–1436, Аменхотеп II – 1438–1412, Тутмос IV – 1412–1403, Аменхотеп III – 1403–1365, Аменхотеп IV – 1365–1348, Тутанхамон – ок. 1347–1338, Хoremхeб – ок. 1334–1306, Сети I – ок. 1304–1290, Рамсес II – 1290–1224 (битва при Кадеше 1286, мир с хеттами 1270), Мернептах – 1224–1214, Сетнахт – ок. 1200 – начало 1190-х, Рамсес III – с начала – середины 1190-х; конец XX династии – ок. 1075.

XX династия	1186–1069
Сетнахт (Усерхаира Мериамон)	1186–1184
Рамсес III (Усермаатра Мериамон)	1184–1153
Второе нашествие «народов моря»	1186–1177
Рамсес IV (Хекамаатра Сетепенамон)	1153–1147
Рамсес V (Усермаатра Сехреренра)	1147–1143
Рамсес VI (Небмаатра Мериамон)	1143–1136
Рамсес VII (Усермаатра Сетепенра Мериамон)	1136–1129
Рамсес VIII (Усермаатра Ахенамон)	1129–1126
Рамсес IX (Неферкара Сетепенра)	1126–1108
Рамсес X (Хепермаатра Сетепенра)	1108–1109
Рамсес XI (Менмаатра Сетепенптах)	1099–1069

III ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД 1069–664 гг. до н.э.

XXI (танисская) династия	1069–945
Смендес (Хеждхеперра Сетепенра)	1069–1043
Несубанебджед	
Аменемнису (Неферкара)	1043–1039
Псусеннес I [Пасебахаенниут]	1039–991
(Аахеперра Сетепенамон)	
Аменемопе (Усермаатра Сетепенамон)	993–984
Осоркон Старший (Ахеперра Сетепенра)	984–978
Сиамон (Нечерхеперра Сетепенамон)	978–959
Псусеннес II [Пасебахаенниут]	959–945
(Титхеперура Сетепенра)	

XXII (ливийская) династия	945–715
Шешонк I (Хеджхеперра)	
Осоркон I (Сехемхеперра)	
Такелот I	
Осоркон II (Усермаатра)	
Такелот II (Хеджхеперра)	
Шешонк III (Усермаатра)	
Пимай (Усермаатра)	
Шешонк V (Аахеперра)	
Осоркон IV	

XXIII (ливийская) династия	818–715
<i>Цари, правившие в разных центрах, одновременно с XXII, XXIV и частично с XXV династиями. В том числе:</i>	
Педубастис II (в Бубастисе/Танисе)	
Иупут II (в Леонтополисе)	

XXIV (саисская) династия	727–715
Тефнахт	
Бакенренф (греч. Бокхорис)	720–715

XXV (кушитская, или эфиопская) династия	747–656
Кашта	
Пианхи (Менхеперра)	747–716
Кушитское вторжение в Египет	
Шабака (Неферкара)	716–702
Кушитское завоевание Египта	
Шабатака (Джедкаура)	702–690
Тахарка (Хунефертефра)	690–664
Ассирийское господство в Египте	664–656
Танутамон (Бакара)	664–656
ЕГИПЕТ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ	664–332 гг. до н.э.
XXVI (саисская) династия	664–525
Нехо I	672–664
Псамметих I	664–610
Нехо II	610–595
Плавание финикийцев вокруг Африки	ок. 600
Псамметих II	595–589
Априй	589–570
Яхмос II (Амасис)	570–526
Псамметих III	526–525
Завоевание Египта персами	525
XXVII (персидская) династия	525–404
Камбис	525–522
Дарий I	522–486
Ксеркс I	486–465
Артахсеркс I	465–424
Дарий II	424–405
Артахсеркс II	405–359
Антиперсидские восстания	522–518, 486–484, ок. 460–450, 405–404, 404
XXVIII династия	404–399
Амиртей	404–399
XXIX династия	393–380
Неферит I	
Акорис	393–380
Неферит II	
XXX династия	380–343
Нектанеб I	380–362
Тахос (Теос, Джедхор)	
Нектанеб II	
Второе персидское завоевание	343–332
Артахсеркс III	343–338
Арс	338–336
Дарий III Кодоман	336–332
Завоевание Египта Александром Македонским	332

МЕСОПОТАМИЯ

Хронология III – середины II тысячелетия до н.э. опирается на царские списки в сочетании с историко-астрономическими расчетами, позволяющими точно датировать падение династии Хаммурапи 1595 г. до н.э. Среднеавилонская хронология определяется в значительной степени синхронизмами с новоегипетскими правлениями, нередко спорными.

Ассирийская хронология определяется по ассирийскому царскому списку, ведущему на основе ассирийских же списков лет непрерывный отсчет годов и правлений (с точностью до одного-двух лет на весь период) «вглубь» до рубежа XV/XIV вв.

По принятой в научной, справочной и учебной литературе традиции даты правления месопотамских царей (кроме царей Шумера и Халдейской династии Вавилона) записываются не так, как все прочие. Например, если датировка правления месопотамского царя Хаммурапи имеет вид 1792–1750 гг. до н.э., то даты правления его преемника записываются как 1749 (не 1750!) – 1712 гг. до н.э., и означают эти даты, что Хаммурапи воцарился в месопотамском календарном году, который продолжался от весны 1793 г. до весны 1792 г. (и считался не первым, а «нулевым» годом правления Хаммурапи и последним годом правления его предшественника), первым годом его правления по вавилонскому счету считался год, продолжавшийся от весны 1792 до весны 1791 г., а его смерть (= воцарение его преемника) произошла в году, который продолжался от весны 1750 до весны 1749 г.

НИЖНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ: ШУМЕР, АККАД, ВАВИЛОНИЯ

Эпоха Эреду

Эпоха Убейд

Шумеры в Нижней Месопотамии

Эпоха Урук

Эпоха Джемдет-Наср

Раннединастический период

VI тысячелетие до н.э.

V тысячелетие до н.э.

ок. 4000

начало – середина IV тысячелетия до н.э.

ок. 3400–3100 гг. до н.э.

XXX–XXI вв. до н.э.

I династия Киша

Этана

Агга

XX–XXVII вв. до н.э.

ок. 2750

ок. 2600

I династия Урука

Мескиаггашер

Энмеркар

Лугальбанда

Гильгамеш

XX–XXV вв. до н.э.

ок. 2700

ок. 2650

ок. 2620

ок. 2600

I династия Ура

Мескаламдуг

Акаламдуг

Аанепадда

XX–XXV вв. до н.э.

ок. 2650

ок. 2620

ок. 2550

I династия Лагаша

Эаннатум

Урунимгина

Лугальзагеси

ок. 2500

2318–2312

ок. 2320?–2311 (в Умме с 2336 г.)

Династия Аккада	2316–2137
Шаррум-кен (Саргон)	2316–2261
Римуш	2260–2252
Маништушу	2251–2237
Нарам-Суэн	2236–2200
Шаркалишарри	2200–2176

Гегемония кутиев в Месопотамии 2175–2109

II династия Лагаша	
Гудеа	2132–2117
Утухенгаль в Уруке	2113–2107

III династия Ура	2106–2003
Урнамму	2111/2106–2094
Шульги	2093–2046
Амарсуэн	2045–2037
Шусуэн	2036–2028
Ибби-Суэн	2027–2003

I династия Иссина	2017–1794
Ишбиэрра	2017–1985
Иддиндаган	1974–1954
Ишмедаган	1953–1935
Липитиштар	1934–1924
Дамикилишу	1817–1794
Ларса	1932–1763
Гунгунум	1932–1906
Варадсин	1834–1823
Римсин I	1822–1763

I династия Вавилона	
Сумуабум	1894–1881
Сумулаэль	1880–1845
Синмубаллит	1812–1793
Хаммурапи	1792–1750
Самсуилуна	1749–1712
Абиешу	1711–1684
Аммидитана	1683–1647
Аммицадука	1646–1626
Самсудитана	1625–1595
Взятие Вавилона хеттами	1595

<i>Приморье</i>	1722–ок. 1454
Илиман	1722–ок. 1710
Гулькишар	ок. 1595
(в Вавилоне ок. 1595–1590)	
Вторжение касситов в Месопотамию	1742

Касситская династия (в Вавилонии с 1595/1590–ок. 1150)	
Гандаш	ок. 1740–1710
Каштилиаш I	1687–1666

Касситская династия в Вавилоне	ок. 1590–1150
Агум II Какреме	вторая четверть XVI в. до н.э.
Бурнабуриаш I	ок. 1480
Каштилиаш III	ок. 1450
Агум III	ок. 1440
Караиндаш	ок. 1420
Кадашманхарбе I	ок. 1400
Куригальзу Старый	ок. 1380
Кадашман-Эллиль I	ок. 1379–1365*
Бурнабуриаш II	ок. 1364–1338
Куригальзу Младший	1335–1311
Назимарутташ	1310–1285
Кадашман-Тургу	1284–1267
Кадашман-Эллиль II	1266–1259
Кудур-Эллиль	1258–1250
Шагаракти-Шуриаш	1249–1237
Каштилиаш IV	1236–1229
Взятие Вавилона Тукульти-Нинуртой	1229
Ададшумуцур	конец XIII – начало XII в. до н.э.
Мелишипак	ок. 1175
Падение касситской династии	ок. 1150
II династия Иссина	1150-е–1026
Мардуккабиттахешу	1150-е –1140
Навуходоносор I	1125–1104
Мардук-надинаххе	1099–1082
Адад-апалиддин	1068–1047
II династия Приморья, династия Бази, Эламская династия	1026–980
Династия Э	979–732
Мардукзакиршуми	854–819
Царствование Набонасара под верховным правлением ассирийского царя Тиглатпаласара III	747–734

БАВИЛОНИЯ VIII–VI вв. до н.э.

IX династия Вавилона	731–729
Набумукинзери	731–729
Завоевание Вавилонии ассирийцами	729
Пулу (асс. Тиглатпаласар III)	728–727
Улулай (асс. Салманасар V)	726–722
Мардук-апалиддин II	721–710
Саргон II (асс.)	709–705
Синаххериб (асс.)	704–703

* Здесь и ниже даты правления касситских царей даются в согласовании с так называемой «средней» хронологией Нового царства Египта (см. примеч. нас с. 768). При «короткой» хронологии вавилонские даты XIV–XIII вв. должны быть понижены соответственно: Кадашман-Эллиль I (1369–1355), Кадашман-Эллиль II (1258–1250), Каштилиаш IV (1227–1220), захват Вавилона Тукульти-Нинуртой – 1220.

Мардук-закиршуми	703
Мардук-апалиддин II (вторично)	703
Белибни (асс.)	702–700
Ашшурнадиншуми (асс.)	699–694
Нергалушезиб	693
Мушезибмардук	692–689
Разрушение Вавилона ассирийцами	689
Синаххериб (асс.)	688–681
Асархаддон (асс.)	680–669
Шамаш-шумукин (асс.)	667–648
Захват Вавилона Ашшурбанапалом	648
Кандалану (= Ашшурбанапал?, асс.)	668–627
на вавилонском троне	

Халдейская династия

Набопаласар	626-605
Разгром Ассаргии вавилонской и мидийской армиями	609
Навуходоносор II	605–562
Амельмардук	562–560
Нериглиссар	560–556
Лабашимардук	556
Набонид	556–539
Завоевание Вавилонии Киrom II	539

ВЕРХНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ

АССИРИЯ

<i>Хурритские царьки в Ашшуре:</i>	
Апиашаль, Ушпия, Сулили, Киккия, Агия	конец XXI в. – 1970
«Староашшурская» династия (дом Пузурашшура I)	1970–1810
Пузурашшур I	1970–1961
Илушума	1945–1935
Эришум	1934–1895
Шамши-Адад I	ок. 1815–1775
Захват Ашшура Шамши-Ададом	ок. 1810
Ишмедаган	ок. 1797–1757
Вавилонская оккупация Ашшура	1757–1742
Мут-Ашкур	1742–
Адаси	ок. 1600
Пузурашшур III	ок. 1500
Ашшурбелнишешу	1407–1399
Ашшурримнишешу	1398–1391
Ашшурнадинаххе II	1390–1381
Эрибаадад I	1380–1354
Ашшурбаллит I	1353–1318
Эллильнерари	1317–1308
Арикденили	1307–1296
Ададнерари I	1295–1264

Салманасар I	1263–1234
Тукульти-Нинурта I	1233–1197
Ашшурнадинапли	1196–1193
Ашшурнерари III	1192–1187
Эллилькудуруцур	1186–1182
Нинуртаапилэкур	1181–1169
Ашшурдан I	1168–1134
Нинуртатукультиашшур	1134
Мутаккильнуску	1133
Ашшуррешиши I	1132–1115
Тиглатпаласар I	1114–1076
Ашаредапалэкур	1075–1074
Ашшурбелкала	1073–1056
Ашшурдан II	934–912
Ададнерари II	911–891
Тукульти-нинурта II	890–884
Ашшурнацирапал II	883–859
Салманасар III	858–824
Шамши-Адад V	823–811
Ададнерари III	810–783
Салманасар IV	782–773
Ашшурдан IV	772–755
Ашшурнерари V	754–745
Тиглатпаласар III	744–727
Салманасар V	726–722
Саргон II	721–705
Синаххериб	704–681
Асархаддон	680–669
Ашшурбанапал	668–630/627?
(в Вавилоне 648–627 как «Кандалану»?)	
Ашшурэтелилани	630?–623
Синшаришкун	626–612
Гражданская война в Ассирии	627–623
Война с Вавилонией и Мидией	616/615–609
Падение Ашшура	614
Падение Ниневии	612
Ашшурубаллит II	611–609
Битва при Харране.	
Падение Ассирии	609

ХАНИГАЛЬБАТ (МИТАННИ)

Расселение хурритов в Верхней Месопотамии и Восточном Средиземноморье

Основание Хурри-Ханигальбатского

царства в Верхней Месопотамии

ок. 1740–1675

Хурри-Ханигальбат

ок. 1675–1550

Захват власти в Хурри-Ханигальбате группой «митаннийских» индоариев

Основание Хурри-Митанни

ок. 1550

Митанни

ок. 1550–1262

Кирта

конец XVI в.

Парратгарна

первая половина XV в.

(время правления Хатшепсут в Египте)

Сауссадаттар	середина – третья четверть XV в.
Артадама I	ок. 1400. Союз с Тутмосом IV
Шуттарна II	первая треть XIV в.
Тушратта	ок. 1380–1355*
Артадама II	ок. 1380–1379, 1355–1336
Хеттское вторжение в Митанни	ок. 1336
Борьба Шаттивассы (сын Тушратты) и хеттов с Шуттарной III (сын Артадамы II) за власть в Митанни	
Раскол Митанни на «Митанни»	ок. 1336–ок. 1330
Шаттивасы и «Ханигальбат» Шуттарны III	
Шаттуара I в Ханигальбате	первая треть XIII в.
Ассирийская оккупация Ханигальбата	ок. 1272–1268
Шаттуара II в Ханигальбате	ок. 1265–1262
Ликвидация митаннийского	1262 г.
Ханигальбата Салманасаром I	

ХЕТТСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Если в истории других стран разграничение исторических периодов (например, Древнего, Среднего и Нового царств в Египте) нередко связано с исчезновением одной династической линии и появлением другой, в хеттской истории выделение фаз не столь очевидно. Указание родственных отношений между хеттскими царями демонстрирует уникальную для древнего Ближнего Востока особенность хеттской системы престолонаследия, оформленной в декрете царя Телепинуса.

На протяжении всей многовековой истории Хеттского царства его правители продолжали одну династическую линию, и даже в случае незаконного захвата власти прежний порядок восстанавливался достаточно быстро. Поэтому в хронологической таблице указывается степень родства правителей.

ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО

Лабарна	–1650	
Хаттусилис I	1650–1620	(внук?)
Хаттуса – столица Хеттского государства		середина XVII в. до н.э.
Мурсилис I	1620–1590	(внук, приемный сын)
Хантилис I	1590–1560	(муж сестры)
Цидантас I		(зять)
Аммунас	1560–1525	(сын)
Хуццияс I		(брат невестки Аммунаса)
Телипинус	1525–1500	(муж сестры)

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (СРЕДНЕХЕТТСКИЙ)

Аллувамнас		(зять)
Тахурваилис		(незаконный захватчик трона)
Хантилис II	1500–1400	(сын Аллувамны?)
Цидантас II		(сын?)
Хуццияс II		(сын?)
Муватталлис I		(незаконный захватчик трона)

* При «средней» хронологии Нового царства в Египте (см. с. 764), при «короткой» было бы ок. 1365–1342 гг. до н.э. Аналогично сдвинуты были бы правления ближайших преемников Тушратты.

НОВОЕ ЦАРСТВО*

Тудхалияс I/II		(внук Хуццияса II)
Арнувандас I**	1400–1350	(зять, приемный сын)
Хаттусилис II (?)		(сын?)
Тудхалияс III		(сын?)
Суппилиуимас I	1350–1322	(сын)
Арнувандас II	1322–1321	(сын)
Мурсилис II	1321–1295	(брат)
Муватталлис II	1295–1272	(сын)
Битва при Кадеше	1275	
Урхи-Тешуб	1272–1267	(сын)
Хаттусилис III	1267–1237	(дядя)
Договор между Рамсесом II и Хаттусилисом III	1259	
Тудхалияс IV	1237–1228	(сын)
Курунтас	1228–1227	(двоюродный брат)
Тудхалияс IV***	1227–1209	(двоюродный брат)
Арнувандас III	1209–1207	(сын)
Суппилиуимас II	1207–	(брат)
Падение Хеттского царства	ок. 1180	

ИРАН

<i>Начало эмиграции мидийцев и персов на территорию Ирана</i>	X в. до н.э.
Захват персами территории Юго-Западного Ирана	конец VIII в. до н.э.
Царствование Кира I в Персии	650–600
Объединение мидийских племен в государство	625
Царствование Киаксара в Мидии	625–585
Разгром и уничтожение ассирийского государства мидийцами и вавилонянами	612–609
Царствование Астиага в Мидии	585–550

ПЕРСИДСКАЯ ДЕРЖАВА

Кир II, царь Персии	558–530
Восстание персидских племен против мидийского господства	553–550
Завоевание Малой Азии	547–646
Покорение восточноиранских и среднеазиатских регионов	545–549
Завоевание Вавилонии	539

* Датировки хеттского Нового царства основаны прежде всего на синхронизмах с Египтом и приведены в форме, отвечающей «короткой» хронологии Нового царства в Египте (см. с. 765). При «средней» новоегипетской хронологии они приняли бы вид: Суппилиуимас I – ок. 1375–1334, Арнувандас II – 1334, Мурсилис II – 1334–1305, Муватталлис II – 1305–1282 (битва при Кадеше – 1286), Урхи-Тешуб – 1282–1275, Хаттусилис III – 1275–1245 (мир с Рамсесом – 1270), Тудхалияс IV – 1245 – ок. 1215, падение Хеттского царства – ок. 1195 г.

** Включает период соправления.

*** Второй срок правления.

Покорение Сирии – Палестины	539–538
Указ Кира II о восстановлении Иерусалимского храма и разрешение иудеям вернуться из вавилонского плена	538
Камбиз II	530–522
Завоевание Египта	525
Переворот Гауматы	522
Дарий I	522
Захват персами Фракии, Македонии и Северо-Западной Индии	519–512
Греко-персидские войны	500–449
Ксеркс I	486–465
Артахсеркс I	465–424
Дарий II	423–404
Восстания в Малой Азии и Мидии	410–408
Восстание Амиртея в Египте	405
Артахсеркс II	404–359
Мятеж Кира Младшего	401
Великое восстание сатрапов	367–369
Артахсеркс III	359–338
Восстания финикийских городов и Кипра против Персидского господства	349–344
Второе персидское господство в Египте	342–332
Дарий III	336–330
Поход Александра Македонского против Персии	334–330

ПАРФЯНСКОЕ ЦАРСТВО (247 до н.э – 224/228 н.э.)

<i>Перекочевка дахов-парнов на Атрек</i>	ок. 247 до н.э.
Аршак I	247–215 до н.э.
Аршак II	ок. 215–190 до н.э.
Фраат I	176–171 до н.э.
Митридат I	171–138 до н.э.
Фраат II	138–128 до н.э.
Артабан I	128–124 до н.э.
Митридат II	123–87 до н.э.
Подчинение племен саков парфянам в Дрангиане	рубеж II–I в. до н.э.
Распространение власти парфян и зависимых от них саков на Арахосию	ок. 60 до н.э.
Первая римско-парфянская война	54–20 до н.э.
Орода II	58–38 до н.э.
Образование Индо-Парфянского царства	ок. 25–75 н.э.
	ок. 25 н.э.
Вардан I в Парфии	40–46 н.э.
Гондофар в Индо-Парфянском царстве	20 – ок. 50
Вологез I в Парфии	ок. 50–76
Римско-парфянская война	56–66
Кушанско-парфянское завоевание Индо-Парфянского царства	ок. 75–80
Войны парфян с Римом	114–117, 162–166, 195–198, 216–218

Вологез IV	148–190
Вологез V	190–206
Артабан V	213–224
Падение Парфии. Захват Ирана Сасанидами	224

ИРАНО-ИНДИЙСКАЯ КОНТАКТНАЯ ЗОНА

Персидская аннексия «махаджанапад» Гандхара и Камбоджа (=Арахосия)	ок. 545–540
Персидская аннексия Нижнего Инда	ок. 517
Переход Северо-Западной Индии к Греко-Бактрии	начало II в. до н.э.
Распад Греко-Бактрии. Греко-Индийское царство	171
Евтидемидов	
Менандр в Греко-Индии	151–130
Распад Греко-Индийского царства	конец II в. до н.э.
Нашествие <i>юэчжи</i> (восточные массагеты и тохары) на Среднюю Азию, саков на Восточный Иран и Кашмир.	ок. 135–120
Образование юэчжийских княжеств в Бактрии (в том числе кушанского), индо-сакского царства в Кашмире, сакского объединения в Дрангиане (Сакастан)	
Образование Индо-Сакского царства	ок. 70
Маус (Мога) в Индо-Сакском царстве	?–57
Правление индо-парфянского царя Гондофара	20–45 гг.
Аз I в Индо-Сакском царстве	57 г. до н.э. – конец I в. до н.э.
Индо-сакское завоевание последнего греко-индийского княжества к западу от Инда (Гермея в Кабулистане)	ок. 50 г. до н.э.
Азилис в Индо-Сакском царстве	ок. рубежа эр
Аз II в Индо-Сакском царстве	первая половина I в. н.э.
Индо-сакское завоевание последнего греко-индийского княжества к востоку от Инда (Стратона в Восточном Пенджабе)	начало I в. н.э.
Отложение Сакастана от Парфии и создание Индо-Парфянского царства	ок. 25 г. н.э.
Индо-парфянская аннексия индо-сакских территорий	вторая четверть I в. н.э.
Гондофар в Индо-Парфянском царстве	вторая четверть I в. н.э.
Кушанское и парфянское завоевание территорий Индо-Парфянского царства	ок. 75–80

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

Объединение юэчжийских княжеств Бактрии кушанами	вторая четверть I в. н.э.
Куджула Кадфиз I	ок. 30–79
Кушанское завоевание индо-парфянских владений долины Инда	70-е годы I в. н.э.

Вима I Такто (Сотер Мегас)	79–86
Вима II Кадфиз. Завоевание кушанами долины Ганга	86–97
Канишка I	97–120
Хувишка	120–161
Васудева I	161–195
Подчинение кушан Сасанидам	40-е годы III в. н.э.
Распад кушанского царства на уделы	конец III в. н.э.

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

Отсутствие историографической традиции в Древней Индии создает ряд проблем для ее хронологии: индийские памятники обычно не содержат точных дат и даже более или менее надежных хронологических ориентиров. Это не позволяет определить даты большинства событий индийской истории с той же точностью, что для остальных регионов.

Индская (Хараппская эпоха)

Расцвет Хараппской цивилизации

Ведийская эпоха

Ранневедийский период

Проникновение племен ариев на территории Индостана.

Создание «Ригведы»

Поздневедийский период

Переход ариев к оседлому образу жизни, распространение железа, освоение долины Ганга, зарождения государственности на Индийском Севере

Раннеисторическая эпоха

Урбанизация в Северной Индии, становления ранней государственности, формирования «неортодоксальных религиозных учений» (в том числе буддизма и джайнизма)

Индийский поход Александра Македонского

Государство Маурьев с центром в области Магадха

Правление Ашоки

Классическая эпоха

Становление наиболее характерных особенностей социальной организации и культуры древней Индии (касты, индуизм). Время политической нестабильности и военных вторжений на индийском Севере. Становление государственности на индийском Юге. Запись буддийского канона «Типитака»
Коронация индо-сакского царя Аза I

**середина III –
середина
II тысячелетия до н.э.**

XXIV–XX вв. до н.э.

**вторая половина II –
середина I тысячелетия
до н.э.**

ок. XIII–X вв. до н.э.

XIV–X вв. до н.э.

IX–VI вв. до н.э.

**середина I тысячелетия
до н.э. – II в. до н.э.**

327–325 до н.э.

317–180 до н.э.

264–227 до н.э.

II в. до н.э. – IV в. н.э.

ок. 80 г. до н.э.

57 г. до н.э.

= «эра Викрама» – дата, лежащая в основе системы летосчисления по современному Самватскому календарю Северной и Центральной Индии
Правление Кушан в Северной Индии
Династия Сатаваханов на Декане. Торговля Индии с Римской империей
Создание дхармашастры Ману

I–II вв. н.э.

I–II вв. н.э.

I–II вв. н.э.

Эпоха поздней древности

Держава Гуптов с центром в Магадхе

Коронация Чандрагупты I

Начало Эры Гупта

319–320

Чандрагупта II Викрамадитья. Расцвет державы Гуптов

376–414

Творчество Калидасы

Вторжение эфталитов

конец IV – начало V в.
начало VI в.

Пресечение династии Гупта. Переход региона к эпохе средневековья

VI в. н.э.

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Государство Мо (поздний период культуры Лянчжу)

ок. 2400–1900(?) гг.

до н.э.

Государство Шан

ок. 1600–1027 гг. до н.э.

Правление Пань-гэна. – *Переселение народа шан в район совр. г. Аньян*

ок. 1311–1294

У-дин – усиление и расцвет шанского государства

ок. 1253–1195

У-и

1134–1100

Переселение народа чжоу на среднюю Вэйхэ

ок. 1124

Ди-и

1096–1060

Ди-синь

1059–1027

Гибель Шан в результате поражения от коалиции народов бассейнов рек Вэйхэ и Янцзы

1027

У-гэн

1027–1027

Эпоха Западной Чжоу

1027–771 гг. до н.э.

У-ван, наделение владениями родственников по мужской линии

1037/27–1025

Чэн-ван

1024–1005

Регентство Чжоу-гуна

1024–1018

Му-ван

965–928

Ли-ван

857–828

Сюань-ван

827–782

Битва при Цяньму

789

Ю-ван

781–771

Перемещение столицы Чжоу в г. Лои.

770

Период Чунь-цю («Весны и осени»)

770–453

Пин-ван

770–720

Хуань-ван

719–697

«Северные гегемоны»

696–597

Циский Хуань-гун

679–643

Цзиньский Вэнь-гун	632–628
«Южные гегемоны»	597–453
Чуский Чжуан-ван	597–591
Уский Фу Ча	495–473
Юэский Гоу Цзянь	473–464
Лао-цзы	VI в. до н.э.
Конфуций (Кун-цзы)	551–479
<i>Период Чжаньго («Сражающиеся царства»)</i>	<i>453–221</i>
Распад Цзинь. Выделение из него царств Хань, Вэй и Чжао	453
Признание Хань, Вэй и Чжао чжоуским ваном	403
Циньский Сяо-гун	361–338
Реформы Шан Яна	359–337
Усиление царства Цинь	306–251
Хуэй-вэнь-ван	337–311
Мо-цзы	ок. 468–376
Сюнь-цзы	313–238
Цинский ван Ин Чжэн	246–210
Империя Цинь	221–207 гг. до н.э.
Император Цинь Ши-хуанди	221–210
Эр Ши-хуанди (Ху-хай). Распад империи Цинь	209–207
Борьба за объединение Восточной Азии между ваном-гегемоном «Западной Чу» Сян Юем и военачальниками во главе с Хань-ваном Лю Баном	206–202
Возникновение государства Хань	202
Империя Западная Хань	202 г. до н.э. – 8 г. н.э.
Гао-цзу (Лю Бан)	202–195
Успешные преобразования Вэнь-ди	180–157
Цзин-ди	157–141
У-ди	140–87
Завоевание вьетских государств	111–110
Походы в Давань (Фергану)	104–102
Сюань-ди	73–49
Чэнь-ди	32 – 7
Ай-ди	7 г. до н.э. – 1 г. н.э.
Пин-ди	1 г. до н.э. – 5 г. н.э.
Империя Синь	9 – 23 гг. н.э.
Ван Ман	9–23 н.э.
Империя Восточная Хань	25–220 гг.
Гуан-у-ди (Лю Сю)	25/37–57
Мин-ди	58–75 н.э.
Хэ-ди	89–106
Дипломатические контакты с Римом	97, 166 н.э.
Ань-ди	106–125
Шунь-ди	125–144
Сянь-ди	189–220

АНТИЧНЫЙ МИР

Бронзовый век в Европе

Ранние царства на Крите

Минойская держава

Появление критского «слогового письма А»

Ахейские царства материковой Греции

Появление «слогового письма Б»

Троянская война

Гибель ахейских царств. Дорийское переселение

Наступление железного века в южной Европе

Гальштаттская эпоха. Ранний железный век племен Европы

Архаический период в Греции, великая греческая

колонизация. Царская эпоха в Риме

Традиционная дата основания Рима

Первая Мессенская война

Вторая Мессенская война

Расцвет этрусских городов-государств

Реформы Солона в Афинах

Правление Сервия Туллия в Риме

Тирания Писистрата в Афинах

Пелопоннесский союз

Скифский поход Дария

Установление республики в Риме

Реформы Клизфена в Афинах

Одрисское царство во Фракии. Скифское царство

Латенский период в Европе

Греко-персидские войны

Марафонская битва

Битва при Фермопилах и мысе Артемисий

Саламинская битва

Битва при Платеях

Фрако-скифский мирный договор

Установление власти Археанактидов. Образование

Боспорского государства

Первый Афинский морской союз

Децемвиры. Законы XII таблиц в Риме

Правление Перикла в Афинах

Установление власти Спартокидов на Боспоре

Пелопоннеская война в Греции

Тирания Дионисия Старшего в Сиракузах

Смерть Сократа

Битва при Аллии и разрушение Рима галлами

Второй Афинский морской союз

Гегемония Фив в Греции

III–II тысячелетия
до н.э.

XIX–XVIII вв. до н.э.

XVII–XV вв. до н.э.

ок. 1750 г.

XVII–XIII вв. до н.э.

ок. 1450 г.

ок. 1200 г.

последняя треть XII в.
до н.э.

начало I тысячелетия
до н.э.

VIII–V вв. до н.э.

середина VIII – конец

VI в. до н.э.

753 г. до н.э.

734–724

вторая половина VII в.
до н.э.

VII–VI вв. до н.э.

594

579–535

560–527

середина VI в. – 371 г.
до н.э.

между 515 и 512

510

509

V в. до н.э.

V–I вв. до н.э.

490–449

12 августа 490

август 480

28 сентября 480

479

ок. 480

480

478–404

451–450

443–429

438/7

431–404

405–367

399

390 (или 387)

378–355

371–362

Скифское царство Атея	вторая–третья четверть IV в. до н.э. ок. 367–168
Этолийский союз	367
Законы Лициния и Секстия в Риме	359–336
Правление Филиппа II Македонского	357–355
Союзническая война в Греции	355–346
Священная война в Греции	338
Херонейская битва	338/7
Коринфский конгресс. Образование Панэллинского союза	336–323
Правление Александра Македонского	331
Поход Зопириона против скифов. Осада Ольвии	326
Закон Петелия в Риме	323–322
Ламийская война в Греции	323–301
Войны диадохов	316–282
Держава Агафокла в Сицилии	313
Восстание западнопонтийских полисов против Лисимаха	301
Битва при Ипсе	рубеж IV и III вв. до н.э.
Племенные образования кельтов в Северной Италии	конец IV – начало III в. до н.э.
Расцвет Ольвии и Херсонеса	III в. до н.э. – III в. н.э. 287 г. до н. э.
Скифское царство в Крыму	
Закон Гортензия. Завершение борьбы патрициев и плебеев в Риме	ок. 280–146
Ахейский союз	279–214
Кельтское царство Тилы на Балканах	276–168
Династия Антигонидов в Македонии	267–262
Хремонидова война. Осада Афин Антигоном Гонатом	264–241
Первая Пуническая война. Утверждение Рима в Сицилии	245–241
Правление Агиса IV в Спарте	235–221
Правление Клеомена III в Спарте	221
Битва при Селасии. Создание Эллинского союза под гегемонией Македонии	221–179
Правление Филиппа V Македонского	218–201
Вторая Пуническая война	216
Битва при Каннах	207–192
Тирания Набиса в Спарте	200–197
Вторая Македонская война	196
Провозглашение Фламинином «свободы» греческих полисов	171–168
Третья Македонская война	конец 168
Битва при Пидне. Уничтожение Македонского царства	149–146
Третья Пуническая война	146
Разрушение Коринфа и Карфагена	138–133
Нумантинская война в Испании	138–132
Первое Сицилийское восстание рабов	133
Трибунат Тиберия Гракха	123–122
Трибунат Гая Гракха	113–101
Нашествие кимвров и тевтонов на Италию	104–101
Второе Сицилийское восстание рабов	102
Битва при Аквах Секстиевых с тевтонами	

Битва при Верцеллах с кимврами	101
Гай Юлий Цезарь	100–44
Союзническая война в Италии	91–88
Диктатура Суллы	82–79
Восстание Спартака	73–71
Первый триумvirат в Риме	60–53
Войны Цезаря в Галлии	58–50
Восстание Верцингеторига в Галлии. Осада Алезии	52
Диктатура Цезаря	49–44
Разгром римлянами дако-гетского племенного союза	ок. 44
Буребисты	
Второй триумvirат	43–36
Битва при Акции	31
Объединение германских племен под властью Маробода	конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.
Принципат Августа	27 г. до н.э. – 14 г. н.э.
Покорение астуrow и кантабров	26–19 гг. до н.э.
Завоевание Норика и Реции	16–15 гг. до н.э.
Завоевание Паннонии	12–9 гг. до н.э.
Поражение римлян в Тевтобургском лесу	9 г. н.э.
Правление Юлиев–Клавдиев	14–68 гг. н.э.
Образование провинции Мёзия	15 г. н.э.
Конец сапейской династии во Фракии и образование римской провинции	46
Династия Флавиев	69–96
Правление Антонинов. «Золотой век» Римской империи	96–192
Войны Траяна с Децебалом. Завоевание Дакии	101–106
Маркоманские войны	167–180
Движение Матерна	187
Династия Северов	193–235
Эдикт Каракаллы	212
Вторжения варваров в пределы Римской империи	60-е годы III в. н.э.
«Галльская» империя	259–273
Расселение готов в Северо-Западном Причерноморье	III–IV вв.
Движение багаудов в Галлии	80-е годы III в.
«Тетрархия» Диоклетиана	284–305
Правление Константина	306–337
Никейский собор. Принятие «Символа веры»	325
Нашествие гуннов в Причерноморье	IV в.
Битва при Адрианополе	378
Окончательное разделение Римской империи на Западную и Восточную	395
Взятие Рима Аларихом	410
Образование вестготского королевства в Аквитании	418
Битва на Каталаунских полях	451
Разгром Рима вандалами Гейзериха	455
Низложение Ромула Августула. Падение Западной Римской империи	476

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПЕРВОБЫТНОСТЬ

Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984.

Борисовский П.И. Древнейшее прошлое человечества: 2-е изд. Л., 1979.

Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. М., 2004.

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.

История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

РАБОТЫ, ОБЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ РАЗДЕЛОВ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Вигасин А.А. История Древнего Востока. М., 2006.

Древние цивилизации // Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1999.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. в 2-х частях. Ч. 1: Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. Ч. 2: Передняя Азия. Египет / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1988.

История Древнего Востока. От ранних форм государственных образований до древних империй / Под ред. А.В. Седова. М., 2004.

История Древнего Востока: тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2002.

История и культура Древнего Востока: энциклопедический словарь / Отв. ред. А.А. Вигасин. М., 2008.

Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока. М., 1968.

Хрестоматия по истории Древнего Востока. Т. I. М.: Высшая школа, 1980.

Cambridge Ancient History: 2nd ed. 1970–1994. Vol. 1–6.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ФОРМИРОВАНИЕ РАННИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. I–II.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Первые индоевропейцы на арене истории: протохары в Передней Азии // ВДИ. 1989. № 1.

Дьяконов И.М., Милитарев А.Ю. Пути миграций афразийцев в Северной Африке // Послесловие к кн.: А. Лот. К другим Тассили. Л., 1984.

Козырева Н.В. Цивилизация Месопотамии и чужеземные этносы // FOAS SPbSU, 2008.

Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. М., 1981–1986. Вып. 1–3.

- Akurgal E.* The Hattian and Hittite Civilizations. Publ. of the Republic of Turkey, 2001.
- Ancilotti A.* La lingua dei Cassiti. Milan, 1980.
- Bryce T.* The Kingdom of the Hittites. Oxford, 2005.
- Diakonoff I.M.* Afrasian Languages. M., 1988.
- Diakonov I., Starostin S.* Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language. Munich, 1986.
- Hijara I.* The Halaf Period in Northern Mesopotamia. L., 1997.
- Matthiae P.* The Royal Archives of Ebla. Skira, 2008.
- Mellaart J.* The Earliest Civilizations of the Near East. L., 1965.
- Neu E.* Das Hurritische: eine altorientalische Sprache in neuem Licht. Stuttgart, 1988.
- Nissen H.* The Early History of the Ancient Near East. 9000–2000 B.C. Chicago, 1988.
- Postgate J.N.* Early Mesopotamia Society and Economy at the Dawn of History. L., 1995.
- Rubio G.* On the Alleged “Pre-Sumerian Substratum” // JCS. 1999. N 1. P. 1–16.
- Wilhelm G.* The Hurrians. Warminster, 1989.

МЕСОПОТАМИЯ

• (ШУМЕР, АККАД, ВАВИЛОНИЯ, АССИРИЯ)

- Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н. э. М., 1974.
- Дандамаев М.А.* Вавилонские писцы. М., 1983.
- Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990.
- Дьяконов И.М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
- Емельянов В.В.* Древний Шумер: очерки культуры. СПб., 2001.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996.
- Козырева Н.В.* Древняя Ларса: очерки хозяйственной жизни. М., 1988.
- Ллойд С.* Археология Месопотамии: 2-е изд. М., 1984.
- Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации. М., 1970.
- Ascalone E.* Mesopotamia: Assyrians, Sumerians, Babylonians. Berkeley, 2007.
- Brinkman J.A.* Materials and Studies for Kassite History. Chicago, 1976.
- Crawford H.* Sumer and the Sumerians. Cambridge, 1991.
- Klengel H.* Hammurapi von Babylon und seine Zeit. B., 1976.
- Olmstead A.T.* History of Assyria. Chicago, 1951.
- Postgate J.N.* Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. L., N.Y., 1992
- Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie.* Leipzig; B., 1928.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

(III–II тысячелетия до н.э.)

- Геродот.* История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратоновского М.; Л., 1972.
- Баскакова Т.* Политика XVIII династии // ВДИ. 1996. № 3.
- Берлев О.Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.
- Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978.

Богословский Е.С. Повседневная жизнь в Древнем Египте // Восток (Oriens). 1995. 6.

Большаков А.О. «Прекрасная пришла». Шедевры портрета из Египетского музея в Берлине: каталог. СПб., 2009.

Демидчик А.Е. Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005.

Коростовцев М.А. Писцы Древнего Египта. М., 1962.

Матъе М.Э. Искусство Древнего Египта. М., 1961.

Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987.

Монтэ А. Египет Рамсесов. М., 1989.

Перепелкин Ю.Я. История Древнего Египта. СПб., 2000.

Перепелкин Ю.Я. Переворот Амен-Хотпа IV. М., 1984. Ч. 1–2.

Перепелкин Ю.Я. Тайна золотого гроба. М., 1962.

Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984.

Прусаков Б. Раннее государство в Древнем Египте. М., 2001.

Прусаков Д.Б. Природа и человек в Древнем Египте. 1999.

Стучевский И.А. Земледельцы государственного хозяйства Древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982.

Стучевский И.А. Рамсес II и Херихор. Из истории Древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984.

Тураев Б.А. История Древнего Востока. М., 1935–1936. Т. 1–2.

Ancient Egypt: A Social History / Ed. Trigger B.G. et al. Cambridge, 1983.

Grimal N. A History of Ancient Egypt. Oxford, 1992.

Hoffman M. Egypt before the Pharaohs. L., 1980 (с библи.).

Kemp B. Ancient Egypt: Anatomy of a Civilization. L., 1989.

Kitchen K. Pharaoh Triumphant: The Life and Times of Ramesses II, King of Egypt. Warminster, 1985.

Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature. 1980. Vol. I–III.

Midant-Reynes B. Prehistoire de l’Egypte. P, 1992.

The Legacy of Egypt. Oxford, 1971. Vol. I–II.

Rice M. Egypt’s Making. L., 1991.

Sandars N. The Sea Peoples. N.Y., 1985.

The Oxford History of Ancient Egypt / Ed. I. Shaw. Oxford, 2000.

Trigger B.G. The Rise of Egyptian Civilization / Ancient Egypt. P. 1–70 (с библи.)

Wilkinson T.A.H. Early Dynastic Egypt. L.; N.Y., 1999 (с библиогр.)

ИНДИЯ

(III–II тысячелетия до н.э.)

Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация: Очерки культуры. М., 1994.

Атхарваведа / Пер. Т.Я. Елизаренковой. М., 2005. Т. 1–3

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: Мифы и история. М., 1983.

Маламуд Ш. Испечь мир. Ритуал и мысль в древней Индии. М., 2005.

Ригведа / Пер. Т.Я. Елизаренковой. М., 1989–1999. Т. 1–3.

Упанишады / Пер. А.Я. Сыркина. М., 1993. Т. 1–3.

Gonda J. Ancient Indian Kingship from Religions Point of View. Leiden, 1966.

Heeserman J. Ancient Indian Royal Consecration. Hague, 1957.

Schlerath B. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda. Ein Beitrag zur indogermanischen Kulturgeschichte. Wiesbaden, 1960.

КИТАЙ

(III–II тысячелетия до н.э.)

Бамбуковые анналы (Губэнь Чжуншу цзинянь) / Изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. (при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной). М., 2005.

Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. Р.В. Вяткина и др. М., 1972–2002. Т. I–VIII.

Археология зарубежной Азии. М., 1986. гл. 9, 11.

Дебен-Франкфор К. Древний Китай. М., 2002.

Деопик Д.В. Центральная и южная части Восточной Азии как культурные очаги во 2–1 тысячелетиях до н.э. // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1976.

Деопик Д.В., Комиссаров С.А., Ульянов М.Ю. Китай: Древнейшие археологические культуры на территории Китая // Большая Российская энциклопедия. М., 2009. Т. 14. С. 86–90.

Комиссаров С.А. Археология Западного Чжоу – 1027–770 гг. до н.э. (по материалам исследований 70-х гг.) // Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1985.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.

Крюков В.М. Текст и ритуал: опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь–Чжоу. М., 2000.

Крюков М.В. Язык иньских надписей. М., 1973.

Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблема этногенеза. М., 1978.

The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of Civilization to 221 B.C. / Ed. M. Loewe, Ed.L. Shaughnessy, Cambridge, 1999.

Chang Kwang-chih. Shang Civilization. New Hawen, 1980.

Li Liu, Xingcan Chen. State Formation in Early China. L., 2003.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

(III–II тысячелетия до н.э.)

Археология зарубежной Азии. М., 1986.

Беллеуд. Покорение человеком Тихого океана. М., 1986.

Деопик Д.В. История Вьетнама. М., 1986. Т. 1.

История Индонезии. М., 1992. Ч. 1.

История Кампучии: краткий очерк. М., 1981.

Кулланда С.В. История Древней Явы. М., 1992.

ХЕТТЫ И ИХ СОВРЕМЕННОКИ НА ДРЕВНЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Герни О. Хетты. М., 1987.

Иванов Вяч.Вс. Хеттская мифология // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия. 1982. Т. II. С. 590 и след.

Луна, упавшая с неба / Пер. и коммент. Вяч.Вс. Иванова. М., 1977.

Akurgal E. The Art of the Hittites. L., 1962.

Bryce T. Life and Society in the Hittite World. Oxford, 2002.

Bryce T. The Kingdom of the Hittites: 2nd ed. Oxford, 2005.

Houwink ten Cate P.H.J. Records of the Early Hittite Empire. Istanbul, 1970.
Martino S. de. Annali e Res Gestae Antico Ittiti. Pavia, 2003.
Wilhelm G. The Hurrians. Warminster, 1989.

СТРАНЫ ЛЕВАНТА (ФИНИКИЯ, СИРИЯ, ПАЛЕСТИНА)

Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран. М., 2000.
Циркин Ю.Б. История библейских стран. М., 2003.
Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена. М., 2001.
Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита. М., 1987.
Шифман И.Ш. Угаритское общество XIV–XIII вв. до н.э. М., 1982.

Ahlstrom G.M. The History of Ancient Palestine from the Palaeolithic Period to Alexander's Conquest. Sheffield, 1993.

Aubet M.E. Phoenicians and the West: Politics, Colonies and Trade. Cambridge, 1993.

Klengel H. Syria 3000 to 300 B.C. В., 1992.

Parrot F., Chebab M.H., Moscati S. Les Pheniciens. P., 1975.

МИНОЙСКИЙ КРИТ И МИКЕНСКАЯ ГРЕЦИЯ

Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.). СПб., 2002.

Блаватская Т.В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. М., 1966.

Блаватская Т.В. Греческое общество второго тысячелетия до н.э. и его культура. М., 1976.

Гиндин Л.А. Население гомеровской Трои. М., 1993.

Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.

Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

История Европы. М., 1988. Т. 1.

Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Микенский период. Л., 1986.

Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.

Лурье С.Я. Язык и культура Микенской Греции. М.; Л., 1957.

Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации III–II тысячелетий до н.э. в Циркум-понтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.

Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). М., 1992.

Молчанов А.А., Нерозник В.П., Шарынкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988.

Немировский А.А. «Троянская дискуссия» в историографической перспективе: возможен ли определенный результат? // *Studia historica*. М., 2002. Т. II.

Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950.

Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма В). М., 1978.

Тайны древних писем. Проблемы дешифровки. М., 1976.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. МИРОВЫЕ ИМПЕРИИ

Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987.

Altman A. The Historical Prologue of the Hittite Vassal Treaties. Ramat-Gan, 2004.

Amarna Diplomacy: The Beginnings of International Relations. Baltimore, 2002.

Beckman G. Hittite Diplomatic Texts. Atlanta, 1999.

Continuity of Empire: Assyria, Media, Persia, Padova, 2003.

Helck W. Die Beziehungen Agyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1971.

Helck W. Die Beziehungen Agyptens Und Vorderasiens Zur Agais bis ins. 7. Jahrhundert v. Chr. Darmstadt, 1979.

Moving Across Borders: Foreign Relations, Religion, and Cultural Interactions in the Ancient Mediterranean. Louvain, 2007

Redford D. Egypt, Canaan and Israel in Ancient Times. Princeton, 1994.

Vercoutter J. L'Egypte et le Monde Égéen préhellénique. Cairo, 1956.

Vanschoonwinkel J. L'Egee et la Mediterranee orientale a la fin du deuxieme millenaire. Louvain, 1991.

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, РЕЛИГИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

Ассман Я. Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации / Пер. Т.А. Баскаковой. М., 1999.

Большаков А.О. Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2001.

Васильев Л.С. История религии Востока. М., 1983.

Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983.

Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян / Пер. И.А. Богданова. М., 2005.

Культура древнего Египта. М., 1979

Матье М. Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М., 1996.

Мифологии Древнего мира. М., 1977.

Перепелкин Ю.Я. Переворот Амен-Хотпа IV. М., 1984. Ч. 1–2.

Перепелкин Ю.Я. Тайна золотого гроба. М., 1962.

Тураев Б.А. Египетская литература. М., 1920. Т. 1.

Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М., 1984.

Якобсон Т. Сокровищница тьмы: история месопотамской религии. М., 1970.

Cross F.M. Canaanite Myth and Hebrew Epic. Cambridge (Mass.), 1973.

Lehner M. The Complete Pyramids. L., 1999.

Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature. 1980. Vol. I–III.

Rice M. Egypt's Making. L., 1991.

The Oxford History of Ancient Egypt / Ed. I. Shaw. Oxford, 2000.

Wilkinson R.H. The Complete Gods and Goddeness of Ancient Egypt. L., 2003.

Wilkinson R.H. The Complete Temples of Ancient Egypt. Cairo, 2005.

ЕГИПЕТ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

Белова Г.А. Египтяне в Нубии. М., 1988.

Большаков А.О., Сущевский А.Г. Герой и общество в Древнем Египте // ВДИ. 1991. № 3.

Берзина С.Я. Мероэ и окружающий мир в I–III вв. н.э. М., 1992.

Виноградов А.К. Эпитет, имя, титул в письменных памятниках Куша. Этюды по исторической ономастике Древнего Судана. М., 2006. Вып. 1.

Кацнельсон И.С. Напата и Мероэ – древние царства Судана. М., 1970
Кормышева Э.Е. Религия Куша. М., 1984.
Коростовцев М.А. Повесть о Петеисе III. Древнеегипетская проза. М., 1979.
Сказки и повести Древнего Египта / Пер. И.Г. Лившица. СПб., 2004.
Соловьева С.С. Война 663 г. до н.э. между Ассирией и Кушем за господство над Египтом / Мероэ. М., 1977.

Grimal N. A History of Ancient Egypt. Oxford, 1992.
Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature. 1980. Vol. III.
The Oxford History of Ancient Egypt / Ed. I. Shaw. Oxford, 2000.

ДРЕВНИЙ ИРАН

Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998.
Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
Дьяконов И.М. Очерки истории Древнего Ирана. М., 1961.
Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

ИНДИЯ: ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ РАЗВИТИЯ

Курций Руф. История Александра Македонского (с прилож. Плутарха, Диодора, Юстина). М., 1993.
Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М., 2002.
Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра: проблемы социальной структуры и права. М., 1984.
Вигасин А.А. Древняя Индия: от источника к истории. М., 2007.
Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, провер. и испр. Г.Ф. Ильиным. М., 1960.
Индуизм, джайнизм, сикхизм: словарь. М., 1996.
Культура Древней Индии. М., 1975.
Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987.
Gonda J. Die Religionen Indiens. Stuttgart, 1960–1963. Bd. 3.
Kane P.V. History of Dharmaśāstra. Poona, 1968–1977. Vol. 1–5.
Sharma R.S. Aspects of Political Ideas and Institution in Ancient India. Delhi, 1991.

КИТАЙ: ОТ ПОЛИЦЕНТРИЗМА К ИМПЕРИЯМ

Бамбуковые анналы (Губэнь Чжуншу цзинянь) / Изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. (при участии Деопика Д.В. и Таркиной А.И.). М., 2005.
Древний Китай и Юго-Восточная Азия // История Древнего Востока. Тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2002. С. 537–637, 692–714.
Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. Р.В. Вяткина и др. М., 1972–2002. Т. I–VIII.
Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
Деопик Д.В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чунь-цю» // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.
Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.
Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
Переломов Л.С. Конфуций. М., 2000.
Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1989.

The Cambridge History of China. Vol. 1: The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220 / Ed. D. Twitchett, M. Loewe. The Cambridge Univ. Press, 1986.

The Last of the Han: Being the Chronicle of the Years 181–220 A.D. as Recorded in Chapters 58–68 of the Tzu-chih t'ung-chien of Ssu-ma Kuang // CTr. R. Crespigny. Centre of Oriental Studies, Monograph 9. Canberra: Australian National Univ., 1969.

Loewe M. Crisis and Conflict in Han China, 104 B.C. to A.D. 9. L., 1974.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ (ПОЗДНЯЯ)

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII в. М., 1995. С. 10–34.

Деоник Д.В. Всадническая культура в верхней Янцзы и восточный вариант звериного стиля // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

Итс Р.Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972.

История Индонезии. М., 1992. Ч. 1.

История Кампучии (Краткий очерк). М., 1981.

История Таиланда (Краткий очерк). М., 1973.

Coedès G. The Indianized States of South East Asia. Honolulu, 1968.

АНТИЧНОСТЬ

«КРУГ ЗЕМЕЛЬ» И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Андреев Ю.В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002.

Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб., 2004.

Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.

Немировский А.И. Этруски: от мифа к истории. М., 1983.

Boardman J. Pre-Classical: From Crete to Archaic Greece. Harmondsworth, 1978.

Desborough V.R. The Greek Dark Ages. L., 1981.

Finley M.I. Early Greece: The Bronze and Archaic Ages. L., 1981.

Thomas C.G., Conant C. From Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C. Bloomington, 1999.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИСОВ. ВЕЛИКАЯ ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

(VIII–VI вв. до н.э.)

Дементьева В.В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V века до н.э. М., 2003.

Ильинская Л.С. Легенды и археология. М., 1988.

Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983.

Маяк И.Л. Римляне ранней Республики. М., 1993.

Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962.

Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999.

Печатнова Л.Г. История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001.

Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: Архаика и Ранняя классика. М., 2005.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. М., 1988.

Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. по данным эпиграфических источников. М., 1982.

Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

Bernstein F. Konflikt und Migration: Studien zu griechischen Fluchtbewegungen im Zeltalter der sogenannten Großen Kolonisation. St. Katharinen, 2004.

Boardman J. The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade: 4th ed. L., 1999.

Forsythe G.A. Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley, 2005.

Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987.

Mitchell R.E. Patricians and Plebeians. The Origins of the Roman State. Ithaca (L.), 1990.

КЛАССИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.

Античная Греция. Т. 1: Становление и развитие полиса; Т. 2: Кризис полиса / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1983.

Дэвис Дж. К. Демократия и классическая Греция. М., 2004.

Картюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.

Маринович Л.П. Древнегреческая цивилизация // Древние цивилизации. М., 1989. Гл. XVI (под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина).

Рунг Э.В. Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009.

Строгецкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991.

Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.

Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: время расцвета демократии. М., 2008.

Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.

Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003.

Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / Ed. R. Brock, S. Hodkinson. Oxford, 2000.

Fouchard A. Aristocratie et démocratie. Idéologies et sociétés en Grèce ancienne. P., 1997.

Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton (New Jersey), 1999.

Ostwald M. Oligarchia. The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece. Stuttgart, 2000.

ЧЕЛОВЕК, МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ПОЛИСОВ

Античность как тип культуры. М., 1988.

Борухович В.Г. Вечное искусство Эллады. СПб., 2002.

Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб., 1995.

Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (становление греческой философии). М., 1972.

Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1985. Т. 1–2.

Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.

Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Судьба Парфенона. М., 2000.

- Немировский А.И.* Этруски: от мифа к истории. М., 1983.
Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. М., 2009.
Немировский А.И., Ильинская Л.С., Уколова В.И. Античность: История и культура. М., 1999. Т. 1–2.
Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.
Ривкин Б.И. Античное искусство. М.; Дрезден, 1972.
Сергеенко М.Е. Простые люди Древней Италии. М.; Л., 1964.
Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III – I в. до н.э. М., 2005.
 Человек и общество в античном мире. М., 1998.
Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
Эргон Ж. Повседневная жизнь этрусков. М., 2009.
Parke H.W. Festivals of the Athenians L., 1986.
Rawson E. Intellectual Life in the Late Roman Republic. Baltimore, 1985.
Scullard H.H. Festivals and Ceremonies of the Late Roman Republic. N.; Y. 1982.

ЗАВОЕВАНИЯ И ДЕРЖАВА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

- Александр Великий. Путь на Восток / Ред. И.Ф. Гурвиц. СПб., 2007.
Бриан П. Александр Великий. Из Греции на Восток. М., 2003.
Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М., 1993.
Фор П. Александр Македонский. М., 2001.
Роджерс Г.М. Александр Македонский – философ, царь и воин. М., 2006.
Шифман И.Ш. Александр Македонский. СПб., 2007.
 Alexandre le Grande: Image et réalité / Entretiens prép. par E. Badian. Vandœuvre; Genève, 1975.
Bosworth A.B. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1995.
Fox R.L. Alexander the Great. L., 1976.
Wirth G. Philipp II. Stuttgart, 1985.

ЭЛЛИНИЗМ

- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
Кошленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.
Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.
Ростовцев М.И. Парфянский выстрел. М., 2003.
Тарн Э. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
Хабихт Х. Афины: история города в эллинистическую эпоху. М., 1999.
 Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 1990.
 Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992.
Aperghis G.G. The Seleucid Royal Economy Cambridge, 2004.
Préaux C. Le monde hellénistique. P., 1978. Т. I–II.
Rostovtzeff M. Histoire économique et sociale du monde hellénistique. P., 1989.
Will E. Histoire politique du monde hellénistique. Nancy, 1979–1982. Т. I–II.

«МАЛЫЕ» ГОСУДАРСТВА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

- Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху. Херсон, 2007.
Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2007.

Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996.

Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

Crîșan J. Burebista and His Time. București, 1978.

McGing B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.

Pippidi D.M. Scythica Minora. București; Amsterdam, 1975.

ВОЗВЫШЕНИЕ РИМА.

РИМ НА ПУТИ К МИРОВОЙ ДЕРЖАВЕ

Бобровникова Т.А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001.

Горьков С.Ю. Рим и Карфаген. Великая морская война. М., 2002.

Грималь П. Цицерон. М., 1991.

Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.

Лансель С. Ганнибал. М., 2002.

Маяк И.Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III–II вв. до н.э. М., 1971.

Нечай Ф.М. Рим и италики. М., 1963.

Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987.

Токмаков В.Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. М., 2007.

Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики II в. до н.э. М., 1986.

Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.

Утченко С.Л. Цезарь и Цицерон. М., 1998.

Этьен Р. Юлий Цезарь. М., 2009.

Beard M., Crawford M. Rome in the Late Republic. Ithaca, 1999.

Gruen E. S. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley, 1974.

Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome. N.Y., 1985.

Lintott A. Violence in Republican Rome. Oxford, 1999.

ЭПОХА ПРИНЦИПАТА

Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.

Ле Боэк Я. Римская армия эпохи ранней империи. М., 1989.

Машкин Н.А. Принципат Августа: происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949 (перезд. М., 2006).

Межеричкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994.

Михайловский Ф.А. Власть Октавиана Августа. М., 2000.

Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб., 2001.

Gowing A.M. Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambridge, 2005.

Lacey W.K. Augustus and the Principate: The Evolution of the System. Leeds, 1996.

Lange C.H. Res Publica Constituta: Actium, Apollo and the Accomplishment of the Triumviral Assignment. Leiden; Boston, 2009.

Lobur J.A. Consensus, Concordia and the Formation of Roman Imperial Ideology. N.Y.; L., 2008.

Schlange-Schöningen H. Augustus. Darmstadt, 2005.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Аман А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан (95–197 гг. н.э.). М., 2003.

Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983.

Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время: некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина. СПб., 2003.

Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1991.

Свенцицкая И.С. Первые христиане и Римская империя. М., 2003.

Clark G. Christianity and Roman Society. Cambridge; N.Y.; Melbourne, 2004.

Gamble H.Y. Books and Readers in the Early Church: a History of Christian Texts. New Haven; L., 1995.

Stark R. The Rise of Christianity: a Sociologist Reconsiders History. Princeton, 1996.

ОБРАЗОВАНИЕ ЕДИНОЙ ЦЕПИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Раннее христианство на Востоке // Труды Отделения историко-филологических наук, 2006. М., 2007. С. 174–222.

Бухарин М.Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря» / Текст, пер., коммент., исслед. СПб., 2007.

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Христианские археологические памятники на Востоке (первое тысячелетие н.э.) // Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. СПб., 2006. Т. 4(X). Новая серия. С. 136–176.

Lieu S.N.C. Manichaeism in Mesopotamia and the Roman East. Leiden, 1994.

Lieu S.N.C. Manichaeism in Central Asia and China. Leiden, 1998.

Litvinsky B.A. Die Geschichte des Buddhismus in Ostturkestan. Wiesbaden, 1999.

Moffett S.H.A. A History of Christianity in Asia. San Francisco, 1992. Vol. I: Beginnings to 1500.

Will E. Les palmyréniens. Les Venise des sables (Ier siècle avant – IIIème siècle après J.-C.). P., 1992.

Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China. Leiden, 1959. Vol. I–II.

КРИЗИС III века; ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.

Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов/н/Д., 1997.

Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск, 2002.

Князький И.О. Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб., 2010.

Коптев А.В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в Поздней Римской империи. Вологда, 1995.

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.

- Крист К.* История римских императоров. Ростов-н/Д. М., 1997. Т. 1–2.
- Уколова В.И.* Поздний Рим: пять портретов. М., 1992.
- Шкаренков П.П.* Образ власти на рубеже Античности и Средневековья: от империи к варварским королевствам. М., 2009.
- Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity: towards the Christian Empire. Madison, 1992.
- Brown P.* The World of Late Antiquity. L., 1989.
- Chadwick H.* The Church in Ancient Society. Oxford, 2001.
- Crises and the Roman Empire. Leiden; Boston, 2007.
- Macmullen R.* Roman Government's Response to Crisis, AD 235–337. New Haven; L., 1976.
- Rees R.* Diocletian and the Tetrarchy: Debates and Documents in Ancient History. Edinburgh, 2004.
- Rives J.* Religion in the Roman Empire. Oxford, 2007.
- Watson A.* Aurelian and the Third Century. L., N.Y., 1999.

РИМСКОЕ ПРАВО

- Бартошек М.* Римское право: понятие, термины, определения. М., 1989.
- Дементьева В.В.* Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004.
- Дигесты Юстиниана / Пер. с лат., отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2008. Т. 1.
- Дождев Д.В.* Основание защиты владения в римском праве. М., 1996.
- Жреческие коллегии в раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001.
- Законы XII таблиц / Текст, пер., вступ. ст. Л.Л. Кофанова; отв. ред. В.И. Уколова. М., 1996.
- Коптев А.В.* От прав гражданства к праву колоната. Вологда, 1995.
- Кофанов Л.Л.* Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006.
- Кофанов Л.Л.* Римская civitas и муниципальное право эпохи Республики // ВДИ. 2007. № 3. С. 103–119.
- Муромцев С.А.* Гражданское право Древнего Рима. М., 2003.
- Никольский Б.В.* Система и текст XII таблиц. СПб., 1897.
- Сильвестрова Е.В.* Lex Generalis: императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н.э. М., 2007.
- Штаерман Е.М.* Римское право // Культура Древнего Рима. М., 1985.
- Lenel O.* Das edictum perpetuum. Lipsiae, 1883.
- Giuffrè V.* Il “diritto pubblico” nell’esperienza romana. Appunti di parte generale del corso. Napoli, 1977.
- D’Orta M.* La giurisprudenza tra Repubblica e Principato. Napoli, 1990.
- Orestano R.* Introduzione allo studio del diritto romano. Bologna, 1987.
- Schiavone A.* Ius. L’invenzione del diritto in Occidente. Torino, 2005.
- Sini F.* Sua cuique civitati religio. Religione e diritto pubblico in Roma antica. Torino, 2001.
- Schiavone A.* Ius. L’invenzione del diritto in Occidente. Torino, 2005.

ВАРВАРСКИЙ МИР

- Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
- Биркхан Г.* Кельты: история и культура. М., 2007.
- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

Буданова В.П. Варварский мир в эпоху Великого переселения народов. М., 2000.

Вольфрам Х. Готы: От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

Диснер Х.-Й. Королевство вандалов: Взлет и падение. СПб., 2002.

Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. М., 1973.

Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. М., 2000.

Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад: Раннее Средневековье. СПб., 2002.

Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире: Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.

Щукин М.Б. Готский путь: Готы, Рим и Черняховская культура. СПб., 2005.

Heather P. Goths and Romans 332–489 AD. Oxford, 1991.

Mócsy A. Pannonia and Upper Moesia: A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire. Boston, 1974.

СПИСОК ИЗДАНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ДЛЯ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Альбедиль М.Ф. Протоиндийские цивилизации: очерки культуры. М., 1994.

Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М., 2002.

Виппер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972.

Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1989.

Древний Рим. Путеводитель по истории. М., 2002.

Искусство Древнего Египта. М., 1972.

История Древнего Востока: учебн. М.: МГУ, 2005.

История и культура Древнего Востока: энциклопедический словарь. М., 2008.

Кельты. Первые европейцы. М., 2008.

Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972.

Малая история искусства / Б.И. Ривкин. М., 1972.

Михаловский К. Александрия. Варшава, 1970.

Михаловский К. Луксор. М., 1972.

Неаполь. Капри. Сорренто: путеводитель. М., 1997.

Памятники мирового искусства. Т. 1: Искусство Древнего Востока. М., 1968.

Помпеи. Искусство и история: путеводитель. М., 1997.

Равенна. Искусство и история: путеводитель. М., 1997.

Рим. Ватикан: путеводитель. М., 1997.

Сидорова Н.А. Искусство эгейского мира. М., 1972.

Сицилия. История и искусство: путеводитель. М., 1997.

Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. М., 1981.

Этрусское искусство. М., 1972.

Этруски: итальяйское жизнелюбие. М., 1998.

Ancient Civilizations of East and West / Ed. G.M. Bongard-Levin et al. M., 1988.

Athens. The City and its Museums. Athens, 1996.

Bandinelli R.B. Roma. L'arte romana nel centro del potere. Milan, 1988.

Egyptian Mythology. L., 1965.

In the Tomb of Nefertari. Conservation of the Wall Paintings. Santa-Monica, 1992.

Les merveilles des musées grecs. Athènes, 1974.

Michailowski K. Egitto. W-wa, 1978.

Nofretete Echnaton. Catalogue. B., 1976.

Suche nacht Unsterblichkeit. Catalogue, Pelizaeus-Museum. Mainz, 1990.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абди-Аширта 201
Абеак 553
Абисар 339
Аблупорис 563
Август, см. Гай Юлий Цезарь Октавиан Август
Августин Блаженный 654, 677, 680–683
Авл Метелл 494
Авл Цецин 495
Аврелиан 647, 660, 663, 665–668, 740, 745
Агга 77, 771
Агесилай 450
Агис 543
Агриппина 628, 685
Агум II 92, 93, 227, 773
Агум III 93, 773
Ададнерари I 231, 284, 285, 290, 292, 774
Ададнерари III 273, 285, 775
Ададшумуцур 97, 286, 773
Адей 560
Адриан 340, 616, 638
Ай-ди 365
Акорис 267, 268, 770
Аларих 691, 747, 748
Александр III Македонский (Великий) 338, 508–520, 521–525, 551, 575, 726, 795
Александр IV 522
Александр Север 608, 658, 659
Алкивиад 464, 465
Амадок 561
Амасис (Яхмос II) 265, 266, 770
Амвросий Медиоланский 682, 684, 687, 690
Аменемхет I 114, 115, 767
Аменемхет II 114, 767
Аменемхет III 115–116, 124, 767
Аменирдис 261
Аменмессу 130, 768
Аменхотеп I 119, 121, 764, 768
Аменхотеп II 122, 768
Аменхотеп III 94, 124, 125, 127, 234, 240, 768
Аменхотеп IV(Эхнатон) 125–127, 191, 201, 227, 283, 768
Аменхотеп, сын Хапу 124
Аминта 270
Амиртей 267, 770
Аммиан Марцелин 659, 687, 688
Анаксимандр 421
Анаксимен 421
Андерсон Ю.Г. 152, 153
Андрей Первозванный 646
Анитта 185, 186
Антигон Гонат 527, 543
Антигон Одноглазый (Монофтальм) 524, 525, 528, 536, 568
Антиох I 536, 537, 540, 551
Антиох II 530, 563, 566
Антиох III 501, 533, 538, 540, 541, 551, 583
Антиох IV 400, 533, 541
Антиох VII Сидет 537, 541
Антиох Гиеракс 530
Антипатр 518, 522, 523, 524, 525, 542, 552
Антистий Лабеев 707
Антоний Великий 683
Антонин Пий 616, 638, 764
Анхесенпаатон (-амон) 127, 768
Анхуннефер 533
Ань-ди 371, 782
Апеллес 485
Апепи (Ааусерра) 118, 119, 768
Аполлинарий из Лаодикеи 679
Аполлоний Афинский 550
Аполлоний Родосский 532, 551
Аппиан 538
Аппий Клавдий Пульхр 707
Аппий Клавдий Цек 496
Априй (Уахибра) 265, 770
Арат 543
Аргот 553, 557–559
Арий 148, 678–679
Ариовиста 734
Аристарх Самосский 532
Аристид 460
Аристодем 423
Аристотель 441, 442, 443, 445, 447, 449, 453, 455, 491–492, 508, 517, 519, 759
Аристофан 442, 446, 451, 452, 487, 551
Аркадий 689, 690, 747
Арминий 732, 734, 735
Арнувандас I 189, 777
Арнувандас II 191, 777
Арнувандас III 195, 777
Арриан 340
Арридей (Филипп II) 522, 525, 528
Арсиноя II 531

Артаксеркс I 326, 327, 399
 Артаксеркс III 269, 326, 770, 778
 Архидам 455
 Архилох 437
 Асандр 572, 573
 Асархадон (Ашшурахиддина) 263, 297–299, 308, 774, 775
 Асканий-Юл (миф.) 424
 Аспург 572, 573
 Астиаг 320, 777
 Атанарих 743, 744
 Атаульф 691
 Атей Капитон 707
 Аттал 508, 588
 Аттила 692, 747, 751, 752
 Атурпат Михраспандан 397
 Афанасий, епископ 679
 Аха 105, 675
 Ахав Израильский 273, 274, 279, 291
 Ахемен 319
 Ахемениды 264–267, 269, 276, 301, 322, 329, 334, 397, 399, 400, 456, 488, 509, 510, 514–519, 521, 522, 536, 539, 568, 662
 Ахирам (Хирам) 271
 Ахтой (Хети) I 113, 767
 Ахтой (Хети) III 113, 767
 Ахура-Мазда (Ормузд) 325, 330, 333, 394, 395, 653
 Ашвагоша 393
 Ашока 340, 344, 551
 Ашшурбанапал 264, 299, 300, 302, 308, 314, 774–775
 Ашшурдан I 286, 775
 Ашшурнацирапал II 290, 291, 775
 Ашшурубаллит I 95, 283, 303, 774–775
 Аэций 692, 747, 750, 751

Баал 118, 205, 274
 Баи 130
 Бакенренеф (Бокхорис) 261, 262, 265, 769
 Бальбин 661
 Бань Бяо 369
 Бань Гу 369
 Бань Чао 369
 Бань Чао 369
 Бань Чжао 369
 Бардия 322
 Батт 431
 Бентреш 287
 Бенхадад II 273, 279
 Бенхадад III 273
 Береника I 531
 Береника II 533
 Берлев О.Д. 116, 238, 764, 787
 Бесс 515, 516
 Биндусара 340
 Битак М. 118
 Бокхорис, см. Бакенренеф

Большаков А.О. 126, 236, 237
 Брахма (миф.) 355, 392
 Брейль, А. 49
 Бренн 718
 Брут Луций Юний 427, 470, 471, 564, 597, 598, 627
 Брут Марк Юний 427, 470, 471, 564, 597, 598, 627
 Будда 337, 338, 350, 351, 388, 391–393, 758
 Булла Феликс 621
 Бурбиста 566, 567, 721, 726, 785
 Бурна-Буриаш II 94–96, 773

Вавилов Н.И. 54
 Валамер 752
 Валент 688–689, 707, 744–745
 Валериан 647, 662
 Валерий Анциат 600
 Валерий 471, 474
 Ван Жэнь 161
 Ван Ман 365, 367, 368, 782
 Ван Чун 371
 Вань Чжен 389
 Вардхамана Махавира (Джина) 338
 Варрон Марк Теренций 577, 579, 601
 Василий Великий 682, 683
 Веллей Патеркул 618, 732
 Вентрис М. 219
 Вергилий 608
 Веррес Гай 593, 697
 Верцингеториг 721, 785
 Веспасиан Флавий 630
 Видимер 752
 Виштаспа 322
 Вэнь-ван 164, 358
 Вэнь-хоу 361

Гай Семпроний Тудитан 707
 Гай Юлий Цезарь Октавиан Август 572–573, 597–609, 611, 615–617, 621–622, 624–627, 632–633, 796
 Гай Юлий Цезарь 404, 427, 535, 564, 567, 572, 573, 594–598, 603, 604, 606, 608–609, 622, 627, 633, 685, 707, 717, 720, 721, 726, 731, 734, 736, 785, 796
 Гайна 690, 747
 Гален 616, 635
 Галерий 669
 Галла Плацидия 691
 Галлиен 662, 665
 Гамкрелидзе Т.В. 65
 Гандаш 89, 90, 772
 Ганнибал 579, 580, 582, 583, 587, 656, 796
 Гань Ин 369
 Гао-цзу (Лю Бан) 363, 364, 375, 782
 Гарпал 518, 523
 Гатал 556
 Гаумата 322, 325, 778

Гейзерих 691, 692, 750
 Гекатей Милетский 715
 Гелиогабал (Элабагал) 658
 Гелланик Лесбосский 413
 Гераклид 558
 Геренний Этруск 740
 Гермодор Эфесский 695
 Геродот 116, 239, 254, 264, 266, 302, 319, 332, 413, 414, 431, 444, 488, 553, 717, 727, 728, 787
 Гесиод 420, 480
 Гете И. 759
 Гибрида Гай Антоний 564
 Гиерон I 423
 Гильгамеш 65, 77, 78, 113, 243, 246–248, 301, 771
 Гиперид 493, 524
 Гипподам 481
 Гомер 207, 272, 420, 480, 508, 790
 Гонорий 689, 691, 748–751
 Гораций 691, 750
 Горгий 489
 Гордиан I 661, 665
 Гордиан II 661
 Гордиан III 661
 Гордий 511
 Гортензий Квинт 576, 784
 Грахх Гай Семпроний 587, 589
 Грахх Тиберий Семпроний 585, 587–589, 591, 593, 784
 Грациан 398, 684, 689
 Григорий Богослов 682
 Григорий Великий 682
 Гуань-ди (Лю Сю) 368
 Гуань Чжун 166, 361
 Гуань-шу 164
 Гу-гун Дань-фу 163
 Гудахварна (Гондофар) 347
 Гудеа 81, 772
 Гулькишар 90, 91, 772
 Гундахар 749
 Давид 202, 205, 273, 275, 279, 398
 Дапикс 566–567
 Дарвин Ч. 19, 20, 48
 Дарий I 266–268, 322, 325, 326–328, 330, 332, 334, 395, 456, 458, 552, 725, 729, 770, 778, 783
 Дарий II 770, 778
 Дарий III 270, 326, 509–516, 518, 770, 778
 Демад 493
 Деметрий I Полиоркет 525, 526, 528, 542, 543
 Деметрий II Никатор 534, 537, 541
 Демосфен 442, 445, 493, 504, 506, 523, 524
 Ден 108, 765
 Деций Траян 661
 Джер 108, 765

Джет 108, 765
 Джосер 111, 765
 Ди-и 159
 Динамия 572, 573
 Диодор Сицилийский 261, 717
 Диоклетиан 647, 669–675, 677, 684, 785, 797
 Дион Кассий 635
 Дион Хрисостом 652
 Дионисий Галикарнасский 414, 422
 Диофант 553
 Ди-синь 159, 164, 781
 Долабелла Гней Корнелий 563
 Домициан 615, 630, 645, 647
 Донат 677
 Драконт 697
 Дромихет Младший 566
 Дромихет Старший 566
 Дун Чжун-шу 366, 367
 Дьяконов И.М. 62, 105, 198, 253, 302, 786
 Дюбуа, Эжен 23

Евгений 689
 Евнон 553
 Еврипид 487
 Евсевий Кесарийский 674
 Евсевий Никомедийский 689

Жу-цзы-ин 368

Зальмодегик 566
 Заратуштра (Заратустра) 333, 393–396, 757
 Зенобия 663
 Золт 566
 Зопирион 552, 553, 560, 784
 Зорсин 553

Иддин-Даган 84, 772
 Иезекииль 278, 399
 Иеремия 277, 278
 Иероваам II Израильский 273
 Иероним 682, 683, 691
 Иисус Навин 278
 Иисус Христос 643, 645, 646, 678
 Имхотеп 111, 124, 134, 534
 Ин Чжен, см. Цинь Ши-хуанди
 Инар 267
 Инисмей 555
 Интеф I 113, 766
 Интеф II 113, 766
 Иоанн Богослов 644–646
 Иоанн Златоуст 682
 Иосафат Иудейский 273
 Иосиф Флавий 400
 Иосия 275, 276, 278, 398
 Ипувер 117, 119
 Ирод Великий 401
 Ирсу 129, 769
 Исая 277, 278

- Исида 233, 235, 242, 268, 269, 531, 546, 549, 640
 Исократ 453, 455, 492, 506
 Итобаал 271
 Иупут (I) 258
 Иупут II 259, 670, 769
 Ибби-Суэн 82
 Иванов Вяч. Вс. 65
 Ишби-Эрра 82
 Ишме-Даган 84, 87, 282, 283

 Кадашман-Тургу 96, 773
 Кадашман-Харбе 93–94
 Кадашман-Эллиль I 94, 773
 Кадашман-Эллиль II 96, 773
 Кадфиз 347, 779, 780
 Калигула 564, 572, 615, 626–628
 Калидаса 354, 393, 759, 781
 Каллимах 532
 Каллистрат 707, 708
 Каллисфен 517, 519
 Камасария 558
 Камбис 265, 267, 321, 322, 330, 334, 770, 778
 Камилл Марк Фурий 427, 476, 477, 606
 Камос 118, 119, 767
 Кан Тай 386
 Кан-ван 164
 Кандалану 300, 302, 308, 774–775
 Канишка I Великий 347, 392, 780
 Кар 205, 243, 286, 667
 Каракалла 634, 658, 663, 685
 Карл Великий 760–761
 Картер Х. 127
 Кассандр 525, 528
 Кассий Лонгин Гай 597
 Катилина Луций Сергий 594
 Катон Марк Порций 582, 584, 593, 594, 602
 Каундинья I 386
 Кашта 259, 770
 Каштарити (Фраорт) 319
 Каштилиаш III 93, 773
 Квинтилий Вар 735
 Киаксар 303, 308, 319, 320, 322, 727, 777
 Киден 315
 Кийя 127
 Кимон 460
 Кинадон 450
 Кир I 301, 319, 320, 334, 774, 777, 778
 Кир II 777
 Клавдий Готский 688
 Клавдий Птолемей 372, 389
 Клавдий 496, 498, 501, 575, 624, 628, 707, 740
 Клеомен 450, 523, 527, 528, 543, 784
 Клеопатра I 533
 Клеопатра II 533, 534
 Клеопатра III 534
 Клеопатра VII 535, 598, 620

 Климент Александрийский 647
 Клисфен 418, 783
 Клит 517
 Козловский Я. 49
 Козырева Н.В. 67
 Коммод 636, 639, 656
 Конон 468
 Константин 653, 669, 672, 674–679, 684, 686, 741, 785, 797
 Констанций Хлор 669
 Конфуций (Кун Цю, Кун-цзы) 163, 167, 357, 358, 360, 367, 757, 758, 782, 792
 Кориолан 476
 Котизон 567
 Котис II 562–564
 Котис III 564–565
 Красс Марк Лициний 564, 594, 596
 Кратер 517, 522–524, 542
 Крез 320–321
 Ксанф 414
 Ксений 454
 Ксенофонт 450, 454, 467, 488–489, 538
 Ксеркс 267, 325, 326, 395, 399, 458, 460, 514, 778
 Кумарадеви 351
 Куригальзу I 94
 Куригальзу II 96

 Лабеев 616, 707
 Лаодика 530
 Лао-цзы (Ли Эр, Лао Дань) 360, 782
 Ларс Порсенна 420, 422, 423, 470, 472, 475
 Ларс Толумний 422
 Лев I 679–680, 692
 Леней 533
 Лентул Гетулик 627
 Леонид 325, 508
 Леосфен 523
 Леохар 484
 Леруа-Гуран, А. 49
 Ливий Друз 591
 Ливий Тит 495, 601, 687
 Ли Куй 361
 Ли Сы 361, 362
 Ли Тиен, см. Ли Цзинь
 Ли Цзинь (Ли Тиен) 384
 Ли-ван 165, 781
 Ликург 449, 695, 696
 Лин-ди 371
 Липит-Иштар 84, 772
 Лисан Э. 152
 Лисандр 450, 465, 467
 Лисий 453, 493
 Лисимах 525, 527–528, 536, 560, 566, 568, 726, 784
 Лисипп 484
 Лугальаннемунду 79, 225
 Лугальбанда 77, 771

- Лугальзагеси 79, 80, 225, 771
 Лукулл Марк Лициний 564, 692
 Лукумон 427
 Лю Синь 368
 Лю Бан, см. Гао-цзу
 Лю Бэй 371
 Лю Пи 364
 Лю Сю, см. Гуань-ди
 Лю Сян 367
 Лю-е 386
 Люй Бэй 371
 Люй Чжи 363

 Ма Юань 369, 384
 Магнеций 684
 Мадий 302
 Маздак 397
 Максений 674, 676
 Максимиан Геркулий 674
 Максимин Фракиец 660
 Мандана 320
 Манефон 102, 104, 106, 111, 118, 200, 256,
 261, 262, 264, 532, 763
 Мани 396, 654
 Маний Курий Дентат 575–577
 Мардоний 326, 456, 460
 Мардохей 399
 Мардукаплаиддин II (Меродах-баладан) 306
 Мардуккабитаххешу 98
 Марий Гай 590, 606
 Марк Аврелий 371, 635, 639, 647, 736–737,
 745, 797
 Марк Антоний 535, 564, 573, 596–597, 603
 Марк Клавдий 498
 Маробод 731–735, 785
 Марцелл 498
 Марциан 705, 708
 Матъе М.Э. 126
 Мегасфен 340
 Мемнон 511
 Менандр 346, 551, 779
 Менкаура (Микерин) 111, 765
 Меноген 563
 Ментухотеп (I) 113
 Ментухотеп II 113–115, 766
 Мерикара 113, 766
 Меритатон 126
 Мернептах 128, 129, 203, 768
 Месанепада 77, 78
 Меценат 608
 Мециан 707
 Микерин, см. Менкаура
 Милитарев А.Ю. 62
 Мильтиад 458–460
 Мина (Менес) 105, 114
 Мин-ди 368, 372, 782
 Мирон 484–485
 Митридат III 572–573

 Митридат Евергет 569, 571
 Митридат VI Евпатор 548, 553, 556, 562, 566,
 568–574, 592, 594, 726
 Митридат Пергамский 573
 Михиракула 353
 Модестин 707
 Моисей 204, 206, 276, 400, 641, 646
 Молон 541
 Монтэ П. 257
 Морган Ж., де 103
 Москон 566
 Му-ван 164, 781
 Муватталлис I 776
 Муватталлис II 192, 777
 Муммий Луций 584
 Мурашу 312–314
 Мурсилис I 65, 90, 187, 188, 222, 776
 Мурсилис II 191, 192, 777
 Мус Публий Деций 577
 Мэн Кэ (Мэн-цзы) 360
 Мэн Тянь 362

 Набис 543, 784
 Набонид 302, 309, 310, 774
 Набопаласар 302, 303, 305, 308–309, 774
 Набуриан 315
 Навои А. 519
 Навуходоносор II 265, 303, 305, 308, 309, 774
 Намлот 259
 Нарам-Суэн 81, 199, 318, 772
 Нармер 105, 123, 765
 Натапинта С. 117
 Неарх 517
 Неемия 276
 Нектанеб I 268, 770
 Нектанеб II 269, 770
 Неоптолем 506
 Нерва Марк Кокцей 636, 637
 Нергал-шар-уцур (Нериглиссар) 309, 774
 Нерон 572, 615, 628, 630, 646, 647
 Несторий Антиохийский 397, 679
 Несубанебджед (Смендес) 132, 256, 769
 Неферит I 267, 771
 Неферти 112, 114, 534
 Нефертити 125–126
 Неферхотеп I 200, 767
 Нехо I 263, 264, 770
 Нехо II 265, 266, 276, 309, 770
 Никомед II 718
 Нума Помпилий 695

 Овидий 608
 Оденат 663
 Одоакр 693, 752–753
 Оксиарт 516
 Олимпиада 269, 508, 525
 Опимий Луций 589
 Ориген Александрийский 647

- Орол (Ролес) 566
 Осоркон I 251, 769
 Осоркон II 259, 769
 Осоркон III 261
 Осоркон IV 259, 759
 Острогота 738, 740
- Павел** 656, 658, 704–705, 707
 Павел, апостол 645, 646
 Павсаний из Сикиона 485
 Павсаний 507
 Падибаст, см. Петубаст I
 Палак 553, 558–559
 Панехси 131
 Пань Пань 386
 Пань-гэн 158, 781
 Папиниан 656, 707
 Паркер Р. 764
 Парменион 516
 Патерн 707
 Пахомий 683
 Певкест 527
 Пелагий 680–681
 Пепи II 111, 112, 128, 766
 Пердикка III 505
 Перибсен 108, 765
 Перикл 441, 444, 445, 461, 464, 482, 783
 Перисад I 553
 Персей 562, 583–584
 Пертинакс 631
 Петубаст (Падубаст, Падибаст) I 259
 Пефчауаубаст 259
 Пианхи (Пи(анх)и, Пийе) 261, 770
 Пизон Луций Кальпурний 600
 Пин-ван 165, 781
 Пин-ди 364, 367, 368
 Пинуджем 257
 Пирр 575–576, 602
 Писистрат 418, 783
 Питри У.М. Фл. 102–104, 764
 Пифон 523
 Платон 445, 455, 489–491, 756, 759
 Плотин 349, 540, 662
 Плутарх 235, 444, 508–509, 517, 538, 792
 Полемон I 573
 Полибий 533, 551, 578, 584
 Полигнот 484, 485
 Поликлет 484, 485
 Помпей Гней 542, 592–594, 596
 Помпоний 701, 706, 707
 Понтий Пилат 613, 643
 Попилий Ленат Гай 533
 Пор 339
 Порсенна – см. Ларс Порсенна
 Посидей 552
 Пракситель 484
 Приск Луций Нераций 707
 Проб 667, 745
- Протагор 480, 489, 759
 Протоген 553, 558
 Псамметих (Псамтек) I 263–265, 770
 Псамметих (Псамтек) II 265, 770
 Псамтек, см. Псамметих
 Псусеннес I 257, 770
 Птолемей I Сотер 102, 522, 523, 525, 528, 529, 531
 Птолемей II 529, 531
 Птолемей III 530, 531, 532, 535
 Птолемей IV Филопатор 532, 533
 Птолемей IX 534
 Птолемей V Эпифан 533
 Птолемей VI Филометор 533, 534
 Птолемей VII Мемфисец 534
 Птолемей VIII Еввергет II 533, 534
 Птолемей X 534, 535
 Птолемей XI 534
 Птолемей XII Август 535
 Птолемей Клавдий см. Клавдий Птолемей
 Пуаби 77, 78
 Публий Волерон 699
 Пудухепа 192, 194–195
 Пузур-Ашшур 283, 774
 Пупиен 661
 Пэй Вэнь-чжун 152
- Радагайс** 689, 749
 Рамсес I 120, 127, 768
 Рамсес II (Великий) 96, 128, 130, 192, 227, 228, 240, 267, 268, 764, 768, 788
 Рамсес III 130, 131, 203, 258, 768, 769
 Рамсес XI 131, 132, 769
 Раскос 564
 Рем 498, 500
 Реметалк I 563, 564
 Реметалк II 564, 565
 Реметалк III 564, 565
 Рескупорид 562, 564, 565
 Рикимер 753
 Роксана 516, 522, 525, 528
 Ромул 425, 427, 428, 477, 496, 498, 500, 692
 Ромул Августул 403, 692, 693, 753, 785
 Ростовцев М.И. 796
 Руф Публий Сульпиций 592
- Савмак 558
 Садал I 562, 563
 Садал II 563, 564
 Сайтафарн 558
 Салманасар 227, 231, 285, 291, 294, 295, 773, 775, 776
 Сальвиан 665, 693
 Самсудитана 90, 772
 Самсуилуна 89, 772
 Самудрагупта 351, 352
 Самуил 278

- Саптах 129, 768
 Саргон (Шаррум-кен) 80, 81, 773
 Саргон II (Шаррукин) 249, 272, 294, 295, 298, 306, 319, 772, 773, 775
 Сатал III 564
 Сатамон 126
 Сатурний Луций Апулей 590, 591, 593
 Саусадаттар 283, 776
 Светоний 594, 609, 622
 Себекнеферу 116, 122, 130, 768
 Себекхотеп IV 200, 767
 Севт III 560–563
 Секененра Таа 118, 767
 Секст Педий 707
 Селевк I 522–525, 527–529, 536–540, 551
 Селевк II Каллиник 530
 Семирамида (Саммурама) 285, 292
 Сенамотис 558
 Сенусерт III 115, 767
 Септимий Север 656–658, 672
 Сервий Сульпиций Руф 707
 Сервий Туллий 157, 428, 430, 695, 783
 Сесострис, см. Сенусерт III
 Сети I 128, 768
 Сети II 129, 768
 Сетнахт 130, 768
 Сиагрий 753
 Сиамон 257, 769
 Сивилла 499
 Сиддхартха Гаутама – см. Будда
 Симонид 459
 Синаххериб 275, 295, 297, 298, 306, 308, 773–775
 Синесий Киренский 690
 Синухет 117, 200
 Скилур 553, 556–559, 729
 Скопас 484
 Скорпион 115, 116
 Скосток 560
 Скрибоний 573
 Смендес, см. также Несубанебджед
 Сменхкара 126, 127, 768
 Созиген 597
 Сократ 465, 489–491, 759, 783
 Соломон 257, 273, 275, 280, 398
 Солон 418, 695–697, 783
 Сольхон 161
 Сосибий 533
 Софокл 487
 Спадин 553
 Спурий Кассий 475
 Старостин С.Г. 171
 Стилихон 499, 689–691, 747–749
 Страбон 100, 348, 533, 553, 569, 626, 651
 Стратоника 538
 Сулла Луций Корнелий 590, 592–594, 785
 Сумуабум 84, 772
 Сунь Цюань 371
 Суппилулиума (Суппилулиумас) I 91, 127, 191, 201, 227, 283, 284, 777
 Суппилулиума (Суппилулиумас) II 195, 777
 Сцевола Квинт Муций 706
 Сципион Публий Корнелий 579, 581, 582
 Сципион Луций 587
 Сципион Назика 588
 Сципион Эмилиан 584, 585, 587, 588, 590, 593
 Сыма Цянь 362, 368, 370
 Сюань-ван 165, 781
 Сюань-ди 365
 Сюнь Куан (Сюнь-цзы) 360
 Сян Юй 363, 782
 Сянь-ди 371
 Сяо-гун 358, 752
 Тай-дин 159
 Такелот I 259, 769
 Такелот II 769
 Танутамон 263–265, 770
 Тао Хуан 384
 Тарквиний Гордый 430, 470
 Тарквиний Древний 499, 695
 Тарквиний Коллатин 470
 Тарпей 698
 Таусрет 129, 768
 Тахарка 262, 263, 298, 299, 770
 Тахос (Теос, Джедхор) 353, 771
 Тацит 565, 667, 685, 687
 Тейяр де Шарден П. 152
 Телипинус 187–189, 776
 Теодорих 692–693
 Теста 707
 Тетиан 119
 Тэфнахт 261, 265, 769
 Тиамаркос 566
 Тиберий Корунканий 706
 Тиберий 564, 573, 617, 620, 626–628, 632, 643
 Тиглатпаласар I 98, 204, 275, 287, 292–294, 306, 773, 775
 Тигран II 542
 Тиртей 420
 Тит Таций 427
 Тиудимер 752
 Тиута 563
 Торамана 353
 Траян Марк Ульпий 637, 638
 Требаций 707
 Ту Онг 384
 Тудхалиас I/II 189, 777
 Тудхалиас III 189, 191, 777
 Тудхалиас IV 195, 777
 Тукульти-Нинурта I 96, 285
 Тураев Б.А. 126, 266
 Тутанхатон (-амон) 124, 126, 127, 233, 768

- Тутмос I 121, 122, 768
 Тутмос II 121, 768
 Тутмос III 93, 122–124, 127, 215, 283, 764, 768
 Тутмос IV 93, 123, 124, 768, 776
 Тю Фу, см. Чжу Фу
- У Суень Цюань 386
 У Цзин дин 153
 У-ван 164, 165, 781
 Уахибра, см. Априй
 Уджагорреснет 266
 У-ди 364–367, 376, 782
 У-дин 159, 781
 Узия Иудейский 273
 У-и 159
 Улам-Буриаш 93
 Ульпиан 656, 658, 659, 704, 705, 707, 708
 Умабий 555
 Унис 766
 Унуамон 132, 256
 Ур-Намму 82
 Урунимгину 79
 Урхи-Тешуб 192, 777
 Утухенгаль 81, 82, 772
- Фабий Пиктор** 707
 Фалес 421
 Фань Сун 385
 Фань Сюань 385
 Фань Сюн 385
 Фань Цзиншень 387
 Фань Чан 387
 Фань Шиман 386, 386
 Фань-и 385
 Фарзой 555
 Фарнак I 556, 559, 569
 Фарнак II 572, 573
 Фарнобий 744
 Фемистокл 444, 458–459
 Феодосий I 675, 684, 689–690, 744–745, 748
 Фидий 482–484
 Филипп II Македонский 504, 510, 524, 543, 552, 560, 726, 784
 Филипп V Македонский 533, 541, 561, 582, 583, 784
 Филипп Араб 661
 Филон Александрийский 643, 647
 Филота 516
 Финли М. 650
 Фирдоуси 519
 Флавий Тит 630, 645
 Фламиний Тит Квинкий 583, 784
 Фома, ап. 347, 654
 Фравартиш 322
 Фрасибул 465
 Фрасидей 454
 Фритигерн 688, 743, 744
- Фролов Э.Д. 794
 Фронто 624
 Фу Хао 159
 Фукидид 407, 414, 451, 454, 455, 461, 467, 488, 729
 Фу-су 363
- Хаббаш 270
 Хабрий 269
 Хаммурапи 65, 71, 84–91, 93, 196, 226, 252, 281, 283, 288, 294, 755, 771, 772
 Хантилис II 186, 188, 776
 Харишена 351
 Хасехемуи 108, 766
 Хаттусилис I 187, 188, 776
 Хаттусилис II 777
 Хаттусилис III 96, 127, 192, 194, 195, 227, 284, 285, 777
 Хатшепсут 121, 122, 129, 269, 768, 775
 Хафра (Хефрен) 110, 765
 Хегер Ф. 378
 Хеопс, см. Хуфу
 Херихор 131, 788
 Хефрен, см. Хафра
 Хиан 118, 767
 Хлодвиг 753
 Хоремхеб 120, 127, 129, 768
 Хоруннефер 533
 Хуань-гун 782
 Хуань-ди 371–372
 Хунь Пянькуан 386
 Хуфу (Хеопс) 111, 112, 765
 Ху-хай 363
 Хуэй-вэнь-ван 358
 Хуэй-ди 363
 Хэ-ди 368, 782
 Хшарита 298
- Цай-шу 164
 Цаннанцас 127
 Цао Пи 371
 Цао Цао 371
 Цезарь, см. Гай Юлий Цезарь
 Цезарь Луций Юлий 707
 Цзи Ли 164
 Цзин-ди 365
 Цзы-чань 361
 Цинций Луций 707
 Цинь Шихуан-ди (Цинь Ши-хуанди) 361–363, 782
 Цирак 567
 Цицерон Марк Туллий 495, 498, 535, 539, 590, 593, 594, 597, 598, 601, 602, 624, 631, 697–699, 701, 704–707, 709, 796
 Цюй Лянь 385
 Цюй Юань 359, 360
- Чандрагупта II 339, 340, 351–353, 536, 781
 Чедвик Дж. 219

Чень-ди 365
Чжан Гуан-жи 153
Чжан Хэн 372
Чжан Цянь 366
Чжан-ди 369
Чжао То 374
Чжао-ван 164, 183
Чжи-ди 371
Чжоу-гун 164, 781
Чжу Ин 386
Чжу Фу (Тю Фу) 384
Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы) 360
Чун-ди 371
Чынг Ни 384
Чынг Чак 384
Чэнь-ван 164, 781

Шабакa 234, 261–262, 770
Шабатака 232, 770
Шамашшумукин 299, 305, 308
Шампольон Ж.-Ф. 106, 533
Шамши-Адад 84–85, 87, 89, 224, 281–283,
774–775
Шан Ян (Гусунь Ян) 358–359, 361
Шапур I 396, 662
Шапур II 397
Шаркалишарри 81, 772
Шепенупет I 261
Шешонк I 258, 259, 274, 769
Шешонк II 258
Шешонк III 259, 769
Ши Хьюи 384
Шимбар-Шиху 98
Шмидт Г. 171
Шульги 82, 772
Шунь-ди 371, 782

Эгамиль 93
Эвагор 267
Эвлай 533
Эвмен 524, 525, 568
Эдика 752
Эзра 399
Эйе (I) 117, 768
Эйе (II) 127, 768
Эмилий Лепид 597, 606
Эмилий Павел Луций 579
Эн-Менбарагеси 77
Эпаминонд 469, 505
Эпимен 560
Эратосфен 532
Эрманарих 739, 743
Эсфирь 399
Эсхил 487
Эсхин 445, 493
Этан 77, 771
Эхнатон, см. Аменхотеп IV

Юань-ди 365
Ю-ван 165, 781
Ювенал 625
Югурта 590
Юлиан Отступник 398, 685–687
Юстиниан 704, 708–712, 798
Якобсон В.А. 105, 253
Ямвлих 686
Ян Сюань 372
Ян Фу 389
Ясмах-Адад 282
Ясперс К. 5
Яхве 204, 206, 273–278, 398–401, 549, 641
Яхмос I 119, 122, 201, 265, 769
Яхмос II, см. Амасис

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абидос 104, 105, 107, 108, 128, 260
Абритт 740
Абу-Симбел 128, 260
Аварис 101, 118–119, 200, 226, 768
Авентин, холм 425, 430, 474
Австралия 29, 38, 41, 43, 173
Адрианополь 785, 688, 744
Адриатическое море 411, 718, 723
Адриа 423
Азовское море 436
Ай-Ханум 538, 546, 547
Аквилея 719, 737, 748, 752
Аквитания 785, 750
Аккад 68–76, 80–83, 98, 138, 199, 224, 225, 252, 281, 285, 317–318, 771, 787
Акрагант 438, 578
Аладжа Хейюк 184
Албания 552, 649
Александрия Египетская 382, 652, 527
Алеппо 187, 189, 200
Аллия 477, 783
Альба-Лонга 424
Альбанские холмы 424, 425
Альпы, г. 411, 718, 719, 734, 748
Аманус 79, 197
Амарна 125
Амасия 570, 569
Америка 38, 59, 406, 711
Амнис 209
Аморгос, о-в 524
Амударья, р.; см. также Окс 78, 79, 225, 395, 651
Амур, р. 150
Анатолия 52, 63, 65–67, 80, 90, 184–187, 192–196, 198, 224–228, 231, 281, 295, 298, 300, 568, 569, 572, 718, 754
Англия 25
Анкара 184, 511, 630, 718
Анкува 184
Антиохия-на-Оронте 537, 546, 562
Анхил 725, 740
Аньян, г. 158, 161, 781
Апамея 537
Апеннинский п-ов 404, 410–413, 423, 425, 434, 475, 477, 591, 718
Апеннины, г. 411, 414, 424, 477
Аполлония 531, 532, 551, 567, 723, 725
Аполлония Понтийская 560, 562
Апулия 411, 575
Аравийский п-ов 54
Аравийское плато 68
Аравия 52, 69, 72, 85, 95, 118, 197, 198, 202, 279, 280, 310, 391, 398, 651, 652, 663
Арад 306
Аратта 72, 78
Арахозия (Арахосия) 515, 536, 653, 778, 779
Арбелы 327
Арвад 287
Аргенторат 685
Аргос 408, 410, 523
Арикамеду 652
Ариция 423, 424, 475
Ария 141, 148, 410, 678–679, 788
Аркадия 407, 450, 451, 690, 747
Арморика 751
Армянское нагорье 66, 225, 226, 285–287, 293, 295, 302, 305
Арно, р. 421
Аррапха 95, 96, 224, 226, 285, 287
Арцава 124, 127, 189, 226–228
Аскалон 306
Ассирия 69, 95, 96–97, 124, 127, 185, 191, 228, 229, 231, 242, 251, 253, 254, 262–265, 271, 275, 276, 280, 285–290, 292–295, 297–306, 298, 308, 309, 317, 319, 320, 763, 775, 792
Асуан 99, 100
Асьют 100
Атбара 99
Атлантический океан 405, 649, 761
Атрибис 265
Аттика, п-ов 218, 326, 408, 409, 451, 458, 460, 461, 464, 465, 467, 481
Аулак, гос-во 376, 384
Аусан 280
Аускул 575
Афганистан 54, 138, 353, 536, 538, 546, 649, 652, 653
Афины 221, 267, 268, 417, 418, 441, 443, 446, 447, 455, 456, 458, 460, 461, 464, 465, 486, 489, 493, 542, 783, 794

- Африка 7, 8, 19–21, 21–23, 24, 25, 36, 37, 56, 57, 99, 100, 103, 112, 129, 197, 204, 209, 271, 334, 405, 406, 413, 415, 431, 578, 580, 584, 590, 598, 611, 624, 626, 649, 654, 656, 661, 665, 682, 691, 739, 750, 751, 761, 770, 797
- Ахайя 433–435, 450
- Ахеменидское государство (гос-во Ахеменидов); см. также Персидская держава 254, 255, 265, 269, 325, 327, 329, 332, 334, 395, 456, 509, 512, 519, 792
- Ахетатон 125–127, 768
- Ахиявва 189
- Ашшур 68, 71, 84, 87, 89, 94, 95, 242, 245, 254, 263, 281, 286, 288, 291, 294, 297, 300, 303, 308, 320, 774, 775
- Ба, царство 58, 117, 128, 130, 165, 183, 237, 238, 357, 378, 574, 622, 681, 753
- Баб-эль-Мандеб, прол. 198
- Бадари 104
- Бактрия 292, 329, 345, 347, 366, 515, 523, 540, 541, 650, 653, 779
- Балатон, оз. 752
- Балканский п-ов 207, 217, 414, 790
- Балканы 67, 414, 509, 511, 562, 685, 690, 725, 784, 743
- Бапном, гос-во 384, 386, 387
- Барселона 739, 761
- Басарабь 724
- Бахрейн 64, 72, 79, 85, 138, 285, 295
- Бейджесултан 80, 137, 184, 317
- Белгика 749
- Белуджистан 96
- Беневент 576
- Беотия 218, 220, 408, 410, 434, 460, 465, 468, 506
- Березань, о-в 436
- Бехистунская, г. 322, 330, 395
- Бизия 563, 565
- Библ 117, 122, 131, 199, 200, 202, 225, 235
- Бикни, г. 319
- Биркет-Карум см. Фаюм 99
- Ближний Восток (см. также Передняя Азия) 26, 27, 37, 45, 62, 63, 65, 184, 193, 196, 197, 222, 225, 226, 227, 231, 252, 271, 272, 276, 283, 284, 285, 287, 293, 302, 303–305, 309, 314, 320, 336, 404, 640, 662, 669, 671, 727, 754, 758, 761, 786, 789, 791, 794, 800, 801
- Болгария 724, 725, 727
- Болия, р. 752
- Болонья, см. также Фельсина 423
- Боспор Киммерийский, прол. 436
- Боспор Фракийский, прол. 435, 730
- Боспорское царство 436, 529, 559, 570, 572, 573, 574, 795
- Британия 275, 397, 405, 595, 634, 638, 656, 658, 662, 669, 671, 674, 719, 739, 751, 761
- Брундизий 592
- Бруттий 412
- Бубастис 258, 259, 769
- Буковина 718
- Бургас 565
- Бутто 103
- Вавилон 65, 68, 71, 72, 83–84, 89–98, 187, 191, 222, 226, 227, 242, 245, 246, 254, 276, 282, 285, 287, 294, 295, 297, 298, 300, 302, 306, 308, 310, 314, 316, 321, 322, 325, 329, 333, 514, 517, 518, 522, 523, 542, 546, 763, 772–774, 775
- Вавилония 65, 68, 69, 71, 83, 87, 90–94, 96–98, 122, 124, 201, 203, 224, 226, 227–229, 231, 252, 254, 264–267, 271, 276, 283–299, 302–306, 308–310, 312, 314, 319, 320–322, 325, 334, 398, 399, 514, 524, 525, 536, 541, 546, 638, 650, 771–775, 777, 787, 791
- Вальдальгесхейм 717
- Ван, оз. 158–159, 161–167, 183, 201, 357, 358, 363, 364, 367, 368, 371, 509, 781, 782
- Вангионы 685
- Вандальское королевство 691
- Вань 389
- Варанаши 337, 353
- Варахше 78, 80, 96
- Везеготское (Вестготское) королевство 691, 750, 785
- Вейи 258, 422, 471, 476, 494, 620
- Вена 604, 607, 761
- Венетий 748
- Верхняя Месопотамия 63, 64, 72, 80, 82, 89, 90, 197, 199, 224–227, 282–288, 290, 292, 293, 303, 309, 774
- Ветулония 421
- Византий; см. также Константинополь, Стамбул 435, 506, 675, 725
- Византия; см. также Восточная Римская империя 383, 529, 675, 689, 710, 747, 753
- Вилландра, оз. 29
- Вилланова 412
- Виминал, холм 425
- Висла, р. 731, 736, 739
- Вифиния 521, 527, 568, 569, 572, 583, 718, 740
- Волатерры 421
- Волга, р. 40, 57, 179, 395, 732, 743
- Волтурн, см. Капуя 422
- Вольсиний 421
- Вормс 685, 749
- Восточная Азия 150, 152, 153, 157, 161, 165, 169, 171, 172, 175, 181, 183, 345, 347, 357, 358, 363, 373, 374, 375–377, 381, 390, 782, 789, 792, 793, 800, 801

- Восточная Африка 20, 23
 Восточная Европа 37, 49, 727, 728, 730
 Восточная Римская империя 403, 689, 710, 748, 751, 753
 Восточная Хань 152, 171, 368–372
 Вульчи 421
 Вьетнам 150, 173, 177, 362, 366, 373, 380, 384, 789
 Вэй, царство 164, 358, 360, 371, 782
 Вэйхэ, р. 163–165, 375, 781

 Гавгамелы 327, 513
 Гадир 204, 271
 Газа 200, 260, 309, 528
 Галатия 527, 718, 740
 Галикарнасс 220, 413, 414, 456
 Галис, р. 66, 184, 222, 229, 298, 320, 326
 Галлия 435, 477, 579, 595–597, 617, 662, 665, 666, 669, 671, 679, 683, 685, 691, 716, 718, 719, 720–721, 723, 731, 734, 739, 748–753, 785
 Гальштат 716, 717
 Ганг, р. 61, 141, 142, 335, 338–340, 347, 351, 353, 391, 780
 Гандхара 339, 779
 Ганьсу, пров. 152–154, 156
 Гедросия, пуст. 517
 Гейдельберг 25
 Гела 413, 435, 438
 Гелиополь 233, 267
 Гелиополь 233, 260, 267
 Геллеспонт, прол. 220, 326, 435, 509, 530, 325, 583
 Гемпаатон 125
 Гераклеополь 113, 258–259, 265
 Гераклея 437
 Гераклея Понтийская 437, 438, 450
 Геркуланум 423
 Германия 25, 40, 49, 397, 595, 606, 627, 659, 669, 685, 711, 712, 720, 735, 737
 Гермонасса 436
 Гермополь 113, 259, 528
 Гетика 552 560, 566
 Гиза 111, 112
 Гималаи, г. 78, 150, 337
 Гиндукуш, г. 321, 517
 Гиркания 320, 322, 515
 Гифасис, р. 517
 Гона, стоянка 20
 Горгиппия 571–572
 Готия 739, 742
 Готланд 739
 Гран Долина 24
 Граник, р. 326, 510, 517, 524
 Греция 13, 25, 166, 195, 207, 217, 218, 220, 221, 231, 265, 320, 325, 326, 336, 358, 373, 403, 404, 406–408, 407, 410, 413, 415–417, 419–421, 423, 430, 434–435, 438–439, 445, 450–452, 454–456, 458, 459, 460, 462, 466–468, 479, 481, 482, 489, 492, 494, 501, 504–507, 506, 509–510, 518, 521, 525, 529, 542–544, 546, 549, 562, 564, 575, 583, 584, 596, 617, 716, 718, 724, 747, 758–761, 783, 784, 790, 793–795, 801, 802
 Гуандун, пров. 153, 176, 362, 366, 379
 Гуанси, пров. 153, 362, 366, 376, 379
 Гуанду 362

 Дагестан 36
 Дакция 567, 638, 665, 726, 736, 737, 739–741, 751, 785
 Далмация 628, 669, 724, 742, 748
 Дамаск (Дамасское царство) 94, 184, 192, 201, 202, 227, 272, 273, 275, 279, 280, 291, 511, 646
 Дахла, оазис 100, 260
 Декан, плоскогорье 340, 351, 781
 Декелея 464, 467
 Декуматские поля 735, 739, 740
 Дели 306, 352
 Делос, о-в 460
 Дельта 99, 100, 102–105, 108, 113, 114, 117, 118, 128–132, 200, 256–261, 263, 265–267, 270, 381, 384, 385, 436, 527, 533, 565, 566
 Дельфы 320, 437, 484, 546, 718
 Дешт-и-Кевир 298
 Джамна, р. 141, 338, 351
 Джанет, см. Танис
 Джебель Баркал 259
 Джебель-Бишри 78, 199
 Джемдет-Наср 64, 68, 71, 73, 74, 771
 Диен, гос-во 374, 378, 381, 389
 Ди-и 159, 781
 Дильмун 64, 79, 85, 138, 285, 295
 Дионисополь 563, 567, 725
 Диоскуриада 435
 Дманиси, стоянка 24, 36
 Днепр, р. 436, 552, 555, 556, 558, 728, 729
 Днестр, р. 555, 565–566, 718, 728
 Добруджа 555–559, 565, 566, 574, 662
 Долина царей 111, 125, 127, 129, 257
 Долина цариц 111
 Дон, р. 329, 407, 415, 490, 553, 556, 727, 728, 765, 783, 785, 793
 Дрангиана 515, 778–779
 Дунай, р. 57, 397, 509, 555, 565–566, 568, 661, 671, 687, 689, 716–718, 722, 724–728, 731, 732, 735–738, 741–752, 799
 Дунтинху, оз. 154, 359
 Дура-Европос 639, 655
 Дур-Кургальзу 94
 Дур-Унташ 318
 Дур-Шаррукин 249, 295

- Евпаторий 569
Евразия 27, 36, 37, 44, 56–57, 60, 790, 793
Европа 7, 12, 24–27, 36, 37, 41, 45, 49, 51, 57, 62, 67, 141, 179, 207, 209, 212, 334, 348, 366, 404, 405, 411, 412, 488, 505, 519, 522, 525, 555, 596, 649, 659, 675, 685, 692, 708, 710–713, 716, 719–720, 726–732, 743, 747, 750, 752, 753, 759–761, 783, 790, 793, 801, 802
Евфрат, р. 56, 62, 63, 67, 68, 72, 78, 79, 82, 83, 89, 90, 93–96, 107, 121, 122, 187, 191, 197–202, 204, 206, 225, 227–229, 242, 256, 271, 273, 275, 280, 282, 284–288, 291, 302, 303, 305, 306, 512, 513, 537, 548, 599, 649, 650, 651, 655, 754
Египет 12, 62, 63, 93–133, 136, 137, 184, 186, 189, 191, 192, 197–206, 211, 215, 216, 222, 224–233, 235, 236, 238–239, 241, 244, 253, 256–270, 274–276, 283, 284, 294, 297–303, 305, 308–310, 312, 320–322, 325–328, 332, 334, 340, 373, 397–399, 403, 407, 436, 452, 512, 518, 519, 521–523, 525, 527–536, 540–542, 546, 550, 597, 598, 603, 612, 614, 624, 626, 632, 634, 654, 663, 666, 671, 754, 757, 758, 763–765, 767, 770, 773, 775–778, 786–788, 791, 792, 800, 801
Египет Верхний 99, 104, 105, 107–109, 113, 131, 256, 264
Египет Нижний 99, 103, 105, 107–109, 127, 259, 261, 263
Египет Средний 113, 118, 253, 256, 257, 259, 261, 265, 268
Жемчужная река (Сицзян) 176, 177, 374, 376, 379, 381
Загрос 63, 65, 72–73, 78, 89, 93, 96, 225, 282, 285–287, 317, 319, 754
Западная Азия 172, 266, 337, 369, 387
Западная Европа 27, 41, 45, 49, 711, 727
Западная Римская империя 12, 155, 403, 405, 667, 689, 692–694, 711, 747, 749–753, 760, 797
Западная Хань 152, 363, 364, 368, 375
Западные оазисы 258
Зевгмы 650
Иберия 649, 651
Игувин 412
Иераконполь 104–105
Иераконполь 104, 105, 108
Иерихон 198
Иерусалим 199, 259, 273, 274, 276, 297, 309, 398–401, 539, 547, 548
Израиль 26, 27, 36, 202, 204–206, 271, 273–276, 278, 279, 291, 294, 398
Иллирик 583, 660, 688, 718
Иллирия 741, 748, 752
Имброс, о-в 452
Инд, р. 61, 78, 80, 85, 135, 136, 140, 225, 285, 325, 332, 338, 339, 355, 517, 649, 651, 653, 779
Индия 78–79, 133, 135–141, 144, 149, 169, 225, 226, 292, 321, 325, 330, 332, 335, 335–345, 340, 345, 347, 348, 350–354, 366, 378, 382, 383, 386–389, 391, 393, 517, 519, 544, 651–654, 659, 754, 756, 758, 778–781, 788, 792, 800–801
Индокитай 29, 61, 171–182, 374, 378, 380, 381, 387, 388
Индостан, п-ов 136–137, 140, 171, 335, 381, 393
Иньюсю 158
Ионическое море 410
Иония 408, 433, 435, 456, 465, 529
Иордания 54
Ипс 525, 528, 539, 784
Иран 36, 54, 57, 71–73, 77–78, 80, 85, 87, 89, 136, 138, 141, 226, 282, 290–292, 298, 309, 317–319, 321, 327, 328, 330, 333, 353, 387, 393, 394–397, 519, 545, 649, 651, 653, 654, 659, 662, 777, 779, 792, 801
Ирис, р. 569
Испания 24, 35, 36, 51, 197, 204, 271, 275, 415, 423, 435, 579, 580, 585, 645, 662, 665, 666, 669, 689, 691, 711, 717, 731, 749–751, 784
Иссин 71, 82, 83, 84, 98, 138, 287
Истм (Истмийский перешеек) 410, 433
Истрия 435, 555, 564, 566, 567, 725, 748
Истрос 725
Италия 24, 25, 36, 49, 203, 216, 220, 410–415, 421–424, 426, 430, 434, 435, 452, 477, 478, 493, 495–496, 500, 501, 535, 575, 576, 578–580, 582, 584, 585, 589–593, 596, 598, 599, 600, 603, 605, 606, 610, 611–613, 617–621, 626, 633, 634, 639, 646, 656, 665, 669, 683, 688, 691–693, 712, 718, 719, 723, 735, 737, 739, 745, 747–750, 752, 753, 758, 784, 785, 793, 795, 801
Иттауи 115, 117
Иудея 206, 259, 273–276, 297, 309, 398, 399, 400, 401, 634, 641, 643, 645, 675, 684
Йемен 36, 280
Кабиле 563
Кабул 652
Кавдинское ущелье 478
Кавказ, г. 25, 27, 36, 54, 57, 171, 295, 318, 405, 552, 555, 571, 727, 728
Кавказская Албания 552
Кадеш 122, 128, 192, 202
Калибанган 137
Каллатис 563, 567

Калос Лимен 559
 Кампания 187, 191, 222, 259, 261, 269, 340, 411, 422, 423, 425, 475, 476, 478, 501, 582, 591, 593, 599, 638, 702, 726
 Кандагар 551
 Канес 281
 Канеш 184–186
 Канны 579–580, 583, 784
 Капитолий, холм 425, 430, 496, 497, 501
 Каппадокия 320, 321, 511, 521, 527, 568–570, 740
 Капуя 422, 423, 477, 501, 579
 Кардуниаш (см. также Нижняя Месопотамия) 91, 93, 97, 285
 Кария 265, 326, 511
 Каркемиш 191, 195, 203, 275, 282, 291, 305, 309
 Карнак 121, 123, 125, 128, 240, 257, 259, 264, 269, 528
 Карпатос, о-в 215
 Карпаты, г. 718, 752
 Карун, р. 89, 317
 Карфаген 271, 413, 470, 477, 575, 578–580, 584, 585, 587–589, 633, 677, 750, 784, 790, 796
 Каспийское море 292, 651, 743
 Катабан 280, 649
 Каталаунские поля 692, 751, 785
 Катна 87, 200, 226, 282
 Каушамби 335, 353
 Кафзех, пещера 26
 Кашмир 54, 353, 779
 Квиринал, холм 425
 Келесирия 528, 533
 Кельн 761
 Кемет (Египет) 99
 Кеос, о-в 215
 Керкнитиды 559
 Керкира, о-в 454, 462, 467
 Керхе, р. Керченский прол., см. Боспор Киммерийский
 Керчь, см. Пантикапей 436, 729
 Кикладские о-ва 207, 211
 Киликия 203, 297–298, 326–328, 511, 529, 530, 585
 Кипр, о-в 78, 80, 124, 130, 195, 197, 203–204, 220, 221, 228, 295, 326, 328, 407, 452, 460, 525, 529, 534, 535, 778
 Кирена 267, 431, 436, 528, 534, 535
 Киренаика 129, 436
 Китай 12, 23, 29, 36, 150, 152–157, 159–165, 168, 169, 347, 357, 360, 361, 362, 366–373, 380, 382, 383, 385, 388, 391, 392, 396, 519, 614, 650, 651, 653, 654, 659, 688, 712, 717, 754, 756, 757, 758, 781, 789, 792, 800, 801
 Кифера, о-в 215
 Киццуватна 189, 224, 227
 Киш 77, 79, 80, 297
 Клермон-Ферран 77, 79, 80
 Клузий 421–423, 470, 494
 Книд 220, 468
 Кносс 207, 209–213, 216, 217
 Колония Агриппина 685
 Колхида 552, 570–572
 Комо, оз. 717
 Константиана Дафна 741
 Константинополь; см. также Византий, Стамбул 435, 652, 675, 679, 684, 685, 690, 710, 744
 Кооби-Фора, стоянка (Кения) 20–23, 26, 35
 Корея 150, 161, 169, 366, 373
 Коринф 408, 410, 433, 434, 436, 450, 454, 461, 494, 507, 523, 583, 584, 633, 747, 784
 Коринфский зал. 220, 410
 Корсика, о-в 413, 578
 Краннон 524
 Красная, р. 176, 180, 182, 374, 376, 378, 381, 384
 Красное море 100, 104, 266, 273, 651
 Кротон 413, 435
 Крым, п-ов 27, 415, 438, 553, 556–559, 571, 727–729, 729, 784
 Ктесифон 654, 657
 Куль-Оба, курган 729
 Куньлунь, г. 150
 Курупедион 527
 Куссар 185
 Куш 100, 115, 118, 119, 121–123, 131, 144, 226, 259, 261, 262, 264, 791, 792
 Ла Тен 716
 Лаврион 451, 453, 464
 Лагаш 77, 81, 138
 Лаквьет 369
 Лакедемон, см. Спарта 454
 Лаконика 419, 448, 467
 Ламия 523, 542
 Лаодикея 569, 679
 Ларса 83–85, 87, 224, 772, 787
 Лаций 411, 412, 423–425, 430, 470–471, 472, 474–476, 477, 621
 Левант 27, 36, 197, 205, 227, 252, 257, 271, 273, 291, 292, 303, 415, 536, 790, 800
 Левканди 410
 Левктры 469
 Лейта, р. 752
 Лемнос, о-в 414, 452, 740
 Леонтополь 259, 260
 Лерна 217
 Лесбос, о-в 408, 465, 511
 Летоли (Танзания) 21
 Ливан 77, 79, 197, 201, 203, 224, 282, 287
 Ливия 267, 436, 527, 601, 663, 687
 Лигурийское море 718

Лидия 220, 253, 265, 300, 301, 320, 326, 329, 452
Линд 435
Линьцзы 366
Лишт 114
Лои 163, 165, 363, 781
Локрида 523
Локры 413
Ломбардия 717
Лондон 104, 291, 529, 761
Лотхал 137
Лоян 163, 365, 371, 372, 651, 652
Лу, царство 357, 367, 486
Луара, р. 692
Лугдун 749
Лукания 412, 575
Луксор 121, 128, 240–241, 269, 528
Лютеция 686

Мавритания Ситифенская 750
Магадха 149, 335, 336, 338–340, 343, 345, 351, 353, 354, 780, 781
Магнесия 539, 541, 583
Мазовия 739
Ма'ин 280
Майн, р. 736, 738, 742
Майнц 660, 685, 749
Македония 269, 325, 404, 439, 450, 456, 504–511, 516, 519, 521–523, 525, 527, 529, 533, 541–544, 547, 562, 564, 582, 583–585, 598, 723, 724, 725, 726, 744, 778, 784
Малаккский п-ов 169, 173, 174, 182, 378, 380–389
Малая Азия 66, 67, 80, 96, 124, 129, 130, 184, 185, 187, 193–195, 202, 203, 207, 209, 211, 220, 225, 263, 265, 267, 275, 281, 287, 291, 293–295, 300, 301, 312, 320, 321, 325–327, 329, 332, 334, 336, 397, 403, 407, 408, 413–415, 456, 458, 460, 461, 467, 468, 507, 510, 511, 521, 523–525, 527, 529, 534–536, 540, 541, 546, 556, 568–572, 583, 649, 652, 716, 718, 724, 758, 777, 778, 800
Малая Армения 570, 639, 661
Малката 125
Манна 295, 300, 303, 319, 320
Мантинея 469
Мантуя 423
Маньчжурия 373
Маргиана 321, 322
Мареотида, оз. 527
Мари 83, 84, 87, 199, 225, 282
Маронея 562
Марцаботто 421
Массалия 435, 717
Мегапы 433, 435, 461, 793

Мегиддо 122, 199, 271, 276, 768
Междуречье, см. Месопотамия 63, 64–65, 65, 68, 80, 133, 137, 184, 242, 338, 351, 555, 556, 560, 565, 566, 727, 738
Мёзия 26–29, 661, 737, 740, 741, 745, 747
Меланезия 26
Мелос, о-в 215
Мелухха 78–80
Мемфис 99, 100, 107, 108, 111, 112, 126, 132, 233, 258, 260–267, 270, 298, 322, 527, 534, 765
Мендес 267, 268
Мерв 397, 650, 653–654
Меридово оз., см. Файюм (Фаюм)
Мероз 260, 264, 791–792
Месамбрия 563, 567, 725
Месембрия 563, 725
Месопотамия 63–69, 71–74, 77, 87, 89, 90, 94, 95, 97, 133, 136–138, 184, 188, 197–203, 205, 216, 224–228, 231, 232, 242, 245, 247–248, 275, 278–288, 290, 292, 293, 303, 306, 309, 310, 314, 316, 317, 320, 327, 329, 371, 405, 519, 536, 537, 583, 651–654, 657, 659–662, 661, 727, 771, 772, 774, 786, 787, 800
Мессения 419, 448, 449
Метапонт 413
Мидия 294–295, 300, 302, 303, 305, 308, 309, 319, 320, 331, 332, 334, 395, 515, 523, 541, 725, 727, 775, 777, 778
Микале, мыс 326, 460
Микены 207, 218–219
Милан 673–674, 684, 748, 752
Милет 215, 220, 325, 408, 433, 435, 456, 460
Мило, р. 359
Мирмекий 436
Митанни 90, 93, 95, 121, 122, 124, 127, 184, 189, 191, 201, 224, 227, 231, 252, 283–285, 768, 775, 776
Митридатий 569
Мо, гос-во 152, 157, 182
Могонциак 685, 749
Молдавия (Молдова) 724, 740
Моравия 731, 718
Мохенджо-Даро 137, 139, 141
Мунтения 740

Навкратис 265, 436, 527, 530
Нагорный Карабах 25
Наисс 740
Накада 63, 103–105, 764, 765
Наксос, о-в 408, 413
Накш-и Рустам 330, 332
Намвьет, гос-во 374, 376, 384
Наньлин, хребет 358, 362, 374, 376
Напата 259–265, 792

- Напит 558
 Нарикотоме III, стоянка 23
 Нахарина, см. Митанни 123, 197
 Неаполь 478, 485, 514, 560, 580, 692
 Неаполь Скифский 556–558, 729
 Невшатель, оз. 716
 Недао, р. 752
 Неса 185, 186, 461
 Нест, р. 560
 Нижняя Месопотамия, см. также Аккад, Вавилония, Кардуниаш, Шумер 64, 65, 68, 69, 71–73, 78, 81, 82, 84, 89, 90, 201, 224–226, 231, 771
 Никея 678, 740
 Никомедия 669, 673, 740
 Нил, р. 56, 61, 63, 82, 99, 100, 102–103, 107, 111, 117, 118, 121, 125, 179, 200, 226, 234, 235, 236, 241, 260, 266, 267, 295, 436, 519, 523, 528, 667, 724, 754
 Нимфей 436, 571
 Ниневия 263, 284, 297, 299, 300, 301, 303, 304, 308, 309, 320, 513, 775
 Ниппур 64, 73, 77, 81, 90, 91, 242, 302, 303, 308, 310, 314
 Нихрия 285
 Новый Карфаген 579
 Нола 423, 478
 Норик 720, 731, 735, 736, 737, 742, 748–750, 752, 785
 Нубия 100, 252
 Нуманция 585, 587
 Нумидия 661, 750
 Нусантара, обл. 172, 189, 375, 380, 382, 387, 389
 Одер, р. 676
 Одесс 435, 555, 563, 567
 Окс, р.; см. также Амударья 538
 Олдувай, ущелье 20
 Олимпия 483
 Олт, р. 752
 Олтения 566, 718, 724
 Ольвия 436, 438, 552, 553, 555, 557–559, 567, 570, 728, 784
 Омо, р. 26, 35
 Опитергий 737
 Ордос 152, 358
 Орик 723
 Орхомен 218
 Павия 665, 717
 Паган, гос-во 388
 Пад (По), р. 174, 202, 411, 412, 422, 423, 562, 718, 750
 Пакистан 136–137
 Палакий 558
 Палатин, холм 425, 658
 Палестина 54, 57, 87, 102, 103, 118, 127, 197–206, 225–228, 259, 262, 265, 269, 273–275, 297, 300, 302, 309, 321, 398, 399, 534, 540, 541, 544, 583, 642, 653, 658, 754, 767, 778, 790, 800
 Пальмира 287, 651, 663, 666
 Памир 150
 Памфилия 511, 529–530
 Паннония 656, 657, 660, 661, 692, 724, 735–737, 741–742, 745, 748, 750–752, 785, 799
 Пантикапей 436, 558, 571–572
 Париж 81, 202, 249, 420, 570, 686, 761, 789
 Парос, о-в 408
 Парсумаш; см. также Персия 319
 Парфия 12, 280, 320, 322, 366, 371, 396, 515, 521, 540, 541, 572, 639, 649, 651, 652, 653, 657, 659, 778, 779
 Пасаргады 332, 514
 Паталипутра 336
 Пафлагония 511, 569–572
 Пегу, гос-во 388
 Пелла 509, 547
 Пелопонесс, п-ов 448, 523
 Пелусий 260, 266, 270, 527
 Пенджаб 54, 779
 Пергам 547, 569, 583, 719
 Передняя Азия, см. также Ближний Восток 54, 57, 62, 63, 66, 67, 102, 103, 112, 122, 252, 287–289, 298, 301, 304, 374, 407, 552, 572, 786, 792
 Перекоп 556
 Перинф 506
 Пер-Рамсес 128
 Персеполь 254, 327, 329, 330–332, 514–515
 Персидская держава; см. также Ахеменидское гос-во 266, 320, 325, 327, 329, 332–334, 509, 514, 519, 662, 724, 777
 Персидский залив 68, 79, 82, 285, 294, 297, 369, 651
 Персия 253, 254, 255, 265, 267, 269, 271, 280, 310, 322, 325, 334, 439, 460, 461, 466, 467, 468, 506, 507, 514, 659, 661, 688, 777, 778
 Пилос 207, 218, 221, 467
 Пирей 443, 452, 461, 465, 481, 524
 Питекуссы, о-в 434
 Питиунт 740
 Платеи 326, 460, 783
 Полиохни 184
 Помпеи 423
 Понт Эвксинский; см. также Черное море 435, 552, 571, 608, 735
 Понтийское царство (Понт, Каппадокия Понтийская) 556, 568–573, 795

- Популония 421
 Пренесте 411, 424, 429
 Придунайская низм. 413
 Приморье 68, 71, 90, 93, 98, 226, 374, 772
 Причерноморье 57, 318, 435–437, 452, 529, 552, 553, 555–557, 559, 562, 567, 569–572, 574, 716, 724, 726–729, 738–739, 743, 752, 785, 795, 802
 Пропонтида, прол. 465, 461, 740, 435
 Пунт 122
 Пэкче 161

 Раба, р. 752
 Равенна 682, 693, 718, 739, 745, 753
 Рави, р. 136
 Раджагриха 335–336
 Регильское оз. 475
 Региа 428, 499
 Реймс 739
 Рейн, р. 595, 596, 660, 685, 716–718, 731, 732, 735, 736, 738, 742, 748–750, 751
 Реция 669, 735–739, 749, 750, 785
 Рим 13, 121, 157, 270, 280, 347, 369, 371, 373, 382, 383, 396, 397, 398, 404, 405, 414, 423, 425, 427–430, 447, 470–478, 485, 493–501, 503, 521, 534, 535, 541–544, 562, 564, 567–569, 572, 573, 574, 575–639, 642, 646–647, 648, 649, 651, 652–654, 656–659, 661–663, 665–667, 670, 671, 672, 673–681, 684–697, 700, 701, 703, 708, 711, 717, 718, 726, 731, 733–741, 743, 744, 745, 747–751, 753, 760, 761, 778, 782–785, 793–796, 798, 799, 802
 Родос, о-в 215, 407, 435, 454, 583, 696, 703, 707
 Рона, р. 5, 424 562, 600, 716, 749
 Румыния 724, 742

 Саба 280, 649
 Сава, р. 718, 748
 Саис 261, 263, 265–267
 Саккара 129, 527
 Саламин, о-в 459, 267, 326, 460
 Салмидес 725
 Салон 673
 Самария 275, 294, 273
 Самарканд 517, 650
 Самос, о-в 408, 465
 Самуха 189
 Санторин, о-в, см. Фера 216
 Санчи 342
 Сардиния, о-в 131, 271, 413, 578
 Сарды 301, 321, 325
 Сарматия 552
 Саронический зал. 410
 Сахара 62, 63, 100, 103, 198
 Сварткранс, пещера 22–23

 Себеннит (Севеннит) 102, 269
 Северная Азия 37
 Северная Африка 682
 Северная Италия 411, 737, 665, 718–719, 723, 784
 Северное Причерноморье 318, 435–437, 452, 553, 557, 571, 572, 727–729, 738, 739, 743
 Севтополь 563
 Селевкидская держава (гос-во Селевкидов) 522, 527, 534, 536, 538–541, 795
 Селевкия-на-Тигре 536, 547, 657
 Селевкия-на-Эвлае 537
 Селевкия Приморская 537
 Селевкия-в-Пиерии 530, 533
 Сена, р. 533, 657, 716, 717
 Сент-Ашель 35
 Сибарис 413, 435
 Сибирь 37, 179
 Сива, оазис 100, 269, 527
 Сидон 203, 204, 272, 287, 298, 309, 397, 398
 Сикания, см. Сицилия
 Сикион 217, 485
 Синай 100, 102, 118, 122
 Синд 339, 137
 Синдика 552
 Синопа 435, 467, 570
 Сиппар 91, 254, 287, 294, 285, 315, 316
 Сиракузы 413, 434, 435, 437, 579, 783
 Сирия 54, 57, 64, 66, 67, 72, 78–80, 87, 94, 95, 102, 115, 118, 127, 128, 184, 187, 191, 192, 195–202, 204, 205, 226, 227, 262, 264, 265, 269, 271, 272, 275, 279, 281, 282, 285, 287, 288, 290, 291, 293, 294, 298, 301, 305, 309, 321, 327, 405, 434, 511, 524, 528, 530, 536, 540–542, 583, 585, 639, 652, 657, 659, 661–663, 666, 719, 778, 790, 800
 Сирмия 752
 Сицилия, о-в 203, 204, 216, 220, 413, 435, 437, 438, 452, 453, 464, 578, 579, 585, 593, 598, 665, 703, 758, 784
 Скирос, о-в 452, 740
 Скифия 552, 553, 555–560, 730, 739, 788, 727–729, 795
 Смирна 408
 Согдиана 321, 515, 523, 650
 Соло, р. 27, 29
 Солоха, курган 729
 Соррент 423
 Спарта 267, 268, 321, 326, 408, 410, 419, 434, 435, 448, 449, 454, 458, 460–469, 507, 529, 543, 584, 696, 784, 793
 Спина 130, 174, 176, 180, 181, 235, 325, 351, 371, 380, 497, 569, 423, 662, 423

- Средиземное море 64, 72, 79, 85, 99, 282, 294, 405, 410, 411, 527, 594, 649, 650, 749, 761, 703
- Стамбул; см. также Византий, Константинополь 435, 725
- Стеркфонтейн, пещера 22
- Стримон, р. 560
- Суассон 753
- Субарту 73, 85, 87, 282
- Судан 99–100, 791–792
- Сузиана 87, 317, 399, 541
- Сузы 73, 90, 94, 267, 300, 301, 317, 326, 328–330, 332, 514, 518
- Сун, царство 164
- Суркотада 137
- Суцидава 741
- Схул, пещера 26
- Сырдарья, р.; см. также Яксарт 395, 515
- Сычуань 366
- Сяньян 361, 363
- Сяотунь, дер. 158, 160
- Таджикистан 649, 653
- Тайху, оз. 155, 157
- Таксил 335, 339, 517
- Танзания 20–22, 35
- Танис 132, 256–257, 259, 260, 769
- Тар, пустыня 338
- Тарент 413, 435, 478, 575, 579
- Тарквинии 421, 430, 470, 494, 499, 495
- Тарракона 739
- Тарсус 184
- Тауи (Египет) 99
- Тевтобургский лес 735–736, 785
- Тиана 665–666
- Тигр, р. 56, 63, 67, 68, 72, 73, 95, 107, 200, 224, 225, 227, 229, 242, 281, 282, 284, 285, 287, 288, 292, 297, 306, 512, 536, 547, 649, 657, 754
- Тила 552, 561, 784
- Тилисс 209
- Тин (Тинис) 104, 105, 107
- Тир 199, 203–205, 225, 271, 275, 297, 306, 309, 450, 511, 686
- Тириф 218, 220, 410
- Тирренское море 411, 423
- Тиса, р. 743, 738, 752
- Тихий океан 150, 789
- Толоза (Тулуза) 750
- Томы (Констанца) 601, 725
- Трансальпинская Галлия 595
- Трансильвания 566
- Трансмориск 741
- Трапезунт 740
- Трезена 459
- Трипарадиз 524, 528
- Трир 397, 673, 761
- Троя 184, 220, 423, 427, 476, 483, 740, 790
- Туз, оз. 80
- Туркана, оз. 22–23, 26
- Туркмения (Туркменистан) 78, 138, 649
- Тяньшань, г. 150
- У, царство 371, 384–386
- Угарит 130, 202, 203
- Уджаин 335, 338
- Узбекистан 649
- У-н 159, 781
- Умбрия 575, 591, 718
- Умма 77, 79, 771
- Ур 77–79, 80, 82, 83–85, 87, 89, 199–200, 224, 226, 252, 281, 294, 771, 787
- Урарту 273, 291–293, 295, 301, 303, 319, 320
- Урмия, оз. 67
- Урук 64, 68, 69, 71–74, 77–79, 243, 247, 248, 303, 308, 312, 315, 316, 771, 772
- Утика 271, 204
- Файюм (Фаюм) 99, 104, 111, 113–115, 256, 260
- Фанагория 436, 571, 572
- Фарафра, оазис 100, 260
- Фарнакия 569, 570
- Фарсал 596
- Фасис 435, 740
- Фасос, о-в 451, 563, 562
- Фельсина; см. также Болонья 423
- Феодосия 398, 436, 571, 572, 675, 684, 689, 690
- Фера, о-в 215, 216, 431
- Фергана 366, 782
- Фермопилы, ущелье 325, 458, 459, 543, 783
- Фессалия 218, 408, 413, 418, 434, 504, 506, 523, 575, 583, 744
- Фессалоники 673
- Фиваида 131, 533
- Фивы 99, 111, 113, 114, 120, 121, 124, 125, 130–132, 218, 240, 241, 256–258, 260–262, 264, 265, 298, 300, 410, 468, 469, 505, 509, 532, 534
- Филиппополь 598, 627
- Филиппы 564
- Филэ, о-в 268, 532
- Финикия 291, 197, 198, 202, 204, 227, 265, 271, 275, 287, 294, 297–298, 300, 321, 327, 509, 755, 790, 800
- Фокея 408, 435
- Фокида 523, 506
- Фракия 325, 456, 504, 505, 527, 530, 533, 552, 560, 562–565, 567, 570, 661, 688, 718, 740, 744, 745, 747, 778, 783, 785
- Франкское королевство 753

Франция 25, 27, 35–36, 40, 49, 50, 595, 712
Фуцзянь 362, 366
Фэн 163–164

Хабур 200

Хаджилар 52, 63

Хадрамаут 280, 649

Халкедон 435, 680

Халкида 410, 433, 435

Халкидика, п-ов 435, 504, 506

Халпа 200, 226

Хамат на Оронте 273

Хана (Ханейское царство) 89, 90, 93, 227

Ханигальбат; см. также Митанни 90, 93, 226,
227, 231, 272, 283, 284, 775, 776

Ханчжоувань, зал. 154, 374

Хань, царство 150, 152, 161, 171, 358, 361,
363, 364, 366, 368–373, 375, 376, 385,
650, 782

Ханьдань 365

Хао 159, 163

Харали 78

Хараппа 136, 137

Харга, оазис 100, 260, 266, 269

Харран 288, 303, 305, 309, 310, 320, 775

Хартум 99

Хатти, гос. 124, 184–189, 191–194, 203, 225

Хаттуса 184–187, 189, 191, 195

Херонея 439, 508, 506

Херсонес Таврический 438, 556, 559

Херсонес Фракийский, п-ов 560, 725

Химьяритское гос-во 280

Хиос, о-в 408, 451, 511

Хорезм 321, 649

Хризополь 741

Хуайхэ, р. 172, 182, 374, 375

Хуанхэ, р. 150, 152–154, 156–157, 159, 163,
171, 177, 179, 183, 361–362, 367, 371,
375, 382, 383, 782

Хуаньшуй, р. 158

Хунань 362

Хэбэй, пров. 154, 158, 365

Хэйлуцзян, р.; см. также Амур 150

Хэнань, пров. 153–154, 156–158, 163

Цай, царство 164

Цальпа 184, 185

Центральная 21

Цере 421, 494, 497

Цзинь, царство 357, 358, 384, 385, 782

Цзянси 362

Цзянсу, пров. 154, 156

Ци, царство 12, 67, 146, 155, 357, 358, 366,
407, 705

Цизальпинская Галлия 477, 595, 617, 718

Цинхае, пров. 153

Цинь, гос-во 152, 161, 165, 171, 358, 359,
361–364, 374, 382, 782

Цишань, г. 163

Чампа, гос-во 381, 384, 385

Чанцзян, р., см. Янцзы 150, 153

Чанъань 363, 365, 366, 372, 375

Чатал-Хеюк 63

Черное море; см. также Понт Эвксинский
184, 287, 407, 435, 460, 467, 552, 646,
675, 727, 728, 761

Чертомлык, курган 729

Чесованья, стоянка 23

Чехия 718, 719

Чжао, царство 358, 365, 385

Чжецзян, пров. 154, 366

Чжоукоудянь, пещера 152

Чжуцзян, р. 150

Чжэнчжоу 157

Чу, царство 130, 164, 183, 265, 293, 310, 357–
360, 362–363, 374, 378, 561, 625, 782

Чэнду 366, 371

Чэнь, царство 364, 782

Шан, гос-во 152, 155, 158–164, 166, 168, 183,
358, 359, 361, 362, 367, 781, 782

Шандун, п-ов 172

Шанхай 155

Шаньдун, пров. 154, 156, 158, 172, 175, 179,
182

Шаньси 152

Шрикшетра, гос-во 381, 382, 387, 388

Шри-Ланка 392

Шу, царство 64–65, 73, 89–90, 158, 164, 168,
233, 361–362, 366–367, 371, 374, 378

Шубат-Эллиль 84, 282

Шумер 12, 68, 69, 74, 76–83, 90, 98, 104, 185,
199, 242–246, 285, 754, 757, 771, 787

Эбла 64, 78, 79, 185, 199, 225

Эвбея, о-в 408, 410, 433, 456, 458–459

Эгейское море 207, 209, 215, 220, 326, 405,
407, 408, 415, 431, 435, 461, 510, 523,
541, 543

Эдфу 113, 260, 269, 532, 534

Экбатаны 319, 320, 329, 331–332, 515–516

Элам 78–80, 82, 87, 93, 96–98, 124, 224–
228, 231, 253, 282, 294, 297, 300–306,
312, 317, 319, 320, 322, 327, 330, 334,
801

Элефантина 99, 260

Элида 461, 454

Эллада 219, 408, 410, 417, 418, 420, 431, 439,
441, 449–451, 453, 454, 461, 464, 467–469,
479, 481, 491–492, 504, 506, 509, 521, 522,
523, 541–544, 546, 582, 592, 794

Элтек 262

- Эльба, р. 742, 731, 734, 736
 эль-Убейд 69
 Энос 560
 Эолида 408
 Эпидамн 723
 Эпир 506, 508, 544, 575, 583, 724, 747
 Эреду 69, 72, 77, 771
 Эретрия 410, 433, 434, 456, 458
 Эрлитоу 156, 157, 161
 Эск 741
 Эсквилин, холм 425
 Этрурия 411, 412, 414, 421–423, 425, 470, 471, 474, 477, 493–495, 591, 717, 745
 Эфес 325, 408, 508, 680, 740
 Эфиопия 20, 21, 23, 24, 35, 99, 266, 299
 Эфиопское нагорье 198
 Эшнунна 84, 85, 87, 282
Юго-Восточная Азия 153, 157, 161, 169, 171–172, 175, 181, 183, 345, 363, 374, 381, 390, 789, 792–793, 800
Южная Азия 133, 135, 136, 138–140, 171, 179, 346, 350, 356
Южная Африка 21–23
Южная Европа 27, 57
Южная Италия 203, 216, 412–413, 423, 434, 478, 758, 748
Южное причерноморье 435
Южный Буг, р. 555, 728–729
Юньнань 152, 366, 374, 376, 378
Юэ, царство 156, 182, 362, 374
Язылыкай 193
Яксарт, р.; см. также Сырдарья 321, 515
Ямхад 200, 224, 226, 282
Янди 365
Янцзы, р. 150, 152–157, 159, 164, 171, 172, 176–177, 179, 182, 183, 361, 362, 371, 374, 375, 377–379, 781, 793
Яншао 152–154
Янь, царство 358
Япония 366, 161, 169, 366, 373

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ХХІ ВЕКА

<i>А.О. Чубарьян</i>	5
Введение к первому тому	
<i>В.И. Уколова</i>	11

ПРЕИСТОРИЯ

Преистория: общая характеристика и периодизация	
<i>Х.А. Амирханов</i>	15

РАННЯЯ ДРЕВНОСТЬ (III–II тысячелетия до н.э.)

Этнокультурные процессы и формирование ранних цивилизаций Ближнего Востока	
<i>Л.С. Баюн</i>	62

ЦИВИЛИЗАЦИИ ДОЛИН ВЕЛИКИХ РЕК: ОТ ПРОТОГОСУДАРСТВА К ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ ЦАРСТВУ

Месопотамия	
<i>А.А. Немировский</i>	68
Древний Египет (IV–II тысячелетия до н.э.)	
<i>В.А. Головина</i>	99
Индия: ранняя древность	
<i>К.Д. Никольская</i>	133
Древний Китай (III–II тысячелетия до н.э.)	
<i>С.И. Кучера, при участии Д.В. Деопика и М.Ю. Ульянова</i>	150
Страны Юго-Восточной Азии в ранней древности (IV – первая половина I тысячелетия до н.э.)	
<i>Д.В. Деопик, М.Ю. Ульянов</i>	169

МАЛАЯ АЗИЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: РАННИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Хетты и их современники на древнем Ближнем Востоке	
<i>Л.С. Баюн</i>	184
Страны Леванта (Финикия, Сирия, Палестина)	
<i>А.А. Немировский</i>	197

Древнейшие цивилизации Европы: Минойский Крит и Ахейская (Микенская) Греция	
<i>А.А. Молчанов</i>	207
Международные отношения на Древнем Востоке в эпоху ранней древности	
<i>А.А. Немировский</i>	222
Человек, общество, религия на Переднем Востоке ранней древности	
<i>В.А. Головина, А.А. Немировский</i>	232

ПОЗДНЯЯ ДРЕВНОСТЬ

(I тысячелетие до н.э. – середина I тысячелетия н.э.)

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

«Мировые империи» Древнего Востока: опыт создания государственной и социокультурной универсализации	
<i>А.А. Немировский</i>	251
Египет Позднего времени (XI–IV века до н.э.)	
<i>В.А. Головина, И.А. Ладынин</i>	256
Восточное Средиземноморье и сопредельные страны в первой половине I тысячелетия до н.э.	
<i>А.А. Немировский</i>	271
Ассирия	
<i>А.А. Немировский</i>	281
Нововавилонская держава	
<i>М.А. Дандамаев</i>	306
Древний Иран: от Элама до державы Ахеменидов	
<i>М.А. Дандамаев</i>	317
Индия: единство и многообразие развития	
<i>К.Д. Никольская</i>	335
Китай: от полицентризма к империям	
<i>С.И. Кучера, при участии М.Ю. Ульянова</i>	357
Юго-Восточная Азия поздней древности	
<i>Д.В. Деопик, М.Ю. Ульянов</i>	374
Культурные и религиозные процессы на Древнем Востоке в поздней древности	
<i>М.Д. Бухарин, А.А. Немировский</i>	391

АНТИЧНЫЙ МИР

Ареал распространения, периодизация и материальная основа античной цивилизации	
<i>В.И. Уколова, А.И. Немировский</i>	403
«Круг земель» и переселение народов в Средиземноморье (XI–IX века до н.э.)	
<i>И.Е. Суриков, О.В. Сидорович</i>	407
Становление полисов в Балканской Греции и в Италии (VIII–VI века до н.э.)	
<i>Л.П. Маринovich, О.В. Сидорович</i>	415
	821

Великая греческая колонизация <i>И.Е. Суриков</i>	431
Классическая Греция <i>Л.П. Маринович</i>	439
Древний Рим: время перемен (VI–IV века до н.э.) <i>О.В. Сидорович</i>	470
Человек, духовная и материальная культура мира полисов <i>Л.П. Маринович, О.В. Сидорович</i>	479
Завоевания и держава Александра Македонского <i>Л.П. Маринович</i>	504
Эллинизм <i>Г.А. Кошеленко, И.А. Ладынин</i>	521
«Малые» государства Причерноморья в эпоху эллинизма и ранней Римской империи <i>С.Ю. Сапрыкин</i>	552
Возвышение Рима (III–II века до н.э.) <i>О.В. Сидорович</i>	575
Рим на пути к мировой державе <i>О.В. Сидорович</i>	585
Рим: эпоха принципата <i>А.Л. Смышляев</i>	603
Возникновение христианства <i>В.И. Уколова</i>	640
Образование единой цепи цивилизаций <i>Г.А. Кошеленко</i>	649
Кризис Римской империи III века <i>В.И. Уколова</i>	656
Поздняя Римская империя <i>В.И. Уколова</i>	669
Римское право <i>Л.Л. Кофанов</i>	695
ВАРВАРСКИЙ МИР	
Народы древней Европы <i>В.П. Буданова</i>	713
Варвары и римская цивилизация <i>В.П. Буданова</i>	733
ЗАКЛЮЧЕНИЕ <i>В.И. Уколова</i>	754
ПРИЛОЖЕНИЯ	
ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ	763
ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	786
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	800
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	809

Научное издание

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

в шести томах

Том 1

ДРЕВНИЙ МИР

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.Н. Токмаков*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Ю.И. Духовская*

Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,
Е.А. Желнова, Т.А. Печко, Е.А. Сысоева*

Подписано к печати 10.08.2011

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 67,0. + 4,2 вкл. Усл.кр.-отт. 84,9. Уч.-изд.л. 65,8

Тираж 1000 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 3904

Издательство «Наука»

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП «Типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-036726-5

9 785020 367265

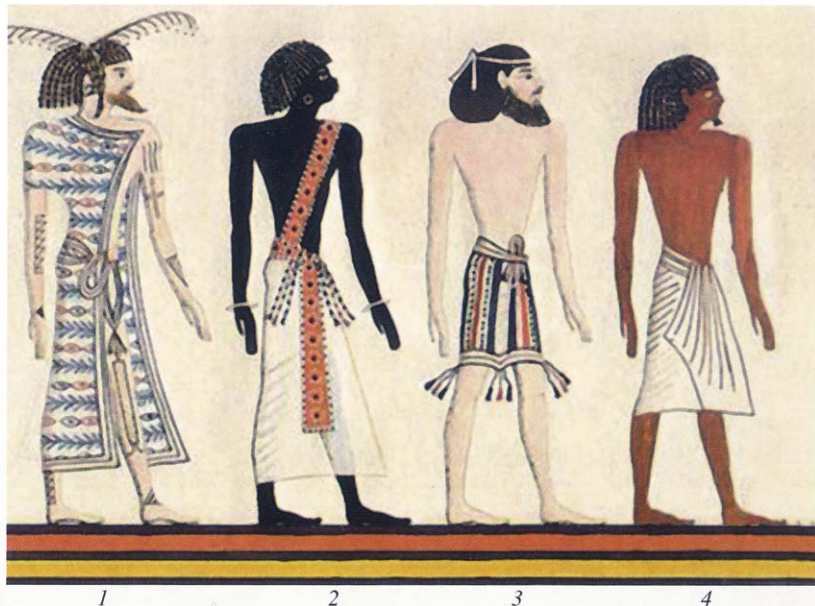
Образцы скульптуры малых форм эпохи верхнего палеолита: женские статуэтки (1–5) и фигурки бизона (6) и лошади (7) из бивня мамонта (1, 3, 5–7) и камня (2, 4). Стоянки: 1 – Брасемпуи (Франция); 2 – Виллендорф (Австрия); 3 – Елисеевичи (Украина); 4 – Костенки-1 (Россия); 5 – Мальта (Россия); 6 – Зарайская (Россия); 7 – Лез Эспелюг (Франция)

Животные в вернепалеолитической живописи:
1, 4 – пещера Ляско; 2, 3 – пещера Нио (Франция)

Сцена охоты на наскальном изображении мезолитической эпохи (Испания)

Египтяне (4) и их соседи: ливийцы (1), нубийцы (2), азиаты (3). Фрагмент виньетки к «Книге Врат». Росписи из гробницы Сети I. Долина царей. Новое царство. XIX династия. Копия 1820 г.

Палетка Нармера. Лицевая и оборотная стороны. Гераклеополь. Ок. 3000 г. до н.э. Каир, Египетский музей

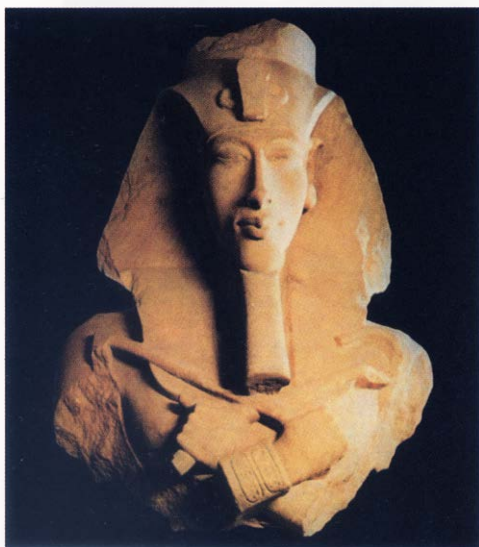
Головной убор
шумерской царицы.
Середина
III тысячелетия до н.э.

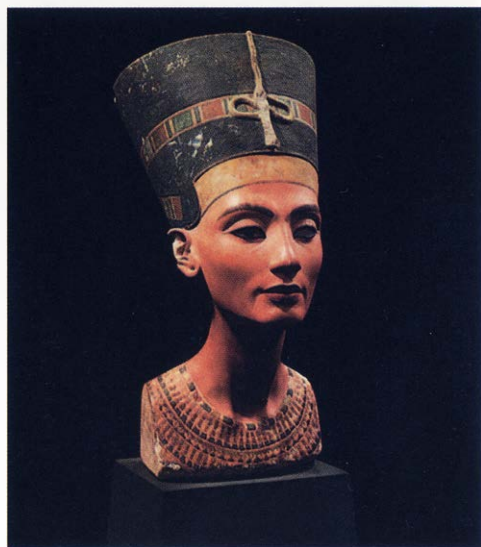
Шлем Мескаламдуга,
царя Ура. Середина III
тысячелетия до н.э.
Багдад, Иракский музей

Знатный египтянин в кругу семьи. Фрагмент росписи гробницы Ихерха. Деир-эль-Медина. Новое царство. XX династия. XIII в. до н.э.

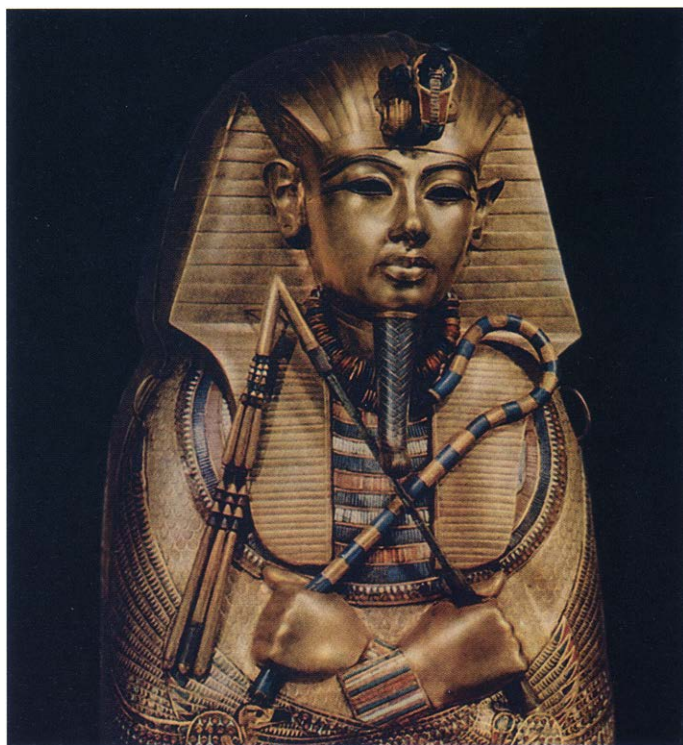

Фараон Аменхотеп IV (Эхнатон). Фрагмент 4-метрового колосса. Песчаник. Карнак, храм Атона. Новое царство. XVIII династия. XIV в. до н.э. Каир, Египетский музей

Царица Нефертити, супруга Эхнатона. Раскрашенный известняк. XVIII династия. Ахетатон. Берлин, Египетский музей

Музыкантши на пиру.
Роспись в гробнице
Нахта. Фивы.
XVIII династия

Третий сакрофаг фараона
Тутанхамона. Золото, ин-
крустация. XVIII динас-
тия. XIV в. до н.э. Каир,
Египетский музей

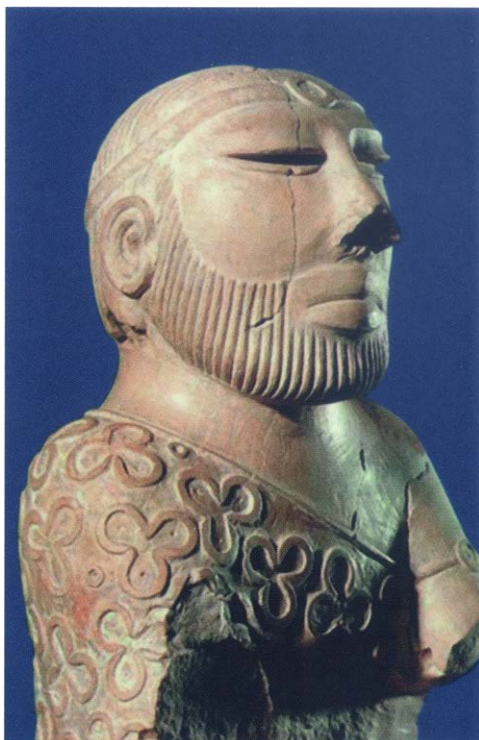

Жители Сирии–Палестины. Фрагмент росписи гробницы вельможи Хнумхотепа III. Бени Хасан. Среднее царство. XII династия

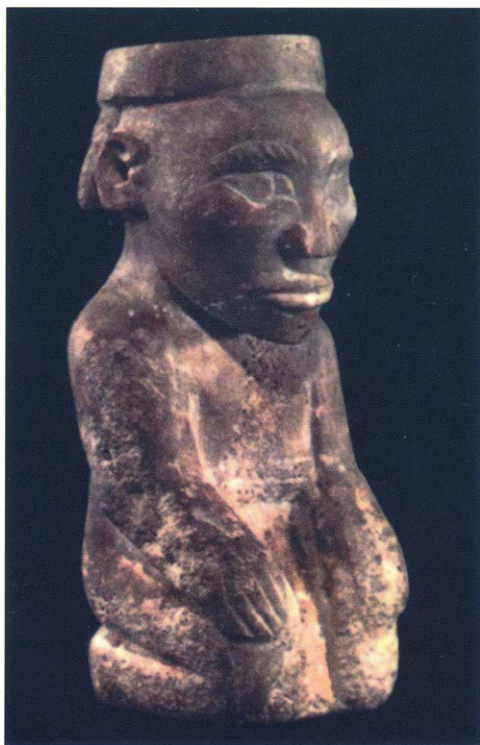
Бог Хор, сын Исиды, уводит царицу Нефертари, супругу Рамсеса II, в загробный мир. Фрагмент росписи гробницы царицы. Фивы. Долина царей. XIX династия. XIII в. до н.э.

«Царь-жрец». Мохенджо-Даро. Стеатит.
Конец III тысячелетия до н.э.

Образец малой пластики эпохи Шан: фигурка из камня

Ритуальный кубок в виде совы. Бронза. Погребение верховной жрицы (?). Сяоминьтунь (р-н Аньяна). Эпоха Шан. Вторая половина II тысячелетия до н.э.

Навершие посоха из царской гробницы. Бронза, серебро. Аладжа-хеюк (Малая Азия). Ок. 2300 г. до н.э. Анкара, Археологический музей

Статуя Идрими, царя Алаха (Сирия) с клинописной «автобиографией». XV в. до н.э. Лондон, Британский музей

Блюдо со сценой охоты. Золото. Угарит. XIV в. до н.э. Лондон, Британский музей

«Игра с быком». Фреска из Кносского дворца. Ок. XVI в. до н.э.

«Богиня со змеями» из святилища Кносского дворца. Фаянс. Начало XVI в. до н.э. Гераклион, Музей

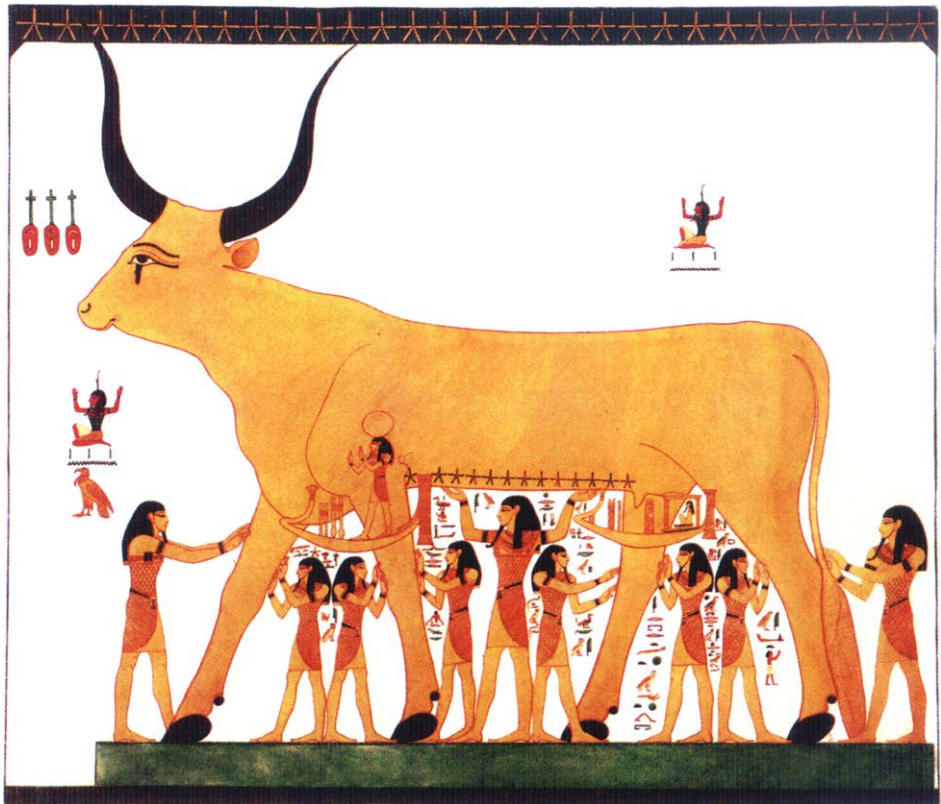
Золотая погребальная маска («маска Агамемнона»). Гробница V могильного круга А в Микенах. Вторая половина XVI в. до н.э. Афины, Национальный музей

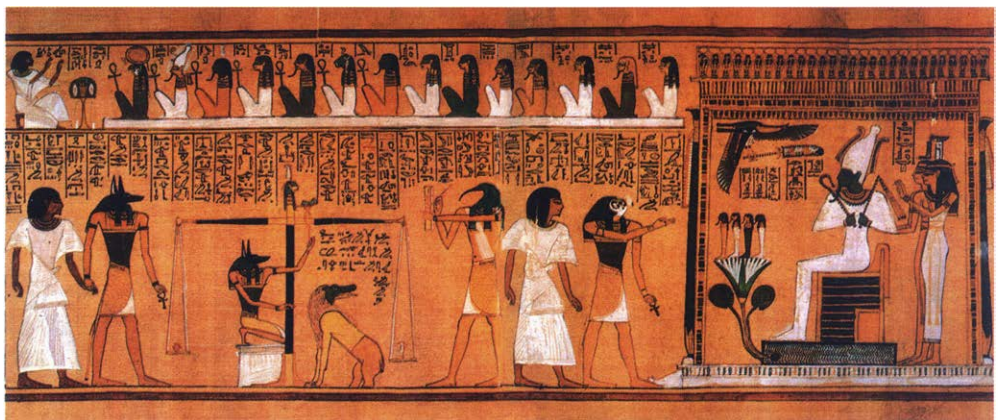
Тутанхамон, преследующий азиатское войско. Изображение на крышке деревянного ларца. Новое царство. Середина XIV в. до н.э. Каир, Египетский музей

Плененные «враги Египта». Фаянсовые плакетки. Дворец Рамсеса III в Мединет Абу. XX династия.
Каир, Египетский музей

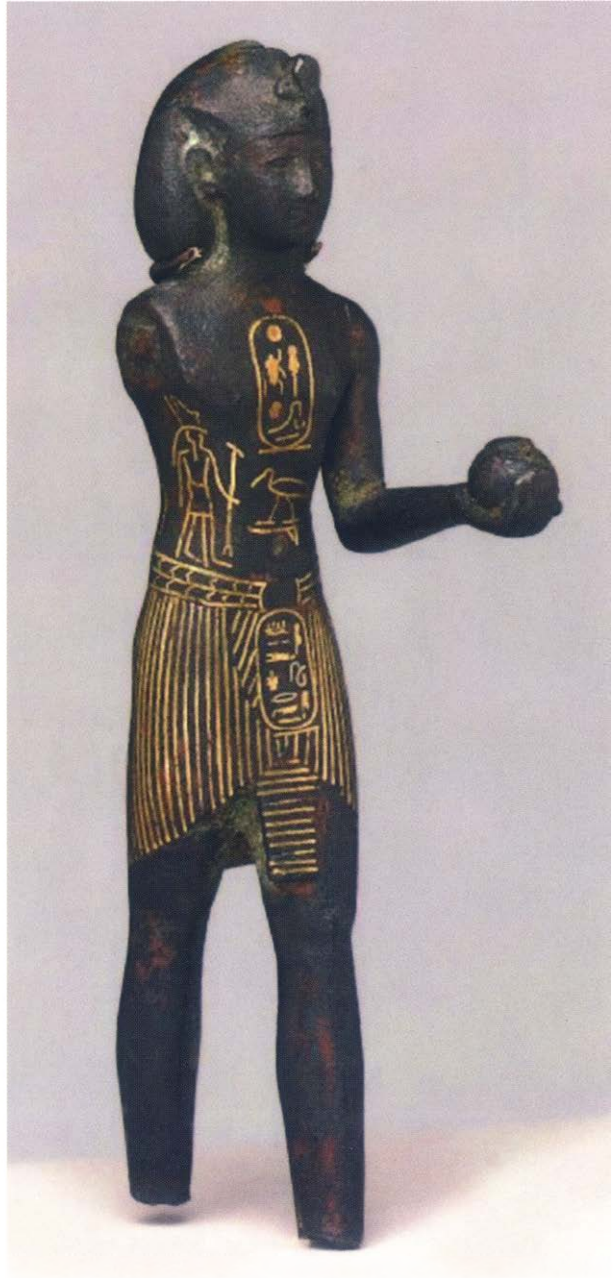
Одна из мифологических моделей мироздания. Роспись из гробницы Сети I. Долина царей. Новое царство. XIX династия. XIII в. до н.э.

Суд Осириса. Сцена «взвешивания сердца» усопшего. Виньетка к главе 125 «Книги мертвых». Папирус Хунефера. Новое царство. XIX династия

Мумия кошки. II—I вв. до н.э.
Лондон, Британский музей

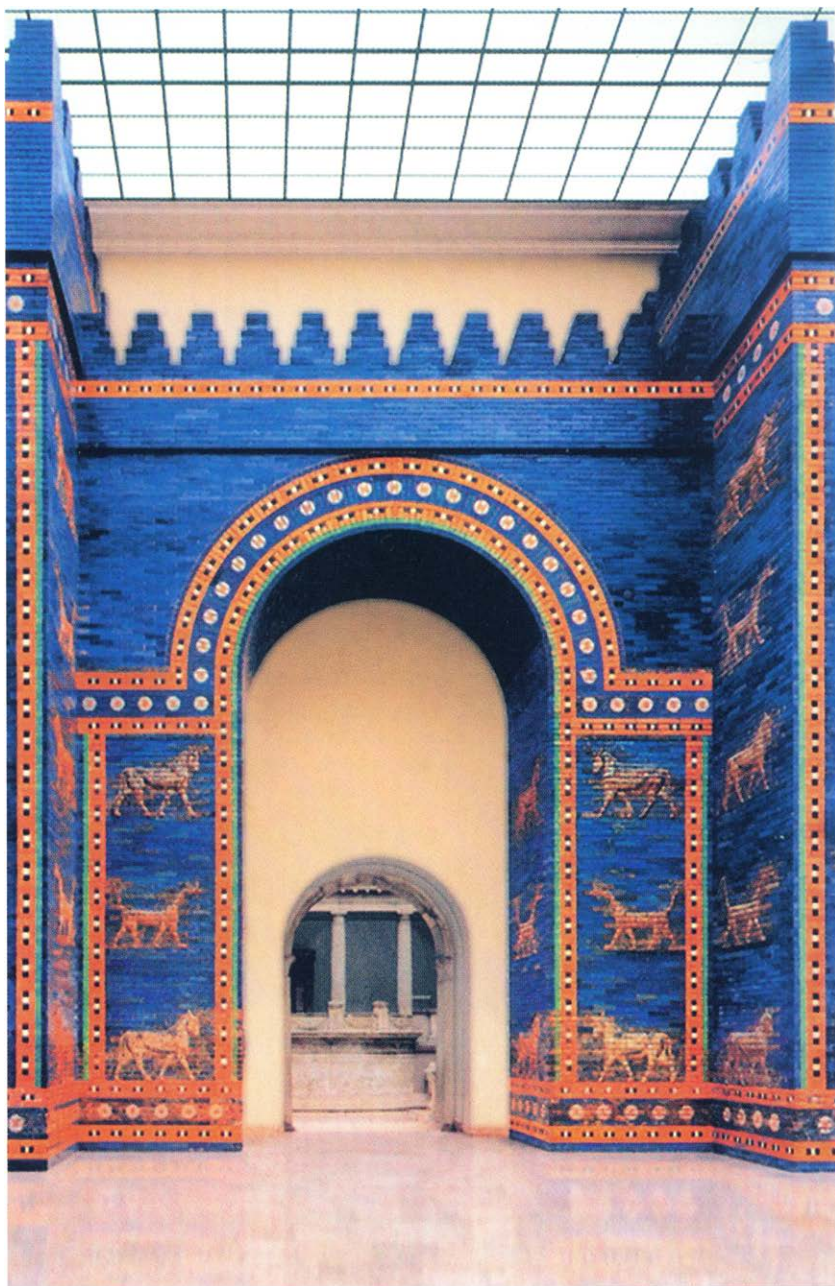
Фараон Осоркон I. XXI
(ливийская) династия.
Бронза, золото. X в. до н.э.
Бруклинский музей

Ассирийские сановники. Фрески из дворца ассирийского наместника в Тиль-Барсибе. VIII в. до н.э. Халеб, Музей

Крылатый «гений». Рельеф. Алабастр. Новоассирийский период. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж

Ворота богини Иштар из Вавилона. VI в. до н.э. Берлин. *Реконструкция*

Лучники Дария I. Фрагмент фриза дворца в Сузах. V в. до н.э. Париж, Лувр

«Дарик» — ахеменидская
золотая монета
(диаметр 19 мм; увеличено)

Статуя сидящего Будды. Сарнатх.
Гуптский период. IV–V вв. н.э.
Сарнахт, музей

Ступа в Санчи. Ворота. II–I вв. до н.э.

Император Цинь Ши-хуанди. Средневековый рисунок

«Глиняная армия»
из гробницы Цинь
Ши-хуанди

Конфуций.
Средневековый рисунок

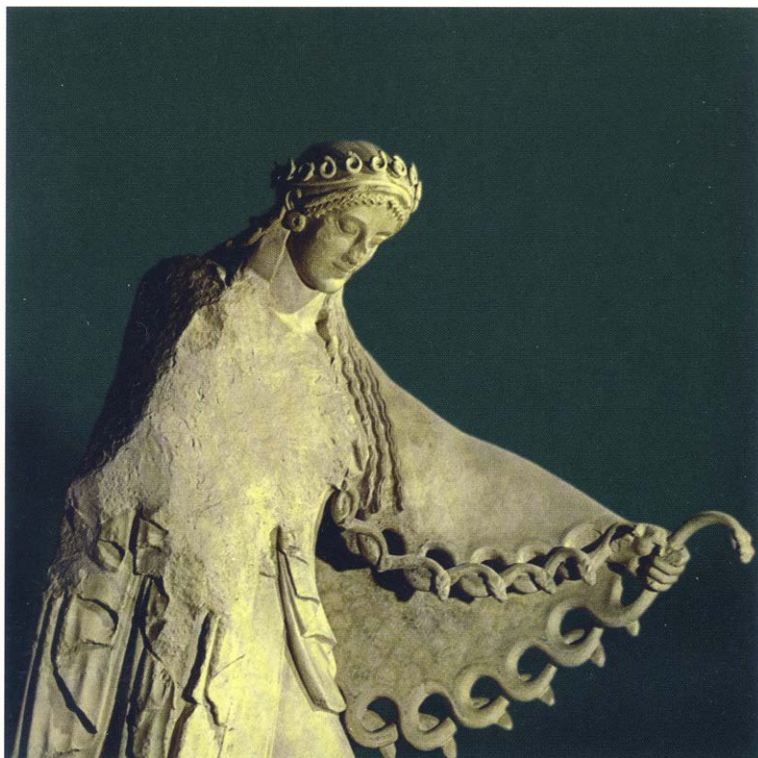
Лю Бан (император Гао-цзу).
Средневековый рисунок

Хижина из тростника, обмазанного глиной. Период Вилланова. Реконструкция

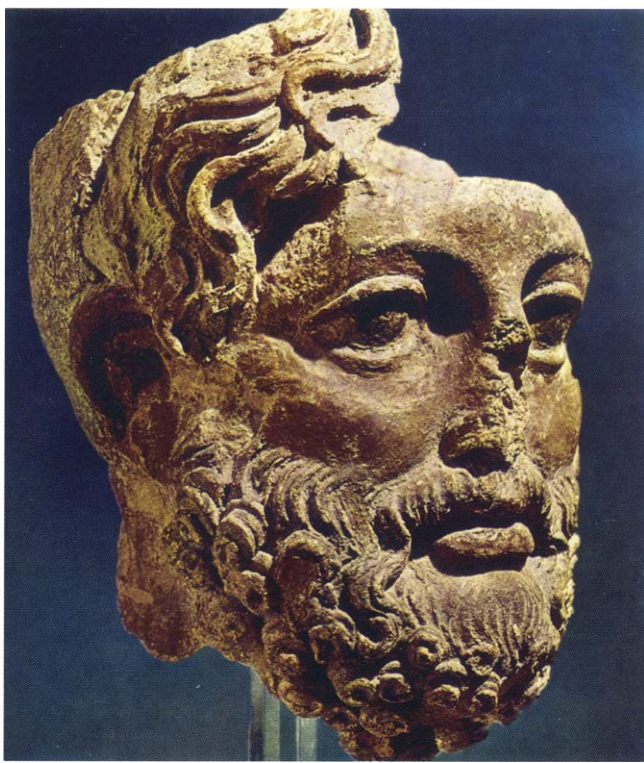
Древнегреческая вотивная таблетка. Ок. 540 г. до н.э.

Афина. Мрамор. Ок. 525 г. до н.э. Афинский акрополь

Греческий храм в Селинунте. VI в. до н.э. Сицилия

Голова Юпитера. Конец IV в. до н.э. Италия

Пирующий. Деталь росписи этрусской «Могилы львиц». Ок. 520 г. до н.э. Италия

Тираноборцы. Римская копия с древнегреческого оригинала V в. до н.э.

Акрополь. Афины. Современный вид

Колесница и гоплиты. Древнегреческий рельеф. Ок. 500 г. до н.э.

Участники процессии. Парфенон. 447–438 гг. до н.э. Рельеф фриза

Возничий. Бронза. Ок. 470 г. до н.э. Дельфы.
Археологический музей

Парфенон. 447–438 гг. до н.э. Афины. Современный вид

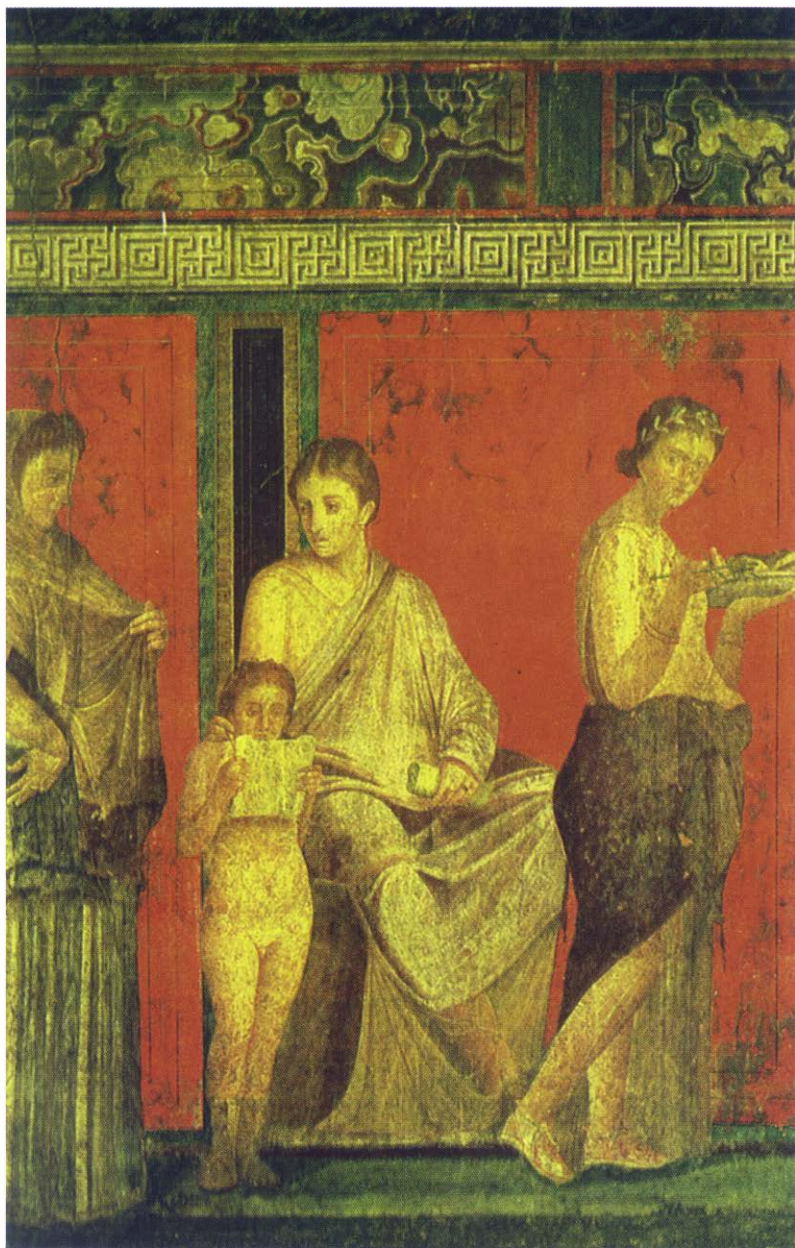
Эрехтейон. Кору. 421–405 гг. до н.э. Афинский акрополь

Пракситель. Гермес с Дионисом. Мрамор. Ок. 330 г. до н.э.

Жрецы-гадатели. Роспись могилы авгуров. Этрурия. Последняя четверть VI в. до н.э.

Читающий Амур. Фреска Виллы Мистерий. I в. н.э. Помпеи

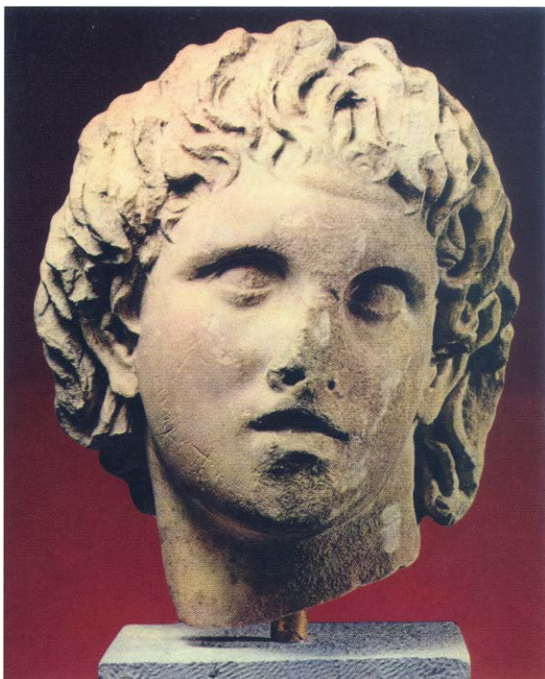

Римская дорога. Кумы

Квадрига. Мозаика. Фрагмент. Ок. 300 г. до н.э. Пелла

Голова Александра. Мрамор.
Конец IV в. до н.э.

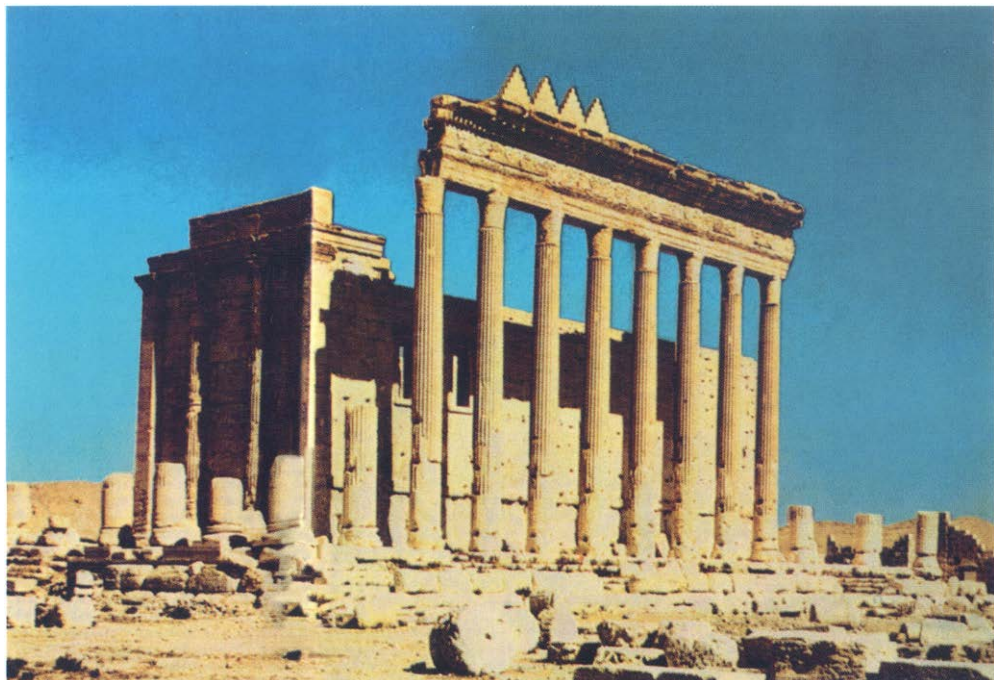
Серapis. Мрамор. Римская копия
с эллинистического оригинала
IV в. до н.э.

Две женщины. Танагрская статуэтка. Терракота. Ок. 300 г. до н.э.
Лондон, Британский музей

Камень Гонзага. Сардоникс. III в. до н.э.
Санкт-Петербург. Эрмитаж

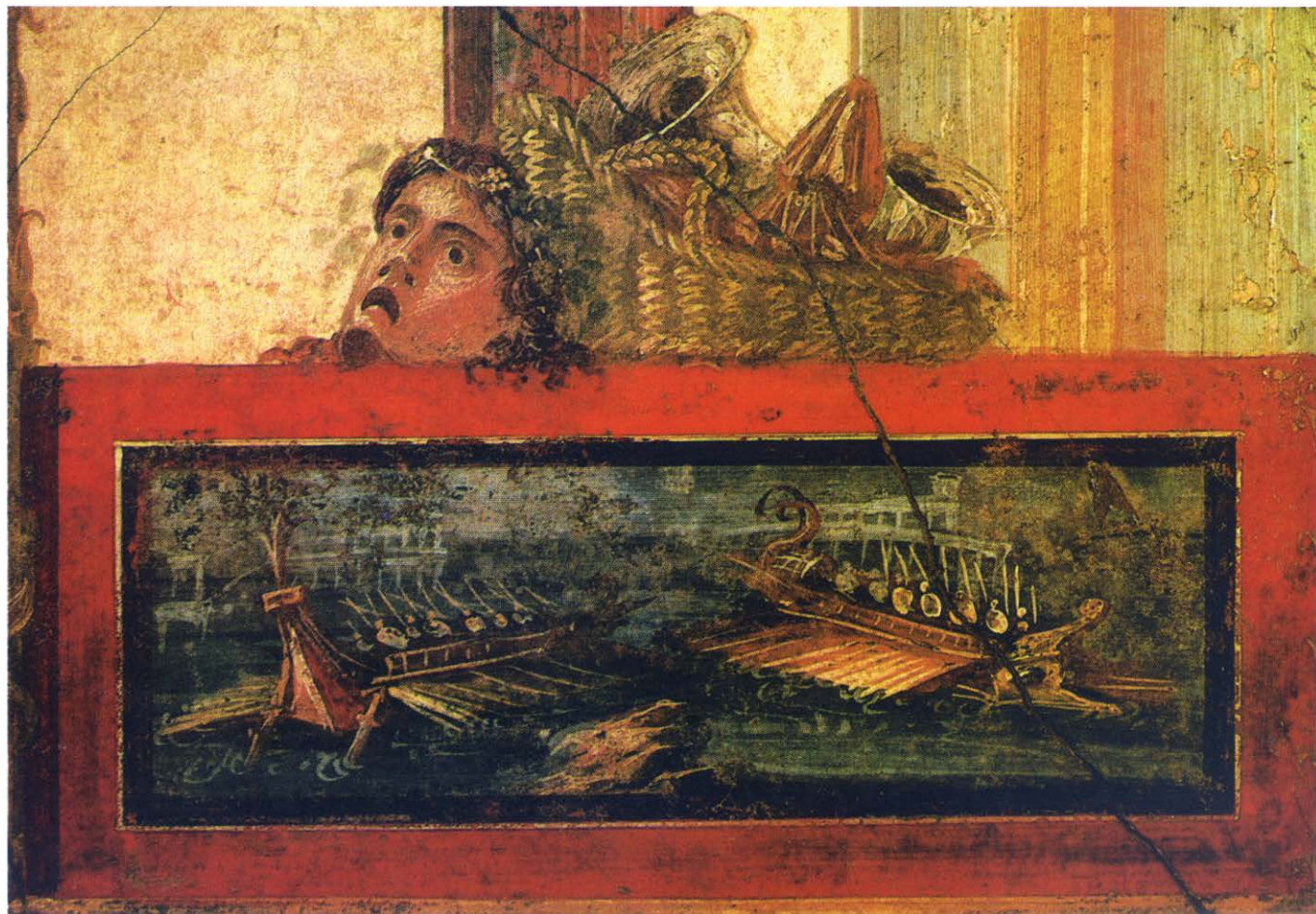
Храм Бела в Пальмире I в.

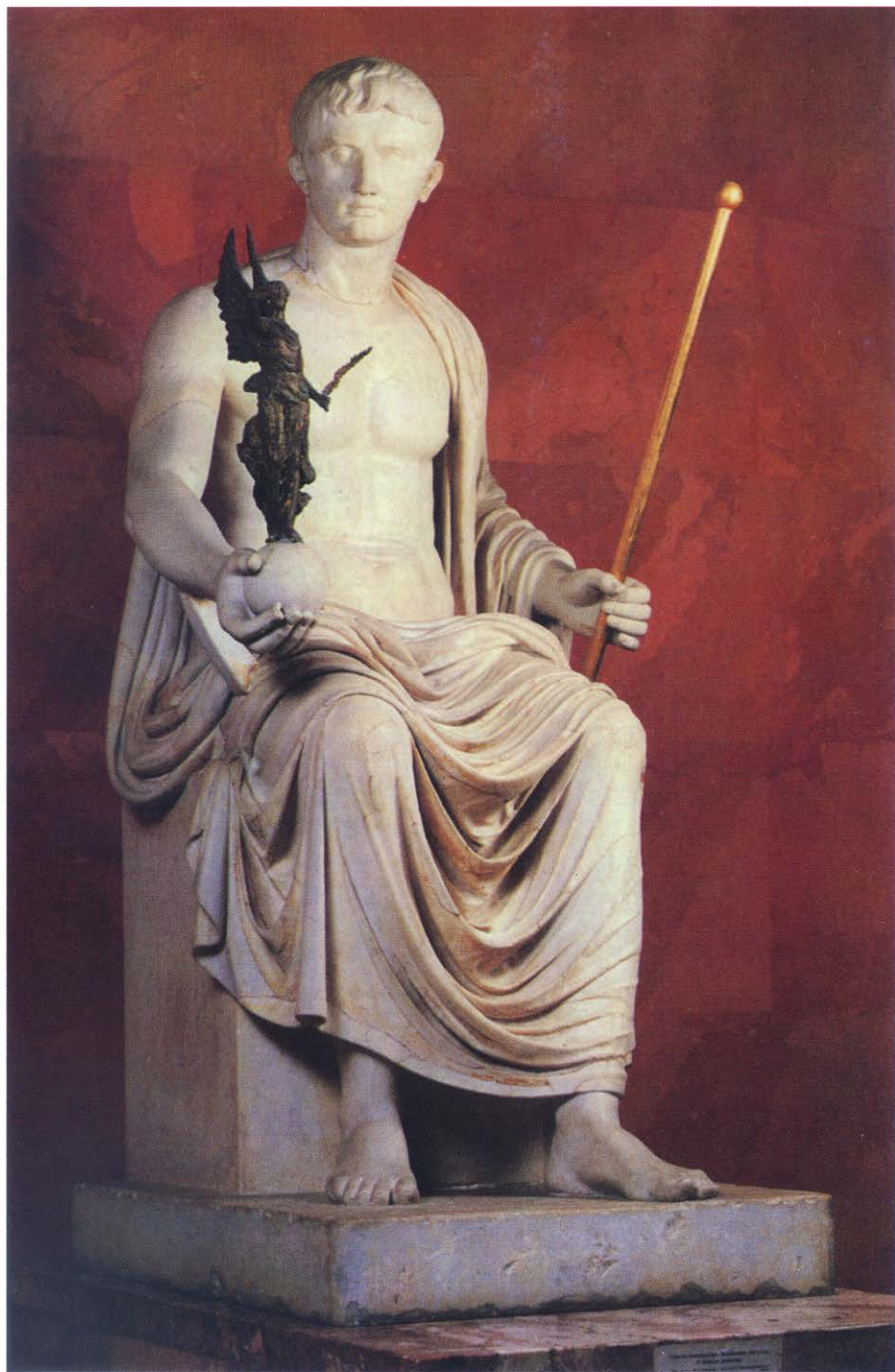
Скифский гребень. V в. до н.э.
Гос. Эрмитаж

Римский форум. Современный вид

Сцена морского сражения. Фреска из дома Веттиев. I в. н.э. Помпеи

Октавиан Август. Мрамор. Рим. Первая четверть I в. н.э. Гос. Эрмитаж

Марк Аврелий и Луций Вер.
Каменя II в. до н.э.

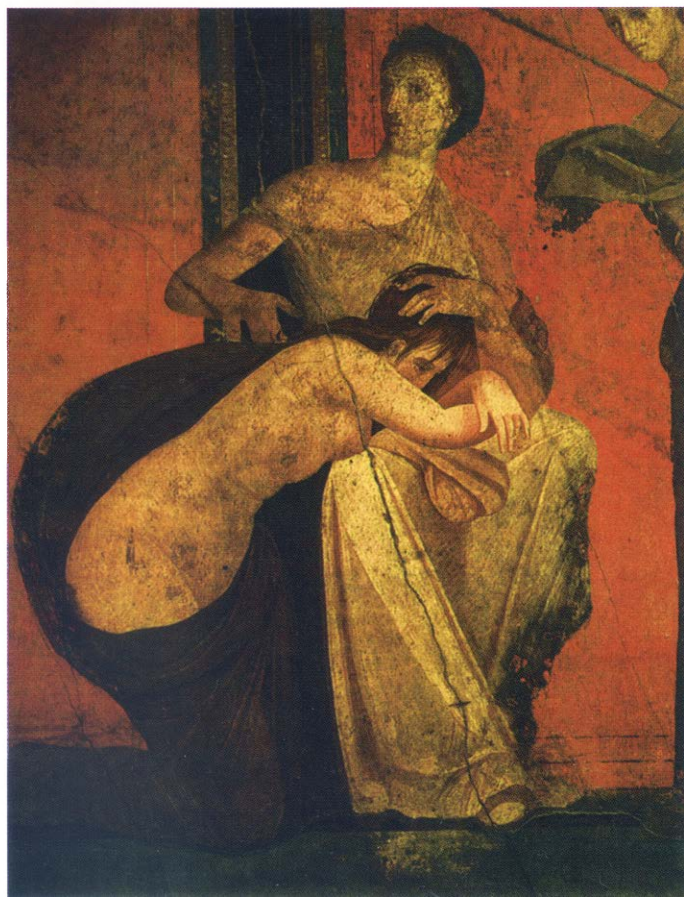

Вилла Адриана. Морской театр.
II в. н.э. Современный вид

Колизей. I в. н.э. Рим.
Современный вид

Фреска Виллы Мистерий.
I в. н.э. Помпеи

Богоматерь с Младенцем.
Римские катакомбы.
III в. н.э.

«Добрый пастырь».
Римские катакомбы.
III в. н.э.

Улица в Пальмире.
I в. н.э.

Порта Нигра, Трир.
Конец II в. н.э.

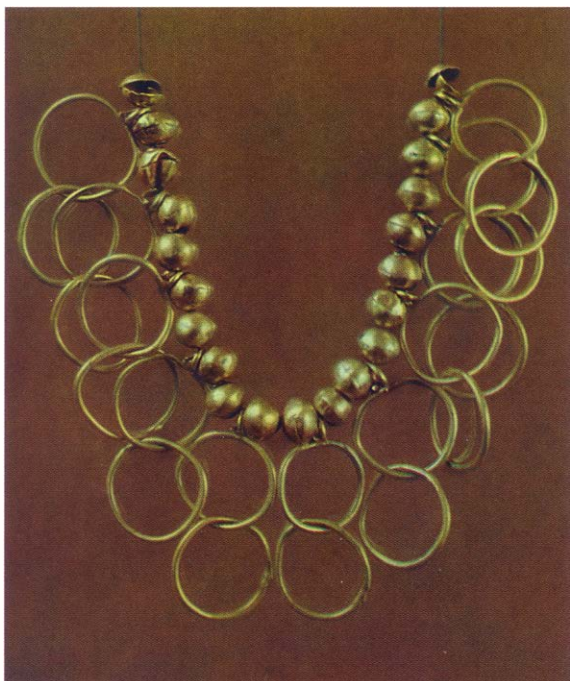
Арка Константина. IV в. н.э. Рим

Матрона со слугами. Мозаика. III в. Сицилия

Магнат. Мозаика. III в. Сицилия

Золотое ожерелье
из скифского женского
погребения. Украина.
IV в. до н.э.

Фрагмент ритона
из Панагюриштского
клада в Летнице.
III в. до н.э.